This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

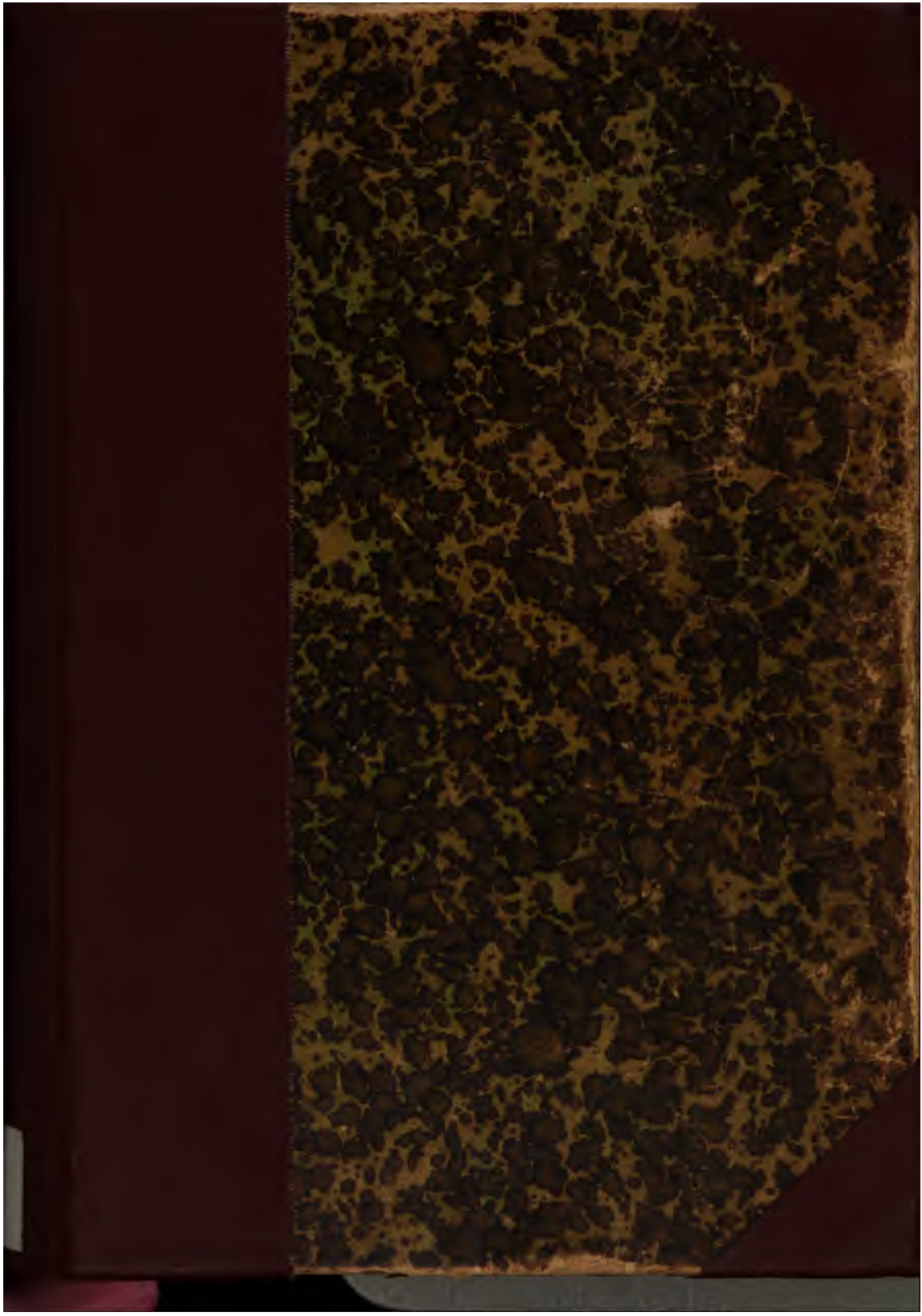
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

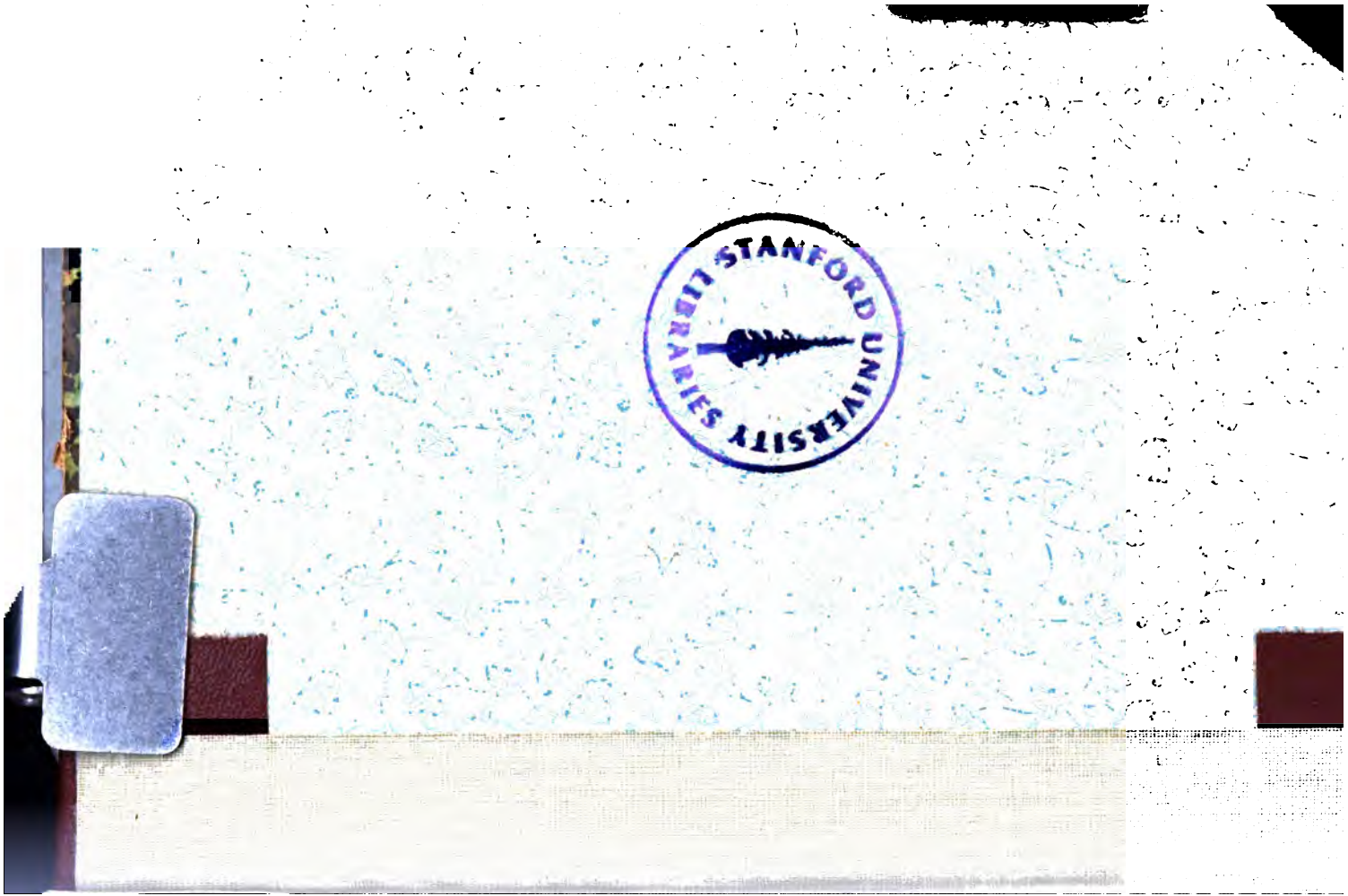
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`




STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Вс. С. СОЛОВЬЕВЪ.

ХРОНИКА ЧЕТЫРЕХЪ ПОКОЛѢНІЙ.

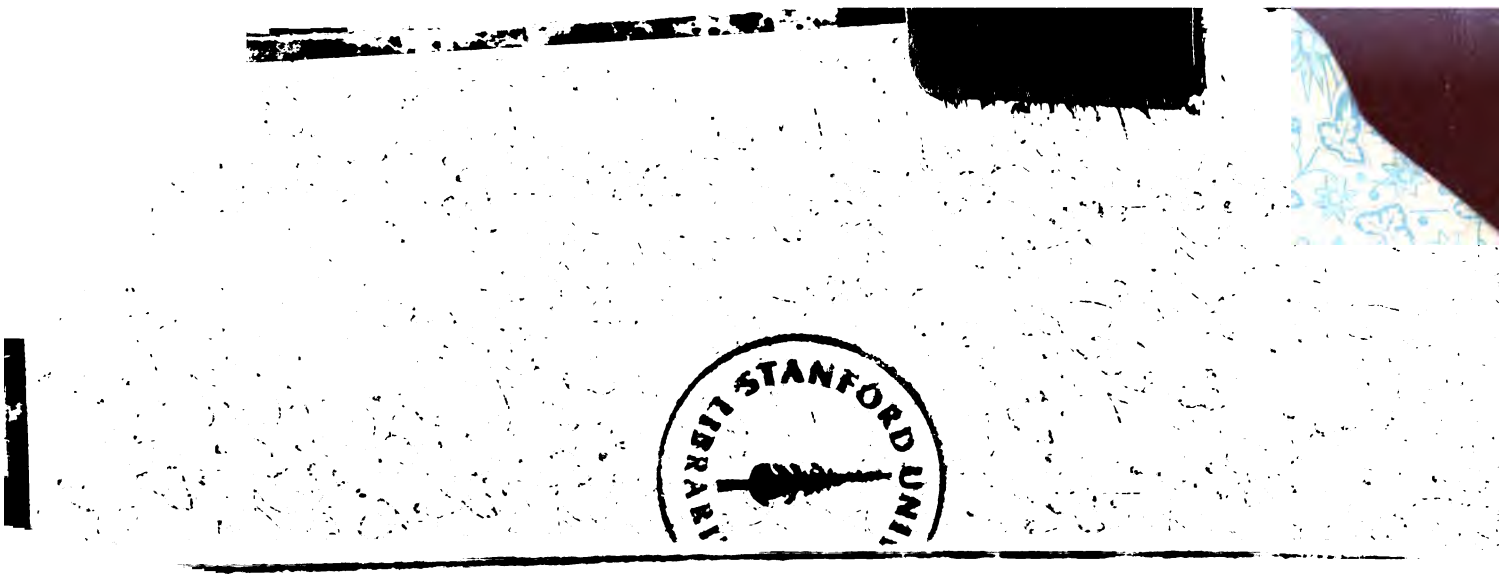
СТАРЫЙ ДОМЪ

РОМАНЪ ДВАДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ XIX ВѢКА

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Продолженіе романовъ «СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ» и «ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ Н. Ѳ. МЕРТЦА.
1903.


STANFORD UNI
LIBRARI

ТАРЫЙ ДОМЪ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Свои.

изъ самыхъ уютныхъ и красивыхъ комнатъ ста-
ргскаго дома Горбатовыхъ, у маленькаго столика,
былъ сервированъ утренній чай, сидѣли хозяева—
ргѣевичъ Горбатовъ и жена его, Екатерина Михай-
нная графиня Чернова. Владиміръ Сергѣевичъ, стат-
ый молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати шести, удобно
ъ низенькомъ мягкомъ креслѣ. Его мундиръ гвардей-
а былъ разстегнутъ, и высочайшій воротникъ, под-
ъ двухъ сторонъ, скрывалъ почти половину его
ко выбритыхъ щекъ, на которыхъ оставалась только
лоска искустно выведеныхъ по модѣ того времени,
ги уха, бакенбардъ. Молодые тонкіе усы были не-
ы и закручены. Блестящіе черные волосы взбиты со
ъ и зачесаны напередъ. Все лицо его, вся высокая,
отря на молодые годы, очень полная фигура, дѣлали
авца-гвардейца, на котораго часто заглядывались
раженіе его темныхъ глазъ уловить было трудно,
ъ, по привычкѣ, очень часто держалъ ихъ полуза-

Михайловна, или Катринъ, какъ называли ее род-
молоденькая женщина, лѣтъ двадцати не больше,
на «прелестную птичку», по мнѣнію петербургскаго
нькая, стройная, съ хорошенькой бѣлокурой го-
кетливо приподнятымъ носикомъ и блѣдными, не-
ми гла[illegible]резвычайно нравилась старикамъ
я ути[illegible], сдѣланный по послѣдней модѣ,
дн[illegible]жать какую угодно женскую

критику. Маленькія узенькія ножки, выглядывавшія изъ-подъ тяжелой, но мягкой шелковой матеріи платья, были обуты въ хорошенькія свѣтлыя парижскія туфельки и заманчиво выдѣлялись на темномъ бархатѣ подкинутой мужемъ къ ея креслу подушки. Катринъ около трехъ лѣтъ была замужемъ. Она уже подарила своему мужу первенца-сына; но несмотря на это, по крайней-мѣрѣ съ перваго раза, имѣла видъ наивной дѣвочки. Однако, по тому какъ относились другъ къ другу, какъ бесѣдовали между собою молодые супруги, можно было замѣтить, что въ нихъ уже не осталось и воспоминанія о счастьѣ медоваго мѣсяца. Когда ихъ взоры встрѣчались, они ничего не передавали другъ другу этими взорами. Катринъ лѣниво прихлебывала чай изъ саксонской чашечки, лѣниво намазывала масло на тоненькіе ломтики хлѣба. Владиміръ Сергѣевичъ по временамъ позѣвывалъ и потягивался.

— Ты отправляешься куда-нибудь, Владиміръ?—спросила Катринъ.

— Конечно, видишь... я въ мундирѣ. Сегодня у меня служба, до обѣда домой не вернусь. А ты что будешь дѣлать?

— Ахъ, Боже мой,—протянула она:—какъ-будто у меня мало дѣла, мало хлопотъ!.. Ты будто забылъ, что у насъ завтра балъ...

— Я не забылъ, но какія-же у тебя хлопоты? Распоряженія всѣ сдѣланы, все устроено, приглашенія разосланы. О чемъ-же еще хлопотать—не понимаю!

Она только пожала плечами, сдѣлала полупрезрительную минку и ничего не отвѣтила. Въ это время въ сосѣдней комнатѣ послышались торопливые шаги, и изъ-за спущенной дверной занавѣси выглянула сіявшая, улыбавшаяся, благообразная фигура молодого лакея. Владиміръ Сергѣевичъ взглянулъ на него и поморщился.

— Это еще что такое, Степанъ?—сурово произнесъ онъ:—безъ звонка, безъ спроса врываться сюда, когда разъ навсегда сказано... Чего тебѣ надо?

— Баринъ пріѣхалъ, баринъ!—торопливо, почти задыхаясь, выговорилъ Степанъ, дрожа отъ волненія и не замѣчая суроваго тона, съ которымъ его встрѣтили.

— Какой баринъ?

— Нашъ баринъ, нашъ, Борисъ Сергѣичъ... идутъ сюда!..

И не успѣли они еще удивиться, какъ въ комнату вбѣжалъ и съ радостнымъ крикомъ: «братъ!» обнялъ Владиміра Сергѣевича молодой человѣкъ, въ которомъ было очень мало съ нимъ братскаго сходства. Борисъ Горбатовъ былъ на годъ старше Владиміра, но казался моложе его. Онъ былъ ниже ростомъ,

худощавъ. Партикулярное, заграничнаго фасона платье прекрасно обрисовывало его стройную фигуру. Густые каштановые волосы были зачесаны назадъ и теперь находились даже въ значительномъ безпорядкѣ. Живые свѣтлые глаза радостно блестѣли. На блѣдной тонкой кожѣ лица вспыхивалъ и тотчасъ-же пропадалъ слабый румянецъ. Все это молодое лицо, съ тонкими, породистыми чертами, съ почти дѣтской, радостной, блуждающей улыбкой, постоянно мѣняло свое выраженіе; оно иногда становилось неотразимо привлекательнымъ. Крѣпко обнявшись и расцѣловавшись съ братомъ, Борисъ Сергѣевичъ поспѣшилъ къ невѣсткѣ, взялъ ее за обѣ руки и цѣловалъ ихъ, повторяя:

— Belle comme le jour, belle comme toujours! Ахъ, друзья мои, да какъ-же я радъ васъ видѣть!—крикнулъ онъ, отрываясь отъ невѣстки, опять подбѣгая къ брату и, наконецъ, опускаясь въ кресло.—А батюшка, а матушка? Неужели не пріѣхали? Я ожидалъ ихъ уже застать здѣсь. Какъ-же вы живете, милые? Что Сережа? Я такъ себѣ живо его представляю... Покажите-же вы мнѣ его поскорѣе!..

— Заговорилъ совсѣмъ... дай-же вздохнуть!—съ легкой улыбкой произнесъ Владиміръ.

— Boris, je vous verse une tasse de thé,—своимъ тоненькимъ голоскомъ проговорила молодая хозяйка, подсаживаясь къ столику.

Лицо ея вовсе не выражало радости свиданія,—оно ничего не выражало.

— Merci, Catherine, я съ удовольствіемъ выпью и даже съѣмъ что-нибудь—проголодался.

— Да объясни-же прежде всего, какимъ образомъ ты явился?—сказалъ, подходя къ брату и поглядывая на него своими полузакрытыми глазами, Владиміръ.—Мы ждали тебя не раньше какъ черезъ недѣлю. Отчего ты не прислалъ ни письма, ни депеши съ нарочнымъ, чтобы тебя встрѣтить и выслать экипажъ?

— Да видите-ли, я и самъ не зналъ, сколько времени пробуду въ Варшавѣ... къ тому-же я не люблю этихъ встрѣчъ, шуму... Пріѣхалъ, вышелъ изъ дилижанса, сѣлъ въ наемную карету—и здѣсь. Такъ гораздо лучше... Относительно вещей своихъ тоже распорядился, да ихъ со мною и немного, а большой мой багажъ прибудетъ не раньше какъ черезъ недѣлю... Но что-же это наши?—Какимъ это образомъ ихъ здѣсь нѣтъ? Я, вѣдь, навѣрно разсчитывалъ... Они мнѣ писали въ Берлинъ, что непремѣнно я ихъ уже застану въ Петербургѣ..

— Они и намъ писали, что собираются. Вотъ больше мѣсяца собираются, да когда-то будутъ?—произнесъ, совсѣмъ почти закрывая глаза, Владиміръ.—Я думаю, не скоро выберутся, для нихъ, вѣдь, это цѣлое событіе—пріѣхать въ Петербургъ.

— Ахъ, какъ это обидно!—повторялъ Борисъ.—Такъ я, пожалуй, вотъ что сдѣлаю, если они еще станутъ мѣшкать: я самъ поѣду въ Горбатовское и привезу ихъ силой. А что-же Сережа? Гдѣ онъ? Да покажи мнѣ его, наконецъ, Катринъ?

— Успѣешь, онъ теперь, вѣрно, спитъ... Вотъ чай, вотъ масло! Я сейчасъ велю готовить завтракъ...

Она протянула руку къ сонеткѣ и позвонила.

Борисъ съ аппетитомъ принялся за хлѣбъ, масло и чай. Потомъ вдругъ оглядѣлъ себя:

— Боже мой, простите, вѣдь, я совсѣмъ грязный съ дороги!

— Какія комнаты прикажешь тебѣ приготовить? — спросилъ Владиміръ.—Извини, мы не ждали, я сейчасъ позову Степана, распорядись самъ, какія комнаты...

— Да все равно, лишь-бы не стѣснять васъ.

— Вотъ странно!—пожалъ плечами Владиміръ:—пріѣхалъ баринъ, баринъ par excellence, какъ сейчасъ возвѣстилъ Степанъ... Домъ твой—выбирай какое угодно помѣщеніе!

Борисъ съ изумленіемъ взглянулъ на брата.

— Что ты говоришь? Что такое — домъ мой? И ты, и я—мы, кажется, одинаково у отца съ матерью въ домѣ... Но я былъ-бы очень огорченъ, если-бы чѣмъ-нибудь стѣснилъ васъ. Я не знаю, какъ вы размѣстились. Мнѣ многаго не нужно—двѣ комнаты и все тутъ! Только скажи, какія вамъ совсѣмъ, совсѣмъ не нужны, туда я и велю снести свои вещи.

— Покажи ему, Катринъ! А мнѣ пора.

Владиміръ взглянулъ на часы, пожалъ руку брату, приложился губами ко лбу жены.

— Прикажешь извѣстить Петербургъ о твоемъ пріѣздѣ?—спросилъ онъ, останавливаясь у двери и повертывая свою красивую голову съ полузакрытыми глазами, крѣпко подпираемую высокимъ воротникомъ мундира.

— Кому это интересно? Кто меня тутъ знаетъ?

Владиміръ вышелъ, поправляя шарфъ вокругъ своей таліи.

— Et bien, Boris, je suis à votre disposition, — слабо улыбнувшись, сказала Катринъ: — пойдемте!

Онъ весело всталъ. Она оперлась на его руку, и они пошли длиннымъ рядомъ нарядныхъ комнатъ.

— Если тебѣ все равно... не помѣстишься-ли ты внизу, въ комнатахъ за бильярдной?

— Ахъ, Боже мой, Катринъ, да веди куда хочешь, мнѣ вездѣ будетъ хорошо подъ этимъ кровомъ!..

Они сошли съ лѣстницы, прошли въ комнаты за бильярдной.

Эти комнаты были нѣсколько запущены, въ нихъ, очевидно, рѣдко кто заглядывалъ—было холодно, даже, какъ будто, пахло

сыростью. Но Катринъ ничего этого не замѣтила. Она приказала нести сюда вещи Бориса Сергѣевича. Потомъ, отпустивъ его руку, сдѣлала ему маленькій граціозный книксенъ, улыбнулась ничего не выражавшей улыбкой, шепнула:

— Я тебя жду черезъ часъ къ завтраку, тогда и Сережу покажу...

И скрылась, шурша длиннымъ трэномъ своего утренняго платья.

Борисъ остался одинъ среди нѣсколько мрачной, обветшалой обстановки сырыхъ комнатъ. Онъ присѣлъ на старинное жесткое кресло въ ожиданіи своихъ чемодановъ и умыванья. Веселое, счастливое настроеніе духа, въ какомъ онъ былъ до сихъ поръ, вдругъ почему-то пропало. Ему стало не то грустно, не то какъ-то неловко, хотя онъ не отдавалъ себѣ въ этомъ отчета.

II.

Смерть маленькаго человѣка

Наконецъ, внесли чемоданы, а затѣмъ появился Степанъ съ полотенцами и другими принадлежностями умыванья.

Этотъ Степанъ, расторопный, щеголеватый парень, съ некрасивымъ, но пріятнымъ и умнымъ лицомъ, продолжалъ, очевидно, находиться въ восторженномъ состояніи по случаю пріѣзда барина.

Онъ влетѣлъ въ комнату все съ тѣми-же сіяющими глазами и блаженной улыбкой. Но вдругъ остановился, мгновенно нахмурясь.

— Борисъ Сергѣичъ, да что-же это, сударь?—смущенно проговорилъ онъ.—Зачѣмъ-же вы тутъ? Неужто въ этихъ покояхъ и останетесь?

— Здѣсь и останусь, Степушка,—разсѣянно отвѣтилъ Борисъ.

— Да какъ-же такъ? Зачѣмъ-же? Вѣдь, это, почитай, самые негожіе покои въ домѣ, тутъ вотъ и пыльно, и сыро, и холодно. Извольте-ка, сударь, взглянуть—у стѣнки-то и по сю пору плѣсень... вѣдь, тутъ у насъ что такое было! Страсти!.. такъ ужъ и полагали, что потонемъ... Чай, слышали... про наводненіе-то наше?

— Какъ-же, слышалъ...

— Да, сударь, не дай Господи другой разъ пережить такого—вспомнить—такъ дрожь пробираетъ... Что народу погибло, добра всякаго! и не счесть... Вотъ и у насъ—весь, вѣдь, нижній этажъ затопило, потомъ была работа! Высушивали, высушивали, а плѣ-

сень нѣтъ, нѣтъ, да и покажется... Насырѣло... размокло... шпалеры-то перемѣнили—да оно вотъ насквозь... Гляньте-кось... вотъ, вотъ она... Ишь ты: ровно вата... Кабы знать, такъ топить давно надо было, а то въ кои-то вѣки тутъ и топили—потому никто не живетъ, никто не заглядываетъ.

— Такъ распорядись, чтобы натопили къ вечеру, пыль чтобы хорошенько вымели, кровать мнѣ вотъ сюда поставь, ширмы... Погоди, вотъ умоюсь, позавтракаю, такъ я тебѣ самъ покажу какъ все устроить. Здѣсь мнѣ будетъ отлично, покойно,—говорилъ Борисъ, снимая свой длинный сюртукъ и засучивая рукава для умыванья.

Но Степанъ никакъ не могъ успокоиться.

— Какъ-же это? Какъ-же?—повторялъ онъ.—Баринъ домой пріѣхалъ, а ему словно и мѣста нѣту, въ этакомъ-то домѣ... вѣдь, у насъ сколько мѣста! Заняли-бы, сударь, ваши покои на верху, тамъ теперь столпотвореніе вавилонское — завтра балъ у насъ будетъ, такъ все вверхъ дномъ перевернуто. Столы карточные въ вашихъ покояхъ наставлены, для гостей, по приказанію Владиміра Сергѣича. Да это пустое! Для столовъ найдется мѣсто—зачѣмъ ваши покои занимать! Прикажите, черезъ часъ времени все сдѣлаю и въ лучшемъ видѣ вашей милости все устрою, какъ до отъѣзда вашего было...

— Оставь, надоѣлъ! Сказалъ, вѣдь: здѣсь останусь, ну и довольно. Тутъ мнѣ спокойнѣе будетъ. Лей больше воды на голову!

Степанъ замолчалъ и, схвативъ большой кувшинъ съ водою, сталъ помогать барину умываться. Сбѣжавшее съ его лица выраженіе радости снова вернулось. Въ малѣйшемъ движеніи его, въ томъ, какъ онъ подавалъ умываться, какъ онъ лилъ воду, какъ онъ глядѣлъ на барина — видно было, что онъ придти въ себя не можетъ отъ радости.

Борисъ кончилъ свое умыванье, далъ Степану ключъ отъ чемодана; затѣмъ, они вынули бѣлье, платье. Степанъ осторожно, заботливо, почти съ ловкостью и ухватками опытной камеристки, помогалъ своему господину.

— Ну, Степушка, — говорилъ одѣваясь Борисъ: — вотъ и опять ты въ должности моего камердинера.

— Опять, Борисъ Сергѣевичъ, слава тебѣ Господи!

— Да что, можетъ, у тебя тутъ дѣло какое? Ты къ чему-нибудь приставленъ?

— Никакого, сударь, мнѣ нѣтъ дѣла. Сами знаете, сколько насъ въ домѣ народу. Васъ вотъ дожидался, да мыкался изъ угла въ уголъ — тутъ и все мое дѣло! А уже теперь дозвольте къ службѣ своей вернуться, ходить за вами.

— Хорошо, я такъ и разсчитывалъ. Былъ у меня въ чужихъ

краяхъ французъ, честный человѣкъ и ловкій, просился, чтобы я взялъ съ собою, а я все-же его обратно на родину отправилъ, въ разсчетѣ на тебя.

Степанъ даже вздрогнулъ.

— Признаюсь, сударь, ужъ какъ я этого боялся! Иной разъ взбредетъ въ голову: а ну какъ баринъ вернется да съ нѣмцемъ какимъ, али тамъ съ французомъ, что тогда будетъ? Ужъ вотъ-бы обидѣли—не перенесъ-бы, кажется, такой обиды. Оно, конечно, я простой человѣкъ и у парикмахера француза, вотъ какъ Петрушка, что при Владимірѣ Сергѣичѣ, не былъ, а Богъ дастъ не хуже его головку вамъ причешу по самому модному. Высматривалъ я тутъ какъ это господа знатные одѣты да причесаны—въ грязь лицомъ не ударю...

— Не хвастайся, Степушка, нужды въ томъ нѣту,—ласково сказалъ Борисъ. — Ты знаешь, я не привередникъ. А привычки мои всѣ тебѣ извѣстны, съ дѣтства мы съ тобою... въ одинъ день и родились. А вотъ что ты мнѣ скажи — и говори правду. Вы, вѣдь, когда пріѣхали изъ Горбатовскаго? Мѣсяца три будетъ?

— Около того, сударь. Да... такъ оно и есть — вотъ-съ въ четвертокъ аккуратъ три мѣсяца будетъ.

— Скажи, какъ тамъ въ Горбатовскомъ? Батюшка, матушка здоровы?

— Здоровы, Борисъ Сергѣичъ, совсѣмъ какъ есть въ полномъ здоровьи, какъ при вашей милости были. И все въ Горбатовскомъ обстоитъ благополучно... только вотъ крестнаго нѣту...

Степанъ вдругъ запнулся.

Борисъ вскочилъ съ кресла, на которомъ сидѣлъ передъ туалетнымъ зеркаломъ, завязывая себѣ галстукъ.

— Что? Что ты говоришь? Какъ нѣтъ Степаныча! Что-же онъ—умеръ?

— Скончался! А развѣ вы о томъ неизвѣстны? — изумленно произнесъ Степанъ.

— Когда? И никто не написалъ мнѣ ни слова!

— Не написали! Вотъ, вѣдь, оно дѣло какое!.. Видно, огорчать господа не желали, а я-то, дуракъ, и проболтался сразу, въ первую минуту встрѣтилъ пріятной вѣстью!

— Хорошо, что сказалъ, зачѣмъ скрывать, — говорилъ Борисъ, въ волненіи ходя по комнатѣ. — Бѣдный Степанычъ! *) Когда-же это?

---

*) Карликъ Моисей Степанычъ, или Моська, какъ его называли, вѣрный слуга и другъ семьи Горбатовыхъ — одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ романовъ «Сергѣй Горбатовъ» и «Вольтерьянецъ».

— А лѣтомъ еще, передъ самымъ Успеньемъ.

— Какъ онъ умеръ? Разскажи!

— Да ужъ такъ это нежданно для всѣхъ насъ было! Оно, конечно, годы крестнаго большіе, и сколько ему лѣтъ было, про то никто не знаетъ. Только, вѣдь, у насъ въ Горбатовскомъ, вамъ, сударь, вѣдомо, испоконъ вѣковъ толковали: Моисей, молъ, Степанычъ человѣкъ особенный — карликъ, и вѣку ему не будетъ—все такимъ останется. Говорили, вонъ, будто ему за двѣсти лѣтъ уже перевалило—да врали, чай?

— Конечно, врали,—замѣтилъ Борисъ:—кто-же это теперь по двѣсти лѣтъ живетъ? Однако, сколько ему лѣтъ? Пожалуй, около восьмидесяти было, только, вѣдь, онъ ни на что не жаловался. Какая-же такая у него болѣзнь оказалась?

— Да никакой болѣзни, сударь; какимъ былъ года два тому, такимъ и остался. Ничего мы въ немъ не примѣчали особаго. Только вотъ иной разъ слабость съ нимъ будто дѣлалась. Помните, бывало, онъ тихонько и пройти-то не можетъ — все бѣгаетъ, а тутъ вдругъ выйдетъ изъ своего покойчика шажками такими маленькими, походитъ - походитъ по дому, къ барину пройдетъ, либо къ барынѣ, потолкуетъ съ ними. И голосъ у него такой слабенькій сталъ: иной разъ слово скажетъ—такъ даже разслышать трудно. А какъ лѣто пришло, все больше въ саду передъ домомъ сидѣлъ, на солнышкѣ; часовъ пять сидитъ—не встаетъ съ мѣста. Подойдешь къ нему, какъ господъ никого на терассѣ нѣтъ; онъ радъ. Прикажетъ сѣсть рядомъ съ собою на скамью. «Сядь, говоритъ, крестничекъ». И сейчасъ о божественномъ поучаетъ меня. А то частенько о вашей милости говорилъ. «Что-то, молъ, нашъ Борисъ Сергѣичъ въ чужихъ краяхъ подѣлываетъ». И чужіе края начнетъ описывать. Все то онъ знаетъ, вездѣ былъ, всякихъ ужасовъ на своемъ вѣку навидался! Чай, помните, сударь, какъ онъ намъ про Парижъ, да про революцію ихъ сказывалъ?

— Какъ-же не помнить! Господи, все помню! Бѣдный... милый Степанычъ!

Борисъ сморгнулъ набѣжавшую слезу.

— Но вотъ послѣ Спаса,—продолжаетъ Степанъ:—вижу я, что крестный что-то изъ покойчика своего не выходитъ. Сталъ я частенько къ нему заглядывать. И какъ къ нему ни зайду—вижу: молится... цѣлый-то день молился! Я ему и говорю: «крестный, ты бы въ садъ вышелъ, теплынь такая, благодать. А коли неможется или ноги болятъ — дай я тебя на рукахъ вынесу». А онъ мнѣ: «Нѣтъ, говоритъ, Степушка, оставь ты меня, дай мнѣ помолиться... Грѣшенъ я очень, не замолить мнѣ, видно, грѣховъ моихъ».

— Грѣшенъ!—съ печальной улыбкой проговорилъ Борисъ:— да, я думаю, онъ во всю жизнь свою не согрѣшилъ!.. Совсѣмъ святой человѣкъ былъ Степанычъ...

— Это точно, сударь, — серьезно и торжественно замѣтилъ Степанъ.—Господь Богъ ему и смерть праведную послалъ. Накануне Успенья было... Господа чай кушали... утромъ, въ большой столовой. День былъ дождливый такой. Я у стола прислуживалъ. Вдругъ гляжу — входитъ крестный и никакого такого въ немъ больного и слабаго вида; вошелъ такъ бодро. Сейчасъ, какъ и всегда, у старой барыни, у Татьяны Владиміровны, ручку поцѣловалъ. Потомъ къ Сергѣю Борисычу подошелъ—поздоровался и сталъ обходить всѣхъ. Владиміръ Сергѣичъ и Екатерина Михайловна тутъ были... и гости пріѣзжіе. Сергѣй Борисычъ сами ему стулъ возлѣ себя подвинули. «Садись,—говоритъ,—Степанычъ, откушай съ нами чаю». Старая барыня ему налили чашку, я подалъ. Крестный подобрался, вскарабкался на стулъ да и говоритъ: «Спасибо,—говоритъ,—золотая моя Татьяна Владиміровна,— (вѣдь, онъ маменьку всегда золотой называлъ),—спасибо, откушаю я съ вами чай въ послѣдній разъ—проститься пришелъ». А Сергѣй Борисычъ засмѣялся: «Какъ проститься? Куда это ты собрался, Степанычъ?»—«На тотъ свѣтъ,—говоритъ,—къ Богу, отчетъ въ грѣхахъ отдать—давно ужъ пора». И такъ сказалъ это степенно да важно, что ажно мнѣ жутко сдѣлалось. Вижу— и всѣ притихли, смотрятъ на него. А маменька и говорятъ: «Полно, Степанычъ, почему такія мысли! Еще Богъ дастъ поживешь съ нами. Зачѣмъ тебѣ умирать, вѣдь, ты здоровъ!» А я самихъ слышу, голосъ дрожитъ. «Нѣтъ,—отвѣчаетъ крестный,—не пустыя слова говорю, вѣрно сказалъ: пришелъ проститься... нынѣ до всенощной отойду и на судъ предстану... Вотъ чайку выпью— вчера весь день постился. Погляжу еще на васъ, мои золотые»... Да и замолчалъ. Чай началъ прихлебывать, и все такъ спокойно. Господа сидятъ кругомъ... Смѣхъ до того былъ, веселые разговоры, а тутъ ни смѣху, ни разговоровъ. Перешептываются господа да и опять на крестнаго смотрятъ. Допилъ онъ свой чай, опрокинулъ на блюдечко чашку. «Будетъ,—говоритъ,—спасибо, матушка, спасибо, золотая». Подошелъ къ барынѣ, ручку поцѣловалъ, барина въ плечико—и вышелъ, бодро такъ вышелъ. Стали господа говорить, и Сергѣй Борисычъ, и Татьяна Владиміровна, что напугалъ ихъ крестный. Гости и молодые господа успокоиваютъ. Такъ, молъ, старику почудилось, здоровъ онъ и живъ будетъ. Только Сергѣй Борисычъ приказали мнѣ сбѣгать къ доктору Францу Карлычу и привести его къ крестному. «Самъ,— говорятъ,—тоже туда сейчасъ приду». Я скорымъ манеромъ за Францемъ Карлычемъ. Привелъ его, а у крестнаго ужъ баринъ

сидитъ. О чемъ они до насъ бесѣду вели—не могу знать, только вижу: у барина глаза какъ-бы немного заплаканы. А крестный сидитъ въ своемъ маленькомъ кресельцѣ важно и спокойно. Францъ Карлычъ началъ его разспрашивать. Ощупалъ всего, ухо къ груди да къ спинѣ прикладывалъ, за руку держалъ, на часы смотрѣлъ долго. А потомъ и говоритъ: «Пустое, никакой въ немъ болѣзни. Но само собою—года древніе—не то, что молодость. А не только что смерти, даже и болѣзни никакой не предвидится». Отпустилъ баринъ Франца Карлыча, а самъ остался. Я тоже у двери стою. И вдругъ вижу—крестный улыбается, такъ ласково, будто малый ребенокъ,—чай, помните, у него улыбка такая была,—улыбается да головой качаетъ. «Сергѣй Борисычъ,—говоритъ,—и къ чему это ты нѣмца ко мнѣ призвалъ, растормошилъ онъ меня, стараго, даромъ только. Ну стану я тебя обманывать! И неужто ты нѣмцу больше моего повѣришь?... Что онъ знаетъ? Что можетъ онъ знать? До всенощной не станетъ меня—это вѣрно. Только ты не горюй, батюшка, чего горевать—радоваться надо. Долго я жилъ на свѣтѣ, на покой пора. Оно точно, и мнѣ мысли о судѣ страшны были, да Господь меня подкрѣпилъ вѣрою въ Его милосердіе, и готовился я, какъ могъ, къ отвѣту...» И вдругъ обратился ко мнѣ да и говоритъ:—«Степушка, а ты вотъ что: сходи къ батюшкѣ да скажи—молъ, такъ и такъ, крестный помирать собирается. Надѣялся, молъ, самъ сходить исповѣдаться нынче, а завтра, въ день Успенья Пресвятой Богородицы, за литургіею причаститься Святыхъ Тайнъ—да Господь не привелъ... Не доживу и до всенощной, и идти не могу»... Сказалъ это, а самъ силится приподняться съ кресельца, да тутъ же и упалъ назадъ. Побѣжалъ я къ батюшкѣ. Тотъ сейчасъ-же собрался. Крестный долго такъ исповѣдывался, потомъ батюшка пріобщилъ его Святыхъ Тайнъ. Перенесли мы съ бариномъ его на кроватку. Созвалъ онъ всѣхъ. Весь покойчикъ его народомъ наполнился. Барыня Татьяна Владиміровна и баринъ на колѣнкахъ у кровати стояли. Благословилъ ихъ крестный, да и говоритъ такимъ слабенькимъ, тихинькимъ голосомъ: «Спасибо, золотые... ждать буду—свидимся». Потомъ поманилъ Владиміра Сергѣевича... и его благословилъ. Меня благословилъ тоже и показываетъ глазами на господъ, «Служи! — это мнѣ онъ шепнулъ,—будь слуга вѣрный, себя не жалѣй». А потомъ васъ, сударь, вспомнилъ: «Боречкѣ мой поклонъ передайте, не привелъ Богъ свидѣться. Пошли ему Господь всякаго счастья, моему голубчику». Сказалъ это, перекрестился, сложилъ на груди ручки, вытянулся какъ-то весь, вздрогнулъ... Смотримъ мы—а онъ ужъ и не дышетъ... И вѣрите ли, сударь, можетъ, съ полчаса времени: какъ всѣ въ ту пору стояли, такъ никто и не шелохнулся! Ба-

рыня всплакнула было да и остановилась, слезы вытерла... И никто не плакалъ... И такъ это было чудно какъ-то, тихо такъ... Не умѣю вамъ и сказать... будто Богъ былъ съ нами...

Степанъ замолчалъ. Молчалъ и Борисъ.

Ему такъ живо вспомнилась крошечная фигура карлика, когда-то принадлежавшаго императрицѣ Елизаветѣ, потомъ подареннаго Петромъ III его дѣду, Борису Григорьевичу Горбатову, карлика, выняньчившаго его отца, бывшаго всю жизнь его хранителемъ и другомъ, сыгравшаго большую роль въ его тревожной юности, наконецъ, бывшаго пѣстуномъ и Бориса, и Владиміра.

Этотъ карликъ представлялся теперь Борису не слугой и не низшимъ, а уважаемымъ, любимымъ другомъ ихъ дома. Съ этимъ карликомъ соединены были самыя лучшія воспоминанія его дѣтства. Этотъ карликъ вмѣстѣ съ матерью былъ его воспитателемъ. Онъ внушилъ ему силою своего убѣжденія глубокую вѣру въ Бога, которая никогда не покидала Бориса.

Однако, пора было прервать эти печальныя и милыя воспоминанія—Катерина Михайловна, вѣрно, уже ждала съ завтракомъ.

Борисъ направился къ двери.

— Вотъ, сударь,—сказалъ Степанъ, вдругъ подходя къ нему и глядя на него какъ-то странно свѣтящимися глазами:—крестный завѣщалъ служить, себя забывать для господъ... Я стараюсь... видитъ Богъ... Только, Борисъ Сергѣичъ, вѣдь, вы мой настоящій и единый господинъ... Дозвольте же навсегда, нераздѣльно служить вамъ. А я... (голосъ его задрожалъ) я жизнь свою положу за васъ!..

— Знаю, Степушка!—тоже совсѣмъ разстроганный проговорилъ Борисъ.

И вдругъ богатый и знатный баринъ, наслѣдникъ знаменитаго, прославленнаго исторіей имени, и крѣпостной рабъ, невольно, въ общемъ порывѣ, обнялись какъ братья.

III.

Птичка.

Когда Борисъ вошелъ въ столовую, его невѣстки еще тамъ не было. Но столъ уже былъ сервированъ на два куверта, и два почтеннаго вида офиціанта, обшитые позументами съ вытисненными на нихъ гербами, бережно держали блюда, прикрытыя серебряными крышками, изъ подъ которыхъ пробивался паръ, пріятно щекотавшій обоняніе. При входѣ Бориса лица этихъ

офиціантовъ вдругъ оживились. Оба они, будто сговорившись, быстро поставили блюда на столъ и кинулись къ Борису, ловя и цѣлуя его руки.

— Борисъ Сергѣичъ, слава тебѣ Господи, дождались мы тебя, сударь! Въ добромъ-ли здоровьи?—радостно говорили они.

— Здравствуйте, здравствуйте!—ласково отвѣчалъ Борисъ:—радъ васъ видѣть.

Въ это время изъ сосѣдней комнаты донесся голосокъ молодой хозяйки. Офиціанты отбѣжали отъ Бориса, снова каждый бережно поднялъ свое блюдо и вытянулся въ струнку. Катринъ вошла въ столовую уже въ новомъ, еще болѣе изящномъ туалетѣ.

— Надѣюсь, я не заставила тебя ждать, Борисъ, я очень спѣшила переодѣться, помня, что ты голоденъ. Мы никогда такъ рано не завтракаемъ. Подавайте! — обратилась она къ офиціантамъ, присаживаясь у стола.

Крышки съ блюдъ были сняты. Произведенія Горбатовскаго повара, искусство котораго было извѣстно всему Петербургу того времени, появились во всей своей привлекательности, способной возбудить аппетитъ даже въ сытомъ человѣкѣ. А между тѣмъ Борисъ мало обращалъ вниманія на эти чудеса кулинарнаго искусства.

Катринъ замѣтила это.

— Что-же это значитъ?—сказала она:—ты почти ничего не кушаешь?

Она пристально на него взглянула.

— Да у тебя совсѣмъ разстроенное лицо?

— Не веселую новость я здѣсь встрѣтилъ,—тихо отвѣчалъ онъ:—Степанычъ скончался... и никто и не извѣстилъ меня объ этомъ...

— Кто-же это теперь поспѣшилъ огорчить тебя — навѣрно, Степанъ?

— Да, онъ все разсказалъ мнѣ.

— Ты какъ будто упрекаешь, что мы не извѣстили; но это было рѣшено еще въ Горбатовскомъ на общемъ совѣтѣ, mon père и ma mère такъ рѣшили. Зачѣмъ было тебя тревожить? Хотя я, право, изумляюсь такому твоему огорченію, которое даже лишаетъ аппетита... Вѣдь, онъ былъ очень старъ, вашъ карликъ, и потомъ, вѣдь, онъ же тебѣ не отецъ, не братъ, онъ былъ только слуга. Право, это изумительно! Вы всѣ... и mon père... и ma mère тоже...

Борисъ съ изумленіемъ глядѣлъ на нее.

Она продолжала:

— Этотъ вашъ карликъ просто отравилъ мнѣ цѣлое лѣто! Онъ былъ такой несносный, иногда даже грубъ. Да, серьезно, онъ про-

сто мнѣ дерзости дѣлалъ! А за нимъ ухаживали какъ за большимъ бариномъ. А когда умеръ, такъ, вѣдь, это такой мракъ во всемъ домѣ сдѣлался... ни съ кѣмъ слова сказать нельзя было, даже Владиміръ, несмотря на все свое благоразуміе, заразился общимъ настроеніемъ. Я не знала куда мнѣ дѣваться... и, главнымъ образомъ, вслѣдствіе этого поторопила нашъ пріѣздъ сюда.

— Тебѣ, пожалуй, простительно, Катринъ, изумляться отношенію нашего семейства къ этому человѣку, но все-же, вѣдь, ты знаешь, чѣмъ онъ былъ и для отца, и для матери, и для насъ

— Знаю, разсказывали мнѣ разныя исторіи, приключенія этого карлика. Но, насколько я понимаю, онъ всегда только вмѣшивался въ жизнь господъ и все путалъ...

— Лучше перестанемъ говорить объ этомъ,—перебилъ ее Борисъ:—я пріѣхалъ не за тѣмъ, чтобы ссориться съ тобой.

— А ты можешь со мной поссориться изъ-за такого вздора?

— Очень могу.

Катринъ надула губки.

Въ это время въ столовую вошли двѣ нянюшки, ведя за руки крошечнаго годового мальчика, который быстро переступалъ толстыми ноженками, то и дѣло закидывая назадъ темную курчавую головку и звонко выкрикивая все одно и то-же, но совсѣмъ непонятное слово.

Борисъ всталъ, шумно отодвинувъ свой стулъ, и черезъ мгновеніе былъ уже на корточкахъ передъ ребенкомъ, принимая его отъ нянекъ и повторяя:

— Вотъ онъ какой, вотъ!

Мальчикъ сразу изумился, испугался даже, отбросился назадъ. Хотѣлъ было закричать, но, не докончивъ и первой отчаянной нотки, вдругъ разсмѣялся, пуская пузыри своими сочными губками. Онъ нисколько не сопротивлялся, когда Борисъ, крѣпко обхвативъ его, высоко поднялъ надъ собою и потомъ сталъ цѣловать, щекотать и тискать.

— Вотъ такъ, вотъ такъ,—приговаривалъ онъ:—съ первой же минуты познакомились, и друзья, и понимаемъ другъ друга! Вѣдь, правда, Сережа? Ахъ, да какой-же ты милый! Какой умный, какой хорошенькій!

И онъ опять цѣловать его, щекоталъ и тискалъ. Мальчикъ смѣялся, ежился, отдувался и уже запустилъ обѣ толстенькія рученки съ ямками и перехватами въ густые волосы дяди.

Это была такая прелестная сцена, что даже Катринъ перестала сердиться и глядѣла, ласково улыбаясь.

— Да перестань, вѣдь, ты его задушишь! Право, ты самъ еще совсѣмъ ребенокъ!

Наконецъ, Борисъ передалъ мальчика нянькамъ. Катринъ

подошла къ сыну, поцѣловала его, пригладила ему волосы и произнесла своимъ тоненькимъ, но властнымъ голосомъ:

— Уведите!

Няньки и ребенокъ исчезли.

— Вотъ это хорошо!—сказалъ Борисъ, снова принимаясь за завтракъ.

— Что хорошо?

— Хорошо—такой ребенокъ!

— Конечно, недурно!—не безъ нѣкотораго самодовольства замѣтила Катринъ:—но если-бы ты зналъ, сколько теперь уже съ нимъ хлопотъ... Что-же дальше будетъ?

— Развѣ ты тяготишься этими хлопотами?

— Нѣтъ, конечно, нѣтъ. Я такъ только сказала. Однако, Борисъ,—прибавила она:—я все жду, когда ты станешь разсказывать. Вѣдь, два года прожилъ въ чужихъ краяхъ, вѣдь, много интереснаго?

— Подожди, все, что тебѣ можетъ быть интересно, узнаешь. А сразу такъ—пріѣхалъ и начинай разсказывать, этого я совсѣмъ не умѣю. Вотъ, ничего даже на умъ не идетъ, что-бы такое тебѣ разсказать.

— Въ такомъ случаѣ, пойдемъ, я тебѣ покажу наши приготовленія къ завтрашнему балу. Вѣдь, у насъ балъ завтра. Пойдемъ въ большую залу, тамъ теперь устанавливаютъ растенія. Я хочу, чтобы вся зала была въ зелени. Сейчасъ проходила, больше половины уже готово—и это очень красиво!

— Пойдемъ!

Они направились въ залу, которая дѣйствительно представляла теперь подобіе сада. Громадныя экзотическія растенія высились почти къ самому потолку.

— N' est ce pas, que c'est gentil?—говорила любуясь Катринъ.— Puis il y aura des fleurs... des fleurs partout! Я нарочно выжидала и до сихъ поръ не дѣлала бала для того, чтобы нашъ балъ былъ лучшимъ въ эту зиму.

Она оживилась. Глаза ея заблестѣли. Она защебетала, не умолкая почти ни на минуту, и сдѣлалась совсѣмъ похожей на «птичку». Изъ залы они стали обходить комнату за комнатой. Катринъ показывала прекрасную бронзу, японскія вазы и другія вещи, купленныя въ отсутствіе Бориса. Она съ наслажденіемъ доказывала, что вотъ такихъ канделябръ, за которые заплачена баснословная сумма, нигдѣ нѣтъ, и что такая и такой-то завтра съ ума сойдутъ отъ зависти, когда ихъ увидятъ.

Вообще она была вся въ завтрашнемъ днѣ: онъ долженъ былъ доставить ей торжество, и о немъ долго будутъ говорить въ Петербургѣ.

Борисъ слушалъ ее разсѣянно, иногда даже не слыша того, что она говорила. Ему становилось очень скучно. Онъ начиналъ чувствовать усталость, у него почти кружилась голова отъ этого несмолкаемаго щебетанія. На его счастье Катринъ доложили о какомъ-то визитѣ. Она сдѣлала, обращаясь къ Борису, мину, обозначавшую: «какъ это скучно!»—и радостная, и сіяющая упорхнула въ одну изъ гостиныхъ.

Скоро вернулся домой Владиміръ. Отыскавъ брата, онъ взялъ его подъ руку и повелъ въ свой кабинетъ, огромную комнату, заставленную разнообразной дорогой мебелью и совсѣмъ не указывавшую на родъ занятій ея хозяина. На письменномъ столѣ лежало достаточное количество бумаги, но бумаги чистой. Лежало нѣсколько книгъ, но не разрѣзанныхъ.

— Знаешь,—сказалъ Владиміръ:—ко мнѣ подошелъ великій князь, и я ему сообщилъ о твоемъ пріѣздѣ. Онъ былъ очень милостивъ, велѣлъ тебѣ кланяться и спрашивалъ—что ты намѣренъ дѣлать?

— Что-же ты ему отвѣтилъ?

— Что ты намѣренъ служить, продолжать начатую службу, запасшись въ чужихъ краяхъ новыми знаніями и опытомъ. Что-же иное я могъ отвѣтить? Да и надѣюсь—я сказалъ правду? Вѣдь, не думаешь-же ты выходить въ отставку, ты ужъ и такъ потерялъ много времени—цѣлыхъ два года!

Борисъ неопредѣленно улыбался.

— А, вѣдь, я еще не знаю,—проговорилъ онъ:—быть можетъ, и въ отставку выйду—тамъ видно будетъ. Меня служба что-то не тянетъ при теперешнихъ обстоятельствахъ.

— Да, обстоятельства тяжелыя... Аракчеевъ доходитъ до послѣдняго; но служить все-же надо, надо дѣлать карьеру—да и обстоятельства могутъ перемѣниться.

— Могутъ перемѣниться!—задумчиво повторилъ Борисъ.—Отъ этого я и говорю: тамъ видно будетъ. А какъ твои дѣла—кажется, хорошо?

— Не дурно!—самодовольно сказалъ Владиміръ:—понемногу подвигаюсь. Да, я вижу, что моя женитьба дѣйствительно принесла мнѣ пользу, безъ помощи родни Катринъ мнѣ было-бы трудно пробиться. Отецъ никогда не подумалъ о томъ, что ему слѣдовало, если уже не для себя, то хоть для насъ, поддерживать прежнія связи.

Борисъ вспыхнулъ.

— Отцу объ этомъ нечего было думать,—сказалъ онъ.—Онъ много думалъ о насъ, сохранивъ для насъ незапятнаннымъ старое честное имя и богатство нашихъ предковъ.

— Да, конечно, конечно, — перебилъ Владиміръ: — я ни

въ чемъ его не обвиняю... Онъ меня не стѣсняетъ средствами.

И вдругъ ихъ разговоръ замеръ. Обоимъ стало неловко. Эти неловкости часто появлялись между ними въ разговорахъ съ глазу на глазъ и появлялись уже давно, съ тѣхъ поръ какъ они вышли изъ отроческихъ лѣтъ.

— Какъ ты нашелъ Катринъ? Какъ нашелъ мальчика?

— Мальчикъ твой—прелесть! И ты очень счастливый человѣкъ!

— Тебѣ никто не мѣшаетъ быстро достичь такого счастья,— замѣтилъ Владиміръ.

Но Борисъ будто не разслышалъ этого замѣчанія и продолжалъ:

— А Катринъ—что-же я могу сказать тебѣ? Она еще похорошѣла... Она, кажется, очень довольна и счастлива!

— Да, вѣроятно, она счастлива, я, по крайней мѣрѣ, ея счастью не мѣшаю...

И опять имъ стало неловко.

IV.

Балъ.

Катринъ торжествовала. Она достигла своей цѣли. Ея балъ, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ признанъ самымъ блестящимъ баломъ сезона. Напрасно-бы ея враги и недоброжелатели (она думала, что такихъ у нея много) старались къ чему-либо придраться, что-нибудь осудить, найти въ чемъ-нибудь недостатокъ—придраться положительно было не къ чему...

Старый домъ Горбатовыхъ, со своими анфиладами величественныхъ комнатъ, изукрашенный, весь наполненный предметами роскоши и вкуса, ярко горѣлъ безчисленнымъ количествомъ свѣчей и карселей. Въ огромномъ залѣ, съ эстрады, скрываемой тропическими растеніями, уже время отъ времени раздавались отрывистые звуки настраиваемыхъ инструментовъ. Танцы еще не начинались.

Толпа блестящаго общества съ каждой минутой прибывала и наполняла парадныя комнаты. Матовая бѣлизна обнаженныхъ женскихъ плечъ, блескъ драгоцѣнныхъ камней, перемѣшивались съ золотомъ военныхъ мундировъ, со звѣздами и лентами.

Здѣсь собралось все высшее общество столицы.

Молодой хозяинъ не сходилъ со своего поста, встрѣчая гостей. И глядя на него, сразу можно было убѣдиться, что онъ исполняетъ свои обязанности съ полнымъ пониманіемъ дѣла.

Встрѣчая безъ исключенія всѣхъ улыбками и любезными фразами, онъ, тѣмъ не менѣе, придавалъ этимъ улыбкамъ и фразамъ безчисленное разнообразіе оттѣнковъ. Каждый и каждая получали отъ него именно то, чего заслуживали—по крайней мѣрѣ, по его мнѣнію. Отъ фамильярнаго киванья головы, отъ торопливаго, немножко небрежнаго протягиванья двухъ пальцевъ—онъ переходилъ къ сдержанному поклону, полному чувства собственнаго достоинства. Затѣмъ вдругъ совсѣмъ расцвѣталъ и благодарно взглядывалъ своими то и дѣло полузакрывающимися глазами на какого-нибудь сановника или высокопоставленную даму. Онъ шепталъ о томъ, какъ счастливъ видѣть ихъ у себя въ домѣ, со скромностью умнаго молодого человѣка, сознающаго свою молодость...

Юная хозяйка тоже хорошо изучила науку пріема гостей по рангамъ. Она щебетала какъ птичка, разсылая направо и налѣво дѣтскія невинныя улыбки. И только краска, то вспыхивавшая, то потухавшая на ея щекахъ, и быстрый, неспокойный взоръ, время отъ времени бросаемый ею по направленію ко входнымъ дверямъ—указывали на ея волненіе. Да, она сильно волновалась! Передъ нею стоялъ мучительный вопросъ: будетъ кто-нибудь изъ высокихъ гостей или не будетъ?.. Удача или неудача? Жизнь или смерть? Еще четверть часа—и все рѣшится: или полное торжество, или всѣ труды и заботы пропали даромъ. Еще четверть часа—и, Боже мой, вѣдь, она, пожалуй, будетъ побѣждена врагами, будетъ осмѣяна, чуть-ли не опозорена.

Вотъ будто какое-то движеніе, тамъ, впереди, откуда она ждетъ спасенья или гибели. Она вся насторожилась, слушаетъ, смотритъ. Сердце ея такъ и стучитъ подъ низко вырѣзаннымъ корсажемъ прелестнаго парижскаго бальнаго платья. Грудь ея высоко поднимается. Даже обнаженныя нѣжныя плечи нервно вздрагиваютъ, приводя въ движеніе массивное брилліантовое колье, которое такъ и горитъ всѣми цвѣтами радуги, придавая еще болѣе красоты ея хорошенькому дѣтскому личику. Но вдругъ ея взглядъ мгновенно потухаетъ, по всѣмъ чертамъ пробѣгаетъ выраженіе нѣкотораго разочарованія. Однако, все-же она дѣлаетъ надъ собою усиліе, тутъ-же озаряется сіяющей улыбкой и, кокетливо склоняясь, спѣшитъ навстрѣчу входящему твердой военной походкой генералу, увѣшанному орденами и звѣздами, и на ходу потряхивающему густыми эполетами.

— Ah, que c'est aimable de votre part, comte, de ne pas nous oublier!—говоритъ она генералу, протягивая ему руку.

Онъ еще и еще встряхиваетъ эполетами, склоняется къ ея рукѣ, цѣлуетъ ее, причемъ его старыя щеки, подпертыя высо-

кимъ воротникомъ, багровѣютъ, а подъ нафабренными усами складывается любезная улыбка.

— Vous oublier, madame!—говоритъ онъ густымъ голосомъ, отвратительно произнося по-французски:—mais c'est impossible... pour chaque mortel!

Онъ отходитъ отъ нея, чтобы не мѣшать ей привѣтствовать новыхъ гостей, и, остановившись на мгновеніе и оглядѣвшись, идетъ по направленію къ танцовальной залѣ. Онъ выставляетъ впередъ свою высокую грудь, украшенную всевозможными знаками отличія, старается придать величественную осанку своей нѣсколько обрюзгшей фигурѣ, старается изобразить на своемъ лицѣ важность. Но это ему плохо удается и скоро надоѣдаетъ. Лицо его принимаетъ мало-по-малу обычное, добродушное и простоватое выраженіе. Онъ ласково отвѣчаетъ на обращаемыя со всѣхъ сторонъ къ нему почтительные поклоны; пожимаетъ направо и налѣво руки иногда даже незнакомыхъ людей. Впрочемъ, такихъ здѣсь мало. За нимъ идетъ шопотъ, его провожаютъ иной разъ улыбки, въ которыхъ уже незамѣтно только что выраженной ему почтительности.

А между тѣмъ, это герой—любимецъ солдатъ, гроза враговъ, человѣкъ, закаленный подъ градомъ пуль, закопченный въ дыму пороха, русскій Баярдъ, какъ его называютъ,—это графъ Милорадовичъ. Но герой Отечественной войны во дни внѣшняго мира, которые оказались далеко не мирными, пожелалъ отличиться на иномъ поприщѣ, не задумавшись о томъ, были-ли у него для этого поприща необходимыя способности,—теперь онъ петербургскій генералъ-губернаторъ и чуть не ежедневно портитъ свою блестящую репутацію нераспорядительностью, легкомысліемъ и даже лѣностью...

Катринъ все въ ожиданіи. Она ежеминутно взглядываетъ на часы, которые стоятъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея на каминѣ. Она почти сама не понимаетъ, что говоритъ подходящимъ къ ней мужчинамъ и дамамъ.

«Пора, давно пора!—мучительно думаетъ она.—Вѣдь, не можетъ-же быть, чтобы не пріѣхали, вѣдь, еще послѣ обѣда cousin Nicolas пріѣзжалъ прямо оттуда и сказалъ, что собираются... Ну, а что, если вдругъ что-нибудь помѣшало? Мало-ли что можетъ помѣшать!»

Она вспоминаетъ, что вотъ уже нѣсколько дней какъ въ придворныхъ кружкахъ говорятъ о серьезномъ нездоровьѣ императрицы Елизаветы Алексѣевны. «Но, вѣдь, тотъ-же cousin Nicolas, который все знаетъ по своему положенію при дворѣ, говорилъ, что ей лучше, что это вовсе не какая-нибудь опредѣленная и опасная болѣзнь, а просто общая слабость, въ которой помо-

жетъ перемѣна климата. Но мало-ли что можетъ помѣшать! Быть можетъ, кто-нибудь нарочно, кто-нибудь изъ враговъ, постарался! Вѣдь, вотъ уже половина одиннадцатаго скоро!.. Давно пора начать танцы... Если не пріѣдутъ... что-же тогда?.. Тогда я... я умру!..» докончила Катринъ свои мрачныя мысли. Она совсѣмъ поблѣднѣла. На ея глазахъ навертывались слезы, у нея начинала кружиться голова.

«Боже! какое счастье! Они! они!..» едва сдерживая себя, чтобы не крикнуть, громко и внезапно оживляясь, рѣшила Катринъ.

Въ дверяхъ комнаты показался молодой человѣкъ въ генеральскомъ мундирѣ, съ некрасивымъ, но умнымъ и въ то-же время добродушнымъ лицомъ, съ ясными глазами, глядѣвшими зорко и пристально. Онъ велъ подъ руку стройную, совсѣмъ еще юную даму, прелестныя черты которой были будто выточены изъ мрамора.

Катринъ поспѣшила навстрѣчу входившимъ, сдѣлала глубокій граціозный реверансъ. Юная великая княгиня Елена Павловна ей ласково улыбалась, протягивая руку. Михаилъ Павловичъ любезно сталъ извиняться, снимая съ себя вину и во всемъ обвиняя свою молодую супругу.

Катринъ нанизывала одну за другою изысканныя фразы, перебѣгая сіяющимъ взглядомъ съ великой княгини на великаго князя.

Недавняго томленія какъ не бывало, мучительная тяжесть спала съ плечъ. Она вдругъ расцвѣла своей дѣтской красотой, будто выросла на полъ-головы, и направилась съ высокой четой въ залу, гдѣ ихъ встрѣтили вдругъ грянувшіе съ невидимой эстрады веселые звуки вальса.

Катринъ остановилась въ побѣдоносной позѣ съ горделиво приподнятой головкой, окидывая быстрымъ взглядомъ блестящее собраніе. Черезъ минуту къ ней подошелъ великій князь и поклонился ей. Она приподняла свою тоненькую нѣжную руку, скользнувшую по рукаву его мундира, съ дѣтской счастливой улыбкой склонила головку почти къ самому его плечу и, легкая какъ птичка, помчалась съ нимъ по зеркальному паркету громадной залы. За ними мчались длинной вереницей другія пары.

Все закружилось. Звуки оркестра постепенно усиливались, будто подступали къ самому сердцу, рождая въ немъ какое-то волшебное ощущеніе. Катринъ казалось, что она отдѣляется отъ полу, что она несется со своимъ кавалеромъ въ воздушномъ пространствѣ, что вокругъ нея не хорошо знакомая ей старинная зала Горбатовскаго дома, а тропическій лѣсъ. Пото-

локъ исчезаетъ, открывается безконечно сіяющее пространство. Огромныя пальмы склоняются надъ нею, душистые гіацинты и розы дышатъ ей навстрѣчу ароматомъ. Миріады сладкоголосныхъ птицъ поютъ ей свои волшебныя пѣсни. И она несется дальше и дальше, выше и выше, впереди воздушнаго роя сильфидъ и эльфовъ.

Но вотъ она спустилась на землю. Великій князь привычно и ловко придвинулъ ей легкій золоченый стулъ. Она опустилась на него, пославъ благодарную улыбку своему кавалеру, и стала обмахивать вѣеромъ разгоряченное лицо и плечи. Она мигомъ забыла и тропическій лѣсъ, и рой сильфидъ и эльфовъ. Она слѣдила за удалявшимся отъ нея кавалеромъ, отыскивая глазами великую княгиню. Она снова была полна заботъ и волненій.

Вѣдь, онъ не пригласилъ ее еще на первый контрдансъ. Но онъ непремѣнно долженъ протанцовать его съ нею: ея самолюбіе не можетъ быть удовлетворено этимъ вальсомъ.

Вотъ онъ подошелъ къ ея мужу. Онъ протягиваетъ руку Борису, говоритъ съ нимъ, чему-то смѣется. Потомъ отходитъ къ Милорадовичу и смѣется еще больше... Вотъ онъ среди дамъ. Пары танцующихъ заслонили, ничего не видно. Она приподнимается. Она должна быть ближе, должна быть на глазахъ, чтобы ее не забыли пригласить.

Но въ это время къ ней подходитъ молодой красивый офицеръ. Опять вальсировать! А отказать невозможно. Съ едва замѣтной мимолетной гримасой она легкимъ наклоненіемъ головы даетъ свое согласіе. Она опять мчится; но уже не въ воздушномъ пространствѣ, не среди тропическаго лѣса. Ея маленькія ножки, едва касаясь пола, скользятъ, машинально выдѣлывая па, а глаза все ищутъ кого-то.

— Assez, monsieur, je suis fatiguée,—шепчутъ ея губы.

— Pardon, madame!

Слава Богу, великій князь подходитъ къ ней и приглашаетъ ее... на второй контрдансъ.

На второй! Она блѣднѣетъ, голосъ ея дрожитъ при отвѣтѣ, съ ней чуть не дѣлается дурно. Но она сдерживается. Она еще горделивѣе, еще побѣдоноснѣе поднимаетъ свою головку, а въ сердцѣ бушуетъ злоба и безпредметная ненависть.

«Съ кѣмъ-же? Съ кѣмъ-же?..»

V.

Это она!..

Между тѣмъ великій князь, конечно, никакъ не могъ себѣ представить, какое оскорбленіе нанесъ хорошенькой хозяйкѣ, какой адъ возбудилъ въ душѣ ея. Зная женское самолюбіе, онъ именно хотѣлъ поступить такъ, чтобы ни хозяйка, ни другія высокопоставленныя молодыя дамы не могли считать себя обиженными. Сдѣлавъ первый туръ вальса съ Катринъ, онъ, затѣмъ, хотѣлъ показать, что здѣсь, въ частномъ домѣ, не должно быть этикета и споровъ за первенство. Онъ рѣшился танцовать первый контрдансъ съ кѣмъ-нибудь, съ первой молодой женщиной или дѣвушкой, какая попадется ему на глаза.

Такъ онъ и сдѣлалъ.

Обойдя залу, онъ замѣтилъ нѣсколько одиноко сидѣвшую дѣвушку въ довольно простомъ, но изящномъ бѣломъ нарядѣ. Никакими особенными украшеніями эта дѣвушка не постаралась возвысить свою красоту. Въ ея темные волосы, довольно гладко причесанные, были вколоты двѣ бѣлыя розы, на шеѣ скромная жемчужная нить, небольшія жемчужныя серьги въ ушахъ—вотъ и все.

Но въ этомъ скромномъ нарядѣ она была великолѣпна. Высокая, стройная, плечи и руки немножко худощавы, но безукоризненныхъ очертаній. Она сидѣла, опустивъ маленькую прелестную голову съ правильными тонкими чертами нѣжнаго, блѣднаго лица. Большіе темные глаза ея глядѣли мягко и задумчиво. На видъ ей было года двадцать два, быть можетъ, меньше. Во всей ея прекрасной фигурѣ можно было подмѣтить не то нѣкоторую болѣзненность, не то утомленіе.

«Mais elle est vraiment bien belle!» подумалъ великій князь.

Онъ круто повернулъ, подошелъ къ ней и спросилъ, свободенъ-ли у нея первый контрдансъ. Она подняла на него задумчивые глаза, потомъ встала, причемъ еще болѣе выказала свой прекрасный ростъ и грацію, и отвѣчала ему мелодическимъ голосомъ, что она свободна.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ танцовать съ вами.

Она поблагодарила спокойно и даже, можетъ быть, черезчуръ равнодушно.

Великій князь отошелъ.

Не прошло и мгновенія, какъ она была окружена дамами, за минуту передъ тѣмъ не обращавшими на нее вниманія.

— Mademoiselle Lamzine, qu'est ce qu'il vous a dit, le grand duc?

— Le grand duc m'a engagé pour une contredanse,—отвѣчала она тѣмъ-же спокойнымъ и равнодушнымъ голосомъ.

— Pour laquelle?

— Pour la première.

Эффектъ былъ полный.

«Mademoiselle Lamzine» вдругъ сдѣлалась предметомъ самаго нѣжнаго вниманія. Пожилыя дамы стали говорить ей о ея красотѣ. Молодыя глядѣли на нее съ завистью; но въ то-же время шептали ей нѣжныя фразы. А потомъ, отходя отъ нея, передавали другъ другу на ея счетъ такія замѣчанія:

— Однако-же, вѣдь, это ужасно—больше не существуетъ настоящее общество!—его нигдѣ найти невозможно...

— Да, это правда, всюду втираются неизвѣстно откуда... des parvenues.

— Какія-то племянницы! Какія-то бѣдныя воспитанницы... Dieu sait qui!

— Хоть-бы тетка одѣла ее прилично, старая скряга! Посмотрите, вѣдь, это просто срамъ!

— И что въ ней находятъ хорошаго?

— Нѣтъ, она красива безъ спора!

— Какая-же красота! Pâle, maigre... une vieille fille!

— Старуха говоритъ, что ей всего двадцать одинъ годъ.

— Сказать все можно! Я увѣрена, что цѣлыхъ двадцать пять будетъ.

— Теперь еще недоставало, чтобы ее фрейлиной сдѣлали!

— Ну, до этого не дойдутъ—это было-бы уже слишкомъ!..

«Mademoiselle Lamzine», конечно, не слышала и не подозрѣвала этихъ разговоровъ. Она спокойно продолжала отвѣчать тѣмъ, кто обращался къ ней съ вопросами. И въ то-же время разсѣянный взглядъ ея темныхъ, мечтательныхъ глазъ ясно показывалъ, что она очень далеко отъ окружающаго и что въ ней нѣтъ никакого веселья. Иногда только ея тонкія, прелестныя черты принимали какое-то странное, не то тревожное, не то испуганное выраженіе, будто она ждала чего-то, будто чего-то боялась...

Но замолкшіе было звуки оркестра снова раздались. Прозвучалъ ритурнель контрданса. Произошло всеобщее движеніе. Блестящіе кавалеры скользили по паркету, спѣшили къ своимъ дамамъ, разставляли стулья.

Великій князь провелъ «mademoiselle Lamzine» черезъ всю залу среди разступающейся толпы. Катринъ нѣсколько справилась съ собою и получила хоть то маленькое удовлетвореніе, что оказалась «vis-à-vis» съ великимъ княземъ. Она оглядѣла его даму быстрымъ, но глубоко презрительнымъ взглядомъ, котораго та, впрочемъ, не замѣтила.

«Вотъ такъ выборъ!—думала она.—И зачѣмъ это она здѣсь,

по какому праву? Нѣтъ, если княгиня Маратова начинаетъ таскать за собою всѣхъ своихъ бѣдныхъ родственницъ и крестницъ—такъ пусть ужъ извинитъ... я и ее къ себѣ приглашать не стану!.. Ни за что! ни за что! Она совсѣмъ выживать изъ ума стала—эта толстая дура, и ее надо проучить... Меня поддержатъ и другія—я увѣрена въ этомъ!..»

Но въ то же время она съ досадой видѣла, что великій князь очень любезно бесѣдуетъ со своею дамой.

«О чемъ онъ можетъ говорить съ нею? Чѣмъ она можетъ занять его?»—раздражительно думала она, разсѣянно отвѣчая на вопросы своего кавалера.

Фигуры контрданса начинаютъ смѣнять одна другую. Великій князь, очевидно, находившійся въ самомъ веселомъ настроеніи духа, обращается къ Катринъ съ любезными фразами. Она оживляется, глазки ея начинаютъ сіять. Великолѣпные брилліанты ея сверкаютъ на головѣ, на шеѣ и на рукахъ. Она дѣтскимъ голоскомъ нанизываетъ одно на другое, почти ничего незначущія, французскія словечки. Она мало-по-малу проникается сознаніемъ своей красоты, своего блеска—ей становится весело...

Танецъ оконченъ.

Звуки оркестра замолкли. Въ залѣ снова начинается безпорядочное движеніе...

Великій князь отходитъ отъ своей дамы и, встрѣтясь съ графомъ Милорадовичемъ, беретъ его подъ руку и направляется съ нимъ изъ залы.

— Любезнѣйшій Михаилъ Андреевичъ,—говоритъ онъ Милорадовичу:—я сейчасъ вспомнилъ: мнѣ нужно кой о чемъ спросить васъ.

— Что прикажете, ваше высочество?

— Знаете-ли вы, графъ, что по городу ходитъ ужасная клевета на васъ?

— Клевета на меня?—изумленно спросилъ Милорадовичъ.

— Да, да, и очень злая. Вы знаете—я терпѣть не могу сплетенъ. Но изъ любви и уваженія къ вамъ долженъ предупредить васъ и при этомъ узнать въ чемъ дѣло. Разсказываютъ, что въ числѣ различныхъ челобитенъ, съ которыми къ вамъ обращаются, какъ къ генералъ-губернатору, на этихъ дняхъ вы получили какой-то вздоръ... что-то такое... что «безчеловѣчныя благодѣянія вашего сіятельства, пролитыя на всѣхъ, аки рѣка Нева, протекли отъ Востока до Запада. Симъ тронутый до глубины души моей, воздвигнулъ я въ трубѣ своей жертвенникъ, предъ коимъ, стоя на колѣняхъ, сожигаю ѳиміамъ и вопію: «ты еси, Михаилъ, спаси меня съ присносущными!» Конечно, я могу ошибиться, можетъ быть, тамъ и несовсѣмъ такъ было, но, вѣдь, мнѣ дали якобы

копію... и это такъ глупо и смѣшно, что я, право, почти наизусть помню... А подпись: «Ямщикъ Ершовъ».

Лицо Милорадовича вспыхнуло.

— Никто не можетъ быть избавленъ, ваше высочество, отъ полученія подобныхъ глупыхъ и дерзкихъ анонимныхъ бумагъ. Я не могу отвѣчать за то, что прислано въ мою канцелярію.

— Но дѣло въ томъ, любезнѣйшій графъ,—увѣряютъ, что на этой челобитной вы собственноручно написали: «исполнить немедленно». Злая клевета именно и заключается въ этомъ.

Милорадовичъ побагровѣлъ еще сильнѣе.

— Можетъ быть, я и подписалъ по разсѣянности!—вдругъ проговорилъ онъ.—Да, это возможно! Благодарю, ваше высочество, что вы сообщили мнѣ объ этомъ—урокъ хорошій!..

— Да, графъ,—ласково смотря на своего собесѣдника, сказалъ великій князь:—я счелъ своимъ долгомъ... изъ уваженія къ вамъ... Не будьте разсѣяны... ради Бога! Я вотъ васъ предупреждаю, а, вѣдь, другіе не скажутъ ни слова и будутъ потѣшаться. А вы не такой человѣкъ! Вы не должны давать надъ собою права смѣяться людямъ, которые не стоятъ вашего мизинца!..

— Благодарю васъ, благодарю васъ!—растерянно шепталъ Милорадовичъ, сжимая протянутую ему руку великаго князя.

Михаилъ Павловичъ отошелъ.

И всѣ видѣли, какъ генералъ-губернаторъ, красный и смущенный, что-то бормоталъ подъ своими нафабренными усами. Потомъ онъ вдругъ тяжелымъ военнымъ шагомъ пошелъ розыскивать хозяина, извинился внезапнымъ нездоровьемъ и, въ сопровожденіи адъютанта, уѣхалъ. Многіе изумленно спрашивали другъ у друга, что такое случилось съ графомъ. Катринъ была опять раздосадована. Она потребовала отъ мужа объясненій; но тотъ ничего не могъ объяснить ей.

— Да ты бы какъ-нибудь удержалъ его... Какъ-же можно было выпустить? Ты просто съ ума сходишь!—пренебрежительно прошептала она Владиміру.

— Что-жъ, я за фалды, что-ли, сталъ бы его удерживать? Пойди лучше къ великой княгинѣ, а то она уѣдетъ...

Катринъ поспѣшила исполнить этотъ совѣтъ, будто боясь, какъ-бы вдругъ дѣйствительно не уѣхала великая княгиня. Ей даже начинало казаться, что нѣтъ-ли ужъ, чего добраго, заговора противъ нея, Катринъ? Не участвуетъ ли въ этомъ заговорѣ и Милорадовичъ? Не потому-ли онъ уѣхалъ, чтобы сдѣлать ей непріятность?

— Катринъ!—вдругъ раздалось надъ ея ухомъ.

Она взглянула,—передъ нею Борисъ... какой-то странный, блѣдный, съ горящими глазами.

— Чего тебѣ? Извини, пожайлуста, мнѣ некогда... я спѣшу... la grande duchesse...

— Одну секунду, Катринъ!—проговорилъ онъ задыхающимся голосомъ.—Кто это... та дама, которая танцовала противъ тебя съ великимъ княземъ... въ бѣломъ?..

— Что-жъ, и ты, что-ли, плѣнился этой Сандрильоной? Не стоитъ, мой другъ! Une fille de rien, sans nom, sans fortune... une parvenue.

— Кто она?—настойчиво повторялъ Борисъ.

Даже что-то страшное разглядѣла Катринъ въ его поблѣднѣвшемъ лицѣ.

— Ахъ, Боже мой!—протянула она, пожимая плечами:— какъ ее... Ламзина—что ли? Какая-то родственница княгини Маратовой.

— Какъ ее зовутъ—Ниной?

— Да, кажется, Нина... Отвяжись, пожалуйста!

Она упорхнула. Она не видѣла, какъ онъ весь вздрогнулъ, какъ даже покачнулся, будто сильный электрическій токъ пронизалъ его.

Онъ нѣсколько мгновеній стоялъ на одномъ мѣстѣ, не замѣчая окружавшаго, не уступая дорогу дамамъ, которыя съ изумленіемъ на него взглядывали. Потомъ онъ вдругъ очнулся, провелъ рукою по лбу и стремительнокинулся черезъ залу, пристально всматриваясь во всѣ стороны. Но онъ нигдѣ не видѣлъ ту, кого искалъ.

Онъ вышелъ изъ залы.

Онъ проходилъ комнату за комнатой.

«Неужели уѣхала?—съ испугомъ, почти съ отчаяніемъ думалъ онъ.—А что, если я ошибся? Что, если это не она?.. Но, вѣдь, Катринъ сказала, что ее зовутъ Ниной. Опять и это, можетъ, случайно... Да, вѣдь, я узналъ ее!.. Это ея глаза! Въ ней могло все измѣниться, а глаза должны были остаться... И это ея, ея глаза! Тутъ нѣтъ обмана... я ихъ знаю... они всегда передо мною... Это она... она!»

И онъ искалъ ее, поспѣшно проходя изъ комнаты въ комнату, опять возвращаясь въ залу, останавливаясь, вглядываясь.

По счастью, всѣ были заняты своимъ дѣломъ и на него мало обращали вниманія. Но все-же то тамъ, то здѣсь его провожали недоумѣвающіе взгляды. Его дѣйствительно можно было принять за помѣшаннаго. Никогда еще въ жизни не испытывалъ онъ такого волненія. Онъ съ утра уже какъ бы предчувствовалъ, что въ этотъ день должно съ нимъ случиться что-то необычайное. Онъ чувствовалъ какое-то особенное безпокойство, постепенно возраставшее. Онъ не могъ ничѣмъ заняться и почти весь день провелъ въ своихъ комнатахъ. Онъ разбиралъ и выкладывалъ

изъ присланныхъ съ таможни ящиковъ вещи и книги, добытыя имъ за границей. Но ни на чемъ не могъ сосредоточить вниманія, не могъ ни о чемъ подумать—мысли тотчасъ-же разбивались и все вспоминались ему, все свѣтились передъ нимъ эти темные, задумчивые глаза, которые грезились ему часто въ теченіе всѣхъ лѣтъ его юности и которые теперь вдругъ онъ увидѣлъ на яву.

«А что, если это только призракъ, если все это мнѣ только почудилось?—опять думалъ онъ.—И вдругъ я увижу эту дѣвушку въ бѣломъ, эту Нину... и глаза ея будутъ не тѣ, и она окажется другою, незнакомой мнѣ, ненужной?..»

«Нѣтъ, это она... она!»—перебивалъ онъ свои сомнѣнія.

Сердце его усиленно билось, духъ захватывало. Онъ опять въ напрасныхъ поискахъ прошелъ цѣлый рядъ ярко освѣщенныхъ комнатъ, наполненныхъ нарядной толпой. Здѣсь были разставлены ломберные столы, шла карточная игра. Онъ повернулъ въ небольшую гостиную, уютную и полутемную сравнительно съ сосѣдними комнатами.

Это была любимая гостиная его матери, съ этой комнатой она соединяла лучшія воспоминанія своей молодости; въ этой комнатѣ когда-то, давно, давно, она слушала страстныя признанія своего жениха, разлученнаго передъ тѣмъ съ нею на многіе годы, слушала въ то время, какъ высокій ихъ другъ и покровитель, императоръ Павелъ, устроившій это свиданіе, поджидалъ ихъ въ смежной библіотекѣ...

Борисъ остановился и чуть не вскрикнулъ. На маленькомъ диванѣ, въ глубинѣ этой гостиной, онъ увидѣлъ бѣлую фигуру. Чувство восторга, какого-то священнаго трепета охватило его.

«Это она... она!»

Она подняла на него глаза.

Онъ не могъ уже сомнѣваться больше. Стремительно кинулся онъ къ ней.

— Нина, я узналъ васъ... это вы!—задыхаясь проговорилъ онъ.

Она вздрогнула, поднялась съ дивана, вглядѣлась въ Бориса, слабо вскрикнула и схватилась за голову руками. Ея блѣдное лицо поблѣднѣло еще больше. Въ прекрасныхъ глазахъ ея изобразилось почти то-же самое чувство, какое волновало Бориса.

— Борисъ!—растерянно произнесла она.—Такъ вотъ что должно было сегодня со мною случиться! Вотъ зачѣмъ все это было! Да, я знала, что увижу васъ... я ждала васъ... въ этой комнатѣ...

Она говорила какъ во снѣ. Она безсильно склонилась на диванъ.

— Такъ вы знали, что меня встрѣтите? Такъ вы хотѣли меня видѣть?

— Я ничего не понимаю!—все такъ-же растерянно сказала она.—Я до сихъ поръ не знаю, кто вы... Я только чувствовала, что должна произойти наша встрѣча именно сегодня, что такъ суждено... Но зачѣмъ... почему намъ нужно встрѣтиться снова въ жизни—я этого не знаю... Кто же вы?

— Я?.. Да, вѣдь, я вижу васъ въ моемъ родномъ домѣ... въ домѣ моихъ родителей... Я только вчера вернулся изъ двухъ-лѣтняго путешествія...

Изумленіе, тревога изобразились на лицѣ Нины.

А онъ продолжалъ:

— Такъ, значитъ, вы не забыли меня? Вы могли меня узнать?.. Значитъ, когда-нибудь вы обо мнѣ думали?

— Конечно... и я всегда знала, что мы еще встрѣтимся въ жизни. Да, часто... часто я объ васъ думала... и какъ-же могло быть иначе...

— Сколько мнѣ нужно узнать отъ васъ!—перебилъ ее Борисъ:—сколько вопросовъ!.. Съ чего начать—не знаю.

— И не начинайте...—слабо улыбнувшись, сказала она:—теперь не время... Вѣдь, мы нашли другъ друга—пока довольно этого...

— Мы будемъ видаться? Вѣдь, да?—спросилъ онъ невольно, будто боясь снова потерять ее, будто боясь, что она, появившись передъ нимъ какъ видѣніе, какъ видѣніе и исчезнетъ.

— Конечно! Пойдемте... Вы видите—мы здѣсь одни... а мы, вѣдь, въ свѣтѣ... Я васъ провожу къ моей теткѣ и завтра буду ждать васъ... Завтра мы поговоримъ безъ всякихъ стѣсненій.

Она оперлась на его руку, и они пошли черезъ сверкающій рядъ комнатъ, туда, откуда все слышнѣе и слышнѣе доносились звуки музыки, гдѣ черезъ нѣсколько мгновеній весело ликующая толпа окружила ихъ и поглотила.

VI.

Въ Москвѣ.

Но для того, чтобы понять эту странную встрѣчу и этотъ таинственный разговоръ, необходимо вернуться за много лѣтъ назадъ, къ знаменательной эпохѣ двѣнадцатаго года.

Болѣзнь Владиміра заставила Горбатовыхъ въ августѣ двѣнадцатаго года перевезти мальчика, которому нисколько не помогли тамбовскіе доктора, изъ Горбатовскаго въ Москву. Сергѣй Борисовичъ и Татьяна Владиміровна, жившіе теперь почти исклю-

чительно для дѣтей, ни о чемъ не могли думать какъ только о болѣзни своего сына, тѣмъ болѣе, что это была какая-то непонятная, странная болѣзнь. Мальчикъ нѣсколько разъ будто совсѣмъ выздоравливалъ, вставалъ съ постели, у него являлся аппетитъ, спокойный сонъ. И вдругъ, безъ всякой видимой причины, безъ всякой погрѣшности въ діэтѣ, за которою слѣдила сама мать, онъ начиналъ чувствовать большую слабость, валился съ ногъ. Затѣмъ начинался сильный жаръ, бредъ,—всѣ признаки горячки. Такъ продолжалось съ недѣлю, потомъ начиналось видимое выздоровленіе, за которымъ слѣдовали еще усиленные припадки болѣзни.

Необходимо было созвать консиліумъ извѣстнѣйшихъ докторовъ—профессоровъ Московскаго университета. Необходимо было дать возможность слѣдить за ходомъ болѣзни. Значитъ, надо ѣхать въ Москву. Времена ужасныя! Наполеонъ со своей разноплеменной арміей въ предѣлахъ Россіи. Онъ идетъ къ Москвѣ. Ей можетъ грозить опасность непріятельскаго вторженія. Но развѣ мыслимо это? Развѣ это допустятъ? Нѣтъ, этого быть не можетъ. Да и, наконецъ, о чемъ-же думать, зачѣмъ гадать объ опасностяхъ, которыя съ Божьей помощью могутъ миновать. Дѣло въ томъ, что надо ѣхать въ Москву ради Владиміра.

И Горбатовы поѣхали всей семьей: съ двумя сыновьями, ихъ воспитателемъ Томсономъ, карликомъ Моисеемъ Степановичемъ и неизбѣжнымъ, всегда сопровождавшимъ ихъ штатомъ прислуги. Они остановились въ своемъ прекрасномъ домѣ на Басманной улицѣ, въ домѣ, къ которому примыкалъ старинный, нѣсколько запущенный садъ. И такимъ образомъ, больному Владиміру и здоровому Борису дана была возможность пользоваться хотя и не деревенскимъ, но все-же чистымъ воздухомъ.

Московскіе доктора, немедленно призванные для консиліума, осмотрѣли больного мальчика и начали подвергать его всякаго рода лѣченію.

Въ первое время, несмотря на эти довольно странные иной разъ, «научные» эксперименты, здоровье Владиміра какъ будто стало поправляться. Припадки не возобновлялись. Мальчикъ былъ только очень слабъ.

Между тѣмъ положеніе Москвы становилось опаснымъ. Кутузовъ, во главѣ русскаго войска, стоялъ передъ нею, готовясь дать наступавшему непріятелю большое сраженіе.

Московскій генералъ-губернаторъ, графъ Ростопчинъ, старый пріятель Сергѣя Борисовича, всячески ободрялъ жителей, расклеивалъ по городу свои знаменитыя афишки. Но несмотря на это, паническій страхъ началъ нападать на жителей. Москва съ каждымъ днемъ пустѣла. Всѣ, кто только могъ выбраться изъ нея,

выбирался. По Ярославской и другимъ дорогамъ, проѣздъ по которымъ можно было считать безопаснымъ, тянулись нескончаемые обозы. Каждый, уѣзжая, увозилъ съ собою все, что могъ. Старые дома московскихъ баръ заколачивались, въ иныхъ оставалась только необходимая прислуга для обереганія господскаго добра.

Сергѣй Борисовичъ ежедневно видался съ Ростопчинымъ и просилъ его не скрывать отъ него дѣйствительнаго положенія.

— Конечно, вамъ не время теперь жить здѣсь, любезный другъ!—говорилъ Ростопчинъ.—Я бы совѣтовалъ вамъ уѣзжать,—осторожность никогда не мѣшаетъ. Если-же доктора находятъ, что вашъ сынъ не можетъ обойтись безъ ихъ постояннаго наблюденія и если его опасно въ теперешнемъ положеніи перевозить, тогда, конечно, дѣлать нечего!

— Но неужели вы полагаете, что Москва будетъ взята? Вѣдь, это что-же такое — Москва въ рукахъ непріятеля! Это полное пораженіе. Это несмываемый позоръ и погибель для Россіи.

— Москва можетъ быть взята,—отвѣчалъ Ростопчинъ:—но и въ такомъ случаѣ позоръ и погибель будутъ еще очень далеко. Все дѣло въ томъ, какъ она будетъ взята. Да и, вообще, заранѣе развѣ въ такихъ обстоятельствахъ можно что-либо предвидѣть? Моя обязанность поддерживать въ москвичахъ бодрость духа и самому не падать духомъ. Кутузовъ тоже не намѣренъ отчаяваться. Иначе, что-же бы это такое было?

Между тѣмъ, день проходилъ за днемъ, не принося ничего утѣшительнаго. Паника въ городѣ усиливалась, городъ пустѣлъ больше и больше. Съ замираніемъ духа москвичи ожидали результатовъ большого сраженія.

И вотъ сраженіе дано 27 августа—великая Бородинская битва! Но что-же это—пораженіе или побѣда? Каждая сторона приписываетъ себѣ побѣду. Уронъ съ обѣихъ сторонъ громадный. Напряженіе съ обѣхъ сторонъ страшное, геройство небывалое.

Кто-же побѣдитель?

Русскія войска выдержали и отбили почти на всѣхъ пунктахъ натискъ французской арміи, измученной, хорошо понимавшей, что теперь надо или умереть, или побѣдить, хорошо понимавшей, что надо войти въ Москву, потому-что только въ Москвѣ спасеніе отъ позора и голодной смерти, только въ Москвѣ отдыхъ послѣ непостижимыхъ трудностей баснословнаго похода. Русскія войска отбили непріятельскій натискъ, устояли; но въ то-же время, вмѣсто того, чтобы накинуться на непріятеля,—отступили. Неспѣшно, въ порядкѣ, но все-же отступили.

Французскія войска, при видѣ этого отступленія, не стали

преслѣдовать непріятеля, а разстроенныя, въ конецъ измученныя и обезсиленныя, спокойно заняли Можайскъ.

Бородинская битва, повидимому, оказывалась нерѣшительной битвой.

Французская армія обезсилена и ей неоткуда ждать помощи. Русская армія опустошена ожесточенной битвой; но она въ порядкѣ, и, затѣмъ, къ ней могутъ примкнуть новыя силы.

Кутузовъ не можетъ отдать Москву безъ боя. Новая битва должна разразиться подъ стѣнами Москвы. А между тѣмъ Кутузовъ со своимъ войскомъ входитъ въ Москву, проходитъ черезъ нее. Москва открыта для французскихъ полчищъ. Москва отдана непріятелю...

Ростопчинъ извѣстилъ Сергѣя Борисовича объ этомъ, совѣтуя ему немедленно, если есть только какая-нибудь возможность, уѣзжать изъ города. Повидимому, ничего другого не оставалось дѣлать, какъ бѣжать вслѣдъ за остальными, тѣмъ болѣе, что и врачи, лѣчившіе Владиміра, удалились, оставивъ своего паціента. Сергѣй Борисовичъ уже началъ дѣлать распоряженія относительно переѣзда въ одно изъ подмосковныхъ своихъ имѣній. Часъ, два—и они уѣдутъ.

Но вотъ Татьяна Владиміровна, растерянная, блѣдная какъ полотно, входитъ въ кабинетъ мужа. Онъ взглянулъ на нее и ужаснулся выраженію ея лица.

— Что такое случилось?

— Мы не можемъ ѣхать, у Владиміра сильнѣйшій припадокъ. Взгляни, онъ весь въ жару... онъ бредитъ... Что теперь дѣлать?

Сергѣй Борисовичъ отправился въ комнату сына и сразу-же убѣдился, что въ такомъ состояніи мальчика перевозить нѣтъ никакой возможности.

— Уѣзжай съ Борисомъ!—шепнула Татьяна Владиміровна.

Мужъ только молча и укоризненно взглянулъ на нее.

— Ну, что-же, мы останемся,—проговорилъ онъ черезъ нѣсколько мгновеній.—Богъ милостивъ! Не съѣдятъ-же насъ живыми.

Мрачный, съ опущенной головой вышелъ онъ изъ комнаты. Татьяна Владиміровна осталась у кровати сына, опустилась на колѣни и стала горячо молиться. Въ углу комнаты тихо всхлипывалъ карликъ.

«Что-же теперь будетъ?—съ отчаяніемъ думалъ онъ.—Вѣдь, они звѣри, эти французы... знаю я ихъ... Вотъ уже въ мысляхъ не бывало дожить до такого года... Врагъ, нехристь поганый, въ Москвѣ, надругается надъ святыней»...

Но онъ сдержалъ въ себѣ отчаяніе и тотчасъ-же рѣшился,

никому не довѣряя, отправиться на развѣдки. Съ этой минуты онъ часто уходилъ изъ дому; уходилъ на нѣсколько часовъ и приносилъ самыя вѣрныя извѣстія о томъ, что творится въ городѣ.

Теперь старая русская столица окончательно пуста, имѣетъ видъ вымершаго города. Почти всѣ дома глухо-на-глухо заколочены; магазины и лавки забиты. На улицахъ только изрѣдка встрѣчаются робко крадущіяся фигуры, по большей части, бѣднаго ремесленнаго люда. Только изъ иныхъ кабаковъ слышатся, въ особенности къ вечеру, дикіе крики: это гуляютъ фабричные. Они разбиваютъ бочки съ виномъ, напиваются до одурѣнія, выволакиваютъ бочки на улицу. Вино течетъ по камнямъ. Нѣкоторые, уже совсѣмъ пьяные, даже припадаютъ къ мостовой и лижутъ камни. А потомъ эта дикая толпа всю ночь съ отвратительнымъ крикомъ бродитъ, шатаясь по городу, нарушая пустынную тишину его.

Погода стоитъ ясная и теплая. Наступаетъ 2-е сентября. Наполеонъ входитъ въ городъ, окруженный своимъ измученнымъ войскомъ, которое забываетъ всякую дисциплину, которое ликуетъ, заранѣе предвкушая всѣ земныя блага, сопряженныя съ обладаньемъ огромнаго богатаго города.

Наполеонъ, уставшій и простуженный, сознавшій свое крайне затруднительное положеніе, снова воспрянулъ духомъ. Онъ побѣдитель! Онъ въ сердцѣ Россіи! Здѣсь ему дана будетъ возможность собраться съ силами, предписать какія ему будетъ угодно мирныя условія русскому царю. Отсюда, изъ этихъ вѣковыхъ, знаменитыхъ стѣнъ, онъ снова покажется Европѣ въ ореолѣ немеркнущей славы всемірнаго побѣдителя. Но его мечты, его надежды сразу разбиваются. Побѣдителя никто не встрѣчаетъ. Онъ вступаетъ въ пустой, оставленный жителями городъ. А черезъ день уже спитъ въ кремлевскомъ дворцѣ, при освѣщеніи пожаровъ, со всѣхъ сторонъ охватывающихъ городъ, вспыхивающихъ то тамъ, то здѣсь, грозящихъ, наконецъ, его безопасности. Съ проклятіями, въ отчаяніи, понявъ, наконецъ, свое положеніе и предвидя судьбу свою, онъ выѣзжаетъ изъ Кремля, пробираясь по пылающимъ улицамъ, и поселяется въ Петровскомъ дворцѣ.

Москва горитъ какъ свѣча. Французскіе солдаты, которымъ сначала было приказано не грабить городъ и не трогать жителей, теперь уже окончательно забыли всякую дисциплину. Да и никто даже не хочетъ имъ приказывать, ихъ начальники сами обезумѣли.

Грабь... жги... неистовствуй!..

И все, что еще осталось цѣлымъ, предается разграбленію. Ве-

ликолѣпные дома русскихъ баръ представляютъ изъ себя опустошенныя, жалкія развалины.

Но невредимъ еще пока, по счастью, домъ Горбатовыхъ на Басманной, хотя вокругъ него уже сгорѣли многія прекрасныя зданія. Домъ Горбатовыхъ находится въ глубинѣ большого двора, обнесеннаго чугунной оградой на высокомъ каменномъ фундаментѣ. Далѣе, за домомъ и вокругъ него, идетъ обширный садъ. Такое положеніе избавляетъ его отъ опасности.

Сергѣй Борисовичъ, помышляя только о своемъ больномъ, почти умирающемъ сынѣ, о спасеніи семьи, добился свиданія съ Мюратомъ и, выставивъ свое печальное семейное положеніе, сумѣлъ выговорить себѣ безопасность. Онъ предоставилъ половину своего дома въ распоряженіе французскаго генерала и нѣсколькихъ офицеровъ. Онъ не щадитъ ничего, онъ по-царски угощаетъ своихъ гостей, всячески ихъ задариваетъ, и за это уставшіе французы его дѣйствительно охраняютъ отъ своихъ соотечественниковъ.

Владиміру то хуже, то лучше. Онъ на попеченіи одного только домашняго врача-нѣмца, который, безъ руководства разбѣжавшихся знаменитостей, не знаетъ что̀ и дѣлать, а потому ничего не дѣлаетъ. Но такъ оно лучше—природа сама выпутается изъ бѣды...

Всѣ эти страшные дни Борисъ находился, естественно, въ нѣкоторомъ забросѣ, на него мало обращали вниманія. А между тѣмъ для него это было очень важное время. Ему было около пятнадцати лѣтъ, и онъ считалъ себя взрослымъ человѣкомъ.

Онъ очень любилъ брата, отъ всего сердца жалѣлъ его. Онъ не могъ равнодушно видѣть горе отца и матери. Но все-же главный его интересъ, главный смыслъ его тепершней жизни былъ внѣ семьи. Вся душа его кипѣла отъ совершавшихся грозныхъ событій.

Когда они пріѣхали въ Москву, когда стали кругомъ него слышаться разговоры о приближеніи непріятеля, о приготовляющейся за Можайскомъ битвѣ — онъ весь дрожалъ, глаза его горѣли. Онъ пришелъ какъ-то къ отцу и сталъ умолять его разрѣшить ему вступить въ военную службу и присоединиться къ войску Кутузова.

— Меня примутъ,—умоляющимъ голосомъ говорилъ онъ:—я знаю навѣрно, что примутъ. Я силенъ, я умѣю драться, я могу быть солдатомъ. Вѣдь, вотъ-же Ваню Гоницына приняли, а онъ ниже меня ростомъ.

— Онъ на два года тебя старше,—отвѣчалъ отецъ.—И солдатомъ тебѣ быть рано. А, главное, что тебя не примутъ—спроси графа Ѳедора Васильевича, онъ тебѣ скажетъ это.

— Но мнѣ невыносимо сидѣть сложа руки, когда врагъ въ предѣлахъ Россіи, приближается къ нашей древней Москвѣ, когда льется русская кровь! — восторженно, въ нервномъ возбужденіи, доказывалъ Борисъ.

— Я очень хорошо понимаю твои чувства,—сказалъ Сергѣй Борисовичъ: — но противъ невозможности ничего нельзя сдѣлать. Повѣрь, эта великая война не завтра кончится. Если ты хочешь непремѣнно драться, то въ свое время еще очень успѣешь.

— Не удерживайте меня! Не удерживайте ради Бога! — со слезами на глазахъ повторялъ Борисъ.

«Чего добраго, онъ убѣжитъ, пожалуй»,—подумалъ Сергѣй Борисовичъ.

— Послушай!—сказалъ онъ:—есть еще одно обстоятельство, о которомъ ты, кажется, совсѣмъ не думаешь. Ты понимаешь, вѣдь, положеніе твоего брата, въ немъ нѣтъ ничего утѣшительнаго, и у насъ осталось мало надежды на его выздоровленіе—не сегодня, завтра онъ можетъ умереть. Подумай-же о матери! Если ей суждено лишиться одного сына... что-жъ... ты, вѣрно, хочешь подвергнуть ее опасности лишиться и другого. Подумай— если ты уйдешь, если съ тобой что-нибудь случится, а, вѣдь, ты очень и очень легко можешь быть раненъ или убитъ — что съ нею будетъ? Она не переживетъ этого... Неужели ты хочешь уморить насъ?

Борисъ вздрогнулъ, опустилъ голову, простоялъ нѣсколько мгновеній неподвижно и потомъ вдругъ съ глубокимъ вздохомъ и упавшимъ голосомъ произнесъ:

— Да, конечно, вы правы, батюшка, я долженъ остаться.. я понимаю это.

Отецъ крѣпко его обнялъ и поцѣловалъ. Но все-таки въ этотъ-же день онъ поручилъ гувернеру-англичанину слѣдить за Борисомъ, чтобы онъ никакъ не выходилъ одинъ изъ дому.

Борисъ искренно отказался отъ своего намѣренія; но положеніе было для него крайне мучительно. Онъ жадно ловилъ всѣ новости.

Когда сдѣлалось очевиднымъ, что Москва предоставлена непріятелю, онъ забрался въ густую аллею сада и горько тамъ плакалъ.

Теперь, когда Москва горѣла, когда въ домѣ стояли французы, онъ весь день бродилъ взволнованный, нервный, съ горящими глазами, ко всему прислушивался. Въ немъ кипѣла ненависть къ врагамъ, въ немъ поднималась ненасытная жажда мести, какого-нибудь подвига, и онъ не могъ уже владѣть собою.

«Если нельзя сражаться,—думалъ онъ: — если нельзя грудью защищать свое отечество, такъ все-же изъ этого не слѣдуетъ,

что нужно сидѣть сложа руки. Что дѣлается въ городѣ? Здѣсь, за этими стѣнами, ничего не знаешь. Вѣдь, не вся-же Москва пуста? Все-же довольно осталось народу. Непріятели грабятъ! Непріятели производятъ всевозможныя жестокости... Навѣрно, русскихъ убиваютъ, мучаютъ, пытаютъ... Навѣрно, можно спасти кого-нибудь... Я не могу больше, я долженъ выйти изъ дому... Я долженъ видѣть своими глазами все, что дѣлается. Можетъ быть, Богъ поможетъ мнѣ на что-нибудь пригодиться. Вонъ вчера Степанычъ разсказывалъ, что самъ видѣлъ, какъ на улицѣ лежало нѣсколько труповъ русскихъ людей. Онъ разсказывалъ, что французы унесли куда-то связанную по рукамъ и по ногамъ женщину»...

Внезапное рѣшеніе созрѣло въ головѣ его. Онъ проснулся рано утромъ, убѣдился, что гувернеръ спитъ, тихонько одѣлся и прокрался къ двери, выходившей на балконъ. Дверь была заперта на ключъ, но ключъ не вынутъ изъ замка. Онъ прислушался — все кругомъ тихо... Замокъ щелкнулъ — онъ на балконѣ.

Оглядываясь во всѣ стороны, онъ выбѣжалъ въ садъ, отперъ калитку, черезъ которую можно было выйти во дворъ, и знакомыми ему закоулками пустился бѣжать къ воротамъ. Но ворота заперты, возлѣ нихъ въ будкѣ дремлетъ сторожъ Иванъ. Огромная цѣпнаясобака сначала глухо заворчала, а потомъ бѣшено залаяла.

Сторожъ проснулся.

— Кто тутъ? Что надо?

— Это я, Иванъ, я, не узналъ?

Но Иванъ узналъ.

— Что прикажете, сударь Борисъ Сергѣичъ?

— Отвори мнѣ калитку скорѣе.

— Куда это вы, батюшка баринъ, въ рань такую?

— Нужно, нужно... сейчасъ вернусь... не задерживай!

Сторожъ Иванъ спросонья не могъ еще придти въ себя, не могъ сообразить, слѣдуетъ-ли выпускать барченка или нѣтъ? Но насчетъ этого ему никакого приказа дано не было. А Борисъ торопитъ:

— Отворяй! отворяй скорѣе!

Онъ отворилъ калитку и выпустилъ.

Борисъ кинулся бѣжать. Добѣжалъ до церкви, повернулся за уголъ и остановился, переводя дыханіе.

Только что взошло солнце, но его еще не было видно. Туманъ стоялъ кругомъ. Сильно пахло гарью. Со всѣхъ сторонъ поднимался дымъ, со всѣхъ сторонъ вставали потухавшія развалины зданій.

Борисъ ощупалъ въ своемъ карманѣ маленькій, взятый имъ съ собою пистолетъ и спѣшнымъ шагомъ направился къ Мясницкой.

VII.

Герой.

Пожаръ Москвы развивался и увеличивался, между прочимъ, и погодой. Нѣсколько дней при ясномъ, почти безоблачномъ небѣ и довольно высокой температурѣ дулъ сильный вѣтеръ Деревянныя зданія вспыхивали одно за другимъ. Вѣтеръ разметывалъ горящія головни, перебрасывая ихъ черезъ нѣсколько домовъ. Огонь быстро принимался. Такимъ образомъ въ какіе-нибудь два, три часа времени горѣла вся улица. Несчастные жители, запрятанные въ темныхъ уголкахъ своихъ квартиръ и теперь застигнутые врасплохъ врагомъ уже нежданнымъ, выбѣгали обезумѣвши на улицу, унося съ собою первое, что попадалось подъ руку, часто совсѣмъ ненужное. При видѣ со всѣхъ сторонъ несшагося на нихъ пламени, они кидались въ ближайшую церковь. Но пламя скоро подбиралось и къ церкви, грозило ей неминуемой опасностью. Поднимались стоны, вопли. Приходилось бѣжать и отсюда.

Куда бѣжать? Дымъ ѣлъ глаза, застилалъ всѣ окружающіе предметы. Кругомъ рушились зданія. Выла и гроҳотала буря. И толпа несчастнаго народа бѣжала впередъ, сама не зная куда. Пламя заступало дорогу. На многихъ загоралась одежда, многіе обезсиленные падали задыхаясь. Другіе, наконецъ, вырвавшись кое-какъ изъ пламенныхъ объятій, собирались на площадяхъ, складывали тутъ свои скудные пожитки, а сами падали въ изнеможеніи на землю. И, наконецъ, нѣсколько придя въ себя, начинали оглядываться. Тогда начиналось всеобщее смятенье. Многіе не досчитывали своихъ близкихъ. Мужья потеряли женъ, матери—дѣтей. Почти каждый вспоминалъ, что, выбѣгая изъ дому, оставилъ на жертву пламени что-нибудь дорогое. Полное отчаяніе охватывало этотъ несчастный людъ. А пламя свирѣпствовало, а буря не утихала. Густой дымъ застилалъ солнце. Мракъ наступалъ надъ землею.

Но вотъ, наконецъ, вѣтеръ началъ стихать. Со всѣхъ сторонъ горизонта стали показываться облака. Скоро они заволокли все небо, пошелъ дождь. Дождь увеличивался съ каждой минутой, лилъ, почти не переставая, болѣе сутокъ. Народъ, расположившійся на площадяхъ подъ открытымъ небомъ, весь продрогъ,

нитки сухой на немъ не осталось. Но пожаръ сталъ прекращаться.

И теперь, когда Борисъ бѣжалъ по Мясницкой, городъ уже представлялъ иной видъ.

Фантазія Бориса работала съ дѣтства. Онъ иногда въ часы уединенія или безсонницы представлялъ себѣ съ большой ясностью всевозможныя картины, самыя страшныя, самыя фантастическія. Но никогда еще его горячая фантазія не рисовала передъ нимъ такого потрясающаго зрѣлища, какого онъ теперь былъ свидѣтелемъ.

Онъ уже давно пробѣжалъ всю Мясницкую и двигался къ Москвѣ-рѣкѣ, чтобы взглянуть на Замоскворѣчье. Онъ шелъ среди развалинъ, со всѣхъ сторонъ передъ нимъ возвышающихся. Всюду дымились пожарища, и то и дѣло, то здѣсь, то тамъ, нежданно вспыхивали огненные языки. Еще недавно раскаленный удушливый воздухъ, полный дыму и пепла, теперь освѣжился.

Но Борисъ чувствовалъ по временамъ отвратительный запахъ, и онъ скоро понялъ, откуда происходитъ этотъ запахъ. Онъ началъ все чаще и чаще натыкаться на трупы, обгорѣлые, ужасные трупы, предающіеся тлѣнію.

Ужасъ и отвращеніе охватили Бориса. Онъ остановился невдалекѣ отъ трупа женщины, лежавшаго прямо передъ нимъ посреди дороги. Онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Онъ почувствовалъ, что по головѣ его какъ будто что-то пробѣгаетъ, будто волосы его шевелятся и начинаютъ подниматься сами собой. Едва сдавивъ въ себѣ крикъ, онъ кинулся назадъ, съ намѣреніемъ бѣжать скорѣе домой отъ всѣхъ этихъ ужасовъ.

Но вдругъ остановился.

«Я трусъ! — мелькнуло въ головѣ его. — Я не могу вынести вида смерти, на что-же я годенъ послѣ этого?»

Нервно вздрагивая, онъ вернулся обратно и стоялъ передъ обезображеннымъ трупомъ, заставляя себя спокойно разглядѣть его. И онъ глядѣлъ съ искаженнымъ лицомъ, съ широко раскрытыми глазами. Онъ увидѣлъ лицо, очевидно, еще молодое и, вѣроятно, бывшее красивымъ; но теперь оно было почти зеленаго цвѣта. Одна сторона его опухла, изъ подъ одной, не совсѣмъ закрытой вѣки выглядывалъ безжизненный стеклянный зрачекъ... Женщина была полураздѣта...

Онъ не въ силахъ былъ больше глядѣть. Стараясь не дышать, чтобы не чувствовать ужаснаго смрада, онъ обошелъ трупъ и побѣжалъ дальше. Все было тихо. Но вотъ ему послышались невдалекѣ голоса. Онъ оглядѣлся и замѣтилъ толпу людей, шедшую ему навстрѣчу.

Инстинктивно, во мгновеніе ока, онъ кинулся въ сторону и спрятался въ развалины дома. Онъ чувствовалъ подъ своими ногами еще не совсѣмъ остывшій пепелъ и уголья. Онъ притаился за выступомъ окна и глядѣлъ. Эти, очевидно, спѣшившіе куда-то люди уже почти съ нимъ поравнялись; но они, должно быть, его не замѣтили, а теперь ужъ никакъ не могутъ его видѣть. Кто эти люди? И онъ сейчасъ-же убѣдился, что это враги — французы, убѣдился по ихъ говору.

Боже мой, въ какомъ они видѣ! Развѣ это солдаты? Положимъ, у каждаго изъ нихъ оружіе и кой-какіе остатки военной формы. Но вотъ на одномъ партикулярный сюртукъ, на другомъ цилиндрическая шляпа, на третьемъ какая-то женская мантилья. Это враги-грабители! Они, быть можетъ, убили тѣхъ, кого ограбили и чье платье на себя надѣли!.. Бѣшенство, ненависть закипѣли въ Борисѣ. Онъ выну лъ дрожащей рукой изъ своего кармана пистолетъ, взвелъ курокъ и направилъ его изъ-за переплета окна на проходившую толпу. Онъ спустилъ курокъ; но что это? Выстрѣла не послѣдовало... осѣчка!

Французы прошли мимо. Тутъ только бѣдный Борисъ замѣтилъ, что хотя онъ и хорошо зарядилъ свой пистолетъ, но забылъ надѣть пистонъ. Ему стало досадно, стыдно. И въ то-же время онъ почувствовалъ безсознательную радость. Тѣмъ не менѣе, онъ поспѣшно вынулъ изъ коробочки пистонъ, надѣлъ его и, выбравъ себѣ болѣе удобное положеніе, остался неподвиженъ.

«Эти прошли, пройдутъ и другіе,—думалъ онъ:—тогда я ужъ не промахнусь. Я долженъ убить врага!»

Но онъ долго стоялъ, и никто не показывался на улицѣ. Наконецъ, онъ издали замѣтилъ приближающуюся фигуру.

«Вотъ онъ, вотъ!—съ забившимся сердцемъ чуть громко не крикнулъ Борисъ.—Но онъ одинъ, я не долженъ убивать его изъ-за угла»...

Однимъ прыжкомъ онъ перескочилъ черезъ груду обгорѣлыхъ обломковъ и углей и съ поднятымъ пистолетомъ стремительно направился къ шедшей навстрѣчу ему одинокой фигурѣ. Теперь онъ замѣтилъ, что это пожилой человѣкъ, съ блѣднымъ, испитымъ лицомъ; длинные, почти сѣдые волосы выбивались со всѣхъ сторонъ нечесаными космами изъ-подъ суконнаго картуза съ большимъ козырькомъ. Щеки и подбородокъ были, очевидно, давно небриты и поросли серебристой щетиной. Одѣтъ этотъ человѣкъ былъ въ длиннополый, поношенный кафтанъ. Онъ шелъ нетвердой походкой, бормоча что-то... Во всей его фигурѣ не было ничего воинственнаго, да и никакого оружія на немъ не замѣчалось.

Борисъ остановился въ недоумѣніи, но все еще не опуская

пистолетъ. Старикъ только теперь его замѣтилъ. Онъ окинулъ его взглядомъ, въ которомъ выражался не страхъ, а ненависть, и охрипшимъ голосомъ крикнулъ:

— А, французъ поганый!.. Нехристь окаянный! Убить меня хочешь... ну, что-же, убивай... стрѣляй... да стрѣляй-же, молокососъ!..

И онъ, широко разводя руками, выставилъ впередъ грудь, наступая на Бориса.

Борисъ опустилъ пистолетъ.

— Я не французъ,—растерянно проговорилъ онъ.

— Такъ что-же ты на своихъ кидаешься?

— Да я... я думалъ, что вы французъ... что вы врагъ,—заикаясь, проговорилъ юноша, весь краснѣя.

Старикъ изумленно и съ усмѣшкою оглядѣлъ Бориса и покачалъ головою.

— Ахъ ты молокососъ, молокососъ! Поди ты, вонъ тоже на своихъ съ пистолетомъ кидается! Да ты, можетъ, кого и уложилъ такъ-то, зря?..

— Нѣтъ, я еще не стрѣлялъ.

— То-то!

Старикъ еще разъ оглядѣлъ Бориса, печально и добродушно усмѣхнулся и опять покачалъ головою.

— Да откуда ты, паренекъ? Кто таковъ? Барченокъ какой, что-ли? Баръ-то, что-то, не видать... разъѣхались...

Старикъ этотъ вдругъ ужасно понравился Борису, и онъ съ внезапной откровенностью, свойственной его годамъ, разсказалъ ему кто онъ, и откуда, и за какимъ дѣломъ попалъ сюда.

— Вѣдь, правда,—заглядывая ему въ глаза, говорилъ онъ:— правда, вѣдь, что стыдно сидѣть въ безопасности, когда въ городѣ такіе ужасы, когда кому-нибудь помочь можно, кого-нибудь защитить... убить хоть одного врага и грабителя?

— Эхъ, молодчикъ, молодчикъ! — печально повторилъ старикъ.—Ну, чему ты, сударь, поможешь? Кого спасешь? Вотъ меня чуть было не убилъ. Оно бы и ничего... туда мнѣ и дорога... смерти не боюсь... Да тебѣ плохо-бы было, на душу грѣхъ большой взялъ-бы... Сидѣлъ-бы лучше дома. Покрайности какъ, пришелъ-бы часъ твой, такъ со своими родителями да домочадцами принялъ-бы кончину... Всѣ погибнемъ! Всѣ погибнемъ!—вдругъ, сверкнувъ глазами, дикимъ голосомъ крикнулъ старикъ.

— Какъ всѣ погибнемъ?—испуганно и изумленно спросилъ Борисъ.

Старикъ становился страшнымъ; глаза его дико блуждали. Онъ потрясалъ въ воздухѣ рукою.

— Всѣ погибнемъ!—повторялъ онъ.—Пришелъ часъ гнѣва

Божьяго и кары! Кончина свѣта приблизилась... Прогнѣвили мы Господа Бога великими нашими злодѣйствами, неправдою, а противъ Бога кто можетъ? Наслалъ онъ на насъ этихъ дьяволовъ и призвалъ имъ на помощь стихіи небесныя. Камня не останется отъ сего города! Ни одинъ человѣкъ не выйдетъ изъ него...

— Ахъ, зачѣмъ вы это говорите?—старался перебить его Борисъ:—Богъ милостивъ. Врагъ покинетъ Москву, наше войско заставитъ его еще бѣжать.

Но старикъ его не слушалъ. Онъ кричалъ теперь, очевидно, уже не обращая на него никакого вниманія, не сознавая, есть у него слушатель или нѣтъ.

— Всю жизнь сколачивалъ деньги,—кричалъ онъ:—что мукъ вынесъ... работалъ рукъ не покладая. Ночи за работой просиживалъ. Сколотилъ мастерствомъ своимъ деньжонки, домикъ построилъ... сына выростилъ... Въ солдаты взяли. Гдѣ сынъ? Убитъ!.. французы убили... Справлялся... вѣрно узналъ... убили... Нѣтъ Петруши... Нѣтъ и могилки его... такъ и не увидѣлъ. Жена заболѣла съ горя... Лежитъ, стонетъ, душу надрываетъ... Врагъ пришелъ, Москву отдали ему... Вышелъ изъ дому—силъ не хватало... Пожаръ!.. Москва горитъ... говорятъ, на нашей улицѣ... Бѣгу домой... Гдѣ-же это... гдѣ... гдѣ домъ мой?.. Нѣтъ дома... сгорѣлъ... ничего не осталось... Гдѣ жена?.. Больна, вѣдь, двигаться не могла... Гдѣ она? гдѣ?.. Да говори же ты мнѣ, гдѣ она?—накинулся онъ на Бориса, хватая его за плечи.

Онъ былъ страшенъ. Безуміе и бѣшенство изобразились на лицѣ его.

Борисъ высвободился и стремительно побѣжалъ отъ него. Потомъ онъ остановился, оглянулся и увидѣлъ, что старикъ все еще стоитъ на одномъ мѣстѣ, разводя руками и крича что-то такое, чего теперь разобрать было невозможно. Борисъ бѣжалъ дальше, среди все той-же картины всеобщаго разрушенія; среди все тѣхъ-же валявшихся труповъ людей и животныхъ.

А солнце поднималось выше и выше. Встрѣчались люди. Нѣсколько разъ Борису приходилось прятаться отъ французовъ, которые толпами, съ крикомъ и гикомъ, бродили, врываясь въ дома, уцѣлѣвшіе отъ пожара, съ цѣлью грабить все, что еще можно было найти въ нихъ.

Когда первая паника, охватившая французовъ при видѣ со всѣхъ сторонъ усиливавшихся пожаровъ, прошла, они рѣшили наверстать свои неудачи и разочарованія самымъ разнузданнымъ грабежомъ. Теперь уже нечего было стѣсняться передъ этими варварами, встрѣтившими ихъ такимъ ужаснымъ образомъ, такъ насмѣявшимися надъ ними.

Самъ Наполеонъ, рѣшившись возвратиться въ Кремлевскій дворецъ, которому теперь уже не угрожала опасность, разрѣшилъ этотъ грабежъ, хотя и объявилъ мѣры для его ограниченія. Онъ приказалъ, чтобы каждый корпусъ, находившійся въ Москвѣ или ея окрестностяхъ, одинъ за другимъ, въ назначенные дни, отряжалъ отъ себя по нѣсколько ротъ для грабежа. Этотъ грабежъ былъ названъ въ приказѣ Наполеона: «приготовленіемъ запасовъ продовольствія».

Между тѣмъ, конечно, никакого ограниченія грабежа не было. Напротивъ, эти отряды, посылаемые по очереди, разсуждали такъ, что каждому изъ нихъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, приходится въ послѣдній разъ выходить на добычу, и потому они съ остервенѣніемъ накидывались на все. Они разбивали двери и окна, врывались на чердаки, въ подвалы и кладовыя. Несчастные жители, прятавшіеся по угламъ, не выказывали, конечно, никакого сопротивленія. Они предоставляли все свое имущество на разграбленіе, лишь-бы только ужасные грабители ушли поскорѣе.

Имъ, кажется, уже ничего не осталось теперь, они уже больше не вернутся.

А между тѣмъ, на слѣдующій день грабежъ повторялся. Каждый корпусъ долженъ былъ навѣстить несчастныхъ обывателей. Каждый приходилъ по-очереди и забиралъ все, что оставилъ его предшественникъ. И по мѣрѣ того какъ уже не оказывалось ничего для грабежа, солдаты непріятельскіе выказывали все больше и больше бѣшенства. Они воображали, что отъ нихъ прячутъ добычу, и угрозами, насиліемъ заставляли ее выдавать себѣ.

При этомъ они сами были въ несчастномъ положеніи: все износилось, безъ сапогъ, безъ бѣлья, въ лохмотьяхъ. Врываясь въ домъ, гдѣ уже не оставалось ничего для ихъ поживы, они почти до-нага раздѣвали хозяевъ—мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Каждая вещь изъ носильнаго платья и бѣлья была имъ нужна. Происходили ужасныя, возмутительныя сцены. Они уже не различали теперь народностей. Французы, въ довольно большомъ количествѣ жившіе въ Москвѣ и теперь тамъ оставшіеся, были точно такъ же, какъ и русскіе, ограблены своими соотечественниками. Эти солдаты, самымъ безобразнымъ образомъ закутанные во всевозможное награбленное платье, какъ мужское, такъ и женское, совсѣмъ замаскированные этими фантастическими нарядами, теперь находили возможнымъ, надѣясь быть неузнанными, грабить даже своихъ собственныхъ офицеровъ.

Борисъ, бродя изъ улицы въ улицу, не чувствуя ни усталости, ни голода, не замѣчая времени, то и дѣло натыкался на какое-нибудь проявленіе этого безначалія и всякихъ жестокостей.

Вотъ раздаются крики, пронзительные женскіе крики. Двое солдатъ тащутъ какую-то молодую женщину. Она отъ нихъ вырывается..

— Votre bague! votre bague!—кричатъ они:—ou nous la prenons avec le doigt!

Молодая женщина становится передъ ними на колѣни, она заливается слезами, она умоляетъ ихъ прерывающимся голосомъ:

— Ayez pitié de moi, messieurs, prenez tout, prenez tout, laissez moi la bague. Voyez, elle est si simple, mais elle m'est si chère. Ayez pitié de moi, je suis votre compatriote!

Но французы не обращаютъ никакого вниманія на слова ея. Уже одинъ схватилъ ее за палецъ, мигъ—и онъ дѣйствительно ей его отрубитъ.

Борисъ не могъ вынести этого. Онъ кинулся къ ней на помощь.

Онъ былъ очень силенъ для своихъ лѣтъ; но скоро убѣдился, что ему не сладить съ этими двумя рослыми мущинами.

— Il n'y a rien à faire!—задыхаясь крикнулъ онъ молодой женщинѣ:—rendez votre bague à ces infâmes!

Та, видя, что не остается никакого спасенія, съ громкими рыданіями сняла кольцо. Видно было, что оно ей безконечно дорого. Это было гладкое обручальное кольцо.

Одинъ изъ французовъ жадно схватилъ его, а другой со всего размаха ударилъ Бориса въ спину, такъ что тотъ пошатнулся.

— Et toi coquin,—крикнулъ онъ ему:—tu feras cadeau de ton bonnet à tes compatriotes!

И съ этими словами онъ сорвалъ съ Бориса его шляпу.

Очевидно, французы эти надѣялись еще хорошо поживиться въ другомъ мѣстѣ.

Они поспѣшно удалились.

Борисъ обратился къ плачущей женщинѣ, спрашивая ее, гдѣ она живетъ, и предлагая ей проводить ее. Но оказалось, что она живетъ тутъ же рядомъ въ домѣ. Она съ плачемъ вошла во дворъ, приглашая Бориса съ собою. Послѣ борьбы съ французами, помятый ими и изрядно поколоченный, Борисъ чувствовалъ большую усталость, а потому безъ всякихъ разсужденій послѣдовалъ за своей новой знакомой.

Она ввела его въ небольшую, но, вѣроятно, недавно еще очень мило убранную квартиру. Теперь же по комнатамъ царствовалъ полнѣйшій безпорядокъ. Все было перерыто, комоды стояли съ выдвинутыми ящиками, платяной шкафъ тоже.

Француженка, очень недурная женщина, лѣтъ двадцати восьми, вдругъ какъ-то черезчуръ даже быстро успокоилась. Отчаянное выраженіе въ ея лицѣ исчезло, слезы высохли. Она уже улыба-

лась Борису и говорила скоро, скоро, пріятно картавя и разсказывая ему о томъ, какъ она вышла было изъ дому, желая разузнать, не находится-ли гдѣ-нибудь по близости квартира одного изъ французскихъ генераловъ, къ которому она хотѣла обратиться съ просьбой о заступничествѣ. И вотъ, только что она вышла изъ воротъ, какъ проходившіе два французскихъ солдата замѣтили на ея рукѣ это кольцо.

Вспомнивъ о кольцѣ, она опять было всплакнула, но тутъ-же и успокоилась.

— Я не могла надѣть перчатокъ,—говорила она:—потому что у меня нѣтъ перчатокъ... Все разграбили! И я одна... Меня покинули всѣ друзья, знакомые... всѣ скрылись изъ Москвы.

Она усадила Бориса въ мягкое кресло и продолжала разсказывать.

Она уже шесть лѣтъ какъ въ Россіи. Сначала жила въ Петербургѣ, но вотъ уже четвертый годъ какъ перебралась въ Москву. Она актриса. Ея друзья предлагали ей уѣзжать, но она осталась вопреки ихъ желаніямъ. Развѣ могла она предвидѣть эти ужасы? Она разсчитывала весело провести время въ кругу своихъ соотечественниковъ... И вотъ теперь ограблена, лишена всего достоянія. Три раза врывались къ ней въ квартиру, разграбили все, что только было у нея хотъ немного цѣннаго—всѣ ея вещи, даже платья, ея шубу. Она не знаетъ, что будетъ теперь дѣлать. Нужно непремѣнно найти генерала, а всего лучше обратиться къ самому императору... Онъ долженъ будетъ помочь ей... Но какъ теперь это сдѣлать, она уже боится выйти изъ дому... Эти звѣри способны на всякое насиліе... Сначала къ ней ворвались поляки, потомъ нѣмцы. Она такъ перепугалась, что заболѣла.

И, вѣдь, она одна,—покинутая. Ея кухарка, глупая русская женщина, конечно, ничѣмъ не можетъ помочь ей. Да и какъ-же было выбраться, когда кругомъ горитъ и нѣтъ никакого прохода...

— Я все еще надѣялась на моихъ соотечественниковъ,—говорила она:—грабили поляки, грабили нѣмцы; но французы не могли меня грабить!.. И вотъ сегодня вы видѣли... французы, французы отняли у меня то, что было дороже всего!.. A, monsieur! si vous saviez... cette bague... cette bague! quel souvenir! — повторяла она:—et je vous suis tellement reconnaissante!

— За что-же? — печально проговорилъ Борисъ:—если-бы я могъ помочь вамъ, а то, вѣдь, не помогъ ничѣмъ и только даромъ лишился шляпы и теперь долженъ возвращаться съ непокрытой головой.

— Благодарите Бога, что такъ еще отдѣлались,—постаралась она его успокоить.—На васъ ваше платье. Они не выворотили

вамъ ваши карманы. По счастью, они приняли васъ за француза. Mais vous n'êtes pas français, n'est ce pas?

Но вмѣсто того, чтобы ей отвѣтить, Борисъ вдругъ вскочилъ, схватился за голову. Стыдъ, смущеніе, отчаяніе промелькнули на выразительномъ, нѣжномъ лицѣ его.

— Eh bien, mon chèr jeune homme, qu'avez vous donc?

— Mon Dieu, mon Dieu!—отчаянно прошепталъ онъ:—j'aurais pu vous défendre... Я могъ бы отбить васъ, и ваше кольцо не попало бы имъ въ руки... Я сошелъ съ ума... Я забылъ, что у меня въ карманѣ заряженный пистолетъ, который я и взялъ съ собою для подобнаго случая. Я далъ этимъ негодяямъ ограбить васъ, далъ имъ избить себя!.. Вѣдь, они были вооружены, могли защищаться... Я имѣлъ право стрѣлять въ нихъ!..

Онъ упалъ въ кресло, мучимый стыдомъ и рѣшительно не понимая, какимъ это, въ самомъ дѣлѣ, образомъ могъ забыть о своемъ пистолетѣ.

Француженка улыбнулась, подсѣла къ нему, положила ему на плечо свои маленькія красивыя руки и, ласково заглядывая ему въ глаза, стала его успокаивать.

— Не огорчайтесь,—говорила она:—все это было такъ быстро, что вамъ легко было забыть. Ну, что дѣлать, пропало мое кольцо! А вы должны благодарить Бога, что забыли о своемъ пистолетѣ. Помогло ли бы мнѣ это или нѣтъ—еще неизвѣстно. Если-бы вы вздумали стрѣлять, они, навѣрно бы, васъ убили. Вѣдь, ихъ было двое, двое сильныхъ, привычныхъ людей. Ахъ, какъ хорошо, что вы забыли! Вы и такъ меня отчаянно защищали. Вы храбрый молодой человѣкъ... очень храбрый. И вотъ у меня большая къ вамъ просьба—вѣдь, вы исполните ее? Да, конечно, исполните, у васъ доброе сердце!

Она еще ласковѣе глядѣла на него, гладила его волосы.

— Останьтесь со мною пока свѣтло! Если-бы вы знали, какъ я боюсь и какъ нуждаюсь въ защитѣ. Я теперь ни за что, ни за что не рискну выйти, а, вѣдь, они могутъ сюда придти, что я тогда сдѣлаю? Будьте моимъ защитникомъ!

Она говорила такимъ нѣжнымъ, умоляющимъ голосомъ. Она дѣйствительно была перепугана.

— Вѣдь, они весь день бродятъ, а когда начинаетъ смеркаться—исчезаютъ.

Борисъ забылъ свое положеніе, забылъ все и сказалъ, что такъ какъ она дѣйствительно нуждается въ его присутствіи, то онъ остается.

Живая француженка совсѣмъ развеселилась. Она тотчасъ же сообразила, что ея молодой защитникъ долженъ быть голоденъ, позвала свою кухарку, спросила что есть съѣстного. Съѣстного

оказалось немного, но все-же достаточно, чтобы насытиться. Былъ хлѣбъ, были кое-какія овощи, нашелся даже кусокъ холодной говядины.

Француженка сама, своими маленькими, хорошенькими ручками, смастерила обѣдъ для своего защитника. И болтала, болтала, переходя съ одного предмета на другой, ужасаясь, доходя до полнаго отчаянія—и потомъ сейчасъ-же развеселяясь, начиная даже смѣяться.

Борисъ, кажется, никогда еще не ѣлъ съ такимъ аппетитомъ. Время проходило незамѣтно. Вотъ стало и смеркаться. Онъ пришелъ, наконецъ, въ себя. Онъ понялъ, что̀ такое надѣлалъ. Ясно представлялъ онъ себѣ, какъ должны безпокоиться о немъ дома. Онъ увѣрялъ француженку, что не можетъ болѣе у нея оставаться. Просилъ ее послѣ его ухода хорошенько запереться и далъ ей слово, что на другой день утромъ она будетъ въ безопасности. Онъ попроситъ о ней французскаго генерала, который стоитъ у нихъ въ домѣ. Генералъ этотъ самый любезный человѣкъ и, конечно, не оставитъ въ такомъ положеніи свою соотечественницу.

— Какъ-же вы пойдете безъ шляпы? — говорила француженка:—а, вѣдь, у меня нѣтъ никакой шляпы. Я ничего не могу дать вамъ.

— Не бѣда,—отвѣчалъ Борисъ:—теперь темно, меня никто не увидитъ.

Француженка даже поцѣловала его на прощанье.

Онъ вышелъ и пустился бѣжать.

«Ахъ, что тамъ у насъ? Что они теперь думаютъ? Что будетъ?»—мучительно думалось ему.

И онъ еще прибавилъ шагу. Онъ боялся заблудиться посреди этихъ развалинъ, въ темнотѣ, которая должна была скоро наступить. На улицахъ почти никого не было. Вечеръ былъ ясный, но довольно холодный. Вдругъ онъ услышалъ отчаянный крикъ:

«Спасите! спасите!»

Голосъ былъ дѣтскій, звонкій, пронзительный; въ немъ выражалось страшное отчаяніе. Онъ остановился. Кричатъ близко, но гдѣ... ничего не видно.

«Спасите!»—опять пронеслось въ вечернемъ воздухѣ.

И тутъ изъ-за угла переулка онъ увидѣлъ человѣка, несшаго на рукахъ почти обнаженную дѣвочку. Она барахталась руками и ногами. Она отчаянно кричала.

Вся кровь брасилась въ голову Борису. Онъ выхватилъ изъ кармана пистолетъ, взвелъ курокъ и, подбѣжавъ къ несшему дѣвочку человѣку, крикнулъ ему:

— Laissez la ou je vous tue à l'instant!

Тотъ остановился, разглядѣвъ дуло пистолета.

— Qu'y a t'il?—хриплымъ голосомъ проговорилъ онъ.—Michaud a eu besoin de sa jupe... alors il ne me reste que la gamine... et je la prends—v'là tout!..

Это былъ дюжій молодой солдатъ. Отъ него пахло виномъ. Онъ былъ, очевидно, сильно пьянъ.

Раздался выстрѣлъ. Пуля просвистѣла почти у самаго уха солдата. Онъ разжалъ руки, дѣвочка соскользнула на землю. Солдатъ побѣжалъ, покачиваясь, и скоро скрылся въ наступавшихъ сумеркахъ.

Борисъ склонился надъ дѣвочкой. Она лежала, вздрагивая всѣмъ тѣломъ, почти безъ сознанія.

Что теперь дѣлать?

— Кто вы? Гдѣ вы живете?—растерянно спрашивалъ Борисъ.

Дѣвочка ничего не отвѣчала.

— Можете вы встать?

Она, наконецъ, разслышала его вопросъ. Она попробовала подняться и тутъ-же опять упала...

Она совсѣмъ почти раздѣта,—вечеръ холодный. Какъ быть? Онъ сталъ оглядываться. Онъ замѣтилъ среди развалинъ, его окружавшихъ, уцѣлѣвшее зданіе. Онъ наклонился, попробовалъ поднять дѣвочку. Потомъ снялъ съ себя пальто, закуталъ ее, поднялъ и понесъ.

Дѣвочка была довольно большая и тяжелая; но онъ не чувствовалъ тяжести. Черезъ минуту онъ уже былъ у подъѣзда намѣченнаго имъ дома.

«Авось, есть тутъ кто-нибудь,—думалъ онъ. — Авось, отворятъ!»

Поднявшись на ступеньки крыльца, онъ сталъ стучать въ дверь.

И вотъ, къ его изумленію, дверь распахнулась, но никто ее не отперъ—она была незаперта.

Борисъ вошелъ со своей тяжелой ношей, разглядѣлъ въ слабомъ полусвѣтѣ переднюю комнату. Прошелъ дальше, очутился въ довольно просторной залѣ, замѣтилъ диванъ, положилъ на него дѣвочку и сталъ ждать: придетъ-же кто-нибудь.

Онъ отворилъ другую дверь—крикнулъ:

— Кто тутъ?

Звукъ его голоса пронесся по пустымъ комнатамъ. Никто ему не отвѣтилъ. Все было тихо. Становилось все темнѣе и темнѣе.

VIII.

Ночь.

Между тѣмъ дѣвочка пришла въ себя. Она приподняла голову, поджала подъ себя ноги.

— Какъ холодно!—проговорила она.

Борисъ плотно закуталъ ее въ свой плащъ. Онъ безпомощно оглядывался, вслушивался въ нѣмую тишину, стоявшую вокругъ него. Его взглядъ случайно упалъ на окно, сквозь которое вдругъ блеснулъ лучъ выплывшей изъ-за облака луны. Комната, погруженная почти въ полный мракъ, теперь озарилась мягкимъ голубоватымъ свѣтомъ. Теперь все уже вокругъ можно было ясно различать. Борисъ рѣшился обойти это жилище, въ которое онъ попалъ, и узнать, есть-ли тутъ кто-нибудь.

— Я сейчасъ вернусь, — сказалъ онъ дѣвочкѣ: — я только осмотрю домъ.

Она слабо вскрикнула.

— Такъ вы не французъ, не французъ?—спрашивала она своимъ милымъ, дѣтскимъ голоскомъ. — Не уходите, а то они придутъ опять... Они убьютъ меня...

— Бѣдненькая моя, не бойся ничего. Я говорю: сейчасъ вернусь. Вотъ прежде всего я постараюсь запереть наружную дверь, тогда никто уже не войдетъ сюда.

И онъ прошелъ въ тѣ двери, черезъ которыя внесъ ее. Онъ оглядѣлъ, ощупалъ; двери запирались изнутри на ключъ и кромѣ того еще для крѣпости припиралась болтомъ. Проходя мимо дѣвочки, онъ еще разъ ее успокоилъ.

— Теперь крѣпко и все тихо... Ночью никто не придетъ сюда.

Онъ началъ обходить домъ. Обошелъ всѣ комнаты и скоро долженъ былъ убѣдиться въ отсутствіи здѣсь всякаго живого существа, за исключеніемъ кошки, которая, вдругъ спрыгнувъ откуда-то и жалобно мяуча, стала вертѣться вокругъ его ногъ. Насколько можно было разглядѣть при свѣтѣ луны, падавшемъ изъ оконъ, это было довольно большое и хорошо обставленное помѣщеніе, очевидно, покинутое хозяевами, а затѣмъ и оставшейся прислугой, уже подвергшееся грабежу французскихъ войскъ, которыя, какъ и у француженки, забрали здѣсь все, что только можно было забрать. Даже съ оконъ и дверей были сорваны занавѣски, на что указывали оставшіеся карнизы и кое-гдѣ висѣвшіе обрывки матеріи.

Положеніе Бориса оказывалось безнадежнымъ. Онъ надѣялся

сдать дѣвочку кому-нибудь въ вѣрныя руки, какой-нибудь женщинѣ, а самому спѣшить домой. Но теперь объ этомъ нечего было и думать. Вести ее съ собой? Но когда онъ поднималъ ее и закутывалъ въ свой плащъ, то замѣтилъ, что на ней всего одна рубашка, чулки и башмаки. Его плащъ, короткій и не особенно широкій, не можетъ защитить ее отъ ночного холода, а сентябрская ночь, послѣ довольно теплаго дня, очень холодна. Вотъ открытое окно и изъ него такъ и врывается почти даже морозный воздухъ.

Да и, наконецъ, будетъ-ли она въ состояніи дойти до ихъ дома? Басманная, вѣдь, это такъ далеко отсюда! Онъ можетъ нести ее на рукахъ... Конечно, онъ донесетъ ее, у него хватитъ силы; но, вѣдь, мало-ли что можетъ случиться дорогой. Вѣдь, вотъ же этотъ негодяй французъ тащилъ ее, очевидно, съ цѣлью надругаться надъ нею, въ концѣ концовъ, быть можетъ, убить ее. Вѣдь, это теперь звѣри, а не люди. Говорятъ, по ночамъ шляются пьяныя ватаги, если не французы, такъ русскіе мастеровые, отъ перепоя потерявшіе всякій разсудокъ.

Онъ вернулся къ дѣвочкѣ, не рѣшивъ ничего.

Она сидѣла, вся съежившись, кутаясь въ его плащъ, и опять сказала:

— Ахъ, какъ мнѣ холодно!

Она поминутно вздрагивала.

Онъ сѣлъ рядомъ съ нею на диванъ и молча глядѣлъ на нее. Лучъ луны падалъ прямо на нихъ и освѣщалъ ихъ лица. Теперь онъ могъ разглядѣть ее. Это была дѣвочка лѣтъ десяти или одиннадцати, прелестная собою, съ большими, темными, теперь нѣсколько дико блуждавшими глазами; съ тонкими чертами нѣжнаго блѣднаго личика. Ея довольно длинные, густые волосы безпорядочно падали вокругъ хорошенькой головки.

Борисъ глядѣлъ на нее, не отрываясь. Никогда еще болѣе милаго ребенка онъ не видалъ въ своей жизни. Ему казалось, что она не живое существо, что она сошла съ какой-нибудь чудной картины. Такія лица иногда грезились ему въ его мечтахъ; но онъ не думалъ даже, что ихъ можно встрѣтить въ жизни.

И вдругъ эта дѣвочка, которую онъ спасъ, даже не разсуждая о томъ, что дѣлаетъ, которую принесъ на рукахъ въ этотъ необитаемый домъ и отъ которой за минуту передъ тѣмъ ему такъ хотѣлось избавиться,—вдругъ она сдѣлалась ему дорогой, близкой, будто онъ всегда зналъ ее, будто дороже ея у него никогда никого не было. Теперь онъ ужъ самъ не хотѣлъ разстаться съ нею.

Онъ позабылъ объ отцѣ, матери, о больномъ братѣ. Всѣ

опасенія, всѣ тревоги исчезли. Онъ только глядѣлъ на нее, и она, въ свою очередь, глядѣла своими большими, немигавшими глазами на его почти дѣтское, нѣжное и привлекательное лицо.

Потомъ, высвободивъ изъ подъ закутывавшаго ее плаща холодныя, тонкія руки, казавшіяся при свѣтѣ луны совсѣмъ выточенными изъ мрамора, она крѣпко обвила ими его шею, припала головой къ нему на грудь и горько, горько зарыдала.

— Милая, успокойся, не плачь! Зачѣмъ плакать... успокойся, пожалуйста, прошу тебя... да не плачь же!—почти съ отчаяніемъ, почти самъ готовый разрыдаться, упрашивалъ онъ ее.

Но ея судорожныя рыданія не прекращались. Она такъ и билась на груди его, все крѣпче и крѣпче обнимая его шею.

— Да отчего-же ты плачешь? Ну, скажи мнѣ!.. Вѣдь, все прошло, теперь никто ничего съ тобой не сдѣлаетъ... Я никому не отдамъ тебя... я защищу тебя... я буду съ тобою... Не плачь, не плачь, пожалуйста!..

— Ахъ, какъ страшно, какъ страшно!—вдругъ, сквозь рыданія, проговорила она.

Но его ласковый, умоляющій голосъ, очевидно, на нее дѣйствовалъ. Ея судорожныя движенія мало-по-малу начали ослабѣвать.

Она затихла. Она только всхлипывала и все еще сжимала его шею, и все еще прятала голову на груди его. Наконецъ, она совсѣмъ успокоилась. Ея руки упали, она откинулась на спинку дивана и, замѣтивъ, что вся разметалась въ этомъ порывѣ отчаянія, инстинктивнымъ, стыдливымъ движеніемъ стала кутаться въ плащъ, поджимая подъ себя ноги, прикрывая свои голыя колѣни.

Борисъ, выросшій съ братомъ, привыкшій къ обществу взрослыхъ мальчиковъ, всегда даже какъ-то чуждался тѣхъ дѣвочекъ, которыя иногда пріѣзжали со своими родителями къ нимъ въ Горбатовское. И въ послѣднее время, когда въ его грезы стали врываться какія-то полунебесныя существа въ женскомъ образѣ, онъ все-же на яву не находилъ имъ воплощенія и даже отдалялся отъ общества своихъ сверстницъ. Онъ не умѣлъ говорить съ ними, не зналъ, чѣмъ занять ихъ. Онъ почему-то считалъ всѣхъ дѣвочекъ глупыми, неспособными заинтересоваться тѣмъ, что его интересовало, неспособными даже понять его мысли.

И вдругъ теперь эта несчастная, маленькая дѣвочка превратилась для него въ самое возвышенное, самое дивное существо. И вдругъ онъ нашелъ способность говорить съ нею такимъ нѣжнымъ, ласкающимъ тономъ, какого у него не было даже въ самыхъ задушевныхъ разговорахъ съ матерью.

— Ну, вотъ и хорошо,—говорилъ онъ:—ты успокоилась! Зачѣмъ плакать, лучше скажи мнѣ, кто ты? Что съ тобою случи-

лось, какъ попала ты въ руки этого негоднаго солдата? Какъ тебя зовутъ?

— Меня зовутъ Ниной,—прошептала она.—А тебя какъ?—вдругъ спросила она въ свою очередь, совсѣмъ по-дѣтски, и выражая въ этомъ «тебя» все довѣріе, которое она теперь почувствовала къ своему избавителю. И это «тебя», это милое, довѣрчивое товарищество, внезапно между ними установившееся, наполняло сердце Бориса никогда еще неизвѣданнымъ имъ блаженствомъ.

Онъ сказалъ ей свое имя.

— Борисъ! Какое хорошенькое имя!—замѣтила она.

И еще разъ повторила едва слышно: «Борисъ» и улыбнулась, будто не было сейчасъ этихъ отчаянныхъ слезъ и рыданій, будто не было того ужаса, черезъ который такъ недавно прошла она.

Она осторожно высвободила изъ подъ плаща свою руку и крѣпко сжала руку Бориса.

— Вотъ такъ, такъ!—говорила она:—теперь мнѣ не страшно. Держи меня за руку, у тебя такія теплыя руки, а мнѣ такъ холодно. Ахъ, если-бы ты зналъ, какая я бѣдная, несчастная дѣвочка! Если-бы ты зналъ, что случилось со мною! Я жила почти годъ съ маменькой, здѣсь вотъ, неподалеку. Мы пріѣхали изъ Горокъ, это наша деревня...

— А твой отецъ?

— У меня нѣтъ отца, онъ умеръ давно, давно, когда я была совсѣмъ маленькая, я даже его не помню. Маменька моя была добрая... я ее очень, очень любила, только она все больна была. Иной разъ недѣлю и больше лежала. Пріѣхалъ въ Горки дяденька Алексѣй Ивановичъ и уговорилъ маменьку въ Москву ѣхать лѣчиться. Вотъ мы и пріѣхали съ няней, съ Матреной, и долго здѣсь жили, только доктора не помогли маменькѣ... И вотъ уже три недѣли, какъ умерла она...

Дѣвочка замолкла. Голосъ ея оборвался, изъ глазъ брызнули слезы. Она старалась подавить ихъ, но не выдержала и снова отчаянно зарыдала. Борисъ уже не пробовалъ ее теперь уговаривать.

Онъ склонился къ ней. Онъ все крѣпче и крѣпче сжималъ ея руку, а другой рукой привлекъ къ себѣ ея головку и тихонько цѣловалъ ея густые, мягкіе волосы.

— Ниночка, бѣдненькая!—безсознательно повторялъ онъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ плакать, зачѣмъ?—вдругъ произнесла она, сдерживаясь.—Няня правду говоритъ: слезами горю не поможешь, Я уже давно знала, что маменька не можетъ жить на свѣтѣ... Ужъ очень была больна она... блѣдная такая, прозрачная и силы уже никакой не было. Протянетъ руку, хочетъ взять стаканъ—

и не можетъ. Я все возлѣ нея сидѣла и пить ей давала... А она все пила воду: жажда у нея была такая. Похоронили маменьку на Ваганьковскомъ кладбищѣ. Привезла меня няня домой... Такъ пусто... пусто... жутко такъ... Все я тогда плакала, а няня мнѣ говоритъ, чтобы я написала скорѣе дяденькѣ Алексѣю Ивановичу, чтобы онъ пріѣзжалъ за мною въ Москву. Тутъ у насъ знакомыхъ не было почти, а кто пріѣзжалъ къ намъ, тѣ уѣхали изъ Москвы еще до маменькиной смерти. Совсѣмъ мы, совсѣмъ какъ есть, однѣ были съ няней. Я написала... и стали мы ждать, когда пріѣдетъ дяденька. А тутъ, вдругъ, французы въ Москву вошли, пожары начались... ужъ какъ мы съ няней боялись, что и нашъ домъ сгоритъ, пожалуй. Только прошелъ день, другой прошелъ, мы и выглянуть на улицу боимся... Страсть такая—огонь, дымъ, со всѣхъ сторонъ кричатъ... все падаетъ... Я дрожу вся... Няня меня успокаиваетъ, молится... и вдругъ, и вдругъ, это вечеромъ было, три дня прошло съ тѣхъ поръ, сидѣла я въ маменькиной спальнѣ, нянѣ громко читала евангеліе... Вдругъ какъ вся комната освѣтится... къ окошку мы кинулись—на нашемъ дворѣ горитъ. Надѣли мы на себя что попало, выбѣжали на улицу... Дождь шелъ частый такой, большой дождь. Долго мы стояли, почти ночь цѣлую. Больше половины дома сгорѣло, двѣ комнатки только остались. А на другой день пожаръ потухъ. Мы въ двухъ комнатахъ поселились, да все боялись, какъ бы крыша надъ нами не провалилась. Прожили еще день, другой прожили, и не стало у насъ никакой провизіи. Сегодня пообѣдали, а на завтра нѣтъ ничего: ни хлѣба, ни картофеля, ни мяса. Няня взяла деньги, маменька ей всѣ свои деньги оставила, да говоритъ мнѣ: «Я тебя, Ниночка, запру, посиди съ часокъ, а я пойду куплю на завтрашній обѣдъ чего-нибудь, а то что-же, не помирать-же съ голода». А мы, вѣдь, вдвоемъ съ няней. Матрена да Иванъ уже четыре дня какъ пропали... пропали да и только! Гдѣ они, Богъ ихъ вѣдаетъ. Мнѣ страшно одной безъ няни, а съ нею идти еще страшнѣе. Я говорю: «нянечка, хорошо, я останусь, только запри ты меня хорошенько, чтобы никто войти къ намъ не могъ». «Кому теперь войти—это няня мнѣ сказала,—домъ сгорѣлъ». Заперла она меня и ушла. Я сижу, страшно мнѣ... страшно... Плакать стала. Только вдругъ, слышу, стучатъ. Думаю, ну, слава Богу, няня вернулась. Только зачѣмъ-же стучать ей, ключъ-то она съ собой взяла... Стучатъ все... бьютъ въ дверь... упала дверь и входятъ два француза. Кричатъ, бранятся, вѣрно... Я по-французскому не понимаю. Стали все шарить, все перерыли... Да у насъ уже взять было нечего. Няня только шкатулочку съ маменькими деньгами и вынесла изъ пожара! Говорятъ мнѣ что-то французы—я не понимаю, кричу только: «няня, няня!» Нѣтъ няни. Накинулись они на меня,

раздѣли, все сняли, вотъ въ одной рубашкѣ оставили... Я ужъ не помню какъ и что было, только слышала—кричатъ... Вдругъ схватилъ онъ меня и понесъ, тутъ я еще пуще кричать стала... Тутъ выстрѣлъ... Это ты выстрѣлилъ? А потомъ я уже ничего не помню. Помню только, какъ ты меня положилъ вотъ тутъ на диванъ...

Она замолчала и опять глядѣла на него своими темными, испуганными глазами. Ея блѣдное личико, озаренное луннымъ свѣтомъ, почти не имѣло въ себѣ дѣтскаго выраженія. Да и въ разсказѣ ея было видно, что она по развитію старше своего возраста.

Она съ рожденія была окружена взрослыми, жила уединенной жизнью; успѣла уже много, много увидать; успѣла пережить тяжелыя и горькія впечатлѣнія, которыя быстро развиваютъ ребенка.

Конечно, Борисъ не разбиралъ всего этого и объ этомъ не думалъ, но онъ это чувствовалъ. Она была для него не маленькая дѣвочка.

Послѣ этого ея признанія между ними окончательно установилась полная близость.

— Ты голодна, Нина?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ!—отвѣтила она:—только мнѣ все холодно.

Онъ взялъ ея руки, сталъ согрѣвать ихъ своимъ дыханьемъ. Потомъ онъ привлекъ ее къ себѣ, обнялъ. Она прижалась къ нему и тихо шепнула:

— Я согрѣлась, теперь мнѣ хорошо. Я ничего не боюсь... Вотъ такъ пусть-бы всегда было.

— Что-бы всегда было?—спросилъ онъ.

— Такъ, эта комната... Луна чтобы вотъ свѣтила... и ты, Борисъ...

Она приподняла головку, взглянула на него, улыбнулась и крѣпко, крѣпко, звонко его поцѣловала, а потомъ какъ-то затихла.

Онъ сидѣлъ не шевелясь. Онъ слышалъ, какъ бьется ея сердце и какъ его собственное сердце отвѣчаетъ этому біенію.

Свѣтъ луны погасъ, незнакомая комната потонула во мракѣ. Борисъ все не шевелился. Онъ почти ни о чемъ теперь не думалъ. Онъ погружался въ какое-то полузабытье. Онъ чувствовалъ только одно, что никогда еще въ жизни не было у него такихъ волшебныхъ мгновеній.

— Нина—шепнулъ онъ.

Но Нина ему не отвѣтила.

Она заснула на груди его.

Прошло еще нѣсколько минутъ, и онъ самъ сталъ засыпать, уставшій отъ этого дня, полнаго такихъ разнообразныхъ ощущеній.

IX.

У т р о.

Оба они спали такъ крѣпко и безмятежно, какъ только можно спать въ ихъ годы. Но все-же проснулись на разсвѣтѣ, изумленно оглядываясь, съ широко раскрытыми глазами.

Волшебный сумракъ ночи исчезъ. Исчезъ лунный свѣтъ. Исчезли грёзы. Дневная жизнь, дѣйствительность заявили свои права. И оба они сразу спросили другъ друга:

— Что-же намъ теперь дѣлать?

Передъ Борисомъ была эта спасенная имъ и согрѣтая прелестная дѣвочка, съ которой онъ не хотѣлъ-бы никогда разстаться, но ясно сознавалъ теперь, что разстаться надо и какъ можно скорѣе.

Ему представлялся одинъ исходъ, оставить ее здѣсь, въ этомъ покинутомъ домѣ, въ какомъ-нибудь укромномъ уголкѣ, запереть ее хорошенько и бѣжать скорѣе розыскать по ея указаніямъ ея старуху-няньку.

— Нина, подробно, хорошенько разскажи мнѣ, гдѣ вашъ домъ?

Оказалось, что это очень близко, въ томъ-же переулкѣ. Борисъ передалъ дѣвочкѣ свой планъ. Она испугалась, но должна была сознаться, что въ такомъ видѣ, въ какомъ была она, то есть, въ чулкахъ, башмакахъ, коротенькой рубашкѣ и плащѣ Бориса, ей будетъ очень холодно бѣжать по улицѣ. Кутаясь въ плащъ, она вслѣдъ за Борисомъ отправилась осматривать помѣщеніе, въ которомъ они находились. Они набрели на самую дальнюю маленькую комнату, гдѣ было всего одно окошко съ двойными невыставленными рамами и съ крѣпкими ставнями, запиравшимися изнутри.

— Вотъ ты останься здѣсь, Нина, а я вернусь скоро.

Но дѣвочка вдругъ громко и горько заплакала.

— Нѣтъ, не могу, не могу!—сквозь слезы повторяла она.— А что если ты не найдешь няню? А что если ты не вернешься?.. Вѣдь, я умру... Нѣтъ, не могу, ни за что не могу!..

— Такъ какъ-же намъ быть?

— Я ужъ лучше побѣгу такъ, здѣсь близко, право, очень близко... я не озябну...

— А если кто увидитъ, будетъ смѣяться?

— Пусть смѣются... развѣ я виновата. Нѣтъ, милый... голубчикъ Борисъ, пойдемъ вмѣстѣ. Я ни за что одна здѣсь не останусь...

Дѣлать нечего, пришлось согласиться съ нею.

Они прошли къ выходной двери, Борисъ ее отперъ, выглянулъ на улицу. Все пусто.

Солнце еще не встало.

Холодное, почти морозное утро.

Онъ повернулся къ Нинѣ, во мгновеніе закуталъ ее плащемъ, какъ только можно было лучше, и, прежде чѣмъ она успѣла очнуться, схватилъ ее на руки, сбѣжалъ со ступенекъ крыльца.

— Куда? Говори... показывай.

— Пусти меня, Борисъ, вѣдь, я тяжелая, я сама добѣгу. Правда, мнѣ не холодно!..

— Я такъ боюсь, что ты больна будешь послѣ вчерашняго. Нѣтъ, ты легкая, я не чувствую совсѣмъ тяжести, или ты думаешь, что у меня силы мало. Говори!

— Налѣво... все прямо теперь... прямо...

Онъ побѣжалъ.

Онъ дѣйствительно не чувствовалъ тяжести. Менѣе чѣмъ черезъ пять минутъ они были уже у цѣли.

Слѣдуя указаніямъ Нины, онъ вбѣжалъ во дворъ, весь загроможденный обуглившимися бревнами, кирпичами, остатками обгорѣлой мебели.

— Вотъ тутъ... вотъ это крылечко...—говорила Нина совсѣмъ упавшимъ голосомъ.—Господи, а что-же если нѣтъ няни?

Борисъ, все не выпуская Нину, изо всей силы стукнулъ ногой въ небольшую дверь.

Она была заперта.

Онъ стукнулъ еще разъ.

— Кто тамъ?—послышался испуганный голосъ.

— Няня... она!—радостно вскрикнула Нина.—Это я... я, нянечка, отворяй скорѣе!

Дверь отворилась. Выглянула растрепанная, толстая старушка и, увидя Бориса, державшаго на рукахъ Нину, всплеснула руками. Борисъ прошелъ въ дверь и спустилъ Нину на полъ. Старушка кинулась къ ней, себя не помня, плакала, причитала, смѣялась.

— Ниночка, барышня моя ненаглядная, золотая! А я-то ужъ не чаяла тебя видѣть, всѣ глаза выплакала. Господи, откуда ты? Что съ тобою сталось? Что такое? О, Боже ты мой, моченьки нѣтъ! Прибѣжала я вчера... Дверь отперта... тебя нѣту... такъ и повалилась. Да, что-же это ты, золотая моя, что на тебѣ?

Она распахнула плащъ и, увидѣвши, что на Нинѣ почти ничего не было, задрожала всѣмъ тѣломъ.

— Ахти! что-же это?.. да гдѣ-же твое платьице?

— Няня, милая, успокойся! А то, вѣдь, какъ-же я буду говорить, когда ты слова не даешь сказать.

— Говори, говори, родная... О, Господи!

Старушка крестилась, обнимала дѣвочку. Потомъ съ изумленіемъ и страхомъ глядѣла на Бориса, который молча и какъ-то сконфуженно стоялъ передъ нею.

Но вотъ, наконецъ, Борису и Нинѣ удалось, перебивая другъ друга, разсказать старой нянѣ все какъ было. Няня призатихла, жадно слушая ихъ, не проронивъ ни одного слова. Потомъ вдругъ стала она учащенно кланяться Борису.

— Спасибо тебѣ, сударикъ! великое спасибо... Господь наградитъ тебя за доброе дѣло, что спасъ ты мою барышню, сиротиночку бѣдненькую... Господь наградитъ тебя...

— Только какъ-же вы теперь будете?—вдругъ блѣднѣя спросилъ Борисъ.—Вѣдь, мнѣ надо домой, не мѣшкая, сейчасъ надо.

— Что-же, батюшка, ступай—Богъ не безъ милости! Ужъ я теперь ее, сердечную, ни на минуточку не оставлю, ужъ не отпущу ее отъ себя.

— Да, вѣдь, опять французы придти могутъ. Опять сломаютъ двери...

Старуха развела руками.

— За грѣхи Богъ наказалъ—что ужъ тутъ. Одна надежда—пріѣдетъ баринъ, Алексѣй Иванычъ, возьметъ насъ. Да нѣтъ; я вотъ что сдѣлаю. Мы пойдемъ отсюда... Вчера, Ниночка, я Матрену Степановну встрѣтила, знаешь, чай, Матрену Степановну. Такъ она меня звала: приходите, молъ, съ барышней, господа васъ примутъ съ радостью. Домъ ихъ, вишь ты, цѣлъ остался, и двѣ старыя барышни изъ Москвы не уѣхали. Собрались было совсѣмъ, да что-то замѣшкались, а тутъ непріятель—и не довелось уѣхать. Теперь, говоритъ Матрена Степановна, у нихъ французы постоемъ стоятъ да никакого зла имъ не дѣлаютъ, а даже въ защиту имъ отъ своихъ. Вотъ туда и пойдемъ. Это ужъ не такъ, чтобы очень далече...

— Такъ я и провожу васъ, — быстро воскликнулъ Борисъ, радуясь, что есть какой-нибудь исходъ изъ этого невозможнаго положенія.

Онъ чувствовалъ, что не въ силахъ оставить Нину въ этихъ двухъ комнатахъ обгорѣлаго дома съ безсильной старухой, за разбитой вчера пьяными солдатами дверью, которая еле запиралась на крючекъ и вся была расшатана. Но вдругъ онъ смутился.

— Да какъ-же она пойдетъ такъ? Я принесъ ее, конечно, могу опять нести. Только если это не очень близко, такъ ты поможешь мнѣ, няня.

— Зачѣмъ ее нести, сама пойдетъ,—все еще дрожащая отъ недавнихъ мученій и нежданной радости, но въ то-же время лукаво усмѣхнувшись, сказала няня.—Изверги-то шарили, шарили, да не дошарили—сундучекъ-то здѣсь—не нашли его...

Она прошла въ сосѣднюю комнату, за нею Борисъ и Нина. Тутъ въ углу стояла кровать, на которой уже не было ни подушки, ни одѣяла. Няня отодвинула кровать. Оказалось, что подъ нею открывается половица. Конечно, если-бы вчерашніе французы не были такъ пьяны, они-бы это замѣтили, потому-что половица открывалась посредствомъ ввинченнаго въ полъ кольца. Няня открыла половицу и изъ довольно просторнаго углубленія подъ поломъ, съ помощью Бориса, вытащила сундучекъ. Она отперла его бывшимъ въ ея карманѣ ключемъ, вытащила оттуда узелокъ съ бѣльемъ, потомъ маленькую юбку, платьице, шелковый платокъ. Потомъ появилась небольшая шкатулка, обитая кожей, съ мѣдными углами.

— Тутъ вотъ все, что послѣ барыни осталось, всѣ ея бумаги да деньги. Слава тебѣ Господи, все въ сохранности! Ну, сударикъ, вотъ и есть во что одѣть Ниночку, теплаго только ничего нѣтъ, такъ ты ужъ дозволь ей въ твоемъ плащикѣ добѣжать.

— Само собой!—сказалъ Борисъ.—Только какъ-же? Хотя и рано теперь очень, а все-же мы можемъ съ кѣмъ-нибудь изъ этихъ негодяевъ встрѣтиться, увидятъ шкатулку... отнимать станутъ.

— Такъ, такъ, батюшка, это точно, — озабоченно говорила няня:—куда-же намъ дѣвать ее? Здѣсь оставить боязно!

— Конечно, здѣсь ее нельзя оставить. А вотъ что мы сдѣлаемъ!—рѣшилъ, наконецъ, Борисъ.—Отвори ты ее, няня, и выберемъ все, что въ ней есть, себѣ по карманамъ. Видишь, какіе у меня карманы большіе, много въ нихъ помѣстить можно. Кой-что ты себѣ за пазуху сунешь, кой-что Нина подъ плащемъ пронести можетъ.

Няня подумала немножко, подозрительно вглянула на Бориса.

— Богомъ клялась барынѣ не выпускать изъ рукъ шкатулку!..—прошептала она.

Но дѣлать было нечего, и она какъ-будто сама устыдилась своей недовѣрчивости къ Борису. Она отперла шкатулку маленькимъ ключикомъ. Въ шкатулкѣ были бумаги, банковые билеты и нѣкоторыя драгоцѣнныя вещи.

Въ то время какъ она бережно выкладывала все это, Нина уже быстро надѣла юбку, платьице, повязала себѣ голову платочкомъ, а сверху опять накинула плащъ Бориса.

— Вотъ я и готова!—проговорила она, улыбаясь своей милой, грустной улыбкой и не то стыдливо, не то радостно поглядывая на Бориса. Она почти безсознательно радовалась тому, что теперь одѣта передъ нимъ какъ слѣдуетъ. Черезъ минуту всѣ они трое, размѣстивъ за пазухой и по карманамъ бумаги и вещи, вышли во дворъ. Няня несла узелокъ съ бѣльемъ.

— Брось, няня, брось,—сказала, замѣтивъ узелокъ, Нина:—накинутся, отнимутъ...

Но няня покачала головой.

— Нѣтъ, барышня, коли встрѣтимъ какого недобраго съ виду человѣка, тогда ему въ рожу и брошу узелокъ—пусть онъ имъ подавится. А, можетъ, съ Божьей помощью и пронесемъ благополучно. А то какъ-же тебѣ быть безъ чулокъ и сорочекъ?..

Нина замолчала. Они быстро пошли по переулку. Все попрежнему было тихо, и они благополучно совершили свое небольшое путешествіе, встрѣтивъ всего нѣсколько человѣкъ русскихъ, которые даже не обратили на нихъ никакого вниманія. Наконецъ, въ одной изъ улицъ няня остановилась передъ довольно большимъ домомъ. Они прошли въ калитку, добрались до задняго входа въ домъ. Въ домѣ всѣ еще, очевидно, спали. Няня подобралась къ знакомому ей окошку, постучалась, прислушалась, приложившись ухомъ къ стеклу. Потомъ еще разъ постучалась. Ее окликнулъ кто-то изнутри.

— Матрена Степановна, я это, я... отвори, сдѣлай Божескую милость!

Скоро дверь отворилась. Пожилая, почтеннаго вида женщина, по всѣмъ признакамъ экономка изъ хорошаго дома, вышла на крылечко.

Няня сказала ей въ чемъ дѣло. Матрена Степановна пригласила ихъ войти. Они прошли сѣнцы, потомъ корридорчикъ и очутились въ свѣтлой и веселенькой комнаткѣ, чисто, хотя и незатѣйливо прибранной.

— Хорошо сдѣлала, матушка, что привела барышню,—говорила Матрена Степановна:—давно-бы догадалась! Вѣдь, времена нынче какія? Ну какъ-таки можно тебѣ, такой старушонкѣ, вдвоемъ съ дитей...

— Матушка ты моя!—отвѣчала няня:—да, вѣдь, ужъ и не знаешь какъ быть-то! Вѣдь, почему я осталась—со дня на день ждала, что Алексѣй Иванычъ пріѣдетъ... Пріѣдетъ онъ, а домъ-то погорѣлый, насъ нѣту... Ну гдѣ онъ барышню искать будетъ? Вотъ и теперь, привела я ее... пріютите, добрые люди! А сама опять туда... буду ждать Алексѣя Ивановича...

— Это мы уладимъ!—сказала Матрена Степановна.—Вотъ господа встанутъ, проведу я къ нимъ барышню, что-то они скажутъ—можетъ, все и уладится. А вы, сударь,—обратилась она къ Борису, только теперь обративъ на него вниманіе.—Позвольте васъ спросить—кто вы такой будете?

Борисъ смутился. Но няня его выручила. Она сказала, что онъ спасъ барышню, что, молъ, не будь этого молодого барина, такъ Ниночки и въ живыхъ не было-бы теперь.

— Ахъ, страсти!—говорила Матрена Степановна.—Вотъ времена! Вотъ Божеское наказанье!.. Дѣти малыя—и тѣ чего, чего не навидаются, какъ ни намучаются!

Она глубоко вздохнула и перекрестилась.

— Вы, сударь, обождите тоже, повидайтесь съ господами... Они рады будутъ.

— Нѣтъ, я не могу больше!—сказалъ Борисъ.—Я долженъ домой идти.

Онъ выложилъ изъ своихъ кармановъ все, что было имъ взято изъ шкатулки, и передалъ нянѣ. Съ какимъ-бы наслажденіемъ онъ остался еще съ Ниной! Но грезы прошли. Онъ сознавалъ дѣйствительность.

— Прощай, Нина!—проговорилъ онъ.—А вы мнѣ позволите навѣдаться? — спросилъ онъ, обращаясь къ Матренѣ Степановнѣ.

— Сдѣлайте милость, всегда рады будемъ!.. Какъ-же можно, большое одолженіе... прошу покорно... и господа рады будутъ.

— Прощай, Нина! — протягивая руки къ дѣвочкѣ, повторилъ онъ.

Нина взглянула на него и вдругъ бросилась къ нему на шею крѣпко, крѣпко его цѣлуя.

— Прощай!—говорила она:—только ты возвращайся непремѣнно! Слышишь, Борисъ, вѣдь, вернешься, не обманешь?

— Не обману!—сказалъ онъ ей.

— Возьми-же свой плащъ! — вдругъ вспомнивъ, крикнула дѣвочка.

Онъ не слышалъ ее и не понималъ. Онъ поклонился Матренѣ Степановнѣ, поклонился нянѣ и скоро, скоро, ни на кого не глядя, вышелъ въ корридорчикъ, въ сѣни. Прошелъ черезъ дворъ и выбѣжалъ на улицу.

Онъ остановился на мгновеніе, сообразилъ дорогу и помчался къ Басманной, безъ шляпы, безъ плаща, полный тревоги, опасеній, но въ то же время съ какимъ-то широкимъ, новымъ, еще невѣдомымъ ему чувствомъ.

X.

Виноватый.

Въ домѣ у Горбатовыхъ Бориса хватились очень скоро.

Англичанинъ вышелъ къ утреннему чаю нѣсколько смущенный

и объявилъ Сергѣю Борисовичу на его вопросъ о сынѣ, что Борисъ, вѣрно, гуляетъ въ саду, хотя онъ сейчасъ обошелъ садъ и нигдѣ его не встрѣтилъ.

— Когда-же онъ вышелъ?

— Должно быть, очень рано! — отвѣтилъ англичанинъ.—Я проснулся въ восемь часовъ и увидѣлъ, что его уже нѣтъ въ спальнѣ.

Прошло съ полчаса. Отецъ послалъ его розыскиватъ въ саду. Но посланный вернулся, объявивъ, что его рѣшительно нигдѣ нѣтъ. Тогда началась тревога.

Быть можетъ, онъ, несмотря на всѣ запрещенія, вышелъ на улицу.

Спросили сторожа. Сторожъ сознался, что молодой баринъ, еще, почитай, на зарѣ, приказалъ отворить себѣ калитку и приказалъ такъ властно, что онъ, сторожъ, не смѣлъ ослушаться.

Татьяна Владиміровна, по обыкновенію, не отходила отъ сына, и Сергѣй Борисовичъ почти до самаго обѣда скрывалъ отъ нея отсутствіе Бориса. Карликъ немедленно-же отправился розыскивать по городу своего любимца. Были разосланы люди. Одни возвращались, другіе отправлялись на поиски. Но какъ-же возможно было его отыскать въ такомъ городѣ какъ Москва? Сергѣй Борисовичъ былъ въ полномъ отчаяньи. Онъ предчувствовалъ это. Онъ ежедневно боялся какой-нибудь выходки со стороны Бориса. Съ дѣтства фантастическій, своевольный мальчикъ, бродяга, искатель приключеній!.. Онъ и негодовалъ, сердился на него, и въ то же время понималъ его, а пуще всего чувствовалъ теперь одно—что несчастнѣе его нѣтъ никого на свѣтѣ... Какъ онъ скажетъ женѣ? Что съ нею будетъ? Когда онъ воротится? Воротится-ли? Ему представлялись всякіе ужасы. Онъ не вытерпѣлъ и самъ отправился на поиски. Бродилъ до обѣда по улицамъ и вернулся, не найдя сына. Къ обѣду вышла Татьяна Владиміровна. Мужъ взглянулъ на нее и поразился выраженіемъ ея лица. Оно все такъ и сіяло счастіемъ.

— Володѣ лучше! лучше,—восторженно объявила она:—теперь нѣтъ никакого сомнѣнія. Я долго думала, что Францъ Карловичъ меня утѣшаетъ, говоря, что произошелъ кризисъ и что начинается выздоровленіе. Теперь я сама вижу, что онъ правъ. Пойдемъ, милый, пойдемъ... взгляни на него... Онъ уже можетъ сидѣть... Жару никакого... Онъ съ аппетитомъ выпилъ бульонъ... Да гдѣ-же Борисъ? Володя зоветъ его... Борисъ!—крикнула она, думая, что онъ въ сосѣдней комнатѣ; но никто не отозвался.

Мужъ молча стоялъ передъ нею. Она взглянула на него и съ изумленіемъ отшатнулась.

— Что это? Я принесла тебѣ такую радость, а ты такими глазами на меня смотришь? Что случилось?

И вдругъ материнское сердце угадало истину.

— Борисъ! Съ нимъ что-нибудь?.. Да говори... говори, ради Бога... не томи, не скрывай... гдѣ Борисъ?.. Что съ нимъ?

— Не пугайся, пожалуйста!—черезъ силу выговорилъ Сергѣй Борисовичъ.—Повѣрь мнѣ, страшнаго ничего нѣтъ...

— Да, что съ нимъ? Что случилось?

— Богъ милостивъ... Онъ здоровъ... только его нѣтъ... нигдѣ найти не могутъ... съ утра ушелъ изъ дому...

Она такъ и всплеснула руками.

— Господи! да, вѣдь, онъ обѣщалъ не уходить... Вѣдь, ты же распорядился, чтобы его не выпускали... какъ-же это? Ищутъ-ли его? Пошли скорѣе во всѣ стороны.

— Это давно уже сдѣлано, и я самъ только что вернулся... Не тревожься только... конечно, онъ къ вечеру вернется и за такое непослушаніе надо будетъ строго взыскать съ него. Пойдемъ къ Володѣ и успокойся...

Они пошли къ больному сыну. И это было большое счастье и для нихъ, и для Бориса, что Владиміръ дѣйствительно оказался въ лучшемъ состояніи. Эта радость, которую они такъ ждали и на которую уже совсѣмъ перестали надѣяться, уменьшила томительность ожиданій и безпокойства. Между тѣмъ время шло.

Давно наступили сумерки. Нѣкоторые изъ посланныхъ и карликъ вернулись ни съ чѣмъ. Нѣтъ Бориса — да и только! Горбатовы, карликъ и почти вся прислуга, которая была искренно предана семейству, провели почти безсонную, тревожную ночь. Но вотъ пришло утро—бѣглецъ возвратился. Онъ вошелъ блѣдный, дрожащій, съ опущенными глазами. Онъ уже понималъ, сколько мукъ причинилъ отцу съ матерью. Онъ едва сдерживался отъ рыданій.

Татьяна Владиміровна кинулась къ нему, охватила его крѣпко руками, прижала его къ груди своей.

— Живъ! Здоровъ! Ничего съ тобой не случилось?..

Она, эта крѣпкая, сдержанная и хорошо владѣвшая собою женщина, вдругъ почувствовала полную слабость и громко зарыдала. Сергѣй Борисовичъ хотѣлъ встрѣтить сына строгими упреками, гнѣвомъ и — не сумѣлъ этого. Онъ чувствовалъ себя возрожденнымъ, счастливымъ, помолодѣвшимъ. Глаза его свѣтились и выдавали его душевное состояніе.

— Гдѣ-же ты былъ, разбойникъ?—крикнулъ онъ.—Говори всю правду! Посмотримъ, есть-ли у тебя хоть какое-нибудь оправданіе...

Борисъ разсказалъ. Оправданій было много. Онъ спасалъ женщинъ и дѣтей—этотъ новый рыцарь безъ страха и упрека.

— Ахъ ты, Донъ-Кихотъ!—проговорилъ Сергѣй Борисовичъ.

Мальчикъ взглянулъ на отца совсѣмъ обиженный, губы его дрогнули; но онъ не сказалъ ни слова. Сцена съ безумнымъ старикомъ, въ котораго онъ хотѣлъ стрѣлять какъ во француза, дѣйствительно давала отцу право назвать его Донъ-Кихотомъ. Но въ то-же время онъ чувствовалъ, что не виноватъ, что дѣйствовалъ не дурно. Не виноватъ съ одной стороны и очень виноватъ съ другой!—какъ-же примирить это? И въ первый разъ въ жизни ему ясно стало, что трудно, трудно, совсѣмъ даже невозможно такъ жить и поступать, чтобы со всѣхъ сторонъ быть правымъ...

— А о братѣ и не спросишь?—проговорилъ отецъ.

— Что онъ? что?—испуганно шепнулъ Борисъ.

— Что! Иди скорѣй къ нему... Онъ уже давно тебя ждетъ... давно тебя ждетъ и не понимаетъ, отчего ты не идешь... Лучше ему, слава Богу! Только ты не вздумай, пожалуйста, разсказывать о твоихъ приключеніяхъ—это его взволнуетъ...

— Не буду, конечно!

— А потомъ, слушай еще одно!—найдя вдругъ въ себѣ строгій тонъ, договорилъ Сергѣй Борисовичъ.—Слушай! Ты доказалъ, что твоимъ обѣщаніямъ опасно вѣрить, а потому ужъ не взыщи,—теперь ты плѣнникъ!

Борисъ повѣсилъ было голову, но извѣстіе о томъ, что брату лучше, такъ его обрадовало, что онъ забылъ пока все остальное и поспѣшилъ въ комнату больного. Все обошлось. Несмотря на ужасную обстановку, среди занятаго непріятелемъ, сожженнаго города, несмотря на всѣ печальныя обстоятельства, въ домѣ Горбатовыхъ въ этотъ день былъ словно большой и радостный праздникъ. Что-же касается до хозяевъ, то они чувствовали себя такими счастливыми, будто вернулись самые свѣтлые, самые лучшіе дни ихъ молодости. Одинъ сынъ благополучно вернулся домой, другой выздоравливаетъ—чего-же больше!

Съ этого дня за Борисомъ дѣйствительно былъ назначенъ самый строгій надзоръ. Прислугѣ было дано строгое приказаніе не выпускать его изъ виду. Карликъ прочелъ ему большую нотацію и даже довелъ его до слезъ, по своему обычаю картинно изображая отчаяніе Сергѣя Борисовича и Татьяны Владиміровны.

Англичанинъ, внутренно очень даже одобрявшій поступокъ своего любимаго воспитанника, не показывалъ ему, однако, и вида, что доволенъ имъ; напротивъ, онъ корчилъ самую строгую, почти свирѣпую физіономію и ни на шагъ не отходилъ отъ него. Борисъ скоро убѣдился, что онъ настоящій плѣнникъ. что теперь

ему нечего и думать выйти изъ дому. А между тѣмъ, вѣдь, онъ далъ обѣщаніе Нинѣ навѣстить ее, а между тѣмъ онъ уже тосковалъ по ней и ему безумно хотѣлось ее увидѣть. Конечно, если-бы онъ захотѣлъ только, то могъ-бы, по крайней-мѣрѣ, имѣть о ней свѣдѣнія; онъ упросилъ-бы кого-нибудь изъ прислуги, которая всегда была рада исполнить его желаніе, сходить по адресу и узнать, здорова-ли Нина и вообще что съ нею. Но тутъ-то съ нимъ и происходило что-то странное.

Борисъ никогда не былъ лгуномъ. Онъ просто не умѣлъ даже лгать, до сихъ поръ ему никогда еще ничего не приходилось скрывать отъ родителей. Онъ и теперь, разсказывая имъ о своихъ приключеніяхъ, ни чуть не лгалъ. Онъ подробно и обстоятельно передалъ имъ всѣ свои впечатлѣнія, всѣ встрѣчи. Но все-же въ его разсказѣ былъ большой перерывъ, а именно: объяснивъ какъ онъ заперся со спасенной имъ дѣвочкой въ покинутомъ домѣ, онъ сказалъ, что провелъ тамъ ночь, такъ какъ иного ничего не могъ придумать. И затѣмъ продолжалъ: «когда стало свѣтать, я снесъ дѣвочку къ ея нянѣ»... и такъ далѣе. Перерывъ былъ незамѣтенъ.

Онъ не скрылъ ничего. Дѣйствительно, разспросивъ Нину и успокоивъ ее, онъ заснулъ. Но тутъ былъ цѣлый міръ новыхъ ощущеній, о которыхъ онъ не проговорился ни словомъ въ своемъ отчетѣ. Его слушателямъ представлялась Нина маленькой дѣвочкой: вѣдь, онъ ее носилъ, снесъ къ нянѣ. И никому, конечно, въ голову не могло придти, что Нина была для него не ребенкомъ, а какимъ-то особеннымъ существомъ. И теперь думалъ почти ежеминутно объ этой спасенной имъ дѣвочкѣ.

Онъ ни за что, ни за что-бы въ мірѣ не рѣшился никому признаться въ этомъ. Никто не долженъ знать, что она для него и какъ онъ желаетъ ее видѣть...

Онъ надѣялся, что ему удастся ускользнуть незамѣтно изъ сада.

Онъ зналъ одно мѣсто, гдѣ, взобравшись на дерево, можно перелѣзть черезъ высокій заборъ. Вѣдь, онъ отлично умѣетъ лазить.

Да, онъ рѣшительно готовъ былъ на вторичное бѣгство; онъ забывалъ всѣ нравственные вопросы и соображенія въ виду той мучительной, томящей потребности хоть разъ еще увидѣть Нину, которая его охватила. Но за нимъ слѣдили. Англичанинъ не покидалъ его.

И такъ продолжалось нѣсколько дней.

Наконецъ, Борисъ не выдержалъ.

Оставаться долѣе безъ извѣстій о Нинѣ онъ былъ не въ

состоянiи. Быть можетъ, она заболѣла, простудившись въ ту ночь. Быть можетъ, ея уже нѣтъ на свѣтѣ!

И вдругъ онъ рѣшился на то, что до сихъ поръ казалось ему невозможнымъ. Онъ сознался, что надѣлалъ ужасныхъ, непоправимыхъ глупостей, что ему давнымъ давно слѣдовало рѣшиться и тогда-бы не было этихъ мученiй... Онъ пошелъ къ отцу и, хотя краснѣя и блѣднѣя, но все-же твердо попросилъ у него позволенiя въ сопровожденiи гувернера и кого-нибудь изъ прислуги пройтись по городу.

— Я долженъ навѣстить француженку и узнать, что сталось съ дѣвочкой...

— Пустяки!—сказалъ Сергѣй Борисовичъ—Если хочешь, разскажи, гдѣ это—и я пошлю кого-нибудь.

— Нѣтъ, нѣтъ, я самъ долженъ ихъ видѣть!

Онъ началъ убѣждать, началъ доказывать, что, вѣдь, ничего не можетъ съ нимъ случиться, если онъ пойдетъ съ прислугой.

— Ну, пусть трое, четверо идутъ со мной—только пустите! Я чувствую, что мнѣ нужно освѣжиться. Папа, милый, пожалуйста, не откажите мнѣ!..

Сергѣй Борисовичъ задумался.

Когда сынъ говорилъ съ нимъ такимъ тономъ, когда онъ его такъ упрашивалъ и глядѣлъ на него такими глазами, какъ въ эту минуту, онъ никогда не могъ долго выдержать.

— Послушай,—сказалъ онъ:—если тебѣ уже такъ этого хочется—хорошо—я исполню твое желанiе, только съ тѣмъ уговоромъ, чтобы ты безпрекословно меня послушался... Хорошо, сдѣлай прогулку, зайди въ тотъ домъ, гдѣ эта дѣвочка и узнай что съ нею... Но къ француженкѣ не заглядывай—это совсѣмъ лишнее. Я могу тебя на ея счетъ успокоить. Ты знаешь, что я исполнилъ то, о чемъ ты просилъ меня относительно нея, и генералъ Брошаръ сказалъ мнѣ, что она внѣ всякой возможности новаго нападенiя, весела и довольна. Если ты даешь мнѣ слово, что не будешь порываться къ ней, то хорошо, ступай.

Борисъ едва могъ скрыть охватившую его радость. Онъ, конечно, далъ слово отцу не заходить къ француженкѣ. Онъ совсѣмъ позабылъ о ней и тутъ себя упрекнулъ въ этомъ. Но вотъ она устроена и Богъ съ нею... Не она, не она нужна ему!

— Позови ко мнѣ мистера Томсона,—сказалъ Сергѣй Борисовичъ...

Не далѣе какъ черезъ четверть часа Борисъ, въ сопровожденiи гувернера и трехъ рослыхъ, сильныхъ лакеевъ, вышелъ изъ дома. Его свита едва за нимъ поспѣвала. Онъ почти бѣжалъ по знакомой, хорошо намѣченной имъ заранѣе дорогѣ. Вотъ онъ

у цѣли. Домъ невредимъ, стоитъ на томъ-же мѣстѣ. Все какъ было въ то памятное утро. Сердце Бориса шибко забилось.

— Подождите меня здѣсь, — сказалъ онъ гувернеру. — Вѣдь, нельзя-же намъ всѣмъ войти.

— Хорошо, — отвѣчалъ англичанинъ:—только не задержите насъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!..

Онъ былъ уже во дворѣ, онъ стремительно подбѣжалъ къ крылечку, а на крылечкѣ этомъ, будто поджидая его, стоитъ Матрена Степановна.

— Здравствуйте, Матрена Степановна!—радостно и въ то-же время тревожно крикнулъ онъ.

Она всмотрѣлась.

— Ахъ это вы, сударь! Милости прошу, войдите! только вы опоздали, маленькая-то барышня вчера уѣхала.

— Какъ уѣхала? Куда уѣхала?—растерянно говорилъ Борисъ.

У него и руки опустились, сердце почти перестало биться.

— Да, уѣхала маленькая барышня. Все васъ поджидала, хотѣла проститься съ вами.

— Куда-же уѣхала? Развѣ теперь можно уѣхать? Кто-же теперь уѣзжаетъ? Гдѣ она?

— А видите: ея дядя за нею пріѣхалъ, братецъ ея маменьки покойной. На другой-же день по пріѣздѣ выхлопоталъ пропускъ и увезъ ее съ няней въ деревню.

— Что-же это такое, — прошепталъ Борисъ въ отчаяніи: — значитъ, я ее не увижу?..

— Да, ужъ теперь трудно увидать. Только, батюшка, какъ знать, гора съ горой не сходится, а человѣкъ съ человѣкомъ всегда сойтись можетъ... А Ниночка какъ васъ тоже желала видѣть, даже плакала... добрая она, хорошая барышня. Такъ въ эти дни мы ее полюбили и господа... Да, что-же это я запамятовала совсѣмъ, вѣдь, она вамъ записочку оставила. Маленькая такая барышня, а и читать и писать какъ хорошо умѣетъ,— разумная. Да войдите, сударь! Я вамъ записочку дамъ, а то вотъ къ господамъ пройдите. Можетъ, они вамъ еще что-нибудь скажутъ.

— Нѣтъ, Матрена Степановна, мнѣ некогда, меня ждутъ,— проговорилъ Борисъ, едва владѣя собою.—Я, вѣдь, только узнать, что съ нею, боялся, не заболѣла-ли... А записочку вы мнѣ дайте.

— Сейчасъ, батюшка, сейчасъ!

Она ушла въ свою комнату и черезъ минуту вернулась съ записочкой.

Борисъ положилъ записочку въ карманъ, распростился со старухой и вышелъ на улицу.

— Вотъ это хорошо,—сказалъ англичанинъ:—что вы такъ скоро. Что-же, теперь обратно домой?

— Да, домой, конечно!—отвѣтилъ Борисъ.

— Отчего у васъ такой печальный видъ, развѣ что-нибудь нехорошее съ этимъ ребенкомъ?

— Нѣтъ, ничего, все благополучно!

И Борисъ опять спѣшилъ, спѣшилъ, почти бѣжалъ. Онъ долженъ былъ скорѣе въ уединеніи прочесть эту маленькую записку, которую сжималъ въ своемъ карманѣ, будто боясь, чтобы кто-нибудь ее не отнялъ. Вернувшись домой, онъ заперся въ своей комнатѣ, развернулъ бумажку. Карандашемъ, крупнымъ дѣтскимъ почеркомъ и съ ошибками, было написано:

«Ты не пришелъ, Борисъ, а я должна ѣхать. Дядя меня увозитъ. Я очень, очень хочу проститься съ тобою, только ждать нельзя. Я буду всегда о тебѣ думать. Когда я тебя увижу? Я беру твой плащь на память о тебѣ. Няня говоритъ, чтобы я непремѣнно оставила, но я не хочу, ни за что не оставлю. Я его буду беречь и отдамъ тебѣ, когда ты самъ придешь за нимъ. Приходи, я буду всегда, всегда ждать тебя. Нина».

Борисъ разъ десять прочелъ эти строки. Потомъ спряталъ записочку въ свою завѣтную шкатулку, вмѣстѣ съ самыми дорогими ему вещами. Потомъ горько задумался, и вдругъ онъ теперь понялъ, что любитъ Нину той особенной, странной, мучительной и сладкой любовью, о которой уже думалъ.

«Она зоветъ меня. Она будетъ всегда, всегда меня ждать. И я ее всегда ждать буду, и я искать буду, пока ее найду, и никогда я не разлюблю ее. Да, Нина, я найду тебя и приду къ тебѣ!..»

Онъ долго сидѣлъ, погруженный въ свои неясныя грезы. И весь этотъ день онъ былъ такой странный, молчаливый, грустный и разсѣянный, что мать не разъ его спрашивала:

— Да здоровъ-ли ты? Что съ тобой?

— Здоровъ, здоровъ, со мною ничего!..

А самъ чуть не плакалъ.

Между тѣмъ, Владиміръ быстро поправлялся. Съ нимъ дѣйствительно произошелъ спасительный кризисъ. Замѣчательно крѣпкая натура мальчика поборола страшную, мучительную болѣзнь.

Татьяна Владиміровна надѣялась, что припадокъ не повторится больше, потому что на этотъ разъ мальчикъ былъ совсѣмъ инымъ, чѣмъ бывалъ въ періодъ своего мнимаго выздоровленія. Онъ ѣлъ съ большимъ аппетитомъ, лицо его начинало, видимо, округляться, показался румянецъ. Онъ много спалъ и просыпался утромъ свѣжій и бодрый.

Вскорѣ обстоятельства позволили Горбатовымъ выѣхать изъ Москвы.

Они переселились въ Горбатовское, гдѣ прожили всю зиму.

Наполеонъ былъ побѣжденъ, Москва очищена, жители стали въ нее возвращаться. Мало-по-малу сглаживались ужасные слѣды непріятельскаго нашествія и пожара. Честь Россіи была спасена, русскій духъ воспрянулъ, наступили годы славы.

Борисъ и Владиміръ выростали. Они уже студенты. Жизнь кипитъ, смѣняются впечатлѣнія. Быстро и разнообразно проносится лучшее время человѣческой жизни. Но Борисъ, несмотря на перемѣны, происшедшія вокругъ него и въ немъ, не забываетъ Нину. Онъ не знаетъ даже ея фамилію, никогда онъ о ней ничего не слышитъ...

Черезъ годъ, вернувшись въ Москву, онъ отправился къ Матренѣ Степановнѣ, но ея не оказалось. Не оказалось и господъ ея. Они выѣхали изъ Москвы, и ихъ домъ отдавался въ наемъ. Всякій слѣдъ, по которому можно было отыскать Нину, исчезъ...

Борисъ уже превратился въ совсѣмъ взрослаго человѣка. Соблазны женской красоты дѣйствовали и на него, и онъ поддавался имъ. Онъ отдалъ дань юности. Но ни одна женщина, съ которой онъ сходился, ни одна дѣвушка, съ которой онъ встрѣчался, не успѣли овладѣть всецѣло его сердцемъ и изгнать изъ него образъ страннаго, маленькаго существа, которое Борисъ обставлялъ какими-то волшебными чарами.

Вотъ братъ Владиміръ уже женился, и Борису представлялось не мало партій. Даже родители его не разъ указывали ему на дѣвушекъ, которыя могли бы подойти ему; но онъ не думалъ о женитьбѣ. Онъ продолжалъ упорно ждать Нину. Это ожиданіе не мучило его, оно вошло въ привычку. Онъ твердо былъ увѣренъ, что непремѣнно ее встрѣтитъ, и долженъ былъ ее встрѣтить свободнымъ отъ всякихъ сердечныхъ и иныхъ обязательствъ человѣкомъ...

Теперь, вернувшись въ Россію послѣ долгаго своего путешествія и сразу почти окунувшись въ свѣтскую петербургскую жизнь, онъ не могъ, конечно, вообразить, что встрѣтитъ Нину въ этой обстановкѣ. Ему казалось, что она принадлежитъ къ совсѣмъ иному міру, куда онъ попадетъ когда-нибудь случайно, такъ-же случайно, какъ и въ первый разъ встрѣтился съ нею.

А между тѣмъ весь день передъ баломъ онъ испытывалъ странное ощущеніе. Онъ былъ въ какомъ-то необычномъ нервномъ состояніи, будто ждалъ чего-то. Когда онъ вошелъ въ залу, наполненную блестящимъ обществомъ, это странное, томившее его

ощущеніе еще усилилось. Онъ былъ разсѣянъ, у него духъ захватывало. Онъ не могъ ни на чемъ сосредоточиться.

И вдругъ передъ нимъ мелькнулъ образъ блѣдной дѣвушки— и онъ узналъ въ немъ Нину.

Онъ давно зналъ и встрѣчалъ много разъ у своей матери княгиню Маратову, но никогда не слыхалъ, что у нея есть племянница. Да если-бы и слышалъ, то что-же бы ему сказало имя mademoiselle Lamzine? А главное, Нина менѣе двухъ лѣтъ какъ живетъ у тетки. Она пріѣхала въ Петербургъ уже въ то время, какъ онъ былъ за границей.

Княгиня Маратова, къ которой Нина подвела Бориса, очень изумилась, что племянница давно съ нимъ знакома, и еще больше изумилась, когда та ей сказала, что это тотъ самый мальчикъ, который спасъ ее во время французскаго нашествія. Маратова, пожилая вдова, была извѣстна въ петербургскомъ обществѣ своей толщиною и неизмѣннымъ присутствіемъ всюду, гдѣ только собирались люди. Круглое, нѣсколько обвисшее лицо, чуть ли не съ тройнымъ подбородкомъ, маленькій вздернутый носъ, черные усики въ углахъ губъ, круглые, живые и умные глаза и толстые локоны, болтавшіеся съ обѣихъ сторонъ вдоль щекъ—дѣлали ее необыкновенно похожей на откормленнаго, породистаго кингъ-чарлза. Она наговорила Борису кучу всякаго милаго вздору и кончила тѣмъ, что надѣется его у себя видѣть въ самомъ скоромъ времени, чтобы изъ устъ его услышать интересный разсказъ о старинныхъ его приключеніяхъ съ Ниной.

— Ma mère sera charmée de vous revoir!—добавила она.—Она такъ любитъ нашу Нину и всегда заставляетъ ее разсказывать объ ея дѣтствѣ и о московскомъ пожарѣ.

— Я завтра-же буду у васъ, если позволите! — сказалъ Борисъ.

— Пожалуйста, мы будемъ ждать васъ.

Онъ раскланялся, отошелъ и глядѣлъ какъ Нина, приглашенная въ это время на танецъ, легко и граціозно носилась среди грома музыки, среди блеска и свѣта горячей атмосферы бальной залы.

А княгиня Маратова думала:

«Вотъ, пріютила сиротку, да кто знаетъ, быть можетъ, она такую еще партію сдѣлаетъ, что всѣ эти барышни съ громкими именами себѣ локти кусать станутъ... Ce jeune Gorbatoff... qui sait?»...

XI.

«Генеральша».

Домъ, въ которомъ теперь приходилось жить Н··нѣ, помѣщался недалеко отъ Таврическаго сада. Онъ принадлежалъ старой генеральшѣ Пронищевой, матери княгини Маратовой. Это было большое, одноэтажное съ мезониномъ зданіе, съ широкимъ дворомъ, гдѣ помѣщались флигеля для прислуги, конюшни и сараи. За домомъ шелъ небольшой густой садъ. Ворота стояли всегда на запорѣ. Шторы почти во всѣхъ окнахъ, выходившихъ на улицу, были всегда спущены, и вообще домъ, хотя и представительной внѣшности, но уже потемнѣвшій, закопченный отъ времени, имѣлъ мрачный видъ. Казалось, будто въ немъ или никто не живетъ, или что тутъ кто-нибудь очень боленъ. Это послѣднее предположеніе представлялось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что время отъ времени почти во всю ширину улицы передъ домомъ настилался толстый слой соломы, для того чтобы заглушить ѣзду экипажей, хотя въ этой части города ѣзды было немного.

Между тѣмъ въ домѣ не было больныхъ, и жило въ немъ очень много народу. Хозяйка дома, изъ стараго рода князей Унжицкихъ, когда-то, въ началѣ царствованія Екатерины, играла видную роль въ петербургскомъ свѣтѣ. Она была очень красива, имѣла большое состояніе, всегда была окружена толпой поклонниковъ. Она провела веселую, шумную молодость, не спѣшила замужъ, но въ концѣ-концовъ, лѣтъ подъ тридцать, все же вышла за молодого гвардейскаго офицера Пронищева.

Она могла по своему положенію, связямъ и богатству сдѣлать гораздо болѣе блестящую партію. У нея въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ было много прекрасныхъ жениховъ, но потомъ женихи эти какъ-то вдругъ стали отставать. Поговаривали, что княжна Унжицкая слишкомъ веселаго характера и слишкомъ легкихъ нравовъ. Про нее ходило не мало разсказовъ. Но, конечно, въ тѣ времена, не отличавшіяся особенной нравственностью, княжна не могла себѣ много повредить своей веселой жизнью. Разсказы объ ея преключеніяхъ не могли отвадить отъ нея женихов, которые, сватаясь къ ней, искали въ будущей подругѣ жизни не семейныхъ добродѣтелей, а связей и хорошаго приданаго.

Женихи отстали просто потому, что княжна вовсе не хотѣла выходить замужъ, ей было и такъ весело. Матери своей она не помнила, изъ отца, стараго, ничтожнаго человѣка, нечаявшаго въ ней души, она дѣлала все, что ей было угодно. Но вотъ, или

годы такіе пришли, или капризъ на нее нашелъ, она вдругъ оповѣстила своихъ друзей и знакомыхъ, что выходитъ замужъ за Пронищева. Всѣ изумлялись, никто не считилъ его подходящимъ къ ней женихомъ. Онъ даже за ней никогда особенно не ухаживалъ, да и встрѣчались они не часто. Но остановивъ нан емъ свой выборъ, княжна не стала догло задумываться. Она сама, какъ потомъ разсказывалось не безъ основанія, сдѣлала ему предложеніе.

Онъ подумалъ, сообразилъ и не сталъ отказываться.

Черезъ полгода послѣ ихъ свадьбы умеръ ея отецъ. Она раздѣлила съ единственнымъ своимъ братомъ прекрасное состояніе и поселилась въ домѣ близъ Таврическаго сада. Мужъ ея служилъ и шелъ въ гору. У нея родилась дочь и затѣмъ дѣтей больше не было.

Между тѣмъ поговаривали, что бывшая веселая княжна нѣсколько ошиблась въ выборѣ мужа. Она разсчитывала найти въ немъ полное снисхожденіе къ своему прошлому, настоящему и будущему. О прошломъ онъ, дѣйствительно, не вспоминалъ, но что касается до настоящаго своей супруги, оно его интересовало въ значительной степени. Бывшая веселая княжна хотя и показывалась попрежнему въ обществѣ, и хотя, по старой памяти, и позволяла себѣ легкомысленныя выходки, но уже, очевидно, съ опаской. Затѣмъ случалось такъ, что вдругъ она исчезнетъ, сказывается больной, никого не принимаетъ—и продолжается это мѣсяца два, иногда болѣе.

Разсказывали, что за каждый легкомысленный поступокъ Пронищевъ не только взыскивалъ съ нея, но, будучи человѣкомъ горячимъ, иной разъ просто-напросто прибѣгалъ къ кулачной расправѣ. Люди, часто бывавшіе у нихъ въ домѣ, иногда оказывались свидѣтелями бурныхъ сценъ, во время которыхъ Пронищева всегда притихала, дѣлалась ниже травы, тише воды.

«Блудлива какъ кошка, труслива какъ заяцъ», — говорили про нее.

И это было справедливо. Она стала очень бояться мужа, и несмотря на то, что онъ былъ ей всѣмъ обязанъ, такъ какъ она взяла его за себя нечиновнымъ, почти безроднымъ человѣкомъ, безъ всякаго состоянія, она вдругъ оказалась вынужденной признать его своимъ главой. Чувствуя себя очень часто виноватой, она всегда была на-сторожѣ, начинала дрожать отъ перваго рѣзкаго звука его голоса. Проводя жизнь въ измышленіяхъ, какъ-бы провести его, избѣжать его гнѣва и иногда весьма чувствительныхъ для нея послѣдствій этого гнѣва, мысль о томъ, что достигнуть этого не особенно трудно, стоитъ только вести себя, какъ подобаетъ вѣрной и любящей женѣ, никогда не при-

ходила ей въ голову. Она не могла отстать отъ своихъ укоренившихся привычекъ.

Находясь въ постоянномъ страхѣ, зная, что за нею учрежденъ очень дѣятельный присмотръ, она, тѣмъ не менѣе, улучивъ удобную минуту, посылала то тому, то другому изъ намѣченныхъ ею молодыхъ людей billetes doux, назначла со всѣми предосторожностями тайныя свиданія. Избѣжать отвѣтственности ей почти никогда не удавалось, но, тѣмъ не менѣе, она не была въ состояніи измѣниться. Съ каждымъ годомъ она сильнѣе и сильнѣе боялась мужа и въ то-же время чаще и чаще разсылала свои billets doux и назначала свиданія.

Дочь свою она любила, хотя, конечно, по-своему. Мало обращала на нее вниманія и всецѣло довѣрила наемнымъ воспитательницамъ, которыя то и дѣло мѣнялись въ домѣ, такъ какъ у хозяина былъ самый неуживчивый характеръ, и онъ ни съ кѣмъ не стѣснялся. Покажись ему что-нибудь неладнымъ, сейчасъ — маршъ, вонъ, безъ разсужденій! — и конецъ дѣлу.

Но время шло. Госпожа Пронищева, теперь уже бывшая генеральшей, несмотря на всѣ притиранья и прочія косметическія средства, начала значительно терять свою красоту, приближаться мало-по-малу къ старости. Дочку свою Машеньку она выдала замужъ за князя Маратова, человѣка уже не молодого, но во всякомъ случаѣ представлявшаго изъ себя очень хорошую партію. Борьба ея съ мужемъ продолжалась. Но теперь къ этой борьбѣ примѣшалась и другая. Приходилось бороться и съ тѣми, къ кому посылались billets doux. Приходилось побѣждать ихъ сначала съ большимъ трудомъ, а потомъ даже съ большими денежными пожертвованіями.

Генералъ Пронищевъ, будучи главой дома и «строго наказывая жену», несмотря на это, оставилъ въ ея рукахъ и распоряженіи всѣ денежныя средства.

«Это не мое, — говорилъ онъ: — я имѣю только свое жалованье, заслуженное мною, и въ употребленіи его не даю никому отчета».

Генералъ, рѣшительный и храбрый воинъ, которому, однако, въ началѣ его военной карьеры пришлось воевать не особенно много, принималъ участіе въ итальянскомъ походѣ Суворова, не разъ отличался, снискалъ расположеніе знаменитаго полководца и по возвращеніи въ Петербургъ былъ награжденъ по заслугамъ. Онъ еще былъ далеко не старъ, и для него теперь открывалась самая блестящая карьера. Но сильно простудившись во время труднаго похода и не обративъ должнаго вниманія на эту простуду, онъ вдругъ сталъ хирѣть. Проскрипѣлъ два года и—умеръ.

Повидимому, генеральша, освободившись отъ своего «тирана»,

должна была почувствовать себя легко и свободно. Полагали, что теперь она, несмотря на свои немолодые годы, снова развернется.

Но случилось совсѣмъ обратное. Она оказалась неутѣшной вдовой: прекратила всѣ выѣзды, заперлась въ своемъ домѣ, спустила шторы и принялась оплакивать мужа. Разъ въ недѣлю, закутанная подъ густой вуалью, она садилась въ карету и отправлялась въ Александро-Невскую лавру, гдѣ былъ похороненъ генералъ; слушала тамъ обѣдню, служила панихиду, сидѣла долго на его могилѣ, возвращалась домой и въ теченіе недѣли никуда не выѣзжала и не выходила. Затѣмъ опять такая-же поѣздка въ лавру.

Такъ проходилъ, мѣсяцъ, другой, третій. Прошелъ цѣлый годъ.

Всѣ были изумлены тѣмъ, что новый капризъ генеральши такъ долго не проходитъ. А капризъ все-же не проходилъ. Никто уже не получалъ отъ нея billets doux, никому она не назначала свиданья. Она принимала у себя весь городъ, но только съ визитами. Болѣе десяти минутъ у нея никто не засиживался.

Стали проходить года. Образъ ея жизни не измѣнялся. Она дышала воздухомъ разъ въ недѣлю, отправляясь въ каретѣ въ лавру, и жила такъ и зимой, и лѣтомъ, никуда не выѣзжая и даже въ самые жаркіе лѣтніе дни не выходя изъ своей комнаты. Овдовѣла ея бездѣтная дочь и переѣхала къ матери. Потомъ у нея въ домѣ поселился ея холостой братъ, князь Унжицкій. И домъ этотъ въ теченіе болѣе двухъ десятковъ лѣтъ не измѣнялся ни въ чемъ. Шторы въ будуарѣ генеральши, откуда она не выходила, и во всѣхъ парадныхъ комнатахъ были всегда спущены. Сюда не должно было доноситься никакого шума, поэтому многочисленная прислуга жила въ флигеляхъ. Просторный мезонинъ былъ занятъ старымъ княземъ. Княгиня Маратова занимала совсѣмъ отдѣльное помѣщеніе, соединявшееся съ парадными комнатами и будуаромъ матери посредствомъ длиннаго корридора...

Генеральша, въ какомъ-то порывѣ раскаянья давшая обѣтъ на могилѣ мужа всегда его оплакивать и до конца дней своихъ нести затворническій образъ жизни, начала съ того, что стала исполнять этотъ обѣтъ чисто изъ страха. Она боялась, что если нарушитъ его, то покойникъ придетъ къ ней съ тѣмъ, чтобы наказать ее. А затѣмъ она уже привыкла къ своей новой жизни, втянулась въ нее, разлѣнилась и не хотѣла ничего другого. Она проводила день за днемъ безъ всякаго измѣненія. Вставала ровно въ одиннадцать часовъ. Потомъ сидѣла передъ зеркаломъ и съ

помощью привыкшей къ ея причудамъ компаньонки убирала свои сѣдые волосы въ вычурную прическу Екатерининскаго времени, сурмила себѣ брови, бѣлилась и румянилась. Затѣмъ облекалась въ пышную робу, такую-же старомодную, какъ и прическа, и выходила въ свой будуаръ, гдѣ не только были спущены шторы, но даже спущены и тяжелыя занавѣси, такъ что самый яркій лучъ солнца не могъ сюда проникнуть.

Комната эта была какая-то немного выцвѣтшая, но богатая коробка съ скрытыми окнами и дверями, съ тяжелымъ ковромъ, заглушавшимъ шаги, уставленная старинной прекрасной мебелью и всевозможными бездѣлушками. Генеральша помѣщалась въ огромномъ покойномъ креслѣ со всевозможными приспособленіями, обкладывалась подушками. Неподалеку отъ этого кресла на небольшомъ мозаичномъ столикѣ горѣла лампа подъ темнымъ абажуромъ. Прямо противъ кресла генеральши, на темномъ фонѣ обитой бархатомъ стѣны, висѣлъ портретъ покойнаго «тирана» въ полномъ генеральскомъ мундирѣ Павловскаго времени, со всѣми знаками отличія, въ тяжелой вычурной рамѣ, наверху которой помѣщался гербъ Пронищевыхъ, поддерживаемый съ двухъ сторонъ какими-то неслыханными звѣрями.

Генеральша, въ этой бархатной комнатѣ, освѣщавшейся блѣднымъ свѣтомъ лампы, казалась видѣніемъ минувшаго времени— со своей напудренной прической, въ своей робѣ. Но она достигала цѣли. Это освѣщеніе дѣлало ее на видъ очень моложавой и привлекательной, скрывало густой слой бѣлилъ и румянъ, лежавшій на увядшихъ щекахъ ея. Въ настоящее время генеральшѣ уже было лѣтъ семьдесятъ пять. Она высохла, сморщилась, но все еще въ темнотѣ производила впечатлѣніе. Глубокіе черные глаза ея иногда такъ и горѣли изъ-подъ разрисованныхъ, насурмленныхъ бровей.

Посидѣвъ нѣсколько минутъ неподвижно, пристально глядя на портретъ покойника, генеральша протягивала руку къ сонеткѣ, звонила. Черезъ минуту шевелилась портьера, неслышнымъ шагомъ появлялся благообразный старый лакей, неся серебряный подносикъ съ кофе и печеньемъ. Вслѣдъ за кофе тоже неслышно вбѣгала въ будуаръ маленькая мохнатая бѣлая собаченка и укладывалась на подушкѣ у генеральшиныхъ ногъ, ожидая обычнаго кормленія сахаромъ.

Такимъ образомъ проходило полчаса времени. Тогда генеральша звонила вторично, и на этотъ звонокъ являлась молоденькая дѣвушка, одна изъ шести воспитанницъ генеральши.

Вотъ уже двадцать лѣтъ какъ Пронищева брала къ себѣ на воспитаніе шесть бѣдныхъ дѣвочекъ, особенно ей рекомендованныхъ.

Онѣ жили въ ея домѣ подъ надзоромъ пожилой гувернантки, которой генеральша очень довѣряла, учились, къ нимъ даже приглашались учителя. Эти дѣвочки, выйдя, по большей части, изъ простого званія, превращались въ настоящихъ барышень. Затѣмъ, когда онѣ достигали двадцати-лѣтняго возраста, генеральша входила въ сношенія съ извѣстною ей давно свахой, представлявшей ей списокъ жениховъ. Устраивались смотрины, выбранный женихъ представлялся генеральшѣ, и въ скоромъ времени въ домѣ праздновалась свадьба. Воспитанницѣ выдавалось приданое и нѣкоторая сумма денегъ, иногда даже довольно значительная, если дѣвушка оказывалась изъ генеральшиныхъ любимицъ. Такимъ образомъ въ женихахъ никогда не было недостатка, тѣмъ болѣе, что воспитанницы выбирались почти всегда хорошенькія собою. На мѣсто выбывшихъ брались новыя, въ возрастѣ отъ десяти до тринадцати лѣтъ.

Относительно генеральши обязанности этихъ воспитанницъ состояли въ очередномъ при ней дежурствѣ для ухаживанья за нею и для чтенья. Такимъ образомъ каждая дѣвочка дежурила разъ въ недѣлю. По воскресеньямъ дежурствъ не бывало. Генеральша, возвратясь изъ Александро-Невской лавры, призывала къ себѣ сразу всѣхъ шестерыхъ воспитанницъ вмѣстѣ съ ихъ гувернанткой и бесѣдовала съ ними...

Дежурная дѣвушка, войдя по звонку въ будуаръ, подходила къ ручкѣ благодѣтельницы, освѣдомлялась о здоровьи и затѣмъ дожидалась приказаній. Генеральша обыкновенно начинала съ того, что приказывала приподнять немного абажуръ лампы, оглядывала пристально воспитанницу и дѣлала ей свои замѣчанія.

— Что это, матушка, какъ ты нынче причесана? Нечего эти локоны взбивать... Чтобы въ другой разъ я тебя такой мохнатой не видѣла!.. Вотъ, гляди...

Генеральша протягивала руку къ столику, выбирала картинку, изображавшую какую-нибудь молодую дѣвушку въ самой невозможной прическѣ. У нея всегда на столикѣ была цѣлая коллекція такихъ картинокъ.

— Гляди... вотъ, гляди хорошенько и въ слѣдующее дежурство изволь точно такъ быть причесаной!..

— Слушаю-съ, ваше превосходительство,—покорно отвѣчала дѣвушка.

— Картинку ты съ собой возьми, только, смотри, не истрепли, не испачкай. Причешись точно такъ-же и принеси съ собой картинку. А это что? Дай-ка, матушка, сюда руку... дай-ка. Никакъ это ты ногти грызешь—безстыдница?

— Я не грызу, ваше превосходительство.

— Не лги, не запирайся... грызешь... Экая скверная при-

вычка! Чтобы впредь этого я не видала. Изволь носить длинные ногти.

Наконецъ, осмотръ и замѣчанія оканчивались, генеральша приказывала дѣвушкѣ взять книгу, сѣсть возлѣ лампы и читать.

Книга обыкновенно была какой-нибудь французскій романъ. Всѣ воспитанницы должны были хорошо говорить и читать по-французски. Чтеніе начиналось, но съ ежеминутными перерывами. Генеральша останавливала:

— Постой... остановись... je dois me rappeler, j'ai oublié l'histoire de ce Gustave... et puis... la jeune comtesse... elle était la fille... la fille, non, je ne me rappelle plus... raconte moi le commencement.

Начало романа было читано другими воспитанницами, но каждая изъ нихъ должна была изучать книгу, которая читалась генеральшѣ.

Дѣвушка начинала разсказывать. Старуха опять прерывала, пускаясь въ разсужденія. Критиковала, находила въ романѣ недостатки, несообразности.

— Ну какъ-же это можно,—говорила она:—они встрѣтились на балу, а я не знаю, въ какомъ же она была платьѣ!

— Тутъ сказано, ваше превосходительство (воспитанницы должны были въ разговорѣ съ генеральшей какъ можно чаще титуловать ее),—тутъ сказано, что она была вся въ розовомъ... toute en rose.

— Toute en rose! Что это значитъ? Этого мало. Онъ долженъ подробно описать ея туалетъ, и матерію, и фасонъ, и все, однимъ словомъ. А то какъ-же я могу себѣ представить! Глупо, глупо теперь пишутъ... скучно... не читай больше—оставь книгу!

Дѣвушка закрывала книгу и ожидала дальнѣйшихъ приказаній.

Генеральша начинала разспрашивать обо всемъ, что дѣлалось за эту недѣлю въ домѣ. Сама она никогда ничего не могла видѣть, такъ какъ только разъ въ недѣлю проходила по парднымъ комнатамъ, для того чтобы сѣсть въ дожидавшуюся ее старинную тяжелую карету и ѣхать въ лавру. Но она у всѣхъ все разспрашивала, всѣмъ интересовалась.

Она прерывала разсказъ воспитанницы.

— Стой, лжешь! Кучеръ Михайло былъ третьяго дня пьянъ, и его свели въ полицію, а ты говоришь, что онъ возилъ васъ кататься?

— Извините, ваше превосходительство, я ошиблась, возилъ насъ не Михайло, а Петръ.

— То-то же, смотри—не ошибайся. Отчего это во вторникъ Катя (одна изъ воспитанницъ) весь вечеръ проплакала?

— Не знаю, ваше превосходительство.

— Лжешь, знаешь!

— Да право-же, не знаю!

— Лжешь, знаешь, говори...

— Да мы у обѣдни были у Всѣхъ Скорбящихъ,—запинаясь, съ трудомъ выговаривала дѣвушка:—и въ церкви какой-то офицеръ вдругъ подошелъ къ Катѣ и что-то шепнулъ ей. А Надежда Николаевна (это гувернантка) стала потомъ допытываться: кто да кто? А Катя совсѣмъ его не знаетъ. Обидно ей стало—вотъ она и плакала.

— Лжешь, лжешь!—вдругъ накидывалась на нее генеральша.—И чего-же вы лжете, противныя дѣвчонки! Неужто не знаете, что отъ меня ничего не скроешь!

— Да я не лгу, ваше превосходительство,—уже со слезами на глазахъ произносила дѣвушка.—Я ничего больше не знаю...

— Знаешь, знаешь, отлично знаешь, что этотъ офицеръ сунулъ Катькѣ записочку, а та ее въ карманъ. А когда Надежда Николаевна дома стала ту записочку требовать, она ее ей не отдала, а съѣла. Еще разъ какая-нибудь изъ васъ такъ поступитъ, то будете наказаны. Мало того, я выгоню виноватую. Я васъ пою, кормлю, воспитываю, обучаю не для того, чтобы вы негодницами дѣлались. Вы должны жить честно, на мужчинъ не заглядываться, записокъ отъ нихъ не принимать. Время придетъ, замужъ выйдете, такъ, вѣдь, я передъ вашими мужьями должна быть права.

И она принималась читать цѣлую лекцію о томъ, какъ должны вести себя благопристойныя дѣвицы. Она требовала отъ своихъ воспитанницъ именно того, чего никогда въ жизни отъ самой себя не требовала. За нравственностью дѣвушекъ слѣдили въ домѣ еще гораздо строже, чѣмъ когда-то слѣдилъ «покойникъ» за нравственностью генеральши.

Наконецъ, генеральша отпускала отъ себя воспитанницу завтракать.

Потомъ къ ней входилъ князь—ея братъ, котораго она не иначе называла, какъ mon frère и только въ очень важныхъ случаяхъ—братецъ,—и дочь ея, княгиня Маратова. Они приходили позавтракавъ, и вслѣдъ за ними лакей вносилъ завтракъ генеральшѣ.

Княгиня должна была передать матери всѣ городскія новости; сказать гдѣ она была наканунѣ, кого видѣла. Генеральша подробно обо всемъ разспрашивала, интересовалась всякою мелочью.

Несмотря на то, что княгинѣ было уже подъ пятьдесятъ лѣтъ и что при этомъ она отличалась, какъ уже сказано, замѣчательной толщиною, генеральша до сихъ поръ продолжала считать ее чуть не дѣвочкой и частенько допытывалась:

— Ну, а кто же теперь твой adorateur? Кто за тобой увивается? Съ кѣмъ махаешься, матушка? Нѣтъ-ли кого на примѣтѣ? Я вотъ все жду, что новаго зятька мнѣ представишь. Только будь, chère amie, осторожна, посовѣтуйся сначала со мною.

— Ахъ, maman!—смѣясь говорила княгиня:—что это вы, право... да я давнымъ давно всякія мысли о замужествѣ бросила, въ мои ли года объ этомъ думать?.. Et avant tout je ne veux pas être ridicule...

— Ну, ну, ну, что ужъ такъ! Ты еще молода, зачѣмъ не выйти замужъ, не все-же вдовѣть. А увиваются? Увиваются?— Признайся!

Княгиня пожимала плечами.

— Mon oncle,—обращалась она къ дядѣ:—хоть вы скажите maman, что за мною, за этакой тушей, за старухой никто увиваться не станетъ. Темно тутъ такъ, что ли, что она меня не видитъ.

Старый князь, не отличавшійся словоохотливостью, на обращеніе племянницы вставалъ со своего мѣста, подходилъ къ ней, цѣловалъ у нея ручку.

— Ну какая-же ты туша? Какая старуха?

Входилъ лакей и докладывалъ:

— Князь такой-то.

— Проси!—поспѣшно вскрикивала, вся встрепенувшись, генеральша.

Она охорашивалась, просила еще больше спустить абажуръ лампы, принимала въ своемъ огромномъ креслѣ граціозную позу и ожидала гостя.

XII.

Закатъ веселыхъ дней.

Несмотря на то, что генеральша болѣе двадцати лѣтъ не покидала своей комнаты и, повидимому, сдѣлала все, чтобы порвать связи съ обществомъ—общество ее не забывало.

Прежняя ея жизнь и приключенія были хорошо всѣмъ памятны и въ видѣ легенды передавались молодому поколѣнію. Теперь надъ ея странностями, причудами, темной комнатой, туалетомъ Екатерининскихъ временъ потѣшались. А между тѣмъ почти всѣ представители высшаго петербургскаго общества считали почему-то своей обязанностью время отъ времени навѣщать

ее. Съ годами визиты эти вошли просто въ обычай, заняли мѣсто среди параграфовъ кодекса свѣтской жизни.

Всѣ очень хорошо знали, что генеральша принимаетъ отъ трехъ до пяти часовъ, а въ другое время, кто-бы ни пріѣхалъ—всѣмъ отказываетъ. И въ эти часы въ ея темномъ будуарѣ собиралось почти ежедневно самое блестящее общество. Маменьки привозилией показать своихъ только что вступившихъ въ свѣтъ дочекъ. Молодые люди спѣшили къ ней съ извѣстіемъ о какомъ-нибудь своемъ служебномъ повышеніи. Ей первой объявлялось о свѣтскихъ помолвкахъ. Пожилые люди, сановники являлись къ ней въ назначенные часы, какъ въ клубъ, хорошо зная, что въ темномъ будуарѣ этой напудреной, нарумяненой и набѣленой старухи всегда можно встрѣтить какого-нибудь нужнаго или интереснаго человѣка; узнать какую-нибудь новость; приготовить почву для какого-нибудь дѣла.

Какимъ образомъ все это устроилось, — рѣшительно непонятно. Положимъ, покойный генералъ послѣдніе годы своей жизни былъ на виду, отличался въ походѣ, пользовался милостью императора Павла, а затѣмъ и вступившаго на престолъ Александра Павловича. Но, вѣдь, онъ такъ давно умеръ, что времени прошло слишкомъ много для того, чтобы забыть даже и не такія заслуги, и не такое положеніе человѣка! У Пронищевой теперь уже не было вліятельной родни. Она даже и при другомъ образѣ жизни не могла бы разсчитывать на видную роль въ высшихъ сферахъ. А между тѣмъ, нисколько этого не желая, не думая и даже не замѣчая этого, она, благодаря какому-то непонятному капризу судьбы, играла роль.

Всѣ говорили: «глупая, выжившая изъ ума старуха... смѣшная, нелѣпая старуха!» И все-же всѣ къ ней ѣхали, сплетничали ей, совѣтывались съ нею, повергали на ея судъ и критику всевозможные вопросъ свѣтской жизни.

«Вчера у Пронищевой говорилось о томъ-то... Пронищева сказала... Пронищева находитъ то и то»... «Ахъ, Боже мой, кто-же обращаетъ вниманіе на слова этой полоумной старухи... только Пронищева и можетъ такъ разсуждать!..» А между тѣмъ объ ея разсужденіяхъ, мнѣніяхъ, ея приговорахъ говорилось, съ ними приходилось считаться—и считались.

«Ахъ, какая скука ѣхать въ такую даль, въ эту мрачную гробницу... къ этой муміи!» И ѣхали, потому что всѣ къ ней ѣздятъ, потому что это принято.

Для каждаго молодого человѣка, вступившаго въ свѣтъ и начинавшаго такъ или иначе карьеру, было неизбѣжно быть представленнымъ Пронищевой, и день этого представленія былъ иногда знаменательнымъ днемъ въ жизни молодого человѣка, особенно

если онъ былъ изъ пріѣзжихъ, если онъ не успѣлъ еще себѣ составить солидныхъ связей и полезныхъ знакомствъ. Онъ непремѣнно долженъ былъ встрѣтить въ этой темной комнатѣ, гдѣ пахло всегда пылью и какими-то каплями, очень вліятельныхъ людей, которымъ любезная хозяйка его непремѣнно представляла, иногда, впрочемъ, очень страннымъ образомъ.

Она принимала всѣхъ, ко всѣмъ относилась съ одинаковой любезностью; но люди безъ титула никакимъ образомъ не могли быть въ ея комнатѣ. Тутъ все были князья, графы, бароны и генералы. У кого недоставало титула, тому она сама его придавала.

Является, напримѣръ, молодой человѣкъ съ самой неблагозвучной фамиліей. Она его представляетъ своимъ гостямъ: «Сынъ генерала такого-то», или: «внучекъ генеральши такой-то». И ему нѣтъ никакой возможности поправить ошибку, заявить, что отецъ его никогда и не думалъ быть генераломъ, или бабушка — генеральшей. Это было-бы безуміе, онъ сдѣлалъ-бы дерзость любезной хозяйкѣ и навсегда былъ-бы лишенъ возможности попасть въ это святилище, безъ котораго ему нельзя было обойтись, если онъ желалъ чего-нибудь достигнуть. За нѣкоторыми молодыми людьми такъ и осталось прозвище «Пронищевскихъ генеральскихъ сыновей и внучатъ». Но это прозвище ничему не мѣшало, даже и оно клало на человѣка особенную печать. Онъ бываетъ у Пронищевой,—значитъ, его всюду принять можно.

Генеральша, полулежа въ своемъ креслѣ, внимательно насторожившись, слушала своихъ гостей, разспрашивала обо всѣхъ подробностяхъ вчерашняго бала, о придворныхъ новостяхъ и слухахъ. Она привѣтствовала новыхъ входившихъ гостей, знакомила незнакомыхъ между собою, прибавляя неизбѣжный титулъ.

Къ пяти часамъ она начинала чувствовать утомленіе и голодъ.

Ничего интереснаго уже не оставалось, все разсказано, разобрано, рѣшено. Въ сосѣдней комнатѣ раздается густой звукъ огромныхъ старинныхъ часовъ — бьетъ пять. Генеральша хватается за сонетку.

Появляется лакей.

— Никого не принимать больше!—говоритъ она.

Всѣ встаютъ, прощаются и уѣзжаютъ.

Она опять звонитъ.

— Обѣдать!..

Тутъ на сцену появляется новое лицо—Пелагея Петровна, компаньонка генеральши, старая дѣвица невзрачнаго вида, всегда

носящая черное шелковое платье и гладко зачесывающая съ височками жидкіе, какого-то бураго цвѣта волосы. Глаза у Пелагеи Петровны всегда полузакрыты. Носъ такой маленькій, что его какъ будто совсѣмъ нѣту, ротъ сложенъ сердечкомъ. Двадцать лѣтъ генеральша неразлучна съ Пелагеей Петровной. Двадцать лѣтъ, изо дня въ день, Пелагея Петровна является въ темную комнату ровно въ пять часовъ и начинаетъ въ ней хозяйничать.

Съ этого момента генеральша уже ни для кого не существуетъ, что-бы ни случилось, какая-бы до нея ни была надобность,—самымъ близкимъ къ ней людямъ, даже дочери ея, нельзя войти. Въ самомъ крайнемъ случаѣ можно вызвать Пелагею Петровну, ей сообщить что слѣдуетъ. Но уже Пелагея Петровна рѣшитъ, стоитъ-ли дѣло того, чтобы доложить немедленно генеральшѣ, или можно подождать до утра.

Генеральша обѣдаетъ на маленькомъ столикѣ, который придвигается къ ея креслу. Пелагея Петровна ей прислуживаетъ, принимая кушанья отъ лакея, остающагося за портьерой. Послѣ обѣда скатерть снимается со столика, появляются карты, начинается нескончаемый пасьянсъ, въ промежуткахъ котораго Пелагея Петровна сообщаетъ генеральшѣ всѣ домашнія сплетни, всѣ мелочи изъ жизни княгини-дочери, князя-брата, воспитанницъ, ихъ гувернантки, приходящихъ учителей и учительницъ, прислуги, начиная со старшей горничной, буфетчика и кончая послѣдней судомойкой и поваренкомъ.

Эти сплетни спаленъ, дѣвичьихъ, кухни и кучерской точно такъ-же интересуютъ генеральшу, какъ и сообщенныя ей отъ двухъ до пяти часовъ исторіи и сплетни изъ большого свѣта. Очень часто генеральша въ свою очередь передаетъ Пелагеѣ Петровнѣ о томъ, что слышала отъ своихъ гостей.

— А знаете-ли, Пелагея Петровна, — говоритъ она, вдругъ откладывая карты и подпирая высохшей рукой въ браслетахъ и кольцахъ дряблую, накрашенную щеку:—знаете-ли, что графиня Сомонова ставитъ мужу рога. Третьяго дня у нея родился ребенокъ, Николаемъ назвали, носить будетъ графскую фамилію—а чей онъ?

Ротикъ Пелагеи Петровны совсѣмъ превращается въ сердечко, глазки вдругъ раскрываются.

— И скажите, пожалуйста, дѣла какія!—протягиваетъ она съ небольшимъ присвистомъ.

— Да, матушка, это вѣрно! А чей онъ ребенокъ, я тебя спрашиваю—какъ ты полагаешь?

— Не знаю я, матушка, ваше превосходительство, откуда-же мнѣ знать-то!

— А я знаю чей онъ—князя Николая Ивановича. Князя-то знаешь, чай, вчера онъ у меня былъ?

— Знаю, матушка благодѣтельница, знаю, какъ не знать.

— Ну, такъ вотъ это его ребенокъ.

— О, Господи, вотъ дѣла-то!

— Да и Николаемъ она его въ честь князя назвала. А мужъ радуется—сынъ и наслѣдникъ—давно ждалъ!..

Генеральша улыбается. Хихикаетъ тихонько и Пелагея Петровна.

— А ловкая бабенка эта графиня!—вдругъ вся оживляясь и говоря такимъ тономъ, какого, конечно, никто никогда не могъ-бы и подозрѣвать въ ней, замѣчаетъ генеральша.—Ловкая бабенка! А все-же я въ мое время была ея ловчѣе. Знаете-ли, матушка Пелагея Петровна, что со мною разъ случилось...

И начинается разсказъ о какомъ-нибудь любовномъ приключеніи, со всевозможными неожиданными и скабрезными подробностями. И передаетъ генеральша этотъ разсказъ съ видимымъ наслажденіемъ. Она оживлена, она поднимается съ кресла, глаза ея сверкаютъ. Она смѣется своимъ старымъ, дребезжащимъ смѣхомъ, и ей въ отвѣтъ присвистываетъ и хихикаетъ Пелагея Петровна. Вотъ тайна этой дружбы, тайна этихъ вечернихъ времяпровожденій. Генеральша нашла существо, передъ которымъ можетъ свободно вспоминать свою грѣховную молодость,—а эти воспоминанія ей безконечно дороги.

Такимъ образомъ, въ раскладываніи пасьянса и интересныхъ разговорахъ незамѣтно проходитъ вечеръ. Генеральша смотритъ на часы—уже полночь.

— Ну, матушка, спать пора,—говоритъ она Пелагеѣ Петровнѣ.—Позовите Анну.

Является Анна, старая дѣвушка, изучившая такъ-же хорошо, какъ и компаньонка, всѣ привычки и привередничанья барыни. Она, вдвоемъ съ Пелагеей Петровной, разоблачаетъ генеральшу и убираетъ ее на ночь. Онѣ снимаютъ накладныя букли, смываютъ бѣлила и румяна со щекъ, краску съ бровей и такъ далѣе. Генеральша отпускаетъ ихъ отъ себя и остается одна въ своей просторной спальнѣ, наполненной затхлымъ, во все въѣвшимся запахомъ косметиковъ. Спальня освѣщена лампадой, горящей передъ огромнымъ, устроеннымъ, въ видѣ иконостаса кіотомъ, гдѣ размѣщены, по большей части, стариннаго, почернѣвшаго письма иконы, въ массивныхъ золоченыхъ рамахъ. Нѣкоторыя изъ этихъ иконъ богато усыпаны жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Этотъ кіотъ представляетъ собою очень значительную цѣнность. Это наслѣдіе благочестивыхъ предковъ.

Генеральша накидываетъ на себя что-то въ родѣ темнаго бархатнаго халата, подбитаго пожелтѣвшимъ горностаевымъ мѣхомъ.

Какъ ни блѣденъ отблескъ лампады, но все-же онъ достаточно озаряетъ фигуру старухи, жалкую и почти отвратительную фигуру, которую, конечно, не узналъ бы никто изъ дневныхъ посѣтителей, которую-бы не узнали ни «mon frère», ни княгиня-дочь. Жидкіе, почти совсѣмъ въ иныхъ мѣстахъ вылѣзшіе волосы спрятаны подъ ночнымъ чепчикомъ, облегающимъ маленькую голову. Лицо сморщенное, дряблое, старческое, съ провалившимся ртомъ. Двѣ вставныя челюсти вынуты и лежатъ въ чашкѣ съ водой на столикѣ у кровати. Изъ подъ накинутаго бархатнаго халата выглядываютъ очертанія изсохшей старческой груди и костлявые локти.

Генеральша подходитъ къ кіоту, опускается съ легкимъ стономъ на мягкую подушку и начинаетъ молиться. Провалившіяся, блѣдныя, дрожащія губы беззвучно шепчутъ, большіе черные глаза, окруженные глубокими морщинами, то совсѣмъ закрываются, то широко, съ неопредѣленнымъ выраженіемъ глядятъ на темные лики иконъ. Генеральша молится горячо. Она позабыла все, что занимало ее въ теченіе дня. Забыла всѣ новости, пересуды, всѣ волновавшія ее мысли и ощущенія. Она вѣритъ, искренно, всѣмъ сердцемъ вѣритъ въ милосердіе Божье. И она молитъ Его простить ея грѣхи вольные и невольные, всѣ ея окаянства и всю ея душевную мерзость.

Потомъ отъ молитвы за себя она переходитъ къ молитвѣ за всѣхъ людей, за всѣхъ близкихъ и далекихъ, за всѣхъ грѣшащихъ, страждущихъ, заблуждающихся. Она любитъ людей, и никакого зла въ ней нѣтъ. Она молится за враговъ своихъ. Но тутъ-же у нея мелькаетъ мысль о томъ, что, вѣдь, враговъ у нея нѣтъ. Если кто смѣется надъ нею, завидуетъ ей, порицаетъ ее— развѣ это враги? И какое ей до этого дѣло!

Она успокаивается на мысли, что Богъ непремѣнно ее помилуетъ, потому что зла, по крайней мѣрѣ, вольнаго, она никому не сдѣлала въ жизни, а добро дѣлала и дѣлаетъ сколько можетъ. И мало-по-малу она преображается въ этой горячей молитвѣ.

Слезы текутъ по щекамъ ея, даже вся ея старческая, костлявая фигура уже не поражаетъ своимъ жалкимъ безобразіемъ; въ ней, что трудно было-бы предположить въ то время, когда она смывала бѣлила и румяна и вынимала вставные зубы, является даже какое-то благообразіе, что-то почтенное. Молитва приноситъ ей новое наслажденіе, болѣе сильное, чѣмъ эти любимые разговоры съ Пелагеей Петровной.

Она встаетъ спокойная, ясная, укладывается на высоко взбитыя пуховыя перины своей широкой старомодной кровати, среди подушекъ и подушечекъ, которыя размѣщаетъ вокругъ себя въ привычномъ порядкѣ, и старается заснуть. Но это ей не скоро удается.

Старческіе недуги, усиленные вреднымъ образомъ жизни, который она ведетъ, даютъ себя знать. Они будто поджидали этотъ часъ, среди дня не поднимали голоса, а теперь, въ тишинѣ и спокойствіи, которое царитъ вокругъ, вдругъ заговорили всѣ разомъ, вдругъ завозились и не даютъ покоя. То здѣсь ломитъ, то тамъ колетъ, стрѣляетъ, томитъ и жжетъ. Съ тихимъ стономъ поварачивается старуха съ боку на бокъ, растираетъ свои изсохшія ноги.

Но вотъ, наконецъ, будто наскучивъ этой безпокойной возней, старческіе недуги притихаютъ, и въ спальнѣ раздается мѣрное дыханье.

Генеральша заснула. Ея сонъ крѣпокъ и только изрѣдка нарушается какимъ-нибудь сновидѣніемъ, переносящимъ ее въ старые счастливые годы, къ молодости, къ красотѣ и грѣхамъ, такъ давно и невозвратно улетѣвшимъ.

XIII.

Дядя и племянница.

Рядомъ со странною жизнью генеральши протекала не менѣе странная жизнь ея брата, князя Еспера Аполлоновича Унжицкаго.

Онъ былъ гораздо моложе сестры, лѣтъ на двѣнадцать, небольшого роста, сухой, съ мелкими чертами лица, всегда гладко выбритаго, съ изумительно зачесанными коками подкрашенныхъ волосъ. Онъ одѣвался по послѣдней модѣ и очень молодо. Отъ него за нѣсколько аршинъ пахло духами. Ходилъ онъ въ припрыжку, какъ воробушекъ, и то и дѣло потиралъ руки, будто ихъ намыливая.

Князь Есперъ не зналъ матери, которая умерла, произведя его на свѣтъ. Отецъ мало обращалъ на него вниманія, сестра тоже не имъ была занята. Выросъ онъ, такимъ образомъ, въ большомъ богатомъ домѣ заброшеннымъ ребенкомъ. Потомъ къ нему приставили учителя, приготовили его кой-какъ въ военное училище, но онъ не кончилъ курса, уѣхалъ за границу, скитался тамъ нѣсколько лѣтъ. Потомъ прямо проѣхалъ къ себѣ въ деревню. Это было уже послѣ смерти отца. Какъ онъ жилъ, чѣмъ

занимался — никто о томъ не зналъ. Сестра съ нимъ почти не видалась. Наконецъ, когда она овдовѣла, онъ написалъ ей, что собирается на житье въ Петербургъ, и она предложила ему поселиться у нея въ домѣ. Такъ онъ и сдѣлалъ. И съ тѣхъ поръ двадцать лѣтъ проживалъ здѣсь, изрѣдка, на лѣтнее время, уѣзжая въ деревню и возвращаясь къ осени.

Трудно было себѣ представить, какимъ образомъ прошла жизнь этого человѣка, какова была его молодость. Онъ никогда никому о себѣ не разсказывалъ. Онъ сидѣлъ дома иногда по цѣлымъ днямъ, повидимому, не искалъ развлеченій, за исключеніемъ, впрочемъ, балета, который посѣщалъ довольно часто, хотя почему-то всегда объ этомъ умалчивалъ. Между тѣмъ, его никакъ нельзя было назвать нелюдимымъ. Очутившись въ обществѣ, онъ не бѣжалъ отъ него, а даже напротивъ, казалось, чувствовалъ себя хорошо, интересовался всѣмъ, о чемъ говорилось. И хотя былъ довольно молчаливъ, но если что-нибудь скажетъ, то всегда разумно. Онъ, видимо, льнулъ къ очень молоденькимъ дѣвушкамъ и дамамъ, подсаживался къ нимъ, сладко улыбался, говорилъ комплименты; при малѣйшемъ знакѣ вниманія съ ихъ стороны окончательно таялъ.

Съ разрѣшенія генеральши онъ принялъ на себя обязанность заниматься съ ея воспитанницами ариѳметикой и географіей и самымъ аккуратнымъ образомъ исполнялъ эту обязанность; не было примѣра, чтобы князь Есперъ пропустилъ урокъ. Одно, чего онъ не любилъ, это присутствія на его урокахъ гувернантки, которую всегда удалялъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ. Отношеніе генеральшиныхъ воспитанницъ къ князю было довольно странное. Говоря о немъ, онѣ всегда какъ-то особенно перемигивались, да и съ нимъ обращались очень фамильярно. Впрочемъ, онѣ, очевидно, его любили. Онъ ихъ баловалъ, дѣлалъ имъ подарки, иногда призывалъ къ себѣ въ мезонинъ и тамъ показывалъ имъ разныя интересныя вещицы, давно-давно когда-то вывезенныя изъ чужихъ краевъ, а также прекрасныя художественныя изданія и гравюры, до которыхъ былъ большой охотникъ. Иногда онъ читалъ имъ книги духовнаго и мистическаго содержанія, въ которыхъ они почти ничего не понимали. Но такъ какъ эти чтенія сопровождались угощеніями, разными лакомствами, то дѣвочки охотно на нихъ собирались.

Къ сестрѣ князь Есперъ относился съ большимъ почтеніемъ, цѣловалъ у нея руки, говорилъ ей «вы» и даже иногда называлъ ее «ваше превосходительство». Отношенія его къ племянницѣ, княгинѣ Маратовой, были совсѣмъ иныя. Онъ былъ съ нею всегда предупредителенъ, но какъ-то не по родственному. Иногда даже казалось, что онъ просто-на-просто не боится.

Между ними, хотя оба всячески скрывали это, была взаимная антипатія.

Ихъ никогда нельзя было застать вдвоемъ въ откровенномъ родственномъ разговорѣ; иногда можно было прямо замѣтить, что они избѣгаютъ другъ друга, а сойдутся при постороннихъ—и ничего, никакихъ споровъ, пикировокъ между ними не было. Только княгиня иногда глядѣла на дядю Еспера съ явнымъ пренебреженіемъ, почти даже съ гадливостью. А онъ терялся подъ ея взглядами, ему становилось неловко. Онъ какъ-то съеживался и совсѣмъ замолкалъ. И это было тѣмъ болѣе странно, что князь Есперъ, очевидно, былъ очень добродушный человѣкъ, не дѣлавшій никому зла, а напротивъ старавшійся всѣмъ быть пріятнымъ.

Кое-кто изъ близкихъ къ этому семейству людей, подмѣчая нѣчто странное въ отношеніяхъ дяди и племянницы, говорили, что между ними есть старые счеты, но какіе счеты, что такое—это никому не было извѣстно.

Сама княгиня Маратова, несмотря на свою слабость къ черезчуръ разсѣянной жизни и чрезмѣрную толщину, надъ которою она сама прежде всѣхъ смѣялась, была добрѣйшимъ существомъ и при этомъ женщина безупречной репутаціи. Въ свѣтѣ, гдѣ обыкновенно въ изумительныхъ подробностяхъ знаютъ не только всю подноготную ближняго, но даже такія обстоятельства, которыхъ никогда не бывало, ничего двухсмысленнаго не могли разсказать и придумать относительно княгини. Она очень счастливо жила съ покойнымъ мужемъ. А когда овдовѣла, то не жаловалась, не выставляла на показъ своего горя—пережила его сама съ собою. И по окончаніи траура снова появилась въ свѣтѣ, сдѣлалась неизбѣжнымъ аксесуаромъ каждаго людnаго собранія. Роли никакой она не играла, не потому, что не могла играть, а потому, что вовсе этого не хотѣла. Она никогда не сплетничала, не злословила, никому ни въ чемъ не вредила, умѣла со всѣми ладить. Если въ рѣдкихъ случаяхъ къ ней обращались за совѣтами или помощью,—совѣты ея были благоразумны, въ помощи она никогда не отказывала. Такую женщину слѣдовало очень цѣнить, но ее не цѣнили. Ее приглашали всюду, всѣ были въ изумленіи, ея не видя—но и только.

Въ домѣ она жила совсѣмъ особнякомъ, ни во что не вмѣшивалась. Въ извѣстный часъ аккуратно являлась въ темный будуаръ матери, проводила съ ней часъ, другой и затѣмъ исчезала.

Иногда въ ея помѣщеніи, по вечерамъ, собирались гости. Но это случалось не часто. Впрочемъ, нѣсколько разъ въ зиму она задавала, съ разрѣшенія генеральши, большіе обѣды. Тогда

парадныя комнаты дома принимали праздничный видъ, а двери въ покои генеральши запирались на ключъ.

— Я тебѣ не мѣшаю, ma chère,—говорила генеральша:—сдѣлай милость, приглашай кого знаешь... Это хорошо, это слѣдуетъ, только чтобы я не слышала, ты знаешь, я не могу выносить шума...

Но запертыя двери и спущенныя тяжелыя портьеры не пропускали никакого шума въ темный будуаръ генеральши, которая въ то время, какъ въ парадныхъ комнатахъ шло веселье-пированье, занималась съ Пелагеей Петровной обычнымъ пасьянсомъ и обычными милыми воспоминаніями...

Какъ-то разъ, около двухъ лѣтъ тому назадъ, княгиня въ обычное время вошла къ матери и послѣ первыхъ привѣтствій и неизбѣжнаго отчета о вчерашнемъ балѣ, вдругъ проговорила:

— Maman, мнѣ нужно посовѣтоваться съ вами относительно одного серьезнаго дѣла.

Генеральша тревожно взглянула на дочь.

— Ma chère, что это, что-нибудь непріятное?

— Не безпокойтесь, непріятнаго ровно ничего нѣтъ.

— Такъ говори скорѣе... tu me fais peur... у тебя такой серьезный видъ...

— Потому, что дѣло серьезное. Вѣдь, вы помните, maman, что у моего покойнаго мужа былъ двоюродный братъ Ламзинъ.

— Ламзинъ... attends, ma chère... oui... je me rapelle... помню... красивый такой офицеръ... Но, вѣдь, онъ былъ не Богъ знаетъ что... Ламзинъ... Ламзинъ... ce n'est pas un beau nom...

— Но онъ былъ двоюродный братъ моего мужа... Превосходный человѣкъ... и мой бѣдный Поль былъ съ нимъ друженъ. Этотъ Ламзинъ умеръ такъ рано... оставилъ послѣ себя молодую жену и дочь...

— А жена его... sa femme, comment ce du'elle est née?

— Ah, je ne sais pas au juste... Петрова... Никитина... что-то въ этомъ родѣ...

— Mais alors elle n'est pas née du tout!—воскликнула генеральша съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ.

Княгиня сдержала улыбку.

— Дѣло не въ этомъ, maman,—продолжала она.—Она была очень милая женщина, страстно любила мужа и, когда онъ умеръ, не могла сладить съ своимъ горемъ, стала чахнуть и въ двѣнадцатомъ году умерла въ Москвѣ, передъ самымъ нашествіемъ французовъ. Дочка ея осталась въ одиннадцать лѣтъ круглой сиротой, съ небольшими средствами. Пріютилъ ее и воспиталъ дядя, братъ матери. Дѣвушку эту я знаю. Она прелестна собой и хорошо воспитана, я познакомилась съ нею въ послѣд-

нюю мою поѣздку въ Москву, гдѣ она жила съ этимъ дядей. Я ее не выпускала изъ виду. Теперь она пишетъ, что дядя ея умеръ, что она одна, совсѣмъ одна. Я помню любовь моего мужа къ ея отцу, я намѣрена взять ее. Что вы на это скажете, maman?

— Что-же я тебѣ скажу,—отвѣчала генеральша:—у меня вотъ постоянно шесть воспитанницъ, отчего тебѣ не взять одну?

Княгиня покачала головою.

— Нѣтъ, maman, это совсѣмъ не то; я не хочу ее взять на правахъ воспитанницы, какъ вы это понимаете; я, насколько это можно, намѣрена замѣнить ей мать. Я ее полюбила, у меня дѣтей нѣтъ.

— А, такъ ты, значитъ, хочешь ее сдѣлать своей наслѣдницей?

— Хоть бы и такъ, но я объ этомъ еще не думала... Я ей пишу и зову ее жить со мною, такъ вотъ и хотѣла васъ спросить, согласны-ли вы на это, то-есть, согласны-ли вы будете принять ее какъ родственницу?

Генеральша задумалась.

— Я ее приму такъ, какъ тебѣ будетъ угодно,—наконецъ, сказала она:—вѣдь, если она мнѣ не понравится, тогда ей нечего ко мнѣ и заглядывать—слава Богу, домъ не маленькій, всѣмъ мѣсто будетъ. Дѣлай какъ знаешь, ma chère!..

— Mercі, maman,—сказала княгиня и нагнулась поцѣловать руку у матери, при чемъ тучное лицо ея все побагровѣло.—Такъ я ей напишу.

— Пиши, ma chère, только, знаешь, ты бы поосторожнѣе, сразу не давай никакихъ обѣщаній, можетъ, она и не стоитъ.

— Нѣтъ, я врядъ-ли въ ней обманываюсь и я увѣрена, что она и вамъ понравится...

Такимъ образомъ рѣшенъ былъ пріѣздъ Нины, и сама она явилась недѣли черезъ три. Ей ничего не оставалось дѣлать, какъ принять милое приглашеніе княгини, которую она хотя и не много знала, но считала хорошей женщиной...

Покойный дядя Нины, тотъ самый Алексѣй Ивановичъ, который пріѣзжалъ за нею въ Москву во время французскаго нашествія, былъ добрый, но очень безалаберный человѣкъ. Онъ не только не устроилъ маленькое состояніе племянницы, но даже разстроилъ его, такъ что теперь у Нины были крайне незначительныя средства къ жизни. Она явилась въ тихій домъ у Таврическаго сада, блѣдная, смущенная. Но княгиня сумѣла въ самомъ скоромъ времени привязать ее къ себѣ и доказать ей, что она нашла нежданнаго и добраго друга.

Прошло полтора года. Нина, повидимому, совсѣмъ привыкла къ своей новой жизни. Въ домѣ ее всѣ любятъ, по крайней мѣрѣ,

выказываютъ ей это. Даже генеральша, и та къ ней особенно благосклонна, нерѣдко призываетъ ее къ себѣ и обращается съ нею совсѣмъ иначе, чѣмъ со своими воспитанницами. Что же касается князя Еспера, то онъ просто благоговѣетъ передъ Ниной и, къ изумленію княгини, между ними мало-по-малу начинаетъ замѣчаться какая-то близость. Княгиня иной разъ застаетъ ихъ въ оживленной бесѣдѣ. При ея входѣ князь Есперъ замолкаетъ, съеживается, избѣгаетъ ея взгляда и вообще начинаетъ держать себя такъ странно, что Нина смотритъ на него съ большимъ изумленіемъ.

— Я, право, не понимаю, Нина,—какъ-то сказала княгиня:— о чемъ вы бесѣдуете такъ часто съ моимъ дядей?

— О многомъ, ma tante! Князь очень хорошій человѣкъ и уменъ, и мнѣ сердечно жаль, что вы какъ будто что противъ него имѣете, какъ будто его не любите. Онъ замѣчаетъ тоже, и это его сильно огорчаетъ. А онъ васъ любитъ, ma tante, право, любитъ!

Княгиня нахмурилась.

— Видишь, что, Нина,—серьезно говорила она:—если-бы я тебя меньше знала, если-бы ты была другая дѣвушка, я бы съ тобой стала иначе говорить, я бы должна была тебя предупредить не очень довѣряться людямъ; но я тебя знаю и не скажу больше ни слова. Ты умна, ты благоразумна—я ни въ чемъ не намѣрена стѣснять тебя.

— Ma tante, да что такое, будьте откровенны со мною, скажите, что вы имѣете противъ князя? Вѣдь, это, навѣрно, какое нибудь недоразумѣніе, а недоразумѣніе всегда слѣдуетъ разъяснить, въ особенности между близкими людьми.

— Никакого недоразумѣнія нѣтъ. И не будемъ больше говорить объ этомъ.

Княгиня, даже нѣсколько мрачно произнося эти слова, вышла изъ комнаты.

Нина осталась въ недоумѣніи. Она сидѣла задумавшись, сдвинувъ свои тонкія брови.

А между тѣмъ сближеніе ея съ княземъ Есперомъ и ихъ оживленные разговоры tête-à-tête продолжались.

XVI.

Что это значитъ?

На слѣдующій же день послѣ бала, еще не сдѣлавъ въ Петербургѣ никому визитовъ, Борисъ подъѣзжалъ къ мрачному

дому генеральши, передъ окнами котораго былъ настланъ густой слой соломы.

Но ни мрачный видъ дома со спущенными шторами, ни даже эта солома его не смутили. Онъ уже зналъ генеральшу и образъ ея жизни. Во время рѣдкихъ пріѣздовъ Горбатовыхъ въ Петербургъ, Татьяна Владиміровна исполняла установившійся обычай, посѣщала генеральшу и возила ей на показъ дѣтей своихъ.

Дворникъ, неизмѣнно сидѣвшій въ будкѣ, замѣтя подъѣзжавшій экипажъ, быстро выбѣжалъ и распахнулъ ворота. На просторномъ дворѣ стояло нѣсколько экипажей, присутствіе которыхъ доказывало, что генеральша принимаетъ. Но, поднявшись на широкія ступени подъѣзда, Борисъ долженъ былъ очень долго ждать, пока его звонокъ былъ услышанъ, и двери растворились. Борисъ спросилъ отворившаго ему швейцара, поражавшаго своей старостью и въ то-же время внушительнымъ видомъ, дома-ли княгиня?

— Пожалуйте, сударь!—радушнымъ, привычнымъ тономъ отвѣтилъ швейцаръ.—Извольте пройти къ ихъ превосходительству,—княгиня у маменьки... пожалуйте...

Дѣлать нечего, пришлось отправиться по указанію. Снявъ верхнее платье въ просторной, но нѣсколько закопченной и пропитанной какимъ-то особенно спертымъ воздухомъ, передней, Борисъ вступилъ въ рядъ знакомыхъ ему парадныхъ комнатъ генеральши. Здѣсь все оставалось неизмѣннымъ со времени его послѣдняго посѣщенія лѣтъ пять тому назадъ. Тотъ-же полумракъ отъ двойныхъ спущенныхъ шторъ, то же старинное симметрическое убранство, та-же тишина, тѣ-же стоящіе въ каждой комнатѣ лакеи въ вылинявшемъ одѣяніи.

Борисъ назвалъ себя, и лакеи стали передавать другъ другу его фамилію, такъ что когда онъ подошелъ къ темному будуару, о немъ уже было доложено хозяйкѣ. Дверь передъ нимъ безшумно открылась, лакей придерживалъ надъ нимъ тяжелую портьеру.

Борисъ очутился во мракѣ, который, несмотря даже на подготовительный полусвѣтъ остальныхъ комнатъ, заставилъ его на мгновеніе остановиться, чтобы разглядѣть хозяйку и на кого-нибудь не наткнуться.

— Est-ce bien vous, chèr Борисъ Сергѣевичъ?—разслышалъ онъ ласковый голосъ генеральши:—вернулись къ намъ... нагулялись. Очень, очень благодарю, что навѣстили...

И она это говорила такимъ тономъ, какъ будто онъ еще недавно былъ у нея, какъ будто онъ въ теченіе трехъ лѣтъ своей жизни въ Петербургѣ, передъ отъѣздомъ за границу, не посту-

палъ крайне неприлично, не посѣщая ее, тогда какъ братъ его, Владиміръ, являлся къ ней аккуратно и даже въ этой темной комнатѣ встрѣтился съ графиней Черновой и задумалъ на ней жениться.

Борисъ, наконецъ, разглядѣлъ генеральшу на ея креслѣ, наклонился поцѣловать у нея руку и затѣмъ сталъ оглядываться, ища глазами княгиню, а главное—Нину. Княгиня была здѣсь. Она ему улыбалась всѣмъ своимъ милымъ, толстымъ лицомъ и протягивала ему руку.

Но Нины не было.

Затѣмъ изъ мрака стали выступать мужскія и женскія фигуры гостей.

Генеральша уже начала было высчитывать всѣ титулы и чины предковъ Бориса, но оказалось, что представлять его присутствовавшимъ не было необходимости. Все это были знакомыя лица, съ которыми онъ уже встрѣтился вчера на балу у брата. Онъ очутился среди хорошо знакомаго ему общества, покинутаго имъ два года тому назадъ. Начались неизбѣжные вопросы о томъ, гдѣ онъ путешествовалъ, каково теперь настроеніе умовъ въ Европѣ?..

Онъ отвѣчалъ терпѣливо, и терпѣніе его было награждено. Его путешествіе, въ сущности, никого не интересовало, всѣ были заняты инымъ, а именно вчерашнимъ баломъ его брата. Появленіе Бориса прервало этотъ разговоръ, и теперь онъ скоро возобновился.

Генеральшѣ отдавался самый подробный отчетъ о томъ, кто въ чемъ былъ одѣтъ, что говорили великій князь и великая княгиня. Не забыта была, конечно, и Нина. Со всѣхъ сторонъ раздавались похвалы ей. Вѣдь, съ нею великій князь танцовалъ первую кадриль.

— Гдѣ-же она, въ самомъ дѣлѣ, ma chère?—обратилась генеральша къ дочери.—Что она не идетъ?

— Она утомилась послѣ вчерашняго бала... голова болитъ,—отвѣчала княгиня.

Извиненіе нашли достаточнымъ. Оживленные толки и пересуды начались снова, и подъ шумокъ ихъ княгиня шепнула Борису:

— А вы ко мнѣ зайдете? Я ухожу.

— Непремѣнно!—не безъ волненія проговорилъ онъ.

Княгиня вышла изъ темнаго будуара. Борисъ посидѣлъ еще нѣсколько минутъ и сталъ прощаться.

— Не забывайте же меня, Борисъ Сергѣевичъ!—ласково говорила ему генеральша.—Я такъ люблю вашихъ родителей, и вашего милаго брата, et votre charmante belle-soeur...

Онъ отвѣчалъ, что будетъ возвращаться къ ней часто. И на этотъ разъ это была не одна любезная фраза. Онъ дѣйствительно надѣялся часто возвращаться, если не въ эту темную комнату, то въ этотъ домъ.

Онъ прошелъ на половину княгини. Здѣсь все совсѣмъ было иное.

Большія окна, выходившія въ садъ, не были занавѣшаны. Въ комнатахъ убрано кокетливо и со вкусомъ. Было свѣтло и уютно. Много зелени, цвѣтовъ. Однимъ словомъ,—самая пріятная и веселая обстановка. Въ небольшой гостиной, куда его провели, онъ увидѣлъ рядомъ съ княгиней Нину, которая пошла ему навстрѣчу съ протянутой рукой и съ очень смущенной, хотя и радостной улыбкой. Теперь, при дневномъ свѣтѣ, она была нѣсколько иная, чѣмъ вчера: все такъ-же хороша, но его поразила ея матовая блѣдность и темные круги вокругъ прекрасныхъ глазъ.

Тутъ-же былъ и князь Есперъ. Борисъ зналъ его давно, но никогда не обращалъ на него вниманія. Князь Есперъ, по своему обычаю, весьма любезно поздоровался съ Борисомъ, но казался нѣсколько смущеннымъ и, проговоривъ двѣ, три любезныя фразы, своей воробьиной походкой, въ припрыжку, удалился изъ комнаты.

Всѣ чувствовали нѣкоторую неловкость. Борисъ пристально вглядывался въ Нину и къ его радости примѣшивалось какое-то грустное чувство, какое-то почти даже разочарованіе. Онъ совсѣмъ не такъ представлялъ себѣ эту встрѣчу. Княгиня заговорила, стараясь вывести молодыхъ людей изъ смущенія.

— Ну, старые друзья,—сказала она:—извольте передавать другъ другу событія вашей жизни, а я вотъ присяду къ этому столику и напишу письмо. Совсѣмъ забыла, что мнѣ написать надо.

Она подошла къ окну, у котораго стоялъ столъ, и принялась писать.

Мало - по - малу разговоръ завязался. Минутъ черезъ десять и Борисъ, и Нина знали уже всю внѣшнюю исторію другъ друга. Но оказалось, что для нихъ эта внѣшняя исторія ихъ жизни не представляла особеннаго интереса. Борису нужно было знать вовсе не то, гдѣ и съ кѣмъ проводила Нина время. Ему хотѣлось, чтобы она ввела его въ свой внутренній міръ, чтобы она сказала ему, игралъ-ли онъ такую-же роль въ этомъ мірѣ, какую она играла въ его внутренней жизни. Вчерашняя странная встрѣча, странныя слова, которыя они говорили другъ другу, должны были показать ему, что ему безпокоиться не о чемъ, что онъ многое для нея значитъ, что она не забывала его. Но ему казалось, что вчера было совсѣмъ другое. Вчера былъ сонъ,

а сегодня явь, такъ-же какъ и тогда, много лѣтъ тому назадъ, утромъ, послѣ волшебной ночи въ пустомъ домѣ. Безпокойное и грустное чувство, охватившее его, не проходило. Его смущало въ Нинѣ многое. Онъ чуялъ, что передъ нимъ какое-то особенное существо и что у этого существа есть какая-то тайна, непонятная для него и мучительная.

Отъ генеральши пришли звать княгиню.

Она оторвалась отъ своего письма и, уходя, сказала Борису:

— Я скоро вернусь, вы меня подождите!

Молодые люди остались одни. Борисъ еще разъ пристально вглядѣлся въ Нину. Она сидѣла передъ нимъ блѣдная, съ опущенными глазами, съ выраженіемъ почти страданія на прелестномъ лицѣ.

— Нина,—вдругъ сказалъ онъ:—неужели мы будемъ вести съ вами пустые разговоры,—они не могутъ занимать ни меня, ни васъ.

— Нѣтъ, конечно!—отвѣчала она.

— Знаете-ли вы, зачѣмъ я здѣсь?.. Знаете-ли, что нужно мнѣ спросить у васъ?..

Она вздрогнула и прошептала:

— Знаю...

— Да, вы должны знать... Я всю жизнь ждалъ нашей встрѣчи. Ждалъ васъ и ждалъ съ полной увѣренностью въ томъ, что и вы меня ждете.

— Вѣдь, я вчера сказала...—тихо, едва слышно прошептала Нина.

Его глаза заблестѣли. Онъ приподнялся въ волненіи.

— Такъ, значитъ, вы меня понимаете!—горячо проговорилъ онъ.—Вы знаете, что если мы встрѣтились, то это не даромъ... Мы дождались... И я васъ спрашиваю, ошибался-ли я или нѣтъ, надѣясь... зная... да, зная навѣрно, что мы встрѣтимся для того, чтобы никогда уже не разставаться, что мы съ того самаго дня существуемъ другъ для друга... назначены другъ другу... Да, да, Нина, я люблю васъ, я никогда не переставалъ любить васъ и никого не любилъ. Мнѣ кажется, что этой огромной разлуки совсѣмъ не было и что нѣтъ въ насъ никакой перемѣны... Вы для меня все та-же. Этого не пойметъ никто, меня сочтутъ безумнымъ. Но вы должны понять... вы должны знать, что это такъ, и иначе быть не можетъ. Нина, отвѣчайте, отвѣчайте скорѣе, правъ я или обманулся? Понимаете, что я долженъ знать это сейчасъ?..

Она поблѣднѣла еще больше, но не опускала глаза, а смотрѣла прямо въ глаза Борису своимъ страннымъ, загадочнымъ взглядомъ.

— Я знала, всегда знала, что вы такъ говорить будете! — наконецъ, произнесла она.—И если-бы мы встрѣтились раньше, четыре года тому назадъ, мнѣ нетрудно было бы вамъ отвѣтить... а теперь... теперь...

Она взялась руками за голову и сжимала ее.

— Теперь...—еще разъ повторила она и замолчала...

Борисъ съ ужасомъ взглянулъ на нее.

— Что теперь, Нина?—почти крикнулъ онъ.—Неужели... вы кого-нибудь любите?

— Нѣтъ,—сказала она. — Совсѣмъ не то... совсѣмъ не то... какъ и вы, я всегда васъ одного любила и ждала...

— Такъ что-же? Я ничего не понимаю!

На лицѣ ея вдругъ выразилось страданье.

— Ахъ, Боже мой!—проговорила она.—Я могу съ ума сойти... Я всю ночь глазъ не сомкнула, все думала... старалась рѣшить и ничего не рѣшила. Я не знаю, могу-ли я теперь, смѣю-ли... должна-ли теперь любить васъ... не знаю, для чего мы встрѣтились...

— Ради Бога объясните,—говорилъ Борисъ:—вы меня пугаете. Что такое съ вами?.. Вѣдь, это ужасно... не томите...

— Что я могу объяснить... какъ я могу объяснить... Теперь вамъ трудно будетъ понять... вы почтете меня сумасшедшей... Послушайте, Борисъ, ради Бога, будьте терпѣливы. Я ничего отъ васъ не скрою... я не въ правѣ ничего скрывать отъ васъ—да и не хочу этого. Только дайте мнѣ собраться съ мыслями, дайте время, тогда я вамъ все скажу... Когда вы будете все знать, тогда вы сами рѣшите... Почемъ знать, вѣдь, можетъ, вы увидите, что ошибались, вы сами, можетъ быть, не захотите меня и убѣжите отъ меня... А теперь не спрашивайте больше... дайте время... Вѣдь, мы будемъ часто видаться? Сегодня я не въ силахъ, мнѣ нужно хоть немного успокоиться... я вамъ дамъ знать... Оставьте меня... уѣзжайте!..

— Какъ-же я такъ уѣду!—растерянно проговорилъ Борисъ.—Нина, вѣдь, это бредъ какой-то! Это Богъ знаетъ что такое!

Она постаралась ему улыбнуться. Она крѣпко сжала его руку.

— Уходите, не тревожьтесь... скоро все объяснится... Уходите, милый!

И она вложила въ это послѣднее слово столько нѣжности, что его сердце такъ и затрепетало. Онъ покрылъ поцѣлуями ея маленькія холодныя, дрожащія руки и, самъ не помня какъ, вышелъ изъ комнаты. А она осталась неподвижной, съ широко раскрытыми глазами. Выраженье тоски мало-по-малу сбѣгало съ лица ея. На нее находило какое-то вдохновеніе.

Въ дверяхъ показалась фигура князя Еспера. Онъ оглядѣлся и какъ-то крадучись подошелъ къ Нинѣ.

— Что, онъ уѣхалъ?—спросилъ онъ, заглядывая ей въ глаза.

Она вздрогнула и, не глядя на князя, отвѣчала:

— Да, уѣхалъ!

— Вы не должны видаться!—вдругъ проговорилъ князь рѣзкимъ голосомъ и становясь въ театральную позу.—Онъ врагъ!.. Сестра, ты должна быть тверда, не поддавайся искушенію... помни свое призваніе... Помни, къ чему ты предназначена!..

Но Нина ничего не слышала. Она вдругъ зарыдала и выбѣжала изъ комнаты.

XV.

Странный другъ.

Княгиня очень изумилась, когда, возвратясь отъ матери, не застала въ своей гостиной ни Бориса, ни Нины. На креслѣ у окна сидѣлъ князь Есперъ. Лицо его было взволновано. Когда княгиня вошла, онъ сдѣлалъ видъ, что ее не замѣчаетъ, и отвернулся къ окошку. Она остановилась передъ нимъ, глаза ея блеснули. Толстое, еще сейчасъ добродушное и веселое лицо вдругъ все побагровѣло, и выраженіе его сдѣлалось почти даже свирѣпымъ...

— Дядюшка!—произнесла она раздраженнымъ голосомъ.

Онъ повернулся къ ней, но по своей всегдашней привычкѣ не взглянулъ на нее, а забѣгалъ глазами по сторонамъ.

— Что прикажешь, ma chère?

— Гдѣ Горбатовъ и Нина?

— Горбатовъ уѣхалъ, а Нина ушла къ себѣ.

Княгиня покраснѣла еще больше. Хотѣла что-то сказать, но удержалась и своимъ тяжелымъ шагомъ быстро вышла. Она подошла къ Нининой комнатѣ, повернула ручку двери... Дверь была заперта.

— Нина!—позвала она:—отопри, пожалуйста.

— Сейчасъ, ma tante.

Дверь отворилась. Нина стояла передъ нею блѣдная, съ красными отъ недавнихъ слезъ глазами. Княгиня пристально взглянула на нее.

— Ты плакала? Отчего ты плакала?—проговорила она, беря ее за холодную руку и вглядываясь въ ея глаза.

Нина выдержала ея взглядъ, но потомъ опустила глаза.

— Зачѣмъ ты плакала?—повторила княгиня.

— Ахъ, ma tante, я сама не знаю, съ чего я иногда плачу.

— Пустое, безъ причины плакать не станешь. И отчего это Горбатовъ такъ скоро уѣхалъ, меня не дождавшись?

— Онъ очень извиняется передъ вами, ma tante. Ему непремѣнно надо быть гдѣ-то. Онъ обѣщалъ надняхъ опять навѣстить насъ.

— Не то, не то, совсѣмъ не то!..—раздраженно перебила княгиня.—Неужели ты меня считаешь уже такой дурой? Ты думаешь, я ничего не замѣчаю, что такъ въ глаза и бросается? Онъ уѣхалъ, ты запершись плачешь... дядюшка сидитъ тамъ съ такимъ лицомъ—ужъ его-то лицо я очень хорошо знаю!.. Навѣрное, онъ что-нибудь... Нина, ты прежде была болѣе откровенна со мною, ты сколько разъ говорила, что меня любишь!

Въ ея словахъ звучалъ упрекъ и тоскливое чувство. Нина обняла ее и припала головой къ ея высокой, огромной груди, которая такъ и ходила подъ толстымъ, скрипящимъ шелкомъ ея платья.

— Ma tante, неужели вы сомнѣваетесь въ любви моей?—прошептала она.

— Поневолѣ должна сомнѣваться!—все тѣмъ-же грустнымъ тономъ говорила княгиня, прижимая къ себѣ дѣвушку.—Вѣдь, я ни въ чемъ тебя не стѣсняю, я предоставляю тебѣ полную свободу. Я не слѣжу за тобою, когда ты безъ меня выѣзжаешь изъ дому, я во всемъ тебѣ довѣряю и прошу только одного—откровенности, а ты мнѣ въ ней отказываешь. Ахъ, Нина, вѣдь для тебя-же! Вѣдь, потому, что ты мнѣ дорога, я и боюсь за тебя. Ты какая-то странная... Ты фантазерка, Нина! Ну, что-же, это ничего въ твои годы... вѣдь, я очень хорошо понимала тебя, когда ты разсказывала мнѣ о какомъ-то спасшемъ тебя въ двѣнадцатомъ году Борисѣ. Вотъ ты встрѣтила этого Бориса, и онъ, кажется, такой-же фантазеръ, какъ и ты... Что же, я очень рада этой вашей встрѣчѣ. Она мнѣ нравится, и знаешь-ли ты, я совсѣмъ откровенна съ тобою, я уже и мечтала по поводу этой вашей встрѣчи. Это прекрасный молодой человѣкъ, изъ отличной семьи, и во всѣхъ отношеніяхъ лучшаго мужа я бы не могла никогда тебѣ и придумать. Конечно, встрѣтится не мало препятствій, но нѣтъ такихъ препятствій, которыхъ нельзя было-бы преодолѣть. Къ тому-же я хорошо знаю его родителей,—это люди, чуждые многихъ свѣтскихъ предразсудковъ, и они боготворятъ своего сына. Видишь, видишь, я тебѣ говорю все, что мнѣ со вчерашняго вечера приходило въ голову. Его пріѣздъ, видъ, который онъ имѣлъ, меня могли только ободрить... И вдругъ—онъ уѣхалъ, ты плачешь... дядюшка... Нина, нѣтъ, пора-же, на-

конецъ, прекратить это... Скажи ты мнѣ, умоляю я тебя, что у васъ такое съ княземъ, что это за таинственныя отношенія?.. Неужели?.. Что онъ на старости лѣтъ въ тебя влюбился, я это очень понимаю. Онъ всю жизнь только и дѣлалъ, что влюблялся... Но ты... нѣтъ, вѣдь не можетъ-же быть этого... вѣдь, это безсмыслица... это, Богъ знаетъ, что такое!..

Нина отстранилась отъ княгини, взглянула на нее и, несмотря даже на все свое волненіе, улыбнулась.

— Ахъ, ma tante, такъ неужели вы хоть на минуту могли подумать, что я... что я люблю князя!

И она невольно опять улыбнулась. У княгини какъ гора свалилась съ плечъ. Она даже глубоко вздохнула всей грудью. Но недоумѣніе все-же оставалось.

— Такъ что-же... я совсѣмъ ничего не понимаю! Что онъ влюбленъ въ тебя—это мнѣ ясно. Неужели тебя можетъ занимать глупое и смѣшное ухаживанье стараго волокиты—это на тебя не похоже.

— Вы очень ошибаетесь, ma tante, думая, что князь влюбленъ въ меня и ухаживаетъ за мною... Повѣрьте, что я бы никогда этого не допустила...

— Господи! ты просто съ ума меня сведешь! Такъ что-же можетъ быть общаго между вами?

— Я уже не разъ говорила вамъ, что вы несправедливы къ вашему дядѣ. Можетъ быть, что онъ прежде былъ легкомысленный и, какъ вы говорите, во всѣхъ влюблялся, теперь это не идетъ къ его годамъ и, навѣрно, онъ ни о чемъ такомъ и не думаетъ. Право же, онъ почтенный человѣкъ. Онъ много знаетъ, много читалъ, о многомъ думалъ. Бесѣда съ нимъ можетъ быть очень поучительна.

Княгиня даже всплеснула руками.

— И это ты про него говоришь! Нѣтъ, воля твоя, я такимъ его не знаю... а, вѣдь, я знаю его всю жизнь, съ дѣтства.

— Если вы его не знаете такимъ, ma tante, то это потому, что онъ очень рѣдко высказывается, а передъ вами и никогда не высказывается, потому что ясно видитъ ваше недружелюбное къ нему отношеніе.

Княгиня въ волненіи нѣсколько разъ прошлась по комнатѣ.

— Ну, такъ слушай-же, Нина!—наконецъ, заговорила она рѣшительнымъ тономъ:—я должна разъ навсегда и серьезно сказать тебѣ то, о чемъ до сихъ поръ только намекала, не желая никому зла... Но теперь я вижу, что это моя прямая обязанность. Слушай, мой дядюшка очень дурной человѣкъ, онъ со своей юности отличается развратомъ. Конечно, мнѣ о многомъ неприлично даже говорить тебѣ, но, вѣдь, ты не маленькая дѣ-

вочка, ты должна кое-что понимать въ жизни. Князь очень развратный человѣкъ, это извѣстно всѣмъ его сосѣдямъ по имѣнію. Онъ тамъ у себя въ деревнѣ развратилъ и сгубилъ чуть-ли не всѣхъ своихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ. Онъ никогда никого не оставлялъ въ покоѣ. Наконецъ, слушай, Нина, я никогда никому этого не говорила, но тебѣ я должна это сказать. Представь себѣ, много лѣтъ тому назадъ онъ искалъ и моей погибели, но какъ я ни была тогда молода и неопытна, а все-же не поддалась его сладкимъ рѣчамъ. Да и теперь, наконецъ, неужели ты, въ самомъ дѣлѣ, не замѣчаешь, какъ онъ смотритъ иногда на маменькиныхъ воспитанницъ, да и на тебя тоже? Я-то, по крайней мѣрѣ, очень хорошо это замѣчаю. Фу, противный!—кончила княгиня, изобразивъ на своемъ лицѣ омерзеніе, и стала наблюдать, какое впечатлѣніе произвели ея слова на Нину. Она была увѣрена, что теперь-то, наконецъ, Нина вознегодуетъ и готова будетъ раздѣлять ея чувство относительно Еспера.

А между тѣмъ ни негодованія, ни омерзенія не выражалось на лицѣ Нины. Это лицо было попрежнему грустно.

— Ma tante!—проговорила Нина:—теперь я должна вамъ сказать, что я ничего новаго отъ васъ не узнала. Мнѣ все это хорошо извѣстно, всѣ эти прежніе отвратительные грѣхи князя и даже его исторіи съ вами...

— Что... что ты говоришь?—не будучи въ силахъ придти въ себя отъ изумленія, крикнула княгиня.

— Да, ma tante, онъ самъ мнѣ во всемъ признался, онъ не стыдится теперь этого ужаснаго прошлаго, такъ какъ искупилъ его истиннымъ христіанскимъ раскаяніемъ... Онъ перерожденный и обновленный человѣкъ...

— Негодный, фальшивый человѣкъ!—въ негодованіи опять крикнула княгиня.—Такъ вотъ какими уловками онъ вздумалъ забрать тебя въ руки. И ты вѣришь?

— Я не имѣю никакого основанія ему не вѣрить. Теперешняя его жизнь, почти вдали отъ свѣта, среди религіозныхъ размышленій и занятій, внушаетъ къ нему только довѣріе. Конечно, если вы такъ уже давно и сильно предубѣждены противъ него, то ему очень трудно васъ увѣрить въ своемъ раскаяніи. Вы въ каждомъ шагѣ непремѣнно будете искать что-нибудь дурное, говорящее во вредъ ему, вы такъ и дѣлаете, ma tante. Исполненный любовью къ ближнему, онъ старается, между прочимъ, о нравственномъ усовершенствованіи нашихъ дѣвицъ. Онъ читаетъ имъ религіозныя книги, объясняетъ, занимается съ ними. А вы въ этомъ добромъ дѣлѣ видите только дурное...

— А ты, матушка, такъ ровно ничего не видишь, что передъ твоими глазами!—даже разсердившись на Нину, перебила ее кня-

гиня.—Скажите, пожалуйста, хорошо нравственное усовершенствованіе! И отчего-же это наши дѣвченки, какъ увидятъ его, перемигиваются и фыркаютъ? Даже онѣ его понимаютъ, а ты вотъ не понимаешь. Да и, наконецъ, ну хорошо, пускай онъ—раскаявшійся грѣшникъ, пускай, онъ теперь представляетъ изъ себя вмѣстилище всѣхъ совершенствъ человѣческихъ, такъ я все-же ничего не понимаю. Какое-же это имѣетъ отношеніе къ внезапному отъѣзду Горбатова и твоимъ слезамъ? Онъ-то тутъ при чемъ?

— Онъ тутъ не при чемъ, ma tante!

Княгиня окончательно изъ себя вышла.

— Нѣтъ, матушка, съ тобой, видно, говорить нечего, только слова даромъ теряешь. А вотъ ты обдумай все хорошенько, да будь осторожна и благоразумна. Разныя фантазіи о нравственныхъ усовершенствованіяхъ забудь, да и книгъ мистическихъ и масонскихъ, тамъ что-ли—не читай, все равно не разберешь въ нихъ ничего, а только умъ за разумъ зайдетъ. Да и ужъ зашелъ, кажется! Нечего такъ смотрѣть на меня: что правда, то правда. И я тебя теперь иначе не почитаю, какъ очень безразсудной дѣвушкой, ищущей своей погибели.

Нина ничего не отвѣчала и только глубоко вздохнула. А княгиня, хлопнувъ дверью, вышла изъ комнаты и вернулась въ гостиную.

Князь сидѣлъ все на томъ-же мѣстѣ, у окна. Замѣтивъ раздраженіе, выражавшееся во всей фигурѣ княгини, онъ даже измѣнился въ лицѣ и поблѣднѣлъ.

— Дядюшка, вѣдь, это изъ рукъ вонъ что вы дѣлаете!

— Что я дѣлаю? Что я дѣлаю, ma chère?—испуганно прошепталъ онъ, вставая съ кресла и переминаясь съ ноги на ногу.

Глаза его такъ и прыгали, но никакъ не могли встрѣтиться съ глазами княгини.

— Во-первыхъ, съ какой это стати вы разсказываете Нинѣ о всякихъ вашихъ грязныхъ похожденіяхъ? Кто вамъ далъ право говорить ей объ этомъ? Вы ее развращаете.

— Она вамъ сказала? Я не развращаю...

Губы его тряслись. Онъ вынулъ изъ кармана золотую табакерку и, то открывая, то закрывая ее, судорожно перебиралъ пальцами.

— Такъ что-же это какъ не развращеніе?—между тѣмъ горячилась княгиня.

— Да, я скажу вамъ, ma chère, откровенно, я ей признался въ грѣхахъ моей молодости....

— Точно у васъ только въ молодости грѣхи были...

— Во всемъ ей признался, потому что это мой долгъ. Она

возвышенная, избранная натура, почтила меня своимъ довѣріемъ, и я, естественно, ma chère, я долженъ былъ ей отвѣтить тѣмъ-же. Я изобразилъ ей мою грѣховную жизнь и мое раскаянье. Вы вотъ, ma chère, никогда не хотѣли и не хотите быть ко мнѣ справедливой, вы меня считаете прежнимъ человѣкомъ. Я, ma chère, я другой теперь, прежняго человѣка не осталось... прежній человѣкъ умеръ...

Княгиня раздражительно разсмѣялась.

— Да ужъ мнѣ-то, пожалуйста, не пойте этого. Вѣдь, если она чего по молодости и неопытности не видитъ или не понимаетъ, то я ужъ хорошо все понимаю и вижу. Вы знаете, я не люблю никакихъ ссоръ, интригъ. Я до сихъ поръ ни въ чемъ вамъ не мѣшала, желая только одного, чтобы вы меня оставили въ покоѣ. Но вы должны помнить, чт на эту дѣвушку я гляжу какъ на дочь, что я люблю ее...

— Это дѣлаетъ честь вашему сердцу, ma chère, и Господь наградитъ васъ за это!—съ чувствомъ сказалъ князь, изо всѣхъ силъ постаравшись взглянуть на нее, что ему, наконецъ, удалось.

Но каждое его слово только еще больше раздражало княгиню.

— Ахъ, да не говорите мнѣ о Богѣ, пожалуйста, не говорите! И не думайте, что меня легко обмануть и разжалобить. Я повторяю вамъ, что Нина мнѣ дорога и я не допущу ея погибели. Я совѣтую вамъ оставить ее въ покоѣ, иначе я должна буду дѣйствовать такъ, какъ до сихъ поръ никогда не дѣйствовала. Плѣнить вы ее, конечно, не можете собою, но мало-ли какія могутъ быть у васъ грязныя цѣли, которыхъ я сразу не могу себѣ даже представить. Мнѣ кажется—если я ошибаюсь, да проститъ меня Богъ—но мнѣ кажется, что вамъ не нравится появленіе молодого Горбатова и что вы намѣрены вооружить ее противъ него. Если я еще что-нибудь замѣчу въ этомъ родѣ, то даю вамъ слово, почтеннѣйшій дядюшка, вы найдете во мнѣ рѣшительнаго врага, и я докажу вамъ, что бороться со мною вамъ невыгодно. Да и, наконецъ, я просто уѣду съ Ниной изъ Петербурга.

Говоря это, она подумала, что хватитъ-ли у нея силы на подобную жертву, какъ она будетъ жить безъ Петербурга, безъ общества, безъ этихъ ежедневныхъ выѣздовъ. Но, тѣмъ не менѣе, она энергично повторила:

— Да, уѣду и ужъ ручаюсь, что вы за нами не поѣдете!

Князь Есперъ совсѣмъ растерялся. Его франтоватая фигурка какъ-то вдругъ съежилась, лицо приняло плаксивое выраженіе, на глазахъ даже показались слезы. И онъ проговорилъ патетическимъ голосомъ:

Ахъ, племянница, какъ вы несправедливы ко мнѣ, какъ вы жестоко наказываете меня за мое увлеченіе, о которомъ пора бы намъ давно позабыть... Но да проститъ вамъ Богъ, какъ и я прощаю... Я не стану оправдываться передъ вами, думайте обо мнѣ что хотите... Но въ послѣдній разъ скажу вамъ—вы на меня клевещете. Нину я почитаю и желаю ей самую свѣтлую будущность.

— Это мы увидимъ!—проворчала княгиня и, отдуваясь, едва переводя духъ, тяжело опустилась въ кресло.

Князь вынулъ батистовый раздушенный платокъ, приложилъ его къ глазамъ, потомъ понюхалъ его и не безъ достоинства вышелъ изъ гостиной.

XVI.

О Христѣ сестрица.

Къ обѣду, который подавался въ домѣ генеральши въ пять часовъ, собрались, по обыкновенію, всѣ, за исключеніемъ, конечно, самой генеральши и Пелагеи Петровны. Въ большой столовой накрытъ былъ длинный столъ, вокругъ котораго всѣ размѣщались въ разъ навсегда заведенномъ порядкѣ.

На хозяйскомъ мѣстѣ—княгиня, по правую руку отъ нея князь Есперъ, по лѣвую—Нина. На другомъ концѣ стола гувернантка, шесть воспитанницъ и двѣ почтеннаго вида старушки безъ рѣчей, которыя издавна проживали у генеральши на ея полномъ иждивеніи.

Гувернантка, пожилая, высохшая въ щепку и необыкновенно напудреная смолянка, ежеминутно бросала быстрые взгляды на воспитанницъ. Привычнымъ и скучающимъ голосомъ дѣлала имъ неизбѣжныя замѣчанія и, затѣмъ, погружалась въ никому неизвѣстныя и никому неинтересныя свои думы. Воспитанницы генеральши, очень миленькія, вымуштрованныя дѣвочки, были одѣты всѣ одинаково въ хорошенькія сѣрыя шерстяныя платьица, ловко обрисовывающія ихъ молодыя, стройныя фигуры.

Княгиня, вся красная, сидѣла, ни на кого не обращая вниманія, не произнося ни слова, и только кушала съ большимъ аппетитомъ, который никогда не покидалъ ее. Князь Есперъ то и дѣло подпрыгивалъ на своемъ стулѣ, изподтишка, какъ-то трусливо поглядывая то на свою vis-á-vis Нину, то на княгиню. Даже самая младшая изъ воспитанницъ, тринадцатилѣтняя Машенька, дѣвочка очень шаловливая, легкомысленная, замѣтила что-то не-

ладное. Она нагнулась къ своей сосѣдкѣ, улучивъ минуту, когда гувернантка на нее не глядѣла, и шепнула:

— Видишь, у Нины Александровны глаза какіе! Она плакала, навѣрно, плакала. А князенька, вѣдь, это удержаться невозможно—смотри какія рожи строитъ... Княгиня... у... какая сердитая... Что такое было—ужасно интересно?..

— Молчи, замѣтятъ! — едва слышно отвѣтила ей сосѣдка и постаралась сдѣлать самую скромную физіономію.

Но Машенька не унималась. Она то и дѣло подталкивала ее и показывала глазами на князя Еспера, котораго дѣйствительно начинало даже какъ-то всего дергать. Наконецъ, она не выдержала и фыркнула, закрывая лицо платкомъ.

— Marie, mais qu'avez vous donc? Ты хочешь, чтобы тебя изъ-за стола вывели!—строго замѣтила гувернантка.

Но ни княгиня, ни князь Есперъ, ни Нина не обратили никакого вниманія. Машенька покраснѣла, закрыла даже глаза и изо всѣхъ силъ старалась о другомъ думать, но никакъ не могла этого. Ей ужасно хотѣлось еще разокъ взглянуть на князя Еспера. И она знала, что если взглянетъ, то ужъ никакъ не удержится, еще больше разсмѣется, а тогда непремѣнно изъ-за стола выведутъ, — съ ней это не разъ случалось.

«Ахъ, кабы только дотянуть до пирожнаго»,—думала она.

Но до пирожнаго все-же не дотянула. Ее будто что-то подталкивало; она вдругъ, неожиданно для самой себя, во всю ширину открыла свои веселые каріе глазки, взглянула на князя Еспера.

А тотъ сидѣлъ, будто совсѣмъ погруженный въ тарелку, и ужасно смѣшно однимъ прищуреннымъ глазомъ глядѣлъ на Нину. Машенька фыркнула еще неудержимѣе и громче перваго раза.

Гувернантка молча встала, крѣпко взяла ее за руку и вывела изъ столовой.

— Пирожнаго ты не получишь,—сказала она ей:—иди къ себѣ и сиди смирно — ты неисправима. Я на тебя пожалуюсь генеральшѣ.

Машенька заплакала, но оправдываться и защищаться не смѣла—она хорошо знала, что это не поможетъ. Правда, оставалась еще одна надежда — Машенька была любимицей Нины, и Нина очень часто заступалась за нее, а когда ее оставляли безъ сладкаго, то иной разъ послѣ обѣда приносила ей что-нибудь въ утѣшеніе. Но на этотъ разъ Нина за нее не заступилась, да врядъ-ли она и обратила какое-нибудь вниманіе на происшедшую сцену, врядъ-ли ее замѣтила.

Обѣдъ продолжался въ глубокомъ молчаніи, и послѣ его окончанія всѣ также молча разошлись. Нина ушла къ себѣ. Княгиня

приказала заложить экипажъ и стала собираться куда-то въ гости.

Князь Есперъ, даже не рѣшившись поцѣловать у нея руку, какъ обыкновенно это дѣлалъ послѣ обѣда, прямо направился въ переднюю, одѣлся и вышелъ за ворота.

Хотя въ большой конюшнѣ на дворѣ дома генеральши у князя Еспера стояло три лошади, а въ сараѣ нѣсколько лично ему принадлежавшихъ экипажей, но онъ очень часто выходилъ пѣшкомъ, дѣлалъ моціонъ для здоровья, по его объясненію. Дѣлалъ онъ такой моціонъ нерѣдко и по вечерамъ. Но въ подобное время, сейчасъ послѣ обѣда, никогда не выходилъ. Послѣ обѣда онъ любилъ отдохнуть у себя въ мезонинѣ, поваляться на турецкомъ диванѣ за душистой трубкой и кофе, а потомъ заснуть на часокъ.

Теперь-же онъ забылъ и трубку, и кофе, и послѣобѣденный сонъ.

Быстрымъ шагомъ, въ припрыжку, пустился онъ по улицѣ, свернулъ вправо, потомъ налѣво и остановился у небольшого домика, имѣвшаго такой-же угрюмый видъ, какъ и домъ генеральши.

Къ тому-же, такъ какъ давно уже совсѣмъ стемнѣло, ставни оконъ были заперты.

Князь Есперъ постучался у воротъ. Ему тотчасъ-же отворилъ выглянувшій сторожъ, при тускломъ свѣтѣ фонаря разглядѣлъ его, очевидно, узналъ и почтительно снялъ шапку. Князь вошелъ во дворъ.

Съ громкимъ лаемъ кинулась было на него огромная цѣпная собака, такъ что онъ отскочилъ въ сторону; но собака была на привязи. Онъ, осторожно приглядываясь въ темнотѣ, добрался къ небольшому крыльцу и дернулъ за звонокъ. Ему пришлось ждать долго. Наконецъ, дверь отворилась. Старый, почтеннаго вида лакей, съ заплывшей сальной свѣчкой въ рукахъ, пропустилъ его, нѣсколько разъ повторяя:

— Пожалуйте, сударь ваше сіятельство, пожалуйте!

Князь Есперъ торопливо сбросилъ шубу въ небольшой передней.

— Да, можетъ, Катерина Филипповна почиваетъ?—спросилъ онъ.—Ты-бы, Михайло, пошелъ узнать.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше сіятельство, онѣ только-что изволили по залѣ прохаживаться... пожалуйте... Надо быть, въ гостиной онѣ теперь... тамъ свѣтло.

Князь Есперъ прошелъ черезъ темную комнату и очутился въ гостиной. Но это была гостиная только по названію. Мрачная, неуютная комната съ жесткой, покрытой коричневымъ сук-

номъ мебелью. По стѣнамъ висѣли большіе образа—картины. На кругломъ, краснаго дерева, столѣ, передъ диваномъ съ высочайшею деревянною спинкою, горѣли двѣ свѣчи.

На диванѣ сидѣла женщина небольшого роста, худощавая, уже не молодая, съ очень блѣднымъ, безжизненнымъ лицомъ и полузакрытыми глазами. Увидѣвъ входившаго гостя, она сдѣлала легкое движеніе, но не встала, а только еще издали протянула руку.

Князь Есперъ осторожно подошелъ къ ней, пожалъ ей руку и помѣстился на креслѣ возлѣ дивана.

— Я не помѣшалъ, Катерина Филипповна? — спросилъ онъ вкрадчивымъ голосомъ.

— Нѣтъ...—нѣсколько глухо отвѣтила хозяйка:—развѣ приходъ любезнаго брата можетъ помѣшать сестрѣ? А я именно только что думала о васъ, только не ждала васъ такъ рано. Я была увѣрена, что вы придете, потому что есть указаніе.

Князь Есперъ закрылъ глаза, потомъ открылъ ихъ, закатилъ и склонилъ голову на бокъ.

— Указаніе? Матушка Катерина Филипповна,—какое?

— А помнишь, братъ, нашъ послѣдній разговоръ (она ужъ начала ему говорить «ты»). Мы замѣтили нѣкое смущеніе въ умѣ нашей любезной сестры Нины. Я вчера на ночь и положила бумажку на кіотъ съ мыслью о ней.

— Ну, что-же, матушка? Что-же?—нетерпѣливо перебилъ ее князь Есперъ.

— А вотъ постой, сейчасъ принесу, самъ прочтешь.

Катерина Филипповна поднялась съ дивана и медленной походкой скрылась за дверью. Князь Есперъ сталъ дожидаться, постукивая пальцами по столу и то открывая, то закрывая глаза.

Черезъ минуту хозяйка вернулась и подала ему записку. На клочкѣ бумажки, карандашомъ, крупнымъ, неправильнымъ почеркомъ было написано: «Соберитесь и молитесь, Господь просвѣтитъ ее и отгонитъ лукаваго».

— Вотъ, какъ я утромъ встала, сейчасъ къ кіоту, взяла бумажку, а на ней это написано! — торжественно проговорила Катерина Филипповна.—Что скажете? Ну не прямо-ли это указаніе?

— Да, матушка, конечно, чего-же яснѣе! Ужъ вы позвольте мнѣ эту бумажку взять съ собою, я ее покажу ей. Когда-же собраніе?

— Уже иныхъ оповѣстила, иныхъ оповѣщу — завтра или послѣ-завтра и соберемся.

— Очень хорошо! Въ полномъ составѣ?

— Да, нужно-бы!

— Конечно, конечно! Только, знаете-ли что, Катерина Филипповна, поосторожнѣе-бы надо. Я начинаю бояться... Тутъ одинъ человѣкъ меня очень смущаетъ... Да и племянница... Сестра Нина неосторожна, того и жди проговорится.

— Ахъ, какъ можно!—воскликнула Катерина Филипповна:— а ея клятва? Нѣтъ, она неспособна на это, и стыдно такъ о ней думать.

— Да молода больно! — жалобно произнесъ князь Есперъ.— Что ни день, то страннѣе! Племянница къ ней пристаетъ... можетъ быть, кой-что уже подозрѣваетъ... И еще тутъ одинъ человѣкъ пріѣхалъ сбивать ее съ толку. Охъ, боюсь,—земной, злой любви предастся—къ тому все идетъ!

— Не можетъ того быть! Покажите ей записку. Скажите, чтобы непремѣнно была послѣ-завтра, тогда увидимъ. Конечно, врагъ силенъ, но Господь не безъ милости. Нельзя намъ отдать ее.

— Нельзя, никакъ нельзя! — повторилъ и князь Есперъ, оживляясь.

Глаза его такъ и заблестѣли.

— Но, говорю, — продолжалъ онъ: — теперь намъ надо быть очень осторожными. Мало-ли что можетъ случиться—времена не тѣ, того и жди преслѣдованіе окажется.

— Нѣтъ, князь, вы напрасно трусите!—своимъ глухимъ голосомъ перебила его Катерина Филипповна. — За что насъ преслѣдовать? Не за что! Развѣ мы что дурное творимъ? Вѣдь, вотъ тогда, въ семнадцатомъ году, донесли на меня и на нашихъ сестеръ и братьевъ, ужъ въ какомъ видѣ представили, что мы хуже еретиковъ всякихъ—а все-же ничего не добились. Государь приказалъ оставить насъ въ покоѣ. Вѣдь, сердце царево въ рукѣ Господней; это ему, государю, свыше было откровенье, чтобы насъ не трогать. Добился врагъ только того, что меня попросили выѣхать изъ Михайловскаго замка, изъ квартиры моей матери. И никому изъ насъ съ тѣхъ поръ не было никакихъ непріятностей.

— Такъ-то такъ, Катерина Филипповна, да времена измѣнились, и государь, говорятъ, не тотъ, что прежде былъ; князь Александръ Николаевичъ уже не въ прежней силѣ. Этотъ Фотій всѣмъ голову вскружилъ. И я такъ полагаю, что если, не дай Богъ, донесетъ кто-нибудь, такъ большія могутъ быть бѣды.

Катерина Филипповна задумалась.

— Пожалуй, вы и правы, осторожность никогда не мѣшаетъ, только, вѣдь, насъ накрыть трудно, такъ сразу не ворвутся, да и псы мои дадутъ знать во время... А на своихъ людей я полагаюсь.

Князь Есперъ ничего не возразилъ.

— А про какого это человѣка вы говорите?—вдругъ спросила Катерина Филипповна.—Кто это пріѣхалъ?

Онъ подробно ей разсказалъ о Борисѣ Горбатовѣ. Изъ его словъ оказалось, что Нина съ нимъ очень откровенна: ему хорошо извѣстно было, какую роль въ ея жизни играетъ Борисъ. Послѣ этого разсказа Катерина Филипповна рѣшила, что это дѣйствительно для нихъ человѣкъ опасный. Но она была гораздо болѣе князя увѣрена въ Нинѣ.

— Устоитъ, устоитъ!—повторяла она.—А искушеніе... Что же, искушеніе хорошее дѣло... Безъ искушеній нельзя,—послѣ нихъ крѣпнетъ вѣра.

Ея увѣренный тонъ успокоилъ, наконецъ, князя Еспера. И онъ, взявъ и тщательно спрятавъ таинственную записку, простился съ Катериной Филипповной. Вернувшись домой и узнавъ, что княгиня уѣхала, онъ постучался въ дверь Нины. Та отперла.

— Я нездорова, князь!—сказала она.

— На минуточку, на одну минуточку, не буду васъ задерживать... Если нездоровы, отдохните... полежите... это хорошо. Вотъ только прочтите это... Я отъ Катерины Филипповны. Она откровеніе имѣетъ...

Нина встрепенулась.

— Что такое? что?—въ волненіи шепнула она, беря записку и поднося ее къ свѣчѣ.

Она прочла и съ недоумѣніемъ взглянула на князя Еспера:

— Что-же это значитъ? Я не совсѣмъ понимаю...

— Катерина Филипповна относительно васъ задумала и вотъ что получила. Послѣ-завтра собираемся... Вы должны быть непремѣнно... Будете?..

Нина задумалась. Внезапный трепетъ пробѣжалъ по всему ея тѣлу.

— Буду!—проговорила она.—А теперь оставьте меня... пожалуйста, оставьте...

— Хорошо, я сейчасъ... сейчасъ...

Онъ хотѣлъ было еще сказать что-то, но остановился, взглянулъ на Нину. Лицо его вдругъ сдѣлалось такимъ сладкимъ, нѣжнымъ.

— Ухожу... да хранитъ васъ Богъ!

Онъ протянулъ ей руку. Она дала свою. Онъ нагнулся и вдругъ такъ и впился долгимъ поцѣлуемъ въ руку Нины. Но она не замѣтила даже этого, ея мысли были далеко...

Князь Есперъ, наконецъ, вышелъ изъ комнаты. А она почти

упала на маленькій диванъ, возлѣ котораго стояла, и долго сидѣла неподвижно, съ широко раскрытыми, ничего невидящими глазами.

XVII.

Первые шаги.

Борисъ выѣхалъ изъ дома генеральши очень смущенный и взволнованный, но скоро сумѣлъ себя успокоить. Онъ въ мельчайшихъ подробностяхъ вспомнилъ вчерашнюю свою встрѣчу съ Ниной, затѣмъ сегодняшнее странное объясненіе и не могъ не придти къ убѣжденію, что отчаяваться ему нечего и нечего ждать для себя дурного. Онъ съ дѣтства искалъ въ жизни и видѣлъ многое такое, чего не искали и не видѣли окружавшіе его люди. Онъ давно увѣрялъ себя въ томъ, что въ судьбѣ человѣка дѣйствуютъ какія-то особенные, высшіе, мистическіе законы, передъ которыми ничто человѣческая воля, человѣческая логика и всѣ хитрости разума. Ему казалось, что онъ уже не разъ имѣлъ неопровержимыя доказательства существованія высшаго предопредѣленія.

Онъ давно уже рѣшилъ, что Нина суждена ему и до сихъ поръ терпѣливо ждалъ встрѣчи съ нею. И, вѣдь, вотъ онъ былъ правъ. Свиданіе наступило и оказалось именно такимъ, какимъ онъ ожидалъ его. Съ первыхъ же словъ Нины онъ убѣдился, что надъ ними обоими дѣйствуютъ эти высшіе законы и что Нина понимаетъ это точно такъ-же, какъ и онъ.

Если-бы эта встрѣча была случайная, не неизбѣжная, не предопредѣленная, развѣ Нина такъ бы отнеслась къ нему. Вѣдь, столько прошло времени! Вѣдь, она тогда была еще ребенкомъ и давно могла-бы позабыть его, встрѣтить какъ посторонняго человѣка. Но она этого не сдѣлала. Прошли годы, и какіе годы—самые важные въ жизни человѣка, во время которыхъ въ человѣкѣ измѣняется все, такъ что онъ является иногда совсѣмъ неузнаваемымъ, совсѣмъ новымъ существомъ—и несмотря на это, они встрѣтились какъ будто ихъ разлука была кратковременной разлукой, какъ будто съ послѣдняго свиданія они не превратились изъ дѣтей во взрослыхъ. Какъ будто не пережили, каждый со своей стороны, цѣлаго длиннаго ряда самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній, которыя не могли же не оставить въ нихъ отъ себя слѣдовъ. Что-бы ни говорила Нина, но даже самыя эти непонятныя слова, ея волненіе, ея ужасъ показываютъ, что Борисъ ей близокъ, что между ними, даже помимо ихъ воли, существуетъ самая тѣсная и неизбѣжная, главное—неизбѣжная связь.

«Если-бы даже она кого-нибудь безъ меня любила,—думалъ Борисъ:—то и это не можетъ стать между нами преградой, потому-что это не любовь, это ошибка, та самая ошибка, которую и я столько разъ дѣлалъ. Но что скрываетъ она отъ меня? Какую тайну?»

Онъ не могъ побороть въ себѣ чего-то тоскливаго и мучительнаго, какой-то ревности, поднимавшейся въ его сердцѣ. Но онъ все-же продолжалъ думать:

«Да если-бы и была ошибка, она должна-же понять, что это ошибка,—и только. Вѣдь, человѣкъ въ слѣпотѣ своей часто борется противъ высшей силы, направляющей и устраивающей жизнь. Что-то злобное, враждебное ему заставляетъ его бороться, отклоняться отъ назначеннаго ему пути. Но приходитъ минута, когда все становится яснымъ, и тогда человѣкъ долженъ поскорѣй отказаться отъ безплодныхъ усилій, которыя къ тому-же могутъ быть для него и гибельными. Пусть-же она немного успокоится. Мнѣ нечего бояться теперь, когда произошла наша встрѣча. Она уже не уйдетъ отъ меня, я ее не выпущу. Но, быть можетъ, то, что для меня ясно, для нея еще не выяснилось. Быть можетъ, эти великія истины жизни чувствуются ею только инстинктивно и не ясны еще для ея разума?»...

Онъ рѣшилъ, что въ томъ случаѣ, если она не сразу будетъ съ нимъ откровенна, если она не рѣшится сама признаться ему во всемъ, что ее смущаетъ—дѣйствовать благоразумно, самому постараться все понять и объяснить себѣ. Понять ея жизнь, отношенія къ окружающимъ ее людямъ. Однимъ словомъ, приготовиться къ тому, чтобы доказать ей неопровержимо, на основаніи знакомства съ обстоятельствами, неосновательность ея страховъ.

Онъ окончательно успокоился, дойдя до этого успокоенія своимъ собственнымъ путемъ, который, конечно, показался бы очень страннымъ людямъ, незнакомымъ съ его мистическимъ міросозерцаніемъ.

Но у него была способность относиться къ жизни разносторонне и изъ мечтательныхъ сферъ быстро возвращаться къ дѣйствительности, интересоваться ею, погружаться въ нее. Такъ, вернувшись домой и хотя полный ощущеній, вызванныхъ въ немъ свиданіемъ съ дѣвушкой, о которой онъ мечталъ цѣлые годы, онъ все-же не сталъ уходить въ себя. Онъ перешелъ къ новымъ интересамъ. Интересы эти были—семья брата. Каждый новый часъ, проводимый имъ въ родномъ домѣ, доказывалъ ему, что со времени отъѣзда заграницу, здѣсь многое измѣнилось и измѣнилось самымъ неожиданнымъ для него и печальнымъ образомъ. Чувство тоскливой неловкости еще болѣе усилилось, когда онъ

вскорѣ послѣ обѣда, за которымъ присутствовали совсѣмъ не интересныя ему лица, ушелъ въ свои комнаты подъ предлогомъ усталости. Совсѣмъ не того онъ ждалъ, возвращаясь въ Петербургъ.

Въ теченіе двухъ лѣтъ его заграничной поѣздки, многія впечатлѣнія стушевались, почти даже забылись. Онъ только чувствовалъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо, свою связь съ семьей, чувствовалъ страстное желаніе скорѣе всѣхъ увидѣть. И вотъ онъ дома. Но отца съ матерью нѣтъ—они еще не пріѣзжали. Карликъ умеръ. А братъ и невѣстка, съ первой же почти минуты, заставили его вспомнить то, что имъ забыто. Теперь, послѣ двухълѣтней разлуки, ему стало яснѣе, чѣмъ когда-либо, что между нимъ и братомъ очень мало общаго, что имъ и впредь врядъ-ли когда-либо сойтись. Да, какъ ни странно это—они совсѣмъ разные люди. Они погодки, другихъ братьевъ и сестеръ у нихъ никогда не было. Они вмѣстѣ росли и воспитывались—очевидно, должны были переживать общія впечатлѣнія. Они провели годы своего дѣтства и отрочества почти безвыѣздно въ Горбатовскомъ, среди широкой жизни огромнаго барскаго дома, окруженные роскошью, баловствомъ наѣзжавшихъ сосѣдей.

Они могли-бы быть испорчены этой жизнью. Но у нихъ была мать, разумная и страстно любившая ихъ женщина, которая положила въ нихъ всю свою душу. Она слѣдила почти за каждымъ ихъ шагомъ. Принимала непосредственное участіе въ ихъ воспитаніи и даже образованіи, такъ какъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ была единственнымъ ихъ наставникомъ. Она своимъ примѣромъ, своими бесѣдами, неизмѣнно внушала имъ серьезныя понятія о значеніи и обязанностяхъ человѣка. Учила ихъ не обращать особеннаго вниманія на положеніе, даваемое имъ ихъ богатствомъ, не считать себя, вслѣдствіе этихъ случайныхъ, данныхъ имъ судьбою преимуществъ, выше другихъ людей, которымъ такихъ преимуществъ не дано. Она учила ихъ христіанскому смиренію, строгому отношенію къ ихъ обязанностямъ. Она сама была для нихъ лучшимъ примѣромъ—всегда простая, спокойная, справедливая, съ равной снисходительностью и лаской относившаяся ко всѣмъ, къ знатнымъ и богатымъ, и бѣднымъ.

Отецъ ихъ, хотя по своему характеру и меньше обращалъ на нихъ вниманія, но какъ человѣкъ благородный и добрый, съ широкими взглядами, во многомъ опередившими эпоху, въ которой онъ жилъ, нетолько не мѣшалъ этому доброму воспитанію, но нерѣдко и помогалъ ему. Да ужъ одно то было важно, что его взгляды и рѣшенія никогда не расходились со взглядами и рѣшеніями жены—и этого не могли не замѣтить дѣти.

Затѣмъ и старый карликъ приносилъ немало пользы дѣлу

воспитанія той атмосферой глубокой вѣры въ Бога и любви, которая его окружала, которая дышала отъ каждаго его слова.

При такомъ воспитаніи все дурное, приходящее извнѣ, должно было парализоваться этимъ близкимъ, неустанно дѣйствующимъ вліяніемъ. И такъ оно было относительно Бориса. Казалось, такъ оно должно быть и относительно Владиміра, а между тѣмъ выходило совсѣмъ не то. Мальчики сначала были очень дружны, очень похожи другъ на друга, сходились во вкусахъ, привычкахъ, желаніяхъ. Но вотъ, по мѣрѣ того какъ они начали выростать, съ каждымъ годомъ выступала все болѣе и болѣе разница въ ихъ характерахъ, и они мало-по-малу, сначала не замѣчая этого сами, стали жить совсѣмъ разною жизнью. Борисъ, впечатлительный, мечтательный мальчикъ, учился хуже своего брата.

Выписанный къ нимъ агличанинъ гувернеръ, человѣкъ мало смыслящій въ дѣлѣ воспитанія, но образованный и явившійся необходимымъ помощникомъ Татьяны Владиміровны, очень часто жаловался на разсѣянность и невнимательность Бориса.

— Борисъ — это вѣтеръ!—говорилъ онъ:—Владиміръ другое дѣло: онъ добросовѣстно относится къ занятіямъ, онъ аккуратно приготовляетъ свои уроки. А все-же надо признаться: вѣдь, способности Бориса лучше, ему все такъ легко дается, когда онъ только захочетъ.

И это была правда. Борисъ лѣнился, Владиміръ работалъ больше. Борисъ очень часто не могъ отвѣтить на какой-нибудь вопросъ изъ пройденнаго предмета, тогда какъ Владиміръ очень бойко всегда отвѣчалъ на подобные вопросы, съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ посматривая на брата. Но въ то-же время Борисъ самъ задавалъ такіе вопросы, до которыхъ никогда не могъ додуматься Владиміръ. Очень часто, когда Владиміръ, приготовивъ уроки, отправлялся играть или бѣгалъ по парку въ сопровожденіи огромной сенъ-бернардской собаки, Борисъ, еще и не думавшій приготовлять уроки, сидѣлъ, притаившись въ уголкѣ огромной отцовской библіотеки, съ какой-нибудь интересной для него книгой и, весь красный, съ блестящими глазами, пожиралъ страницу за страницей. Онъ любилъ также запираться въ комнату карлика, гдѣ вѣчно передъ образами горѣла неугасимач лампада, гдѣ пахло мятнымъ квасомъ и деревяннымъ масломъ, гдѣ была разставлена крошечная, почти игрушечная мебель и все было такъ своеобразно, все напоминало миніатюрную келью.

Онъ подсаживался къ карлику и упрашивалъ его разсказать ему о чужихъ краяхъ, о Парижѣ, о тамошней революціи, о Лондонѣ, о покойномъ императорѣ Павлѣ Петровичѣ, обо всемъ, что видѣлъ на своемъ долгомъ вѣку интересный карликъ. Карликъ сда-

вался на просьбы своего любимца,—Борисъ былъ его любимецъ—и приступалъ къ самымъ разнообразнымъ разсказамъ; онъ передавалъ ихъ пискливымъ дѣтскимъ голоскомъ очень горячо, очень образно и интересно. Борисъ слушалъ, не отрываясь, жадно ловя каждое слово. И событія, передаваемыя карликомъ, въ яркихъ, живыхъ картинахъ рисовались передъ нимъ, заслоняя собою знакомые предметы карликовой кельи. Если-же Владиміръ случайно забредалъ на эту бесѣду, онъ сначала начиналъ тоже внимательно слушать. Но скоро ему эту надоѣдало, онъ зѣвалъ и часто на самомъ интересномъ мѣстѣ разсказа убѣгалъ въ свою дѣтскую и принимался тамъ строить крѣпость или выставлять цѣлую армію деревянныхъ солдатиковъ.

Шалости обоихъ братьевъ были тоже совершенно различны. Съ Борисомъ всегда случались разныя приключенія. Несмотря на постоянный надзоръ, онъ нерѣдко какъ-то ухитрялся пропасть въ глубинѣ огромнаго парка, заблудиться, опоздать къ завтраку или обѣду. Разъ даже цѣлую ночь провелъ въ лѣсу, напугавъ до болѣзни отца съ матерью. Онъ очень любилъ уединеніе, далекія прогулки,—и во время ихъ всегда фантазировалъ. То онъ представлялъ себя путешественникомъ, очутившимся на необитаемой землѣ, то рыцаремъ, которому предстоитъ побѣдить разныхъ чудовищъ, войти въ заколдованный замокъ и освободить въ немъ спящую царевну. Прочтя приключенія Гуливера, онъ ежедневно ожидалъ встрѣчи съ великанами и лилипутами.

Однажды, будучи уже девятилѣтнимъ мальчикомъ и возвратясь изъ долгой уединенный прогулки, онъ разсѣянно выслушалъ строгія замѣчанія матери, объявившей ему, что онъ будетъ наказанъ за непослушаніе, такъ какъ ему разъ навсегда было приказано не убѣгать отъ гувернера. Онъ ни на минуту не смутился наказаніемъ, которое его ожидало, и сталъ самымъ восторженнымъ, самымъ убѣжденнымъ образомъ увѣрять мать, что въ дальней липовой аллеѣ парка видѣлъ своими глазами «лѣсную фею». Сергѣй Борисовичъ, пришедшій на этотъ разсказъ, вдругъ вышелъ изъ себя и назвалъ сына лгуномъ. Борисъ горько расплакался и началъ даже божиться, что дѣйствительно видѣлъ фею. Сергѣй Борисовичъ разсердился еще болѣе и приказалъ сыну выйти.

— Ты его обидѣлъ,—сказала Татьяна Владиміровна:—вѣдь, онъ никогда не лжетъ.

— Но, очевидно же, онъ солгалъ теперь! Какую тамъ фею могъ онъ видѣть и еще окруженную сіяніемъ и поднимавшуюся на воздухъ?

— Я увѣрена, что онъ не солгалъ и самъ глубоко вѣритъ въ то, что разсказалъ.

— Въ такомъ случаѣ, у него галюцинаціи. Онъ боленъ, его надо показать врачу.

Врачъ былъ призванъ, разспросилъ и осмотрѣлъ Бориса и рѣшилъ, что онъ здоровъ.

— Значитъ, солгалъ, и на это надо обратить вниманіе,— сказалъ женѣ Сергѣй Борисовичъ.

Но Борисъ продолжалъ увѣрять, что видѣлъ фею и остался въ этомъ убѣжденіи во всю свою жизнь. Владиміръ никогда никакихъ фей не видалъ, никогда не воображалъ себя рыцаремъ, отправляющимся разрушать чары волшебнаго замка; никогда не ждалъ великановъ и лиллипутовъ и вообще мечтать и фантазировать не любилъ. Когда же приходила минута мечтанія, онъ грезилъ о томъ, что будетъ генераломъ, увѣшаннымъ звѣздами, что будетъ такимъ важнымъ человѣкомъ, передъ которымъ всѣ преклоняются. Онъ никогда не опаздывалъ къ завтраку или обѣду, но очень часто являлся къ старшимъ съ жалобой на какого-нибудь дворового мальчика, одного изъ тѣхъ, съ которыми имъ иногда разрѣшалось играть.

— Онъ осмѣлился нагрубить мнѣ!—говорилъ Владиміръ, важно выставляя впередъ свои пухлыя губы и закрывая глаза.—Его наказать надо, онъ дурной мальчикъ!

И всегда оказывалось, что самъ онъ этого мальчика изрядно исколотилъ, такъ что, во всякомъ случаѣ, наказывать приходилось никого другого, какъ Владиміра.

Братья оставались, повидимому, въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, очень рѣдко ссорились. Но тѣмъ не менѣе посторонній наблюдатель могъ бы замѣтить, какъ они все больше и больше отдаляются другъ отъ друга, быть можетъ, сами того не замѣчая. Съ каждымъ годомъ у нихъ становилось все меньше и меньше общихъ интересовъ,—они ни на чемъ не могли сойтись.

Борису трудно было понимать Владиміра, а Владиміръ про себя считалъ брата если и не совсѣмъ глупымъ, то, во всякомъ случаѣ, стоящимъ ниже его въ умственномъ отношеніи. Вмѣстѣ съ этимъ въ его сердцѣ начало прокрадываться очень мучительное чувство. Выростая, онъ началъ мало-по-малу завидовать брату въ томъ, что тотъ старше, что онъ еще къ тому же и всеобщій любимецъ не только родителей, но и всѣхъ домашнихъ, всей прислуги. Почему это старшинство, не дававшее Борису ровно никакихъ правъ и привилегій, явилось предметомъ зависти Владиміра? Это и самъ онъ не могъ бы объяснить—просто ему досадно было, зачѣмъ не онъ старшій—и только.

Что-же касается всеобщей любви къ Борису, то и эта любовь не имѣла ровно никакихъ осязательныхъ, матеріальныхъ послѣдствій. Исключительныхъ причинъ любви къ нему отца и

матери было много. Начать съ того, что онъ въ дѣтствѣ былъ очень болѣзненнымъ ребенкомъ. Родители ежедневно страшились потерять его и, какъ всегда это бываетъ, вслѣдствіе этихъ мукъ и опасеній, онъ имъ сталъ еще дороже. Потомъ онъ дѣйствительно горячо любилъ ихъ и умѣлъ выказать имъ свою любовь и нѣжность.

Мать, зорко слѣдившая за дѣтьми, подмѣчала въ немъ, въ своемъ вымоленномъ у Бога первенцѣ, прекрасные порывы сердца, иногда высокій полетъ мысли. Она ясно замѣчала, что ея труды, уроки и наставленія не пропали даромъ, что онъ, Богъ дастъ, выйдетъ именно такимъ человѣкомъ, какимъ она хотѣла его сдѣлать.

Домашняя прислуга любила Бориса вся безъ исключенія за его простоту и ласковость. Всѣ хорошо знали, что онъ если и разсердится, если и вспылитъ, то это и пройдетъ скоро. Онъ всегда справедливъ, всѣхъ любитъ, никого не обидитъ, всегда готовъ помочь, готовъ заступиться передъ родителями, всегда радъ устроить чье-либо дѣло.

Владиміръ росъ крѣпкимъ и здоровымъ ребенкомъ. Разъ только, какъ уже извѣстно, онъ былъ серьезно и даже отчаянно боленъ. Но выздоровѣлъ и съ тѣхъ поръ здоровье его оказалось еще лучше прежняго.

Родители никогда не показывали ничѣмъ разницы въ отношеніи къ дѣтямъ. Владиміръ не имѣлъ никакого права обвинять ихъ даже въ самой мелочи; но тѣмъ не менѣе онъ, придя въ возрастъ, хорошо почувствовалъ, что Борисъ тѣснѣе связанъ съ родителями. Конечно, отъ него самого зависѣло попытаться, по крайней мѣрѣ, встать съ ними въ такія-же отношенія, но онъ никогда не дѣлалъ этой попытки. Онъ и на нихъ начиналъ иногда глядѣть немного свысока. Онъ критиковалъ въ нихъ то—то, то—другое, чего Борисъ никогда не дѣлалъ.

Относительно же домашнихъ и прислуги, несмотря на всѣ наставленія матери, отца, карлика и гувернера, несмотря на примѣръ, который онъ видѣлъ передъ глазами, онъ каждымъ словомъ показывалъ всѣмъ, что онъ господинъ, баринъ и стоитъ неизмѣримо выше окружающихъ.

И у него, конечно, бывали добрыя минуты, и онъ, можетъ быть, иной разъ отнесся бы къ кому нибудь милостиво, помогъ-бы кому нибудь. Но уже къ нему рѣдко кто съ чѣмъ обращался,—слишкомъ у него былъ надменный видъ въ сношеніяхъ съ прислугой, въ словахъ его слишкомъ ясно сквозили презрѣніе и гордость.

XVIII.

Студенты.

Когда юноши, прекрасно сдавъ экзамены, поступили въ московскій университетъ, рознь между братьями началась сказываться еще яснѣе. Борисъ поступилъ на словесное отдѣленіе и, несмотря на то, что въ дѣтствѣ и отрочествѣ бывалъ разсѣянъ за уроками и получалъ не мало выговоровъ, теперь началъ прекрасно заниматься. Избранныя имъ науки его увлекали. Онъ считался чуть-ли не первымъ студентомъ. Профессора ставили его въ примѣръ другимъ. Владиміръ оказался математикомъ. Имѣя хорошія способности къ математическимъ наукамъ, онъ тоже шелъ успѣшно, но именно прежняго прилежанія въ немъ уже не было.

Горбатовы оставались въ деревнѣ и пріѣзжали въ Москву не болѣе какъ на три зимнихъ мѣсяца, такъ что молодые люди жили почти самостоятельной жизнью въ своемъ прекрасномъ московскомъ домѣ. При нихъ состоялъ большой штатъ прислуги. Кромѣ того, съ юношами до сихъ поръ жилъ и прежній ихъ гувернеръ, англичанинъ, мистеръ Томсонъ, человѣкъ уже очень пожилыхъ лѣтъ. Они къ нему привыкли и любили его; но онъ не могъ имѣть на нихъ особеннаго вліянія. Онъ держалъ себя въ сторонѣ, не вмѣшиваясь въ ихъ дѣла, но въ то же время былъ, такъ сказать, ихъ исторіографомъ: онъ ежедневно посылалъ въ Горбатовское, Татьянѣ Владиміровнѣ, подробный отчетъ о времяпровожденіи ея сыновей. Онъ далъ обѣщаніе ничего отъ нея не скрывать, и въ случаѣ надобности, она всегда готова была пріѣхать въ Москву.

Она и Сергѣй Борисовичъ скучали въ разлукѣ съ дѣтьми. Но, во-первыхъ, они слишкомъ глубокіе корни пустили въ Горбатовскомъ, а во-вторыхъ, на семейномъ совѣтѣ, на которомъ принималъ участіе и престарѣлый карликъ, было рѣшено, что молодые люди должны пріучаться къ самостоятельной жизни, что нѣсколько мѣсяцевъ въ году ихъ слѣдуетъ оставлять на свободѣ: оба они благоразумны и не станутъ злоупотреблять ею. Если, чего Боже сохрани, что̀ и случится — Москва не за горами. А честный англичанинъ добросовѣстно станетъ исполнять свои обязанности.

И Борисъ, дѣйствительно, не злоупотреблялъ своей свободой. Онъ много работалъ, такъ что его однолѣтокъ и неизмѣнный служитель, Стёпушка, крестникъ карлика, нерѣдко уговаривалъ бро-

сить книжки, да развлечься. Молодой баринъ иной разъ и сдавался на убѣжденіе Стёпушки, откладывалъ книги, но брался за другое—научалъ Стёпушку уму-разуму, такъ что въ концѣ-концовъ этотъ Стёпушка оказался не только грамотнымъ, но и достаточно начитаннымъ, знающимъ такія вещи, о которыхъ и во снѣ не снилось его родственникамъ и сверстникамъ въ горбатовской дворнѣ.

Въ свободное отъ занятій время Борисъ посѣщалъ театры, посѣщалъ нѣкоторые родственные дома, принадлежавшіе къ высшему московскому кругу, не отказывался и отъ танцевъ. Ухаживалъ за хорошенькими дѣвушками, а онѣ очень заглядывались на красиваго юношу съ мечтательной физіономіей. Эти дѣвушки находили, что Борисъ очень похожъ на Шиллера, только, конечно, en beau. Писалъ молодой студентъ и стихи, и писалъ очень недурно, но никому не показывалъ своихъ твореній, держалъ ихъ въ самомъ дальнемъ ящикѣ бюро, всегда на запорѣ. Были у Бориса и любимые товарищи — три, четыре человѣка. Они иной разъ собирались вмѣстѣ, спорили, декламировали Ломоносова, Державина, толковали о Шекспирѣ, о Гёте, о Шиллерѣ. Этотъ маленькій кружокъ назывался въ университетѣ «трезвой компаніей».

Владиміръ не принадлежалъ къ трезвой компаніи. Онъ теперь даже рѣдко видался съ братомъ. Въ университетѣ они были на разныхъ отдѣленіяхъ. Положимъ, приходилось танцовать на однихъ и тѣхъ-же вечерахъ, но Владиміръ иногда манкировалъ своими обязанностями свѣтскаго юноши. Его увлекали другія забавы. Онъ принадлежалъ, хотя и весьма осторожно, къ кружку разгульной, богатой московской молодежи. Если-бы мистеръ Томсонъ вздумалъ учредить тайный надзоръ за своимъ младшимъ воспитанникомъ, онъ долженъ былъ-бы сообщить Татьянѣ Владиміровнѣ печальныя вещи. Онъ долженъ былъ-бы сообщить ей, что Владиміръ частенько къ цыганамъ заглядываетъ, что его можно встрѣтить иногда на лихой тройкѣ въ хмѣльной компаніи, съ дамами очень сомнительной репутаціи. Но мистеръ Томсонъ не учреждалъ тайнаго надзора, а Владиміръ велъ себя осторожно: никогда не проговаривался, никогда не доводилъ своего поведенія до какого-нубудь открытаго скандала. Въ немъ съ этихъ уже юныхъ лѣтъ сказалась одна черта, и онъ усердно развивалъ ее въ себѣ—онъ ничего не доводилъ до крайности, во всемъ соблюдалъ мѣру и осторожность. Онъ любилъ выпить съ веселыми товарищами, но никогда нигдѣ не видали его совсѣмъ пьянымъ. Онъ ни разу не являлся домой въ «безобразномъ видѣ». У него было одно затрудненіе—деньги.

Горбатовы ни въ чемъ не стѣсняли дѣтей своихъ и давали

молодымъ студентамъ болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы имѣть возможность и повеселиться, и помочь ближнему. Татьяна Владиміровна знала, что ея Борисъ не малую сумму употребляетъ ежегодно на добрыя дѣла, на поддержаніе бѣдныхъ товарищей и дѣлаетъ все это съ присущей ему деликатностью. Такая-же сумма была и въ распоряженіи Владиміра, но онъ употреблялъ ее исключительно для своихъ удовольствій, которыя должны были оставаться тайной для родителей. Эта сумма, конечно, оказывалась недостаточной. Приходилось обращаться къ брату. Братъ всегда былъ готовъ служить, но могъ удѣлять немногое. Оставалось занимать, и Владиміръ занималъ, но, опять-таки, осторожно, за проценты достаточные, но не черезчуръ большіе, съ увѣренностью въ томъ, что его долги не огласятся и что ему дана будетъ возможность выплатить такъ, что даже родители объ этомъ не узнаютъ. Положимъ, этого сдѣлать ему не удалось, но и здѣсь ему удалось выпутаться. По окончаніи курса, когда пришлось расплачиваться съ долгами, достигшими очень большой суммы, онъ пришелъ къ отцу и матери и спокойно, хотя и грустнымъ тономъ, объявилъ имъ, что съ нимъ случилось несчастіе.

— Что такое?

— Вы знаете, что я не игрокъ, не мотъ и не пьяница,—сказалъ Владиміръ:—но съ кѣмъ не случается ошибка. Я увлекся въ первый и, надѣюсь, въ послѣдній разъ въ жизни и очень сильно проигрался.

Сергѣй Борисовичъ нахмурилъ брови; Татьяна Владиміровна поблѣднѣла. Но спокойный и самоувѣренный видъ Владиміра, его увѣренія въ томъ, что онъ не чувствуетъ никакой страсти къ картамъ, ихъ скоро успокоили. Онъ назвалъ цифру своего мнимаго проигрыша. Они не ожидали ничего подобнаго—проигрышъ его далеко превышалъ сто тысячъ.

— Да гдѣ-же это? Кому ты проигралъ такую сумму?

— Я убѣдительно прошу васъ меня не разспрашивать, я не имѣю права сказать—я связанъ честнымъ словомъ. Я не хочу подвергать никакой непріятности тѣхъ, кому проигралъ. Но, вѣдь, вы понимаете, дорогой батюшка, что я долженъ заплатить и заплатить немедленно.

— Да, я это понимаю,—грустно сказалъ Сергѣй Борисовичъ.—Приходи завтра, я приготовлю тебѣ эти деньги, но, надѣюсь, что это дѣйствительно въ послѣдній разъ. Хотя наши средства и велики, но мы съ твоей матерью не для того ихъ сохраняли и увеличивали, чтобы ты бросалъ ихъ за окно. У насъ въ роду еще не было картежниковъ.

— Надѣюсь, и не будетъ,—съ достоинствомъ возразилъ Вла-

димiръ.—Я чистосердечно повинился передъ вами въ бѣдѣ, ошибкѣ, грѣхѣ, если хотите, и, надѣюсь, вы мнѣ простите!

Онъ крѣпко цѣловалъ руки родителей, ласково глядѣлъ на нихъ своими полузакрытыми глазами. Они ему повѣрили. На слѣдующій-же день онъ получилъ возможность расплатиться съ долгами. Такимъ образомъ его студенческія проказы остались только въ воспоминаніяхъ нѣкоторыхъ товарищей да московскихъ цыганъ и цыганокъ.

По окончаніи университетскаго курса, молодые люди, проведя лѣто по обычаю въ деревнѣ, пріѣхали осенью въ Петербургъ, съ тѣмъ чтобы начать новую жизнь. Владиміръ ясно опредѣлилъ себѣ свои цѣли. Онъ поступилъ въ военную службу. Онъ долженъ былъ непремѣнно достигнуть того, о чемъ мечталъ еще въ дѣтствѣ, то-есть, сдѣлаться генераломъ, увѣшаннымъ звѣздами.

Борисъ не чувствовалъ влеченія къ военной службѣ, онъ зачислился по вѣдомству духовныхъ дѣлъ, къ князю Голицыну, знавшему отца его. Но служба его какъ-то не увлекала, онъ былъ занятъ инымъ. Ему казалось, что онъ приближается къ завѣтному порогу, къ открытію великихъ тайнъ, которыя чуть не съ дѣтства мучили его душу—онъ былъ принятъ въ масонскую ложу. Онъ иногда посѣщалъ общество, производилъ на всѣхъ хорошее впечатлѣніе, но былъ скроменъ, молчаливъ. Онъ только старался наблюдать и былъ недоволенъ своими наблюденіями. Онъ встрѣчался съ красивыми женщинами и дѣвушками, умными и интересными, которыя готовы были, при желаніи съ его стороны, обратить на него вниманіе. Но онъ не заинтересовался ими. Онъ любилъ какую-то мечту, тосковалъ по какому-то идеалу. Онъ искалъ смысла жизни, откровенія великой истины.

Но петербургское масонство его разочаровало. Онъ рѣшился ѣхать за границу на два, на три года. Хотѣлъ объѣздить всю Европу, присмотрѣться къ тамошнему умственному и нравственному движенію, заглянуть въ тамошнія мистическія общества. Быть можетъ, гдѣ-нибудь онъ и найдетъ то, безъ чего не можетъ быть счастливъ. Когда онъ сообщилъ о своемъ намѣреніи родителямъ, оказалось, что они ничего противъ этого не имѣютъ. Его отецъ въ молодости прожилъ долгіе годы за границей, прожилъ въ качествѣ изгнанника. Онъ передалъ ему цѣлый рядъ своихъ наблюденій. Онъ заинтересовался самъ его поѣздкой, просилъ чаще и обстоятельнѣе писать ему, разсказывать ему, какова-то стала теперь Европа. Мать нашла, что молодому человѣку слѣдуетъ набраться побольше впечатлѣній, что большое продолжительное путешествіе съ той подготовкой, съ тѣмъ запасомъ научныхъ свѣдѣній, которыя были у Бориса, послужитъ только къ дальнѣйшему его развитію. Сообщилъ онъ о своемъ

рѣшеніи ѣхать брату. Тотъ изумился, пожалъ плечами, закрылъ глаза и не сказалъ ни слова.

— Что это ты?—изумленно спросилъ Борисъ.—Ты какъ будто меня не одобряешь?

— Да, я тебя не одобряю,—отвѣтилъ Владиміръ.—Да и посуди самъ, какъ я могу одобрить: ты только что началъ свою службу, тебя очень ласково принимаетъ князь Голицынъ, у тебя, насколько я знаю, завязываются связи, не сегодня, такъ завтра подвернется благопріятный случай, ты можешь быстро пойти въ гору, а ты уѣзжаешь на два, на три года—шутка-ли это! Ты себѣ страшно вредишь, и тебѣ придется впослѣдствіи очень раскаяваться.

— Да, съ этой точки зрѣнія ты, конечно, правъ,—проговорилъ Борисъ.—Но дѣло въ томъ, что это не моя точка зрѣнія и, во всякомъ случаѣ, я никогда не буду раскаяваться.

Владиміръ опять пожалъ плечами. У него мелькнула мысль о томъ, что братъ просто глупъ, несмотря на то, что начитался книгъ и по цѣлымъ часамъ можетъ философствовать на такія темы, о которыхъ онъ, Владиміръ, не имѣетъ понятія.

Ну, а самъ Владиміръ былъ далеко не глупъ. Въ это время, то-есть, передъ отъѣздомъ брата, онъ уже былъ счастливымъ супругомъ графини Черновой. Онъ хорошо обдумалъ эту женитьбу. Катринъ ему нравилась какъ хорошенькая дѣвушка, но, вѣдь, и другія были не хуже ея и даже больше ему по вкусу. Онъ могъ бы найти себѣ невѣсту и побогаче. Но у Катринъ было то, чего не было у другихъ—были самыя надежныя и прочныя связи: ея близкіе родные стояли у дѣлъ въ то время и должны были доставить Владиміру то, чего не могъ доставить непрактичный отецъ—солидную протекцію. Благодаря женитьбѣ на графинѣ Черновой, Владиміръ разсчитывалъ сдѣлать быструю и блестящую карьеру. Его разсчеты стали тотчасъ же оправдываться...

Теперь, послѣ двухъ лѣтъ разлуки съ братомъ, передъ Борисомъ яснѣе чѣмъ когда-либо явилась эта жизнь близкаго ему по крови существа, въ которомъ бы онъ хотѣлъ видѣть друга и достойнаго, безупречнаго человѣка.

«А онъ доволенъ собою,—думалъ Борисъ:—онъ, очевидно, считаетъ себя счастливымъ человѣкомъ. И всѣ такъ, всѣ! Онъ не хуже, а лучше многихъ».

XIX.

Другъ дома.

Думая о братѣ, Борисъ всегда усиленно старался не анализировать его. Онъ инстинктивно чувствовалъ, что изъ этого анализа не выйдетъ ничего утѣшительнаго. А ему слишкомъ бы тяжело было порвать кровную связь, выросшую вмѣстѣ съ нимъ. Онъ продолжалъ любить брата, и эта любовь, главнымъ образомъ, выражалась въ немъ въ тѣ минуты, когда съ Владиміромъ случалась какая-нибудь крупная непріятность. Онъ принималъ братнюю непріятность горячо къ сердцу, и ему самому дѣлалось такъ больно, какъ будто эта непріятность случилась съ нимъ самимъ. Если онъ видѣлъ какой-нибудь предосудительный поступокъ Владиміра, онъ страдалъ. Если случайно замѣчалъ, что кто-нибудь относится къ брату безъ уваженія, съ порицаніемъ и недружелюбіемъ, ему становилось тяжело и больно. Онъ радовался каждой его хорошей удачѣ.

Когда была рѣшена его женитьба на графинѣ Черновой, онъ пристально, пристально вглядывался въ эту хорошенькую, блестящую дѣвушку и по цѣлымъ часамъ раздумывалъ, будетъ-ли братъ счастливъ съ нею? Онъ постарался съ нею сблизиться. Но это было очень трудно. Въ первое время молодые супруги были поглощены другъ другомъ и третьему тутъ не было мѣста.

Впрочемъ, Катринъ, веселая, ласковая, игривая, съ ухватками хорошенькаго котенка, могла въ то время возбудить къ себѣ только симпатію. Она была слишкомъ молода и хотя сама никогда не задавала себѣ вопроса о томъ, любитъ ли и какъ любитъ мужа, но все-же Владиміръ, молодой, красивый, окружавшій ее предупредительной нѣжностью, на первое время казался ей лучшимъ изъ мущинъ. Хотя она и привыкла въ родительскомъ домѣ къ роскоши, но все-же уже достаточно наслышалась о томъ, что состояніе ихъ разстроено. Денежныя затрудненія, изъ которыхъ долженъ былъ иногда съ большимъ трудомъ выпутываться ея отецъ, отражались, конечно, и на ней. Она испытывала кой-какія стѣсненія. Далеко не всѣ ея причуды, а ихъ у нея всегда было много, могли исполняться. Ея мать, женщина недалекая и не имѣвшая никакого понятія о воспитаніи, успѣла съ дѣтства внушить ей мысль, что она должна выйти замужъ за человѣка очень богатаго, что въ богатствѣ заключается высшее человѣческое счастье. И вотъ она получила это богатство. Положимъ, Владиміръ не раздѣленъ, все состояніе въ рукахъ Сергѣя Борисовича. Но Горбатовы ни въ чемъ не стѣсняютъ

сына. Въ распоряженіи у Катринъ сразу оказались такія средства, о какихъ она и не мечтала.

Это богатство, эта царственная роскошь стараго дома, возможность наверстать потерянное, исполнять всѣ прежнія и новыя причуды, на нѣсколько мѣсяцевъ отуманили счастьемъ ея голову. Она принялась играть въ маленькую королеву, и такъ какъ эта игра, при ея юности и миловидности, всѣмъ нравилась, то Катринъ не имѣла никакой возможности высказать свои недостатки. Она легко обманула и Бориса. Онъ уѣхалъ за границу, увѣренный, что его belle soeur—прелесть, что она добра и будетъ, навѣрно, хорошей женой и матерью, когда пройдетъ ея дѣтское легкомысліе, а, вѣдь, оно пройдетъ скоро. Подъ могучимъ дыханіемъ жизни, супружества и материнства, наивная дѣвочка быстро превращается въ женщину.

Но вернувшись черезъ два года, Борисъ сразу долженъ былъ убѣдиться, что жестоко ошибся, что его belle soeur вовсе не прелесть. Даже ея красота хорошенькой птички, поражавшая сразу, въ одинъ день успѣла ему приглядѣться, и уже не производила на него впечатлѣнія, не защищала ее, не заставляла быть къ ней пристрастной. Борисъ понялъ, что братъ и Катринъ вовсе не счастливые супруги. Онъ убѣдился также и въ томъ, что Катринъ вовсе не примѣрная, нѣжная и заботливая мать для маленькаго Сережи. Теперь эта идеальная, воздушная птичка, маленькая королева становилась ему просто антипатичной, будто она переродилась. Куда дѣвалась ея прежняя изящность. Оказалось, что она только напускаетъ на себя эту изящность, а что въ сущности, она очень грубая женщина. Мелкость ея интересовъ, ея пустота такъ и били въ глаза при каждомъ ея словѣ. Борисъ, во время долгой разлуки считавшій ее близкой, родной, теперь чувствовалъ, что она ему совсѣмъ чужая. И ему просто становилось досадно и обидно видѣть ее въ своемъ родномъ домѣ, да еще и въ роли хозяйки. Онъ даже самъ изумился своимъ внезапно развивающимся чувствамъ, готовъ былъ себя за нихъ укорять. Быть можетъ, онъ преувеличиваетъ, быть можетъ, онъ, слишкомъ много отъ нея ожидавшій, и убѣдившійся, что она не можетъ исполнить этихъ ожиданій, сталъ просто несправедливъ къ ней?..

Услышавъ, что обѣдавшіе гости уже разъѣхались, и чувствуя, послѣ всѣхъ своихъ размышленій, потребность еще разъ вглядѣться въ Катринъ, чтобы провѣрить себя, Борисъ прошелъ въ дѣтскую маленькаго Сережи. Онъ расчитывалъ застать тамъ Катринъ, такъ какъ она за обѣдомъ сказала, что останется весь вечеръ дома. Но ея не было въ дѣтской. Онъ повозился съ племянникомъ, который былъ совсѣмъ въ его вкусѣ и къ кото-

рому онъ уже начиналъ чувствовать большую нѣжность. Толстенькій, хорошенькій мальчикъ сразу привыкъ къ нему, тянулся къ нему, радостно захлебывался и пускалъ пузыри своими пухленькими губами.

— А гдѣ-же барыня?—спросилъ Борисъ няню.

— Не могу сказать вамъ, сударь,—отвѣчала она:—сегодня барыня не изволила въ дѣтскую заглядывать...

Онъ пошелъ отыскивать Катринъ. Но въ парадныхъ комнатахъ ея не было. Онъ рѣшился пройти въ ту завѣтную, издавна милую ему комнату, гдѣ вчера увидѣлъ Нину. Теперь эта комната получала для него совсѣмъ особенное, новое значеніе. Онъ тихо шелъ по мягкимъ коврамъ, и на него наплывали сладкія, любимыя грезы, теперь превращавшіяся въ дѣйствительность. Прелестный, блѣдный образъ Нины съ ея загадочными темными глазами, которые всю жизнь его преслѣдовали, такъ и стоялъ передъ нимъ...

Вотъ онъ уже у завѣтной комнаты. Онъ остановился, тихо приподнялъ спущенную портьеру... вошелъ и остановился въ изумленіи... На маленькомъ диванѣ, на томъ самомъ диванѣ—Катринъ, а рядомъ съ нею какая-то мужская фигура. Но это не братъ... Что это такое было? Произошло что-то мгновенное, чего онъ въ своей разсѣянности не могъ уловить. Но онъ хорошо, ясно замѣтилъ, какъ яркая краска вдругъ залила все лицо Катринъ, и какъ на этомъ лицѣ изобразился испугъ и смущеніе. Онъ ясно замѣтилъ, какъ она вскочила съ дивана, а потомъ вдругъ опять упала на него и проговорила своимъ пѣвучимъ голосомъ:

— А, Борисъ, это ты? Я думала,—Владиміръ вернулся... Вы знакомы, господа?

Борисъ взглянулъ, — передъ нимъ стоялъ молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати, съ огненными глазами, красивымъ лицомъ и презрительной, даже нѣсколько нахальной усмѣшкой. Катринъ уже совсѣмъ оправилась отъ своего смущенія.

— Графъ Щапскій... mon beau-frère!..

Они пожали другъ другу руки.

Графъ Щапскій взглянулъ прямо въ глаза Борису, пристальнымъ, спокойнымъ взглядомъ. А губы его, быть можетъ, противъ воли, все такъ же нахально усмѣхались. Борису вдругъ сдѣлалось неловко. Онъ почувствовалъ внезапный приливъ злобы, чего съ нимъ никогда не бывало. Онъ не зналъ этого графа Щапскаго и вчера не замѣтилъ его на балу, но онъ уже о немъ слышалъ. Это былъ богатый польскій графъ, недавно пріѣхавшій въ Петербургъ, поступившій на службу и имѣвшій большой успѣхъ въ петербургскомъ обществѣ. Его имя произносилось сегодня и у генеральши.

Начался обычный, неизбѣжный разговоръ, какой всегда бываетъ между двумя людьми, которые только что познакомились. Щапскій сдѣлалъ нѣсколько очень грубыхъ ошибокъ по-русски и потому перевелъ разговоръ на французскій языкъ, на которомъ говорилъ какъ прирожденный парижанинъ. При этомъ оказалось, что онъ и воспитывался во Франціи, въ іезуитской школѣ. Борисъ припомнилъ, что его такъ и называютъ—іезуитомъ. Съ каждой минутой онъ становился ему все непріятнѣе, несмотря на то, что держалъ себя съ большимъ достоинствомъ и былъ очень любезенъ. Онъ, очевидно, былъ высокаго о себѣ мнѣнія и сознавалъ въ себѣ какую-то силу. Это выражалось въ каждомъ его движеніи, въ каждомъ словѣ. Смутить его было трудно. Наконецъ, онъ сталъ прощаться.

— А вы развѣ не останетесь съ нами ужинать?—спросила Катринъ.

— Простите, никакъ не могу.

— Очень жаль, мужъ былъ-бы такъ доволенъ васъ видѣть: онъ, навѣрно, скоро вернется...

Щапскій еще разъ выразилъ свое сожалѣніе и откланялся. Теперь Борисъ уже внимательно наблюдалъ, и ему показалось, что гость и Катринъ, прощаясь, обмѣнялись какимъ-то особеннымъ, быстрымъ взглядомъ. По уходѣ графа, Катринъ разсыпалась въ похвалахъ ему.

— Онъ такой образованный, такой умный и пріятный собесѣдникъ; его всѣ очень цѣнятъ.

— Онъ, вѣдь, іезуитъ,—проговорилъ Борисъ.

— Іезуитъ, я знаю... Но ты говоришь такимъ тономъ, какъ будто быть іезуитомъ—что-то позорное.

— Почти что такъ.

— Спорить я съ тобой не буду, потому что мало думала объ этомъ. Если же графъ—іезуитъ, то, значитъ, ничего въ этомъ дурного нѣтъ. Et puis, je te dis, il est reçu partout. Имъ всѣ дорожатъ. Его даже при дворѣ очень любятъ.

— Онъ давно у васъ бываетъ?

— Около года, со своего пріѣзда.

— И братъ съ нимъ друженъ?

— Да, кажется, они пріятели...

Въ это время вошелъ Владиміръ.

— А! какъ ты милъ, что не опоздалъ!—радостно крикнула Катринъ, поднимаясь къ нему навстрѣчу и, очень граціозно вставъ на цыпочки, поцѣловала его.

Владиміръ изумленно взглянулъ на нее.

— Я сейчасъ встрѣтилъ Щапскаго,—сказалъ онъ:—просилъ его вернуться, но онъ говоритъ, что не можетъ.

— И я его тоже просила,—проговорила Катринъ, оглядѣлась передъ зеркаломъ и тихо вышла изъ комнаты.

— Это твой пріятель—Щапскій?—тихо спросилъ Борисъ.

— Я ничего не имѣю противъ того, что онъ мнѣ пріятель!—отвѣчалъ Владиміръ.

— То-есть, я хочу спросить тебя: считаешь-ли ты его вполнѣ хорошимъ человѣкомъ?

— А онъ, вѣрно, тебѣ не понравился? Видишь ли, я не знаю, какой онъ тамъ человѣкъ, вѣдь, узнать это очень трудно, а главное, незачѣмъ. Одно знаю, что намъ съ тобой можно у него поучиться многому... Я, право, не встрѣчалъ болѣе ловкаго человѣка. Въ какой-нибудь годъ—и если-бы ты зналъ, какъ онъ устроилъ свои дѣла! Я увѣренъ, что ему предстоитъ будущность—всего добьется. И при этомъ онъ можетъ быть полезенъ, право, увѣряю тебя... онъ уже оказалъ мнѣ кое-какія услуги... Нужный человѣкъ, очень нужный!..

«И онъ о ней не заботится, ему все равно!—съ тоской подумалъ Борисъ.—А, вѣдь, онъ могъ бы еще поправить многое! Она такъ молода! Каково матушкѣ? Вѣдь, она, навѣрное, поняла ее и страдаетъ. Да, она поняла, навѣрно. Но я могу ошибаться, можетъ быть, многое мнѣ только кажется; можетъ быть, я себѣ все представляю мрачнѣе, чѣмъ есть. Дай-то Богъ!..»

Онъ постарался хоть на этомъ успокоиться и поспѣшилъ къ себѣ.

XX.

«Tubalcain».

Печальныя размышленія Бориса были прерваны Степушкой, который, заглянувъ въ комнату, объявилъ:

— Князь Бѣльскій пріѣхалъ и спрашиваютъ, не можете ли вы принять ихъ?

— Конечно, проси. Проведи скорѣй сюда! — встрепенулся Борисъ.

Князь Бѣльскій былъ молодой человѣкъ, однихъ лѣтъ съ Борисомъ, небольшого роста, сухощавый, очень бѣлокурый, съ мелкими неправильными чертами лица и великолѣпными темно-голубыми глазами, блескъ и живость которыхъ скрашивали его невзрачную внѣшность. Въ прежніе годы, въ Москвѣ, онъ тоже принадлежалъ къ университетской «трезвой компаніи», былъ большимъ другомъ Бориса, а теперь нѣсколько лѣтъ проживалъ въ Петербургѣ, почти безъ опредѣленныхъ занятій, числясь въ

какомъ-то вѣдомствѣ. Посѣщалъ высшее общество, къ которому принадлежалъ и по связямъ, и по рожденію. Считался выгоднымъ женихомъ, но женихомъ безнадежнымъ, такъ какъ по всему городу было извѣстно, что онъ уже нѣсколько лѣтъ въ связи съ одной дамой, изъ-за которой у него четыре года тому назадъ была даже дуэль, надѣлавшая ему много хлопотъ и непріятностей.

Войдя въ комнату Бориса, князь Бѣльскій какимъ-то особеннымъ образомъ протянулъ ему руку и очень серьезно проговорилъ:

— «Tu».

Борисъ такимъ-же образомъ отвѣтилъ на пожатіе и въ свою очередь произнесъ:

— «bal».

— «cain»,—докончилъ Бѣльскій.

Изъ этихъ трехъ слоговъ образовалось слово «Tubalcain», священное слово масоновъ, которымъ они въ особенныхъ случаяхъ привѣтствовали другъ друга и установляли связь между собою.

Затѣмъ пріятели троекратно и горячо поцѣловались.

— Наконецъ-то, ты вернулся! — быстро, немного пришепетывая, заговорилъ Бѣльскій.—Мнѣ только-что сейчасъ сказали объ этомъ у Гагариныхъ. Кто-то изъ нихъ слышалъ отъ твоего брата Я и пріѣхалъ, не зная, вѣрить или нѣтъ. Какъ-же я радъ тебя видѣть, хотя ты, право, этого не стоишь,—на нѣсколько моихъ писемъ не отвѣтилъ ни слова!

— Прости, любезный другъ,—сказалъ Борисъ:—самъ очень хорошо знаю, что виноватъ передъ тобою. Но я въ послѣднее время переѣзжалъ изъ города въ городъ, приближаясь къ родинѣ. Особеннаго ничего не имѣлъ сообщить тебѣ, то-есть, сообщить-то у меня много, пожалуй, только не для писемъ. И вообще ты долженъ знать, какъ я лѣнивъ на письма.

— Хорошо, принимаю твои извиненія и не желаю съ тобой пикироваться. Скажи, ну что, какъ доволенъ этими двумя годами? Нашелъ-ли за границей то, чего искалъ?

— Нѣтъ, не нашелъ. Хотя не могу сказать, что этими годами не доволенъ. Они не прошли для меня даромъ—я уяснилъ себѣ многое...

— А знаешь-ли,—вдругъ перебилъ его Бѣльскій:—нѣкоторые изъ нашихъ братьевъ недовольны тобою, считаютъ тебя отщепенцемъ.

— Я это знаю,—спокойно сказалъ Борисъ.—Я, вѣдь, кажется, ни передъ тобою, ни передъ кѣмъ не скрывалъ своихъ разочарованій. Теперь посмотримъ, правъ-ли я былъ. Скажи мнѣ, любезный другъ, вотъ мы съ тобою не видались цѣлыхъ два года.

скажи, удовлетворенъ-ли ты самъ дѣйствіями и занятіями нашего общества? Далеко-ли ты подвинулся впередъ? Нашелъ-ли въ чемъ нибудь разрѣшеніе?

— Отвѣчая утвердительно, я бы солгалъ тебѣ.

— Вотъ видишь! Такъ въ чемъ-же обвинять меня? Теперь для меня совершенно уже выяснилось многое. Да, я вижу прямо. И то, что скажу тебѣ, то готовъ повторить передъ всѣми братьями нашей ложи, если она еще собирается.

— Гдѣ ужъ собираться!—махнулъ рукой Бѣльскій—Вѣдь, мы подъ болшимъ запретомъ. Но, конечно, все-же бываютъ нѣкоторыя собранія, то здѣсь, то тамъ...

— Это все равно,—горячо заговорилъ Борисъ.—Я не жалѣю о томъ, что разогнали наши театральныя зрѣлища.

— Театральныя зрѣлища?—изумленно повторилъ Бѣльскій.

— Да, именно. Какъ-же я иначе могу назвать всѣ эти обряды, всю эту внѣшнюю сторону масонства? Вспомни, вѣдь, мы вмѣстѣ съ тобой готовились къ великому, какъ намъ казалось, таинству посвященія. Помнишь, мы постомъ и молитвой готовились. Тогда у меня не было въ мысляхъ считать эти таинственные обряды пустыми. Такой взглядъ на нихъ я почелъ бы святотатствомъ. Я помню, съ какимъ трепетомъ вступилъ я въ ложу и началъ проходить рядъ испытаній. Все, что я видѣлъ, все, что со мною дѣлали, мнѣ искренно казалось полнымъ величайшаго смысла. Эта черная комната, мертвая голова и кости съ надписью: «memento mori», это хожденіе съ завязанными глазами по какому-то лабиринту, сниманіе повязки, устремленіе на мою обнаженную грудь со всѣхъ сторонъ острія шпагъ — все это приводило меня въ священный трепетъ. На вопросы проводника о томъ, съ какимъ намѣреніемъ вступаю я въ братство вольныхъ каменьщиковъ, я изъ глубины сердца отвѣчалъ, что единственное намѣреніе мое—открыть вѣрнѣйшій путь къ познанію истины... И ты знаешь, что таково было мое дѣйствительное намѣреніе, мое страстное желаніе, такъ-же, какъ и твое, такъ-же, какъ и нѣкоторыхъ другихъ нашихъ братьевъ. Намъ обѣщали, что мы достигнемъ цѣли съ помощью братства. Насъ заставляли подниматься по ступенямъ Соломонова храма, и мы искренно вѣрили, что не маленькая жалкая модель этого храма, а самъ онъ передъ нами, и что намъ дѣйствительно откроется возможность войти по его ступенямъ къ алтарю вѣчной истины, къ алтарю вѣчной Софіи. Мы люди, мы слабы, но, вѣдь, все-же мы честно боролись съ дурными инстинктами нашей природы. Мы были добрыми работниками. Братство сочло насъ достойными перейти въ высшую степень. Для насъ должны были открыться тѣ таинства, которыя мы въ качествѣ учениковъ могли только благоговѣйно созерцать

въ вещественныхъ аллегоріяхъ. Что-же намъ открылось? Ничего! Намъ сообщили только то, что намъ и такъ было давно извѣстно въ тѣ дни, когда мы еще и не думали о масонствѣ..

Бѣльскій внимательно и грустно слушалъ, не перебивая сво его друга.

Борисъ продолжалъ.

— Впрочемъ, нѣтъ, я ошибся. Мы, дѣйствительно, узнали многое. Мы узнали,—я узналъ, по крайней мѣрѣ,—что всѣ эти обряды, или аллегоріи, вся эта внѣшняя сторона масонства есть въ то-же время и его сущность, ибо за ней, вмѣсто откровеній великихъ истинъ, пустота. Я узналъ, что многіе наши руководители, передъ мудростью которыхъ мы преклонились, слѣпо вѣрили въ эту невѣдомую нами мудрость, почти круглые невѣжды. Исполнять Христовы заповѣди, идти по пути самоусовершенствованія, чтить Бога, любить ближняго, воздавать должное каждому изъ братьевъ—вѣдь, все это и такъ требуется отъ каждаго христіанина! Масонство же обѣщаетъ общую плодотворную работу, откровеніе величайшей науки всѣхъ наукъ. Но *наше* масонство ничего этого дать не можетъ, потому что оно играетъ словами. Наши братья, я не говорю о всѣхъ, конечно, такъ какъ между масонами всегда можно встрѣтить высокихъ и разумныхъ людей, но большинство нашихъ братьевъ, огромное большинство—жалкіе люди, не только не способные разработывать науку всѣхъ наукъ, но не способные даже поработать надъ собою; они погибаютъ въ слабостяхъ человѣчества. Для такихъ людей, конечно, масонство важно. Имъ нужны театральныя зрѣлища и, пожалуй, они были-бы недовольны, если-бы за этими зрѣлищами скрывалось что-нибудь другое. Вѣдь, не станешь-же ты спорить со мною, если я утверждаю, что есть много масоновъ, которые поступаютъ въ братство только для того, чтобы завести связи съ вліятельными братьями, вліятельными не въ масонскомъ, а въ житейскомъ смыслѣ слова? Черезъ масонство достигаютъ знакомствъ, связей, протекціи, добиваются личныхъ цѣлей...

— Все это правда,—перебилъ Бѣльскій.

— Но, вѣдь, на это можно отвѣтить, что тутъ нѣтъ еще ничего предосудительнаго. Всякій масонъ, кто-бы онъ ни былъ, достигая посредствомъ братьевъ болѣе или менѣе высокаго положенія въ обществѣ, тѣмъ самымъ служитъ цѣли масонства, способствуетъ его распространенію, вліянію на жизнь общества. Конечно, этимъ и оправдываются, и это было-бы достаточное оправданіе, если-бы такими средствами выдвигались люди, дѣйствительно способные развивать истины масонскія, то-есть, высокія и благородныя задачи. Но, вѣдь, за примѣрами ходить недалеко: возьмемъ эти примѣры изъ нашей ложи за послѣднія

пять, шесть лѣтъ. Развѣ мы не знаемъ нѣсколько случаевъ, когда къ намъ пробрались никому невѣдомые люди, воспользовались значеніемъ и связями братьевъ, достигли того, къ чему стремились, получили значительныя мѣста на службѣ и оказались взяточниками и грабителями?

— Да, къ несчастью, то, что ты говоришь, правда!—сказалъ Бѣльскій. — И не далѣе, какъ на этихъ дняхъ, я узналъ очень печальный случай. Ты, можетъ быть, помнишь офицера Синяева, онъ былъ посвященъ послѣ насъ?

— Какъ-же не помнить! Очень хорошо помню.

— Онъ мнѣ никогда не нравился, хотя я и старался побѣдить въ себѣ это предубѣжденіе относительно «брата», ибо оно, вѣдь, должно считаться грѣховнымъ въ масонѣ. Синяевъ на всѣхъ производилъ впечатлѣніе человѣка очень дѣятельнаго, энергичнаго. Его всегда можно было найти у кого-нибудь изъ старшихъ братьевъ. Онъ угождалъ всѣмъ, вслушивался въ каждое слово, толковалъ о своихъ добродѣтеляхъ.

— Что-же съ нимъ случилось?

— Очень печальная исторія. Дѣло въ томъ, что его добродѣтелямъ повѣрили, на него понадѣялись, ему была поручена очень большая сумма денегъ, назначенная на дѣла благотворительности. Онъ присвоилъ эту сумму и вмѣстѣ съ этимъ явился къ Аракчееву съ доносомъ на «братьевъ».

— И это осталось безнаказаннымъ?

— Конечно, теперь не такія времена, чтобы мы могли чего-нибудь добиваться и что нибудь разоблачать; напротивъ, Синяевъ, кажется, попалъ къ Аракчееву въ милость. Я еще недавно слышалъ, что о немъ съ похвалой отзывался одинъ изъ нашихъ ярыхъ враговъ—архимандритъ Фотій.

— Вотъ человѣкъ, который меня интересуетъ, хоть я и никогда не видалъ его,—перебилъ Борисъ.—Это человѣкъ, обладающій, повидимому, очень значительной силой...

— А я его видѣлъ и убѣжденъ, что ты не найдешь въ немъ ничего интереснаго. Но перейдемъ къ Синяеву. Я разсказалъ тебѣ этотъ случай вовсе не для того, чтобы признать себя побѣжденнымъ. Да, мы видѣли нѣсколько печальныхъ примѣровъ, но зачѣмъ же на нихъ останавливаться? Вѣдь, это только частные случаи. Я самъ почти разочарованъ въ нашемъ масонствѣ, но вообще за масонствомъ признаю большое значеніе. Я увѣренъ, что если дѣло у насъ идетъ плохо, то гдѣ-нибудь оно идетъ хорошо. Вѣдь, братство раскинуло свои сѣти по всему міру. Ты былъ во многихъ мѣстахъ, ты долженъ былъ столкнуться со многимъ важнымъ и интереснымъ. Я поспѣшилъ къ тебѣ, чтобы узнать отъ тебя, какъ отъ очевидца, о томъ, что дѣлаютъ

наши далекіе братья. Неужели ты станешь меня разочаровывать?..

— Къ несчастью, почти такъ,—грустно проговорилъ Борисъ.

XXI.

Мистикъ.

Борисъ поднялся и началъ въ волненіи ходить по комнатѣ.

— Истинное масонство,—заговорилъ онъ:—можетъ существовать, должно существовать и, я надѣюсь, когда-нибудь и будетъ существовать. Когда-нибудь люди отыщутъ потерянный ключъ къ разгадкѣ великихъ и вѣчныхъ тайнъ природы... То, о чемъ мы толковали и о чемъ мечтали въ студенческіе годы, не было заблужденіемъ, не было праздной мечтой... Теперь я знаю, на основаніи тѣхъ свѣдѣній, которыя получилъ, работая больше года въ Британскомъ музеѣ, что мы не обманывались... да, ключъ былъ— и человѣчество его потеряло, а между тѣмъ, въ глубокой древности этимъ ключемъ мудрецы отпирали всѣ тайны. Истинное ученіе существовало у древнихъ, первобытныя мистеріи — вотъ настоящія масонскія собранія, ложи, вотъ гдѣ скрывалась наука всѣхъ наукъ...

— Что-же осталось намъ, какія указанія на эти потерянныя тайны? Все это очень любопытно,—перебилъ Бѣльскій.

— Остались указанія на то, что древніе обладали слѣдующими истинами: они знали о существованіи вѣчной, всемірной, всемогущей, всеобъемлющей жизни, созданной единымъ сверхъестественнымъ Logos'омъ. Эту безконечную жизнь онъ создалъ изъ самого себя. Вещество этой жизни вѣчно, и вещество это—свѣтъ. То, что проявляется внѣшнимъ образомъ, существуетъ и отвлеченно, изначала, въ своемъ первообразѣ, который отражается въ зеркалѣ чудесъ, и зеркало это—Софія, вѣчно рождающая и вѣчно дѣвственная... Весь видимый міръ, какъ явленіе вѣчной жизни, управляется вѣчными законами, дѣйствующими и въ невидимыхъ для насъ мірахъ. Эти законы суть свойства природы и ихъ семь: притяженіе, противодѣйствіе, кругообращеніе, огонь, свѣтъ, звукъ, и, наконецъ, тѣло. Будучи совмѣщеніемъ всего, первыя шесть свойствъ природы дѣлятся на двѣ троицы или на два полюса. Полюсы эти представляютъ изъ себя двойственность природы; первыя три свойства: мракъ, зима, страданіе, — адъ; другія три—свѣтъ, наслажденіе, лѣто,—рай. Огонь—вѣчный очиститель природы...

— Какой-же это огонь?—вдругъ спросилъ Бѣльскій, внима-

тельно слѣдившій за словами пріятеля, но, очевидно, съ большимъ трудомъ въ нихъ разбиравшійся.

— Какой огонь! Конечно, не тотъ, который горитъ передъ тобою въ этой лампѣ, хотя и въ этомъ есть частица небеснаго огня. Древніе знали иной огонь, небесный, обладающій разнообразнѣйшими и непостижимыми для насъ свойствами; впрочемъ, эти свойства его уже начинаютъ и теперь подмѣчать европейскіе ученые, и я увѣренъ, что въ скоромъ времени относительно этого огня предстоитъ не мало открытій. Но не скоро мы будемъ знать его такъ, какъ знали мудрецы древности, называвшіе его огненнымъ эфиромъ, духомъ, началомъ жизни... Но слушай,—ты перебилъ меня,—вотъ послѣднее положеніе: всякій свѣтъ—порожденіе мрака, и для того, чтобы сдѣлаться свѣтомъ, неизбѣжно долженъ пройти черезъ огонь. Какъ матерія въ своихъ разнообразныхъ видахъ проходитъ этимъ путемъ, такъ и духъ, достигая знанія и свѣта, долженъ выйти изъ мрака, который составляетъ его первоначальную темницу, долженъ очиститься въ огненномъ горнилѣ.

Борисъ остановился.

— Да,—сказалъ Бѣльскій:—все это крайне интересно, но, признаюсь, сразу мнѣ кажется очень неяснымъ.

— Я понимаю это,—отвѣчалъ Борисъ.—Я объясню тебѣ всѣ неясности, познакомивъ тебя со сдѣланными мною выписками изъ самыхъ рѣдкихъ изданій, находящихся въ книгохранилищахъ Европы. Ты самъ увидишь, что я вовсе не увлекаюсь и что великая мудрость была достояніемъ древнихъ истинныхъ масоновъ, этихъ маговъ, передъ которыми самые ученые мудрецы—жалкіе невѣжды. Но всѣ эти знанія, вся эта мудрость великой науки о духѣ и матеріи, исчезли вмѣстѣ съ древнимъ міромъ. Впрочемъ, есть указанія на то, что если и не вполнѣ, то все-же въ значительной степени она и теперь сохранилась въ недостижимыхъ для насъ глубинахъ Индіи, среди тамошнихъ браминовъ. Но что-же дѣлаемъ мы—масоны, искатели истины? Вмѣсто того, чтобы ревностно подбирать крупинки этихъ великихъ растерянныхъ знаній, мы ограничиваемся хорошими словами. Я посѣщалъ много масонскихъ собраній въ Англіи, Франціи, Германіи и Италіи, я надѣялся, что хоть гдѣ-нибудь сойдусь съ мужами знанія, и, представь себѣ—вездѣ видѣлъ то-же самое, что и у насъ, даже хуже нашего. Масоны на западѣ лицемѣрятъ еще больше. Ложи не имѣютъ въ себѣ ровно ничего масонскаго. Это просто тайныя политическія общества. А между тѣмъ ты самъ знаешь, что политика не должна входить въ кругъ дѣйствій масонства...

— Да, не должна входить въ кругъ дѣйствій масонства,—повторилъ Бѣльскій:—но скажи мнѣ, обязанъ-ли человѣкъ, бу-

дучи масономъ, быть равнодушнымъ къ политикѣ, быть равнодушнымъ къ жизни своего отечества?

— Я не говорю этого.

— Вотъ то-то и есть, — внезапно оживляясь, воскликнулъ Бѣльскій.—Если ты замѣтилъ, или вскорѣ замѣтишь, быть можетъ, нѣкоторое охлажденіе съ моей стороны къ отвлеченнымъ вопросамъ, то это потому, что жизнь выставляетъ другіе вопросы, насущные, отъ которыхъ никуда не убѣжишь и не скроешься, да отъ которыхъ, по-моему, и позорно бѣгать. Ты два года провелъ внѣ Россіи, ты отдохнулъ, освѣжился. Но, вѣдь, мы здѣсь задыхаемся! И въ такой атмосферѣ жить невозможно, и съ каждымъ днемъ становится все хуже и хуже...

Борисъ нахмурился и не перебивалъ. А тотъ продолжалъ все съ возрастающимъ жаромъ:

— Помнишь, послѣ войны, какъ жилось хорошо. Мы тогда были очень юны, были почти дѣти; но, вѣдь, ужъ и тогда мы понимали многое. Да, наконецъ, спроси людей зрѣлыхъ — всѣ скажутъ одно и то-же. Да, жилось хорошо. Впереди было свѣтло, сколько надеждъ... Государь, просвѣщенный, покрытый славой, любящій свой народъ, думавшій только объ его благѣ, надѣявшійся повести этотъ народъ впереди другихъ націй къ счастью, къ свободѣ. Лучшіе русскіе люди, свѣтлые умы начинали получать вліяніе. Казалось, не было сомнѣній въ томъ, что умственная жизнь получитъ у насъ самое широкое развитіе... Какая дивная перспектива! Вождь Россіи, освободившій западные европейскіе народы отъ ига деспота, своимъ собственнымъ примѣромъ, примѣромъ своего обширнаго государства укажетъ путь къ благу всего человѣчества. Страна юная, которую еще недавно западные европейцы считали варварской, опередитъ всѣ другія страны... И что-же? Года шли. Прошло десять лѣтъ—и какая печальная перемѣна! Какое страшное несчастіе обрушилось на бѣдную Россію! Человѣкъ столь разумный, столь благородный и возвышенный, питавшій въ себѣ такіе великіе планы, уже клавшій первые твердые камни благихъ начинаній, вдругъ опустилъ руки... Совершилось нѣчто ужасное, непостижимое. Онъ оказался во власти изверга, грубаго злодѣя, звѣря и невѣжды, котораго самъ-же когда-то—это не выдумка, я знаю навѣрное—самъ-же считалъ таковымъ... Аракчеевъ околдовалъ его. О, если-бы онъ только могъ видѣть настоящее положеніе! Но онъ не въ силахъ ничего видѣть среди чаръ этого чудовища... Да, мы задыхаемся... У кого есть уши, чтобы слышать, и глаза, чтобы видѣть—ежедневно видятъ и слышатъ ужасы. Знаешь-ли ты, что дѣлается? Знаешь-ли, до какихъ предѣловъ дошла жестокость съ крѣпостными? Вѣдь, ихъ пытаютъ, пытаютъ, выбиваютъ изъ этихъ

несчастныхъ подушные сборы кнутомъ и палкой. Я прошлое лѣто ѣздилъ къ себѣ въ деревню и самъ убѣдился во всѣхъ этихъ ужасахъ. Два моихъ ближайшихъ сосѣда, дворяне стараго рода, принятые въ обществѣ какъ порядочные люди, устроили у себя, конечно, насильственнымъ образомъ, гаремъ, завели «jus primae noctis»,—еще хуже того, такъ что противно объ этомъ и разсказывать. И это, вѣдь, не исключеніе, и все это дѣлается не втихомолку, не подъ страхомъ кары, а открыто, съ полнымъ сознаніемъ своей безнаказанности, своего права. Потомъ послушай, что разсказываютъ наши старые товарищи, которые теперь офицерами въ различныхъ частяхъ войска... Вдумайся только, что значитъ двадцатипятилѣтній срокъ службы для солдата... и какой службы? Вѣдь, каждый начальникъ—это тотъ-же помѣщикъ, распоряжающійся со своимъ подчиненнымъ какъ съ вещью!.. Судъ нашъ—это позоръ. Справедливыхъ рѣшеній нѣтъ. Всюду взятки, всюду кривда. Что тутъ подѣлаетъ усиліе отдѣльныхъ людей. Да и гдѣ эти люди? Аракчеевщина все придушила. Всюду шпіоны. Слова сказать невозможно. Имѣть у себя рукопись комедіи «Горе отъ ума» Грибоѣдова—уже преступленіе. Можно пропасть, прочтя въ дружескомъ, повидимому, кружкѣ стихотвореніе Пушкина «На свободу» или поэму Рылѣева «Войнаровскій».

— Ты сказалъ мнѣ мало новаго,—проговорилъ Борисъ.—Все это я знаю, все это томительно. И ты напрасно думаешь, что я за границей отдохнулъ и оживился. Въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ я былъ занятъ не одними духовными вопросами. Я присматривался къ жизни. Всѣ государства Европы въ печальномъ положеніи, хотя оно, быть можетъ, и не такъ безотрадно, какъ наше. Я возстаю только противъ смѣшенія разнородныхъ вещей, мнѣ противна всякая фальшь и лицемѣріе. Я хотѣлъ бы видѣть въ масонствѣ одно масонство; но вмѣстѣ съ этимъ нисколько не нападаю на то, если человѣкъ принимаетъ къ сердцу общественные недуги и ищетъ средства къ ихъ исцѣленію. Все дѣло только въ томъ, какое средство...

— Средство найдено—Европа уже его употребляетъ въ дѣло и достигаетъ цѣли...—перебилъ Бѣльскій.—Существуетъ зло—и начинается борьба съ этимъ зломъ. Тамъ замѣтны попытки, серьезныя попытки высвободиться изъ подъ гнета; рѣшительно и смѣло дѣйствуютъ карбонаріи, въ Испаніи силою добываютъ себѣ конституцію... Ну, а у насъ—задыхаются и трепещутъ, у насъ понимаютъ ужасъ своего положенія—и не ищутъ изъ него выхода. Мы рабы, безсильные рабы, мечтающіе только о свободѣ!

Борисъ грустно качалъ головою.

— Да,—заговорилъ онъ:—борьба со зломъ... карбонаріи... испанская конституція... и всюду кровь и кровь. Воля твоя, мнѣ

не вѣрится, чтобы насиліями и тайными убійствами можно было достигнуть святой цѣли... Надо идти прямо, открыто, чтобы дойти съ чистой совѣстью и утвердить алтарь чистыми руками. Надо поискать другихъ средствъ, чѣмъ тѣ, какія намъ рекомендуетъ Европа. Но послушай, я хотѣлъ спросить тебя... я слышалъ еще недавно кое-что о существованіи, будто бы, и у насъ какого-то движенія, какого-то дѣйствующаго общества, но я плохо этому вѣрю.

Бѣльскій такъ и насторожился.

— Ты слышалъ? Что ты слышалъ, что?

— Да такъ, просто смутный слухъ—ничего больше...

Бѣльскій подошелъ къ Борису, положилъ ему руку на плечо и, пристально глядя ему въ глаза своими блестящими, вдругъ загорѣвшимися глазами, почти задыхаясь, проговорилъ:

— Борисъ, я тебя знаю, я въ тебѣ увѣренъ какъ въ самомъ себѣ.... слухъ вѣренъ, движеніе существуетъ... есть общество... я—одинъ изъ его членовъ.

Борисъ вздрогнулъ.

— Да? Правда? Какое общество?

— Оно организовано не со вчерашняго дня, оно дѣйствуетъ, дѣйствуетъ серьезно—и на югѣ Россіи, и здѣсь въ Петербургѣ. Если ты хочешь, можешь примкнуть къ намъ. Ты долженъ примкнуть...

Борисъ въ волненіи прошелся по комнатѣ.

— Если ты можешь довѣриться мнѣ, будь со мной откровененъ,—сказалъ онъ:—если это честное, серьезное общество, если оно намѣрено дѣйствовать прямымъ, честнымъ путемъ, безъ всякихъ насилій, безъ всякихъ несправедливостей, если дѣйствія, требуемыя этимъ обществомъ отъ его членовъ, согласны съ тѣми правилами жизни, которыя мы, какъ христіане и масоны, обязаны соблюдать,—я, конечно, присоединюсь...

— Да развѣ иначе можетъ быть?—горячо перебилъ его Бѣльскій. Или ты считаешь меня способнымъ быть членомъ общества безнравственнаго, преступнаго?

— Нѣтъ, не считаю; но прости меня, другъ мой, ты иногда въ состояніи увлекаться, ты можешь быть обманутъ.

По лицу Бѣльскаго скользнуло выраженіе большого неудовольствія. Онъ, очевидно, былъ оскорбленъ искренними словами Бориса.

— Хорошо,—произнесъ онъ:—допустимъ и это; но, въ такомъ случаѣ, я не скажу тебѣ ни слова больше сегодня. Дня черезъ три-четыре я попрошу тебя пріѣхать ко мнѣ. Будутъ говорить другіе, и ты увидишь, увлекаюсь я или нѣтъ, и обманываютъ-ли меня. Къ тому-же ты, я вижу, утомленъ,—разговоръ занялъ-бы слишкомъ много времени. Да и мнѣ пора.

Борисъ пробовалъ было удержать его, заставить его дать хоть нѣкоторыя разъясненія относительно общества, но Бѣльскій остался непреклоненъ и уѣхалъ. Долго послѣ его отъѣзда сидѣлъ Борисъ въ глубокой задумчивости.

«Неужели что-нибудь дѣйствительно серьезное, честное и достижимое?—думалъ онъ.—Можетъ-ли быть честнымъ общество тайное, и въ чемъ его тайна? Если оно желаетъ дѣйствительнаго блага Россіи, если набрались тысячи истинно честныхъ людей и патріотовъ, они должны подписаться всѣ подъ обстоятельной, всесторонне обдуманной запиской о томъ, что въ настоящихъ обстоятельствахъ требуется для Россіи. Эта записка должна быть представлена государю... Онъ разуменъ и благороденъ... онъ узнаетъ взгляды лучшей части русскаго общества, онъ будетъ знать, на какія силы можетъ опереться, на кого можетъ расчитывать... Вотъ цѣль!.. Многія тысячи образованныхъ людей... зрѣло разработанные планы... съ этимъ надо считаться...»

Прекрасныя картины начинали рисоваться въ горячемъ воображеніи Бориса.

XXII.

У Бѣльскаго.

Князь Бѣльскій не заставилъ себя ждать: черезъ два дня, подъ вечеръ, онъ влетѣлъ въ кабинетъ Бориса совсѣмъ запыхавшись.

— Ну, славу Богу, захватилъ тебя,—сказалъ онъ, здороваясь.—Я такъ боялся, что не застану, что ты уже куда-нибудь уѣхалъ...

— Да я и то собираюсь, — отвѣтилъ Борисъ.—Я обѣщалъ брату ѣхать съ ними сегодня въ театръ.

— Пустое, мой другъ, театръ не уйдетъ—откажись, найди предлогъ, и ѣдемъ со мною. Черезъ часъ у меня соберутся наши. Я ужъ говорилъ, что ты будешь, и всѣ очень довольны... на тебя расчитываютъ.

— Кто-же эти всѣ? Кто на меня расчитываетъ?

— Черезъ часъ увидишь, не разспрашивай.

Борисъ с мялъ задумавшись.

— О чемъ ты?—съ видимымъ неудовольствіемъ спросилъ Бѣльскій,—Ахъ, какъ мнѣ не нравится твое лицо! Я никакъ не думалъ, что ты такъ отнесешься къ этому дѣлу.

— Да я еще никакъ не отношусь къ нему... Я еще ничего

не знаю. Хорошо, ѣдемъ; я предупрежу своихъ, что не могу съ ними ѣхать. Но скажи мнѣ, вѣдь, и ты, такъ-же, какъ и я, склоненъ къ этимъ ощущеніямъ, — неужели у тебя нѣтъ никакихъ дурныхъ предчувствій?

— Никакихъ, ровно никакихъ,—бодро сказалъ Бѣльскій.

— А у меня есть. Мнѣ—что-то сжимаетъ сердце. И хотя я еще ничего не знаю, но какъ-то не предвижу ничего хорошаго и для дѣла, и для тѣхъ, кто его задумалъ.

— Пугать не слѣдуетъ,—перебилъ Бѣльскій:—да, впрочемъ, ты меня не испугаешь; я хорошо знаю, что въ каждомъ серьезномъ дѣлѣ есть большой рискъ, а въ такомъ дѣлѣ этотъ рискъ можетъ быть огромнымъ. Конечно, въ случаѣ неудачи, мы жертвуемъ всѣмъ, начиная съ нашихъ головъ. Но развѣ иначе можетъ быть, и развѣ мы смѣемъ объ этомъ думать?

— Прекрасно,—сказалъ Борисъ:—только мнѣ кажется, если рискъ такъ великъ, если успѣхъ крайне сомнителенъ, то слѣдуетъ-ли приносить такія жертвы? Вѣдь, очень легко ровно ничему не помочь и даромъ погубить себя. Или вы думаете, что ваша жизнь, ваша дѣятельность, и безъ всякихъ рискованныхъ предпріятій, въ той сферѣ, какая открыта и доступна для васъ, безполезны?

Бѣльскій грустно улыбнулся.

— Безполезны, мой другъ, совершенно. При теперешнемъ положеніи вещей мы ничего не можемъ и, если оно не измѣнится, наша жизнь пройдетъ безслѣдной... Такъ мы всѣ думаемъ...

Борисъ послалъ сказать брату, чтобы они его не ждали, что у него есть дѣло и если онъ успѣетъ, то пріѣдетъ прямо въ театръ, въ серединѣ представленія... Онъ уѣхалъ съ пріятелемъ въ самомъ мрачномъ настроеніи. Ему было неловко, тяжело, даже почти стыдно—однимъ словомъ, онъ испытывалъ, только въ сильнѣйшей степени, то самое ощущеніе, которое въ дѣтствѣ сопровождало каждый его проступокъ, каждую дурную шалость. Впрочемъ, самъ онъ былъ далекъ отъ подобнаго сравненія: онъ не разбиралъ своихъ ощущеній.

Въ уютной холостой квартирѣ Бѣльскаго скоро стали собираться гости. При появленіи каждаго изъ нихъ, Борису приходилось изумляться: все это были его знакомые, молодые люди, по преимуществу офицеры, принадлежащіе къ хорошему обществу и болѣе или менѣе извѣстные своимъ умомъ, образованностью и талантами. Здѣсь были, между прочими, и братья Муравьевы, и Бестужевы, и молоденькій гвардейскій корнетъ князь Одоевскій, котораго Борисъ зналъ еще совсѣмъ мальчикомъ. Всѣ они привѣтствовали Бориса очень радушно. Говорили, что давно поджидали его возвращенія изъ-за границы и были увѣрены, что онъ окажется ихъ единомышленникомъ.

Всѣ эти горячіе молодые люди были очень искренни. Но, вслушиваясь въ ихъ разсужденія, Борисъ все-же не могъ подмѣтить въ нихъ ничего серьезнаго. Все это были, по большей части, общія мѣста, пламенныя молодыя фразы—и только. Онъ замѣтилъ также, что всѣ, очевидно, кого-то поджидаютъ. Вотъ раздался, наконецъ, звонокъ. Одоевскій выбѣжалъ въ переднюю и сейчасъ-же возвратился съ сіяющимъ лицомъ, крикнувъ:

— Онъ! онъ!

Вслѣдъ за нимъ у двери показался молодой человѣкъ, съ наружностью хотя и не особенно красивой, но выразительной и привлекательной, съ задумчивыми глазами и нѣсколько утомленнымъ видомъ. Выраженіе его лица мѣнялось очень быстро и отражало всѣ его ощущенія. Большая нервность въ каждомъ движеніи. Лѣта его опредѣлить было трудно. Сейчасъ вотъ ему кажется лѣтъ около тридцати, и тутъ же, черезъ минуту какую нибудь, онъ превращается совсѣмъ въ юношу. Но всякій, кто хоть разъ его видѣлъ, уже не забывалъ этого лица, этой фигуры. Въ немъ было что-то особенное, своеобразное. И почему-то, глядя на него, почти у каждаго являлось какое-то смутное ощущеніе какъ-бы жалости къ этому человѣку, хотя онъ вовсе не казался жалкимъ. Онъ гордо несъ свою оригинальную голову.

Борисъ встрепенулся, его увидя. «Такъ вотъ кого недоставало, такъ вотъ кого ждали!» Онъ сразу ощутилъ въ себѣ приливъ симпатіи, уваженія и страстной жалости къ этому человѣку и быстро пошелъ ему навстрѣчу.

— Рылѣевъ, вы?—проговорилъ онъ.—Какъ я радъ встрѣчѣ съ вами!

Рылѣевъ всмотрѣлся въ него, улыбнулся, блеснулъ глазами и крѣпко сжалъ его руку.

— И я тоже; я зналъ, что увижу васъ здѣсь сегодня.

Начались со всѣхъ сторонъ шумныя привѣтствія. И Борисъ видѣлъ, что въ этомъ молодомъ кружкѣ Рылѣевъ играетъ видную роль, что онъ всеобщій любимецъ, быть можетъ, запѣвало. Борисъ невольно вздохнулъ и подумалъ:

«И онъ тоже ставитъ на карту свою жизнь. Но, вѣдь, онъ такъ уменъ, такъ благороденъ. Дѣло, которому онъ отдается, не можетъ быть дурнымъ дѣломъ.»

Онъ подошелъ къ Рылѣеву, напомнилъ ему кой-что изъ стараго, спросилъ объ его жизни за это время.

— Много перемѣнъ со мною,—отвѣчалъ Рылѣевъ.—Начать съ того, что я недавно женился:

— Вотъ какъ! Я не слыхалъ... Поздравляю.

— Съ благодарностью принимаю поздравленіе.

Глаза его улыбнулись, все лицо расцвѣло, отъ него такъ и дохнуло счастливой юностью.

— Загляните ко мнѣ, въ мое гнѣздо... Моя женушка всегда рада хорошимъ людямъ.

— Спасибо, еще-бы не заглянуть! А поэзія что подѣлываетъ?

— Ну, что поэзія, теперь мало времени о ней думать...

— Какъ такъ? Это что-то нехорошо, и напрасно вы такъ говорите, да вы и права не имѣете такъ говорить. Отъ вашего таланта я жду очень, очень многаго.

Вдругъ лицо Рылѣева потускнѣло, даже за минуту блестѣвшіе глаза подернулись туманомъ.

— Что такое мой талантъ? Да и есть-ли онъ у меня—я, право, не знаю,—глухо проговорилъ онъ.—Стихи! стихи! И они доставляютъ отраду, и они могли-бы принести даже пользу, большую пользу, только, къ несчастію, это уже поняли, а потому насъ заставляютъ молчать, у насъ вырываютъ языки, чтобы мы не пѣли.

Его голосъ вдругъ зазвенѣлъ и поднялся.

— Да, это такъ. Но въ такомъ случаѣ мы должны бросить лиру, должны взяться за мечъ и доказать, что онъ въ нашихъ рукахъ не пустая игрушка. Стыдно, позорно спать, когда начинаетъ гибнуть все честное, все благородное... когда наступаетъ торжество всякой неправды, всякой низости.

Присутствовавшіе уже жадно слушали, со всѣхъ сторонъ обступая Рылѣева и Бориса.

Но Борисъ вдругъ перебилъ поэта:

— Прежде всего мы не должны увлекаться,—сказалъ онъ.— Мы не должны допускать въ себѣ раздраженія. Если наше положеніе такъ серьезно, что необходимо искать способовъ изъ него выйти, то намъ слѣдуетъ вооружиться прежде всего благоразуміемъ.

Рылѣевъ взглянулъ на него даже почти со злобой.

— Благоразуміе!—сказалъ онъ.—Какъ понимать его? Если противопоставить его безумію, то, надѣюсь, оно у насъ есть, мы и докажемъ это въ серьезныя минуты. Но толкуя о благоразуміи и хладнокровіи, легко заморить въ себѣ живую мысль и живую силу, легко дойти до апатіи, до бездѣйствія. И такого благоразумія намъ не надо... Прежде всего, мы именно должны питать въ себѣ это возмущеніе души нашей противъ всего безобразнаго, несправедливаго, противъ оковъ, налагаемыхъ на законнѣйшія проявленія свободнаго человѣческаго духа. Мы должны ненавидѣть зло и его представителей. Мы должны поклясться другъ другу страшной, великой клятвой ни на минуту не забывать этой ненависти, ни на минуту не помнить о себѣ и о тѣхъ

опасностяхъ, которымъ мы можемъ подвергнуться... Если мы хотимъ дѣйствительно блага нашей родинѣ и человѣчеству, то прежде всего должны быть готовы принести себя въ жертву. Если понадобится наша кровь, мы должны безтрепетно отдать ее... Изъ этой крови выростетъ прекрасный цвѣтъ свободы.

На поэта сошло вдохновеніе. Онъ весь пылалъ, глаза его сверкали. Всѣ такъ и впились въ него взглядами. Всѣ, очевидно, находились подъ вліяніемъ его страстной рѣчи, наэлектризовывались ею. Онъ передалъ всѣмъ свое настроеніе. Только Борисъ еще боролся внутри себя съ вліяніемъ этого страстнаго человѣка.

Когда горячій потокъ его рѣчи замеръ, и онъ вдругъ поблѣднѣлъ, утомленный, взволнованный, съ померкшими, мечтательно и неопредѣленно глядящими глазами, Борисъ попробовалъ перейти къ практической сторонѣ дѣла и заставить собравшихся объяснить ему ихъ планы. Теперь каждый, съ большимъ или меньшимъ одушевленіемъ, принялся говорить, всѣ перебивали другъ друга.

Выработаннаго плана у нихъ еще не было. Но Борису стало ясно, что всѣ они увлечены, что понятія ихъ иногда противорѣчатъ одно другому.

— Господа!—крикнулъ онъ:—да, вѣдь, вы допускаете насиліе.

— Насиліе!—отозвался Бестужевъ.—Что такое насиліе? Вѣдь, это и есть то, противъ чего мы должны бороться.

— Но какими средствами?

— Тѣми, какія будутъ въ нашемъ распоряженіи. Мы должны противопоставить силѣ силу. Если противъ насъ выставлены ружья и пушки, то мы будемъ глупыми дѣтьми, когда выйдемъ на борьбу съ ними, вооруженные деревянными палочками. Противъ ружей и пушекъ и мы, конечно, должны дѣйствовать ружьями и пушками!..

— А если, начавъ съ такихъ разсужденій, вы дойдете до преступленія, самаго гнуснаго преступленія, которое не въ силахъ оправдать никакая цѣль, никакія обстоятельства?

— Богъ дастъ, намъ никогда не придется доходить до этого, — замѣтилъ Бѣльскій.—Мы бойцы, солдаты, а не преступники.

Рылѣевъ вдругъ поднялся съ мѣста.

— А прежде всего,—сказалъ онъ, гордо откинувъ голову:—намъ нечего даже и задавать себѣ подобныхъ вопросовъ. Что такое преступленіе?.. Это все понятія относительныя. Мы подготовимся къ борьбѣ, а когда она начнется—тамъ будетъ видно, какъ намъ дѣйствовать...

Но Борисъ былъ уже внѣ себя.

— Какъ!—крикнулъ онъ:—преступленіе—понятіе относительное? Значитъ, и убійство изъ-за угла, въ какихъ-бы обстоя-

тельствахъ оно ни было совершено, можетъ быть не преступленіемъ?

— Да!—бѣшено отозвался Рылѣевъ.

— Вы ли это? Вы ли это говорите?—съ изумленіемъ и грустно произнесъ Борисъ.

Въ это время всѣ заговорили, перебивая другъ друга.

— Да не слушайте вы его, Горбатовъ, онъ на себя клеплетъ.

— Конечно, клеплетъ; это его привычка.

— Ни изъ-за угла, ни прямо, онъ никого убивать не станетъ.

Рылѣевъ откинулся на спинку кресла, закрылъ глаза и вдругъ разсмѣялся самымъ звонкимъ, молодымъ смѣхомъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, я, кажется, черезчуръ погорячился... Но развѣ возможно не горячиться, когда столько накипѣло.

— Надо имѣть то спокойное благоразуміе, о которомъ я говорилъ,—произнесъ Борисъ.—Теперь, когда я васъ выслушалъ, позвольте мнѣ, господа, высказать вамъ и мои взгляды.

Онъ въ общихъ чертахъ изложилъ свой планъ, единственный, какъ говорилъ онъ, въ которомъ не можетъ быть ничего предосудительнаго и который можетъ достигнуть благой цѣли. Его выслушали съ глубочайшимъ вниманіемъ. Многіе, въ томъ числѣ Бѣльскій, сразу встали на его сторону и находили, что, во всякомъ случаѣ, это мысль, о которой стоитъ хорошенько подумать, которую стоитъ хорошенько развить. Но вотъ начались возраженія:

— А если это ни къ чему не приведетъ? Вѣдь, тогда мы всѣ, сколько насъ ни есть, будемъ подвергнуты строжайшему надзору и преслѣдованію. Тогда у насъ уже навсегда будутъ связаны руки...

— Нѣтъ, этотъ планъ не будетъ принятъ, хотя, конечно, о немъ слѣдуетъ извѣстить не только здѣсь всѣхъ, но и южанъ...

Рылѣевъ качалъ головою.

— Адресъ... петиція!.. Это хорошо на словахъ, а на дѣлѣ выйдетъ чистѣйшій вздоръ... Этотъ адресъ окажется въ рукахъ того-же Аракчеева и о послѣдствіяхъ догадаться не трудно...

Такимъ образомъ, какъ, впрочемъ, Борисъ уже и понялъ, онъ не могъ сговориться съ этими людьми. И чѣмъ больше они ему нравились сами по себѣ, чѣмъ яснѣе становилась ему ихъ искренность, тѣмъ дѣлалось ему грустнѣе и грустнѣе. Они не сумѣли передать ему свою вѣру.

Затѣмъ офицеры стали разсказывать о настроеніи, господствовавшемъ въ полкахъ, между солдатами. О томъ, что несправедливости, истекающія изъ режима, введеннаго Аракчеевымъ, дѣлаются съ каждымъ днемъ нестерпимѣе, о томъ, что почва подготовлена...

Но Борисъ становился все разсѣяннѣе, какъ-то охладѣвалъ. Рѣшительно къ нему не прививалась эта пламенная вѣра, которою дышали его собесѣдники.

Пора была расходиться.

Онъ предложилъ Рылѣеву ѣхать вмѣстѣ.

— Я довезу васъ къ вашему дому и такимъ образомъ узнаю вашъ адресъ.

— Хорошо,—сказалъ тотъ.

Они усѣлись въ карету и нѣсколько минутъ оба молчали. Но вдругъ Рылѣевъ заговорилъ, и заговорилъ совсѣмъ о другомъ,— о поэзіи, о Пушкинѣ, который въ это время находился въ деревенской ссылкѣ.

— Вотъ поэтъ!—горячо говорилъ онъ.—Боже, до какой высоты можетъ дойти онъ и уже доходитъ. Вѣдь, каждый его стихъ— это чистое золото. Какой полетъ мысли, какая сила вдохновенія! Такъ чего ужъ говорить о моей поэзіи, что я передъ нимъ?.. Мнѣ просто стыдно. Жаль, что онъ не въ Петербургѣ, его намъ недостаетъ. Вотъ мы не успѣли васъ ни въ чемъ убѣдить, а онъ-бы убѣдилъ.

— И вы увѣрены въ томъ, что онъ сталъ-бы убѣждать?

— Безо всякаго сомнѣнія. Я знаю его образъ мыслей.

Но вдругъ онъ произнесъ, задумавшись и гораздо тише:

— А впрочемъ, хорошо, что его здѣсь нѣтъ, что онъ вдали отъ всего этого... Тамъ, среди тишины деревенской, зрѣетъ его поэтическое вдохновеніе. Онъ много создастъ тамъ высокаго и прекраснаго, а здѣсь ему-бы все мѣшало...

— Вотъ это вѣрно. И я былъ-бы очень доволенъ, если-бы и васъ обстоятельства удалили въ какую-нибудь деревню, въ какое-нибудь уединеніе.

— Не сравнивайте,—перебилъ Рылѣевъ.—Я повторяю вамъ: плохой я поэтъ. Умолкну—и никакой бѣды отъ этого не случится, никто ничего не потеряетъ. Я боецъ, я, можетъ быть, нуженъ въ бою и къ нему готовлюсь. И я знаю, что погибну въ бою... Я это предчувствую.

Его голосъ вдругъ оборвался. И Борисъ видѣлъ, среди темноты, озаренной только нервнымъ мерцаніемъ каретныхъ фонарей, какъ его глаза блеснули и померкли.

— У васъ есть предчувствіе... и вы ему вѣрите?

— Да, вѣрю.

— Но въ такомъ случаѣ, простите меня, я скажу вамъ откровенно,—напрасно вы женились.

— Я самъ знаю, что напрасно. Но когда я рѣшилъ это, когда я женился—я не думалъ ни о чемъ... Я забылъ всѣ предчувствія. А теперь, теперь, это часто возвращается, иногда

просто преслѣдуетъ. Иногда мнѣ невыносимо бываетъ глядѣть на мою жену...

— Такъ остановитесь... остановитесь во время!

Рылѣевъ печально усмѣхнулся.

— А вы полагаете, что отъ судьбы можно уйти?

— Нѣтъ, отъ судьбы нельзя уйти!—прошепталъ Борисъ.—Но предчувствія иногда обманываютъ и не слѣдуетъ имъ поддаваться,—добавилъ онъ, но въ то-же время сознавалъ, что предчувствія Рылѣева дѣйствуютъ и на него, что и онъ самъ ихъ испытываетъ.

Въ этомъ человѣкѣ было дѣйствительно что-то фатальное и этимъ объяснялась странная жалость, ощущаемая въ себѣ почти каждымъ, кто глядѣлъ на него.

— Вотъ мы и пріѣхали. Спасибо вамъ... Смотрите-же, навѣстите,—говорилъ Рылѣевъ.

Онъ крикнулъ кучеру, чтобы тотъ остановился, и выходя изъ кареты, крѣпко стиснулъ руку Бориса.

XXIII.

Ищущіе Христа.

Княгиня продолжала все быть не въ духѣ. При встрѣчахъ съ княземъ Есперомъ она обдавала его такими презрительными взглядами, что онъ не зналъ куда дѣваться и всѣми мѣрами старался избѣгать ее. Съ этой цѣлью онъ даже два дня не обѣдалъ дома и только въ темномъ будуарѣ генеральши сталкивался съ племянницей. Но долго сердиться на Нину княгиня не могла. На слѣдующій день она уже съ ней говорила ласково, заставила ее передъ обѣдомъ прокатиться вмѣстѣ съ нею по Невскому, вечеромъ повезла ее въ спектакль, хотя Нина пробовала было отговориться нездоровьемъ.

— Однако, не такъ, вѣдь, ужъ ты больна, чтобы нельзя было въ театръ выѣхать,—сказала княгиня.—Напротивъ, я увѣрена, ты развлечешься и это принесетъ тебѣ пользу. У тебя ужасное лицо. Мнѣ просто обидно глядѣть на тебя, какъ ты себя распускаешь... И какія это у тебя печали? Фантазіи... пустяки. Будь-же умницей, не фантазируй, живи... Въ твои годы только и жить... И знай, Нина, я тебѣ это не спроста говорю, въ твоихъ рукахъ твое счастье, смотри, сама не испорть его...

Она притянула ее къ себѣ и поцѣловала. Нина улыбнулась, постаралась казаться веселой и ушла переодѣваться для театра. А княгиня думала:

«Ахъ, слѣдовало-бы съ ней построже, слѣдовало-бы хорошенько, хорошенько побранить ее, показать, что она слишкомъ молода, чтобы забирать себѣ такую волю... Слѣдовало-бы заставить ее во всемъ признаться, во всѣхъ этихъ таинственностяхъ... Да какъ тутъ быть? Какъ станешь съ ней строгой—съ дочерью родной другое-бы дѣло, а она сиротка... какъ еще приметъ—не пойметъ, пожалуй, что отъ любви. Нѣтъ, нѣтъ, Боже избави! Нужно иначе... Ну, да постой матушка!..»

Княгиня даже погрозила въ ту сторону, куда ушла Нина.

«Постой, дядюшку мы все-же отвадимъ! Найдется у меня союзникъ, настоящій, хорошій. И если ты дуришь, такъ мы, хоть противъ твоей воли, да сдѣлаемъ тебя счастливой!»

Несмотря на свои тревоги, княгиня все-же считала невозможнымъ не только подвергнуть Нину какимъ-нибудь стѣсненіямъ, но даже и слѣдить за нею. А если-бы она слѣдила, то узнала-бы, что на слѣдующій день князь Есперъ, не обѣдавшій дома, вдругъ появился, прошмыгнулъ въ комнату Нины и шепнулъ ей:

— Будете? Вѣдь, сегодня?

— Буду,—отвѣтила она.—Я пріѣду съ Аннетъ Ручинской.

— Только вы не опоздайте, пожалуйста, въ девять часовъ ровно всѣ будутъ въ сборѣ...

И князь Есперъ исчезъ.

Княгиня по обычаю собиралась на какой-то вечеръ и звала Нину съ собою, но та на этотъ разъ рѣшительно отказалась.

— Нѣтъ, ma tante, увольте. Я получила записку отъ Аннетъ Ручинской — она нездорова и проситъ меня провести съ нею вечеръ.

— Въ такомъ случаѣ, поѣзжай, конечно, поѣзжай, — сказала княгиня.

Аннетъ Ручинская была пріятельница Нины, годами двумя ея старше. Она принадлежала къ почтенному семейству, и Нина знала ее еще прежде въ Москвѣ. Противъ такого знакомства княгиня не могла ничего имѣть и никогда не отговаривала Нину, когда она туда ѣздила, а ѣздила она довольно часто.

— Когда-же ты собираешься? Сейчасъ, что-ли?

— Да, ma tante.

— Такъ вотъ что: прикажи заложить карету и отправляйся; когда кучеръ вернется, тогда и я поѣду. А за собой вели, ужъ дѣлать нечего, санямъ пріѣхать. Погода хорошая... Только, пожалуйста, не запаздывай... въ особенности—въ саняхъ, вѣдь, будешь... Хотя и недалеко, а все-же, знаешь, я всегда какъ-то неспокойна...

Всѣ эти распоряженія были какъ разъ на руку Нинѣ. Она пріѣхала къ Ручинскимъ, отпустила карету и затѣмъ черезъ

полчаса съ пріятельницей своей Аннетъ отправилась туда, гдѣ ее ждали, то-есть къ Катеринѣ Филипповнѣ Татариновой. Аннетъ Ручинская, не особенно красивая, но бойкая и умѣющая постоять за себя дѣвица, пользовалась дома неограниченной свободой. Старикъ отецъ жилъ всю эту зиму въ деревнѣ, а мать была олицетвореніемъ безхарактерности, и дѣти ея, то-есть, Аннетъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ, семеновскимъ офицеромъ, дѣлали все, что имъ было угодно...

Домикъ Катерины Филипповны, съ запертыми ставнями и воротами, казался, какъ и всегда, необитаемымъ. А между тѣмъ, дѣвушки, проскользнувъ въ калитку мимо дворника, котораго онѣ назвали по имени и который придержалъ и успокоилъ собакъ, поднявшихъ было лай, позвонили у крылечка. Старый лакей, отпирая имъ дверь, шепнулъ:

— Пожалуйте, пожалуйте! Всѣ уже въ сборѣ, васъ только и дожидаются.

Нина и Аннетъ поспѣшно сняли шубки и затѣмъ повернули не въ залу, которая была теперь освѣщена, а въ корридоръ. Онѣ прошли этотъ корридоръ и отперли дверь въ маленькую комнату, нѣчто въ родѣ спальни, такъ какъ здѣсь стояла кровать и туалетъ съ зеркаломъ. Комната освѣщалась маленькой висячей лампой. На диванѣ лежало два длинныхъ бѣлыхъ балахона, очень похожихъ на саваны. Дѣвушки, торопливо, съ серьезными и нѣсколько взволнованными лицами, въ глубокомъ молчаніи сняли съ себя платья, надѣли эти саваны, а затѣмъ вышли изъ спальни и тутъ-же, въ корридорѣ, постучались у запертой двери. Имъ отворили, и онѣ очутились въ обширной комнатѣ, оклеенной бѣлыми обоями, освѣщенной стоявшими по угламъ на мраморныхъ колоннахъ канделябрами. Окна этой комнаты были на-глухо завѣшаны. По стѣнамъ, какъ и въ гостиной Катерины Филипповны, висѣли превосходныя картины духовнаго содержанія.

Во всей комнатѣ не было другой мебели, кромѣ стульевъ, стоявшихъ у самыхъ стѣнъ и на этихъ стульяхъ теперь размѣстилось около тридцати мужчинъ и женщинъ. Всѣ были въ такихъ-же бѣлыхъ саванахъ, какъ Нина и Аннетъ. Войдя въ комнату, дѣвушки низко поклонились. Всѣ встали и отвѣчали имъ такимъ-же поклономъ. Катерина Филипповна поманила новоприбывшихъ къ себѣ и усадила ихъ рядомъ съ собою. Нина оглядѣлась: все знакомыя лица. Она всѣхъ узнала; но постороннему трудно было-бы узнать многихъ въ этихъ саванахъ.

Здѣсь были, между прочими, молодые гвардейскіе офицеры, принадлежащіе къ лучшему обществу и еще три дня тому назадъ танцовавшіе на балу у Горбатовыхъ. Здѣсь было нѣсколько почтенныхъ семействъ, — отцы, матери и дѣти: взрослые сыновья и

дочери. И вперемежку съ этимъ обществомъ, въ такихъ-же саванахъ и на тѣхъ-же стульяхъ, возсѣдали лакеи и горничныя, какъ самой Татариновой, такъ и иныхъ членовъ этого страннаго общества.

— Теперь мы въ сборѣ, — сказала Катерина Филипповна: — можемъ начинать молитву.

Всѣ встали. Человѣкъ высокаго роста, среднихъ лѣтъ, съ очень пріятнымъ лицомъ, началъ читать «Отче нашъ». Читалъ онъ съ большимъ чувствомъ. Всѣ набожно крестились, тихонько повторяя слова молитвы. Затѣмъ, тотъ-же человѣкъ, который былъ никто иной какъ Пилецкій, одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ и старинныхъ друзей Татариновой, развернулъ Евангеліе и прочелъ тринадцатую главу Евангелія отъ Іоанна. Окончивъ чтеніе, онъ набожно сложилъ книгу и сталъ говорить своимъ тихимъ, мелодическимъ голосомъ:

«Возлюбленные братья и сестры о Христѣ! Сейчасъ вы выслушали свидѣтельство очевидцевъ великой вечери Господа нашего Іисуса Христа. Любимый ученикъ Божественнаго учителя повѣдалъ намъ о томъ, какъ духъ зла вселился въ сердце Іуды Искаріота и какъ тотъ предалъ своего Господа... «Да сбудется писаніе: ядущій со Мною хлѣбъ поднялъ на Меня пяту свою». Такъ сказалъ Спаситель, и Іуда Искаріотъ, принявъ отъ Него хлѣбъ, пошелъ чтобы предать Его. Іуда предалъ Христа. Петръ троекратно отъ него отрекся! Какимъ урокомъ должно служить намъ это прискорбное событіе! Мы здѣсь собраны во имя Христа, мы Ему служимъ, Его ищемъ. Мы творимъ ту-же древнюю вечерю. Вокругъ насъ бушуетъ море нечестія, и корабль нашъ носится по волнамъ, готовымъ поглотить его. Но онъ крѣпокъ, этотъ корабль, пока мы хранимъ нашу великую клятву и держимъ въ тайнѣ союзъ нашъ. Да не будетъ-же между нами не только Искаріота, но и Петра»...

Онъ продолжалъ въ этомъ-же духѣ. Слова его съ каждой минутой начинали все сильнѣй дѣйствовать на слушателей: женщины плакали, даже нѣкоторые мужчины утирали глаза. Только князь Есперъ съ довольнымъ видомъ выглядывалъ изъ своего савана на Нину, стараясь разобрать выраженіе ея лица. Она была блѣдна по обыкновенію, ея широко раскрытые глаза, на которыхъ стояли слезы, были обращены къ проповѣднику. Никакого смущенія, никакого признака нечистой совѣсти нельзя было прочесть въ этомъ лицѣ. И князь Есперъ успокоился.

Когда проповѣдь была окончена, всѣ встали на колѣни, каждый передъ своимъ стуломъ, и тихо и протяжно, въ одинъ голосъ начали пѣть. Во время этого пѣнія Татаринова наклонилась къ Нинѣ и шепнула ей:

— Сестра, есть откровеніе... тебѣ сегодня пророчествовать...

Нина вздрогнула. По всему тѣлу пробѣжала какъ-будто электрическая искра, въ ушахъ у нея зашумѣло, передъ глазами запрыгали какіе-то огни. Она вздрогнула еще разъ и вдругъ поднялась съ колѣнъ, вышла на середину комнаты и, подъ заунывные звуки пѣсни, стала кружиться. Съ каждой секундой ея движенія становились быстрѣе. Бѣлый саванъ ея развѣвался во всѣ стороны. Она кружилась такъ быстро, что даже трудно было уловить ея очертанія. Ея прекрасные, длинные волосы распустились и извивались во всѣ стороны.

Мало-по-малу, всѣ присутствовавшіе начинали приходить въ какое-то изступленіе. Женщины уже громко рыдали; рыдали и мужчины. Пѣсня смолкла. Со всѣхъ сторонъ раздавались только отрывочныя слова: «Духъ! духъ!.. Іисусъ Спаситель, приди къ намъ!.. вселися въ ны!».. Вдругъ Нина, все продолжая неистово кружиться, произнесла какое-то слово. Татаринова кинулась къ ней, крикнувъ:

— Начинается пророчество.

Нина пріостановилась въ своемъ неистовомъ верченіи. Глаза ея неестественно и дико горѣли, грудь порывисто дышала, на губахъ показалась даже пѣна. Она, очевидно, съ большимъ трудомъ ворочала сухой языкъ, что-то говорила, но что—разобрать было трудно. Наконецъ, всѣ разслышали:

— Придетъ и осѣнитъ!.. Ждите три недѣли!..

И она опять закружилась, завертѣлась на мѣстѣ, пока, наконецъ, не упала безъ чувствъ на полъ. Князь Есперъ кинулся къ ней, схватилъ ее и, съ помощью подбѣжавшаго старика, лакея Татариновой, вынесъ изъ комнаты и уложилъ на постель, въ той самой маленькой спальнѣ, гдѣ она сняла свое платье и надѣла бѣлый саванъ.

— Ступай, Никита! — весь дрожа и захлебываясь, говорилъ князь Есперъ. — Ступай, не пропусти, теперь Катерина Филипповна, вѣрно, пророчествуетъ... И я сейчасъ буду... прочту только надъ нею молитву... Ступай!

Старикъ поспѣшно скрылся.

Князь Есперъ склонился надъ Ниной, прислушался къ ея сердцу, отеръ платкомъ холодный потъ, покрывавшій ея лобъ, и вдругъ такъ и впился поцѣлуемъ въ ея полуоткрытыя губы. Потомъ онъ упалъ на колѣни, схватилъ ея руку.

Но вдругъ Нина сдѣлала слабое движеніе, вздрогнула, открыла глаза, еще ничего не видя и его не узнавая. Онъ тихо приподнялся, на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты и вернулся въ молельню, гдѣ уже снова раздавалось то-же заунывное пѣніе и гдѣ вмѣсто Нины дѣйствительно вертѣлась Катерина Филипповна...

Нинѣ казалось, что она проснулась послѣ долгаго сна, во время котораго ей грезились самыя причудливыя, самыя волшебныя видѣнія. Она не могла дать себѣ въ нихъ отчета, но ощущеніе, вызванное ими, наполняло ее еще всецѣло. Она чувствовала во всѣхъ членахъ большую, но пріятную слабость. По временамъ ее охватывала нервная дрожь, что-то какъ будто подступало къ груди, слегка сдавливало дыханіе, заставляло замирать сердце. Но опять-таки и въ этомъ ощущеніи не было ничего мучительнаго, а напротивъ—что-то даже блаженное... Нина снова склонилась на подушку и нѣсколько минутъ лежала не шевелясь, отдаваясь своимъ ощущеніямъ. Ей казалось, такъ ясно, поразительно ясно казалось, что она не въ комнатѣ, не на постели, а въ маленькой, маленькой лодкѣ, въ которой только и есть мѣсто, что для нея одной. И эта лодка тихо скользитъ съ нею по гладкой, блестящей водяной поверхности, и тихо колышется, убаюкивая ее этимъ колыханіемъ. Ей казалось, что въ лицо ей вѣетъ теплая ароматическая струя воздуха, что до слуха ея доносятся какіе-то далекіе отзвуки неземной мелодіи... Вотъ передъ нею что-то голубое, какое-то сверкающее пространство... Но мигъ—и душистое дуновеніе, и колыханіе маленькой лодки—все исчезаетъ...

Она открыла глаза. Она сообразила дѣйствительность, но не могла вспомнить, какъ очутилась здѣсь, на кровати. Она помнила все до той самой минуты, какъ, послѣ словъ Татариновой, побѣждаемая непреодолимымъ, уже давно знакомымъ ей влеченіемъ, стала кружиться. Что потомъ было съ нею—она ничего не помнила. Она встала съ кровати, ея ноги дрожали. Она почувствовала, что все тѣло ея болитъ. Голова немного кружилась и, держась за мебель, за стѣну, она вышла и отворила дверь въ молельню.

Теперь и Катерина Филипповна, со всѣхъ сторонъ поддерживаемая, полулежала на стулѣ, съ опрокинутою головою, и что-то шептала. Періодъ изступленія, очевидно, у всѣхъ окончился, всѣ приходили въ себя. Нѣкоторые сидѣли по стульямъ, другіе лежали на полу, третьи тихо прохаживались по большой молельнѣ. Лица у всѣхъ были какія-то странныя, съ тусклыми глазами, съ почти безсмысленнымъ выраженіемъ. Къ Нинѣ стали подходить. Ей передавали ея пророчество, требовали объясненій. Но она ничего не помнила и не понимала.

Катерина Филипповна теперь уже совсѣмъ очнулась. Оказалось, что и она во время круженія, въ изступленномъ состояніи, повторяла слова Нины и предрекала какое-то великое событіе, которое должно совершиться черезъ три недѣли. И всѣ вдругъ стали говорить о томъ, что черезъ три недѣли они обря-

щутъ Христа, что Онъ будетъ съ ними. Только какъ это совершится—никто не зналъ.

— Намъ надо неустанно молиться все это время,—сказалъ Пилецкій.—Намъ слѣдуетъ очистить свою душу отъ всего земного, приготовиться достойно встрѣтить Христа.

— Да, да!—вдругъ подхватилъ князь Есперъ, пристально глядя на Нину.—Нужно молиться, нужно приготовиться... забыть все земное, отогнать отъ себя всѣ земные помыслы и чувства...

Но съ Ниной происходило что-то странное. Вмѣсто того, чтобы проникнуться восхищеніемъ и священнымъ трепетомъ, она почувствовала въ себѣ внезапное, никогда еще неиспытанное ею недовѣріе. Ей вдругъ стало какъ-то неловко, какъ-то совѣстно и тяжело. Ей захотѣлось скорѣе отсюда... Всѣ эти люди, вся эта обстановка, эти бѣлые саваны—все это представлялось ей кощунствомъ... да, кощунствомъ!

«Врагъ смущаетъ!—подумала она.—Боже мой, да что-же это такое... врагъ смущаетъ!..»

Но въ то-же время она не была въ силахъ бороться съ «врагомъ» и, подойдя къ Аннетъ, шепнула ей:

— Если хочешь ѣхать со мною—ѣдемъ скорѣе, а то я одна уѣду... Я не могу больше... я задыхаюсь...

Аннетъ сама была почти неузнаваема: лицо ея горѣло, глаза блестѣли, она то и дѣло вздрагивала всѣмъ тѣломъ. Разслышавъ слова Нины, она отвѣтила ей:

— Хорошо, поѣдемъ, я тоже не могу больше!..

Онѣ скрылись изъ молельни, сбросили въ спальнѣ балахоны, надѣли свои платья.

Въ корридорѣ ихъ поджидалъ князь Есперъ.

— Какъ, вы уѣзжаете?—испуганно сказалъ онъ, глядя на Нину.—И не простились... Зайдите въ молельню.

— Пусть сестры и братья простятъ насъ,—прошептала Нина.—Я не могу, мнѣ дурно... Я должна скорѣе на воздухъ.

У нея такъ кружилась голова, что она должна была опереться на руку Аннетъ. Она окончательно пришла въ себя только тогда, когда очутилась въ саняхъ, среди морозной зимней ночи.

— Знаешь что,—говорила Нина, входя съ Аннетъ въ ея комнату.—Знаешь, я не вѣрю въ пророчества!

— Что ты?

Аннетъ даже испугалась и всплеснула руками.

— Какъ не вѣришь? Да, вѣдь, ты сама пророчествовала?

— Я не знаю, не помню, что я говорила... Но что-же дѣлать—не вѣрю... не вѣрю... Развѣ мы достойны, развѣ мы можемъ принять Христа? Нѣтъ, нѣтъ, это ложь... это заблужденіе. Мы сами себя обманываемъ!

— Нина, очнись, подумай, что ты говоришь. Какой грѣхъ такое невѣріе... Нина, что съ тобою? Я не узнаю тебя.

Но Нина только повторяла:

— Не вѣрю... не вѣрю.

И вдругъ истерически зарыдала. Аннетъ не знала, что ей и дѣлать съ нею. Болѣе полчаса продолжался этотъ припадокъ. Наконецъ, Нина мало-по-малу успокоилась и, узнавъ, что за нею пріѣхали, поспѣшно стала собираться домой.

— Ты успокойся, милая, помолись хорошенько. Молитвой отгони отъ себя искушеніе... Вѣдь, это искушеніе и съ нимъ нужно бороться, нужно его побѣдить... И у меня являлись сомнѣнія, но теперь ихъ нѣтъ... Я вѣрю, я ни въ чемъ не сомнѣваюсь. Да и скажи, развѣ Катерина Филипповна можетъ обманывать? Вѣдь, она святая, безгрѣшная...

Такъ говорила Аннетъ, провожая Нину; но та ничего ей не отвѣчала.

XXIV.

Откуда это?

Иной разъ, столкнувшись съ какимъ-нибудь поражающимъ явленіемъ, съ какимъ-нибудь исключительнымъ обстоятельствомъ человѣческой жизни—люди негодуютъ и пожимаютъ плечами: «Какимъ образомъ человѣкъ могъ дойти до этого? Вѣдь, тутъ явное противорѣчіе: человѣкъ казался умнымъ, порядочнымъ, благороднымъ—и вдругъ поступаетъ нелѣпо, поступаетъ въ разрѣзъ съ общепринятой моралью! Значитъ, въ этомъ человѣкѣ ошиблись; значитъ, онъ не уменъ, не порядоченъ и не благороденъ!..» Но подобныя разсужденія очень часто бываютъ черезчуръ поспѣшными и не основательными. Постановить быстрый и рѣшительный приговоръ—очень легко. Гораздо труднѣе всмотрѣться въ явленіе, разобрать шагъ за шагомъ тотъ путь, по которому человѣкъ дошелъ до чего-нибудь такого, что считается общественной моралью достойнымъ порицанія.

Трудно понять чужую жизнь и чужія обстоятельства ужъ потому даже, что людямъ это неинтересно, что они думаютъ только о себѣ и глядятъ на все со своей точки зрѣнія, установившейся опять-таки обстоятельствами ихъ жизни. Сытый не пойметъ голоднаго, спокойный—неспокойнаго. Довольный своей жизнью и очертившій вокругъ себя маленькій кругозоръ, за черту котораго будто-бы не слѣдуетъ и не интересно никогда выглядывать—не пойметъ того, кто, по требованіямъ данной ему отъ рожденія

организаціи, не можетъ ограничиться такимъ кругозоромъ и томится въ немъ, стремится заглядывать дальше, выше и глубже. Но въ этомъ стремленіи—хоть онъ часто, быть можетъ, ошибается и падаетъ, а все же поднимается снова, а все же достигаетъ порою такой глубины, такой высоты и такого, сопряженнаго съ ними, духовнаго блаженства, о которыхъ даже и понятія не могутъ имѣть его строгіе судьи.

Бѣдная Нина! Она и такъ уже была бѣльмомъ на глазу у того общества, въ которое попала помимо своей воли, по извѣстнымъ образомъ сложившимся обстоятельствамъ. Она, безродная дѣвушка, «qui n'était pas née du tout», по выраженію генеральши, возмущала всѣхъ своей красотой, своими успѣхами, «незаслуженными»—какъ это казалось многимъ изъ «рожденныхъ» ея знакомыхъ. Но если-бы эти знакомыя, которымъ она не дѣлала никакого зла и не могла сдѣлать ужъ потому даже, что способна была причинить зло только себѣ самой,—если-бы онѣ узнали какую жизнь она ведетъ, если-бы онѣ могли себѣ ее представить вертящейся въ бѣломъ саванѣ и пророчествующей—о, какъ-бы онѣ возрадовались! Значитъ, онѣ правы были въ своихъ предчувствіяхъ; значитъ, ничего путнаго не можетъ быть въ этихъ выскочкахъ—одна грязь, одинъ развратъ... да, развратъ! А если-бы имъ сказать, что вертится и прорицаетъ не одна она, а вертятся и прорицаютъ вмѣстѣ съ нею и равныя имъ по положенію въ обществѣ, по рожденію дѣвушки и женщины—онѣ бы не смутились. Онѣ бы рѣшили: «О, тутъ большая разница!» Онѣ бы, наконецъ, просто не стали слушать, пожали бы только плечами, оставили бы «своихъ» въ покоѣ и продолжали бы «признавать» ихъ. Только-бы ее одну смѣшали съ грязью, побили камнями, торжественно изгнали бы изъ среды своей, несмотря ни на какихъ княгинь Маратовыхъ.

Но мы не въ правѣ такъ относиться къ Нинѣ, мы должны разобрать, какимъ образомъ она могла дойти до подобныхъ странностей. Какъ мы знаемъ, жизнь Нины съ самаго дѣтства сложилась совсѣмъ особенно. Она росла, окруженная только взрослыми, въ деревенскомъ уединеніи, съ больною матерью. Она рано развилась, пріучилась думать о такихъ вещахъ, которыя обыкновенно недоступны дѣтскому мышленію, стала понимать многое, чего обыкновенно не понимаютъ въ ея годы. Затѣмъ, мать умерла на ея глазахъ, оставивъ ее одну со старой няней, которая, въ сущности, была большимъ ребенкомъ, чѣмъ сама Нина, и никакъ уже не могла руководить ее.

Потомъ весь ужасъ непріятельскаго нашествія, московскаго пожара, сцены грабежа, ужасныя минуты, когда пьяный солдатъ схватилъ ее и понесъ... куда? зачѣмъ? Она не знала; но все-же

предчувствовала, что ее несутъ на смерть и не на простую, не на обыкновенную, а на какую-то особенную, ужасную, отвратительную, что ее ожидаетъ что-то невообразимое...

И вдругъ спасенье! Юноша, храбрый, добрый и прелестный, такой прелестный, что онъ показался ей ангеломъ, вырываетъ ее у этой отвратительной, невообразимой смерти. Какой-то сонъ, волшебный, лучезарный... эта странная ночь, проведенная въ тихой, озаренной луною комнатѣ... Это новое чувство, могучее и блаженное, охватившее ее!.. Потомъ внезапная разлука съ избавителемъ, съ дорогимъ, любимымъ ангеломъ...

Какъ сквозь туманъ, новыя впечатлѣнія... выѣздъ изъ Москвы... пріѣздъ въ тихую, заброшенную деревню... Только тутъ Нина мало-по-малу очнулась отъ всѣхъ этихъ могучихъ впевпечатлѣній.

Конечно, если-бы кто нибудь сталъ наблюдать ее, то увидѣлъ бы, что она превратилась въ исключительное особенное существо, что въ двѣнадцать лѣтъ она не имѣетъ уже въ себѣ ровно ничего дѣтскаго, что она взрослая женщина, способная на неестественное возбужденіе нервной системы и жившая въ какомъ-то своемъ собственномъ, фантастическомъ мірѣ. Если-бы при ней была любящая, разумная мать, которая-бы поняла все это, то эта мать, конечно, приняла-бы сильныя мѣры, для того чтобы поправить содѣянное жизнью зло, для того чтобы излѣчить бѣдную дѣвочку, и если не уничтожить (что было уже невозможно), то, по крайней мѣрѣ, значительно ослабить силу пережитыхъ впечатлѣній. За дѣвочкой нужно было слѣдить ежеминутно, удалять ее отъ мечтаній, занимать ея воображеніе совсѣмъ иными предметами, заставлять ее принимать участіе въ живой, здоровой жизни. Но у Нины не было матери. Дядя ея, человѣкъ хорошій и добрый, полюбилъ ее тѣмъ болѣе, что она была всегда къ нему внимательна. Она была тиха, послушна, не мѣшала ему ни въ чемъ, не нарушала издавна укоренившихся привычекъ стараго холостяка. Но разглядѣть ее и понять-то, что ей надо, онъ не былъ въ состояніи. Онъ былъ очень образованнымъ человѣкомъ и рѣшился передать ей, насколько возможно, свои знанія. Онъ началъ заниматься ею и учить ее. Эти уроки доставляли ему большое удовольствіе, такъ какъ Нина была очень прилежна, понятлива и иногда поражала своими способностями. Но и въ занятіяхъ даже случались иногда странные періоды. Дѣвочка, еще наканунѣ прекрасно знавшая уроки, всѣмъ интересовавшаяся, любознательная, вдругъ становилась разсѣянной, не понимала или не слышала того, что ей говорили. Она скучала, томилась за урокомъ, не въ состояніи была выучить заданнаго. Дѣлалась вдругъ блѣдной, глаза ея обводились темными кругами

и принимали какое-то необычное выраженіе, глядѣли и не видѣли окружающаго. Въ ней выражалось, очевидно, сильное безпокойство. Она нигдѣ не могла найти себѣ мѣста, бродила по дому, ежеминутно вскакивала, принималась то за одно, то за другое занятіе и тотчасъ-же бросала ихъ. Часто она начинала читать (она всегда очень любила чтеніе), но черезъ нѣсколько минутъ книга упадала ей на колѣни, она откидывала голову, глядѣла, не мигая, своимъ неопредѣленнымъ взглядомъ куда-то въ пространство. Ея губы шептали временами, по ея тѣлу пробѣгала дрожь.

Если была хорошая погода, она, въ такомъ настроеніи, любила убѣгать въ садъ. И ее видѣли тамъ, по цѣлымъ часамъ носящуюся всюду, иногда кружащуюся на одномъ мѣстѣ и затѣмъ падавшую на траву въ изнеможеніи. И долго такъ лежала она, глядя вверхъ, слѣдя за движеніемъ облаковъ и отдаваясь самымъ страннымъ и причудливымъ ощущеніямъ. Въ такомъ положеніи она часто засыпала и возвращалась домой уже иной. Ея «одурѣніе», какъ дядя называлъ эти странные припадки, проходило. Она снова превращалась въ послушную, внимательную и любознательную дѣвочку. Ея разсѣянность пропадала, она жадно принималась за уроки и удивляла своими успѣхами. Дядя не разъ рѣшался строго внушать ей, выговаривать за лѣнь, за это «одурѣніе»; но строгости хватало не на долго. Она начинала глядѣть на него такими жалкими, молящими глазами, что онъ не выдерживалъ.

— Да скажи ты мнѣ, ради Бога, Нина, что это такое дѣлается съ тобою? Больна ты, что-ли? Гдѣ у тебя болитъ. Что болитъ?

Нина качала головою.

— Ахъ, дядюшка, я не больна. Я не знаю, что со мною... право, не знаю. Это никакъ нельзя разсказать, словъ такихъ нѣтъ... вы не поймете...

Она опускала голову, задумывалась. А онъ, боясь, что «одурѣніе» снова, пожалуй, найдетъ на нее, перемѣнялъ разговоръ, стараясь занять ее чѣмъ-нибудь, развеселить. Еще развѣ старуха няня могла-бы помочь Нинѣ; она знала всѣ обстоятельства ея жизни, все пережитое и перечувствованное ею. Но эта няня, хоть и преданная, и честная старуха, но совсѣмъ глупая, приносила ей только вредъ и не разъ даже способствовала своими разговорами появленію ея припадка. Старуха любила вспоминать прошлое, жалобнымъ тономъ напоминала Нинѣ про маменьку, про нашествіе французовъ, про добраго маленькаго барина, плащъ котораго до сихъ поръ тщательно хранился Ниной.

— Вотъ, Ниночка, вотъ, милая ты моя, выростешь ты скоро

большая, встрѣтишься съ этимъ бариномъ, а онъ тоже такой важный, большой, красавецъ будетъ—вотъ тебѣ и женихъ. Женихъ настоящій. Помяни мое слово—суженый онъ тебѣ. А суженаго, добрые люди говорятъ, и конемъ не объѣдешь...

Глаза Нины загорались отъ такихъ рѣчей и на нее нападало «одурѣніе». Она отправлялась въ свою комнату, доставала плащъ Бориса, надѣвала его на себя, куталась въ него, цѣловала его и мечтала. Иногда она доходила до того, что чувствовала присутствіе Бориса, говорила съ нимъ, даже почти его видѣла. И эти грезы не пропадали, онѣ оставались такими же яркими и неизмѣнными, не смотря на то, что время шло и Нина выростала, развивалась.

Няня умерла. Дядя по зимамъ сталъ жить съ Ниной въ Москвѣ. Прежняго уединенія уже не было. Въ домѣ появлялись не родные (родныхъ у нихъ почти не было), но знакомые. У Нины явились подруги, устраивались вечеринки. Дядя старался веселить ее, заводилъ знакомства съ хорошими молодыми людьми, которые могли къ ней присвататься. Она была, несмотря на свою блѣдность, такъ хороша. Она держала себя всегда съ такимъ достоинствомъ, разсуждала обо всемъ скромно и благоразумно, была хорошо воспитана стараніями дяди и, даже, что считалось одною изъ главныхъ основъ воспитанія, выучилась хорошо говорить по-французски съ помощью француженки, которую дядя пригласилъ къ ней. Наконецъ, полагали, что у Нины очень порядочное приданое. И скоро стали появляться женихи. Но Нина всѣмъ отказывала.

Дядя иногда очень возмущался.

— Неужели и этотъ тебѣ не по нраву?—говорилъ онъ, когда узнавалъ, что она отклонила предложеніе какого-нибудь намѣченнаго имъ человѣка.—Кого ты ждешь матушка? Какого принца? Я старъ, я болѣнъ... съ каждымъ годомъ чувствую, какъ слабость все болѣе и болѣе одолѣваетъ. Умру вотъ на кого ты останешься? Что будешь дѣлать? Сокрушаешь ты меня, Ниночка, своимъ привередничествомъ... Подумай, другъ мой, жизнь, вѣдь, не шутка... То-ли дѣло устроиться во время за хорошаго человѣка...

Нина видѣла,что дядя огорченъ и, стараясь всячески его успокоить, старалась обезоружить его своими ласками,

— Потерпите, дядюшка,—говорила она.—Вѣдь, вотъ сами сказали—жизнь не шутка! Выйдешь замужъ, ошибешься, а тогда ужъ не вернешь, тогда-то и пропала жизнь.

— Да, вѣдь, если такимъ манеромъ разсуждать, другъ мой,—перебивалъ ее дядя:—такъ и останешься старой дѣвкой.

— Такъ что-же, и останусь—можетъ, оно и лучше...

— Эхъ, да я вижу—и говорить-то съ тобою не стоитъ, ничего ты не понимаешь...

— Можетъ быть, и не понимаю, вѣдь, я въ этомъ не виновата.

Дядя волновался, сердился даже, но настаивать и неволить племянницу не хотѣлъ—сироткѣ Нинѣ было въ жизни счастье: она попадала всегда на хорошихъ людей. Между тѣмъ Нина просто не могла и подумать безъ ужаса о замужествѣ. Она продолжала ждать своего Бориса, оставалась вѣрна своимъ грезамъ, которыя нисколько не проходили. Вмѣстѣ съ этимъ она продолжала быть все такой-же странной, не отдавалась веселостямъ, не наслаждалась жизнью. Иногда ей все надоѣдало, окружающіе люди казались чужими, не имѣющими съ нею ничего общаго. Она по цѣлымъ днямъ не выходила изъ дома, читала или просто сидѣла, погруженная въ мечтанія. Иногда дядя замѣчалъ на ея глазахъ слезы.

— Господи, да о чемъ ты еще? Чего тебѣ не достаетъ? Сокрушаешь ты меня, право!

Онъ рѣшалъ, что она, вѣрно, нездорова, звалъ докторовъ. Нина подчинялась его настояніямъ, отвѣчала на всѣ докторскіе вопросы. Доктора выслушивали ея легкія, сердце—и объявляли, что у нея нѣтъ ровно никакой болѣзни.

— Такъ отчего же она такая? Отчего она такъ блѣдна, задумывается, плачетъ, тревожится?

Доктора пожимали плечами.

— Отчего? Вѣдь, вотъ вы сами говорили, что она навидалась всякихъ ужасовъ въ дѣтствѣ—это даромъ не проходитъ. Иной разъ съ человѣкомъ на всю жизнь припадки дѣлаются, падучая, истерика, а то еще и хуже... И противъ этого нѣтъ никакихъ средствъ... А такъ, вообще, она здорова, вамъ нечего тревожиться. Сложеніе у нея правильное, прекрасное. Вотъ выйдетъ замужъ, дѣти будутъ, тогда, Богъ дастъ, совсѣмъ поправится...

Вглядѣвшись въ Нину, можно было сказать, что она находится въ постоянномъ томительномъ ожиданіи. И она дѣйствительно ждала—но чего? Не одного Бориса, а еще и многаго другого. Она ждала разгадки жизни. Ей казалось, что до сихъ поръ она не живетъ. Развѣ это жизнь—то, что ее окружаетъ, эти ежедневныя времяпровожденія, эти люди, разговоры, удовольствія. Она не понимала, какъ это другіе люди могутъ ограничиться этимъ и находить, что это и есть настоящая жизнь и что никакой другой жизни не надо.

Нѣтъ, это не жизнь. Она знала навѣрное, что есть другая. И эта другая жизнь иногда открывалась ей въ ея мечтаніяхъ, въ тѣхъ странныхъ ощущеніяхъ, которыя она иногда испытывала. Ее манило къ себѣ что-то большое, прекрасное, полное глубочайшаго смысла. А въ томъ, что ее окружало, не было никакого

смысла. Она съ дѣтства любила молиться и теперь молилась еще больше, еще горячѣе. И среди молитвы на нее иной разъ находило какое-то вдохновеніе, блаженный экстазъ, во время котораго та другая жизнь, которую она ждала, открывалась ей ясно.

Въ это время Нина познакомилась съ Аннетъ Ручинской, и дѣвушки сблизились очень скоро, найдя между собою много общаго. Аннетъ была тоже нервная мечтательница, тоже все искала какихъ-то откровеній, чего-то особеннаго. Она разсказывала Нинѣ всякія чудесныя исторіи изъ сферъ предчувствій, видѣній и тому подобнаго. Она одинъ разъ даже стала увѣрять Нину, что сама, своими глазами, видѣла духовъ и что въ дѣтствѣ, она очень хорошо это помнила, умѣла летать.

— Летать?—вдругъ, вся краснѣя, воскликнула Нина.—Аннетъ, я никогда никому этого не говорила, но, знаешь, вѣдь, я не только въ дѣтствѣ, но и теперь иногда могу летать... У насъ въ деревнѣ, въ саду, я летаю... право, летаю... Начинаю кружиться— и вдругъ чувствую какъ поднимаюсь съ земли, несусь въ воздухѣ, будто меня поддерживаетъ что-то... Все мѣняется, все уплываетъ... Мнѣ кажется—я поднимаюсь въ небо... Я вижу такой свѣтъ... свѣтъ... А въ душѣ такъ сладко, блаженно...

— Ахъ, какъ я счастлива, что ты понимаешь это, что съ тобою это бываетъ,—сказала Аннетъ.—Это великое счастье— имѣть способность... возноситься... Ты знаешь, я прошлой зимою была въ Петербургѣ... я познакомилась тамъ съ одной святой женщиной... у нея въ домѣ собираются благочестивые люди и тамъ они «возносятся». Они вступаютъ въ общеніе со Христомъ... О, Нина, я дала клятву никому не говорить этого, но, вѣдь, ты не выдашь, ты должна знать... ты должна сама быть съ нами... присоединиться къ намъ...

Нина вся дрожала.

— Возможно-ли это?—прерывающимся голосомъ, съ горящей головою, говорила она.—Возможно-ли? Аннетъ, есть такіе люди?

— Есть, Нина, есть.

— Ахъ, если-бы мнѣ узнать ихъ!..

— Это очень легко. Эта святая женщина, о которой я тебѣ сказала, будетъ скоро здѣсь, въ Москвѣ. Я тебя познакомлю съ нею...

— Аннетъ, другъ мой, какъ я тебѣ благодарна! Кто-же эта святая женщина?..

— Катерина Филипповна Татаринова...

XXV.

Посвященіе.

Аннетъ сдержала свое обѣщаніе. Съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ она пріѣхала къ Нинѣ и сказала ей, что Катерина Филипповна въ Москвѣ и съ нетерпѣніемъ желаетъ скорѣе съ ней познакомиться.

— Ты знаешь, я ей все про тебя разсказала—и она находитъ, что ты «сосудъ избранный», она такъ и выразилась. «Съ нею Богъ», — говоритъ, — «Самъ Христосъ наставилъ ее къ познанію истины, указалъ ей путь къ спасенію. Никто не училъ ее—она сама дошла до того пути, на которомъ можно вознестись выше всѣхъ міровъ и обрѣсти Господа». Это она про то, Нина, что ты кружилась и ощущала поднятіе съ земли. Вѣдь, и они всѣ это дѣлаютъ, а ты дошла сама, безъ указаній—не правда-ли, какъ это чудесно! Какъ ты должна быть счастлива, Нина!..

Теперь Аннетъ смотрѣла на пріятельницу съ особеннымъ уваженіемъ, почти даже съ благоговѣніемъ. Въ назначенный Катериной Филипповной день и часъ она повезла къ ней Нину. Татаринова остановилась въ домѣ у какихъ-то своихъ родственниковъ, которыхъ не было въ городѣ, и которые предоставили въ ея распоряженіе всю свою квартиру. Она пріѣхала изъ Петербурга не одна, а со своимъ младшимъ братомъ, Буксгевденомъ, красивымъ и еще довольно молодымъ офицеромъ, наружность котораго сразу располагала въ его пользу. Вмѣстѣ съ ними былъ и Пилецкій, серьезный, меланхолическій человѣкъ, очень начитанный, очевидно, добрый и мягкій. Онъ имѣлъ видъ и манеры нѣмецкаго пастора, и его спокойное, благообразное лицо, быстро оживлявшееся, какъ только заходила рѣчь о какомъ-нибудь религіозномъ вопросѣ, говорило объ его искренности. Кромѣ этихъ двухъ людей, Нина застала у Татариновой еще нѣсколько почтенныхъ дамъ и мужчинъ зрѣлаго возраста. Такое общество не не могло не произвести самаго пріятнаго впечатлѣнія.

Нина вошла сконфуженная, трепещущая; но милый, ласковый пріемъ, ей сдѣланный хозяйкой и окружавшими ее, очень быстро прогналъ это смущеніе. Всѣ, очевидно, уже знали о ней, всѣ ее ждали, интересовались ею. Татаринова имѣла пріемы свѣтской женщины. Она очень легко добилась того, что Нина стала смотрѣть на нее, какъ на давнишнюю знакомую, какъ на друга.

Познакомивъ Нину со всѣми, успокоивъ ее окончательно, Катерина Филипповна обратилась ко всему обществу и сказала:

— Теперь я покину васъ на короткое время, я хочу пого-

ворить съ нашей юной сестрой. Я передамъ ей основы нашего союза и приготовлю ее къ посвященію, которое можетъ состояться сегодня-же.

Она увела Нину въ свою спальню и остановилась съ нею передъ образами.

— Помолимся, дитя мое,—сказала она ей тихимъ, ласкающимъ голосомъ.

Нина опустилась на колѣни рядомъ съ Катериной Филипповной и стала молиться. Онѣ обѣ молились горячо, со слезами умиленія. Когда молитва ихъ была окончена, Катерина Филипповна достала апостольскія посланія, раскрыла книгу и, указывая Нинѣ на четырнадцатую главу перваго посланія къ Коринянамъ, сказала ей:

— Дражайшая о Христѣ сестрица, прочти громко и со вниманіемъ пять первыхъ стиховъ.

Нина повиновалась. Она взяла книгу и медленно прочла.

— Теперь прочти это еще разъ про себя,—сказала Катерина Филипповна.

Нина исполнила и это.

— Вотъ въ этихъ пяти стихахъ,—продолжала Катерина Филипповна:—и заключается вся суть нашего ученія. Люди находятся во тьмѣ, люди забыли чудеса Господа и наставленія свидѣтелей этихъ чудесъ—Святыхъ Апостоловъ. Церковь, хотя и именуетъ себя православной, но далеко отошла отъ истины, забыла ее. И хотя часто въ церквахъ читаются эти святыя слова, но на смыслъ ихъ никто не обращаетъ вниманія, не держатся любви, не ревнуютъ духовнымъ, не глаголятъ языки, не пророчествуютъ...

Нина, пораженная, слушала со вниманіемъ и трепетомъ. У нея духъ захватывало отъ явившагося откровенія. Вѣдь, и она не разъ читала это посланіе и никогда не задумывалась надъ этими словами, не углублялась въ смыслъ ихъ, а онъ такъ ясенъ, такъ простъ.

Катерина Филипповна продолжала:

— Въ первыя времена христіанства, вѣрные сыны и дщери Христовой церкви собирались очень часто и, послушные словамъ Апостола, рвеніемъ духовнымъ искали соединенія со Христомъ. И Духъ Святой нисходилъ на нихъ. Они начинали говорить на неизвѣстныхъ имъ языкахъ. А дойдя до высшаго состоянія благодати—пророчествовали... глаголали человѣкомъ созиданіе, и утѣшеніе, и утвержденіе. И этой ихъ ревностью и неустаннымъ радѣніемъ созидалась, по слову апостольскому,—церковь. Но врагъ человѣческаго спасенія селилъ уже зло великое въ человѣческія души... Началось лукавое мудрствованіе, ересь, отступ-

ничество... Началось забвеніе истины. И теперь оно царитъ всюду, и люди ходятъ во мракѣ... Ясно-ли я говорю, дитя мое, понятны-ли вамъ слова мои?—спросила вдругъ Катерина Филипповна, кладя свою руку на плечо Нины и глядя на нее тихими, добрыми глазами.

— Ясно, ясно!—проговорила Нина.—Я слушаю всѣмъ сердцемъ, всей душою... говорите.

Катерина Филипповна продолжала:

— Но Господь милостивъ, Онъ не хочетъ погибели человѣческой. Онъ ищетъ спасти наши души. И мнѣ, грѣшной, однажды, давно, очень давно уже, на молитвѣ явилось откровеніе. Какая-то великая и чудная сила вдругъ потрясла меня, я поднялась, закружилась на мѣстѣ—и вдругъ передо мною разверзлось небо. Я узрѣла славу Божію, я уразумѣла непонятное... И вся душа моя наполнилась неизъяснимымъ блаженствомъ... Когда я вернулась на землю, то-есть, когда духъ мой снова вернулся въ мою тѣлесную земную оболочку, и все снова стала видѣть тѣлесными очами, я увидѣла передъ собою разверзтую книгу посланій, незримая рука перебирала листы ея и остановилась на этомъ самомъ мѣстѣ... Я прочла эти первые пять стиховъ четырнадцатой главы—и все поняла... Я открылась близкимъ мнѣ людямъ, нашла въ нихъ вѣру и уразумѣніе, и съ тѣхъ поръ мы собираемся, и число нашихъ сестеръ и братьевъ ростетъ съ каждымъ годомъ... Намъ приходится бороться противъ людского невѣрія, противъ вражескихъ козней. Мы свято хранимъ тайну нашу и исполняемъ апостольское наставленіе—ревнуемъ духовнымъ, пророчествуемъ, ищемъ соединенія со Христомъ, возносимся духомъ въ небо. Мы ищемъ избранныхъ и находимъ ихъ всюду; но больше среди людей простыхъ, среди бѣдняковъ, землепашцевъ, рабовъ. И, много на нашей родинѣ, да и въ иныхъ земляхъ, я полагаю, сестеръ и братьевъ единовѣрныхъ намъ, которыхъ мы не знаемъ, которые насъ не знаютъ. Но если, по милости Божіей, мы встрѣчаемся съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ, то велика наша радость... И эту радость я испытываю теперь, найдя тебя, возлюбленная о Христѣ сестрица. Ты избрана Христомъ, Онъ пожелалъ тебѣ открыть истину, но ты одна не могла ее достигнуть, и вотъ Онъ привелъ тебя къ намъ. Будь-же нашей, соединись съ нами! Скажи, моя дорогая, согласна-ли ты принять посвященіе и дать великую клятву хранить въ тайнѣ союзъ нашъ?

Нина плакала. Восторженное состояніе охватило ее.

— Согласна, согласна,—дрожащимъ голосомъ говорила она.—Клянусь Богомъ держать все въ тайнѣ. Я понимаю, что тайна необходима, потому что люди не могутъ понять этого... Я знаю, сама испытала. Они-бы стали только смѣяться.

— Не только смѣяться,—перебила ее Катерина Филипповна:—

а подвергли-бы насъ преслѣдованію... Такъ ужъ и было, и можетъ быть еще, если врагъ рода человѣческаго смутитъ кого-нибудь изъ насъ, сдѣлавъ его предателемъ.. Поклянись-же, сестра Нина, въ томъ, что ты будешь молчать о нашихъ собраніяхъ передъ своими родными и друзьями... Но въ то-же время тебѣ разрѣшается и даже поставляется въ долгъ, косвенными путями разузнавать душевное состояніе встрѣчающихся на твоемъ пути людей. Если ты убѣдишься, что кто-либо способенъ воспріять истину, то повѣдай мнѣ о томъ немедленно... Мы должны спасать людей, только необходима большая осторожность... но объ этомъ мы еще успѣемъ поговорить не разъ...

Она подала Нинѣ крестъ и Евангеліе, передъ которыми та и поклялась, исполненная трепета и восторга. Затѣмъ онѣ еще разъ помолились, и Катерина Филипповна торжественно ввела Нину за руку къ ожидавшему ихъ обществу. Тогда было совершено общее моленіе, чтеніе молитвъ, пѣніе духовныхъ стиховъ... Все это такъ дѣйствовало на Нину, вся эта обстановка, ея нервы были потрясены до такой степени, что она лишилась чувствъ. Она очнулась лежащей на кровати Катерины Филипповны; но не могла открыть глазъ,—ей казалось, будто какая-то тяжесть лежала на нихъ. Потомъ она услышала голосъ, говорившій ей:

«Не думай о земныхъ благахъ, не бери земного мужа... будь невѣстой Христа... твори благостыню».

«Твори благостыню!».. — еще нѣсколько разъ повторилъ голосъ...

Наконецъ, Нина, собравшись съ силами, открыла глаза. Въ комнатѣ было темно, она была одна. Но этотъ голосъ будто все еще продолжалъ звучать надъ нею. И эти слова неизгладимо врѣзались въ ея памяти. Скоро къ ней пришла Катерина Филипповна, и когда она передала ей то, что говорилъ голосъ, Катерина Филипповна торжественно объявила:

— Это откровеніе. Никогда не забывай этихъ словъ и исполняй то, что свыше тебѣ заповѣдано.

Нина вернулась со своею руководительницею опять въ ту комнату, гдѣ всѣ были собраны. Она увидѣла нѣсколько кружащихся фигуръ и вдругъ, будто помимо своей воли, стала сама кружиться. Черезъ нѣсколько мгновеній она испытала уже знакомое ей ощущеніе—поднятіе на воздухъ, экстазъ, видѣнія, блаженное состояніе...

Когда она снова пришла въ себя, ей передали, что она говорила на какомъ-то непонятномъ языкѣ. Но она ничего не помнила... Съ этого дня, она очень часто, вмѣстѣ съ Аннетъ, стала посѣщать Татаринову. Дядя и нѣкоторые знакомые замѣчали въ ней перемѣну. Но эта перемѣна, казалось, не была къ

худшему, — напротивъ. Нина оживилась и хотя, попрежнему, иногда цѣлые дни сидѣла запершись за чтеніемъ, теперь уже исключительно книгъ духовнаго содержанія, но все-же, иной разъ не прочь была принять участіе въ общемъ весельи. Катерина Филипповна запретила ей совсѣмъ удаляться отъ свѣта, и даже совѣтовала ей сходиться съ людьми, такъ какъ, кто знаетъ, быть можетъ, ей удастся кого-нибудь и обратить на путь истины... Но Нина еще никого не обращала. Она была очень осторожна. Она боялась какъ-нибудь выдать свою тайну...

Катерина Филипповна уѣхала въ Петербургъ. Уѣхала и Аннетъ со своими родными. Но дѣло было уже сдѣлано, загадка жизни рѣшена. Нина была поставлена на ноги и къ тому-же Катерина Филипповна и Аннетъ нерѣдко поддерживали ее своими письмами. Нина рвалась въ Петербургъ, къ Татариновой. И вдругъ обстоятельства такъ сложились, что это желаніе исполнилось. Дядя умеръ. Она была очень огорчена, очень страдала, потому что отъ всего сердца любила старика. Но она нашла успокоеніе въ различныхъ разсужденіяхъ, въ молитвѣ. Она уже пріучилась смотрѣть на смерть какъ на избавленіе. Она знала, что дядя былъ человѣкъ добрый, что онъ хорошо приготовился къ смерти. Явилось предложеніе княгини Маратовой и легко понять, съ какимъ восторгомъ Нина приняла ея приглашеніе. Самъ Богъ ей посылалъ дубрую княгиню, высшій промыселъ помогалъ ея спасенію и направлялъ ее туда, гдѣ именно она и могла получить его.

Конечно, первымъ ея дѣломъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, было посѣтить, вмѣстѣ съ Аннетъ, Катерину Филипповну. Здѣсь, кругъ сектантовъ, собиравшихся у Татариновой, былъ значительнѣе. Иной разъ, для молитвъ и круженій, соединялось человѣкъ до пятидесяти. Собранія происходили отъ двухъ до четырехъ разъ въ мѣсяцъ. При этомъ Катерина Филипповна имѣла обыкновеніе разсылать братьямъ и сестрамъ свои посланія, разсказывая въ нихъ о бывшихъ ея видѣніяхъ, откровеніяхъ и тому подобномъ. Нина очень изумилась и обрадовалась, когда въ одномъ изъ первыхъ собраній у Татариновой увидѣла князя Еспера. Его же изумленію не было предѣла. Если-бы только не глубоко сосредоточенное настроеніе присутствовавшихъ, то врядъ-ли бы кто могъ удержаться отъ смѣха, при видѣ тѣхъ удивительныхъ жестовъ, гримасъ, которые корчилъ князь.

— Вы... вы наша сестра,—говорилъ онъ, схватывая руку Нины.—О, какъ я счастливъ! А я не могъ и подозрѣвать, и какъ странно, я ни отъ кого изъ нашихъ ни разу о васъ не слыхалъ... О, это не даромъ, не даромъ, что мы соединены въ одномъ домѣ. Это высшая благодать, намъ посланная.

Нина была съ нимъ согласна, а онъ долго не могъ ни о чемъ

другомъ думать. Онъ готовъ былъ дѣйствительно повѣрить въ благодать. Съ самаго пріѣзда, Нина произвела на него необыкновенно сильное впечатлѣніе. Онъ даже охладѣлъ къ воспитанницамъ генеральши, пересталъ съ ними шутить, даже сталъ небрежно относиться къ своимъ занятіямъ съ ними. Красота Нины его ошеломила—онъ въ нее влюбился. Но любовь князя теперь была какая-то особенная, противная. Онъ давно уже успѣлъ истратить весь запасъ здоровой страсти. Онъ глядѣлъ на женщину и на отношеніе къ ней не прежними глазами. Онъ ждалъ отъ женщины, которая плѣнила его, совсѣмъ не того, чего ждалъ прежде. Очаровавшись Ниной, онъ сталъ втупикъ:—какъ сблизиться съ нею, какъ внушить къ себѣ довѣріе? То, что легко было относительно наивныхъ, простенькихъ и послушныхъ воспитанницъ генеральши, то было немыслимо относительно Нины... И вдругъ, все сложилось такимъ неожиданнымъ для него образомъ...

Онъ уже нѣсколько лѣтъ какъ оказался приверженцемъ секты Татариновой. Конечно, если-бы Катерина Филипповна, Пилецкій и другіе могли проникнуть въ его сердце и понять, какъ онъ относится ко всѣмъ этимъ обрядамъ и чего онъ отъ нихъ ищетъ—они, быть можетъ, прогнали бы его съ проклятіемъ. Но, впрочемъ, могли-ли бы прогнать? Онъ владѣлъ ихъ тайной, могъ оказаться доносчикомъ и надѣлать имъ большой вредъ. Пилецкій и такъ подозрѣвалъ нѣкоторыхъ братьевъ, но дѣлать было нечего...

Теперь одинъ вопросъ тревожилъ Нину—ея отношенія къ княгинѣ, которая ее такъ полюбила и которую она сама полюбила всѣмъ сердцемъ. Притворяться передъ нею, вывертываться, скрываться—это было тяжело. Она подумала, нельзя-ли княгиню обратить на путь истины. Говорила объ этомъ съ княземъ Есперомъ, но тотъ испугался, сталъ уговаривать ее даже не касаться никогда больше этого предмета.

— О, она добрая, хорошая женщина!—говорилъ онъ.—Но она не способна вмѣстить откровеніе, какъ она ни добра, а можетъ превратиться въ отъявленнаго нашего врага. Она смѣется надъ всѣмъ этимъ. Неужели вы думаете, что я не пытался обратить ее? Но я дѣйствовалъ осторожно и убѣдился, что никакими силами ничего нельзя съ нею сдѣлать, и я умоляю васъ, будьте осторожны, не проговоритесь какъ-нибудь, Боже избави! Вы нарушите этимъ вашу клятву. А попробуйте какъ-нибудь потолковать съ нею о подобныхъ вещахъ,—вы сами увидите...

И Нина, дѣйствительно, вскорѣ убѣдилась, что онъ правъ. Княгиня терпѣть не могла всякой мечтательности, не вѣрила никакимъ предчувствіямъ, видѣніямъ, презирала мистическое направленіе, еще со временъ знаменитой Крюднеръ замѣчавшееся въ высшемъ петербургскомъ обществѣ.

— Это все глупости, все вздоръ,—говорила она.—Крюднеръ была интригантка и ничего больше. Масоны—люди вредные, это теперь доказано. Подъ хорошими, глубокомысленными словами скрывается часто многое дурное.

Когда Нина пробовала говорить ей о своемъ дѣтствѣ, о голосахъ, иногда вокругъ нея раздававшихся, о томъ, что она поднималась на воздухъ, когда кружилась, княгиня принималась смѣяться.

— Ахъ, матушка, да полно-же вздоръ болтать! — говорила она.—Что тебѣ за охота, вѣдь, это ты, пожалуй, и теперь скажешь, что полетишь, когда закружишься?

Нина вся такъ и насторожилась.

— Да, ma tante, я увѣрена, что полечу.

— Прекрасно! Этакъ по-твоему и я могу полетѣть?

— Можете.

— Хороша была-бы картина. Представь себѣ этакого слона въ воздухѣ.

Дѣйствительно, представить себѣ шарообразную, массивную фигуру княгини кружащеюся и поднимающеюся съ земли было очень комично, и Нина, несмотря на свое настроеніе, невольно улыбнулась.

— Да о чемъ мы говоримъ, матушка?—вдругъ возмутилась княгиня.—Ты, право, точно сумасшедшая... тебя лѣчить надо. Пойди лучше переодѣнься, сдѣлаемъ нѣсколько визитовъ. Меня о тебѣ уже спрашивали. Нечего все сидѣть дома да читать книжки. Ты должна бывать вездѣ, ты обязана мало-по-малу устроить себѣ хорошее положеніе въ обществѣ.

Въ концѣ-концовъ Нина должна была убѣдиться, что спасти душу княгини и направить ее на истинный путь ей никакъ не можетъ удаться. Слѣдовательно, храня священную тайну, исполняя данную клятву, она неизбѣжно должна была скрывать отъ княгини главное содержаніе своей жизни, свои посѣщенія Татариновой, сущность своихъ бесѣдъ съ княземъ Есперомъ и причину ихъ сближенія. Невольно, неизбѣжно она, существо правдивое и искреннее, вносила въ свою жизнь ложь, обманъ. Ненавидя кривые пути, она должна была идти именно этими путями—хитрить, вывертываться, подвергаться страху, что вотъ-вотъ ея хитрость и ложь всплывутъ наружу, и она потеряетъ довѣріе княгини, потеряетъ, быть можетъ, ея любовь. А, вѣдь, она дорожила этой женщиной. Она дорожила ею болѣе, чѣмъ кѣмъ-либо, хорошо понимая и зная, чѣмъ она ей обязана.

Все это ее мучило, томило; являлось какое-то противорѣчіе. Она и стремилась къ Татариновой, и въ то-же время что-то уже начинало ее оттуда отталкивать. Нерѣдко она не появлялась въ

собраніи, а иногда рѣшалась поѣхать и обмануть княгиню, только благодаря очень долгимъ и краснорѣчивымъ настояніямъ князя Еспера. Князя Еспера она еще не подозрѣвала ни въ чемъ дурномъ, несмотря на отношеніе къ нему княгини, несмотря на ея слова, ея предупрежденія. Погруженная въ свой фантастическій міръ, занятая своими мечтаніями, она не была наблюдательна и не подмѣчала въ немъ того, что подмѣчали иной разъ даже воспитанницы генеральши, которыя были и моложе ея, и менѣе опытны. Она считала до сихъ поръ князя Еспера именно за очень искренняго человѣка, раскаявшагося грѣшника, который теперь каждой минутой своей жизни искупаетъ свои заблужденія молитвой, внутреннимъ очищеніемъ и дѣлами благостыни. Она вручала ему всѣ свои маленькія средства для раздачи бѣднымъ.

Но въ самое послѣднее время, несмотря на то, что она горячо защищала его передъ княгиней, въ ней, еще безсознательно, но уже стало пробуждаться какое-то новое къ нему чувство. Иногда ей было непріятно его присутствіе: онъ какъ будто мѣшалъ ей, чѣмъ-то смущалъ ее, а чѣмъ—она не знала и старалась объ этомъ не думать.

XXVI.

Врагъ смущаетъ.

Нина никогда еще не чувствовала себя такой нервной, какъ въ это послѣднее время. Тоска жизни, неудовлетворенность, которыя ее такъ долго преслѣдовали, но затихли въ ней со времени ея знакомства съ Татариновой и поступленія въ секту, теперь начали снова пробуждаться въ душѣ ея. Она долго была горячо и искренно увѣрена, что завѣса, скрывавшая передъ нею «истинную» жизнь, по которой она томилась съ дѣтства,—теперь разверзлась, свѣтъ истины осѣнилъ ее. Она твердо рѣшилась слѣдовать наставленію, преподанному ей невѣдомымъ голосомъ во время ея посвященія въ секту. Это рѣшеніе укрѣпили въ ней своими мистическими бесѣдами, съ одной стороны, Татаринова и Пилецкій, а съ другой стороны, князь Есперъ, которому пуще всего необходимо было, чтобы Нина всецѣло ушла въ мистицизмъ, чтобы она жила исключительно фантастической жизнью, не допускала себя до увлеченія земными мыслями и чувствами. Онъ неустанно слѣдилъ за нею, со страхомъ слѣдилъ за ея выѣздами въ свѣтъ, допытывался объ ея впечатлѣніяхъ въ этомъ свѣтѣ.

Пока все шло хорошо. Нина увѣряла его, что она чувствуетъ себя въ свѣтѣ чужой, что никто ее не прельщаетъ...

— Весь этотъ блескъ, о которомъ такъ заботятся свѣтскіе люди, — говорила она: — вѣдь, это мишура—и больше ничего... Неужели же человѣкъ, узнавшій свое истинное назначеніе, можетъ имъ плѣниться!..

И она говорила такія выспреннія фразы такъ горячо и искренно, что князь Есперъ въ удовольствіи потиралъ руки, и гримасы лица его хотя плохо, но все-же выражали душевное умиленіе. Однако, одна неотвязная мысль не давала ему покою.

— А если появится какой-нибудь человѣкъ, ходящій во мракѣ,—пытливо спрашивалъ онъ:—если онъ заговоритъ вамъ о земной любви—что тогда?

Нина тихо усмѣхалась.

— Я уже слышала не разъ эти рѣчи, и онѣ не соблазняли меня даже тогда, когда я была далеко отъ познанія истины, когда я еще не знала Катерину Филипповну и не была посвящена въ тайну. А теперь, когда мнѣ все стало ясно, неужели кто-нибудь можетъ смутить меня?

Князь Есперъ подпрыгивалъ на креслѣ и впивался въ Нину такимъ взглядомъ, который, навѣрное, смутилъ-бы ее, если-бы она его замѣтила. Но она была очень разсѣянна и за взглядами своего мистическаго друга не слѣдила. Вдругъ однажды, во время подобнаго разговора, она задумалась и вздохнула. Князь Есперъ насторожился.

— О чемъ вы вздыхаете?—испуганно спросилъ онъ.

— Я развѣ вздыхаю? Я только подумала о томъ, что искушеніе все-же можетъ быть,—большое сильное искушеніе. Есть одинъ человѣкъ, и если-бы онъ явился, если-бы заговорилъ со мной о земной любви... не знаю... не знаю, что-бы я тогда стала дѣлать...

Князь Есперъ даже поблѣднѣлъ и началъ уже совсѣмъ особенно гримасничать, что обыкновенно съ нимъ случалось въ минуты сильнаго волненія.

— Нина,—заикаясь, проговорилъ онъ:—возлюбленная сестра, вы меня смущаете. Что это такое вы говорите? и о комъ говорите? Повѣдайте мнѣ, кто этотъ человѣкъ, признайтесь мнѣ, какъ другу и брату... Вѣдь, я братъ вашъ о Христѣ... Вѣдь, мы идемъ однимъ путемъ, мы должны поддерживать другъ друга... Я всю душу открылъ передъ вами...

Его голосъ принялъ сладкія, ласкающія ноты. Онъ схватилъ руку Нины и прижалъ ее къ груди своей.

— Вѣдь, я старикъ,—говорилъ онъ:—я могъ бы вашимъ отцомъ быть... будьте-же откровенны со мною...

Онъ въ первый разъ признался передъ нею въ своей старости. До сихъ поръ онъ, напротивъ, употреблялъ всѣ мѣры для того, чтобы казаться ей очень не старымъ, бодрымъ и проворнымъ. Со времени ея появленія въ домѣ онъ еще больше сталъ молодиться и франтить. Онъ нѣсколько разъ въ день поднимался къ себѣ въ мезонинъ, чтобы опрыскивать духами усы и батистовые платочки, которыми имѣлъ обычай безпрестанно обмахиваться.

— Вѣдь, я старикъ,—повторялъ онъ.—И я не побоялся признаться вамъ во всѣхъ прежнихъ грѣхахъ моихъ. Не скрывайте-же ничего и вы отъ меня, я, можетъ быть, и помогу, а помочь вамъ способствовать вашему успокоенію, достиженію вами всякихъ духовныхъ цѣлей,—это было-бы моимъ счастьемъ... Нина, дорогая сестра и дочь!..

Онъ крѣпко, въ нѣсколько пріемовъ, и боязливо оглядываясь, сталъ цѣловать ея руку.

— Кто этотъ человѣкъ, котораго вы страшитесь, который можетъ быть опасенъ для вашего спасенія?

— Мнѣ нечего скрываться отъ васъ,—вдругъ довѣрчиво сказала Нина:—и я очень, очень благодарна вамъ за ваше ко мнѣ отношеніе. Я скажу вамъ, кто этотъ человѣкъ...

И она разсказала ему свою дѣтскую встрѣчу съ Борисомъ, свои до сихъ поръ непозабытыя и иногда возвращавшіяся мечтанія. Онъ жадно, внимательно слушалъ; глаза его блестѣли и такъ и прыгали во всѣ стороны, все лицо опять кривилось. Онъ представлялъ себя на мѣстѣ этого неизвѣстнаго юноши, завидовалъ ему... Нина кончила свой разсказъ и печально улыбнулась.

— Вотъ и все,—проговорила она:—но, вѣдь, вы видите теперь, что мнѣ опасаться нечего. Я даже не знаю кто онъ, не знаю даже его фамилію... Быть можетъ, его давно уже нѣтъ на свѣтѣ, и я свижусь съ нимъ не здѣсь, а въ иномъ мірѣ...

— А между тѣмъ, — перебилъ князь Есперъ:— вѣдь, вы все-же ждете съ нимъ встрѣчи... Все-же вы почти увѣрены, что съ нимъ встрѣтитесь...

Нина покачала головою.

— Да, прежде ждала... прежде была увѣрена... а теперь, теперь я уже не жду этой встрѣчи... ея не будетъ!..

— Почемъ знать?—задумчиво сказалъ князь Есперъ.

Разсказъ Нины его сильно встревожилъ. Несмотря на то, что онъ вовсе не былъ такимъ мистикомъ, какимъ хотѣлъ казаться, все-же онъ вѣрилъ во многое, надъ чѣмъ смѣялась его племянница — княгиня. А ужъ Нину онъ положительно считалъ существомъ особеннымъ, ему казалось, что къ ней нельзя примѣнять общую мѣрку, съ ней все можетъ быть, чего никогда

не бываетъ съ другими... Онъ началъ подробно ее разспрашивать о Борисѣ, объ его наружности, о томъ, не говорилъ-ли онъ, гдѣ живетъ въ Москвѣ, есть-ли у него отецъ, мать, братья, сестры... Нина ничего этого не знала. Она не могла даже сказать, сколько ему было тогда лѣтъ.

— Послушайте,—говорила она:—да чего-же мнѣ, наконецъ, бояться, если-бы даже онъ былъ живъ и намъ-бы случилось встрѣтиться? Вѣдь, онъ-бы и не узналъ меня. Если живъ, очень можетъ быть, уже онъ женатъ, любитъ какую-нибудь женщину, а обо мнѣ, навѣрное, давно и позабылъ. Вѣдь, я тогда была маленькая, несчастная дѣвочка—и только...

— Ахъ, не думайте вы о немъ, не думайте, Нина! — испуганно шепталъ князь Есперъ.—Помните, вы должны быть свободны отъ всѣхъ земныхъ узъ... Вы невѣста Христа. Не думайте-же объ этомъ Борисѣ, не унижайте себя...

— Я стараюсь не думать.

— И послушайте, дайте мнѣ слово, дайте мнѣ честное слово, если-бы случилось вамъ съ нимъ встрѣтиться, дайте мнѣ слово сейчасъ-же сказать мнѣ объ этомъ...

— Съ удовольствіемъ. Но не будетъ этой встрѣчи... Теперь ея не нужно, я даже не хочу ея...

Но по выраженію ея лица, князь Есперъ ясно видѣлъ, что она сама себя хочетъ обмануть, что она все еще мечтаетъ объ этой встрѣчѣ. Нина была искренна. Она дѣйствительно гнала отъ себя прежнія мысли. Она рѣшила теперь, что не должна думать о человѣкѣ, что эти думы, мечты—грѣховны... Она мало-по-малу начинала уходить въ живую дѣятельность. Съ помощью князя Еспера, она разыскивала бѣдныя семьи, нерѣдко сама навѣщала больныхъ и несчастныхъ, помогала имъ чѣмъ могла. Княгиня, конечно, ничего не имѣла противъ этого и даже прибавляла къ незначительнымъ средствамъ Нины не мало и своихъ денегъ. А между тѣмъ тоска и недовольство возвращались и доводили ее подъ часъ до полнаго отчаянія.

«Что-же я за несчастная такая,—думала она:—что я за отверженная, если и теперь мнѣ тяжело? Катерина Филипповна говоритъ, что съ тѣхъ поръ, какъ познала истину, находится въ состояніи блаженства, что уже ничто не смущаетъ ея душу, не томитъ, какъ бывало прежде... Она забыла что такое тоска, скука, недовольство. А я томлюсь, тоскую, скучаю!—значитъ, я не достойна благодати, не въ силахъ принять ее, проникнуться ею»...

«А вдругъ!.. — она даже вздрагивала и замирала отъ этой мысли.—А вдругъ, это не откровеніе, не истина? Вдругъ всѣ мы заблуждаемся?...»

Она начинала плакать и молиться, отгоняя отъ себя дьяволь-

ское навожденіе. Но борьба съ нимъ становилась съ каждымъ днемъ все труднѣе, «врагъ» все чаще и чаще смущалъ ее и нащептывалъ ей дурныя рѣчи. Иногда она даже и на собраніяхъ, во время всеобщаго экстаза, «круженія» и «пророчествованія», вдругъ слышала внутри себя эти вражескія рѣчи. Тогда она мгновенно остывала, не хотѣла кружиться, не вѣрила въ пророчества. Братья и сестры въ бѣлыхъ саванахъ казались ей не то смѣшными, не то отвратительными — и она кончала истерическимъ припадкомъ. Недавно она призналась Катеринѣ Филипповнѣ во всемъ этомъ «ужасѣ», какъ она называла свое душевное состояніе. Татаринова смутилась; долго ее увѣщевала, наложила на нее эпитимью, заставила ее усиленно молиться. У Катерины Филипповны было одно объясненіе:

«Да, это смущаетъ врагъ рода человѣческаго!..»

Она разсказывала о томъ, что и сама подвергалась испытаніямъ въ прежнее время, но поборола ихъ. Слѣдовательно, и Нина должна побороть ихъ. И Нина боролась всѣми своими силами, но въ этой борьбѣ она, очевидно, слабѣла, а врагъ, напротивъ, дѣлался сильнѣе. Снова возвращались прежнія грезы о земномъ счастьѣ, о встрѣчѣ съ Борисомъ. Опять она чувствовала его возлѣ себя, бесѣдовала съ нимъ. Случалось—она проснется среди глубокой ночи, вся въ огнѣ, съ затуманенной головою, съ больно бьющимся сердцемъ. Кругомъ тишина, мракъ. Но вдругъ чудится ей среди этого мрака, этой тишины, какой-то таинственный шорохъ... Это онъ! Она простираетъ къ нему руки... Вотъ будто лунный свѣтъ, и въ этомъ свѣтѣ она различаетъ его милое лицо, склонившееся надъ нею, она чувствуетъ его руки, крѣпко охватившія ее въ страстномъ объятіи... «Милый, милый!» шепчетъ она, сливаясь съ нимъ въ поцѣлуѣ, и кажется, что вся душа ея расплывается, таетъ въ этомъ поцѣлуѣ... Блаженство и мука охватываютъ ее... и вдругъ все исчезаетъ... Она одна, въ слезахъ, въ лихорадкѣ...

Иногда она доходила до того, что начинала презирать себя. Теперь она уже ни въ чемъ не признавалась Катеринѣ Филипповнѣ, не признавалась и князю Есперу... И вдругъ, сама не зная какъ и почему, она рѣшила, что настало время ея встрѣчи съ Борисомъ и что непремѣнно теперь скоро, скоро совершится эта встрѣча... Въ день бала у Горбатовыхъ, ея нервы были напряжены въ высшей степени. Княгиня просто изумлялась, на нее глядя, такъ она была оживлена, порывиста съ самаго утра. Когда она очутилась въ бальной залѣ, когда она сдѣлалась предметомъ зависти и негодованія многихъ за то, что великій князь пригласилъ ее на танецъ, она уже была совсѣмъ въ томъ особенномъ состояніи, которое въ прежніе годы ея покойный дядя называлъ «одурѣніемъ»...

Она еще не замѣтила Бориса въ толпѣ, не узнала его, но въ то-же время была готова къ чему-то особенному, къ чему-то неизбѣжному. И если-бы въ этотъ вечеръ ничего не случилось съ нею, она просто сошла-бы съ ума, такъ-какъ разбился-бы цѣлый міръ, въ которомъ съ дѣтства она жила и въ который вѣрила. Но она знала, что непремѣнно что-то случится—и случилось дѣйствительно: она встрѣтилась съ Борисомъ. На слѣдующее-же утро она сдержала слово, данное ей князю Есперу—объявила ему о своей встрѣчѣ и поразила его, перепугала чрезвычайно. Она задала ему задачу, которая теперь его поглощала, а сама переживала борьбу, въ которой все было противъ нея. Она поняла сразу, что любитъ Бориса и при этомъ увидѣла, что мечты и ожиданія всей жизни ея не обманули. Да, это была судьба, онъ долженъ былъ явиться и явился... и онъ знаетъ это. Онъ говорилъ съ ней именно такъ, какъ долженъ былъ говорить...

Онъ пришелъ за нею, она его собственность, онъ требуетъ свою собственность и имѣетъ на это право... Но что-же это? Какъ ей быть? А этотъ голосъ, дѣйствительно звучавшій надъ нею, звавшій ее къ спасенію и требовавшій для этого спасенія, что бы она оттолкнула Бориса?.. А ея собственная рѣшимость? У нея путались мысли...

Вернувшись изъ послѣдняго собранія у Татариновой, она не спала всю ночь, молилась; но молитва не успокоивала. Она плакала, рыдала и при этомъ слышала вражескій голосъ, который ясно и соблазнительно шепталъ ей: «Брось ихъ всѣхъ, уйди отъ нихъ. Они далеки отъ истины, они только себя и другихъ обманываютъ».

А этотъ экстазъ, это высокое блаженство, охватывающее ее всю во время «круженій», это сверкающее небесное пространство, открывающееся ей, эти тончайшія ощущенія, поднимающія ея душу—развѣ это обманъ, развѣ это не откровеніе?.. Но кто-же сказалъ, что и Борисъ вмѣстѣ съ нею не можетъ быть причастнымъ этому блаженству? Зачѣмъ она должна отогнать его отъ себя, когда она его любитъ, когда онъ достоинъ этой любви?.. А она знала, что онъ достоинъ, знала, потому что любила его. Но, вѣдь, они всѣ, начиная съ Катерины Филипповны, увѣряли ее, что земная любовь ее погубитъ, что она не должна принадлежать человѣку—иначе потеряетъ блаженство...

Такъ что-же—если такъ, значитъ, все равно она уже погибла, потому что она чувствовала съ каждой минутой все яснѣе и яснѣе, что уже и теперь принадлежитъ ему. Если есть въ ней любовь къ нему, если была въ ней эта любовь въ теченіе всей жизни — куда-же она дѣнется, куда уйдетъ, какъ она вырветъ ее изъ себя? Это невозможно.

«Да и развѣ мы не можемъ любить другъ друга, какъ любятъ ангелы, любить душою, а не тѣломъ?..»—вдругъ мелькнула ей новая мысль—и она за нее ухватилась какъ за послѣднюю нить спасенія. «Конечно, можемъ. Зачѣмъ-же они хотятъ, чтобы я не видалась съ нимъ, чтобы я гнала его, чтобы я съ нимъ разсталась? Они не имѣютъ на это права, никакого права». Она пока успокоилась на этой мысли. Теперь она знала, что сказать Борису и имъ...

А между тѣмъ на слѣдующее утро ее встрѣтила самая неожиданная непріятность. Княгиня, вернувшаяся очень поздно съ вечера и не видѣвшая Нину, спросила утромъ у горничной—въ которомъ часу вернулась барышня? Горничная отвѣчала, что уже послѣ полуночи. Кучеръ говорилъ ей, что долго дожидался барышню у Ручинскихъ, такъ какъ она съ тамошней барышней куда-то ѣздила на извозчикѣ. Потомъ, вернувшись, Нина Александровна больше часу времени еще пробыла у Ручинскихъ и затѣмъ пріѣхала домой. Княгиня не подала горничной никакого вида, что заинтересовалась этимъ извѣстіемъ. Она только одѣлась торопливѣе обыкновеннаго, прошла къ Нинѣ, поцѣловала ее и, вглядываясь въ ея блѣдное и утомленное лицо, спросила:

— Аннетъ Ручинская больна серьезно?

— Нѣтъ, ma tante, пустое нездоровье.

— Куда-же это вы съ нею ѣздили на извозчикѣ поздно вечеромъ?

Нина даже слабо вскрикнула отъ неожиданности. Княгиня печально покачала головою.

— Вотъ видишь, Нина,—сказала она:—вотъ ты до чего доходишь. Что-же, наконецъ, ты отъ меня скрываешь? Что ты дѣлаешь? Съ какими людьми ты сошлась? Я не хочу подозрѣвать ничего дурного, но я прошу тебя, убѣдительно прошу — скажи мнѣ, куда это ты вчера ѣздила съ твоей пріятельницей? Я не слѣдила за тобой, я случайно узнала это... Кучеръ пріѣхалъ за тобой раньше, чѣмъ ты назначила, и видѣлъ, какъ ты возвращалась... Я увѣрена, что тутъ нѣтъ ничего предосудительнаго, хотя очень дурно, что двѣ дѣвушки разъѣзжаютъ ночью на извозчикѣ. Хочешь, я помогу тебѣ—вы поѣхали навѣстить какое-нибудь бѣдное семейство? Вы сдѣлали доброе дѣло? Скажи мнѣ, что я отгадала, и я, конечно, тебѣ повѣрю...

Она еще пристальнѣе, еще внимательнѣе смотрѣла на Нину. А Нина нервно перебирала дрожащими пальцами оборку своего платья. Ея блѣдныя щеки вдругъ вспыхивали яркимъ румянцемъ. Она съ усиліемъ подняла на княгиню свои глаза и прерывающимъ голосомъ прошептала:

— Нѣтъ, ma tante, вы ошиблись.

— Куда же вы ѣздили?

Нина схватилась руками за голову. Она рѣшительно не была въ силахъ солгать и не имѣла права сказать истину.

— Ma tante, не спрашивайте меня!—шептала она.—Я не могу, не должна... Вѣрьте мнѣ только, что я не дѣлаю ничего дурного, что эта поѣздка не предосудительна...

— Такъ ты мнѣ рѣшительно не скажешь, не отвѣтишь на мой вопросъ и самый естественный вопросъ?..

Нина заплакала и схватила руку княгини.

— Ma tante... Господи! что-же мнѣ далать? Я не могу, право, не могу...

Она была въ отчаяніи. Княгиня разсердилась и оскорбилась не на шутку.

— Въ такомъ случаѣ, матушка, я должна сказать тебѣ, что я въ тебѣ очень, очень ошиблась... Ты даже не понимаешь того, что, уже не говоря о другомъ, ты прежде всего меня оскорбляешь. И слышишь, я теперь... я сама уже не хочу знать твоихъ тайныхъ дѣлъ, твоихъ секретовъ. Но знай, что я считаю своимъ долгомъ положить этому предѣлъ... Есть вещи, которыхъ я не должна допускать и не допущу. Я считала тебя благоразумной, а ты ребенокъ и, значитъ, я должна слѣдить за тобой... Я не хочу, чтобы ты себя позорила, и чтобы меня обвиняли въ томъ, что я за тобой не досмотрѣла.

Она все еще ждала, все еще надѣялась, что Нина не выдержитъ и, наконецъ, скажетъ ей куда ѣздила. Но Нина молчала и тихонько плакала. Княгиня побагровѣла.

— Конечно, ты можешь быть мною недовольна, — сказала она.—Ну что-же, обвиняй меня въ притѣсненіи, въ тиранствѣ... Уйди отъ меня... Отъ тебя и это станется. Я жду всего... всего... и ужъ теперь не стану ничему удивляться...

И она вышла, не взглянувъ на Нину. Та хотѣла было вернуть ее, сказать ей что-то, но остановилась и безнадежно зарыдала. Она чувствовала себя виноватой. Она понимала, что запуталась, очутилась въ безвыходномъ положеніи, которое инстинктивно унижало ее въ собственныхъ глазахъ и изъ котораго она не видѣла никакого выхода.

XXVII.

Домашній сыщикъ.

Княгиня прошла въ свою гостиную и долго измѣряла ее взадъ и впередъ тяжеловѣсными шагами, такъ что половицы такъ и

трещали подъ ковромъ, устилавшимъ комнату. Даже вдругъ вѣтеръ сталъ ходить, и отъ этого вѣтра разметались листки почтовой бумаги, лежавшей на столикѣ, и разлетѣлись во всѣ стороны по ковру. Но княгиня этого не замѣчала въ своемъ волненіи.

«Такъ вотъ ужъ до чего дошло!—думала она.—Тутъ не одни шушуканья съ дядюшкой, тутъ начались всякія таинственности. Сумасшедшая... Да, вѣдь, она себя погубитъ. Вѣдь, она ничего не понимаетъ—долго ли ей испортить себѣ репутацію, вѣдь, рады будутъ—изъ мухи слона сдѣлаютъ... И секретничаетъ, обманываетъ... передо мною... передо мною скрываетъ... неблагодарная...»

«Ахъ, Боже мой, да стоитъ-ли думать о ней, коли такъ, коли она такая? Ну и Богъ съ ней, пусть пропадаетъ... Мнѣ-то какое дѣло!.. Не дочь, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ... добра ей хотѣла—и вотъ благодарность... Ну и пусть тамъ и остается, куда по ночамъ на извозчикахъ таскается... дрянная дѣвченка. Знать ее не хочу... Не надо... не надо мнѣ ее совсѣмъ. Слова ей не скажу... теперь видѣть не могу... противная!..»

Но княгиня тутъ-же и почувствовала, что обманываетъ себя, что не въ силахъ она такъ оставить Нину, что она ее полюбила, можетъ быть, такъ, какъ еще никого не любила въ жизни. У нея даже слезы навернулись на глаза и она, чего съ ней давно, давно не бывало, вдругъ почувствовала себя глубоко обиженной, почти несчастной. Въ это время изъ-за двери выглянула чья-то русая головка съ косичкой. Это была дѣвочка, прислуживавшая въ комнатахъ генеральши.

— Ваше сіятельство!—пропищала она.

Княгиня грозно взглянула на нее и вдругъ безсознательно крикнула:

— Брысь!

И притопнула ногой.

Дѣвочка изумленно раскрыла глаза и мгновенно скрылась. Княгиня, сейчасъ же и позабывъ объ ея появленіи, продолжала шагать по комнатѣ, потрясая половицы и производя вокругъ себя цѣлый вихрь.

«Нѣтъ, тутъ опять онъ!—ужъ начиная задыхаться, думала она:—все онъ же дядюшка. Не даромъ шушукаются... Тутъ есть связь, между этими шушуканьями и этими ночными поѣздками... навѣрное. Дѣлать нечего, надо прослѣдить, надо узнать... Не давать-же ей въ самомъ дѣлѣ топиться... Да и я хороша...»

Она вдругъ остановилась и стукнула себя по лбу кулакомъ.

«Бить меня мало. О чемъ я думала все время, изъ-за чего я ей волю такую дала? Вѣдь, давно замѣчаю, что неладно, ну давно бы и слѣдить... Времени вотъ нѣтъ у васъ, матушка княгиня (она сдѣлала себѣ даже книксенъ передъ зеркаломъ)—съ

балами, со спектаклями и съ визитами нѣтъ времени. А дѣвочка погибнетъ—что тогда?..»

Дверь опять пріотворилась и опять въ нее высунулась голова. Но ужъ это была не маленькая русая дѣвочка съ косичкой, а сморщенное существо съ бѣгающими глазками, съ ротикомъ, сложеннымъ сердечкомъ—однимъ словомъ, Пелагея Петровна.

— Чего вамъ?—очень нелюбезно обратилась къ ней княгиня.

Пелагея Петровна вошла поджимаясь, помаргивая и совсѣмъ всасывая свои блѣдныя, тонкія губы

— Маменька-съ васъ очень спрашиваютъ-съ. Матрешку посылать изволили, да та прибѣжала, говоритъ, вы ее прогнали, сердиться изволили...

— Какая Матрешка, что такое?

Княгиня взглянула на часы.

— Да, вѣдь, еще всего первый часъ въ началѣ—развѣ что случилось?

— Ничего не случилось, ваше сіятельство...

— Маменька здорова?

— Слава Богу-съ, здоровы, какъ всегда... А только очень васъ спрашиваютъ,—вбирая въ себя воздухъ, тянула Пелагея Петровна.

— Иду сейчасъ.

И она отправилась къ матери.

— Ахъ ma chère,—говорила генеральша, протягивая ей для поцѣлуя руку.—Что это ты, право,—зову, зову, не дозовусь. Кажется, я тебя, мой ангелъ, не часто тревожу...

— Извините, maman...

Она хотѣла объяснить, что если-бы Матрешка толкомъ сказала въ чемъ дѣло, то она бы давно пришла. Но, несмотря на свое волненіе, она сообразила, что можетъ подвести дѣвченку подъ наказаніе, а потому только еще разъ повторила:

— Извините, maman.

И опять поцѣловала руку у генеральши.

— Что вамъ угодно?

— А вотъ что, мой ангелъ... Видишь, моя родная, пока никого нѣтъ я хотѣла поговорить съ тобою...

— Я слушаю, maman.

— Скажи мнѣ... ты довольна своей Ниной?

— Ниной?

Если-бы въ комнатѣ было хотя немного посвѣтлѣе, генеральша могла-бы замѣтить, какъ измѣнилось лицо княгини, но вслѣдствіе окружавшей ихъ полутьмы она ничего не замѣтила.

— Да... Ни-ной,—протянула она.

— Какой странный вопросъ, maman. Нина не ребенокъ, и я

не со вчерашняго дня знаю ее... Конечно, я довольна ею. Чѣмъ-же я могу быть недовольна?

— А то, что ведетъ себя не хорошо дочка твоя названная...

— Какъ не хорошо?.. Что вы знаете? Кто вамъ сказалъ?

— Да вотъ ты-то, видно, ничего не знаешь, а я хотя и сижу здѣсь, въ четырехъ стѣнахъ, а знаю больше твоего. Скажи на милость ma chère, куда это она по ночамъ разъѣзжаетъ?

«Боже мой,—съ тоскою подумала княгиня: — уже донесли, уже протрубили... Какая неосторожность, что́ она съ собою дѣлаетъ?..»

— По ночамъ, maman, я думаю, она никуда не ѣздитъ. По ночамъ, если мы съ нею не на балу гдѣ-нибудь, такъ она спитъ.

— А вотъ ты ее одну безъ себя пускаешь.

— Такъ что же, она не маленькая...

— Гдѣ она вчера была?

— У Ручинскихъ... это почтенное семейство, тамъ у нея подруга—хорошая дѣвушка.

— Полно, хорошая-ли? Я тебѣ, ma chére, должна сказать, что есть вещи, которыхъ я ни для кого на свѣтѣ не потерплю въ своемъ домѣ.

— Да что же такое, maman, кто вамъ насплетничалъ?.. Все это пустое...

Но старуха не унималась. Она даже возвысила голосъ.

— Если я говорю, значитъ, не пустое. Будь покойна, даромъ говорить не стала-бы. Ты, я вижу, ничего не знаешь, а вотъ спроси ты Пелагею Петровну—она тебѣ и скажетъ, гдѣ твоя Ниночка бываетъ...

— Пелагею Петровну?

— Да, ma chère, Пелагею Петровну.

Въ это время изъ-за драпировки выглянула Пелагея Петровна.

— Да-съ, это точно-съ, ваше сіятельство, это-бы Нинѣ Александровнѣ никакъ уже не слѣдовало... Я для ихъ же пользы обо всемъ узнала, чтобы во время упредить васъ... Давно ужъ я, сударыня, замѣчаю, до поры только вотъ не хотѣла васъ тревожить...

— Ахъ, да не тяните, Пелагея Петровна, ради Бога! Если знаете что́, такъ говорите,—не утерпѣвъ, крикнула княгиня.

Пелагея Петровна совсѣмъ поджалась, передернула плечами и присвистнула.

— Да что же такъ... Я не тяну-съ... А то, что онѣ, сговорившись съ княземъ съ нашимъ, въ одномъ мѣстѣ бываютъ... и теперь это мѣсто мнѣ извѣстно-съ, черезъ кучера Ивана, который вчера возилъ ихъ... Онъ говоритъ, хоть сами его спросите пріѣхалъ, говоритъ, къ Ручинскимъ рано—барышня не выходитъ

Онъ и стоитъ. А затѣмъ видитъ: подъѣхали извозчичьи сани, вышли двѣ барышни—Нина Александровна и Ручинская... вошли въ домъ... Онъ и спросилъ извозчика, откуда привезъ, а тотъ ему и сказалъ, изъ какого дома онѣ вышли... А въ томъ домѣ, мнѣ извѣстно, князь частенько бываютъ...

— Да какой-же домъ, у кого онѣ бываютъ?

— А у госпожи Татариновой.

Княгиня вскочила съ кресла...

— Татариновой? — переспросила она: — какой Татариновой?

— А такой, ma chère,—сказала генеральша:—Татаринова, полковница, née Буксгевденъ... Tu te rappelles... cette histoire... помнишь, какъ ее, по приказу государя, изъ Михайловскаго замка выгнали? Секту она тамъ какую-то богопротивную устроила... Какъ-же, много объ этомъ разсказывали, думали тогда—въ Сибирь ее сошлютъ, со всѣми безбожниками, которые тамъ у нея собирались... Такъ князь Александръ Николаевичъ, въ полной онъ своей силѣ тогда былъ и, извѣстно, за всякихъ еретиковъ заступался, по его только настоянію и оставили ее на свободѣ...

— Пелагея Петровна, теперь вы можете идти—вы мнѣ ненужны больше!—прибавила генеральша.

— Ну, что, ma chère, скажешь?—обратилась она къ дочери, когда онѣ остались однѣ.—Хорошо себя ведетъ твоя Нина? Въ хорошую компанію попала?

Въ это время за портьерой послышался слащавый голосъ князя Еспера.

— Ma soeur, можно къ вамъ?

— Войдите, mon frère.

Князь Есперъ вошелъ и уже направился къ креслу генеральши, когда вдругъ, почти надъ самымъ его ухомъ, раздался грозный голосъ княгини...

— Вотъ вы у него, maman, потребуйте отчета, онъ во всемъ виноватъ... онъ развращаетъ и смущаетъ молодыхъ дѣвушекъ...

— Ma chère, ma chère, Богъ съ тобой... полно!—укоризненно проговорила генеральша.

Князь Есперъ даже присѣлъ отъ неожиданности и испуга.

— Я... за что же такъ... что такое?..—лепеталъ онъ.—Я-то что?..

— Я давно прошу васъ оставить въ покоѣ Нину,—пылала и задыхалась княгиня.—Вамъ никто не можетъ запретить бывать гдѣ вамъ угодно, но грѣшно и стыдно сманивать неопытную дѣвочку Богъ знаетъ въ какія трущобы...

— Ma soeur, за что она меня оскорбляетъ?—плаксивымъ тономъ проговорилъ князь, ударяя себя кулакомъ въ грудь.—Куда я сманиваю ея Нину?

— Къ вашей пріятельницѣ Татариновой, къ женщинѣ, которой давно бы слѣдовало быть въ Сибири!—прокричала княгиня.

Князь Есперъ ожидалъ чего угодно, только не этого.

— A!.. a!..—почти простоналъ онъ и окаменѣлъ на мѣстѣ.

Княгиня между тѣмъ не унималась.

— Ну, что же вы молчите? Говорите, что я лгу, что никакой Татариновой вы не знаете, что вы не бываете у нея... и Нина не бываетъ!..

Наконецъ, князь Есперъ пришелъ въ себя. Даже въ полутьмѣ занавѣшаннаго будуара были видны его отчаянныя гримасы.

— Вамъ нужно успокоиться, ma nièce,—началъ онъ, изо всѣхъ силъ стараясь придать себѣ видъ оскорбленнаго достоинства. — Съ вами говорить трудно... Я давно знаю госпожу Татаринову, но только вы изволите очень ошибаться, полагая, что ея мѣсто въ Сибири... Это почтенная, уважаемая женщина...

— Ахъ, Боже, всему Петербургу извѣстна ея почтенность. Кого-же выгнали изъ Михайловскаго замка?

Но князь уже значительно успокоился и владѣлъ собою.

— Развѣ кто-нибудь изъ насъ избавленъ отъ враговъ и ложныхъ доносовъ? Если-бы госпожа Татаринова была въ чемъ-нибудь виновата, то и получила-бы за это должное наказаніе. Между тѣмъ, если вы указываете на ту ея исторію, бывшую въ семнадцатомъ году, то должны же, ma nièce, знать, что государь императоръ почелъ доносъ, сдѣланный на госпожу Татаринову, ложнымъ и приказалъ оставить въ покоѣ какъ ее, такъ и всѣхъ ея друзей...

— Очень жаль... это все князь Голицынъ, извѣстный еретикъ и покровитель всякихъ вредныхъ людей...

— Напрасно вы такъ отзываетесь о почтенномъ государственномъ мужѣ, который пользуется довѣріемъ государя.

— Ошибаетесь, государь теперь ему не очень-то довѣряетъ.

— Такъ, вѣдь, это по происканъ архимандрита Фотія.

— Происки! Вотъ архимандритъ Фотій такъ, точно, говорятъ, святой человѣкъ... И если-бы вы къ нему повезли Нину, то она была-бы вамъ только благодарна, отъ него она ничему дурному не научилась-бы. Но къ Татариновой ее сманивать это... это.. низко...

— Ma chère, успокойся, ты забываешься... вѣдь, онъ твой дядя!—воскликнула генеральша.

— Ахъ, maman, да, вѣдь, есть-же предѣлъ.

— А главное, это клевета,—обращаясь къ сестрѣ и довольный ея поддержкой, сказалъ князь Есперъ.—Я повторяю, ни куда Нину Александровну не сманивалъ. И если она давно, еще до пріѣзда сюда, была знакома съ госпожей Татариновой,

если даже я ее тамъ встрѣчаю, такъ я-то тутъ при чемъ? Я могъ только порадоваться, что у молодой дѣвушки хорошія знакомства, что она бываетъ у почтенныхъ людей, которые могли принести ей много нравственной пользы...

Но княгиня не могла уже болѣе выносить этого лицемѣрнаго тона, а главное, ее возмущало то, что ея мать, очевидно, очень хорошо понимавшая весь вредъ и все неприличіе для молодой дѣвушки знакомства съ Татариновой, и сама первая поднявшая эту исторію, теперь вдругъ, когда главный виновникъ былъ на лицо, отъ всего отстранялась. Вмѣсто того, чтобы поддержать дочь и вмѣстѣ съ нею напасть на князя, она перешла на его сторону и даже не спорила съ нимъ, какъ будто раздѣляла его взгляды на Татаринову. Княгиня не могла сообразить, что ея матери, въ сущности, очень мало дѣла и до Татариновой, и до Нины, и до чего угодно. Эта исторія была для нея просто развлеченіемъ. Она была рада маленькому скандалу, подстроенному ея компаньонкой, рада была отъ скуки слѣдить за перебранкой между братомъ и дочерью.

— Мнѣ съ вами говорить нечего!—вдругъ крикнула княгиня, обращаясь къ дядѣ.—Я только очень довольна, что все это, наконецъ, открылось...

Она вышла изъ будуара генеральши и, къ изумленію и соблазну всѣхъ, попадавшихся ей навстрѣчу домашнихъ, задыхаясь и отдуваясь, себя не помня, почти бѣгомъ бѣжала въ комнату Нины.

— Добились!—крикнула она ей:—осрамились! Теперь уже о васъ Богъ знаетъ, что говорятъ въ цѣломъ домѣ, скоро по городу трубить станутъ...

— Господи! да какое-же преступленіе, наконецъ, я сдѣлала?—проговорила утомленная всѣми этими объясненіями Нина.

— Преступленіе, почти что такъ, матушка! Развѣ слѣдъ вамъ бывать тайкомъ отъ меня у этой ужасной Татариновой... И не говорите, не оправдывайтесь, не вывертывайтесь...

Но Нина была такъ поражена, что не могла произнести и слова. А княгиня продолжала:

— Я знаю, что вы станете, такъ-же какъ и мой дядюшка, другъ вашъ, увѣрять, что эта Татаринова прекрасная, чуть не святая женщина. Но если она и прекрасная, и святая—зачѣмъ-же вы все время, два года, шутка-ли, скрывали знакомство съ нею? Вотъ этимъ скрываніемъ вы себя и выдаете. Если-бы совѣсть ваша была чиста, если-бы не было ничего дурного—скрывать не стали-бы. Мнѣ стыдно за васъ, сударыня, стыдно...

Княгиня совсѣмъ захлебнулась, порывисто отперла дверь и вышла.

«Что-же теперь дѣлать?—думала Нина.—Она меня считаетъ преступницей, и я не въ силахъ оправдываться передъ нею; я должна казаться ей виноватой — все противъ меня... Мнѣ уже нѣтъ здѣсь мѣста, я здѣсь чужая!.. Теперь я не имѣю права принимать ея благодѣяній. Я недостойна въ ея глазахъ. Да, вѣдь, она и права, я дурно ее отблагодарила. Но виновата-ли я?.. Что мнѣ дѣлать?..»

Нѣсколько мгновеній она простояла, собираясь съ мыслями. Потомъ вдругъ, очевидно, приняла какое-то рѣшеніе, подошла къ своему письменному столику, написала что-то дрожащей рукой, запечатала въ конвертъ, а потомъ долго сидѣла, опустивъ голову. Временами изъ ея глазъ капали слезы...Наконецъ, она глубоко вздохнула, встала, перекрестилась, взяла только что запечатанный ею конвертъ и пошла въ комнаты княгини. Отъ встрѣтившейся горничной она узнала, что княгиня только что выѣхала. Она прошла въ гостиную и положила на столъ, на самомъ видномъ мѣстѣ, свой конвертъ. Потомъ вернулась къ себѣ, быстро одѣлась и вышла изъ дому.

XXVIII.

Княгиня дѣйствуетъ.

Княгиня выѣхала въ такое необычно раннее для нея время потому, что въ томъ состояніи духа, въ которомъ она находилась, ей было рѣшительно невозможно сдерживаться. У нея явилась непреодолимая потребность волноваться, высказываться. Но все-же она понимала, что это не приведетъ ни къ чему, а потому приказала какъ можно скорѣе заложить сани и отправилась по магазинамъ. Чистый морозный воздухъ нѣсколько освѣжилъ ее. Но волненіе все-же не утихало, — все ее раздражало. Она, чего съ нею никогда не случалось, перебранилась во всѣхъ магазинахъ, гдѣ на этотъ разъ ей ничѣмъ не могли угодить. Всѣ вещи, которыя она хотѣла купить, казались ей никуда негодными и при этомъ за нихъ спрашивали невозможныя цѣны. Наконецъ, проѣздивъ часа два, она придумала сдѣлать нѣсколько визитовъ; но дорогою вдругъ раздумала и приказала везти домой. Войдя въ гостиную, она замѣтила на столѣ письмо и узнала почеркъ Нины.

«Это еще что такое?»

Она быстро распечатала конвертъ и прочла: «Простите меня, дорогая (даже не ma tante, а «княгиня»—это еще новая обида), я сознаю всю мою вину передъ вами. За вашу доброту, за ваше

обо мнѣ попеченіе—я принесла вамъ только непріятности. Богъ видитъ, какъ я люблю васъ и какъ мнѣ тяжело и горько. Но мнѣ дѣлать нечего—я не имѣю права болѣе у васъ оставаться. Обстоятельства, въ которыхъ я, можетъ быть, и не виновата (но доказать вамъ я этого не могу), лишаютъ меня вашего довѣрія и дѣлаютъ меня недостойной вашей доброты. Я ухожу, забудьте обо мнѣ и простите меня».

Вся кровь бросилась въ голову княгинѣ, такъ что она даже пошатнулась, и комната заходила передъ ея глазами. «Этого еще не доставало! Да, вѣдь, она совсѣмъ съ ума сошла, какъ есть дура!.. Куда-же это она убѣжала? Конечно, туда, къ этой Татариновой... Скорѣе, скорѣе, а то, вѣдь, нѣсколько часовъ—и все это разнесется по городу... и тогда, что дѣлать?» Княгиня послала сказать кучеру, чтобы онъ не откладывалъ. А сама отправилась розыскивать Пелагею Петровну.

Она нашла ее въ ея комнатѣ, куда компаньонка уже удалилалась, исполнивъ свои утреннія обязанности при генеральшѣ. Пелагея Петровна очень изумилась, увидя входившую къ ней княгиню, такъ какъ подобныхъ визитовъ до сихъ поръ еще никогда не случалось. Она засуетилась, но въ то-же время приняла обиженный видъ.

— Что приказать изволите-съ, ваше сіятельство? — проговорила она, поджимая губы.

— Вы знаете адресъ Татариновой?

— Какъ-же-съ, знаю!

Она всегда все знала.

— Гдѣ-же это?

Пелагея Петровна объяснила во всѣхъ подробностяхъ и прибавила:

— А вамъ, если смѣю спросить, по какой причинѣ онъ понадобился?

Но княгиня ничего не отвѣтила, повернулась и вышла. Пелагея Петровна съ удовольствіемъ потерла руки и усмѣхнулась: «Сама ѣдетъ! сама ѣдетъ! Ну, заварилась каша. А очень-бы любопытно знать, что тамъ будетъ?.. Да какъ узнать про то,—никакимъ манеромъ невозможно... старуха что скажетъ... Потому очень оно ужъ любопытно!..»

Княгиня уѣхала и дорогою чувствовала себя совсѣмъ несчастной. И откуда только все это взялось, какъ такъ оно вышло? Жизнь была такая ровная, спокойная, ничто не тревожило, не смущало... Съ самой смерти мужа, княгиня даже позабыла, что на свѣтѣ есть горе, волненіе, а теперь волновалась какъ никогда, просто себя не узнавала.

Найдя указанный ей домъ, она приказала сторожу безъ вся-

кихъ объясненій отворить ей ворота, слѣзла у крылечка, позвонила. И въ то время, какъ отворившій ей лакей съ изумленіемъ и даже не безъ нѣкоторой робости смотрѣлъ на нее, порывисто спросила:

— Барыня дома?

Лакей замялся, не зная какъ ему быть. Всѣ дамы, посѣщавшія Катерину Филипповну, были хорошо ему извѣстны, а новыхъ, незнакомыхъ лицъ почти никогда не появлялось. Если-же онѣ и появлялись, то обыкновенно въ сопровожденіи кого-нибудь изъ обычныхъ посѣтителей. Но княгиня не стала дожидаться его отвѣта. Она величественно вошла въ сѣни, оттуда въ переднюю и проговорила:

— Пойди и доложи барынѣ, что княгиня Маратова желаетъ ее видѣть по важному дѣлу. Княгиня Маратова — слышишь... смотри не переври...

Совсѣмъ растерявшійся старикъ снялъ съ княгини салопъ и пошелъ исполнять ея приказаніе. Княгиня вошла въ залу и стала ждать. Все тихо, никто не показывается. Наконецъ, минуты черезъ двѣ старикъ вернулся и, указывая на дверь, сказалъ:

— Пожалуйте сюда вотъ-съ, въ гостиную. Пожалуйте, барыня сейчасъ выйдутъ...

Княгиня вошла въ гостиную и оглядѣлась: мрачная комната, съ темно-суконной мебелью; со стѣнъ глядятъ прекрасные лики картинъ-иконъ; въ углу, передъ большимъ висящимъ образомъ, въ сіяющей золоченой ризѣ, горитъ лампадка. Эта гостиная производитъ какое-то странное впечатлѣніе, почти такое-же, какъ если входишь въ келью; даже воздухъ какой-то келейный.

Небольшая дверь тихо отворилась и передъ княгиней появилась сухощавая, блѣдная женщина. Княгиня встрепенулась. Она совсѣмъ не того ожидала. Она расчитывала увидѣть женщину, внушающую къ себѣ недовѣріе уже одною внѣшностью. Она заранѣе ненавидѣла и презирала эту женщину. А между тѣмъ передъ нею было замѣчательно симпатичное и доброе лицо, съ прекрасными грустными глазами.

— Вы желали меня видѣть, княгиня?—проговорила Катерина Филипповна, поклонившись съ достоинствомъ и даже съ граціей, и, указывая на кресло, прибавила: — прошу покорно, присядьте.

Княгиня окончательно смутилась. Она видѣла, что начать объясненіе такъ, какъ она предполагала—невозможно. Она помѣстилась противъ хозяйки по ея приглашенію.

— Извините меня,—сказала она:—если я васъ потревожила, и скажите мнѣ, пожалуйста, не у васъ-ли моя родственница, Нина Ламзина? Мнѣ очень нужно ее видѣть... я подумала, что застану ее у васъ...

И въ то-же время она съ тоскою подумала:

«А что если она отопрется? Ну, тогда я заговорю иначе...»

Катерина Филипповна не стала отпираться.

— Вы не ошиблись, княгиня, — спокойно произнесла она, прямо и ласково глядя на гостью своими тихими глазами. —Нина Александровна у меня. Я сейчасъ скажу ей.

Она медленно поднялась и вышла изъ гостиной. Прошла минута, другая. Княгиня ждала съ возрастающимъ нетерпѣніемъ и тревогой. Наконецъ, у двери появилась Нина. Она была одна. Княгиня такъ и рванулась къ ней навстрѣчу.

— Нина, сумасшедшая, какъ тебѣ не стыдно! Что ты со мною дѣлаешь?

Вдругъ ея голосъ оборвался и на глазахъ показались слезы. Нина растерянно взглянула на нее. Взглянула еще разъ и, зарыдавъ, упала ей на грудь. Княгиня, себя не помня, обнимала ее, цѣловала и шептала ей:

— Дурочка, ты ни себя, ни меня не жалѣешь. Развѣ такъ можно? Ѣдемъ скорѣе, а то, вѣдь, Богъ знаетъ, что сплетутъ и потомъ ничего не исправишь...

Въ это время вошла Катерина Филипповна, такая-же спокойная, съ такимъ-же добрымъ лицомъ и кроткими глазами.

— Если-бы вы знали, княгиня,—сказала она:—какъ я рада что вы здѣсь, у меня. Будьте такъ добры, выслушайте то, что я имѣю вамъ сказать.

— Я васъ слушаю.

И въ то-же время княгиня крѣпко держала руку Нины, будто боясь, что вотъ-вотъ сейчасъ эта кроткая женщина ее у нея отниметъ.

— Я должна оправдаться немного передъ вами, а главное, оправдать Нину Александровну,—начала Татаринова, снова улыбнувшись.—Вы недовольны Ниной Александровной черезъ меня за то, что она до сихъ поръ скрывала передъ вами свое знакомство со мною. И, конечно, вы имѣете основаніе, и я васъ понимаю. Но разсудите хладнокровно, княгиня: мои враги давно уже испортили мнѣ репутацію, выставили меня не то сумасшедшей, не то изувѣркой какой-то, и въ обществѣ очень обо мнѣ дурно думаютъ. Я это давно знаю, примирилась съ этой мыслью и порвала всѣ сношенія съ обществомъ. Но все-же у меня, по милости Божьей, есть друзья, которые не отказываютъ мнѣ въ сочувствіи своемъ, хорошо зная, что во мнѣ нѣтъ того, что мнѣ приписываютъ. Къ числу этихъ друзей принадлежитъ и Нина Александровна. Мы познакомились три года тому назадъ въ Москвѣ, и я отъ всей души ее полюбила. Я очень обрадовалась, узнавъ, что она въ Петербургѣ, и увидя ее у себя. Ея

посѣщенія, очень нечастыя, доставляютъ мнѣ большое удовольствіе...

— Прекрасно,—вдругъ перебила княгиня:—но зачѣмъ-же она отъ меня скрывала, что знакома съ вами?

— Потому что была увѣрена, что вы будете противъ этого знакомства.

— А прекратить его,—прошептала Нина:—мнѣ было очень тяжело... я и люблю, и уважаю Катерину Филипповну.

— И, вѣдь, она была права,—сказала Татаринова еще ласковѣе, еще съ большей кротостью глядя на княгиню.—Вѣдь, вы бы возстали противъ ея знакомства со мною, если-бы она въ немъ призналась?

Княгиня ничего не отвѣчала. Ей становилось очень неловко. Кротость и симпатичный видъ Татариновой на нее дѣйствовали противъ ея воли. А Катерина Филипповна между тѣмъ продолжала.

— Я допускаю и, какъ уже сказала, нахожу естественнымъ, что вы вслѣдъ за другими осудили меня и почитаете дурной и вредной женщиной. Но я обращаюсь къ вашему сердцу, княгиня, и къ разсудку—вѣдь, вы осудили меня, не имѣя обо мнѣ никакого понятія, никогда меня не видавъ... А представьте-же себѣ, если всѣ эти обвиненія противъ меня ложны. Вѣдь, вы знаете жизнь, знаете, какъ часто обвиняютъ людей безъ всякихъ основаній. Представьте себѣ, что я ничего дурного не дѣлала и не дѣлаю, что я только ищу въ религіи успокоенія и забвенія всѣхъ тягостей жизни, что я люблю бесѣдовать съ серьезными, благочестивыми людьми. Люблю бесѣдовать вотъ съ такими хорошо направленными дѣвушками, какъ ваша племянница. Представьте, что въ свиданіяхъ и бесѣдахъ нашихъ нѣтъ ничего предосудительнаго—а вы обвиняете не только меня, но и Нину Александровну... Я не стану судиться съ вами, не стану оправдываться. Когда она пришла ко мнѣ очень взволнованная и все разсказала—спросите ее, что я ей говорила. Я ее убѣждала вернуться къ вамъ. Вотъ она—я сдаю ее вамъ съ рукъ на руки. Если вы находите предосудительнымъ, что она у меня бываетъ, убѣдите ее прекратить эти посѣщенія. Я ее противъ вашей воли принимать не стану.

Княгиня окончательно смутилась, ей даже становилось стыдно. Она думала, что ѣдетъ Богъ знаетъ въ какую трущобу спасать Нину отъ погибели. Она даже уже помышляла обратить вниманіе сильныхъ людей на эту Татаринову, эту развратительницу юношества. Поступокъ Нины казался ей возмутительнымъ, а вотъ онѣ объясняютъ все это очень естественно. Вмѣсто ужасной женщины, передъ нею это доброе лицо, эти ласковые, тихіе

глаза, разумныя рѣчи, въ которыхъ даже какая-то притягательная, чарующая сила. И, вѣдь, это правда—если-бы Нина сказала ей, что знакома съ Татариновой, она всѣми мѣрами воспротивилась-бы этому знакомству. А если Татаринова дѣйствительно страдаетъ отъ враговъ, если она оклеветана, если за ней нѣтъ ничего дурного, зачѣмъ-же поднимать эту исторію?.. «А дядюшка?»—вдругъ вспомнила она и снова въ ней закипѣло сердце.

— Вы мнѣ позволите, въ свою очередь, быть откровенной?—сказала она, обращаясь къ Татариновой

— Только этого и желаю, княгиня.

— Вы давно знаете моего дядю, князя Унжицкаго?

— Очень давно, лѣтъ двадцать.

— Мнѣ тяжело такъ говорить, но я вынуждена обстоятельствами и должна спросить у васъ, считаете вы его за хорошаго, искренняго человѣка?

— Да, конечно; я не имѣю никакихъ основаній думать иначе. Я никогда ничего дурного о немъ не слышала и отъ него не видѣла.

— Даже не слышали? Это странно.

— Я живу внѣ общества, княгиня, и отстраняюсь отъ всякихъ сплетень.

— Въ такомъ случаѣ, дѣлать нечего, я должна предупредить васъ, что онъ дурной и очень неискренній человѣкъ. И если что особенно меня огорчаетъ, такъ это то, что Нина съ нимъ у васъ встрѣчается.

— Но, вѣдь, я полагаю, что прежде всего она съ нимъ ежедневно встрѣчается и помимо меня; такъ какъ онъ живетъ въ одномъ домѣ съ вами?—очень просто и тихо сказала Катерина Филипповна.

Княгиня вспыхнула. Она почувствовала, что побѣждена и что при этомъ еще вдобавокъ выставилась дурой. Но она не стала останавливаться на этой мысли и только проговорила про себя: «Дура, такъ дура! Ну такъ что-же такое—дура и есть!»

— Поѣдемъ, Нина,—сказала она, обращаясь къ молодой дѣвушкѣ.—И, пожалуйста, не волнуйся! Придется хорошенько обдумать, какъ намъ поступать теперь и какъ поладить съ злыми языками, которые, по твоей неосторожности, уже начали походъ противъ тебя.

Затѣмъ она ласково обратилась къ Татариновой:

— Еще разъ прошу извинить меня, Катерина Филипповна, но я рада, что побывала у васъ и что мы объяснились. Я знаю, что такое клевета и сплетни—навидалась ихъ немало. И если позволите, это не послѣднее наше свиданіе.

- Всегда буду очень рада васъ видѣть у себя, княгиня,—

протягивая ей руку, сказала Татаринова.—Сама-же я никуда не выѣзжаю и этого своего обычая измѣнить не въ состояніи. Да, надѣюсь, вы и поймете, что я не могу иначе, съ той репутаціей, какую мнѣ сдѣлали.

Онѣ любезно простились. Княгиня всю дорогу молчала. Но по лицу ея было видно, что она быстро успокаивается и веселѣетъ. Наконецъ, уже подъѣзжая къ самому дому, она сказала Нинѣ:

— Вотъ видишь, зачѣмъ-же было скрываться и ходить кривыми путями? Прямой путь всегда лучше.

— Но развѣ я могла подумать, что такъ кончится! Развѣ вы сами могли это думать?

— Да, пожалуй, ты права. Ну и довольно объ этомъ. И такъ еще не мало хлопотъ будетъ. Не знаю, какъ удастся тебя выгородить...

XXIX.

«Ангельская любовь».

По возвращеніи домой, княгиня отправилась къ матери, а Нина прошла въ гостиную. Она чувствовала большую слабость послѣ всѣхъ этихъ треволненій; но на сердцѣ у ней стало все-же гораздо покойнѣе. Она даже въ сущности была довольна, что между нею и княгиней не стоитъ прежняя ложь, такъ ее тяготившая. Положимъ, полной откровенности и теперь не было, главное она все-же должна была скрывать отъ нея. Но что-же дѣлать, вѣдь, она не имѣетъ никакого права признаться ей, навѣрное зная, что та не въ состояніи ее понять. Теперь она вернулась къ мыслямъ о Борисѣ. Вотъ уже нѣсколько дней она его не видитъ, но, вѣдь, иначе быть не можетъ. Ему неловко было-бы раньше явиться. И вотъ, когда она думала объ этомъ, она начала испытывать уже извѣстное ей ощущеніе, ощущеніе его близости. Когда черезъ нѣсколько минутъ онъ вошелъ въ гостиную, она нисколько не изумилась... Она ждала его и при этомъ уже знала, чѣмъ его встрѣтитъ, она приняла большія рѣшенія.

— Вы больны?—сказалъ, тревожно вглядываясь въ ея лицо, Борисъ.

Она ему улыбнулась и крѣпко сжала его руку.

—Нѣтъ, не больна, утомлена только, но теперь вотъ и утомленіе прошло. Я ждала васъ. Вы пріѣхали во время, мы можемъ говорить. А мнѣ такъ много, такъ много нужно сказать вамъ!

— Значитъ, вы уже не будете меня томить, Нина?

— Не буду.

Она опять ему улыбнулась, безсознательно вложивъ въ эту улыбку всю нѣжность, которая поднялась въ ней при его появленіи.

— Послушайте, Борисъ,—начала Нина:—сядьте вотъ здѣсь, поближе, я буду говорить тихо, чтобы какъ-нибудь кто не услышалъ... Послушайте... вотъ, вѣдь, это четвертое свиданіе въ жизни, а я называю васъ Борисомъ...

— Да развѣ иначе можетъ быть?..—перебилъ онъ ее.

— То-то и есть, что не можетъ. И вотъ я четвертый разъ васъ вижу, а вѣрю вамъ, какъ никому на свѣтѣ.

Онъ радостно взглянулъ на нее.

— Да, я такъ вамъ вѣрю, что не стану брать отъ васъ ни клятвъ, ни обѣщаній, что все, что я вамъ скажу и открою, останется между нами. Я открою вамъ большую тайну, которую не рѣшаюсь и никогда не рѣшусь открыть княгинѣ, а ближе ея у меня никого нѣтъ, и я ее очень люблю и уважаю. Слушайте меня, Борисъ, слушайте внимательно.

Но его не нужно было приглашать къ этому,—онъ такъ и впился въ нее. Онъ не проронилъ ни одного звука. Она нѣсколько безпорядочно, но быстро, живо и ярко стала говорить ему о себѣ, о своемъ внутреннемъ мірѣ. Она раскрывала передъ нимъ всю свою душу. Онъ иногда ее останавливалъ для того, чтобы сказать ей, что понимаетъ ее, что ему самому очень хорошо знакомы всѣ эти ощущенія, грёзы, это недовольство жизнью, это исканіе чего-то высшаго, лучшаго. Она оживлялась болѣе и болѣе.

— Я знала, что вы меня поймете,—радостно говорила она:—иначе и быть не могло. Значитъ, я васъ знала, значитъ, все это былъ не бредъ, не мечты пустыя. Боже мой, какъ много страннаго, какъ много непонятнаго и чудеснаго въ жизни. А люди не хотятъ видѣть этого, не вѣрятъ, смѣются.

— Въ чемъ-же ваша тайна, Нина? Я все жду, а тайны пока нѣтъ никакой.

— Постойте, сейчасъ, теперь мнѣ легче рѣшиться. Я знаю—вы и это поймете. А если поймете, тогда, значитъ, я имѣю право открыть вамъ все, не нарушая своей клятвы.

— Клятвы?—изумленно переспросилъ Борисъ.

— Да, сейчасъ...

И она передала ему о своемъ знакомствѣ съ Татариновой, о собраніяхъ ихъ, круженіяхъ, пророчествахъ. Однимъ словомъ, ничего не скрыла. Не скрыла и послѣднихъ обстоятельствъ,—происшествій этого дня. Она такъ была увлечена,

она спѣшила, она боялась, что вотъ-вотъ войдетъ княгиня или другой кто-нибудь прервetъ ее и помѣшаетъ ей докончить. А ей безумно хотѣлось докончить въ этотъ разъ все, чтобы не оставалось никакихъ сомнѣній, чтобы вздохнуть, наконецъ, свободно. Въ своемъ волненіи она не замѣчала, что выраженіе лица Бориса измѣнилось, что онъ уже не поддакиваетъ ей, не говоритъ, что понимаетъ ее. Онъ слушалъ съ такимъ-же напряженнымъ вниманіемъ, но его лицо по временамъ принимало мрачное выраженіе, брови сдвигались. Наконецъ, онъ остановилъ ее:

— Мнѣ кажется, вы далеки отъ истины,—сказалъ онъ.—Все это такъ странно... Я слышалъ уже давно о Татариновой и хотя никогда не вѣрилъ тѣмъ толкамъ, какіе о ней ходятъ, но, признаюсь, считалъ ее немного помѣшанной.

— Ахъ, какъ вы заблуждаетесь! И какъ мнѣ грустно слышать это отъ васъ—я не того ожидала...

Нина тревожно взглянула на него.

— Погодите, я, вѣдь, не знаю,—сказалъ онъ:—очень можетъ быть, что я и ошибаюсь, что я измѣню свое мнѣніе. Можетъ быть, вы меня во всемъ убѣдите. Но скажите мнѣ прямо, прошу васъ. У васъ... у васъ никогда, ни разу не являлось сомнѣніе?

Нина опустила глаза и глубоко вздохнула.

— Къ несчастью, являлось и даже не разъ, и даже часто... И все чаще въ послѣднее время.

— Вотъ видите!.. и это очень важно.

— Но эти мои сомнѣнія,—горячо перебила она:—это искушеніе, это дѣйствіе нечистой силы.

Борисъ даже вздрогнулъ. Несмотря на свое мистическое настроеніе, онъ ясно видѣлъ всю опасность, которой подвержена Нина. Онъ не ожидалъ этихъ откровеній. Но онъ рѣшился все разглядѣть хорошенько и дѣйствовать осмотрительно. Между тѣмъ Нина говорила:

— Катерина Филипповна—святая женщина и ошибаться не можетъ. Я васъ познакомлю съ нею и хочу, чтобы вы приняли участіе въ нашихъ собраніяхъ. Я поручусь за васъ передъ всѣми. Вы должны все видѣть, все испытать, тогда и убѣдитесь, что тутъ не заблужденіе. Согласны?

— Хорошо, конечно, я пойду туда уже потому, что вы тамъ бываете.

— Такъ видите-ли вы теперь, Борисъ, что я имѣла основаніе испугаться нашей встрѣчи и говорить такъ, какъ говорила въ послѣдній разъ.

Борисъ съ изумленіемъ взглянулъ на нее.

— Нѣтъ, я этого совсѣмъ не вижу и не понимаю...

— Я испугалась, услыша отъ васъ то, что вы мнѣ говорили

Мнѣ... мнѣ показалось, что вы говорили о такой любви, которая не можетъ и не должна быть между нами!...

— То, что я сказалъ, я повторяю. Я всю жизнь ждалъ васъ, любилъ, все надѣялся, что мы предназначены другъ для друга... Мы встрѣтились, и я хочу надѣяться, что намъ уже не придется разлучаться, что вы будете моей, моей женой, спутницей всей моей жизни...

Нина вздрогнула и подняла на него свои прекрасные глаза, въ которыхъ свѣтилась теперь грусть.

— Вотъ видите, вы говорите о земной любви, вы хотите, чтобы я была вашей женой, а я не могу быть ничьей женой. Я вамъ не все сказала—слушайте!

Она передала ему о пророческомъ голосѣ, о своемъ обѣтѣ, который должна исполнить.

— Нина, да, вѣдь, это безуміе!—горячо остановилъ онъ ее.

— Нѣтъ, не безуміе, и иначе быть не можетъ. Зачѣмъ мнѣ скрываться передъ вами?Я не должна, я не хочу этого, у меня никогда не будетъ отъ васъ ничего скрытаго. Я люблю васъ и знаю, чувствую, что буду любить еще больше, если только это возможно. Любите и вы меня, мы будемъ счастливы другъ съ другомъ, и Христосъ благословитъ эту любовь нашу. Мы будемъ любить другъ друга, какъ ангелы на небесахъ. Мы соединимъ наши души, будемъ духовными супругами. И эта любовь переживетъ насъ и снова соединитъ насъ за гробомъ. Но никогда не говорите мнѣ, Борисъ, о земной любви, ея не должно быть между нами. Мы обязаны стоять выше ея и такъ мы будемъ гораздо счастливѣе...

Борисъ глядѣлъ на нее изумленный, онъ сразу даже не могъ понять, что это такое она ему говорила, но, наконецъ, понялъ. На его лицѣ выразилось почти негодованіе, но онъ сдержался, онъ ничего не возражалъ ей, онъ только проговорилъ:

— Я не буду теперь ни о чемъ спорить съ вами. Любите меня какъ знаете, только любите.

Блаженная улыбка мелькнула на лицѣ ея, и она протянула ему руки и прошептала:

— Теперь я счастлива, теперь я спокойна... братъ милый...

Онъ наклонился и цѣловалъ ея руки. Она ихъ не отнимала. Глаза ея свѣтились, на нѣжныхъ, всегда блѣдныхъ щекахъ теперь вспыхивалъ и разгорался румянецъ. Но въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги. Онъ опустилъ ея руки. Вошла княгиня.

— А, вотъ это кто! Очень рада васъ видѣть, Борисъ Сергѣевичъ,—ласково сказала она.

— Я пріѣхалъ просить у васъ прощенія за невѣжливость, которую въ прошлый разъ долженъ былъ себѣ позволить...

— Я простила. Садитесь и потолкуемъ.

Княгиня была теперь, очевидно, въ хорошемъ настроеніи, а присутствіе Бориса ей очень нравилось. Она стала болтать безъ умолку, и Борисъ ее поддерживалъ. Онъ такъ-же, какъ и она, былъ оживленъ. Бесѣда съ Ниной, несмотря на многое, что было въ ней смущающаго, все же его окрылила. Одна только Нина не могла съ собою справиться. Она то блѣднѣла, то краснѣла, видимо, не принимала участія въ разговорѣ, не слышала того, что говорилось. Она погрузилась въ иной міръ, и этотъ міръ теперь улыбался ей, сіялъ передъ нею радужными лучами. Когда Борисъ сталъ прощаться, княгиня пригласила его на слѣдующій день къ себѣ въ ложу.

Онъ уѣхалъ и сталъ разбираться въ этихъ нежданныхъ откровеніяхъ. Онъ рѣшилъ непремѣнно быть у Татариновой, разглядѣть хорошенько эту странную секту и вырвать изъ нея Нину.

«Неужели я кому-нибудь уступлю ее. О, я докажу ей, что и земная любовь можетъ идти рука объ руку съ небесной, что мы духи, но духи во плоти—и не имѣемъ права забывать объ этомъ... Если же ей удастся убѣдить меня, что мы должны быть только духовными супругами... ну, что же!.. Да только, вѣдь, не удастся ей этого. Она меня любитъ, любитъ!»...

Широкое, радостное чувство охватило его. Весело и бодро взбѣжалъ онъ по широкимъ ступенямъ своего дома. Онъ прошелъ во второй этажъ и въ одной изъ гостиныхъ столкнулся съ Катринъ. Рядомъ съ нею былъ опять графъ Щапскій.

Но блаженное настроеніе Бориса такъ было велико, что онъ даже и къ нему отнесся безъ непріятнаго чувства. Онъ любезно съ нимъ поздоровался, нѣжно поцѣловалъ руку Катринъ...

Онъ всѣхъ любилъ, всѣ ему нравились. Жизнь казалась такой хорошей и никакимъ дурнымъ и грустнымъ мыслямъ теперь не было мѣста.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Кризисъ.

Конечно, главнымъ интересомъ Бориса Горбатова, при которомъ всѣ остальные уходили на второй планъ, была Нина. Несмотря на всѣ его старанія, дѣла съ этой стороны шли вовсе не такъ быстро и успѣшно, какъ бы ему хотѣлось. Онъ не могъ обойти затрудненій, которыя выставляла извѣстная форма общежитія, принятая въ томъ кругу, среди котораго онъ вращался. Хотя не только что княгиня, но даже и генеральша были съ нимъ очень предупредительны и любезны и всегда выказывали радость при его появленіи, хотя онъ самъ изощрялъ всѣ способы находить предлоги для частыхъ посѣщеній, а все же эти посѣщенія были не особенно часты.

Нерѣдко случалось также, что когда онъ являлся къ княгинѣ, то не заставалъ Нину дома, а если и заставалъ, то въ обстановкѣ, не допускавшей продолжительныхъ бесѣдъ съ нею съ глазу на глазъ. Онъ ясно видѣлъ, что Нина болѣе чѣмъ рада его пріѣзду. Онъ продолжалъ быть увѣреннымъ въ ея къ нему чувствѣ; но все же это его мало подвигало впередъ. Когда ему удавалось поговорить съ нею, она то и дѣло заводила отвлеченные, мистическіе разговоры и упорно стояла на томъ, что ихъ любовь должна быть «ангельской». Первое время онъ продолжалъ мало обращать вниманія на это опредѣленіе, но затѣмъ сталъ волноваться, и, наконецъ, эта платоническая любовь представлялась ему просто оскорбительною. Онъ просилъ Нину, во время одного изъ ихъ разговоровъ, положить предѣлъ этому томительному состоянію,—принять его предложеніе и обвѣнчаться съ нимъ. Нина вспыхнула и испуганно посмотрѣла на него.

— Вѣдь, я говорила... говорила, что этого не должно быть, что это невозможно!—прошептала она.

— Да отчего же, если мы любимъ другъ друга?.. Иначе и быть не можетъ, Нина. Вѣдь, и обвѣнчавшись, мы можемъ лю-

бить другъ друга такъ, какъ вы находите нужнымъ. Я ни въ чемъ не пойду противъ васъ, я не стану насильно измѣнять ваши взгляды... Но если мы будемъ мужемъ и женою передъ свѣтомъ, то рушатся всѣ эти преграды, отъ которыхъ я страдаю, и отъ которыхъ и вы должны страдать, если не обманываете себя и меня и дѣйствительно меня любите!.. Очень часто мнѣ такъ не достаетъ васъ, мнѣ такъ вы необходимы, я хочу столько передать вамъ, открыть вамъ всѣ тайники, всѣ извивы моей души... Я нуждаюсь въ вашемъ совѣтѣ, участіи,—а васъ нѣтъ со мною... я одинъ... между нами каменная стѣна, которую уничтожить невозможно. Неужели вамъ непонятно все это, неужели вы сами не испытываете того же? Если нѣтъ, такъ не говорите, что вы меня любите... я не понимаю такой любви...

Но Нина взяла его руку, крѣпко сжала ее и взглянула на него любящими глазами.

— Ахъ, Борисъ, Борисъ! Неужели вы ничего не видите?.. Я, я не люблю васъ!.. Неужели вы думаете, что я не испытываю того же самаго, что и вы?.. Мнѣ тоже васъ не достаетъ... Но жениться мы не можемъ теперь.

— Боже мой, да почему же?

— Потому, Борисъ, что мы очень слабы и, кажется, вы еще гораздо слабѣе моего. А главное, вы еще многаго не понимаете, вы не посвящены... Я знаю, вы искренно теперь обѣщаете, что наши отношенія не измѣнятся, даже если-бы мы и женились. Но подумайте хорошенько, спросите себя и отвѣтьте правду—вы не можете сдержать этихъ обѣщаній. Вы теперь часто говорите, что я васъ оскорбляю, васъ не люблю, а тогда вамъ будетъ казаться еще больше, что я васъ оскорбляю. Вы будете мучиться и меня мучить, и заставите меня совершить грѣхъ, ошибку непоправимую... Вотъ видите, я права, вы молчите, вамъ нечего мнѣ возражать...

Борису дѣйствительно было нечего возражать, и онъ чувствовалъ, что она права.

— Но развѣ возможно все это? Развѣ такая жизнь—счастье, и вы счастливы теперь, и вамъ ничего иного не надо? — спросилъ онъ Нину.

— Нѣтъ, я несчастлива потому, что вижу, что вы ходите во мракѣ. Я буду счастлива тогда, когда вы изъ него выйдете, когда вы все поймете; тогда между нами не будетъ этихъ споровъ, этихъ упрековъ... Вѣдь, я васъ просила убѣдиться... Катерина Филипповна готова принять васъ, братья и сестры мнѣ довѣряютъ. Вы будете допущены на собраніе.

— Такъ скажите, когда мнѣ быть?

— Хоть сегодня, хоть сейчасъ.

— Но, если я не увѣрую въ то, во что вы тамъ вѣрите, а напротивъ, если мнѣ станетъ ясно, что вы заблуждаетесь?...

— Тогда увидимъ, поговоримъ... Такъ вы согласны?

— Я не отказывался, я только не настаивалъ, я ждалъ вашего зова.

— Собраніе у насъ завтра,—сказала Нина:—пріѣзжайте съ княземъ Есперомъ.

Борисъ уже зналъ, что князь Есперъ принадлежалъ къ Татариновскому союзу, и, узнавъ это, онъ постарался даже, насколько возможно, сблизиться съ княземъ, хотя тотъ никогда не производилъ на него очень пріятнаго впечатлѣнія. И теперь ему вовсе не понравилась близость Нины съ этимъ человѣкомъ. «Вѣдь, это просто шутъ какой-то! — думалъ онъ: — развинченный, на шалнерахъ, кривляка... что можетъ быть серьезнаго и хорошаго въ такомъ человѣкѣ?..» Но онъ вспомнилъ при этомъ, что уже не разъ въ жизни ему приходилось убѣждаться, что подъ самой комичной и странной наружностью скрывается иногда совсѣмъ неожиданное содержаніе...

Борисъ уже нѣсколько разъ посѣтилъ князя Еспера въ его мезонинѣ, но поладить ему со старымъ франтомъ оказывалось не легко. Князь Есперъ, несмотря на всю свою предупредительность и любезность, какъ-то странно держалъ себя съ нимъ, смущался въ его присутствіи, бѣгалъ глазама во всѣ стороны и начиналъ его занимать самымъ пошлымъ разговоромъ. Но Борисъ, во время второго своего визита, замѣтилъ у князя на столѣ богословскія и мистическія сочиненія и заставилъ хозяина разговориться по поводу этихъ книгъ. Князь Есперъ, чего Борисъ никакъ не ожидалъ, оказался весьма начитаннымъ. Только не было особенной ясности ни въ его изложеніи, ни въ его мысляхъ. Онъ часто путался, сбивался. Онъ совсѣмъ не умѣлъ вести отвлеченный споръ и къ тому-же это, повидимому, было ему противно. Наконецъ, онъ сталъ отдѣлываться общими фразами и вдругъ совсѣмъ замолчалъ. А Нина увѣряла, что князь Есперъ такъ краснорѣчивъ, такъ увлекательно доказываетъ!.. Борисъ недоумѣвалъ и кончилъ тѣмъ, что рѣшилъ такъ: «Это человѣкъ скрытный, подозрительный: онъ мнѣ не довѣряетъ и не хочетъ высказываться передо мною. Нужно его пріучить къ себѣ».

Онъ принялся за это, но князь Есперъ не поддавался. Онъ смотрѣлъ на Бориса, какъ на лютаго врага, и просто его ненавидѣлъ. Его посѣщенія, его любезность только раздражали князя. Его молодость, красивая внѣшность, милыя манеры, очевидная искренность, доводили его до бѣшенства. Князь Есперъ вовсе не былъ такимъ жалкимъ и глупымъ человѣкомъ, какимъ казался

съ перваго раза, благодаря своей наружности и смѣшнымъ ужимкамъ. Онъ иной разъ умѣлъ очень ясно наблюдать, да, впрочемъ, и особеннаго ума не требовалось для того, чтобы понять, зная то, что онъ зналъ изъ прежнихъ откровенныхъ словъ Нины,— до какой степени Борисъ для него опасенъ.

Теперь онъ побаивался княгиню, а потому рѣдко бесѣдовалъ съ Ниной; но дѣйствовалъ на нее черезъ Катерину Филипповну. Теперь и у него являлись письменныя откровенія; онъ носилъ ихъ Татариновой и убѣждалъ ее, что этотъ человѣкъ, т. е. Борисъ, погубитъ душу Нины и совратитъ ее на путь неправды. Онъ одинъ изъ всѣхъ братьевъ и сестеръ союза, несмотря на торжественное поручительство Нины, всѣми мѣрами старался отклонить допущеніе Бориса въ собранія. Онъ очень хорошо понималъ, что Борисъ врядъ-ли можетъ повредить имъ и не станетъ на нихъ доносить, ужъ хоть-бы потому, что не захочетъ скомпрометировать Нину. Но онъ боялся не безъ основанія того, что какъ только Борисъ увидитъ ихъ тайнодѣйствія,— онъ непремѣнно отниметъ у него Нину. Онъ такъ и выражался въ своихъ мысляхъ: «отниметъ у меня» — онъ считалъ Нину своею собственностью. Но тутъ князь Есперъ оказался побѣжденнымъ. Его письменныя откровенія вдругъ стали въ противорѣчіе съ такими-же откровеніями Катерины Филипповны, такъ какъ въ ея откровеніяхъ говорилось, и все настоятельнѣе, что Бориса слѣдуетъ спасти, что онъ будетъ спасенъ черезъ Нину и Катерину Филипповну и удостоится въ ихъ средѣ просвѣтленія и просвѣщенія...

Когда Борисъ, послѣ разговора съ Ниной, прошелъ къ нему въ мезонинъ и объявилъ ему о своемъ рѣшеніи ѣхать съ нимъ къ Татариновой, князь Есперъ даже позеленѣлъ весь отъ злости и нѣсколько мгновеній не могъ собраться съ силами и произнести слово.

— Я, кажется, поразилъ и испугалъ васъ? — сказалъ Борисъ.—Мнѣ очень тяжело это видѣть, князь. Я очень благодаренъ Нинѣ Александровнѣ и госпожѣ Татариновой за оказанное мнѣ довѣріе и, повѣрьте, я буду достоинъ. Вамъ нечего меня бояться. Я не могу ручаться, что присоединюсь къ вашимъ убѣжденіямъ,—это я сказалъ и Нинѣ Александровнѣ; но, во всякомъ случаѣ, что-бы ни случилось — я не выдамъ вашей тайны. Я ничего не отрицаю; я ищу истину, не знаю — гдѣ найду ее... Можетъ быть, я найду ее у васъ. Дай Богъ, чтобы это было такъ... Вамъ, право, нечего меня бояться...

И онъ, ласково улыбаясь своей хорошей, молодой улыбкой, крѣпко сжалъ князю руку.

Но тотъ сдѣлалъ гримасу, замигалъ глазами и даже не отвѣтилъ на его пожатіе.

— Мнѣ нечего бояться, Борисъ Сергѣевичъ,—сказалъ онъ:— мы не преступники, мы не дѣлаемъ ничего противозаконнаго и дурного. И если онѣ желаютъ—я къ вашимъ услугамъ... я буду ждать васъ завтра, и мы вмѣстѣ поѣдемъ...

Такъ они и сдѣлали. Катерина Филипповна, Пилецкій и нѣкоторые изъ членовъ союза произвели на Бориса очень хорошее впечатлѣніе, что Нина тотчасъ-же и замѣтила. У нея даже все лицо засвѣтилось отъ радости. Но хорошее впечатлѣніе не было продолжительнымъ. Когда всѣ собрались въ бѣлой залѣ, облаченные въ саваны, Борису сразу стало неловко. Какъ масонъ, онъ ничего не имѣлъ противъ обрядности, противъ извѣстныхъ пріемовъ, и потому не могъ объяснить своего чувства, но оно усиливалось съ каждой минутой. Онъ пристально наблюдалъ за всѣми,—всѣ лица выражали благоговѣніе, всѣ были серьезны, сосредоточены...

Были прочтены молитвы, Евангеліе, сказана была однимъ изъ братьевъ хорошая проповѣдь. Затѣмъ началось довольно нестройное пѣніе духовныхъ стиховъ—и вдругъ Катерина Филипповна закружилась и запророчествовала. Вслѣдъ за нею закружились и другіе. Вся зала наполнилась вертящимися фигурами, экстатическое настроеніе стало охватывать мало-по-малу всѣхъ присутствовавшихъ. Но Борисъ ему не поддавался. А когда закружилась Нина — негодованіе и жалость наполнили его сердце.

Она—высшее, особенное существо, какимъ онъ до сихъ поръ, въ глубинѣ души своей, продолжалъ считать ее, — она вдругъ показалась ему почти смѣшною. Ему стало за нее стыдно. Онъ былъ въ положеніи трезваго человѣка, окруженнаго пьяными, и для того чтобы избавиться отъ впечатлѣнія такого человѣка, для того чтобы подавить въ себѣ омерзеніе, жалость и смѣхъ, ему оставалось одно—самому опьянѣть. Онъ попробовалъ это сдѣлать. Онъ сталъ кружиться. Но онъ не былъ подготовленъ къ этому круженію предварительнымъ экстазомъ. Онъ не могъ забыться, а потому у него закружилась только голова—и ничего больше. Онъ остановился, шатаясь подошелъ къ стулу и сѣлъ. Но голова кружилась до тошноты, и эти вертящіяся бѣлыя фигуры только усиливали головокруженіе. Онъ закрылъ глаза и просидѣлъ такъ нѣсколько мгновеній. Голова все кружилась, и тошнило. Кругомъ поднялись теперь тихіе стоны, глубокіе вздохи, произносились то тамъ, то здѣсь, непонятныя, отрывистыя слова.

Борисъ открылъ глаза. Онъ замѣтилъ, что въ большой комнатѣ почти совсѣмъ темно: кто-то затушилъ канделябры, оставалась горящей лишь одна свѣча. Многіе изъ кружившихся уже попадали на полъ и извивались въ судорогахъ, метались, дѣлали

рѣзкія движенія, поднимались на ноги и опять падали въ полубезпамятствѣ, обхватывая другъ друга руками и катаясь по полу.

Все это производило отвратительное, отталкивающее впечатлѣніе. Борисъ искалъ глазами Нину. И вотъ онъ ее замѣтилъ. Она тоже лежитъ на полу, запрокинувъ голову, разметавъ руки. Онъ бросился къ ней, склонился надъ нею. Лицо ея блѣдно, совсѣмъ безъ кровинки, на лбу выступили крупныя капли, глаза закрыты, на губахъ пѣна...

Не помня себя, Борисъ охватилъ ея станъ, приподнялъ ей голову и началъ поднимать ее съ полу. Она полуоткрыла глаза, шептала что-то, сама сдѣлала слабое усиліе подняться, но сейчасъ-же ея руки опять опустились, голова склонилась на плечо. Она находилась въ полномъ изнеможеніи, не могла придти въ себя. Но Борису все-же удалось поставить ее на ноги. Онъ оглядѣлся, ища по близости стулъ, и тутъ замѣтилъ лежащаго тутъ-же, у самыхъ ногъ своихъ, князя Еспера. Но глаза князя не были закрыты, а по обыкновенію бѣгали по сторонамъ. Онъ лежалъ смирно, свернувшись, и вдругъ вскочилъ на ноги.

— Она упадетъ, дайте я помогу вамъ,—сказалъ онъ.—Поднимемте ее, вынесемте отсюда, ее надо уложить, чтобы она успокоилась...

Несмотря на все свое волненіе и растерянность, Борисъ все же не могъ не замѣтить, что князь Есперъ совсѣмъ не находится въ экстазѣ и даже очень благоразумно разсуждаетъ. Онъ согласился съ нимъ, что лучше вынести Нину изъ залы. Они бережно ее подняли и снесли въ маленькую комнатку, выходившую въ корридоръ, въ которой, какъ и всегда, горѣла лампочка подъ абажуромъ.

— Вотъ сюда... сюда, на кровать,—говорилъ суетливо князь.

Они уложили Нину. Борисъ замѣтилъ на столикѣ графинъ съ водой, намочилъ платокъ, приложилъ его ко лбу Нины. Она скоро очнулась; но еще долго вздрагивала, тяжело дышала и молча сидѣла на кровати, въ своемъ бѣломъ саванѣ, время отъ времени поднимая на Бориса утомленные, какъ-будто померкшіе глаза. Борисъ молчалъ. Онъ былъ возмущенъ до глубины души, онъ былъ исполненъ негодованіемъ. «Мы во-время встрѣтились,—думалъ онъ.—Скорѣй, скорѣй ее вырвать отсюда, отъ этихъ безумныхъ людей, а то она погибнетъ, она умретъ... Боже мой, до чего доходятъ люди!..» Онъ забылъ совсѣмъ о присутствіи князя Еспера и тутъ только замѣтилъ его рядомъ съ собою.

— Что же это за безуміе, князь?—сказалъ онъ:—что это за варварство? Развѣ можно допускать ее до такого состоянія? Вѣдь, она съ ума сойдетъ, умретъ...

— Напрасно вы такъ думаете,—тихо отвѣчалъ князь Есперъ.—

Отчего же Катерина Филипповна, подвергаясь очень часто и давно, многіе годы, этому вдохновенному состоянію, не сходитъ съ ума и не умираетъ? Напротивъ, она стала теперь гораздо здоровѣе, чѣмъ была лѣтъ десять тому назадъ... Отчего мы всѣ не сходимъ съ ума и не умираемъ?

Борисъ сверкнулъ глазами.

— Я говорю не о васъ,—едва сдерживая бѣшенство, произнесъ онъ.—Я не знаю, кому это можетъ быть полезно... Вотъ вы спокойны, такъ и дѣлайте что хотите, но для нея все это не можетъ быть полезно. Посмотрите... видите... Что же это такое?..

Князь Есперъ ничего не отвѣчалъ. Онъ выскочилъ изъ комнатки, вернулся въ залу и, пробираясь между лежащими и корчащимися братьями и сестрами, отыскалъ Катерину Филипповну. Она сидѣла у стѣны на стулѣ, съ опущенной головой, со скрещенными на груди руками. Она только-что пришла въ себя.

— Нечего сказать, хорошо вы поступили,—шепнулъ онъ ей, весь трясясь отъ злости.—Вы предали себя и всѣхъ насъ въ руки врага.

— Что такое? Что вы говорите?—стараясь отогнать набѣгавшій на ея мысли туманъ и понять его слова, спросила она.

— Я говорю—вы насъ предали, допустили невѣрующаго человѣка.

— Онъ повѣритъ...

— Такъ пойдите, поговорите съ нимъ, тогда увидите, какъ онъ повѣритъ... Идите... идите!..

Онъ схватилъ ее за руку и почти силой притащилъ въ маленькую комнату.

— Этотъ человѣкъ находитъ, что мы губимъ сестру Нину, что ей вредно состояніе благодати,—громко сказалъ онъ.

Татаринова теперь уже совсѣмъ владѣла собой.

— Вы такъ думаете?—произнесла она, обращаясь къ Борису.

— Какъ же иначе я могу думать!—мрачно отвѣтилъ онъ.

— Постараюсь измѣнить ваше мнѣніе и доказать вамъ, что вы ошибаетесь. Пожалуйста, пріѣзжайте ко мнѣ завтра днемъ или вечеромъ, — когда хотите, — я всегда дома... Я на свободѣ поговорю съ вами, мнѣ многое нужно сказать и объяснить вамъ... Обѣщаете ли вы мнѣ пріѣхать?

— Хорошо, я завтра у васъ буду. А теперь, ради Бога, успокойте какъ-нибудь Нину Александровну... Не пускайте ее туда... не пускайте..

Затѣмъ онъ обратился къ князю Есперу.

— Вы были такъ добры, что привезли меня сюда, и я очень

попрошу васъ и увезти меня отсюда, мнѣ очень бы хотѣлось поговорить съ вами.

— Я къ вашимъ услугамъ,—сухо отвѣтилъ князь Есперъ.

Борисъ сдѣлалъ глубокій поклонъ Татариновой, пожалъ холодную руку Нины. Потомъ они съ княземъ прошли въ комнату, гдѣ братья обыкновенно надѣвали на себя саваны, и сняли съ себя эту «ангельскую» одежду. Когда дверцы дожидавшейся ихъ кареты захлопнулись, и лошади тронулись—Борисъ началъ раздраженнымъ, взволнованнымъ голосомъ:

— Я былъ ко многому приготовленъ, но ничего такого не ожидалъ. И я теперь понимаю, отчего вамъ такъ непріятно было везти меня на собраніе...

— Можетъ быть, вы хотите этимъ сказать,—прошипѣлъ князь Есперъ:—что мы уже не можемъ расчитывать на вашу скромность?

Онъ самъ былъ въ такомъ бѣшенствѣ, что позабылъ всю свою осторожность. Онъ уже не трусилъ, какъ по обыкновенію, или, вѣрнѣе, трусилъ до такой степени, что уже не разсуждалъ, и казался храбрымъ.

— Нѣтъ, я этого не хочу сказать,—стискивая зубы, отвѣтилъ Борисъ:—вы можете расчитывать на мною скромность. Но я потребую отъ васъ одного условія.

— А, вы ставите условія!.. Это надо было оговорить заранѣе...

— Вы меня ничѣмъ не смутите, князь, я знаю что говорю и что дѣлаю, я отвѣчаю передъ своей совѣстью. Да, я ставлю одно условіе: я не желаю вмѣшиваться въ ваши дѣла, въ дѣла госпожи Татариновой, всѣхъ, кого я сегодня у нея видѣлъ. Но Нина Александровна не должна больше принадлежать къ вашему союзу, вы должны ее освободить, хотя бы въ виду того, что она слишкомъ слаба здоровьемъ, а рисковать жизнью человѣка никто не имѣетъ права....

— Она не ребенокъ, она совершеннолѣтняя, ни отъ кого не зависитъ и сама отвѣчать можетъ за себя!—прошепталъ князь Есперъ.—И я, право, не понимаю, по какому праву вы вмѣшиваетесь въ ея жизнь... Вы ей не братъ, не родственникъ... этимъ вмѣшательствомъ вы компрометируете Нину Александровну...

Онъ съ замираніемъ сердца ждалъ, что отвѣтитъ ему Борисъ на это.

«Неужели у нихъ уже рѣшено... Неужели она рѣшилась?.. Нѣтъ, не можетъ быть этого...»

— Я знаю Нину Александровну давно,—сказалъ Борисъ:—но если-бы я только сегодня ее въ первый разъ увидѣлъ, и увидѣлъ то состояніе, въ какомъ мы ее оставили, я имѣлъ бы право говорить такъ, какъ я говорю.

И онъ повторилъ свое требованіе такимъ рѣшительнымъ тономъ, что князя Еспера даже всего такъ и скрючило.

— Я вамъ совѣтую все это сказать завтра Катеринѣ Филипповнѣ, все зависитъ отъ нея, а я тутъ не причемъ,—наконецъ, выговорилъ онъ, а самъ думалъ:

«Увертывается... но все же, кажется, еще ничего нѣтъ, а то бы онъ не такъ отвѣтилъ»...

Борисъ еще не понималъ ясно, при чемъ тутъ князь Есперъ, но чувствовалъ что-то противное, и этотъ человѣкъ вдругъ сталъ ему отвратителенъ...

На слѣдующій день Катерина Филипповна должна была убѣдиться, что ея откровенія ее обманули. Борисъ имѣлъ съ нею для нея очень непріятное объясненіе. Она ни въ чемъ не могла убѣдить его. Но зато онъ краснорѣчиво и доказательно убѣдилъ ее въ необходимости оставить Нину въ покоѣ и не приглащать ее больше на собранія. Катерина Филипповна скоро отказалась отъ борьбы съ нимъ и, оставаясь такой же любезной, кроткой и тихой, продолжая ласкать его своимъ мягкимъ взоромъ, сказала ему:

— Да, пожалуй, вы и правы, она очень болѣзненна, и сильныя ощущенія могутъ быть для нея вредны... Я обѣщаю вамъ, что, пока она находится въ такомъ состояніи, я не буду звать ее на собранія...

Въ концѣ концовъ Борисъ уѣхалъ, такъ-же, какъ и княгиня, довольный Татариновой.

Теперь ему предстояло объясниться съ Ниной. Подкарауливъ удобную минуту, онъ со всею горячностью, на какую былъ способенъ, сталъ доказывать ей, что она себя губитъ, что она далека отъ истины, что въ этихъ дикихъ и странныхъ собраніяхъ она не только не найдетъ Христа, но Его потеряетъ и, кромѣ того, умретъ. Онъ ждалъ борьбы, спора; а между тѣмъ Нина безъ возраженій, внимательно его слушала. Его слова согласовались съ тѣмъ, что такъ часто нашептывалъ ей тайный голосъ, во что она не разъ сама почти готова была вѣрить. Но вдругъ съ нею произошло что-то странное: она уже совсѣмъ готова была сказать Борису, что онъ правъ, она поняла, что нашла въ его словахъ для себя крѣпкую опору, что теперь можетъ вырваться изъ-подъ чаръ, которыя ее до сихъ поръ окутывали—а между тѣмъ, будто противъ воли, будто подъ давленіемъ какой-то непреоборимой силы, въ нее внѣдрившейся, упорно стала защищать свои заблужденія. Она была дѣйствительно больна, раздраженіе ея нервовъ было доведено до высшей степени...

Борисъ началъ опять настаивать на томъ, чтобы она приняла его предложеніе. Онъ не сомнѣвался въ согласіи своихъ

родителей; чтобы получить это согласіе, ему стоило только съѣздить въ Горбатовское, куда онъ все равно и такъ собирался, потому что они не пріѣхали въ Петербургъ и звали его. Нина упрямо отказывалась, доводила его до отчаянья.

— Не могу, не могу... Это невозможно,—твердила она, почти безсмысленно на него глядя.

И ничего больше онъ не могъ отъ нея добиться. Онъ уѣхалъ, наконецъ, понявъ, что нужно обождать, дать ей возможность успокоиться...

А черезъ нѣсколько дней онъ узналъ, что она больна, что у нея горячка...

Для него началось мучительное время. Онъ долженъ былъ соблюдать приличія, скрывать ото всѣхъ свое горе. Онъ по цѣлымъ днямъ оставался безъ извѣстій, не находилъ себѣ мѣста. Наконецъ, онъ не выдержалъ, отправился къ княгинѣ и имѣлъ съ нею объясненіе. Онъ признался ей во всемъ, но не открылъ ей тайну Нины, не открылъ ей того, что видѣлъ на сборищѣ у Татариновой. Онъ говорилъ ей только о дурныхъ вліяніяхъ—и княгиня поняла его. Она, конечно, оказалась на его сторонѣ, благодарила за откровенность, успокоила его относительно здоровья Нины.

— Доктора увѣряютъ, что нѣтъ опасности, ей лучше, наступилъ кризисъ: она начинаетъ выздоравливать...

— Знаете что,—сказала княгиня:—раньше какъ черезъ двѣ недѣли она все же не можетъ выйти изъ комнаты, а, вѣдь, у насъ уже весна. Къ тому времени станетъ совсѣмъ тепло. Я увезу ее въ свою подмосковную—такъ и доктора совѣтуютъ. Я хотѣла ѣхать позднѣе, но все равно. Мы пріѣдемъ въ самое лучшее время. Вы, дѣлать нечего, потерпите, а я обѣщаю вамъ, что она за лѣто успокоится... я уже постараюсь объ этомъ...

И она такъ ему улыбнулась своей широкой улыбкой, что онъ въ невольномъ порывѣ поцѣловалъ ея руку.

— Я успокою ее,—повторяла княгиня.—Она откажется отъ своихъ бредней. Если хотите, я буду даже вашимъ корреспондентомъ. Въ концѣ августа мы вернемся сюда и тогда—милости просимъ! Богъ дастъ все обойдется, все хорошо устроится. Эта болѣзнь спасетъ ее.

Такъ она рѣшила, и такъ оно и сдѣлалось. Какъ ни тяжело было Борису, но онъ видѣлъ, что приходится потерпѣть. Послѣ разговора съ княгиней онъ убѣдился, что ввѣрилъ свое счастье въ добрыя руки.

Онъ видѣлся съ Ниной передъ ея отъѣздомъ. Она была еще очень слаба, но выраженіе ея лица ему понравилось. Въ немъ было меньше прежней загадочности, странности. Несмотря на

слабость и блѣдность, Нина казалась все же болѣе здоровой, чѣмъ была до болѣзни. Они говорили немного. Борисъ ни на чемъ не настаивалъ и ничего не требовалъ...

Когда онъ прощался, Нина долго не выпускала изъ своей еще болѣе похудѣвшей руки его руку и заплакала.

— До свиданья!—сказала она.—Вы будете мнѣ писать?

— Конечно, буду...

II.

Въ родномъ гнѣздѣ.

Владиміръ Горбатовъ очень изумлялся, глядя на своего брата. Онъ не разъ начиналъ съ нимъ разговоръ о томъ, что же Борисъ намѣренъ, наконецъ, дѣлать, скоро-ли примется за службу, скоро-ли подумаетъ объ устройствѣ своей карьеры? Но Борисъ каждый разъ отвѣчалъ ему, какъ и въ первый день своего пріѣзда, что дорожитъ больше всего свободой, что хочетъ сначала ко всему приглядѣться.

— Какъ же я буду служить, когда еще не рѣшилъ вопроса—на какомъ поприщѣ, въ какомъ дѣлѣ могу принести пользу?

Владиміръ усмѣхнулся, и въ его всегда полузакрытыхъ глазахъ выражалось даже нѣкоторое презрѣніе.

— Да ты, кажется, и вправду не приготовленъ къ жизни,—говорилъ онъ:—у тебя все тѣ-же студенческіе взгляды... Съ какой стати заранѣе толковать о пользѣ?.. Я думаю, что пользу всегда и вездѣ можно принести... Необходимо сдѣлать карьеру, забрать въ руки силу... Чѣмъ больше у тебя будетъ силы въ рукахъ, тѣмъ и больше пользы принесешь...

— Съ этимъ я согласенъ. Но все же, не выяснивъ того, что необходимо выяснить, я считаю недобросовѣстнымъ браться за какое бы то ни было дѣло.

— Знаешь что, мой другъ,—перебилъ его Владиміръ:—ты бы хоть женился. Конечно, это надо хорошо обдумать... Хочешь, я тебѣ назову теперешнихъ нашихъ выгодныхъ и хорошихъ невѣстъ?..

— Выгодныхъ—въ какомъ смыслѣ?

— Въ смыслѣ положенія, связей, наконецъ, и состоянія.

— Не трудись и называть! Мои понятія о выгодности невѣсты совсѣмъ не сходятся съ твоими.

— Прекрасно, я спорить съ тобой не стану, наши споры, вѣдь, это ужъ извѣстное дѣло, ни къ чему не приведутъ... Но позволь тебѣ сдѣлать еще одно замѣчаніе.

— Пожалуйста...

— Ты вотъ говоришь, что присматриваешься. Къ чему же ты присматриваешься? Ты совсѣмъ не бываешь въ обществѣ, иногда по цѣлымъ днямъ не выходишь изъ своихъ комнатъ, читаешь, мечтаешь. Богъ тебя знаетъ, что дѣлаешь; а если и выѣзжаешь куда, такъ, вѣдь, я даже не знаю, въ какомъ кругу ты вращаешься,— во всякомъ случаѣ, не въ нашемъ... Да, pardon, ошибся; ты частенько бываешь у «генеральши», или, вѣрнѣе, у княгини Маратовой... Ты знаешь, я уже нѣсколько разъ слышалъ о томъ, что ты ухаживаешь за этой ея воспитанницей, mademoiselle Nina?...

Борисъ вспыхнулъ. Но Владиміръ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ впечатлѣнія, произведеннаго его словами, хотя оно отъ него не ускользнуло.

— Очень красивая дѣвушка,—продолжалъ онъ: — только не въ моемъ вкусѣ. Она такъ блѣдна... Такіе глаза странные... Знаешь, иногда она совсѣмъ точно выходецъ изъ гроба! Это не я, это Катринъ такъ про нее сказала. Катринъ, хоть и не умна, но у нея бываютъ иногда мѣткія опредѣленія... Впрочемъ, о вкусахъ не спорятъ. Я даже понимаю, что она именно въ твоемъ вкусѣ, да и на меня, пожалуй, въ извѣстномъ настроеніи, можетъ произвести впечатлѣніе... такія минуты бываютъ... Но, Борисъ, прости мнѣ мою откровенность, я собственно говоря, все же не понимаю, что ты съ нею дѣлаешь? Зачѣмъ она тебѣ? Съ нею можно потанцовать, въ мрачномъ настроеніи духа можно и поговорить съ нею, такъ какъ она всегда мрачна... Но ухаживать за нею—съ какой цѣлью?.. Соблазнить ты ее, навѣрное, не захочешь...

— Владиміръ!—крикнулъ Борисъ.

— Чего же ты сердишься, вѣдь, я и говорю: не захочешь...

— Ты могъ бы вообще не касаться этого.

— Но, мнѣ кажется, я имѣю нѣкоторое право интересоваться тобою?.. Думалъ, что имѣю право и быть съ тобою откровеннымъ, что ты мнѣ этого не запретишь...

— Я ничего не запрещаю.

— А въ такомъ случаѣ, я опять повторю: съ какой же цѣлью это ухаживанье? Вѣдь, жениться на ней ты не можешь...

— Владиміръ, я съ тобою не заговаривалъ о племянницѣ княгини Маратовой. Я не могу отвѣчать за всякій вздоръ, который болтаютъ въ обществѣ; но вообще мнѣ было бы интересно узнать—на какомъ это основаніи ты находишь, что на ней нельзя жениться! Катринъ можетъ назвать ее привидѣніемъ, но, вѣдь, все-таки она живая дѣвушка—почему же на ней нельзя жениться?

— Вообще жениться на ней очень можно,—сказалъ Владиміръ.—Говорятъ, княгиня дастъ за нею даже хорошее приданое

и чуть-ли не сдѣлаетъ ее своей единственной наслѣдницей... Такъ что у этой барышни найдется не мало претендентовъ... Но я говорю именно про тебя одного, или вообще про людей нашего круга... Подобный mèsalliance былъ бы нелѣпостью.

Вся кровь кинулась въ голову Бориса. И это говоритъ его братъ, и говоритъ именно про нее—чего же ожидать отъ другихъ въ такомъ случаѣ? Борисъ былъ увѣренъ, что его отецъ и мать взглянутъ не такъ. Но уже обрисовалась тягостная картина будущихъ семейныхъ отношеній, уже ясно стало ему, что семья распадается совершенно, что между его семьею и семьею брата въ будущемъ останется очень мало общаго. Негодованіе охватило Бориса, но онъ, конечно, воздержался. Онъ не хотѣлъ ссоры и не долженъ былъ выдавать себя до времени. Онъ только сказалъ голосомъ, которому постарался придать самый спокойный тонъ:

— Перестанемъ говорить объ этомъ, мы и тутъ не поймемъ другъ друга. Я подъ неравнымъ бракомъ подразумѣваю совсѣмъ не то: старый мужъ и молодая жена, и наоборотъ, мужъ и жена ни въ чемъ несходящіеся другъ съ другомъ—вотъ это, по моему, дѣйствительно mèsalliance.

Братья разстались съ тѣмъ тяжелымъ чувствомъ, которое оба они испытывали почти послѣ каждаго объясненія другъ съ другомъ. Владиміръ долго еще презрительно улыбался. Братъ падалъ въ его глазахъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. И хотя онъ почти не сознавалъ этого, но все-же, въ сущности, онъ былъ даже радъ такому паденію. Онъ не могъ побѣдить въ себѣ чувства зависти; но оно успокоивалось, когда онъ помышлялъ о томъ, что такому человѣку какъ Борисъ не стоитъ завидовать, что, несмотря на все свое образованіе, онъ никогда ничего не достигнетъ, будетъ дѣлать только глупости, будетъ вредить себѣ, какъ уже и теперь вредитъ.

«Три мѣсяца въ Петербургѣ—и ничего не устроилъ! Не бываетъ именно у нужныхъ людей, не съѣздилъ даже представиться великому князю—это Богъ знаетъ что такое!.. Но что же у него въ самомъ дѣлѣ съ этимъ привидѣніемъ? Неужели онъ думаетъ на ней жениться?.. Нѣтъ, это было бы черезчуръ уже нелѣпо... Но, вѣдь, отъ него всего ожидать можно, и именно въ такомъ духѣ. Однако, этого нельзя допустить, это унизительно было-бы для семьи, могло-бы мнѣ повредить...»

Таковы были его мысли. Встрѣтивъ Катринъ, онъ сказалъ ей:

— Можемъ поздравить другъ друга съ новой родственницей—Борисъ женится.

Катринъ внезапно оживилась.

— Какъ! На комъ? Въ самомъ дѣлѣ? Да, вѣдь, онъ ни у

кого не бываетъ, ото всѣхъ бѣгаетъ... развѣ за границей? На комъ-же?

— На воспитанницѣ княгини Маратовой.

— Что тебѣ за охота говорить такой вздоръ? А я думала—ты серьезно...

— Я и такъ очень серьезно, Катринъ. Видишь-ли, онъ мнѣ ни въ чемъ не признался; но я имѣю основаніе думать, что къ тому клонится.

— Послушай, если это не шутка, такъ, вѣдь, надо серьезно и хорошенько подумать... Онъ съ ума сошелъ! Этого нельзя-же допустить. Вѣдь, ты понимаешь?.. Это было-бы позорно для всѣхъ насъ...

— Поэтому-то я и сказалъ тебѣ, я тебя предупреждаю...

— Пусть она только покажется ко мнѣ! Я ей и такъ уже въ послѣдній разъ дала понять... Но, вѣдь, эти люди ничего не понимаютъ... Теперь-же церемониться больше не стану, нѣтъ! Пусть покажется, увѣряю, въ слѣдующій разъ уже не вернется. Нѣтъ, скажите, пожалуйста, до чего доходятъ!

— Только ты ему ничего не говори,—замѣтилъ Владиміръ.

— Не безпокойся.

Но Катринъ не удалось оскорбить Нину. Нина заболѣла, а потомъ уѣхала съ теткой въ деревню. Такимъ образомъ, и Владиміръ, и Катринъ мало-по-малу о ней забыли. Лѣто все они провели въ Горбатовскомъ...

По пріѣздѣ въ родное Горбатовское, Борисъ почувствовалъ себя совсѣмъ обновленнымъ. Стояли чудесные весенніе дни. Садъ благоухалъ первыми цвѣтами. Въ огромномъ паркѣ, одѣвшемся яркой листвою, усыпанномъ бѣлымъ цвѣтомъ черемухи и еще не распустившимися, темными, но уже пахучими кистями сирени, немолчно перекликались птицы... Огромный, съ дѣтства знакомый во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, домъ казался такимъ веселымъ. Свиданіе съ отцомъ и съ матерью было самое трогательное. Борисъ радостно въ нихъ всматривался и не находилъ перемѣны.

Отецъ былъ еще очень бодръ, несмотря на свои пятьдесятъ восемь лѣтъ, несмотря на совсѣмъ сѣдые волосы и мелкія морщины, избороздившія тонкую кожу его прекрасно очерченнаго лица. А у матери даже и сѣдины почти не показывалось. Правда, она была слишкомъ полна; но высокій ростъ и не покинувшая ее грація тѣлодвиженій скрадывала эту ея полноту. Она до сихъ поръ еще напоминала прежнюю знаменитую красавицу. Глаза ея были такъ-же ясны и чисты, какъ въ молодости; улыбаясь доброй улыбкой, которая освѣщала все ея лицо, она показывала рядъ бѣлыхъ, крѣпкихъ зубовъ, вполнѣ сохранившихся.

Борисъ даже находилъ, что она становится все лучше и лучше, все какъ-то яснѣе, чище и спокойнѣе. И это ея спокойствіе передавалось почти всякому, кто къ ней приближался, а на Бориса оно дѣйствовало совсѣмъ особеннымъ образомъ, и теперь болѣе чѣмъ когда либо. Онъ испытывалъ счастье человѣка, который можетъ гордиться своей матерью. Онъ очень былъ привязанъ къ отцу, онъ уважалъ его какъ добраго и честнаго человѣка, хорошо понималъ его уже потому, что самъ во многомъ походилъ на него. Но матерью своей онъ положительно гордился. Онъ боготворилъ ее. Онъ признавалъ ее чуть-ли не соединеніемъ всѣхъ человѣческихъ совершенствъ.

Какъ-то ему приснилось,—у него бывали иногда яркіе, живые сны,—приснилось ему, будто онъ убѣдился, что его мать поступила дурно, что онъ въ ней ошибся, что она нехорошая женщина. Онъ проснулся весь облитый холоднымъ потомъ, дрожа въ лихорадкѣ, съ тоскою, которая разрывала его сердце. Онъ чуть не закричалъ отъ восторга, убѣдившись, что это былъ только сонъ. Но ощущеніе ужаса и тоски, испытанное имъ, было до такой степени сильно, что онъ нѣсколько дней не могъ отъ него отдѣлаться и имъ томился. Если-бы этотъ сонъ повторился на яву, онъ бы навѣрное сошелъ съ ума.

Въ первые дни по своемъ пріѣздѣ онъ почти не отходилъ отъ матери, слѣдя за ея неутомимой разнообразной дѣятельностью. Она продолжала, какъ и всегда, сама всѣмъ руководить въ огромномъ хозяйствѣ. Она была поистинѣ благодѣтельницей тысячъ крестьянскихъ душъ, которыя принадлежали ей и ея мужу. Она была истинной царицей своего маленькаго государства, но царицей, доступной всѣмъ и каждому, не возбуждавшей къ себѣ никакого страха. Къ ней безбоязненно шли всѣ со своими нуждами, болѣзнями и горемъ, давно твердо зная, что барыня Татьяна Владиміровна во все войдетъ, каждому поможетъ.

О баринѣ также никто не обмолвился дурнымъ словомъ, всѣ говорили: «вѣстимо, добрый, хорошій баринъ, мухи не обидитъ!.. Что про то говорить,—важный баринъ, какъ есть...» Но все же, встрѣчаясь съ Сергѣемъ Борисовичемъ, его какъ-то робѣли, переминались, умолкали. Ему нельзя было признаваться въ бѣдѣ, нуждѣ и болѣзни, стыдно было его безпокоить, совѣстно было обращать его барское вниманіе на свою бѣдноту мужицкую... Вотъ онъ и улыбается, и ласково киваетъ головой, и говоритъ такимъ добрымъ голосомъ... Но онъ все же такой далекій, такъ высоко стоитъ—одно слово: «онъ баринъ, господинъ нашъ прирожденный, а мы—его рабы!»

И не знали эти рабы, что ихъ господинъ прирожденный въ свои молодые годы горячо толковалъ о томъ, что рабство позорно,

что рабовъ освободить надо, что они—такіе-же люди... Не знали они этого, но каждый инстинктивно чувствовалъ, что добрый господинъ не понимаетъ ихъ и понять не можетъ. Да, онъ ихъ не понималъ, они были для него чужими. Онъ всю жизнь, окруженный ими, искренно желалъ имъ добра, никогда не позволилъ себѣ съ ними никакой жестокости, и теперь, какъ въ прежніе годы, готовъ былъ признать несправедливость рабства. Но войти въ ихъ жизнь не умѣлъ, а сердцемъ—этого было не дано ему, не такъ его воспиталъ ученый французъ-энциклопедистъ...

Сергѣй Борисовичъ и пробовалъ прежде сблизиться со своими рабами, даже много мечталъ о такомъ сближеніи, даже строилъ разные планы. Но все это какъ-то забылось понемногу и уже давно не вспоминалось. Изъ году въ годъ онъ жилъ однообразной жизнью, жилъ почти въ уединеніи, наполнивъ свой внутренній міръ женою, дѣтьми, да чтеніемъ, которое уносило его далеко и высоко. Жилъ онъ также иногда воспоминаніями своей разнообразно проведенной юности, о которой въ тихіе вечера составлялъ не лишенныя интереса записки. Люди, когда-то знавшіе его блестящимъ царедворцемъ, царедворцемъ не по инстинктамъ, а по положенію, теперь его едва узнавали. Онъ совсѣмъ отсталъ отъ свѣта и когда появлялся изрѣдка въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, то поражалъ своими странностями, своей старомодностью. Бодрый и, повидимому, здоровый, вслѣдствіе правильной деревенской жизни и душевнаго спокойствія, онъ былъ черезчуръ старъ въ своихъ манерахъ. Отъ него такъ и дышало восемнадцатымъ вѣкомъ. Даже и одѣвался онъ по модѣ послѣднихъ лѣтъ Екатерининскаго царствованія. Онъ упорно продолжалъ носить красные каблуки, такъ что надъ нимъ подсмѣивались. Подсмѣивались, но добродушно. Онъ на всѣхъ производилъ хорошее впечатлѣніе. Владиміръ и Катринъ не разъ пытались заставить его сшить себѣ платье по модѣ и снять красные каблуки. Но онъ, вовсе не отличавшійся упрямствомъ и легко поддававшійся настояніямъ близкихъ ему людей, въ этомъ вопросѣ выказывалъ непобѣдимое упорство.

— Я знаю, что я человѣкъ не вашего вѣка,—говорилъ онъ.— Я случайно пережилъ прошлое столѣтіе, но я не могу измѣнить ему.

Онъ не любилъ теперешнюю жизнь и все новое было ему не по вкусу. Ему казалось, что человѣчество, конечно, движется, но не впередъ, а куда-то въ сторону, и ничего путнаго изъ такого движенія не можетъ выйти. Насмотрѣвшись на новыхъ людей, наслушавшись всякихъ толковъ и споровъ,—онъ скоро начиналъ чувствовать, что съ него довольно, что этотъ чуждый ему вѣкъ, въ которомъ онъ случайно очутился, черезчуръ уже утомилъ

его. И онъ спѣшилъ скорѣе, до предположеннаго срока, въ Горбатовское. Очутившись въ своемъ большомъ, спокойномъ и свѣтломъ кабинетѣ, гдѣ со стѣнъ глядѣли на него прекрасныя изображенія Екатерины, Павла, Людовика XVI, Маріи Антуанеты и многихъ знаменитостей минувшаго времени,—онъ чувствовалъ себя успокоеннымъ, возвращеннымъ въ тихое пристанище. Онъ погружался въ любимый міръ, заводилъ бесѣду со старыми друзьями-философами, которые привѣтливо шептали ему изъ-подъ красивыхъ старинныхъ переплетовъ, съ полокъ его обширной библіотеки.

— Чудакъ отецъ,—съ снисходительной улыбкой говорили о немъ Владиміръ и Катринъ.

Но Татьяна Владиміровна и Борисъ не называли его чудакомъ и не улыбались снисходительно, когда о немъ говорили. Они любили его именно такимъ, какимъ онъ былъ, и понимали его, и имъ было-бы очень странно и даже непріятно, если-бы онъ вдругъ появился передъ ними въ новомодномъ платьѣ, безъ красныхъ каблуковъ, и горячо сталъ-бы спорить о современныхъ вопросахъ, интересоваться злобою дня...

Послѣ первой радости и привѣтствій, вдоволь насмотрѣвшись на любимаго сына, Сергѣй Борисовичъ разспросилъ его подробно о Западной Европѣ и, выслушавъ его разсказъ, замѣтилъ:

— Ну да, такъ и есть,—все въ сторону, въ сторону... одни безплодныя метанія... а истиннаго прогресса нѣтъ. Въ наше время было лучше...

— Батюшка, да, вѣдь, то было ужасное время—революція!..

— Да!—горячо перебилъ Сергѣй Борисовичъ:—ужасное время... революція... Я все это испыталъ, былъ среди всего этого. Ужасное время. Но дѣло въ томъ, что жизнь-то была тогда настоящая, а теперь—жизни нѣтъ. Что-же, мой другъ, подожди—и опять будетъ революція... да ужъ не такая... Мелко какъ-то все стало... Измельчали люди, нѣтъ прежней силы и прежнихъ умовъ, нѣтъ талантовъ...

Борисъ зналъ, что спорить и доказывать противное—безполезно. Ему не хотѣлось огорчать отца, раздражать его. Онъ былъ такъ счастливъ, такъ радъ родному воздуху, его окружавшему—чего-же тутъ было спорить!..

Одно только, что омрачало его радость въ родномъ гнѣздѣ—это отсутствіе стараго друга—карлика, безъ котораго даже трудно было представить себѣ этотъ домъ. А между тѣмъ его не было. Въ первый-же день Борисъ сходилъ къ нему на могилу и горячо помолился, а потомъ, вернувшись въ домъ, вошелъ въ его комнатку. Комнатка «Моисея Степаныча», съ самаго дня его смерти, оставалась въ такомъ-же видѣ, какъ и при

немъ. Дверь стояла на запорѣ; но каждое утро комнату убирали и нерѣдко въ нее заглядывали то Сергѣй Борисовичъ, то Татьяна Владиміровна.

Борисъ вошелъ и долго стоялъ, понуривъ голову. Вотъ маленькая кроватка карлика, на которой онъ и умеръ, какъ разсказывалъ Степанъ, умеръ, сожалѣя, что нѣтъ возлѣ него Бориса, и посылая ему свое благословеніе. Вотъ маленькій дѣтскій диванчикъ, кресельца, столикъ, образа въ углу съ неугасимой лампадой, по стѣнамъ старыя, во многихъ мѣстахъ прорванныя, всѣ засиженныя мухами лубочныя картинки, изображающія мученія грѣшниковъ въ аду,—любимыя картинки карлика, съ которыми онъ не разставался всю жизнь... На маленькой этажеркѣ разставлены книги, старое французское евангеліе, которое когда-то въ Парижѣ тщательно изучалъ и переводилъ карликъ, увѣренный, что вотъ-вотъ нападетъ онъ на искаженія и уличитъ «этихъ нехристей» въ ереси. Тутъ-же и тетрадки Моисея Степаныча, исписанныя его твердымъ, старинным почеркомъ, съ удивительными хвостиками, вывертами и завитками буквъ... Что въ этихъ тетрадкахъ? Борисъ раскрылъ одну: «Нынѣ, февраля въ пятый день, Борисъ *пошелъ*. Прошелъ черезъ всю комнату отъ Татьяны Владиміровны до меня, ни за что не держась, и только подойдя уже ко мнѣ, споткнулся. Дитё, по милости Божьей, крѣпкое и здоровое, съ лица будетъ похожъ на Сергѣя Борисыча, но есть что-то и отъ Татьяны Владиміровны. Дай ему Господь возрости на утѣшеніе родительское...»

Борисъ читалъ дальше. Карликъ записалъ рожденіе Владиміра, подробно его крестины. Отмѣчалъ всѣ событія домашней жизни. А то вдругъ переносился въ прошедшее и записывалъ случаи и анекдоты стародавней жизни. Потомъ прерывалъ ихъ и опять возвращался къ домашнимъ событіямъ. И опять Борисъ видѣлъ свое имя на каждой страницѣ, и убѣждался, съ какой любовью, съ какой заботливостью слѣдилъ за нимъ, за своимъ любимцемъ, старый карликъ. Борисъ жадно читалъ и, самъ не замѣчая того, кропилъ толстые, синіе листки тетради невольными, то и дѣло капавшими слезами.

Вдругъ дверь скрипнула. Борисъ оглянулся. Ему показалось, что вотъ сейчасъ войдетъ въ своемъ бархатномъ кафтанчикѣ, въ напудренномъ паричкѣ карликъ. Ему казалось это такъ естественно. Онъ-бы не изумился, не испугался, а какъ-бы обрадовался!..

Но вошелъ не карликъ. Влетѣла, какъ птичка, легкая и граціозная, сіяющая свѣжестью и парижскимъ туалетомъ, Катринъ. да — Maman тебя ищетъ, а ты вотъ гдѣ, я такъ и знала. Фу! никакъ онъ плачетъ?—защебетала она.—Покажись, пока-

жись, не отвертывайся... Ну да, такъ и есть... Mon chèr, c'est même ridicule. Ты какъ есть институтка-смолянка.

Бориса будто облили холодной водой. Его грусть, мѣшавшаяся съ тихой отрадой, которой онъ отдавался въ этой милой комнатѣ, за чтеніемъ этой старой синей тетради, была сразу какъ-то опошлена, опозорена. Появленіе здѣсь этой хорошенькой женщины показалось ему святотатствомъ. Онъ съ невольнымъ презрѣніемъ взглянулъ на нее, осторожно положилъ тетради на мѣсто и, не говоря ни слова, пропустивъ Катринъ впередъ, вышелъ, тщательно заперевъ дверь на ключъ.

III.

М а т ь.

Есть очень даже хорошія, разумныя и справедливыя женщины, и въ особенности любящія матери, которыя, тѣмъ не менѣе, никакъ не могутъ безпристрастно отнестись къ женѣ сына. Когда приходитъ время—онѣ сами помышляютъ о сыновней женитьбѣ, сами пріискиваютъ ему невѣсту, убѣждаютъ его остановить свой выборъ на такой-то дѣвушкѣ, радостно празднуютъ свадьбу, искренно и сердечно принимаютъ участіе въ устройствѣ молодой семьи. Но проходитъ первая горячка—и, кончено, является тревога, сомнѣніе...

«Да достойна-ли она его? Будетъ-ли онъ съ нею счастливъ? Такая-ли жена ему нужна?..» Если сынъ выкажетъ какъ нибудь случайно хоть тѣнь неудовольствія. «Ну да, я такъ и знала!—онъ несчастливъ». Если-же онъ совсѣмъ доволенъ женою, живетъ съ нею дружно и счастливо, тогда дѣло усложняется еще больше. Нѣтъ причинъ выказывать свое неудовольствіе, нельзя ни въ чемъ обвинять! Въ ходъ могутъ быть пущены однѣ только фразы въ такомъ родѣ:

«Онъ ослѣпленъ, онъ слишкомъ подчинился ея вліянію!» Но эти фразы недостаточны. А между тѣмъ недовольство не проходитъ, оно упорно продолжаетъ копошиться въ сердцѣ, не сдается ни передъ какими средствами. Причина такого недовольства—материнская любовь, материнская ревность. И невозможность бороться съ этимъ чувствомъ лежитъ въ женской природѣ.

Отецъ, напротивъ, въ большинствѣ случаевъ, склоненъ любить жену сына, и когда у нея родится ребенокъ, продолжатель рода,—эта любовь еще усиливается. Бабушка тоже радуется рожденію внука, очень часто начинаетъ боготворить его, перено-

ситъ на него всю свою нѣжность, даже въ ущербъ любви къ сыну; но никогда ей и въ голову не придетъ, что она обязана этимъ дорогимъ маленькимъ существомъ невѣсткѣ; ей даже кажется, что невѣстка преувеличиваетъ свои права на него, что эти права почти незаконны, что права бабушки гораздо важнѣе правъ матери.

Такъ бываетъ очень часто, такъ случилось и съ Сергѣемъ Борисовичемъ, который горячо полюбилъ Катринъ, полюбилъ тѣмъ горячѣе, что у него самого никогда не было дочери. Но Татьяна Владиміровна относилась къ женѣ сына вовсе не такъ, какъ многія матери. Не она ему выбрала Катринъ—она ее почти совсѣмъ не знала до того времени. Она находила даже, что Владиміру еще рано жениться. Она такъ и сказала: «Не рано-ли? Подождалъ-бы еще, поприглядѣлся-бы къ ней хорошенько—она слишкомъ молода, почти ребенокъ...»

Но онъ отвѣтилъ, стараясь придать словамъ своимъ по возможности ласковый тонъ: «Нѣтъ, maman, право, мнѣ нечего ждать и разглядывать—я все очень хорошо обдумалъ и, надѣюсь, вы ничего не имѣете противъ моего выбора?»

«Что-же я могу имѣть кромѣ того, о чемъ я уже сказала? Если ты увѣренъ, что она составитъ твое счастье, если ты, какъ говоришь, все обдумалъ... что-же, я очень рада, мой другъ, и надѣюсь полюбить ее, какъ дочь родную»...

Татьяна Владиміровна никогда не говорила наобумъ, не обѣщала того, чего не надѣялась исполнить. Она приняла Катринъ искренно и радушно и, такъ какъ та въ первое время была очень мила, то полюбила ее отъ души. Она даже не смущалась ея легкомысліемъ, приписывая его ея молодости.

Рожденіе перваго внука она привѣтствовала всѣмъ сердцемъ, почувствовала, что этотъ ребенокъ съ перваго дня своего появленія на свѣтъ ей очень дорогъ, дорогъ, какъ были дороги въ былые годы Борисъ и Владиміръ, когда она съ сердечнымъ замираніемъ прислушивалась къ ихъ первому младенческому лепету. Но она не заявляла никакихъ своихъ исключительныхъ правъ на этого дорогого ей ребенка, не позволяла себѣ никогда вмѣшиваться въ распоряженія Катринъ относительно него. Затѣмъ онѣ разлучались на нѣсколько мѣсяцевъ.

Татьяна Владиміровна писала Катринъ добрыя, искреннія письма, на которыя та отвѣчала ей довольно аккуратно вылощенными французскими посланіями, гдѣ было много милыхъ, хорошенькихъ фразъ, гдѣ передавались петербургскія сплетни. Эти письма неизмѣнно начинались съ «chère maman» и оканчивались «votre fille dévouée». Они были похожи одно на другое, какъ двѣ капли воды.

Но уже прошлымъ лѣтомъ, во время своего пребыванія въ Горбатовскомъ, Катринъ, какъ только могла, повредила себѣ въ глазахъ Татьяны Владиміровны. Теперь Катринъ чувствовала себя уже окончательно дома; она не намѣрена была больше стѣсняться и слѣдить за собою. Она обращала очень мало вниманія на стариковъ, убѣдившись, что старики просты, что за ними не стоитъ ухаживать, потому что и безъ ухаживаній они ни въ чемъ стѣснять не въ состояніи.

Катринъ не разъ высказывалась въ присутствіи Татьяны Владиміровны и ужасала ее своими взглядами, своимъ отношеніемъ къ жизни, легкомысліемъ, мелочностью и безсердечіемъ. Татьяна Владиміровна должна была убѣдиться, что ошиблась въ этомъ прелестномъ ребенкѣ, въ этой «птичкѣ», что «птичка» совсѣмъ испорчена. «Испорченная-ли ужъ у нея натура такая?»—задавала себѣ тревожный вопросъ Татьяна Владиміровна. Она стала наблюдать внимательно, неотступно—и каждый день утверждалъ ее въ томъ печальномъ рѣшеніи, что испорченность, происходящая отъ дурного воспитанія—сама собой, да и «натура такая».

Разъ полюбивъ Катринъ, признавъ ее своей дочерью, членомъ своей семьи, Татьяна Владиміровна съ трудомъ освобождалась отъ этого чувства; но все-же освобождалась. Теперь присутствіе этой хорошенькой женщины становилось для нея иногда тягостнымъ, она возмущала всѣ ея природные инстинкты. «Это несчастье»,—рѣшила она.—Владиміръ сдѣлалъ дурной выборъ... но понимаетъ-ли онъ это? Страдаетъ-ли онъ отъ этого?..» И ей пришлось себѣ отвѣтить, что если и понимаетъ, то врядъ-ли страдаетъ сильно. Онъ будто многаго не замѣчаетъ или нарочно не обращаетъ вниманія. Онъ веселъ, доволенъ, въ лучшемъ настроеніи духа, чѣмъ когда-либо. Ему какъ-будто нѣтъ даже дѣла до жены...

Материнское сердце начинало мучительно сжиматься. Но, вѣдь, она была мать, она считала своего сына лучше, чѣмъ онъ былъ, всегда заставляла замолкать свой разсудокъ, когда этотъ ясный, здравый разсудокъ принуждалъ ее критически, безпристрастно относиться къ сыну. И разсудокъ замолкалъ, и она чутко прислушивалась къ своему сердцу, которое шептало: «мой сынъ, мой Володя!» Задумывалась она, конечно, и относительно маленькаго, дорогого существа, которое съ каждымъ годомъ становилось все милѣе, тянулось къ ней своими пухленькими ручонками и пронзительно повторяло беззубымъ ротикомъ: «Ба!».. «Что-то съ нимъ будетъ при такой матери, какое воспитаніе она можетъ дать ему?»

Но пока еще рано было думать о воспитаніи, а «питаніе» ребенка производилось правильнымъ образомъ. Конечно, Катринъ отказалась сама кормить его, да никто ей этого и не предла-

галъ въ виду ея молодости. У ребенка была добрая, здоровая кормилица и цѣлый штатъ нянюшекъ. И Татьяна Владиміровна на этотъ счетъ успокоилась. «А потомъ... да, быть можетъ, она сама мнѣ отдастъ его, откажется... вѣдь, она уже и теперь говоритъ, что не любитъ дѣтей, не можетъ выносить ихъ крика. Онъ и теперь ее раздражаетъ... и это мать!..» Татьяна Владиміровна отказывалась понимать птичку. Но ей стало крайне тяжело и даже инстинктивно противно видѣть семейную жизнь сына, и поэтому она всю зиму не пріѣзжала въ Петербургъ. А къ веснѣ въ деревнѣ оказалось много дѣла, рѣшено было, что въ Горбатовское всѣ соберутся рано...

И вотъ, они здѣсь. Первое время Татьянѣ Владиміровнѣ и некогда было отдаваться мрачнымъ мыслямъ. Сердце ея было полно: Борисъ вернулся, прежній, неизмѣнный, любимый Борисъ; такой-же нѣжный, такой-же все понимающій, отгадывающій каждую ея мысль, ловящій на лету эту мысль...

Онъ поймалъ ея взглядъ, тревожный и печальный, устремленный на Катринъ—и все понялъ. Онъ даже заговорилъ съ нею объ этомъ.

— Maman, — сказалъ онъ: — мы, кажется, обманулись въ Катринъ...

— Да!—съ глубокимъ вздохомъ отвѣтила она:—одно утѣшаетъ—Владиміръ, повидимому, доволенъ ею.

— Такъ развѣ это утѣшительно?

— Онъ не страдаетъ—вотъ въ чемъ утѣшеніе...

— Да, конечно...

— Но если я чѣмъ-нибудь себя утѣшаю, то единственно такою мыслью: мы слишкомъ многаго отъ нея ждали, слишкомъ многаго ждали, а потому теперь, можетъ быть, черезчуръ ужъ къ ней строги. Она еще лучше многихъ, вѣдь, я знаю, видѣла, каковы теперешнія молодыя женщины!.. Да и не теперешнія, и въ мое время много такихъ было... Катринъ легкомысленна, пуста, мнѣ кажется,—прости меня Богъ, если я ошибаюсь,—что у нея не много сердца... Но я надѣюсь, я увѣрена, что все-же она не способна осрамить мужа, не можетъ опозорить честь нашего имени... А ты, вѣдь, знаешь, что происходитъ въ обществѣ, въ самыхъ лучшихъ семьяхъ?

И она пристально, пристально взглянула въ глаза Бориса. Передъ нимъ она не скрывалась, для него въ ней не было ничего тайнаго. Борисъ опустилъ глаза подъ ея взглядомъ. Она такъ и застыла.

«Боже мой, неужели онъ что-нибудь замѣтилъ въ этомъ родѣ... тамъ, въ Петербургѣ?..»

Она хотѣла говорить и не могла, у нея вдругъ пересохло во рту, языкъ не слушался. Наконецъ, она прошептала:

— Борисъ, ты ничего не отвѣчаешь, говори, не томи, не пугай меня... Неужели ты что-нибудь замѣтилъ? Ты не смѣешь скрывать отъ меня, я должна знать все, все... вѣдь, ты знаешь, что я должна знать... Я не слаба, и неизвѣстность хуже всего... тогда противъ воли приходятъ такія скверныя мысли. Я для этого съ тобой и заговорила, чтобы ты или успокоилъ меня, чтобы я могла замолить свой грѣхъ передъ Катринъ, или чтобы я знала, что не согрѣшила. Ты не смѣешь скрываться, я тебѣ запрещаю это... слышишь, запрещаю!..

— Maman, успокойтесь ради Бога!—блѣднѣя, проговорилъ Борисъ и крѣпко сжалъ ея руки.—Такъ тревожиться еще рано и Богъ дастъ не придется. Но есть вещи, которыя мнѣ не нравятся, очень не нравятся. Она такъ страшно легкомысленна, она, вѣдь, даже многаго совсѣмъ не понимаетъ, что дѣлаетъ. Я не имѣю право ни въ чемъ обвинять ее, я только знаю, что въ домѣ слишкомъ часто бываетъ человѣкъ, которому не слѣдовало-бы бывать, и который, во всякомъ случаѣ, имѣетъ на нее дурное вліяніе... Я уже не разъ слышалъ отъ нея такія разсужденія, которыя прямо повторяются съ его словъ.

— Кто это... Кто?

— Графъ Щапскій...

Татьяна Владиміровна поблѣднѣла.

— Щапскій!—повторила она.—Постой, я его видѣла... Да, ты правъ, онъ можетъ имѣть дурное вліяніе... говорятъ—онъ іезуитъ?

— Да, іезуитъ, и какъ увѣряютъ, не знаю насколько справедливо это, будто онъ уже обратилъ въ католицизмъ нѣсколько женщинъ изъ коренныхъ русскихъ семей. Онъ хитрый, ловкій человѣкъ, всюду втирается, вездѣ бываетъ, какъ видно имѣетъ большія связи, большія средства, но никто не знаетъ откуда все это. Вообще въ немъ что-то загадочное и нехорошее... но слѣдить за нимъ трудно, да я и не умѣю слѣдить... Братъ съ нимъ въ большой дружбѣ.

— Давно-ли?

— Не знаю.

— Я что-то не слыхала. Что-же тутъ дѣлать, Борисъ?

— Не знаю! Что-же можно дѣлать въ такихъ обстоятельствахъ? Какое-же вліяніе можно имѣть на Катринъ? Она не поддается ни моему, ни вашему вліянію. И мнѣ даже кажется, если она что-нибудь замѣтитъ, то выйдетъ еще хуже. Она такая... нарочно можетъ что-нибудь сдѣлать изъ одной досады и злости...

Татьяна Владиміровна сидѣла грустно задумавшись, Борисъ продолжалъ:

— Одно развѣ: попробуйте поговорить съ Владиміромъ; если

на чьи слова онъ можетъ еще обратить вниманіе—такъ только на ваши...

Татьяна Владиміровна не стала откладывать, и вотъ въ тотъ же день, встрѣтивъ въ цвѣтникѣ Владиміра, взяла его подъ руку.

— Посмотри, какъ хорошо,—сказала она:—какой вечеръ, погуляемъ немного...

— Съ удовольствіемъ, милая maman, вы только обопритесь на мою руку хорошенько, хорошенько, чтобы я чувствовалъ, а то вы совсѣмъ не умѣете ходить подъ руку.

— Я умѣю ходить съ твоимъ отцомъ, съ другими никогда не ходила, или, по крайней мѣрѣ, очень рѣдко... и давно... давно...

— Вотъ такъ, maman, теперь хорошо, пойдемте въ ногу...

Они пошли по длинной душистой аллеѣ. Владиміръ съ удовольствіемъ вдыхалъ въ себя воздухъ.

— А хорошо здѣсь,—сказалъ онъ:—я теперь вижу, что все-же утомился въ городѣ. Но какъ это ни скучно, а скоро надо будетъ опять въ него вернуться.

— То-есть, какъ скоро?

— Да черезъ мѣсяцъ; мнѣ только на мѣсяцъ дана свобода... служба, maman, служба. Ну, да что говорить объ этомъ—не хочу и думать... теперь мнѣ хорошо, и я такъ радъ, что въ Горбатовскомъ, такъ радъ, что васъ вижу...

Онъ говорилъ это искренно, въ немъ иногда, хотя и очень рѣдко, просыпалось что-то, хотя съ большимъ трудомъ, но все-же неизгладимо навѣянное съ дѣтства этимъ паркомъ, этимъ домомъ, этой шедшей съ нимъ теперь подъ руку женщиной. Онъ взглянулъ на ея доброе, свѣжее и прекрасное лицо и, наклонившись, поцѣловалъ маленькую, бѣлую, совсѣмъ еще почти молодую руку, лежавшую на рукавѣ его.

Мать прижалась къ нему плечомъ и улыбнулась ему непередаваемой материнской улыбкой. Но улыбка сейчасъ-же и померкла, тѣнь грусти скользнула по этому спокойному лицу, такъ медленно увядавшему. Она завела разговоръ стороною, стала разспрашивать о Петербургѣ, о своихъ знакомыхъ и вдругъ спросила:

— Скажи, пожалуйста, Владиміръ, продолжаетъ бывать у тебя графъ Щапскій?

— Да, какъ-же, и очень часто, мы съ нимъ большіе пріятели.

— Жаль! Я откровенно скажу тебѣ: онъ мнѣ очень не понравился...

— Напрасно, maman, я даже не понимаю почему, онъ такой интересный, всѣ дамы отъ него безъ ума.

— Можетъ быть. Но я подмѣтила въ немъ что-то фальшивое. Ты знаешь, мой другъ, я не люблю осуждать, я боюсь

этого, но иногда вѣрю своимъ впечатлѣніямъ, онѣ меня не обманываютъ.

Владиміръ пожалъ плечами.

— Я, maman, поставилъ себѣ за правило никогда въ жизни не довѣряться впечатлѣніямъ и предчувствіямъ. Если-бы я сталъ имъ довѣряться—это-бы просто отравило мнѣ жизнь и заставило-бы меня сдѣлать много глупостей.

— А Катринъ какъ къ нему относится?

— Катринъ? Не знаю, спросите ее. Впрочемъ, кажется, она слѣдуетъ общей модѣ, то-есть, восхищается Щапскимъ.

— Если-бы въ прежнее время твой отецъ замѣтилъ, что я кѣмъ-нибудь восхищаюсь, это было-бы ему очень непріятно.

— А мнѣ все равно, maman,—значитъ, я на отца не похожъ...

Она подавила въ себѣ вздохъ.

— Но если этотъ человѣкъ можетъ имѣть дурное вліяніе на Катринъ? Если его частыя посѣщенія заставятъ говорить, дадутъ пищу для сплетень,—а ты знаешь какъ у васъ тамъ ухватываются за всякую соломенку, чтобы испортить репутацію ближняго,—неужели и это тебѣ не будетъ непріятно?

— Ахъ, maman, нужно смотрѣть на вещи спокойнѣе—сплетень не избѣжишь. Я надѣюсь, Катринъ умѣетъ держать себя. Щапскій бываетъ у нея не чаще, можетъ быть, чѣмъ у другихъ. А стѣснять ее, самому наводить ее на разныя мысли, заставлять ее думать, что я ревную—нѣтъ, я на это не способенъ! Я считаю, что это было-бы глупо и мучительно... Съ какой стати я буду отравлять свое спокойствіе, имѣть непріятныя объясненія съ женою?..

— Отчего-же непріятныя? Она такъ молода, неопытна...

— Ну, нѣтъ, я долженъ взять ее подъ свою защиту... Несмотря на молодость, она, можетъ быть, еще поопытнѣе насъ съ вами... по крайней мѣрѣ, во многихъ отношеніяхъ... А главное, нужно умѣть сдѣлать семейную жизнь сносную и достигнуть этого всегда возможно—я и достигаю...

Онъ вдругъ круто повернулъ разговоръ на совсѣмъ посторонній предметъ.

Татьяна Владиміровна не настаивала, она сказала все, что-могла, больше говорить она не считала себя въ правѣ. Она сдѣлалась молчаливой и попросила вернуться домой.

— Я что-то устала сегодня,—сказала она.

IV.

На террасѣ.

Сергѣй Борисовичъ съ сыновьями уже третій день какъ находился на охотѣ въ одной изъ своихъ дачъ. Никого изъ постороннихъ, изъ гостей, не было. Нѣкоторые сосѣди, пріѣзжавшіе, чтобы повидать молодыхъ Горбатовыхъ, и въ особенности Бориса, котораго любили всѣ бывавшіе въ домѣ, уже разъѣхались. Теперь въ Горбатовское ожидался большой съѣздъ къ пятому іюля, то есть, ко дню имянинъ Сергѣя Борисовича. Этотъ день всегда справлялся въ Горбатовскомъ съ особенной торжественностью и весельемъ. Гости съѣзжались за сотни верстъ, устраивались всевозможныя пиршества, народныя гулянья и такъ далѣе.

Срокъ отпуска Владиміра истекалъ черезъ недѣлю, и хотя, конечно, ему не представлялось никакихъ затрудненій получить какую угодно отсрочку, но онъ, несмотря на убѣжденія отца и матери, и слышать объ этомъ не хотѣлъ. Его, очевидно, тянулъ къ себѣ Петербургъ. Онъ и такъ уже началъ тревожиться, что вотъ, того и гляди, въ это кратковременное свое отсутствіе, онъ что-нибудь упуститъ по службѣ, о немъ забудутъ, кто-нибудь изъ враговъ (онъ говорилъ, что у него ихъ много) «удружитъ».

— Les absents ont toujours tort,—повторялъ онъ.

У него были, очевидно, какіе-то широкіе планы относительно своей дальнѣйшей карьеры. Но онъ никому не повѣрялъ ихъ. Въ виду скораго своего отъѣзда, онъ уговорилъ отца и брата отправиться на охоту. Впрочемъ, ихъ и не надо было особенно уговаривать. Оба они, такъ-же какъ и онъ, были страстными охотниками. Дни стояли превосходные, ясные, первые дни начавшагося лѣта, когда еще нѣтъ томительныхъ жаровъ, нѣтъ душныхъ ночей, когда солнце долго, долго стоитъ въ небѣ, будто совсѣмъ не хочетъ уйти и весело и нѣжно улыбается своими всюду проникающими лучами, и вызываетъ къ жизни каждую былинку, выбираетъ изъ согрѣтой земли всѣ ея силы.

Въ послѣобѣденное время, когда уже на широкой террасѣ, выходившей въ пестрѣющій всѣми оттѣнками и благоухающій цвѣтникъ, легли тѣни, Татьяна Владиміровна и Катринъ уютно помѣстились передъ маленькимъ столикомъ среди разнообразной и яркой зелени тропическихъ растеній, со вкусомъ разставленныхъ по всей террасѣ. Обѣ онѣ принялись за вышиваніе и время отъ времени выглядывали въ цвѣтникъ, гдѣ между клумбами

мелькалъ маленькій Сережа, гулявшій въ сопровожденіи двухъ нянюшекъ. Теперь онъ уже научился ходить, хотя все еще былъ нѣсколько слабъ на ногахъ и очень часто падалъ. Но онъ былъ еще такъ малъ, что не могъ сдѣлать себѣ вреда этими паденіями,—они только каждый разъ почему-то его изумляли. Хлопнувшись на песокъ и разставивъ рученки, онъ вдругъ строилъ самую смѣшную минку, потомъ сморщивалъ личико, собирался, очевидно, заплакать, но вмѣсто этого неожиданно разражался смѣхомъ, во время котораго пронзительно визжалъ и захлебывался...

Кругомъ было такъ хорошо, такъ торжественно спокойно. И эти двѣ женскія фигуры на террасѣ такъ гармонировали съ роскошной обстановкой—величественная, ясная красота свѣжей, бодрой старухи и кокетливое, капризное изящество молодой женщины...

Татьяна Владиміровна, до сихъ поръ очень живо воспринимавшая всякую красоту и, въ особенности, красоту природы, находилась подъ обаяніемъ этого теплаго, но не душнаго, ласкающаго вечера. Она позабыла все, что ее тревожило и смущало. Лицо ея было кротко и спокойно. Она чуткимъ ухомъ прислушивалась къ смѣху Сережи, раздававшемуся такъ явственно, такъ звонко въ чистотѣ вечерняго воздуха. Она по временамъ взглядывала на Катринъ съ доброй улыбкой. Она все-же никакъ до сихъ поръ не умѣла совсѣмъ разлюбить ее. Взглядывала и невольно думала: «Какая она, право, хорошенькая!»

И Катринъ, повидимому, была весела и довольна. Глаза ея блестѣли, на щекахъ горѣлъ румянецъ. Въ этотъ день ей привезли изъ города много писемъ, и она была довольна полученной корреспонденціей; въ особенности, одно письмо она нѣсколько разъ перечитала и, тихонько оглянувшись—не смотритъ-ли на нее кто-нибудь, спрятала это письмо за корсажъ своего платья. И тѣмъ болѣе бросалось въ глаза ея оживленіе и довольство, что въ послѣднее время она все была не въ духѣ, скучала, не находила себѣ мѣста и даже не далѣе, какъ наканунѣ еще, сказала мужу:

— Владиміръ, я поѣду съ тобой... Я не могу здѣсь оставаться—такая скука!

Онъ съ изумленіемъ пожалъ плечами.

— Ты знаешь, я неволить тебя не стану,—отвѣчалъ онъ:— но если уѣдешь въ Петербургъ, то сдѣлаешь большую глупость... Разобидишь стариковъ... Вѣдь, ты пріѣхала до осени,—подъ какимъ-же предлогомъ уѣдешь? Да и потомъ, куда? Въ Петербургѣ, ma chère, теперь еще скучнѣе, чѣмъ въ Горбатовскомъ.

— На дачу,—пролепетала она.

— Куда-же это, на какую? Вѣдь, у насъ подъ Петербургомъ нѣтъ дачи. Если нанять—всѣ лучшія теперь заняты. Объ этомъ нужно было раньше подумать.

— Мнѣ вездѣ будутъ рады...

— Ахъ, такъ это переѣзжать отъ однихъ знакомыхъ къ другимъ въ видѣ бездомной приживалки? Прекрасно!

— Владиміръ, ты говоришь глупости. Какое сравненіе! Какъ тебѣ не стыдно? Развѣ я могу быть приживалкой?

— На то будетъ похоже. А главное, я не понимаю, что̀ за удовольствіе? Погоди, тутъ собираться станутъ... Наѣдутъ гости...

— Нечего сказать, интересны здѣшніе гости.

— Изъ Петербурга кто-нибудь пріѣдетъ.

— Однако-же, никто не ѣдетъ. Ну, да пойми-же ты, пойми... я не могу... не могу... я умираю со скуки!.. Я готова утопиться...

— Такъ я тебѣ вотъ что посовѣтую, Катерина Михайловна,—сказалъ совершенно спокойно и почти совсѣмъ закрывая глаза Владиміръ:—уложи свои вещи и завтра-же одна отправляйся въ Петербургъ. Право, это будетъ самое лучшее...

Она надулась, топнула ножкой, потомъ упала въ кресло и вдругъ зарыдала какъ маленькій ребенокъ. Владиміръ открылъ глаза, презрительно взглянулъ на нее и вышелъ.

Но теперь, сидя съ Татьяной Владиміровной на террасѣ, Катринъ вовсе уже не думала объ отъѣздѣ. По ея хорошенькому личику то и дѣло скользила и пропадала улыбочка. Она думала о чемъ-то пріятномъ. Однако, вдругъ ея тонкія бровки сдвинулись, на губахъ промелькнуло что-то злое и, не отрываясь отъ своего вышиванія, она проговорила:

— Maman, вѣдь, вы знаете эту несносную толстую Маратову.

Татьяна Владиміровна съ нѣкоторымъ изумленіемъ на нее взглянула.

— Не только знаю, но даже очень люблю!—отвѣчала она.— Отчего-же она несносная? Я нахожу ее доброй и прекрасной женщиной.

— Я не спорю, maman, можетъ быть, она добрая, я ея сердцемъ не интересовалась, а что она несносная—это всякій скажетъ. Ни одного дня нельзя прожить, чтобы ее не встрѣтить, куда ни отправишься—она всюду. Катится какъ̀ бомба, сопитъ, носъ кверху, усы... препротивная.

Татьяна Владиміровна улыбнулась.

— Душа моя, да, вѣдь, и княгиня Маратова можетъ называть несносными тѣхъ, съ кѣмъ она всюду встрѣчается.

Катринъ немножко надулась. Но она была въ такомъ настроеніи духа, что долго сердиться никакъ не могла, а потому ограничилась только замѣчаніемъ:

— Но у другихъ, по крайней мѣрѣ, нѣтъ такого носа, такихъ усовъ и такой толщины, другія не сопятъ!.. И въ этомъ, кажется, небольшая разница.

— Да къ чему ты меня объ ней спросила?

— Она взяла къ себѣ на воспитаніе какую-то тамъ бѣдную родственницу...

— Ну да, свою племянницу... Я знаю... Дѣвушка удивительной красоты...

Катринъ всплеснула руками.

— И вы тоже!.. Нѣтъ, это, наконецъ, невыносимо! Что въ ней находятъ хорошаго? Безцвѣтное, увядшее созданіе! И вдобавокъ, никто еще не слыхалъ отъ нея умнаго, живого слова. Никакихъ манеръ, никакого воспитанія не получила... А теперь уже поздно ее воспитывать, не первой молодости...

— Что ты, Катринъ! Я въ прошломъ году ее видѣла, она совсѣмъ молодая дѣвушка и, насколько помню, очень хорошо себя держитъ. Она именно поразила меня своей красотой и изяществомъ... Да, вотъ я теперь ее совсѣмъ ясно себѣ представляю...—продолжала Татьяна Владиміровна.—Прелестная... Я думаю, она многимъ голову кружитъ въ Петербургѣ?

Катринъ не могла больше выдержать. Вся ея веселость, довольство пропали. Она получила снова способность сердиться и разсердилась не на шутку. Лицо ея покраснѣло, даже лобъ, даже тонкая нѣжная шея.

— Какой-же это порядочный человѣкъ можетъ обратитъ вниманіе на подобное ничтожество, на такую parvenue!..

— Что-же она тебѣ сдѣлала, Катринъ?—кротко и грустно спросила Татьяна Владиміровна.—За что ты ее такъ не любишь? За что бранишь, скажи — за что?.. Можетъ быть, ты права, я не знаю...

Но Катринъ не слушала, она продолжала все съ возраставшимъ раздраженіемъ:

— И эта Маратова не только что теперь сама всюду торчитъ, но таскаетъ за собою и воспитанницу... Это, наконецъ, оскорбительно!.. Во что это, наконецъ, превратится наше общество, если въ него станутъ проникать Богъ знаетъ кто?

— Отчего-же—Богъ знаетъ кто? Отчего племянницѣ или хоть просто воспитанницѣ княгини Маратовой не бывать въ обществѣ—я, право, не понимаю.

— И вы тоже, maman, вы считаете ее равной съ нами.

— Ты должна давно знать, что я не считаю себя принадлежащей къ какой-нибудь кастѣ, въ которую уже нѣтъ никому доступа. И потомъ, посмотри-же на наше общество,—гдѣ это въ немъ уже такая чистая кровь...

Татьяна Владиміровна невольно подумала о томъ, что и сама Катринъ не Богъ знаетъ какого происхожденія, что знаменитость и значеніе графовъ Черновыхъ очень недавни. Но, конечно, она не захотѣла сдѣлать ей какой-нибудь намекъ.

«Ну такъ вотъ, я же ее поймаю!»—сказала себѣ Катринъ и почти крикнула:

— А что-бы вы сказали, если-бы, напримѣръ, Борисъ вздумалъ жениться на этой воспитанницѣ Маратовой?

— Что-бы я сказала? Если-бы я убѣдилась, что они любятъ другъ друга—я бы ихъ благословила.

Катринъ нѣсколько мгновеній не могла произнести ни слова. Она сидѣла съ широко раскрытыми и безсмысленными глазами; даже розинула ротикъ и показала всѣ свои бѣлые зубки.

— Maman, вы шутите,—наконецъ, проговорила она.

— Нисколько. Я бы, конечно, только постаралась сначала поближе разглядѣть эту дѣвушку и хорошенько поговорила-бы съ Маратовой, которой довѣряю...

— Такъ, значитъ... значитъ, Борисъ вамъ уже сказалъ?

— Что такое?—изумленно спросила Татьяна Владиміровна.— Что такое Борисъ? Онъ ничего не говорилъ мнѣ... развѣ?...

— Да, и я, и Владиміръ... мы имѣемъ основаніе думать, что онъ заинтересованъ этой особой, которую такъ многіе протежируютъ...

— Многіе протежируютъ? — переспросила Татьяна Владиміровна.

Но Катринъ сдѣлала видъ, что не слышитъ.

— Теперь и я спрошу тебя,—серьезно и внимательно глядя въ глаза Катринъ, сказала Татьяна Владиміровна:—я спрошу: шутишь ты или нѣтъ?

— Нисколько! Онъ какъ пріѣхалъ изъ-за границы—нигдѣ не бывалъ, такъ что даже неприлично было, а тамъ чуть не каждый день. Не для старой-же, выжившей изъ ума «генеральши» онъ ѣздилъ, не для интересной-же княгини?..

Татьяна Владиміровна слушала очень внимательно.

— Правда, въ послѣднее время онъ не бывалъ тамъ,—продолжала Катринъ.—Съ этой особой что-то случилось, какая-то исторія...

— Какая исторія?

— Не знаю, вѣрно, что-нибудь да случилось... говорили—она больна, умираетъ... Потомъ выздоровѣла и не задолго до нашего отъѣзда Маратова увезла ее въ деревню...

У Татьяны Владиміровны тревожно забилось сердце.

«Что такое все это значитъ? — думала она. — Лжетъ она, что-ли, да съ какой-же стати? Нѣтъ, вѣрно, что-нибудь да есть...

И онъ ни слова! А между тѣмъ я замѣчала, замѣчала въ немъ что-то странное, чувствовала, что онъ мнѣ не договариваетъ, скрываетъ. Ждала, онъ никогда не скрывалъ... Какъ-же это?»

Катринъ видѣла, что смутила Татьяну Владиміровну, но объяснила по своему это смущеніе.

«Это она такъ, Богъ знаетъ что говоритъ—благословила-бы. А вотъ, вѣдь, когда увидала, что дѣло можетъ быть не шуткой—испугалась... еще-бы!..»

— Вы, кажется, встревожились, maman,—сказала она.—Что Борисъ былъ заинтересованъ ею—это вѣрно, но я такъ думаю, что онъ самъ убѣдился, какъ это глупо, и что ничего изъ этого не можетъ выдти. Я почти увѣрена, что это привидѣніе,—иначе я не могу назвать ее,—особенно если-бы вы видѣли, какою она стала эту зиму... она, вѣрно, надѣялась, что онъ сдѣлаетъ ей предложеніе, что она вдругъ станетъ madam Gorbatoff. А когда онъ очнулся и ушелъ — она со злости и заболѣла... Я такъ объясняю, я худшаго не хочу предполагать...

— Еще-бы ты смѣла предполагать худшее!—вдругъ вспыхнувъ, сказала Татьяна Владиміровна такимъ тономъ, какого Катринъ никогда еще не слыхала отъ нея и на какой даже не считала ее способной.

Катринъ притихла и просто испугалась. Но испугъ прошелъ, поднялась злоба. Она поблѣднѣла и закусила губы.

— Вы на меня кричите, maman! За что-же? Я не привыкла, чтобы на меня кричали...

— Я не кричу... если я сказала рѣзко --прости... но въ другой разъ не позволяй себѣ, передо мною, по крайней мѣрѣ, намекнуть на что-нибудь дурное и нечестное относительно Бориса. Онъ этого не заслуживаетъ... Если ты хочешь, чтобы я тебя любила... никогда, слышишь, никогда...

Она поднялась, губы ея дрожали. Катринъ вдругъ сдѣлала несчастное лицо и заплакала. Татьяна Владиміровна пришла въ себя.

— Ну полно, перестань—это ребячество... Нужно-же, наконецъ, понимать нѣкоторыя вещи... Я не хочу тебя обижать—не обижай и ты меня. Ну, перестань!..

Она положила ей на плечо руку.

— Я не обижала ни васъ, ни Бориса... Я изъ желанія добра... чтобы предупредить... Я не знаю, что вамъ показалось...

— А коли такъ—прости... Что-же еще — говорю... прости... поцѣлуй меня.

Катринъ поцѣловала и утихла И, странное дѣло, эта belle mère, на которую до сихъ поръ она смотрѣла съ высока, которую она внутри себя и въ грошъ не ставила, вдругъ нежданно,

негаданно выросла передъ нею. Въ ней шевельнулось, несмотря на озлобленіе къ этой belle mère, что-то похожее на уваженіе. Катринъ была изъ тѣхъ женщинъ, на которыхъ иногда слѣдуетъ хорошенько прикрикнуть. И тѣмъ болѣе это теперь подѣйствовало, что никогда еще въ жизни никто хорошенько на нее не прикрикнулъ.

Но гармоническая картина прелестнаго вечера была во всякомъ случаѣ разстроена. Разговоръ оборвался. Сережа вдругъ горько закатился—заплакалъ въ цвѣтникѣ. Татьяна Владиміровна сошла узнать, что съ нимъ такое.

Катринъ тоже встала, уложила вышиванье въ рабочій баульчикъ и отправилась въ свои комнаты. Дорогой она вынула изъ корсажа письмо и, придя къ себѣ, еще разъ принялась его перечитывать.

V.

Признаніе.

Татьяна Владиміровна съ большимъ нетерпѣніемъ дожидалась возвращенія Бориса. Она уже не разъ, со времени свадьбы Владиміра, имѣла съ нимъ объясненіе относительно того, какъ смотритъ онъ на женитьбу, какую-бы жену хотѣлъ себѣ. Но онъ всегда отвѣчалъ ей, что о женитьбѣ никогда еще не думалъ, да что врядъ-ли и женится.

— Это пустое, душа моя,—улыбаясь останавливала она его.— Конечно, ты долженъ жениться и женишься, но я буду даже очень рада, если еще подождешь, если не женишься скоро.

Она замѣчала, что онъ какъ-то всегда отстранялся отъ такихъ разговоровъ, старался ихъ замять и вообще казался даже нѣсколько смущеннымъ.

«Что-бы это значило?»

Но она въ концѣ концовъ объясняла это его смущеніе тѣмъ тонкимъ чувствомъ какой-то стыдливости, которое присуще было ему въ разговорахъ съ матерью вообще относительно женщинъ. И она была права, но все-же не вполнѣ, такъ-какъ къ этому чувству у Бориса присоединялось еще и другое. Онъ привыкъ съ дѣтства быть во всемъ откровеннымъ съ матерью, но въ то-же время имѣлъ отъ нея большую тайну. Тайна эта была—Нина. Онъ не разъ уже порывался открыть матери всѣ подробности своей волшебной встрѣчи съ чудной дѣвочкой, впечатлѣніе, на всю жизнь оставленное въ немъ этой встрѣчей, свои мечты, свою мистическую вѣру въ то, что рано или поздно онъ встрѣтится съ Ниной, и что она и есть его будущая подруга жизни. Но, несмотря на все желаніе, даже потребность открыть

это матери—онъ каждый разъ воздерживался. Что-то заставляло его молчать и передъ нею, какъ передъ всѣми. Онъ какъ-то безсознательно пришелъ къ тому убѣжденію, что отъ сохраненія этой тайны зависитъ осуществленіе его мечтаній.

Теперь, казалось, пришло, наконецъ, время во всемъ признаться матери, но онъ все-же еще ждалъ извѣстій отъ княгини и отъ самой Нины. Эти извѣстія должны были показать ему, дѣйствительно-ли пришло время, пора-ли говорить съ матерью... Вотъ онъ вернулся съ охоты. Татьяна Владиміровна не была въ состояніи ждать дольше. Она имѣла обычай, когда всѣ расходились послѣ ужина по своимъ комнатамъ, заходить въ спальню Бориса. Она любила, вспоминая прежніе годы, подойти къ его кровати, оправить его подушки, потомъ крѣпко поцѣловать своего любимаго мальчика, какъ она до сихъ поръ его мысленно называла, и благословить его на сонъ грядущій. И если ему не хотѣлось еще спать, она оставалась поговорить съ нимъ, и всегда находился предметъ для разговора. Они были такими друзьями и такъ понимали другъ друга.

Такъ она сдѣлала и теперь. Пришла послѣ ужина въ его спальню.

— Тебѣ не хочется еще спать?—спросила она.

— Нѣтъ, maman.

— Ну, такъ я посижу...

— Очень радъ.

Онъ придвинулъ ей большое кресло.

— Здѣсь только душно,—сказалъ онъ.—Вѣрно, безъ меня окна не открывали.

— Нѣтъ, я и вчера, и сегодня сама приходила, окна были открыты. Да, вѣдь, комната весь день на солнцѣ... Вечеръ такой теплый, сухой, открой окошко.

Онъ приподнялъ штору, распахнулъ окно, и въ комнату, вмѣстѣ съ душистой прохладой заснувшаго сада, ворвался потокъ луннаго свѣта.

— Борисъ!—сказала Татьяна Владиміровна:—я не привыкла и не умѣю хитрить съ тобою, а потому безъ всякихъ околичностей скажу тебѣ, что у меня на душѣ: мнѣ кажется, ты отъ меня что-то скрываешь.

Онъ изумленно взглянулъ на нее, потомъ подумалъ нѣсколько и отвѣтилъ:

— Да, maman, вы правы, скрываю... Но все-же у меня нѣтъ ничего такого, чего-бы вы не могли знать.

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ скрываешь?

— До времени, maman, до времени...

— Не хорошо это, Борисъ. Мнѣ было-бы гораздо пріятнѣе знать все прямо отъ тебя, чѣмъ отъ другихъ...

— А вы отъ другихъ узнали... отъ брата?

— Нѣтъ, отъ Катринъ.

— Катринъ?..

Борисъ поморщился.

— Что-же она могла вамъ сказать?

— Что ты заинтересованъ одной дѣвушкой.

— Я не знаю, что и какъ она могла говорить вамъ, да и не хочу этого знать. Но если ужъ начали другіе — я самъ разскажу вамъ все, тогда вы увидите, такъ-ли вамъ передано...

И онъ разсказалъ ей свою фантастическую повѣсть, которую берегъ даже отъ нея въ глубинѣ сердца. Слушая его, она тихо улыбалась, качая головою. Но въ концѣ концовъ была растрогана, даже поражена.

— И никогда, ни однимъ словомъ не проговорился, — укоризненно прошептала она, когда онъ замолчалъ, такъ какъ ему говорить уже ничего не оставалось.

— Есть вещи,—отвѣчалъ онъ:—до которыхъ трудно, иногда почти совсѣмъ нельзя, касаться... Знаете-ли, если-бы я увидалъ, что вы меня не такъ поняли, если-бы вы стали говорить мнѣ то, что обыкновенно говорится въ такихъ случаяхъ, то-есть, что это фантазія, вздоръ—я былъ-бы очень несчастливъ.

— Но дѣло въ томъ, Борисъ, что я, пожалуй-бы, тебѣ этого не сказала. Ты знаешь исторію моей жизни, а если чего въ ней не знаешь, такъ я на досугѣ какъ-нибудь разскажу тебѣ, и ты увидишь, что я была такой-же мечтательницей, такой-же фантазеркой какъ ты, и также вѣрила въ осуществленіе моихъ мечтаній. Цѣлые годы, лучшіе годы моей жизни, я прожила этой вѣрой и меня поддерживалъ въ ней такой-же мечтатель, какъ мы съ тобою...

Ея голосъ дрогнулъ.

— Да, такой-же мечтатель — покойный императоръ. И онъ доказалъ мнѣ, что часто мечты и сказки, придуманныя нашимъ сердцемъ, сбываются. Сбылась и наша сказка съ твоимъ отцомъ. Да и мудрость народная,—а я ей очень вѣрю,—говоритъ: суженаго конемъ не объѣдешь. Вотъ теперь и ты мнѣ еще разъ доказываешь, что я была права—и твоя сказка приходитъ къ окончанію, и твоя суженая ждала тебя, и ты ждалъ ее... Что-же, Борисъ,—это судьба...

Она обняла его, крѣпко прижала къ груди. Онъ почувствовалъ на своемъ лицѣ ея слезы.

— Только будь счастливъ, только будь счастливъ, мой мальчикъ!

— Maman, милая, такъ ты благословляешь насъ (въ иныя минуты онъ, самъ того не замѣчая, начиналъ говорить ей «ты»), ты благословляешь... ее полюбишь?..

— Мнѣ кажется, я уже и теперь люблю ее.

— Да, конечно! Вѣдь, я и зналъ это... А батюшка, какъ ты думаешь, онъ что?..

— Съ нимъ мнѣ нужно будетъ хорошенько поговорить, но препятствій съ его стороны я никакихъ не вижу. Ты долженъ знать отца, онъ выше глупыхъ предразсудковъ, а, вѣдь, тутъ весь вопросъ могъ-бы быть въ предразсудкахъ... Она не знатна, говорятъ—бѣдна. Но тебѣ не нужно богатства, съ тебя и твоего будетъ довольно. А что касается до незнатности ея—ты дашь ей свое имя. И смѣшно даже говорить объ этомъ. Но говорить будутъ, даже очень много, только ты не обращай вниманія... Поговорятъ—и перестанутъ.

— Maman, но, вѣдь, вотъ мы толкуемъ такъ, какъ будто все рѣшено, а рѣшеннаго еще ничего нѣтъ. Положимъ, когда она уѣзжала, было много хорошихъ признаковъ, и я довольно спокоенъ, но все-же я жду оттуда письма.

— И придутъ письма...

— А все-же остается много тревожнаго... Ты не думаешь о томъ вредномъ вліяніи, которое до сихъ поръ на нее дѣйствуетъ. Я сказалъ тебѣ все, нарушилъ данное мною Нинѣ обѣщаніе. Я знаю, что ты никому, даже отцу не скажешь объ этой сектѣ. Развѣ... развѣ это тебя не тревожитъ?

— Конечно, тревожитъ, и я много буду объ этомъ думать. Это очень нехорошо, да, нехорошо и всего хуже то, что навѣрное эти сумасбродства отразились на ея здоровьи... какъ-бы они ее навсегда не испортили? Я знаю, я понимаю это... Я сама кой-что въ такомъ родѣ испытала...

— Какъ испытала?

— Да, мечтала очень много, дожидаясь твоего отца, до видѣній даже доходила,—съ тихой улыбкой сказала Татьяна Владиміровна и вдругъ какъ-будто немного смутилась.—Но видишь-ли, мнѣ кажется, что это послѣднее препятствіе; передъ благополучнымъ окончаніемъ сказки всегда вдругъ со всѣхъ сторонъ приходятъ разныя препятствія... Опять-таки, такъ, вѣдь, и съ нами было... Только послушай—ты вотъ все-же немного тревоженъ—и подѣломъ тебѣ: зачѣмъ не сказалъ мнѣ раньше, я бы тебя успокоила... И теперь скажу: успокойся, у меня хорошее предчувствіе. А я, какъ и ты, вѣрю предчувствіямъ... Однако, значитъ, о васъ уже говорятъ въ Петербургѣ?—прибавила она, немного помолчавъ.—Ужъ этотъ Петербургъ, всю жизнь не любила и не люблю его. А что Владиміръ, онъ не заговаривалъ съ тобой?

— Къ сожалѣнію, заговаривалъ

— Отчего къ сожалѣнію?

— Оттого, что онъ на многое смотритъ совсѣмъ не такъ, какъ мы съ вами. Онъ даже не хотѣлъ допустить и мысль о томъ, что я могу хоть на минуту подумать жениться на Нинѣ. Онъ считаетъ ее для меня невозможной невѣстой. Онъ говоритъ о mésalliance'ѣ...

Татьяна Владиміровна вздохнула.

— Какъ это грустно!—сказала она.—Боже мой, и откуда у него взялись такія понятія — отъ насъ онъ не могъ имъ научиться... росли вы вмѣстѣ... И тутъ—судьба.

Она не стала передавать ему своего разговора съ Катринъ, не хотѣла его вооружать противъ нея. Она стала разспрашивать о Нинѣ во всѣхъ подробностяхъ. Они не замѣтили, какъ просидѣли далеко за полночь. Луна зашла. Садъ глядѣлъ въ окно такой темный, такой таинственный. Временами врывался въ комнату довольно свѣжій вѣтерокъ. Привлеченная свѣтомъ, влетѣла и билась ночная бабочка. То тамъ, то здѣсь, то у самаго уха, то гдѣ-то далеко гудѣли комары...

Наконецъ, Татьяна Владиміровна простилась съ сыномъ. Она въ эту ночь особенно долго крестила его и особенно нѣжно сказала ему на прощанье:

— Успокойся... вѣрь хорошему, спи крѣпко, мой мальчикъ...

VI.

Побѣдитель.

Катринъ была неузнаваема. Отъ ея размолвки съ Татьяной Владиміровной не осталось и слѣда. Вообще злопамятная и имѣющая способность изо-всякой малости дуться по нѣсколько дней, она на этотъ разъ сдѣлалась внимательной къ Татьянѣ Владиміровнѣ болѣе чѣмъ когда-либо. Она окружала Сергѣя Борисовича самой предупредительной заботливостью, то и дѣло ласкалась къ нему, ухаживала за нимъ. Послѣ обѣда пѣла ему своимъ маленькимъ, но довольно пріятнымъ голоскомъ его любимые французскіе романсы. Даже вызвалась прочесть ему привезенныя съ почты газеты, такъ какъ онъ жаловался, что у него болитъ глазъ. Отъ Сергѣя Борисовича Катринъ переходила къ Борису. Просила его пройтись съ ней по саду. Брала его подъ руку и, кокетливо склонившись къ нему, болтала разный милый вздоръ, заливалась дѣтскимъ смѣхомъ, съ кошачьими ужимками заглядывала ему въ глаза.

Даже Владиміръ не могъ не замѣтить происшедшей въ ней перемѣны. Ихъ отношенія уже установились, и въ этихъ отношеніяхъ не было и тѣни нѣжности, на что ни онъ, ни она ни-

когда другъ другу не жаловались. Теперь-же вдругъ Катринъ вздумала и къ нему относиться съ заботливостью жены, слѣдящей за всѣми мелочами, за всѣми удобствами мужа. Владиміръ только пожималъ плечами и закрывалъ глаза.

— Что-же ты не ѣдешь въ Петербургъ?—наконецъ, спросилъ онъ.—Я думалъ, что когда мы вернемся съ охоты, такъ я тебя ужъ и не застану.

У него иногда, не очень часто, но все-же являлось желаніе подразнить ее.

— Ахъ, Боже мой,—отвѣтила она:—мало-ли что бываетъ! Иногда найдетъ минута тоски, скуки... не знаешь куда дѣваться. Но, вѣдь, ты очень хорошо долженъ знать, что незачѣмъ и не куда мнѣ ѣхать, что я должна пробыть здѣсь до осени.

— Вѣдь, я тебѣ такъ и говорилъ... Хорошо, что образумилась... только скажи на милость, къ чему эта суетливость? Откуда эта странная обо мнѣ заботливость?.. Я отъ нея отвыкъ, да, впрочемъ, ты и сначала не особенно меня ко всему этому пріучала... Пожалуйста, не стѣсняйся...

Она надула губки и вспыхнула. Презрительная усмѣшка мужа, загадочный, какъ ей показалось, взглядъ его полузакрытыхъ глазъ—привели ее въ смущеніе. «Онъ хитрый, онъ все замѣчаетъ!»—подумала она и мгновенно охладѣла. Она стала слѣдить за собою, старалась сдерживать въ себѣ напавшее на нее веселье и довольство. Но веселье и довольство были такъ велики, что ей удавалось это съ большимъ трудомъ. Она притихала въ присутствіи мужа, а безъ него опять развертывалась. Теперь она стала обращать исключительно все свое вниманіе на Сергѣя Борисовича и хорошо видѣла, что съ этой стороны расчетъ ея вѣренъ. Сергѣй Борисовичъ просто расцвѣталъ отъ ея улыбокъ и ея дочерней нѣжности.

— Ну, милая дочка, не поиграемъ-ли мы въ шахматы?—говорилъ онъ, добродушно и ласково на нее глядя.

— Съ удовольствіемъ, рара, съ удовольствіемъ.

Она вспрыгивала и неслышными легкими шагами бѣжала къ шахматному столику, вынимала шахматы, пододвигала два кресла и кокетливо манила къ себѣ маленькой, тонкой ручкой Сергѣя Борисовича.

— Вы знаете,—говорила она, усаживаясь и разставляя игру:—я прежде терпѣть не могла шахматы, не понимала, какъ это люди могутъ ими увлекаться. Думала тоже, что это ужасно трудно и что никогда не научусь. Но вы такъ легко меня научили, рара, и съ вами я такъ люблю играть... Постойте, вотъ я васъ обыграю... вотъ увидите.

— Обыграй, милочка, попробуй... только нѣтъ, нѣтъ... вотъ тебѣ... вотъ!

Онъ дѣлалъ ходъ и ставилъ ее втупикъ. Она морщила бровки, выпячивала губки съ самой милой и смѣшной дѣтской минкой.

— А вы помогите, научите... а то какъ-же въ самомъ дѣлѣ? Я не знаю какъ тутъ быть? Да ну, помогите-же!—говорила она своимъ серебристымъ голоскомъ, дѣлала невѣрный ходъ, но сейчасъ-же съ маленькимъ визгомъ возвращалась на прежнее мѣсто и отказывалась отъ своего хода.

Онъ принимался объяснять ей. Онъ чувствовалъ себя очень счастливымъ, былъ такъ радъ, что у него такая прелестная, милая и ласковая дочка, и что она такъ любитъ играть съ нимъ въ шахматы.

Прошло три дня—и вдругъ настроеніе духа Катринъ измѣнилось. Она вышла изъ своихъ комнатъ утромъ какъ-будто какая-то завядшая, съ опущенными углами рта, съ блѣдными туманными глазами. Она была молчалива, ее все раздражало, все ей не нравилось. Она не знала за что взяться. Собралась было на прогулку, да сейчасъ-же и вернулась, увѣряя, что, вѣрно, будетъ гроза, что въ воздухѣ душно, и она чувствуетъ присутствіе электричества, а это на нее раздражительно дѣйствуетъ. Но воздухъ былъ чистъ, небо безоблачно.

Катринъ помѣстилась на террасѣ, обложила себя подушками, вытянула ножки, раскрыла книгу; но не прочла и двухъ страницъ. Книга соскользнула изъ ея рукъ на коврикъ, и она лежала, устремивъ безсмысленно впередъ блѣдные глаза и по временамъ, видимо, въ раздраженіи, кусая губы.

Она часто взглядывала на часы, вынимала флакончикъ съ англійской солью, нюхала его, жаловалась на головную боль. Потомъ вдругъ вышла въ цвѣтникъ, обошла кругомъ дома, нѣсколько минутъ глядѣла на дорогу, извивавшуюся у опушки парка. Потомъ опять вернулась на террасу, опять легла, закрыла глаза и открывала ихъ только для того, чтобы взглянуть на часы. Сергѣй Борисовичъ подошелъ къ ней, съ участіемъ спросилъ ее, что съ нею, приложилъ руку къ ея лбу.

— Голова болитъ?

— Да, рара.

— Жару нѣтъ... впрочемъ, хочешь, я пошлю сказать доктору, чтобы онъ пришелъ скорѣе... до обѣда, можетъ, онъ тебѣ что-нибудь пропишетъ и успокоитъ.

— Ахъ нѣтъ, пожалуйста... нѣтъ!—встрепенулась Катринъ.— Вашъ докторъ... да я скорѣе умру, чѣмъ приму его лѣкарства!..

— Напрасно, мой другъ, онъ опытный и хорошій докторъ.

— Нѣтъ... нѣтъ! Да и не больна я вовсе, это пустое—пройдетъ... Жарко очень...

— Гдѣ-же жарко?

Но она вдругъ закрыла глаза и стала притворяться, что дремлетъ. Сергѣй Борисовичъ отошелъ отъ нея. Владиміръ гулялъ въ цвѣтникѣ передъ террасой, иногда наклоняясь къ какому-нибудь растенію, разглядывая цвѣты. Онъ любилъ въ полдень попечься на солнцѣ и находилъ это очень здоровымъ.

Вдругъ издалека, едва слышно донесся звонъ бубенчиковъ. Катринъ, повидимому, совсѣмъ уже засыпавшая, быстро подняла голову, прислушалась, широко раскрыла глаза... Глаза вдругъ блеснули радостью, щеки вспыхнули. Она оглянулась, увидѣла Сергѣя Борисовича:

— Рара, что это? Какъ-будто бубенчики—вы слышите?

Онъ прислушался.

— Да, слышу.

— Владиміръ!—крикнулъ онъ сыну:—обойди-ка, пожалуйста, взгляни, кажется, кто-то къ намъ ѣдетъ... Вотъ... вотъ... все слышнѣе...

Владиміръ, въ свою очередь, прислушался и быстрымъ шагомъ пошелъ изъ цвѣтника въ ту сторону, откуда была видна дорога. Между тѣмъ звонъ бубенчиковъ съ каждой секундой становился явственнѣе, приближался. Катринъ опять лежала съ закрытыми глазами, но уже съ совсѣмъ новымъ выраженіемъ въ лицѣ. Ея тонкіе пальчики нервно перебирали кружевныя оборки платья.

— Кто-бы это могъ быть?—говорила она.—Рара, вы кого-нибудь ждете?

— Никого, мой другъ... Не знаю...

Прошло нѣсколько минутъ, и на террасѣ появился Владиміръ, ведя подъ руку Щапскаго.

Сергѣй Борисовичъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ, но очень любезно, пошелъ ему навстрѣчу.

— Очень пріятно васъ видѣть, графъ,—сказалъ онъ.—Но какимъ это образомъ вы въ нашихъ странахъ? Владиміръ говорилъ мнѣ, что звалъ васъ погостить, но что вамъ это было невозможно.

— Невозможное оказалось возможнымъ, и я такъ доволенъ, что вырвался изъ Петербурга. Je connais si peu la Russie, monsieur, et je compte faire un long voyage... У васъ такъ хорошо, такія прекрасныя мѣста... я, право, не ожидалъ...

Онъ замѣтилъ Катринъ и поспѣшилъ къ ней. Она, не вставая, только спустивши ножки, протянула ему руку.

— C'est bien aimable de votre part, comte, bien aimable!—улыбаясь пролепетала она.

Ея рука нѣсколько дольше чѣмъ-бы слѣдовало осталась въ его

рукѣ, и даже голубоватыя жилки напряглись отъ сильнаго пожатія.

— Vous êtes indisposée, madame?—участливо спросилъ графъ, обдавая ее огнемъ своего жгучаго взгляда.

— Нѣтъ, такъ, пустяки... Голова заболѣла... но я вотъ тутъ вздремнула немного и, кажется, теперь все прошло.

Она встала и остановилась передъ нимъ улыбаясь, свѣжая, воздушная, въ этомъ бѣломъ, прозрачномъ, зашитомъ кружевами платьѣ. Онъ съ видимымъ удовольствіемъ, но спокойно глядѣлъ на нее.

— Однако, пойдемъ, ты въ пыли,—сказалъ ему Владиміръ, беря его подъ руку.—Я тебя сейчасъ устрою.

Они вышли.

— Вотъ кого не ждала!—воскликнула Катринъ, обращаясь къ Сергѣю Борисовичу:—и очень рада, что онъ пріѣхалъ—это такой интересный человѣкъ, умный, образованный... Изъ всѣхъ друзей Владиміра, кажется, самый интересный.

— Да, это правда,—замѣтилъ Сергѣй Борисовичъ.—Я съ нимъ, какъ былъ въ послѣдній разъ въ Петербургѣ, довольно много бесѣдовалъ. Онъ уменъ, онъ все очень хорошо и тонко понимаетъ и прекрасно знаетъ Европу. Я тоже очень радъ, что онъ пріѣхалъ... и потомъ, я замѣтилъ въ немъ большой тактъ—онъ не будетъ стѣснять, а это, главное въ деревнѣ...

— Одно только не хорошо...—вдругъ, какъ будто сообразивъ что-то, проговорила Катринъ.

— Что такое?

— Щапскій не по вкусу Бориса, я это не разъ замѣчала въ послѣднее время.

— Можетъ бытъ, тебѣ это показалось, только... Борисъ, вѣдь, онъ... il n'est pas difficile... что-же можетъ быть между ними? Да они вѣрно, и не знаютъ почти другъ друга: Борисъ недавно вернулся...

— Да, да... но все-же это непріятно.

— А яотъ увидимъ... Городъ и деревня—двѣ вещи разныя, въ деревнѣ люди сходятъ легче и скорѣе.

Къ завтраку Щапскій появился сіяющій свѣжестью лѣтняго костюма и своей рѣзкой, но дѣйствительно значительной красотой. Онъ держалъ себя свободно, безъ малѣйшихъ признаковъ стѣсненія, и въ то-же время внимательно наблюдалъ за всѣмъ и за всѣми. Онъ сразу увидѣлъ, что его появленіе непріятно для хозяйки дома и для Бориса. Замѣтивъ это, онъ подсѣлъ къ Татьянѣ Владиміровнѣ и добился таки того, что заинтересовалъ ее своей бесѣдой. Она стала слушать его и охотно съ нимъ говорила. Но все-же, несмотря на его искусство, а ея деликатность, онъ подмѣчалъ въ ней нѣчто такое, что ему не нравилось. Потомъ онъ занялся съ Борисомъ и обращался къ нему

съ такой, повидимому, искренней любезностью и простотою, что это рѣшительно дѣлало честь его уму и такту. Борисъ чувствовалъ себя какъ на иголкахъ, тѣмъ болѣе, что видѣлъ, какъ трудно будетъ отдѣлаться отъ этого смѣлаго, находчиваго и ничѣмъ не смущающагося человѣка. Послѣ завтрака Катринъ подошла къ Щапскому, засыпала его вопросами о Петербургѣ и потомъ предложила:

— Пойдемте, графъ, въ цвѣтникъ, тамъ есть цвѣты, названія которыхъ не знаетъ нашъ ученый садовникъ, и никто не можетъ мнѣ сказать что́ это за цвѣты?.. Papa тоже не знаетъ, и maman, а Владиміръ съ Борисомъ совсѣмъ понятія никакого не имѣютъ о ботаникѣ. Садовникъ говоритъ, что сѣмена этого растенія привезены изъ Франціи... Можетъ быть, вы знаете, что это такое?..

— Очень можетъ быть, я люблю цвѣты... Покажите, пожалуйста, это любопытно.

Катринъ спорхнула съ террасы. Вслѣдъ за нею съ любезной и немножко снисходительной улыбкой сошелъ и Щапскій.

Борисъ видѣлъ, какъ они стали обходить цвѣтникъ, останавливались, наклонялись. Но онъ уже не могъ разглядѣть ихъ лица. Между тѣмъ Катринъ, поглядывая на террасу, шептала Щапскому, сорвавъ какой-то пышный красный цвѣтокъ съ рѣзкимъ запахомъ и держа его въ рукѣ:

— Возможно-ли это, вѣдь, я чуть съ ума не сошла! Все было рѣшено и вдругъ пишетъ: «не пріѣду»... Я хотѣла возвращаться въ Петербургъ...

— Слава Богу, что не сдѣлали этого неблагоразумія!—сказалъ онъ.

— Но я бы это сдѣлала, ни на что-бы не посмотрѣла... Я не могла больше... Я бы непремѣнно уѣхала, если-бы не послѣднее письмо.

— Тогда-бы мы только разъѣхались—и ничего больше... Что́-же бы изъ этого вышло?..—замѣтилъ онъ.

— Ахъ, Боже мой, и опять, вѣдь... вчера еще долженъ былъ пріѣхать!.. Я до поздняго вечера ждала... не спала всю ночь... Совсѣмъ разболѣлась... Я думала какое-нибудь несчастье въ дорогѣ... Не стоите вы этого, Казиміръ...

— Конечно, не стою,—спокойно сказалъ онъ.

— Какой-же это цвѣтокъ?—вдругъ раздражительно спросила она:—не знаете?

Онъ взялъ цвѣтокъ изъ ея рукъ, понюхалъ его, посмотрѣлъ.

— Не знаю, никогда не видалъ такого цвѣтка... Однако, вернемся, мы должны быть очень, очень осторожны, больше чѣмъ когда либо... Тутъ, кажется, уже вооружены противъ меня.

— А ты замѣтилъ?

— Да, конечно, замѣтилъ. Вашъ beau-frère почему-то тер-

пѣть меня не можетъ... А мать, какъ и вы говорили, смотритъ на все его глазами... Мой пріѣздъ не нравится и, можетъ быть, придется скоро уѣхать...

— Ни за что, Казиміръ, ни за что!—вдругъ испуганно, даже блѣднѣя, прошептала Катринъ.—Я не пущу васъ... Не обращайте вниманія, отцу вы очень нравитесь, онъ радъ, что вы пріѣхали... все обойдется...

— О, желалъ-бы этого! А теперь пойдемъ-же, Катринъ!

— Нѣтъ, вотъ сейчасъ... тутъ я покажу бесѣдку... новая бесѣдка... прелестная... вотъ...

Она вдругъ махнула платкомъ по направленію къ террасѣ, сдѣлала знакъ рукою, поманила кого-то.

— Въ бесѣдку!—крикнула она.—Владиміръ!

И почти побѣжала въ аллею.

Щапскій нагналъ ее.

— Катринъ, ты, право, неосторожна...

— Нѣтъ, нѣтъ, милый, скорѣе...

Она завернула направо. Домъ и терраса скрылись изъ виду. Она схватила его за руку, увлекла за собою. Они вбѣжали по мраморнымъ ступенькамъ открытой, въ коринѳскомъ стилѣ, бесѣдки. Передъ ними развернулась прелестнѣйшая панорама зелени. Вдали блеснуло серебристою полосою озеро. Узенькая дорожка извиваясь спускалась подъ гору. Тамъ и сямъ, изъ-за зелени, мелькали бѣлыя очертанія статуй, поставленныхъ на высокіе пьедесталы.

Катринъ, быстро оглядѣвшись, сдѣлала шагъ къ Щапскому, охватила его шею своими тонкими дѣтскими руками, прильнула къ нему. Страстный, долгій поцѣлуй прозвучалъ среди этой густой, свѣжей листвы, кой-гдѣ пронизанной горячими, желтыми пятнами солнца.

— Казиміръ... Казиміръ!—лепетала Катринъ.

— Ахъ, какъ ты неблагоразумна...—тихо повторялъ онъ, отвѣчая на ея поцѣлуи, тревожно оглядываясь, то привлекая ее къ себѣ, то отстраняя...

VII.

Будни.

Катринъ уже не говорила, что собирается гроза и что въ воздухѣ много электричества. И хотя у нея былъ, очевидно, жаръ, потому что лицо и глаза горѣли, но она не жаловалась на головную боль. Она чувствовала себя такой здоровой и счастливой. Ей только приходилось очень слѣдить за собою, играть лов-

кую комедію. Но и это ей было не въ тягость, потому что такая игра была въ ея натурѣ и только еще усиливала ея счастье.

Владиміръ не представлялъ для нея никакихъ затрудненій. Во-первыхъ, онъ черезъ четыре дня уѣзжаетъ, а, во-вторыхъ, если-бы даже онъ и замѣтилъ что-нибудь, такъ все-же, навѣрное, сдѣлалъ-бы видъ, что ничего не замѣчаетъ. Она ему больше не нужна, точно такъ-же, какъ и онъ ей. Онъ требуетъ соблюденія приличій, и она совершенно согласна съ этимъ его требованіемъ—такъ чего-же ей смущаться. Сергѣй Борисовичъ, безгранично ей довѣряющій, въ ея рукахъ. А Борисъ и Татьяна Владиміровна!.. Конечно, они могутъ быть опасны, конечно, ихъ нужно остерегаться, очень остерегаться, но все-же, врядъ-ли они способны на что-нибудь рѣшительное. Они не пойдутъ прямо, если-бы что и замѣтили, не пойдутъ ужъ хотя-бы ради Владиміра.

Несмотря на все свое легкомыслiе, Катринъ умѣла иногда кое-что подмѣчать и понимать въ людяхъ. Но все-таки же она и ошибалась—и доказала это тѣмъ, что въ концѣ-концовъ себя окончательно успокоила такимъ разсужденіемъ: «Что-же они могли замѣтить? Конечно, ничего. Положимъ, тогда, при первой встрѣчѣ Казиміра съ Борисомъ, вышло не совсѣмъ ловко... Но Борисъ всегда такой разсѣянный, онъ ничего не видитъ... И, наконецъ, если-бы замѣтилъ, такъ, навѣрное, потомъ какъ-нибудь проговорился-бы. Вѣдь, въ немъ никакой хитрости нѣтъ, ничего удержать не умѣетъ: что на умѣ, то и на языкѣ... И потомъ, съ его понятіями онъ-бы просто поднялъ цѣлую бурю... Нѣтъ, конечно, конечно, онъ ничего не замѣтилъ... Казиміръ ему не понравился—и все тутъ... Не понравился ему, значитъ, не понравился и матери. Но Казиміръ такъ уменъ, развѣ можетъ онъ не сумѣть побѣдить ихъ антипатію, если только этого захочетъ. Дня два, три—и они всѣ будутъ отъ него въ восторгѣ... Только-бы онъ подольше остался. Отъѣздъ Владиміра не можетъ быть ему помѣхой. Нужно настроить рара, и это не трудно»...

Она, дѣйствительно, очень легко настроила Сергѣя Борисовича. Ловкій и умный Щапскій хорошо понялъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Нѣсколько разъ побесѣдовавъ съ Сергѣемъ Борисовичемъ, онъ привелъ его отъ себя въ совершенный восторгъ. Между ними произошло такое объясненіе:

— Какъ я радъ, что имѣлъ случай познакомиться съ вами, и какъ благодарю васъ за то, что вы къ намъ заѣхали,—сказалъ Сергѣй Борисовичъ, гуляя съ гостемъ въ цвѣтникѣ.—Знаете, вѣдь, я—медвѣдь, не выхожу изъ своей берлоги. Я иногда совсѣмъ отъ людей отвыкаю. Но я люблю людей и всегда любилъ...

только теперешніе люди, признаться, мнѣ не совсѣмъ иногда по вкусу. Вотъ если-бы я въ Петербургѣ встрѣчалъ побольше такихъ, какъ вы—я бы туда частенько пріѣзжалъ.

— Сергѣй Борисовичъ, мнѣ, право, совѣстно, мнѣ кажется, я не стою такого хорошаго мнѣнія, хотя оно и доставляетъ мнѣ много радости!—скромно опуская свои черные глаза, замѣтилъ Щапскій.—Да и чѣмъ же я отличаюсь отъ теперешнихъ, какъ вы говорите, людей. Мнѣ кажется, я человѣкъ своего времени...

— Не совсѣмъ, любезный графъ, не совсѣмъ,—добродушно улыбаясь, повторялъ Сергѣй Борисовичъ.—Вы ясно и глубоко видите... вы вотъ сказали очень вѣрныя слова, которыя я давно, давно повторяю, хотя мнѣ и не вѣрятъ, и спорятъ со мною... Вы сказали: «человѣчество идетъ не впередъ, а въ сторону»... Я говорю тоже самое!

Бѣдный Сергѣй Борисовичъ, конечно, не могъ знать, что родной его сынъ, Владиміръ, его выдалъ. Какъ-то, говоря съ Щапскимъ объ отцѣ, онъ сказалъ: «чтобы побѣдить отца и сдѣлаться его оракуломъ, нужно только согласиться съ нимъ относительно того, что человѣчество идетъ не впередъ, а въ сторону—это его любимая формула, его конекъ, на которомъ онъ всегда выѣзжаетъ». Щапскій хорошо запомнилъ это и убѣдился, что Владиміръ былъ правъ.

— Скажите, пожалуйста,—продолжалъ Сергѣй Борисовичъ:—какое путешествіе предполагаете вы сдѣлать?

— Хочу побывать въ Кіевѣ, въ Одессѣ, а оттуда попасть и взглянуть на мою несчастную родину. Я, знаете, не изъ тѣхъ людей, которые всю жизнь будутъ плакать о потерянномъ, или добиваться невозможнаго. Я не понимаю многихъ моихъ соплеменниковъ... Я хорошо знаю, что прошлаго не вернешь и изъ исторіи не вырвешь написанную страницу. Но я не могу иногда все-же не помышлять съ тоскою о славномъ прошломъ моего народа, а главное, я не могу не любить родины... Я давно тамъ не былъ...

Лицо его сдѣлалось грустнымъ, губы дрогнули. Сергѣю Борисовичу было его жаль.

— Я понимаю это,—сказалъ онъ.—Но, графъ, вѣдь, вы не спѣшите?

— О, нѣтъ, у меня время свободное до осени...

— Въ такомъ случаѣ, надѣюсь, вы не скоро насъ покинете. Погостите, если вамъ у насъ нравится, какъ вы говорите, недѣли три, четыре... Да вотъ что, знаете, я васъ не отпущу до дня моихъ имянинъ. Это у насъ праздникъ. Соберутся со всѣхъ сторонъ сосѣди, вы увидите все здѣшнее общество. Можетъ быть, это будетъ для васъ и интересно, и полезно—вѣдь, вы, должно быть, очень мало знаете русское провинціальное общество...

— О, конечно, меня очень интересуютъ здѣшніе люди. Но дѣло не въ этомъ, я скажу прямо, mon très chèr et vénérable monsieur, мнѣ здѣсь такъ хорошо у васъ и съ вами—уѣзжать не хочется... Вѣрьте, якъ пана кохамъ—не хочется.

Онъ такъ расчувствовался, что даже безсознательно въ свою французскую рѣчь,—такъ какъ онъ говорилъ по-французски,—два раза ввернулъ это «якъ пана кохамъ», то есть, поклялся въ истинѣ своихъ словъ, по польской привычкѣ, своею любовью къ собесѣднику.

— Я ловлю васъ на словѣ... Вы у насъ останетесь?

— Остаюсь... и благодарю васъ отъ всего сердца,—растроганнымъ голосомъ, крѣпко сжимая руку Сергѣя Борисовича и обдавая его ласкающимъ блескомъ своихъ глазъ, сказалъ Щапскій.

Сергѣй Борисовичъ былъ очень доволенъ. Передъ нимъ мелькали въ мечтахъ пріятные разговоры въ библіотекѣ, прерываемые заглядываніемъ въ любимыя книги, а также сраженія за шахматной доской, такъ какъ Щапскій былъ опытный игрокъ и могъ съ нимъ поспорить въ искусствѣ.

Поэтому онъ былъ крайне изумленъ, когда на другой день послѣ отъѣзда Владиміра въ Петербургъ, Татьяна Владиміровна спросила его:

— Что-же это, развѣ Щапскій остается? До какихъ это поръ?

Онъ видѣлъ, что она недовольна, въ ея голосѣ прозвучала даже рѣзкая нота, которую очень хорошо зналъ Сергѣй Борисовичъ, хотя ему и рѣдко приходилось ее слышать.

— А тебѣ развѣ непріятно его присутствіе, Таня?

— Непріятно,—проговорила она.

— Отчего? Ты меня изумляешь. Чѣмъ онъ тебѣ мѣшаетъ?

— Я считаю, что онъ здѣсь вреденъ,—сказала Татьяна Владиміровна, все еще довольно спокойно, но очень рѣшительно.

— Вреденъ—для кого?

— Для Катринъ.

— Какъ? Что ты говоришь?

Сергѣй Борисовичъ совсѣмъ растерялся. Онъ раскрылъ на жену изумленные глаза, онъ рѣшительно не понималъ, что она хочетъ ему сказать, что говоритъ. А она продолжала:

— Я не хотѣла вмѣшиваться, я думала, была увѣрена, что онъ уѣдетъ съ Владиміромъ. Мнѣ тяжело тебя тревожить, Сережа, ты знаешь; но если я рѣшилась, такъ ты тоже долженъ знать, что, значитъ, это не шутка.

— Ты просто пугаешь меня, и я все-же ничего не понимаю...

— Обрати-же, наконецъ, вниманіе на Катринъ, погляди на нее

пристальнѣе—и ты увидишь, увидишь, что она слишкомъ заинтересована Щапскимъ.

Сергѣй Борисовичъ вспыхнулъ.

— Я тоже имъ очень заинтересованъ, потому что онъ интересный человѣкъ, и это ровно ничего не доказываетъ. Мнѣ больно, зачѣмъ ты обижаешь Катринъ—это на тебя не похоже. Я не узнаю тебя... выкинь изъ головы такія мысли... Не хорошо... обидно...

— Не я обижаю ее, а боюсь, какъ-бы она всѣхъ насъ не обидѣла...

И говоря это, Татьяна Владиміровна сдѣлала такое печальное и страдающее лицо, что Сергѣй Борисовичъ въ волненіи поднялся со своего кресла и остановился передъ нею, то блѣднѣя, то краснѣя.

— Таня, успокойся, пожалуйста... Ты что-нибудь знаешь? Ты могла ошибиться, иногда ошибиться такъ легко и такъ ужасно!.. Катринъ не способна ни на что такое... Я увѣренъ въ ней, я ручаюсь... Да, она, можетъ быть, легкомысленна немного, она такъ еще молода — у нея дѣтскія манеры, иногда совсѣмъ ребенокъ... Но она честная женщина, она любитъ мужа... Подумай, вѣдь, они такъ недавно женаты, такъ молоды оба... За что-же? Нѣтъ, нѣтъ, Таня, брось это, не мучься и не мучь меня... Это было-бы такъ ужасно... Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу этому вѣрить... я не вѣрю... слышишь, не вѣрю!..

Онъ горячился, онъ почти кричалъ. Онъ какъ будто отталкивалъ отъ себя страшную мысль. И онъ успѣлъ оттолкнуть ее.

— Да и, наконецъ, — сказалъ онъ болѣе спокойнымъ голосомъ: — Щапскій порядочный человѣкъ, онъ не способенъ на такую низкую комедію.

— Защищай ее, это я пойму,—перебила его Татьяна Владиміровна: — но его защищать... Ты будто позабылъ все, что испыталъ въ жизни, ты будто совсѣмъ не знаешь людей... какъ можешь ты за него ручаться, давно-ли ты съ нимъ знакомъ... что онъ тебѣ—старый другъ, что-ли? Да, правда, онъ ловокъ и хитеръ; но развѣ можно вѣрить хоть одному его слову...

— Отчего-же нѣтъ?

— Да хоть-бы потому, что онъ іезуитъ.

— Іезуитъ, іезуитъ!—сердито повторялъ Сергѣй Борисовичъ:— пусть іезуитъ—какое мнѣ дѣло до его религіозныхъ убѣжденій?..

— Тебѣ никогда до этого нѣтъ дѣла—и это-то плохо...

— Да и, наконецъ, — перебилъ онъ жену, какъ всегда перебивалъ, когда разговоръ касался этого предмета:—если-бы даже твои опасенія были основательны, чего я не допускаю, слышишь: не допускаю... не имѣю права допустить,—такъ что-же мнѣ дѣ-

лать? Не могу же я его выгнать изъ дома безъ всякой видимой причины, безъ чего-нибудь предосудительнаго съ его стороны, когда я самъ пригласилъ его остаться.

— Зачѣмъ приглашалъ? Зачѣмъ такъ близорукъ, что ничего не замѣчаешь?

— Таня, а вотъ мнѣ кажется, что ты замѣчаешь слишкомъ много, и я увѣренъ, что скоро ты сама будешь раскаиваться въ своей несправедливости... И знай одно, не заговаривай со мной больше объ этомъ. Я безъ ясныхъ доказательствъ никогда ничему дурному о Катринъ не повѣрю. Что-же это, въ самомъ дѣлѣ, такое? Такъ нельзя, нельзя!..

Совсѣмъ смущенный и разсерженный, онъ вышелъ изъ комнаты. Но дѣло было сдѣлано—сомнѣніе закралось. Если-бы кто-нибудь иной говорилъ съ нимъ такъ, онъ не обратилъ-бы никакого вниманія, онъ прогналъ-бы съ глазъ своихъ такого клеветника и сплетника, но, вѣдь, говорила жена. Конечно, она не Богъ, можетъ ошибаться—и онъ надѣялся, что она ошибается... Но, вѣдь, онъ зналъ свою Татьяну Владиміровну всю жизнь... Онъ зналъ, какъ она осмотрительна, справедлива, какъ она боится напрасно обвинять людей... Ему казалось, что просто не она это съ нимъ говорила, такъ это на нее не похоже... Почему-же она такъ говорила? Или материнское чувство увлекло ее? Да, конечно. Самая лучшая мать,—и чѣмъ она лучше, тѣмъ скорѣе можетъ быть очень пристрастна, очень несправедлива, единственно потому, что она мать...

А все-же недавняго довольства, спокойствія уже не было въ поминѣ. Сергѣй Борисовичъ поминутно ловилъ себя на наблюденіяхъ за Щапскимъ и невѣсткой. Ему казалось, что онъ подмѣчаетъ иной разъ быстрые взгляды, чуть-ли даже не таинственные знаки, которыми они обмѣнивались... Онъ сердился на себя. «Да, вѣдь, стоитъ только поддаваться подозрительности, и будетъ Богъ знаетъ что чудиться!»—думалъ онъ и покидалъ свои наблюденія.

Но черезъ нѣсколько часовъ невольно возвращался къ нимъ снова. Его начинало тревожить, когда онъ видѣлъ, какъ Щапскій и Катринъ гуляютъ вдвоемъ по цвѣтнику и иногда скрываются вмѣстѣ въ глубину аллей. Онъ даже нѣсколько разъ отправлялся слѣдомъ за ними и блуждалъ по парку, останавливаясь, прислушиваясь, подозрительно поглядывая во всѣ стороны. Но они куда-то исчезали, и онъ долго не могъ найти ихъ. А когда находилъ, они появлялись передъ нимъ веселые и болтали въ почтительномъ другъ отъ друга разстояніи.

— Ахъ, рара, вотъ и вы. Неправда-ли, какъ здѣсь хорошо?—радостно щебетала Катринъ, подбѣгая къ нему и беря его подъ руку.

И глядя на нее, на ея дѣтскія, наивныя минки, онъ успо-

коивался. Успокоивался — а все-же-таки не прекращалъ своихъ наблюденій.

И не одинъ Сергѣй Борисовичъ, но и Татьяна Владиміровна, и Борисъ наблюдали за Щапскимъ и Катринъ. Имъ было противно и мучительно это дѣлать; а между тѣмъ они дѣлали это невольно, охраняя честь сына и брата, хотя онъ и не просилъ ихъ объ этомъ.

Еще, по счастью, эти тяжелые дни значительно освѣтились хорошими извѣстіями, полученными Борисомъ отъ княгини Маратовой и Нины. Княгиня писала ему, что деревенскій воздухъ, спокойствіе, молоко—очень хорошо повліяли на Нину. Она здоровѣетъ съ каждымъ днемъ, она давно уже не имѣла такого хорошаго вида, какъ теперь.

Нина писала въ томъ-же духѣ. И изъ нѣкоторыхъ намековъ, заключавшихся въ письмѣ ея, Борисъ могъ заключить, что она мало-по-малу начинаетъ выходить изъ-подъ вреднаго вліянія. Она начинаетъ допускать возможность ошибки въ томъ, что казалось ей небеснымъ откровеніемъ. Иначе какъ-же можно было объяснить въ письмѣ ея такую фразу: «Мнѣ начинаетъ иногда казаться,—писала она,—что вы, можетъ быть, и правы. Я хотѣлабы получить возможность не обвинять васъ больше въ святотатствѣ. Мнѣ очень часто приходится бороться уже не только съ вами, а и съ собою... Это было уже, потомъ прошло, а теперь опять вернулось. Какой-то внутренній голосъ говоритъ мнѣ, что мы всѣ ошибались, но такая ошибка... вѣдь, это ужасно! И я все-же еще боюсь ей повѣрить—повѣрю и погублю свою душу... Этого-ли вы хотите!» Борисъ, конечно, показалъ эти письма матери. Она прочла ихъ внимательно, въ особенности письмо Нины, и долго потомъ думала.

— Что-же вы скажете мнѣ, maman?—спросилъ Борисъ.

— А ты самъ, что себѣ говоришь?

— Я доволенъ.

— Еще-бы! Мнѣ кажется, она дѣйствительно тебя любитъ. И я думаю это не потому, что она такъ откровенно и просто тебѣ пишетъ... А знаешь, въ тонѣ этого письма есть что-то неуловимое... это нельзя объяснить, это чувствуется... Пускай поправляется. Она въ хорошихъ рукахъ, и это большое счастье... Но, однако, какая мечтательница! И я мечтала много въ молодости, но такою не была никогда и неспособна была дойти до этого... Да, Борисъ, тебѣ предстоятъ не однѣ розы—я вѣрю въ твое счастье, но оно достанется тебѣ съ трудомъ. Ты долженъ быть очень, очень съ нею осторожнымъ. Какъ-бы я хотѣла ее скорѣе увидать, разглядѣть... до тѣхъ поръ я все-же буду неспокойна.

Была у Бориса и другая переписка. Ему очень часто писалъ

Бѣльскій, писалъ и Рылѣевъ, и иные изъ членовъ «союза благоденствія». Конечно, они не могли дозѣрить много этимъ письмамъ; всѣ они, посылая письмо, должны были расчитывать, что оно, очень вѣроятно, будетъ вскрыто и прочтено, прежде чѣмъ дойти по назначенію. Но все-же они умѣли кое-что дать понять, и Борисъ догадывался изъ ихъ хитро замаскированныхъ намековъ, что дѣло ихъ не останавливается, а напротивъ, идетъ впередъ. Онъ не мало тревожился этимъ; но что-же ему было дѣлать? И мать не разъ видѣла его задумчивымъ и хмурымъ.

— О чемъ ты? Или опять что-нибудь отъ меня скрываешь?

— Нѣтъ, у меня ужъ ничего нѣтъ отъ васъ скрытаго... своего!—отвѣчалъ онъ.

Если-бы онъ чувствовалъ себя за одно съ этими горячими головами, если-бы онъ дѣйствительно примкнулъ къ ихъ дѣлу,— онъ теперь, не задумываясь, открылся-бы матери. Но онъ считалъ себя внѣ ихъ дѣла и чужою тайной располагать не могъ.

Между тѣмъ Катринъ мало-по-малу опять стала выходить изъ своего радостнаго состоянія. Ея Казиміръ требовалъ отъ нея все больше и больше осторожности и, наконецъ, объявилъ ей, что за ними слѣдятъ всѣ, всѣ безъ исключенія, даже и Сергѣй Борисовичъ.

— Это тебѣ такъ кажется,—увѣряла она.

Но онъ стоялъ на своемъ.

— Если говорю, значитъ, не кажется. И самое лучшее — мнѣ уѣхать.

— Уѣхать? Ни за что на свѣтѣ!

— Я уѣду!—повторилъ онъ.—Я скажу, что получилъ неожиданное извѣстіе, и уѣду; но съ тѣмъ, чтобы вернуться къ пятому іюля...

— Зачѣмъ? Ну, что-жъ такое, ну, пусть слѣдятъ, если желаютъ. Я никого и ничего не боюсь, когда ты со мною. Для меня тогда ничего другого совсѣмъ не существуетъ. Слышишь? Развѣ тебѣ этого мало? Забудемъ о нихъ о всѣхъ.

Онъ, конечно, забылъ-бы, ему въ сущности до всѣхъ этихъ людей было мало дѣла; онъ не чувствовалъ въ себѣ такой щепетильности, которая-бы мѣшала ему наслаждаться жизнью, видя, что его присутствіе непріятно хозяевамъ дома, въ которомъ онъ живетъ. Съ нимъ любезны, ему ни разу не сдѣлали никакого намека, самолюбіе его ничуть не страдаетъ... Но дѣло въ томъ, что ему уже становилось скучно съ Катринъ. Она ему сначала очень понравилась. Онъ еще прошлою осенью ее намѣтилъ и скоро убѣдился, что произвелъ на нее неотразимое впечатлѣніе. Это было ему не въ диковинку. Онъ привыкъ, что всѣ женщины, на которыхъ онъ обращалъ вниманіе, передъ нимъ таяли. Весь вопросъ былъ во времени. Но, во всякомъ случаѣ, вся эта борьба

была только игрою, и чѣмъ меньше оказывалось въ женщинѣ лицемѣрія, тѣмъ скорѣе игра прекращалась.

Катринъ не хотѣла лицемѣрить... Но она была слишкомъ мелочна, слишкомъ пуста. Одного кокетства, и въ добавокъ очень однообразнаго, ему недоставало. Всѣ эти сантиментальности (а Катринъ, за отсутствіемъ чувства, была порою очень сантиментальна въ этомъ первомъ своемъ любовномъ похожденіи) становились для него слишкомъ прѣсными.

Онъ подумалъ, что можно разнообразить свое свободное лѣтнее время, и рѣшился уѣхать. Ни мольбы, ни слезы въ глубинѣ парка его не остановили. Онъ обѣщалъ непремѣнно вернуться къ пятому іюля, далъ слово. Пришлось согласиться. Но, впрочемъ, Катринъ видѣла, что съ нимъ не легко сладить. Она даже на него разсердилась и простилась довольно холодно. Послѣ его отъѣзда она весь день обдумывала какъ-бы отомстить ему, какъ-бы заставить его вымаливать прощеніе.

«Нужно будетъ возбудить его ревность.»

Она рѣшила непремѣнно сдѣлать это, когда онъ вернется.

VIII.

Въ тихой обители.

Августъ приближался къ концу. Княгиня Маратова собралась уѣзжать изъ деревни въ Петербургъ. Она уже чувствовала потребность вернуться къ своей привычной жизни. Она уже давно скучала безъ общества, то-есть, безъ постоянной смѣны лицъ, любовь и привычка къ которой составляла у нея почти болѣзнь, непреоборимую потребность.

Уѣзжая изъ Петербурга въ деревню, она чувствовала себя утомленной и въ первое время была такъ рада очутиться въ уединеніи, на свѣжемъ воздухѣ. Она замѣчала, какъ съ каждымъ днемъ въ нее вливается новый потокъ здоровья, какъ голова ея освѣжается. Но теперь она достаточно запаслась этимъ здоровьемъ, стряхнула съ себя все городское утомленіе и начала сильно томиться однообразіемъ деревенской жизни.

«Пора, давно пора, а главное, не для одной себя, а для Нины». Борисъ пишетъ, что онъ тоже скоро пріѣдетъ въ Петербургъ. Нужно-же благополучно окончить это дѣло.

Княгиня знала, что впереди предстоитъ не мало затрудненій, что найдется не мало людей, которые задумаютъ помѣшать ея планамъ такъ или иначе. И хотя она была довольна Ниной, то-есть, ея относительнымъ спокойствіемъ и здоровьемъ, видимо, поправившимся, но все же она не была еще въ ней увѣрена. Все идетъ

хорошо и гладко. Нина, повидимому, смотритъ на вещи благоразумно, а вотъ—нѣтъ, нѣтъ, да и прорвется прежнее какое-нибудь слово, которое такъ и броситъ княгиню въ краску.

— Ну, матушка, опять тоже! Да брось ты всѣ эти бредни... помни только одно, что тебя ждетъ прекрасный человѣкъ, котораго ты любишь и котораго ты непремѣнно должна, обязана сдѣлать счастливымъ.

Княгиня понимала, что если и возможно будетъ все благополучно кончить при отсутствіи препятствій, то стоитъ только появиться первому препятствію, и Нина ослабѣетъ, она увидитъ въ немъ какое-нибудь указаніе свыше—и опять занесется. Она рѣшила, что самое лучшее, въ виду неисправимости Нины и слишкомъ укоренившагося въ ней мистически религіознаго настроенія, подвергнуть ее новымъ впечатлѣніямъ, тоже мистически религіознымъ, но въ нѣсколько иномъ родѣ,—такимъ впечатлѣніямъ, которыя заставили-бы ее отвернуться отъ страннаго сектанства Татариновой. Въ чемъ состояла эта секта—княгиня такъ и не могла подробно добиться отъ Нины, но она поняла, что тутъ есть что-то, и что это «что-то», навѣрно, противно православію.

Она давно освободилась отъ смутившаго ее пріятнаго впечатлѣнія, которое произвела на нее Татаринова. Теперь она снова относилась къ этой женщинѣ недружелюбно, она считала ее, по ея выраженію: «влѣзающей въ душу хитрой лицемѣркой». Но она была настолько осторожна, что не говорила этого Нинѣ. У нея мелькнула такая, какъ ей казалось счастливая мысль: «Нужно побить Нину ея же оружіемъ. Да, конечно, это будетъ самое лучшее... Возвращаясь въ Петербургъ, мы ѣдемъ въ Юрьевскій монастырь къ графинѣ»...

Графиню Анну Алексѣевну Орлову-Чесменскую княгиня знала давно. Она еще въ первой юности своей бывала въ Москвѣ у графа Алексѣя Григорьевича, въ его великолѣпномъ домѣ у Донского поля. Теперь уже много лѣтъ какъ графиня стала почти невидимой, вела отшельническую жизнь; но все же, въ качествѣ камеръ-фрейлины, очень любимой царской семьею, изрѣдка пріѣзжала въ Петербургъ. Княгиня съ нею встрѣчалась почти дружески. Про графиню Анну Орлову, въ особенности со времени ея сближенія съ монахомъ Фотіемъ, въ настоящее время архимандритомъ Юрьевскаго монастыря, ходило очень много неблагопріятныхъ, двусмысленныхъ толковъ. Но княгиня была увѣрена, что эти толки—плодъ досужей и злой фантазіи общества. Она считала графиню Анну высоконравственной, умной и благородной женщиной, почти святою. Да и на архимандрита Фотія, хоть и видѣла его всего разъ мелькомъ, глядѣла какъ на подвижника, благодаря нѣкоторымъ сердечнымъ бесѣдамъ съ графиней.

«Фотій—глубоко вѣрующій и истинный христіанинъ; графиня Анна—тоже,—думала она:—оба они обладаютъ удивительнымъ краснорѣчіемъ... Чего я не могу сдѣлать съ Ниной, то легко могутъ, пожалуй, сдѣлать они... Если захотятъ—легко докажутъ Нинѣ ея заблужденія, отвлекутъ ее отъ еретическихъ мыслей»...

Она написала къ графинѣ Орловой письмо, въ которомъ кое-что сообщала относительно Нины и постаралась заинтересовать ею. Графиня отвѣчала, что съ удовольствіемъ приметъ ихъ у себя на нѣсколько дней и всегда рада помочь дѣлу спасенія души человѣческой. Нина очень удивилась, когда княгиня сказала ей, что онѣ отправятся не прямо въ Петербургъ, а заѣдутъ сначала въ Юрьевскій монастырь; но нашла, что это очень хорошо.

— Говорятъ, монастырь теперь узнать нельзя,—сказала княгиня:—я, помню, бывала тамъ не разъ, это былъ совсѣмъ бѣдный, заброшенный монастырь, а теперь, благодаря щедрости графини Орловой и радѣнію архимандрита Фотія, онъ сталъ такъ красивъ, богатъ... Туда приходятъ со всѣхъ сторонъ богомольцы, тамъ устроены пріютъ и богадѣльня для больныхъ и бѣдныхъ. Графиня ничего не жалѣетъ... сколькихъ людей она избавляетъ отъ нищеты, спасаетъ отъ смерти!.. Знаешь-ли что, Нина... можетъ, и ты слышала... про нее говорятъ много дурного... ты ее узнаешь и сейчасъ-же поймешь, что только злоба, зависть и клевета могутъ чернить такую женщину. Я помню еще дѣвочкой это удивительное созданіе; она мнѣ всегда казалась ангеломъ. Ты знаешь, вѣдь, у отца ея не мало грѣховъ на душѣ было, и она это знала. Она любила его, она была его единственнымъ ребенкомъ, онъ умеръ оставивъ ее молодой дѣвушкой съ громаднымъ состояніемъ. Въ женихахъ, конечно, не было недостатка—да и въ какихъ! Императрица Марія Ѳеодоровна, я знаю это навѣрно, хотѣла устроить ея бракъ съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ родственниковъ—иностранныхъ принцевъ. Она могла-бы быть принцессой—и никого-бы это не удивило. Но она еще въ самые молодые годы, еще почти ребенкомъ, рѣшила не выходить замужъ и отдать всю свою жизнь бѣднымъ, несчастнымъ и молитвѣ о грѣхахъ отца. И она исполнила свое рѣшеніе... Да, это удивительная женщина...

Нина слушала съ возраставшимъ вниманіемъ и была подъ конецъ такъ заинтересована, такъ восхищена графиней Орловой-Чесменской, что съ большимъ волненіемъ и сердечнымъ трепетомъ подъѣзжала къ Юрьевскому монастырю.

Графиня Анна Алексѣевна уже нѣсколько лѣтъ какъ купила для себя близь монастыря небольшую усадьбу и большую часть

года теперь жила здѣсь, отказавшись отъ пышности и блеска, довольствуясь самой скромной обстановкой, имѣя необходимость только въ одномъ—въ постоянномъ общеніи со своимъ духовникомъ и наставникомъ, отцомъ Фотіемъ...

Вечерѣло. Весь день былъ хотя свѣжій, но ясный. Солнце только что зашло, когда громадный дормезъ княгини повернулъ по пыльной дорогѣ изъ-за лѣса, и Нина, выглянувшая въ каретное окошко, увидѣла блестящія главы живописно расположенной обители, по верхамъ которыхъ еще скользили послѣдніе лучи солнца.

Усадьба графини состояла изъ небольшого двухъ-этажнаго дома незатѣйливой архитектуры, расположеннаго среди густого сада. Никакихъ слѣдовъ привычной въ богатыхъ барскихъ усадьбахъ роскоши здѣсь не замѣчалось. По довольно узкой, обставленной деревьями дорогѣ дормезъ подъѣхалъ къ воротамъ. Княгиня и Нина вышли изъ экипажа въ сопровожденіи своего лакея. Онѣ прошли черезъ небольшой, чисто выметенный дворъ. Съ подъѣзда къ нимъ навстрѣчу шла какая-то блѣдная женщина почти въ монашеской одеждѣ и, узнавъ кто онѣ такія, пригласила ихъ въ домъ, говоря, что графиня еще со вчерашняго дня ихъ ожидаетъ.

— Только ихъ теперь нѣту, вамъ обождать придется, ко всенощной отправились,—прибавила она.

Пріѣзжія вошли въ домъ. Тутъ все было очень просто, и хотя комнаты и большія, и свѣтлыя, съ блестящими паркетными полами, но каждая изъ нихъ казалась такой неуютной, холодной. Мебели немного, никакихъ драпировокъ и портьеръ на тяжеловѣсныхъ дубовыхъ дверяхъ и широкихъ окнахъ. Полное отсутствіе ковровъ, картинъ и предметовъ роскоши.

— Вотъ какъ она живетъ—шепнула княгиня Нинѣ.—Но это, мнѣ кажется, даже слишкомъ, такая унылая обстановка, такая пустота въ комнатахъ...

— Нѣтъ, я очень понимаю это,—отвѣтила Нина:—такъ и слѣдуетъ, такъ и должно быть... Здѣсь мнѣ очень, очень нравится...

Тихая, молчаливая женщина провела ихъ теперь въ предназначенныя имъ комнаты. Это были двѣ небольшія комнаты нижняго этажа, выходившія окнами въ садъ и имѣвшія видъ келій. Въ каждой комнатѣ была поставлена кровать, большой комодъ, жесткій диванъ, передъ диваномъ овальный тяжелый столъ, нѣсколько креселъ и стульевъ. Въ углу образъ съ зажженной лампадой—и больше ничего.

Княгинѣ очень это не понравилось. Она съ дѣтства привыкла къ совсѣмъ иной обстановкѣ. Она любила, чтобы кругомъ нея все было уютно, красиво. Любила понѣжиться въ широкихъ мягкихъ креслахъ. Любила спать на мягкихъ перинахъ. Тутъ-же, взглянувъ на кресло съ кожанымъ сидѣніемъ и узенькими дере-

вянными ручками, она подумала, что со своей толщиной даже, пожалуй, и не усядется въ такое кресло. Взглянула на кровать— и почувствовала нѣкоторое уныніе. Кровать была узкая, матрацъ оказался довольно жесткимъ. Но она не стала жаловаться Нинѣ, она боялась откровенно передавать ей теперь свои впечатлѣнія. Умывшись и переодѣвшись съ дороги, онѣ прошли наверхъ и стали дожидаться хозяйку.

Имъ обѣимъ, а въ особенности княгинѣ, очень хотѣлось ѣсть. Но объ ихъ угощеніи съ дороги, повидимому, никто и не думалъ. Наконецъ, когда уже совсѣмъ стемнѣло и въ комнатахъ зажгли свѣчи, появилась графиня отъ всенощной.

Нина видѣла ее въ первый разъ. Это была женщина далеко еще не старая, лѣтъ подъ сорокъ, очень пріятной наружности, хотя и не особенно красивая. На ея спокойномъ лицѣ видны были и доброта, и благородство. Но, несмотря на это, Нина все же нѣсколько изумилась. Она представляла себѣ графиню Орлову совсѣмъ иной. Она думала, что встрѣтится съ какимъ-нибудь особеннымъ существомъ, въ которомъ мало даже земного. А между тѣмъ передъ нею стояла совсѣмъ обыкновенная женщина.

Она очень радушно поздоровалась съ княгиней, благодарила ее за пріѣздъ и затѣмъ, любезно улыбаясь, сжала руку Нины. Затѣмъ она усадила гостей на жесткую мебель комнаты, гдѣ ихъ встрѣтила, и велѣла давать чай. Подали чай. Княгиня даже невольно покраснѣла. Она любила покушать и чувствовала, что голодъ ея усиливается съ каждой минутой. А это что-же такое?— подали всего три чашки и двѣ просфоры, даже сливокъ не было къ чаю. Княгиня вспомнила, что день постный. Но хозяйка, очевидно, была очень далека отъ заботъ о хлѣбѣ насущномъ. Сама она выпила свою чашку маленькими глотками, не прикоснулась къ просфорѣ, не спросила гостей, не хотятъ-ли онѣ чего-нибудь и тотчасъ-же начала разсказывать о всѣхъ усовершенствованіяхъ, сдѣланныхъ въ монастырѣ.

Она оживилась, вдавалась въ подробности. Княгиня дѣлала видъ, что слушаетъ внимательно, что интересуется, но въ то-же время скучала ужасно, едва удерживалась отъ зѣвоты, а главное, сердилась. Она чувствовала себя утомленной съ дороги, да и часъ былъ уже довольно поздній, скоро пора будетъ спать, и ей придется лечь на тощій желудокъ. Это ее рѣшительно раздражало.

«Нѣтъ, это ни на что не похоже!—думала она.—Можно быть святой, можно презирать земную суету; но зачѣмъ-же людей морить голодомъ!..»

Нина была очень далека отъ подобныхъ мыслей. Выпивъ чашку чаю и съѣвъ кусокъ мягкой и очень вкусной просфоры, она уже насытилась и съ большимъ удовольствіемъ слушала гра-

финю. Ей нравилось какъ та говорила—такъ спокойно, не спѣша. Все лицо ея оживилось, когда она стала высчитывать сколько бѣдныхъ ежедневно приходитъ кормиться въ обитель. Потомъ, обращаясь къ Нинѣ, она стала разсказывать о томъ, съ какими людьми ей приходится здѣсь встрѣчаться, какъ многому можно научиться отъ этихъ простыхъ, темныхъ людей, какая въ простомъ русскомъ человѣкѣ живетъ глубокая, истинная вѣра въ Бога...

Нина просто не замѣчала какъ идетъ время въ этихъ интересныхъ разсказахъ. Пробило десять часовъ, и графиня сказала:

— Мы рано ложимся, чтобы поспѣть къ заутрени, да и вы, я полагаю, устали съ дороги.

— Да, Нина, это правда, посмотри, какая ты блѣдная, ступай, мой другъ, и я приду сейчасъ.

Нина простилась. А княгиня обратилась къ хозяйкѣ:

— Милая, графиня, что вы мнѣ скажете? Какъ вамъ показалась моя дѣвочка?

— Она мнѣ понравилась.

Тогда княгиня подробно разсказала то, о чемъ не могла написать въ письмѣ, и попросила у Анны Алексѣевны совѣта.

Та подумала.

— Вы очень хорошо сдѣлали,—наконецъ, сказала она:—что привезли ее сюда, ее нужно утвердить въ православной вѣрѣ и убѣдить ее въ томъ, какая вѣчная погибель для души—отступленіе отъ истинной вѣры. Но я для этого слаба... Гдѣ-же мнѣ браться за такое дѣло!.. Я поговорю съ отцомъ архимандритомъ, и думаю, что онъ возьмется. Вы пробудете здѣсь нѣсколько дней. Пусть онъ побесѣдуетъ съ нею. О, конечно, онъ ее наставитъ... онъ ей поможетъ...

— Только одно, дорогая моя,—перебила ее княгиня.—Вы ужъ не говорите ей о томъ, что ей не слѣдуетъ выходить замужъ, напротивъ, докажите ей, что можно и въ замужествѣ вести жизнь истинно христіанскую и дѣлать добро.

Графиня изумленно на нее взглянула.

— Зачѣмъ-же это?—сказала она.—Я всю жизнь была того мнѣнія, что не слѣдуетъ выходить замужъ.

— Ахъ, Боже мой, вы—совсѣмъ другое дѣло. Я увѣрена, твердо увѣрена, что ея спасеніе именно въ выходѣ замужъ за человѣка, котораго она любитъ. А лучше совсѣмъ не говорите съ нею, если не можете обѣщать мнѣ, что не станете отдалять ее отъ мысли о замужествѣ...

Княгинѣ долго пришлось убѣждать «Христову невѣсту» и доказывать почему именно Нина должна выйти за Горбатова. Наконецъ, онѣ столковались; графиня дала обѣщаніе не только за себя, но и за Фотія. Тогда княгиня, успокоившись и простившись съ

хозяйкой, сошла въ свою келью. Она была очень пріятно удивлена, увидя у себя на столѣ хотя и постный, но очень вкусно приготовленный ужинъ. Вошедшая вслѣдъ за нею блѣдная женщина въ монашескомъ платьѣ сказала ей:

— Графинюшка наша строгій постъ соблюдаетъ, а вы, сударыня, чай, съ дороги-то проголодались, такъ я и распорядилась... Покушайте... Вотъ и барышня тоже... какъ это можно такъ, съ дороги-то...

— Спасибо, матушка, большое вамъ спасибо, — довольнымъ тономъ отозвалась княгиня.

Она съ удовольствіемъ присѣла къ столу, позвала Нину. Но оказалось, что Нина уже раздѣлась и ужинать не хочетъ.

IX.

Фотій.

Несмотря на то, что кровать была узка и матрацъ не отличался особенной мягкостью, княгиня заснула скоро, и въ то время какъ благовѣстили къ заутрени, она спала самымъ крѣпкимъ и здоровымъ сномъ. Спала и Нина. Ставни были закрыты, тишина въ домѣ стояла полная. И обѣ онѣ, наконецъ, проснувшись и наскоро одѣвшись, едва-едва поспѣли къ обѣднѣ.

Нина была въ спокойномъ и бодромъ настроеніи. Войдя въ монастырь, она поразилась огромнымъ стеченіемъ народа. Весь путь отъ воротъ до самой церкви, въ которой уже началась служба, имъ пришлось сдѣлать среди густой толпы богомольцевъ, нищихъ, калѣкъ. На самыхъ видныхъ мѣстахъ стояли и сидѣли мужчины, женщины и дѣти ужаснаго и отвратительнаго вида, олицетворенія всевозможныхъ человѣческихъ недуговъ. Кто былъ покрытъ весь ранами, кто выставлялъ на показъ красный, безформенный обрубокъ ноги; кто совалъ впередъ что-то невозможное, обернутое въ грязное тряпье—руку, доходившую только до локтя и затѣмъ оканчивавшуюся какимъ-то наростомъ. И всѣ эти несчастные калѣки, на всѣ лады жалобнымъ голосомъ произносившіе свое «Христа-ради», протягивали къ проходившимъ маленькія деревянныя чашечки, назначенныя для сбора милостыни. Княгиня и Нина роздали уже всю мелочь, какая была съ ними, а чашечки все протягивались, и все жалобнѣе, и все ужаснѣе слышалось «Христа-ради».

Въ перемежку съ нищими расположились богомольцы, которые уже отстояли раннія службы и теперь отдыхали здѣсь, тѣмъ болѣе, что въ церкви не было мѣста. Нѣкоторые, очевидно, пришли издалека, изъ южныхъ и юго-восточныхъ губерній, на что указывалъ покрой ихъ одежды и черты загорѣлыхъ лицъ. Несмотря на впечатлѣніе нищеты, бѣдности и немощи человѣческой — ка-

кое-то благоговѣйное чувство сходило на Нину и возрастало въ ней. Наконецъ, поднявшись на церковную паперть, запруженную народомъ, онѣ добрались до дверей. Княгиня обратилась къ Нинѣ и почти испуганнымъ голосомъ сказала:

— Какъ-же мы проберемся впередъ? Вѣдь, задавятъ.

Крѣпкій запахъ всѣхъ этихъ сермягъ сразу показался имъ просто невыносимымъ. Но сдерживая дыханіе, онѣ стали пробираться впередъ. Огромная, толстая княгиня, видя что иначе невозможно, стала работать руками. Мужики и бабы старались почтительно сторониться и давать ей дорогу; но это оказалось очень трудно—такое множество людей набралось въ небольшой церкви. Однако, все-же, несмотря на всѣ затрудненія, княгиня, красная, съ лоснящимся лицомъ, пробралась впередъ къ правому клиросу.

— Намъ бы туда, къ графинѣ... вонъ ея мѣсто... Тамъ просторнѣе,—шепнула она Нинѣ.

— Нѣтъ, лучше останемся здѣсь, ma tante,—отвѣтила Нина:— вѣдь, не пройдемъ, а здѣсь хорошо.

Княгиня кивнула головою, быстрымъ взглядомъ окинула новый иконостасъ, покрытый прекрасной живописью, богатыми ризами, сіяющій огнями, и начала креститься. Потомъ она осмотрѣлась. Весь клиросъ, у котораго онѣ стояли, былъ занятъ монахами, да и за ними тоже размѣстились нѣсколько монаховъ. А дальше шла сплошная масса народу, — негдѣ было упасть и яблоку. Несмотря на дуновеніе, временами проносившееся отъ открытыхъ оконъ, духота была страшная, мѣшалась съ запахомъ ладана и народа и туманила голову. Служба шла медленно и торжественно. Хоръ монаховъ былъ хорошо составленъ.

— Что-же это, никакъ не архимандритъ служитъ? — шепнула княгиня.

Но Нина ее не слушала, она усердно молилась.

Когда боковая дверь въ алтарь, передъ которой онѣ стояли, отворилась, княгиня съ невольнымъ любопытствомъ туда заглядывала, желая увидать Фотія; но его не было видно. Не имѣя возможности удовлетворить свое любопытство, она принялась тоже молиться, но скоро почувствовала, что въ ней на этотъ разъ совсѣмъ нѣтъ молитвеннаго настроенія. Тѣснота и духота на нее слишкомъ дѣйствовали при ея тучности. Вся кровь бросилась ей въ лицо. Она почувствовала слабость въ ногахъ, безнадежно обернулась и убѣдилась, что выйти изъ церкви теперь не представлялось никакой возможности. Ей казалось, что время тянется особенно медленно, что конца не будетъ этой обѣднѣ.

Служба шла своимъ чередомъ. И вотъ хоръ запѣлъ «Отче нашъ». Мгновенно по церкви пронесся какъ бы нѣкоторый гулъ, всѣ, кто могъ, опустились на колѣни. И неожиданно для княгини,

— Отче, повѣдайте и другія, бывшія вамъ видѣнія, — просительнымъ голосомъ и робко заглядывая въ глаза Фотія, проговорила графиня.

Но онъ сдѣлалъ даже видъ, будто не слыхалъ словъ ея и упорно молчалъ.

— Какой же совѣтъ вы преподадите намъ, отче?—спросила княгиня.—Чѣмъ напутствуете мою племянницу?

Фотій опустилъ глаза и заговорилъ ни на кого не глядя:

— Блюди себя, дѣвица, отъ соблазновъ, отъ нечистыхъ помысловъ, отъ угожденія плоти. Не украшайся нарядами, не измывай лица своего благовонными водами и не помазывай мастями. Подвизайся въ духѣ милосердія, пребывай въ молитвѣ... а пуще всего, блюди свое дѣвство...

Княгиня не выдержала и даже завозилась на своемъ жесткомъ креслѣ. Она укоризненно взглянула на графиню. Но та, не мигая, смотрѣла на Фотія.

«Что-же это? — думала княгиня: — что-же это? Комплотъ!.. Она меня обманула!»...

— Отче, — сказала она, перебивая его: — какой-же грѣхъ дѣвушкѣ выйти замужъ за благочестиваго христіанина, если она намѣрена честно исполнять обязанности жены и матери?

Фотій поднялъ на нее глаза, а потомъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ снова опустилъ ихъ.

— Нѣсть спасенія въ міру,—продолжалъ онъ:—ежели хочетъ спасти душу, пусть бѣжитъ отъ міра, пусть сохранитъ свое дѣвство нетлѣннымъ и обрящетъ жениха небеснаго...

Онъ даже поднялъ руку и погрозилъ по направленію Нины. Княгиня встала вся багровая.

— Однако, мы утруждаемъ отца архимандрита...

Она подошла подъ его благословеніе. Нина послѣдовала ея примѣру и никакъ не могла побѣдить въ себѣ чувства брезгливости, когда цѣловала руку.

Онѣ вышли, оставивъ графиню съ Фотіемъ. Княгиня опять обмахивалась платкомъ и вдыхала въ себя воздухъ.

— Фу!—повторяла она:—какъ у него душно, какъ душно!

А сама думала:

«Дура я! дура! Ну чего это сюда ее притащила,—какая польза? Вредъ только. Да онъ еще хуже Татариновой!»..

— Какъ тебѣ показался отецъ Фотій?—обратилась она къ Нинѣ.

— Ma tante, скажу прямо: онъ мнѣ очень не понравился...

— И мнѣ тоже,—отрѣзала княгиня.

На слѣдующее утро онѣ уѣхали отъ Орловой.

Вс. С. СОЛОВЬЕВЪ.

Современная жрица Изиды.

Мое знакомство съ Е. П. Блаватской и «теософическимъ обществомъ».

(Эпизодъ «fin de siècle»).

Съ приложеніемъ отвѣта на брошюру «г-жи Игрекъ» и новыхъ документовъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ Н. Ѳ. МЕРТЦА.
1904.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 6 іюня 1904 года.

Типографія Т-ва «Народная Польза». Спб., Коломенская 39, соб. д.

ПОСВЯЩЕНО

Лондонскому «Обществу для психическихъ изслѣдованій»

и

всѣмъ **внимательнымъ** читателямъ.

Современная жрица Изиды.

Мое знакомство съ Е. П. Блаватской и «теософическимъ обществомъ».

(Эпизодъ «fin de siècle»).

I.

Прошлой весной, 16-го апрѣля 1891 года, въ Лондонѣ скончалась Елена Петровна Блаватская. Она извѣстна у насъ, какъ авторъ интересныхъ и талантливыхъ повѣствованій: «Изъ пещеръ и дебрей Индостана» и «Загадочныя племена Голубыхъ горъ»,—печатавшихся въ «Русскомъ Вѣстникѣ» подъ псевдонимомъ «Радда-Бай».

О сочиненіяхъ ея иного рода и вообще объ ея дѣятельности свѣдѣній имѣлось очень мало. Въ «Новомъ Времени» промелькнула корреспонденція изъ Лондона о разоблаченіи производившихся ею якобы чудодѣйственныхъ феноменовъ. Затѣмъ недавно, уже послѣ смерти Елены Петровны Блаватской, въ спеціальномъ изданіи, «Вѣстникѣ Клинической и Судебной Психіатріи и Невропатологіи», былъ напечатанъ критическій очеркъ д-ра Розенбаха, подъ заглавіемъ «Современный мистицизмъ». Этотъ очеркъ вышелъ и отдѣльной книжкой. Въ немъ цѣлая глава носитъ названіе: «Теософическій культъ» и посвящена разсказу объ изслѣдованіяхъ «Лондонскимъ Психическимъ Обществомъ» теософическихъ феноменовъ и разоблаченіяхъ ихъ поддѣльности.

Корреспонденція «Новаго Времени», конечно, уже позабылась, статья г. Розенбаха мало кому извѣстна и, такимъ образомъ, знакомство русскаго общества съ дѣятельностью покойной Блаватской оставалось весьма поверхностнымъ. Но, вотъ въ газетѣ «Новости», а затѣмъ въ журналѣ «Русское Обозрѣніе» появились обширныя статьи г-жи Желиховской. Въ статьяхъ этихъ авторъ, родная сестра Блаватской, изумляясь молчанію русской печати

о *создательницѣ* «теософіи», знакомитъ наше общество съ женщиной, «которую ея послѣдователи въ Америкѣ, Индіи и Европѣ называютъ «избраннымъ свѣточемъ», враги—«величайшей обманщицей вѣка», а всѣ вообще, знающіе ея сочиненія и дѣятельность за послѣднія пятнадцать - двадцать лѣтъ—«сфинксомъ девятнадцатаго столѣтія» и на смерть которой отозвалась *вся иностранная пресса*»...

Въ тѣхъ-же «Новостяхъ», около двухъ, кажется, лѣтъ тому назадъ была помѣщена большая статья другой дамы-сотрудницы этой газеты *). Въ этой статьѣ говорилось о парижской жизни, упоминалось о парижскомъ «теософическомъ обществѣ» и о томъ, что оно распалось вслѣдствіе разоблаченій, сдѣланныхъ мною.

Я не отрицаю факта, сообщеннаго сотрудницей «Новостей». Я, дѣйствительно, кромѣ родственниковъ Елены Петровны Блаватской, единственный русскій, близко и хорошо ее знавшій въ періодъ 1884—1886 годовъ, то-есть немедленно послѣ появленія ея изъ Индіи въ Европу и во время возникновенія европейскихъ «теософическихъ обществъ», организованныхъ ею и ея пособникомъ, Генри Олкоттомъ, американцемъ, извѣстнымъ подъ именемъ «полковника» Олкотта. Я, дѣйствительно, въ 1886 году, способствовалъ распаденію перваго французскаго теософическаго общества, устроеннаго, подъ названіемъ «Société théosophique d'Orient et d'Occident», герцогиней де-Помаръ лэди Кэтниссъ и укрѣпленнаго Еленой Петровной Блаватской въ Парижѣ въ 1884 году.

По возвращеніи моемъ въ Россію и до сего времени я ровно ничего не писалъ о г-жѣ Блаватской и ея теософическомъ обществѣ, находя болѣе чѣмъ безполезнымъ касаться этого антихристіанскаго движенія, пока оно остается фактомъ, у насъ малоизвѣстнымъ. Я хранилъ про себя все, что зналъ, а также имѣющіеся у меня документы до того времени, когда въ нашей печати появятся панегирики г-жѣ Блаватской и, въ той или иной формѣ, пропаганда ея имени и ея новѣйшей теософіи. Я желалъ только одного,—чтобы это время совсѣмъ не настало и чтобы я былъ избавленъ отъ нравственной необходимости вновь коснуться этого предмета.

До сихъ поръ я имѣлъ возможность молчать. Но пространныя статьи г-жи Желиховской, гдѣ она, не безъ основанія, объявляетъ свою сестру «всемірной знаменитостью», а о проповѣдывавшейся и созданной ею «новой религіи» говоритъ, какъ о

---

*) Фамилія этой дамы мнѣ извѣстна; но такъ какъ я не помню, какъ она подписала свою статью, то и не рѣшаюсь назвать ее. Нумера «Новостей» съ ея статьей у меня нѣтъ подъ руками, но я самъ читалъ его и очень хорошо помню всѣ подробности, въ чемъ и ручаюсь.

«чистомъ и высокомъ» ученіи,—являются именно пропагандой въ Россіи этого «чистаго и высокаго» ученія и имени его провозвѣстницы.

Эти статьи о неоцѣненной нами нашей знаменитой соотечественницѣ и о всемірномъ значеніи и распространеніи ея ученія—не могутъ не заинтересовать нашего общества, такъ падкаго на всякія «новыя ученія» и весьма довѣрчиваго. «Славны бубны за горами», а по прочтеніи статей г-жи Желиховской дѣйствительно создается очень увлекательная картина, способная распалить воображеніе, жадное до всякой новизны, особенно если она сулитъ удовлетвореніе высшему, духовному интересу.

Въ такихъ обстоятельствахъ молчать и скрывать истину, зная ее,—становится преступнымъ. Поэтому я вижу себя вынужденнымъ прервать молчаніе о моемъ близкомъ знакомствѣ съ Еленой Петровной Блаватской и ея «обществомъ». Мнѣ это крайне тяжело и противно, какъ должно быть тяжело и противно человѣку, обязанному, даже ради самой святой цѣли, разрывать могилу и вынимать изъ нея находящійся въ ней трупъ. Къ тому-же, помимо тяжести и отвращенія, я не могу избавиться отъ чувства жалости, которое всегда возбуждала во мнѣ эта, во всякомъ случаѣ, необыкновенная женщина, богато одаренная природой.

Ради этой невольной жалости я былъ-бы очень счастливъ забыть все, что знаю. Забвеніе, полное забвеніе—вотъ единственное, что было-бы нужно теперь для Елены Петровны Блаватской. Но ей нѣтъ забвенія и смерти, хотя тѣло ея подвергнуто кремаціи въ Лондонѣ и прахъ ея хранится въ трехъ урнахъ. Ей нѣтъ смерти—это печатно говоритъ намъ ея родная сестра, статьи которой являются въ настоящее время *единственной причиной*, ставящей меня въ нравственную необходимость приступить къ тяжелымъ, противнымъ для меня воспоминаніямъ и вскрыть пакетъ съ хранящимися у меня документами.

Несчастная Елена Петровна! Вотъ она передо мною, какъ живая, но образъ ея не только двоится, а троится. Въ ней было три совершенно различныхъ существа. Было въ ней еще и четвертое существо, но я его не зналъ лично, и только послѣдняя крайность можетъ заставить меня въ будущемъ его коснуться. До сихъ поръ живо много лицъ, знавшихъ ее въ молодости и въ зрѣлыхъ годахъ ея,—эти лица сообщаютъ удивительныя вещи о приключеніяхъ ея бурной и скитальческой жизни.

Я узналъ ее тогда, когда «жизнь женщины» была кончена и наступилъ періодъ совсѣмъ иной дѣятельности. Конецъ этой бурной «жизни женщины» оказался не концомъ, какъ случается обыкновенно съ заурядными женщинами, а именно началомъ ея

«настоящаго» существованія, проявленія всѣхъ данныхъ ей природой способностей.

Я знаю ее состарившейся, больной, но полной огня и энергіи—и не могу ее иначе себѣ представить. Какъ я сказалъ—въ ней было три существа. Первое изъ нихъ—*Елена Петровна* въ ея спокойные дни и вдали отъ дѣлъ «теософическаго» общества, веселая, остроумная собесѣдница, съ неистощимымъ запасомъ хотя грубоватаго, но настоящаго юмора, интересныхъ, увы, далеко не всегда основанныхъ на строгой правдѣ разсказовъ, анекдотовъ, смѣшная и симпатичная, какъ-то магнетически къ себѣ привлекавшая и даже способная на добрые порывы.

Второе существо ея—«Радда-Бай», H. P. Blavatsky или H. P. B.—авторъ «Пещеръ и дебрей Индостана», «Загадочныхъ племенъ», «Разоблаченной Изиды», «Тайнаго ученія», «Ключа къ теософіи», редакторъ «Теософиста», «Люцифера» и т. д.—писательница, поражающая своимъ литературнымъ талантомъ, огромной памятью и способностями быстро схватывать самые разнородные предметы и писать о чемъ угодно, писать интересно и увлекательно, хотя нерѣдко безсвязно и разбрасываясь во всѣ стороны.

Если-бы сочиненія Е. П. Блаватской были, какъ разсказываетъ г-жа Желиховская, произведеніями ея таинственнаго учителя, великаго мудреца полу-бога, живущаго въ дебряхъ Тибета и *диктовавшаго* ей, съ полнымъ пренебреженіемъ къ пространству, когда она находилась въ Америкѣ или Европѣ,—*такому* мудрецу сочиненія эти, въ виду ихъ недостатковъ, сдѣлали-бы немного чести. Ей-же, въ юности плохо усвоявшей предметы элементарнаго образованія и до сорока лѣтъ знавшей, якобы, очень мало,—опять-таки по свидѣтельству ея сестры,—они дѣлаютъ большую честь, указывая на огромныя ея способности и горячую любовь къ своему труду, ради котораго она забывала, на моихъ глазахъ, тяжкія страданія различныхъ болѣзней, давно уже ее мучившихъ.

Въ этомъ отношеніи сочиненія ея—дѣйствительно чудо; но объясненія этому чуду надо искать въ тайникахъ человѣческаго разума и духа, а не въ томъ, что невидимый и проблематическій «махатма» диктовалъ ей и водилъ изъ Тибета ея рукою, что къ ней *прилетали* нужныя ей для справокъ книги и т. д. Но ко всему этому я вернусь въ своемъ мѣстѣ, такъ-же какъ и къ вопросу о томъ, что такое «ея ученіе», *ея*-ли оно и какимъ образомъ она явилась его провозвѣстницей.

Третье существо Е. П. Блаватской, за которымъ, къ несчастію, слишкомъ часто скрывались и совсѣмъ исчезали два ея первыхъ существа,—это «*madame*», какъ называли ее всѣ тео-

софы, безъ различія національностей, это создательница «теософическаго общества», и его «хозяйка», «*la femme aux phénomènes*».

Дойдя до «феноменовъ», г-жа Желиховская, въ своихъ статьяхъ, говоритъ, что сама Блаватская «лично презирала эти чудеса»; но что послѣдователи ея свидѣтельствуютъ о нихъ устно и печатно съ великой увѣренностью. «Лучшіе люди, окружавшіе ее, *не за нихъ* ее цѣнили, и сама она, въ особенности въ послѣдніе годы жизни, презрительно къ нимъ относилась, говоря, что это ничтожнѣйшія дѣйствія силъ, извѣстныхъ каждому фокуснику-факиру... Многія «воспоминанія» о ней ея близкихъ заявляютъ, какъ часто она останавливала съ неудовольствіемъ любопытство своихъ многочисленныхъ стороннихъ посѣтителей».

Увы, это совсѣмъ не то! Все дѣло *именно* въ феноменахъ. Съ ихъ помощью Е. П. Блаватская создала свое «Теософическое общество», въ ихъ всеоружіи она явилась въ 1884 г. въ Европу для насажденія своего ученія, ими она сдѣлала себѣ рекламу и собрала вокругъ себя людей, желавшихъ ихъ видѣть съ той или иной цѣлью. *Только* эти феномены заинтересовали и привели къ знакомству съ нею такихъ людей, какъ Круксъ, Фламмаріонъ, Шарль Рише и англійскіе ученые, учредители лондонскаго «общества для психическихъ изслѣдованій».

Эти феномены, къ сожалѣнію, *неразрывно связаны* какъ съ нею самой, такъ и съ ея «теософическимъ обществомъ», что будетъ доказано далѣе. Въ нихъ могла быть ея истинная сила и оказалась ея слабость. Изъ-за нихъ она погубила нравственно и себя, и многихъ, изъ-за нихъ терзалась, бѣсновалась, убивала въ себѣ душу и сердце, превращалась въ фурію и должна была вынести все то, о чемъ умалчиваетъ г-жа Желиховская.

Когда эти феномены были разоблачены,—опять-таки, какъ будетъ видно ниже изъ многаго, а также изъ подлиннаго отчета и документовъ лондонскаго «общества для психическихъ изслѣдованій», которые я приведу въ своемъ мѣстѣ,—Блаватская почла себя погибшей. Чего могла ждать для себя женщина, взявшая своимъ девизомъ: «There is no religion higher than truth» (нѣтъ религіи выше истины)—она даже на своей почтовой бумагѣ и конвертахъ выставляла этотъ девизъ,—и доказывавшая весьма важныя положенія своего ученія феноменами, несомнѣнно и неопровержимо оказавшимися самымъ грубымъ, самымъ возмутительнымъ обманомъ и поддѣлкой? Казалось она права была, сочтя себя погибшей.

Но дѣло въ томъ, что среди человѣческаго общества всегда находится множество лицъ, для которыхъ правда только тогда правда, когда она согласна съ ихъ желаніями. Люди, заинтере-

сованные такъ или иначе въ процвѣтаніи «теософическаго общества», а также чувствовавшіе себя скомпрометтированными, стали кричать, что знаменитая «посланница тибетскихъ махатмъ» оклеветана, — и въ то-же время сами не останавливались ни передъ какой, самой грязной, клеветой, чтобы, по мѣрѣ возможности, чернить и унижать ея *враговъ*, то-есть людей, не позволившихъ ей себя совсѣмъ одурачить.

Нашлось не мало жаждущихъ и алчущихъ новинки, которые не стали справляться съ формулярнымъ спискомъ Е. П. Блаватской и пристали къ ея стаду. Такимъ образомъ она увидѣла, что вовсе не погибла. Она оправилась, стала продолжать и даже расширять свою дѣятельность, только относительно феноменовъ— «закаялась», — это, молъ, напрасная затрата жизненной силы, *вздорныя* проявленія и т. д.

Однако, вотъ теперь, когда Е. П. Блаватской уже нѣтъ и, слѣдовательно, никакъ нельзя въ ея *феноменахъ* убѣдиться воочію, «полковникъ» Олкоттъ снова выступаетъ самъ и ведетъ за собою цѣлый полкъ обоего пола особъ, свидѣтельствующихъ о самыхъ поразительныхъ чудесахъ, производившихся «madame». Даже г-жа Желиховская то-же не можетъ воздержаться, чтобы не поразсказать русскому обществу обо всѣхъ этихъ чудесахъ и не привести о нихъ чужіе разсказы.

Въ виду всего этого и я считаю своею обязанностью передать во всеобщее свѣдѣніе тѣ «поразительные феномены», которыхъ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ. «Нѣтъ религіи выше истины!»—какъ говорила, писала и печатала на своихъ бумажкахъ и конвертахъ несчастная Елена Петровна.

II.

Въ жаркій майскій полдень 1884 года я сидѣлъ за работой у себя въ саду въ просторной бесѣдкѣ, заросшей вьющейся зеленью, черезъ которую не проникало солнце и гдѣ поэтому было сравнительно прохладно.

Хотя это было въ Парижѣ и въ двухъ шагахъ отъ Avenue du bois de Boulogne, но кругомъ стояла невозмутимая тишина. Маленькій, очень оригинальной постройки домикъ, который я занималъ, выходилъ на impasse, гдѣ, вообще, почти отсутствовало какое-либо движеніе; хорошенькій садикъ, затѣненный старыми каштанами и наполненный цвѣтами, былъ обнесенъ высокой каменной стѣною, а въ глубинѣ его таилась почти незамѣтная дверца, отворявшаяся на обширный лугъ, переходившій въ опушку Булонскаго лѣса.

Только въ такой обстановкѣ и являлась возможность, среди полной тишины, отдохнуть человѣку, сильно разстроившему себѣ нервы и обязанному въ то-же время много работать.

Я уже нѣсколько мѣсяцевъ прожилъ въ Парижѣ такой совсѣмъ непарижской жизнью, въ никѣмъ невозмущаемомъ уединеніи, но имѣя въ то-же время подъ руками всѣ нужные матеріалы для моей работы.

Я и тогда, въ тотъ жаркій майскій полдень, разбиралъ выписки, сдѣланныя мною въ Bibliothéque Nationale. Дѣло въ томъ, что я задумалъ нѣсколько работъ въ беллетристической или иной формѣ, намѣреваясь затронуть нѣкоторые вопросы о малоизвѣстныхъ еще предметахъ, о рѣдкихъ, но, по моему мнѣнію, существующихъ проявленіяхъ мало изслѣдованныхъ душевныхъ свойствъ человѣка. Я занимался, между прочимъ, мистической и такъ называемой «оккультической» литературой. Кое-что изъ этой области мнѣ впослѣдствіи пришлось затронуть въ моихъ романахъ «Волхвы» и «Великій Розенкрейцеръ».

По мѣрѣ того, какъ я разбирался въ своихъ выпискахъ изъ Bibliothéque Nationale, мнѣ припомнились интереснѣйшія повѣствованія «Радды-Бай», то-есть госпожи Блаватской, появлявшіяся въ «Русскомъ Вѣстникѣ» подъ заглавіемъ «Изъ пещеръ и дебрей Индостана» и съ такимъ интересомъ читавшіяся въ Россіи. Предметъ моихъ занятій былъ тѣсно связанъ съ главнѣйшей сутью этихъ повѣствованій.

«Не рѣшиться-ли въ самомъ дѣлѣ,—думалъ я:—не съѣздить-ли въ Индію къ нашей удивительной соотечественницѣ, Блаватской, и убѣдиться воочію, насколько согласны съ дѣйствительностью тѣ чудеса, о которыхъ она разсказываетъ...»

Я *именно* думалъ объ этомъ, когда разслышалъ на крупномъ хрустѣвшемъ пескѣ дорожки моего садика приближавшіеся къ бесѣдкѣ шаги. Въ бесѣдку ко мнѣ вошла madame P., не мало лѣтъ прожившая въ Россіи парижанка, съ которой мнѣ въ то время приходилось почти ежедневно видаться.

— Вотъ,—сказала она, кладя передо мною газетный листъ:—вы такъ заинтересованы Блаватской, а она здѣсь, въ Парижѣ.

— Что вы! Не можетъ быть!

— Читайте.

Это было утреннее изданіе газеты «Matin», гдѣ, среди различныхъ новостей дня, объявлялось о томъ, что извѣстная основательница «теософическаго общества», Е. П. Блаватская, находится въ Европѣ и на-дняхъ изъ Ниццы пріѣхала въ Парижъ, поселилась въ rue Notre Dame des Champs, гдѣ она принимаетъ всѣхъ заинтересованныхъ въ возбужденномъ ею теософическомъ движеніи. Замѣтка была небольшая, но двѣ, - три

фразы нарисовали мнѣ обстановку новопоявившейся знаменитости, въ храмъ которой со всѣхъ сторонъ стекаются жаждущіе знакомства съ нею и съ ея чудесами.

— Vite, vite!—говорила m-me P.:—бросайте всѣ ваши книги и тетради и спѣшите къ ней!

— Увы, я на это не способенъ,—отвѣтилъ я:—но, если она останется еще нѣкоторое время въ Парижѣ, я у нея буду, познакомлюсь съ нею—это болѣе чѣмъ вѣроятно.

Я тотчасъ-же написалъ въ Петербургъ г. П., который, какъ я зналъ, находится въ письменныхъ сношеніяхъ съ Блаватской. Я просилъ его немедленно извѣстить ее о томъ, что такой-то, живя въ настоящее время въ Парижѣ, желалъ-бы съ ней познакомиться, но не сдѣлаетъ этого, не получивъ на то предварительно ея согласія.

Черезъ нѣсколько дней, гораздо раньше, чѣмъ я могъ ожидать, мнѣ ужъ принесли изъ Петербурга отвѣтъ, извѣщавшій меня о томъ, что Е. П. Блаватская ждетъ меня и приметъ, когда угодно.

Не безъ нѣкотораго волненія поѣхалъ я въ rue Notre Dame des Champs, выбравъ, какъ мнѣ казалось, самый удобный часъ, то-есть не слишкомъ рано и не черезчуръ поздно. За это время, пока я ожидалъ отвѣта изъ Петербурга, я уже совсѣмъ наэлектризовался предстоявшимъ мнѣ интереснымъ знакомствомъ.

Хоть у меня и не было съ собой «Пещеръ и дебрей Индостана», но я припомнилъ ихъ отъ начала до конца и почувствовалъ на себѣ все обаяніе этого талантливаго повѣствованія, гдѣ реальность смѣшивается съ самой удивительной таинственностью.

Судя по впечатлѣнію, произведенному на меня маленькой рекламой «Matin», я ожидалъ увидѣть нѣчто во многихъ отношеніяхъ грандіозное и приготовлялся къ торжественной аудіенціи, которую мнѣ дастъ Е. П. Блаватская. Я былъ увѣренъ, что у ея подъѣзда увижу вереницу экипажей, что мнѣ придется очутиться среди огромнаго пестраго общества ея посѣтителей.

Но вотъ я въ далекой плохенькой улицѣ лѣваго берега Сены, «de l'autre côté de l'eau»,—какъ говорятъ парижане. Кучеръ останавливается у сказаннаго ему мною номера дома. Домъ этотъ довольно невзрачнаго вида и у подъѣзда — ни одного экипажа.

«Батюшки, пропустилъ — уѣхала изъ Парижа!»—въ досадѣ сообразилъ я.

Но нѣтъ, на мой вопросъ консьержъ указываетъ мнѣ путь, я поднимаюсь наверхъ по очень, очень скромной лѣстницѣ,

звоню — и какая-то чумазая фигура въ восточномъ тюрбанѣ пропускаетъ меня въ крохотную темную переднюю.

На мой вопросъ: принимаетъ-ли m-me Блаватская, чумазая фигура отвѣчаетъ мнѣ: «entrez, monsieur»,—и исчезаетъ съ моей карточкой, а я стою и жду въ небольшой, низенькой, совсѣмъ плохо и недостаточно меблированной комнатѣ.

Ждать мнѣ пришлось недолго, дверь отворилась и предо мною она — довольно высокаго роста женщина, но производящая впечатлѣніе приземистой, вслѣдствіе своей необыкновенной толщины. Большая голова ея кажется еще больше отъ густыхъ, очень свѣтлыхъ, съ мало замѣтной просѣдью волосъ, мелко-мелко крепированныхъ (не искусственно, а отъ природы, какъ я потомъ убѣдился).

Въ первую секунду старое, некрасивое, землистаго цвѣта лицо ея мнѣ показалось отталкивающимъ, но вотъ она остановила на мнѣ взглядъ своихъ огромныхъ, на выкатѣ, блѣдно-голубыхъ глазъ—и за этими удивительными глазами, таившими въ себѣ дѣйствительную силу, забылось все остальное.

Я замѣтилъ, однако, что она весьма странно одѣта: въ какомъ-то черномъ балахонѣ, что всѣ пальцы ея маленькихъ, мягкихъ, какъ будто безкостныхъ рукъ съ очень тонкими концами и длинными ногтями унизаны драгоцѣнными большими кольцами.

Она встрѣтила меня такъ просто, любезно и мило, мнѣ такъ пріятно было слышать ея русскій говоръ, что мое смущеніе прошло, и вся неожиданность этой обстановки перестала меня изумлять—я, напротивъ, былъ очень радъ, найдя совсѣмъ не то, чего ожидалъ.

Черезъ четверть часа я уже бесѣдовалъ съ Еленой Петровной, какъ будто зналъ ее давно, и вся ея несуразная, аляповатая фигура мнѣ ужъ начинала нравиться. А глаза ея глядѣли такъ ласково и въ то-же время такъ пристально меня разглядывали.

Я объяснилъ ей, что меня къ ней привело не праздное любопытство, что я занимаюсь мистической и оккультической литературой и прихожу за отвѣтомъ на многіе, крайне серьезные и нужные для меня вопросы.

— Что-бы васъ ни привело ко мнѣ,—сказала она:—я ужасно рада познакомиться съ вами,—вѣдь, я русская,—а если вы притомъ за серьезнымъ дѣломъ, то будьте увѣрены, что я вся къ вашимъ услугамъ. Чѣмъ могу, пособлю съ превеликимъ моимъ удовольствіемъ!

Такъ она и сказала, и засмѣялась добродушнымъ, хорошимъ смѣхомъ.

— Вамъ придется, Елена Петровна, начинать со мною съ азовъ — я знаю о васъ, о вашихъ трудахъ и о вашемъ «обществѣ» только то, о чемъ вы сами печатали въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

— Ну, батюшка вы мой,—перебила она:—съ той поры много воды утекло. Общество-то наше тогда только еще вылуплялось изъ яичка, а теперь...

И она горячо стала разсказывать мнѣ объ успѣхахъ теософическаго движенія въ Америкѣ и въ Индіи, а въ самое послѣднее время и въ Европѣ.

— Надолго вы здѣсь?—спросилъ я.

— А и сама еще не знаю... Хозяинъ послалъ...

— Какой хозяинъ?

— Мой хозяинъ, учитель, гуру мой, ну, назовите его хоть Гулабъ Лалъ-Сингомъ изъ «Пещеръ и дебрей Индостана».

Я вспомнилъ во всѣхъ подробностяхъ этого Гулабъ Лалъ-Синга—это таинственное существо, о которомъ она разсказывала русскимъ читателямъ такія невѣроятныя вещи, существо, достигнувшее высшаго предѣла человѣческихъ знаній, производящее поразительнѣйшіе феномены. Я вдругъ почувствовалъ, что начинаю терять почву. Я нисколько не боюсь ничьей улыбки, заявляя, что и тогда признавалъ и теперь признаю *возможность* существованія *гдѣ-бы то ни было*, хоть-бы пожалуй, въ пещерахъ и дебряхъ Индостана, такого человѣка, знанія котораго далеко превосходятъ все, что извѣстно современной нашей наукѣ. Если-бы я *навѣрное зналъ*, что такого человѣка *не можетъ быть*,—я имѣлъ-бы основаніе, послѣ первыхъ ея словъ о *хозяинѣ*, продолжать разговоръ съ нею только въ виду цѣли разоблачить ея ложь и обманы. Но тогда я былъ очень далекъ отъ подобной цѣли.

Елена Петровна говорила о немъ, объ этомъ своемъ «хозяинѣ», очень просто, какъ о самомъ обыкновенномъ явленіи. Я, наконецъ, вѣдь, и стремился къ ней главнымъ образомъ затѣмъ, чтобы узнать о немъ, какъ можно больше. И, все-таки, несмотря на все это, я почувствовалъ сразу что-то, какую-то неуловимую фальшь—и меня всего будто обдало холодной водою.

— Елена Петровна,—сказалъ я:—выслушайте меня и, если вы умѣете глядѣть на человѣка и его дѣйствительно видѣть, то убѣдитесь, насколько слова мои серьезны. Я прихожу къ вамъ совсѣмъ искренно, безъ всякой задней мысли, съ большимъ душевнымъ запросомъ, прихожу затѣмъ, чтобы получить отъ васъ исполненіе того, что вы обѣщаете, чѣмъ вы маните въ вашихъ разсказахъ «Изъ пещеръ и дебрей Индостана». Если вы можете—отвѣтьте на этотъ мой душевный запросъ серьезно, объ-

щайте мнѣ это,—если не можете или не хотите,—это все равно, будемъ знакомы какъ соотечественники, какъ собратья по перу, но пусть о разныхъ чудесахъ и о вашемъ Теософическомъ Обществѣ не будетъ разговоровъ между нами.

Она не сразу мнѣ отвѣтила, но загадочно и долго глядѣла мнѣ прямо въ глаза своими магнетическими свѣтлыми глазами, а затѣмъ торжественно произнесла: «могу!»—и протянула мнѣ руку.

— Извините,—сказала она, вставая:—я сію секундочку вернусь, только надо приказать Бабулѣ, моему слугѣ, индусу, который вотъ вамъ двери отворилъ, позаботиться о моемъ обѣдѣ, не то я голодная останусь.

Она ушла и вернулась черезъ двѣ, три минуты.

— Ну-съ, мой милый соотечественникъ, государь вы мой Всеволодъ Сергѣевичъ,—добродушно улыбаясь начала она, садясь передо мною: — небось вы мнѣ не вѣрите, а между тѣмъ разъ я сказала, что могу, такъ значитъ—могу и хочу! Я, вѣдь, ужь, хоть, вѣрьте, хоть не вѣрьте—мнѣ-то что!—васъ знала раньше, чѣмъ П. мнѣ написалъ, я знала, что васъ ко мнѣ притянетъ? Слушайте!

Она какъ-то взмахнула рукою, подняла ее кверху, — и вдругъ, явственно, совершенно явственно я разслышалъ гдѣ-то надъ нашими головами, у потолка, очень мелодическій звукъ какъ-бы маленькаго серебрянаго колокольчика или эоловой арфы.

— Что-же это значитъ?—спросилъ я.

— А это значитъ только то, что хозяинъ мой здѣсь, хоть мы съ вами его и не видимъ. Онъ говоритъ мнѣ, что вамъ можно довѣриться и чтобъ я сдѣлала для васъ все, что могу. Vous êtes sous sa protection отнынѣ и во вѣки!

Она глядѣла на меня, прямо мнѣ въ глаза, и ласкала меня своимъ взглядомъ, своей добродушной улыбкой.

— Такъ-то-съ, сударь мой.

Она мнѣ невольно все больше и больше нравилась. Меня влекла къ ней сразу явившаяся симпатія, а между тѣмъ, если-бы ея «хозяинъ» дѣйствительно былъ здѣсь и проникалъ въ суть вещей и человѣческихъ мыслей, il ne m'aurait pas pris sous sa protection, такъ какъ я спрашивалъ себя: зачѣмъ звукъ колокольчика раздался не сразу, а послѣ того, какъ она ушла и вернулась?

— Вы говорите по-англійски?—спросила она.

— Къ сожалѣнію, нѣтъ. Когда-то я учился англійскому языку, но теперь почти забылъ его.

— Вотъ это жаль! Ну да какъ-нибудь обойдемся—а вамъ придется подучиться.

— Да, конечно.

Я нарочно отмѣчаю здѣсь мое незнаніе англійскаго языка, которое я нѣсколько утрировалъ, не желая никого вводить въ соблазнъ своимъ неправильнымъ произношеніемъ и ошибками. Это незнаніе, какъ выяснится въ теченіе разсказа, не только мнѣ не повредило (во все время моихъ сношеній съ «теософическимъ обществомъ» я могъ отлично обходиться русскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ языками), но даже оказалось мнѣ весьма полезнымъ, такъ какъ ставило меня въ исключительное положеніе и при томъ, въ иныя интересныя минуты, давало мнѣ возможность очень спокойно предаваться своимъ наблюденіямъ. Однако, не стану забѣгать впередъ.

— Постойте, я васъ познакомлю сейчасъ съ молодымъ браминомъ Могини, который пріѣхалъ вмѣстѣ со мною—сказала Елена Петровна.—Онъ «чела», ученикъ другого махатмы, по имени Кутъ-Хуми, такого-же мудреца-аскета, какъ и мой «хозяинъ», только гораздо болѣе сообщительнаго.

— Могини!—крикнула она, и въ то-же мгновеніе дверь изъ сосѣдней комнатки отворилась, пропустивъ довольно оригинальнаго молодого человѣка. На видъ ему казалось не болѣе двадцати пяти, семи лѣтъ. Небольшая узкоплечая его фигура была облечена въ черный кашемировый подрясникъ; густые изсиня черные волнистые волосы падали до плечъ. Верхняя часть бронзоваго лица поражала красотою не очень высокій, умный лобъ, правильныя, не черезчуръ густыя брови и великолѣпнѣйшіе бархатные глаза съ тихимъ и кроткимъ взглядомъ. Потомъ я видалъ въ этихъ глазахъ совсѣмъ иное выраженіе, но теперь они были тихи и кротки. Только прямой, но слишкомъ широкій носъ и толстыя синеватыя губы, выступавшія среди неособенно богатой растительности усовъ и бороды, мѣшали ему быть совершеннымъ красавцемъ. Во всякомъ случаѣ наружность его могла показаться даже очень привлекательной, и нѣсколько женскихъ сердецъ въ Азіи и Европѣ могутъ кое-что разсказать о красотѣ этого молодого проповѣдника новѣйшей теософіи.

Блаватская подняла руку—Могини изогнулся въ три погибели и почти подползъ какъ-бы подъ ея благословеніе. Она положила руку ему на голову, онъ выпрямился и съ большимъ достоинствомъ мнѣ поклонился.

Я протянулъ ему руку; но онъ отступилъ отъ меня и, низко кланяясь, проговорилъ:

— Excuse me, sir, i may not!

— Что это значитъ? Отчего онъ не можетъ мнѣ протянуть руку?—спросилъ я Елену Петровну.

— Ну ужь съ этимъ ничего не подѣлаешь!—объяснила она.—

Вѣдь онъ—«чела», все равно, что монахъ, аскетъ—понимаете... Онъ долженъ отдалять отъ себя всякія земныя вліянія... знаете ли, онъ на женщинъ никогда даже и не смотритъ...

— Это, конечно, можно понять, но чтобъ мужчинамъ не протягивать руки....

— Онъ выработалъ себѣ очень тонкую организацію, онъ слишкомъ чувствуетъ вліяніе чужого магнетизма, который можетъ передаться черезъ близкое общеніе, рукопожатіе, поцѣлуй, а потому ограждаетъ себя отъ этого, желая оставаться совершенно свободнымъ...

Могини стоялъ и посматривалъ то на меня, то на Елену Петровну.

Отъ «челъ» махатмъ она перешла къ своему теософическому обществу.

— Прежде всего вы должны знать, — говорила она: — что цѣль нашего всемірнаго братства совершенно чужда какого-либо политическаго характера и что «общество» не вмѣшивается никоимъ образомъ въ религіозныя или иныя убѣжденія своихъ членовъ. Наши задачи—чисто научныя, мы выводимъ изъ мрака и забвенія восточныя знанія, великія и древнія, оставляющія за собою все, что знаетъ теперешняя европейская наука и чѣмъ она кичится. Наше общество подорветъ и уничтожитъ подлую, матеріалистическую науку, покажетъ всю ея глупость и несостоятельность. Смотрите — весь этотъ «цивилизованный» міръ гніетъ и погибаетъ отъ безвѣрія. Съ одной стороны матеріализмъ мнимой науки, съ другой возмутительное поведеніе духовенства, католическаго духовенства—привели всѣхъ къ невѣрію. Мы заставимъ не повѣрить, а узнать безсмертіе души и то, до чего можетъ дойти человѣкъ, даже на землѣ, очистивъ и воспитавъ въ себѣ «внутренняго» человѣка. Вотъ я... Я вовсе не святая... куда мнѣ до святости, батюшка мой! А и я уже знаю и могу многое... Вы слышали колокольчикъ! То-ли еще услышите и увидите... если только захотите!..

— Какъ не хотѣть, Елена Петровна.

— Вотъ то-то же оно и есть! Только не извольте, сударь мой, глядѣть на меня такъ подозрительно—вы, вѣдь, за дѣломъ пришли ко мнѣ, «хозяинъ» говоритъ это, а онъ ошибиться не можетъ; ну, такъ подозрительность-то свою вы въ карманъ спрячьте—и ждите—все придетъ въ свое время, и вы устыдитесь этой вашей европейской подозрительности. Сколько людей, ученыхъ, безвѣрныхъ, матеріалистовъ, да какихъ еще завзятыхъ, убѣжденныхъ, приходило ко мнѣ вотъ съ этой самой вашей «бонтонной» подозрительностью, а уходило совсѣмъ «моветонами»—повѣривъ во все... и благодарили меня, спасительницей

души называли! Мнѣ на что ихъ благодарность! А вотъ если изъ человѣка, погрязшаго во всякихъ житейскихъ мерзостяхъ, теософія дѣлала чуть-что не безгрѣшнаго, святого человѣка,— такъ это, полагаю, не дурно...

Раздался звонокъ, и къ намъ вошелъ нѣкій джентльменъ— впрочемъ, джентльменскаго въ немъ ничего не было. Среднихъ лѣтъ, рыжеватый, плохо одѣтый, съ грубой фигурой и безобразнымъ, отталкивающимъ лицомъ—онъ произвелъ на меня самое непріятное впечатлѣніе.

А Елена Петровна знакомила меня съ нимъ, назвавъ его мистеромъ Джеджемъ (Judge), американцемъ, своимъ близкимъ пособникомъ, который скоро уѣдетъ въ Индію, въ главную квартиру общества, близъ Мадраса, въ Адіарѣ, а оттуда вернется въ Америку президентствовать надъ американскимъ теософическимъ обществомъ.

Джеджъ пожалъ мнѣ руку и скрылся вмѣстѣ съ Могини.

— Однако, вы физіономистъ! — воскликнула Блаватская, съ загадочной улыбкой глядя на меня.

— А что?

— Что вы думете о Джеджѣ?

— Я ничего еще не могу о немъ думать, — сказалъ я:— только, такъ какъ я вовсе не желаю скрываться отъ васъ, признаюсь—я не хотѣлъ-бы остаться въ пустынномъ мѣстѣ вдвоемъ съ этимъ человѣкомъ!

— Ну вотъ... и вы правы, вы вѣрно отгадали... только не совсѣмъ... Онъ былъ величайшій негодяй и мошенникъ, на его душѣ лежитъ, быть можетъ, и не одно тяжкое преступленіе, а вотъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ теософъ, — въ немъ произошло полное перерожденіе, теперь это святой человѣкъ...

— Отчего-же у него такое отталкивающее лицо?

— Очень понятно—вѣдь, вся его жизнь положила на черты его свой отпечатокъ — лицо есть зеркало души—это, вѣдь, не пропись, а истина... и вотъ, ему надо, конечно, не мало времени, чтобы стереть съ своего лица эту печать проклятья!

«Что-жъ, вѣдь, однако, все это такъ именно и можетъ быть!» — подумалъ я и внутренно удовлетворился ея объясненіемъ относительно Джеджа.

Она продолжала мнѣ объяснять значеніе своего «общества» и, по ея словамъ, оно оказывалось дѣйствительно благодѣтельнымъ и глубоко интереснымъ учрежденіемъ. Неисчерпаемыя сокровища древнихъ знаній, доселѣ ревниво хранившіяся мудрецами раджъ-іогами въ тайникахъ святилищъ Индіи и совсѣмъ невѣдомыя цивилизованному міру,—теперь, благодаря ея общенію съ махатмами и ихъ къ ней довѣрію, открываются для евро-

пейцевъ. Міръ долженъ обновиться истиннымъ знаніемъ силъ природы. Эти знанія не могутъ смущать совѣсти христіанина, ибо, если они и не объясняются христіанскими вѣрованіями, то, во всякомъ случаѣ, имъ не противорѣчатъ.

— А вы сами остались христіанкой?—спросилъ я.

— Нѣтъ, я никогда и не была ею,—отвѣтила Блаватская:— до моего перерожденія до тѣхъ поръ, пока я не стала *совсѣмъ, совсѣмъ* новымъ существомъ,—я и не думала о какой-либо религіи... Затѣмъ я должна была торжественно принять буддизмъ, перешла въ него со всякими иҳъ обрядами. Я нисколько не скрываю этого и не придаю этому большого значенія—все это внѣшность... въ сущности я такая-же буддистка, какъ и христіанка, какъ и магометанка. Моя религія—истина, ибо нѣтъ религіи выше истины!

— Такъ это вы и мнѣ, пожалуй, станете совѣтовать перейти въ буддизмъ... на томъ основаніи, что нѣтъ религіи выше истины?—улыбаясь перебилъ я.

— А это вы опять со шпилькой,—улыбнулась и она.—Сдѣлайте милость колите! — Видите, какая я жирная, — не почувствую!.. Не шутите, «надсмѣшникъ» вы этакій! Дѣло не въ словахъ, а опять-таки—въ истинѣ.

— Слушаю-съ!

Я сильно засидѣлся, а потому сталъ прощаться.

— Что-жъ, вы вернетесь? Когда?

— Когда прикажете.

— Да я-то прикажу вамъ хоть каждый день возвращаться... Пользуйтесь, пока я здѣсь, мнѣ вы никогда не помѣшаете—коли мнѣ надо будетъ работать—я такъ и скажу, не стану церемониться. Пріѣзжайте завтра.

— Завтра нельзя, а послѣзавтра, если позволите.

— Пріѣзжайте пораньше!—крикнула она мнѣ, когда я былъ уже въ передней и Бабула отворялъ дверь на лѣстницу.

Я возвращался домой съ довольно смутнымъ впечатлѣніемъ. Все это было рѣшительно не то, на что я разсчитывалъ! Однако что-же меня не удовлетворило? Реклама «Matin», убогая обстановка Блаватской, полное отсутствіе у нея посѣтителей? Мнѣ, конечно, не могла нравиться эта реклама, напечатанная если не ею самой, то навѣрное стараніями кого-нибудь изъ ея ближайшихъ друзей и сотрудниковъ и съ очевидной цѣлью именно привлечь къ ней отсутствующихъ посѣтителей, помочь ея извѣстности въ Парижѣ. Но во всякомъ случаѣ эта ея неизвѣстность здѣсь, ея уединеніе, сами по себѣ, еще ровно ничего не доказываютъ, а лично мнѣ даже гораздо пріятнѣе и удобнѣе, что я могу безъ помѣхи часто и долго съ ней бесѣдовать.

То, что она говоритъ—интересно; но покуда это только слова и слова. Ея колокольчикъ? онъ смахиваетъ на фокусъ; но я покуда не имѣю никакого права подозрѣвать ее въ такомъ цинизмѣ и обманѣ, въ такомъ возмутительномъ и жестокомъ издѣвательствѣ надъ душою человѣка!

А сама она?! Почему эта старая, безобразная на видъ женщина такъ влечетъ къ себѣ? Какъ можетъ мириться въ ней это своеобразное, комичное добродушіе и простота съ какой-то жуткой тайной, скрывавшейся въ ея удивительныхъ глазахъ?..

Какъ-бы-то ни было, хотя и совершенно неудовлетворенный, я чувствовалъ одно, что меня къ ней тянетъ, что я заинтересованъ ею и буду съ нетерпѣніемъ ждать часа, когда опять ее увижу.

Дѣло въ томъ, что мое парижское уединеніе, хотя и полезное для больныхъ нервовъ, все-же оказывалось, очевидно, «пересоломъ»,—Блаватская явилась пока единственнымъ новымъ, живымъ интересомъ этой однообразной жизни.

III.

Черезъ день я, конечно, былъ у Елены Петровны и, по желанію ея, гораздо раньше, то-есть въ двѣнадцатомъ часу. Опять я засталъ ее одну, среди полной тишины маленькой квартирки. Она сидѣла все въ томъ-же черномъ балахонѣ, со сверкавшими брильянтами, изумрудами и рубинами руками, курила и раскладывала пасьянсъ.

— Милости просимъ, милости просимъ!—встрѣтила она меня приподымаясь и протягивая мнѣ руку:—вотъ возьмите-ка креслице, да присядьте сюда поближе... А я пасьянчикомъ балуюсь, какъ видите; пріятное это занятіе...

На меня такъ и пахнуло отъ этой индійской чудотворицы, въ этой улицѣ Notre Dame des Champs, воздухомъ старозавѣтной русской деревни. Эта американская буддистка, Богъ знаетъ сколько лѣтъ не бывавшая въ Россіи, всю жизнь промотавшаяся невѣдомо гдѣ и среди невѣдомо какихъ людей,—была воплощеніемъ типа русской разжирѣвшей въ своей усадьбѣ, небогатой барыни-помѣщицы прежняго времени. Каждое ея движеніе, всѣ ея ужимки и словечки были полны тѣмъ настоящимъ «русскимъ духомъ», котораго, видно, никакими «махатмами» не выкуришь оттуда, гдѣ онъ сидитъ крѣпко.

Я того и ждалъ, что отворится дверь и войдетъ какая-нибудь экономка Матрена Спиридоновна за приказаніями барыни. Но

дверь отворилась—и вошелъ чумазый Бабула въ своемъ тюрбанѣ и съ плутовской рожей.

Онъ молча подалъ Еленѣ Петровнѣ письмо, она извинилась передо мною, распечатала его, пробѣжала глазами, и, по ея лицу, я замѣтилъ, что она довольна. Даже про пасьянсъ свой забыла и разсѣянно смѣшала карты.

Она заговорила о своемъ «всемірномъ братствѣ» и плѣняла меня разсказами объ интереснѣйшихъ матеріалахъ, доступныхъ членамъ «общества», желающимъ заняться древнѣйшими литературными памятниками Востока, никогда еще не бывшими на глазахъ у европейца.

Возбудивъ въ достаточной мѣрѣ мое любопытство и любознательность, она воскликнула.

— Богъ мой, а сколько изумительныхъ, поражающихъ сюжетовъ для писателя-романиста, для поэта! Неисчерпаемый источникъ! Еслибъ я вамъ показала хоть что-нибудь изъ этого сокровища—у васъ-бы глаза разбѣжались, вы такъ-бы и вцѣпились...

— А развѣ это такъ невозможно... вцѣпиться?—сказалъ я.

— Для васъ невозможно, вы европеецъ, а индусы, даже самые высокоразвитые, самые мудрые не рѣшаются довѣряться европейцамъ.

— Въ такомъ случаѣ какое-же тутъ «всемірное» братство?

— Братство именно и устроено для уничтоженія этого недовѣрія... всѣ члены «теософическаго общества» не могутъ недовѣрять другъ другу—они всѣ братья, къ какой-бы религіи и расѣ ни принадлежали. Конечно, вамъ все будетъ открыто, всѣ наши матеріалы, если вы сдѣлаетесь «теософомъ»...

— Сдѣлаюсь-ли я когда когда-нибудь «теософомъ» я не знаю, ибо для того, чтобъ рѣшить это—мнѣ необходимо самому, своей головою, узнать, что именно *вы* обозначаете этимъ широкимъ и высокимъ словомъ; но такъ какъ ваше общество не есть нѣчто тайное, такъ какъ оно не религіозное, въ смыслѣ какой-либо секты, и не политическое, а чисто научное и литературное, то я не вижу, почему-бы мнѣ не стать его членомъ, когда вы познакомите меня съ его уставомъ.

— Ахъ, да какой-же вы милый право!—оживляясь воскликнула Блаватская,—я, знаете, никогда не навязываюсь, и если-бы вы сами не изъявили желанія, никогда-бы вамъ не предложила. Ну вотъ и отлично! Теперь, дорогой мой, вы мнѣ руки развязываете, я могу, не вызывая изумленія теософовъ и даже негодованія моихъ индусовъ, вотъ хоть-бы Могини, посящать васъ во всѣ наши занятія. Но все это впереди, теперь у насъ тутъ не до занятій. Надо прежде всего утвердить, устроить какъ слѣдуетъ «парижскую вѣтвь теософическаго общества».

— А уже есть такая?

— Да, существуетъ номинально уже два года; нѣсколько человѣкъ собираются у одной тутъ дюшессы плюсъ лэди, которой пріятно именоваться «Présidente de la société théosophique d'Orient et d'Occident»... Ну и Богъ съ ней пущай именуется, она богата, у нея здѣсь въ Парижѣ свой чудесный отель, представительство... все это не мѣшаетъ, она можетъ быть полезна. Только все устроить надо какъ слѣдуетъ. Я прожила теперь съ ней, съ этой дюшессой де-Помаръ, въ Ниццѣ; ничего она себѣ, хорошая старуха, только къ спиритизму ее все тянетъ, до того тянетъ, что она себя считаетъ новымъ воплощеніемъ на землѣ Маріи Стюартъ...

Я, вѣроятно, сдѣлалъ при этомъ такіе глаза, что Блаватская громко засмѣялась.

— А вы что думаете—ей-Богу правда!—продолжала она,— Марія Стюартъ, да и баста! Но вѣдь это, au fond, такъ невинно, никому отъ ея глупости вреда быть не можетъ...

— Извините, Елена Петровна, мнѣ кажется, что президентка, считающая себя Маріею Стюартъ, не можетъ въ серьезныхъ людяхъ внушить довѣрія и уваженія къ обществу, во главѣ котораго она стоитъ.

— Да не стоитъ она вовсе во главѣ! настоящія главы будутъ другіе... а она останется «почетной» только президентшей... всякій пойметъ, что человѣческое общество не можетъ обойтись безъ практическихъ соображеній... вижу, вижу,—не нравится вамъ это... можетъ оно больше вашего и мнѣ не нравится... вѣдь и я была такой-же идеалистской—да что-жъ дѣлать! А она хорошая... право!

И Елена Петровна вздохнула.

Этимъ вздохомъ ей удалось меня, въ концѣ концевъ, успокоить.

Она взяла лежавшій на столѣ печатный экземпляръ устава «теософическаго общества», и мы съ ней его разобрали отъ перваго до послѣдняго слова. Изъ этого устава я долженъ былъ убѣдиться, что дѣйствительно «общество» предписываетъ своимъ членамъ невмѣшиваться въ чужую совѣсть, уважать вѣрованія своихъ собратьевъ и не касаться религіи и политики. Каждый изъ членовъ долженъ стремиться къ своему нравственному усовершенствованію, и всѣ обязаны помогать другъ другу, какъ духовно, такъ, по мѣрѣ возможности, и матеріально. Относительно научныхъ занятій общества на первомъ планѣ стояло изученіе арійскихъ *) и иныхъ восточныхъ литературъ, въ па-

*) Въ статьѣ «Елена Петровна Блаватская» («Русское Обозрѣніе», ноябрь 1891 г.) г-жа Желиховская, бывшая сама «членомъ теософическаго обще-

мятникахъ древнихъ знаній и вѣрованій, а также изслѣдованіе малоизвѣстныхъ законовъ природы и духовныхъ способностей человѣка.

Когда я, не найдя въ этомъ уставѣ ровно ничего такого, могло-бы показаться хоть сколько-нибудь предосудительнымъ, повторилъ, что готовъ вступить въ «общество»,—Елена Петровна сказала:

— И такъ, рѣшено! не слѣдуетъ оставлять до завтра то, что можно слѣдать сегодня.

— Могини! Китли!—крикнула она.

Передо мной уже знакомая фигура бронзоваго индуса съ бархатными глазами и рядомъ съ нимъ юный англичанинъ, одѣтый по послѣдней модѣ, небольшого роста, бѣлобрысый и пухленькій, съ добродушной, нѣсколько наивной физіономіей.

Елена Петровна насъ познакомила, и на мой вопросъ, не «чела» ли онъ и можно-ли протянуть ему руку, юный Китли (Bertram Keightley) крѣпко сжалъ мою руку и заговорилъ со мною хотя на нѣсколько ломаномъ (какъ всѣ англичане), но очень бѣгломъ французскомъ языкѣ.

— Вотъ я теперь пойду поработать,—объявила Блаватская:— а они двое васъ примутъ членомъ нашего общества и будутъ, такъ сказать, вашими поручителями.

Она ушла. Китли разсыпался въ любезностяхъ, Могини молча на меня поглядывалъ, а я ждалъ—какъ это меня будутъ «производить въ теософы».

Юный джентльменъ окончилъ свои любезности и сдѣлалъ индусу рукою знакъ, приглашая его приступить къ исполненію своихъ обязанностей. Могини мнѣ улыбнулся, потомъ устремилъ взглядъ куда-то въ пространство и началъ мѣрнымъ, торжественнымъ голосомъ. Китли переводилъ мнѣ слова его.

Индусъ говорилъ о значеніи «теософическаго общества», говорилъ то, что мнѣ уже было извѣстно изъ устава и со словъ Елены Петровны. Затѣмъ онъ спросилъ меня—искренняя-ли любовь къ ближнимъ и серьезный-ли интересъ къ изученію психическихъ свойствъ человѣка и силъ природы приводятъ меня

ства», какъ мнѣ совершенно извѣстно, говоря о задачахъ этого общества, впадаетъ въ весьма курьезную ошибку: она смѣшиваетъ изученіе древнихъ восточныхъ литературъ съ изученіемъ .... ереси Арія (стр. 260)! На страницѣ 287 она впадаетъ въ ту-же ошибку и говоритъ о какомъ-то братствѣ *аріанъ*. Конечно, узнавъ о такихъ своихъ погрѣшностяхъ, она станетъ утверждать, что это только «описки» и во всемъ обвинитъ редакцію «Русскаго Обозрѣнія». Но какъ она объяснитъ («Рус. Обозр.» декабрь 1891 г., стр. 595) свое заявленіе, якобы со словъ Е. П. Блаватской, что Люциферъ—носитель свѣта, «*по латыни Eosphoros*, какъ часто называли *римляне* Божью Матерь и Христа»?!?

въ «общество»? Я отвѣтилъ, что *праздная* любопытства во мнѣ нѣтъ, что если занятія мои, съ помощью членовъ общества, помогутъ мнѣ изслѣдовать хоть одинъ вопросъ, относящійся до духовной стороны человѣка—я почту себя очень счастливымъ.

— Въ такомъ случаѣ вы становитесь нашимъ собратомъ и отнынѣ вступаете въ единеніе со всѣми теософами, находящимися во всѣхъ странахъ свѣта. Я сейчасъ сообщу вамъ нашъ пароль.

— Что-жъ это такое?—спросилъ я Китли.

— А это môt de passe, извѣстное всѣмъ теософамъ,—отвѣтилъ онъ.—Вы должны это выучить, потому что безъ знанія этого пароля вы не обойдетесь, индусы будутъ питать къ вамъ недовѣріе и, при встрѣчѣ, не признаютъ васъ своимъ другомъ, членомъ теософическаго общества.

— Я врядъ-ли попаду въ Индію; но пусть Могини скажетъ пароль, только дайте мнѣ, пожалуйста, карандашъ и бумагу—записать, я не надѣюсь на свою память.

— О! — воскликнулъ Китли: — это невозможно! Вы должны запомнить наизусть, непремѣнно наизусть. Если у васъ не записано, а вы знаете, что надо помнить — вы невольно станете повторять про себя, заучите—и никогда не забудете.

— Хорошо, пусть онъ говоритъ.

Пароль состоялъ изъ разныхъ движеній пальцами и нѣсколькихъ совершенно безсвязныхъ словъ.

Они очень важно заставили меня нѣсколько разъ повторить эту абракадабру. Затѣмъ я сдѣлалъ членскій взносъ—заплатилъ фунтъ стерлинговъ и получилъ росписку. Могини кланялся мнѣ и улыбался. Китли крѣпко жалъ мнѣ руку и поздравлялъ со вступленіемъ въ общество. Они были такъ торжественны и оба, особенно Китли, казались такими ребятами, забавляющимися игрушками, что эта моя «инициація» представлялась мнѣ содѣянной мною глупостью, за которую становилось какъ-то стыдно и даже почти противно.

А дальше было еще хуже. Могини, признавая теперь меня своимъ «братомъ» и, очевидно, желая заинтересовать меня, сталъ разсказывать о своемъ гуру, махатмѣ Кутъ-Хуми, и о томъ, что онъ сегодня утромъ удостоился получить отъ него письмо, отвѣчавшее на вопросы, только-что имъ себѣ заданные. Письмо пришло вовсе не по почтѣ, а упало прямо на голову Могини.

Индусъ разсказалъ объ этомъ «феноменѣ» съ величайшимъ благоговѣніемъ; но я не только ему не вѣрилъ, а и почувствовалъ стремленіе скорѣе выйти отсюда на чистый воздухъ. Я уже направился было къ своей шляпѣ, какъ въ передней раздался

звонокъ и черезъ нѣсколько секундъ въ комнату вошла дама. Мы поклонились, она кивнула намъ головой и опустилась на маленькій диванъ. Въ корридорѣ послышались тяжелые шаги Блаватской. Китли и Могини скрылись.

Я успѣлъ ужъ разглядѣть даму. Это была нарядная, толстая старуха, съ лицомъ, вѣроятно красивымъ въ молодости, но безъ всякаго выраженія и теперь густо покрытымъ румянами и бѣлилами, Изъ-подъ лентъ шляпки въ ушахъ ея сверкали огромныя брилліантовыя серьги, а на груди красовалась массивная брошка, состоявшая тоже изъ большихъ драгоцѣнныхъ камней.

— Ah, chère duchesse! — воскликнула Блаватская, входя и здороваясь съ гостьей.

«Марія Стюартъ!»—чуть было не сказалъ я.

Хозяйка тотчасъ-же представила меня, выставивъ на видъ всѣ мои аксесуары, способные придать мнѣ нѣкоторое значеніе въ глазахъ такой дамы.

Дюшесса протянула мнѣ большую толстую руку и сразу-же, съ перваго слова, пригласила меня на балъ, который она даетъ черезъ нѣсколько дней. Я не безъ изумленія поблагодарилъ ее и, проговоривъ нѣсколько приличныхъ случаю фразъ, поспѣшилъ скрыться въ сосѣднюю комнату, гдѣ находились Могини и Китли. Разговоръ у насъ плохо вязался — они вглядывались въ меня, а я въ нихъ.

Дюшесса не засидѣлась. Елена Петровна пріотворила къ намъ дверь и поманила меня.

— Отчего вы убѣжали?—спросила она.

— Оттого, что не хотѣлъ быть лишнимъ, у васъ могъ быть съ Маріей Стюартъ серьезный разговоръ.

— Ну вотъ пустяки!.. А на балъ къ ней вы непремѣнно поѣзжайте.

— Ни за что не поѣду. Если будетъ нужно—вы объясните ей, что я больной человѣкъ, нелюдимъ и т. д. Это и будетъ правда...

Елена Петровна побурлила, пожурила меня, но, въ виду моей непреклонности, мало-по-малу стала успокаиваться.

— И что вы такое можете имѣть противъ нея? Свѣтская женщина... всѣ онѣ въ ихъ grand mond'ѣ такія!

— Я ровно ничего не имѣю и не могу имѣть противъ нея,— отвѣтилъ я:—но съ тѣмъ, что въ grand mond'ѣ всѣ такія — не согласенъ. Я очень люблю настоящихъ свѣтскихъ женщинъ, потому что люблю всякую гармонію, красоту, изящество. Истинная grande dame, все равно — молода она или стара, красива или нѣтъ, — прежде всего изящна, то-есть проста, естественна и не думаетъ о своей важности. Эта-же Марія Стюартъ — герцогиня

съ плохихъ театральныхъ подмостковъ. Я увѣренъ, что она родилась не герцогиней и не лэди...

— Ну да, конечно,—сказала Блаватская:—она дочь человѣка, нажившаго, не знаю какъ, мѣшокъ съ золотомъ. Титулъ ея перваго мужа, Помара,—купленъ ею, а овдовѣвъ — она купила себѣ второго мужа, уже настоящаго лорда... А какой у нея чудесный отель!.. У нея бываетъ tout Paris!

— И она можетъ сдѣлать среди этого tout Paris карьеру «теософическому обществу»! — докончилъ я. — Вы совершенно правы, Елена Петровна.

— Съ волками жить, по-волчьи выть!.. А да Богъ съ нею! Знаете-ли, не сегодня—завтра Олкоттъ пріѣзжаетъ.

— Очень радъ это слышать,—я горю нетерпѣніемъ познакомиться съ «полковникомъ», съ которымъ уже хорошо заочно знакомъ изъ «Пещеръ и Дебрей».

— И притомъ онъ будетъ вамъ очень полезенъ: онъ магнетизеръ необыкновенной силы, излѣчилъ тысячи народу отъ всевозможныхъ болѣзней. Въ нѣсколько сеансовъ онъ такъ поправитъ ваши нервы, что вы себя совсѣмъ новымъ человѣкомъ почувствуете. Онъ вамъ навѣрное понравится. Съ его пріѣздомъ начнутся собранія и conférences его и Могини, — этотъ Могини, знаете, отличный ораторъ и очень образованъ даже въ европейскомъ смыслѣ, онъ кончилъ курсъ въ университетѣ въ Калькуттѣ и много занимался разными философскими системами... Ну и его оригинальная внѣшность, я думаю, произведетъ впечатлѣніе...

— Несомнѣнно. Гдѣ-же будутъ эти conférences?

— Одно собраніе должно быть у «дюшессы»,—это необходимо, а затѣмъ будутъ собираться въ домѣ одной теософки, m-me де-Барро. Это прелестная и замѣчательная женщина, умная, скромная... вотъ увидите, увидите не позже какъ черезъ полчаса, потому что у нея сегодня, сейчасъ предварительное собраніе—и мы всѣ ѣдемъ. За мной заѣдетъ «дюшесса», а вы отправляйтесь съ Могини и Китли.

Я не сталъ отказываться.

IV.

Вынужденный статьями г-жи Желиховской печатно говорить о моемъ личномъ знакомствѣ съ Блаватской и «теософическимъ обществомъ»,—я говорю не съ чьихъ-либо словъ, а только то, что самъ видѣлъ, слышалъ и на что у меня есть неопровержимые документы. Въ случаѣ необходимости я могу представить,

въ доказательство того, что утверждаю и новыя показанія живыхъ свидѣтелей.

Я нахожу, что всякія подробности и даже подчасъ мелочи обстановки, при которой начиналась въ Европѣ пропаганда «новой религіи», соблазнительно рекомендуемой теперь и русскому обществу въ качествѣ «чистаго и высокаго ученія», — вовсе не безполезны, а даже необходимы для цѣльности картины. Чего я не видѣлъ—о томъ не говорю, но что видѣлъ, то обязанъ разсказать именно такъ, какъ оно было.

Я не знаю, что такое творилось въ маѣ 1884 года въ Америкѣ и въ Индіи, не знаю даже происходившаго за это время въ Лондонѣ; но очень хорошо знаю все, происходившее въ Парижѣ. Если мнѣ приходится утверждать совершенно противуположное тому, что свидѣтельствуетъ въ своихъ статьяхъ сестра Е. П. Блаватской, — мнѣ это весьма прискорбно, но что-же я тутъ подѣлаю!

Дойдя до этого времени, г-жа Желиховская, въ качествѣ свидѣтельницы, между прочимъ, говоритъ: «посѣтителей бывали ежедневно массы. Елена Петровна успѣвала заниматься лишь раннимъ утромъ отъ 6 часовъ утра до полуденнаго завтрака, а день весь проходилъ въ пріемахъ и суетѣ. Общество осаждало ее разнообразное, но все изъ интеллигентныхъ классовъ. Множество французовъ-легитимистовъ и имперіалистовъ льнули къ ней почему-то въ то время; очень многіе ученые, доктора, профессора, психіатры, магнетизеры, пріѣзжіе со всѣхъ странъ свѣта и мѣстные. Доктора Шарко тогда въ Парижѣ не было, но Рише и Комбре, его помощники, были своими людьми. Фламмаріонъ бывалъ очень часто; Леймари—издатель Revue Spirite; старичекъ магнетизеръ Эветъ, другъ барона Дюпоте, постоянно конкурировалъ съ Олькоттомъ въ излѣченіяхъ присутствовавшихъ больныхъ. Русскихъ бывало множество мужчинъ и дамъ, и все это усиленно напрашивалось въ дружбу и въ послѣдователи ученія». («Русское Обозрѣніе» декабрь 1891 года, стр. 572).

Около двухъ мѣсяцевъ, до самой *минуты* отъѣзда Е. П. Блаватской изъ Парижа въ Лондонъ, я бывалъ у нея почти ежедневно, подолгу и въ различные часы дня—и никогда не видалъ ровно ничего, хоть сколько-нибудь напоминающаго эту блестящую картину. Реклама «Matin», напечатанная, какъ я слышалъ, стараніями дюшессы де-Помаръ (я этого, однако, не утверждаю за неимѣніемъ документальнаго доказательства) оказалась не стоившей уплаченныхъ за нее денегъ—она совсѣмъ не обратила на себя вниманія, какъ и многія ей подобныя. Въ то время парижскіе «интеллигентные классы» еще довольствовались своимъ, такъ сказать, оффиціальнымъ, правительствующимъ матеріализ-

момъ. Люди, явно или тайно остававшіеся вѣрными католической церкви, конечно, не могли идти къ Блаватской, печатавшей со свойственными ея писаніямъ грубостью и безцеремонностью выраженій, самыя ужасныя правды и неправды о дѣяніяхъ католическаго духовенства. Спириты чурались ея, какъ «измѣнницы», ибо она, сама бывшая спиритка и медіумъ, не только отреклась отъ спиритизма, но и оскорбляла самыя завѣтныя ихъ вѣрованія. Болѣе или менѣе интересные «оккультисты», какъ напримѣръ, Сентъ-Ивъ, стояли совсѣмъ особнякомъ и ужъ къ ней-то никакъ не могли являться съ поклономъ.

Это были первые дни и шаги нео-буддизма въ Европѣ, и ничто еще не показывало, что онъ представляетъ собою явленіе, съ которымъ въ скоромъ времени, можетъ быть, придется считаться. Вокругъ Блаватской группировалось всего нѣсколько человѣкъ, старавшихся, и надо сказать — довольно безуспѣшно, приводить къ ней своихъ знакомыхъ. Не только никто къ ней не «льнулъ» и не «напрашивался»; но она даже сильно смущалась черезчуръ медленнымъ ходомъ дѣла.

Когда я имѣлъ жестокость разъ-другой коснуться этого больного мѣста, она вся багровѣла и становилась ужасной въ своемъ черномъ балахонѣ «á la magicienne noire».

— Дурачье!—разражалась она.—Совсѣмъ погрязли въ своемъ матеріализмѣ и барахтаются въ немъ какъ свиньи. Ну, да пождите, все-же, въ концѣ концовъ, прохватитъ ихъ моя теософія!..

Послѣ того времени я прожилъ еще два года въ Парижѣ и мнѣ пришлось болѣе или менѣе хорошо познакомиться почти со всѣми лицами, бывавшими у Блаватской. Такъ какъ о нихъ будетъ упоминаться въ дальнѣйшемъ разсказѣ, то я здѣсь перечислю ихъ всѣхъ и покончу съ выпиской, сдѣланной мною изъ «Русскаго Обозрѣнія».

Въ домѣ улицы Notre Dame des Champs, вмѣстѣ съ Еленой Петровной жили: 1) «полковникъ» Олкоттъ, 2) Джеджъ (онъ очень скоро уѣхалъ въ Индію), 3) Могини, 4) Бертрамъ Китли и 5) слуга Бабула.

6) Уже извѣстная дюшесса де-Помаръ, о которой больше нечего распространяться.

7) Секретарь «парижскаго теософическаго общества»—m-me Эмилія де-Морсье, племянница извѣстнаго швейцарскаго философа и теолога Эрнеста Навиля. Тогда это была сорокалѣтняя дама, высокая и очень полная, рано поблекшая блондинка, сохранявшая, однако, слѣды большой красоты. Сначала, при первыхъ встрѣчахъ, мы почему-то почувствовали другъ къ другу антипатію; но затѣмъ, уже по отъѣздѣ Блаватской, мало-по-

малу сблизились и до сихъ поръ я считаю эту благородную, умную и талантливую женщину, а также ея мужа и семью, въ числѣ искреннихъ моихъ друзей.

Madame де-Морсье хорошая музыкантша и первоклассная пѣвица. Она въ юности мечтала объ артистической карьерѣ и, если-бы мечтамъ ея суждено было осуществиться, она была-бы теперь большой знаменитостью. Но крѣпкіе, какъ камень швейцарскихъ горъ, семейные предразсудки, лишили ее возможности посвятить себя искусству. Это большое горе ея жизни. Богато одаренная отъ природы, она не могла примириться съ сѣренькой долей хозяйки дома разорившагося дворянина. Она отдалась литературѣ, а главнымъ образомъ—благотворительной дѣятельности. Вѣчно занятая своими тюрьмами, госпиталями и пріютами, она въ тоже время всегда много читала и писала, интересовалась и увлекалась многимъ—и всюду вносила свою энергію, свой блестящій умъ, недюжинныя познанія и даръ настоящаго, прирожденнаго оратора.

Неудовлетворенная сухостью протестантскаго сектантства, въ которомъ родилась и была воспитана, чуждавшаяся папизма и хорошо знакомая съ различными злоупотребленіями воинствующаго католицизма, — она подумала, что можетъ найти удовлетвореніе своей духовной жажды въ ученіи «тибетскихъ махатмъ», возвѣщавшемся устами Е. П. Блаватской и ея сотрудниковъ— Олкотта и Синнетта. Она послала въ Индію Еленѣ Петровнѣ письмо, странность и краснорѣчіе котораго не могли не заинтересовать проповѣдницу нео-буддизма, тотчасъ-же и ухватившуюся за эту богато одаренную женщину, способную въ будущемъ сослужить немалую службу «дѣлу».

M-me де-Морсье получила отъ «madame» дружеское посланіе и засохшіе лепестки розы—«оккультный» даръ и, такъ сказать, благословеніе махатмы Кутъ-Хуми интересной прозелиткѣ. Когда Блаватская пріѣхала въ Парижъ — m-me де-Морсье, со своимъ «талисманомъ»—розовыми лепестками у сердца, конечно, явилась на первомъ планѣ и сдѣлалась самымъ дѣятельнымъ и огнедышущимъ членомъ «теософическаго общества». Это она оказалась истиннымъ главою и душою «общества» въ роли его секретаря, это она была настоящимъ авторомъ теософическихъ брошюръ, издававшихся подъ видомъ произведеній дюшессы де-Помаръ лэди Кэтниссъ.

Но отличительная черта этой женщины — глубокая искренность и неподкупная правдивость, а потому, когда черезъ два года она стала свидѣтельницей и получила неопровержимыя доказательства «теософическихъ обмановъ» и многаго еще другаго,—она ни на минуту не поколебалась признать себя введен-

ной въ заблужденіе и одураченной. Она серьезно заболѣла отъ потрясенія; но твердой рукою сожгла свой талисманъ—розу Кутъ-Хуми, полнѣйшее мое неуваженіе къ которой въ предыдущее время служило даже черной кошкой, пробѣгавшей между нами.

Я и m-me де-Морсье были самыми частыми посѣтителями квартиры въ улицѣ Notre Dame des Champs и ближайшими людьми къ ея хозяйкѣ, что легко будетъ доказать хоть-бы только собственноручными письмами къ намъ Е. П. Блаватской.

Въ статьяхъ, печатавшихся *тогда* г-жею Желиховской въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» и «Одесскомъ Вѣстникѣ» (іюнь и іюль 1884 года) и случайно впослѣдствіи мнѣ попавшихся, о насъ громко говорится и даже, къ моему изумленію, — незнакомый еще съ «авторской манерой» г-жи Желиховской,—я нашелъ въ нихъ такія вещи, о которыхъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія *).

Между тѣмъ въ своихъ *теперешнихъ* статьяхъ о Е. П. Блаватской и въ своей пропагандѣ новаго «чистаго и высокаго ученія», г-жа Желиховская ни однимъ звукомъ не заикается обо мнѣ и m-me де-Морсье, какъ будто насъ совсѣмъ даже не было или будто наши отношенія къ ея покойной сестрѣ и близкія сношенія съ нею ей совсѣмъ неизвѣстны. Причина такого умалчиванія понятна, и на ней, полагаю, нечего останавливаться. Но все-таки, какъ-же было не сообразить, что черезчуръ фантастическое освѣщеніе многихъ фактовъ заставитъ меня, а если понадобится, то и не одного меня, представить и свое личное свидѣтельство съ приложеніемъ «оправдательныхъ документовъ». Конечно, здѣсь былъ разсчетъ на человѣческую слабость, на ложный стыдъ признанія въ своемъ, хоть и мимолетномъ, увлеченіи тѣмъ, что оказалось самымъ грубымъ и разсчитаннымъ на слѣпую довѣрчивость обманомъ; но дѣло слишкомъ серьезно, и жалкое малодушіе ложнаго стыда тутъ не можетъ имѣть мѣста.

8) M-me де-Барро (Caroline de Barrau), пожилая, скромная, молчаливая и болѣзненнаго вида женщина, представляла собою примѣръ того, что самая бодрая, сильная душа и высокоразвитый разумъ могутъ вмѣщаться въ крайне невзрачномъ и сла-

---

*) На основаніи этихъ статей, и съ указаніями на нихъ, я до сихъ поръ получаю, время отъ времени, письма изъ разныхъ мѣстъ Россіи и отъ разныхъ неизвѣстныхъ мнѣ лицъ, гдѣ меня просятъ, убѣждаютъ, а то такъ и требуютъ, чтобы я подробно писалъ о Блаватской, ея ученіи и ея чудесахъ, какъ близкій ей человѣкъ и свидѣтель, по заявленію г-жи Желиховской. Я или молчалъ на эти письма, или кратко отвѣчалъ, что все, что я видѣлъ, было-бы дѣйствительно чудесно, кабы тамъ не было обмана. Настоящимъ разсказомъ я вполнѣ удовлетворю любознательность моихъ корреспондентовъ.

бомъ тѣлѣ. Жена состоятельнаго дворянина, имѣющаго помѣстья въ Гасконіи, m-me де-Барро посвятила Парижу свою далеко небезызвѣстную, знаменательную дѣятельность.

Не понимаю—зачѣмъ г-жѣ Желиховской понадобилось называть ее графиней: она графиней никогда не была и не принадлежала къ числу особъ, противузаконно присваивающихъ какіе-либо титулы и отличія. У нея были отличія, въ видѣ настоящихъ дипломовъ на ученыя и иныя почетныя званія (а это большая рѣдкость для французской женщины); она сотрудничала во многихъ періодическихъ изданіяхъ и оставила послѣ себя интересныя сочиненія: «Женщина и воспитаніе», «Призваніе женщины», «Деревенская женщина въ Парижѣ», этюдъ «о заработной платѣ женщинъ» и т. д. Но она не только не кичилась своими отличіями и трудами, а краснѣла какъ пансіонерка и не знала, куда дѣваться, когда кто-либо упоминалъ о нихъ. Она всецѣло отдавала свою душу, свое время и свои средства добрымъ дѣламъ, и въ этой дѣятельности ея вѣрный другъ, m-me де-Морсье, являлась ея постоянной и ближайшей помощницей.

M-me де-Барро жила въ небольшомъ, простенькомъ, но комфортабельномъ домѣ въ глубинѣ impasse'а, на улицѣ Varenne. Жила она очень странно, повидимому почти въ полномъ уединеніи, и сама всегда отворяла гостямъ своимъ двери. Заинтересовавшись «теософическимъ обществомъ», главнымъ образомъ благодаря вдохновенному краснорѣчію m-me де-Морсье, она предоставила свой тихій, удобный домъ для conférences'овъ, но сама, отъ начала до конца, относилась ко всему нѣсколько сдержанно и, такъ сказать, выжидательно. Когда «феномены» были разоблачены и изъ-за «всемірнаго братства любви и разума» выдвинулась обманная махинація,—m-me де-Барро тотчасъ-же присоединила свою подпись къ заявленію, посланному въ Индію, которымъ отрезвившіеся парижскіе «теософы» отказывались отъ своего членства въ «обществѣ», созданномъ Еленой Петровной Блаватской.

Около двухъ лѣтъ тому назадъ я съ грустью получилъ извѣстіе о кончинѣ m-me де-Барро и, читая печатные тексты рѣчей, говорившихся по случаю этой кончины, сказалъ себѣ, что «на сей разъ» въ нихъ нѣтъ никакой фальши, никакихъ преувеличеній. Мнѣ тяжело подумать, что, пріѣхавъ въ Парижъ, я уже не увижу этого блѣднаго, тихаго лица, въ молодости должно быть очень похожаго на некрасивую гольбейновскую мадонну, не услышу ея какъ-бы робкаго голоса, которымъ она, въ краткихъ словахъ, всегда умѣла сказать что-нибудь очень продуманное, разумное и вѣрное...

Что касается ея мужа, его почти никогда не бывало въ Па-

рижѣ, онъ жилъ у себя въ имѣніи и не имѣлъ *ровно никакою* отношенія къ «теософическому обществу». Какимъ образомъ г-жа Желиховская пристегнула и его, съ титуломъ графа, къ окружію своей покойной сестры—это остается ея тайной.

9) Графиня д'Адемаръ, личная пріятельница Елены Петровны Блаватской. Это была тоже весьма уже немолодая свѣтская дама съ лицомъ до того искусно эмальированнымъ, что на нѣкоторомъ разстояніи казалась совсѣмъ молодой и очень красивой. Она появлялась нѣсколько разъ, всегда на краткій мигъ, какъ шелковый, раздушенный метеоръ—и исчезала. Такимъ образомъ зналъ я ее совсѣмъ мало, никогда не слыхалъ отъ нея чего-нибудь хоть-бы чуть-чуть «теософическаго» и, какъ кажется, кромѣ своего удивительно эмальированнаго лица, она ничѣмъ не отличалась. Блаватская дѣйствительно провела два дня у нея въ имѣніи.

10) Г-жа Желиховская пишетъ: «Доктора Шарко тогда въ Парижѣ не было; но Рише и Комбре, его помощники, были своими людьми». Зачѣмъ говорить о Шарко, котораго «не было»—я не знаю; что-же касается Ришѐ, то нашъ авторъ впадаетъ въ большую ошибку. У Шарко въ Сальпетріерѣ дѣйствительно есть помощникъ, докторъ Поль Рише (Paul Richer), написавшій большую и довольно интересную книгу: «Etudes cliniques sur l'Hystèroepilepsie ou Grande hystèrie»; но его, должно быть, тоже «въ Парижѣ не было». Г-жа Желиховская говоритъ совсѣмъ не о немъ, а объ одномъ изъ талантливѣйшихъ современныхъ французскихъ ученыхъ, Шарлѣ Рише (Charles Richet), сочиненія котораго и въ Россіи пользуются большой извѣстностью. Шарль Рише вовсе не помощникъ Шарко. У Елены Петровны Блаватской онъ «былъ», но не «бывалъ», а быть у нея «своимъ человѣкомъ» ему никогда и во снѣ не снилось. Вотъ что писалъ онъ мнѣ, между прочимъ, въ концѣ декабря 1885 года: «...Pour ma part j'avais des doutes énormes. Avant d'admettre l'extraordinaire, il se faut méfier de l'ordinaire qui est la fourberie: et, de toutes les garanties scientifiques, la certitude morale et la confiance est la plus efficace. Mais quelle dure ironie que cette mad. B. que fonde une religion, comme Mahomet, avec les mêmes moyens à peu près. Peut être réussira-t-elle. En tout cas ce ne sera ni votre faute, ni la mienne. Il faut je crois en revenir à l'opinion des vieux auteurs—observer et expérimenter—et ne pas écouter les dames, qui ont passé sept ans au Thibet...» *). Кажется—довольно ясно!

---

*) «...Что касается меня—я имѣлъ огромныя сомнѣнія. Прежде, чѣмъ допустить необыкновенное, надо остерегаться обыкновеннаго, то-есть плутовства: и изъ всѣхъ научныхъ гарантій самая существенная — это

11) Бѣдный Комбре! Какъ былъ-бы онъ счастливъ не въ статьяхъ только г-жи Желиховской, а въ дѣйствительности состоять помощникомъ Шарко и идти въ парѣ съ Рише! Будучи студентомъ медицины, онъ слушалъ, конечно, лекціи и Шарко, слушалъ внимательно; но никогда не былъ, да и не могъ быть его помощникомъ, ибо жизнь увлекла его совсѣмъ въ иную сторону. Весь его ученый багажъ состоитъ изъ маленькой, весьма спеціальной диссертаціи «о вспрыскиваніи ртути подъ кожу». Хоть онъ и докторъ медицины, но не имѣетъ никакого оффиціальнаго положенія и не практикуетъ.

Это очень милый, симпатичный и даже талантливый человѣкъ; но безнадежный неудачникъ, «изобрѣтатель», съ патентами котораго всегда случаются самыя невѣроятныя вещи, такъ что вся жизнь его—рядъ непрестанныхъ бѣдствій и затрудненій.

Онъ сынъ гасконскаго аптекаря, съ дѣтства имѣлъ какое-то отношеніе къ семейству де-Барро и отсюда, т. е. черезъ г-жъ де-Барро и де-Морсье, его появленіе въ «теософическомъ обществѣ». Идеалистъ и мечтатель, онъ неудержимо влекся ко всякому «оккультизму», но заняться этимъ оккультизмомъ всегда могъ только «завтра», ибо «сегодня» у него было столько дѣла, что онъ хватался за голову и за больное отъ вѣчныхъ волненій сердце.

Онъ «изобрѣталъ» самыя противоположныя вещи: то чудесное масло и сало для смазыванія всякихъ машинъ, то какую-то удивительную лампу, то цѣлебную туалетную воду, мыло съ примѣсью лѣкарственныхъ веществъ... Богъ знаетъ что! Всѣ эти изобрѣтенія должны были дать ему милліоны, пока-же онъ уничтожилъ состояніе, скопленное ему старымъ отцомъ цѣною лишеній всей жизни, вошелъ въ неоплатные долги и постоянно находился «наканунѣ описи своего имущества», которую отдалялъ какими-то дѣйствительно почти «оккультными» способами.

Устремивъ мечтательные глаза вдаль и встряхивая черными кудрями, онъ могъ по цѣлымъ часамъ говорить своимъ смѣшнымъ гасконскимъ говоромъ о чемъ угодно—и говорить горячо, увлекательно, выказывая иной разъ большія познанія, глубину мысли и широту взгляда.

Я полюбилъ его, и онъ, во все время моего пребыванія въ Парижѣ, нерѣдко посѣщалъ меня. Онъ оказался превосходнымъ,

---

нравственная увѣренность и довѣріе. Однако, что за жестокая иронія—эта г-жа Б., основывающая религію, подобно Магомету, и почти такими-же средствами. Быть можетъ ей и удастся. Во всякомъ случаѣ это будетъ не по вашей и не по моей винѣ. Кажется, слѣдуетъ возвратиться къ мнѣнію старыхъ авторовъ: наблюдать и производить опыты, — и не слушать дамъ, проведшихъ семь лѣтъ въ Тибетѣ...»

искуснымъ гипнотизёромъ, поискуснѣе Фельдмана, и, когда мнѣ пришлось, какъ видно будетъ дальше, заняться этимъ предметомъ,—онъ былъ мнѣ въ большую помощь.

«Теософическимъ обществомъ» онъ сильно увлекся, но глаза его своевременно открылись—и онъ ушелъ отъ этихъ обмановъ, отряхивая прахъ отъ ногъ своихъ. На-дняхъ еще я получилъ о немъ извѣстіе; онъ все тотъ-же, такъ-же «завтра» займется «оккультизмомъ», черезъ годъ будетъ милліонеромъ, а «сегодня» ждетъ описи своего имущества.

12) Былъ на двухъ или трехъ conférences'ахъ нѣкто Оливье, знакомый m-me де-Барро, пока ничѣмъ особенно не прославившійся; но очень интересовавшійся разными «психическими» вопросами. Это онъ привезъ къ Блаватской своего товарища, Шарля Рише.

13) Швейцарецъ Тюрманнъ, попавшій черезъ m-me де-Морсье, фанатическій мистикъ, готовый вѣрить чему угодно безъ всякихъ разсужденій. Онъ былъ сначала мартинистомъ, потомъ спиритомъ. Говорилъ много и на conférences'ахъ вступалъ въ пренія; но всегда толковалъ невпопадъ, такъ что очень надоѣдалъ всѣмъ. Черезъ нѣкоторое время онъ совсѣмъ исчезъ куда-то, чуть-ли не умеръ.

14) Почтенный старикъ, ученый лингвистъ Жюль Бессакъ, знатокъ, между прочимъ, русскаго языка и, по своему оффиціальному положенію, присяжный переводчикъ парижскаго апелляціоннаго суда. Имя его пользуется уваженіемъ среди французскихъ ученыхъ. Онъ напечаталъ нѣсколько серьезныхъ, обстоятельныхъ изслѣдованій о древнихъ вѣрованіяхъ и, какъ спеціалистъ, заинтересовался «теософическимъ обществомъ», съ которымъ его познакомила m-me де-Морсье, его старинная пріятельница.

15) Камилла Фламмаріона я видѣлъ у Блаватской всего одинъ разъ и на conférences'ахъ онъ не бывалъ. Онъ взглянулъ, послушалъ; но Елена Петровна не сумѣла заинтересовать его—ея фантазія и гипотезы оказывались слабѣе смѣлыхъ гипотезъ и фантазій высокоталантливаго автора Lumen'a и Uranie.

16) Виконтъ Мельхіоръ де-Вогюэ, извѣстный своими интересными, несовсѣмъ безпристрастными и, во всякомъ случаѣ, односторонними статьями о Россіи, былъ на одномъ лишь conférence'ѣ.

17) Леймари, извѣстный среди парижскихъ спиритовъ и дѣлавшій себѣ состояніе спиритическими изданіями, нѣсколько разъ пріѣзжалъ къ Блаватской, желая купить у нея право изданія французскаго перевода ея «Isis unveiled». Но они не сходились въ условіяхъ; къ тому-же Елена Петровна ему очень недовѣ-

ряла и боялась какого-нибудь «подвоха» (какъ она выражалась) со стороны спиритовъ, а потому изъ этого дѣла ничего не вышло.

18) «Старичекъ Эветтъ» былъ дѣйствительно старичкомъ, маленькимъ, старенькимъ, но совсѣмъ еще бодрымъ, съ дѣтски-невиннымъ выраженіемъ и робкими манерами. Онъ нерѣдко являлся въ улицу Notre Dame des Champs, здоровался, садился въ уголкѣ на кончикъ стула—и молчалъ. Если хозяйка была въ добромъ расположеніи духа, то ради его одобренія она говорила:

— Monsieur Evette, у меня руку ломитъ—помагнетизируйте!

Онъ вскакивалъ со стула, кидался къ ней и, видимо приходя въ восторгъ, начиналъ пассы своими старческими, уже нѣсколько дрожавшими руками.

Когда эти манипуляціи надоѣдали Еленѣ Петровнѣ, она кивала головою и произносила:

— Merci, cher monsieur Evette, ça va mieux!.. О, да какая-же у васъ сила!

Онъ дулъ себѣ на руки, блаженно улыбался и, счастливый, опять садился на кончикъ стула.

Привела его, опять-таки, m-me де-Морсье, знакомая съ нимъ долгіе годы. Такъ какъ мнѣ было объявлено, что этотъ старичекъ—«знаменитый» магнетизеръ и другъ покойнаго барона дю-Потэ (дѣйствительно весьма извѣстнаго магнетизера и автора интересныхъ сочиненій по этому предмету),—я обратился къ нему съ нѣкоторыми вопросами относительно теорій и взглядовъ дю-Потэ, книги котораго прочелъ незадолго передъ тѣмъ.

Онъ очень внимательно, съ видимымъ напряженіемъ меня выслушалъ, потомъ покраснѣлъ и съ добродушной улыбкой мнѣ отвѣтилъ:

— Я глубоко сожалѣю, что не могу имѣть чести исполнить ваше желаніе. Я очень мало смыслю въ ученыхъ предметахъ и не получилъ образованія... Къ тому-же, я отъ природы,—не стыжусь въ этомъ признаться—недалекъ... je suis très simple... что-жъ дѣлать!—вѣдь этого не скроешь! Мое единственное качество—я добръ... je suis bon... а потому Господь далъ мнѣ способность исцѣлять магнетизмомъ всякія болѣзни... Monsieur le baron du-Potet me disait souvent: mon pauvre Evette, tu es très simple, mais tu es bon... *), и вотъ поэтому онъ любилъ меня, и во время своей предсмертной болѣзни онъ только мнѣ одному позволилъ себя магнетизировать...

*) Баронъ дю-Потэ мнѣ часто говаривалъ: мой бѣдный Эветтъ, ты очень недалекъ, но ты добръ...

На его глаза, при этомъ воспоминаніи, навернулись слезы.

Когда потомъ, мѣсяца черезъ два по отъѣздѣ Блаватской, я спросилъ его, что именно могло привлечь его къ «теософическому обществу» и его создательницѣ—онъ широко раскрылъ глаза и сказалъ:

— Mon Dieu, monsieur, c'est fort simple; quand m-me de-Morsier vint me dire: père Evette, allons!—eh ben—j'suis allé.., v-là! Et puis m-me Blavatsky est une personne si honorable... grande dame russe! *).

Онъ упрашивалъ меня позволить ему полѣчить мои нервы его «добрымъ» магнетизмомъ, объясняя, что, когда онъ магнетизируетъ—всѣ болевыя ощущенія паціента переходятъ къ нему и только послѣ сеанса, разобщившись съ больнымъ, онъ отъ нихъ отдѣлывается. Это показалось мнѣ достойнымъ провѣрки и, такъ какъ назначенная имъ плата за сеансы была по моимъ средствамъ, я согласился испробовать. Онъ сталъ являться ко мнѣ, а то и я заѣзжалъ къ нему, въ мрачную, до невѣроятія запыленную квартиру, наполненную старинными картинами и всякимъ старымъ хламомъ,—онъ оказался скупщикомъ и продавцомъ этого хлама, носящаго названіе «рѣдкостей».

Я долженъ сказать, что онъ не оправдалъ моихъ ожиданій: я былъ почти совершенно увѣренъ, что на первомъ-же сеансѣ онъ мнѣ наговоритъ всякій вздоръ относительно моихъ ощущеній. Ничуть не бывало! Какъ ни скрывался я отъ него—онъ всегда безошибочно указывалъ мнѣ на мѣсто моихъ страданій и описывалъ ихъ совершенно вѣрно. Если я, заработавшись передъ тѣмъ, чувствовалъ утомленіе и боль въ глазахъ—стоило ему начать пассы, какъ его глаза краснѣли и наполнялись слезами. Одинъ разъ онъ пришелъ ко мнѣ, когда я сильно мучился болью въ области печени. Я ничего не сказалъ ему. Послѣ первыхъ-же пассовъ онъ схватился за печень и такъ измѣнился въ лицѣ, что я поневолѣ долженъ былъ почесть себя побѣжденнымъ, хотя и не устыдился своего скептицизма и подозрительности, такъ сердившихъ во мнѣ Елену Петровну.

Однако, послѣ мѣсяца сеансовъ, я почелъ себя въ правѣ прекратить ихъ на слѣдующихъ двухъ основаніяхъ: 1) я нисколько не сталъ себя лучше чувствовать; 2) не я ему, а онъ мнѣ передалъ жесточайшій гриппъ, который не прошелъ послѣ окончанія сеанса, а продержалъ меня въ кровати около недѣли.

---

*) Ахъ Боже мой, monsieur! Это очень просто, m-me де-Морсье пришла ко мнѣ и сказала: пойдемте, старина Эветтъ!—я и пошелъ... вотъ и все тутъ! И къ тому-же m-me Блаватская такая почтенная особа, высокопоставленная русская дама!

«Старичекъ» во все время моего пребыванія въ Парижѣ изрѣдка посѣщалъ меня и разсказывалъ мнѣ самыя изумительныя магнетическія чудеса о баронѣ дю-Потe и о себѣ самомъ. Года три тому назадъ какіе-то его родственники прислали мнѣ въ Петербургъ извѣщеніе о его «христіанской кончинѣ» съ приглашеніемъ на похороны.

«Старичекъ-магнетизеръ Эветтъ, другъ барона Дюпоте, постоянно конкуррировалъ съ Оллькотомъ въ излѣченіяхъ присутствовавшихъ больныхъ»...—да, вѣдь, это значитъ, что въ квартирѣ Е. П. Блаватской была лѣчебница для приходящихъ больныхъ! Слѣдовало-бы хоть приложить *списки* этихъ многочисленныхъ больныхъ съ исторіей ихъ *болѣзней* и *излѣченій*. Богъ знаетъ, что такое!

19—24) Видѣлъ я въ квартирѣ улицы Notre Dame des Champs двухъ американокъ, по фамиліи Дидсонъ и Голлоуэй, нѣкоего «профессора», не помню ужъ какого предмета, Вагнера съ женою, и, наконецъ, къ самому концу пребыванія Блаватской въ Парижѣ, магнетизера Робера съ его «субъектомъ», юношей Эдуардомъ. Какъ тогда, такъ и впослѣдствіи я отъ этого Робера и его субъекта *ровно ничего* интереснаго не видалъ, несмотря на толки между дамами о ихъ чудесахъ.

25) Пожилая дѣвица, русская фрейлина А. (фамилія этой особы начинается не съ этой буквы; но такъ какъ она тщательно скрывала свои faits et gestes и въ журналахъ «лондонскаго общества для психическихъ изслѣдованій» обозначена такимъ именно образомъ,—я, вовсе не желая быть ей непріятнымъ, называю ее А.). Г-жа А. была въ то время пріятельницей m-me де-Морсье и опять-таки черезъ нее заинтересовалась «теософическимъ обществомъ». Она была постоянно окружена всякаго рода «феноменами» и чудесами; удивительные разсказы ея о томъ, что на каждомъ шагу случалось съ нею—могли довести до головокруженія. Она не жила въ Россіи, имѣла квартиру въ Парижѣ; но постоянно исчезала невѣдомо куда и, вообще, была поглощена какими-то крайне сложными и запутанными своими дѣлами. О ней мнѣ придется не разъ упоминать въ дальнѣйшемъ разсказѣ. Теперь я давно ужъ потерялъ ее изъ виду.

26) Русскій князь У. (теперь, какъ я слышалъ, умершій). Я нѣсколько зналъ его, такъ какъ года за два передъ тѣмъ А. Н. Майковъ привезъ его ко мнѣ въ домъ на литературный вечеръ. Онъ былъ у Е. П. Блаватской одинъ разъ и потомъ я видѣлъ его на торжественномъ conférence'ѣ въ домѣ m-me де-Барро.

27) Русскій генералъ-маіоръ К., бывшій также одинъ разъ у Е. П. Блаватской и затѣмъ на conférence'ѣ.

Былъ-ли сдѣланъ этими двумя господами членскій взносъ и числятся-ли они въ спискахъ «общества»—я не знаю.

28) Русская дама съ иностранной фамиліей, г-жа Г., изъ Одессы, знакомая родственниковъ Елены Петровны. Она являлась со своимъ сыномъ, несчастнымъ горбатымъ мальчикомъ—и больше мнѣ рѣшительно нечего о ней прибавить.

Затѣмъ остаются двѣ русскія дамы, родственницы Е. П. Блаватской, и—я. Это *все*. Тридцать одинъ человѣкъ, ну, скажемъ—*тридцать пять*, на случай, еслибъ я забылъ кого-нибудь изъ совсѣмъ ужъ, вообще, или въ то время, *невидныхъ, безъ рѣчей*.

Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ, какъ показано выше, только мелькнули и исчезли. Другіе-же были привлечены главнымъ образомъ m-me де-Морсье. Въ такомъ видѣ является *дѣйствительная* картина парижскаго «теософическаго общества» лѣтомъ 1884 года. Это былъ очень небольшой *дамскій* кружокъ—и ничего болѣе.

Если-бы кто-нибудь былъ еще, кого я не зналъ и не видалъ, Елена Петровна, подзадориваемая моими замѣчаніями о томъ, что дѣло идетъ черезчуръ вяло, непремѣнно говорила-бы со мною о неизвѣстныхъ мнѣ лицахъ, указывала-бы на нихъ, и притомъ эти лица непремѣнно, ея стараніями, появились-бы на conférences'ахъ, крайняя малолюдность которыхъ совершенно удручала основательницу «теософическаго общества».

Гдѣ-же эти «массы», «осаждавшія» тогда Елену Петровну, какъ увѣряетъ г-жа Желиховская?? Гдѣ это «множество французовъ - легитимистовъ и имперіалистовъ», которое къ ней «льнуло»?? Гдѣ эти «очень многіе ученые, доктора, профессора, психіатры, магнетизеры, пріѣзжіе со всѣхъ странъ свѣта и мѣстные»?? Гдѣ «множество русскихъ мужчинъ и дамъ, усиленно напрашивавшихся въ дружбу и въ послѣдователи ученія»??

Вѣдь, должна-же быть, наконецъ, какая-нибудь разница между писаніемъ «повѣсти для легкаго чтенія» и писаніемъ «біографическаго очерка» женщины, которую называютъ «всемірной знаменитостью», возбужденное ею движеніе—«міровымъ явленіемъ», а «чистымъ и высокимъ ученіемъ» которой соблазняютъ русское общество!!

И это лишь первые цвѣточки,—впереди много крупныхъ ягодъ различнаго и самаго неожиданнаго сорта.

V.

Объ этомъ первомъ собраніи теософовъ, на которое я поѣхалъ въ сопровожденіи Могини и Китли, распространяться не стану, такъ какъ оно не ознаменовалось ровно ничѣмъ интереснымъ въ «теософическомъ» или «оккультномъ» смыслѣ. Для меня оно имѣло значеніе лишь въ томъ отношеніи, что я познакомился съ m-me де-Барро, m-me де Морсье, фрейлиной А., докторомъ Комбре, Оливье, Тюрманномъ и «старичкомъ» Эветтомъ. Кромѣ этихъ лицъ никого не было. Мы размѣстились въ просторной столовой вокругъ обѣденнаго стола, покрытаго клеенкой, причемъ предсѣдательскія мѣста заняли, конечно, «дюшесса» и Елена Петровна.

Разговоръ велся безпорядочный, переходилъ съ предмета на предметъ и ни на чемъ не останавливался. Вдругъ раздался крикливый и пискливый голосъ. Это заговорилъ Тюрманнъ, пожилой, прилизанный лысый человѣкъ съ огненно-красными щеками и носомъ, испещренными синими жилками. Заговоривъ—онъ уже, очевидно, не могъ остановиться и слушалъ самъ себя все съ возраставшимъ наслажденіемъ. Онъ толковалъ о мартинизмѣ, о своемъ «philosophe inconnu», о Сведенборгѣ, о спиритизмѣ; но понять, зачѣмъ онъ все это говорилъ—не было никакой возможности. Ровно никакихъ новыхъ, хоть сколько-нибудь интересныхъ свѣдѣній онъ не сообщилъ, а только расплывался въ красивыхъ шаблонныхъ фразахъ, которыя французъ можетъ нанизывать одна на другую до безконечности.

Блаватская отдувалась, курила папиросу за папиросой и, очевидно, не слушая, поводила во всѣ стороны своими огромными свѣтлыми глазами. Наконецъ, m-me де-Морсье перебила оратора и рѣшительно сказала, что надо немедленно выработать программу занятій и конферансовъ. Она выразила, отъ лица французскихъ теософовъ, желаніе, чтобы «полковникъ» Олкоттъ и Могини прежде всего преподали парижской вѣтви теософическаго общества истинное познаніе двухъ главнѣйшихъ ученій «эзотеризма»—о «Кармѣ» и о «Нирванѣ», причемъ брала на себя трудъ записывать ихъ слова и затѣмъ переводить по-французски. Блаватская дала на это свое полное согласіе, а Могини улыбался и прикладывалъ руку къ сердцу. Черезъ нѣсколько минутъ все было кончено, изъ-за стола встали и начались «приватные» разговоры.

Когда я, черезъ два дня, появилась въ квартирѣ улицы Notre Dame des Champs, Елена Петровна, выйдя ко мнѣ, объявила:

— Олкоттъ пріѣхалъ! Вы его сейчасъ увидите.

И я увидѣлъ «полковника», вѣрнаго спутника и сотрудника Блаватской, президента теософическаго общества. Его внѣшность произвела на меня сразу очень хорошее впечатлѣніе. Человѣкъ уже, конечно, за пятьдесятъ лѣтъ, средняго роста, плотный и широкій; но не толстый—онъ, по своей энергичности и живости движеній, казался далеко не старикомъ и являлъ всѣ признаки большой силы и крѣпкаго здоровья. Лицо его было красиво и пріятно, большая лысина шла къ этому лицу, обрамленному великолѣпной, совершенно серебряной бородою. Онъ носилъ очки, нѣсколько скрывая за ними единственный недостатокъ своей наружности, являвшійся однако настоящей «ложкой дегтю въ бочкѣ съ медомъ». Дѣло въ томъ, что одинъ глазъ его оказывался крайне непослушнымъ и то и дѣло бѣгалъ во всѣ стороны, иногда съ изумительной и весьма непріятной быстротою. Пока этотъ непослушный глазъ оставался спокойнымъ—передъ вами былъ красивый, пріятный, добродушный, хотя и не особенно умный человѣкъ, подкупающій своей внѣшностью и внушающій къ себѣ довѣріе. Но вотъ что-то дернулось, глазъ сорвался съ мѣста, забѣгалъ подозрительно, плутовато—и довѣріе сразу исчезнетъ.

Олкоттъ уже получилъ, очевидно, отъ «madame» подробныя инструкціи относительно меня, а потому съ первыхъ-же словъ выказалъ мнѣ большую любезность и вниманіе. Онъ очень сносно говорилъ по-французски и, когда Елена Петровна ушла къ себѣ писать письма, повелъ меня въ свою комнату, предложилъ мнѣ одинъ изъ трехъ находившихся въ ней стульевъ, самъ сѣлъ на другой и началъ бесѣду о «феноменахъ» и махатмахъ. Подробно разсказалъ онъ мнѣ, какъ къ нему являлся «хозяинъ» «madame», махатма Моріа (и онъ, и Блаватская, и «челы» почему-то всегда избѣгали, говоря объ этомъ махатмѣ, произносить его имя и обозначали его или словомъ «maître» или просто буквою М); но являлся не въ своемъ матеріальномъ тѣлѣ, а въ тѣлѣ тончайшемъ (en corps astral) *).

— Почему-же вы увѣрены, что это былъ дѣйствительно онъ, а не ваша субъективная галлюцинація?—спросилъ я.

— Потому что онъ мнѣ оставилъ неопровержимое доказательство своего присутствія—онъ, передъ тѣмъ какъ исчезнуть снялъ со своей головы тюрбанъ... вотъ!

---

*) Г. Бессакъ, передавая о такомъ-же разсказѣ ему Олкотта, говоритъ въ «Revue de l'histoire des religions» («La nouvelle théosophie», par J. Baissac), что это былъ, повидимому, махатма Кутъ-Хуми. Не знаю изъ чего онъ вывелъ это заключеніе; мнѣ-же Олкоттъ говорилъ именно о явленіи «хозяина» *madame*, т. е. махатмы Моріа.

При этихъ словахъ «полковникъ» развернулъ передо мною шелковый платокъ, вынулъ изъ него индійскій, изъ какой-то легкой матеріи, шарфъ и подалъ мнѣ.

Я посмотрѣлъ, потрогалъ—шарфъ какъ шарфъ, совсѣмъ матеріальный, не призрачный.

Олкоттъ благоговѣйно завернулъ его опять въ платокъ и затѣмъ показалъ мнѣ еще одну диковинку—очень странный и довольно красивый рисунокъ, сдѣланной акварелью и золотой краской. При этомъ я получилъ объясненіе, что «madame» положила руку на чистый листъ бумаги, потерла его немного—и вдругъ самъ собою образовался этотъ рисунокъ.

Когда Блаватская окончила свою корреспонденцію и мы съ ней бесѣдовали въ пріемной, она очень живо спросила меня, показалъ-ли мнѣ «полковникъ» шарфъ махатмы и рисунокъ?

— Да, показалъ.

— Не правда-ли, это интересно?

— Нисколько!—отвѣтилъ я:—и слѣдовало-бы посовѣтовать Олкотту не показывать здѣсь этихъ предметовъ, особенно мужчинамъ. Для него самого и шарфъ, который онъ получилъ изъ рукъ «исчезнувшаго» на его глазахъ существа, и рисунокъ, при «исключительномъ» произведеніи котораго онъ присутствовалъ—имѣютъ громадное значеніе. Но для посторонняго человѣка, все равно вѣритъ онъ или не вѣритъ въ «возможность» такихъ вещей—развѣ это доказательство? Я гляжу—и для меня это только шарфъ, только рисунокъ. Вы скажете, что Олкоттъ не заслуживаетъ недовѣрія; но я вамъ отвѣчу, что въ дѣлахъ подобнаго рода человѣкъ, кто-бы онъ ни былъ, не имѣетъ права разсчитывать на довѣріе къ себѣ и обижаться недовѣріемъ,—иначе это будетъ большой съ его стороны наивностью, очень для него вредной.

Блаватская усмѣхнулась.

— Не всѣ такіе «подозрители», какъ вы,—сказала она:—а, впрочемъ, я благодарю васъ за совѣтъ и приму его къ свѣдѣнію. Да, вы правы, мы въ Европѣ, въ Парижѣ, а не въ Индіи... Тамъ люди не встрѣчаютъ почтеннаго, искренняго человѣка съ мыслью: «а, вѣдь, ты, молъ, обманщикъ и меня надуваешь!» Ахъ вы, подозритель, подозритель! Ну, а скажите, коли сами, своими глазами, увидите что-либо подобное,—тогда-то повѣрите?

— Глазамъ своимъ я, конечно, повѣрю, если они будутъ совсѣмъ открыты.

— Ждите, можетъ быть недолго вамъ ждать придется.

— Только этого и желаю.

Мы разстались.

Я сидѣлъ за спѣшной работой, когда мнѣ принесли записку Блаватской, гдѣ говорилось о томъ, что пріѣхали двѣ ея родственницы, желаютъ со мною поскорѣе познакомиться, и она проситъ меня пріѣхать немедля. Окончивъ работу, я поѣхалъ. Елена Петровна была въ такомъ радостномъ, счастливомъ настроеніи духа, что на нее было пріятно и въ то-же время грустно смотрѣть. Она совершенно преобразилась; отъ madame» и «Н. Р. В.» ровно ничего не осталось,—теперь это была сердечная женщина, измученная долгими далекими странствованіями, всевозможными приключеніями, дѣлами и непріятностями — и, послѣ многихъ лѣтъ, увидѣвшаяся съ близкими родными, окунувшаяся въ незабвенную и вѣчно милую атмосферу родины и семейныхъ воспоминаній.

Пока мы были съ ней вдвоемъ, она говорила мнѣ только о своихъ дорогихъ гостяхъ, изъ которыхъ одну я назову г-жей Х. (иксъ), а другую г-жей У. (игрекъ). Особенно дружна была Елена Петровна со старшей изъ этихъ дамъ, г-жей Х., дѣвицей уже почти шестидесяти лѣтъ, возведенной ею въ званіе «почетнаго члена теософическаго общества» и бывшей тогда «президенткой N. N. вѣтви».

— Вотъ вамъ самое лучшее, живое доказательство,—говорила Елена Петровна:—что въ дѣятельности теософическаго общества нѣтъ и не можетъ быть ровно ничего, могущаго смутить совѣсть христіанина! Х.—самая рьяная и строгая христіанка, даже со всякими предразсудками, а она почетный членъ нашъ и президентка въ N. N.

— Да развѣ въ N. N. есть теософическое общество?

— Значитъ есть, вотъ такое-же, какъ и здѣсь, въ зародышѣ, но оно разовьется *).

Съ г-жею У., пожилой вдовой, Елена Петровна, какъ я заключилъ изъ первыхъ-же словъ и какъ потомъ убѣдился, была дружна гораздо меньше, относилась къ ней нѣсколько покровительственно, сверху внизъ. Она не удостоила ее «почетнымъ» дипломомъ, а лишь дипломомъ «дѣйствительнаго члена теософическаго общества». Но и ея пріѣзду она была очень рада. Дамы привезли съ собой чернаго хлѣба, икры и т. д. и бѣдная «посланница махатмъ» совсѣмъ по-дѣтски умилялась всѣмъ этимъ.

Вошла г-жа У. Ея «простота въ обхожденіи» сразу-же по-

*) Не имѣю никакого понятія о томъ, развилось-ли оно или уже не существуетъ. Скоро послѣ того г-жа Х. передала свое президентство нѣкоему г. Ц., а сама осталась лишь почетнымъ членомъ главнаго индійскаго общества (société mère d'Adyar).

ставила насъ на короткую ногу и тогда мнѣ понравилось.

— Такъ значитъ и вы... того... теософъ... notre «frère!» — смѣясь обратилась она ко мнѣ и стала показывать пальцами тѣ таинственные знаки, которымъ Могини обучалъ меня при моемъ «посвященіи».

Я, тоже смѣясь, хотѣлъ отвѣтить соотвѣтствующими знаками; но убѣдился, что путаю, что забылъ ихъ связь между собою и постепенность.

— Елена Петровна, что-жъ теперь мнѣ дѣлать? Я позабылъ вашъ môt de passe — подскажите! — обратился я къ Блаватской.

— И чего вы все смѣетесь!.. Вотъ теперь вамъ и пара явилась,—весело отозвалась Елена Петровна.—А môt de passe, его я вамъ уступаю — это дѣйствительно вздоръ, придуманный для малыхъ ребятъ — индусовъ, которыхъ все это тѣшитъ... Коли забыли, такъ и вспоминать нечего, не стоитъ.

Дверь въ комнату, гдѣ прежде помѣщался Могини и куда я спасался отъ Маріи Стюартъ, скрипнула — и передо мной оказалась президентка N. N. теософическаго общества, почетный членъ всемірнаго братства, — г-жа Х. Вся внѣшность этой престарѣлой, но весьма бодрой и подвижной особы, была настолько оригинальна, что не могла не обратить на себя моего вниманія.

Сначала г-жа Х. смотрѣла букой; но затѣмъ разговорилась мало-по-малу и, наконецъ, пришла даже въ возбужденное состояніе. Дѣло въ томъ, что не задолго передъ тѣмъ она лишилась близкаго родственника, горячо, по ея словамъ, любимаго ею. Эта смерть представлялась ей величайшей несправедливостью, возмущала ее и доводила до негодованія. Хотя Блаватская и рекомендовала мнѣ ее въ качествѣ убѣжденной христіанки; но, подъ вліяніемъ смерти родственника, ея вѣра пошатнулась и ничего примиряющаго и утѣшительнаго не могла подсказать ей.

Я сталъ говорить ей все, что только можно говорить въ подобныхъ обстоятельствахъ и, конечно, ничего особеннаго въ моихъ словахъ не было. Это-же самое она могла услышать отъ всякаго, кто захотѣлъ-бы искренно отнестись къ ея горю и стать на христіанскую точку зрѣнія. Какъ-же я былъ удивленъ, когда она, выслушавъ меня, вдругъ схватила и стала крѣпко жать мнѣ руку.

— Благодарю васъ, благодарю васъ!—какимъ-то особеннымъ голосомъ повторяла она. — Никто не могъ мнѣ сказать ничего такого! Вы меня убѣдили, теперь я все понимаю. Я успокоилась. Благодарю васъ!

— Помилуйте, да вѣдь то, что я вамъ сказалъ, могъ-бы вамъ сказать и каждый православный священникъ, къ которому-бы вы обратились...

Но она стояла на своемъ и съ этой минуты, *во все время нашихъ личныхъ свиданій*, выказывала мнѣ большую пріязнь и то и дѣло надѣляла меня чрезмѣрными комплиментами. Зачѣмъ я долженъ упомянуть объ этомъ—будетъ видно впослѣдствіи.

Само собою разумѣется, что мнѣ было крайне интересно, не изъ одного любопытства, знать отношеніе этихъ двухъ близкихъ родственницъ Блаватской къ ея дѣятельности, обществу, махатмамъ и феноменамъ. Но разобрать это отношеніе, несмотря на частыя наши свиданья и долгіе разговоры, мнѣ удалось далеко не сразу. Изъ ихъ удивительныхъ разсказовъ я долженъ былъ заключить, что жизнь всей ихъ семьи просто кишитъ всякими таинственностями. Что-же касается Елены Петровны—съ ней отъ юности происходили разные феномены. Передавая объ этихъ феноменахъ, г-жа У. объяснила ихъ тѣмъ, что Блаватская—необыкновенно сильный медіумъ.

Если это было въ присутствіи Елены Петровны, наша «madame» приходила въ ужасное негодованіе и раздраженіе, вращала глазами, багровѣла и начинала увѣрять, что это неправда, что всѣ ея феномены, со дня ея юности, производились вовсе не спиритическими «скорлупами» (она такъ называла «духовъ» медіумизма), а были дѣйствіями ея «хозяина» и ему подобныхъ живыхъ мудрецовъ Тибета, давно уже предназначавшихъ ее къ роли своей «посланницы» и направлявшихъ жизнь ея. По этому поводу между почтенными дамами завязывались чуть не настоящія ссоры.

Особенно-же изумляла меня г-жа Х. Она вовсе не послужила для меня живымъ и наглядымъ доказательствомъ тому, что теософія Блаватской на заключаетъ въ себѣ ничего предосудительнаго для христіанина. Во время одного изъ первыхъ-же свиданій нашихъ она принялась увѣрять меня, что всѣ эти феномены, махатмы и такъ далѣе, все это — проявленіе «темной» силы, дѣло рукъ дьявола. Однако сама она этого дьявола не боялась нисколько, а такъ и цѣплялась за его хвостъ, всѣми мѣрами побуждая Елену Петровну къ производству разныхъ «феноменовъ».

Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ этихъ дамъ произошелъ «феноменъ съ письмомъ». Елена Петровна уговорила таки меня подвергнуться магнетическимъ сеансамъ Олкотта,—и я долженъ былъ пріѣзжать съ этой цѣлью по утрамъ, до двѣнадцати часовъ, черезъ день. Пріѣхалъ я разъ и засталъ въ маленькой гостиной нѣсколько человѣкъ. Блаватская была въ какомъ-то особенно возбужденномъ состояніи. Г-жа Х. еще не выходила изъ своей комнаты. Раздался звонокъ. Я сидѣлъ такъ, что видѣлъ, какъ Бабула отворилъ дверь, принялъ письмо и, войдя къ намъ, положилъ его на столъ.

Блаватская и г-жа У., взглянувъ на штемпель и адресъ письма, сказали, что оно къ г-жѣ Х. изъ О. отъ общей ихъ родственницы. Письмо было не только совершенно заклеено въ плотномъ, непросвѣчивающемъ конвертѣ, но и на мѣстѣ печати находилась почтовая марка.

Елена Петровна, неожиданно для всѣхъ, предложила прочесть это письмо въ запечатанномъ конвертѣ.

— Нѣтъ, это вздоръ! Это невозможно! Ты никогда этого не сдѣлаешь!—воскликнула г-жа У.

«Madame» повела на нее глазами, приложила письмо ко лбу и стала съ видимымъ усиліемъ громко говорить, записывая въ то-же время на листѣ бумаги слова свои. Когда она кончила, г-жа У. снова выразила сомнѣніе въ успѣшности опыта и увѣряла, что нѣкоторыя подробности, сказанныя и записанныя Еленой Петровной, врядъ-ли могутъ находиться въ письмѣ.

Блаватская видимо раздражилась этимъ и довольно рѣзко объявила, что сдѣлаетъ больше. Она начертила краснымъ карандашомъ на своей бумагѣ, въ концѣ записаннаго ею содержанія письма, теософическій знакъ, затѣмъ подчеркнула одно слово и съ напряженнымъ выраженіемъ лица, съ видимымъ большимъ усиліемъ воли, произнесла:

— Этотъ знакъ долженъ быть въ концѣ письма, и это слово также подчеркнуто!

Затѣмъ письмо передали въ открытую дверь г-жѣ Х. Она тотчасъ-же къ намъ вышла, оканчивая разрывать конвертъ, вынула письмо и прочла. *Содержаніе* его оказалось тождественнымъ съ записаннымъ Еленой Петровной, хотя далеко не слово въ слово и, приэтомъ, мы увидѣли въ концѣ въ точности повторенный краснымъ карандашомъ знакъ Блаватской и слово, подчеркнутое ею, находилось въ письмѣ и было точно также подчеркнуто.

Дамы, пораженныя, тотчасъ-же составили подробное описаніе этого интереснаго феномена и всѣ присутствовавшіе подписались. Подписался, конечно и я.

Вѣдь, я не имѣлъ никакого ни нравственнаго, ни юридическаго права сказать имъ тогда, что Бабула *могъ* подать заранѣе, за часъ или за два передъ тѣмъ, подготовленое и снова заклеенное письмо, что г-жа Х. очень легко *могла*, на мгновеніе отвернувшись въ дверяхъ, вложить въ конвертъ подготовленное письмо и только сдѣлать видъ, что оканчиваетъ разрывать конвертъ передъ нами. Да я тогда и не помышлялъ ни о какихъ подобныхъ возможностяхъ. Вотъ въ какое положеніе бываетъ поставленъ человѣкъ, попадающій въ руки «дамъ, проведшихъ семь лѣтъ въ Тибетѣ!»

Когда Блаватская спросила меня, доволенъ-ли я, удовлетворилъ-ли меня феноменъ?—я сказалъ ей, что хоть и не могу не вѣрить; но все-же чѣмъ-то неудовлетворенъ.

— Пождите, увидите лучше—произнесла она съ улыбкой.

Ждать мнѣ пришлось не долго.

VI.

Я получилъ записку отъ m-me де-Барро, извѣщавшую меня, что вечеромъ у нея соберутся теософы и будетъ conférence Олкотта.

Мнѣ было интересно увидѣть «полковника» въ роли оратора.

Когда я пріѣхалъ, всѣ уже были въ сборѣ. Въ столовой, за овальнымъ столомъ, на предсѣдательскомъ мѣстѣ, помѣщался полковникъ, съ одной его стороны—Могини, а съ другой m-me де-Морсье, записывавшая все, что говорилось. Собралось всего человѣкъ десять, двѣнадцать.

Госпожа У., увидя меня, указала мнѣ знакомъ мѣсто возлѣ себя и объявила, что Еленѣ Петровнѣ нездоровится и что поэтому она осталась дома съ г-жей Х.

— Ну, а меня послала сюда ради приличія. Только и скукаже, я вамъ скажу!—Олкоттъ толкуетъ что-то о буддизмѣ—посидимъ немного, да и поѣдемъ къ намъ чай пить. Мнѣ Елена такъ и поручила непремѣнно привести васъ съ собою.

Олкоттъ дѣйствительно толковалъ что-то о буддизмѣ, но его то и дѣло прерывали. Вообще это былъ вовсе не conférence, а простая бесѣда людей, не спѣвшихся между собой и хорошо понимавшихъ, что происходитъ совсѣмъ не то, чего-бы всѣмъ хотѣлось.

Посидѣли мы съ госпожей У. минутъ двадцать и потихоньку выбрались изъ комнаты.

Въ маленькой гостиной улицы Notre Dame des Champs горѣла лампа и за круглымъ столомъ, въ большомъ креслѣ, помѣщалась Елена Петровна съ колодой маленькихъ картъ для пасьянса, а рядомъ съ нею г-жа Х. Обѣ дамы насъ очень похвалили за то, что мы пріѣхали рано, и г-жа Х. любезно объявила мнѣ:

— Ну вотъ мы теперь и проведемъ пріятно вечерокъ. Елена боялась, что вы пожалуй не пріѣдете, даже на картахъ загадывала.

При этихъ словахъ г-жа Х. ушла въ свою комнату и вернулась оттуда съ коробками разныхъ русскихъ, привезенныхъ ею, гостинцевъ.

Скоро Бабула подалъ чай. Вокругъ насъ была тишина, на пустынной улицѣ почти никакой ѣзды, и мнѣ снова стало казаться, что я нахожусь въ какомъ-нибудь русскомъ деревенскомъ домѣ, среди старыхъ помѣщицъ. Да и разговоры у насъ были совсѣмъ русскіе, очень, очень далекіе отъ Парижа, теософіи, Индіи и тому подобныхъ вещей. Однако, этой иллюзіи не суждено было продолжаться. Блаватская хоть и сказалась для теософовъ больною, но очевидно себя хорошо чувствовала и была въ прекрасномъ расположеніи духа. Она раскладывала пасьянсъ своими тонкими, какъ-то странно, черезчуръ гибкими пальцами съ длиннѣйшими ногтями, сверкала брилліантами, рубинами и изумрудами своихъ колецъ. Веселая и добродушно-лукавая усмѣшка то и дѣло дрожала на ея губахъ.

— Скажи пожалуйста, Елена, — вдругъ обратилась къ ней г-жа Х.: — привезла-ли ты съ собою тотъ твой миніатюрный портретъ, который былъ сдѣланъ индусомъ «челою», и о которомъ ты мнѣ писала?

— Нѣтъ,—отвѣчала Блаватская: — онъ остался въ Адіарѣ, насколько я помню, да впрочемъ, вотъ сейчасъ мы это навѣрно, узнаемъ. Бабула!—крикнула она.

У двери показалась чумазая физіономія индуса.

— Скажи пожалуйста,—обратилась къ нему Елена Петровна:— гдѣ тотъ мой маленькій портретъ, который былъ въ медальонѣ?

— Онъ остался въ Адіарѣ, въ шкатулкѣ, — произнесъ индусъ, какъ-то слишкомъ прямо, нахально глядя въ глаза своей госпожѣ.

— Очень жаль!—воскликнула г-жа Х.:—но отчего-же ты не взяла его съ собою? Любопытно было-бы посмотрѣть на художество этого твоего «челы».

— Художество его ты и сейчасъ увидишь, на мнѣ такой-же точно портретъ «хозяина», нарисованный этимъ-же «челою». Смотри!

При этихъ словахъ Блаватская сняла со своей шеи большой золотой медальонъ, открыла его и передала г-жѣ Х.

Скоро медальонъ этотъ оказался въ моихъ рукахъ, я увидѣлъ въ немъ сдѣланное на кости, и весьма посредственно, изображеніе какого-то необыкновенно красиваго человѣка въ бѣломъ тюрбанѣ. Посмотрѣли мы всѣ, посмотрѣли—и Елена Петровна опять надѣла медальонъ на шею.

— Да, но я бы хотѣла видѣть именно твой портретъ,—стояла на своемъ г-жа Х.—Ты, вѣдь, говоришь, что не только для твоего «хозяина», но и для «челы» его нѣтъ ничего невозможнаго, ну, такъ сдѣлай-же, чтобы этотъ портретъ изъ Адіара, изъ шкатулки, очутился здѣсь, передъ нами.

— Ишь, чего захотѣла!—замѣтила г-жа У.

Елена Петровна усмѣхнулась.

— А вотъ посмотримъ, можетъ быть это и возможно,—многозначительно проговорила она и подняла руку.

Въ то-же мгновеніе надъ нашими головами раздался уже знакомый мнѣ звукъ серебрянаго колокольчика. Блаватская прислушалась и затѣмъ обратилась къ г-жѣ Х.:

— Ну-ка, сними съ меня медальонъ да открой его, можетъ быть тамъ что-нибудь и найдешь.

Г-жа Х. сняла медальонъ, открыла, и моимъ изумленнымъ глазамъ явилось на обѣихъ внутреннихъ сторонахъ медальона два портрета: одинъ, уже знакомый, красиваго человѣка въ бѣломъ тюрбанѣ, а другой—портретъ Елены Петровны въ какой-то мѣховой шапочкѣ, портретъ мало похожій и вовсе не хорошо сдѣланный, но несомнѣнно ея портретъ.

Я взялъ медальонъ въ руки, тщательно осмотрѣлъ его: оба портрета были вдѣланы крѣпко, очень крѣпко, однимъ словомъ, имѣли такой видъ, будто они всегда тутъ и находились, одинъ противъ другого. Все это было устроено такъ чисто, что я рѣшительно не могъ ни къ чему придраться.

Г-жа Х. многозначительно взглядывала поперемѣнно на каждаго изъ насъ и вдругъ сказала:

— Ну, а открой-ка теперь медальонъ, быть можетъ твой портретъ ужъ и исчезъ.

— Можетъ быть,—произнесла Елена Петровна, открыла медальонъ... портрета въ немъ не было.

Опять она сняла медальонъ съ шеи, опять онъ въ моихъ рукахъ, я разглядываю его очень внимательно и убѣждаюсь, что единственный портретъ человѣка въ тюрбанѣ крѣпко вдѣланъ, а отъ другого не осталось ни малѣйшаго слѣда. За портретомъ «хозяина», судя по толщинѣ медальона, не можетъ быть мѣста для другого портрета, сдѣланнаго на костяной пластинкѣ, съ наклееннымъ на нее все-же довольно плотнымъ стекломъ.

«Феноменъ, да, феноменъ, — думалъ я, но въ то-же время внутреннее чутье настойчиво твердило:—«а что, если это только одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ фокусовъ, если все это подготовлено, какъ и весь разговоръ о портретѣ, какъ и каждое слово? А что, если меня и чай пить звали, и всю обстановку такую спокойную и симпатичную устроили для того, чтобы совсѣмъ сразить и на вѣки-вѣчные заполучить этимъ феноменомъ?»

Одной этой мысли было совершенно достаточно для уничтоженія во мнѣ того сладостно-жуткаго чувства, которое не можетъ не охватить человѣка въ виду полуоткрытой передъ нимъ двери въ область тайнъ природы.

— Ну, что вы на это скажете, господинъ скептикъ?—обратилась ко мнѣ Елена Петровна.

— Это необыкновенно и во всѣхъ отношеніяхъ интересно.

— Убѣждены-ли вы наконецъ?

— Не совсѣмъ, но теперь ужъ вамъ очень легко убѣдить меня. Я прошу вашего хозяина, для котораго пространство—ничто, и который, какъ вы говорите, невидимо присутствуетъ здѣсь, въ этой комнатѣ, его или его челу, однимъ словомъ, я прошу существо, или силу, которыя производятъ эти феномены, положить сейчасъ исчезнувшій вашъ портретъ въ мой портъ-сигаръ.

Я вынулъ изъ кармана портъ-сигаръ, открылъ его, и убѣдился, что кромѣ папиросъ въ немъ ничего нѣтъ, закрылъ и крѣпко держалъ въ рукѣ своей.

— Вотъ, сказалъ я: — пусть вашъ портретъ очутится въ этомъ портъ-сигарѣ, который я держу въ рукѣ, и тогда я убѣжденъ совершенно и готовъ буду идти на какія угодно пытки за мое убѣжденіе.

Елена Петровна наклонила голову, будто къ чему-то прислушиваясь, и сказала:

— Вы забываете, что имѣете дѣло съ человѣкомъ, хоть и умѣющимъ производить вещи, кажущіяся вамъ необыкновенными, но все-же остающимся индусомъ-фанатикомъ. По его взглядамъ, онъ никакъ не можетъ войти въ соприкосновеніе съ европейцемъ.

Я улыбнулся, положилъ свой портъ-сигаръ въ карманъ и заговорилъ о совершенно постороннемъ.

Елена Петровна видимо была взволнована. Черезъ нѣсколько минутъ я всталъ, сказалъ, что уже поздно, что я долженъ вернуться пораньше домой. Дамы стали просить меня остаться.

— Ну, пожалуйста! — говорила Блаватская:—какихъ-нибудь полчаса; вотъ сейчасъ наши вернуться съ conference'а, мы имъ разскажемъ про феноменъ. Пожалуйста! Да ну, не дурите, останьтесь—что вамъ полчаса какихъ-нибудь!

Она взяла изъ рукъ моихъ шляпу и снесла ее на мраморную доску камина. Я ничего не замѣтилъ особеннаго, но внутренній голосъ ясно сказалъ мнѣ: «портретъ въ шляпѣ». Мнѣ очень хотѣлось сейчасъ-же подойти къ камину и скорѣй убѣдиться, правъ я или нѣтъ, но я терпѣливо вернулся на свое мѣсто и наблюдалъ.

Дамы были очень взволнованы; г-жа У. увѣряла, что видитъ какую-то сѣрую человѣческую тѣнь.

— И я тоже вижу тѣнь,—смѣясь сказалъ я:—вонъ она сгущается возлѣ камина, у самой моей шляпы!

Я ждалъ, что послѣ этихъ словъ моихъ Блаватская подойдетъ къ камину и я ужъ пожалуй не найду въ шляпѣ портрета. Она даже и приподнялась-было, но снова погрузилась въ свое кресло.

Скоро раздался звонокъ, теософы вернулись съ conférence'a. Дамы стали оживленно разсказывать Олкотту, Могини и Китли о только-что происшедшемъ феноменѣ, требовали моего подтвержденія, и я, конечно, подтвердилъ, что все было именно такъ какъ онѣ разсказывали.

— Могу я теперь удалиться?—спросилъ я Елену Петровну.

— Можете.

Я подошелъ къ камину, взялъ шляпу и, разумѣется, маленькій овальный портретикъ, тотъ самый, который появился въ медальонѣ Блаватской, а потомъ исчезъ изъ него, былъ въ ней. Я не могъ удержаться отъ смѣха.

— Индусъ-фанатикъ преодолѣлъ свое отвращеніе къ европейцу!—сказалъ я.—Елена Петровна, получите вашъ портретъ.

— Онъ уже теперь не мой, — отвѣтила она: — оставьте его себѣ на память, если хотите, а не хотите—такъ бросьте.

— Очень вамъ благодаренъ,—я оставлю его на память.

На слѣдующее утро я опять долженъ былъ ѣхать въ квартиру Блаватской, чтобы подвергнуть себя обычнымъ магнетическимъ пассамъ полковника. Мнѣ очень любопытно было взглянуть на Елену Петровну при свѣтѣ дня, послѣ вчерашняго феномена.

Я нашелъ всѣхъ трехъ дамъ нѣсколько смущенными, тѣмъ не менѣе сейчасъ-же, конечно, заговорили о феноменѣ.

— Не убѣдительно?—спрашивала Блаватская.

— Не убѣдительно,—сказалъ я.

— Чего-же вамъ, наконецъ, нужно? Или вы думаете, что это я сфокусничала?

— Я ровно ничего не думаю, я только просто не убѣжденъ а для убѣжденія надо было такъ мало! Да и теперь еще очень легко все исправить; вѣдь, вы сказали, что тотъ, кто произвелъ феноменъ, не могъ положить портрета въ портъ-сигаръ только потому, что я держалъ портъ-сигаръ въ рукѣ?

— Да.

— А въ шляпу, которую я ношу, онъ все-же положилъ?

— Это совсѣмъ другое.

— Такъ вотъ я и предлагаю слѣдующее: вашъ портретъ находится теперъ въ моемъ бюро; вернувшись сегодня отъ васъ, я его снесу въ садъ и закопаю въ землю,—если мудрый индусъ могъ приблизиться къ моей шляпѣ, то въ моемъ саду онъ легко можетъ, конечно, вырыть портретъ и взять его. Я буду ждать двѣ

недѣли; если черезъ двѣ недѣли раскопаю землю и не найду портрета,—феноменъ для меня будетъ такъ-же убѣдителенъ, какъ если-бы портретъ былъ положенъ въ мой портъ-сигаръ.

— Хорошо, я постараюсь, — унылымъ голосомъ произнесла Елена Петровна.

Но это уныніе было мгновенно; она тотчасъ-же разсердилась и уже не въ состояніи была себя сдержать: вся ея мудрость исчезла. Теперь она проявляла всѣ признаки раздражительной дамы, которой не удалось устроить то, чего она желала, и которая, къ тому-же, попалась впросакъ.

— Ну и что-жъ, вы объ этомъ феноменѣ не можете написать корреспонденцію въ какое-нибудь русское изданіе?—спрашивала она.

— Сейчасъ никакъ не могу, но въ то-же мгновеніе, какъ я убѣждусь, что портретъ исчезъ изъ моего сада, я напишу, и не только напишу, а и буду кричать объ этомъ феноменѣ сколько хватитъ моего голоса.

— Такъ знаете-ли что!—воскликнула, вся багровѣя, Елена Петровна: — напишите, что я фокусница и обманщица! Напишите, что вы убѣдились въ этомъ! Изобразите меня во всемъ видѣ, со всѣми онерами, сдѣлайте одолженіе, пожалуйста!..

По счастію, въ комнату вошелъ Олкоттъ и попросилъ меня послѣдовать за собою для магнетическаго сеанса,—иначе я не знаю, чѣмъ-бы кончилось мое объясненіе съ Еленой Петровной.

Однако, послѣ сеанса г-жа Х. и г-жа У. все-же, очевидно по порученію Блаватской, всячески убѣждали меня послать въ Россію корреспонденцію объ этомъ феноменѣ. Я наотрѣзъ отказался, и онѣ замолчали.

Вообще объ этомъ феноменѣ, гораздо болѣе интереснемъ, чѣмъ многіе изъ тѣхъ, о которыхъ прокричали теософы въ своихъ брошюрахъ и книжкахъ, насколько я знаю, нигдѣ не говорится— его замолчали въ Парижѣ и въ Лондонѣ. Не замолчала его однако г-жа Желиховская и въ одномъ изъ ея фельетоновъ, о которыхъ я говорилъ выше, попавшихся мнѣ долгое время спустя, я нашелъ его описаніе. Но каково-же было мое изумленіе, когда я узналъ изъ этого фельетона, будто видѣлъ въ тотъ вечеръ какое-то огненное явленіе, «какъ-бы огненный шаръ, овальной формы, какъ лучезарное, голубовато огненное яйцо» («Одесскій Вѣстникъ» 1884 г. № 123, статья: «Е. П. Блаватская и теософисты»). Я видѣлъ овальный медальонъ Елены Петровны, сначала съ однимъ, потомъ съ двумя, а затѣмъ опять съ однимъ портретомъ, я видѣлъ и даже увезъ съ собою овальный портретикъ, появившійся въ медальонѣ, потомъ оказавшійся въ моей шляпѣ и подаренный мнѣ Еленой Петровной, нарисованный на кости, съ на-

клеенымъ на него стекломъ. Наконецъ, на заявленіе г-жи У., что она видитъ какую-то сѣрую человѣческую фигуру, я, смѣясь и тономъ, въ значеніи котораго довольно трудно было ошибиться, сказалъ, что вижу тоже «тѣнь, сгущающуюся у моей шляпы». Но, хоть и легко было увидѣть «небо съ овчинку» въ такой компаніи, я тогда никакого *«овальнаго шара»* (!!?), даже еслибъ подобную непостижимую форму предмета и можно было постигнуть, не видалъ, ни о какомъ огненномъ яйцѣ не говорилъ моимъ собесѣдницамъ, и это яйцо-овальный шаръ—всецѣло произведеніе творческой фантазіи г-жи Желиховской.

Вернувшись домой, я, для очищенія совѣсти, вырылъ въ саду ямку и закопалъ въ нее портретъ. Черезъ двѣ недѣли я раскопалъ это, замѣченное мною, мѣстечко и—нашелъ портретъ, конечно, въ полной сохранности. Скажу даже больше, въ теченіе этого времени, этихъ двухъ недѣль, Елена Петровна была у меня въ саду, я нарочно провелъ ее по тому мѣсту, гдѣ былъ зарытъ портретъ, но даже и ея присутствіе не помогло ея невидимому спутнику исполнить задачу, успѣшное выполненіе которой, вѣроятно, сдѣлало-бы меня фанатическимъ проповѣдникомъ феноменовъ «посланницы махатмъ» *).

VII.

Еще чаще, чѣмъ съ Блаватской, пришлось мнѣ, въ то время, видаться съ г-жей У. Мы съ ней вдвоемъ побродили по Парижу; отправлялись на засѣданіе сената, гдѣ краснорѣчивый Накэ въ пламенныхъ рѣчахъ «проводилъ» новый законъ о свободѣ развода, бывшій тогда животрепещущей новостью дня. Въ этомъ засѣданіи, среди сонма сенаторовъ французской республики, «ветхій деньми» Викторъ Гюго дремалъ самымъ безцеремоннымъ образомъ, пробуждаясь только отъ черезчуръ громкихъ возгласовъ оратора и глядя равнодушнымъ, ничего не выражавшимъ взглядомъ прямо передъ собою. Этотъ почти безсмысленный взглядъ уже давно все пережившаго поэта краснорѣчиво говорилъ, что ему нѣтъ никакого дѣла не только до свободы развода, но и, вообще, до всего житейскаго, что надъ его сѣдой, отмѣченной божественной печатью головою уже вѣетъ крыломъ блѣдный призракъ смерти. Этотъ блѣдный призракъ обнялъ его

*) Недавно, въ бумагахъ и письмахъ, относящихся къ тому времени, я нашелъ этотъ портретикъ Е. П. Блаватской и, полагая, что онъ можетъ быть пріятнымъ «сувениромъ» для сестры покойной, переслалъ его г-жѣ Желиховской черезъ общаго нашего знакомаго А. А. Б—ва.

и освободилъ отъ слишкомъ долгой земной жизни менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ того, предоставивъ Парижу, жадному до зрѣлищъ, неслыханное по своей торжественности и своеобразности зрѣлище, котораго мнѣ привелось быть свидѣтелемъ...

Послѣ долгой, утомившей насъ прогулки забрались мы какъ-то съ г-жею У. въ прелестный небольшой паркъ Монсо и около часу просидѣли, отдыхая на удобномъ садовомъ диванчикѣ подъ густыми вѣтвями старыхъ каштановъ, скрывавшихъ насъ отъ знойныхъ лучей солнца. Между нами велась очень оживленная и откровенная бесѣда о самыхъ различныхъ предметахъ, и г-жа У. выказала мнѣ такое участіе, что я былъ глубоко тронутъ. Наконецъ она сказала:

— А чтобы доказать вамъ, что мое расположеніе не слова пустыя, я вамъ повѣдаю такія вещи, о которыхъ, конечно, и не заикнулась-бы постороннему человѣку. Я въ эти дни много о васъ думала—мнѣ кажется, вы черезчуръ увлекаетесь теософическимъ обществомъ и боюсь я, какъ-бы эти увлеченія, во всѣхъ отношеніяхъ, не отозвались на васъ вредно и прискорбно.

— Сердечно благодарю васъ за ваше участіе,—сказалъ я:—но, мнѣ кажется, я ужъ не такой увлекающійся человѣкъ, какимъ вы меня считаете. Конечно, я очень заинтересованъ теософическимъ обществомъ—иначе быть не можетъ—вѣдь, я ужъ говорилъ вамъ, что всякія мистическія и оккультныя вещи составляютъ, въ настоящее время, предметъ моихъ занятій. Что-же тутъ можетъ быть для меня вреднаго? Или вы боитесь, что, подъ вліяніемъ полковника Олкотта и Могини, я сдѣлаюсь буддистомъ? Относительно этого вы можете быть совершенно спокойны.

— Ахъ нѣтъ,—совсѣмъ не то!—воскликнула г-жа У.—Дѣло не въ чтеніи мистическихъ книгъ и не въ занятіяхъ оккультизмомъ—вы можете иначе увлечься и поставить себя въ крайне рискованное положеніе. Тутъ есть такія вещи, которыя втягиваютъ, отводятъ глаза, а когда человѣкъ очнулся и начинаетъ видѣть ясно—ужъ поздно! Вѣдь, вы не передадите моихъ словъ Еленѣ?

— Если вы думаете, что передамъ, то пожалуйста ничего мнѣ не говорите.

— Ну, такъ слушайте. Что скажете вы о феноменѣ съ медальономъ?

— Вы сами можете отвѣтить на этотъ вопросъ—вы должны были видѣть мое къ нему отношеніе.

— Но видите-ли вы мое отношеніе къ нему и, вообще, ко всему, что производитъ Елена?

— Говоря откровенно—пока еще не вижу.

— Вотъ то-то и есть! Знайте-же, что между мною и ею

нѣтъ ровно ничего общаго. Я ее люблю, я привыкла любить ее съ дѣтства, и бываютъ минуты, когда мнѣ ее очень жалко—какъ тамъ ни говорите—вѣдь, она глубоко несчастная женщина. Ну, вотъ, вслѣдствіе этой жалости, мнѣ и приходится иногда на многое закрывать глаза, хотя оно и возмущаетъ меня глубоко. Но я ее люблю, мнѣ ее жаль—и я не могу не быть къ ней снисходительна. Теперь вотъ мы не видѣлись много лѣтъ, она пишетъ, проситъ меня пріѣхать повидаться, у меня нѣтъ средствъ для такой поѣздки, но она высылаетъ мнѣ нужныя для этого деньги—и вотъ я пріѣхала. Я очень рада видѣть ее, быть съ нею, но, несмотря на это, между нами все рознь и рознь, ничего нѣтъ общаго. Она вотъ постоянно заставляетъ меня писать объ ея обществѣ, обо всѣхъ этихъ феноменахъ,—ну что я тутъ подѣлаю?! Что только возможно, я готова для нее сдѣлать, но, наконецъ, она требуетъ невозможнаго... я многимъ готова для нея пожертвовать, но даже для нея не въ состояніи пожертвовать совѣстью.

— Какъ совѣстью? Да развѣ она отъ васъ требуетъ чего-либо подобнаго.

— Вотъ то-то и есть, что требуетъ, давно, ужъ много лѣтъ она отъ меня этого требуетъ. Ей, понимаете-ли, то, что она требуетъ, кажется пустяками, а для меня,—еслибы я согласилась на ея желаніе—это было-бы преступленіемъ... понимаете—преступленіемъ! Она меня понять не можетъ, мы совершенно разно смотримъ на вещи—вѣдь, я христіанка, а она... кто она? Мы съ вами этого не знаемъ, да можетъ быть и сама она путемъ не знаетъ. Она пристаетъ ко мнѣ такъ, что мнѣ просто некуда отъ нея дѣваться. «Значитъ, говоритъ, ты меня не любишь, если не хочешь для меня даже этого сдѣлать, ну что тебѣ стоитъ?» Понимаете-ли, это просто какая-то дѣтская наивность! И, представьте, Х., вѣдь, за одно съ нею меня мучаетъ...— «Вотъ, говоритъ, одна только я и люблю Елену, а ты ее не любишь, потому что не хочешь помочь ей». Вѣдь это что жъ такое! Х. дѣйствительно не знаетъ границъ своей жалости къ Еленѣ, но развѣ это настоящая любовь? Развѣ можно идти на ложь и преступленіе для того, чтобы доказать свою любовь! Эта любовь, въ концѣ концовъ, будетъ для нихъ обѣихъ только гибелью—и ничего больше. Вотъ *** (она назвала имя недавно умершаго ихъ родственника,—человѣка довольно извѣстнаго)— онъ былъ большого ума и настоящій, искренній христіанинъ,— умирая, на смертномъ одрѣ, онъ меня умолялъ не поддаваться просьбамъ Елены и объяснить ей, что еслибы ея желаніе исполнилось, еслибы я согласилась сдѣлать то, о чемъ она меня постоянно проситъ, это, прежде всего, ей самой было-бы гибелью...

— Да въ чемъ-же дѣло?—сказалъ я.—Вѣдь, вы говорите все намеками.

— Я иначе не могу говорить.

— Но, вѣдь, изъ вашихъ намековъ я долженъ заключить нѣчто ужасное. Вы говорите: «преступленіе», «погибель»...

— Такъ оно и есть. Поймите сами, о чемъ я говорю—это не трудно. Не заставляйте меня высказаться больше, я сказала совершенно достаточно, чтобы предупредить васъ. Берегитесь—можно запутаться! Елена именно такая женщина—она иногда поступаетъ совершенно наивно, просто глупо; но въ то-же время умѣетъ напустить такого дыму... Если-бы знали вы, какихъ людей она запутывала въ свои сѣти.

— Одако, вы сказали такъ много, что лучше прямо договорить.

— Нѣтъ, я ничего не скажу больше!—воскликнула г-жа У.—Я слишкомъ много сказала, и въ томъ, что я сказала, ужъ совсѣмъ мало *ii*, на которыхъ я не поставила точекъ, сами поставьте, à bon entendeur—salut!

— Такъ значитъ—всѣ эти феномены махатмъ, вся эта дѣятельность,—только обманъ, обманъ и обманъ!—воскликнулъ я.

— Я молчу!—торжественно произнесла г-жа У. и дѣйствительно не хотѣла больше прибавить ни слова.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, изъ Россіи, она мнѣ писала, вспоминая этотъ разговоръ нашъ и письменно повторяя снова все, мною здѣсь сказанное. Письмо это у меня хранится *).

Вынужденный статьями г-жи Желиховской, которая лучше чѣмъ кто-либо знаетъ, кого я называю буквой У., говорить о теософическомъ обществѣ и его создательницѣ, я не могу пренебрегать такимъ важнымъ обстоятельствомъ, не могу и не долженъ. Въ цѣпи доказательствъ теософическихъ обмановъ признаніе г-жи У., не только словесное, но и письменное, является весьма важнымъ звеномъ.

Я былъ глубоко благодаренъ г-жѣ У. за это признаніе, дѣйствительно произведшее на меня очень сильное впечатлѣніе и

---

*) У меня много всякихъ, иной разъ далеко небезынтересныхъ, писемъ какъ г-жи У., такъ и другихъ «причастныхъ дѣлу» лицъ. Но, само собою разумѣется, что письма, неимѣющія отношенія къ теософическому обществу и Блаватской, письма личнаго, интимнаго характера совершенно неприкосновенны въ моемъ портфелѣ. Я не упомянулъ-бы даже и о моемъ разговорѣ съ г-жей У. и о ея письмѣ, если-бы этого настоятельно не требовало возстановленіе «настоящей *правды*» о Блаватской и теософическомъ обществѣ, столь жестоко нарушаемой статьями г-жи Желиховской. Къ тому-же всякій согласится, что въ словахъ г-жи У., подтвержденныхъ ею письменно, не только нѣтъ ничего, компрометтантнаго для этой особы, а напротивъ,—они дѣлаютъ честь ея тогдашнему отношенію къ дѣлу.

заставившее меня еще строже, еще холоднѣе, относиться къ тому, что было передъ моими глазами. Ослабить мой интересъ къ теософическому обществу и къ самой Блаватской это признаніе не могло—вѣдь, ужъ я самъ былъ насторожѣ, вѣдь, я самъ ужъ сказалъ себѣ, что во всякомъ случаѣ не всѣ феномены Елены Петровны истинны.

Я весьма склоненъ былъ присоединиться къ мнѣнію г-жи У., что Блаватская — медіумъ, что большинство ея феноменовъ медіумическаго происхожденія. Я уже имѣлъ случай близко разглядѣть многихъ медіумовъ и отлично зналъ, что каждый изъ нихъ непремѣнно производитъ иногда явленія обманныя, но что это еще нисколько не доказываетъ, что всѣ производимыя имъ явленія—обманны. Вышло что-нибудь необычное само собою—прекрасно, не выходитъ—и вотъ какая-то непреодолимая сила заставляетъ медіума «помочь» явленію, сфокусничать. Я давно уже убѣдился, что таково общее правило не только профессіональныхъ медіумовъ, но и всякихъ. Чудесное—это такая бездна, которая неудержимо втягиваетъ въ себя, и всѣ цвѣты, въ ней растущіе, какъ ядовитые, такъ и безвредные, обладаютъ одинаково опьяняющимъ ароматомъ.

Я ужъ и безъ г-жи У. очень ясно видѣлъ, что не могу найти у Блаватской и въ ея обществѣ того, за чѣмъ первоначально къ ней являлся, но уйти отъ нея пока не было никакой причины—напротивъ, были двѣ весьма серьезныя причины для того, чтобы не только остаться, но и по возможности сблизиться съ нею и съ ея обществомъ. Что касается этой новой теософіи и ея литературы—вѣдь, я не зналъ еще ровно ничего, значитъ, нужно было хорошенько познакомиться съ этой литературой, съ этимъ ученіемъ и уяснить себѣ, что въ немъ заключается новаго и что заимствовано изъ источниковъ, уже мнѣ извѣстныхъ.

Меня, напримѣръ, крайне занималъ, вмѣстѣ съ кружкомъ парижскихъ теософовъ, вопросъ о «кармѣ» и о «нирванѣ» въ объясненіи Олкотта, Могини и Блаватской. Да и не одно это. Интереснаго было чрезвычайно много.

Что-же касается самой Блаватской, послѣ бесѣды съ г-жей У., я окончательно далъ себѣ слово—во что-бы-то ни стало разглядѣть эту женщину.

Хотя въ Европѣ и не было еще настоящаго теософическаго движенія, но оно могло развиться не сегодня-завтра (какъ это и случилось). Теперь вокругъ Блаватской собрано нѣсколько человѣкъ, черезъ годъ-другой за ней, пожалуй, пойдутъ тысячи, какъ уже пошли въ Америкѣ и въ Индіи. Что же она такое—эта основательница если не новаго, то во всякомъ случаѣ обновленнаго ученія, которое она пропагандируетъ своими фено-

менами; что въ этихъ феноменахъ истинно и что ложно, и есть-ли въ нихъ что-нибудь истинное?

Меня она, по счастью, во всякомъ случаѣ, не собьетъ съ толку, но, вѣдь, даже въ тогдашнемъ маленькомъ кружкѣ парижскихъ теософовъ я видѣлъ нѣсколько лицъ, искренно увлекающихся, готовыхъ, очертя голову, кинуться въ бездну, куда заглянуть приглашаетъ ихъ Елена Петровна, поднимая руку, звеня своими невидимыми серебряными колокольчиками и продѣлывая свои феномены. Вѣдь, если всѣ эти феномены, всѣ, какъ есть,— одинъ только обманъ—что-же такое эта Елена Петровна? Въ такомъ случаѣ это ужасная и опасная воровка душъ!

И она, очевидно, хочетъ всѣми мѣрами постараться раскинуть свою паутину какъ можно дальше, она мечтаетъ распространить ее и на Россію. Для этого она и проситъ г-жу У., проситъ уже давно, нѣсколько лѣтъ, помочь ей и совершить преступленіе. Для этого она такъ ухватилась и за меня—конечно, въ подобномъ дѣлѣ, ей нуженъ человѣкъ, который много пишетъ и котораго читаютъ.

Затѣмъ у меня была еще одна мысль, или, вѣрнѣе, еще одно чувство: мнѣ, какъ и г-жѣ У., было жалко эту Елену Петровну, эту талантливую женщину, у которой, несмотря на все, я ужъ подмѣтилъ и почуялъ не совсѣмъ еще погибшую душу. Какъ знать, быть можетъ есть еще возможность, тѣмъ или инымъ способомъ, остановить ее и спасти какъ для нея самой, такъ и для тѣхъ, кого она погубить можетъ своею ложью, своимъ обманомъ. Да и вмѣстѣ со всѣмъ этимъ развѣ сама она не была интереснѣйшимъ феноменомъ,—съ ея умомъ и талантливостью, съ ея смѣшной простотой и наивностью, съ ея фальшью и искренностью? Разглядѣть, изучить такой феноменъ, такой живой «человѣческій документъ»—тянуло. Надо было только знать, что голова не закружится, что ядовитый цвѣтокъ бездны не опьянитъ,— но въ этомъ смыслѣ я за себя не имѣлъ пока основаній бояться.

VIII.

Мое отношеніе къ феномену съ медальономъ, на который Блаватская возлагала большія надежды, очевидно, возымѣло не малое дѣйствіе: Елена Петровна, объявила, что феноменовъ больше не будетъ, что она чувствуетъ себя слишкомъ больной для значительной затраты жизненной силы, требуемой этими явленіями. Время отъ времени она удостоивала насъ, да и то крайне рѣдко, звуками своего серебрянаго колокольчика. Иной разъ эти звуки

доносились какъ-бы издали, раздавались въ концѣ корридора, гдѣ находилась ея комната,—и это было-бы довольно интересно, еслибы я не зналъ, что въ корридорѣ находится Бабула, что онъ всегда имѣетъ доступъ въ комнату своей госпожи и что онъ преестественнѣйшій плутъ—достаточно было взглянуть на его физіономію, чтобы убѣдиться въ этомъ. Къ тому же г-жи Х. и У. однажды сообщили мнѣ:

— Этотъ Бабула презабавный, когда Елена занята и намъ нечего дѣлать, мы призываемъ его къ себѣ и обо всемъ разспрашиваемъ. Онъ уморительно разсказываетъ обо всемъ, что творится въ Адіарѣ...

— Вотъ я его и спрашиваю,—продолжала г-жа У.:—видѣлъ ли онъ «махатмъ?» онъ смѣется и говоритъ: «видѣлъ не разъ». Какіе же они?—спрашиваю, а онъ отвѣчаетъ: «хорошіе, говоритъ, кисейные». И опять смѣется.

— Ужасная шельма!—замѣтила г-жа Х.—Она его спрашиваетъ: «какіе?», а онъ вдругъ—«кисейные»—да такъ и прыскаетъ!

Этотъ разговоръ показался мнѣ не безынтереснымъ, и я тогда-же записалъ его, а въ бесѣдѣ съ Еленой Петровной посовѣтовалъ ей, смѣясь, какъ можно скорѣй удалить Бабулу.

— Помяните мое слово,—сказалъ я:—у васъ съ нимъ еще скандалъ будетъ—онъ совсѣмъ не надеженъ.

Она ничего мнѣ на это не отвѣтила, и не знаю даже, поняла-ли смыслъ моей фразы.

Какой вышелъ скандалъ съ Бабулой мѣсяца черезъ два послѣ того въ Лондонѣ,—я не знаю, но его поспѣшили отправить въ Индію, и съ тѣхъ поръ о немъ не было рѣчи *).

Когда раздавался звукъ колокольчика въ концѣ корридора, Блаватская вскакивала, говорила: «хозяинъ зоветъ!» и удалялась въ свою комнату.

Показывала она намъ не разъ еще одинъ маленькій феноменъ. На нѣкоторомъ, довольно значительномъ разстояніи отъ стола или зеркала она встряхивала рукою, будто отряхая съ нея

---

*) Я не ошибся, сразу-же сочтя Бабулу плутомъ. Изъ отчета «лондонскаго общества для психическихъ изслѣдованій», вышедшаго въ свѣтъ черезъ годъ послѣ того, я узналъ, что Бабула, до поступленія къ Блаватской, былъ въ услуженіи у француза-фокусника, что онъ былъ искусенъ въ разныхъ «феноменахъ» и особенно въ «феноменахъ съ письмами и почталіонами». Изъ этого-же отчета, съ которымъ я познакомлю читателя, выяснится, что означала фраза Бабулы о томъ, что махатмы—*кисейные*. Тогда я никакъ не могъ себѣ представить значенія этого слова, а между тѣмъ плутъ, находя, не знаю ужъ на какомъ основаніи, что передъ близкими родственницами «madame» нечего скрываться,—сказалъ имъ чистую правду.

какую-нибудь жидкость, и при этомъ на поверхности стола или зеркала раздавались сухіе, совершенно внятные звуки. На мой вопросъ, что это такое, конечно, она не могла дать мнѣ никакого объясненія кромѣ того, что она желаетъ, чтобы были эти звуки—и они происходятъ.

— Постарайтесь напрягать свою волю,—говорила она:—можетъ быть и у васъ выйдетъ.

Я напрягалъ волю изо всѣхъ силъ, но у меня ничего не выходило. Между тѣмъ, когда она клала свою руку мнѣ на плечо, а я встряхивалъ рукою, на столѣ и зеркалѣ раздавались такіе-же точно звуки, какъ и у нея.

Раза два, въ моемъ присутствіи, бывало еще и такое явленіе: вокругъ нея начинали раздаваться болѣе или менѣе громкіе стуки, хорошо извѣстные каждому, кто присутствовалъ на медіумическихъ сеансахъ.

— Слышите, скорлупы забавляются!—говорила она.

Стуки увеличивались, распространялись.

— Цыцъ, шельмы!—вскрикивала она и все мгновенно стихало...

У madame де-Барро было за это время нѣсколько conférences'овъ, на одномъ изъ которыхъ Елена Петровна всѣми мѣрами постаралась собрать какъ можно больше народу. Но все-же больше двадцати пяти, шести лицъ никакъ не нашлось. Съ одной стороны около меня оказался князь У., а съ другой—виконтъ Мельхіоръ де-Вогюэ, котораго я прежде встрѣчалъ нѣсколько разъ въ Петербургѣ. Князь У. все меня спрашивалъ:

— А какъ вы думаете, мнѣ кажется, Левъ Николаевичъ Толстой ничего не можетъ имѣть противъ теософіи?

Князь У. былъ ревностнымъ поклонникомъ идей «яснополянскаго господина», только-что вступившаго, по крайней мѣрѣ публично, въ новый фазисъ своего развитія.

— Ей-Богу ничего не могу сказать вамъ,—отвѣчалъ я:—я не знакомъ съ графомъ Толстымъ.

Онъ никакъ не могъ успокоиться, и все продолжалъ допытываться:

— Однако, какъ вы думаете? Право, тутъ нѣтъ ничего такого, что было-бы въ разрѣзъ съ его взглядами...

Тюрманнъ заставилъ замолчать и Олкотта, и Могини, и madame де-Морсье, а, наконецъ, даже Блаватскую—и сыпалъ фразами.

— Какой этотъ французъ болтунъ!—обратился ко мнѣ по-русски де-Вогюэ.

Мнѣ показалась очень смѣшной эта фраза, «этотъ французъ» въ устахъ француза, и то, что онъ произнесъ ее по-русски, причемъ «болтунъ», конечно, вышло «бальтунъ».

Право, приставанія князя У. съ вопросомъ о томъ, что на все это скажетъ Левъ Николаевичъ Толстой и фраза виконта де-Вогюэ были самымъ интереснымъ не только для меня, но и, вообще, самымъ интереснымъ на этомъ conférence'ѣ!..

Елена Петровна, повидимому, уже убѣдилась, что «пока» въ Парижѣ ей дѣлать нечего, что не настало еще для нея здѣсь время заставить говорить о себѣ tout Paris. Ея лондонскіе друзья обѣщали ей болѣе удачи и торжества въ столицѣ туманнаго Альбіона, и она съ каждымъ днемъ начинала громче толковать о неизбѣжности скораго переѣзда въ Лондонъ.

— Побалуюсь вотъ еще немножко съ вами,—говорила она своимъ двумъ родственницамъ и мнѣ:—распростимся мы, да и перевалюсь я въ Лондонъ,—пора, ждутъ меня тамъ. Синнетъ ждетъ не дождется. Тамъ все какъ слѣдуетъ устроено, да и «психисты» давно желаютъ меня улицезрѣть en personne—ужъ больно я ихъ заинтересовала. Ну, что-жъ, пускай полюбуются! («психисты» означало—членовъ «лондонскаго общества для психическихъ изслѣдованій»). Вообще, Елена Петровна все это время продолжала находиться въ самомъ лучшемъ настроеніи духа. Одинъ только разъ увидалъ я ее въ новомъ еще тогда для меня видѣ.

Я какъ-то по инерціи продолжалъ магнетическіе сеансы съ Олкоттомъ, хотя, говоря по правдѣ, кромѣ головной боли, ничего не испытывалъ послѣ этихъ сеансовъ.

Пріѣзжаю я разъ въ обычное время и сразу замѣчаю, что въ домѣ неладно. У Бабулы перекошена физіономія, Могини совсѣмъ растерянъ и озабоченъ, а Китли имѣетъ видъ до послѣдней степени перепуганнаго зайца. Спрашиваю: не случилось-ли чего? Объясняютъ мнѣ, что «madame» совсѣмъ разстроена, а «полковникъ» боленъ. Потомъ оказалось, въ чемъ дѣло. Елена Петровна узнала, что на одномъ изъ conférences'овъ, въ ея отсутствіе, полковникъ черезчуръ увлекся. Онъ сталъ распространяться о ея «хозяинѣ», махатмѣ Моріа, называя его полнымъ именемъ, вытащилъ изъ кармана и всѣмъ показывалъ знаменитый шарфъ и, въ довершеніе всего, кончилъ проповѣдью самаго «экзотерическаго», «общедоступнаго» буддизма, причемъ поставилъ передъ собою даже статуэтку Будды.

Узнавъ объ этомъ, «madame» перепугалась и дошла до крайняго предѣла негодованія. Что она сдѣлала съ несчастнымъ пол-

ковникомъ—я не знаю, но, когда я вошелъ въ его комнату, то увидѣлъ его лежащимъ на убогой желѣзной кровати, въ старомъ сѣренькомъ, драповомъ халатикѣ и съ головой, обвязанной шелковымъ платкомъ.

Онъ объявилъ мнѣ, что совсѣмъ боленъ, что у него невыносимо болитъ голова.

Черезъ двѣ, три минуты къ намъ, какъ буря, ворвалась Блаватская, въ своемъ черномъ балахонѣ, съ искаженнымъ лицомъ и вытаращенными, сверкавшими глазами. Она, очевидно, не въ силахъ была высидѣть у себя въ комнатѣ и почувствовала необходимость излить свой гнѣвъ. Меня она положительно не замѣтила въ первую минуту, я къ тому-же и сидѣлъ у окна, всторонѣ.

Устремясь къ кровати Олкотта, она быстро-быстро выпалила нѣсколькими англійскими фразами, изъ которыхъ я могъ только разобрать, что дѣло идетъ о томъ, что она, вѣдь, не разъ запрещала называть master'а полнымъ именемъ!..

Олкоттъ какъ-то испуганно съежился.

— У! старый дуракъ!—крикнула она по-русски и изо всѣхъ силъ пихнула его кулакомъ въ бокъ.

Полковникъ глубоко вздохнулъ и только молча перевернулся лицомъ къ стѣнкѣ. Тутъ она меня замѣтила, но нисколько не смутилась.

— Ну, подумайте, только подумайте,—не оселъ-ли онъ!—обратилась она ко мнѣ и, въ отборныхъ выраженіяхъ, изложила всю вину несчастнаго полковника.

Впрочемъ, черезъ два дня эта буря совершенно стихла. Елена Петровна вернула свое расположеніе президенту теософическаго общества и даже милостиво не разъ къ нему обращалась:

— Болванъ Олкоттъ, старый котъ, пошелъ вонъ!

Тогда онъ усмѣхался и произносилъ:

— Што такой? Бальванъ? Што такой?

И вдругъ начиналъ декламировать:

Вольга, Вольга, вэсной многоводной
Ти нэ такъ затопльяешь полья!..

Онъ оставался крайне довольнымъ своимъ знаніемъ русскаго языка и производимымъ на меня впечатлѣніемъ.

Воля ваша, когда при мнѣ говорили потомъ о серьезной дѣятельности полковника Олкотта, или когда я читалъ о немъ, какъ о нѣкоемъ героѣ, какъ о знаменитости, проповѣдникѣ новой религіи, увлекающемъ за собою безчисленныя толпы,—каждый разъ вспоминалъ я его фигуру въ сѣренькомъ халатикѣ, съ обвязанной головою, получающую здоровый ударъ въ бокъ

отъ десницы «madame» и съ какимъ-то дѣтскимъ вздохомъ существа подначальнаго и обиженнаго поворачивающуюся къ стѣнкѣ. И весь этотъ знаменитый полковникъ, который, какъ-бы-то ни было, умѣлъ и умѣетъ заставлять говорить о себѣ, мгновенно исчезалъ, и я слышалъ:

«Болванъ Олкоттъ, старый котъ, пошелъ вонъ!»

Мнѣ смѣшно, очень смѣшно; но что старому коту до чьего-либо смѣха, когда на свѣтѣ такъ много мышей, представляющихъ столь легкую и пріятную добычу!..

Кромѣ этой бури, вызванной увлеченіемъ полковника на conférence'ѣ, во время пребыванія Блаватской въ Парижѣ случился еще одинъ инцидентъ, въ которомъ главной героиней оказалась фрейлина А.

Она явилась къ Еленѣ Петровнѣ и съ негодованіемъ стала разсказывать ей и ея родственницамъ о томъ, что нѣкая старуха См—ва, издавна проживающая въ Парижѣ и хорошо извѣстная тамошней русской колоніи, распространяетъ самыя ужасныя вещи объ Еленѣ Петровнѣ, о ея молодости и, вообще, о ея жизни въ Россіи, и доходитъ до того, что объявляетъ, будто Елену Петровну попросили, много лѣтъ тому назадъ, о выѣздѣ изъ Тифлиса за всякія некрасивыя дѣянія.

Елена Петровна вскипѣла и объявила:

— Я тотчасъ-же напишу князю Дундукову-Корсакову, и онъ вышлетъ мнѣ такое оффиціальное удостовѣреніе, которое заставитъ навсегда замолчать эту старуху!

Сказала и сдѣлала: ко времени отъѣзда Блаватской въ Лондонъ это удостовѣреніе пришло. Г-жа А. перевела его на французскій языкъ, въ русской конторѣ Ленца, отпечатала въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ и раздала всѣмъ теософамъ, прося распространять эти экземпляры всюду, гдѣ только можно:

Вотъ этотъ документъ:

Traduction.

Certificat.

Le présent document a été délivré par la Chancellerie du Maître qe Police de Tiflis à la femme du Conseiller d'Etat Actuel, Hélène Petrowna Blavatzki, et à sa demande, pour constater que, par suite de l'enquête faite dans les archives de la Chancellerie, il a été constaté qu'aucune poursuite n'a jamais été intentée, ni aucune accusation portée contre cette dame, soit pour vol, soit pour escroquerie.

En un mot pendant tout son séjour à Tiflis, M-me Blavatzki n'a jamais donné lieu à aucune action pouvant impliquer une supposition de vol ou autre acte indélicat.

En foi de quoi je le certifie par ma signature et l'apposition du cachet officiel.

Tiflis, le 7 Juin 1884.

Le Maître de Police (Signé: L. S.).

Pour traduction conforme
Comptoir Franco-Russe
E. Lenz.

Comptoir Franco-Russe
42, Boul-d Haussmann, 42
Paris *).

Когда г-жа А. передала мнѣ нѣсколько экземпляровъ этого курьезнаго документа, я, читая его, просто не вѣрилъ глазамъ своимъ и не могъ удержаться, чтобы не воскликнуть:

— Помилуйте! да, вѣдь, такое «удостовѣреніе» компрометтируетъ хуже всякихъ обвиненій! Вѣдь, вы этимъ приготовили самое полное торжество для См—ой! Да и, наконецъ, вашъ документъ доказываетъ только, что въ «архивахъ канцеляріи полицеймейстера» нѣтъ дѣла о воровствѣ или другомъ «неделикатномъ» дѣяніи; однако, очень легко инымъ путемъ попросить кого угодно выѣхать изъ города за всякія некрасивыя вещи, причемъ никакихъ слѣдовъ въ полицейскихъ архивахъ не остается...

Но г-жа А., особа самолюбивая, увѣренная въ своей практичности и высшихъ дипломатическихъ способностяхъ, не поняла меня, разсердилась и долго потомъ, при встрѣчахъ, обращалась ко мнѣ съ какою-то кислосладкой ужимкой.

Сама Елена Петровна, конечно, поняла и, получивъ эту прелесть, писала мнѣ про г-жу А. «...не благодарила ее за напечатанный certificat въ томъ, что я не воровка, потому что такой глупый документъ»...

---

*) Удостовѣреніе. Настоящій документъ выданъ канцеляріей тифлисскаго полицеймейстера женѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, Еленѣ Петровнѣ Блаватской, по ея просьбѣ, въ удостовѣреніе того, что, по справкѣ въ архивахъ канцеляріи, оказалось, что никогда не было возбуждено относительно означенной особы никакого преслѣдованія и обвиненія ни въ воровствѣ, ни въ мошенничествѣ. Словомъ, во все время пребыванія г-жи Блаватской въ Тифлисѣ, она ничѣмъ не подала повода заподозрить себя въ воровствѣ или иномъ *неделикатномъ* (?) дѣяніи. Въ силу чего удостовѣряю это своей подписью съ приложеніемъ казенной печати. Тифлисъ, 7 іюня 1884 года. Полицеймейстеръ (подпись). Переводъ вѣренъ. Франко-Русская контора. Е. Ленцъ. 42, Бульваръ Гаусманна, 42, Парижъ.

Бѣдная «madame»!—и при жизни ей оказывались, да и послѣ смерти оказываются нѣкоторыми дамами, подъ видомъ прославленія ея и выгораживанія, самыя ужасныя, медвѣжьи услуги...

IX.

Блаватская уѣхала въ Лондонъ, клянясь мнѣ въ вѣчной дружбѣ и поручая меня m-me де-Морсье, которая должна была слѣдить за тѣмъ, чтобы мой интересъ къ теософическому обществу «не отцвѣлъ, не успѣвши расцвѣсть». Всю вторую половину лѣта я провелъ въ усиленной работѣ—написалъ большой романъ и жадно зарывался въ сокровища древней и новой мистической литературы, предоставляемыя мнѣ Національной библіотекой, букинистами латинскаго квартала и «ларями» набережной Сены. Мнѣ плыли въ руки такія «рѣдкости», такіе курьезы, такія неожиданныя вещи, что я совсѣмъ забылъ о своихъ больныхъ нервахъ и дѣлалъ именно то, противъ чего остерегали меня доктора, отправляя въ долгое заграничное путешествіе ради полной перемѣны образа жизни и всѣхъ впечатлѣній.

Въ сочиненіяхъ и объясненіяхъ проповѣдниковъ теософическаго общества я пока нашелъ оригинальнаго не особенно много; но все-же они служили дополненіемъ въ моихъ занятіяхъ. Я терпѣливо дочитывалъ два объемистыхъ тома «Isis unveiled» Блаватской, да еще вдобавокъ въ рукописномъ французскомъ переводѣ, оставленномъ мнѣ Еленой Петровной для соображеній—можно-ли издать его съ очень значительными сокращеніями.

При чтеніи первой части этой книги, еще во время пребыванія Блаватской въ Парижѣ, я какъ-то сказалъ г-жѣ У.: «мнѣ кажется — «Isis unveiled»—самый интересный изъ феноменовъ Елены Петровны и, пожалуй, самый необъяснимый *).

---

*) Могъ-ли я думать, что этой брошенной въ разговорѣ фразой и, притомъ, ясно выражавшей прежде всего мое скептическое и вовсе не высокое мнѣніе о «феноменахъ» Елены Петровны Блаватской, я буду поставленъ, такъ сказать, въ число свидѣтельствующихъ о чудотворности этой книги?!! Между тѣмъ, какъ оказалось, тогда-же г-жа Желиховская въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», доказывая чудесное и таинственное происхожденіе «Isis unveiled», поспѣшила напечатать: «Воля ваша, чѣмъ больше размышляешь, тѣмъ больше возрастаетъ недоумѣніе и приходится согласиться съ нашимъ романистомъ В. С Соловьевымъ, сказавшимъ, что по его мнѣнію «величайшій и самый необъяснимый феноменъ г-жи Блаватской—это ея «Изида»! При этомъ надо замѣтить, что столь свободно обращаясь съ моими словами и выставляя мое имя безъ моего на то разрѣшенія, г-жа Желиховская сама не подписала своего имени подъ фельетономъ и только теперь, черезъ нѣсколько лѣтъ, раскрыла въ «Русскомъ Обозрѣніи» свое авторство...

Теперь, отлично зная объясненіе всѣхъ этихъ «феноменовъ», я тѣмъ болѣе подтверждаю мое мнѣніе. Немало потрудилась «madame» надъ своей книгой, не мало прочла для нея и запомнила. Безъ ватиканскихъ «уникъ» она, конечно, могла обойтись; но несомнѣнно должна была одолѣть цѣлую спеціальную библіотеку.

Ея «Изида»—это огромный мѣшокъ, въ который, безъ разбору и системы, свалены самыя разнородныя вещи. Есть въ ней, безспорно, интересное и серьезное, добытое какъ старыми, такъ и, сравнительно, новыми авторами, есть нѣсколько остроумныхъ замѣчаній и выводовъ и самой Блаватской; но вмѣстѣ съ тѣмъ и всякаго вздору, ни на что непригоднаго,—сколько угодно. Для того, чтобы сдѣлать такой выводъ объ «Изидѣ», вовсе даже не надо въ теченіе трехъ лѣтъ изучать мистическую и оккультическую литературу, ежедневно принимая эту пряную пищу въ аллопатическихъ пріемахъ,—для этого достаточно прочесть хотябы Элифаса Леви, Сентъ-Ива, Франка, Венсана, Герреса и др., достаточно быть au courant новѣйшихъ изслѣдованій по гипнотизму и близкимъ къ нему предметамъ.

Да, врядъ-ли мудрецы Тибета принимали участіе въ литературной дѣятельности «madame»—по крайней мѣрѣ они не могли подсказать ей иной разъ самыхъ простыхъ вещей. Вотъ маленькій образчикъ этого—письмо изъ Эльберфельда, въ началѣ осени 1884 года *).

«Всеволодъ Сергѣичъ, милый, найдите мнѣ, Бога ради, по-русски переводъ термина *generation spontanée*—ну, какъ это по-русски, «мгновенное зарожденіе» что-ли? Чортъ-бы побралъ ученыхъ, которые выдумываютъ слова, а въ диксіонерахъ ихъ нѣтъ. Прошу васъ, найдите и сейчасъ-же, не медля, дайте знать, мнѣ нужно для моей Катковской статьи, которая, наконецъ, кончается. Спасите, родной... ваша Е. Блаватская».

Чего было-бы проще поднять руку, позвонить серебрянымъ колокольчикомъ, вызвать изъ Тибета всезнающаго махатму или его «челу»—и спросить!.. Но о сочиненіяхъ «madame» рѣчь впереди...

Я время отъ времени переписывался съ Еленой Петровной и въ моихъ письмахъ, выражая *лично ей* невольное расположеніе и участіе, тѣмъ не менѣе стремился къ своей цѣли, сказавъ себѣ: «не уйду, пока не *узнаю*, что такое она и ея феномены». Я, конечно, не разсчитывалъ, что она сразу, да еще и письменно, совсѣмъ проговорится и себя выдастъ; но я уже настолько

*) Приводя письма Блаватской, я сохраняю нетронутымъ ея правописаніе и т. д.

знала ее, чтобы разсчитывать на ея постоянныя «маленькія» проговариванья, которыя, въ общей сложности, составятъ нѣчто большое и осязательное.

Будучи въ высшей степени порывистой, несдержанной и, въ иныя минуты, до крайности наивной,—Блаватская могла «до конца» отуманить только людей, еще болѣе наивныхъ, чѣмъ она, еще болѣе несообразительныхъ. Главная-же ея сила и условіе ея успѣховъ заключались въ необычайномъ ея цинизмѣ и презрѣніи къ людямъ, которое она скрывала весьма удачно, но которое все-же иной разъ прорывалось неудержимо. «Чѣмъ проще, глупѣе и грубѣе «феноменъ»,—признавалась она мнѣ впослѣдствіи,—тѣмъ онъ вѣрнѣе удается. Громадное большинство людей, считающихъ себя и считающихся умными, глупы непроходимо. Если-бы знали вы, какіе львы и орлы, во всѣхъ странахъ свѣта, подъ мою свистульку превращались въ ословъ и, стоило мнѣ засвистѣть, послушно хлопали мнѣ въ тактъ огромными ушами!..»

Но въ то время до этихъ признаній было еще далеко; «madame» продолжала морочить меня своимъ «хозяиномъ», увѣряя, что я состою подъ особымъ его покровительствомъ. О феноменахъ-же писала, все еще находясь подъ впечатлѣніемъ парижскихъ неудачъ: «Ничего я не могу сдѣлать по части феноменовъ, отъ нихъ мнѣ и такъ *тошно*. И не говорите про нихъ»...

Она все корила меня «подозрительностью». Сообщилъ я ей о сеансахъ магнетизера Робера и его ясновидящаго субъекта, Эдуарда, который, вмѣстѣ со своимъ наставникомъ, притворялся и фокусничалъ несомнѣнно. А она мнѣ въ отвѣтъ: «государь мой, Всеволодъ Сергѣичъ. Вы ужаснѣйшій и неисправимый—не *скептикъ*, а «подозритель». Ну, что вамъ сдѣлалъ этотъ *Eduard*, почему вы думаете, что онъ притворяется? А впрочемъ—мнѣ-то что? Подозрѣвайте *всѣхъ* на здоровье. Вамъ-же хуже...» Это подчеркнутое *всѣхъ* было очень ясно. Или вотъ—еще яснѣе: «скверно на свѣтѣ жить, подозрѣвая всѣхъ и каждаго. Совершенно увѣрена, что передъ *людомъ* говорить про меня подозрительно не станете. Я-то, по крайней мѣрѣ, *подозрительницей* никогда не была; и кого люблю, такъ люблю въ *сурьезъ*—а такихъ весьма мало...»

Я утверждаю, и въ концѣ-концовъ изъ дальнѣйшаго разсказа и ея писемъ будетъ ясно, что, намѣтивъ человѣка, желая его затуманить и сдѣлать своимъ послушнымъ орудіемъ, она дѣйствовала *сердечностью* и *задушевностью*. Она убѣждала его въ своей преданности, горячей любви и дружбѣ—и затѣмъ, именемъ этихъ чувствъ, упрашивала его сдѣлать для нея то

или другое. Все сводилось на почву личныхъ отношеній, чувства. Съ женщинами подобная тактика творила чудеса.

Изъ Лондона, въ концѣ лѣта, Блаватская переѣхала въ нѣмецкій городъ Эльберфельдъ и писала мнѣ оттуда: «Я здѣсь, безъ ногъ, но съ Олкотомъ, Могини и нѣсколькими нѣмецкими теософами... Здѣсь прелестный городокъ и прелестное семейство теософовъ М-г и M-me Gebhard, и его три сына и невѣстка, и племянниковъ съ племянницами всего 9 человѣкъ. Домъ огромный, богатый... Она—ученица Eliphas Levi и съ ума сходитъ по оккультизму. Пріѣзжайте на нѣсколько дней...»

Въ это время чрезмѣрныя занятія мои дали себя знать. Я вдругъ почувствовалъ большое утомленіе и слабость. Пришлось обратиться къ доктору, и онъ, конечно, потребовалъ временнаго прекращенія всякихъ работъ, полнаго покоя и развлеченій. Парижскія развлеченія для меня не существовали, и я рѣшился провѣтриться и развлечься, съѣздивъ въ Эльберфельдъ къ Блаватской. Если-бы я сообразилъ, что экскурсія въ область мнимыхъ чудесъ можетъ только еще больше разстроить нервы и если-бы предчувствіе шепнуло мнѣ, какому неожиданному испытанію придется мнѣ подвергнуться — я-бы не поѣхалъ несмотря на все мое желаніе увидѣть «madame» и побороться съ нею.

Въ знойный августовскій день, 24-го по новому стилю, я выѣхалъ изъ Парижа. Чувствуя себя очень дурно, я положилъ отдохнуть на полпути, въ Брюсселѣ. Къ тому-же я никогда еще не бывалъ въ Бельгіи и не видалъ Брюсселя. Остановился я въ Grand-Hotel'ѣ, ночью очень плохо спалъ, утромъ вышелъ пройтись по городу и на лѣстницѣ столкнулся съ г-жей А. Къ моему изумленію она встрѣтила меня безъ кисло-сладкой ужимки и даже весьма привѣтливо. Намъ обоимъ было скучно, и мы просто обрадовались другъ другу. Оказалось, что она въ Брюсселѣ по какимъ-то своимъ дѣламъ, должна съѣздить въ Кельнъ, потомъ еще куда-то.

— А вы зачѣмъ здѣсь?

— Я ѣду въ Эльберфельдъ къ Блаватской—она больна и зоветъ меня.

— Ну, такъ и я поѣду съ вами.

— Отлично. Когда-же мы ѣдемъ?

— Завтра въ девять часовъ утра,—это самый подходящій поѣздъ, потому что иначе намъ придется пріѣхать въ Эльберфельдъ вечеромъ, часамъ къ десяти, не раньше.

Рѣшивъ это, мы провели весь день вмѣстѣ, а вечеромъ г-жа А. разсказала мнѣ столь много поразительнаго, удивительнаго и таинственнаго, что я пришелъ въ свою комнату съ совершенно

затуманенной головою и, хоть и былъ уже очень поздній часъ, не могъ заснуть. Я хорошо *зналъ*, что, несмотря на всѣ усилія *вчерашней* прагматической науки отрицать *сверхчувственное*, оно существуетъ и время отъ времени проявляетъ себя въ людской жизни, но я такъ-же очень хорошо зналъ, что проявленія эти *рѣдки*, и что иначе быть не можетъ. А тутъ вдругъ сверхчувственное, въ самыхъ разнообразныхъ и подчасъ совершенно нелѣпыхъ видахъ, буквально затопляетъ жизнь здоровой, крѣпкой, энергичной и вдобавокъ поглощенной матерьяльными дѣлами и заботами особы! Вся ночь прошла почти безъ сна; въ седьмомъ часу я одѣлся и велѣлъ подать себѣ чаю. Около восьми подаютъ мнѣ записку г-жи А. Пишетъ, что и она не спала, такъ какъ кругомъ нея шла какая-то невидимая борьба, что у нея разболѣлась голова и что ѣхать нельзя, ибо *всѣ* ея ключи пропали. Иду къ ней. Стоитъ среди чемодановъ и сакъ-вояжей. Увѣряетъ меня:

— Всѣ ключи, всѣ до одного пропали, а ночью были тутъ, на главахъ!

— Пошлите за слесаремъ.

— Ужъ я послала.

Явился слесарь, отперъ чемоданъ, а въ чемоданѣ связка ключей и въ связкѣ ключъ и отъ этого-же темодана.

— Вотъ видите, что со мной случается!—торжественно воскликнула г-жа А.

— Вижу.

Такъ какъ на девятичасовой поѣздъ мы опоздали, то и согласились сдѣлать прогулку по городу и ѣхать въ часъ. Но тутъ я внезапно почувствовалъ необыкновенную слабость, и меня стало клонить ко сну. Я извинился передъ г-жей А., пошелъ къ себѣ и бросился на кровать. Однако, я не заснулъ, а лежалъ съ закрытыми глазами — и вотъ передо мной, одинъ за другимъ, стали проходить, совершенно ясно и отчетливо, разные неизвѣстные мнѣ пейзажи. Это было для меня такъ ново и красиво, что я лежалъ не шевелясь, боясь нарушить и уничтожить очарованіе. Наконецъ, понемногу все затуманилось, слилось—и я ужъ ничего не видѣлъ.

Я открылъ глаза. Моей сонливости и слабости какъ не бывало. Я вернулся къ г-жѣ А. и не могъ удержаться, чтобы не разсказать ей бывшаго со мною, причемъ очень подробно, со всѣми особенностями, описалъ видѣнные мною пейзажи.

Мы сидѣли въ купэ мчавшаго насъ поѣзда и бесѣдовали. Вдругъ г-жа А., взглянувъ въ окно, крикнула:

— Смотрите! Одинъ изъ вашихъ пейзажей!

Мнѣ стало даже жутко. Сомнѣній не могло быть, какъ не

было для меня сомнѣнія и въ томъ, что я никогда не ѣздилъ по этой дорогѣ, не бывалъ въ этой странѣ. Пока не стемнѣло—я снова, въ дѣйствительности, переглядѣлъ все то, что видѣлъ утромъ, лежа на кровати съ закрытыми глазами.

Пріѣхали мы въ Эльберфельдъ, остановились въ гостиницѣ Victoria и, рѣшивъ, что еще не очень поздно, отправились къ Блаватской, въ домъ коммерсанта Гебгарда, чуть-ли не самый лучшій домъ въ Эльберфельдѣ.

X.

Мы застали нашу бѣдную «madame» совсѣмъ распухшей отъ водянки, почти нѣдвижимой въ огромномъ креслѣ, окруженную Олкоттомъ, Могини, Китли, двумя англичанками изъ Лондона, мистрисъ и миссъ Арундэль, американкой Голлуэй и Гебгардомъ съ женою и сыномъ. Другіе Гебгарды, а также «племянники и племянницы», о которыхъ мнѣ писала Блаватская, куда-то уѣхали изъ Эльберфельда.

«Madame», увидя насъ, обрадовалась чрезвычайно, оживилась, затормошилась на своемъ креслѣ и стала «отводить душу» русскимъ языкомъ, къ ясно подмѣченному мною неудовольствію окружавшихъ.

Мы находились въ большой, прекрасной гостиной. Арка раздѣляла эту комнату на двѣ части, тяжелыя драпировки были спущены, и что находилось тамъ, въ другой половинѣ гостиной—я не зналъ. Когда мы достаточно наговорились—Елена Петровна позвала Рудольфа Гебгарда, молодого человѣка съ весьма хорошими манерами, шепнула ему что-то—и онъ исчезъ.

— Я сейчасъ сдѣлаю вамъ сюрпризъ!—сказала она.

Я скоро понялъ, что сюрпризъ этотъ относится къ скрытой за драпировкой половинѣ гостиной, такъ какъ тамъ началась какая-то возня.

Вдругъ занавѣси отдернулись и, освѣщенныя яркимъ, голубоватымъ свѣтомъ, сконцентрированнымъ и усиленнымъ рефлекторами; передъ нами выросли двѣ поразительныя фигуры. Въ первое мгновеніе мнѣ представилось, что я вижу живыхъ людей—такъ ловко было все придумано. Но это оказались два большихъ задрапированныхъ портрета махатмъ Моріа и Кутъ-Хуми, написанныхъ масляными красками художникомъ Шмихеномъ, родственникомъ Гебгардовъ.

Потомъ, хорошо разглядѣвъ эти портреты, я нашелъ въ нихъ много недостатковъ въ художественномъ отношеніи; но *живость* ихъ была значительна, и глаза двухъ таинственныхъ

незнакомцевъ глядѣли прямо на зрителя, губы чуть-что не шевелились.

Художникъ, конечно, никогда не видалъ оригиналовъ этихъ «портретовъ». Блаватская и Олкоттъ увѣряли всѣхъ, что онъ писалъ по вдохновенію, что его кистью водили *они* сами и что «сходство поразительно». Какъ-бы ни было—Шмихенъ изобразилъ двухъ молодыхъ красавцевъ. Махатма Кутъ-Хуми одѣтый, во что-то граціозное, отороченное мѣхомъ, имѣлъ лицо нѣжное, почти женственное и глядѣлъ ласково прелестными свѣтлыми глазами.

Но стоило взглянуть на «хозяина»—и Кутъ-Хуми, со всей своей нѣжной красотой, сразу забывался. Огненные черные глаза великолѣпнаго Моріи строго и глубоко впивались въ насъ, и отъ нихъ нельзя было оторваться. «Хозяинъ», какъ и на миніатюрномъ портретѣ въ медальонѣ Блаватской, оказывался украшеннымъ бѣлымъ тюрбаномъ и въ бѣлой одеждѣ. Вся сила рефлекторовъ была устремлена на это мрачно-прекрасное лицо, и бѣлизна тюрбана и одежды довершала яркость и живость впечатлѣнія.

Блаватская потребовала для своего «хозяина» еще больше свѣту, Рудольфъ Гебгардъ и Китли перемѣстили рефлекторы, поправили драпировку портрета, отставили въ сторону Кутъ-Хуми—эффектъ вышелъ поразительный. Надо было просто напоминать себѣ, что это не живой человѣкъ. Я не могъ оторвать отъ него глазъ.

Больше часу продержали меня Олкоттъ и Блаватская передъ этимъ портретомъ. Наконецъ, у меня заболѣла голова отъ чрезмѣрно яркаго свѣта, и, вообще, я почувствовалъ сильную усталость,—путешествіе, двѣ ночи, проведенныя почти безъ сна—все это дѣйствовало. Я сказалъ г-жѣ А., что не въ силахъ дольше оставаться, и что, вообще, намъ пора вернуться въ нашу Victoria и скорѣе лечь спать. Она сама жаловалась на сильную усталость. Блаватская насъ отпустила, взявъ слово, что мы вернемся, какъ можно раньше, утромъ.

По дорогѣ въ гостиницу мы только и могли говорить объ удивительномъ портретѣ «хозяина» и, среди мрака, онъ такъ и стоялъ передо мною. А стоило закрыть глаза — я видѣлъ его ярко, во всѣхъ подробностяхъ.

Пройдя въ свою комнату, я заперъ дверь на ключъ, раздѣлся и заснулъ.

Вдругъ я проснулся или, что во всякомъ случаѣ вѣрнѣе, мнѣ приснилось, почудилось, что я проснулся отъ какого-то теплаго дуновенія. Я увидѣлъ себя въ той-же комнатѣ, а передо мной, среди полумрака, возвышалась высокая человѣческая фигура въ бѣломъ. Я *почувствовалъ* голосъ, невѣдомо какимъ путемъ и на

какомъ языкѣ внушавшій мнѣ зажечь свѣчу. Я не боялся нисколько и не изумлялся. Я зажегъ свѣчу, и мнѣ представилось, что на часахъ моихъ два часа. Видѣніе не исчезало. Передо мной былъ живой человѣкъ, и этотъ человѣкъ былъ, конечно, не иной кто, какъ оригиналъ удивительнаго портрета, его *точное повтореніе*. Онъ помѣстился на стулѣ рядомъ со мною и говорилъ мнѣ, «на невѣдомомъ, но понятномъ языкѣ» разныя интересныя для меня вещи. Между прочимъ, онъ объяснилъ, что для того, чтобы увидѣть его въ призрачномъ тѣлѣ (en corps astral) я долженъ былъ пройти черезъ многія приготовленія и что послѣдній урокъ былъ данъ мнѣ утромъ, когда я видѣлъ, съ закрытыми глазами, пейзажи, мимо которыхъ потомъ проѣзжалъ по дорогѣ въ Эльберфельдъ, что у меня большая и развивающаяся магнетическая сила.

Я спросилъ, что-же долженъ я съ нею дѣлать; но онъ молча исчезъ.

Мнѣ казалось, что я кинулся за нимъ; но дверь была заперта. У меня явилось представленіе, что я галлюцинирую и схожу съ ума. Но вотъ махатма Моріа опять на своемъ мѣстѣ, неподвижный, съ устремленнымъ на меня взглядомъ, такой, точно такой, какимъ запечатлѣлся у меня въ мозгу. Голова его покачнулась, онъ улыбнулся и сказалъ, опять-таки на беззвучномъ, мысленномъ языкѣ сновидѣній: «будьте увѣрены, что я не галлюцинація и что вашъ разсудокъ васъ не покидаетъ. Блаватская докажетъ вамъ завтра передъ всѣми, что мое посѣщеніе было истинно». Онъ исчезъ, я взглянулъ на часы, увидѣлъ, что около трехъ, затушилъ свѣчу и заснулъ сразу.

Проснулся я въ десятомъ часу и вспомнилъ все очень ясно. Дверь была на запорѣ; по свѣчкѣ невозможно было опредѣлить—зажигалась-ли она ночью и долго-ли горѣла, такъ какъ, по пріѣздѣ, еще до отправленія къ Блаватской, я зажигалъ ее.

Въ столовой гостиницы я засталъ г-жу А. за завтракомъ.

— Спокойно-ли вы провели ночь?—спросилъ я ее.

— Не очень, я видѣла махатму Моріа!

— Неужели? Вѣдь, и я тоже его видѣлъ!

— Какъ-же вы его видѣли?

Я проговорился и отступать было поздно. Я разсказалъ ей мой яркій сонъ или галлюцинацію, а отъ нея узналъ, что на ея мысли о томъ—слѣдуетъ-ли ей стать форменной теософкой и нѣтъ-ли тутъ чего-либо «темнаго»—махатма Моріа явился передъ нею и сказалъ: «очень намъ нужно такую козявку!»

— Такъ именно и сказалъ: «козявку», и сказалъ по-русски!—увѣряла меня г-жа А., почему-то особенно радуясь, что махатма назвалъ ее «козявкой».

А потомъ прибавила:

— Вотъ пойдемъ къ Блаватской... что-то она скажетъ? Вѣдь, если это былъ Моріа и намъ не почудилось, такъ она должна знать.

Отправились въ домъ Гебгарда. Блаватская встрѣтила насъ, какъ мнѣ показалось, съ загадочной улыбкой и спросила:

— Ну, какъ вы провели ночь?

— Очень хорошо,—отвѣтилъ я.

И легкомысленно прибавилъ:

— Вамъ нечего сказать мнѣ?

— Ничего особеннаго,—проговорила она:—я только знаю, что «хозяинъ» былъ у васъ съ однимъ изъ своихъ «челъ».

Въ этихъ словахъ ея не было ровно никакой доказательной силы. Вѣдь, она не разъ, не только словесно, но и письменно объявляла мнѣ, что «хозяинъ» меня посѣщаетъ. Однако, г-жа А. нашла слова эти удивительными и принялась разсказывать наши видѣнія.

Блаватская не могла скрыть охватившей ее радости. Она забыла всѣ свои страданія, глаза ея метали искры.

— Ну вотъ, ну вотъ, попались-таки, господинъ скептикъ и подозритель!—повторяла она.—Что теперь скажете?

— Скажу, что у меня былъ очень яркій, живой сонъ или галлюцинація, вызванная моимъ нервнымъ состояніемъ, большою усталостью съ дороги, послѣ двухъ безсонныхъ ночей, и сильнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на меня ярко освѣщеннымъ портретомъ, на который я глядѣлъ больше часу. Если-бы это было днемъ, или вечеромъ *до тѣхъ поръ*, пока я заснулъ, еслибъ я, наконецъ, не засыпалъ послѣ того, какъ исчезъ махатма—я склоненъ былъ бы вѣрить въ реальность происшедшаго со мною. Но, вѣдь, это случилось *между двумя снами*; но, вѣдь, онъ бесѣдовалъ со мною *не голосомъ, не словами, не на какомъ-либо извѣстномъ мнѣ языкѣ* и, наконецъ, *онъ не оставилъ мнѣ никакого матеріальнаго доказательства своего посѣщенія*, не снялъ съ головы своей тюрбана, какъ было это съ Олкоттомъ.

Вотъ три крайне важныхъ обстоятельства, говорящихъ за то, что это былъ только сонъ или субъективный бредъ.

— Это, наконецъ, Богъ знаетъ что такое!—горячилась Елена Петровна:—вы меня съ ума сведете своимъ невѣріемъ. Но, вѣдь, онъ говорилъ вамъ интересныя вещи!

— Да, говорилъ именно то, чѣмъ я былъ занятъ, что находилось у меня въ мозгу.

— Однако, вѣдь, *онъ* самъ увѣрилъ васъ, что онъ не галлюцинація!?

— Да, но онъ сказалъ, что вы при всѣхъ докажете мнѣ это.

— А развѣ я не доказала тѣмъ, что я знала о его посѣщеніи?

— Я не считаю этого достатнымъ доказательствомъ.

— Хорошо, я докажу иначе... Пока-же... вѣдь, вы не станете отрицать, что видѣли его и съ нимъ бесѣдовали?!

— Какую-же возможность имѣю я отрицать то, что съ моихъ словъ извѣстно г-жѣ А., а черезъ нее и вамъ? Мнѣ не слѣдовало проговариваться, а теперь ужъ поздно, сами знаете: слово—не воробей, вылетѣло, такъ его назадъ не заманишь...

Блаватская зазвонила въ электрическій колокольчикъ, собрала всѣхъ своихъ теософовъ и стала, съ присущей ей раздражающей шумливостью, разсказывать о происшедшемъ великомъ феноменѣ.

Можно легко себѣ представить мое положеніе, когда всѣ эти милостивые государи и милостивыя государыни стали поздравлять меня съ высочайшей честью, счастьемъ и славой, которыхъ я удостоился, получивъ посѣщеніе махатмы М.! Я заявилъ, что весьма склоненъ считать это явленіе сномъ или бредомъ, слѣдствіемъ моего нервнаго состоянiи и усталости. Тогда на меня стали глядѣть съ негодованіемъ, какъ на святотатца. Весь день прошелъ исключительно въ толкахъ о «великомъ феноменѣ».

Вечеромъ всѣ собрались въ хорошенькой «восточной» комнатѣ, всѣ, кромѣ Олкотта, бывшаго во второмъ этажѣ. Вдругъ Блаватская (ее перенесли сюда въ креслѣ) объявила:

— Хозяинъ сейчасъ былъ наверху, онъ прошелъ мимо Олкотта и положилъ ему что-то въ карманъ. Китли, ступайте наверхъ и приведите полковника!

Полковникъ явился.

— Видѣли вы сейчасъ master'a?—спросилъ «madame».

Глазъ «стараго кота» сорвался съ мѣста и такъ и забѣгалъ.

— Я почувствовалъ его присутствіе и его прикосновеніе,— отвѣтилъ онъ.

— Съ какой стороны?

— Съ правой.

— Покажите все, что у васъ въ правомъ карманѣ. Вынимайте!

Олкоттъ началъ послушно и медленно, методически, исполнять приказаніе.

Вынулъ маленькій ключикъ, потомъ пуговку, потомъ спичечницу, зубочистку и, наконецъ, маленькую сложенную бумажку.

— Это что-жъ такое?—воскликнула Блаватская.

— Не знаю, у меня бумажки не было!—самымъ невиннымъ, изумленнымъ тономъ сказалъ «старый котъ».

Блаватская схватила бумажку и торжественно объявила:

— The letter of the master!.. такъ и есть! письмо «хозяина!»

Развернула, прочла. На бумажкѣ, *«несомнѣнномъ»* почеркомъ махатмы Моріа, было по-англійски начертано: «конечно, я былъ тамъ; но, кто можетъ открыть глаза нежелающему видѣть. М.»

Всѣ поочереди, съ трепетнымъ благоговѣніемъ брали бумажку, прочитывали написанное на ней и *завистливо* обращали ко мнѣ взоры. Увы, я дѣйствительно возбуждалъ во всѣхъ этихъ людяхъ невольную, непреоборимую зависть. Помилуйте!—стоило мнѣ явиться—и вотъ сразу-же я не только удостоенъ посѣщеніемъ самого «хозяина», строгаго, недоступнаго, имени котораго даже нельзя произносить, но онъ и снова, изъ-за того, что я выражаю «легкомысленное невѣріе», безпокоитъ себя, дѣлаетъ второй разъ въ сутки свое «астральное» путешествіе изъ глубины Тибета въ торговый нѣмецкій городъ Эльберфельдъ, пишетъ глубокомысленную, весьма ловкую по своей неопредѣленности и двусмысленности записку и кладетъ ее рядомъ съ пуговкой и зубочисткой, въ карманъ Олкотта!

Олкоттъ глядѣлъ на меня такимъ идіотомъ, Блаватская глядѣла на меня такъ невинно и въ то-же время такъ торжественно, что я совсѣмъ растерялся. Къ тому-же, вѣдь, сонъ мой или бредъ—былъ такъ ярокъ!

«Вѣрить» я не могъ, но весь чадъ этой одуряющей обстановки, при моемъ нервномъ и болѣзненномъ состояніи, ужъ на меня подѣйствовалъ, я ужъ начиналъ угорать и спрашивалъ себя: «а вдругъ я дѣйствительно *его* видѣлъ? Вдругъ это дѣйствительно *его* записка?» Къ тому-же, вѣдь, тутъ была *она*, эта старая, больная, мужественно страдавшая отъ глубокихъ недуговъ женщина, глядѣвшая прямо въ глаза смерти и глядѣвшая прямо въ глаза мнѣ, какъ глядитъ человѣкъ съ самой чистой совѣстью, сознающій свою полную невинность и не боящійся никакихъ упрековъ.

Отъ этой ужасной и несчастной женщины исходило положительно какое-то магическое обаяніе, котораго не передашь словами и которое испытывали на себѣ столь многіе, самые спокойные, здоровые и разсудительные люди. Я былъ такъ увѣренъ въ себѣ—а вотъ она меня поколебала.

— Скажите,—спрашивала она, впиваясь въ меня слѣпыми мутно блестѣвшими глазами:—можете-ли вы пойти подъ присягу, что у васъ былъ бредъ и что эта записка не написана «хозяиномъ?»

— Не знаю!—отвѣтилъ я.—Завтра утромъ я приду проститься съ вами. Мнѣ надо домой, я завтра уѣду.

XI.

И я пришелъ на слѣдующее утро проститься съ нею. Меня проведи въ очень большую и высокую комнату, служившую ей и кабинетомъ, и спальней. Хозяева всячески позаботились о ея комфортѣ и устроили ей достойную ея обстановку. Елена Петровна лежала на огромной кровати, вся распухшая, и стонала.

Взглянувъ на ея совершенно сѣрое лицо, въ которомъ читалось глубокое страданіе, я просто не узналъ «madame», вчера еще вечеромъ хоть и почти неподвижной въ креслѣ, но все-же энергичной и, минутами, даже веселой.

— Боже мой, что такое съ вами?—спросилъ я.

— Чуть не померла ночью, голубчикъ!—простонала она:—къ самому сердцу подкатило, и вотъ—смотрите!

Она съ усиліемъ высвободила изъ-подъ одѣяла руку. Это была не рука, а какое-то несгибавшееся, толстѣйшее бревно.

— Что-жъ докторъ?

Она презрительно усмѣхнулась.

— Изъ Англіи даже одинъ ѣдетъ, завтра или послѣ завтра пріѣдетъ... Да ужъ что тутъ!.. помирать такъ помирать—всѣ тамъ будемъ... Какое тутъ, милый человѣкъ, докторы!—захочетъ «хозяинъ», такъ я сразу встану, вѣдь, это ужъ бывало, а не захочетъ—кто-жъ мнѣ поможетъ!

Мнѣ стало неловко, тяжко и жалко ее до послѣдней степени.

— Что-жъ, вы ѣдете? Сегодня?—спрашивала она.

— Да, нужно.

— Не уѣзжайте!—вдругъ шепнула она какимъ-то особеннымъ голосомъ.—Неужто не можете вы пробыть со мною дня три-четыре?.. Пожалѣйте меня немного!...

Голосъ ея прервался, изъ глазъ брызнули слезы.

— Вѣдь, я одна,—сквозь видимо подступавшія къ ея горлу рыданія говорила она потомъ:—всѣ они—чужіе, чужіе!.. ухаживаютъ за мной, носятся со мною, а мнѣ тошно глядѣть на нихъ,—бить ихъ, плевать на нихъ хочется! Противны они мнѣ всѣ... чужіе! Только вы—свой, родной, русскій! Другъ мой безцѣнный, дѣточка вы моя дорогая, не покидайте вы меня, старуху, въ такое время!.. Коли помру—закройте вы мнѣ глаза русской родной рукою... Да и еще одно дѣло: я, вѣдь, кончила «Голубыя горы», послать надо Каткову, ну, а въ такомъ видѣ рукопись нельзя послать, я по-русски-то пишу не ахтительно, безъ исправленій, да и большихъ—нечего и думать... возьмите, Бога ради, да поправьте. Я и пошлю тогда. А послать скорѣе ахъ какъ надо: денегъ у меня своихъ ни полушки, общество

выдаетъ мнѣ мало, а на чужой счетъ жить не очень-то пріятно... Сдѣлайте-же божескую милость, истинно доброе дѣло... и на семъ и на томъ свѣтѣ не забуду вашей дружбы... Охъ, тяжко какъ!

Она застонала, и опять слезы выкатились изъ глазъ ея.

Нечего говорить, что она совсѣмъ меня растрогала и разстроила, что она меня въ конецъ побѣдила. Я сказалъ ей, что остаюсь на два, на три дня, даже на недѣлю, если ей нужно, и готовъ сейчасъ-же приступить къ чтенію ея «Голубыхъ горъ».

Нужно было видѣть, какъ она меня благодарила! Хотя очень скоро мнѣ и открылось, почему ей необходимо было задержать меня въ Эльберфельдѣ; но все-же я думаю, что ея муки одиночества среди иноземцевъ и влеченіе ко мнѣ, какъ къ своему, русскому человѣку—были въ ней искренни. Если-же она и тутъ только играла роль—то играла неподражаемо. Вѣрнѣе-же, что она была искренна и въ то-же время играла роль—въ этой женщинѣ примирялось непримиримое!

Къ вечеру ей стало лучше, такъ что даже она облеклась въ свой черный балахонъ и помѣстилась въ креслѣ. Я получилъ возможность оглядѣться и составить себѣ понятіе о новыхъ, окружавшихъ меня, лицахъ. Пока ихъ было немного—только хозяева: Гебгардъ съ женою и сыномъ и Арундэли.

Незнаю—насколько Гебгардъ-отецъ былъ искренно увлеченъ теософіей, но держался онъ за нее крѣпко, такъ какъ она ему, человѣку, несомнѣнно страдавшему честолюбіемъ, давала нѣкоторое положеніе. Богатый фабрикантъ шелковыхъ и иныхъ матерій, онъ оказывался неудовлетвореннымъ той средой, къ которой принадлежалъ по рожденію и по своей дѣятельности. Ему хотѣлось играть роль среди иного, болѣе интеллигентнаго общества.

Блаватская давала ему эту возможность съ той минуты, какъ его домъ превратился во временную «главную квартиру» теософіи. Въ своей гостиной и столовой онъ съ нескрываемой, дѣтски нескрываемой радостью видѣлъ интересныхъ иностранцевъ и иностранокъ. Когда раздавался звонокъ къ обѣду, онъ, расфранченный и съ ленточкой персидскаго ордена въ петлицѣ, предлагалъ руку фрейлинѣ А. и открывалъ шествіе въ столовую. За обѣдомъ онъ считалъ своею обязанностью занимать гостей и разсказывалъ то по-нѣмецки, то на ломаномъ французскомъ языкѣ довольно пошлые анекдоты, ничуть не сомнѣваясь въ ихъ остроуміи.

Его жена, особа приличная и скромная, поразила меня (тогда это было для меня еще вновѣ) своимъ отношеніемъ къ «madame»: она цѣловала у нея руку и исполняла при ней всѣ обязанности горничной. «Madame», больная и раздражительная, иной разъ на нее даже покрикивала. Рудольфъ Гебгардъ мнѣ

памятенъ тѣмъ, что былъ весьма искусный фокусникъ. Онъ купилъ у какого-то «профессора бѣлой и черной магіи» секреты и сдѣлалъ для насъ «темный» сеансъ, на которомъ весьма удачно и отчетливо подражалъ медіумическимъ явленіямъ.

Надъ нашими головами леталъ и звонилъ колокольчикъ, летала и звучала гитара, какія-то руки прикасались къ намъ, потомъ Рудольфа связывали и припечатывали, а черезъ минуту онъ оказывался освобожденнымъ отъ этихъ своихъ узъ и т. д.

Блаватская при этомъ разражалась насмѣшками надъ спиритами и, на мои замѣчанія, что, вѣдь, сама она была спиритской, клялась, что никогда ею не была и что это все на нее выдумали «обожатели скорлупъ», т. е. спириты.

Мистрисъ Арундэль, суховенькая старушка безъ рѣчей, ничего изъ себя не представляла, но ея дочь, миссъ Арундэль, представляла изъ себя нѣчто. Это была дѣвица неопредѣленныхъ лѣтъ, въ очкахъ и съ лицомъ, лоснившимся какъ только что вычищенный самоваръ. Она съ фанатическимъ паѳосомъ толковала о махатмахъ и ихъ чудесахъ и время отъ времени бросала явно влюбленные взгляды на Могини.

При ней былъ прелестный семи или восьмилѣтній мальчикъ, котораго она называла своимъ племянникомъ и воспитанникомъ; самъ онъ считалъ ее и называлъ матерью. Когда къ нему обращались съ вопросомъ: кто онъ?—онъ отвѣчалъ: «I am a little chela!» *). Передъ самымъ моимъ отъѣздомъ я убѣдился въ возмутительномъ фактѣ. Олкоттъ сдѣлалъ этого невиннаго ребенка буддистомъ: съ него сняли крестъ, и «старый котъ» надѣлъ ему вмѣсто креста на шею серебряный амулетъ, «освященный махатмой»—т. е. «фаллусъ».

Когда я выразилъ Еленѣ Петровнѣ мое возмущеніе по этому поводу—она сдѣлала удивленное лицо и воскликнула:

— Я не знала этого, но не могу-же я отвѣчать за эту фанатичку миссъ Арундэль! Я не имѣю права вмѣшиваться въ чужія убѣжденія!

Надъ исправленіемъ рукописи «Голубыхъ горъ» мнѣ пришлось поработать, такъ какъ «madame» дѣйствительно правильностью своего русскаго писанія, несмотря на оригинальность и живость слога, не отличалась. Эта работа помѣшала мнѣ быть свидѣтелемъ «феномена», происшедшаго въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, въ сосѣдней комнатѣ. Елена Петровна лежала на кровати, Олкоттъ сидѣлъ у ея ногъ, г-жа А. помѣщалась въ креслѣ посреди комнаты и забавлялась съ маленькимъ «буддистомъ» (его обыкновенно къ «madame» *не впускали*, и легко предполо-

*) «Я маленькій *чела*».

жить, что теперь онъ былъ призванъ для того, чтобы развлечь вниманіе г-жи А.).

Вдругъ г-жа А. вскрикнула и, когда я вошелъ въ комнату, она держала въ рукѣ письмо, «упавшее *сверху* къ ея ногамъ». Письмо оказалось отъ махатмы Моріа, и въ немъ онъ уже не называлъ ее «козявкой», а, напротивъ, весьма льстилъ ея самолюбію. Этотъ «феноменъ» *закрылъ* ее теософическому обществу.

Въ тотъ-же день пріѣхали изъ Кембриджа Ф. Майерсъ, одинъ изъ основателей и дѣятельнѣйшихъ членовъ «лондонскаго общества для психическихъ изслѣдованій» и его братъ, докторъ Майерсъ, долженствовавшій высказать свое мнѣніе о болѣзняхъ «madame». Майерсы остановились въ той-же «Victoria», гдѣ и я. Вечеромъ мы съ Ф. Майерсомъ имѣли продолжительную бесѣду, и онъ произвелъ на меня своей искренностью и серьезностью самое лучшее впечатлѣніе, подкрѣпившееся моимъ дальнѣйшимъ съ нимъ знакомствомъ. Первымъ дѣломъ онъ просилъ меня разсказать ему, какимъ образомъ я *видѣлъ* махатму Моріа и, когда я исполнилъ это, сталъ убѣждать письменно сообщить этотъ фактъ лондонскому обществу.

— Я никогда не считалъ себя въ правѣ отказываться отъ письменнаго подтвержденія того, что случилось—отвѣтилъ я ему:—и если вамъ нуженъ мой разсказъ для серьезнаго изслѣдованія, я вамъ его представлю. Для васъ этотъ фактъ дѣйствительно важенъ, но не понимаю, почему m-me Блаватская такъ ужъ за него ухватилась,—вѣдь, онъ имѣетъ всѣ видимости галлюцинаціи, вызванной обстоятельствами, или даже просто яркаго сновидѣнія. Къ тому-же я самъ такъ именно и смотрю на него, и пока не имѣю еще никакихъ достаточныхъ основаній допускать не только *дѣйствительное* общеніе махатмъ съ кѣмъ-либо изъ насъ, но и самое существованіе этихъ махатмъ для меня проблематично.

— Не знаю правы-ли вы,—сказалъ Майерсъ:—это покажутъ наши дальнѣйшія изслѣдованія. Во всякомъ случаѣ ваше сообщеніе, по правиламъ нашего общества, должно заключать въ себѣ только простое, подробное изложеніе факта, безъ всякихъ комментарій и оцѣнки съ вашей стороны.

— Я изложу просто и подробно,—сказалъ я:—но, если мнѣ нельзя при этомъ заявить, что я склоненъ считать мой случай чѣмъ угодно, только не дѣйствительностью,—я не могу дать вамъ его описанія. Это дѣло слишкомъ важно! Въ дамской гостиной можно болтать и фантазировать сколько угодно, но разъ мы стоимъ передъ серьезнымъ изслѣдованіемъ психическихъ явленій—тутъ являются ясныя обязательства и совсѣмъ

иныя требованія. Имѣйте-же въ виду, что я вовсе не свидѣтель изъ теософическаго лагеря, а такой-же изслѣдователь, какъ и вы, насколько мнѣ это позволятъ мои средства и обстоятельства. Я только смущенъ, заинтересованъ и хочу знать «настоящую» правду.

Такъ мы и порѣшили.

Въ отчетѣ «лондонскаго общества для психическихъ изслѣдованій» помѣщенъ и мой случай, причемъ я, по правиламъ «общества», хотя самъ его и не анализирую, но ужъ никакимъ образомъ не признаю «дѣйствительностью». Общество-же, при этомъ, сочло его яркимъ сновидѣніемъ и заявило, что я «считаю его неимѣющимъ ровно никакого отношенія къ чему-либо таинственному» *).

Черезъ два дня я окончилъ приведеніе въ нѣкоторый порядокъ рукописи Блаватской и уѣхалъ изъ Эльберфельда, оставивъ «madame» въ положеніи, хоть и не внушавшемъ немедленныхъ опасеній за ея жизнь, по словамъ доктора Майерса, но весьма серьезномъ. Прощаясь со мною, она была опять очень трогательна, и я сказалъ ей, что хотя мнѣ теперь нѣтъ ровно никакого дѣла до ея теософическаго общества, но лично по ней болитъ мое сердце и во всемъ благомъ я очень хотѣлъ-бы ей быть полезнымъ.

---

*) Теософы очень носились съ этимъ моимъ «видѣніемъ». Уже послѣ того какъ я, благодаря своему собственному, параллельному съ Годжсоновскимъ, разслѣдованію, разоблачилъ «madame», нѣкто Габоріо (лично мнѣ совсѣмъ неизвѣстный) издалъ въ Парижѣ переводъ книги Синнетта, подъ заглавіемъ: «Le monde occulte». Къ своему изданію онъ присоединилъ нѣкоторые весьма курьезные «документы (я еще вернусь къ нимъ), а также и мой «случай». При этомъ онъ прибавляетъ: «мы только-что узнали, что г. Соловьевъ не вѣритъ больше въ *это* оккультное вліяніе (въ дѣйствительность явленія махатмы?) А его пресловутая статья (fameux article) въ «*Nouvelle Revue?*» Какая это моя статья—неизвѣстно! По желанію моихъ парижскихъ друзей, незнакомыхъ съ русскимъ языкомъ, я написалъ и напечаталъ въ «Nouvelle Revue» *два* разсказа: «Кименисъ» и «Магнитъ», изданные потомъ и въ Россіи и вошедшіе въ Собраніе моихъ сочиненій. Эти разсказы чисто беллетристическіе и не имѣютъ ровно никакого отношенія къ теософическому обществу. Если-же одинъ изъ нихъ, «Кименисъ», Блаватская напечатала, переведя его изъ «Nouvelle Revue», въ своемъ индійскомъ журналѣ, я тутъ не причемъ. Еще недавно до меня дошелъ слухъ, будто мнѣ приписывали и приписываютъ авторство какихъ-то статей въ «Nouvelle Revue». Въ виду этого, пользуясь случаемъ, *я заявляю*, что, кромѣ двухъ названныхъ беллетристическихъ разсказовъ, *я никогда не напечаталъ въ журналѣ г-жи Адамъ ни одной строчки, не имѣлъ и не имѣю ни малѣйшаго отношенія къ редакціи «Nouvelle Revue»*. Противъ-же невѣдомо кѣмъ возбужденныхъ ложныхъ и превратныхъ слуховъ, я, конечно, какъ и противъ всякихъ анонимныхъ дѣяній, безсиленъ, пока ихъ не разъяснитъ случай.

XII.

Черезъ нѣсколько времени по возвращеніи моемъ въ Парижъ я получилъ отъ Е. П. Блаватской слѣдующее письмо:

«Дорогой В. С. «Tout est perdu — (même) l'honneur». Что-же мнѣ дѣлать? Если даже вы сознались мнѣ, что подозрѣваете, что я иногда могу замѣнить *настоящія подложными* явленіями, вы добрый и дорогой другъ, то чего-же мнѣ ожидать отъ враговъ? Вотъ Coulomb взяла свое. Сочинила какія-то будто отъ меня письма и напечатала (я ихъ еще не видала) въ миссіонерскомъ журналѣ Мадраса. И эти письма яко-бы открываютъ цѣлую систему организованную мошенничества. А я ей никогда и двухъ строкъ не писала!! *) Выходитъ, что наши махатмы составлены изъ *пузырей* и *кисеи* да масокъ. Вы видѣли ночью *пузырь* теперь знайте; Олкоттъ видѣлъ хозяина нѣсколько разъ и говорилъ два раза съ «К. Н.» носъ къ носу—оба въ видѣ пузырей и т. д. Мохини ѣдетъ къ вамъ, т. е. въ Парижъ, черезъ два дня въ четвергъ, такъ и скажите и объяснитъ дѣла. Но, какъ вы поможете мнѣ, несмотря на все ваше желаніе — не знаю. Вамъ, говорите, до общества дѣла нѣтъ, а я вотъ для общества для абстрактной идеи готова не только душу положить, но и честь. Я *подала въ отставку* и удаляюсь съ арены дѣятельности. Я уѣду въ Китай, въ Тибетъ, къ чорту, если нужно, туда, *гдѣ меня никто не найдетъ*, туда, гдѣ никто меня не увидитъ и не будетъ знать гдѣ я—умру для всѣхъ, кромѣ двухъ-трёхъ преданныхъ друзей, какъ вы, и желаю, чтобы такъ и думали, что я умерла, а потомъ года черезъ два, если смерть оставитъ меня, съ обновившимися силами опять явлюсь. Это рѣшено и подписано самимъ «генераломъ» **).

«Можете прежде всего объявить всѣмъ и каждому въ Парижѣ, что такъ какъ, не взирая на всѣ мои усилія, на то, что я положила за общество жизнь и здоровье и всю будущность, меня подозрѣваютъ не только враги, но даже и свои теософы,—то я и отрѣзаю зараженный кусокъ отъ здороваго тѣла; то-есть себя отъ общества. Всѣ ухватились за идею съ такой радостью и Олкоттъ и m-me Гебгардъ и другіе, что я не нашла даже сожалѣній. Предоставляю мораль-нравоученіе—вамъ. Конечно, я не удалюсь въ «пустыню», пока Олкоттъ (который уѣзжаетъ въ

*) Не только изъ отчета Годжсона, но изъ ея собственноручнаго письма ко мнѣ отъ 3 янв. 1885 г., приводимаго мною дальше, ясно видно, что были письма ея къ г-жѣ Куломбъ, которыхъ она не отрицала.

**) Я, смѣясь, какъ-то сказалъ ей, что махатму Моріа слѣдуетъ называть не «хозяиномъ», а «генераломъ»—«полковникъ Олкоттъ», «генералъ Моріа» и т. д.

Индію съ первымъ пароходомъ) не поправитъ дѣлъ въ Адьярѣ, не объявитъ и не докажетъ заговора—Куломбшѣ дали 10,000 руп., теперь доказано, чтобы погубить общество—а какъ только все это успокоится, то и удалюсь—куда еще неизвѣстно, все равно, впрочемъ, лишь-бы туда, гдѣ-бы никто не зналъ. Письма къ Каткову могу отправить черезъ васъ. Олкоттъ будетъ, конечно, знать, гдѣ я, а другіе пусть думаютъ, что хотятъ. Чѣмъ безумнѣе выдумки, тѣмъ лучше. Вотъ *въ этомъ можете мнѣ помочь дѣйствительно.* Вамъ довѣрюсь вполнѣ и могу и *буду* управлять обществомъ издали лучше, чѣмъ на виду.

«Вотъ, родной мой другъ, все. Остальное скажу съ глаза на глазъ, потому что хочу тихонько отъ всѣхъ пріѣхать къ вамъ на нѣсколько дней, если захотите. Отвѣчайте скорѣе и не отговаривайте, потому что это единственное спасеніе и мнѣ и обществу. Эффектъ моей публично заявленной мною отставки будетъ *громадный.* Увидите. А вы поспѣшите объяснить это въ Питерѣ—хоть въ «*Ребусѣ*» тѣмъ, что общество наше устроено не для произведенія феноменовъ, а ихъ изученія; не для боготворенія махатмъ, а для всемірнаго дѣла и чтобы доказать, что вѣра въ сверхъестественность есть *суевѣріе*, *глупость*, а вѣра, т. е. наука (!!), знаніе силъ природы, неизвѣстныхъ нашимъ ученымъ, есть обязанность каждаго интеллигентнаго человѣка и что такъ какъ половина теософовъ и всѣ спириты считаютъ меня, кто сильнымъ медіумомъ, а кто и шарлатанкой, то мнѣ все это надоѣло, и я, любя общество больше души своей, добровольно отстраняюсь отъ него на время ради избѣжанія соблазна. Ради Бога, сдѣлайте это тотчасъ-же, а не то поздно будетъ. Вамъ Мохини разскажетъ всю *конспирацію* въ Мадрасѣ противъ Адьяра и общества. Ошельмуйте вы этихъ подлыхъ кальвинистовъ-миссіонеровъ—будьте другомъ. А пока отвѣчайте. Я хочу уѣхать въ Лондонъ къ концу этой недѣли. Да сослужите службу. Узнайте въ Rue Byron 11 *bis*—не живетъ-ли тамъ артистка *chromophotographiste* Madame Tcheng, а если уѣхала, то куда. Но она васъ не должна ни видѣть, ни знать. Ахъ, кабы васъ увидать, да переговорить, да устроить, да совѣтъ отъ васъ получить! Ну, война, не на животъ, *а на смерть.*

«На тя махатмы уповаемъ, да не постыдимся во вѣки!!

«Ваша по гробъ Е. Блаватская».

Рядомъ съ этимъ, въ концѣ письма, очевидно для того, чтобы совершенно *получить* меня,—оказалось *курьезнѣйшее дополненіе:* «астральная» приписка матахмы Кутъ-Хуми его обычнымъ синимъ карандашемъ, подлинность которой можетъ быть засвидѣтельствована какимъ угодно экспертомъ.

Вотъ что, потревожившись изъ своего тибетскаго уединенія, удостоилъ мнѣ написать по-французски мудрѣйшій махатма: «Et les «mahatmas» ne l'abandonneront pas — mais, la situation est furieusement *sérieuse*. O. est bête, mais il n'y en a pas d'autre. K. H.» *).

Мудрый махатма, откровенно признавшійся мнѣ въ глупости Олкотта, испортилъ все дѣло. Не знаю, какое-бы впечатлѣніе произвело на меня это письмо «madame», въ смыслѣ ея искренности, но «астральная» приписка Кутъ-Хуми, въ которой я, и не будучи экспертомъ, не могъ не признать «слога» и даже хоть и видоизмѣненнаго, но несомнѣннаго почерка Блаватской,—сразу укрѣпила почву у меня подъ ногами. Я ужъ не сомнѣвался въ томъ, что тутъ дѣло совсѣмъ не чисто. Конечно, я не исполнилъ ни того, ни другого порученія «madame»: я не заявлялъ, ни тогда, ни впослѣдствіи, *ровно ничего*, и ни въ какихъ газетахъ и журналахъ, о теософическомъ обществѣ или о Блаватской, и не сталъ искать какую-то «chromophotographiste», которая не должна была «ни видѣть, ни знать меня»,—все это было-бы, по меньшей мѣрѣ, нелѣпымъ.

Я такъ возмутился «астральной припиской Кутъ-Хуми», что, въ первую минуту, хотѣлъ было прямо обратиться къ Блаватской съ просьбой забыть о моемъ существованіи. Но мнѣ пришлось-бы раскаяться, если-бы я послѣдовалъ этому первому движенію: въ тотъ-же день, у m-me де-Морсье, я встрѣтился съ самыми «убѣжденными» и честными французскими теософами и, несмотря на всю очевидность обмана, они признали приписку «подлиннымъ дѣломъ руки не «madame», а Кутъ-Хуми. Это полное «ослѣпленіе» людей, совершенно разумныхъ во всемъ, за исключеніемъ вопроса о непогрѣшимости «madame», заставило меня окончательно укрѣпиться въ моемъ первоначальномъ планѣ. Во что-бы то ни стало я соберу доказательства всѣхъ этихъ обмановъ, достаточныя не только для меня, но и для всѣхъ одураченныхъ слѣпцовъ. Я не стану больше поддаваться невольной симпатіи и жалости, которыя, несмотря на все, влекутъ меня къ «Еленѣ Петровнѣ». Я буду имѣть дѣло, прежде всего, съ «Блаватской», воровкой душъ, стремящейся уворовать и мою душу. Она, подъ личиной дружбы и преданности, надуваетъ меня, желаетъ опутать и эксплоатировать,— это развязываетъ мнѣ руки. Пусть она считаетъ меня «другомъ», то-есть слѣпцомъ, вполнѣ одураченнымъ ею, ибо, если у нея хоть только мелькнетъ въ головѣ подозрѣніе относительно моей цѣли—я, конечно, ровно ничего

*) И «махатмы» ее не покинутъ,— но положеніе яростно *серьезно*. О. (означаетъ Олкоттъ) глупъ, но другого никого нѣтъ. К. Х.

не достигну. Во всякомъ случаѣ, что-бы ни произошло, я ее пожалѣю больше, чѣмъ она меня жалѣетъ, я всячески постараюсь, чтобы она вняла совѣтамъ благоразумія, чтобы скандалъ вышелъ меньше—ради этого я готовъ дать ей самые добрые совѣты, потому что она русская. Но, если она будетъ упорствовать—я ее изобличу передъ всѣми, хоть она и моя соотечественница. Теперь, прежде всего, намъ надо увидѣться; я не могу ѣхать въ Лондонъ, пусть-же она пріѣдетъ въ Парижъ, благо сама этого желаетъ.

И я написалъ ей, прося ее непремѣнно пріѣхать прямо изъ Эльберфельда. Дня черезъ два m-me де-Морсье сообщила мнѣ, что получила письмо отъ «madame», въ которомъ она проситъ ее встрѣтить пріѣзжающаго съ такимъ-то поѣздомъ Могини.

— Встрѣтить его необходимо,—объяснила m-me де-Морсье:—вѣдь, онъ ѣдетъ одинъ и, плохо зная французскій языкъ, совсѣмъ растеряется. Не можетъ-ли онъ у васъ остановиться? Madame не рѣшилась прямо спросить объ этомъ васъ, не зная, найдете-ли вы удобнымъ, и поручила это мнѣ.

— У меня есть лишняя, совсѣмъ отдѣльная комната,—отвѣтилъ я: — и онъ нисколько не стѣснитъ меня даже и своимъ вегетаріанствомъ. Конечно, его бронзовое лицо и странный костюмъ возбудятъ толки у насъ въ impasse'ѣ; но мнѣ это все равно.

Мы вмѣстѣ поѣхали на желѣзнодорожную станцію и встрѣтили молодого брамина. Онъ передалъ мнѣ письмо «madame».

Она писала: «Дорогой В. С. Старалась сдѣлать по-вашему—невозможно. Ѣхать въ Парижъ одной, когда я насилу хожу, безуміе. Ѣду въ понедѣльникъ въ Лондонъ. Останусь (п. ч. необходимо) въ Лондонѣ недѣли двѣ, а затѣмъ ѣду къ вамъ въ Парижъ, хотите на недѣлю, хотите на двѣ. *Никто не долженъ знать*, гдѣ я, кромѣ Геббарта, который вполнѣ преданъ мнѣ и дѣлу. Я вышла въ отставку и теперь идетъ страшнѣйшая кутерьма. «Генералъ» приказалъ эту стратегію, а онъ знаетъ. Я, конечно, осталась *членомъ*, но простымъ членомъ и *исчезаю* на годъ или два съ поля битвы. Это письмо вамъ передастъ Могини. Онъ останется въ Парижѣ до вторника. Геббартъ пріѣдетъ за мною, когда я хочу, и повезетъ *куда* захочу. Но куда мнѣ ѣхать такъ, чтобы никто, кромѣ нѣсколькихъ преданныхъ друзей, не зналъ, гдѣ я—я рѣшительно не знаю.

«Поймите, мой дорогой В. С., мнѣ *необходимо для моего плана* исчезнуть безъ слѣда, на нѣкоторое время. Тогда будетъ реакція и въ мою пользу. Я хотѣла ѣхать въ Китай, если махатма позволитъ, да денегъ нѣту. Если узнаютъ, гдѣ я, то все пропало. Вотъ помогите совѣтомъ. Хозяинъ велѣлъ такъ и такъ въ общемъ планѣ, а мнѣ предоставилъ дэтали и комбинаціи—какъ и всегда,

на мой страхъ и голову. Провалюсь—тѣмъ хуже для меня. Ну, а вотъ въ Россіи, вы можете помочь. Сказать, что вслѣдствіе *конспираціи*, о которыхъ вамъ Могини разскажетъ и здоровья, я была вынуждена оставить на годъ или полтора дѣятельную работу. Что и правда: силъ моихъ нѣту. А теперь я кончу II часть *Дебрей* и будетъ лучше. Но программа моя, если вы одобрите, такая: пусть люди слышатъ о насъ какъ можно болѣе таинственнаго, но и *неопредѣленнаго*. Пусть теперь мы, теософы, будемъ окружены такой таинственностью, что самъ чортъ ничего черезъ очки даже не увидитъ. А для этого намъ нужно писать, писать и писать. Ну, до свиданья. Могини все разскажетъ. Ваша на вѣкъ Е. Блаватская».

Могини разсказалъ очень мало, и изъ его словъ нельзя было разобрать, что-же именно происходитъ. Ясно было одно: теософы, во главѣ съ «madame», всполошились не на шутку — недаромъ махатма Кутъ-Хумъ писалъ мнѣ, что «la situation est *furieusement* sérieuse». Могини пробылъ три дня, прочелъ три лекціи парижскимъ теософамъ и уѣхалъ въ Лондонъ давать свои показанія «обществу для психическихъ изслѣдованій».

По его отъѣздѣ я получилъ отъ Блаватской слѣдующее письмо, уже изъ Англіи:

«9, Victoria Rood. Kensington.

«Дорогой В. С. Вотъ мой новый адресъ — на двѣ недѣли, не болѣе. Меня усылаютъ въ Египетъ а затѣмъ на Цейлонъ поближе домой, но не домой. Будетъ какъ хозяинъ велѣлъ—не возвращаться въ Мадрасъ пока Олкоттъ не устроитъ, а оставаться въ Европѣ тоже невозможно. Думали, думали, не придумали. Нѣтъ у насъ денегъ разъѣзжать и жить каждый врознь. Теперь со мною ѣдутъ до Цейлона теософы (M-r и M-rs Cooper Oakley, отправляющіеся въ Мадрасъ) а одной мнѣ ѣхать безъ никого немыслимо.

«Ревматизмъ снова гуляетъ по плечу и немного повсюду. Хватитъ еще какъ въ Ельберфельдѣ—тогда прощайте — на сердце бросится.

«Ну какъ-же мы съ вами увидимся? Мнѣ невозможно ѣхать въ Парижъ когда я насилу хожу! Господи, какъ-бы я желала съ вами повидаться еще разъ. Неужели-же вамъ нельзя пріѣхать хоть дня на два? Я знаю что намъ должно повидаться; но что-же я буду дѣлать когда судьба не дозволяетъ? Будь я немного здоровѣе, я-бы пріѣхала. Я ужасно сожалѣю теперь что проѣхала не на Парижъ. Но я была не одна, а бросить M-rs Holloway было не возможно, когда она пріѣхала со мною въ Эльберфельдъ и *только для меня*. Напишите, посовѣтуйте, родимый. Это ужасно если я васъ не увижу до отъѣзда! Въ Индіи идетъ

страшная сумятица. Война съ миссіонерами не на животъ, а на смерть. *Или они или мы.* 220 студентовъ du *Collége chrétien* все индусы отказались слушать курсы и оставили Коллегію послѣ этого пакостнаго заговора миссіонеровъ и напечатанныхъ ими *якобы моихъ* писемъ и записочекъ къ Куломбамъ, и перешли гуртомъ къ намъ.

«Que c'est un faux, est tout a fait evident. Писать такія глупости какія тамъ написаны можетъ только особа совершенно незнакомая съ Индіей—какъ эта Coulomb, напр.: *я* пишу о приготовляемыхъ мною фокусахъ для бенефиса «махараджи *Лахорскаго*» когда такого созданія и нѣтъ въ Индіи какъ *Лахорскій* махараджа или раджа!! *) и т. д. и т. д. Подлогъ уже открытъ въ двухъ или трехъ письмахъ, но скандалъ ужасный. Можете себѣ представить какъ *они боятся* и ненавидятъ меня, когда за недѣлю до появленія въ печати этихъ подложныхъ писемъ, въ Калькуттѣ въ день выборовъ муниципалитета появились на всѣхъ углахъ улицъ—*буквально тысячами*—наклеенныя афиши со словами «Паденіе m-me Блаватской!!» Ну, штука и должно быть я въ самомъ дѣлѣ опасный для нихъ человѣкъ. Это все шотландскіе кальвинисты миссіонеры, самая подлая, низкая секта, настоящіе іезуиты *minus* ума и хитрости послѣднихъ. Но я еще не упала и докажу имъ это дастъ Богъ. Это «паденіе» будетъ еще торжествомъ коли не помру.

«Отвѣчайте милый человѣкъ. Скажите кончили-ли *Изиду* французскую II часть? Пришлите коли она вамъ не нужна. Новикова очень желаетъ познакомиться съ вами. Ахъ кабы вы пріѣхали! Ваша до гроба Е. Блаватская».

Прошло нѣсколько времени. Отъ Блаватской ни слова. Наконецъ я написалъ ей, спрашивая что съ нею.

Получилъ въ отвѣтъ:

«Дорогой В. С. Ради Бога не обвиняйте меня въ равнодушіи! Противъ меня мерзѣйшій заговоръ и если мы не захватимъ вовремя то вся моя десятилѣтняя работа пропала. Потомъ разскажу или Олкоттъ. Олкоттъ ѣдетъ въ Адьяръ изъ Марселя 20-го. Онъ оставляетъ Лондонъ въ среду, завтра вечеромъ и будетъ въ Парижѣ 14-го утромъ. Онъ остановится въ гостиницѣ, а вы узнаете отъ de Morsier гдѣ. Ради Бога пріѣзжайте если можете. Я взяла вмѣстѣ съ преданными теософами которые ѣдутъ со мною въ

---

*) Оказалось, при разслѣдованіи Годжсона, что Е. П. Блав. въ своихъ письмахъ къ Coulomb обозначала нѣкоторыхъ лицъ данными имъ ею и извѣстными ея корреспондентамъ *прозвищами*. Такъ нѣкій Падша назывался *Королемъ*. Обозначать людей, и въ разговорѣ и въ письмахъ, именно *прозвищами* было совершенно въ обычаяхъ Блаватской.

Адьяръ маленькій домъ здѣсь гдѣ я останусь на двѣ — самое большее три недѣли, потомъ ѣду въ Египетъ гдѣ остановлюсь на нѣсколько дней. Въ письмѣ невозможно всего сказать. Напишите хоть нѣсколько словъ. Когда-бы вы знали въ какомъ я ужасномъ положеніи то вы-бы не смотрѣли пишу я вамъ или нѣтъ. Господи кабы васъ увидѣть! Пожалуйста пишите. Олкоттъ объяснитъ вамъ все.

«Вамъ преданная на вѣкъ Е. Блаватская».

Олкоттъ пріѣхалъ и тоже не сообщилъ ничего новаго, что не было-бы мнѣ уже извѣстно изъ писемъ Елены Петровны. Глядя на президента «теософическаго общества» я, конечно, никакъ не могъ не вспоминать аттестаціи, данной ему махатмой Кутъ-Хуми.

Однако слѣдуетъ замѣтить, что несмотря на всю некрасивость положенія, подковникъ имѣлъ по истинѣ полковничій видъ и храбро повторялъ:

О, это пустяки—я поѣду и все устрою!

Черезъ несколько дней я написалъ Блаватской, еще разъ, прося ее пріѣхать въ Парижъ. Она мнѣ отвѣтила. «Поздно, дорогой В. С.—телеграмма за телеграммой зовутъ *домой* *). Тамъ такая кутерьма, что свѣта божьяго не видать. Одинъ изъ нашихъ теософовъ въ Адьярѣ—Гартманъ, приколотилъ до полусмерти миссіонера за пасквиль на общество и меня. Теперь битва начинается, не на животъ, а на смерть. Положу свои старыя косточки за правое дѣло, не поминайте лихомъ, дорогой другъ. Не бойтесь «хозяинъ» заступится. Я ѣду съ M-r и M-s Cooper Oakley—друзья M-me de Morsier. Они и домъ продали—ѣдутъ со мною или вмѣстѣ побѣдить врага или умереть. «На тя Парабрама уповахомъ, да не постыдимся во-вѣки». Вотъ такъ *devotion!* Вѣдь, всю карьеру погубили... Я останусь всего недѣли двѣ не болѣе въ Египтѣ, а затѣмъ домой. Мы отправляемся изъ Ливерпуля 1-го ноября въ стимерѣ Clan Mac Carthy и остановимся въ Александріи. Буду писать вамъ оттуда и все разскажу. Прощайте надолго. На вѣки преданная

Е. Блаватская».

Она уѣхала, а я остался, не выполнивъ своего плана и думая, что ужъ врядъ-ли придется къ нему вернуться. Могъ-ли я предполагать, что не навсегда простился съ нею, что мнѣ придется ее увидѣть черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и вполнѣ достиг-

*) Она уже очевидно забыла, что такъ недавно писала мнѣ совсѣмъ другое о рѣшеніяхъ и приказаніяхъ «хозяина».

нуть своей цѣли? Мнѣ думалось, что ее *домой* привезутъ не живой, а мертвой.

Прошло мѣсяца три — и вдругъ я получилъ изъ Мадраса огромный пакетъ. Въ немъ фотографическія группы какихъ-то ужасныхъ индусскихъ физіономій, виды Адіара, портретъ самой «madame», не мертвой, а живой, и слѣдующее письмо:

«Адьяръ-Мадрасъ, 3 января 1885 г.

«Дорогой, милый В. С., измучилась я, перемучилась а все живу какъ старая кошка у которой девять жизней! Ну заговоръ, милый вы мой человѣкъ,—по всѣмъ правиламъ іезуитскаго искусства. Ну скажите теперь, что меня «хозяинъ» не бережетъ явно и ощутительно! Да, другую-бы на моемъ мѣстѣ самъ Богъ и 100 чертей не спасли-бы будь я невинна какъ младенецъ въ купели а я чуть появилась—торжествую! Вообразите только, печатаютъ письма подъ моимъ именемъ, штукъ сорокъ записокъ и писемъ глупѣйшихъ и безсмысленныхъ по содержанію вообще, но многія въ моемъ стилѣ и всѣ относящіяся къ феноменамъ которые дѣйствительно случались. Всѣ онѣ (письма) якобы поучаютъ какъ лучше надуть такого-то или другого сановника; все это по имени и титуламъ—и съ привычными ухмыленьями надъ якобы «дураками». Все это печатается миссіонерами, которые какъ теперь доказано *купили ихъ* у этихъ *изгнанныхъ* изъ общества за воровство и ябеду подлецовъ за 3,000 рупій, съ комментаріями и объясненіями. Еще до появленія ихъ въ печати разсылаются по Индіи до 50,000 печатныхъ объявленій «паденіе m-me Блаватской. Разоблаченіе *ея фокусовъ* и безстыднаго надувательства. Паденіе махатмы Кутхуми». Великій адептъ есть кукла изъ пузырей и кисеи!!!—огромными буквами и расклеиваютъ на всѣхъ углахъ Калькуты, Бомбея, Мадраса и проч. Въ продолженіе 4 мѣсяцевъ газеты которыя даже не ожидаютъ и не даютъ мнѣ времени отвѣтить изъ Парижа—писала-ли я когда такія письма, прямо объявляютъ меня *виновной* и разсуждаютъ en conséquence, ругаясь площадными словами. Затѣмъ Американскіе и Лондонскіе журналы занимаютъ роль греческаго хора и—пошла писать! Сотни теософовъ компрометированы и служатъ посмѣшищемъ. Ни одинъ не колеблется и всѣ стоятъ за меня горой. Они доказываютъ что письма подложныя, что Куломбы подлецы и воры и поэтому могли съ миссіонерами поддѣлать мою руку (что теперь и доказано) имъ отвѣчаютъ что они дураки; что феноменовъ не существуетъ, не можетъ никогда существовать на свѣтѣ—*ergo* объясненіе ихъ фокусами самое естественное особенно такъ какъ преступница Блаватская, извѣстная русская *шпіонка* (ужъ и извѣстная? дурачье!). Газеты погребаютъ меня заранѣе; разсуждаютъ

такъ, какъ-бы мнѣ *и не возможно* было вернуться когда-либо въ Индію; наконецъ узнавъ что не взирая на это я все-таки возвращаюсь онѣ начинаютъ кричать que «c'est le courage du desespoir». Вотъ какъ. Ну-съ ѣду я въ Каиро. Тамъ узнаю черезъ консуловъ (Хитрово очень помогъ и письмо къ Нубаръ пашѣ) что Куломбы злостные банкроты, удрали тихонько ночью и нѣсколько разъ сидѣли въ тюрьмѣ за клевету. Она—извѣстная шарлатанка и *колдунья* отыскиваетъ за деньги зарытые клады, и была поймана съ поличнымъ такихъ кладовъ т. е. со старыми монетами которыя зарывала заранѣе и проч. и проч. Французскій консулъ даетъ мнѣ оффиціальное позволеніе ихъ повѣсить (!!) и вручаетъ довѣренность получить съ нихъ 22,000 фран. Графиня della Sala, veuve Beketoff nee princesse Vera Gagarine дѣлается теософкой, принцесса Гуссейнъ паша, жена брата Кедива—тоже. Масперо, le derecteur du musee de Boulak, le grand Egyptologiste (!) *idem*. Уѣзжаю изъ Суеза домой послѣ 2-хъ недѣльнаго пребыванія въ Каиро. Fin de l'acfe *premier*. Занавѣсъ падаетъ. И дѣйствіе. Я плыву въ сопровожденіи M-r et M-rs Cooper Oakely (ami de m-me de Morsier) и Reverend Seadbeater'a (за недѣлю до нашего отъѣзда изъ Лондона священника *un curé*, а теперь *Буддиста*—) и плывемъ мы въ обществѣ 8 гнуснѣйшихъ миссіонеровъ съ коими изъ за меня чуть не драка каждый день. Сіи 4 самца и 4 самки американскіе гнуснѣйшіе методисты, уже прочли пасквили своихъ чортовыхъ братій шотландскихъ кальвинистовъ и—хихикаютъ. Я смотрю на нихъ какъ смотритъ слонъ на шавку и—успокоиваюсь собственнымъ безпокойствомъ. Они къ моему протестантскому попу, а онъ отъ нихъ ко мнѣ, и за меня. Въ Цейлонѣ я совершаю надъ ними публичное мщеніе. Призываю первосвященника буддистовъ и представивъ ему англичанина попа-теософа объявляю во всеуслышаніе, что онъ (Seadbeatr), желаетъ перейти въ Буддизмъ. Онъ краснѣетъ, но не очень смущается, ибо серьозно готовился къ сему и вечеромъ, на берегу въ храмѣ Будды происходитъ торжественная церемонія. Попъ теософъ произноситъ *пансиль* (les 5 preceptes); ему рѣжутъ хвостикъ волосъ съ головы; онъ дѣлается буддистомъ и *служкою* и — я отомщена! Въ Цейлонѣ насъ встрѣтилъ Олкоттъ, Hartmann и много теософовъ—насъ поѣхала въ Мадрасъ цѣлая компанія. За день до нашего прибытія (съ нами былъ и Геббартъ le jeune, помните, Rudolphe?) въ Мадрасѣ вышло новое свинство. Подъ именемъ Куломбъ миссіонеры написали брошюру въ которой къ первымъ прибавили нѣсколько новыхъ клеветъ, напр., что въ 1872 году (когда я была въ Одессѣ) въ Каиро я давала *сеансы*, производила явленія фокусами, *брала за это деньги* и была поймана и обесчещена!! Къ счастью я просила Хитрово въ Каиро

достать у Вице Консула, который зналъ меня въ 1871 году въ Египтѣ, приходилъ ежедневно и считался моимъ другомъ—родъ свидѣтельства или аттестата въ приличномъ поведеніи. Предчувствуя что m-me Coulomb которую я знала тогда въ Египтѣ навретъ на меня, я сдѣлала консулу всѣ вопросы, могущіе возникнуть съ ея стороны въ такомъ дѣлѣ и получила засвидѣтельствованный печатью консульства отвѣтъ на всѣ пункты: зналъ де меня консулъ, видѣлъ ежедневно и накакихъ художествъ съ моей стороны тогда не замѣчалъ, какъ ничего и не слыхалъ. Вотъ пріѣзжаемъ и миссіонеры устроились на берегу наслаждаться моимъ позоромъ. Но не успѣли бросить якорь, какъ цѣлая толпа нахлынула нашихъ теософовъ на палубу. Простирались, лобызали ноги и наконецъ утащили насъ на берегъ. Тамъ, тьма тьмущая народа—телѣгъ 30 съ музыкой, флагами золочеными каретами и гирляндами цвѣтовъ. Не успѣла я появиться на набережной какъ подняли меня на ура! Я чуть не оглохла отъ неистовыхъ криковъ торжества и радости. Насъ везли на лошади, а теософы, въ колесницѣ, передъ которой шли пятясь музыканты. Брамины благословляли и всѣ привѣтствовали и ликовали. Послѣ часового шествія, во время котораго исчезли всѣ миссіонеры словно въ адъ провалились—насъ повезли въ ратушу, гдѣ мы нашли 5,000 публики, довершившей мою глухоту. Господи, если-бы вы только тамъ были—вотъ бы возгордились соотечественницей. Вообразите что 307 чел. студентовъ изъ *той самой* коллегіи «College Christian» миссіонеры профессоры которой затѣяли весь этотъ заговоръ—подписались подъ адресомъ, который они мнѣ публично поднесли и громко прочитали при громовыхъ апплодисментахъ публики *(индусской,* конечно). Въ этомъ адресѣ, коей и посылаю вамъ въ знакъ памяти и прошу m-me de Morsier перевесть они говорятъ то, что увидите и ругаютъ своихъ-же принципаловъ. Главное то, что ни одинъ изъ нихъ *не* теософъ, а просто индусы. Затѣмъ я должна была встать и произнесть *спичъ*. Вообразите мое положеніе! За мной говорилъ Олкоттъ, M-rs Oakely и Seadbeater. Затѣмъ насъ увезли домой гдѣ я провела первую ночь въ лихорадкѣ и бреду. Но теперь было не до болѣзни 25-го (мы пріѣхали 23 декабря) начинался *anniversaire* и нѣсколько сотъ человѣкъ уже съѣхалось. Я требовала чтобы меня пустили въ судъ съ жалобой на миссіонеровъ и Куломбовъ—меня не пускаютъ! Наконецъ депутація отъ нашихъ делегатовъ, просятъ такъ какъ это ссора индусская *національная* скорѣе нежели интернаціональная—и я, Е. П. Блаватская, только прозрачный предлогъ выбранный для сокрушенія общества (Теос.), ничего не начинать безъ согласія Комитета Главнаго Совѣта. Говорятъ что враги только того и ищутъ и

желаютъ чтобы заманить меня въ судъ, такъ какъ всѣ трое судей англ. въ пользу миссіонеровъ; что вся диффамація основана на феноменахъ и махатмахъ въ которые и въ силу которыхъ ни законъ ни публика вообще не вѣрятъ; что меня словомъ стараются заманить въ судъ, поймать на словахъ разсердивъ и приговорить къ тюрьмѣ—т. е. убить общество *убивъ меня* нравственно. Это выходитъ еще почище Смирновской клеветы! Ну я и отдала себя въ ихъ (комитета) распоряженіе и руки. Они сидѣли три дня и три ночи надъ письмами и документами, призвали болѣе 300 свидѣтелей, между ними шесть Европейцевъ а остальные les natifs. Вынесли мнѣ полный оправдательный приговоръ и много писемъ было доказано поддѣлкой подъ мою руку *). Одинъ раджа теософъ предлагаетъ мнѣ письменно 10,000 руп., другой 30,000 третій двѣ деревни на судебныя издержки если я подамъ на нихъ жалобу, а комитетъ не допускаетъ «вы де *собственность* общества. Заговоръ не противъ васъ, а противъ теософіи вообще. Сидите смирно, будемъ васъ защищать мы» **). Даже публика наконецъ поняла что это фокусъ миссіонеровъ. Нѣсколько писемъ появилось въ газетахъ, совѣтуя мнѣ быть осторожной и не попадаться на удочку. Господи, что за положеніе! Вотъ *Психическое* Лондон. Общество (вашъ другъ Myers) прислало члена дѣлать дознаніе. Онъ находитъ тоже что это огромный заговоръ (!). Я сижу пока и жду погоды у моря. Торжество anniversaire годовщины было огромное. Когда брошюры будутъ готовы всѣ пришлю. Пока посылаю группы делегатовъ и группу домашнихъ—все члены Махатмы. Когда-то дорогой другъ вы писали и говорили, что вамъ дорога моя честь и репутація. Заступитесь-же хоть въ *Ребусѣ* ради всего святого. Вѣдь, въ Россіи повѣрятъ и это будетъ срамъ. Вы одинъ другъ и заступникъ, ради Бога, ангелъ вы мой заступитесь. Напишите въ *Ребусѣ* правду; чтобы не вѣрили газетнымъ толкамъ. Да еще штука. Мучили вы меня все скорѣе послать Каткову мои «Го-

---

*) Зачѣмъ она выдумываетъ, что *письма* были въ рукахъ теософическаго комитета,—рѣшительно непонятно! Вообще ловить ее во лжи было всегда очень легко, такъ какъ она постоянно забывала свои собственныя слова, увѣренія и показанія. Относительно оправдательнаго приговора, вынесеннаго ей ея сообщниками, она, конечно, могла быть спокойна.

**) Хоть эта *мнимая* борьба была и очень наивна, но, вѣдь, ничего другого нельзя было выдумать! Когда, уже въ Европѣ, Блаватской предлагали защититься на судѣ отъ громогласныхъ обвиненій Лондонскаго Психическаго Общества, доказавшаго и объявившаго печатно, что она—*величайшая обманщица*,—она, забывъ объ этихъ 40.000 рупій и «двухъ деревняхъ», *печатно заявила*, что у нея нѣтъ денегъ на веденіе процесса. А меня передъ тѣмъ увѣряла, что ея другъ Гебгардъ беретъ всѣ расходы на себя.

лубыя горы». Ну, послала изъ Эльберфельда застрахованнымъ пакетомъ въ концѣ сентября или началѣ октября и до сихъ поръ ни гугу отъ него. Не знаю даже получилъ-ли онъ даже рукопись не только намѣренъ ли печатать. Пишетъ письма, подгоняетъ послать 2-ю часть *Дебрей*, а про «Голубыя горы» ни слова. Напишите, узнайте Бога ради въ редакціи будетъ ли напечатано или же пропадетъ? Бѣда отовсюду. Будьте здоровы и счастливы, если возможно. Отвѣчайте скорѣе, не то подумаю, что и вы сдѣлались врагомъ. Поклонъ m-me de Morsier и всѣмъ другимъ. Ваша по гробъ вѣка.

«Е. Блаватская.

«Эхъ увидать-бы васъ еще разъ въ жизни!».

Читатели сами оцѣнятъ значеніе этихъ удивительныхъ писемъ, и въ особенности послѣдняго изъ нихъ, для характеристики женщины, произведшей такой шумъ, а также и для характеристики ея «дѣла», не только не умершаго съ нею, но и постоянно развивающагося. Особенно-же письма эти интересны для сличенія ихъ съ дѣйствительными обстоятельствами и фактами, выясненными разслѣдованіемъ Годжсона, опубликованнымъ, черезъ годъ послѣ того, «Лондонскимъ Обществомъ для психическихъ изслѣдованій».

Этотъ «Отчетъ» Лондонскаго Общества, на который уже не разъ были ссылки въ нашей печати, до сихъ поръ совершенно неизвѣстенъ русскимъ читателямъ и пора ихъ съ нимъ познакомить.

«Извлеченія изъ подлиннаго отчета комиссіи, назначенной для изслѣдованія феноменовъ теософическаго общества».

1. Объясненіе и заключеніе комиссіи.

Въ маѣ 1884 года совѣтъ общества для психическихъ изслѣдованій назначилъ комиссію, цѣлью которой было поставлено собраніе свѣдѣній о феноменахъ теософическаго общества,—какъ среди членовъ этого общества въ Англіи, такъ и всюду, гдѣ только это возможно.

Комиссія состояла изъ слѣдующихъ членовъ, имѣвшихъ право выбирать себѣ новыхъ товарищей: Е. Гернея, Ф. В. Майерса, Ф. Подмора, Г. Сиджвика и Ж. Г. Стэка. Впослѣдствіи они сами избрали еще двоихъ: мистера Р. Годжсона и мистрисъ Г. Сиджвикъ.

Мы дадимъ здѣсь краткій очеркъ развитія теософическаго общества, для лицъ, не слѣдившихъ за его успѣхами.

Теософическое общество было основано въ Нью-Іоркѣ въ 1875 г. полковникомъ Олкоттомъ и г-жею Блаватской, по видимости для нѣкоторыхъ филантропическихъ и ученыхъ цѣлей. Въ 1878 году его главная квартира была переведена въ Индію, гдѣ общество имѣло большой успѣхъ среди индусовъ и другихъ образованныхъ туземцевъ.

«The Occult World», (Тайный міръ) сочиненіе м-ра Синнетта, издававшаго въ то время журналъ «Pioneer», познакомилъ съ обществомъ англійскихъ читателей; за этой книгой, въ которой много говорится о феноменахъ, послѣдовалъ «Esoteric Buddhism» того-же автора, гдѣ были развиты нѣкоторыя ученія оккультизма или такъ наз. «Wisdomreligion» (религія разума). Впрочемъ, заниматься изслѣдованіями этихъ доктринъ не входило въ цѣли комиссіи.

Въ 1884 комиссія имѣла возможность наблюдать за полковникомъ Олкоттомъ и г-жей Блаватской, которые, лѣтомъ этого года, провели въ Англіи нѣкоторое время, а также и за м-мъ Могини М. Чатерджи, сопровождавшимъ ихъ браминомъ, получившимъ ученую степень въ Калькутскомъ университетѣ. Кромѣ того м-ръ Синнеттъ сдѣлалъ комиссіи сообщенія, а передъ тѣмъ члены комиссіи получили устныя и письменныя показанія отъ многихъ другихъ членовъ теософическаго общества изъ Англіи, Индіи и др. странъ, несчитая разсказовъ объ феноменахъ, помѣщенныхъ въ «The Occult World», «Hints on Esoteric Theosophy», «The Theosophist» и т. п.

По этимъ свидѣтельствамъ въ Тибетѣ существуетъ братство, члены котораго пріобрѣли сверхестественное могущество, дающее имъ возможность совершать чудеса, недоступныя обыкновеннымъ людямъ. Г-жа Блаватская выдавала себя за *Chela* (ученицу) этихъ братьевъ (наз. также *адептами* или *махатмами)*, которые, со своей стороны, выказывали особый интересъ къ теософическому обществу и совершили для него много чудесъ. О нихъ говорили, что они имѣютъ способность являться внѣ того мѣста, гдѣ находится ихъ тѣло, и не только появляться, но входить въ общеніе съ посѣщаемыми ими лицами и самимъ сознательно воспринимать все, тамъ происходящее. Такія призрачныя явленія теософы называютъ проявленіемъ «астральной формы». Показанія, полученныя комиссіей, заключаютъ въ себѣ много случаевъ подобныхъ появленій двухъ махатмъ: Кутъ-Хуми (Koot Hoomi) и Моріа (Могуа). Затѣмъ, утверждается, что ихъ «челы» мало по малу получаютъ эту способность и что въ особенности получилъ ее и во многихъ случаяхъ выказалъ м-ръ Дамодаръ Маваланкаръ,

теософъ, живущій въ главной квартирѣ общества. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что хотя вышеупомянутыя произвольныя появленія и идутъ значительно дальше всѣхъ явленій подобнаго рода, о которыхъ мы имѣемъ свидѣтельства изъ другихъ источниковъ, тѣмъ не менѣе они имѣютъ много аналогичнаго съ нѣкоторыми случаями, разсмотрѣнными ученой комиссіей (Literary Commitee).

Но мы не можемъ отдѣлить свидѣтельствъ, представленныхъ теософами относительно проявленій «астральной формы», отъ ихъ-же свидѣтельствъ о различнаго рода явленіяхъ, подобныхъ тѣмъ, которыя, по мнѣнію спиритуалистовъ, происходятъ благодаря посредству медіумовъ и требуютъ дѣйствія «психической» энергіи на матерію; подобные феномены описываются теософами обыкновенно или: 1) какъ сопровождающіе явленія махатмъ и ихъ учениковъ, или 2) во всякомъ случаѣ какъ дающіе ясное указаніе на ихъ вмѣшательство...

Въ декабрѣ 1884 года комиссія рѣшила, что пришло время выпустить предварительный отчетъ о своихъ изслѣдованіяхъ. Этотъ отчетъ, вслѣдствіе его предварительнаго характера, и по другимъ причинамъ, былъ розданъ только членамъ и сотрудникамъ общества для психическихъ изслѣдованій. При редактированіи нынѣшняго отчета комиссія считаетъ, что его читатели не знакомы съ предыдущимъ. Первоначальный отчетъ оканчивался заключеніемъ, что необходимо послать въ Индію на нѣсколько мѣсяцевъ довѣреннаго человѣка для знакомства на мѣстѣ съ дѣломъ и причастными къ нему лицами, а до тѣхъ поръ удержаться отъ окончательнаго вывода.

Въ виду этого, членъ комиссіи м-ръ Р. Годжсонъ, бывшій воспитанникъ Кэмбриджскаго университета, отправился въ Индію въ ноябрѣ 1884 года и, употребивъ тамъ три мѣсяца на разслѣдованія, возвратился въ апрѣлѣ 1885 г.

Въ сентябрьскомъ и октябрьскомъ номерахъ «*Madras Christian College Magazine*» за 1884 г. былъ напечатанъ рядъ писемъ, приписываемыхъ г-жѣ Блаватской и адресованныхъ г-ну и г-жѣ Куломбъ, занимавшимъ много лѣтъ довѣренныя мѣста въ главной квартирѣ теософическаго общества, но исключеннымъ оттуда въ маѣ 1884 г. общимъ совѣтомъ общества во время пребыванія г-жи Блаватской и полковника Олкотта въ Европѣ *). Эти

*) Когда я, еще въ Парижѣ, въ маѣ 1884 года, спрашивалъ Блаватскую—на кого она оставила свой домъ въ Адіарѣ, она отвѣчала: «О, я совсѣмъ спокойна, тамъ у меня моя старая пріятельница и помощница, m-me Куломбъ, и ея мужъ—люди, преданные всецѣло моему дѣлу».— Потомъ вдругъ, къ моему изумленію, въ лагерѣ защитниковъ Блаватской, эти *друзья и помощники* превратились въ «подкупленныхъ *слугъ*». *Вс. С.*

письма, при доказательствѣ ихъ неподложности, безусловно обвиняли г-жу Блаватскую въ мошенническомъ производствѣ феноменовъ, но она заявила, что нѣкоторыя изъ этихъ писемъ цѣликомъ, а другія отчасти—подложны. Одной изъ важныхъ цѣлей поѣздки м-ра Годжсона въ Индію было по мѣрѣ возможности установить, осмотромъ писемъ и провѣркой приведенныхъ въ нихъ фактовъ и объясненій, даваемыхъ относительно этихъ фактовъ Куломбами, поддѣльны письма или нѣтъ. Издатель *Christian College Magazine* уже много потрудился для этой цѣли, какъ въ томъ увѣрился м-ръ Годжсонъ, но онъ не добился экспертизы почерка. Въ виду этого подлинныя письма, вполнѣ достаточныя, чтобы доказать обманъ, были довѣрены издателемъ (ихъ отдала ему г-жа Куломбъ) м-ру Годжсону, который, еще до своего возвращенія въ Англію, отослалъ ихъ въ комиссію лондонскаго общества. *Письма эти, вмѣстѣ съ нѣсколькими письмами, несомнѣнно написанными г-жею Блаватской, были переданы на разсмотрѣніе извѣстному эксперту м-ру Нетерклифту, а также м-ру Симсу, эксперту Британскаго музеума. Оба эксперта, независимо другъ отъ друга, пришли къ убѣжденію, что всѣ означенныя письма несомнѣнно написаны г-жею Блаватской* *). Это мнѣніе было вполнѣ согласно съ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на членовъ комиссіи внѣшнимъ видомъ писемъ, равно какъ ихъ слогомъ и содержаніемъ.

Далѣе комиссія желала, чтобы м-ръ Годжсонъ, при помощи перекрестнаго допроса или какъ-либо иначе, пріобрѣлъ доказательства, которыя могли-бы помочь ему при обсужденіи степени довѣрія, какое слѣдовало давать показаніямъ нѣкоторыхъ изъ главныхъ свидѣтелей; чтобы онъ осмотрѣлъ мѣста, гдѣ происходили феномены, для удостовѣренія слѣдуетъ-ли ихъ объяснять обманомъ или какъ-либо иначе; и въ особенности, какъ уже было сказано, чтобы онъ провѣрилъ показанія Куломбовъ, съ цѣлью судить, правдоподобны-ли ихъ объясненія феноменовъ. Очевидно, что для психическихъ изслѣдованій не могутъ имѣть

---

*) Вотъ фактъ, громогласно и *печатно* засвидѣтельствованный «лонд. общ. для психич. изслѣдованій». Два лучшихъ эксперта Англіи, пользующихся громкой извѣстностью, изъ которыхъ одинъ—экспертъ такого учрежденія, какъ знаменитый Британскій музей, признали письма *несомнѣнно* написанными Блаватской. А между тѣмъ г-жа Желиховская рѣшается въ своей статьѣ («Рус. Обозр.», декабрь 1891 г., стр. 582—583) прямо объявлять эти письма *подложными* и обвиняетъ, болѣе чѣмъ голословно, не только г-на Годжсона, но и всю комиссію «лондонскаго психическаго общества», состоявшую изъ людей извѣстныхъ и заслуживающихъ всякаго уваженія, въ преступной недобросовѣстности. Такъ-же точно «правдивы» и весьма многія дальнѣйшія показанія г-жи Желиховской. *Вс. С.*

никакой цѣны феномены, въ которыхъ принимали участіе Колумбы, если будетъ доказано, что они сами могли ихъ производить; но, въ то-же время, ихъ голословное заявленіе, что они производили феномены, не можетъ само по себѣ быть доказательствомъ.

Выслушавъ все, что м-ръ Годжсонъ имѣлъ сказать по всѣмъ этимъ пунктамъ, и тщательно взвѣсивъ всѣ ранѣе добытыя данныя, комиссія единогласно пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Что всѣ письма, предъявленныя г-жею Колумбъ, во всякомъ случаѣ всѣ тѣ, которыя комиссія разсмотрѣла и отдала на заключеніе экспертовъ, несомнѣнно написаны г-жей Блаватской и достаточно доказываютъ, что она, въ сообществѣ съ другими лицами, долгое время устраивала, при помощи естественныхъ средствъ, цѣлые ряды мнимыхъ чудесъ для поддержанія теософическаго движенія.

2) Что въ частности «шкапъ» (shrine) въ Адіарѣ, черезъ который получались предполагаемыя письма отъ «махатмъ», былъ нарочно устроенъ такъ, чтобы въ него можно было тайно вкладывать письма и другіе предметы, черезъ незамѣтно открывавшуюся дощечку, и что онъ постоянно употреблялся для этой цѣли г-жею Блаватской или ея агентами.

3) Что вслѣдствіе этого болѣе чѣмъ вѣроятно, что всѣ чудесные разсказы, приводимые въ доказательство тайнаго могущества махатмъ, должны быть объясняемы какъ результаты или: a) предумышленнаго обмана, совершеннаго г-жею Блаватской или по ея наущенію или b) какъ самопроизвольныя иллюзіи, галлюцинаціи, безсознательныя ложныя представленія, или выдумки со стороны свидѣтелей.

4) Что послѣ разсмотрѣнія отчета м-ра Годжсона о результатахъ его личныхъ справокъ и изслѣдованій, комиссія пришла къ тому заключенію, что ни въ одномъ случаѣ свидѣтельскія показанія о феноменахъ, считая ихъ характеръ и общую сумму, не достаточно доказательны, чтобы побѣдить вышеупомянутое мнѣніе.

Вслѣдствіе всего этого комиссія полагаетъ, что было-бы лишней потерей времени продолжать разслѣдованіе...

Члены комиссіи остались совершенно удовлетворены разслѣдованіями м-ра Годжсона, вполнѣ убѣждены въ его безпристрастіи и признаютъ, что его средства придти къ вѣрному заключенію превышаютъ все, чего они могли-бы требовать.

Единственно только въ одномъ пунктѣ комиссія сочла себя обязанной измѣнить свой первоначальный взглядъ на дѣло. Въ первомъ отчетѣ было сказано, что, если нѣкоторые феномены поддѣльны, то трудно предположить, чтобы полковникъ Олкоттъ

не принималъ участія въ обманѣ. Но послѣ представленныхъ м-ромъ Годжсономъ доказательствъ крайней довѣрчивости полковника Олкотта и неточности его наблюденій и выводовъ, комиссія снимаетъ съ него всякое подозрѣніе въ намѣренномъ обманѣ *).

Комиссія не желаетъ, чтобы ея выводы были приняты безъ провѣрки, и предоставляетъ читателямъ полную возможность составить собственное мнѣніе. Она прилагаетъ докладъ м-ра Годжсона, который составляетъ большую и важнѣйшую часть настоящаго отчета...

Что касается писемъ, приписываемыхъ Кутъ-Хуми, которыхъ очень много и изъ которыхъ многія весьма длинны, то м-ръ Годжсонъ вполнѣ опровергаетъ ихъ принадлежность этому лицу. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторые утверждали, будто *содержаніе* этихъ писемъ исключаетъ всякую возможность предположить, что они были написаны г-жею Блаватской. Комиссія никогда не раздѣляла этого мнѣнія ни относительно напечатанныхъ писемъ, ни относительно тѣхъ, которыя были частно въ ея распоряженіи, въ видѣ манускриптовъ. Желающіе составить себѣ на этотъ счетъ независимое мнѣніе могутъ обратиться къ «Occult World» и «Esoteric Buddhism», гдѣ помѣщено много этихъ писемъ цѣликомъ и много извлеченій изъ другихъ.

Въ этомъ отношеніи умѣстно упомянуть о томъ фактѣ, который въ предварительномъ отчетѣ комиссіи былъ названъ самымъ крупнымъ чернымъ пятномъ въ теософическомъ дѣлѣ. Одно письмо, написанное почеркомъ Кутъ-Хуми и адресованное м-ру Синнету въ 1880 г., какъ было доказано м-ромъ Киддлемъ, изъ Нью-Іорка, заключало въ себѣ явный плагіатъ рѣчи м-ра Киддля, произнесенной 15 августа 1880 г. и напечатанной въ «Banner of Light» за два мѣсяца или немного болѣе до того числа, которымъ было помѣчено письмо Кутъ-Хуми. Кутъ-Хуми отвѣтилъ (нѣсколько мѣсяцевъ спустя), что указанное мѣсто въ его письмѣ было дѣйствительно «заимствовано» изъ рѣчи м-ра Киддля, ставшей извѣстной Кутъ-Хуми (въ Тибетѣ) оккультическимъ путемъ и запечатлѣвшейся въ его умѣ; что-же касается мнимаго плагіата, то это произошло отъ несовершенства передачи (precipitation) письма ученикомъ (chela), которому было по-

---

*) Съ этимъ мнѣніемъ комиссіи я никакъ не могу согласиться, о чемъ, окончивъ «свое личное изслѣдованіе», и заявилъ лондонскому обществу, весною 1886 года, черезъ г-на Майерса, который пріѣзжалъ ко мнѣ въ Динанъ, въ Бретани, гдѣ я тогда находился. Изъ моего разсказа читатели сами видятъ—можно-ли приписать «полковнику» *одну только* довѣрчивость и глупость. *Вс. С.*

ручено это дѣло. Затѣмъ Кутъ-Хуми приводилъ истинную, по его словамъ, версію письма, очищеннаго, благодаря его собственной провѣркѣ, отъ всякихъ слѣдовъ слишкомъ поспѣшной «передачи». Въ этой полной версіи вышеупомянутое мѣсто было приведено въ видѣ цитаты, перемѣшанной съ возраженіями. Причиной первоначальной ошибки въ передачѣ Кутъ-Хуми считаетъ то обстоятельство, что въ его собственномъ умѣ вышеприведенное мѣсто запечатлѣлось яснѣе, чѣмъ его собственныя возраженія; затѣмъ, такъ какъ, благодаря его сильной усталости въ то время, все произведеніе было проявлено слабо и несовершенно, то лишь болѣе рельефныя мѣста выступили на видъ; оказалось много неясныхъ фразъ, выпущенныхъ чедой. Чела желалъ дать Кутъ-Хуми письмо для просмотра, но кутъ-Хуми отклонилъ это за недостаткомъ времени.

Слабость этихъ объясненій была указана (въ Light) м-ромъ Массей, который между прочимъ выставилъ на видъ, что приводимыя слова Кутъ-Хуми кажутся нарочно извращенными въ полемическомъ смыслѣ, какъ разъ противномъ тому, въ какомъ они были написаны.

Много позднѣе (въ Light 20 сентября 1884 г.), м-ръ Киддль указалъ на то, что возстановленныя такимъ образомъ мѣста ни въ какомъ случаѣ не заключаютъ въ себѣ всего сдѣланнаго заимствованія и т. д. Словомъ—относительно этого письма установлено полное доказательство самаго беззастѣнчиваго плагіата, совершеннаго «махатмой Кутъ-Хуми» и усиленнаго фиктивной защитой *).

Въ заключеніе необходимо констатировать, что это не единственное доказательство обмана, касающееся теософическаго общества и г-жи Блаватской, которое комиссія имѣла ранѣе и независимо отъ обнародованія корреспонденціи Блаватской-Куломбъ. М-ръ Массей представилъ комиссіи убѣдительныя доказательства того, что г-жа Блаватская въ 1879 году условилась съ однимъ лондонскимъ медіумомъ доставлять письма «махатмы» таинственнымъ путемъ.

Нашъ долгъ не обязываетъ насъ слѣдить за г-жей Блаватской на другихъ ея поприщахъ. Но, ссылаясь на различные роды ея дѣятельности, о которыхъ говорится въ докладѣ м-ра Годжсона, мы можемъ сказать, что считаемъ ее вполнѣ способной къ исполненію всего ей приписываемаго. Окружающіе прославляли ея таланты по большей части безсознательно, даже многіе

*) Махатмы никогда не помогали «madame» и ея приспымъ выпутываться изъ дѣйствительныхъ затрудненій, если этого нельзя было сдѣлать обманомъ или клеветою! *Вс. С.*

можетъ быть и не подозрѣвали ея несомнѣнно громадныхъ умственныхъ средствъ. Что касается насъ, мы не видимъ въ ней ни представительницы таинственныхъ мудрецовъ, ни того менѣе простой авантюристки; мы полагаемъ, что она заслужила свое мѣсто въ исторіи, какъ одна изъ наиболѣе совершенныхъ, остроумныхъ и интересныхъ обманщицъ нашей эпохи.

2. Докладъ о личныхъ разслѣдованіяхъ въ Индіи и обсужденіе вопроса объ авторствѣ писемъ «Кутъ-Хуми».

Ричарда Годжсона.

Изложивъ уже извѣстныя обстоятельства, вызвавшія его поѣздку въ Индію, м-ръ Годжсонъ говоритъ, что его отношеніе къ феноменамъ, возможность которыхъ онъ не отрицаетъ, будучи, на основаніи личнаго опыта, приверженцемъ «телепапіи», даетъ ему возможность быть вполнѣ безпристрастнымъ. Давно занимаясь психическими изслѣдованіями, онъ умѣетъ обращаться съ фактами безъ всякаго предубѣжденія. Онъ говоритъ: «Если я имѣлъ расположеніе въ чью-либо сторону, то лишь въ пользу оккультизма и г-жи Блаватской—что, смѣю сказать, хорошо извѣстно многимъ изъ главныхъ теософовъ. Во время моего трехмѣсячнаго изслѣдованія со мной обходились одинаково любезно въ главной квартирѣ теософическаго общества и въ редакціи *Madras Ghristian College Magazine*. Такимъ образомъ я имѣлъ возможность непосредственно изучать свидѣтелей теософическихъ феноменовъ и тщательно сравнить оспариваемые документы съ подлиннымъ почеркомъ г-жи Блаватской. Послѣ тщательнаго изслѣдованія главнѣйшихъ изъ этихъ документовъ и разсмотрѣнія доказательствъ ихъ подложности, представленныхъ теософами, я пришелъ къ твердому убѣжденію, что документы подлинны.

Здѣсь не мѣшаетъ отмѣтить тотъ фактъ, на который уже было обращено вниманіе издателемъ *Madras Christ. Coll. Magazine* въ его отвѣтѣ на возбужденное противъ него теософами и ни на чемъ не основанное обвиненіе въ томъ, будто журналъ этотъ напечаталъ оспариваемые документы, не заручившись никакой гарантіей ихъ подлинности. Это безусловная клевета, такъ какъ, прежде чѣмъ напечатать эти документы, журналъ запасся лучшими, какія только можно было получить въ Мадрасѣ, доказательствами неподдѣльности почерка г-жи Блаватской. Конечно, тамъ не было экспертовъ по профессіи, но заключенія были получены отъ людей, много лѣтъ ведущихъ банковую экспертизу.

Изъ этихъ документовъ Блаватской-Куломбъ явствуетъ, что письма махатмы приготовлялись и разсылались г-жею Блаватской, что Кутъ-Хуми фиктивная личность, что предполагаемыя «астраль-

ныя формы» махатмъ были переодѣтые сообщники г-жи Блаватской—по большей части Куломбы; что переносъ папиросъ и другихъ предметовъ, «дополненія» и «создаваніе» писемъ и тому подобные феномены—нѣкоторые изъ относящихся къ такъ наз. Адьярскому шкапу (shrine)—были ловкимъ плутовствомъ г-жи Блаватской, съ помощью, главнымъ образомъ, супруговъ Куломбъ.

Но требовались дальнѣйшія разслѣдованія. Передъ нами оказывались еще и другіе, повидимому важные, феномены, которые не были дискредитированы перепиской Блаватской-Куломбъ. Въ числѣ этихъ феноменовъ были, напримѣръ, нѣкоторыя явленія махатмъ, много случаевъ чудеснаго появленія писемъ независимо отъ г-жи Блаватской и Куломбовъ; были также «астральныя» путешествія м-ра Дамодара. Эти и другіе подобные феномены требовали спеціальнаго разслѣдованія и, кромѣ того, было желательно получить какое-нибудь подтвержденіе подлинности спорныхъ писемъ, для того, чтобы заключеніе о нихъ не зависѣло единственно отъ вопросовъ слога и почерка. Для этой цѣли мнѣ надо было наблюдать важнѣйшихъ свидѣтелей, замѣшанныхъ въ происшествіяхъ, о которыхъ говорится въ этихъ документахъ. Надо прибавить, что нѣкоторые феномены, упомянутые въ «Occult World», также нуждались въ разъясненіи, и что вопросъ о томъ, кто авторъ писемъ подъ буквою К. Н. (Koot Hoomi) не можетъ быть оставленъ въ сторонѣ, какъ не относящійся къ нашимъ розыскамъ.

Я вкратцѣ выражу тѣ заключенія, къ которымъ я пришелъ послѣ основательнаго, по моему мнѣнію, изслѣдованія свидѣтельскихъ показаній о теософическихъ феноменахъ.

Мое убѣжденіе, что, судя по почерку, спорныя письма написаны г-жей Блаватской, подтверждается результатами моихъ изслѣдованій подробностей сообщаемыхъ въ этихъ письмахъ фактовъ.

Относительно «астральныхъ» путешествій м-ра Дамодара я не могъ найти добавочныхъ свѣдѣній, которыя заставили-бы считать болѣе затруднительной предварительную ихъ подготовку, чѣмъ это казалось намъ при обстоятельствахъ, изложенныхъ въ предварительномъ отчетѣ, когда мы считали, что между г-жей Блаватской и Дамодаромъ возможно соглашеніе. Напротивъ, мои разслѣдованія доказали мнѣ, что предварительное соглашеніе между г-жей Блаватской и м-ромъ Дамодаромъ было даже гораздо легче, чѣмъ мы предполагали. Разсказы тѣхъ свидѣтелей, которые, по нашему мнѣнію, должны были доказывать невозможность такого предварительнаго уговора, напротивъ того, клонятся къ утвержденію противнаго. Слѣдовательно, эти случаи опираются единственно на показаніяхъ Дамодара и г-жи Блаватской. Однако, въ

моихъ изслѣдованіяхъ, я очень скоро убѣдился, что Дамодару нельзя довѣрять, такъ какъ открылъ въ его показаніяхъ несомнѣнный обманъ, а потому могъ только придти къ убѣжденію, что онъ дѣйствовалъ заодно съ г-жей Блаватской въ произведеніи ложныхъ чудесъ.

Я былъ также принужденъ, по причинамъ, которыя выяснятся ниже, отклонить свидѣтельство Бабаджи Д. Натса, который во время предварительнаго отчета казался намъ главнымъ свидѣтелемъ дѣйствительнаго, физическаго существованія махатмъ.

Свидѣтельства самого полковника Олкотта настолько разнятся отъ истины во многихъ важныхъ пунктахъ, что я не могъ дать ни малѣйшей цѣны его заявленіямъ. Но, говоря это, я не хочу набросить ни малѣйшей тѣни на добросовѣстность полковника Олкотта *).

Однимъ словомъ—мой тщательный допросъ цѣлаго ряда свидѣтелей феноменовъ показалъ мнѣ, что это люди крайне легковѣрные, замѣчательно мало наблюдательные,—и что слишкомъ многіе изъ нихъ стараются восполнить этотъ недостатокъ наблюдательности преступнымъ преувеличеніемъ.

Тѣмъ не менѣе я, насколько могъ дольше, удерживался отъ произнесенія окончательнаго приговора даже передъ самимъ собой, но, наконецъ, разсмотрѣвъ всѣ показанія теософскихъ свидѣтелей, внимательно изучивъ ихъ главную квартиру въ Мадрасѣ и прежнюю въ Бомбеѣ, гдѣ произошли многіе изъ нами упомянутыхъ феноменовъ, я уже не имѣлъ болѣе сомнѣній, что феномены теософическаго общества обязаны своимъ происхожденіемъ грандіозной системѣ обмановъ, устроенной г-жею Блаватской при помощи Куломбовъ и многихъ другихъ сообщниковъ, и что среди всѣхъ феноменовъ этого общества нельзя найти *ни одного*, который не былъ-бы поддѣльнымъ. Я долженъ прибавить, что, несмотря на самую тщательную провѣрку, я не могъ отвергнуть ни одного изъ свидѣтельствъ супруговъ Куломбъ.

Совершенно безполезно было-бы входить въ мелкія подробности такого сложнаго разслѣдованія. Даже было-бы невозможно привести всѣ хитрости и уловки въ представленныхъ мнѣ показаніяхъ или описать хоть приблизительно, до такой степени мои личныя наблюденія надъ свидѣтелями увеличивали мою увѣренность въ недобросовѣстности ихъ показаній. Впрочемъ, я полагаю, что нижеслѣдующаго будетъ болѣе чѣмъ достаточно для убѣжденія безпристрастнаго изслѣдователя въ справедливости моихъ выводовъ.

---

*) Тутъ г-нъ Годжсонъ ужъ черезчуръ пересаливаетъ свою англійскую любезность! *Вс. С.*

Я начинаю нѣсколькими выдержками изъ писемъ Блаватской-Куломбъ, которыя подтвердятъ мнѣнія, высказанныя мною объ этихъ документахъ. Звѣздочки (*), поставленныя мною противъ нѣкоторыхъ извлеченій, означаютъ, что эти письма были въ числѣ просмотрѣнныхъ м-ромъ Нетсеклифтомъ (экспертъ).

1. Телеграмма о Сассунѣ (*).

Нижеслѣдующее есть извлеченіе изъ письма, написаннаго г-жею Блаватской изъ Пуны къ г-жѣ Куломбъ въ Мадрасъ, въ октябрѣ 1883 г.

«Теперь, дорогая, измѣнимъ программу. Удастся-ли *что-нибудь* или нѣтъ, все равно я должна попытаться. Жакобъ Сассунъ, счастливый обладатель сотенъ тысячъ рупій, съ семействомъ котораго я вчера обѣдала, желаетъ сдѣлаться теософомъ. Онъ готовъ дать 10,000 рупій на нужды главной квартиры; онъ сказалъ полковнику (Езекіиль, его кузенъ, устроилъ все это), что для него будетъ достаточно увидѣть хоть самый ничтожный феноменъ, убѣдиться, что «махатмы» могутъ слышать то, что говорится, или если они дадутъ какой-нибудь *другой признакъ своего существованія* (?!!) Вы получите это письмо въ пятницу 26-го; отправьтесь къ шкапу и попросите К. Н. (или Кристофоло) послать мнѣ телеграмму, которую я получу между 4 и 5 часами дня, въ тотъ-же день, содержаніе слѣдующее:

«Вашъ разговоръ съ м-ромъ Ж. Сассунъ только-что дошелъ до Master'a. Если даже позднѣйшее и удовлетворитъ его, все-таки сомнѣвающійся едва-ли найдетъ въ себѣ нравственное мужество присоединиться къ обществу.

«Рамалинга Дебъ».

«Если депеша придетъ ко мнѣ 26-го даже вечеромъ—впечатлѣніе будетъ страшное. Адресъ на имя Н. Кандалавалла, судьи, Пуна. *Я сдѣлаю остальное.* Это будетъ стоить четыре или пять рупій. *Это ничего не значитъ.*

«Преданная вамъ Е. П. Б.».

Конвертъ, данный г-жею Куломбъ, какъ принадлежащій къ этому письму, носитъ штемпель Пуны 24 октября, Мадраса 26, и Адіара 26 (по поводу этого, на поляхъ моей копіи памфлета г-жи Куломбъ, г-жа Блаватская написала: какъ будто въ этомъ конвертѣ не могло быть другого письма? Смѣшное доказательство!) Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ г-жа Куломбъ представила также квитанцію телеграммы, посланной отъ имени Рамалинга Дебъ изъ конторы Скитъ-Тома, въ Мадрасѣ, къ г-жѣ Блаватской въ Пуну 26 октября, содержавшую то-же количество словъ, какъ и вышеприведенная.

2, 3, 4—*Адіарское блюдечко.*

«Нижеслѣдующее предполагается написаннымъ г-жею Блаватской изъ Утакамюнда г-ну и г-жѣ Куломбъ въ Мадрасъ, въ іюлѣ или августѣ 1883 г.

2. (*) «Дорогой другъ!

«Вамъ нѣтъ надобности ждать человѣка «Punch». Только-бы это произошло въ присутствіи почтенныхъ лицъ, *кромѣ* нашихъ *домашнихъ дураковъ*. Умоляю васъ сдѣлать это при первомъ-же случаѣ».

3. (*) «Милый М-г Куломбъ,

«Я думаю, это и есть то, что вамъ необходимо. Постарайтесь только, если вы разсчитываете на успѣхъ, имѣть другихъ зрителей кромѣ *только* нашихъ *домашнихъ дураковъ*. Это стоитъ труда. Адьярское блюдечко можетъ сдѣлаться такимъ-же историческимъ, какъ и чашка Симлы. Субайа здѣсь и у меня нѣтъ времени «*писать не стѣсняясь*». Кланяюсь и благодарю. Е. П. Б.»

Въ это письмо, по словамъ г-жи Куломбъ, было вложено слѣдующее:

«Небольшому собранію присутствующихъ, какъ свидѣтельство. Теперь г-жа Куломбъ имѣетъ случай убѣдиться лично, что чортъ не такъ черенъ и страшенъ, какъ его всегда малюютъ. Зло легко исправить. К. Х.»

4 (*) Пятница.

«Милая m-me Куломбъ и маркизъ *).

«Вотъ удобная минута показаться—*не будемъ прятаться*. Генералъ ѣдетъ по дѣламъ въ Мадрасъ, будетъ тамъ въ понедѣльникъ и пробудетъ два дня. Онъ президентъ здѣшняго общества и хочетъ видѣть шкапъ. Возможно, что онъ предложитъ какой-нибудь вопросъ, а можетъ быть и только поглядитъ. Но навѣрное онъ ожидаетъ феномена и даже сказалъ мнѣ это. Въ такомъ случаѣ умоляйте К. Х., котораго вы видите каждый день, или Кристофоло, поддержать фамильную честь. Скажите, что достаточно цвѣтка и, что, если *pot de chambre сломается* подъ тяжестью любопытства, то не мѣшаетъ замѣнить его *въ эту минуту*. Будь прокляты остальные. Этого-же я цѣню на вѣсъ золота. Ради Бога, или кого желаете, *не пропустите этого случая*, онъ не повторится. Меня тамъ нѣтъ, это-то и прекрасно. Я полагаюсь на васъ и умоляю васъ не разочаровывать меня, такъ какъ всѣ мои проекты и будущность съ вами всѣми—

*) Г-жа Блаватская часто называла маркизомъ и маркизой г-на и г-жу Куломбъ. *Годжсонъ.*

(такъ какъ у меня будетъ домъ, чтобы проводить здѣсь шесть мѣсяцевъ въ году, и онъ будетъ принадлежать мнѣ и обществу, и вы болѣе не будете такъ страдать отъ жары, какъ теперь, если только я успѣю).

* * *

«Вотъ удобная минута сдѣлать что-нибудь. Вскружите голову генералу, и онъ все для васъ сдѣлаетъ, особенно, если вы будете съ нимъ *во время Кристофа*. Я вамъ посылаю одинъ *en cas* (на всякій случай) и прощайте. Полковникъ будетъ здѣсь 20 или 25. Я вернусь въ половинѣ сентября.

«Ваша сердцемъ
«Luna Melanconica» *).

* * *

Вышеупомянутый *на всякій случай* состоялъ въ слѣдующемъ:

«Я не могу ничего сказать *теперь*—и дамъ вамъ знать въ Ути».

(Адресовано) Генералу Морганъ. (Подпись). К. Н. (К. Х.) Извлеченія 5 и 6 изъ писемъ г-жи Блаватской въ 1880 г., повидимому изъ Симлы къ г-жѣ Куломбъ въ Бомбей, бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на вышеупомянутое перенесеніе папиросъ и т. д.

5.

«Я прилагаю сюда листикъ папиросной бумаги. Я положу другую *половину* папиросы за бюстъ королевы, куда я положила мои волосы въ тотъ-же день или въ субботу. Тамъ-ли еще волосы? А папироса все еще подъ *крышкой*?»

На чистой страницѣ письма, изъ котораго взято это мѣсто, г-жа Блаватская приписала:

«Сдѣлайте изъ этого половину папиросы. *Позаботьтесь объ краяхъ*».

На клочкѣ бумаги, по словамъ г-жи Куломбъ, тоже сопровождавшемъ папиросную бумагу, написано:

---

*) Знавшіе Е. П. Блаватскую въ молодости, во время ея жизни въ Тифлисѣ, и не имѣющіе никакого понятія не только объ этихъ письмахъ, но и о теософическомъ обществѣ, разсказываютъ удивительную совершенно невозможную въ печати исторію съ нею, гдѣ придуманная ея циничной фантазіей подпись «Luna melanconica» была собственноручно выставлена ею подъ «нѣкіимъ изображеніемъ». Лондонскіе изслѣдователи сильно порадовались-бы этому факту, доказывающему, и безъ всякой экспертизы, подлинность приводимыхъ писемъ. А то обстоятельство, что *задняя* сторона пресловутаго шкапа, въ свою очередь, называлась Luna melanconica, указываетъ на вѣрность тифлисскаго разсказа. *Вс. С.*

«Сверните папиросу изъ этой половины и свяжите волосами Е. П. Б. и положите на верхъ шкапа (shrine), сдѣланнаго Уимбриджемъ, въ самый дальній уголъ къ стѣнѣ направо. Сдѣлайте это скорѣе».

6 (*).

«Я думаю, что дѣло съ платкомъ не удалось. Оставимъ это. Но пусть всѣ инструкціи останутся по-прежнему для магараджъ Лагора или Бенареса. Всѣ бѣснуются, чтобы видѣть что-нибудь. Я вамъ напишу изъ Амритзира или Лагора, мои волосы былибы не дурны на вершинѣ башни Сіона, но положите ихъ въ конвертъ—интересное sachet—и осторожно его повѣсьте, илиже повѣсьте въ Бомбеѣ—выберите только хорошенькое мѣсто. Пишите мнѣ въ Амритзиръ *до востребованія*, затѣмъ къ 1-му въ Лагоръ. Адресуйте ваши письма на мое имя. Ничего больше для С.—онъ видѣлъ достаточно. Боюсь опоздать на почту, до свиданья. Положили-ли вы папироску на маленькій шкапъ Уимб—».

7.

«О, мой бѣдный Кристофоло! И такъ онъ умеръ, и вы его убили? О, мой милый другъ, если-бы вы знали, какъ-бы я желала, чтобы онъ ожилъ! Мое благословеніе моему бѣдному Кристофоло. Всегда ваша. Е. П. Б.»

По словамъ г-жи Куломбъ, это письмо заключаетъ жалобы г-жи Блаватской по поводу уничтоженія куклы, употреблявшейся для явленій Кутъ-Хуми, такъ какъ Кристофоло былъ «оккультическимъ» именемъ Кутъ-Хуми. Г-жа Куломбъ говоритъ, что сожгла куклу «въ припадкѣ отвращенія къ обману», но что впослѣдствіи сдѣлала новую. Слѣдующее (8) письмо важно во многихъ отношеніяхъ. Куломбы очевидно предполагались знающими всѣ привычки и обычаи братьевъ. Названіе «Король» по словамъ m-me Куломбъ, относилось къ м-ру Падша, а «два письма» посланныя г-жею Блаватской г-жѣ Куломбъ (подъ именемъ Е. Кеттингъ), опять-таки, по ея словамъ, документы, касавшіеся махатмы. Общія условія передачи подобныхъ документовъ приводятся въ 9 и 10 письмахъ.

8.

«Милые мои друзья!

«Ради Бога, не думайте, что я васъ забываю. Я просто не имѣю времени перевести духъ—вотъ и все! Мы въ *самомъ величайшемъ кризисѣ*, и *я не должна* терять головы. Я не могу и не смѣю ничего вамъ писать. Но вы должны понять, что *безусловно*

необходимо, чтобы въ Бомбеѣ что-нибудь случилось, пока я здѣсь. Король и Дам. *должны* видѣть и имѣть посѣщеніе одного изъ нашихъ «братьевъ» и—если возможно, первый долженъ получить письмо, которое я пришлю. Но еще необходимѣе ихъ видѣть. Письмо должно-бы упасть ему на голову, какъ первое, и я умоляю «Кутъ-Хуми» послать ему его. Онъ долженъ ковать желѣзо, пока оно горячо. Дѣйствуйте *независимо* отъ меня въ привычкахъ и обычаяхъ «братьевъ». Было-бы чудесно, если-бы въ Бомбеѣ могло случиться что-нибудь такое, что заставило-бы говорить о себѣ всѣхъ. Но, что! Братья безжалостны! О, дорогой м-ръ Куломбъ, спасите положеніе и сдѣлайте то, чего они просятъ. Меня все еще немного лихорадитъ. И немудрено! М-ръ Юмъ (Hume) хочетъ видѣть Кутъ-Хуми *астрально* хоть издали, если махатма того хочетъ, чтобы имѣть возможность говорить всѣмъ, что онъ *знаетъ*, что Кутъ-Хуми существуетъ и *написать* объ этомъ во всѣ журналы, такъ какъ до сихъ поръ онъ можетъ сказать только одно, что твердо и положительно *вѣритъ*, но не то, что онъ это *знаетъ*, потому что *видѣлъ своими глазами*, какъ Дамодаръ, Падша и др. Наконецъ, покончила съ одной задачей! Поймите, что я схожу съ ума, и сжальтесь надъ бѣдной вдовой *). Еслибы въ Бомбеѣ случилось что-нибудь неслыханное, то нѣтъ ничего, въ чемъ-бы м-ръ Hume отказалъ Кутъ-Хуми. Но К. Х. не можетъ явиться сюда, такъ какъ оккультическіе законы не дозволяютъ ему этого. Наконецъ, до свиданія. Пишите. Ваша сердцемъ.

«Е. П. Б.

«Завтра пришлю вамъ два письма. Идите за ними на почту на ваше имя отъ *Е. Кетингъ Куломбъ*.

«P. S. Я хотѣла-бы, чтобы К. Х. или кто-нибудь другой показался до полученія писемъ».

9.

«Милый другъ.

«У меня нѣтъ ни минуты, чтобы отвѣтить. Умоляю васъ, доставьте это письмо (здѣсь вложенное) Дамодару *чудеснымъ путемъ*. Это очень, *очень* важно. О, моя милая, какъ я несчастна! Со всѣхъ сторонъ непріятности и ужасы.

«Ваша Е. П. Б.»

---

*) Блаватская издавна выдавала себя за вдову, даже печатно. Между тѣмъ ея мужъ, съ которымъ она никогда не разводилась, отставной дѣйствительный статскій совѣтникъ Н. В. Блавацкій, несмотря на свои весьма преклонныя лѣта, до сихъ поръ здравствуетъ и живетъ въ своемъ хуторѣ. Я знаю объ этомъ отъ его близкихъ родственниковъ. *Вс. С.*

10 (*).

«Будьте добры, о волшебница съ тысячью рессурсовъ, попросите *Кристофоло*, когда вы его увидите, передать вложенное здѣсь письмо воздушнымъ астральнымъ путемъ или все равно какъ. Это очень важно. Обнимаю васъ. Преданнная вамъ.

«Luna Melanconica.

«*Умоляю васъ* сдѣлайте это хорошенько».

Въ слѣдующихъ извлеченіяхъ изъ писемъ, написанныхъ изъ Утакамюнда въ 1883 г., г-жа Блаватская повидимому говоритъ какъ о «своихъ дѣтяхъ» о письмахъ Кутъ-Хуми, заготовленныхъ ею.

11 (*).

«Дорогой маркизъ... Покажите или пошлите ему (Дамодару) бумагу или хоть клочекъ (маленькій sacristi, а не большой, такъ какъ послѣдній долженъ лечь недалеко отъ своего автора, въ стѣнной *храмъ*), съ приказаніемъ доставить ихъ вамъ. Я получила письмо, заставившее нашего дорогого учителя К. Х. написать свои приказанія также Дамодару и другимъ. Пусть маркиза прочтетъ ихъ. *Этого будетъ достаточно*, увѣряю васъ. Ахъ, если-бы со мной былъ здѣсь мой дорогой Кристофоло!.. Милый маркизъ—я вручаю вамъ судьбу *моихъ дѣтей*. Позаботьтесь о нихъ и заставьте ихъ дѣлать чудеса. Можетъ быть лучше, чтобы это упало на голову?

«Е. П. Б.

«Послѣ *прочтенія запечатайте* ребенка. Посылайте письма заказными, если въ нихъ что-нибудь особенное—иначе не надо».

12, 13 и 14, по словамъ г-жи Куломбъ, тоже были написаны изъ Утакамюнда, во время пребыванія тамъ г-жи Блаватской въ 1883 году.

12 (*).

«Почта сейчасъ отходитъ, моя милая. У меня осталась одна минута. Ваше письмо пришло слишкомъ поздно. Да, пусть Сринавасъ Рао распростирается передъ шкапомъ (shrine) и попроситъ онъ дли нѣтъ, я васъ умоляю передать ему этотъ отвѣтъ К. Х., потому что онъ этого ждетъ; *я знаю, чего онъ хочетъ*. Завтра вы получите большое письмо. Большія новости. Благодарю.

Е. П. Б.».

Это очевидно относится къ успокоительному письму Кутъ-Хуми, составленному г-жей Блаватской для м-ра Сриневаса Рао, судьи въ Мадрасѣ.

13.

«Пишите-же! Милый другъ, мнѣ говорятъ (Дамодаръ), что Dewan Bahadoor Ragoonath Rao президентъ общества, желаетъ положить что-нибудь въ *храмъ*. Въ случаѣ онъ это сдѣлаетъ— вотъ отвѣтъ Кристофоло. Ради Бога устройте это—и мы утвердимся. Цѣлую васъ и прощайте. Мой привѣтъ маркизу. Искренно ваша.

«Luna Melanconica».

Я убѣдился, что м-ръ Рагунатъ Рао клалъ въ шкапъ (shrine) вопросъ, но не получилъ отвѣта, хотя, судя по предыдущему письму, г-жа Блаватская позаботилась объ отвѣтѣ «Кристофоло». По объясненію мистера Куломба, онъ боялся, что отвѣтъ не будетъ подходящимъ, такъ какъ, по заявленію мистера Рао, только махатма могъ отвѣтить на этотъ вопросъ и, кромѣ того, м-ръ Куломбъ «не желалъ потѣшаться надъ этимъ джентльменомъ». Послѣ того онъ писалъ г-жѣ Блаватской и отослалъ ей санскритскій документъ, положенный м-ромъ Рао въ шкапъ, приводя въ свое оправданіе боязнь, что сочиненный ею отвѣтъ можетъ быть непримѣнимымъ, и прося ее прислать телеграмму, если она все-таки желаетъ, чтобы отвѣтъ Кутъ-Хуми (Кристофоло) былъ помѣщенъ въ шкапъ. Онъ говорилъ, что г-жа Куломбъ получила отвѣтъ, приводимый въ извлеченіи (14), изъ котораго слѣдуетъ, что въ виду промедленія она считаетъ прежній отвѣтъ уже неподходящимъ. Этотъ отвѣтъ, оставшійся, по словамъ Куломбовъ, въ ихъ рукахъ и ими представленный, по большой части написанъ по-санскритски, но есть также замѣтка по-англійски, и она носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды рукъ г-жи Блаватской, какъ это было найдено въ большей части писаній Кутъ-Хуми.

14 (*).

«*Слишкомъ поздно*! милый маркизъ! Если-бы то, что находится въ рукахъ у «Кристофа», было немедленно передано въ отвѣтъ, это было-бы прекрасно, вотъ почему я это послала. Теперь это больше не имѣетъ смысла. Ваше письмо пришло ко мнѣ въ $6^1/_2$ ч. вечера, почти въ семь, а я знала, что маленькій «Punch» является въ 5! Когда-же я могла послать депешу? Она пришла-бы завтра или послѣ его ухода. Ахъ! Какой случай пропущенъ! Ну, дѣлать нечего! Я должна васъ просить объ одномъ. Я могу возвратиться съ полковникомъ и очень вѣроятно, что возвращусь, но можетъ также случиться, что я останусь здѣсь до октября. Въ этомъ случаѣ на день или на два, пока полковникъ будетъ дома, *надо переслать мнѣ ключъ отъ шкапа*. Пошлите его

мнѣ подземнымъ путемъ. Я увижу его *отдыхающимъ*, и этого довольно, но я не хочу, чтобы въ моемъ отсутствіи разсматривали *luna melanconica* шкапа, а *ев станутъ разсматривать*, если меня тамъ не будетъ... Я должна вернуться! Но, Боже мой, какъ мнѣ надоѣдаетъ, что теперь всѣ *отсюда* явятся ко мнѣ туда. Всѣ придутъ смотрѣть, а—мнѣ надоѣло».

Куломбы говорятъ, что подъ «Punch» подразумѣвается м-ръ Рагунатъ Рао. Изъ второй половины вышеприведеннаго письма ясно, что шкапу было опасно подвергаться осмотру, что въ немъ заключался секретъ, неизвѣстный полковнику Олкотту и котораго онъ не долженъ былъ открыть. Г-жа Куломбъ говоритъ, что «luna melanconica» означаетъ здѣсь открывающуюся заднюю сторону шкапа. Оттого, на случай возвращенія полковника въ Мадрасъ раньше г-жи Блаватской, ключъ и должно было спрятать. Это мѣсто свидѣтельствуетъ въ пользу честности полковника Олкотта, хотя, можетъ-быть, мало говоритъ въ пользу его проницательности *).

Первое, что нужно установить относительно этихъ писемъ—это—пользовались-ли дѣйствительно супруги Куломбъ тѣмъ довѣріемъ г-жи Блаватской, о которомъ можно заключить изъ ея писемъ? Все доказываетъ, что они дѣйствительно пользовались довѣріемъ, какъ г-жи Блаватской, такъ и полковника Олкотта, и занимали почтенное положеніе въ обществѣ (Куломбъ былъ библіотекаремъ, а г-жа Куломбъ корреспондентомъ-помощникомъ секретаря общества); кромѣ того это, мнѣ кажется, достаточно доказывается тѣмъ фактомъ, что во время пребыванія г-жи Блаватской въ Утакамюндѣ въ 1883 г. ключъ отъ шкапа оставался у г-жи Куломбъ; а когда г-жа Блаватская и полковникъ Олкоттъ отправились, въ февралѣ 1884 г., изъ Мадраса въ Европу, то комнаты г-жи Блаватской остались въ полномъ распоряженіи супруговъ Куломбъ. Дальнѣйшія доказательства можно найти въ письмѣ Олкотта, приведенномъ (съ нѣкоторыми выпусками, не обозначенными г-мъ Гартманомъ) въ памфлетѣ д-ра Гартмана: «*Отчетъ о наблюденіяхъ, сдѣланныхъ въ теченіе девяти-мѣсячнаго пребыванія въ главной квартирѣ теософическаго общества*», стр. 36, 37; и въ другомъ письмѣ полковника Олкотта, видѣнномъ мною и изъ котораго слѣдуетъ, что полковникъ желалъ избранія г. Куломба членомъ контрольнаго совѣта общества. Наконецъ, г-жа Блаватская сама гово-

---

*) Это мѣсто доказываетъ только то, что Блаватская *не все* довѣряла полковнику, боясь, что онъ, по глупости, пожелаетъ когда-нибудь самъ распорядиться, не сумѣетъ ловко сфокусничать и подведетъ ее *подъ скандалъ*. *Вс. О.*

ритъ въ индійскихъ газетахъ за 1880 г. о г-жѣ Куломбъ, какъ о «своей гостьѣ», какъ о «старомъ своемъ другѣ, котораго она знала десять лѣтъ тому назадъ въ Каирѣ» и, наконецъ, допустивъ подлинность лишь однихъ тѣхъ изъ писемъ, подлинность которыхъ не оспаривалась, ясно, что г-жа Блаватская обращалась къ г-жѣ Куломбъ въ самомъ интимномъ тонѣ.

Теперь я могу приступить къ доказательству, на одномъ или двухъ примѣрахъ, что независимо отъ слога и почерка письма эти подлинны.

Начну съ номера 1-го, касающагося телеграммы Сассуну. Эта исторія довольно сложная, и подробности моихъ разслѣдованій помѣщены въ 1-мъ приложеніи. Здѣсь я вкратцѣ приведу результаты. Во-первыхъ, изъ разговоровъ съ г-ми А. Д. и М. Д. Эзекіиль, которые много видѣлись съ г-жей Блаватской, во время ея пребыванія въ Пунѣ въ октябрѣ 1883 г., и изъ письменнаго показанія м-ра Н. Д. Кандальвала, въ чьемъ домѣ она останавливалась, для меня стало ясно, что дѣйствительныя событія во время ея тамъ пребыванія вполнѣ согласны съ письмами. Во-вторыхъ, я не могъ добыть ни одного заслуживающаго довѣрія доказательства существованія такой личности, какъ Рамалинга Дебъ, котораго г-жа Блаватская выдавала за живущаго въ Мадрасѣ chela (ученика) махатмы, съ которымъ, по ея словамъ, она была въ оккультическомъ общеніи. Въ-третьихъ, тщательное сравненіе попытки г-жи Блаватской опровергнуть подлинность этихъ писемъ (см. приложеніе 1) съ показаніями гг. Эзекіиля и Кандальвала, по моему мнѣнію, только усиливаетъ доказательства противъ нея, такъ какъ приводитъ къ заключенію, что она должна была спеціально приготовляться къ разговору, весь смыслъ котораго въ томъ, что содержаніе его возникло *экспромптомъ* *).

Перехожу къ извлеченіямъ 2, 3 и 4.

Куломбы говорятъ, что извѣстное *блюдечко*, согласно предварительному уговору съ г-жей Блаватской, должно было «случайно» разбиться и осколки быть сложены въ шкапъ, затѣмъ эти осколки, черезъ секретную заднюю сторону шкапа, должны были замѣниться цѣлымъ такимъ-же блюдечкомъ. По ихъ словамъ, письма 2, 3 и 4 говорятъ объ этомъ; письмо 3 заключаетъ заготовленную на случай записку, а 4 даетъ понять, что феноменъ долженъ быть устроенъ для назиданія генерала Моргана.

---

*) Какъ читатели увидятъ, это одинъ изъ «феноменовъ» Блаватской, которымъ, несмотря на всю его простоту, она покорила себѣ многихъ.
Вс. С.

Никто не оспариваетъ, что «феноменъ съ блюдечкомъ» произошелъ въ присутствіи генерала Моргана. Вопросъ въ томъ, былъ-ли онъ заранѣе подготовленъ, и если да, то какъ это было сдѣлано? Мы помѣщаемъ здѣсь собственный разсказъ генерала Моргана, напечатанный въ приложеніи къ «Теософисту» за декабрь 1883 г.

«Въ августѣ мѣсяцѣ, пріѣхавъ въ Мадрасъ въ отсутствіе г-жи Блаватской и полковника Олкотта, я посѣтилъ главную квартиру теософическаго общества, чтобы увидать чудесный рисунокъ махатмы Кутъ-Хуми, хранящійся тамъ въ шкапу и ежедневно навѣщаемый chela'ми. Прибывъ въ домъ, я узналъ, что г-жа Куломбъ, лэди, у которой хранился ключъ отъ шкапа, въ отсутствіи, и остался ждать ея возвращенія. Она вернулась приблизительно черезъ часъ, и мы поднялись по лѣстницѣ, чтобы открыть шкапъ и осмотрѣть рисунокъ. Г-жа Куломбъ поспѣшно подошла, чтобы открыть двойную дверцу висячаго шкапика для посуды и быстро распахнула ее. Отворяя, она не замѣтила, что какая-то посуда была прислонена къ дверцѣ и когда шкапъ открыли, упала на полъ и разбилась въ мелкіе куски. Въ то-время, какъ г-жа Куломбъ ломала руки и жаловалась на такое несчастье съ дорогой вещью г-жи Блаватской, а ея мужъ, стоя на колѣняхъ, подбиралъ осколки, я замѣтилъ, что надо достать фарфороваго цемента и постараться склеить осколки. Вслѣдствіе этого за цементомъ послали г. Куломба. Куски были тщательно собраны, завернуты и завязаны, потомъ положены въ шкапъ и дверцы заперты. М-ръ Дамодаръ К. Маваланкаръ, секретарь общества, сидѣлъ напротивъ шкапа на стулѣ, въ разстояніи приблизительно около 10 футовъ. Спустя нѣсколько времени, мнѣ пришла въ голову мысль, которую я немедленно и высказалъ. Я сказалъ, что, если *братья* найдутъ это важнымъ, то имъ не трудно исправить разбитую вещь; если-же нѣтъ, то предоставятъ виновнымъ дѣйствовать, какъ они умѣютъ. Не прошло и пяти минутъ послѣ этого замѣчанія, какъ м-ръ Дамодаръ, который все это время былъ погруженъ въ задумчивость—вскричалъ: «мнѣ кажется, что тамъ есть отвѣтъ». Дверцы были открыты и на полкѣ оказалась маленькая записка. Развернувъ ее, мы прочли. «Небольшому собранію присутствующихъ. Теперь г-жа Куломбъ имѣетъ случай убѣдиться лично, что чортъ не такъ черенъ и страшенъ, какъ его малюютъ. Зло легко исправить. К. Х.».

«Развернувъ бумагу, въ которую были завернуты черепки, мы увидѣли совершенно цѣльное блюдечко; нельзя было найти ни малѣйшаго слѣда склейки! Я сейчасъ-же написалъ на той-же запискѣ, что присутствовалъ, когда вещь была разбита, и

немедленно исправлена, поставилъ число и подписался, такъ что не можетъ быть никакой ошибки. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что г-жа Куломбъ думаетъ, будто многое чудесное, происходящее въ главной квартирѣ, можетъ быть дѣломъ дьявола — къ этому относится шутливое замѣчаніе махатмы, пришедшаго ей на помощь» *).

Во всемъ этомъ разсказѣ нѣтъ ничего противорѣчащаго заявленіямъ г-жи Куломбъ. Кромѣ того, весьма подозрительно то обстоятельство, что блюдечко «было прислонено къ одной изъ дверецъ». Во всякомъ случаѣ, это не естественное положеніе для блюдечка, поставленнаго на полку.

Самое «блюдечко», найденное въ шкапу, было по моей просьбѣ показано мнѣ въ Адіарѣ. Я внимательно осмотрѣлъ его, равно какъ и черепки, представленные г-жею Куломбъ, и которые, по ея словамъ, были подмѣнены цѣлымъ блюдечкомъ. Оба «блюдечка» совершенно одинаковы. Случай съ блюдечкомъ произошелъ въ августѣ 1883 г. Г-жа Куломбъ заявила, что она купила пару этихъ «блюдечекъ» въ лавкѣ **) въ Мадрасѣ по 2 рупіи 8 анна штука. Наведенныя мною справки показали, что «2 фарфоровыя розовыя подставки» (по всей вѣроятности этимъ словомъ обозначены т.-наз. «блюдечки») были куплены въ этой лавкѣ 3-го іюля 1883 г. и что въ этотъ день г-жа Куломбъ дѣлала покупки въ этой лавкѣ. Относительно этой покупки вкралась лишь небольшая неточность: та, что «подставки» стоили обѣ 2 рупіи 8 анна, а не каждая, какъ это утверждала г-жа Куломбъ ***).

Случай, очень схожій съ этимъ, приведенъ въ приложеніи III къ отчету.

Если объяснять «феноменъ съ блюдечкомъ» обыкновеннымъ естественнымъ путемъ, то приходится допустить, что шкапъ секретно открывался сзади. Важно уяснить, какія были основанія предполагать это, независимо отъ писемъ Блаватской, въ которыхъ объясняется существованія этого секрета.

Шкапъ (планъ приложенъ къ отчету).

По моемъ прибытіи въ главную квартиру теософическаго общества 18-го декабря 1884 г., м-ръ Дамодаръ сообщилъ мнѣ, что онъ не можетъ дозволить мнѣ осмотрѣть ни такъ-наз.

---

*) Болѣе подробный разсказъ генер. Моргана, старающагося доказать, что тутъ не могло быть мошенничества, помѣщеъ въ прилож. II къ «Отчету». *Годжсонъ.*

**) М. Фасіоль и К°, Потэмъ Бродвей. *Годжсонъ.*

***) Г-жа Куломбъ очевидно не гнушалась процентами за коммисію — несмотря на всю свою преданность дѣлу. *Вс. С.*

оккультическую комнату, ни шкапъ ранѣе возвращенія полковника Олкотта и г-жи Блаватской. Полковникъ Олкоттъ оставилъ главную квартиру за нѣсколько дней до этого, чтобы встрѣтить на Цейлонѣ г-жу Блаватскую, возвращавшуюся изъ Европы. Два дня спустя г-жа Блаватская прибыла въ Адіаръ, и я снова просилъ дозволенія осмотрѣть шкапъ. Г-жа Блаватская представилась ничего незнающей и говорила, что не могла узнать, куда онъ дѣвался. М-ръ Дамодаръ и м-ръ Гартманъ то же утверждали, будто ничего объ этомъ не знаютъ, и только послѣ моихъ настойчивыхъ вопросовъ я узналъ, отъ м-ра Дамодара и Гартмана, что шкапъ былъ взятъ изъ оккультической комнаты около полудня 20 сентября и перенесенъ въ комнату м-ра Дамодара, а на слѣдующее утро въ 9 часовъ они его тамъ уже не нашли и съ тѣхъ поръ его болѣе не видали. Они высказали предположеніе, что его украла г-жа Куломбъ или-же миссіонеры.

Кромѣ того, оккультическая комната, когда я въ первый разъ получилъ разрѣшеніе осмотрѣть ее, была значительно измѣнена, стѣны покрыты свѣжей штукатуркой, и м-ръ Дамодаръ сообщилъ мнѣ, что уничтожены всѣ слѣды «махинацій» Куломбовъ со шкапомъ. Это было невѣрно, такъ какъ кирпичная рама и отверстіе въ стѣнѣ еще существовали. Какъ-бы то ни было, такое положеніе дѣла затрудняло мою провѣрку точности данныхъ мнѣ теософами описаній оккультической комнаты и шкапа до времени изгнанія Куломбовъ изъ общества. Однако, разбирая и сравнивая показанія различныхъ свидѣтелей, мнѣ все-же удалось составить нижеслѣдующее описаніе шкапа и окружающаго его.

19 декабря 1882 г. Адіаръ сдѣлался главной квартирой теософическаго общества. Большая верхняя комната обширнаго дома была занята г-жею Блаватской. Оккультическая комната была пристроена позднѣе, къ западной стѣнѣ комнаты г-жи Блаватской. Одно окно съ этой стороны было уничтожено и заложено кирпичемъ, а другое превращено въ дверь изъ комнаты г-жи Блаватской въ оккультическую. Комната г-жи Блаватской была раздѣлена на двѣ драпировкой и ширмами; часть, прилегавшая къ оккультической комнатѣ, служила г-жѣ Блаватской спальней, а въ концѣ 1883 г. и столовой. Оккультическая комната фута на два уже комнаты г-жи Блаватской. Обыкновено въ оккультическую комнату проходили черезъ гостиную г-жи Блаватской. Шкапъ, какъ я полагаю, сравнивая разсказы различныхъ теософовъ, былъ обыкновеннымъ деревяннымъ посуднымъ шкапомъ, отъ 3 до 4-хъ фут. ширины и вышины и около фута въ глубину съ однимъ ящикомъ внизу и угловыми

подставками. Задняя часть состояла изъ трехъ вынимающихся досокъ *). Онъ помѣщался у той части стѣны въ оккультической комнатѣ, гдѣ прежде находилось одно изъ оконъ комнаты г-жи Блаватской, закрывая большую его часть,—положеніе самое невыгодное, если не было намѣренія обманывать. Онъ стоялъ на невысокой подставкѣ или полкѣ, но главнымъ образомъ держался на двухъ толстыхъ желѣзныхъ кольцахъ, надѣтыхъ на крючки, вбитые почти подъ потолокъ. Нѣкоторое пространство вокругъ шкапа было задрапировано кисейными занавѣсями, которые спереди раскрывались, если кто-нибудь желалъ видѣть шкапъ. Съ боковъ эти занавѣси были футовъ семь въ вышину, но сзади шкапа доходили до потолка. Стѣна за шкапомъ была покрыта бѣлымъ глянцевитымъ коленкоромъ. Два полотнища коленкора сходились какъ разъ за срединой шкапа. Остальныя стѣны были покрыты полосатой бумажной матеріей, бѣлой съ краснымъ. Верхняя часть шкапа совершенно плотно прилегала къ стѣнѣ. Нижняя часть немного отходила отъ стѣны—не болѣе какъ на $^1/_4$ дюйма. Шкапъ и его принадлежности были поставлены въ февралѣ или мартѣ 1883 г. Вскорѣ послѣ этого въ комнатѣ г-жи Блаватской, задней стороной къ углубленію, былъ поставленъ большой буфетъ. Нѣкоторое время на этомъ мѣстѣ стоялъ небольшой шкапъ для посуды. Время, когда былъ принесенъ буфетъ и унесенъ шкапъ, я не могъ точно опредѣлить. Шкапъ, а впослѣдствіи углубленіе въ стѣнѣ служили г-жѣ Блаватской помѣщеніемъ для платья. Все вышеприведенное описаніе составлено по показаніямъ теософовъ.

М-ръ Куломбъ показалъ, что онъ снялъ шкапъ вскорѣ послѣ того, какъ онъ первоначально былъ повѣшенъ на стѣну, распилилъ надвое доску и прикрѣпилъ сзади кусокъ кожи для того, чтобы верхняя часть легко могла быть отодвинута. Соединеніе двухъ половинокъ доски было скрыто изнутри шкапа зеркаломъ. Сзади этой открывающейся доски въ стѣнѣ было сдѣлано отверстіе. Въ буфетѣ, стоявшемъ въ комнатѣ г-жи Блаватской, также была устроена отодвигающаяся дюймовъ на 10 доска, такъ что между спальней г-жи Блаватской и шкапомъ существовало сообщеніе. Передвижныя доски въ шкапу и буфетѣ были показаны м-ромъ Куломбомъ контрольному совѣту, когда онъ отдалъ ключи отъ комнаты г-жи Блаватской въ маѣ 1884 г. Отверстіе въ стѣнѣ было, по его словамъ,

*) Этого не отрицала мнѣ сама г-жа Б—ая, говорившая, что это было сдѣлано для удобства перевозки. Но такъ какъ остальная часть шкапа не разбиралась, то трудно себѣ представить, въ чемъ заключалось удобство того, что одна задняя сторона была разборная. *Годжсонъ.*

задѣлано въ январѣ, передъ отъѣздомъ г-жи Блаватской въ Европу. Онъ показалъ также, что распиленная на двое доска шкапа была замѣнена цѣльной и что это было сдѣлано по требованію г-жи Блаватской, боявшейся, что во время ея отсутствія можетъ быть произведенъ осмотръ шкапа. Конечно, показаніе м-ра Куломба о распиленной доскѣ не можетъ быть провѣрено и должно быть принято на-вѣру. Насколько вѣрны его другія показанія,—видно будетъ изъ дальнѣйшей части моего описанія, взятаго изъ иныхъ источниковъ.

Въ концѣ октября или началѣ ноября 1883 г. г-жа Блаватская приказала убрать буфетъ и задѣлать переднюю часть углубленія въ стѣнѣ. Буфетъ былъ переставленъ въ сѣверо-восточное углубленіе въ гостиной г-жи Блаватской и тамъ, по всей вѣроятности, при осмотрѣ его теософами въ маѣ 1884 года, найдена была выдвижная доска. Деревянная рама была сдѣлана для закрытія передней части углубленія, въ эту раму положенъ одинъ рядъ кирпичей, затѣмъ наружная часть покрыта штукатуркой вровень съ остальной стѣной. Пустота, оставшаяся въ стѣнѣ между оккультической комнатой и комнатой г-жи Блаватской, была около 1 фута глубины. Затѣмъ вся стѣна заново покрыта обоями, причемъ все было окончено около половины декабря 1883 года или немного позже. Вслѣдъ за этимъ шкапъ, вышиною около 3 фут. и 34 дюймовъ шириною, былъ снова плотно приставленъ къ задѣланному отверстію и былъ найденъ на этомъ мѣстѣ во время изгнанія Куломбовъ въ маѣ 1884 г., причемъ оказалось, что кирпичи за нимъ были вынуты, такъ что между шкапомъ (въ задней сторонѣ котораго была выдвижная доска) и пустымъ пространствомъ—было сообщеніе. М-ръ Куломбъ показалъ, что вынулъ кирпичи сейчасъ-же послѣ того, какъ шкапъ былъ поставленъ въ декабрѣ 1883 г. Какъ-бы-то ни было, шкапъ оставался здѣсь во время праздниковъ 1883 г., и феномены, прекратившіеся во время передѣлокъ, возобновились немедленно послѣ ихъ окончанія. Они совершенно прекратились, за двумя исключеніями, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, около половины января 1884 г. 17 или 18 мая м-ръ Куломбъ отдалъ ключи и всѣ приспособленія для плутовства были осмотрѣны, какъ-то: отодвигающаяся доска въ шкапу для посуды, такая-же доска въ буфетѣ и пустое пространство въ углубленіи. М-ръ Сентъ-Джорджъ Лэнъ-Фоксъ осмотрѣлъ тогда западную сторону стѣны, но въ то время уже не могъ найти никакихъ слѣдовъ отверстія, которое, по словамъ м-ра Куломба, существовало ранѣе между впадиной въ стѣнѣ и шкапомъ. Теософы утверждали, что всѣ приспособленія для плутовства, открытыя Куломбами, которымъ были поручены комнаты г-жи Блаватской во

время ея отсутствія, были сдѣланы послѣ ея отъѣзда; что они никогда не употреблялись и не могли употребляться для совершенія феноменовъ*), что пустое пространство было слишкомъ мало, чтобы служить для сообщенія со шкапомъ и что, кромѣ того, м-ру Куломбу помѣшали, прежде чѣмъ онъ успѣлъ продѣлать отверстіе между впадиной и самимъ шкапомъ.

Для возстановленія этихъ пунктовъ, теософическій контрольный совѣтъ разослалъ, въ августѣ 1884 года, циркулярный допросъ разнымъ теософамъ, бывавшимъ въ главной квартирѣ, о томъ, что они знаютъ о шкапѣ, прилегающихъ стѣнахъ и т. д. до и послѣ изгнанія Куломбовъ. Д-ръ Гартманъ разрѣшилъ мнѣ прочесть эти отвѣты. Кромѣ того, я лично распрашивалъ всѣхъ важнѣйшихъ свидѣтелей, утверждавшихъ, что они осматривали шкапъ и окружающее его. Результатомъ было то, что если исключить г-жу Блаватскую, Куломбовъ, туземнаго слугу г-жи Блаватской, Бабулу, и полковника Олкотта, то оказывается, что нѣтъ ни одного человѣка, который видѣлъ-бы, какъ шкапъ отодвигали отъ стѣны раньше изгнанія Куломбовъ; что никогда не было производимо осмотра ни задней стороны его, ни прилегающей къ нему стѣны. Далѣе, что никогда не было дѣлаемо осмотра западной стѣны, который могъ-бы открыть существовавшія въ ней отверстія. Я долженъ прибавить, что всѣ показанія отличалась замѣчательнымъ отсутствіемъ наблюдательности, чѣмъ-то приближающимся къ полному отсутствію обыкновенной сообразительности и большой уклончивостью, по временамъ граничившей съ нечестностью. Многія изъ первоначальныхъ показаній свидѣтелей приведены въ приложеніи IV къ отчету вмѣстѣ съ измѣненіями этихъ показаній, вызванными моими вопросами, и затѣмъ мои собственные комментаріи.

Окончательная судьба шкапа, согласно разсказу мнѣ доктора Гартмана, была слѣдующая. Послѣ изгнанія Куломбовъ, м-ръ Джеджъ, американецъ-теософъ, бывшій въ то время въ главной квартирѣ, пожелалъ осмотрѣть шкапъ. М-ръ Дамодаръ, у котораго были ключи отъ оккультической комнаты, нѣсколько разъ, подъ разными предлогами, уклонялся ихъ выдать; но, наконецъ, нѣсколько теософовъ приступили къ этому осмотру. Шкапъ былъ отодвинутъ отъ стѣны и обѣ его дверцы открыты. М-ръ Виджіарагава Чарлу (обыкновенно называемый Ананда), теософъ, занимающій оффиціальное положеніе въ главной квартирѣ, ударилъ рукой по задней сторонѣ шкапа говоря: «вы, ви-

*) Нѣкоторое основаніе этого мнѣнія могло быть въ томъ, что доски отодвигались плохо, но это могло случиться отъ долгаго неупотребленія и пыли. *Годжсонъ.*

дите, эта сторона совершенно плотная», когда, къ удивленію большинства присутствующихъ, средняя доска вылетѣла кверху. Нѣкоторымъ изъ свидѣтелей этого показалось нежелательнымъ, чтобы это открытіе сдѣлалось извѣстно всѣмъ и, вслѣдствіе этого, положено было уничтожить шкапъ. Для этого рѣшили тайно унести его, но это было неудобно сдѣлать изъ оккультической комнаты. Поэтому онъ былъ сначала открыто перенесенъ въ комнату м-ра Дамодара, а въ слѣдующую ночь разобранъ по частямъ и тайно унесенъ тремя теософами, затѣмъ окончательно разломанъ и сожженъ по частямъ въ теченіе слѣдующей недѣли. Д-ръ Гартманъ оставилъ только двѣ части задней стороны, которыя завернулъ въ сѣрую бумагу и спряталъ у себя въ комнатѣ. Дощечки эти изъ кедроваго дерева, покрытыя чернымъ лакомъ. Согласно предварительному показанію Куломба, спинка шкапа была именно изъ такого дерева.

Послѣ этого докторъ Гартманъ снабдилъ меня письменнымъ изложеніемъ, которое интересно, какъ подтверждающее существованіе отверстія между пустотой въ стѣнѣ и шкапомъ. Что это отверстіе существовало и было задѣлано, мнѣ утверждалъ еще и другой теософъ, человѣкъ крайне наблюдательный и открывшій его слѣды независимо отъ доктора Гартмана. Вотъ извлеченіе изъ письменнаго разсказа д-ра Гармана:

«Въ какое время было сдѣлано отверстіе въ стѣнѣ, для меня такая-же тайна, какъ и для васъ; но, сообразивъ всѣ обстоятельства, изложенныя въ моемъ памфлетѣ, я пришелъ къ заключенію и *теперь того мнѣнія*, что это было сдѣлано Куломбомъ послѣ отъѣзда Е. П. Блаватской въ Европу, съ тѣмъ, чтобы втереться къ ней въ милость, облегчая ея, предполагаемыя имъ, плутовства. Все устроено слишкомъ грубо, и надо обладать крайней довѣрчивостью, чтобы такіе феномены, какъ извѣстные мнѣ, могли быть устроены при помощи подобныхъ средствъ. Я не знаю ни одного феномена (sic), *происшедшаго въ моемъ присутствіи*, гдѣ эти средства могли-бы сколько-нибудь пригодиться.

«О существованіи подвижной задней стороны шкапа и задѣланнаго отверстія въ стѣнѣ никто изъ насъ ничего не знаетъ, и самый тщательный наружный осмотръ ни къ чему не приводилъ; для болѣе добросовѣстнаго осмотра надо было снять шкапъ, но насъ удерживало отъ этого суевѣрное благоговѣніе, съ которымъ м-ръ Дамодаръ К. Маваланкаръ глядѣлъ на него и видѣлъ въ каждомъ европейцѣ, осмѣлившемся прикоснуться къ «священному» шкапу, святотатца.

«Около того времени, когда генералъ Морганъ послалъ м-ру Патерсону приглашеніе явиться въ главную квартиру, былъ произведенъ осмотръ и найдено, что задняя сторона шкапа вы-

движная, а когда смочили стѣну за нимъ мокрой тряпкой, то оказалось, что ранѣе существовало отверстіе, которое было заштукатурено.

«Я не вижу, чтобы эти открытія могли набросить тѣнь на г-жу Блаватскую, такъ какъ все это дѣло м-ра Куломба и нѣтъ никакихъ указаній, чтобы Е. П. Блаватская знала объ этомъ. Мало того, по свидѣтельству осматривавшихъ шкапъ, всѣ эти мошенничества недавняго происхожденія.

«Въ всякомъ случаѣ, я долженъ признаться, что это *новое открытіе* въ такую неудобную минуту должно было произвести крайне дурное впечатлѣніе на публику. Будь я здѣсь, какъ посланный отъ общества психическихъ изслѣдованій, или какъ сыщикъ миссіонеровъ, я, конечно, не колеблясь, описалъ-бы *новое открытіе*, но въ моемъ положеніи я долженъ думать объ интересахъ г-жи Блаватской и потому не счелъ благоразумнымъ говорить объ этомъ; я не имѣлъ разрѣшенія показывать частное помѣщеніе г-жи Блаватской и не чувствовалъ себя въ правѣ (при моемъ тогдашнемъ положеніи) дозволить врагамъ Е. П. Блаватской войти къ ней безъ ея согласія.

«Одинъ присутствовавшій джентльмэнъ, раздѣлявшій мое мнѣніе, что «шкапъ» слишкомъ потерялъ свое обаяніе, чтобы могъ быть далѣе нуженъ, сжегъ его въ моемъ присутствіи. Я никогда не говорилъ ни полковнику Олкотту, ни г-жѣ Блаватской, ни кому-бы-то ни было въ главной квартирѣ, что сталось со шкапомъ. Но когда вы и м-ръ Юмъ, не считая множества другихъ нелѣпыхъ теорій, высказали также ваше убѣжденіе, что г-жа Блаватская послала своего слугу Бабулу унести шкапъ, и онъ исполнилъ ея приказаніе, я нашелъ, что эта минута удобна, чтобы доказать, что даже и членъ общества для психическихъ изслѣдованій можетъ ошибиться» *).

Мы узнаёмъ отъ м-ра Гартмана, что тщательному осмотру шкапа помѣшало «суевѣрное благоговѣніе», съ которымъ мистеръ Дамодаръ глядѣлъ на него. Заявленіе д-ра Гартмана подтверждается свидѣтельствомъ м-ра Лэнъ Фокса, который также весьма патетически выражалъ мнѣ свое убѣжденіе, что никакой осмотръ шкапа туземными свидѣтелями не можетъ имѣть ни малѣйшей цѣны, въ виду крайняго ихъ къ нему благоговѣнія. Однако, надо замѣтить, что въ одной части своего заявленія, д-ръ Гартманъ повидимому придаетъ нѣкоторое значеніе свидѣтельству тѣхъ, кто имѣлъ право осматривать шкапъ. Очевидно,

---

*) Къ этому Гартману, и *по сіе время* одному изъ «блестящихъ» дѣятелей теософическаго общества и возбужденнаго имъ движенія, мнѣ еще придется вернуться. *Вс. С.*

самъ д-ръ Гартманъ принадлежалъ къ числу «имѣвшихъ это право»; онъ при многихъ случаяхъ говорилъ мнѣ о своихъ осмотрахъ, и эти разсказы, кромѣ того, что несогласны между собою, но и несогласны съ его послѣднимъ сообщеніемъ, уничтожающимъ все, имъ прежде говоренное объ этомъ предметѣ.

Изъ всего мною сказаннаго ясно: 1) что положеніе, выбранное для шкапа, было особенно удобно для устройства тайнаго сообщенія съ нимъ черезъ заднюю сторону; и что ни одна изъ перемѣнъ, дѣлавшихся время отъ времени въ спальнѣ г-жи Блаватской за шкапомъ, хотя и предназначенныхъ для уничтоженія всякаго подозрѣнія въ плутовствѣ, не уменьшаетъ этого удобства; 2) что всѣ необходимыя приспособленія для доступа въ шкапъ съ задней стороны несомнѣнно тамъ были до удаленія Куломбовъ; 3) что нѣтъ ни одного достовѣрнаго показанія, что этотъ доступъ не существовалъ во все время съ минуты постановки шкапа до отъѣзда г-жи Блаватской въ Европу въ февралѣ 1884 г., исключая времени передѣлки, когда была поставлена рама съ кирпичами, и когда г-жа Морганъ видѣла всю стѣну заново оклеенной обоями; и нѣтъ ни одного заявленія, чтобы во время этихъ передѣлокъ произошелъ въ шкапу какой-нибудь «феноменъ».

Такіе результаты—совершенно независимо отъ писемъ Блаватской къ Куломбамъ — лишаютъ все громадное число свидѣтельствъ «чудесъ шкапа» всякой цѣны; а поставленные рядомъ съ этой корреспонденціей они не оставятъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ умѣ безпристрастнаго читателя въ способѣ производства этихъ «чудесъ».

Показаніе м-ра Дамодара.

Теперь я перехожу къ вопросу, какой вѣсъ могутъ имѣть показанія м-ра Дамодара К. Маваланкара. Это крайне важный вопросъ, не только потому, что м-ръ Дамодаръ одинъ изъ немногихъ, не считая г-жи Блаватской, утверждаетъ, что видѣлъ махатмъ въ Тибе́тѣ и притомъ такимъ способомъ, который исключаетъ всякую возможность обмана, но также и потому, что самъ м-ръ Дамодаръ считается имѣющимъ способность путешествовать въ «астральной формѣ», и факты этихъ астральныхъ путешествій по большей части подтверждаются лишь его собственными разсказами. Мое личное заключеніе, какъ я уже сказалъ, неблагопріятно для м-ра Дамодара. Я не могу привести здѣсь все, что заставило меня придти къ такому заключенію, но полагаю, что одного анализа его показаній относительно шкапа будетъ болѣе чѣмъ достаточно для подтвержденія моихъ словъ.

Бабула, туземный слуга г-жи Блаватской, прибылъ въ Адіаръ

по возвращеніи изъ Европы 20-го сентября, какъ я узналъ изъ книги пріѣзжающихъ. Мое первоначальное предположеніе относительно исчезновенія шкапа состояло въ томъ, что Бабула спряталъ или уничтожилъ его по приказанію г-жи Блаватской, такъ какъ шкапъ былъ унесенъ въ ночь 20-го сентября. Таково-же, казалось, было мнѣніе и м-ра Субба Роу, адвоката верхняго суда въ Мадрасѣ, въ то время и теперь выдающагося теософа, который тщетно разспрашивалъ и даже стращалъ Бабулу въ надеждѣ добиться признанія. Я расположенъ думать, что таково-же было мнѣніе м-ра Дамодара, и что во избѣжаніе того, чтобы я пришелъ къ этому заключенію, онъ, въ самомъ началѣ разслѣдованія, въ отвѣтъ на мои вопросы, старался скрыть фактъ прибытія Бабулы 20-го сентября вечеромъ, а утверждалъ, что онъ пріѣхалъ 21-го сентября утромъ и немедленно пожелалъ осмотрѣть комнаты, гдѣ, ко всеобщему удивленію (повидимому не исключая и тѣхъ трехъ теософовъ, которые по словамъ д-ра Гартмана*) унесли этотъ шкапъ), не нашлось этого шкапа. Мистеръ Дамодаръ утверждалъ также, что въ той части комнаты, гдѣ стоялъ шкапъ, остались слѣды, указывающіе на то, что его опрокинули на бокъ и что это-же самое говорится въ заявленіи, составленномъ теософами, открывшими исчезновеніе шкапа. Разспрашивая другого присутствовавшаго теософа, я получилъ отъ него увѣреніе, что никакихъ слѣдовъ не было и что даже никто ихъ не искалъ. Заявленіе, съ котораго у меня есть копія, не содержитъ ни малѣйшаго намека на такіе слѣды.

Обращаясь теперь къ показаніямъ м-ра Дамодара, цитируемымъ въ приложеніи IV къ отчету, мы находимъ, что онъ утверждаетъ слѣдующее:

1. Что отверстіе въ шкапу, прилегавшее къ углубленію, и самое углубленіе были такъ малы, что онъ съ трудомъ проходилъ въ него и, разъ пройдя, «могъ лишь стоять неподвижно, не будучи въ состояніи ни подвинуться ни на одинъ дюймъ, ни поднять руки».

2. Что въ рамѣ шкапа не было подвижной доски.

3. Что онъ присутствовалъ при многихъ феноменахъ вмѣстѣ съ другими свидѣтелями, тщательно осматривалъ, насколько только возможно, шкапъ и убѣдился, что онъ «не поврежденъ и что въ немъ нѣтъ *выдвижныхъ досокъ* или чего-либо въ этомъ родѣ».

---

*) Д-ръ Гартманъ заявляетъ, что Дамодара не было въ числѣ этихъ трехъ. Что они не посвятили его въ дѣло, весьма естественно въ виду ихъ чистосердечной вѣры въ его «суевѣрное благоговѣніе» къ священному шкапу. *Горджсонъ.*

4. Что онъ хорошо помнитъ, какъ вмѣстѣ съ м-ромъ Субба Роу они «тщательно осматривали *шкапъ* и *стѣны*», и что они оба остались довольны, «что тотъ и другая неприкосновенны и цѣлы».

5. Что во время пребыванія г-жи Блаватской въ 1883 г. въ Утакамюндѣ, ключи отъ шкапа и отъ оккультической комнаты были у *него*; а затѣмъ

6. Что во время пребыванія г-жи Блаватской въ 1883 г. въ Утакамюндѣ ключи отъ комнаты г-жи Блаватской и отъ шкапа были у *г-жи Куломбъ*.

7. Что буфетъ не существовалъ до января 1884 г., когда въ шкапу перестали происходить феномены.

1) Относительно отверстія въ шкапу и углубленія я долженъ повторить что они еще существовали, когда я пріѣхалъ, хотя м-ръ Дамодаръ утверждалъ, что углубленіе было задѣлано. Это послѣднее заявленіе м-ра Дамодара я не могу иначе считать, какъ преднамѣреннымъ искаженіемъ факта. Знай я, что углубленіе существуетъ, я-бы конечно самъ попробовалъ въ него войти и сразу открылъ-бы невѣрность описанія м-ра Дамодара. Впослѣдствіи другой теософъ сообщилъ мнѣ, что считаетъ отверстіе и углубленіе достаточнымъ для того, чтобы человѣкъ средняго роста могъ воспользоваться ими для устройства «феноменовъ шкапа», а въ то же время я провѣрилъ справедливость или лучше сказать, несправедливость словъ м-ра Дамодара, устроивъ самъ отверстіе и углубленіе меньшія, чѣмъ сообщавшіяся со шкапомъ. Д-ръ Гартманъ, въ своемъ памфлетѣ, даетъ размѣры отверстія—27 дюймовъ въ вышину и 14 д. въ ширину, — которые приблизительно вѣрны. Въ этомъ я могъ убѣдиться самъ, такъ какъ рама была вынесена прочь и мнѣ показывалъ ее потомъ другой теософъ. Углубленіе д-ръ Гартманъ считалъ въ 12 дюймовъ глубины и около 5 фут. вышины; глубина приблизительно такова, но высота около 8 футовъ — какъ я убѣдился измѣреніемъ. Я самъ входилъ въ пространство, по высотѣ и глубинѣ на 1 дюймъ *меньше* чѣмъ размѣры, данные д-ромъ Гартманомъ. Отверстіе, сдѣланное мною для этой цѣли, было меньше чѣмъ 13 и 26 дюймовъ, а пространство, въ которое оно вело и въ которомъ я могъ свободно стоять, было менѣе 11 дюймовъ глубины. Въ этомъ пространствѣ я могъ удобно поднимать руку, брать и держать разные предметы и вообще дѣлать все необходимое для устройства «феноменовъ». Въ своемъ показаніи мистеръ Дамодаръ обращаетъ вниманіе на свою худощавость *) и

*) Дамодаръ, на видѣнныхъ мною фотографическихъ портретахъ, — совершенный скелетъ. *Вс. С.*

конечно я, по сложенію, гораздо плотнѣе его, да полагаю — также и м-ра Куломба и Бабулы.

2) Слѣдующее заявленіе м-ра Дамодара, что въ рамѣ шкапа не было выдвижной доски, какъ уже намъ извѣстно, тоже невѣрно. Если-бы это показаніе стояло отдѣльно, то не показывалось-бы лживымъ, а только невѣрнымъ заключеніемъ, такъ какъ было сдѣлано ранѣе открытія этой доски Анандой, какъ это описано выше.

3) Того тщательнаго осмотра, который, какъ онъ утверждаетъ, былъ сдѣланъ въ его присутствіи, — въ дѣйствительности никогда не было. Ни одинъ изъ многочисленныхъ свидѣтелей, на которыхъ онъ указываетъ, никогда не отодвигалъ шкапа отъ стѣны ни на одинъ дюймъ. И не только они, но впослѣдствіи и самъ мистеръ Дамодаръ утверждалъ, что никогда не осматривалъ задней стороны шкапа и не присутствовалъ при подобномъ осмотрѣ. Какъ это согласуется съ его показаніемъ, что онъ самъ съ м-ромъ Субба Роу «тщательно» осматривали шкапъ и стѣну!

4) Я имѣлъ случай, *въ присутствіи м-ра Дамодара*, спросить м-ра Субба Роу относительно этого осмотра. М-ръ Субба Роу объявилъ, что никогда его не дѣлалъ. Тогда и м-ръ Дамодаръ повторилъ то же самое и оба стали утверждать, что никогда не видали, чтобы шкапъ сдвигали съ мѣста. Между тѣмъ, м-ръ Дамодаръ заявилъ объ этомъ мнимомъ осмотрѣ въ прежнемъ *письменномъ* своемъ заявленіи, о которомъ хорошо помнилъ.

5 и 6) Слѣдующее рѣзкое противорѣчіе въ показаніяхъ м-ра Дамодара касается ключей отъ шкапа и оккультической комнаты во время пребыванія г-жи Блаватской въ Утакамюндѣ въ 1883 г., которые, по его новому показанію, были у него въ рукахъ, а по слѣдующему—у г-жи Куломбъ. Это противорѣчіе не легко разрѣшить, но все-таки можно и для него придумать объясненіе. Первое показаніе было сдѣлано въ августѣ 1884 г., когда, по всей вѣроятности, м-ръ Дамодаръ считалъ дѣломъ первой важности доказать, что до половины сентября 1883 г., въ шкапу не было выдвижной доски. Второе показаніе было сдѣлано 19-го сентября 1884 г., а 10-го сентября въ *Madras Christian College Magazine* появились письма *Блаватской къ Куломбамъ*. Въ то время теософами была сдѣлана попытка доказать самими обстоятельствами дѣла подложность этой корреспонденціи. Изъ этихъ писемъ два имѣли отношеніе къ Адіарскому блюдечку и къ письму изъ шкапа, полученному м-ромъ П. Сриневасомъ Рао. Въ ранѣе напечатанномъ генераломъ Морганомъ заявленіи онъ говоритъ, что ключи отъ шкапа были у г-жи Куломбъ, и вся сила показанія м-ра Рао въ пользу неподдѣльности его феномена заклю-

чалась въ томъ, что онъ просилъ у г-жи Куломбъ дозволенія видѣть шкафъ въ тотъ-же вечеръ, и что, слѣдовательно, у г-жи Куломбъ не было времени написать и получить отъ г-жи Блаватской письмо махатмы, такъ какъ г-жа Б-ая находилась въ то время въ Утакамюндѣ. Являлась невозможность дать ясный отвѣтъ объ этихъ случаяхъ не выяснивъ, что ключи находились у г-жи Куломбъ, какъ это и было въ дѣйствительности. Трудно предположить, чтобы первое показаніе м-ра Дамодара не было завѣдомой и преднамѣренной ложью.

7) М-ръ Дамодаръ говоритъ, что буфетъ появился съ января 1884 г., когда въ шкапу перестали происходить феномены. Д-ръ Гартманъ, въ своемъ памфлетѣ въ сентябрѣ 1884 г., пишетъ, что, по внушенію м-ра Куломба, «согласно его (Куломба) плану, былъ сдѣланъ тяжелый буфетъ для посуды подъ его наблюденіемъ въ декабрѣ 1883 г. и поставленъ къ стѣнѣ, по другую сторону которой висѣлъ «шкапъ». Въ отвѣтъ на мой вопросъ онъ подтвердилъ, что этотъ буфетъ, въ которомъ м-ръ Куломбъ указалъ выдвижную заднюю сторону, стоялъ у восточной стороны стѣны за шкапомъ во время годовщины (27 декабря). Его присутствіе тамъ въ это время подтверждается также и м-съ Морганъ, м-ромъ Субба Роу, м-ромъ Сриневасомъ Рао и многими. Итакъ, мистеръ Дамодаръ расходится съ очень важными теософскими свидѣтелями и его показаніе кажется сдѣланнымъ потому, что онъ сознавалъ всю важность установленія той лжи, что буфетъ не былъ на своемъ мѣстѣ во время ежегоднаго декабрьскаго празднества въ 1883 г. (когда происходили «феномены шкапа»). Я имѣю причины думать, что онъ принудилъ многихъ свидѣтелей показать эту ложь. Я нашелъ, что во многихъ случаяхъ онъ предварительно подучалъ свидѣтелей, какъ отвѣчать на мои вопросы. Я конечно, старался устранить эти предварительныя подготовки и одинъ разъ, явившись неожиданно къ м-ру Ратнавасу, свидѣтелю, отъ котораго у меня было письменное показаніе, я былъ встрѣченъ словами: «м-ръ Дамодаръ не говорилъ мнѣ, что вы будете». Этотъ джентльмэнъ сознался, хотя видимо неохотно, что буфетъ былъ уже поставленъ во время годовщины, въ 1883 году. Свидѣтели, показавшіе противное, были всѣ изъ числа неблагонадежныхъ.

Эти противорѣчія и ложныя показанія относительно «шкапа» сами по себѣ достаточны для того, чтобы считать м-ра Дамодара свидѣтелемъ, не заслуживающимъ довѣрія»...

Я привелъ *эту часть* «отчета» Годжсона цѣликомъ, въ подстрочномъ переводѣ, для того, чтобы *совершенно познакомить* читателей съ пріемами и значеніемъ этого изслѣдованія, занимающаго двѣсти страницъ мелкой печати. Къ нему приложены

планы, а также факсимиле писемъ Блаватской и Кутъ-Хуми, въ подлинности которыхъ *невозможно* сомнѣваться и безъ экспертовъ, зная своеобразный почеркъ «madame» и неподражаемыя особеннности ея слога.

Приведенной мною части отчета, никогда не опровергнутаго Е. П. Блаватской и ея защитниками, что, впрочемъ, было-бы и невозможно—болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы доказать совершенно непозволительное обращеніе съ истиной и съ русскими читателями, какое позволяетъ себѣ г-жа Желиховская, обвиняя («Русское Обозрѣніе», декабрь 1891 г.) Годжсона въ предвзятой недобросовѣстности. Курьезнѣе всего, что въ удостовѣреніе этой недобросовѣстности приводится тотъ фактъ, что Годжсонъ, получивъ письма Блаватской, «несмотря ни на какія просьбы какъ ея самой, такъ и друзей ея, не показалъ имъ этихъ писемъ» *). Какъ будто не вполнѣ ясно, что если-бы *такіе* документы, въ которыхъ заключался *настоящій смертный приговоръ* «madame» и ея ближайшихъ пособниковъ—были показаны этимъ *осужденнымъ на смерть*, то они не стали-бы церемониться: они просто вырвали-бы документы изъ рукъ слѣдователя и уничтожили-бы ихъ.

Годжсонъ сразу-же сообразилъ это и не только не показалъ ихъ осужденнымъ, но и не сталъ даже хранить при себѣ въ Индіи: онъ при первой-же возможности послалъ всѣ эти драгоцѣнные документы въ Англію, для представленія ихъ экспертамъ Нетсерклифту и Симсу изъ Британскаго музея.

Если-бы Годжсонъ поступилъ иначе—онъ оказался бы недостойнымъ довѣрія, выраженнаго ему «лондонскимъ обществомъ для психическихъ изслѣдованій».

Теперь, чтобы не утруждать вниманіе читателей, я выпущу изъ отчета все несущественное, всѣ мелочныя подробности, изложу въ извлеченіи только болѣе интересные факты и затѣмъ возвращусь къ моему разсказу.

XIII.

Относительно «астральныхъ» путешествій Дамодара м-ръ Годжсонъ того мнѣнія, что, несмотря на показаніе Олкотта, предварительный уговоръ между Блаватской и Дамодаромъ болѣе чѣмъ вѣроятенъ. Вотъ въ полности показаніе полковника

---

*) Ср. это съ приведеннымъ выше письмомъ Е. П. Блав., гдѣ она, невѣдомо зачѣмъ, сообщаетъ мнѣ, что эти письма находились въ рукахъ теософическаго комитета.

Олкотта, данное имъ въ комиссіи «лондонскаго общ. для психич. изслѣдованій» и чрезвычайно интересное для характеристики «президента теософическаго общества».

Олкоттъ. Во время одной моей оффиціальной поѣздки изъ Бомбея въ Кашмиръ, въ Марадабадѣ ко мнѣ сильно приставалъ нѣкто Шанкаръ Сингъ, правительственный чиновникъ, въ то время еще не теософъ, чтобы я излѣчилъ двухъ мальчиковъ 12 и 14 лѣтъ, которые оба были парализованы съ 10-лѣтняго возраста. Я полагаю, многимъ изъ присутствующихъ извѣстно, что я имѣю силу лѣчить больныхъ произвольной передачей жизненной силы. Я отказалъ ему, такъ какъ въ предшествовавшемъ году сильно изнурилъ себя частыми магнетизаціями. Онъ долго старался убѣдить меня и заставить измѣнить мое рѣшеніе, но такъ какъ я рѣшительно отказался, то онъ обратился къ м-ру Дамодару, путешествовавшему со мною по своей должности (секретаря). Шанкаръ Сингъ изложилъ ему все дѣло и убѣдилъ его отправить свой двойникъ, или призракъ (phantasm) въ главную квартиру общества въ Мадрасъ (отстоящій на 2.200 миль отъ Марадабада), и постараться заручиться содѣйствіемъ г-жи Блаватской.

Ф. Майерсъ. Было-ли извѣстно въ главной квартирѣ, что вы находитесь въ этотъ день въ Марадабадѣ?

Олкоттъ. Тамъ не было извѣстно, что я въ Марадабадѣ, такъ какъ, въ виду быстроты нашего движенія въ Индіи, я во время поѣздки былъ принужденъ часто нарушать заранѣе составленную программу и отправляться то туда, то сюда, для нахожденія новыхъ вѣтвей общества. Все говоритъ противъ какого-бы-то ни было вліянія предварительнаго уговора. Для того, чтобы понять настоящій случай, вы должны знать, что въ восточныхъ школахъ мистическихъ изслѣдованій существуетъ правило, по которому «челы» не могутъ имѣть общенія ни съ какимъ учителемъ, исключая своего собственнаго. Отъ этого м-ръ Дамодаръ, «чела» махатмы Кутъ-Хуми, не могъ самъ обратиться къ моему учителю (Моріи). Г-жа Блаватская и я—ученики одного учителя, а потому она могла обратиться къ нему по этому поводу. Сдѣлавъ приготовленія къ своему «астральному» путешествію, м-ръ Дамодаръ выслалъ м-ра Шанкара Синга изъ комнаты и заперъ дверь. Нѣсколько минутъ спустя онъ возвратился къ своему посѣтителю, ожидавшему его на верандѣ. Затѣмъ они вмѣстѣ отправились въ ту часть дома, гдѣ я сидѣлъ съ нѣсколькими индусами и однимъ европейцемъ, и передали мнѣ, что произошло вслѣдствіе моего отказа вылѣчить мальчиковъ. М-ръ Дамодаръ разсказалъ, что его двойникъ былъ въ главной квартирѣ (въ Мадрасѣ) и говорилъ съ г-жей Блаватской

которая отказала въ своемъ посредничествѣ. Но въ то время какъ онъ бесѣдовалъ съ г-жей Блаватской, они оба услыхали голосъ и узнали голосъ моего учителя... Дамодаръ заявилъ, что если я возьму карандашъ и бумагу, то онъ продиктуетъ мнѣ на память то, что сказалъ учитель. Я такъ и сдѣлалъ.

Ф. Майерсъ. Вы имѣете эту бумагу?

Олкоттъ. Да. Тогда, въ присутствіи всѣхъ, Шанкаръ Сингъ сѣлъ и написалъ краткій разсказъ о случившемся, подтвержденный 12 подписями, въ томъ числѣ и моею.

* * *

Въ меморандумѣ говорится, что, повторивъ порученіе махатмы, полученное въ главной квартирѣ, м-ръ Дамодаръ прибавилъ, что онъ просилъ г-жу Блаватскую подтвердить просшедшее, приславъ телеграмму съ повтореніемъ словъ махатмы, или ихъ сущности, или на его имя или на имя Шанкара Синга. На слѣдующее утро ожидаемая телеграмма была получена.

* * *

Майерсъ. Вы не знаете, видѣла-ли Дамодара г-жа Блаватская?

Олкоттъ. Она говорила мнѣ, что видѣла. Въ главной квартирѣ живетъ М. Алексисъ Куломбъ, библіотекарь Общества. Во время означеннаго посѣщенія м-ра Дамодара, онъ былъ чѣмъ-то занятъ въ комнатѣ, сосѣдней съ той, гдѣ была г-жа Блаватская. Вдругъ онъ вошелъ въ комнату и спросилъ—гдѣ м-ръ Дамодаръ? такъ какъ слышалъ его разговаривающимъ съ г-жей Блаватской.

Майерсъ. Отъ кого вы это слышали?

Олкоттъ. Отъ самого м-ра Куломба. Онъ сказалъ: «Я сейчасъ ясно слышалъ его голосъ». Г-жа Блаватская отвѣтила: «Онъ былъ здѣсь». М-ръ Куломбъ казался удивленнымъ: онъ подумалъ, что м-ръ Дамодаръ неожиданно возвратился, и его съ трудомъ можно было убѣдить, что того нѣтъ въ комнатѣ съ г-жей Блаватской.

Вотъ телеграмма, полученная Д. К. М. и переданная полковнику Олкотту въ Марадабадѣ въ 4.50, 10 ноября 1883 г.

«Генри можетъ попробовать съ этими лицами parties *) въ сильномъ месмерическомъ состояніи (mesmerised). Для облегченія страдающихъ втирать три раза въ день каяпутовое (cajaputi) масло. Карма не можетъ имѣть къ этому никакого отношенія».

---

*) Употребленіе слова «лицами» (parties) кажется мнѣ подозрительнымъ, замѣчаетъ м-ръ Годжсонъ. Къ чему это общее и довольно странное слово, какъ не для того, чтобы прикрыть недоразумѣніе? Слово «boys» (мальчики) было-бы короче и естественнѣе.

Показанія многихъ свидѣтелей подтверждаютъ передачу порученія м-ромъ Дамодаромъ и полученіе полковникомъ Олкоттомъ соотвѣтственной телеграммы отъ г-жи Блаватской.

Для того, чтобы доказать малую вѣроятность уговора между м-ромъ Шанкаромъ Сингомъ и м-ромъ Дамодаромъ, полковникъ Олкоттъ показалъ:

«Въ «Теософистѣ» за нѣсколько мѣсяцевъ до этого было напечатано, что я совершу эту и подобныя поѣздки по Индіи, и что особы, имѣющія больныхъ друзей, могутъ приводить ихъ ко мнѣ въ извѣстные часы на другой день послѣ моего пріѣзда. Задолго до моего пріѣзда въ Марадабадъ Шанкаръ Сингъ писалъ мнѣ, прося взяться за излѣченіе этихъ мальчиковъ и предлагая привезти ихъ ко мнѣ, въ Мадрасъ. Я отказался отъ этого, но сообщилъ ему, что онъ можетъ привезти ко мнѣ мальчиковъ, когда я буду въ Марадабадѣ во время моего объѣзда. Вслѣдствіе этого дозволенія онъ явился и такъ мнѣ надоѣдалъ, говоря: «Вы обязались это сдѣлать».

Такимъ образомъ оказывается, что прежде, чѣмъ полковникъ Олкоттъ оставилъ главную квартиру, тамъ уже было извѣстно, что по пріѣздѣ въ Марадабадъ къ нему явится Шанкаръ Сингъ и потребуетъ исполненія даннаго обѣщанія.

Не исполнилъ-же онъ своего обѣщанія по слѣдующей причинѣ: еще до своего путешествія онъ пытался излѣчивать посредствомъ магнетизма больныхъ въ Пунѣ, куда собралось съ этой цѣлью до 200 больныхъ, но лѣченіе было безуспѣшно и вызвало протестъ теософовъ, находившихъ, что полковникъ Олкоттъ унижаетъ Общество, продолжая лѣчить, несмотря на неудачу.

Вмѣстѣ съ этимъ Олкоттъ получилъ ч-резъ м-ра Дамодара письменное запрещеніе махатмы предпринимать какое-либо лѣченіе.

«19 октября.—Черезъ Д. К. М. пришло приказаніе отъ Чохановъ (Chohans, высшіе духи) не лѣчить болѣе до дальнѣйшихъ приказаній». (Дневникъ полковника Олкотта, 1883 г.).

Въ своемъ-же показаніи полковникъ Олкоттъ не говоритъ объ этомъ ни слова и приписываетъ свое нежеланіе согласиться на просьбу Шанкара Синга тому, что онъ «уже въ предшествующемъ году сильно изнурилъ себя частыми магнетизаціями».

Что причиной его отказа было болѣе полученное имъ приказаніе, чѣмъ выставленная имъ самимъ причина, подтверждается слѣдующимъ показаніемъ м-ра Броуна (Нѣкоторые опыты въ Индіи, стр. 14, 15).

«Полковникъ Олкоттъ... получилъ приказаніе отъ своего «Guru» удержаться отъ лѣченія больныхъ впредь до дальнѣйшихъ

приказаній и когда его просилъ объ этомъ въ Марадабадѣ м-ръ Шанкаръ Сингъ относительно двоихъ сиротъ, то полковникъ принужденъ былъ отказать. Тогда въ дѣло вмѣшался Дамодаръ и сказалъ, что будетъ просить позволенія спеціально для этого случая».

Далѣе Олкоттъ говоритъ въ своемъ отвѣтѣ, что г-жа Блаватская *не знала*, что путешественники находятся въ Марадабадѣ, такъ какъ заранѣе составленная программа часто измѣнялась. Но вотъ что говоритъ м-ръ Годжсонъ:

«Нѣсколько времени спустя послѣ моего пріѣзда въ Адіаръ, я воспользовался случаемъ, когда полковникъ Олкоттъ просматривалъ свой дневникъ, чтобы попросить его сообщить мнѣ число его посѣщеній различныхъ городовъ во время его поѣздки въ 1883 г. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что я могу взять ихъ изъ программы поѣздки, заранѣе непечатанный въ «Теософистѣ». На мое замѣчаніе, что изъ его показаній я заключаю, что предварительная программа была нарушена, онъ отвѣчалъ, что она дѣйствительно была нѣсколько измѣнена вслѣдствіе нахожденія имъ новыхъ, необозначенныхъ вѣтвей Общества, и сталъ говорить мнѣ числа по своему дневнику. Впослѣдствіи я сравнилъ ихъ съ заранѣе напечатанной программой, и всѣ числа вполнѣ совпали съ числами, данными мнѣ полковникомъ Олкоттомъ изъ дневника.

Кромѣ того нужно замѣтить, что въ напечатанной въ «Теософистѣ» программѣ было прибавлено слѣдующее примѣчаніе: «Программа эта будетъ насколько возможно точно исполнена. Всякое измѣненіе, вызванное непредвидѣнными случайностями, будетъ сообщено по телеграфу». (Такимъ образомъ, въ случаѣ нарушенія программы, м-ръ Дамодаръ имѣлъ приличный предлогъ зайти на телеграфъ и могъ послать г-жѣ Блаватской предупрежденіе, не вызывая никакого подозрѣнія). Но программа исполнялась въ точности, какъ сказано выше, и всѣ обстоятельства какъ нельзя лучше приспособлены для предварительнаго уговора.

Несмотря на всѣ эти обстоятельства, ясно указывающія возможность предварительнаго соглашенія между Дамодаромъ и Блаватской, Олкоттъ говоритъ: «Все было противъ какого-бы то ни было предварительнаго уговора»! Отсюда видно, какъ мало можно довѣрять всѣмъ его показаніямъ, и остается только удивляться—зачѣмъ это Годжсонъ, добросовѣстно и ясно доказывая полную недобросовѣстность Олкотта, не можетъ посадить его на законно принадлежащее ему мѣсто, т. е. въ компанію людей, помогавшихъ Блаватской производить ея удивительные феномены.

Нужно упомянуть еще тотъ фактъ, что когда полковникъ

Олкоттъ ссылался на свидѣтельство м-ра Куломба, ему еще не было извѣстно, что Куломбъ обвиняется въ дѣланіи потайныхъ дверей и другихъ приготовленій для плутовскихъ продѣлокъ. Позднѣе, когда полковникъ Олкоттъ получилъ корректурные листы своего показанія, ему уже долженъ былъ быть извѣстенъ фактъ исключенія Куломба изъ Теософическаго Общества. Самъ Куломбъ заявилъ, что, по просьбѣ г-жи Блаватской, онъ далъ полковнику ложное показаніе.

Второй случай «астральныхъ» путешествій м-ра Дамодара полковникъ Олкоттъ описываетъ слѣдующимъ образомъ:

«Ночью 17 ноября 1883 г.—слѣдовательно семь дней спустя послѣ перваго случая—я ѣхалъ изъ Мейрута въ Лагоръ. Въ вагонѣ со мной были двое—м-ръ Дамодаръ и другой индусъ по имени Наренъ Свами Нэду, спавшіе въ различныхъ мѣстахъ вагона. Я самъ читалъ книгу при свѣтѣ лампы. Время отъ времени Дамодаръ ворочался, показывая этимъ, что не спитъ подобно другому. Затѣмъ Дамодаръ подошелъ ко мнѣ и спросилъ, который часъ. Я сказалъ, что осталось нѣсколько минутъ до шести. Онъ сказалъ: «я сейчасъ былъ въ главной квартирѣ»—подразумѣвая свой двойникъ,—«съ г-жею Блаватской случилась непріятность». Я спросилъ, было-ли это что-нибудь серьезное. Онъ отвѣчалъ, что не можетъ сказать; но онъ полагаетъ, что у нея нога запуталась въ коверъ, и она тяжело упала на правое колѣно... Тогда я вырвалъ изъ какой-то книги клочекъ бумаги и записалъ все это, затѣмъ подписалъ я самъ и другой индусъ».

Въ запискѣ значится слѣдующее:

«Въ поѣздѣ на станціи Нагуль S. P. и D. желѣзной дороги въ 5 ч. 55 м. 17/II/83 Д. К. М. сказалъ, что былъ сейчасъ (въ Sukshma Sarira) въ главной квартирѣ. Е. П. Б. запуталась въ коврѣ и ушибла правое колѣно. Взяла портретъ К. Н. изъ священнаго шкапа. Слышалъ, что она упоминала имена генерала и м-ссъ Морганъ. Думаетъ, что они тамъ. Не видѣлъ никого кромѣ Е. П. Б., но *чувствовалъ* многихъ другихъ.»

«Слѣдующая станція была Сахаранпуръ, гдѣ была получасовая остановка для ужина. Я прямо пошелъ на телеграфъ и послалъ г-жѣ Блаватской телеграмму, сколько мнѣ помнится въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «что случилось въ главной квартирѣ около 6 часовъ? Отвѣтъ въ Лагоръ».

Въ отвѣтъ г-жа Блаватская телеграфировала:

«Чуть не сломала правую ногу, упавъ съ епископскаго кресла, сбивъ съ мѣста Куломба, напугавъ обоихъ Морганъ. Дамодаръ напугалъ насъ».

Полковникъ Олкоттъ добавляетъ:

«Присутствіе въ главной квартирѣ генерала и мистриссъ Мор-

ганъ подтверждается этой телеграммой, а ранѣе этого мы, путешественники, не знали о ихъ возвращеніи изъ Нильгири (Nilgiris)».

Къ этому замѣчанію, увидавъ показаніе полковника комиссіи въ корректурѣ, г-жа Блаватская прибавила слѣдующее:

«Они только что пріѣхали изъ Nilgherry-Hills. Е. П. Блаватская».

«Въ этомъ случаѣ свидѣтельство генерала и мистриссъ Морганъ является важнымъ доказательствомъ противъ какого-либо уговора г-жи Блаватской съ м-ромъ Дамодаромъ, такъ какъ оно доказываетъ: 1) что ихъ присутствіе въ главной квартирѣ не могло быть извѣстно м-ру Дамодару, и 2) что случай съ г-жей Блаватской былъ дѣйствительно и случился въ названный часъ. Однако, я узналъ впослѣдствіи отъ генерала Моргана и его супруги, что они были въ главной квартирѣ уже недѣлю; что ихъ спеціально пригласило туда письмо махатмы, и что они не были личными свидѣтелями случившагося».

Вотъ заключеніе м-ра Годжсона: «въ виду того, что мы съ другой стороны знаемъ о г-жѣ Блаватской, я нахожу, что всякое чудо, въ которомъ она принимала участіе, кажется поддѣльнымъ; недобросовѣстность м-ра Дамодара видна изъ его показаній о священномъ шкапѣ; всѣ эти чудесныя сообщенія никѣмъ не подтверждаются, кромѣ Дамодара и г-жи Блаватской; обстоятельства способствуютъ предварительному между ними уговору, и заключеніе, что всѣ эти «астральныя» путешествія—одна сказка, кажется мнѣ неопровержимымъ, а изъ этого заключенія вытекаетъ, что нельзя придавать значенія никакому другому показанію о мнимыхъ чудесахъ, въ которыхъ принималъ участіе м-ръ Дамодаръ. Полное значеніе этого заключенія будетъ видно дальше, когда я дойду до отчета о письмахъ махатмы, полученныхъ въ отсутствіе г-жи Блаватской».

Вотъ еще доказательство недостовѣрности показанія полковника Олкотта:

Въ отвѣтъ на вопросъ м-ра Майерса по поводу «астральной» формы махатмы, явившагося Олкотту въ Нью-Іоркѣ, онъ показалъ:

«Я никогда не видалъ живого индуса ранѣе моего прибытія въ Лондонъ, по дорогѣ въ Индію. До тѣхъ поръ я не состоялъ въ перепискѣ ни съ однимъ изъ нихъ и не зналъ ни одного живого индуса, который могъ-бы навѣстить меня въ Америкѣ».

Полковникъ Олкоттъ прибылъ въ Лондонъ по дорогѣ въ Индію въ 1879 г., теософическое общество было основано въ 1875 г., и, задолго до этого, полковникъ Олкоттъ путешествовалъ съ индусами изъ Нью-Іорка въ Ливерпуль. Онъ познакомился съ ними и получилъ ихъ портреты, изъ которыхъ одинъ,

какъ онъ самъ пишетъ въ одномъ видѣнномъ мною письмѣ, висѣлъ у него на стѣнѣ въ 1877 г. Въ теченіе 1877 и 1878 годовъ онъ написалъ много писемъ одному изъ этихъ индусовъ, м-ру М. Т., теософу, умершему нѣсколько лѣтъ тому назадъ, съ которымъ былъ въ большой дружбѣ въ Бомбеѣ.

Итакъ, оказывается, что полковникъ Олкоттъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ индусомъ, съ которымъ познакомился во время переѣзда изъ Америки въ Англію, гораздо ранѣе того, какъ посѣтилъ Лондонъ по дорогѣ въ Индію, и даже гораздо ранѣе появленія «астральной фигуры», о которой идетъ рѣчь. Сверхъ того теософическое общество въ Бомбеѣ было основано М. Т. еще ранѣе перевода главной квартиры изъ Америки въ Индію.

Когда полковнику Олкотту было указано несогласіе его показанія съ фактами, то онъ согласился, что зналъ М. Т. и другихъ индусовъ много раньше, объяснивъ свое ложное показаніе тѣмъ, что въ то время онъ былъ такъ поглощенъ появленіемъ «астральной формы» махатмы, что *временно позабылъ* о своемъ знакомствѣ съ М. Т. (!!).

При этомъ не слѣдуетъ забывать, что Олкоттъ могъ исправить свой разсказъ въ корректурѣ, когда должна была-бы ужъ пройти странная забывчивость, нашедшая на него при вопросѣ м-ра Майерса.

«Вслѣдствіе этого,—замѣчаетъ м-ръ Годжсонъ,—я не могу придавать показаніямъ полковника Олкотта никакой научной цѣнности».

Такою-же неточностью относительно явленій махатмъ страдаютъ показанія другого джентльмэна, м-ра Могини М. Чаттерджи; но надо замѣтить, что онъ всегда говоритъ, будто никогда не обращалъ большого вниманія на феномены.

Для объясненія противорѣчій, встрѣчающихся въ его показаніяхъ, м-ръ Могини ссылается на свое недостаточное знаніе англійскаго языка *). Такъ, напримѣръ, въ случаѣ перваго упомянутаго «астральнаго» явленія, показаніе м-ра Могини заставило насъ предположить, что не только онъ, но и остальные свидѣтели узнали фигуру. Спрошенный, всѣ-ли согласились, что это не можетъ быть настоящій человѣкъ, м-ръ Могини отвѣтилъ:

«Конечно. Намъ показалось, что это явился оригиналъ портрета висѣвшаго въ комнатѣ полковника Олкотта и считавшагося портретомъ одного изъ махатмъ». На вопросъ члена ко-

---

*) Могини знаетъ англійскій языкъ превосходно, какъ утверждаютъ и знакомые мнѣ англичане, и я самъ былъ свидѣтелемъ его льющагося рѣкою краснорѣчія на «конференсахъ». *Вс. С.*

миссіи м-ра Стэка, могъ-ли онъ различить черты, м-ръ Могини отвѣтилъ: «о, да, и костюмъ, тюрбанъ и все прочее», но позднѣе, на вопросъ м-ра Гернея, узналъ-ли-бы онъ явленіе, если-бы увидалъ одно лицо, онъ отвѣчалъ, что не знаетъ, что впечатлѣніе сходства съ оригиналомъ портрета въ комнатѣ полковника Олкотта произвела на него вся фигура.

Однако, ни одинъ изъ спрошенныхъ свидѣтелей не узналъ чертъ лица; многіе даже не могли сказать, была-ли фигура съ бородой или нѣтъ, исключая м-ра Гозаль, который «видѣлъ что-то въ родѣ бороды, но не очень ясно».

Точно также свидѣтели не согласны и съ другими пунктами, которые приводитъ м-ръ Могини. Напримѣръ, м-ръ Могини говоритъ, что фигура «какъ будто растаяла». М-ръ Гозаль говоритъ: «мнѣ показалось, и многіе изъ присутствовавшихъ были того-же мнѣнія, что фигура зашла за дерево и вдругъ исчезла». Въ настоящее время м-ръ Могини объясняетъ, что, говоря «казалось какъ будто растаяла», онъ просто подразумѣвалъ, что фигура исчезла. Въ своемъ показаніи комиссіи м-ръ Могини сказалъ, что фигура исчезла, и когда м-ръ Майерсъ спросилъ, какимъ способомъ она исчезла,—Могини отвѣтилъ: «казалось какъ будто растаяла». Другой свидѣтель описываетъ фигуру, какъ ходившую взадъ и впередъ подъ балкономъ на третьей террасѣ, и предполагаетъ, что это не могло быть обыкновенное существо, потому что на этой террасѣ множество колючихъ деревьевъ, дѣлающихъ прогулку по ней затруднительной. Но, осматривая старую главную квартиру въ Бомбеѣ, я нашелъ, что и это описаніе не точно, и что всякому, даже переодѣтому въ широкое, развѣвающееся платье, легко можно ходить по всѣмъ террасамъ. И я достаточно удостовѣрился, что на террасахъ не было сдѣлано съ тѣхъ поръ никакихъ измѣненій.

Однимъ словомъ, послѣ моего осмотра мѣстности, я вполнѣ убѣдился, что явленіе могло быть легко устроено переодѣтымъ м-ромъ Куломбомъ. Я видѣлъ м-ра Куломба, переодѣтаго махатмой, и дѣйствительно фигура могла казаться очень внушительной. Голова изъ папье-маше (съ плечами), похожая на голову индуса, съ бородой и т. д., надѣвалась на голову представлявшаго махатму, со лба ея падала складками бѣлая кисея*) и, слегка раздвинувъ ея складки, переодѣтый могъ видѣть и говорить, если надо. Я не думаю, чтобы кто-либо изъ свидѣтелей вышеупомянутыхъ случаевъ могъ узнать переодѣваніе, даже если-бы фигура подходила еще ближе и освѣщеніе было лучше.

---

*) Сравн. заявленіе Бабулы родственницамъ Е. П. Блаватской относительно того, что махатмы—«кисейные». *Вс. С.*

Во второмъ случаѣ мнѣ не удалось возстановить, на какомъ разстояніи являлась фигура, но въ первомъ, судя по мѣстности, она должна была находиться на разстояніи болѣе 40 ярдовъ отъ свидѣтелей. Нельзя придавать значенія словамъ, будто ее узнали въ лицо, да притомъ еще по одному портрету, на такомъ разстояніи, даже при яркомъ лунномъ свѣтѣ. Кромѣ того, фигуру невозможно было хорошо разсмотрѣть вслѣдствіе растущихъ въ этомъ мѣстѣ деревьевъ и кустовъ».

Третій случай, приведенный м-ромъ Могини «астральнаго» явленія въ Адіарѣ отличается, если это возможно, еще меньшей цѣнностью въ смыслѣ достовѣрности, чѣмъ два предшествовавшіе, въ особенности послѣ позднѣйшихъ сообщеній, сдѣланныхъ м-ромъ Могини.

Могини описываетъ этотъ случай слѣдующимъ образомъ. Онъ сидѣлъ съ Блаватской и Дамодаромъ въ Адіарѣ въ гостиной, окна которой выходили на террасу; было около 11 часовъ вечера. Въ одномъ изъ угловъ комнаты вдругъ появилось какое-то бѣлое облако, которое мало-по-малу превратилось въ человѣческую фигуру. Фигура начала ходить взадъ и впередъ передъ присутствовавшими и подходила такъ близко, что Могини казалось, что, протянувъ руку, онъ могъ-бы дотронуться до нея. По портрету онъ призналъ въ фигурѣ махатму Кутъ-Хуми. Черезъ нѣсколько времени, говоритъ Могини, я попросилъ махатму оставить мнѣ какой-нибудь вещественный знакъ своего посѣщенія. Тогда онъ поднялъ руку, казалось, бросилъ намъ что-то и черезъ мгновеніе на насъ упалъ цѣлый дождь розъ, какихъ въ саду не было. Такъ какъ съ одной стороны балкона росли деревья, то, во избѣжаніе подозрѣній, что оно могло спуститься по дереву, мы попросили явленіе исчезнуть съ той стороны, гдѣ нѣтъ выхода. Оно прошло мимо насъ до края балкона и мгновенно исчезло. Высота балкона отъ 15 до 20 ф. Подъ нимъ мѣсто открытое и въ то время тамъ находилось нѣсколько человѣкъ, кромѣ того подъ балкономъ находится нѣсколько ступенекъ, и человѣкъ, спрыгнувшій сверху, непремѣнно переломалъ-бы себѣ ноги.

Дамодаръ, спрошенный м-ромъ Годжсономъ, сказалъ, что фигура исчезла не у края балкона, а какъ разъ напротивъ и близко отъ двери въ оккультическую комнату, которая выходитъ на балконъ. Въ то время, говоритъ м-ръ Годжсонъ, я предполагалъ, что разногласіе между этимъ показаніемъ и словами м-ра Могини можетъ происходить отъ желанія м-ра Дамодара убѣдить меня, что г-жа Блаватская не была знакома съ обстоятельствами дѣла.

М-ръ Могини, въ послѣдующемъ показаніи, которое онъ далъ

въ наше первое свиданіе по возвращеніи моемъ изъ Индіи, описалъ мнѣ, что фигура исчезла на мѣстѣ, очень близкомъ отъ указаннаго мнѣ м-ромъ Дамодаромъ, но не на томъ самомъ; и я обязанъ сказать, что если-бы оно было то-же самое, то позднѣйшее показаніе м-ра Могини превратило-бы его первое въ совершенно безсмысленное; но и такъ оба показанія м-ра Могини совершенно различны. Вмѣсто исчезновенія фигуры, какъ было сказано въ его первомъ показаніи, *по одну сторону балкона* и *надъ лѣстницей*, теперь она исчезаетъ въ мѣстѣ, которое скорѣе можно описать, какъ *переднюю часть балкона* и внизу *не было ступенекъ*. Я не могу придавать никакой цѣны такимъ противорѣчивымъ показаніямъ; точно также, какъ, по-моему, дѣло нисколько не поправляется объясненіемъ, даннымъ м-ромъ Могини въ наше послѣднее свиданіе, что онъ не осматривалъ мѣста, чтобы убѣдиться, были-ли внизу какія-нибудь ступени, и что ему только показалось, будто онъ видѣлъ, что подъ балкономъ были ступени. Въ первомъ показаніи м-ра Могини точка исчезновенія фигуры была опредѣлена одной стороной балкона, деревьями по другую сторону, краемъ балкона и ступенями. Позднѣйшее показаніе противорѣчитъ первому въ трехъ изъ этихъ четырехъ опредѣляющихъ условій.

Я долженъ сказать, что показаніе м-ра Могини, сдѣланное прежде, чѣмъ здѣсь стало публично извѣстно что-либо объ обвиненіяхъ, возбужденныхъ Куломбами, вполнѣ согласно, относительно движенія фигуры и ея исчезновенія, съ показаніемъ, сдѣланнымъ мнѣ *независимо* (т. е., какъ я полагаю, не зная, что показалъ м-ръ Могини) г-жею Куломбъ, утверждавшей, что на этотъ разъ роль махатмы исполняла она. Мѣсто, гдѣ она, по ея мнѣнію, окончательно исчезла изъ вида, было по одну сторону балкона у края, ступени были какъ разъ внизу, а деревья вблизи другой стороны балкона. Она разсказала, что, переодѣвшись махатмой въ ванной комнатѣ—теперь комната м-ра Дамодара—она прошла черезъ шкапъ съ секретной двойной задней стороной въ оккультическую комнату, а оттуда черезъ дверь на террасу, по которой, согнувшись и слѣдуя вдоль стѣны, пробралась до средняго окна въ гостиной, гдѣ медленно выпрямилась во весь ростъ (болванъ, надѣтый на голову, увеличивалъ ея ростъ). Присутствующіе привѣтствовали ее почтительнымъ поклономъ. По ея словамъ, она запаслась цвѣтами, которые спрятала въ складкахъ кисеи, и, пройдя нѣсколько разъ взадъ и впередъ по террасѣ, она наконецъ прошла на восточную сторону балкона, примыкавшую къ строившейся въ то время новой комнатѣ, а оттуда, черезъ сѣверную часть террасы, назадъ въ ванную комнату. Она сообщила также, что сняла башмаки,

чтобы двигаться неслышно, и что было такъ темно, что она ушибла себѣ ногу о гвоздь на террасѣ; цвѣты, брошенные м-ру Могини, по ея словамъ, она получила отъ г-жи Уэлли (Wailli), портнихи, которая затѣмъ уѣхала изъ Мадраса и живетъ въ Коломбо, на Цейлонѣ. Я разспросилъ г-жу Уэлли въ Коломбо, и она припомнила, что въ 1884 г., получивъ много цвѣтовъ, она дала часть г-жѣ Куломбъ. Г-жа Куломбъ показала, что ночь была темная и,—на мой спеціальный вопросъ—что луны не было. Между тѣмъ м-ръ Могини сказалъ, что луна освѣщала балконъ. По справкѣ съ календаремъ ночь была безлунная. М-ръ Могини объясняетъ теперь, что можетъ быть онъ принялъ «свѣтъ отъ лампы» за лунный (!!).

Я самъ не очень увѣренъ, чтобы на балконѣ былъ ламповый свѣтъ, но здѣсь слѣдуетъ прибавить, что, во всякомъ случаѣ, большая часть террасы должна была оставаться во мракѣ и что, хотя всякій, прочтя показаніе м-ра Могини, подумаетъ, что съ террасы не было другого выхода, какъ «спуститься по дереву или что-нибудь вродѣ этого», тѣмъ не менѣе были еще другіе пути, по которымъ обыкновенный переодѣтый смертный могъ оставить ее. Зрители сидѣли въ гостиной, противъ средняго окна, и взглядъ на планъ покажетъ, что извѣстная часть террасы съ обѣихъ сторонъ, восточной и западной, была совершенно скрыта отъ ихъ наблюденія. Съ террасы легко можно было уйти, не только спустившись по дереву, но и черезъ строившуюся комнату или поднявшись на крышу—не говоря уже о двери въ оккультическую комнату и двойной стѣнкѣ шкафа; или даже, въ виду отсутствія луны и того, что было 11 ч. вечера, спуститься по подставной лѣстницѣ съ балкона на землю...

Затѣмъ м-ръ Годжсонъ переходитъ къ остальнымъ показаніямъ о явленіяхъ махатмъ.

«Мнѣ остается сказать очень немного относительно другихъ явленій махатмъ, какъ въ ихъ обыкновенномъ видѣ, такъ и въ «астральномъ». Ихъ легкое и вполнѣ достаточное объясненіе во всѣхъ случаяхъ—переодѣтый помощникъ. Разсказы въ памфлетѣ м-ра Броуна, о которыхъ онъ отказался сообщить мнѣ дальнѣйшія подробности, не долго насъ задержатъ. Единственный разъ, когда онъ увидалъ махатму Кутъ-Хуми при дневномъ свѣтѣ, фигура была на разстояніи. М-ръ Броунъ говоритъ: «утромъ 20-го онъ пришелъ ко мнѣ въ палатку и сказалъ: «теперь вы видите меня передъ собою въ тѣлесномъ видѣ; смотрите и убѣдитесь, что это я», и оставилъ письмо съ инструкціями и шелковый носовой платокъ, которые до сихъ поръ у меня». Этотъ случай произошелъ, кажется, въ 2 часа дня, и всѣ причины м-ра Броуна предполагать, что это былъ Кутъ-Хуми,

состоятъ, кажется, въ томъ, что данное имъ письмо было написано тѣмъ-же почеркомъ, какъ всѣ письма «Кутъ-Хуми», полученныя въ главной квартирѣ «чудеснымъ» способомъ.

Главныя лица, утверждающія по собственному опыту (кромѣ г-жи Блаватской) о существованіи «Братства» въ Тибетѣ—мистеръ Дамодаръ и м-ръ Баваджи Дарбагири Наѳъ. Чего стоитъ свидѣтельство м-ра Дамодара, объ этомъ уже было достаточно говорено. Относительно м-ра Баваджи Д. Наѳа въ приложеніи I показано, что онъ самъ вмѣшался въ попытку нападенія г-жи Блаватской на письмо о «телеграммѣ Сассуна», а въ примѣчаніи къ приложенію IV будетъ видно, что онъ далъ показанія,— которыя я не могу считать иначе, какъ завѣдомо ложными,— относительно священнаго шкапа. Кромѣ того, онъ показалъ мнѣ, что жилъ съ братьями только нѣсколько мѣсяцевъ изъ тѣхъ *двухъ* лѣтъ, которыя послѣдовали за оставленіемъ имъ въ 1878 мѣста частнаго секретаря у сборщика податей въ Курнульскомъ округѣ, хотя предварительно показалъ м-ру Синнетту (The Occult World, стр. 154, 165, четвертое издан.), что прожилъ съ Кутъ-Хуми *десять* лѣтъ. Далѣе онъ говоритъ, что только по прошествіи этихъ двухъ лѣтъ онъ присоединился въ Бомбеѣ къ теософическому обществу и съ тѣхъ поръ постоянно находился въ главной квартирѣ, исключая двухъ поѣздокъ на сѣверъ—одной въ Тибетъ и другой на окраины Тибета. Изъ этого показанія въ настоящее время ясно, что м-ръ Баваджи присоединился къ теософическому обществу въ Бомбеѣ не позже 1881 года и пробылъ въ этомъ году нѣкоторое время въ главной квартирѣ. Но, какъ кажется, его первое появленіе, какъ Баваджи Дарбагири Наѳа, произошло не ранѣе конца 1882 г., и около этого времени онъ посѣтилъ м-ра Синнетта. Когда, впослѣдствіи, онъ возвратился въ главную квартиру, теософы узнали въ немъ Гвалу К. Деба, бывшаго тамъ ранѣе. Сообщеніе, сдѣланное г-жею Куломбъ въ ея памфлетѣ *) и повторенное затѣмъ мнѣ самому, что м-ръ Бабаджи Д. Наѳъ есть то-же самое лицо, которое было ранѣе извѣстно въ главной квартирѣ въ Бомбеѣ подъ именемъ Гвала К. Дебъ, подтверждается показаніями м-ра А. О. Юма, м-ра Тукарама Татіа, м-ра Баль Ниладжи Питаля и м-ра Езекіеля, и это кажется мнѣ единственнымъ объясненіемъ приведеннаго выше показанія м-ра Баваджи мнѣ самому. М-ръ Баваджи конечно утверждаетъ, что никогда не носилъ имени Гвала К. Дебъ, но невозможно, чтобы всѣ свидѣтели могли принять за мистера Баваджи другую личность,

*) «Some Account of my Intercourse with Madame Blavatsky», стр. 48—50.

такъ какъ онъ очень малъ ростомъ и голосъ его имѣетъ совершенно особый тембръ. Сверхъ того, онъ, вообще, кажется, не прочь являться въ разныхъ видахъ, такъ какъ, даже въ послѣднее время, онъ представляетъ собой двѣ личности въ послѣднемъ оффиціальномъ годовомъ отчетѣ теософическаго общества, т. е. является подъ двумя различными именами. На стр. 8 онъ является какъ делегатъ отъ Визіанаграмской вѣтви подъ именемъ Баваджи Д. Наѳа и на стр. 131 приложенія А. къ отчету теософическаго общества—въ качествѣ одного изъ помощниковъ секретарей канцеляріи, подъ именемъ *С. Кришнасвами*. Оказывается, что Баваджи Дарбагири Наѳъ и С. Кришнасвами одно лицо, причемъ послѣднее имя—настоящее, согласно его собственному мнѣ признанію. Я полагаю, всякій согласится, что простое заявленіе лица, дававшаго ложныя и противорѣчивыя показанія, недостаточно для доказательства того, что онъ «ученикъ (Chela) Кутъ-Хуми», но зато трудно избѣжать заключенія, что если онъ, говоря словами м-ра Синнетта, «что-либо другое, то, конечно, лже-свидѣтель, придуманный для поддержанія гигантскаго обмана, созданнаго г-жей Блаватской». Я могу прибавить, что м-ръ Баѳаджи, если можно вѣрить его разсказу объ его полной всякихъ перемѣнъ жизни, кажется совершенно одинокимъ и бездомнымъ и не имѣетъ ничего, кромѣ главной квартиры и, по моему мнѣнію, изъ благодарности за доброту къ нему г-жи Блаватской, съ радостью готовъ для нея обращаться съ истиной болѣе чѣмъ свободно. Рама Суриндро Гаргіа Дева,—изъ письма котораго къ г-жѣ Блаватской, свидѣтельствующаго объ его близости съ учителемъ (напечатано въ «Теософистѣ» въ декабрѣ 1883), въ нашемъ первомъ отчетѣ было приведено извлеченіе,—не можетъ считаться независимымъ свидѣтелемъ; въ виду того, что его собственное существованіе еще болѣе проблематично, чѣмъ существованіе махатмъ, такъ какъ его знаютъ только г-жа Блаватская, м-ръ Баваджи и м-ръ Дамодаръ. А м-ръ Мирза Мурадъ-Али-Бегъ, который въ своихъ заявленіяхъ («Теософистъ», августъ 1881) ручается за него, приблизительно такъ-же, какъ г-жа Блаватская и м-ръ Дамодаръ ручались за существованіе и могущество махатмъ, по словамъ разныхъ теософовъ нимало не заслуживаетъ довѣрія и, кромѣ того, выказываетъ очевидные признаки сумасшествія. Про него говорятъ, что онъ занимался черной магіей (!), прежде чѣмъ вступить въ теософическое общество, изъ котораго давно вышелъ и сдѣлался католикомъ, а теперь онъ уже мусульманинъ. Такимъ образомъ я долженъ сказать, что всѣ главныя доказательства существованія махатмъ оказались—ничѣмъ.

Падающія, являющіяся (precipitated) **письма.**

Прежде всего я обращу вниманіе,—говоритъ Годжсонъ,—на показаніе, данное м-ромъ Дамодаромъ и м-ромъ П. Сриневасомъ Рао, что феномены чудеснаго шкапа происходили и послѣ того, какъ г-жа Блаватская оставила Мадрасъ, и, слѣдовательно, послѣ того, какъ пустота въ стѣнѣ была задѣлана, согласно показанію самого м-ра Куломба.

Въ отвѣтъ на мои разспросы, м-ръ Дамодаръ и м-ръ П. Сриневасъ Рао согласились, что единственные примѣры этихъ чудесъ были два, приведенные въ приложеніи XI.

Вотъ въ чемъ состояли эти чудеса: 4 марта 1884 г., когда Блаватская и Олкоттъ были въ Европѣ, Сриневасъ Рао, находясь вслѣдствіе домашнихъ обстоятельствъ въ очень угнетенномъ настроеніи духа, пришелъ въ Адіаръ и попросилъ Дамодара показать ему шкапъ, не упоминая при этомъ о своемъ настроеніи. Дамодаръ отворилъ шкапъ, но черезъ нѣсколько секундъ объявилъ, что онъ получилъ приказаніе закрыть его, что и было тотчасъ исполнено. Однако, вскорѣ Дамодаръ снова открылъ шкапъ, и Сриневасъ Гао нашелъ въ немъ письмо къ себѣ Кутъ-Хуми, въ которомъ махатма утѣшалъ его и совѣтовалъ успокоиться духомъ. Второй случай былъ съ Харисити Рунсинги. Однажды онъ, съ позволенія Дамодара, положилъ въ шкапъ письмо къ махатмѣ, касавшееся его домашнихъ обстоятельствъ. На слѣдующій день письмо было найдено нераспечатаннымъ и по открытіи въ немъ оказался отвѣтъ Кутъ-Хуми, написанный обычнымъ синимъ карандашемъ.

Читатель замѣтитъ, что во второмъ случаѣ, когда въ шкапъ было положено письмо, требовавшее спеціальнаго отвѣта. то до появленія отвѣта прошло довольно много времени. Въ первомъ случаѣ не было положено никакого письма, не требовалось никакихъ спеціальныхъ справокъ и письмо въ шкапѣ явилось безъ остановки. Для читателя будетъ ясно, какую роль могъ играть при этомъ м-ръ Дамодаръ и то, что для этого именно феномена не было надобности въ томъ, чтобы задняя сторона шкапа открывалась.

Извѣстно, что, когда г-жа Блаватская была въ Мадрасѣ, въ шкапѣ находились мгновенные отвѣты на мысленные вопросы, что конверты писемъ съ вопросами возвращались нетронутыми, а когда ихъ вскрывали, внутри находились отвѣты, написанные почеркомъ махатмы. Послѣ многихъ разспросовъ я убѣдился, что во всѣхъ случаяхъ, о которыхъ я слышалъ, мысленные вопросы могли быть угаданы г-жею Блаватской: конечно, вопросы по

большей части касались того, будетъ-ли спрашивавшій имѣть успѣхъ въ своемъ желаніи сдѣлаться ученикомъ махатмы, и отвѣты часто были неопредѣленнаго и пророческаго характера. Во многихъ случаяхъ конвертъ съ вопросомъ, положенный въ шкапъ, былъ заранѣе присланъ для этого въ главную квартиру, такъ что его легко было вскрыть прежде даже, чѣмъ положить въ шкапъ. Тамъ гдѣ вопросъ задавался съ особой тщательностью, тамъ—или не давалось спеціальнаго отвѣта, или отвѣтъ откладывался. М-ръ Езекіель, теософъ изъ Цуны, описалъ мнѣ подробности полученнаго имъ отъ махатмы сообщенія въ отвѣтъ на его особый вопросъ. Эти подробности вполнѣ согласны съ моимъ предположеніемъ относительно г-жи Блаватской, но м-ръ Езекіель не желаетъ, чтобы онѣ были напечатаны; однако, онъ далъ мнѣ позволеніе подтвердить полную справедливость нижеслѣдующаго мѣста въ памфлетѣ г-жи Куломбъ (стр. 73):

«Есть другой феноменъ, о которомъ я могу упомянуть, такъ какъ онъ произошелъ въ присутствіи м-ра Езекіель, о которомъ я буду говорить позднѣе. Во время годовщины, въ числѣ многихъ делегатовъ, явившихся по этому случаю, находился и упомянутый джентльмэнъ. Онъ былъ въ числѣ другихъ въ комнатѣ г-жи Блаватской, когда съ потолка упало письмо. М-ръ Езекіель естественно предположилъ, что оно могло быть нарочно заранѣе туда засунуто, и объявилъ это, подъ величайшимъ секретомъ, многимъ изъ членовъ общества. Тѣмъ не менѣе это дошло до ушей г-жи Блаватской, и она сейчасъ-же велѣла моему мужу снять спираль, по которой проходила веревочка, и замазать отверстія краской, такъ чтобы уничтожить всѣ слѣды; когда это было сдѣлано, она позвала нѣкоторыхъ, чтобы показать, какъ смѣшно было обвиненіе».

Слѣдующее письмо упало съ потолка въ гостиной г-жи Блаватской и, по всей вѣроятности, было устроено такъ-же, какъ и «чудесное» письмо, приготовленное для меня Куломбами, которое было описано въ апрѣльскомъ номерѣ *журнала* въ моемъ нижеслѣдующемъ письмѣ изъ Индіи:

«Мадрасъ, 9 января 1885 г.

Сегодня утромъ я пригласилъ къ себѣ Куломбовъ, живущихъ въ домѣ м-ра Дайера въ С-тъ Томе. До прибытія г-жи Куломбъ, я короткое время разговаривалъ съ м-ромъ Куломбъ. Во время послѣдующаго разговора я замѣтилъ, что еще не имѣю удовлетворительной теоріи относительно падающихъ съ потолка писемъ. Въ эту минуту появилось что-то бѣлое, коснулось моихъ волосъ и упало на полъ. Это было письмо. Я его поднялъ. Оно было адресовано на мое имя. Г-нъ и г-жа

Куломбъ сидѣли недалеко отъ меня, напротивъ. Я не замѣтилъ съ ихъ стороны ни малѣйшаго движенія, которое могло-бы относиться къ появленію письма. Разсматривая потолокъ со своего мѣста, я не замѣтилъ никакой трещины; потолокъ казался цѣлымъ. Развернувъ письмо, я убѣдился, что оно имѣетъ отношеніе къ нашему разговору. Вотъ оно буквально:

«Такъ какъ сегодня существующія причины предсказываютъ намъ завтрашніе результаты, то бутонъ предсказываетъ намъ заранѣе вполнѣ распустившуюся розу на завтра; глядя на роскошное хлѣбное поле, въ которое саранча положила свои яйца, мы можемъ предвидѣть, что этотъ хлѣбъ никогда не поступитъ въ амбары; видя чахоточнаго отца и золотушную мать, можно заранѣе предсказать болѣзненное дитя. Всѣ эти причины, вызвавшія всѣ эти результаты, суть въ свою очередь результаты другихъ причинъ, и такъ до безконечности; и такъ какъ ничто въ природѣ не теряется, но остается запечатлѣннымъ въ *аказа*, то точное познаніе *умѣющаго видѣть*, начинающаго отъ источника, всегда неуклонно достигаетъ результата.

«Новый адептъ Колумбусъ».

Затѣмъ м-ръ Куломбъ объяснилъ происхожденіе этого письма.

«Толстая балка поддерживала потолокъ, а на ней, подъ прямымъ угломъ, лежалъ цѣлый рядъ меньшихъ балокъ съ пустыми пространствами между ними. Эти пространства были наполнены кусками дерева, залитыми цементомъ. Часть этого цемента была выскоблена около большой балки и между двумя малыми, такъ что письмо могло быть вложено и лежать вплоть къ большой балкѣ. Вокругъ письма была два раза обернута нитка подъ цвѣтъ потолка. Одинъ конецъ былъ свободно обернутъ около письма, а другой въ рукѣ человѣка, внѣ комнаты. Отъ письма нитка была проведена по потолку и затѣмъ вверхъ изъ комнаты. Я сидѣлъ подъ главной балкой. Разговоръ былъ нарочно направленъ на данный сюжетъ и, по данному сигналу (зовъ собаки), помощникъ на верандѣ потянулъ нитку, и письмо упало. Помощникъ притянулъ къ себѣ всю нитку и затѣмъ скрылся. Щель для письма можетъ быть затерта въ нѣсколько мгновеній простой пылью, такъ что на потолкѣ не останется никакихъ слѣдовъ приспособленія».

Потолокъ въ гостиной г-жи Блаватской былъ устроенъ точно такъ-же, а потому годился для устройства подобныхъ феноменовъ. Кромѣ письма, полученнаго м-ромъ Езекіель, письмо, о которомъ упоминается въ приложеніи V, также упало въ этой комнатѣ. Я осмотрѣлъ балку, и замѣтилъ щель, очень удобную для феноменовъ съ письмами; когда я оставилъ Мадрасъ, отверстіе еще существовало».

Затѣмъ Годжсонъ заявляетъ, что всѣ конверты, имѣвшіе отношеніе къ феноменамъ съ письмами, видѣнные имъ у теософовъ, носили несомнѣнные признаки того, что они вскрывались и потомъ подклеивались и подпечатывались.

Послѣ отъѣзда Блаватской въ Европу, сообщенія махатмъ—за двумя помянутыми исключеніями—находились не въ шкапу (schrine), а въ другихъ мѣстахъ, по большей части въ конторѣ, и во всѣхъ случаямъ появленіе этихъ писемъ легко могло быть дѣломъ рукъ Дамодара.

Во время своего пребыванія въ Бомбеѣ, Годжсонъ тщательно осмотрѣлъ мѣста, гдѣ главнымъ образомъ происходили чудеса съ письмами—комнату и чердакъ, входъ въ который черезъ трапъ въ потолкѣ бывшей спальни Блаватской—и нашелъ, что описаніе, сдѣланное Куломбомъ, вполнѣ точно и обстоятельно.

XIV.

Разобравъ, далѣе, еще нѣсколько случаевъ «падающихъ писемъ», гдѣ можно предположить легче всего, обманъ,—Годжсонъ переходитъ въ своемъ отчетѣ къ феноменамъ, описаннымъ Синнеттомъ въ его книгѣ «The Occult World».

Первый описанный м-ромъ Синнетомъ случай былъ случай съ письмомъ, написаннымъ имъ махатмѣ Кутъ-Хуми. «Окончивъ письмо,—говоритъ Синнеттъ:—я положилъ его въ конвертъ и отнесъ къ г-жѣ Блаватской, сидѣвшей въ гостиной съ моей женой. Я сказалъ: «Можете-ли вы сдѣлать, чтобы его взяли и доставили мнѣ отвѣтъ?» Она положила письмо въ карманъ, и встала, чтобы идти къ себѣ въ комнату. Всѣ окна по обыкновенію были открыты. Когда она вышла, я подошелъ къ двери гостиной. Она не больше какъ на мгновеніе уходила у меня съ глазъ и вдругъ вскричала: «О! онъ взялъ его отъ меня!» Я скорѣе преувеличу, если скажу, что не видѣлъ ее десять секундъ. Произнеся это, она возвратилась въ гостиную, и мы всѣ вмѣстѣ прошли въ мою контору, въ задней части моего дома. Я занялся моимъ дѣломъ, а она просто лежала на софѣ у меня на глазахъ. Она пробыла такъ отъ 5 до 10 минутъ, когда вдругъ, поднявъ голову съ подушки и указывая на нее, она сказала: «вотъ ваше письмо». Я долженъ замѣтить, что за мгновеніе до этого я ясно слышалъ странный шелестъ въ воздухѣ. Я полагаю, что никогда не слыхалъ подобнаго звука, и г-жа Блаватская спрашивала меня потомъ, слышалъ-ли я его. Письмо лежало на подушкѣ, имя, написанное мною на конвертѣ, было зачеркнуто и надъ нимъ написано мое собственное. Конвертъ былъ не рас-

печатанъ и совершенно въ томъ-же видѣ, какъ я отдалъ его г-жѣ Блаватской, исключая упомянутой помарки. Я раскрылъ конвертъ и нашелъ отвѣтъ на мой вопросъ махатмѣ».

Изъ этого, даннаго намъ сообщенія слѣдуетъ, что г-жа Блаватская и *десяти* секундъ не была внѣ наблюденія м-ра Синнетта, но въ сообщеніи, помѣщенномъ въ «Occult World», говорится уже о *тридцати* секундахъ въ первомъ случаѣ и, кромѣ того, что въ собственной комнатѣ м-ра Синнетта г-жа Блаватская не была у него на глазахъ *одну* или *двѣ* минуты. Послѣ этого я не могу быть увѣренъ, что г-жа Блаватская не пробыла у себя въ комнатѣ гораздо болѣе 30 секундъ, а также, что она не уходила въ какую-нибудь другую комнату во время короткаго интервала въ «нѣсколько минутъ», посвященнаго м-ромъ Синнеттомъ на разговоръ съ женой въ сосѣдней комнатѣ. Даже не считая этой неувѣренности, я не могу придавать ни малѣйшаго значенія этому случаю, послѣ того, какъ при вторичной попыткѣ мнѣ удалось, въ условіяхъ, описанныхъ м-ромъ Синнеттомъ, въ теченіе *одной* минуты вскрыть обыкновенный конвертъ, прочитать письмо и написать отвѣтъ такой-же длины, какъ описанные, и затѣмъ снова закрыть конвертъ, такъ что не осталось слѣдовъ, что его открывали, и мнѣ кажется, что для г-жи Блаватской, благодаря вѣроятно большой ловкости и практикѣ, было достаточно для этого 30 секундъ. Я не предполагаю, чтобы м-ръ Синнеттъ продолжалъ утверждать, что слышанный имъ шелестъ не могъ быть устроенъ находившимися въ распоряженіи г-жи Блаватской средствами.

Слѣдующій случай, описываемый м-ромъ Синнеттомъ, произошелъ въ Кроу Нестѣ и описанъ въ его сообщеніи.

«Я ожидалъ письма отъ Кутъ-Хуми, но, прибывъ въ Бомбей, не нашелъ его въ главной квартирѣ. Я писалъ, прося отвѣта на многіе вопросы. Я пріѣхалъ поздно ночью и на слѣдующее утро ходилъ по верандѣ, разговаривая съ г-жею Блаватской. Мы зашли въ узкую комнату съ большимъ столомъ по срединѣ, въ которой я ночевалъ. Разговаривая, я сѣлъ и она также, на довольно большомъ отъ меня разстояніи. Я сказалъ: «Почему это мнѣ нѣтъ отвѣта?» Она отвѣчала: «Можетъ быть онъ хочетъ прислать его прямо вамъ. Постарайтесь употребить въ дѣло вашу силу воли и обратитесь къ нему. Просите прислать вамъ отвѣтъ». Я возразилъ: «Нѣтъ, я подожду; онъ рано или поздно навѣрно отвѣтитъ». Въ эту минуту передо мной на столъ упалъ конвертъ. Это былъ большой конвертъ съ 30 страницами письма. Пакетъ сталъ видимъ только невысоко надъ столомъ, не болѣе двухъ футовъ, хотя я не придаю большого значенія точности этого разстоянія. Въ комнатѣ было очень свѣтло.

М-ръ Герней (членъ комиссіи), Знала-ли г-жа Блаватская ранѣе этого разговора съ вами, что вы писали и ждали отвѣта?

М-ръ Синнеттъ. Конечно; но я придаю главное значеніе тому, что это случилось при яркомъ свѣтѣ, въ комнатѣ, гдѣ я спалъ предыдущую ночь и гдѣ пробылъ все утро, входя и выходя не надолго. Все произошло вполнѣ на моихъ глазахъ. Г-жа Блаватская не могла бросить письма своими руками. Всѣ обстоятельства несовмѣстны съ такимъ предположеніемъ. Я въ это время не писалъ, а разговаривалъ съ нею, и самая мысль, чтобы она могла бросить письмо—нелѣпа. (См. «The Occult World», стр. 120).

Не мѣшаетъ обратить вниманіе, что замѣчаніе г-жи Блаватской, что бы м-ръ Синнетъ «употребилъ свою силу воли», въ случаѣ его отказа, какъ это и случилось, было разсчитано на то, чтобы сдѣлать феноменъ еще поразительнѣе; надо также сказать, что м-ромъ Синнетомъ не было произведено никакого осмотра ни потолка комнаты, ни пола чердака надъ нею. По словамъ м-ра Куломба, пакетъ былъ положенъ въ трапъ въ потолкѣ еще съ вечера наканунѣ, но вслѣдствіе поздняго пріѣзда м-ра Синнета феноменъ отложили до слѣдующаго утра. Комната, гдѣ упало письмо, уже описана ранѣе и случай не требуетъ дальнѣйшихъ поясненій.

Третій случай былъ съ запечатаннымъ конвертомъ и видимо считается м-ромъ Синнеттомъ, въ его сообщеніи комиссіи, «совершенно полнымъ». (См. «The Occult World», стр. 95—96). Этотъ конвертъ, заключавшій письмо отъ братьевъ и, по предварительномъ заклеиваніи и запечатаніи данный м-ромъ Синнеттомъ г-жѣ Блаватской, находился у нея нѣсколько часовъ, а когда былъ возвращенъ м-ру Синнетту, то онъ нашелъ его «совершенно нетронутымъ, совершенно въ томъ-же видѣ, въ какомъ онъ отдалъ его». Вскрывъ конвертъ, м-ръ Синнеттъ нашелъ въ немъ не только свое письмо, но и отвѣтъ Кутъ-Хуми. М-ръ Синнеттъ показывалъ мнѣ этотъ конвертъ, и не могу сказать, чтобы онъ показался мнѣ совершенно нетронутымъ, напротивъ, судя по длинѣ четвертинокъ конверта, припечатанныхъ лишь съ нижней стороны, письмо можно было вынуть и вложить совершенно свободно; а если притомъ клей былъ такъ или иначе расклеенъ, то это становилось еще легче.

Послѣдній, описанный м-ромъ Синнеттомъ, случай касается моментальнаго переноса изъ Бомбея въ Аллахабадъ куска гипса. Вотъ вкратцѣ описаніе этого случая. Полковникъ Олкоттъ, въ сопровожденіи м-ра Бавани Рао, ѣхалъ изъ Бомбея въ Калькутту и по дорогѣ остановился въ Аллахабадѣ у м-ра Синнетта. Однажды вечеромъ, возвратясь домой, въ числѣ многихъ полу-

ченныхъ телеграммъ м-ръ Синнеттъ нашелъ одну отъ махатмы М., въ которой говорилось, чтобы онъ искалъ у себя въ комнатѣ кусокъ гипсоваго барельефа, который М. только-что мновенно перенесъ изъ Бомбея. М-ръ Синнеттъ нашелъ этотъ кусокъ въ ящикѣ своего письменнаго стола. Документъ, подписанный въ Бомбеѣ, показываетъ, что около того времени, какъ м-ръ Синнеттъ нашелъ этотъ кусокъ, многими лицами, сидѣвшими на верандѣ, рядомъ съ кабинетомъ г-жи Блаватской, былъ услышанъ громкій стукъ чего-то падающаго и разбивающагося. Оказалось, что со стѣны упалъ гипсовый медальонъ. Когда подобрали осколки, оказалось, что недостаетъ одного куска. Вскорѣ послѣ этого г-жа Блаватская ушла къ себѣ къ комнату и затворила дверь. Черезъ минуту она позвала м-ра Тукарама Татіа и показала ему бумагу, написанную почеркомъ махатмы М., гдѣ говорилось, что онъ перенесъ недостающій кусокъ въ Аллахабадъ. Черезъ нѣсколько дней обломки были посланы м-ру Синнетту, и его кусокъ «совершенно пришелся». Конечно, слабый пунктъ этого случая тотъ, что нѣтъ доказательствъ, чтобы кусокъ, полученный м-ромъ Синнеттъ, былъ въ Бомбеѣ въ то время, когда разбился медальонъ, кромѣ словъ г-жи Блаватской, «которая удостовѣрила, разспросивъ прислугу, что всѣ украшенія были вычищены два дня тому назадъ и тогда медальонъ былъ цѣлъ.

Что надо было сдѣлать, въ случаѣ, если тотъ феноменъ— обманъ? Предположимъ что г-жа Блаватская, начавъ отламывать отъ медальона уголъ, сломала его весь на куски. Послѣ нѣкотораго затрудненія м-ръ Куломбъ собралъ эти куски вмѣстѣ, кромѣ одного, и прикрѣпилъ ихъ къ картону; который повѣсилъ на стѣну, прикрѣпивъ веревку такимъ образомъ, что-бы его можно было всегда сдернуть, потянувъ за эту веревку. М-ръ Куломбъ, уѣзжая съ женой въ Пуну, показалъ Бабулѣ, что надо сдѣлать. (М-ръ Куломбъ утверждаетъ, что это такъ было). Кусокъ гипса данъ или посланъ какому-нибудь сообщнику, чтобы положить въ столъ м-ру Синнетту вмѣстѣ съ запиской, написанной почеркомъ «махатмы М.», чтобы положить на столъ; часъ выбранъ 7 ч. дня 11 марта, по Бомбейскому времени, и въ назначенное время Бабула дергаетъ за веревку, медальонъ со стукомъ падаетъ, и свидѣтели слышатъ трескъ и подбираютъ осколки. Г-жа Блаватская идетъ къ себѣ въ комнату и пишетъ записку махатмы. Между тѣмъ сообщнику удалось превратить записку въ телеграмму, на телеграфномъ бланкѣ. Тому-же сообщнику могли быть даны двѣ записки Кутъ-Хуми, полученныя м-ромъ Синнетъ въ то время, какъ м-ръ Бавани Рао былъ въ Аллахабадѣ. Въ тѣхъ мѣстахъ первой записки,

которыя м-ръ Синнеттъ приводитъ въ «Occult World», нѣтъ ничего, что нельзя было-бы написать заранѣе, а вторая, судя по сообщенію м-ра Синнетта о ея содержаніи, тоже могла быть заранѣе внушена имъ самимъ. Въ ней, по словамъ м-ра Синнетта, просто говорится: «что то, что я задумалъ, невозможно и что онъ (Кутъ-Хуми) напишетъ мнѣ болѣе подробно черезъ Бомбей. Это замѣчательно похоже на тотъ en cas, который г-жа Блаватская приготовила для генерала Моргана (Адіарское блюдечко) и который, такъ какъ генералъ ничего не спросилъ, остался у Куломбовъ. Если-бы мнѣ на мои объясненія возразили, что единственнымъ собщникомъ можетъ быть самъ м-ръ Бавани Рао, я отвѣчу, что не считаю этого возраженія за важное. Я уже указалъ достаточно поводовъ вѣрить тому, что г-жа Блаватская имѣла настолько вліянія на двухъ молодыхъ образованныхъ туземцевъ, чтобы заставить ихъ помогать ея обманамъ, и изъ того, что я знаю о м-рѣ Бавани Рао, или, какъ его всѣ зовутъ, Бавани Шанкарѣ, я не вижу, почему-бы ему не быть третьимъ ея пособникомъ. (См. приложеніе IX).

Теперь перехожу къ остальнымъ феноменамъ, описываемымъ м-ромъ Синнеттомъ въ «Occult World». Прежде всего обратимся къ «ударамъ» и «астральному звону», въ которыхъ м-ръ Синнеттъ видитъ важныя подтвержденія феноменовъ. Я приведу здѣсь мѣсто изъ «The Occult World», стр. 35:

«Опираясь на такую сильную поддержку, какъ вѣрность основныхъ теорій новѣйшей физики, нельзя дѣйствовать иначе, какъ путемъ научныхъ изслѣдованій. Я старался тщательно исключить не только вѣроятность, но даже возможность плутовства; а гдѣ это было невозможно, результаты тѣхъ опытовъ не входятъ въ общую сумму моихъ заключеній».

Однако, судя по тому, что я знаю о способѣ дѣйствій м-ра Синнетта, я прихожу къ тому мнѣнію, что его путь изслѣдованій не можетъ быть никакъ названъ «научнымъ», и что, по всей вѣроятности, тотъ-же недостатокъ необходимыхъ предосторожностей характеризуетъ его соблюденіе «образцовыхъ условій» въ тѣхъ примѣрахъ, которые я не могу лично провѣрить, какъ въ тѣхъ, гдѣ я имѣлъ случай ихъ провѣрить. Такъ, напр., я не принималъ участія въ образованіи цѣпи рукъ, какъ м-ръ Синнеттъ описываетъ на стр. 33, но я не могу придавать никакого значенія его показаніямъ объ этомъ и подобныхъ случаяхъ, послѣ того, какъ провѣрилъ другіе случаи, о которыхъ онъ говоритъ съ такой-же, если не больше, увѣренностью. Удары, происходящіе, когда г-жа Блаватская кладетъ руки на голову паціента, я хотя и провѣрялъ, но не могу ничего сказать, такъ какъ г-жа Блаватская сидѣла за мною, и я не могъ наблюдать

за ея пальцами. Она не предупредила меня, что хочетъ дѣлать, и я предполагалъ, что она желаетъ меня «месмеризировать»; такъ называемые «толчки», которые я чувствовалъ, произвели на меня впечатлѣніе простого выраженія нетерпѣнія со стороны г-жи Блаватской. Когда-же мое вниманіе было обращено на эти толчки, то я совсѣмъ не нашелъ, чтобы они были похожи на толчки отъ разряженія электричества, какъ говорятъ м-ръ Синнеттъ. Рѣзкое чувство дрожи совершеннно отсутствовало. Къ сожалѣнію, я не могу легко щелкать суставами пальцевъ, я могу только слабо щелкать суставами большихъ пальцевъ, но когда я ударилъ себя такъ по головѣ, то «характеръ» удара былъ такой-же, какъ и отъ ударовъ, полученныхъ отъ ловкихъ рукъ г-жи Блаватской. Я, однако, не думаю представлять этого объясненія, удовлетворяющаго меня, за вѣрное объясненіе опытовъ м-ра Синнетта. Правда, м-ръ Синнеттъ считаетъ это предположеніе «идіотствомъ» («O. W.» стр. 33), но тамъ дѣло идетъ о предположеніи, что письмо, описанное имъ, какъ «матеріализованное или возстановленное въ воздухѣ», есть результатъ скрытаго аппарата. Предположеніе это онъ считаетъ «глупымъ до смѣшного» (стр. 120), несмотря на то, что феноменъ случился въ главной квартирѣ теософическаго общества, что въ потолкѣ было множество отверстій, и что на чердакѣ наверху могли быть устроены всевозможныя приспособленія. М-ръ Синнеттъ съ негодованіемъ отвергаетъ предположеніе, чтобы г-жа Блаватская могла производить «удары» или «звонъ» при помощи какой-нибудь скрытой на ней машинки; но я не могу не предположить, чтобы послѣдніе звуки не были производимы чѣмъ-либо въ этомъ родѣ. Г-жа Куломбъ утверждаетъ, что ихъ происхожденіе именно таково, при помощи машинки, какія бываютъ въ часахъ съ репетиціей. Она показала мнѣ платья, на которыхъ, съ правой стороны, немного ниже таліи, было пятно, какъ отъ ржавчины, по ея словамъ происходившее отъ тренія этой машинки *). Она говорила также, что часто Бабула относилъ машинку на крышу или куда-нибудь въ другія комнаты и даже помѣщалъ ее внѣ дома, что-же касается тѣхъ случаевъ, когда ее брала сама г-жа Блаватская, то для приведенія ея въ дѣйствіе было достаточно легкаго нажатія рукою, совершенно незамѣтно для окружающихъ. Мнѣ кажется, что «астральные звоны» вполнѣ могутъ этимъ объясняться, и я долженъ напомнить читателю важное обстоятельство, которое м-ръ Синнеттъ просмотрѣлъ, а имен-

*) Въ сентябрѣ 1886 г., въ Вюрцбургѣ, какъ будетъ видно дальше, я собственными глазами убѣдился въ существованіи этой «машинки». *Вс. С.*

но—большую неопредѣленность всякой локализаціи звуковъ, которыхъ родъ и происхожденіе неизвѣстны, особенно чистыхъ звуковъ, какими онъ описываетъ «астральные звоны», и большую легкость внушенія, при помощи всякаго пустого указанія, ложнаго представленія о мѣстѣ происхожденія звука. Далѣе мы можемъ предположить, не вдаваясь въ большую крайность, что у г-жи Блаватской могла быть не одна машинка, такъ что звуки могли раздаваться въ одно время въ разныхъ мѣстахъ. Однако, судя по аргументамъ м-ра Синнетта (стр. 44), ему не приходило въ голову, чтобы, имѣя одну машинку, г-жа Блаватская могла имѣть ихъ двѣ.

«Веденный немного лучше, этотъ случай могъ-бы быть образцовымъ» (стр. 43, «Occult World»)—для извѣстнаго класса читателей это приводится не «какъ доказательство, а какъ случай» и съ этой точки зрѣнія стоитъ краткаго обсужденія. М-ссъ Синнеттъ «отправилась однажды послѣ полудня съ г-жей Блаватской на вершину сосѣдняго холма, въ сопровожденіи одного знакомаго». Придя туда, г-жа Блаватская спрашиваетъ м-ссъ Синнеттъ, «ея задушевное желаніе». Такъ какъ переписка м-ра Синнетта съ «Кутъ-Хуми» началась повидимому около этого времени *), то было весьма вѣроятно, что м-ссъ Синнеттъ интересовалась мыслью получать сообщенія отъ «адептовъ», и можно было предполагать, какъ это и случилось, что она попроситъ о «запискѣ отъ братьевъ». Сверхъ того, г-жа Блаватская повидимому не гарантировала исполненія «сердечнаго» желанія, прежде чѣмъ узнаетъ, въ чемъ оно заключается, точно также не гарантировала она и исполненія желанія м-ссъ Синнеттъ, чтобы письмо «прилетѣло и упало на колѣни», и это желаніе не исполнилось. «Послѣдовалъ разговоръ, будетъ-ли этотъ способъ наилучшимъ, и единогласно было рѣшено, что лучше пусть записка окажется на извѣстномъ деревѣ». М-ръ Синнетъ не придаетъ никакого значенія обстоятельству, что бумага, сложенная г-жею Блаватской, и розовая записка, полученная м-ссъ Синнеттъ, могли быть одно и то-же, точно также, какъ человѣкъ, знающій, что значитъ искать въ кустахъ, нисколько не удивится, что м-ссъ Синнеттъ не сразу замѣтила «маленькую розовую записку», которая «висѣла прямо передъ ея лицомъ». Записка была «защемлена въ переломленный сучекъ видимо свѣже-сломанный, потому что онъ былъ еще совершенно свѣжъ и зеленъ, и листья нисколько не завяли, что неминуемо

---

*) Неизвѣсто, получилъ-ли онъ свое первое письмо отъ Кутъ-Хуми; но второго навѣрно еще не получалъ. *Годжсонъ.*

случилось-бы, еслибы онъ былъ сломанъ заранѣе». Это «заранѣе» довольно неопредѣленно.

Этотъ случай очень поучителенъ. Знакомый, сопровождавшій г-жу Блаватскую и мистриссъ Синнетъ, былъ полковникъ Олкотъ, который, согласно его дневнику, видѣлъ наканунѣ «въ полевой бинокль, человѣка въ бѣломъ», дѣлавшаго ему знаки. «Человѣкъ въ бѣломъ» можетъ объяснить путешествіе на холмъ; онъ можетъ также служить объясненіемъ розовой записки на деревѣ. Мы не можемъ никакъ узнать, сколькими изъ приготовленій г-жи Блаватской ей не удалось воспользоваться, вслѣдствіе ихъ неудачности; но данный случай ясно представляетъ во всякомъ случаѣ частичную неудачу, или, если хотите, неполную удачу. Еслибы м-ссъ Синнеттъ дала другой отвѣтъ на «шутливый вопросъ» г-жи Блаватской, то мы по всей вѣроятности совсѣмъ не узнали-бы ни о разговорѣ, ни о прогулкѣ. М-ръ Синнеттъ не говоритъ, кто изъ двухъ, г-жа Блаватская или полковникъ Олкоттъ (имени котораго онъ не называетъ) возразилъ противъ желанія м-ссъ Синнетъ, чтобы письмо «прилетѣло ей на колѣни», точно также, какъ и то, какого рода было возраженіе *). Однако подразумѣвается, что г-жа Блаватская указало дерево, выбранное «братомъ». Отчего указала она сначала не то дерево? Можетъ быть она предполагала, что м-ссъ Синнеттъ можетъ указать на другое; или вышла какая-нибудь ошибка между нею самою и «человѣкомъ въ бѣломъ»? Въ запискѣ говорилось: «Меня просили доставить сюда для васъ записку, что могу я для васъ сдѣлать?» Слова эти, нельзя сказать, чтобы особенно подходили къ случаю: вѣдь, по словамъ м-ра Синнетта «братья» сами выбрали мѣсто.

Теперь мы «переходимъ къ событіямъ весьма замѣчательнаго дня» («Occult World», стр. 44—59), дня пикника въ Симлѣ, 3 октября 1880 г.,—дня чашки и блюдечка, графина и брошки м-ссъ Юмъ. Отчетъ полковника Олкотта, помѣченный 4 октября 1880 г. и посланный тогда-же циркуляромъ всѣмъ членамъ Теософическаго Общества, бросаетъ замѣчательный свѣтъ на разсказъ м-ра Синнетта. Такимъ образомъ, въ то время, какъ, судя по описанію событій м-ромъ Синнеттомъ, г-жа Блаватская не играла никакой роли при выборѣ мѣста для завтрака, изъ

---

*) Въ газетномъ отчетѣ, видѣнномъ мною, было сказано, что г-жа Блаватская высказала мнѣніе «адепта», что если записка упадетъ на колѣни г-жѣ Синнеттъ, то впослѣдствіи могутъ сказать, что ее незамѣтно бросила г-жа Блаватская, и что потому онъ (адептъ) предлагаетъ помѣстить ее на извѣстное дерево. Это замѣчаніе, однако, не дѣлалось въ тѣхъ случаяхъ, когда свидѣтели находились подъ просверленными балками или потолками со щелями. *Годжсонъ.*

разсказа полковника Олкотта выходитъ совершенно противное. Онъ пишетъ:

«Вчера былъ великій день для феноменовъ г-жи Блаватской. Утромъ она отправилась на пикникъ съ м-ромъ и м-ссъ Синнеттъ, майоромъ Х., м-ромъ С. М., м-ссъ Р. и мною. Хотя она никогда раньше не бывала въ Симлѣ, она указывала намъ куда идти, описывая маленькую мельницу, существованіе которой отрицали Синнетты, майоръ и даже туземцы. Она упомянула также о находившемся по близости тибетскомъ храмѣ. Мы дошли до *описаннаго ею мѣста* и нашли шагахъ въ десяти *мельницу*; когда мы сѣли въ тѣнь, прислуга подала закуску».

Я получилъ отъ полковника Олкотта не только копію циркуляра, изъ котораго взято это мѣсто, но и выписку изъ его дневника, а также и словесныя объясненія. Изъ этихъ послѣднихъ оказалось, что г-жа Блаватская и Х. шли впереди всѣхъ, что г-жа Блаватская описала дорогу, по которой надо было идти; что г-жа-же Блаватская и тотъ-же Х. выбрали и мѣсто для завтрака; что затѣмъ Х. и м-ръ Синнеттъ ходили искать другого мѣста, но рѣшили остаться на прежнемъ.

Такъ какъ въ разсказѣ м-ра Синнетта это мѣсто оказывается мѣстомъ, которое «нельзя было преположить, чтобы оно было выбрано» (стр. 49), то мы не можемъ придать большого значенія и его показанію о томъ, что чашка съ блюдечкомъ были такія, «какихъ трудно подобрать».

По всей вѣроятности, слуга г-жи Блаватской, туземецъ Бабула, ловкій молодой малый, бывшій раньше, какъ я узналъ, въ услуженіи у француза-фокусника, могъ-бы гораздо больше освѣтить событія этого дня, чѣмъ разсказъ полковника Олкотта. Предварительное зарытіе чашки и блюдечка, описаніе г-жей Блаватской мѣстности, выборъ опредѣленнаго сервиза для пикника,—исполненіе всего этого было вполнѣ въ средствахъ Бабулы. Относительно позднѣйшей части дня, когда все общество перешло въ другую часть лѣса, м-ръ Синнеттъ пишетъ на стр. 51: «Х. и еще одинъ другой джентльмэнъ ходили гулять». Изъ описанія полковника Олкотта видно, что они ходили назадъ къ прежнему мѣсту стоянки, чтобы убѣдиться, не было-ли тамъ слѣдовъ, что чашка и блюдечко были зарыты самымъ обыкновеннымъ способомъ и по возвращеніи выражали убѣжденіе, что это могло такъ быть, но что во время поисковъ земля была такъ перерыта на этомъ мѣстѣ, что нельзя уже ничего найти. До возвращенія общества съ пикника уже стало извѣстно, что трое изъ числа его членовъ, м-ссъ Р., м-ръ С. М. и майоръ (котораго м-ръ Синнеттъ называетъ Х.) не удовлетворены «феноменомъ», трое вѣрующихъ были м-ръ и м-ссъ Синнеттъ и

полковникъ Олкоттъ, которые и ранѣе вполнѣ вѣрили въ г-жу Блаватскую. Вскорѣ послѣ этого маіоръ Гендерсонъ прислалъ въ *Times of India* письмо, въ которомъ говоритъ: «въ упомянутый день я заявилъ, что блюдечко недостаточный феноменъ, не заключающій въ себѣ всѣхъ необходимыхъ условій непогрѣшимости. Мои основательныя сомнѣнія были приняты за личное оскорбленіе, и я скоро убѣдился, что скептическій складъ ума неблагопріятенъ для чудесъ теософіи... Я не теософъ и не вѣрю въ феномены, которымъ не придаю никакой цѣны, и не имѣю ни малѣйшаго намѣренія какимъ-бы то ни было образомъ помогать дѣлу общества».

Скрытіе диплома и продѣлка съ графиномъ воды были для Бабулы еще легче. Противъ разсказа м-ра Синнетта о находкѣ диплома м-ромъ Х., я имѣю разсказъ полковника Олкотта, что кустъ, гдѣ былъ найденъ дипломъ, былъ указанъ г-жею Блаватской; этотъ разсказъ взятъ изъ дневника полковника, гдѣ онъ пишетъ: «она указала мѣсто и приказала ему искать. Онъ нашелъ свой дипломъ... подъ низкимъ кедровымъ деревомъ». Далѣе говорится: «Позднѣе у насъ не хватило воды, и она наполнила графинъ чистой водой, прикрывъ его своимъ рукавомъ». По поводу этого м-ръ Синнеттъ много распространяется относительно замѣчательной глупости одного кули, посланнаго съ запиской на сосѣднюю пивоварню за водой и возвратившагося обратно съ пустыми графинами, потому что не нашелъ тамъ ни одного европейца, чтобы отдать записку. По всей вѣроятности одинъ изъ этихъ «пустыхъ» графиновъ былъ поданъ г-жѣ Блаватской для ея опыта. Кто могъ быть этотъ неестественно глупый кули? Конечно, не слуга г-жи Блаватской— Бабула. Трудно предположить, чтобы м-ръ Синнетъ говорилъ о Бабулѣ, какъ о кули, и, конечно, сильно-бы ошибся, приписывая ему неестественную глупость, вмѣсто чрезмѣрной ловкости. А между тѣмъ именно о Бабулѣ и говорится такимъ образомъ. Полковникъ Олкоттъ, разсказавъ, какъ, желая напиться чаю, они увидали, что нѣтъ больше воды, пишетъ:

«Прислуга была послана за водой въ разныя стороны, но ничего не нашла. Въ то время, какъ Бабула хотѣлъ вторично идти за водой, г-жа Блаватская спокойно подошла къ корзинамъ съ провизіей взяла пустой графинъ и, закрывъ его широкимъ рукавомъ своего платья, прямо пошла къ тому мѣсту, гдѣ мы сидѣли на травѣ. *Графинъ былъ полонъ чистѣйшей и прекраснѣйшей водой*, которую мы всѣ пробовали».

Допустивъ, что Бабула присутствовалъ при этомъ, тотъ фактъ, что всѣ графины были пусты и потомъ одинъ изъ нихъ наполнился, можетъ быть очень легко объясненъ самымъ естествен-

нымъ путемъ. Замѣчательно, какъ въ разсказѣ м-ра Синнетта Бабула отодвинутъ на задній планъ; безъ сомнѣнія это сдѣлано не преднамѣренно; но если это такъ, то м-ра Синнетта нельзя не обвинить въ замѣчательномъ отсутствіи наблюдательности.

Наконецъ перейдемъ къ «знаменитому случаю съ брошью» (Occult World, стр. 54—59). По этому поводу достаточно сказать, что эта *брошь* была въ числѣ нѣсколькихъ драгоцѣнныхъ вещей, данныхъ г-жею Юмъ особѣ, которая въ свою очередь подѣлилась ими съ другою особою, а та «разсталась со многими изъ нихъ». Затѣмъ фактически установлено, что многія изъ этихъ вещей незадолго до этого прошли черезъ руки полковника Олкотта. Онъ не помнитъ этой броши, но весьма вѣроятно, хотя и не доказано, что въ это время г-жа Блаватская могла имѣть случай пріобрѣсти эту брошь. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что она отдавала въ починку м-ру Гормузджи С. Сирвай въ Бомбеѣ брошь, которую онъ ей возвратилъ незадолго до этого. Когда-же «случай съ брошью» былъ напечатанъ, м-ръ Гормузджи нашелъ, что по описанію это та самая брошь, которую онъ чинилъ для г-жи Блаватской. Я долженъ прибавить, что показаніе м-ра Гормузджи подтверждается двумя другими свидѣтелями, вспоминавшими, что, немедленно по напечатаніи «случая съ брошью», онъ говорилъ, что по описанію это та брошь, которую ему давала г-жа Блаватская. То обстоятельство, что м-ссъ Юмъ пожелала, чтобы «братья» возвратили ей именно эту вещь, м-ръ Юмъ склоненъ объяснить мысленнымъ внушеніемъ со стороны г-жи Блаватской, вѣроятно, настойчиво желавшей, чтобы г-жа Юмъ думала объ этой броши. Я не оспариваю этого мнѣнія, хотя не могу глядѣть на этотъ случай, какъ на доказанный примѣръ телепатіи. Г-жа Блаватская могла настолько знать исторію этой броши, что ей было легко навести мысль г-жи Юмъ на эту семейную драгоцѣнность, не возбуждая подозрѣнія присутствующихъ.

Разсматривая подобные случаи, не слѣдуетъ забывать, что намъ неизвѣстно, сколько «феноменовъ», подготовленныхъ г-жею Блаватской, не удались. Ей могло не удасться навести разговоръ на желаемую тему; ее могли просить о вещахъ, которыхъ у нея не было, и приходилось отказывать подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ; могло случиться давать отвѣтъ на письмо, котораго не удалось прочесть, а потому въ отвѣтѣ махатмы не дать отвѣта на главный вопросъ непрочитаннаго письма; ее могли просить о феноменѣ совсѣмъ въ другомъ родѣ, чѣмъ заготовленный; она не могла предвидѣть такихъ случайностей, какъ отсутствіе лицъ, необходимыхъ для даннаго феномена, и такъ далѣе.

Есть множество примѣровъ различныхъ неудачъ такого рода, которыя, я думаю, м-ръ Синнетъ сочтетъ болѣе чѣмъ интересными «случаями». Таковъ случай, приготовленный для капитана Мэтленда. Г-жа Блаватская объявила ему, что подъ рогомъ единорога на гербѣ подъ статуей герцога Уэльскаго, напротивъ отеля Уатсона въ Бомбеѣ, должна лежать папироса, привязанная ея волосомъ. Мэтлендъ телеграфировалъ изъ Симлы въ Бомбей м-ру Бранту, прося немедленно пойти за папиросой, но м-ръ Брантъ не нашелъ ея въ описанномъ мѣстѣ. Г-жа Куломбъ говоритъ, что она должна была отнести эту папиросу, но что она «не подходила близко къ этому мѣсту». Отсюда и неудача, не упомянутая м-ромъ Синнеттъ. Письма Блаватской къ Куломбамъ совершенно дискредитируютъ феномены съ папиросами и сразу видно, что всѣ тѣ, о которыхъ упоминаетъ м-ръ Куломбъ, могли легко быть устроены самой г-жею Блаватской. Въ первомъ приводимомъ имъ случаѣ съ г-жею Горданъ не говорится, гдѣ было «указанное мѣсто», на которомъ нашлась папироса. Въ двухъ другихъ примѣрахъ папиросы нашлись въ мѣстахъ, гдѣ онѣ пролежали нѣкоторое время незамѣченными, пока ихъ не стали спеціально розыскивать, и г-жа Блаватская, или Бабула—по ея приказанію—могли положить ихъ туда заранѣе. М-ръ Синнеттъ говоритъ: «для лицъ, которыя не видѣли, какъ дѣлала г-жа Блаватская свои феномены съ папиросами, не безполезно замѣтить, что она дѣлала не какъ какой-нибудь фокусникъ»—и, конечно, такимъ лицамъ трудно себѣ представить, съ какимъ глубокимъ убѣжденіемъ м-ръ Синнеттъ говоритъ о тождественности оторваннаго кусочка бумаги съ кусочкомъ, даннымъ перципіенту. (Occult World стр. 63).

«Вы берете два листка бумаги и отрываете отъ обоихъ одинаковый уголъ. Вы дѣлаете изъ одного листка папиросу и кладете туда, гдѣ она должна быть окончательно найдена. Затѣмъ другую бумажку кладете подъ новую, которую разрываете на глазахъ зрителей, вкладываете одинъ изъ заранѣе оторванныхъ уголковъ ему въ руку вмѣсто того, который онъ видѣлъ, какъ вы разрывали, дѣлаете папиросу изъ другой части первоначальной бумажки, кладете, куда вамъ нравится, и приглашаетъ найти приготовленную папиросу. Не трудно придумать разнообразныя условія».

Наивное замѣчаніе м-ра Синнетта, что увѣренность присутствующихъ въ отсутствіи всякаго плутовства можетъ быть обезпечена отмѣтками карандашемъ на папиросѣ, доказываетъ только его полное незнаніе, что такое фокусничество, такъ какъ изъ его-же словъ видно, что отмѣтки дѣлала сама г-жа Блаватская и что когда это хотѣлъ сдѣлать капитанъ Мэтленъ, *она откло-*

нила его предложеніе «отмѣтить или разорвать бумажку». Затѣмъ далѣе:

«Когда папироса была сдѣлана, г-жа Блаватская встала и, взявъ ее въ руки, стала вертѣть. По прошествіи 20 или 30 секундъ, шелестъ бумаги, сначала ясно слышный, прекратился».

«Изъ остальной бумаги она приготовила папиросу обыкновеннымъ способомъ, и черезъ нѣсколько мгновеній эта папироса исчезла у нея изъ рукъ».

Однимъ словомъ, если дѣйствительно эти феномены съ папиросами не были фокусами, то описаніе м-ра Синнетта должно быть совершенно невѣрно.

Относительно портретовъ, нарисованныхъ въ домѣ м-ра Синнетта (Occult World стр. 137—139), достаточно сказать, что г-жа Блаватская крайне искусна въ рисованіи какъ карандашемъ, такъ и кистью. Я самъ видѣлъ образчики ея работы, какъ разъ въ томъ родѣ, какъ описанные м-ромъ Синнеттомъ, гдѣ контуры лица на бѣлой бумагѣ отдѣлялись контрастомъ съ «туманно-синей тушевкой» вокругъ *).

Вообще, я считаю себя въ правѣ сказать, что феномены, помѣщенные м-ромъ Синнеттомъ въ Occult World, описаны имъ менѣе удовлетворительно, чѣмъ всякій непосвященный, но проницательный зритель могъ-бы описать фокусы обыкновеннаго фокусника; что дополнительныя свѣдѣнія о нихъ, пріобрѣтенныя мною, доказываютъ его полное неумѣнье принимать необходимыя предосторожности противъ обмана.

Показаніе м-ра А. О. Юма

(впослѣдствіи правительственнаго министра-секретаря Индіи).

Такъ какъ м-ръ Юмъ принималъ большое участіе въ первоначальномъ развитіи въ Индіи теософическаго общества и даже писалъ по этому поводу, то мнѣ, кажется, небезынтереснымъ обратить вниманіе на ту перемѣну, которая произошла съ тѣхъ поръ въ его мнѣніи о феноменахъ г-жи Блаватской. Будучи въ Индіи, я много и подолгу бесѣдовалъ съ м-ромъ Юмомъ и уже указывалъ на его мнѣніе, по поводу возвращенія броши м-ссъ Юмъ, что эта брошь могла весьма легко быть пріобрѣтена г-жею

*) Синій карандашъ, вообще, былъ въ большомъ употребленіи въ главной квартирѣ. У меня былъ особенный патентованный синій карандашъ, который я далъ разъ м-ру Баваджи, чтобы написать адресъ. Увидя карандашъ, онъ восхитился и необдуманно вскричалъ: «О! какъ бы этотъ карандашъ былъ хорошъ для...» Для рисунковъ Кутъ-Хуми, подумалъ я, но м-ръ Баваджи во-время опомнился и не кончилъ фразы.
Годжсонъ.

Блаватской заранѣе и самымъ обыкновеннымъ путемъ. Задолго до напечатанія корреспонденціи Блаватской-Куломбъ, м-ръ Юмъ уже нашелъ, что многіе изъ феноменовъ г-жи Блаватской были обманомъ, и что нѣкоторыя изъ мнимыхъ писемъ махатмъ были дѣломъ самой г-жи Блаватской. Разъ или два ему случилось видѣть замѣтки м-ра Субба Роу, туземца теософа, относительно нѣкоторыхъ философскихъ вопросовъ, а затѣмъ онъ сразу узналъ содержаніе этихъ замѣтокъ въ писаніяхъ махатмъ (полученныхъ имъ самимъ или м-ромъ Синнеттомъ). Я спросилъ впослѣдствіи у м-ра Субба Роу, самаго способнаго изъ всѣхъ знакомыхъ мнѣ туземцевъ-теософовъ, извѣстно-ли ему это? Онъ лаконически отвѣчалъ: «возможно, что это такъ». Когда въ первый разъ появились въ печати письма Блаватской-Куломбъ, м-ръ Юмъ публично выразилъ свое мнѣніе, что г-жа Блаватская слишкомъ умна, чтобы такъ компрометтировать себя, однако, позднѣе, отчасти благодаря сообщеннымъ ему мною свѣдѣніямъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что эти письма дѣйствительно написаны г-жею Блаватской. Далѣе, онъ никогда не вѣрилъ феноменамъ шкапа (schrine) и всегда подозрѣвалъ въ нихъ обманъ. Я долженъ также прибавить, что его мнѣніе о благонадежности Дамодара, Баваджи и Бабулы, составленное независимо, тѣмъ не менѣе было вполнѣ сходно съ моимъ. Несмотря на это вначалѣ м-ръ Юмъ былъ такъ-же убѣжденъ въ неподдѣльности нѣкоторыхъ феноменовъ, какъ и самъ м-ръ Синнеттъ. Принятое имъ въ настоящее время положеніе относительно всего дѣла представляетъ не только примѣръ его мужества признавать истину даже цѣною отрицанія своихъ прежнихъ убѣжденій, но и тщательное изученіе подробностей, касавшихся его лично мнимочудесныхъ феноменовъ. Такъ, напримѣръ, онъ получилъ сообщеніе отъ Кутъ-Хуми въ письмѣ отъ лица, не имѣвшаго никакого отношенія къ теософіи. Вѣроятно, это тотъ случай, который м-ръ Синнеттъ (Occult World, стр. 21) описываетъ слѣдующимъ образомъ:

«Когда образовалось это общество (Симлская вѣтвь теософич. общ.), многія письма къ намъ отъ Кутъ-Хуми были получены ни въ какомъ случаѣ не черезъ г-жу Блаватскую. Напримѣръ, въ одномъ случаѣ м-ръ Юмъ, выбранный на первый годъ президентомъ новаго общества... получилъ записку отъ Кутъ-Хуми черезъ почту отъ лица, не имѣвшаго никакихъ сношеній съ нашими оккультическими изысканіями и писавшему ему объ общественныхъ дѣлахъ».

М-ръ Юмъ сообщилъ мнѣ, что самъ получилъ отъ почтальона это письмо въ большомъ, особаго вида, конвертѣ. Много спустя, изслѣдуя множество феноменовъ (не напечатанныхъ),

происшедшихъ у него въ домѣ, онъ случайно узналъ отъ одного изъ слугъ, что совершенно подобное письмо было разъ рано утромъ взято Бабулой отъ почтальона и отнесено къ его барынѣ, а когда почтальонъ снова пришелъ, то Бабула возвратилъ ему письмо, говоря, что оно не къ г-жѣ Блаватской, а къ м-ру Юму. Въ то время слуга былъ удивленъ, отчего Бабула не передалъ письма прямо м-ру Юму и прибавилъ, что Бабула и потомъ не разъ точно также бралъ и возвращалъ письма. Въ первомъ отчетѣ мы уже предполагали нѣчто подобное со стороны Бабулы для объясненія такихъ случаевъ. Во многихъ случаяхъ, которые безполезно повторять, г-жа Блаватская точно также могла имѣть въ рукахъ чужія письма до ихъ прихода по назначенію. Здѣсь не мѣшаетъ привести заявленія м-ра Юма, что особые конверты и бумага, на какихъ писались сообщенія махатмы, можно было пріобрѣсти въ сосѣдствѣ Дарджилинга, и что первые документы махатмъ были на другой бумагѣ, пока г-жа Блаватская не побывала въ Дарджилингѣ. Въ настоящее время м-ръ Юмъ полагаетъ, что, «несмотря на всѣ обманы, были и настоящіе феномены и что за г-жею Блаватской стоятъ дѣйствительные оккультисты со значительной, хотя и ограниченной силой; что К. Н. есть дѣйствительная личность, но ни въ какомъ случаѣ не такая могущественная и богоподобная, какою ее описывали, и что она дѣйствительно, прямо или косвенно, принимала участіе—какое, м-ръ Юмъ не можетъ сказать—въ происхожденіи писемъ К. Н.» Читателю уже извѣстно, что лично я не могъ найти ни малѣйшаго доказательства дѣйствительности ни одного феномена.

Что касается такъ называемаго «precipitated» письма, то я имѣлъ его образчики трехъ сортовъ, которые приписывались махатмѣ Кутъ-Хуми, махатмѣ М. и *Chela* «Бола Дева Сарма». Я долго и внимательно осматривалъ эти и другіе манускрипты, чтобы опредѣлить, чьей рукой было написано письмо. Заключеніе, къ которому я пришелъ, вполнѣ подтвердило результаты моихъ розысковъ въ другихъ направленіяхъ, которые вкратцѣ заключаются въ слѣдующемъ:

Одинъ образчикъ почерка челы Б. Д. С., который я имѣлъ случай тщательно осмотрѣть, былъ дѣломъ м-ра Баваджи Наоа; многіе разсмотрѣнные мной образчики почерка махатмы М. (Моріа) были написаны г-жею Блаватской; изъ многихъ образчиковъ почерка махатмы Кутъ-Хуми (К. Н.) одинъ былъ написанъ Дамодаромъ, а остальные г-жею Блаватской.

По возвращеніи въ Англію, мое мнѣніе объ этомъ еще болѣе утвердилось осмотромъ большого количества посланій К. Н.

(Кутъ-Хуми), присланныхъ мнѣ м-ромъ Юмомъ, цѣлой серіи документовъ К. Н., данныхъ мнѣ м-ромъ Синнеттомъ, и такихъ-же документовъ, присланныхъ м-ромъ Падша, для сличенія съ другими письмами К. Н. Сообщенія К. Н., принадлежащія м-ру Падша, по моему мнѣнію, дѣло рукъ м-ра Дамодара, а принадлежащія м-ру Юму и Синнетту написаны г-жею Блаватской. Весьма возможно, что различныя сообщенія К. Н., полученныя въ Индіи въ 1884 г., во время отсутствія г-жи Блаватской, были написаны м-ромъ Дамодаромъ. Многія изъ нихъ появились при обстоятельствахъ, вполнѣ исключавшихъ возможность принадлежности ихъ г-жѣ Блаватской, но при которыхъ м-ру Дамодару было легко ихъ написать.

На этомъ Годжсонъ оканчиваетъ первую часть своего отчета. Изъ сдѣланнаго имъ разбора феноменовъ, опубликованныхъ въ «The Occult World», совершенно ясно, съ какимъ «серьезнымъ и добросовѣстнымъ» *изслѣдователемъ* мы имѣемъ дѣло въ лицѣ Синнетта, этого «знаменитаго апостола» новѣйшей теософіи и главнѣйшаго защитника Е. П. Блаватской. Но, кромѣ «The Occult World», для прославленія «madame», Синнеттомъ издана еще другая книга, носящая названіе: «Incidents in the life of M-me Blavatsky». Въ ней изображена, *на основаніи самыхъ вѣрныйшихъ свидѣтельствъ*, жизнь Елены Петровны. Не трудно, конечно, доказать, что книга эта—есть главнымъ образомъ собраніе разсказовъ о томъ, чего никогда не было. Но пусть первое доказательство этому представитъ *сама* г-жа Желиховская.

Въ подтвержденіе всѣхъ чудесъ Е. П. Блаватской, г-жа Желиховская указываетъ пуще всего на Синнетта и приводитъ, не скупясь, его отзывы и мнѣнія о покойной. Между тѣмъ сама-же пишетъ: «...раньше всѣхъ пріѣхалъ Синнеттъ съ кипой корректурныхъ листовъ печатавшейся книги его «Incidents in the life of M-me Blavatsky». Въ томъ, что въ ней приписывалось свѣдѣніямъ отъ меня полученнымъ, я нашла нѣкоторыя неточности, которыя исправила; но, къ удивленію моему, эта корректура не пошла впрокъ, такъ что я не могу въ книгѣ признать очень многаго изъ того, что *будто-бы* я сама разсказывала» («Русское Обозрѣніе», 1891 г., декабрь, стр. 591).

Вотъ такъ достовѣрный свидѣтель! Этими строками г-жа Желиховская отлично показываетъ, «какъ писалась и пишется исторія» друзьями и поклонниками Е. П. Блаватской. Въ этомъ случаѣ, видите-ли, Синнеттъ «наплелъ» на г-жу Желиховскую, и она отъ него защищается; но есть еще другой случай, когда

она сама себя обвиняетъ и наказываетъ, подобно гоголевской унтеръ-офицершѣ. Десять лѣтъ тому назадъ она выпустила въ свѣтъ брошюру «Правда о Е. П. Блаватской», а теперь («Русское Обозрѣніе», 1891 г., ноябрь, стр. 249) признается, что въ этой *правдѣ*.... не заключалась правда!!

Въ концѣ-концовъ г-жа Желиховская наповалъ убиваетъ свою покойную сестру и Синнетта, столь много послужившаго ей для ея статей. Разсказывая о томъ, что было послѣ кончины Елены Петровны, она пишетъ: «г-нъ Синнеттъ очень убѣжденно излагалъ свои теоріи въ такомъ смыслѣ, что духъ Е. П. Блаватской, въ данную минуту, могъ быть переселенъ даже не въ новорожденнаго, а прямо въ здоровое тѣло отрока или юноши и въ такомъ случаѣ ни минуты не терять своего сознанія и памяти. *Всѣмъ* она, понятно, не откроется, во избѣжаніе излишняго соблазна,—но нѣкоторые *избранные* (онъ самъ вѣроятно первый?) каждый мигъ могутъ надѣяться ее вновь обрѣсти!..» («Русское Обозрѣніе», 1891 г., декабрь, стр. 616). И это одинъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей теософическаго общества, *первый* послѣ Блаватской, провозвѣстникъ «новаго ученія», которымъ г-жа Желиховская заманиваетъ своихъ соотечественниковъ!

XV.

Вторая часть «Отчета» м-ра Годжсона составляетъ весьма интересное дополненіе къ первой части и заключаетъ въ себѣ, такъ сказать, *окончательныя*, несомнѣнныя доказательства обмановъ, производившихся Е. П. Блаватской. На первомъ мѣстѣ является подробнѣйшая и тщательнѣйшая экспертиза (съ приложеніемъ факсимиле) писемъ Блаватской и Кутъ-Хуми, наглядно и неоспоримо устанавливающая фактъ, уже достаточно понятный читателямъ, а именно, что представленныя Куломбами письма, содержаніе которыхъ приводится въ первой части «Отчета», суть письма *подлинныя*, написанныя весьма характернымъ почеркомъ Е. П. Блаватской, со всѣми неподражаемыми оттѣнками ея своеобразнаго слога, и заключающія въ себѣ указанія на дѣйствительно бывшія обстоятельства и событія, что, какъ видѣли читатели изъ первой части «Отчета», добросовѣстно разслѣдовано Годжсономъ.

Относительно писемъ за подписью махатмы Кутъ-Хуми, экспертиза пришла къ заключенію, что большинство этихъ писемъ написано также Е. П. Блаватской. Тѣ-же изъ нихъ, которыхъ она, по обстоятельствамъ, не могла сама написать,—оказываются произведеніями ея пособника, индуса Дамодара. Очевидно, Бла-

ватская и Дамодаръ выработали вмѣстѣ «условный почеркъ Кутъ-Хуми»; но все-же этотъ почеркъ, однообразный въ общемъ своемъ характерѣ, являетъ, въ нѣкоторыхъ письмахъ, значительную разницу и особенности, свойственныя почерку Дамодара. И *такія* письма оказываются именно тѣми, которыхъ не могла, вслѣдствіе своего отсутствія, написать Блаватская; но которыя весьма легко могъ написать Дамодаръ.

Къ числу подобныхъ писемъ относится письмо Кутъ-Хуми, представленное Дамодаромъ во время пребыванія Блаватской и Олкотта въ Европѣ, когда адіарскій совѣтъ теософическаго общества вздумалъ изгонять изъ своей среды Куломбовъ. Письмо это, за подписью Кутъ-Хуми, явилось въ защиту г-жи Куломбъ, что не помѣшало, однако, болѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ (т. е., когда Блаватская, узнавъ объ адіарскихъ событіяхъ, могла снестись съ Индіей) появиться другому письму, за подписью махатмы М. (т. е. Моріи), обвинявшему Куломбовъ и предостерегавшему отъ нихъ членовъ совѣта, причемъ мудрѣйшій и всепроникающій махатма оказался незнающимъ самыхъ простыхъ обстоятельствъ того времени. Во второй части «Отчета» подробно разсказаны всѣ эти курьезы, приложены всѣ «оправдательные документы» для первой части и, наконецъ, помѣщено личное заключеніе Годжсона относительно вообще, всего, имъ изслѣдованнаго. Онъ останавливается на слѣдующихъ четырехъ утвержденіяхъ:

1) Главные свидѣтели существованія «махатмъ», — Блаватская, Дамодаръ, Бавани Шанкаръ, Баваджи,—сдѣлали завѣдомо ложныя показанія по другимъ обстоятельствамъ этого дѣла, а потому на слова ихъ и увѣренія никакъ нельзя полагаться.

2) Экспертиза почерковъ доказываетъ, что Кутъ-Куми и Моріа—лица вымышленныя, несуществующія на самомъ дѣлѣ.

3) *Ни одинъ* изъ феноменовъ, извѣстныхъ Годжсону, не можетъ почесться серьезнымъ, и свидѣтели ихъ постоянно путали, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ очевидно намѣренно лгали въ своихъ показаніяхъ.

4) Не было ровно никакихъ подтвержденій «чудесъ»; напротивъ того—извѣстные Годжсону и провѣренные имъ факты только доказывали обманы.

На этомъ, какъ мнѣ кажется, Годжсону слѣдовало-бы остановиться, такъ какъ задача его представлялась обстоятельно и добросовѣстно имъ исполненной. Хотя отчетъ его нѣсколько растянутъ и вообще, *съ внѣшней стороны*, составленъ не совсѣмъ умѣло; но *внутреннее его содержаніе* вполнѣ удовлетворительно. Всѣ факты собраны, всесторонне изслѣдованы и обманы Е. П. Блаватской и ея пособниковъ доказаны неопровержимо. Но Годжсону этого показалось мало. Онъ пожелалъ высказать, помимо

изслѣдованныхъ имъ фактовъ, свое окончательное сужденіе о создателяхъ теософическаго общества,—Блаватской и Олкоттѣ,—и тутъ сдѣлалъ двѣ весьма крупныя ошибки. Онъ ставитъ вопросъ: что-же побудило Блаватскую организовать цѣлый рядъ всевозможныхъ обмановъ?—и отвѣчаетъ такъ: многіе подумаютъ, пожалуй, что это просто болѣзненная манія, idée fixe созданія «новой религіи»; но близкое знакомство съ характеромъ Блаватской доказываетъ несостоятельность такого предположенія. Дѣйствовала-ли она вслѣдствіе корыстолюбія?—Нѣтъ, онъ считаетъ такое обвиненіе еще болѣе неосновательнымъ, чѣмъ первое предположеніе. Не думаетъ онъ также, что она жаждала извѣстности и славы. Въ чемъ-же тутъ дѣло? А вотъ въ чемъ: «она русская шпіонка!»—рѣшаетъ онъ.

Однако, это надо доказать, доказать точно такъ-же, какъ онъ доказалъ ея поддѣлки феноменовъ и всякіе другіе обманы, а доказательствъ у него нѣтъ никакихъ, ибо нельзя считать доказательствами приводимые имъ обрывки ея писаній, изъ которыхъ ни одинъ серьезный человѣкъ не въ состояніи вывести подобнаго заключенія. Но на что неспособенъ серьезный человѣкъ вообще, на то способенъ самый даже серьезный англичанинъ—разъ только произнесено слово: «русскій шпіонъ въ Индіи». Я увѣренъ, что Годжсонъ совершенно искренно остановился на своемъ предположеніи и въ немъ утвердился, что ему совершенно искренно повѣрили члены «лондонскаго общества для психическихъ изслѣдованій», а за ними и весьма многіе англійскіе люди.

Тѣмъ не менѣе эта искренность ничуть не уничтожаетъ грубой ошибки, въ которую впали Годжсонъ и «психисты». Е. П. Блаватская не была шпіонкой, и я говорю это вовсе не потому, что считаю ее неспособной на подобную роль, а потому, что осенью 1885 года (т. е. тогда, когда разслѣдованіе Годжсона было уже окончено и отчетъ его, со всѣми заключеніями, печатался) «она страстно желала сдѣлаться тайнымъ агентомъ русскаго правительства въ Индіи». Если она «желала быть»—значитъ «до того времени не была». Какимъ образомъ я узналъ это—разскажу въ своемъ мѣстѣ, а подъ конецъ моего разсказа дойду, естественно, и до вывода изъ него, то-есть до вопроса о томъ, что могло подвигнуть нашу «современную жрицу Изиды» на всю ея печальную дѣятельность.

Если заключеніе Годжсона по поводу мнимаго шпіонства Блаватской, несмотря на всю его бездоказательность, можно все-же почесть искреннимъ и объяснить англійской склонностью всюду видѣть русскихъ шпіоновъ,—то гораздо уже труднѣе найти «приличное» основаніе его сужденія объ Олкоттѣ. Онъ до конца упорно объявляетъ «полковника» невиннымъ глупцомъ,

а не пособникомъ Блаватской въ ея различныхъ обманахъ, и въ то-же время приводитъ такіе факты, послѣ которыхъ внимательный читатель «отчета» непремѣнно долженъ вынести ясное убѣжденіе въ томъ, что Олкоттъ и лгунъ и плутъ, несмотря на свою глупость. Эти приводимые факты завѣдомо ложныхъ показаній президента теософическаго общества и его участіе въ «феноменахъ», поддѣльность которыхъ тутъ-же неопровержимо доказывается, рядомъ съ голословными заявленіями о его невинности,— производятъ довольно странное впечатлѣніе. Приходится невольно заподозрить въ Годжсонѣ какое-то своего рода непонятное въ такомъ дѣлѣ «джентльмэнство», по которому онъ хочетъ спасти хоть кого-нибудь изъ разоблаченной имъ клики обманщиковъ. Во всякомъ случаѣ услуга, оказываемая имъ «полковнику», неумѣстна и сшита бѣлыми нитками.

Къ отчету Годжсона «Лондонскимъ обществомъ для психическихъ изслѣдованій» приложены слѣдующіе документы:

1) Оффиціальное удостовѣреніе извѣстнаго эксперта Нетсерклифта, относительно почерка Блаватской во всѣхъ представленныхъ ему письмахъ.

2) Показаніе теософа Гюббе Шлейдена о полученіи имъ письма махатмы при такихъ обстоятельствахъ: онъ ѣхалъ съ Олкоттомъ изъ Эльберфельда въ Дрезденъ и жаловался ему на то, что всю жизнь его преслѣдуютъ неудачи и несчастія. Послѣ этого разговора онъ поднялся съ мѣста, чтобы отдать свой билетъ кондуктору, а Олкоттъ говоритъ: «смотрите—за вами письмо!» Письмо оказалось отъ махатмы Кутъ-Хуми и заключало въ себѣ «утѣшенія», а также отвѣтъ на письмо Гюббе Шлейдена къ махатмамъ, адресованное имъ нѣсколько дней передъ тѣмъ на имя Блаватской. Такой отвѣтъ, по разсчету времени, не могъ еще, какъ онъ увѣренъ, получиться. Впослѣдствіи Блаватская говорила, что она никогда не получала этого его письма; но самъ Гюббе Шлейденъ писалъ Майерсу: «г-жа Блаватская увѣряла меня, что въ полученномъ ею моемъ письмѣ не было тѣхъ вопросовъ, на которые мнѣ отвѣтилъ махатма Кутъ-Хуми». Значитъ, все-же письмо она получила и только изъ него вопросы... испарились. Вотъ такъ обстоятельный и толковый свидѣтель!

3) Показаніе Рудольфа Гебгарда. Онъ рекомендуетъ себя хорошимъ фокусникомъ и затѣмъ разсказываетъ, увѣряя, что это не былъ фокусъ, какъ у нихъ въ Эльберфельдѣ, въ гостиной, упало съ картины на рояль письмо махатмы къ Гебгарду-отцу, отвѣчающее на только-что задуманное имъ. Это задуманное было, однако, заранѣе извѣстно ему, Рудольфу, такъ-же какъ и то, что отецъ непремѣнно объ этомъ именно и задумаетъ. Если это было извѣстно Рудольфу, то могло быть извѣстнымъ и Блават-

ской, которая отлично умѣла вывѣдывать все, что ей оказывалось нужнымъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что на обложкѣ этого письма значилось: «господину консулу Гебгарду» — махатма очевидно хорошо зналъ, какое удовольствіе онъ доставитъ хозяину дома, гдѣ жила Блаватская, этимъ величаніемъ. Дѣло въ томъ, что Гебгардъ, сходившій съ ума отъ честолюбія, ужасно кичился своимъ званіемъ персидскаго консула въ Эльберфельдѣ и, путемъ всякихъ жертвъ, полученнымъ маленькимъ своимъ орденомъ.

4) Показаніе неизвѣстной дамы о таинственнымъ способомъ полученномъ ею не менѣе таинственномъ письмѣ. Если показанія лицъ, называющихъ себя полнымъ именемъ, не выдерживаютъ никакой критики, то это анонимное повѣствованіе не можетъ, конечно, имѣть никакого смысла.

5) Показанія Падша (индуса) объ «астральномъ» появленіи Дамодара, котораго, однако, «никто изъ присутствовавшихъ, кромѣ Блаватской, не видѣлъ».

6) Мой разсказъ о моемъ сновидѣніи въ Эльберфельдѣ съ заявленіемъ, что я считаю его не имѣющимъ ровно никакого отношенія къ чему-либо таинственному.

7) Показаніе г-жи Гебгардъ о томъ, что она на яву, среди бѣла дня, во время митинга теософическаго общества въ Лондонѣ, увидѣла махатму Моріа, котораго не видѣлъ, однако, никто изъ присутствовавшихъ кромѣ Блаватской, Олкотта и Могини, то-есть «самыхъ достовѣрныхъ лжесвидѣтелей», къ числу которыхъ, послѣ этого показанія, неизбѣжно приходится причислить и г-жу Гебгардъ.

8) Это приложеніе настолько интересно, что я приведу его въ дословномъ переводѣ:

Въ іюлѣ 1879 г., вскорѣ послѣ того, какъ теософъ, м-ръ Массэй выразилъ г-жѣ Блаватской желаніе, какъ свое, такъ и другихъ членовъ лондонскаго теософическаго общества, имѣть доказательства существованія «махатмъ», онъ нашелъ въ записной книгѣ общества письмо, адресованное къ нему и яко-бы полученное отъ одного изъ «братьевъ». Г-жа Блаватская въ это время была въ Индіи. Это открытіе было сдѣлано на квартирѣ одного изъ членовъ общества, бывшаго въ то время непрофессіональнымъ медіумомъ, и у котораго записная книга находилась на сохраненіи. Книга была принесена м-ру Массэю медіумомъ вслѣдствіе какого-то дѣла общества. Медіумъ будетъ здѣсь обозначенъ черезъ букву X, а его «контроль» (духъ, имѣющій съ нимъ постоянное общеніе)—черезъ Z.

Въ маѣ 1882 г. м-ру Массэю показали письмо, адресованное X., (который въ это время уже жилъ въ Лондонѣ), написанное

почеркомъ г-жи Блаватской, помѣченное 28-го іюня 1879 г. и находившееся въ конвертѣ, на которомъ былъ лондонскій штемпель отъ 21-го іюля 1879 г. Онъ снялъ копію съ первой части этого письма, которая и слѣдуетъ:

«Мой добрый другъ, помните-ли вы то, что Z. сказалъ или вѣрнѣе обѣщалъ мнѣ? Что когда-бы въ этомъ ни нуждались, онъ всегда будетъ готовъ передать письмо, оставить его на столѣ Массэя, въ его карманѣ или какомъ-нибудь другомъ потаенномъ мѣстѣ? Ну, такъ вотъ теперь *крайняя необходимость* въ такомъ проявленіи его могущества. Пожалуйста, попросите его взять прилагаемое письмо и положить его въ карманъ М. или какое-нибудь-другое еще болѣе потаенное мѣсто. Но Массэй не долженъ знать, что это Z. Пускай его думаетъ все, что ему угодно, только-бы не подозрѣвалъ, что вы были около него съ Z., готовымъ служить вамъ. Онъ довѣряетъ вамъ, но не Z.

«Точно такъ-же если-бы ему удалось угостить LL. какимъ-нибудь восточнымъ выраженіемъ любви, это было-бы очень хорошо, но ни одинъ изъ нихъ не долженъ подозрѣвать Z., а потому дѣло это выходитъ немного труднѣе, чѣмъ если-бы оно случилось на одномъ изъ вашихъ сеансовъ...»

М-ръ Массэй не могъ въ то время снестись по этому поводу, какъ онъ иначе-бы сдѣлалъ, съ г-жою Блаватской или X. (ни съ однимъ изъ нихъ, сверхъ того, онъ не былъ уже въ перепискѣ) и не раньше, какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ—осенью 1882 г., когда обстоятельства, въ которыхъ находилось общество, требовали, по его мнѣнію, разъясненія этого факта, онъ частнымъ образомъ сообщилъ о немъ нѣкоторымъ изъ своихъ друзей.

Достойно замѣчанія, что письмо, посланное г-жей Блаватской м-ру Массэй 2-го іюня 1879 г., четыре дня спустя послѣ того числа, которымъ помѣчено письмо къ X., написано съ цѣлью сказать, что лондонскіе послѣдователи теософическаго общества не должны разсчитывать на феномены, и съ цѣлью объяснить причину этого. Она говоритъ въ немъ: «я передаю вамъ, какъ фактъ, что желанія лондонскихъ послѣдователей были предметомъ серьезнаго совѣщанія между нашими братіями. Нѣкоторые изъ нихъ уже склонялись удовлетворить вашему желанію относительно феноменовъ... Но въ концѣ концовъ было единогласно рѣшено, что поступить такъ—значило-бы унизить общество и помочь лживымъ теоріямъ спиритуализма». Этимъ какъ-бы отрицается знаніе письма, найденнаго въ записной книгѣ. М-ръ Массэй старался получить на этотъ счетъ какія-нибудь объясненія отъ г-жи Блаватской, но безуспѣшно.

Не ранѣе мая 1884 г., получивъ письмо отъ г-жи Блават-

ской первое послѣ нѣсколькихъ лѣтъ и касавшееся посторонних вещей, — м-ръ Массэй послалъ ей копію съ той части письма къ Х., которую онъ переписалъ, и получилъ въ отвѣтъ удостовѣреніе, что она была авторомъ относившагося къ нему отрывка. Вотъ выдержки изъ ея письма:

«Энгьенъ. Пятница.

«Все, что я теперь имѣю честь сказать вамъ, это—*даю вамъ въ томъ мое теософское честное слово* — 1) что я авторъ только первой части письма, которое вы приводите, т. е. нѣсколькихъ спѣшныхъ строчекъ къ Х., послѣ полученія письма, адресованнаго вамъ и полученнаго мною въ Гиргаумѣ, Бомбей, въ которыхъ я просила Х. напомнить Z. объ обѣщаніи и доставить вамъ письмо какимъ-либо способомъ, *только-бы оккультнымъ*. Строчки, написанныя мною, начинаются со словъ: «мой дорогой другъ» и кончаются: «онъ вѣритъ вамъ, но не Z». Все, что за этимъ слѣдуетъ—*мною никогда писано не было*, и я никогда ничего объ этомъ не знала, чтобы вы противъ этого ни говорили. Невинно-ли все остальное или нѣтъ и въ состояніи-ли вы понять, съ какой цѣлью все это состряпано—для меня все равно. Я *этого не писала* и *для меня* этого достаточно, а какъ вы къ этому относитесь — для меня безразлично. Что за дьяволъ можетъ быть этотъ «LL» неважно; учителя очевидно не желаютъ, чтобы я разгадала продѣлку. Все, что я знаю — *это что здѣсь поддѣлка*, какъ уже было и будетъ поддѣлано много вещей и, какъ я думаю, въ вашу пользу. Я уже давно забыла и думать объ этомъ письмѣ, а теперь его ясно вспоминаю во всѣхъ подробностяхъ. Когда Олкоттъ говорилъ мнѣ о немъ, я не могла ясно его вспомнить—теперь-же я вспомнила... Ну, а затѣмъ къ дѣлу. Что вы нашли такого *непростительнаго* и *предосудительнаго* въ этой *первой* части моего письма, которая по вашему мнѣнію и обвиняетъ-то меня? У меня можетъ быть недостаетъ въ томъ смыслѣ какъ вы понимаете, чести, самой простой нравственности и, въ такомъ случаѣ, все, что я могу вамъ сказать: это такъ *съ вашей точки зрѣнія*, но не съ моей. Я никогда и не имѣла, когда писала вамъ, ни малѣйшаго желанія *обмануть васъ*. Или вы называете умолчаніе о фактахъ, о которыхъ не имѣешь права говорить—обманомъ?

«Письмо, переданное вамъ, было подлинно, авторомъ его былъ самый настоящій «братъ», какой когда-либо жилъ; оно было получено мною *чудеснымъ* способомъ въ присутствіи двухъ теософовъ, которые спросили меня, что это такое?—и которымъ я отвѣтила, что это не ихъ дѣло. Развѣ я ихъ также *обманывала*? Мнѣ было приказано доставить письмо вамъ, но не сказано какъ:

это предоставлено было на мое усмотрѣніе. Я спросила Олькотта, какъ бы переслать письмо къ вамъ, и онъ сказалъ, что не знаетъ; и это онъ вспомнилъ объ Z. говоря: «не могли-ли-бы вы переслать письмо къ нему тѣмъ-же путемъ, какимъ оно пришло, и пусть онъ тогда передастъ его Массэй, если вамъ такъ трудно послать письмо прямо?—Я, помню, сказала ему, что это *было* трудно и что я попрошу Z. подбросить его куда-нибудь. Я не знаю, понялъ-ли онъ меня, а если и понялъ, то уже давно все перезабылъ. Но я помню, что мысль о Z. пришла мнѣ въ голову черезъ его посредство..... И зачѣмъ-бы я, наконецъ, старалась обмануть васъ въ то время? Васъ, имѣвшаго ко мнѣ полное довѣріе, васъ, такъ много писавшаго въ «Theosophist», васъ, котораго я такъ гордилась видѣть въ числѣ членовъ Общества, васъ я могла-бы обмануть, какъ *профессіональный* медіумъ!..... сказать, что въ фактѣ *этого* письма я *сознательно* хотѣла васъ обмануть,—*это-то* и есть самая *адская* ложь—отъ кого-бы она ни шла. Учителя запретили мнѣ помогать вамъ въ вашихъ сношеніяхъ съ медіумами, поощрять ихъ *даже* по отношенію къ Х., изъ боязни, что вы никогда не научитесь различать феноменовъ оккультныхъ отъ спиритическихъ; и вотъ вслѣдствіе этого, вмѣсто того, чтобы написать вамъ—«отправьтесь къ Х. и вы получите черезъ посредство Z. письмо отъ одного шотландскаго брата»—я поступила такимъ образомъ. То, что я ничего не видѣла въ этомъ ужаснаго, какъ тогда, такъ и теперь, доказываетъ только, что я не воспитывалась въ Лондонѣ и что наши понятія о честномъ и безчестномъ разнятся.....»

Въ этомъ письмѣ нужно обратить особенное вниманіе на три пункта. Во-первыхъ, та часть письма, которую г-жа Блаватская признаетъ за дѣйствительно написанную ею, ясно указываетъ на желаніе выдать м-ру Массэй за проявленіе могущества махатмъ такой феноменъ, который, какъ она отлично знала, не имѣлъ къ нимъ ни малѣйшаго отношенія. Во-вторыхъ, все письмо къ Х., насколько оно приведено выше, позволяетъ сильно заподозрить ее въ желаніи произвести феноменъ самымъ обыкновеннымъ и простымъ способомъ. Это подозрѣніе еще усиливается въ части письма, не относящейся къ м-ру Массэй. Вслѣдствіе этого, способъ дѣйствія г-жи Блаватской таковъ, что она признаетъ за свою ту часть письма, которую она, повидимому, надѣется достаточно удовлетворительно объяснить м-ру Массэй, а отъ другой отказывается. Точно также она поступаетъ и въ дѣлѣ переписки ея съ Куломбами. Въ-третьихъ, ея объясненіе, хотя и остроумное, не вполнѣ допустимо, потому что невозможно объяснить: 1) почему она не послала письмо «брата» м-ру Массэй прямо по почтѣ, если только она не желала увѣрить его, что оно доставлено

ему оккультнымъ способомъ; 2) отчего она не сдѣлала о немъ ни малѣйшаго намека, когда писала м-ру Массэй 2 іюля 1879 г. относительно писемъ и феноменовъ, и такъ положительно увѣряла, что никакого феномена не будетъ, если, опять-таки, она не желала увѣрить его, что не имѣетъ ко всему этому ни малѣйшаго отношенія и что письмо не прошло черезъ ея руки; и 3) какимъ образомъ «братъ» въ Шотландіи былъ-бы такъ незнакомъ съ географіей или съ оккультными способностями г-жи Блаватской, что послалъ-бы письмо къ м-ру Массэй въ Лондонъ черезъ Бомбей, вмѣсто того, чтобы просто опустить его въ ближайшій почтовый ящикъ. Затѣмъ можно замѣтить слѣдующіе дальнѣйшіе факты:—1) что «К. Х.» въ письмахъ, которыя мы видѣли у м-ра Массэй, признавалъ и защищалъ авторство г-жи Блаватской въ той части письма, которую она отрицала; 2) что Х. категорически утверждалъ м-ру Массэй, что не зналъ ровно ничего о письмѣ г-жи Блаватской и точно также не видалъ письма, заключеннаго въ этомъ письмѣ, раньше того, какъ оно было найдено м-мъ Массэй въ записной книгѣ; 3) что «К. Х.» въ письмѣ, видѣнномъ м-мъ Массэй, старается устранить это противорѣчіе тѣмъ, что Х. могъ получить письмо, находясь въ медіумическомъ трансѣ.

Изложеніемъ этого факта, являющагося новымъ увѣсистымъ камнемъ въ той грудѣ камней, которыми побиты Е. П. Блаватская и ея пособники, «лондонское психическое общество» заканчиваетъ свои разслѣдованія теософическихъ чудесъ, съ тѣмъ, чтобы больше ихъ не касаться.

Отчетъ Годжсона, со всѣми къ нему приложеніями, напечатанъ въ Proceedings'ахъ лондонскаго общества и все сдѣлано для его возможно большаго распространенія. Скандалъ произведенъ въ Лондонѣ настоящій. Е. П. Блаватская сидитъ въ это время въ Вюрцбургѣ и молчитъ; но теософы ждутъ, что вотъ она сейчасъ встанетъ и, съ помощью махатмы Моріи, Кутъ-Хуми и ихъ «челъ», грянетъ такимъ отвѣтомъ, отъ котораго всѣ «психисты» исчезнутъ съ лица земли, будто ихъ никогда и не бывало.

Сама она чувствуетъ, что ей *необходимо* отвѣтить, что почва черезчуръ колеблется у нея подъ ногами,—и она, собравшись съ силами, печатаетъ свой «протестъ». Вотъ онъ:

Протестъ г-жи Блаватской.

«Общество психическихъ изслѣдованій» опубликовало отчетъ, представленный одному изъ его комитетовъ г-мъ Годжсономъ, агентомъ, посланнымъ въ Индію для разслѣдованія нѣкоторыхъ

феноменовъ, случившихся въ главной квартирѣ теософическаго общества какъ въ Индіи, такъ и въ другихъ мѣстахъ, и въ производствѣ которыхъ, прямо или косвенно, я принимала участіе. Этотъ отчетъ обвиняетъ меня въ заговорѣ, вмѣстѣ съ Куломбами и многими индусами, съ цѣлью воздѣйствія посредствомъ мошенническихъ комбинацій, на легковѣріе окружающихъ меня лицъ и объявляетъ подлинными цѣлую серію писемъ, будто-бы написанныхъ мною, въ этомъ предполагаемомъ заговорѣ, г-жѣ Куломбъ, писемъ, *большую часть* которыхъ я объявила поддѣльными *). Замѣчательно, что съ самаго начала слѣдствія, четырнадцать мѣсяцевъ тому назадъ, и до сего дня, когда мои обвинители, сдѣлавъ себя и одною изъ сторонъ и въ то-же время судьями, признали меня виновной, мнѣ никогда не дали разсмотрѣть этихъ обвиняющихъ меня писемъ **).

Обращаю на этотъ фактъ вниманіе каждаго честнаго и порядочнаго англичанина.

Не входя, въ настоящую минуту, въ подробное разсмотрѣніе ошибокъ, противорѣчій и недостатка разсудительности этого отчета, я желаю сдѣлать насколько возможно общеизвѣстнымъ, что я съ негодованіемъ и всѣми моими силами протестую противъ грубыхъ клеветъ, распространенныхъ относительно меня такимъ способомъ комитетомъ общества психическихъ изслѣдованій, на основаніи принятыхъ имъ заключеній единственнаго, некомпетентнаго и недобросовѣстнаго слѣдователя. Въ этомъ отчетѣ нѣтъ ни одного противъ меня обвиненія, которое выдержало-бы безпристрастное слѣдствіе на мѣстѣ, гдѣ мнѣ дали-бы возможность отвѣчать на объясненія свидѣтелей. Когда обвиненія созрѣли въ головѣ г. Годжсона, онъ, оставаясь въ Мадрасѣ, скрылъ ихъ отъ моихъ друзей и товарищей, злоупотребивъ гостепріимствомъ, полученнымъ имъ въ главной квартирѣ въ Адіарѣ, гдѣ каждый, безъ исключенія, помогалъ ему въ изслѣдованіяхъ и гдѣ онъ принималъ видъ нашего друга,—теперь онъ выставляетъ всѣхъ этихъ помогавшихъ ему людей—лгунами и обманщиками ***). Теперь онъ

---

*) Пусть читатели вспомнятъ, что въ письмѣ она говоритъ: «*А я ей* (г-жѣ Куломбъ) *никогда и двухъ строкъ не писала*».

**) Трудно даже понять такую наивность и такую претензію! Разъ она признала эти письма подложными, никакое утонченное *джентльменство* не требовало, чтобы они были показаны ей, а не экспертамъ.

***) Относительно этого негодуетъ въ своей статьѣ и г-жа Желиховская. Помилуйте! Его такъ радушно принимали, а онъ вдругъ... Но вѣдь при такихъ понятіяхъ о гостепріимствѣ принятіе приглашенія на обѣдъ или вечеръ можетъ обязать человѣка сдѣлаться сообщникомъ всякихъ преступленій! Годжсонъ, явясь въ Адіаръ, какъ слѣдователь, не могъ обязаться производить слѣдствіе не въ интересахъ истины, а въ интересахъ Адіарской компаніи, а что онъ, до окончанія слѣдствія, скрывалъ

бросаетъ въ нихъ обвиненіями, основывая эти обвиненія на односторонних полученныхъ имъ свидѣтельствахъ, когда уже прошло время противупоставить имъ другія свидѣтельства и такіе аргументы, какихъ не можетъ ему доставить его недостаточное знакомство съ предметомъ, которымъ онъ захотѣлъ заняться *). Г. Годжсонъ, взявъ на себя, такимъ образомъ, роль слѣдователя, судьи и адвоката, пренебрегаетъ защитой въ этомъ особенномъ дѣлѣ, признаетъ меня виновной во всемъ, что онъ, въ качествѣ судьи, приписалъ мнѣ, и объявляетъ доказаннымъ мое архи-мошенничество.

Комитетъ общества психическихъ изслѣдованій не задумался принять сужденія г. Годжсона и оскорбилъ меня, одобривъ выводы своего агента, основанные на его лишь личномъ мнѣніи.

Я полагаю, что всюду, гдѣ еще понимаютъ принципы чести, честности и осмотрительности относительно оклеветанныхъ лицъ, на поведеніе комитета взглянутъ съ тѣмъ-же чувствомъ глубокаго возмущенія, какое я испытываю(!!). Я не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что другіе писатели разъяснятъ и покажутъ въ настоящемъ свѣтѣ кропотливое, но неловкое разслѣдованіе г. Годжсона, его пунктуальность, истощающую безконечное терпѣніе на пустякахъ и не замѣчающую важныхъ фактовъ, его противорѣчивую аргументацію **) и его многообразную

свои впечатлѣнія,—этого требовали его обязанности и существеннѣйшій интересъ дѣла. Если-бы его не принимали въ Адіарѣ и не говорили-бы съ нимъ—онъ ничего-бы и не добился.

*) Отчего же это «прошло время»? Развѣ можетъ пройти время представить доказательства своей невинности, если они дѣйствительно имѣются и если извѣстно—въ чемъ заключаются обвиненія? Обвиненные Годжсономъ мошенники теперь, послѣ смерти Е. П. Блаватской, могли-бы представить свои оправданія и доказательства недобросовѣстности и клеветничества Годжсона. Но они ничего такого никогда не представили и не представятъ. Они могутъ только распространять подъ сурдинкой такой вздоръ, какой силится распространить г-жа Желиховская, увѣряя (газета «Новости», статья «Чужія мнѣнія о русской женщинѣ»), будто въ бумагахъ Блаватской было найдено собственноручное письмо г-жи Куломбъ, гдѣ она клянется, что «она никогда не указывала обмановъ» и т. д. Всякій легко пойметъ, что если-бы такое письмо дѣйствительно было и было-бы подлиннымъ, то оно не пролежало-бы въ бумагахъ Блаватской до ея смерти. О подобныхъ, якобы находимыхъ теперь письмахъ можно говорить только ради мороченья читателей и въ разсчетѣ на то, что они никогда ничего не узнаютъ о дѣйствительныхъ обстоятельствахъ дѣла.

**) Имѣю основанія думать, что подъ «противорѣчивой аргументаціей» она, главнымъ образомъ, подразумѣваетъ выгораживаніе Олкотта. Она очень сердилась на это и повторяла мнѣ: «Каково! Его выгораживаютъ! Ну ужъ если я мошенница, такъ и онъ мошенникъ! Кажется, это ясно»... Дѣйствительно, это было ясно, и ея трагикомическое негодованіе представлялось законнымъ.

неспособность, когда дѣло идетъ о задачахъ, которыя онъ силится разрѣшить. Многочисленные друзья, знающіе меня лучше, чѣмъ комитетъ общества психическихъ изслѣдованій, ничуть не смутятся мнѣніями этого учрежденія, и въ ихъ руки я передаю заботу о моей, столь жестоко оскорбленной репутаціи *). Но все-же надо мнѣ лично отвѣтить на одно мѣсто этого чудовищнаго отчета.

Г. Годжсонъ, совершенно понимая очевидную нелѣпость его заключеній обо мнѣ, пока они не основаны на какой-либо теоріи достаточныхъ поводовъ для объясненія, почему, пожертвовавъ моимъ общественнымъ положеніемъ на родинѣ **), я отдала всю жизнь теософической дѣятельности,—унижается до утвержденія, что я политическій агентъ русскаго правительства, и выдумалъ какое-то мнимое религіозное движеніе съ цѣлью подкапываться подъ британское правительство въ Индіи! Для окраски этой гипотезы г. Годжсонъ выставляетъ старый клочекъ моего писанія, очевидно доставленный ему г-жей Куломбъ, не зная, что это отрывокъ стараго перевода, сдѣланнаго мною для «Pioneer» изъ русскихъ путешествій въ среднюю Азію,—и провозглашаетъ въ отчетѣ свою теорію, которую господа общества для психическихъ изслѣдованій не стыдятся публиковать.

Если сообразятъ: 1) что около восьми лѣтъ тому назадъ я натурализовалась и сдѣлалась гражданкой Сѣверо - Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, *вслѣдствіе чего потеряла всѣ права на ежегодную пенсію въ 5000 рублей, которая принадлежитъ мнѣ, какъ вдовѣ высшаго русскаго сановника* ***); 2) что я постоянно возвышала въ Индіи свой голосъ, заявляя моимъ друзьямъ-ту-

---

*) Увы, она не дождалась хоть сколько-нибудь серьезной защиты отъ тогдашнихъ ея друзей и пособниковъ, да и при всемъ ихъ желаніи у нихъ не было возможности защитить ее. Но прошло время, скандалъ если и не забылся, то затихъ, и скоро нашлись лица, начавшія прославлять ее какъ страдалицу и мученицу за истину, какъ святую и великую женщину. И это принесло свои плоды.

**) Тутъ она, по своему обычаю, уже начинаетъ слишкомъ увлекаться: «общественнымъ положеніемъ» своимъ въ Россіи, какъ извѣстно, ей нечего было хвалиться, и если она никогда не могла рѣшиться вернуться на родину, то вовсе не вслѣдствіе своей американской натурализаціи.

***) Что скажетъ скромный и почтенный, понынѣ здравствующій старецъ Н. В. Блаватскій, когда узнаетъ, что онъ «высшій русскій сановникъ» и, что *его вдова, при его жизни*, должна была получать *цѣлыхъ 5000 рублей ежегодной пенсіи!*.. Какая иронія судьбы!—Елена Петровна, будучи еще почти ребенкомъ вышла замужъ за пожилого чиновника, наперекоръ своимъ роднымъ; послѣ бурной, почти невѣроятной жизни, она умерла шестидесяти лѣтъ, а онъ, хоть она и давнымъ давно выдавала себя за вдову, пережилъ ее.

земцамъ, что, какъ ни дурно, на мой взглядъ, англійское правительство во многихъ отношеніяхъ—по своему антипатичному характеру—русское правительство въ тысячу разъ хуже; 3) что я въ этомъ смыслѣ писала письма индійскимъ друзьямъ еще до отъѣзда моего изъ Америки въ Индію въ 1879 году; 4) что всякій, знакомый съ преслѣдуемой мною цѣлью, съ моими привычками и съ совершенно для всѣхъ открытой жизнью, которую я веду въ Индіи,—знаетъ, насколько я презираю политику, не имѣя къ ней ни вкуса, ни влеченія; 5) что индійское правительство, которому я казалась подозрительной по моемъ первомъ пріѣздѣ, скоро покинуло свое безполезное за мной шпіонство и съ тѣхъ поръ, насколько я знаю, никогда не возвращалось къ своимъ прежнимъ подозрѣніямъ, — теорія моего русскаго шпіонства, которую г. Годжсонъ воскресилъ изъ могилы, гдѣ она лежала много лѣтъ со всѣмъ своимъ шутовскимъ нарядомъ, только сдѣлаетъ еще болѣе глупыми его экстравагантныя заключенья въ глазахъ моихъ друзей и всѣхъ, кто меня дѣйствительно знаетъ. Но, относясь къ русскому шпіонству со всѣмъ отвращеніемъ, какое только можетъ испытать русская женщина, не будучи шпіонкой, я не могу удержаться, чтобы не возстать противъ низкой и лишенной основанія клеветы г. Годжсона со всѣмъ презрѣніемъ, какого, по-моему, заслуживаютъ дѣйствія какъ его, такъ и комитета общества, для котораго онъ трудился. Взваливъ на себя весь этотъ вздоръ, они показали, какъ я ошиблась, думая найти въ психическомъ обществѣ,—послѣ всего, что было писано и публиковано, въ наши дни, объ этомъ предметѣ—среди образованныхъ классовъ Англіи группу людей, способныхъ изслѣдовать тайны психическихъ феноменовъ.

Г. Годжсонъ,—а съ нимъ, конечно, и комитетъ,—знаютъ, что, въ моихъ рукахъ, онъ безопасенъ отъ процесса по обвиненію въ диффамаціи, потому что у меня нѣтъ денегъ, чтобы рѣшиться на эту дорого стоющую процедуру (все, что у меня было—я отдала дѣлу, которому служу) *), а также потому, что возстановленіе моей невинности потребовало-бы разсмотрѣнія психическихъ тайнъ, которое судъ не могъ-бы совершить прилично, и, наконецъ, потому, что есть вопросы, на которые я обязалась, торжественной клятвой, не отвѣчать, и которые непремѣнно всплывутъ при судебномъ разслѣдованіи, при чемъ

---

*) Сравн. съ моимъ примѣчаніемъ въ концѣ ея письма ко мнѣ отъ 3 января 1885 года. Что такое она отдала теософическому обществу—неизвѣстно. По свѣдѣніямъ, полученнымъ мною отъ ея родныхъ, у ней, кромѣ самыхъ малыхъ крохъ, никогда ничего не было, и эти малыя крохи она съѣла еще до основанія теософическаго общества.

мое молчаніе и отказъ отвѣчать будутъ приняты за «оскорбленіе магистратуры» *). Такое положеніе вещей и служитъ объясненіемъ безстыдному нападенію на почти беззащитную женщину **), а также и бездѣйствію, на которое я такъ жестоко осуждена.

Е. П. Блаватская».

14 января 1886 г.

Вотъ все, что она могла придумать, и даже ея ослѣпленные друзья нашли, что этого мало, слишкомъ мало! Она не опровергла ни одного изъ обвиненій въ продѣлкахъ, хотя для многихъ изъ такихъ опроверженій вовсе не потребовалось-бы отъ нея нарушенія какихъ-либо «торжественныхъ клятвъ». Она ослабѣла—и къ тому-же со всѣхъ сторонъ на нее надвигались тогда новыя тучи.

Но, чтобы не забѣгать впередъ, я вернусь теперь къ прерванному мною разсказу о томъ, чему я былъ личнымъ свидѣтелемъ.

XVI.

Всякій безпристрастный читатель, внимательно познакомясь съ приведенными мною документами «лондонскаго общества для психическихъ изслѣдованій», неизбѣжно долженъ придти къ убѣжденію, что «всемірное братство» Е. П. Блаватской есть только курьезный букетъ систематическихъ обмановъ, «rien qu'une fumisterie» — какъ выражаются современные французы. Эти документы, гдѣ разслѣдованы всевозможнѣйшіе *феномены* «madame», рѣшительно дѣлаютъ излишнимъ предположеніе, что рядомъ съ обманами, Елена Петровна могла проявлять, ради теософической пропаганды, какія-нибудь, дѣйствительно присущія ей, исключительныя психическія способности.

Но, вѣдь, отчетъ «лондонскаго общества» былъ готовъ и появился къ началу 1886 года, а зимою 1884—1885 г. мы въ Парижѣ знали только о томъ, что Годжсонъ посланъ въ Адіаръ,

---

**) Очень хорошо это пусканіе дыму въ глаза; но еще лучше то, что нашлось не мало людей, принявшихъ этотъ дымъ за чистую монету.

*) Однако, нельзя сказать, чтобы симпатичны были ея всесильные и мудрѣйшіе «махатмы», оставляющіе безъ защиты невинную женщину, положившую за нихъ всю свою душу и ради нихъ такъ жестоко посрамляемую!!

и не имѣли ни малѣйшаго понятія о результатахъ его разслѣдованій. Блаватская писала мнѣ о своемъ торжествѣ надъ врагами и, даже будучи увѣреннымъ, что въ сообщаемыхъ ею фактахъ не мало ея собственной творческой фантазіи, я все-же, конечно, никакъ не могъ предполагать чего-либо подобнаго дѣйствительнымъ обстоятельствамъ дѣла. Я ждалъ, что будетъ дальше, а пока продолжалъ свои занятія, рылся въ старыхъ книгахъ и наблюдалъ болѣе или менѣе интересные типы современнаго французскаго общества. Симпатіи французовъ ко всему русскому тогда только-что начинали пробуждаться; но уже по нѣкоторымъ признакамъ можно было предвидѣть дальнѣйшее развитіе этихъ естественныхъ, въ историческомъ ходѣ событій симпатій. Между тѣмъ представленія о Россіи, даже среди весьма образованныхъ и серьезныхъ людей, были чисто фантастическія и не могли не возмущать русскаго чувства. Въ парижскихъ газетахъ появлялись статьи анархиста Крапоткина и тому подобныхъ «авторовъ», отъ перваго и до послѣдняго слова наполненныя наглой ложью и клеветою. Хотя эти статьи и не производили среди французовъ особенной сенсаціи,—тѣмъ не менѣе мнимые факты, въ нихъ заключавшіеся, передавались тамъ и здѣсь, какъ факты, безъ указанія источника. Разные нигилисты и полунигилисты обоего пола, проживающіе въ Парижѣ, разумѣется, тоже лгали самымъ отчаяннымъ образомъ; русскіе «туристы» только презрительно ухмылялись—какъ будто дѣло шло вовсе не о ихъ родинѣ. Изъ всего этого выходилъ полный сумбуръ, въ которомъ сразу даже трудно было разобраться. Въ такихъ обстоятельствахъ знакомить французовъ съ дѣйствительной, а не фантастической Россіей—являлось весьма увлекательнымъ занятіемъ—и я имъ, конечно, увлекался.

Наконецъ, было и еще одно интересное дѣло: докторъ Комбрэ помогъ мнѣ ознакомиться, какъ теоретически, такъ и практически, съ гипнотизмомъ, о которомъ въ то время въ Россіи не имѣли еще почти никакого понятія—докторъ Боткинъ еще не объявлялъ его тогда «дѣйствительно существующимъ явленіемъ», а не сказкой.

Что касается собственно «теософическаго общества» или, вѣрнѣе, его засѣданій, я совершенно охладѣлъ къ нимъ, убѣдясь, что это только «разговоровъ разговариванье»—и ничего больше. Но я все-же часто видался съ m-me де-Морсье. Въ ея гостиной мнѣ время отъ времени приходилось встрѣчаться съ новыми и небезынтересными лицами. У нея я познакомился, между прочимъ, съ ея старымъ другомъ, Ивомъ Гюйо, весьма энергичнымъ пожилымъ человѣкомъ самыхъ радикальныхъ мнѣній, бездарнымъ писателемъ, но, какъ говорятъ, дѣльнымъ министромъ. Позна-

комился я также съ знаменитымъ англійскимъ ученымъ Круксомъ, котораго привезъ къ ней Синнетъ, вѣрный другъ и пособникъ Е. П. Блаватской. Въ этомъ кружкѣ оказалось и два новыхъ теософа, завербованныхъ m-me де-Морсье,—писатель Шюрэ и журналистъ Драмаръ. Эдуардъ Шюрэ, мало извѣстный поэтъ, но человѣкъ далеко не бездарный, былъ тогда знакомъ любителямъ музыки, благодаря изданной имъ большой и обстоятельной книгѣ о Рихардѣ Вагнерѣ, котораго онъ оказывался восторженнымъ поклонникомъ. Впослѣдствіи онъ напечаталъ, между прочимъ и въ «Revue des deux mondes», не мало фантастически-философически-историческихъ статей въ качествѣ поклонника уже не Вагнера, а Будды. Во всякомъ случаѣ это былъ очень милый, образованный и совершенно искренній человѣкъ, и о немъ у меня сохранилось пріятное воспоминаніе.

Не могу того-же сказать о Драмарѣ, избранномъ въ скорости президентомъ (дѣйствительнымъ, ибо «почетнымъ» осталась герцогиня Помаръ) французскаго теософическаго общества. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати пяти, весь трясущійся, съ восковымъ лицомъ и то совсѣмъ потухавшими, то безумно горѣвшими глазами. Онъ страдалъ какой-то сложной мучительной болѣзнью и поддерживалъ себя громадными вспрыскиваніями морфія, которыя скоро и унесли его въ могилу. Нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, какъ я встрѣтилъ его у m-me де-Морсье, онъ былъ еще ярымъ атеистомъ; но вотъ познакомился съ теософическими брошюрками, изданными подъ именемъ герцогини Помаръ,—и нашелъ въ нихъ для себя новую религію, которой предался съ бѣшенымъ фанатизмомъ. Ничего не видя и не будучи даже знакомымъ съ Блаватской, онъ началъ пропаганду теософіи и мечталъ распространить ее во французскомъ народѣ посредствомъ соціалистическихъ газетъ и кружковъ. Для этого онъ вошелъ въ компанію съ нѣкіимъ Малономъ, бывшимъ рабочимъ и членомъ парижской коммуны. Но обо всемъ этомъ я узналъ впослѣдствіи, уже возвратясь въ Россію,—тогда же Драмаръ только еще «готовился», а я наблюдалъ его, какъ весьма курьезный типъ француза-фанатика.

Вмѣстѣ съ Шюрэ и Драмаромъ въ спискахъ членовъ парижскаго теософическаго общества появилось еще двѣ-три свѣтскихъ дамы, потерпѣвшія сердечныя утраты и искавшія утѣшенія въ новомъ ученіи. Утѣшенія онѣ не нашли—и скоро стушевались одна за другою.

Вотъ уже незамѣтно подкралась весна, а о Блаватской не было ни слуху, ни духу. Послѣ ея торжествующаго письма она прислала мнѣ, еще въ январѣ, фотографическія группы индійскихъ теософовъ, коллекцію самыхъ невѣроятныхъ физіономій,

въ центрѣ которыхъ помѣщалась ея шарообразная фигура съ выкатившимися глазами и Олкоттъ въ своихъ очкахъ, но уже прикрытый бѣлымъ балахономъ и—босикомъ. Засимъ Олкоттъ извѣстилъ, что «madame» была больна при смерти, безъ всякой надежды, что доктора признали ее мертвой; но что махатма М. внезапно спасъ ее, и она выздоравливаетъ. Послѣ этого извѣстія до конца апрѣля (по новому стилю) полное молчаніе.

Вдругъ получаю письмо изъ Италіи:

Torre del Greco. Naples. Hôtel del Vesuvio.

29 апрѣля.

«Дорогой В. С.—Здѣсь! Привезли полумертвую, а осталась-бы въ Индіи, то была-бы совсѣмъ мертвая. Видите-ли, не мытьемъ, такъ катаньемъ. Кляузы Колумбовъ и миссіонеровъ проклятыхъ не удались, ни одинъ теософъ не пошелохнулся, приняли меня по возвращеніи въ Мадрасъ чуть-ли не съ пушечною пальбою, такъ давай другое. Русскіе-де идутъ черезъ Афганистанъ въ Индію; *ergo* Блаватская русская—*стало быть шпіонка.* Это ничего, что ровно нѣтъ никакихъ доказательствъ къ этому; миссіонеры распустили клевету, а правительству, испугавшемуся огромнаго вліянія Блаватской среди индусовъ—оно и въ руку: стали оффиціально увѣрять, что я непремѣнно «шпіонка». Конечно, доказать не могли-бы ничего, а пока, по подозрѣнію, можно было-бы и въ тюрьму засадить, арестовать и, кто его знаетъ, что сдѣлать со мною! Я это все теперь только узнала въ подробности, мнѣ и не говорили, а упаковали, прямо съ постели на французскій пароходъ и, пославъ со мною доктора Гартмана, Баваджи *) (чела махатмы Кутъ-Хуми, которому онъ приказалъ слѣдовать за мною всюду до моей смерти) и англичанку miss Flynn, которая не захотѣла оставить меня—привезли въ Неаполь. Здѣсь въ уединеніи и покоѣ у подошвы Везувія я должна или выздоровѣть—либо умереть. Должно быть послѣднее. Я наняла квартиру на *три*, или даже *шесть* мѣсяцевъ (?!!). Не давайте моего адреса никому, кромѣ mad. de Morsier. Вотъ пріѣхали-бы; видъ чудный, воздухъ здоровѣйшій, а жизнь дешевле пареной рѣпы. Плачу за 4 меблированныя комнаты съ кухней 90 франковъ въ отелѣ. За 400 франковъ въ мѣсяцъ насъ четверо живемъ хорошо для теософовъ, не хуже парижскаго. Пріѣхали-бы право. Въ письмѣ всего не сказать, а мнѣ надо *многое, многое сказать вамъ прежде нежели окочурюсь.* Болѣзнь сердца, какъ у меня, не прощаетъ; да и другія болѣзни не забываютъ.

---

*) Это тѣ самые Гартманъ и Баваджи, или Бабаджи или Дарбагири Нафъ, которые играютъ столь печальную роль въ отчетѣ Годжсона.

Шваховъ совсѣмъ, дорогой другъ, пріѣзжайте! Здѣсь можете писать лучше чѣмъ въ Парижѣ, да я вамъ внушу славные сюжеты. Ну, да хранятъ васъ махатмы, которые спасли меня снова отъ смерти. Выздоровлю, поѣду въ Индію—живая; умру—такъ Баваджи повезетъ обратно тѣло мое. Объ этомъ уже распорядились. Да хранятъ васъ силы небесныя.

«Ваша на вѣки H. P. Blavatsky».

Я тотчасъ-же отвѣтилъ на это письмо, выражая Еленѣ Петровнѣ мое удовольствіе по поводу того, что она уже не за тридевять земель, а въ Европѣ, совѣтуя ей не помышлять о смерти, не впадать въ такой минорный тонъ и, сожалѣя о томъ, что врядъ-ли могу скоро попасть въ Неаполь, несмотря на все мое желаніе. Содержаніе ея письма я сообщилъ m-me де Морсье, которая весьма обрадовалась и тотчасъ же послала въ Торредель-Грэко цѣлую связку газетъ съ замѣтками о теософическомъ обществѣ и т. д.

Въ половинѣ мая m-me де Морсье передала мнѣ слѣдующее, полученное ею письмо:

«Chère et bonne amie,—merçi pour les journaux, merçi pour tout. Je suis tombée encore une fois malade et je n'ai pu vous repondre plus tôt. Mais je vous supplie de m'écrire deux mots pour me dire ce que devient Solovioff et pourquoi *il ne me repond pas*? Je lui ai écrit deux lettre d'içi — pas un mot de lui! Serait-il malade? Ou bien a-t-il été entrainé par d'autres et prêtant l'oreille aux infamiés debitées m'a-t-il tourné le dos, lui aussi, comme M. Myers de la Société Psychique de Londres? Les missionaires protestants ont depensé 45,000 roupies—Olcott m'écrit,—pour payer les faux témoins qui ont tellement menti et embrouilié les choses lors de l'enquête faite par M. Hodgson, l'envoyé de la Société Psychique pour les phenomènes que le pauvre Hodgson a perdu la tête. Il a fini par croire que pas un phenomène, avec ou sans moi, n'était vrai, et que commençant par moi et le colonel et finissant par Damodar nous étions tous des *fraudes*, des charlatans! Amen. Mais Solovioff est-il encore ami ou dois-je le perdre lui aussi? De grâce repondez-moi. A vous de coeur H. P. Blavatsky» *).

*) „Дорогой и добрый другъ, спасибо за газеты, спасибо за все. Я опять заболѣла и не могла вамъ раньше отвѣтить. Умоляю васъ черкнуть мнѣ два слова и сказать, что такое съ Соловьевымъ и почему *онъ мнѣ не отвѣчаетъ*? Я ему послала отсюда два письма—а отъ него ни слова! Или онъ боленъ? Или онъ увлеченъ другими, вѣритъ всѣмъ распространяемымъ гадостямъ и отвернулся отъ меня подобно м-ру Майерсу изъ лондонскаго психическаго общества? Протестантскіе миссіонеры истратили 45,000 рупій,—пишетъ мнѣ Олкоттъ,—для подкупа ложныхъ свидѣтелей,

Письмо это въ первую минуту смутило даже m-me де-Морсье—не помогли и 45,000 рупій,

— Что же вы обо всемъ этомъ думаете?—спрашивала она меня.

— Я думаю, что ваша роза Кутъ-Хуми талисманъ весьма ненадежный, что наша бѣдная «madame» попалась, что изъ ея писемъ, довольно фантастическихъ, нѣтъ никакой возможности узнать правду и что слѣдовало-бы мнѣ сдѣлать, въ pendnat къ Годжсоновскому, тщательное и безпристрастное изслѣдованіе. Къ несчастію, я никакъ не могу теперь ѣхать въ Неаполь.

Но madame де-Морсье все-же еще не могла поколебаться. Она не допускала преступности Блаватской, хотя склонна уже была допустить съ ея стороны увлеченія. Во всякомъ случаѣ она оклеветана, во всякомъ случаѣ она глубоко несчастна!

Съ этимъ послѣднимъ заключеніемъ нельзя было не согласиться. Н. Р. В. исчезла—и передъ нами была только Елена Петровна, больная, измученная, далеко не чуждая нашему сердцу. Я поспѣшилъ ей написать о томъ, что мое письмо очевидно пропало и что отъ нея я получилъ всего одно. Между прочимъ я высказалъ, что, по моему мнѣнію, при ней несовсѣмъ надежный человѣкъ (я подразумѣвалъ Гартмана, о которомъ она въ Эльберфельдѣ сообщала мнѣ довольно много несимпатичнаго) и что его постоянное присутствіе не можетъ не отзываться на ней болѣзненно. Я писалъ, что вовсе не «повернулся къ ней спиною», что именно теперь особенно-бы хотѣлъ ее видѣть; но нездоровъ, а если будетъ возможность, то пріѣду.

Отвѣтъ ея не заставилъ себя ждать.

Torre del Greco.

22 мая. Суббота.

«Дорогой мой В. С.—не везетъ намъ видно обоимъ! Опять я въ постели съ сильными припадками ревматизма и подагры. Здѣсь такой холодъ днемъ, а настоящій морозъ по ночамъ и вечерамъ, что хоть въ пору Россіи.

Что-то неладно въ мірѣ *на чердакѣ*. Вотъ вамъ и южная Италія. Нѣтъ, отецъ родной, не пріѣзжайте, потому-что я сама *при первой возможности* уѣзжаю туда, гдѣ хоть и климатъ холодный, да за то комнаты теплыя найдутся, безъ сквозныхъ зефировъ, и будетъ что ѣсть, кромѣ вѣчныхъ макароновъ. А пер-

---

которые такъ лгали, и путали во время изслѣдованія Годжсона, посланнаго лондонскимъ обществомъ, что онъ, Годжсонъ, потерялъ голову. Онъ кончилъ тѣмъ, что повѣрилъ, будто ни одинъ феноменъ, съ моимъ участіемъ или безъ меня, не былъ неподдѣланъ, и что мы всѣ, начиная съ меня и полковника и кончая Дамодаромъ,—обманщики и шарлатаны! Аминь. Но Соловьевъ, другъ-ли онъ еще, или я должна потерять также и его? Ради Бога, отвѣчайте. Сердечно ваша Е. П. Блаватская.».

вая возможность явится, только когда Катковъ деньги вышлетъ за «Загадочныя племена», конченныя въ апрѣльской книжкѣ «Русскаго Вѣстника». Оно хоть и немного, всего 274 стр. но не то *семью*, не то *шестью* съ двумя третями или тремя четвертями руб. за страницу (чортъ самъ не разберетъ ихъ счеты!) но и за то спасибо; все-же будетъ франковъ тысячъ 6 въ карманѣ. И тогда я намѣрена сейчасъ-же ѣхать — коли не окочурюсь ранѣе,—въ Германію на воды. Только куда, сама не знаю. Напишите вы мнѣ, ради Аллаха, что, какія воды помогаютъ отъ этой подлой *бѣлковины* что-ли, что отравила мою кровь и довела сердце до такой слабости, что его не слышно и съ стетоскопомъ? Разузнайте-ка, у докторовъ да начеркните. А затѣмъ, сколько въ рублѣ франковъ? Также, могу-ли я просить у Каткова, вмѣсто 6 р. 71 коп. за печатную страницу (100 р. за листъ) 10 рублей (160 р. за листъ)? Вѣдь, при нынѣшнемъ презрѣнномъ состояніи рубля нашего это чортъ знаетъ что такое! Мнѣ въ Америкѣ въ Нью-Іоркѣ предлагаютъ 25 долларовъ за одинъ столбецъ «Писемъ изъ Индіи». Что-же я въ самомъ дѣлѣ буду терять время съ Катковымъ. Скажите откровенно: могу-ли я просить 10 руб. за страницу или нѣтъ? А теперь у меня и мѣднаго гроша нѣтъ въ карманѣ. Отослали меня, рабу Божію, «самъ-четыре»—съ 700 рупій въ карманѣ, не у меня, а у Баваджи, которыя ему дало для нашего прокормленія общество, да и живи на эти деньги! Онъ съ-дуру, бѣдный мальчикъ, заплатилъ здѣсь за 3 мѣсяца впередъ. Я больная лежала, а онъ впервые въ Европѣ, еще хуже Могини, для дѣлъ житейскихъ. Слава Богу, что Гартманъ уѣхалъ, и насъ теперь трое только: преданная мнѣ Мэри Филиннъ, которая изъ свѣтской бомбейской барышни превратилась добровольно въ мою няньку и служанку, да мой маленькій Дебъ (Дарбагири Насъ), котораго мы зовемъ *Баваджи*. Этотъ—за меня въ огонь и въ воду полѣзетъ. Бросилъ родину, и касту, и общество для меня и поклялся торжественно передъ всей любящей меня Индіей не покидать меня до смерти. Но онъ невинный индусъ, не разговаривавшій до меня ни съ одною женщиною, кромѣ своей матери во время младенчества, аскетъ и аза въ глаза не знаетъ ни Европы, ни ея обычаевъ, ни даже того, что мнѣ требуется. А Мэри золотое сердце, да дура набитая, избалованная дома, не умѣющая даже кофе сварить на конфоркѣ; съ нею даже и говорить нельзя ни о чемъ, какъ о нарядахъ, а только можно любить ее за ея преданность. Вотъ мое положеніе.

Если это къ Hartmann'у не лежитъ ваше сердце, то въ этомъ вы правы. Этотъ ужасный человѣкъ сдѣлалъ мнѣ больше зла своимъ заступничествомъ и часто *фальшью* нежели Куломбы своей открытой ложью. Онъ то защищалъ меня въ газетахъ, то писалъ

такіе «экивоки», что даже враждебныя мнѣ газеты только рты отворяли, замѣчая: «вотъ такъ другъ!» Онъ одинъ день защищалъ меня въ письмахъ къ Юму и другимъ теософамъ, то намекалъ на такія гадости, что его корреспонденты всѣ пошли противъ меня. Это онъ сдѣлалъ Ходжсона, посланнаго психическимъ лондонскимъ обществомъ дѣлать въ Индіи слѣдствія о феноменахъ—врагомъ вмѣсто друга чѣмъ, онъ прежде былъ. Онъ циникъ, лгунъ, хитеръ и мстителенъ и его ревность къ «хозяину» и зависть ко всякому, на кого хозяинъ обращаетъ малѣйшее вниманіе, просто отвратительны! Изъ преданнаго намъ Judje'a посланнаго Олкоттомъ изъ Парижа въ Адьяръ, онъ сдѣлалъ намъ врага. Онъ возстановилъ противъ меня одно время всѣхъ европейцевъ въ Адьярѣ, Лэнъ Фокса, мистера и мистриссъ Оклэй, Брауна, не могъ только возстановить однихъ индусовъ, которые его ненавидятъ и давно поняли. Теперь, мнѣ-же пришлось спасать «общество» отъ него, согласясь подъ предлогомъ, что онъ докторъ, взять его съ собою. Общество и первый, Олкоттъ, такъ его боялись что не смѣли даже выгнать. И все это онъ дѣлалъ чтобъ завладѣть одному мною, высосать изъ меня, пока я еще жива, все что я знаю—не допускать Субба-Рао писать со мною «La doctrine secrète», а самому ее писать подъ моимъ руководствомъ. Но онъ очень ошибся. Я его привезла и объявила, что писать теперь *The secret doctrine* совсѣмъ не буду, а буду писать для русскихъ журналовъ, я отказалась сказать ему хоть одно слово объ оккультизмѣ. Видя, что я поклялась молчать и учить его не буду, онъ уѣхалъ наконецъ. Должно быть станетъ теперь врать на меня германскому обществу. Да мнѣ теперь все равно. Пусть вретъ. Это онъ подговорилъ Баваджи заплатить за три мѣсяца впередъ, зная, что у меня денегъ нѣтъ и я поневолѣ останусь здѣсь *).

---

*) Если къ фактамъ отчета Годжсона присоединить эту характристику самой Блаватской,—то образъ доктора Гартмана становится совсѣмъ ясенъ. Но г-жа Желиховская извлекаетъ изъ этого джэнтльмена большую для себя пользу. Своимъ статьямъ въ «Новостяхъ» она предпосылаетъ такой эпиграфъ: «Не далеко то будущее, когда историкъ радъ будетъ перерыть всѣ архивы, дабы найти единое слово изъ жизни Е. П. Б.»—и подписываетъ: «Д-ръ Гартманъ». Читатель полагаетъ, что это извѣстный нѣмецкій философъ Эдуардъ Гартманъ, весьма интересующійся, какъ вѣдомо многимъ, разными необъяснимыми явленіями,—и проникается почтеніемъ, думая: «а! если и Гартманъ, значитъ дѣло-то, пожалуй, и не шутка!» Но это только маленькая, невинная мистификація. Слова эпиграфа принадлежатъ всего-на-всего «теософу» Францу Гартману, состоявшему при Е. П. Блаватской, потомъ отошедшему отъ нея, а затѣмъ, какъ видно изъ статей г-жи Желиховской, снова къ ней примкнувшему. Г-жа Желиховская называетъ его («Русское Обозрѣніе» 1891 г., ноябрь, стр. 244)

Но я пишу Каткову и потребую свои кровныя деньги за «Загадочныя племена» и тогда уѣду въ Висбаденъ, Маріенбаденъ или какой-нибудь другой *баденъ* которые мнѣ очень нужны; а затѣмъ поселюсь въ Мюнхенѣ или около Вѣны, мнѣ все равно гдѣ, лишь-бы найти теплую комнату, да быть поближе къ Россіи, къ Х. такъ, чтобы, умирая, видѣть ее возлѣ меня. Посовѣтуйте, что дѣлать.

Изъ двухъ вашихъ писемъ я получила одно простое да другое заказное *сегодня только* и спѣшу отвѣчать. Тутъ даже и почта съ ума сошла. Приносятъ мнѣ однажды, на-дняхъ, письмо страховое: росписалась и ужъ собиралась распечатать, какъ вдругъ вижу — не ко мнѣ, а какому-то Благовѣщенскому въ Нагасаки въ Японіи, а совсѣмъ не въ Неаполь!! и кажется съ деньгами еще, а почтальонъ ушелъ; три дня затѣмъ я отдала его назадъ въ Неаполѣ на почтѣ самому директору, который страшно смутился. Хорошо-бы напечатать это въ Россіи. А ваше письмо можетъ пошло въ Японію...

Вѣчная вамъ любовь и дружба вѣрной вамъ до гроба

Е. Блаватской.

Хочу философскій журналъ издавать гдѣ-нибудь здѣсь. Только не успѣю. Конецъ мой близокъ, дорогой мой другъ. Отвѣчайте скорѣй!»

Изъ этого письма, при сопоставленіи его съ «торжествующимъ», адіарскимъ, первымъ изъ Torre del Greco и французскимъ къ m-me де-Морсье, несмотря на всѣ «увлеченія» Елены Петровны,—достаточно ясно обрисовывалось ея дѣйствительное жалкое положеніе. Она, очевидно, потерпѣла полное пораженіе «тамъ», и даже чудодѣйственное спасеніе ея отъ смерти махатмами не произвело должнаго впечатлѣнія. Она бѣжала въ Европу (ибо иниціатива, по ея характеру и привычкамъ, могла принадлежать *только ей*, а ужъ никакъ не Олкотту и не какому-то «совѣту общества»), совсѣмъ больная, съ непригодными для нея людьми—и теперь лежитъ въ самой плохой обстановкѣ, безъ помощи, безъ денегъ и забытая всѣми. Поэтому-то она такъ жадно за меня хватается и такъ боится, какъ-бы и я отъ нея не отшатнулся. Ѣхать къ ней я, къ сожалѣнію, рѣшительно не

однимъ изъ лучшихъ, но *не увлекающихся* Е. П. Б., и, въ виду этой неувлекаемости, съ особеннымъ удовольствіемъ приводитъ его слова и мнѣнія. Но что скажетъ «историкъ, перерывающій всѣ архивы, дабы найти единое слово изъ жизни Е. П. Б.», когда онъ прочтетъ эту характеристику пангериста Е. П. Б., сдѣланную ею самою? Не везетъ г-жѣ Желиховской съ защитниками и друзьями «madame»!

могъ и утѣшалъ себя мыслью, что теперь вопросъ только въ двухъ-трехъ мѣсяцахъ, что все равно, гдѣ-бы то ни было, а я ее увижу и, наконецъ, узнаю *все,* обстоятельно и вѣрно.

Черезъ нѣсколько дней, въ самую критическую для себя минуту, Елена Петровна получила «отъ неизвѣстнаго друга» нѣкоторую сумму денегъ и, конечно, пожелала узнать—кто это пришелъ ей на помощь. Она писала m-me де-Морсье:

«... Ah, ma pauvre amie! Les temps sont bien changés et la pauvre société de Madras étant sans le sou—je le suis aussi; de manière que cet argent est arrivé bien à propos, je vous assure. Si je pouvais écrire mes articles russes—j'en ferai bien vite; mais le malheur est que j'ai a rester alitée les trois quarts de temps. Je ne durerai pas longtemps — allez! J'accepte cet argent de *l'ami* inconnu sans fausse honte, mais je tiens a savoir son nom. Le maître a refusé de me le dire, en disant simplement que c'etait *d'un vrai ami* et que je pouvais accepter. Mais vous, ne me le direz vous pas? Est-ce la Duchesse? Mais non—car pourquoi s'en cacherait-elle, et puis c'est *un* ami et non *une* amie. Dans tout cas le *Maître* le connait c'est sûr, car il a ajouté que son intuition pour les vérités occultes était grande et qu'il y avait de l'etoffe en lui, *quoique*... mais je ne dois pas le dire, à ce qu'il parait. Ah que je m'ennuie donc içi, bon Dieu! et que je voudrais *m'en aller*— si le maître le permettait... Que fait donc Solovioff? Est-il malade toujours! je l'aime bien, mon ami Solovioff, mais il dit des bêtises de nos Mahatmas, ce pauvre Thomas l'incredule.

A vous de coeur H. P. Blavatsky» *).

Хоть и несчастная, почитавшая себя навѣки побѣжденной и опозоренной, доходившая, очевидно, временами до отчаянія,

---

*) „... Ахъ, другъ мой! Времена измѣнились, и бѣдное мадрасское Общество безъ гроша,—значитъ и я тоже; такимъ образомъ эти деньги пришли какъ разъ во время, увѣряю васъ. Если-бы я могла писать мои русскія статьи—я скоро-бы добыла денегъ; но, къ несчастію, я принуждена лежать въ постели три-четверти времени. Меня не надолго ужъ теперь хватитъ! Я принимаю эти деньги отъ неизвѣстнаго *друга* безъ ложнаго стыда; но я хочу знать его имя. «Хозяинъ» отказался сказать мнѣ, кто это, замѣтивъ только, что это *истинный другъ* и что я могу принять. Но не можете-ли вы мнѣ сказать? Или это герцогиня? Только нѣтъ: зачѣмъ-бы ей было скрываться—и къ тому-же это мужчина, а не женщина. Во всякомъ случаѣ «хозяинъ» его знаетъ, потому что прибавилъ о немъ, что у него большія способности къ воспринятію оккультныхъ истинъ, *хотя*... но я, кажется, не должна передавать этого. Боже мой, какъ я здѣсь скучаю! и какъ-бы я хотѣла *уйти*—если-бы «хозяинъ» позволилъ... Что-же дѣлаетъ Соловьевъ? Или онъ до сихъ поръ боленъ? Я очень его люблю, моего друга Соловьева, но онъ говоритъ вздоръ о нашихъ махатмахъ, этотъ Ѳома невѣрный. Сердечно ваша Е. П. Блаватская».

больная и покинутая—Елена Петровна все-же оставалась вѣрной себѣ. Она продолжала морочить добрыхъ людей своимъ «хозяиномъ», ничуть не смущаясь наивностью и первобытностью этихъ «астральныхъ» визитовъ таинственнаго махатмы, во время которыхъ онъ дѣлаетъ ей сообщенія, ровно ничего не сообщающія, и «спасаетъ» ее, ровно ни отъ чего не спасая. Къ чему-же ей придумывать что-нибудь болѣе тонкое и остроумное, когда эта простая «игра» удовлетворяетъ не только ученыхъ дамъ, но даже и ученыхъ кавалеровъ, лишь-бы они были «ея, Елены Петровны, друзьями». Вмѣстѣ съ этимъ, нуждаясь во мнѣ и отдавая мнѣ свою «любовь, дружбу и вѣрность до гроба», она, однако, очень тревожится, какъ-бы я чего не «испортилъ»,—ужъ очень непочтительно отзываюсь я въ письмахъ къ ней о ея «хозяинѣ» и, вообще, о всей ея «махатмовщинѣ»,—и спѣшитъ предостеречь m-me де-Морсье отъ меня, какъ отъ Ѳомы невѣрнаго.

M-me де-Морсье ничего не могла сообщить ей относительно «неизвѣстнаго друга», а я послалъ ей, по поводу ея «предостереженій», шутливое письмо, гдѣ говорилъ, что ея «теософическое общество» мнѣ окончательно надоѣло, что я не вѣрю никакимъ ея феноменамъ и махатмамъ; но ее, милѣйшую Елену Петровну, люблю не меньше, чѣмъ она меня любитъ, и намѣреваюсь уничтожить ея злого врага г-жу Куломбъ. Я прибавлялъ, что скоро уѣзжаю въ Швейцарію и надѣюсь, что мы свидимся, что она завернетъ ко мнѣ по пути въ Германію.

На это былъ отвѣтъ:

«Дорогой В. С.—Пишите, *гдѣ* поселитесь. Я рѣшила ѣхать въ Германію на зиму; по крайней мѣрѣ коли холодно, то комнаты теплыя—а здѣсь я постоянно простужаюсь—и проѣздомъ могу остановиться тамъ, гдѣ вы будете. Со мною Кришна Суами *), а онъ милый. Что это вы нападаете и въ письмахъ къ *** (г-жѣ У.) на общество? Ради Бога, *хотъ ради личной дружбы* не покидайте его; бѣдный Олкоттъ дѣлаетъ то, что ему велитъ совѣсть, и онъ и собою радъ сейчасъ-же пожертвовать ради блага общества. Увидимся разскажу все. Но, что это вы пишете такъ неясно? Что вы рѣшили сдѣлать съ подлой Куломбшей? Она вотъ, какъ я уѣхала, подбила миссіонеровъ—сдѣлать въ ея пользу подписку за *«услуги*, оказанныя человѣчеству и обществу вообще, разоблачивъ мад. Блаватскую». Первый подписался епископъ Мадрасскій и ей собрали миссіонеры 5,000 рупій, т. е. 10,000 франковъ! Она ѣдетъ въ Европу *«за т-те Блаватской всльдъ»*—пишетъ миссіонеръ Паттерсонъ, редакторъ *обличающаго* меня журнала. Милости просимъ. Но не правда-ли, comme l'in-

*) Это одно изъ многочисленныхъ наименованій того же Бавaджи.

nocence triomphe et le vice est puni? Чудо, что за милый свѣтъ—душка! *До то бендзе!*—въ будущемъ-то. Что такое надѣлалъ Синнеттъ—**(г-жа Х.) пишетъ—въ Парижѣ? Я ничего не понимаю! И почему вы не напишете мнѣ обстоятельно? Эхъ, какой вы! Ея брошюра?—хороша и такъ правдива. Я *ей должна до сихъ поръ* деньги? А у меня ея письмо изъ Цейлона 8 лѣтъ спустя, какъ я была въ Египтѣ, въ которомъ она умоляетъ меня дать *ей взаймы денегъ подъ вексель*. Я *фокусничала* въ Каиро? А весь городъ знаетъ и помнитъ, что меня и въ городѣ не было, когда *нанятые* нами медіумы, ея-же пріятельницы, были пойманы съ этими фокусами, и я ихъ тотчасъ-же прогнала и сама-же потеряла 600 франковъ. Ахъ, она подлая женщина! Да пусть кто хочетъ спроситъ въ Каирѣ—тамъ ее всѣ знаютъ и нѣтъ ей другой клички какъ la *sorcière* et la *voleuse*. И миссіонеры ее протежируютъ теперь! Господи, что за гадость и что за конспирація. Довольно объ этой мерзости.

Пишу II часть «Дебрей». Вы мнѣ не отвѣчали на мой вопросъ о Катковѣ. Простудилась—и всю ночь била лихорадка. До свиданія, дорогой В. С.

Вамъ на вѣки преданная Е. Блаватская».

Прочтя это письмо, я могъ только развести руками. Я не имѣлъ понятія о брошюрѣ «Куломбши»; но теперь предо мною, очевидно, было побоище какихъ-то двухъ грандіозныхъ «пуассардокъ». Только за этимъ побоищемъ были не лоханки съ рыбой, а «всемірное братство», «тайны человѣческаго духа и природы» съ девизомъ: «нѣтъ религіи выше истины»!..

Я уѣхалъ въ Женеву, а оттуда въ горы и скоро очутился очень высоко, въ маленькомъ мѣстечкѣ, Сенъ-Сергъ (St.-Cergues), гдѣ и встрѣтился съ m-me де Морсье и ея семьею.

XVII.

Хорошо было въ скромномъ, но совершенно приличномъ «pension Delaigue», помѣщавшемся среди сада, наполненнаго цвѣтами. За шесть франковъ въ сутки давали чистую комнату съ мягкой постелью, завтракъ, обѣдъ и ужинъ—обильные, приготовленные умѣлымъ парижскимъ поваромъ. Женевское озеро представлялось съ высоты голубою лужицей, а Монбланъ глядѣлъ прямо въ глаза во всемъ своемъ серебряномъ величіи. А все-же я послалъ Блаватской свой адресъ. Въ концѣ іюля отъ нея письмо:

«Дорогой В. С.—Простите, не могла писать—правая рука

такъ распухла, что и пальцы окоченѣли. Плохо мнѣ. Ѣду завтра поселяться на зиму въ Вюрцбургъ нѣсколько часовъ отъ Мюнхена, значитъ въ Баваріи. Тамъ прозимую, а пока посмотрю, не помогутъ-ли воды *Пандуръ* въ Киссингенѣ отъ подагры. Ѣду я туда съ Баваджи и miss Flynn, другомъ моимъ, но большой дурой.

«Господи какъ надоѣла жизнь!.. Хоть пишите коли не можете пріѣхать сами. Кажется отъ Мюнхена до вашего мѣста недалеко; а Вюрцбургъ всего нѣсколько часовъ отъ баварской столицы. Обѣщаетъ ** (г-жа Х.) пріѣхать. Не знаю, такъ-ли оно будетъ. А все-же ближе отъ О. Мюнхенъ, чѣмъ Неаполь. Здѣсь отъ холода, стужи и дождей мы перешли на жару почище еще индійской. Душевный вамъ поклонъ и вѣчную, непроходящую любовь и дружбу. Я ѣду черезъ Римъ и Верону. Прощайте, или до свиданья—какъ судьба повелитъ. До гроба Е. Блаватская».

Черезъ пять дней—телеграмма изъ Рима: «En route pour Wurzburg prés Munich pour hiver. Blavatsky» *). Въ тотъ-же день, черезъ три часа послѣ первой,—вторая телеграмма: «Restons Hôtel Anglo-Americain Rome huit jours écrivez içi. Blavatsky»**). Телеграфирую: «пріѣзжайте сюда»—и даю объясненіе, какимъ путемъ ѣхать. Отвѣтъ на третій день: «Va banque! partons demain Genéve, tèlègraphiez ou la rencontre. Blavatsky»***). Телеграфирую: «A. St.-Cergues»—и жду, сговорившись съ m-me де-Морсье, что если «madame» не пріѣдетъ, то мы съѣздимъ къ ней въ Женеву.

Но она пріѣхала. Боже мой, что это было за явленіе—я думаю обитатели Сенъ-Серга до сихъ поръ говорятъ о немъ, какъ о чемъ-то баснословномъ!

Въ обычное время, послѣ обѣда, часовъ около трехъ, къ «pension Delaigue» подъѣхалъ женевскій дилижансъ. Вокругъ него, какъ и всегда, собралась толпа для того, чтобъ получить газеты, письма и посмотрѣть на пріѣзжихъ, если таковые окажутся.

Вдругъ изъ дилижанса выскочило какое-то странное существо—нѣчто среднее между большой обезьяной и вертлявымъ чертенкомъ. Худоба поразительная. Жалкая, какая-то полуевропейская одеженка болтается, будто подъ нею, кромѣ костей, ничего нѣтъ; лицо съ кулачекъ, темно-темно коричневаго цвѣта и безъ признаковъ растительности; на головѣ густая шапка длинныхъ, черныхъ, вьющихся волосъ; огромные, конечно, тоже

---

*) Мы ѣдемъ въ Вюрцбургъ на зиму.

**) Остановились въ англо-американской гостиницѣ въ Римѣ на восемь дней. Пишите сюда.

***) Была не была! ѣдемъ завтра въ Женеву, телеграфируйте, гдѣ встрѣча.

совсѣмъ черные глаза, съ испуганнымъ и подозрительнымъ выраженіемъ. Чертенокъ что-то говорилъ по-англійски пискливымъ и въ то-же время хриплымъ голосомъ.

За нимъ вылѣзала толстая, крупная, неуклюжая молодая особа съ некрасивымъ лицомъ, краснымъ, растерянным и положительно глупымъ.

Публика, разинувъ рты, смотрѣла на чертенка. Но самое интересное было еще впереди. Чертенокъ и неуклюжая молодая особа, а затѣмъ я и m-me де-Морсье, принялись, съ великимъ трудомъ, высаживать изъ дилижанса нѣчто, въ немъ заключавшееся. Это нѣчто — была сама «madame», вся распухшая, измученная путешествіемъ, ворчавшая, съ темно-сѣрымъ громаднымъ лицомъ и вытаращенными, какъ двѣ круглыя выцвѣтшія бирюзы, глазами. На головѣ у нея помѣщалась высочайшая фѣтровая сѣрая пожарная каска съ вентиляторами и вуалью. Шарообразная ея фигура казалась еще шарообразнѣе отъ невѣроятнаго какого-то балахона, въ который она была облечена.

Облобызавшись съ нами и объявивъ намъ, что Баваджи ровно ничего не понимаетъ, а «эта идіотка» такъ глупа, что подобной дуры никогда еще и не бывало на свѣтѣ,—«madame» принялась ихъ ругать самыми отборными словами и тормошить безъ всякаго милосердія. Наконецъ, они оба совсѣмъ перестали понимать что-либо, лица ихъ изображали страданіе, а на глазахъ стояли слезы.

Къ довершенію бѣды въ нашемъ «pension» не оказалось свободнаго помѣщенія, т. е. трехъ смежныхъ комнатъ.

Кое-какъ, наконецъ, все уладилось, и черезъ часъ Елена Петровна была помѣщена въ сосѣднемъ домѣ, съ плохимъ аппетитомъ обѣдала, бранилась, чертенокъ и молодая особа метались изъ угла въ уголъ, ничѣмъ не умѣя угодить ей, а мы съ m-me де-Морсье сидѣли и глядѣли на все это.

— Вотъ, теперь сами видите, друзья мои,—обратилась она, наконецъ, къ намъ:—каково мое положеніе! Иной день не могу двинуть ни руками, ни ногами, лежу, какъ колода—и некому мнѣ ни въ чемъ помочь. Баваджи только вертится волчкомъ и ни съ мѣста, а эта Машка Флинъ (иначе какъ Машкой она ее не называла) естественная дура, и я проклинаю тотъ день, когда согласилась взять ее съ собою. Ей, видите-ли, было очень скучно тамъ, дома; она вообразила, что въ путешествіи у нея найдутся пріятныя развлеченія и—представьте, какъ только появляется мужчина — она сейчасъ: бантики, вертитъ глазами и, вообще, ведетъ себя крайне неприлично, хоть и буддистка... Зачѣмъ она въ буддизмъ перешла—не понимаю...

— А вотъ, хоть и дура, — спохватилась «madame», — а

спросите ее: вѣдь, она почти-что каждый день видитъ «хозяина», когда онъ ко мнѣ является! Магу, пойдите сюда!

Машка Флинъ, запыхавшись и съ испуганнымъ выраженіемъ на красномъ лицѣ, прибѣжала.

— Скажите правду, видаете вы master'a?

— О, да, да, видаю.

— Ну, вотъ видите, зачѣмъ-же ей врать, да она такъ глупа, что и соврать-то бы не сумѣла, видаетъ вотъ — и все тутъ. Пойдите, разубѣдите ее или докажите, что у нея каждый день галлюцинаціи!.. А вотъ господа психисты—вишь, я сама махатмъ выдумала!..

Она рѣшительно не могла сообразить, что ея способъ доказательствъ, съ помощью свидѣтельствъ Машекъ Флинъ и Баваджи, на европейской территоріи весьма неудаченъ. Когда-же она дошла до Куломбовъ, Годжсона и протестантскихъ миссіонеровъ—изъ ея устъ посыпались такія противоурѣчивыя показанія и такая отборная брань, что мы съ m-me де-Морсье пришли въ полное уныніе и почти силою остановили ее и успокоили.

И вдругъ она затихла, преобразилась, отошла отъ своей злобы дня, очутилась въ иныхъ сферахъ. И изъ этихъ иныхъ сферъ слышался ея вдохновенный голосъ:

«...Махатмы говорятъ, что такъ-же невозможно открыть *новую* истину, какъ и создать атомъ матеріи или силы. Истина есть то, что существуетъ извѣка—все, что не вѣчно, то ложно. Истинное необходимо существуетъ всегда; но оно не одинаково познается каждымъ и каждый обладаетъ только частью истины. За предѣлами-же той части истины, которою владѣетъ извѣстный человѣкъ—истинное и ложное для него смѣшиваются. Впрочемъ ложное не имѣетъ никакой реальности, никакого дѣйствительнаго существованія; оно—отрицаніе истиннаго. Ложно понятая истина—равняется лжи. Невозможно кого-либо обучить истинѣ, передать ему ее. Каждый долженъ самъ найти истину. Все, что можно сдѣлать для тѣхъ, кто не знаетъ истиннаго,—это направить ихъ на настоящую дорогу. Такъ и поступаютъ махатмы...

...Для того, чтобы достигнуть познаванія тайныхъ силъ природы и скрытыхъ истинъ, *между прочимъ* и *прежде всего* необходимо *обсуждать всѣ свои дѣйствія*, поступать по разсужденію и не допускать себя плыть по теченію случайностей и обстоятельствъ. Въ большинствѣ случаевъ люди поступаютъ дурно, сами не зная зачѣмъ. Стоитъ вглядѣться въ свою прошлую жизнь—и увидишь, сколько было въ ней ошибокъ, казавшихся естественными поступками...

Суевѣрія существуютъ точно такъ-же и въ нравственности, какъ и въ религіи; много людей, погрязшихъ въ предразсудкахъ,

считаютъ себя правыми и судятъ о дѣйствіяхъ другихъ со своей ограниченной и узкой точки зрѣнія. Сколько, напримѣръ, людей не имѣютъ иного критерія для сужденія объ отношеніяхъ между мужчиной и женщиной, кромѣ предразсудковъ! Такіе люди судятъ очень неправильно за неимѣніемъ истиннаго критерія.

Важно, слѣдовательно, имѣть опредѣленное и истинное понятіе о добрѣ и злѣ, о хорошемъ и дурномъ, затѣмъ слѣдуетъ руководствоваться исключительно своей совѣстью. Но такъ какъ невозможно знать, что происходитъ въ совѣсти другого, то слѣдуетъ воздерживаться отъ сужденія о поступкахъ, всѣ побудительныя причины которыхъ неизвѣстны.

Первое правило нравственности заключается въ искренности, т. е. надо жить и дѣйствовать согласно съ открыто исповѣдуемыми каждымъ принципами.

Критерій нашихъ поступковъ долженъ заключаться въ пониманіи—поступаемъ-ли мы для себя, съ эгоистичной цѣлью, или для другихъ. Все, что приводитъ насъ къ эгоизму, къ исключительному поклоненію самому себѣ,—дурно; все, что насъ пріобщаетъ къ человѣчеству, все, что насъ можетъ цѣльнѣе поглотить въ *великомъ цѣломъ*,—хорошо.

Существуетъ опасное проявленіе эгоизма, отъ котораго надо очень беречься, — это своего рода гордость, заставляющая насъ приносить себя въ жертву за ничто, даромъ.

«Принесеніе себя въ жертву внѣ долга—есть самоубійство»— говорятъ махатмы. Слѣдовательно, надо исполнять долгъ, чего-бы это ни стоило; но не хорошо желать покинуть свою сферу безъ особой нужды и отдавать свою жизнь, когда долгъ того не требуетъ. Истина — всегда истина, хотя-бы исходила отъ безумца. Лордъ Байронъ могъ быть очень безнравственнымъ человѣкомъ, но тѣмъ не менѣе онъ возвѣстилъ великія истины.

Всякій, кто объявляетъ себя неспособнымъ содѣйствовать великому, все развивающему дѣлу природы, и безполезнымъ въ мірѣ богохульствуетъ. Онъ лжетъ ужъ даже потому, что существуетъ, потому что онъ есть слѣдствіе бывшихъ причинъ и причина будущихъ неисчислимыхъ послѣдствій. Каждому мыслителю тяжело думать о томъ, какъ мало пользы приноситъ его существованіе.

Ужасно понимать добро, истину, красоту, необходимость многихъ существенныхъ реформъ въ строѣ человѣческаго общества — и чувствовать себя безсильнымъ провести свои мысли и осуществить свое жаланіе.

Но все-же необходимо успокоиться на томъ, что такъ какъ *ничто* не пропадаетъ и не исчезаетъ въ природѣ, какъ въ сферѣ физической, такъ и въ сферѣ интеллектуальной,—то ужъ одинъ

фактъ познанія добра и любви къ нему долженъ производить благія послѣдствія, хоть мы и не можемъ дать себѣ отчета, какимъ способомъ это происходитъ, посредствомъ какихъ комбинацій природа творитъ это.

Никто, однако, не можетъ сотворить полное благо, достаточно совершить и *лучшее*.

«Жизнь—долгая агонія»!—но если смотрѣть на вещи философски (а смотрѣть такъ именно и необходимо), надо признаться, что въ *оккультизмѣ* (occulte—тайный, потаенный) можно найти большія утѣшенія.

Въ силу закона причинности, составляющаго основу этого ученія, извѣстно, что наши земныя страданія—ничто иное, какъ слѣдствіе прежнихъ причинъ, дѣйствіе которыхъ, такимъ образомъ, можетъ быть ослаблено, смягчено, измѣнено приложеніемъ противоположныхъ причинъ, т. е. поступками, дѣйствіями, согласными съ природными законами.

Далѣе, по тому-же закону причинности, всякая причина производитъ какое-нибудь слѣдствіе, какъ-бы она ни была незначительна. Такимъ образомъ, добрая мысль, благородное намѣреніе вовсе не такъ безсильны, какъ это можетъ сразу показаться, и необходимо производятъ свое послѣдствіе, хотя и такое, которое мы не можемъ еще анализировать, а развѣ только признавать.

Въ дѣйствительности мысль творитъ. Эдгаръ По, въ своемъ могучемъ прозрѣніи, отгадалъ много оккультныхъ истинъ и принциповъ и, между прочимъ, развилъ это положеніе въ своей фантазіи «Могущество слова».

Сколько разъ люди, не имѣя возможности вылѣчить безнадежно страждущаго, утишали его страданія одной своей къ нему симпатіей. Одно уже сочувствіе необходимо производитъ добро; мысль дѣятельна и творитъ: добрая—добро, дурная—зло.

Надо бѣжать за истиной всюду, гдѣ только можно найти ее. Когда отдаешься добру, то всегда приходится начинать со страданій; это происходитъ отъ кажущагося безсилія помочь торжеству истины. Но посредствомъ постепеннаго самоотрѣшенія, убіенія въ себѣ всякаго эгоистическаго чувства, мало-по-малу достигается счастье. Позднѣе, когда мы дойдемъ до познанія истины, то убѣдимся, что наши добрыя усилія были гораздо успѣшнѣе, чѣмъ теперь намъ кажется. Въ этомъ убѣжденіи будетъ достаточная награда доброй и мужественно пройденной жизни.

Очень часто люди, доходящіе до отчаянія вслѣдствіе такой кажущейся имъ неспособности зашищать правду и вѣчно создающіе себѣ неразрѣшимыя задачи,—сходятъ съ ума. Такъ какъ по-

добные люди нерѣдко бывали увлекаемы оккультизмомъ, то и составилось ложное мнѣніе, что эта доктрина помрачаетъ разсудокъ. Но никогда еще оккультизмъ не свелъ съ ума человѣка, пользовавшагося до того здравымъ разсудкомъ, наоборотъ, не разъ люди, уже бывшіе на пути къ безумію, вслѣдствіе злоупотребленія метафизикой, были излѣчены и наведены на истинный путь изученіемъ оккультныхъ наукъ.

Слѣдовательно, нечего взводить на оккультизмъ обвиненія въ помраченіи и гибели людей, обращающихся къ нему среди своего безумія. Но ничто въ свѣтѣ, даже изученіе великихъ истинъ, не можетъ спасти тѣхъ, кто не сообразуется съ законами природы»...

Подобныя мысли, во всякомъ случаѣ интересныя, а иной разъ и весьма глубокія,—всегда высказывались Еленой Петровной съ необыкновенной простотой и ясностью, составлявшими несомнѣнный признакъ истинной талантливости и, конечно, были главнѣйшимъ магнитомъ, меня къ ней притягивавшимъ. Иной разъ, и притомъ совсѣмъ неожиданно, она превращалась въ настоящую вдохновенную проповѣдницу, вся преображалась и заставляла забывать, что, вѣдь, однако, она не что иное, какъ самая беззастѣнчивая обманщица, которую надо только окончательно, осязательно для всѣхъ разоблачить и постараться заставить навсегда прекратить ея пагубные, возмутительные обманы.

Ежечасно мѣняясь и выказывая поочередно всѣ свои качества и недостатки, сама постоянно горя и кипя, она образовывала вокругъ себя какой-то вихрь, въ который, хоть временно, попадалъ всякій, пришедшій съ нею въ непосредственное соприкосновеніе. Сразу невозможно было очнуться—голова кружилась. Но она, несмотря на всѣ свои физическія страданія, порывы отчаянья, бѣшенства, безнадежности—все-же шла къ своей цѣли. Теперь ей, прежде всего, необходимо было забрать въ руки меня и m-me де-Морсье. Ея другъ и помощникъ, Синнеттъ, уже сообщилъ ей изъ Лондона подробное содержаніе приготавливавшагося къ печатанію отчета Годжсона, и она сразу получила прямо въ сердце такую обиду: ее объявляютъ обманщицей, а Олкотта невиннымъ глупцомъ!

— Да напишите-же вы, ради всего святого, Майерсу,—упрашивала она меня:—что, вѣдь, это съ ихъ стороны идіотство! Ужъ если я мошенница, такъ и Олкоттъ мошенникъ! Ну, глупъ онъ, ну, довѣрчивъ, да, вѣдь, не до такой-же степени. Вѣдь, это было-бы совсѣмъ неестественно! И зачѣмъ это имъ надо его выгораживать?

Эта «несправедливость» возмущала и бѣсила ее до послѣдней степени.

Но она забыла и объ Олкоттѣ, когда я, въ разговорѣ, замѣтилъ, что скоро мы съ нею должны разъѣхаться въ разныя стороны,

— Куда-жъ это вы?

— Хочу провести начало осени въ Люцернѣ, а къ первому октября долженъ быть въ Петербургѣ.

Она стала буквально умолять меня ѣхать съ нею въ Вюрцбургъ и, хорошо понимая, что августъ и сентябрь въ душномъ нѣмецкомъ городѣ не особенно для меня привлекательны, обратилась къ соблазну.

— Поживите въ Вюрцбургѣ два мѣсяца, кляпусь вамъ—не раскаетесь. То, чего напрасно добивался Гартманъ,—получите вы. Я ежедневно буду давать вамъ уроки оккультизма—«хозяинъ» разрѣшилъ мнѣ. Я ничего отъ васъ не скрою. И феноменовъ будетъ сколько угодно.

— Елена Петровна, не шутите, вѣдь, вы знаете мое теперешнее отношеніе и къ «хозяину», и къ феноменамъ.

— Я знаю, что вы «Ѳома невѣрный»; но доведу васъ до того, что вы поневолѣ должны будете повѣрить. Даю вамъ честное слово, что открою вамъ все, все, что только возможно!

Но я ужъ и безъ этого «честнаго слова» зналъ, что мнѣ предстоитъ дышать пылью Вюрцбурга. Никакихъ «уроковъ оккультизма» она, конечно, давать мнѣ не будетъ, ибо такихъ «уроковъ» и давать нельзя; но пока я ей нуженъ, пока она одинока и покинута самыми даже преданными ей друзьями,—она изо всѣхъ силъ станетъ морочить меня «феноменами»—и вотъ тутъ-то я и узнаю все, что мнѣ надо. Я разгляжу со всѣхъ сторонъ это феноменальнѣйшее существо, подобнаго которому, разумѣется, никогда ужъ не придется встрѣтить.

Я написалъ Майерсу, что, не зная Годжсона и его разслѣдованія, а также и того, насколько точно и безпристрастно это разслѣдованіе, я предпринимаю мое собственное, проживу болѣе или менѣе долгое время въ Вюрцбургѣ, куда переселяется Блаватская—и узнаю все. О результатахъ моего разслѣдованія извѣщу своевременно.

Письмо это я, при m-me де-Морсье, показалъ Блаватской, и она не только не смутилась, но крайне обрадовалась. Она, очевидно, разсчитывала или на свою ловкость, или на мою «дружбу». А дружба, на ея жаргонѣ, была синонимомъ укрывательства.

Успокоясь на мой счетъ и отложивъ «уроки оккультизма» до Вюрцбурга, она принялась за m-me де-Морсье. Въ дѣлѣ «теософическаго общества» былъ нѣкій довольно щекотливый вопросъ. По ученію какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ «маги-

стовъ» — великая Изида снимаетъ свой покровъ лишь передъ дѣвственно чистымъ существомъ, незнакомымъ со страстями и похотями человѣческими. Чтобы стать истиннымъ адептомъ, узнать высшія тайны природы и получить способность управлять природными силами (проще — производить разные феномены), необходимо всю жизнь, съ колыбели и до могилы, оставаться строгимъ аскетомъ.

«Поэтому, вотъ, и Могини можетъ современемъ стать такимъ-же великимъ адептомъ, какъ Моріа или Кутъ-Хуми,— поясняла Блаватская,—онъ дѣвственникъ и никогда не глядитъ на женщинъ, онъ аскетъ».

Вмѣстѣ съ этимъ парижскіе теософы «знали», между прочимъ и со словъ Олкотта и того-же Могини, что «madame» прошла уже весьма высокія «посвященія», что она находится на одной изъ высшихъ ступеней таинственной лѣстницы, что она безъ церемоніи разоблачаетъ Изиду и производитъ удивительные феномены. Аскетъ Могини, по ея знаку, подползаетъ къ ней, какъ пресмыкающееся, и цѣлуетъ край ея одежды.

Какимъ-же образомъ все это согласовалось съ тѣмъ, также несомнѣннымъ фактомъ, что «m-me»—madame, а не «mademoiselle» что она—«veuve Blavatsky»?

Вопросъ назрѣлъ, съ нимъ уже уже не разъ «подъѣзжали» къ «madame» и, особенно въ такое опасное время, на него надо было рѣшительно отвѣтить. M-me де-Морсье, это золотое горячее сердце, этотъ пламенный ораторъ, эта страстная защитница женскихъ правъ и женской чести—оказывалась, конечно, самымъ лучшимъ и чистымъ листомъ бумаги для начертанія такого отвѣта. Но раньше надо было сдѣлать «пробу пера», посмотрѣть—красиво-ли выходитъ—и Елена Петровна устремила на меня свой «загадочный» взглядъ.

Съ искусствомъ, которому могла-бы позавидовать Сарра Бернаръ, она повѣдала мнѣ тайну своей жизни. Все противъ нея; но, вѣдь, дѣло не въ томъ, чѣмъ «слыть», а въ томъ, чѣмъ «быть». До сихъ поръ ходятъ самые удивительные разсказы о романическихъ приключеніяхъ ея молодости, и она только удивляется, какъ это я не слыхалъ о ней ничего подобнаго въ Россіи. А между тѣмъ вотъ *истина*: она никогда не способна была была любить страстно, мужчины, какъ таковые, для нея не существовали—«такая ужъ, видно, рыбья натура». У нея съ дѣтства была одна только страсть—оккультизмъ. Она вышла замужъ за Блаватскаго только для того, чтобы освободиться отъ опеки родныхъ; но онъ никогда не былъ ея мужемъ, и скоро она отъ него убѣжала. Она всю жизнь странствовала изъ страны въ страну и жадно предавалась изученію оккультизма,

искала, «стучала», пока не нашла, пока не «отверзлось». И вотъ теперь она старуха, veuve Blavatsky,—и, несмотря на это, осталась дѣвой, непорочной дѣвой...

А между тѣмъ нѣтъ дыму безъ огня; откуда-же явилась у ней репутація скорѣе жрицы Венеры, чѣмъ жрицы Изиды? А вотъ откуда: она захотѣла спасти честь одной своей пріятельницы и признала своимъ ребенка этой пріятельницы. Она не разставалась съ нимъ, сама его воспитывала, называла своимъ сыномъ передъ всѣми. Потомъ онъ умеръ...

Не могу сказать, что я ей повѣрилъ; но игра ея была до того хороша, что я все-же не сталъ-бы *тогда* ручаться въ полной лживости этого разсказа: я ничего еще не зналъ о ней, у меня не было никакого свидѣтельства противъ клятвенныхъ показаній ея исповѣди. Во всякомъ случаѣ она, очевидно, осталась довольна сама собою и, въ первомъ tête-á-tête съ m-me де-Морсье, посвятила и ее въ эту тайну.

Я не присутствовалъ при этой бесѣдѣ, но видѣлъ результатъ ея: m-me де-Морсье была совсѣмъ растрагана, повѣрила безусловно всему и, со слезами на глазахъ, цѣловала руку Елены Петровны.

— Ah, quel acte d'heroïsme feminin!—повторяла она.

XVIII.

Восемь дней провела Блаватская въ Сенъ-Сергѣ. Погода испортилась, ревматизмы «madame» разгулялись, Машка Флинъ доводила ее до изступленія. Дѣйствительно, эта молодая особа вела себя довольно странно. Она стала выдумывать себѣ какія-то удивительныя прически и головные уборы и, хоть почти ни слова не умѣла сказать по-французски, но все-же отправились на деревенскій праздникъ и пѣла тамъ и плясала съ большимъ воодушевленіемъ. Кончила она тѣмъ, что стала проповѣдывать буддизмъ какимъ-то невиннымъ швейцарцамъ. Эта проповѣдь ограничивалась, главнымъ образомъ, странными жестами да показываніемъ извѣстнаго амулета, который Машка Флинъ носила на груди вмѣсто креста. Непонятные жесты и довольно понятный амулетъ произвели, конечно, сенсанцію.

Елена Петровна рѣшила, что Машка только бѣситъ ее и компрометтируетъ, а потому ее слѣдуетъ немедля «сплавить» въ Англію, гдѣ у нея есть дядя. Этому рѣшенію много способствовало то обстоятельство, что тутъ-же, въ pension, нашлась горничная, говорившая по-французски и по-нѣмецки и согласив-

шаяся ѣхать въ Вюрцбургъ съ тѣмъ, чтобы принять на себя всѣ многостороннія обязанности бѣдной Машки.

Какъ ни горька была при «madame» жизнь этой обиженной природой англо-индійской Машки, она все-же оказалась по-собачьему привязанной къ своей мучительницѣ, и неожиданный остракизмъ сильно огорчилъ ее и обидѣлъ. Начались слезы и рыданія. Но у «madame» былъ приготовленъ, въ видѣ сладкаго успокоительнаго, хорошенькій «феноменъ». Еще въ Torre del Greco Машка потеряла драгоцѣнный, красивый перстень. Она очень горевала по случаю этой потери. И вотъ, передъ самымъ отъѣздомъ, къ «madame» явился «хозяинъ» и оставилъ у нея «точь въ точь такой-же» перстень, который и былъ торжественно врученъ Машкѣ отъ его имени. Это много ее успокоило, и она уѣхала, не сдѣлавъ никакой раздирательной сцены.

Наконецъ, погода измѣнилась къ лучшему. Стало тепло и ясно.

Мы двинулись изъ Сенъ-Серга, покидая m-me де-Морсье, которая должна была еще нѣкоторое время здѣсь остаться. Разставанье двухъ дамъ было трогательно. Не думали онѣ и не гадали, что въ самомъ непродолжительномъ времени отношенія ихъ другъ къ другу совершенно измѣнятся, и что имъ ужъ не суждено больше встрѣтиться въ этой жизни.

Я доѣхалъ съ Блаватской до Люцерна и рѣшилъ, что дальше съ ней вмѣстѣ не поѣду: она и Баваджи обращали на себя всеобщее вниманіе, были центромъ черезчуръ веселыхъ взглядовъ «публики». Я объявилъ, что пробуду нѣсколько дней въ Люцернѣ, затѣмъ съѣзжу въ Гейдельбергъ и уже оттуда пріѣду въ Вюрцбургъ. Елена Петровна не стала спорить, такъ какъ получила извѣстіе, что въ Вюрцбургѣ ее ждутъ пріѣхавшіе туда для свиданія съ нею друзья, шведскій профессоръ Бергенъ съ женою, которые и помогутъ ей тамъ устроиться.

Дѣйствительно, я засталъ ее въ Вюрцбургѣ уже совсѣмъ въ иномъ положеніи и настроеніи. Она была окружена «рабами». Для нея устраивалась на лучшей улицѣ города, Людвигштрассе, очень удобная и просторная квартира, несравненно лучше и уютнѣе парижской. Г. Бергенъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ румянымъ и благодушнымъ лицомъ, подобострастно глядѣлъ ей въ глаза и благоговѣйно внималъ ея рѣчамъ, а жена его, сухенькая и довольно безсловесная шведка, съ видимымъ наслажденіемъ исполняла всякую черную работу, была у «madame» на побѣгушкахъ и время отъ времени чмокала ее то въ плечико, то въ ручку. Надо сказать, что эту самую даму я видѣлъ въ Парижѣ у m-me де-Морсье, и она держала себя со всѣми сдержанно и не безъ важности. Про нее мнѣ разсказывали, что она

принадлежитъ къ какому-то старому и богатому шведскому роду, что она сдѣлала mésalliance, выйдя замужъ за Бергена, и принесла ему очень большое приданое.

Однако, и эта самоотверженная дама не могла долго выдержать роли bonne á tout faire, она устроила всю хозяйственную обстановку Елены Петровны, сдѣлала всѣ нужныя для нея закупки и, когда изъ Сенъ-Серга пріѣхала нанятая тамъ горничная, она сняла свой передникъ, отмыла себѣ руки, въ послѣдній разъ чмокнула «madame» въ плечико и въ ручку, пролила слезы разлуки и исчезла изъ Вюрцбурга вмѣстѣ съ мужемъ.

Теперь настало для меня время серьезно приступить къ моему разслѣдованію. Я поселился въ гостиницѣ Рюгмера, недалеко отъ Людвигштрассе; здѣсь меня кормили весьма своеобразными нѣмецкими завтраками и обѣдами, а все свободное отъ сна, ѣды и прогулокъ по городу время я проводилъ у Блаватской. Только-что уѣхали Бергены—она опять совсѣмъ разболѣлась, и вотъ—прибѣжавшій ко мнѣ и весь дрожавшій отъ ужаса Баваджи объявилъ своимъ пискливымъ и хриплымъ голосомъ, что «madame» очень плохо, что докторъ, извѣстный спеціалистъ по внутреннимъ болѣзнямъ, совсѣмъ встревоженъ.

Я поспѣшилъ, вмѣстѣ съ Баваджи, на Людвигштрассе и въ гостиной засталъ доктора. На мой вопросъ о больной онъ сказалъ мнѣ:

— Я не видалъ ничего подобнаго въ теченіе всей моей многолѣтней практики. У нея нѣсколько смертельныхъ болѣзней,—всякій человѣкъ отъ каждой изъ нихъ давно-бы умеръ. Но это какая-то феноменальная натура, и если она жива до сихъ поръ, то, какъ знать, можетъ быть проживетъ и еще.

— Но въ настоящую-то минуту нѣтъ опасности для жизни?

— Опасность для жизни продолжается уже нѣсколько лѣтъ; но вотъ она жива! Удивительное, удивительное явленіе!

Онъ имѣлъ видъ глубоко заинтересованнаго человѣка.

Елену Петровну я засталъ опять всю распухшую, почти безъ движенія. Но прошелъ день—и она стала сползать съ кровати къ письменному столу и писала иной разъ по цѣлымъ часамъ, скрежеща зубами отъ боли. Она говорила мнѣ, что работаетъ цѣлую ночь; но этого я, конечно, не могъ провѣрить. Какъ-бы то ни было, изъ-подъ ея пера выливались страницы и листы съ удивительною быстротою.

Теософическіе наши уроки оккультизма не представляли для меня особаго интереса—она не то, что не хотѣла, а просто не могла сказать мнѣ что-либо новое. Въ состояніе пророческаго экстаза она не приходила, и я уносилъ нетронутой мою записную книгу, въ которую намѣревался записывать ея интересныя

мысли, афоризмы и сентенціи. Я ждалъ обѣщанныхъ «феноменовъ», и это ее видимо мучило. Она стала приставать ко мнѣ, чтобы я печатно заявилъ о фактѣ явленія мнѣ «хозяина» въ Эльберфельдѣ и подвердилъ этимъ дѣйствительность существованія махатмъ.

На это я отвѣчалъ ей, что, при всемъ моемъ желаніи сдѣлать ей угодное, никакъ не могу исполнить ея просьбы, ибо болѣе, чѣмъ когда-либо, убѣжденъ въ томъ, что никакой «хозяинъ» мнѣ не явился, а былъ у меня только яркій сонъ, вызванный съ одной стороны нервной усталостью, а съ другой тѣмъ, что она заставила меня почти цѣлый вечеръ глядѣть на ослѣпительно освѣщенный портретъ.

Это доводило ее до отчаянія. Я уже дня два чувствовалъ, глядя на нее, что вотъ-вотъ произойдетъ какой-нибудь феноменъ. Такъ и случилось.

Прихожу утромъ. За громаднымъ письменнымъ столомъ сидитъ Елена Петровна въ своемъ креслѣ, необыкновенномъ по размѣрамъ и присланномъ ей въ подарокъ Гебгардомъ изъ Эльберфельда. У противоположнаго конца стола стоитъ крохотный Баваджи съ растерянным взглядомъ потускнѣвшихъ глазъ. На меня онъ рѣшительно не въ состояніи взглянуть—и это, конечно, отъ меня не ускользаетъ. Передъ Баваджи на столѣ разбросано нѣсколько листовъ чистой бумаги. Этого прежде никогда не бывало—и я становлюсь внимательнѣе. У Баваджи въ рукѣ большой толстый карандашъ. Я начинаю кое-что соображать.

— Ну, посмотрите на этого несчастнаго!—сразу обращается ко мнѣ Елена Петровна: — вѣдь, на немъ лица нѣтъ... Онъ доводитъ меня до послѣдняго! Воображаетъ, что здѣсь, въ Европѣ, можно вести такой-же режимъ, какъ въ Индіи. Онъ тамъ, кромѣ молока и меду, ничего не ѣлъ—и тутъ то-же дѣлаетъ. Я говорю, что если онъ такъ будетъ продолжать, то умретъ, а онъ и слушать не хочетъ. И то ужъ сегодня ночью былъ припадокъ...

Затѣмъ она отъ Баваджи перешла къ лондонскому психическому обществу и снова стала убѣждать меня относительно «хозяина». Баваджи стоялъ, какъ истуканъ—въ нашемъ разговорѣ онъ не могъ принимать участія, потому что не зналъ ни одного слова по-русски.

— Однако, такая недовѣрчивость къ свидѣтельству даже своихъ глазъ, такое упорное невѣріе, какое у васъ,—просто непростительно. Это, наконецъ, грѣшно!—воскликнула Елена Петровна.

Я въ это время ходилъ по комнатѣ и не спускалъ глазъ съ Баваджи. Я видѣлъ, что онъ, какъ-то подергиваясь всѣмъ

тѣломъ, таращитъ глаза, а рука его, вооруженная большимъ карандашомъ, тщательно выводитъ на листѣ бумаги какія-то буквы.

— Посмотрите... что такое съ нимъ дѣлается!—крикнула Блаватская.

— Ничего особеннаго,—отвѣтилъ я:—онъ пишетъ *по-русски*!

Я видѣлъ, какъ все лицо ея побагровѣло. Она закопошилась въ креслѣ съ очевиднымъ желаніемъ подняться и взять у него бумагу. Но она, распухшая, съ почти недвигавшимися ногами, не могла скоро этого сдѣлать. Я подбѣжалъ, схватилъ листъ и увидѣлъ красиво *нарисованную* русскую фразу.

Бавaджи долженъ былъ написать на неизвѣстномъ ему русскомъ языкѣ: «Блаженны вѣрующіе, какъ сказалъ Великій Адептъ». Онъ хорошо выучилъ свой урокъ, онъ запомнилъ правильно форму всѣхъ буквъ, но... пропустилъ двѣ въ словѣ «вѣрующіе», пропустилъ *ѣ* и *ю*.

— Блаженны *врущіе*!—громко прочелъ я, не удерживаясь отъ разобравшаго меня хохота.—Лучше этого быть ничего не можетъ! О, Бавaджи! Надо было лучше подготовиться къ экзамену!

Крохотный индусъ закрылъ лицо руками, бросился изъ комнаты, и я разслышалъ вдали его истерическія рыданія.

Блаватская сидѣла съ искаженнымъ лицомъ.

— Такъ вы думаете, что это я подучила его?—наконецъ, крикнула она:—вы считаете меня способной на такую вопіющую глупость!.. Это надъ нимъ, бѣднымъ, «скорлупы» спиритическія забавляются... а мнѣ вотъ такая непріятность!.. Богъ мой, такъ неужели-бы я, еслибъ захотѣла обмануть васъ, не могла придумать чего-нибудь поумнѣе! Вѣдь, это ужъ черезчуръ глупо!..

Показаніе m-me де-Морсье.

Lorsque Bavadjée passa à Paris au mois de Septembre il me dit ceci à peu près: «A vous on peut tout dire, je puis bien vous raconter que m-me Blavatsky, sachant qu'elle ne pouvait gagner m-r Solovieff que par l'occultisme, lui promettait toujours de lui enseigner de nouveaux mystères à Wurtzbourg et même elle venait me demander à moi: «Mais que puis-je lui dire encore? Bavadjée, sauvez-moi, trouvez quelque chose—etc—je ne sais plus qu'inventer...»

E. de Morsier *).

---

*) Когда Бавaджи пріѣхалъ въ Парижъ въ сентябрѣ, онъ мнѣ сказалъ приблизительно слѣдующее: «Вамъ можно сказать все, я могу вамъ

Съ этого неудавшагося феномена дѣло пошло быстрѣе, и я видѣлъ, что скоро буду въ состояніи послать мистеру Майерсу и всѣмъ заинтересованнымъ лицамъ весьма интересныя добавленія къ отчету психическаго общества.

XIX.

Русское писаніе Бавaджи, съ его «блаженны врущіе», сразу подвинуло мои дѣла. Блаватская все еще сильно страдала; но уже могла кое-какъ пройтись по комнатамъ. Работала она, несмотря на болѣзнь свою, въ четыре руки: доканчивала статьи для «Русскаго Вѣстника», писала фантастическіе разсказы, переводила, ужъ не помню что, для своего «Theosophist'a», готовилась къ начатію «Тайнаго ученія». Въ скоромъ времени долженъ былъ пріѣхать къ ней изъ Англіи Синнеттъ, которому она намѣревалась диктовать новую *правду* «о своей жизни».

Покуда-же, въ полномъ одиночествѣ, она тосковала и никакъ не могла обойтись безъ меня. Я долженъ былъ, во что-бы ни стало, воспользоваться этимъ временемъ, а то появятся ея «нерусскіе» друзья—и она ускользнетъ отъ меня.

Она ежедневно, когда я приходилъ къ ней, старалась сдѣлать мнѣ что-нибудь пріятное, то-есть произвести какой-нибудь маленькій «феноменчикъ»; но ей никакъ этого не удавалось. Такъ, однажды, раздался ея знаменитый «серебряный колокольчикъ»—и вдругъ возлѣ нея что-то упало на полъ. Я поспѣшилъ, поднялъ,—и у меня въ рукѣ оказалась какая-то хорошенькая, тонкой работы и странной формы, маленькая серебряная штучка. Елена Петровна измѣнилась въ лицѣ и выхватила у меня эту штучку. Я многозначительно крякнулъ, улыбнулся и заговорилъ о постороннемъ.

Въ другой разъ я сказалъ ей, что желалъ-бы имѣть настоящую розовую эссенцію, приготовляемую въ Индіи.

— Очень жаль, у меня такой нѣтъ,—отвѣтила она:—вообще сильно пахучихъ веществъ я не люблю и не держу; но не ручаюсь, что вы не получите изъ Индіи розовую эссенцію, ту самую, о которой говорите,—и даже весьма скоро.

Слѣдя за ней съ этой минуты, я отлично видѣлъ, какъ она

разсказать, что г-жа Блаватская, зная, что можетъ заполучить г-на Соловьева только съ помощью оккультизма, постоянно обѣщала ему открыть въ Вюрцбургѣ разныя тайны и даже приходила ко мнѣ, говоря: «Ну, что-же я могу еще ему сказать? Бавaджи, спасите меня, найдите что-нибудь—и т. д.—я ужъ больше не знаю, что выдумать»... Е. де-Морсье.

отворила одинъ изъ ящиковъ своего стола и вынула оттуда что-то. Потомъ, черезъ полчаса времени, она, походивъ около меня, очень ловко и осторожно опустила мнѣ въ карманъ какой-то маленькій предметъ. Если-бы я не наблюдалъ каждаго движенія и не понималъ, зачѣмъ именно она кругомъ меня ходитъ, я вѣроятно, ничего-бы и не замѣтилъ.

Но я тотчасъ-же вынулъ изъ кармана маленькій плоскій пузырекъ, откупорилъ его, понюхалъ и сказалъ:

— Это не розовая эссенція, Елена Петровна, а померанцевое масло—вашъ «хозяинъ» ошибся.

— Ахъ, чортъ возьми!—не удержавшись воскликнула она.

Наконецъ насталъ рѣшительный день и часъ. Я пришелъ и увидѣлъ, что она въ самомъ мрачномъ и тревожномъ настроеніи духа.

— Что съ вами, на васъ лица нѣтъ! Случилось что-нибудь?—спросилъ я.

— Я получила сегодня такія возмутительныя, подлыя письма... лучше-бы и не читала!—воскликнула она, вся багровѣя и съ признаками того раздраженія, во время котораго она совсѣмъ теряла голову и была способна на всевозможныя глупости, о которыхъ потомъ, вѣроятно, часто жалѣла.

— Отъ кого-же письма? Изъ Лондона?

— Да, изъ Лондона, все равно, отъ кого... отъ обманныхъ друзей, отъ людей, которымъ я дѣлала одно только добро и которые готовы наплевать на меня теперь, когда мнѣ именно нужна вся ихъ поддержка... Ну, что-жъ, ну и конецъ всему! Ну, и поколѣю! Такъ имъ отъ этого нешто легче будетъ!.. Совсѣмъ плохо, другъ мой, такія дѣла! Дрянь—дѣла, хуже не бывало!..

— Да, вотъ... такія дѣла,—сказалъ я:—а вы тутъ игрушечками занимаетесь, феноменчики мнѣ устраиваете.

Она блеснула на меня глазами и пробурчала.

— Такъ, вѣдь, вамъ-же все феноменовъ требуется!

— И изъ Россіи есть письмо,—прибавила она ужъ инымъ тономъ:—моя милая Х. пишетъ... ѣдетъ сюда, ко мнѣ, на дняхъ будетъ.

— Очень радъ слышать,—сказалъ я и подумалъ: «ну, теперь скорѣе, скорѣе, пока нѣтъ помѣхи и пока она въ такомъ настроеніи!»

И тотчасъ-же явился прекрасный случай мнѣ на подмогу.

Блаватская заговорила о «Theosophist'ѣ» и упомянула имя Субба-Рао, какъ индуса, обладающаго весьма большой ученостью.

— И какое у него лицо умное, замѣчательное! Помните, я

вамъ прислала группы теософовъ и подписала имена... Неужто вамъ не бросилось въ глаза его лицо?

— Не помню что-то.

— Да вотъ, постойте, вонъ тамъ, на столикѣ, откройте шкатулку и поищите... тамъ должна быть его карточка вмѣстѣ со мною, Дамодаромъ и Бавaджи.

Я отперъ шкатулку, нашелъ портретъ и подалъ его ей смѣстѣ съ пачкой хорошо мнѣ знакомыхъ китайскихъ конвертиковъ, въ которыхъ обыкновенно получались «избранниками» письма махатмъ Моріи и Кутъ-Хуми, появляющіяся «астральнымъ путемъ».

— Вотъ, Елена Петровна,—и я совѣтовалъ-бы вамъ подальше прятать запасъ этихъ «хозяйскихъ» конвертиковъ. Вы такъ ужасно разсѣяны и неосторожны.

Легко себѣ представить, что сдѣлалось съ нею. Взглянувъ на нее, я даже испугался—ея лицо совсѣмъ почернѣло. Она хотѣла сказать что-то и не могла, только вся безсильно дергалась въ своемъ громадномъ креслѣ.

— Да и, вообще, пора-же, наконецъ, кончить всю эту комедію,—продолжалъ я.—Давно я ужъ гляжу на васъ и только удивляюсь. Вы, такая умная женщина, и относитесь ко мнѣ, какъ малый ребенокъ. Неужели вамъ, въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ не ясно, что еще въ Парижѣ, послѣ «феномена съ портретомъ въ медальонѣ», я убѣдился въ поддѣльности вашихъ феноменовъ. Съ тѣхъ поръ эта увѣренность могла только возрасти, а не уничтожиться. Мнѣ всегда казалось, что я достаточно «не скрывалъ» отъ васъ мои взгляды. Я все ждалъ, что вы, наконецъ, сами прекратите смѣшную игру со мною и станете серьезны.

Елена Петровна вытаращила на меня глаза и всматривалась ими въ меня изо всей силы. Я уже достаточно подготовилъ ее къ убѣжденію, что я человѣкъ, любящій посмѣяться, легко относящійся къ ея «обществу», но расположенный лично къ ней. Я твердо зналъ мою роль и такъ-же твердо зналъ, что только этой ролью добьюсь, наконецъ, сегодня всего, чего такъ давно хотѣлъ добиться. Пронзительные глаза «madame» не заставили меня смутиться—я улыбнулся и глядѣлъ на нее, укоризненно качая головою.

— Такъ, вѣдь, если вы увѣрены, что я только и дѣлаю, что обманываю всѣхъ на свѣтѣ, вы должны презирать меня!—наконецъ воскликнула Блаватская.

Ничего, пусть она сочтетъ меня теперь способнымъ на очень «широкіе» взгляды. Я вдругъ рѣшился.

— Отчего-же!—отвѣчалъ я.—Обманъ обману рознь, есть надувательство и надувательство! Играть роль, какую вы играете,

увлекать за собою толпы, заинтересовывать собою ученыхъ, учреждать «общества» въ разныхъ странахъ, возбуждать цѣлое движеніе—помилуйте! да, вѣдь, это необычайно, и я невольно восхищаюсь вами! Такой необыкновенной женщины, какъ вы, я никогда не встрѣчалъ и, навѣрно, никогда не встрѣчу въ жизни... Да, Елена Петровна, я изумляюсь вамъ, какъ настоящей, крупной, геркулесовской силѣ, дѣйствующей въ такое время, когда слишкомъ часто приходится встрѣчаться съ жалкимъ безсиліемъ. Конечно, «находятъ временныя тучи»... но́ я думаю, что вы еще сумѣете разогнать эти тучи, передъ вами громадная арена... и по ней вы шествуете, какъ гигантскій слонъ, окруженный прыгающими вокругъ васъ вашими индійскими и европейскими обезьянками «макашками»-теософами! Это грандіозная картина, и вы меня ею просто заколдовываете!..

«Панъ или пропалъ!» мелькнуло у меня въ головѣ, и я, въ свою очередь, впивался въ нее глазами. Да, она, дѣйствительно, слонъ, но, вѣдь, и слона можно поймать, если взяться за это умѣючи. А я не даромъ такъ долго возился съ нею, я уже достаточно зналъ ее и понималъ, что минута самая удобная, что она въ самомъ подходящемъ настроеніи, и что я взялъ самую настоящую ноту.

Ея мрачная, изумленная и почти испуганная физіономія стала быстро проясняться. Глаза такъ и горѣли, она съ трудомъ дышала, охваченная возбужденіемъ.

— Да! — вдругъ воскликнула она: — у васъ очень горячее сердце и очень холодная голова, и не даромъ мы встрѣтились съ вами! Вотъ въ томъ-то и бѣда, что кругомъ слона, ежели я и впрямь слонъ, только однѣ «макашки». Одинъ въ полѣ не воинъ, и теперь, среди всѣхъ этихъ свалившихся на меня напастей, старая и больная, я слишкомъ хорошо это чувствую. Олкоттъ полезенъ на своемъ мѣстѣ; но онъ вообще такой оселъ, такой болванъ! Сколько разъ онъ меня подводилъ, сколько бѣдъ мнѣ устроилъ своей непроходимой глупостью!.. Придите мнѣ на помощь, и мы съ вами удивимъ весь міръ, все будетъ у насъ въ рукахъ..

Меня всего начинало коробить — и отъ радости, и отъ отвращенія. Я былъ у цѣли; но моя роль оказывалась черезчуръ трудной. Я могъ теперь только молчать и слушать. По счастью, ей ужъ не нужно было моихъ словъ. Ее прорвало и, какъ это всегда съ ней случалось, она не могла остановиться.

Она пришла въ экстазъ, въ ея горячемъ воображеніи, очевидно, внезапно рождались и созрѣвали самыя неожиданныя и смѣлыя комбинаціи, она почувствовала себя вышедшей изъ такъ измучившаго ее одиночества.

Вѣдь со времени *измѣны* «Куломбши» и за отсутствіемъ Олкотта она не имѣла сообщника, съ которымъ-бы могла отвести душу. Баваджи, какъ существо подчиненное, какъ подначальное орудіе, по своему положенію и развитію не могъ удовлетворять ее. А безъ «личнаго друга» и сообщника, съ которымъ-бы можно было бесѣдовать и совѣтоваться нараспашку, тѣша при этомъ свою страсть къ цинизму и насмѣшливости, она долго жить, очевидно, не могла. Она была страшно голодна послѣ невыносимой сдержанности и просто насыщалась въ полномъ самозабвеніи.

— Что-жъ дѣлать,—говорила она: — когда для того, чтобы владѣть людьми, необходимо ихъ обманывать, когда для того, чтобы ихъ увлечь и заставить гнаться за чѣмъ-бы то ни было, нужно имъ обѣщать и показывать игрушечки... Вѣдь, будь мои книги и «Теософистъ» въ тысячу разъ интереснѣе и серьезнѣе, развѣ я имѣла-бы гдѣ-бы то ни было и какой-бы то ни было успѣхъ, еслибъ за всѣмъ этимъ не стояли «феномены»? Ровно ничего-бы не добилась и давнымъ-давно поколѣла-бы съ голоду. Раздавили-бы меня... и даже никто не сталъ-бы задумываться, что, вѣдь, и я тоже существо живое, тоже, вѣдь, пить-ѣсть хочу... Но я давно ужъ, давно поняла этихъ душекъ-людей и глупость ихъ доставляетъ мнѣ громадное иногда удовольствіе... Вотъ вы такъ «не удовлетворены» моими феноменами, а знаете-ли, что почти всегда, чѣмъ проще, глупѣе и грубѣе «феноменъ», тѣмъ онъ вѣрнѣе удается. Я могу вамъ разсказать на этотъ счетъ, когда-нибудь, такіе анекдоты, что животики надорвете отъ смѣху, право! Громадное большинство людей, считающихъ себя и считающихся умными, глупы непроходимо. Если-бы знали вы, какіе львы и орлы, во всѣхъ странахъ свѣта, подъ мою свистульку превращались въ ословъ и, стоило мнѣ засвистѣть, послушно хлопали мнѣ въ тактъ огромными ушами!..

— Однако, вѣдь, вамъ случалось-же попадаться, — сказалъ я:—и при вашей удивительной неосторожности и разсѣянности, я полагаю, что случалось нерѣдко.

— Очень ошибаетесь!—съ азартомъ воскликнула она:—да, я дѣйствительно бываю и неосторожна и разсѣянна, но люди, за очень, очень малыми исключеніями, гораздо разсѣяннѣе меня, это просто какія-то сонныя тетери, какіе-то слѣпцы, совсѣмъ ничего не замѣчающіе! Повѣрите-ли, что за все это время, и до теософическаго общества, и послѣ его основанія, я, можетъ быть, всего двухъ-трехъ человѣкъ встрѣтила, которые умѣли наблюдать и видѣть и помнить то, что вокругъ нихъ происходитъ. Просто диву даешься! По меньшей мѣрѣ, девять десятыхъ людей совсѣмъ лишены способности вниманія и точной памяти о про-

исходившемъ хоть-бы за нѣсколько лишь часовъ передъ тѣмъ. Сколько разъ стучалось, что подъ моимъ *направленіемъ и редакціей*, составлялись протоколы разныхъ происшествій и феноменовъ, и вотъ, самые невинные и добросовѣстные люди, даже скептики, даже прямо подозрѣвавшіе меня, подписывались en toutes lettres свидѣтелями подъ этими протоколами. А, вѣдь, я-то знала, что все было вовсе не такъ, какъ значилось въ протоколахъ. Да-съ, милостивый государь мой, смѣю васъ завѣрить, что въ исторіи, даже самой документальной, гораздо больше фантазіи, чѣмъ правды!

— Можетъ быть, только все-жъ вы попадались, вѣдь, не у одного-же меня такая, по вашему выраженію, холодная голова.

— Ну, и что-жъ, и попадалась, а когда попадалась, то вывертывалась, и всегда кончалось тѣмъ, что поймавшіе меня все-таки оставались при пиковомъ интересѣ.

— Неужели вы одна—авторъ философскихъ и иныхъ писемъ Кутъ-Хуми?

— Нѣтъ, иной разъ мнѣ приходили на помощь челы, и Дамодаръ, и Субба-Рао, и Могини...

— А Синнеттъ?

— Синнеттъ пороху не выдумаетъ; но у него прекрасный слогъ... Онъ отличный редакторъ.

— А Олкоттъ?

— Олкоттъ тоже можетъ недурно редактировать, когда понимаетъ, о чемъ-такое говорится. Только ему приходится все такъ разжевывать, что дѣлается тошно. Но онъ можетъ объясняться съ индусами, онъ какъ-то умѣетъ на нихъ дѣйствовать и они охотно идутъ за нимъ,—въ этомъ надо ему отдать справедливость... Ну, и потомъ, онъ очень часто, и тамъ, и здѣсь, помогалъ мнѣ въ феноменахъ... только самъ онъ ничего не выдумаетъ. Съ нимъ я всегда такъ: сядь тамъ, скажи то-то, сдѣлай то-то. Помните, какъ въ Эльберфельдѣ... А «психисты»-то его выгораживаютъ! Вотъ вамъ и разслѣдованіе!.. Ахъ, батюшка, смѣху достойно все это, право!

— Покажите мнѣ, пожалуйста, волшебный колокольчикъ.

Она сдѣлала какое-то движеніе рукою подъ своей накидкой, потомъ вытянула руку, и гдѣ-то въ воздухѣ раздались такъ изумлявшіе всѣхъ, тихіе звуки эоловой арфы. Потомъ опять движеніе подъ накидкой — и въ ея рукѣ съ гибкими, остроконечными пальцами, очутилась уже знакомая мнѣ серебряная штучка.

— Да-съ, волшебный колокольчикъ!—въ самозабвеніи хвастала она:—остроумная вещица!.. Это мой оккультный телеграфъ; посредствомъ его я сообщаюсь съ «хозяиномъ»...

Я хотѣлъ взять у нея изъ руки «штучку» и разглядѣть ея устройство. Но она встала, поднесла хитрую вещицу къ моимъ глазамъ и вдругъ положила ее въ столъ и заперла ящикъ на ключъ.

— Много будете знать—скоро состарѣетесь!—сказала она:— все въ свое время, а теперь главное: спасите меня, помогите мнѣ... подготовьте почву для моей дѣятельности въ Россіи... Я думала, что мнѣ нѣтъ ужъ возврата на родину... Но, вѣдь, онъ возможенъ... Кое-кто сдѣлаютъ тамъ все, что можно, но вы можете больше всѣхъ теперь. Пишите, больше, громче о теософическомъ обществѣ, заинтересуйте имъ... и «создавайте» русскія письма Кутъ-Хуми... Я вамъ дамъ для нихъ всѣ матеріалы...

Конечно, я долженъ былъ ожидать чего-нибудь подобнаго—и ожидалъ. Но я все-же не въ силахъ былъ больше выдерживать мою роль. Я схватилъ шляпу и, ни слова не говоря, почти выбѣжалъ на свѣжій воздухъ.

XX.

Вернувшись къ себѣ въ гостиницу Рюгмера и записавъ дословно всю эту изумительную бесѣду, я успокоился и хладнокровно обдумалъ только-что случившееся. Я легко пришелъ къ заключенію, что, съ одной стороны, я добился *всего*, а съ другой—*почти ничего*.

То, что я сразу сталъ подозрѣвать, въ чемъ потомъ увѣрился,—я теперь уже *зналъ*, зналъ со словъ самой Блаватской. Она мнѣ сдѣлала такія признанія, какихъ, разумѣется, не дѣлала никому, кромѣ своихъ сообщниковъ. Но кто-же мнѣ повѣритъ, что я все это отъ нея слышалъ, и при такихъ обстоятельствахъ? Прежде всего надо знать эту женщину, такъ-же хорошо, какъ я ее теперь знаю, чтобы допустить возможность съ ея стороны подобной глупости.

Конечно, еслибъ у меня былъ уже тогда въ рукахъ отчетъ Годжсона и другіе документы, сдѣлавшіеся потомъ извѣстными помимо меня и болѣе или менѣе выясняющіе, на какія противорѣчія со здравымъ смысломъ Блаватская была способна,—я увидѣлъ-бы въ нихъ значительную для себя поддержку. Но я еще не былъ знакомъ съ этими документами.

Я зналъ, что, несмотря на противный, измучившій меня часъ, проведенный мною,—я ничего не выигралъ. Напротивъ, мое положеніе стало хуже. Не особенно пріятно знать правду, добиться ее такимъ тяжелымъ путемъ и быть вынужденнымъ таить ее про себя или слышать: «однако, милостивый государь, это до-

вольно невѣроятно и у васъ нѣтъ никакихъ законныхъ доказательствъ возможности того, что вы разсказываете!» Вѣдь, даже немногіе друзья мои скажутъ мнѣ: «мы вѣримъ; но все-же лучше объ этомъ молчать, пока нѣтъ явныхъ доказательствъ тому, что Блаватская способна сдѣлать подобныя признанія». А между тѣмъ, не будучи въ силахъ довести свою роль до конца, я лишилъ себя возможности добиться чего-нибудь такого, что можетъ служить требуемымъ обстоятельствами доказательствомъ. Блаватская непремѣнно станетъ теперь заметать слѣды содѣянной ею глупости и постарается оставить меня, по ея выраженію, «при пиковомъ интересѣ».

Что-же теперь? Уѣхать скорѣе и забыть объ этой исторіи. Но, во-первыхъ, я не могъ сейчасъ уѣхать, такъ какъ у меня, неожиданно, оказалось дѣло въ Вюрцбургѣ, и я долженъ былъ прожить здѣсь еще около двухъ недѣль, а, во-вторыхъ, я былъ увѣренъ, что Блаватская непремѣнно дастъ о себѣ знать, не разстанется такъ со мною. И меня сильно тянуло посмотрѣть, что-же еще теперь можетъ придумать эта невѣроятная женщина.

Такъ размышлялъ я, когда у моей двери раздался стукъ и затѣмъ передъ мной очутилась крошечная, жалкая фигурка Баваджи.

«Вотъ какъ скоро!»—подумалъ я.

Обезьяньи движенія индуса выказывали большое волненіе. Его громадные черные глаза горѣли, синія его губы дрожали и все темно-коричневое лицо передергивалось.

— Voici la lettre... monsieur, lisez... madame attend...—услышалъ я его хриплый отвратительный голосъ и его ломаный французскій языкъ.

Я развернулъ записку и прочелъ:

«Сейчасъ видѣла хозяина (два раза подчеркнуто). То, что онъ приказалъ мнѣ вамъ сказать, будетъ для васъ новостью и *рѣшитъ быть можетъ не только нашу съ вами участь, но быть можетъ, если вы хоть разъ повѣрите мнѣ* (только въ томъ-то и *прелесть*, что даже было-бы легче для меня и *лучше* для дѣла, если-бы вы зрѣли въ одной мнѣ *resumé* всѣхъ якобы выдуманныхъ мною «хозяевъ»)—*то вы, какъ патріотъ, оказали-бы огромную услугу и Россіи. Приходите* какъ можно раньше. Е. Б.».

Я перечелъ и разъ, и другой, и третій. Она такъ волнуется, такъ спѣшитъ, что даже написала, въ смыслѣ русскаго языка, что-то крайне нелѣпое. Она должна во что-бы ни стало меня видѣть и боится, какъ-бы я не исчезъ навсегда послѣ того, что случилось. Она заинтересовываетъ меня, какъ только умѣетъ, и для лучшаго дѣйствія своей мистификаціи ухватывается за Рос-

сію и за патріотизмъ. Но «хозяинъ»!! На что-же она разсчитываетъ, продолжая говорить о «хозяинѣ» теперь? Во всякомъ случаѣ она достигла цѣли, меня заинтриговала, заставила рѣшиться идти къ ней,—что, при моемъ ходѣ мыслей, было ей и не трудно сдѣлать. Взглянуть на нее теперь было любопытно въ высшей степени.

Баваджи, послѣ «блаженны врущіе», всѣ эти дни отъ меня прятался и, несмотря на крики и требованія Блаватской, ни разу не вошелъ въ ея кабинетъ, когда я былъ тамъ. Разъ я столкнулся съ нимъ лицомъ къ лицу, онъ глубоко поклонился мнѣ и, отвернувъ голову, убѣжалъ. Теперь ему, очевидно, было приказано, подъ страхомъ смертной казни, не смѣть возвращаться безъ меня. Легко могло статься, что онъ даже былъ битъ, ибо иначе врядъ-ли бы рѣшился явиться ко мнѣ въ гостиницу. Онъ не смотрѣлъ на меня, весь дрожалъ и хрипѣлъ умоляющимъ голосомъ:

— Monsieur... allons nous deux... madame prie... madame malade...

Увидя, что я собираюсь идти, онъ какъ-то странно завизжалъ, захохоталъ, началъ метаться, слетѣлъ стрѣлой съ лѣстницы и помчался впередъ радостнымъ вѣстникомъ.

Что-то еще придумаетъ удивительная «madame», когда ужъ, кажется, придумать рѣшительно нечего?

Я вошелъ къ ней и засталъ ее на обычномъ мѣстѣ, въ креслѣ у стола. Ея лицо было ужасно, все въ темно-красныхъ пятнахъ. Она отдувалась; но изо всѣхъ силъ старалась казаться спокойной.

— Что это вы, батюшка, вдругъ сбѣжали?—прямо спросила она и неособенно искусно засмѣялась.—Что съ вами приключилось? Были здѣсь—и вдругъ смотрю: васъ нѣтъ! Да ужъ полно, были-ли вы у меня сегодня? Можетъ, это мнѣ такъ только почудилось, что я васъ видѣла и разговаривала съ вами?!

— Нѣтъ, Елена Петровна, вамъ не почудилось, что было—то было...

— Такъ куда-же вы дѣвались?

— Видите-ли, я могу удивляться вамъ и очень вами интересоваться, я могу, malgré tout, чувствовать къ вамъ невольное расположеніе, какъ къ соотечественницѣ и изъ ряду выходящей женщинѣ, могу сердечно жалѣть васъ и желать вамъ всякаго добра; но изо всего этого еще не слѣдуетъ, что вы имѣете право предлагать мнѣ «создавать» письма Кутъ-Хуми! Такое занятіе не въ моихъ привычкахъ...

Она не дала мнѣ докончить и закричала:

— Какъ? Я... я вамъ предлагала это? Никогда я вамъ не говорила ничего подобнаго!..

Мнѣ стало смѣшно—какъ-же я не догадался, что съ этого именно и начнется и что ни съ чего другого она, какою я зналъ ее, и начать-то не можетъ. Но что-же будетъ дальше?

— Ахъ, такъ вы не говорили!—сказалъ я.—Значитъ это кто-нибудь другой предложилъ мнѣ такую почетную обязанность... Но, вѣдь, никого кромѣ васъ не было, мы были вдвоемъ...

Она вдругъ заплакала самыми настоящими слезами; она хваталась за голову и, въ отчаяніи, весьма хорошо изображенномъ, металась на своемъ креслѣ.

— Какое несчастье! — кричала она.—Опять, опять эта гадость, этотъ дьяволъ, этотъ черный колдунъ, врагъ «хозяина» и мой врагъ овладѣлъ мною!.. Онъ привелъ меня въ безчувствіе—и овладѣлъ моимъ тѣломъ... Онъ, значитъ, говорилъ моимъ языкомъ, а я ничего не знаю...

«Боже мой, она съ ума сходитъ, помѣшалась!»—мелькнуло у меня въ головѣ.

Между тѣмъ слезы ея остановились, она нѣсколько притихла и продолжала:

— Да, вы конечно, не повѣрите, вы сочтете это за вздоръ, сказку, новую безсовѣстную ложь, мною придуманную, а между тѣмъ вотъ что со мною случилось... Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Америкѣ... Я ужъ была почти такъ-же стара и безобразна, какъ теперь... А между тѣмъ, вѣдь, на свѣтѣ бываютъ всякія безобразія, въ меня влюбился тамъ молодой и красивый армянинъ... Вдругъ онъ является ко мнѣ въ домъ и начинаетъ обращаться со мною, какъ только мужъ можетъ обращаться съ женой. Я его гоню вонъ; но онъ не идетъ, онъ говоритъ, что я его жена, что мы наканунѣ съ нимъ законно обвѣнчались, обвѣнчались при свидѣтеляхъ, въ числѣ которыхъ былъ и Олкоттъ... Я къ Олкотту... онъ, представьте мой ужасъ, подтверждаетъ... Онъ былъ свидѣтелемъ на свадьбѣ и подписался... Такъ, вѣдь, мнѣ какихъ денегъ стоилъ разводъ съ этимъ армяниномъ!.. Вотъ, что бываетъ со мною... Такъ и теперь... Думайте, что хотите, но, клянусь вамъ всѣмъ святымъ, я ничего не помню... Вы слышали звуки, исходившіе отъ моего языка, но мой разсудокъ, моя воля и сознанье—отсутствовали...

«Нѣтъ, — рѣшилъ я: — она вовсе не сходитъ съ ума, она остается сама собою».

— Придумайте какое-нибудь сносное объясненіе,—сказалъ я.

Она тотчасъ-же и придумала.

— Да что-жъ,—воскликнула она:—наконецъ это и такъ можетъ быть, что не врагъ нашъ, а самъ «хозяинъ» говорилъ моимъ языкомъ... Онъ просто хотѣлъ подвергнуть васъ испытанію!

— Ну, вотъ это объясненіе ужъ нѣсколько лучше перваго, только все-же не выдерживаетъ строгой критики,—замѣтилъ я.

Она вдругъ перемѣнила тонъ и злобно на меня посмотрѣла.

— Однако... вы напрасно строги, — медленно произнесла она.—Очень-то строгимъ вамъ быть не приходится, вѣдь, вы, какъ-бы то ни было, ужъ сильно скомпрометтировали себя, давъ лондонскимъ «психистамъ» описаніе появленія передъ вами «хозяина»! Хоть дѣйствительность, хоть сонъ, хоть даже мое гипнотическое внушеніе, а, вѣдь, все-жъ-таки видѣли, и описали, и это они пропечатали за вашей подписью. Такъ теперь ужъ поздно на попятный, да и самолюбіе вамъ не позволитъ! Если моя игра и плоха, и вамъ не по-нутру, все-же теперь вамъ остается faire bonne mine au mauvais jeu...

— Я давно ужъ зналъ, что рано или поздно вы мнѣ это скажете,—отвѣчалъ я:—только, представьте себѣ, меня ничуть все это не пугаетъ. Вы меня, видно, мало знаете. Прошу васъ не прибѣгать со мною къ подобному оружію...

— Я васъ вовсе не пугаю,—воскликнула Блаватская:—только подумайте хорошенько. Если вы теперь вдругъ станете увѣрять, что не вѣрите больше въ существованіе «хозяина» и Кутъ-Хуми, вамъ будутъ очень-очень большія непріятности. Подумайте объ этомъ, это не шутка!

— Я никогда и никого, ни словесно, ни письменно не увѣрялъ въ томъ, что вѣрю непреложно существованію вашихъ махатмъ. Что-же касается непріятностей, то, будучи такъ коротко знакомымъ съ вами, развѣ можно избѣжать ихъ?

— Не серчайте и не язвите,—опять перемѣняя тонъ и ласково улыбаясь, перебила меня «madame»:—мнѣ, вѣдь, все равно, я думаю только о вашемъ спокойствіи и благѣ. Да, конечно, это всего вѣрнѣе, что тутъ было испытаніе,—продолжала она совсѣмъ, уже успокаиваясь:—если не васъ, то по крайней мѣрѣ, всѣхъ теософовъ удовлетворитъ такое объясненіе... Тѣмъ болѣе, что, какъ я и написала вамъ, «хозяинъ» былъ у меня и сказалъ мнѣ относительно васъ многое. Я вамъ сообщу кое-что съ его словъ... о томъ, что случится съ вами въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Я умоляю васъ, подождите только два мѣсяца—и тогда вы должны будете, несмотря ни на что, убѣдиться въ существованіи «хозяина». Слушайте, вотъ что съ вами случится...

И она, съ необыкновенной увѣренностью, совершенно опредѣленно и точно, сдѣлала мнѣ цѣлый рядъ предсказаній, возвѣстила мнѣ самыя удивительныя событія въ моей личной жизни, которыя должны, одно за другимъ, случиться не позже, какъ черезъ два мѣсяца.

— Да перестаньте-же, Елена Петровна,—говорилъ я:—вѣдь,

надо-же отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что вы дѣлаете. Вѣдь, это-же смѣшно—и вы такъ увѣренно говорите, какъ какая-нибудь гадалка на кофейной гущѣ!

— Я говорю увѣренно,—съ достоинствомъ объявила она:—потому что говорю со словъ «хозяина», а онъ ошибаться не можетъ. Вы были такъ терпѣливы со мною, такъ долго со мною возились, вы говорите до сихъ поръ, что, malgrè tout, расположены ко мнѣ и меня жалѣете. Умоляю-же васъ исполнить мою послѣдню просьбу: потерпите только два мѣсяца, слышите—только два мѣсяца! Если черезъ эти два мѣсяца вы не убѣдитесь въ существованіи «хозяина» и въ томъ, что всѣ его предсказанія исполнились,—тогда дѣлайте, что хотите, хоть печатайте все, что вамъ извѣстно... Только два мѣсяца!.. умоляю васъ... обѣщайте мнѣ!

Она, очевидно, хотѣла выгадать время, разсчитывала на всякія случайности и совпаденія и пуще всего боялась, чтобъ именно теперь, когда дѣла ея такъ плохи, не огласился среди теософическаго общества ея разрывъ со мною. Но, вѣдь, все равно, съ такимъ жалкимъ багажомъ, какой былъ у меня, я могъ мало сдѣлать, ничего особенно важнаго, то-есть документальнаго, я не могъ сообщить ни «лондонскому обществу для психическихъ изслѣдованій», ни парижскимъ теософамъ.

Мнѣ тоже оставалось надѣяться, что въ два мѣсяца что-нибудь выяснится, и мой багажъ увеличится.

— Хорошо,—сказалъ я:—обѣщаю вамъ спокойно ждать два мѣсяца, хотя не думайте, что вы поселили во мнѣ хоть малѣйшую тѣнь сомнѣнія...

— О, оставайтесь съ сомнѣніемъ или безъ сомнѣнія!—перебила она:—вы будете ужасно посрамлены!.. Конецъ вѣнчаетъ дѣло... «хозяинъ» сумѣетъ удивить васъ, наказать и простить... запишите только его предсказанія, а засимъ, если угодно, я имени его не буду произносить передъ вами до тѣхъ поръ, пока вы сами о немъ не заговорите.

— Да, ужъ объ этомъ я попрошу васъ.

Она совсѣмъ успокоилась и глядѣла побѣдительницей. Долгіе годы ея удивительнаго существованія и всевозможныхъ приключеній научили ее жить настоящей минутой.

— Но все-же позвольте узнать,—спросилъ я ее:—что такое вы хотѣли сообщить мнѣ столь важное о Россіи и зачѣмъ обращались къ моему патріотизму?

Она навѣрное забыла ужъ содержаніе своей записки, по крайней мѣрѣ забыла роль, которую долженъ былъ играть тутъ ея «хозяинъ». Она сказала:

— Ну, это къ хозяину не имѣетъ никакого отношенія! Я

давно хотѣла съ вами поговорить объ этомъ; но не рѣшалась... а вотъ сегодня рѣшилась и докажу вамъ этимъ свое безконечное довѣріе. Опять-таки, malgré tout, я гляжу на васъ, какъ на друга...

— Благодарю за честь!—улыбнувшись поклонился я.

Она или не замѣтила, или сдѣлала видъ, что не замѣтила моего тона.

— Видите-ли, что это такое,—начала она:—вы скоро ѣдете въ Петербургъ, устройте очень важное и очень полезное для Россіи дѣло. Я хочу предложить себя тайнымъ агентомъ русскаго правительства для Индіи. Чтобы помочь торжеству моей родины надъ этими подлыми англичанами—я способна на все. Я ненавижу англійское правительство въ Индіи съ его миссіонерами—все это личные враги мои, алчущіе моей погибели. Ужъ одного этого достаточно, чтобы я всю свою душу положила въ борьбу съ ними... А что я могу надѣлать имъ большихъ бѣдъ въ Индіи—это вѣрно... и только одна я, никто больше не годится для такой роли! Мое вліяніе на индусовъ громадно—этому мнѣ легко представить сколько угодно доказательствъ... За мной, по одному моему знаку, двинутся милліоны индусовъ... Я легко организую громадное возстаніе... Я ручаюсь, что въ годъ времени вся Индія будетъ въ русскихъ рукахъ... Пусть мнѣ только дадутъ денежныя средства... многаго мнѣ не надо—вы, вѣдь, знаете меня въ этомъ отношеніи!—пусть мнѣ дадутъ возможность проникнуть въ Индію черезъ Россію, такъ какъ инымъ путемъ, послѣ дѣла Куломбши и миссіонеровъ, я не могу туда пробраться,—и я совершу одно изъ величайшихъ историческихъ дѣяній!.. Я ужъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, еще во время министерства Тимашева, предлагала это; но не получила никакого отвѣта... А теперь... теперь это для меня еще легче... въ годъ все устрою... Помогите мнѣ въ такомъ патріотическомъ дѣлѣ!..

Такъ вотъ до чего она додумалась! Вотъ какое мщеніе хочетъ готовить англичанамъ, ее не оцѣнившимъ! Нѣтъ никакого сомнѣнія, что она искренно увлеклась этимъ планомъ и считала его легко исполнимымъ.

— Я не могу взять на себя хлопоты въ такомъ дѣлѣ,—сказалъ я:—но вотъ что я вамъ посовѣтую, если вы дѣйствительно желаете совершить «историческое» дѣяніе, и это не фантазія, которую вы завтра же забудете: то, что вы сейчасъ мнѣ сказали—изложите подробно и обстоятельно на бумагѣ, приведите всѣ доказательства вашего вліянія на индусовъ, объясните вашъ планъ дѣйствій и т. д. Эту бумагу пошлите Каткову, съ которымъ у васъ уже давно сношенія и переписка. А затѣмъ—ждите его отвѣта. Если вы боитесь послать такой документъ по почтѣ,

дайте его мнѣ, и я обѣщаю вамъ, что передамъ его Каткову. Вотъ все, что я могу сказать вамъ и сдѣлать...

Она была крайне недовольна и, по тому, какъ она взглянула на меня, когда я говорилъ, что могу взять съ собою ея документъ и передать его Каткову, я даже подумалъ—не боится-ли она такого документа именно въ моихъ рукахъ. Какъ-бы то ни было, она ни разу не возвращалась къ разговору объ этомъ предметѣ до самаго моего отъѣзда изъ Вюрцбурга.

XXI.

Дня черезъ два или три я узрѣлъ пріѣхавшую изъ Россіи госпожу Х. Она трижды, по-русски, облобызалась со мною и въ отмѣнныхъ выраженіяхъ выразила свою радость по случаю нашей вторичной встрѣчи. Я даже провелъ съ ней двое сутокъ вдвоемъ, благодаря поѣздкѣ, совершенной нами въ Нюренбергъ, на выставку разныхъ рѣдкостей. У меня сохранились объ этой поѣздкѣ самыя смѣшныя, комичныя воспоминанія. Полагаю, что мои читатели не поскучали-бы, еслибъ я вздумалъ поближе ихъ познакомить съ этой весьма интересной, какъ по внѣшности, такъ и по внутреннимъ, сердечнымъ и душевнымъ качествамъ, особой. Не скученъ былъ-бы также и разсказъ о ея мщеніи, которому она подвергла меня за то, что я, разглядѣвъ Елену Петровну, ушелъ отъ знакомства съ нею. Но я разсказываю о моихъ сношеніяхъ съ Блаватской, а не съ ея родными, и не выхожу изъ намѣченныхъ мною рамокъ.

Вслѣдъ за госпожей Х. въ Вюрцбургъ пріѣхали Синнеттъ съ женою и Могини съ миссъ Арундэль, той самой пожилой дѣвицей, обладавшей лицомъ, блестѣвшимъ, какъ мѣдный самоваръ, и очками на вздернутомъ носу, съ которой я познакомился у Гебгардовъ въ Эльберфельдѣ. Могини жилъ въ Лондонѣ у этой особы. Теперь она тоже не отпустила его одного къ «madame» и была всецѣло поглощена имъ, что его, какъ я замѣчалъ, весьма тяготило. Я заходилъ въ квартиру Елены Петровны, чтобы побесѣдовать съ госпожей Х. и послушать ея разсказы о разнаго рода чертяхъ, мертвецахъ и ихъ продѣлкахъ. Иной разъ мы отправлялись съ нею гулять, оставляя миссъ Арундэль съ Могини, а Синнетта съ Блаватской. Они теперь по нѣскольку часовъ въ день были заняты работой,— «madame» диктовала этому «отличному редактору» *самую новѣйшую* правду о своей жизни. Мистриссъ Синнеттъ, очень запуганная и видимо несчастная дама, изображала изъ себя блѣдную и безмолвную тѣнь.

Скоро миссъ Арундэль уѣхала обратно въ Лондонъ, взявъ съ собою не только Могини, но и Баваджи. Я тоже собрался покинуть Вюрцбургъ. Наканунѣ моего отъѣзда, зайдя къ Блаватской, я засталъ ее съ какимъ-то письмомъ въ рукахъ, вылѣзающую изъ кожи отъ бѣшенства, кричащую и браняющуюся на весь домъ.

— Что такое? Что такое?—спрашивалъ я.

— Да помилуйте!—завопила, именно—завопила она.—Вотъ уже второй разъ этотъ негодяй выкидываетъ со мною такую штуку!..

— Какой негодяй? Какую штуку?

— Все онъ-же, Донъ-Жуанъ нашъ калькуттскій, Могини! Представьте, тутъ всякія пакости, сплетни, «психисты» доканываютъ, а онъ амуры завелъ съ какой-то англо-французской Бибишкой!.. Вотъ огненное любовное посланіе, полное клятвъ, сладкихъ воспоминаній и... многаго другого... подписано: «Bibi»... Она думала, что онъ еще здѣсь...

— А онъ уѣхалъ и... вы распечатали письмо, ему адресованное...

— Слава Богу, я имѣю право читать всю переписку «челъ!» Нѣтъ, вотъ негодяй... и въ такое время! Ужъ разъ это было... клялся, что никогда больше не будетъ... я простила его... и вотъ!

— А какъ-же вы увѣряли, что онъ никогда въ жизни и не подходилъ близко ни къ одной молодой особѣ женскаго пола?.. Какъ-же онъ не только женщинамъ, но и мужчинамъ не протягиваетъ руку, чтобы не осквернить?!..

— А, да черти-бы его взяли, этого болвана!—заглядывая въ письмо и вѣрно напавъ на что-нибудь особенно убѣдительное, закричала внѣ себя «madame».—Хорошъ аскетъ! Да у него въ Индіи жена и дѣти остались!

Я не могъ удержаться отъ хохота и поспѣшилъ уйти.

Передъ отъѣздомъ я пришелъ проститься.

Разставаясь, я говорилъ:

— Ну, вотъ, Елена Петровна, насталъ разлуки нашей часъ и, теперь, уже послѣдней разлуки. Выслушайте искренній совѣтъ мой, идущій и отъ головы моей и отъ сердца: пожалѣйте себя, бросьте всю эту ужасную канитель, отойдите отъ теософическаго общества, какъ не очень давно сами хотѣли, лѣчитесь въ тишинѣ и пишите. У васъ настоящій литературный талантъ, онъ можетъ давать вамъ и средства къ жизни и удовлетвореніе вашему самолюбію. Вы такъ легко работаете—пишите-же, пишите въ русскіе журналы, обо всемъ, что видѣли и знаете, только бросьте все это, всѣхъ этихъ махатмъ и челъ, всѣхъ

этихъ агличанъ и индусовъ... Пусть хоть вечеръ вашей жизни будетъ тихъ и ясенъ. Не берите лишней тягости на душу, остановитесь...

— Поздно!—глухо сказала она.—Для меня возврата нѣтъ.

И тотчасъ-же, совсѣмъ уже инымъ тономъ, прибавила:

— Знайте, что всѣ предсказанія «хозяина» исполнятся... теперь уже не позже какъ черезъ полтора мѣсяца!

Этими послѣдними словами она дала мнѣ возможность разстаться съ ней навсегда безъ чувства жалости...

Заѣхавъ на короткое время въ Страсбургъ, я отправился въ Парижъ съ тѣмъ, чтобы, повидавъ моихъ французскихъ друзей, спѣшить въ Россію. Къ моему изумленію, m-me де-Морсье встрѣтила меня вопросомъ: «не знаю-ли я чего-нибудь о дѣяніяхъ Могини?» Я отвѣтилъ ей, что наканунѣ моего отъѣзда изъ Вюрцбурга «madame» распечатала какое-то нѣжное посланіе, обращенное къ интересному индусу, и, при этомъ, воскликнула: «ахъ, негодяй, это онъ ужъ второй разъ выкидываетъ со мною такую штуку!»

— Знаете-ли, это очень важно, очень важно!—смущенно повторяла m-me де-Морсье.

— Не знаю, насколько это важно, но думаю, что вамъ весьма скоро придется измѣнить мнѣніе не только относительно «челы» Могини, но и относительно весьма многаго.

— Къ несчастію, кажется, вы правы,—уныло проговорила она.

— Что-же случилось и что вы знаете?

Но она все еще хваталась за послѣднія соломинки, а потому не рѣшалась говорить до срока.

— Теперь я еще должна молчать, не спрашивайте меня ни о чемъ,—объявила она.

— И вы меня покуда ни о чемъ не спрашивайте. Я вернусь мѣсяца черезъ два, самое большее три, изъ Петербурга, и къ тому времени у меня, надѣюсь, будетъ готово интересное сообщеніе для парижскихъ теософовъ.

На томъ мы и разстались. Пока я былъ въ Россіи, разыгралась самая возмутительная исторія, поднятая «жертвой» донъ-жуанскихъ наклонностей Могини. Впрочемъ, эта «жертва», которую я видѣлъ, вовсе не имѣла видъ несчастной, убитой горемъ особы. Она оказалась весьма рѣшительной и чуть было не довела дѣла до суда. Но и безъ суда исторія вышла и громкой, и характерной, а Блаватская сыграла въ ней весьма скверную роль. Документы всего этого дѣла находятся въ моемъ распоряженіи; но оно такъ противно и полно такихъ циничныхъ подробностей, что я не могу на немъ остановиться. Я упомянулъ объ этомъ инцидентѣ лишь для того, чтобы показать—какого рода «свя-

тыхъ» представляли изъ себя избранные «челы» фантастическихъ махатмъ и проповѣдники теософическаго ученія.

Я еще въ Парижѣ и потомъ въ Петербургѣ сталъ получать отъ Блаватской письма. Она низачто не хотѣла признать, что наши сношенія покончены, что я навсегда простился съ нею. Къ тому-же, обдумавъ все, происшедшее между нами, она, естественно, должна была добиваться моихъ отвѣтныхъ писемъ, чтобы, въ случаѣ чего, имѣть возможность говорить: «помилуйте, мы въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, въ перепискѣ, вотъ его письма!»

Она разсчитывала на мою жалость къ больной и старой женщинѣ, наконецъ на мою «вѣжливость». Ну, какъ-же я не отвѣчу, когда она такъ жалуется на свои страданія и взываетъ къ моему сердцу?

Однако, я нашелъ, что слишкомъ довольно и что дальнѣйшая переписка съ дамой, «проведшей семь лѣтъ въ Тибетѣ», не можетъ ужъ доставить мнѣ ни пользы, ни удовольствія. Я пересталъ отвѣчать на ея письма.

Она принимала шутливый тонъ, мило журила меня за молчаніе, приписывала: «Не отвѣтите—Богъ съ вами и писать не буду «*вдова Ашъ-Пе-Бе*» или: «ваша навѣкъ veuve Blavatsky». Я молчалъ, а она все-же писала.

Наконецъ, дождь ея писемъ прекратился, и я уже началъ думать, что она обидѣлась и замолчала навсегда. Я былъ несказанно радъ этому, такъ какъ именно тогда, въ Петербургѣ, мнѣ пришлось, отъ нѣсколькихъ лицъ, главное-же отъ г-жи У. и ея семьи (почтенная г-жа У. была въ это время съ Еленой Петровной въ размолвкѣ),—получить самыя неожиданныя свѣдѣнія. Свѣдѣнія эти были весьма важны для характеристики «создательницы теософическаго общества» и для сопоставленія съ ея собственными показаніями, изустно и печатно, посредствомъ Синнетта и К°, распространяемыми ею.

Передо мною возсталъ, какъ оказалось, хорошо извѣстный весьма многимъ въ Россіи образъ искательницы приключеній, прошедшей черезъ все, черезъ что можетъ только пройти женщина. Всѣ ея поразительныя приключенья могли-бы забыться. Но, вѣдь, вотъ она становится во главѣ религіознаго движенія и объявляетъ себя даже не кающейся Магдалиной, а «чистой, непорочной весталкой». Въ виду такихъ заявленій, придуманныхъ ради привлеченія и увлеченія довѣрчивыхъ людей,—обстоятельства мѣнялись...

Вдругъ получаю отъ 9 декабря (по новому стилю) изъ Вюрцбурга французское письмо, написанное совершенно незнакомымъ мнѣ почеркомъ. Гляжу на подпись «Agréez, Monsieur, je vous

en prie l'expression de mes sentiments distingués. C. Wachtmeister». Вспоминаю, что Блаватская говорила мнѣ какъ-то вскользь о какой-то датчанкѣ, графинѣ Вахтмейстеръ. Читаю и удивляюсь: эта незнакомая мнѣ дама, соболѣзнуя моему нездоровью, происходящему отъ неправильнаго кровообращенія, о чемъ она слышала отъ госпожи Блаватской, желаетъ меня вылѣчить.

«Pour vous donner de la confiance en moi,—пишетъ она:— je dois vous dire que j'ai la manie de guérir les gens et que pendant cet été j'ai soigné 250 malades...»*).

Затѣмъ эта добрая дама входила во всѣ подробности и рекомендовала мнѣ, *находящемуся въ Петербургѣ, тотчасъ же* пріобрѣсти таинственныя капли, *продающіяся только въ Лондонѣ,* и употреблять ихъ такимъ-то и такимъ-то образомъ, а черезъ недѣлю написать ей о результатѣ. «Et alors nous verrons»**)— говорила она.

Но дѣло, само собою разумѣется, было не въ *каплях*ъ, а въ слѣдующей припискѣ:

«...Madame espère bientôt recevoir de vos nouvelles et que vous repondrez à ses lettres; si vous voudriez lui procurer un moment de plaisir vous lui enverrez de vieux timbres poste dent elle fait collection pour sa tante, c'est la quantité non la qualité qui a sa valeur á ses yeux...» *)

Вотъ къ какой маленькой хитрости прибѣгла Елена Петровна. Она подвигла свою новую пріятельницу написать это письмо. разсчитывая, что незнакомой мнѣ дамѣ, которая желаетъ вылѣчить меня отъ болѣзней, я уже непремѣнно отвѣчу. Но это было шито до того бѣлыми нитками, что я совершилъ огромную невѣжливость и оставилъ любезное посланіе гр. Вахтмейстеръ безъ отвѣта. Мнѣ не пришлось раскаяваться въ своей невѣжливости, такъ какъ дальнѣйшія свѣдѣнія объ этой дамѣ оправдываютъ мой образъ дѣйствій.

Прошло еще около двухъ мѣсяцевъ. Я за это время пополнилъ мой багажъ достовѣрными свѣдѣніями о Блаватской и сообщилъ о результатѣ моихъ разслѣдованій мистеру Майерсу и Шарлю Ришэ. Затѣмъ я вернулся въ Парижъ, гдѣ засталъ m-me

---

*) Для того, чтобы, вы могли мнѣ довѣриться, я должна вамъ сказать, что у меня манія вылѣчивать людей и что въ теченіе этого лѣта я пользовала 250 больныхъ.

**) А тогда мы увидимъ.

***) Мадамъ (Блаватская) надѣется скоро получить о васъ извѣстія и что вы отвѣтите на ея письма; если желаете доставить ей удовольствіе пришлите ей старыя марки, которыя она собираетъ для своей тетки; дѣло тутъ въ количествѣ, а не въ качествѣ.

де-Морсье совсѣмъ больную и разстроенную скандальнымъ дѣломъ Могини.

Теперь она была достаточно подготовлена, и я разсказалъ ей все о моемъ пребываніи въ Вюрцбургѣ и о свѣдѣніяхъ, полученныхъ мною въ Петербургѣ.

— Это лишь подтверждаетъ то, что мнѣ, къ несчастію, уже самой извѣстно,—сказала она и, въ свою очередь, сообщила мнѣ парижскія новости и показала письма къ ней Блаватской, въ которыхъ наша «madame» не стѣснялась и выказала себя съ самой отталкивающей стороны.

Черезъ нѣсколько дней я, къ величайшему моему изумленію, получилъ отъ Блаватской новое посланіе на многихъ страницахъ. Она, какъ ни въ чемъ не бывало, разсказывала мнѣ по-своему, отвратительно и цинично, инцидентъ Могини. Но теперь милый «чела» былъ у нея уже не негодяемъ, а невинной жертвой ужасной дѣвицы, которая хотѣла обольстить его. Затѣмъ она, тоже по-своему, передавала мнѣ содержаніе отчета Годжсона, только-что опубликованнаго лондонскимъ обществомъ для психическихъ изслѣдованій, и, конечно, находила, что этотъ отчетъ ничего не стоитъ и что Годжсонъ ничего не доказалъ...

Она ни слова не говорила о письмѣ ко мнѣ гр. Вахтмейстеръ, оставшемся безъ отвѣта; но писала объ этой дамѣ слѣдующее:

«Вотъ графиня Вахтмейстеръ, и она видала «хозяина» и не разъ, въ эти два года нѣсколько десятковъ разъ. А здѣсь видитъ ежедневно, какъ это вамъ засвидѣтельствуетъ ея собственноручное письмо, которое будетъ *напечатано*. И она знала «хозяина» прежде, нежели познакомилась со мной и сдѣлалась теософкой.»

Г-жа Желиховская въ статьѣ своей («Русское Обозрѣніе» 1891 г. декабрь, стр. 587) тоже особенно рекомендуетъ гр. Вахтмейстеръ вниманію русскихъ читателей и сообщаетъ о ней такія свѣдѣнія: она отдала всю жизнь свою и все состояніе дѣлу теософіи, была неразлучна съ Е. П. Блаватской и постоянно и нынѣ работаетъ въ лондонской конторѣ теософическаго общества въ Сити (7 Duke street), завѣдуя ею».

Затѣмъ г-жа Желиховская приводитъ выдержки изъ дружескихъ къ ней писемъ гр. Вахтмейстеръ относительно *святости* Елены Петровны и особенно указываетъ на графиню, какъ на самаго достовѣрнаго свидѣтеля всѣхъ чудесъ, сотворенныхъ Блаватской.

Рѣшительно не знаю, насколько вѣрны приведенныя выше свѣдѣнія о прошломъ гр. Вахтмейстеръ, но если они вѣрны, то приходится сожалѣть, что эта дама такъ прекрасно начала свою жизнь и такъ плохо ее кончаетъ. А затѣмъ является, самъ собою,

естественный и законный вопросъ—кто-же она такая? Несчастная-ли жертва Блаватской и теософическаго общества, отдавшая ему не только свое состояніе, но и свой разсудокъ, или женщина, сознательно погубившая свою душу, сдѣлавшись сообщницей Блаватской и лжесвидѣтельницей не только ея обманныхъ феноменовъ, но и ежедневныхъ появленій «хозяина», когда не было даже адіарскихъ «кисейныхъ» приспособленій? Если она, по заявленію г-жи Желиховской, управляетъ нынѣ столь разросшимися дѣлами лондонской конторы теософическаго общества, то довольно затруднительно признать ея *невмѣняемость*. А потому, значитъ... но вернемся къ дѣлу.

XXII.

Прочтя письмо Елены Петровны, я отвѣтилъ ей, прося оставить меня въ покоѣ, сидѣть смирно и не лѣзть въ петлю. Я повторялъ также совѣтъ, данный ей мною при нашемъ прощаньи въ Вюрцбургѣ. На это я получилъ отъ нея такой документъ, изъ котораго она выяснялась вся цѣликомъ и передъ которымъ блѣднѣли даже ея Вюрцбургскія признанія. Она озаглавила его «*моя исповѣдь*»—и вотъ что я прочелъ въ этомъ посланіи:

«Я рѣшилась (два раза подчеркнуто). Представлялась-ли когда вашему писательскому воображенію слѣдующая картина: живетъ въ лѣсу кабанъ—невзрачное, но и никому не вредящее животное, пока его оставляютъ въ покоѣ въ его лѣсу съ дружелюбными ему другими звѣрями. Кабанъ этотъ никогда отродясь никому не дѣлалъ зла, а только хрюкалъ себѣ, поѣдая собственные ему принадлежащіе корни въ оберегаемомъ имъ лѣсу. Напускаютъ на него, ни съ того, ни съ сего, стаю свирѣпыхъ собакъ; выгоняютъ изъ лѣса, угрожаютъ поджечь родной лѣсъ и оставить самого скитальцемъ, безъ крова, котораго всякій можетъ убить. Отъ этихъ собакъ, онъ пока, хотя и не трусъ по природѣ, убѣгаетъ, старается избѣжать ихъ *ради лѣса*, чтобы его не выжгли. Но вдругъ одинъ за другимъ присоединяются къ собакамъ дотолѣ дружелюбные ему звѣри; и они начинаютъ гнаться за нимъ, аукать, стараясь укусить и поймать, чтобы совсѣмъ доканать. Выбившись изъ силъ, кабанъ, видя, что его лѣсъ уже подожгли и не спастись ни ему самому — ни чащѣ — что остается кабану дѣлать? А вотъ что: остановиться, повернуть лицомъ къ бѣшенной стаѣ собакъ и звѣрей и показать себя *всего* (два раза подчеркнуто), какъ онъ есть, т. е. *лицомъ товаръ*, а затѣмъ напасть въ свою очередь на враговъ и убить

столькихъ изъ нихъ, насколько силъ хватитъ, пока не упадетъ онъ мертвый и тогда уже *дѣйствительно* безсильный.

«Повѣрьте мнѣ, я *погибла потому, что рѣшила саму себя погубить*—или-же произвести реакцію, сказавъ всю божескую о себѣ правду, *но не щадя и враговъ*. И на это я твердо рѣшилась и съ сего-же дня начинаю приготовляться, чтобы быть готовою. Я не бѣгу болѣе. Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ или нѣсколькими часами позднѣе, я буду сама въ Парижѣ, а затѣмъ въ Лондонѣ. Готовъ одинъ человѣкъ французъ — да еще извѣстный журналистъ, съ радостью приняться за работу и написать подъ мою диктовку краткое, но сильное, а главное — правдивое описаніе моей жизни. Я даже *не буду защищаться*, ни оправдываться. Я просто скажу въ этой книгѣ: въ 1848 г. я, ненавидя мужа, Н. В. Блаватскаго (можетъ быть и несправедливо, но ужъ такая натура моя была *Богомъ* дарованная) уѣхала отъ него, бросила—*дѣвственницей* (приведу документы и письмо, доказывающіе это, да и самъ онъ не такой свинья, чтобы отказаться отъ этого). Любила я одного человѣка крѣпко—но еще болѣе любила тайныя науки, вѣря въ колдовство, чары и т. п. Странствовала я съ нимъ тамъ и сямъ и въ Азіи, и въ Америкѣ и по Европѣ. Встрѣтилась я съ такимъ-то (хоть *колдуномъ* зовите, ему-то что). Въ 1858 г., была въ Лондонѣ, и такая-то и такая исторія произошла съ ребенкомъ—не моимъ (послѣдуютъ свидѣтельства медицинскія хоть парижскаго факультета и другихъ, для того и ѣду въ Парижъ). Говорили про меня то-то и то-то; что я и развратничала, и бѣсновалась, и т. д. Все разскажу, какъ слѣдуетъ, все что ни дѣлала, двадцать лѣтъ и болѣе, смѣясь надъ qu'en dira-t'on, заметая слѣды *того*, чѣмъ *дѣйствительно* занималась, т. е. sciences occultes, ради родныхъ и семейства, которые тогда прокляли-бы меня. Разскажу, какъ я съ восемнадцати лѣтъ старалась заставить людей говорить о себѣ, что у меня и тотъ любовникомъ состоитъ и другой и *сотни* ихъ—разскажу даже то, о чемъ никогда людямъ и не снилось—*и докажу*. Затѣмъ оповѣдаю свѣтъ, какъ вдругъ у меня глаза открылись на весь ужасъ моего *нравственнаго самоубійства;* какъ послана я была въ Америку—пробовать свои психологическія способности. Какъ создала я общество тамъ *), да стала грѣхи замаливать, стараясь и людей улучшать и жертвуя собою для ихъ возрожденія. *Поименую всѣхъ* вернувшихся на путь истинный теософовъ—пьяницъ, развратниковъ — которые сдѣлались чуть не святыми особенно

*) Мои читатели скоро увидятъ — какъ и почему она создала свое общество.

въ Индіи *), и тѣхъ, которые поступивъ теософами, продожали прежнюю жизнь, какъ будто и дѣло дѣлали (а ихъ много), да еще *первые накинулись* на меня, присоединяясь къ стаѣ гнавшихся за мною собакъ. Опишу много русскихъ вельможъ и невельможъ, См—ву между прочимъ, *ея* диффамацію и, какъ это вышло враньемъ и клеветой **). Не пощажу я себя—клянусь, не пощажу, *сама зажгу* съ четырехъ концовъ лѣсъ родной—общество сирѣчь ... и погибну — но погибну *въ огромной компаніи*. Дастъ Богъ помру, подохну тотчасъ по публикаціи;—а нѣтъ, не допуститъ «хозяинъ» ***)—такъ мнѣ-то чего бояться? Развѣ я преступница противъ законовъ? Развѣ я убивала кого, грабила, чернила? Я американская гражданка и въ Россію мнѣ не ѣхать. Отъ Блаватскаго, коли и живъ—чего мнѣ бояться; мы съ нимъ тридцать восемь лѣтъ какъ разстались, пожили затѣмъ три съ половиною дня въ 1863 г. въ Тифлисѣ, да и опять разстались. Ме—рфъ?—Плевать мнѣ на него, эгоиста и лицемѣра. Онъ меня выдалъ, погубилъ, разсказавъ *вранье* медіуму Юму—который позоритъ меня уже десять лѣтъ—ну тѣмъ хуже для него. Вы поймите—ради общества я дорожила своей репутаціей эти десять лѣтъ, *дрожала*, какъ-бы слухи, основанные *по моимъ-же стараніямъ* (великолѣпный казусъ для *психологовъ*, для Richet съ К°) и преувеличенные во сто разъ, не бросили-бы безчестія на общество, замаравъ меня. Я готова была на колѣняхъ молиться за тѣхъ, которые помогали мнѣ бросить завѣсу на мое прошлое—отдать жизнь и всѣ силы тѣмъ, кто помогалъ мнѣ. Но теперь? Неужели вы или медіумъ Юмъ или Ме—рфъ или кто-либо въ мірѣ устрашитъ меня угрозами, когда я сама рѣшилась на полную исповѣдь? Смѣшно. Я мучилась и убивалась изъ страха и боязни, что повредю обществу, убью его. Но теперь я болѣе не мучусь. Я все обсудила холодно и здраво, я все рискнула на одну карту—*все* (два раза подчеркнуто) — вырываю орудіе изъ рукъ враговъ и пишу книгу, которая прогремитъ на всю Европу и Азію, дастъ огромныя деньги, которыя останутся сиротѣ-племянницѣ—дѣвочкѣ невинной—сиротѣ брата. Если-бы даже всѣ гадости, всѣ сплетни и выдумки противъ меня оказались святой

---

*) Вродѣ Могини.

**) Прошу читателей вспомнить этотъ курьезный инцидентъ, разсказанный въ первыхъ главахъ моей статьи. Блаватская уже забыла, что *мнимая* диффамація госпожи См—вой вовсе не была опровергнута хоть сколько-нибудь удовлетворительнымъ образомъ.

***) Что можетъ быть возмутительнѣе и характернѣе этихъ: «дастъ Богъ помру» и «а нѣтъ, не допуститъ «хозяинъ»!.. Впрочемъ, *сноски* въ этомъ письмѣ напрашиваются при каждомъ словѣ, а потому—лучше ихъ совсѣмъ не дѣлать, этотъ курьезнѣйшій документъ слишкомъ краснорѣчивъ и безъ подстрочныхъ примѣчаній.

истиной, то все-же я не хуже была-бы чѣмъ сотни княгинь, графинь, придворныхъ дамъ и принцессъ, самой королевы Изабеллы—отдающихся и даже *продающихся* отъ придворныхъ кавалеровъ *до кучеровъ и кельнеровъ включительно* всему мужскому роду—что про меня могутъ сказать хуже этого?—*А это я сама все скажу и подпишу.*

«Нѣтъ! Спасутъ меня черти въ этотъ послѣдній великій часъ! Вы не разсчитывали на холодную рѣшимость *отчаянія*, которое *было да прошло*. Вамъ-то ужъ я никогда и никакого вреда не дѣлала и не снилось мнѣ. Пропадать такъ пропадать вмѣстѣ всѣмъ. Я даже пойду на ложь — на величайшую ложь которой оттого и повѣрить всего легче. Я скажу и опубликую въ *Times* и всѣхъ газетахъ, что «хозяинъ» и махатма «К. Н.» плодъ моего воображенія; что я ихъ *выдумала*, что феномены всѣ были болѣе или менѣе *спиритическія* явленія — и за меня станутъ горою двадцать милліоновъ *спиритовъ*. Скажу, что въ отборныхъ случаяхъ я *дурачила* людей, выставлю дюжины *дураками* (подчеркнуто два раза) des *hallucinés*—скажу что дѣлала опыты для собственнаго удовольствія и эксперимента ради. И до этого довели меня—*вы* (два раза подчеркнуто). Вы явились послѣдней соломинкой, сломившей спину верблюда подъ его невыносимо тяжелымъ вьюкомъ...

«Теперь можете и не скрывать ничего. Повторяйте всему Парижу все то, что когда слыхали, или знаете обо мнѣ. Я уже написала письмо Синнетту *запрещая ему* публиковать мои *мемуары* по-своему. Я-де сама опубликую ихъ со всей правдой. Вотъ такъ будетъ «*правда* (два раза подчеркнуто) о Е. П. Блаватской», въ которой и психологія, и безнравственность *своя* и *чужая*, и Римъ и политика, и вся грязь опять-таки и *своя* и *чужая*—явятся на божій свѣтъ. Ничего не скрою. Это будетъ сатурналія человѣческой нравственной порочности—моя *исповѣдь*, достойный эпилогъ моей бурной жизни... Да это будетъ сокровищемъ для науки какъ и для скандала и все это я, я (два раза подчеркнуто)... Я являюсь *истиной* (два раза подчеркнуто) которая сломитъ многихъ и прогремитъ на весь свѣтъ. Пусть снаряжаютъ новое слѣдствіе господа психисты и кто хочетъ. Могини и всѣ другіе, даже *Индія* — умерли для меня! Я жажду одного: чтобы свѣтъ узналъ всю истину, всю *правду* и поучился. А затѣмъ *смерть*—милѣе всего. Е. Блаватская.

«Можете напечатать письмо коли желаете даже въ Россіи—теперь все равно».

Послѣ этой «исповѣди» я уже могъ и могу, спокойно говорить о ея *словесныхъ* признаніяхъ мнѣ въ Вюрцбургѣ, къ тому-же въ полной мѣрѣ подтвержденныхъ разслѣдованіемъ лондон-

скаго психическаго общества. Эти «признанія» теряются, какъ капля въ морѣ, среди однородныхъ съ ними ея дѣйствій, документально засвидѣтельствованныхъ. Ея «исповѣдь»—такой «человѣческій документъ», надъ которымъ, дѣйствительно, съ живымъ интересомъ остановится не только художникъ-писатель, но и психологъ и психіатръ.

Изъ многочисленныхъ «правдъ» о жизни Е. П. Блаватской, начиная съ «правды» г-жи Желиховской и Синнетта и кончая новѣйшими *біографами* «madame», полученная мною «исповѣдь», написанная ею собственноручно (что можетъ быть доказано какими-угодно экспертами), безспорно—самая интересная «правда». Эта «правда» не частное письмо, а предназначена тоже для «публики» и разрѣшена самимъ авторомъ къ печати. Въ ней можетъ быть не меньше лжи, чѣмъ въ писаніяхъ Синнетта, Желиховской, Олкотта, гр. Вахтмейстеръ и тому подобныхъ достовѣрныхъ біографовъ и свидѣтелей. Въ ней истина чудовищно переплетена съ ложью, противорѣчія на каждомъ словѣ, горячечная фантазія споритъ съ наглымъ цинизмомъ; страсти кипятъ и чадятъ, внезапная искренность, вызванная отчаяніемъ, кажущейся безвыходностью положенія, смѣняется сознательнымъ хитрымъ разсчетомъ.

Для *біографіи*, дѣйствительной, правдивой біографіи «madame», и эта собственноручная, написанная подъ минутнымъ впечатлѣніемъ «исповѣдь» не представляетъ достаточно цѣннаго матеріала. Но какъ *откровеніе* ея характера и нравственныхъ свойствъ, какъ *подлинный* съ *натуры* снятый, и снятый не художникомъ, могущимъ и польстить и обезобразить, а *солнцемъ*, безпристрастнымъ и точнымъ,—ея *портретъ во весь ростъ*, — «исповѣдь» эта является неоцѣнимымъ сокровищемъ. Въ ней цѣликомъ отразилась эта глубоко интересная и ужасная женщина, которую изслѣдователи лондонскаго психическаго общества объявили «одною изъ наиболѣе совершенныхъ, остроумныхъ и интересныхъ обманщицъ нашей эпохи».

Мнѣ кажется, что такое мнѣніе не только не преувеличено, но даже не даетъ ей должнаго. Гдѣ-же въ наши дни *подобная* обманщица или *подобный* обманщикъ?!

Е. П. Блаватская—единственна, она превзошла знаменитаго шарлатана прошлаго вѣка, Бальзамо-Каліостро, такъ какъ послѣ таинственнаго исчезновенія съ жизненной арены «божественнаго, великаго Копта» осталась только память о немъ, а послѣ смерти Елены Петровны и сожженія ея многострадальнаго, грѣшнаго тѣла—остается 60000 членовъ теософическаго общества, остается цѣлое религіозное движеніе, съ которымъ, быть можетъ, придется и очень считаться.

Въ то время какъ лондонскіе изслѣдователи психическихъ явленій постановляли свой приговоръ — они и не подозрѣвали, какіе размѣры приметъ движеніе, затѣянное «интересной русской обманщицей»...

И я, и m-me де-Морсье, прочтя «исповѣдь» и оцѣнивъ ее по достоинству, хорошо поняли, что ждать появленія Блаватской въ Парижѣ и въ Лондонѣ—нечего. Никуда она не тронется теперь.

Весьма вѣроятно, что,ославъ мнѣ письмо, она тотчасъ же и раскаялась, что его послала, и ужъ, конечно, дня черезъ два сама забыла, если не все его содержаніе, то добрую его половину.

Но она не могла, придя въ иное настроеніе духа, не сдѣлать новыхъ попытокъ къ улучшенію положенія. Передъ нею мелькала надежда, въ концѣ-концовъ, все-же еще *вернуть* меня. Это было-бы теперь такое торжество! Ей все еще я представлялся такимъ ручнымъ. Какъ-же это я выдалъ ее, *соотечественницу*? Тутъ что-нибудь не такъ, вѣрно кто-нибудь сталъ между нами, насплетничалъ на нее...

Она вдругъ надѣла на себя *добрую* личину, изобразила изъ себя обиженную простоту и, черезъ нѣсколько дней послѣ «исповѣди», писала мнѣ снова, дорисовывая свой свой портретъ, досказывая, окончательно объясняя себя:

«*Велики грѣхи мои прошлые* да не *противъ* васъ, не *вамъ* карать меня, передъ которымъ я виновата какъ Христосъ передъ жидами... Зла-то я вамъ никогда не сдѣлаю а можетъ еще и пригожусь»... Затѣмъ она писала о Баваджи: «Онъ послушный и умый мальчикъ. Онъ послушное орудіе въ моихъ рукахъ. Je l'ai psychologisé,—говорили вы m-me de-Morsier. Посмотрите вы только что сдѣлалъ сей «послушный ребенокъ». Да онъ бросилъ меня при первомъ выстрѣлѣ психическаго общества. Онъ ругаетъ меня хуже васъ у Гебгардовъ. Онъ говоритъ que j'ai commis un sacrilège, deshonoré le nom des Maîtres, que j'ai avili la science sacrée en la donnant au européens. Онъ идетъ противъ васъ, Синнетта, меня, всѣхъ и чортъ ихъ знаетъ что они сдѣлаютъ вдвоемъ (съ Могини?) въ Лондонѣ—теперь когда онъ ѣдетъ а можетъ и поѣхалъ туда! Онъ самый *опасный* врагъ потому что онъ фанатикъ и способенъ взбунтовать всю Индію противъ меня»...

А потомъ опять: «Что я *вамъ* (два разъ подчеркнуто) сдѣлала? Что вамъ сказали, что вы узнали—не дѣлайте какъ психологическое общество или m-me de Morsier которая вообразила себѣ что я все знаю, все *должна знать* — и поэтому предала меня... *Берегитесь* (два раза подчеркнуто). Вы окружены *такимъ кольцомъ* что вся ваша холодная голова вамъ не помо-

жетъ. Одного прошу чтобы вы загадку эту мнѣ разгадали—что *вы* можете имѣть противъ меня... Я васъ что-ли желала кусать, вамъ желаю зла?.. Если я писала вамъ что я въ отчаяніи, то писала только то что чувствую. Ваша дружба была мнѣ дорога а не ваше присутствіе или членство въ обществѣ. Я писала что сама первая опрокину всѣ континентальныя общества — парижское и нѣмецкое, гдѣ (кромѣ Гебгардовъ да бѣднаго Hubbé Shleiden) все чучелы и враги, и готова на это — напечатавъ о всѣхъ ихъ подлостяхъ... Но только подумайте чтобы *вы* подумали обо *мнѣ*, еслибы мы перемѣнились ролями! Да меня-бы вѣшали—я-бы васъ не выдала, да и никого другого не выдала-бы—даже зная что это *правда*—а молчала-бы. Ну, что я вамъ сдѣлала?... Готова завтра-же забыть все и любить васъ попрежнему потому что нѣтъ у меня злопамятности и потому что *вы русскій*—нѣчто для меня *изгнанницы священное*. Прощайте Е. Б.».

Я убѣжденъ, что она искренно не понимала, почему я ушелъ отъ нея и явился въ числѣ ея обличителей. Ея нравственныя понятія были такъ радикально извращены, что ей нѣкоторыхъ совсѣмъ не хватало. Она воображала, что все въ мірѣ основано на личныхъ отношеніяхъ—и что нѣтъ для этого исключеній. «Что я *вамъ*, «*вамъ*» сдѣлала!» «Другихъ, значитъ, я могу надувать сколько угодно, могу ихъ губить, коверкать всю ихъ жизнь, могу предаваться всякимъ святотатствамъ и торговать по мелочамъ величайшими истинами,—если я расположена къ вамъ лично и не могу обмануть васъ, потому что вы меня поняли, если я еще въ силахъ пригодиться вамъ такъ или иначе—такъ за что-же вы меня *выдаете*, да вдобавокъ еще иностранцамъ?!»—вотъ что она мнѣ внушала.

«Вернитесь ко мнѣ, я все забуду!»—еще-бы! А сама думала: «попадись теперь мнѣ въ руки—такое устрою, что отъ меня тебѣ развѣ одинъ путь останется—пулю въ лобъ... Да и теперь—*берегитесь*, вы окружены *такимъ кольцомъ*, что вся ваша холодная голова вамъ не поможетъ!»

Она даже не удержалась—и вставила въ письмо свое слова эти, которыя, какъ я скоро долженъ былъ убѣдиться, не были пустой угрозой. Она уже готовилась, собравъ свою армію, мстить мнѣ самымъ «теософическимъ» образомъ.

XXIII.

Такимъ образомъ окончились всякія мои *непосредственныя* сношенія съ Блаватской. Я не отвѣтилъ ей на послѣднее письмо ея, не плѣнился перспективой забвенія прошлаго, не вернулся

въ ея *дружескія* объятія. Я не боялся ея угрозы, не чувствовалъ себя сжатымъ магическимъ кольцомъ «теософскаго» мщенія и, вообще, подобенъ былъ той легкомысленной птичкѣ, о которой когда-то пѣлось:

Ходитъ птичка весело
По тропинкѣ бѣдствій,
Не предвидя отъ сего,
Никакихъ послѣдствій...

Все теперь стало совершенно ясно. Ждать какихъ-либо новыхъ откровеній не представлялось надобности, и ничто уже не въ состояніи было ослабить фактовъ, сдѣлавшихся мнѣ извѣстными. Еще осенью 1884 года, въ Эльберфельдѣ, я говорилъ Блаватской, что не желаю оставаться въ спискѣ членовъ «теософическаго общества», такъ какъ замѣчаю несоотвѣтствіе дѣйствій нѣкоторыхъ членовъ (начиная съ Олкотта) основнымъ правиламъ «устава». Но Елена Петровна, сильно тогда больная, стала «умолять» меня не отказываться *оффиціально* отъ членства, не дѣлать ей такой непріятности и «скандала».

— Дайте мнѣ лопнуть, поколѣть,—говорила она на своемъ любимомъ жаргонѣ:—тогда и дѣлайте что угодно, а пока я еще, хоть и колодой лежу, а все-жъ таки не подохла,—не срамите меня и не давайте пищи разнымъ разговорамъ... вѣдь, мои враги обрадуются—вотъ, молъ, и соотечественника удержать не могла, сбѣжалъ! Ну, если вамъ претитъ кто... Олкоттъ, либо другіе—такъ и плюньте на нихъ, не дѣлайте меня отвѣтственной за все и про все, пожалѣйте больную старуху...

Помимо всякой жалости, я увидѣлъ ясно, что оффиціальный мой выходъ изъ общества до послѣдней степени разобидитъ «madame», ея дружба ко мнѣ не устоитъ послѣ этого—и я отъ нея ровно ничего не добьюсь и не узнаю. Остальные-же теософы, конечно, послѣ этого станутъ меня чуждаться, мнѣ придется до срока прекратить съ ними всякія сношенія. Въ виду этого я рѣшился ждать того времени, когда мои сомнѣнія и подозрѣнія превратятся въ осязательные факты. Послѣднія письма ко мнѣ «вдовы Блаватской» были болѣе чѣмъ достаточными фактами, а потому, 16 февраля 1886 года, черезъ нѣсколько дней по полученіи «исповѣди», я послалъ въ Индію, въ Адаръ, на имя секретаря «теософическаго общества», мистера Оклэй, лично мнѣ немного извѣстнаго, заказное письмо слѣдующаго содержанія:

«Monsieur.

Je suis entré dans la Société Théosophique sur les assurances de sa fondatrice M-me Blavatsky, que la Société n'a qu'un seul but: la démonstration scientifique et phénoménale des forces de la

nature, qui, jusqu'a présent, n'ont pas encore été découvertes par la science européenne.

Pour le moment, étant complètement convaincu, non pas par le Rapport de M-r Hodgson, mais par une investigation personnelle: 1, que la plus grande partie des phénomènes de la fondatrice de la Société Théosophique sont fabriqués; 2, qu'elle a voulu profiter de mon nom et m'a fait signer et publier le récit de phénomène, obtenu par fraude (le «phénomène de la lettre» au mois de mai 1884); 3, que les lettres des soi-disant «maitres» de m-me Blavatsky n'ont pas la provenance qu'elle leur attribue; 4, que quelques membres influents de la Société ont agi contrairement aux principes d'honneur et même de simple honnêteté, — et ayant des preuves suffisantes de ce que j'avance,—par cette lettre, que je vous adresse comme au Secrétaire de la Société Théosophique, je donne ma démission de membre Effectif et membre Correspondant de cette dite Société dont m-me Blavatsky est la fondatrice.

Néanmoins je vous prie de croire, que, m'intèressant profondément à la science Orientale, je tiendrai toujours en grande éstime toutes les personnes, qui s'occupent sérieusement et honnêtement des mêmes questions, qu'elles fassent ou non partie de la Société. Agréez... etc...—*Signature*» *).

Отправивъ это письмо, я почувствовалъ себя какъ человѣкъ, взявшій ванну послѣ путешествія въ очень душномъ и очень

---

*) Милостивый государь, я вступилъ въ «теософическое общество» вслѣдствіе увѣреній его основательницы, г-жи Блаватской, что означенное общество имѣетъ единственной цѣлью: теоретическое и практическое (научное и эмпирическое) доказываніе существованія тѣхъ силъ природы, которыя еще не были открыты европейской наукой.

Въ настоящее время, будучи совершенно убѣжденъ, не вслѣдствіе отчета г-на Годжсона, а олагодаря собственному разслѣдованію: 1) что большая часть феноменовъ, производимыхъ основательницей «теософическаго общества», поддѣльны; 2) что она желала воспользоваться моимъ именемъ и принудила меня подписать и публиковать описаніе феномена, полученнаго посредствомъ обмана (феноменъ съ письмомъ въ маѣ 1884 г.); 3) что письма, написанныя якобы «учителями» г-жи Блаватской, не имѣютъ происхожденія, ею имъ приписываемаго; 4) что нѣкоторые вліятельные члены «общества» поступали несогласно съ принципами чести и даже простой честности,—и имѣя достаточныя доказательства тому, что я здѣсь объявляю,—этимъ письмомъ, которое я адресую вамъ, какъ секретарю «теософическаго общества», я подаю отставку отъ званія дѣйствительнаго члена и члена корреспондента сказаннаго «общества», основаннаго г-жей Блаватской.

Тѣмъ не менѣе прошу васъ вѣрить, что, глубоко интересуясь восточными знаніями, я всегда буду относиться съ большимъ уваженіемъ ко всѣмъ лицамъ, серьезно и честно занимающимся этими вопросами, все равно принадлежатъ-ли они или нѣтъ къ «обществу». Примите и пр. *Подпись.*

грязномъ вагонѣ. Я написалъ сжатый разсказъ о моемъ знакомствѣ съ Е. П. Блаватской и о вюрцбургскихъ событіяхъ, а затѣмъ перевелъ на французскій языкъ отрывки изъ послѣднихъ писемъ ко мнѣ «madame» и ея «исповѣдь». *На всякій случай* и для того, чтобы придать этимъ переводамъ документальный характеръ, я обратился къ моему доброму знакомцу, почтенному старику Жюлю Бэссаку (Jules Baissac), извѣстному ученому и лингвисту, да къ тому-же занимающему должность «*присяжнаго переводчика* парижскаго апелляціоннаго суда».

Жюль Бэссакъ, какъ уже было замѣчено въ началѣ моего разсказа, въ качествѣ ученаго, занимающагося исторіей религій, весьма заинтересовался «теософическимъ обществомъ» и его основательницей, съ которой его познакомила m-me де-Морсье. Онъ имѣлъ нѣсколько серьезныхъ бесѣдъ съ Е. П. Блаватской, Олкоттомъ и Могини, изъ ихъ устъ узналъ обо всемъ, что его занимало, ознакомился съ сочиненіями Блаватской и Синнетта и призналъ «теософическое общество» любопытнѣйшимъ явленіемъ современнной религіозной жизни. Онъ написалъ обширную и обстоятельную статью подъ заглавіемъ: «La nouvelle théosophie» и напечаталъ ее въ повременномъ изданіи «Revue de l'histoire des religions». Статья эта вовсе не пропаганда неотеософіи, а изложеніе того, что стало извѣстно автору со словъ основателей и дѣятельныхъ членовъ «общества».

Однако, несмотря на спокойный тонъ этого «доклада», все-же, временами, въ немъ чувствуется человѣкъ «задѣтый за живое», и безсознательно уже почти отуманенный чарами «madame» и ея сподвижниковъ. Весьма вѣроятно, что этотъ туманъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, сгустился-бы, и Жюль Бэссакъ своимъ перомъ сослужилъ-бы немалыя службы неотеософіи. Но дѣйствія лондонскаго «общества для психическихъ изслѣдованій» и отчетъ Годжсона сразу расхолодили стараго ученаго.

Когда я обратился къ нему, онъ имѣлъ видъ человѣка, спасеннаго отъ большой опасности. Онъ съ большимъ интересомъ выслушалъ мой разсказъ и «просмаковалъ» письма Блаватской, причемъ я убѣдился въ его обстоятельнѣйшемъ знаніи русскаго языка.

Но для меня былъ важенъ вопросъ, имѣетъ-ли онъ право, *въ качествѣ присяжнаго переводчика, оффиціально засвидѣтельствовать переводы съ русскихъ документовъ*. Оказалось, что онъ *имѣетъ* это право, и я тотчасъ-же получилъ его любезное согласіе. Мы съ нимъ провѣрили мои переводы фразу за фразой, слово за словомъ, знакъ за знакомъ. Затѣмъ онъ засвидѣтельствовалъ ихъ всѣ собственноручно, за своею подписью, и приложилъ къ нимъ, а также къ русскимъ оригиналамъ, съ ко-

торыхъ переводы были сдѣланы, свой штемпель присяжнаго переводчика.

У m-me де-Морсье произошло собраніе всѣхъ наличныхъ парижскихъ «теософовъ». Когда всѣ оказались въ сборѣ, началось чтеніе моего разсказа и писемъ Блаватской. Большинство присутствовавшихъ уже были подготовлены къ тому, что ихъ ожидало; но все-же изумительная «исповѣдь» Елены Петровны и документальное сообщеніе m-me де-Морсье о «дѣлѣ Могини съ миссъ Л.», въ которомъ основательница теософическаго общества тоже выказала себя съ *неожиданной* стороны, произвели удручающее дѣйствіе.

Французская вѣтвь индійскаго главнаго общества, основанная герцогиней Помаръ подъ названіемъ «Société d'orient et d'occident», была уничтожена выбытіемъ изъ нея почти всѣхъ членовъ, во главѣ съ *душою* этой вѣтви и ея главнымъ секретаремъ—m-me де-Морсье. Тутъ-же редактировались и подписывались отставки для отправленія въ Индію, въ Адіаръ, на имя мистера Оклэй.

Однако все-же «madame» осталось, изъ «парижской вѣтви»—два непреоборимо вѣрныхъ ей существа—почетная президентка, герцогиня Помаръ, и незадолго передъ тѣмъ избранный въ дѣйствительные президенты Драмаръ. Перевоплощенная Марія Стюартъ объявила, что она ничему не вѣритъ, что Блаватская—святая, а я—самый ужасный человѣкъ и т. д. Она, дѣйствительно, никакъ не могла поступить иначе: вѣдь, она основала эту вѣть и была ея почетной, пожизненной президенткой, она *писала* о теософіи въ качествѣ ея провозвѣстницы и среди свѣтскихъ своихъ знакомыхъ, среди разнокалибернаго «tout Paris», посѣщавшаго ея отель, играла роль доброй пріятельницы тибетскихъ махатмъ, умѣющихъ продѣлывать такіе интересные феномены. Признать себя обманутой—значило сдѣлаться посмѣшищемъ tout Paris.

— Voulez-vous que je signe de ma main l'aveu de ma bêtise?!—говорила «дюшесса».—Pas si bête! *).

Она, познакомясь со всѣми документами, относящимися какъ къ Блаватской, такъ и къ Могини, увѣряла, что все это пустяки, что на все это не стоитъ обращать вниманія. Наконецъ, получивъ письмо отъ Блаватской, уже начинавшей свое «теософское», обѣщанное мнѣ мщеніе, она принялась убѣждать m-me де-Морсье лишить меня всякаго довѣрія, какъ человѣка, способнаго на *все*, т. е. способнаго не только выдумать признанія «madame», но даже и поддѣлать ея письма.

---

*) Что-жъ, вы хотите, чтобы я своей рукой подписалась подъ признаніемъ въ собственной глупости?! Я не на столько глупа, чтобы это сдѣлать!

Когда m-me де-Морсье высказала ей, что аттестаты, выдаваемые мнѣ *теперь* Блаватской, никакъ не могутъ быть блестящи,—она стала увѣрять, будто узнала обо мнѣ не черезъ Блаватскую, а отъ двухъ достойныхъ всякаго уваженія и довѣрія молодыхъ людей изъ русскаго посольства, сказавшихъ ей, что я «такой человѣкъ, съ которымъ нельзя знаться». Однако, найдя возможность объявить подобную вещь, она низачто не хотѣла назвать имена этихъ достовѣрныхъ лицъ. Такъ и осталось для меня тайной: существовали эти анонимные враги мои въ дѣйствительности или были только «матерьялизованы» герцогиней, вдохновленной «вдовой Ашъ-Пе-Бе». По счастью, *на сей разъ*, грубая, обернутая анонимностью клевета попала на безплодную почву — m-me де-Морсье посмѣялась только надъ подобными ухищреніями...

Второе существо, оставшееся вѣрнымъ Блаватской, несчастный морфинистъ Драмаръ, дни котораго были уже сочтены, находился въ то время, ради своего здоровья, въ Алжирѣ. Узнавъ обо всемъ случившемся, онъ объявилъ письменно, что тоже «ничему не вѣритъ» и остается на своемъ президентскомъ посту, съ цѣлью защищать до послѣдняго издыханія теософію—«cette religion sublime» и ея, направляемую махатмами, провозвѣстницу.

Его образъ дѣйствій былъ также совсѣмъ ясенъ. Полный неудачникъ, никому не вѣдомый маленькій сотрудникъ мелкой прессы, онъ, въ извѣстномъ кругу, дѣлалъ себѣ имя фанатическими статьями о «теософіи». Запутавшійся въ своихъ мысляхъ атеистъ, захлебывающійся отъ злобы порицатель христіанства, о которомъ онъ не имѣлъ понятія, онъ нашелъ «новую религію» и мечталъ обратить въ нее сначала Францію, а затѣмъ и весь міръ. Роль *апостола* не могла не соблазнять его.

А тутъ вдругъ основательница и первая провозвѣстница этой религіи оказывается такою! Конечно, можно пытаться отдѣлить Блаватскую отъ теософіи; но все-же, въ данномъ случаѣ и въ данныхъ обстоятельствахъ, это не особенно легко, все-же являются неожиданныя большія задержки для успѣшнаго хода дѣла. А потому, хоть Блаватская и обманщица, надо прикрыть ея обманы и ее *не выдавать*. Онъ глубоко возмущался, что другіе «теософы» не понимаютъ такой простой *истины*.

Но вотъ на нашемъ парижскомъ горизонтѣ появился еще и третій личный другъ Елены Петровны, скомпрометтированный и возмущенный. Это былъ Гебгардъ-отецъ изъ Эльберфельда. «Madame» вызвала его къ себѣ въ Вюрцбургъ и (можно себѣ представить послѣ какихъ объясненій и сценъ) дала ему весьма почетную миссію: онъ долженъ былъ заставить меня молчать и отказаться отъ всѣхъ моихъ показаній, а, кромѣ того, поссорить

со мною m-me де-Морсье во исполненіе правила: divide et impera. На меня рѣшено было дѣйствовать посредствомъ угрозъ, а m-me де-Морсье, какъ околдованную мною, слѣдовало вернуть на путь истины лестью.

Но дѣло въ томъ, что въ Вюрцбургѣ еще неизвѣстны были наши дѣйствія, да и Елена Петровна ничего не сказала ему о своей «исповѣди» и послѣднихъ письмахъ, очевидно, не понимая ихъ значенія.

Негг Гебгардъ явился съ большимъ апломбомъ; но когда m-me де-Морсье, въ моемъ присутствіи, прочла ему мои показанія и переводы писемъ,—онъ представилъ изъ себя весьма жалкую фигуру.

Онъ, очевидно, не ожидалъ ничего подобнаго, онъ растерялся, до того растерялся, что не могъ произнести ни одного слова и поспѣшилъ изъ Парижа, чтобы обдумать «сообща» положеніе и хорошенько приготовиться къ исполненію возложенной на него миссіи. Онъ приготовился къ ней, какъ будетъ скоро видно, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Слѣдуетъ разсказать еще о неожиданномъ появленіи въ то время одной особы, которую мы считали навѣки поселившейся въ Индіи, въ «главной квартирѣ теософическаго общества». Когда, около конца 1884 года, Е. П. Блаватская отправилась въ Индію, съ цѣлью «разрушить заговоръ Куломбовъ», ее, между прочимъ, сопровождали (какъ она мнѣ писала въ приведенномъ мною выше письмѣ изъ Адіара отъ 3 января 1885 г.) «преданные друзья»—мужъ и жена Куперъ-Оклэй.

Это были молодые англичане, не очень давно поженившіеся. Жили они припѣваючи, въ полномъ достаткѣ и взаимной любви, пока судьба не познакомила ихъ съ Блаватской и ея обществомъ по фантастическимъ писаніямъ Синнета. Они увлеклись «теософіей», да такъ увлеклись, что «madame» стоило мигнуть—и они объявили, что отнынѣ и «по гробъ жизни» отдаютъ себя дѣлу «теософическаго общества и ѣдутъ въ Индію».

Продали они свою недвижимую и движимую собственность, все обратили въ деньги и отправились вмѣстѣ съ «madame» присутствовать при ея тріумфахъ и пополнять собою ея свиту. Когда я увидѣлъ Елену Петровну въ St.-Cergues, я спросилъ ее объ этихъ англичанахъ.

— О, они очень довольны своею судьбою!—отвѣчала она.—Его я оставила редактировать «Теософистъ», да и къ тому-же онъ выбранъ секретаремъ «общества»,—словомъ, замѣняетъ меня въ Адіарѣ.

— А жена его?

— Она помогаетъ ему во всемъ. Вотъ видите, еще одинъ

примѣръ благодѣтельнаго вліянія «общества». Что они такое были года два тому назадъ, эти Оклэи? Такъ себѣ, коптители неба, люди, не приносившіе пользы ни себѣ, ни другимъ. У нихъ не было никакой почвы подъ ногами, никакой цѣли жизни. Поэтому они помирали со скуки и ужъ навѣрное кончили-бы тѣмъ, что возненавидѣли-бы другъ друга. Но теософія спасла ихъ; они отдали въ жертву «обществу» все, что имѣли, но ничуть не побѣднѣли отъ этого: живутъ прекрасно въ Адіарѣ на всемъ на готовомъ, приносятъ большую пользу дѣлу и увѣряютъ, что никогда даже и не мечтали, во снѣ не видали такого благополучія и счастья. Мистрисъ Оклэй ходила за мною во время моей смертельной болѣзни и постоянно видала «хозяина». Она и теперь съ удовольствіемъ поѣхала-бы за мною, чтобы служить мнѣ; но я не хотѣла отрывать ее отъ дѣла: она тамъ, особенно безъ меня, очень нужна...

То-же самое разсказывала Елена Петровна и madame де-Морсье, знавшей довольно хорошо чету Оклэй и ими интересовавшейся.

И вдругъ, въ то время, какъ наши отставки, въ видѣ заказныхъ писемъ на имя мистера Оклэй, приближались къ Мадрасу, мистриссъ Оклэй появилась въ Парижѣ у m-me де-Морсье.

При первомъ взглядѣ въ эту бѣдную даму можно было подумать, что она посѣтила насъ въ своемъ «астральномъ тѣлѣ», взявъ уроки «вылѣзанія изъ себя» у спеціалиста по этой части, челы Дамодара... Она была почти неузнаваема: такъ похудѣла, постарѣла, поблѣднѣла, такое истерзанное, испуганное и страдальческое выраженіе застыло на лицѣ ея.

Послѣ перваго ея краткаго визита, m-me де-Морсье назначила ей явиться на слѣдующей день для болѣе обстоятельной бесѣды и просила меня присутствовать при этомъ свиданіи.

— Она знаетъ очень многое и то, что она знаетъ, ее погубило,—сказала мнѣ m-me-Морсье.—Когда мы сообщимъ ей все, она, можетъ быть, въ свою очередь будетъ откровенна съ нами... Это совсѣмъ несчастная, погубленная женщина, съ разбитой жизнью и, вдобавокъ, безъ гроша денегъ. Все осталось *тамъ*... она бѣжала оттуда, навсегда, и вотъ теперь въ Парижѣ—знаете-ли зачѣмъ? Она пріѣхала брать уроки у парижскихъ модистокъ, съ тѣмъ, чтобы, выучившись, открыть въ Лондонѣ модный магазинъ и такимъ образомъ зарабатывать кусокъ хлѣба. Ей ничего другого не остается. Не знаю только, выдержитъ-ли ея здоровье: она неузнаваема, это тѣнь прежней мистриссъ Оклэй... вотъ сами увидите.

И я увидѣлъ, какъ уже сказано, бѣдное «астральное тѣло».

Когда m-me де-Морсье познакомила ее съ документами, она, въ большомъ волненіи, сказала намъ:

— Еслибъ я не была въ Адіарѣ и не бѣжала оттуда, то, разумѣется, меня поразили-бы всѣ эти открытія. Но теперь ничто меня поразить не можетъ: я сама знаю гораздо большее и ужасное!

Она стала дрожать, и слезы брызнули изъ ея глазъ. Но какъ ни просили мы ее сказать намъ, что же именно ей извѣстно, что именно случилось съ нею, чего она была свидѣтельницей—она повторяла:

— Не спрашивайте! Это такъ ужасно и отвратительно! и я не могу, не могу, не смѣю, понимаете, *не смѣю* говорить... Если я хоть кому-нибудь открою то, что знаю, все пропало! О себѣ я не думаю, я все равно уничтожена, жизнь моя разбита... но мой мужъ... однимъ моимъ лишнимъ словомъ я погублю его...

Когда мы ее спрашивали: зачѣмъ-же ея мужъ тамъ остался, да вдобавокъ еще такъ тѣсно связаннымъ съ «Обществомъ», въ качествѣ его секретаря и редактора «Теософиста»,—она глухимъ голосомъ и съ отчаяніемъ въ лицѣ отвѣчала:

— Для него нѣтъ возврата.,. онъ навсегда связанъ съ ними... онъ уже не можетъ вернуться!

— Помилуйте, да, вѣдь, изъ вашихъ словъ можно заключить, что это какая-то ужасная секта какихъ-то мрачныхъ «душителей», съ кровожаднымъ мщеніемъ, ядомъ и кинжалами!—воскликнулъ я, и ея глаза, широко раскрытые ужасомъ, отвѣчали мнѣ, что я, пожалуй, какъ это ни дико кажется, не особенно далекъ отъ истины.

— Скажите хоть одно,—спросила m-me де-Морсье:—значитъ, и вы знаете, что всѣ обманы и гадости, о которыхъ Годжсонъ сообщаетъ въ своемъ отчетѣ, правда?

— Конечно, знаю! — проговорила мистриссъ Оклэй. — Ахъ, Боже мой, еслибъ только это!..

Такъ мы ничего больше отъ нея и не добились, и я съ тѣхъ поръ ни разу ее не видѣлъ. Свиданіе это было почти передъ самымъ моимъ отъѣздомъ изъ Парижа.

Эта мистриссъ Оклей произвела на меня своей жалкой внѣшностью, отчаяніемъ и темными рѣчами самое тяжелое впечатлѣніе. Помимо всякаго таинственнаго и кроваваго мщенія адіарскихъ «душителей», ядовъ и кинжаловъ, было ясно, что она *запугана* вождями новѣйшей теософіи до послѣдней степени, а мужъ ея до того скомпрометтированъ, что уже для него нѣтъ возможности отступленія. Ихъ обманули, обобрали и запутали. Она еще нашла въ себѣ силу, истерзанная и нищая, убѣжать; онъ-же, очевидно, болѣе слабый духомъ, остался въ вѣчномъ рабствѣ. Признаюсь, блѣдное лицо мистриссъ Оклэй съ глазами, полными ужаса, не разъ мнѣ потомъ вспоминалось и мерещилось.

И вдругъ въ писаніяхъ г-жи Желиховской («Русское Обозрѣніе», декабрь 1891 г., стр. 500—585) я встрѣчаю *эту самую* «погубленную и спасшуюся бѣгствомъ изъ Адіара въ Европу» мистриссъ Куперъ Оклэй, снова въ средѣ «теософическаго общества». Она помѣстила, уже послѣ смерти Е. П. Блаватской, въ теософическомъ журналѣ «Lucifer» воспоминанія о поѣздкѣ съ «madame» въ Индію и своемъ пребываніи въ Адіарѣ. Изъ этихъ «воспоминаній мистриссъ Оклей» г-жа Желиховская приводитъ пространныя выдержки. На статьи г-жи Желиховской, какъ уже достаточно доказано, рискованно опираться; но все-же трудно предположить, что эти *выдержки*, поставленныя въ ковычкахъ, не представляютъ болѣе или менѣе вѣрнаго перевода. У меня нѣтъ подъ рукою іюньскаго № «Lucifer» за 1891 годъ; но, вѣдь, онъ существуетъ, его можно найти и провѣрить.

Итакъ, мистриссъ Оклэй является панегиристкой Елены Петровны; она преклоняется передъ ея таинственными познаніями, описываетъ ея торжества во время пути въ Индію, почетъ ей оказанный. Затѣмъ, говоря о заговорѣ «Куломбовъ» и о разслѣдованіи Годжсона, она признаетъ «madame» совершенно невинной, чистой какъ снѣгъ, оклеветанной, и пишетъ между прочимъ:

«Никто, не бывшій на мѣстѣ съ m-me Блаватской, и представить себѣ не можетъ, до чего скандальна была несправедливость къ ней англо-индійскаго общества».

Каково было прочитать это мнѣ, когда я будто еще вижу передъ собою измученное лицо мистриссъ Оклэй и слышу ея приведенныя мною выше слова: «конечно знаю! Ахъ, Боже мой, еслибъ только это!..»

Далѣе она пишетъ о болѣзни (въ Адіарѣ, въ началѣ 1885 года) Е. П. Блаватской:

«Ужасно тоскливы были дни и въ особенности ночи, которыя мнѣ одной пришлось проводить надъ больной, но таково было ея *успокоительное вліяніе* даже въ болѣзни, что я ни мало ничего не боялась, увѣренная, что хотя она лежитъ недвижима, но что опасности нѣтъ. Даже въ послѣднюю ночь, когда докторъ заявилъ, что она болѣе въ себя не придетъ; когда она уже нѣсколько часовъ была въ полномъ безпамятствѣ и я, говоря по-человѣчески, должна была сознавать, что все кончено, я не переставала надѣяться!.. Никогда не забуду этой ночи, но *не могу* входить въ подробности... Одно скажу: въ восемъ часовъ утра «Е. П. Б.» открыла глаза и совершенно спокойно, голосомъ, котораго мы много дней у нея не слышали, попросила позавтракать... Когда пріѣхалъ докторъ, я вышла ему навстрѣчу; изумленіе его было велико!.. «Е. П. Б.» встрѣтила его словами: «ахъ,

докторъ, вы не вѣрите нашимъ великимъ учителямъ!» Съ этого дня она стала быстро оправляться, а врачи (отмѣнивъ смертный приговоръ) начали усиленно посылать ее въ Европу... Но я за ней ужъ не могла *тотчасъ* ѣхать; всѣ эти волненія осилили меня, я сама съ ногъ свалилась!»

Несчастная мистриссъ Оклэй! Она, очевидно, все это писала подъ диктовку, и мнѣ представляется, какъ ее захватили, запугали еще больше, вырвали изъ нея совѣсть и заставили сдѣлаться послушнымъ орудіемъ тѣхъ, отъ кого она бѣжала въ ужасѣ. И это бѣгство даже оказалось не бѣгствомъ, а стремленіемъ за «madame». Тотчасъ она не могла ѣхать, ибо заболѣла, но, поправившись, поспѣшила... соединиться съ «Е. П. Б.»!..

И вотъ что говоритъ она объ этой своей благодѣтельницѣ «Е. П. Б.»:

«Говорятъ, будто-бы фамильярность порождаетъ небреженіе, но замѣчательно, что съ ней чѣмъ ближе и короче мы сходились, чѣмъ неразлучнѣе становились въ повседневной жизни, тѣмъ большее уваженіе мы къ ней чувствовали, тѣмъ глубже научались почитать ее!.. Удивительная, таинственная демаркаціонная черта всегда ее окружала, ограждая внутреннюю, духовную жизнь ея отъ внѣшняго, обыденнаго существованія...»

Любопытно, что-бы сдѣлала и сказала погибшая мистриссъ Оклэй, какое лицо у нея было-бы, еслибъ m-me де-Морсье или встрѣтили ее *съ такими* ея «воспоминаніями» въ рукахъ и просили-бы: «что это значитъ?»

Мнѣ кажется, это значитъ прежде всего, что «теософическое общество», по крайней мѣрѣ въ его первоначальномъ составѣ, дѣйствительно страшное и мрачное общество, и что не мало слабыхъ духомъ людей погублено Е. П. Блаватской и ея сотрудниками.

XXIV.

Я на себѣ самомъ долженъ былъ испытать, къ *какимъ средствамъ* прибѣгала «madame» и ея «близкіе» для того, чтобы избѣлаться отъ *опаснаго* человѣка, обезоружить его и заставить молчать. Мои экскурсіи въ область «таинственнаго», заставившія меня заинтересоваться Блаватской, мое желаніе разгадать эту удивительную женщину и ея обличеніе передъ людьми, которыхъ мнѣ тяжело было видѣть обманутыми ею,—все это обошлось мнѣ очень дорого. Я долженъ былъ вынести тайное теософское гоненіе, а теперь *вынужденъ рѣшиться говорить о немъ*, такъ какъ вижу, что, безъ указанія хоть нѣкоторыхъ фактовъ и

подтвержденія ихъ *документами*, мой разсказъ былъ-бы далеко неполнымъ, такъ-же, какъ и характеристика Блаватской съ ея сподвижниками.

Въ припадкѣ ярости и отчаянія, Блаватская, единовременно съ «исповѣдью», посланной мнѣ въ Парижъ, написала въ Россію г-жѣ Х. о томъ, что я «врагъ» и врагъ опасный, ибо, очевидно, знаю очень много, и многое знаю, вѣроятно, отъ г-жи У., которая, поссорившись съ нею, Блаватской, выдала мнѣ ее. Г-жа Х., получивъ это письмо, превратилась въ фурію, написала г-жѣ У., а та, въ качествѣ *друга*, поспѣшила меня обо всемъ увѣдомить изъ Петербурга.

...«Напишите вы имъ (Блаватской и Х.) Христа ради,—просила она,—что нечего мнѣ было *предавать вамъ*, по выраженію Х., Елену или убивать ее, какъ она пишетъ сама, потому что все ея прошлое прекрасно извѣстно многому множеству лицъ (поименовываются нѣкоторыя лица)—и ужъ я не знаю кому... Вы представить себѣ не можете, чему онѣ меня подвергаютъ, избравъ какимъ-то козломъ-грѣхоносцемъ, *за все* отвѣтственнымъ, — какой-то телеграфной проволокой для передачи всякихъ гнусностей. Еще несчастная, сумасшедшая Елена не такъ—она жалка! Но Х. сама злоба и клевета олицетворенная...»

Далѣе г-жа У. сообщала мнѣ, что *тамъ* собираютъ адреса нѣкоторыхъ близкихъ мнѣ лицъ, а съ какою цѣлью—неизвѣстно. Я долженъ былъ понять изъ этихъ словъ, что милыя дамы остановились, для начала, на самомъ простомъ способѣ мщенія посредствомъ анонимныхъ писемъ, адресованныхъ къ близкимъ мнѣ людямъ, съ цѣлью какъ-нибудь оклеветать меня и поссорить, и въ разсчетѣ на то, что—calomniez—il en restera toujours quelque chose.

Черезъ нѣсколько дней получаю отъ г-жи У. еще коротенькое письмо; но на сей разъ ничего опредѣленнаго, а лишь восклицаніе: «да! Х. во сто тысячъ разъ хуже, злѣе и виновнѣе Елены!»

Изъ этой фразы я могъ только понять, что ссора между Блаватской и г-жей У., кажется, кончается. Очевидно, «madame» рѣшила, что самое лучшее дѣйствовать на меня черезъ г-жу У. Для этого она ей написала нѣжное, родственное письмо, убѣдила ее въ томъ, что она «во сто тысячъ разъ» невиннѣе г-жи Х.,—и вотъ теперь атака на меня пойдетъ съ этой стороны.

Я писалъ ей, прося успокоиться, не вмѣшиваться въ это дѣло и не говорить мнѣ ничего объ этихъ дамахъ и ихъ друзьяхъ. Я напоминалъ ей, что, вѣдь, *она первая* открывала мнѣ глаза на Елену Петровну и ея «теософическое общество», что дѣло вовсе не въ прошломъ Елены Петровны, а въ ея настоящихъ *обма-*

нахъ. Разъ я *убѣдился* въ этихъ обманахъ—молчать о нихъ я не могъ и громко сказалъ все, что знаю. Такимъ образомъ, дѣло сдѣлано, и ровно ничего новаго я не предпринимаю. Я никого не преслѣдую, не желаю больше и думать ни о «madame», ни объ ея «обществѣ». Если-же меня не хотятъ оставить въ покоѣ, то пусть дѣлаютъ, что угодно—я-то тутъ при чемъ? Я сдѣлалъ свое дѣло—и ушелъ, и не понимаю, чего же хотятъ отъ меня, когда уже все кончено?

Вся эта кутерьма, отвлекая отъ болѣе интересныхъ и производительныхъ занятій, такъ мнѣ наконецъ опротивѣла, что я поспѣшилъ совсѣмъ въ иную атмосферу, въ полную тишину, въ древній бретонскій городъ Динанъ, къ морскому берегу, вблизи котораго возвышается одно изъ чудесъ міра—знаменитый Mont St.-Michel. Моя просьба, обращенная къ г-жѣ У. и ея семьѣ, была, повидимому, исполнена: никто изъ нихъ не передавалъ мнѣ больше сплетень относительно Блаватской и К°.

Но все-же забыть о ней мнѣ не удавалось: въ Динанъ, для свиданія со мною и полученія отъ меня разныхъ свѣдѣній, пріѣхалъ мистеръ Майерсъ, и я опять долженъ былъ передъ нимъ разворачивать весь мой багажъ. Наконецъ, въ концѣ апрѣля, возобновилась атака изъ Петербурга. Отъ одного изъ членовъ семьи г-жи У. я получилъ письмо, гдѣ, «по большой дружбѣ ко мнѣ», меня предупреждали, что дѣла мои плохи: почтенная Елена Петровна требуетъ (приводятся выдержки изъ ея письма) «чтобы я отказался отъ своихъ словъ относительно видѣнныхъ мною ея «феноменовъ» и никому не разсказывалъ о ней ничего»,— если-же я не исполню этого требованія, «то она не задумается, что ей дѣлать, *такъ какъ ей нечего терять*,—и напечатаетъ обо мнѣ, все что ей угодно и какъ ей угодно, ибо *должна-же она защищаться*».

На слѣдующій день письмо отъ самой г-жи У., письмо убѣдительное, полное дружеской заботы обо мнѣ «...Слушайте мою горячую, усердную просьбу: отстранитесь отъ всего, что касается Елены... Пусть валится на нее, если такое наказаніе суждено ей; но не чрезъ васъ—пожалѣйте меня... Я не хотѣла-бы, чтобы между нашими добрыми отношеніями чернымъ призракомъ стали послѣднія тяжкія ея страданія, какъ-бы ни были они заслуженны, это все равно... Одна ея глупость: это измышленіе дѣвства подняло всю эту грязь... Предоставьте мертвымъ, которымъ нечего терять, хоронить своихъ мертвыхъ, а вы живы... Елена *мертва!* Что ей терять? Она давно сожгла свои корабли. Мнѣ жаль ее за страданія послѣднихъ лѣтъ ея жизни, сопряженныхъ съ тяжкой болѣзнью; но, вѣдь, нравственно ей нечего терять. Лишній процессъ и лишняя обличительная статья для нея не такъ страшны

по послѣдствіямъ, какъ для людей, будущность которыхъ впереди... Что-жъ вамъ за охота, чтобъ разные юмористическіе журнальцы въ Лондонѣ и Парижѣ донесли молву до Петербурга на радость вашимъ врагамъ и—вредъ будущимъ отношеніямъ вашимъ?.. Слышу, былъ у васъ Майерсъ и дѣло вновь загорается и разгорается съ вашимъ вмѣшательствомъ. Ждать дольше нельзя, и вотъ я говорю вамъ: *остерегайтесь!.. чтобы крѣпко не каятьсяя*».

Чрезъ нѣсколько дней опять та-же г-жа У. мнѣ писала между прочимъ: «да, заварили вы кашу; дай Богъ, чтобъ расхлебали благополучно. Очень напрасно вы думали, что Елена такъ беззащитна, что ее легко запугать и побороть: вы въ ней приготовили, собственными стараніями, *безъ всякой нужды*, врага... потому что ей нечего терять и некого бояться... Никого не могу и не хочу называть, но надѣюсь, что вы-то мнѣ должны вѣрить: дня не проходитъ, что-бы насъ не преслѣдовали письма и толки, васъ осуждающіе... *Отступитесь отъ своихъ показаній*; заявите, что ни словомъ, ни дѣломъ не хотите вмѣшиваться въ передрягу теософовъ... не то ужъ я и не знаю, *что* вы себѣ готовите *здѣсь*... Если вы точно собираетесь сюда, то соберитесь *скорѣй*. Я не могу отказать Еленѣ въ желаніи со мной проститься; я поѣду и сдѣлаю все, что отъ меня зависѣть будетъ, для того, чтобы остановить ея вредныя для васъ дѣйствія; но и съ вашей стороны уступки необходимы. Писать все мудрено: надо видѣться. Я постараюсь оттянуть поѣздку, ради того, чтобы переговорить съ вами».

Сомнѣваться въ искренности расположенія ко мнѣ г-жи У. я тогда еще не имѣлъ основаній и ея *странную* просьбу, чтобъ я отступился отъ своихъ показаній, объяснялъ себѣ просто тѣмъ, что она, возбуждаемая и разстраиваемая письмами Блаватской и и г-жи Х., просто не отдаетъ себѣ отчета въ словахъ своихъ. Поэтому я написалъ ей, еще разъ повторяя, что ровно ничего не предпринимаю и совершенно отстранился отъ всякой «теософщины». Умолчать-же о томъ, что мнѣ извѣстно, передъ заинтересованными въ дѣлѣ лицами я не имѣлъ никакого нравственнаго права. Я сдѣлалъ, по моимъ понятіямъ, должное и просить меня *отступиться отъ моихъ показаній* и *запугивать* меня распространеніемъ на мой счетъ всякихъ сплетень и клеветъ,—совсѣмъ не подобаетъ. Я сожалѣлъ, что она, г-жа У., не сообразила сущности своей просьбы, и находилъ, что самое лучшее для нея, если и она отстранится отъ этого дѣла, а меня со всѣмъ этимъ оставитъ въ покоѣ.

На это получаю новый варіантъ на ту-же тему:

«Получивъ ваше вчерашнее письмо, я еще больше убѣдилась,

что слѣдующее мое не будетъ принято *въ духѣ кротости,* такъ какъ вы убѣждены, что ничего не дѣлаете въ ущербъ Еленѣ. Но какимъ-же образомъ мнѣ-то дѣйствовать, какъ могу я не предупреждать васъ, когда то и дѣло получаю письма изъ Парижа, изъ Германіи, изъ Англіи (не отъ Елены, а отъ сторонних лицъ), въ которыхъ мнѣ пишутъ, что вы, *именно вы,* виновны во всѣхъ нареканіяхъ и бѣдахъ Елены?.. Потомъ я васъ, Бога ради, умоляю совершенно оставить въ сторонѣ Х. и не упоминать о ней ни слова, никогда... *Я знаю,* какъ много у нихъ *сильныхъ и вліятельныхъ сторонниковъ, которые всѣ на васъ возстанутъ* за добродѣтель и честь Х.... Пріѣзжайте скорѣй».

Я и такъ былъ наканунѣ окончательнаго моего возвращенія въ Россію. Черезъ нѣсколько дней, въ концѣ мая, въ Петербургѣ, я увидѣлся съ г-жей У., уже совсѣмъ собравшейся въ Эльберфельдъ «прощаться» съ Еленой Петровной Блаватской.

— Увѣряю васъ,—говорилъ я ей:—что Елена Петровна вовсе не собирается умирать, а выписываетъ васъ для того, чтобы вы, ради родственныхъ чувствъ и ея болѣзни, дали теософамъ «уничтожающія» меня показанія. Вѣдь, вотъ вы ужъ находитесь подъ ея вліяніемъ и, подъ ея диктовку, отъ своего имени просите меня сдѣлать то, чего никакъ нельзя сдѣлать: взять назадъ мои показанія и объявить себя лгуномъ и клеветникомъ!

— Я ѣду единственно для того, чтобы выгородить васъ изъ этого дѣла, чтобы снять съ васъ всѣ ихъ ложныя обвиненія и возстановить истину!—горячо воскликнула она.

— Не знаю какъ и благодарить васъ, но дѣло въ томъ, что это неисполнимая задача. Еленѣ Петровнѣ *истина* ни на что не нужна, а ужъ особенно въ теперешнихъ обстоятельствахъ; за истину она васъ не поблагодаритъ, и вы окажетесь передъ нею «неблагодарной». Вы будете поставлены въ безвыходное положеніе—имѣя съ одной стороны истину и возможность клеветать на меня, а съ другой стороны—Елену Петровну, ея цѣли, ея болѣзнь и родственныя чувства. Это дѣло весьма серьезное, и я совѣтую вамъ пожалѣть себя и не ѣхать.

Но эта заграничная поѣздка, очевидно, очень интересовала ее, особенно-же ей хотѣлось доставить удовольствіе одной изъ своихъ дочерей, которую Блаватская, съ большой предусмотрительностью, тоже пригласила въ гостепріимный домъ Гебгарда.

— Я знаю, что не на пріятности ѣду!—воскликнула г-жа У.—Но я не могу не ѣхать, потому что только личнымъ моимъ свиданіемъ съ Еленой возможно все это уладить. Вы сами мнѣ скажете спасибо, я докажу вамъ на дѣлѣ мою дружбу! Только, Бога ради, будьте благоразумнѣе! Вы все въ какихъ-то эмпиреяхъ

витаете и не хотите понять дѣйствительности; я гораздо старше васъ и видала на свѣтѣ всякое, вѣрьте-же мнѣ, что вы поставили себя въ ужасное положеніе, и я дрожу за васъ...

— Помилуйте! — возразилъ я: — можно подумать, что я совершилъ какое-нибудь злодѣяніе или позорящій честь поступокъ, а потому долженъ бояться, трепетать мщенія Блаватской и Х.!

— Ну, вотъ, ну, вотъ!—всплеснула руками г-жа У.—На какой планетѣ вы живете?! Неужели вы не можете понять, что вовсе не надо быть преступникомъ или непорядочнымъ человѣкомъ для того, чтобы вамъ испортили репутацію и отравили всю жизнь? «Добрая слава лежитъ, а худая бѣжитъ»!—не даромъ это говорится. Тамъ уже противъ васъ цѣлая организованная кампанія. У Елены есть друзья, а у Х. ихъ даже очень много—и люди все почтенные. И вотъ всѣ эти почтенные люди, ничего не зная, со словъ Елены и Х., а потомъ со словъ другъ друга, станутъ повторять про васъ самыя возмутительныя сплетни, переиначивать, искажать факты вашей личной, интимной жизни. Да одно это испортитъ вамъ будущность! Вѣдь, вамъ въ глаза никто ничего не скажетъ, вы ни о чемъ не будете и подозрѣвать, а пройдетъ нѣсколько времени—васъ смѣшаютъ съ грязью, обольютъ помоями, и никто за васъ не заступится, потому что вѣрятъ скорѣе всему дурному, чѣмъ хорошему, и всякій фактъ, при усердіи, можно освѣтить какъ угодно. Одной такой злобной, безсовѣстной и преступной клеветницы, какъ Х., достаточно, чтобы навсегда отравить вашу жизнь. Чѣмъ безсовѣстнѣе клеветникъ, тѣмъ клевета вѣрнѣе достигаетъ цѣли. Главное-же, что вы ничего не будете знать и станете биться, какъ рыба объ ледъ, не понимая, почему это люди отъ васъ отстраняются и не только не помогаютъ вамъ въ затруднительныя минуты жизни, а даже вредятъ вамъ. Еслибъ вы были одинокій и хорошо обезпеченный человѣкъ, тогда-бы еще туда-сюда, махнули-бы рукой—и только! Но, вѣдь, вы не таковы, вы не можете обойтись безъ людей.. Неужели всѣ эти азбучныя истины вамъ неизвѣстны?

— Къ несчастью, неизвѣстны,—отвѣтилъ я:—и вы добились того, что меня совсѣмъ разстроили и смутили. Да, очень можетъ быть, что всѣ эти ужасы меня ждутъ дѣйствительно. Но что-же мнѣ дѣлать? Въ недобрую минуту я столкнулся съ вашей Еленой Петровной; но разъ ужъ совершилось такое мое несчастье — все послѣдующее неизбѣжно вытекало одно изъ другого...

— Зачѣмъ-же вы не бѣжали отъ этой фатальной женщины тогда, въ Парижѣ, въ 1884 году, когда я васъ предупреждала?

Развѣ я не говорила вамъ, что съ нею только можно запутаться?—перебила меня г-жа У.

— Все это такъ; но я не могъ успокоиться на вѣрѣ въ ваши слова; и сама она, и ея общество, и все движеніе, поднятое ею, характеръ этого движенія, заставляли меня убѣдиться, узнать все непосредственно. Только теперь я *знаю*, когда во всемъ убѣдился своими глазами и ушами, только теперь, *узнавъ* это явленіе, я могу спокойно и извѣстнымъ образомъ къ нему относиться.

— Я васъ не понимаю и никогда не пойму!—горячилась г-жа У.—Узнали, ну и молчали-бы, а не лѣзли въ петлю. Однако, покажите-ка мнѣ письма Елены, которыя ее такъ компрометтируютъ, я должна прочесть ихъ сама, чтобы знать, въ чемъ дѣло, и имѣть право говорить, что я сама, своими глазами, ихъ читала.

Я передалъ ей извѣстныя читателямъ письма. Она прочла и сидѣла вся багровая.

— Вотъ сумасшедшая!—наконецъ, воскликнула она.—Дайте мнѣ пожалуйста съ собой эти письма, я сохраню ихъ, какъ зеницу ока, и верну ихъ вамъ по моемъ возвращеніи изъ Эльберфельда.

— Вы требуете совершенно невозможнаго,—сказалъ я:—эти письма должны находиться у меня. Вы ихъ видѣли и читали, знаете, что это ея собственноручныя письма. Если-же понадобится переводъ, сдѣланный мною въ Парижѣ, и провѣренный и засвидѣтельствованный присяжнымъ переводчикомъ парижскаго апелляціоннаго суда Бэссакомъ,—онъ оставленъ мною у m-me де-Морсье, такъ-же какъ и копіи оригиналовъ. Это дѣло въ порядкѣ, и всякій можетъ сличать письма и переводъ ихъ сколько угодно.

— Съ чѣмъ-же я ѣду? Какое ваше послѣднее слово? Неужели и теперь, когда вы видите, какъ много зла вамъ могутъ сдѣлать, вы не будете согласны на какія-нибудь уступки, которыми я могла-бы ихъ обезоружить? Остерегитесь и будьте хоть теперь-то благоразумны!

— Мое послѣднее слово вотъ: я, конечно, не стану отказываться отъ своихъ показаній, которыя записаны и оставлены мною у m-me де-Морсье. О прошломъ Елены Петровны, которое мнѣ, главнымъ образомъ, разсказали вы-же, и разсказали не какъ тайну, а какъ вещь общеизвѣстную, было сообщено мною интимному кружку въ Парижѣ. Я долженъ былъ это сдѣлать въ виду извѣстнаго «измышленія дѣвства», на которомъ Блаватская основывала свое положеніе въ теософическомъ обществѣ. Но мы тутъ-же рѣшили, что еслибъ пришлось дать большее распространеніе сдѣланнымъ разоблаченіямъ—это прошлое будетъ оставлено

въ сторонѣ, насколько сама Елена Петровна его оставляетъ въ «исповѣди». Во всякомъ случаѣ, ее обвиняютъ и будутъ обвинять не въ ея прошломъ, а въ теософскихъ обманахъ. Я-же отнынѣ отстранюсь отъ всего...

— Но вы станете, пожалуй, здѣсь, въ Россіи, писать и печатать противъ нея?—перебила г-жа У.

— Въ Россіи о «теософическомъ обществѣ» и его основательницѣ очень мало извѣстно, и самое лучшее—совсѣмъ не говорить объ этомъ. Я обѣщаю вамъ, что пока въ русской печати не станетъ появляться превратныхъ свѣдѣній о «теософическомъ обществѣ» и Еленѣ Петровнѣ—я буду молчать. Если-же обо всемъ этомъ заговорятъ, и заговорятъ лживо—я почту своимъ прямымъ долгомъ печатно возстановить правду и разсказать то, что мнѣ извѣстно. Вотъ мое послѣднее слово.

Г-жа У. осталась очень недовольна моей неуступчивостью и уѣхала въ Эльберфельдъ.

Недѣли черезъ полторы изъ Эльберфельда въ меня былъ пущенъ еще одинъ двойной зарядъ, направленный рукою Елены Петровны, т. е. два письма, вдохновленныхъ ею и даже, по всѣмъ вѣроятіямъ, прошедшихъ черезъ ея цензуру. Я долженъ былъ убѣдиться изъ этихъ писемъ, что путешественницы, какъ и легко было предвидѣть, совсѣмъ попали въ лапы «madame» и стараются изо всѣхъ силъ усидѣть на двухъ стульяхъ сразу.

Г-жа У. просила меня, между прочимъ, прислать засвидѣтельствованную копію «исповѣди» и т. д. и въ то-же время объявляла, что ѣдетъ въ Парижъ для сличенія писемъ. Далѣе опять уговаривала она меня,—призывая Бога въ свидѣтели чистоты своихъ намѣреній,—сдѣлать требуемыя отъ меня уступки «пока еще можно прекратить скандалъ безъ огласки». «Не доводите до крайности, не заставляйте ее (Блаватскую) прибѣгать къ суду, привлекать васъ, де-Морсье и пр., къ отвѣту въ диффамаціи... У нея много преданныхъ, а главное, очень богатыхъ друзей, которыхъ процессъ не разоритъ и которые умоляютъ ее начать его. Гласности она не боится... Письма изъ Парижа убѣдили меня окончательно, что парижане только и ждутъ возможности привлечь васъ къ суду «en diffamation», а если до этого дойдетъ, поздоровится-ли отъ печатнаго скандала вамъ? Ради Бога, не оскорбляйте меня: не подумайте, что я запугиваю васъ! Не запугиваю я, а жалѣю. Глубоко жалѣю и хочу вамъ добра...»

Такъ какъ г-жа У., съ моихъ-же словъ, отлично знала, что всѣ «документы» находятся въ Парижѣ у m-me де-Морсье, а она туда ѣхала, то мнѣ нечего было посылать ей копію. Такъ какъ въ ея «запугиваніи» все была ложь, къ тому-же давно ужъ

пережеванная, то я имѣлъ право не отвѣтить на ея письмо. Я очень живо представлялъ себѣ, какъ кипятится «madame» и прибѣгаетъ къ своему любимому, уже извѣстному читателямъ, пріему, стращать судебнымъ процессомъ, начинаемымъ съ помощью богатыхъ и вліятельныхъ друзей.

Ея друзья, т. е. люди, такъ или иначе скомпрометтированные въ разныхъ «теософскихъ» пакостяхъ и обманахъ, конечно, могли очень желать *посрамить* своихъ обличителей. Ради этого они, вѣроятно, рѣшились-бы пожертвовать и немалыя деньги. Они даже ужъ и тратились, какъ легко сообразитъ читатель. Но все-же и «Лондонское общество для психическихъ изслѣдованій», и я, и m-me де-Морсье, могли быть спокойны: привлекать всѣхъ насъ, обличителей, къ суду не было никакой возможности, не топя этимъ окончательно Блаватскую и ея «Общество». Теософы могли вредить намъ *только* тайными, подпольными средствами, клеветою, не имѣющей ничего общаго съ «махатмами» и «феноменами». Что-же касается фразы о «письмахъ изъ Парижа, убѣждающихъ въ томъ, что *парижане* (!!) только и ждутъ» и т. д., — это былъ грѣхъ очень даже смѣшной фантазіи, который взяла себѣ на душу г-жа У., ибо такихъ писемъ, за исключеніемъ герцогини Помаръ и большого фанатика Драмара, писать было тогда рѣшительно некому.

Да, я представлялъ себѣ ясно эльберфельдское времяпровожденіе, всѣ faits et gestes Гебгардовъ, Блаватской и ихъ гостей; но все-же мое ясновидѣніе оказалось весьма несовершеннымъ. Тамъ происходили вещи болѣе интересныя, «оккультнымъ» центромъ которыхъ оказывалась моя злосчастная персона.

Елена Петровна увѣрила Гебгарда, что теперь, въ виду моего окончательнаго отъѣзда въ Россію изъ Парижа (о чемъ она узнала отъ г-жи У.), настало самое удобное время отвратить отъ меня m-me де-Морсье, и такимъ образомъ *вернуть* эту крайне полезную, необходимую для «теософскаго» дѣла женщину и ея многочисленныхъ друзей *на путь истины*.

Герцогиня Помаръ и Драмаръ писали изъ Парижа, что *отступничество* m-me де-Морсье, пользующейся большимъ вліяніемъ, все испортило, что въ этомъ отступничествѣ ея виновенъ исключительно я, что если она отвернется отъ меня,—ее легко будетъ заполучить въ «общество» снова, за нею вернутся остальные—и, такимъ образомъ, засохшая парижская теософическая «вѣтвь» возродится къ жизни, станетъ быстро развиваться, а я буду уничтоженъ, совсѣмъ стертъ съ лица земли.

Гебгардъ, настроенный «madame», написалъ 15 мая 1886 г. обстоятельное посланіе m-me де-Морсье. Онъ объяснялъ ей, почему въ Парижѣ, послѣ чтенія у нея моихъ документовъ, онъ

исчезъ и съ тѣхъ поръ не подавалъ о себѣ вѣсти. Все это случилось вслѣдствіе его семейныхъ несчастій, которыми онъ былъ поглощенъ, а вовсе не потому, что онъ призналъ Блаватскую виновной. Затѣмъ онъ увѣрялъ, что мой переводъ невѣренъ и что Блаватская громогласно утверждаетъ это. Далѣе онъ, будто мимоходомъ, и очень неловко, чернилъ меня, касаясь, со словъ Блаватской, моей личной жизни и до полной неузнаваемости извращая факты, а также весьма прозрачно намекалъ, что я про нее, m-me де-Морсье, моего искренняго и мною уважаемаго друга, разсказывалъ самыя неподобающія вещи, такія вещи, сплетническое распространеніе которыхъ не можетъ простить ни одна порядочная женщина.

Такъ какъ m-me де-Морсье *знала*, что въ переводахъ моихъ, провѣренныхъ ея старымъ другомъ Бэссакомъ, нѣтъ ошибокъ и что они сдѣланы съ дѣйствительныхъ, а не подложныхъ оригиналовъ; такъ какъ клевета относительно фактовъ моей частной жизни была у нея передъ глазами, и такъ какъ никто и никакъ не могъ увѣрить ее, что я способенъ разсказывать о ней неподобающія вещи,—это милое письмо не произвело никакого дѣйствія.

Вотъ тогда-то и была вызвана въ Эльберфельдъ г-жа У. для подкрѣпленія артиллеріи. Побесѣдовавъ съ нею и выслушавъ ея *показанія* (показанія *моего* друга, преданнаго *правдѣ* и мнѣ), Гебгардъ снова писалъ m-me де-Морсье, извѣщая ее о пріѣздѣ въ Эльберфельдъ *самой достовѣрной свидѣтельницы* и моего близкаго друга, стремящагося только защищать меня:

« ... Quant à la lettre dite la confession de mad. B., m-r Sol. a montré à mad. Y. et l'original et la traduction de l'expert. Mad. Y. a de suite montré à Sol. que l'expert avait *mal traduit* une tournure de phrase, qui, il est vrai, se prétait à une autre signification pour une personne ignorant la portée de la phrase. Mad. Y. a été assez indignée de voir que M-r S. faisait si peu de cas de cette bévue qu'il aurait du découvrir lui même... Sur la demande de mad. Y de lui permettre de faire la copie M-r S. a *refusé net,* disant avec emphase qu'il se regardait comme le défenseur du Christianisme contre la Théosophie etc.» *).

Итакъ, я *показалъ* г-жѣ У., поѣхавшей въ Эльберфельдъ

*) Что касается такъ называемой «исповѣди» г-жи Б., г. Сол. показалъ г-жѣ У. и оригиналъ, и переводъ эксперта. Г-жа У. тотчасъ-же указала С., что экспертъ неправильно перевелъ одинъ оборотъ фразы, дѣйствительно поддающейся для придачи ей иного смысла въ глазахъ человѣка, не знающаго ея важности. Г-жа У. пришла въ немалое негодованіе, видя, что г-нъ С. придаетъ такъ мало значенія этой ошибкѣ, которую онъ самъ долженъ былъ-бы замѣтить... На просьбу г-жи У. позволить ей снять копію г-нъ С. наотрѣзъ отказалъ, напыщенно говоря, что онъ считаетъ себя защитникомъ христіанства противъ теософіи и т. д.

для того, чтобы защищать *правду*, «переводъ», *котораго у меня съ собою не было*, показалъ его для сличенія тутъ-же съ оригиналомъ, зная, что въ этомъ переводѣ сдѣлано мною, конечно, съ опредѣленной, низкой цѣлью, искаженіе смысла!

На какую всеобщую несообразительность разсчитывали эти дамы, т. е. Блаватская и У., согласившись между собою выдумать подобную *милую* нелѣпость! Во всякомъ случаѣ, *теперь* русскія письма «madame» напечатаны, а ихъ оригиналы и переводы, въ то время сличенные и засвидѣтельствованные Бэссакомъ, съ приложеніемъ его оффиціальныхъ штемпелей и обозначеніемъ числа, мѣсяца и года, находятся въ надежномъ мѣстѣ, всегда готовые для какой угодно экспертизы. Поступокъ г-жи У. выступаетъ въ полномъ его блескѣ.

Это лишь *малый образчикъ* той лжи, которую свидѣтельствовала, относительно меня г-жа У. своему гостепріимному хозяину Гебгарду, какъ значится въ его собственноручныхъ письмахъ, переданныхъ мнѣ m-me де-Морсье. Г-жа У. послушно повторяла все, что приказывала ей говорить Блаватская, а Гебгардъ, наэлектризованный ими, терялъ всякое соображеніе и вѣрилъ, или дѣлалъ видъ, что вѣритъ всему безусловно.

Наконецъ они рѣшили, что самое лучшее—выдать меня за... *сумасшедшаго!* Гебгардъ писалъ:

«... S. n'est peut-être pas assez fou pour qu'on soit forcé de l'enfermer dans une maison speciale pour les malades de cerveau, mais il n'est pas moins dangereux. Si mad. Y. et sa fille ne défendaient pas constamment m-r S. contre mad. Blav. disant avec conviction que c'était un homme d'une nature d'élite *), mais malheureusement très excitable et evidamment non responsable de ses actes et paroles,—je serais tenté de croire que mad. Y. tâchait de trouver un biais dans l'interêt de mad. Blavatsky. Mais le doute n'est plus permis... Vous avez été comme moi la dupe d'un homme, qui n'est pas dans son état normal et que l'on doit plutôt plaindre que condamner» **).

*) Вотъ даже какого комплимента я удостоился! А бѣдный Гебгардъ и тутъ ничего не соображалъ, не видѣлъ, какъ его дурачили ловкія дамы.

**) «... С., быть можетъ, не настолько сумасшедшій, чтобъ были вынуждены запереть его въ спеціальное заведеніе для больныхъ мозговыми болѣзнями, но онъ отъ этого не менѣе опасенъ. Если-бы г-жа У. и ея дочь не защищали постоянно г. С. противъ г-жи Блаватской, съ убѣжденіемъ говоря, что это человѣкъ избранной натуры (?), но, къ несчастію, очень легко возбуждающійся и, очевидно, неотвѣтственный за свои дѣйствія и слова, я былъ-бы склоненъ думать, что г-жа У. старается найти уловку въ интересахъ г-жи Блаватской. Но сомнѣніе больше непозволительно... Мы съ вами были одурачены человѣкомъ, не находящимся въ своемъ нормальномъ состояніи, и котораго слѣдуетъ скорѣе сожалѣть, чѣмъ обвинять».

А потому... а потому отъ меня требовалось, — и m-me де-Морсье поручалось сообщить мнѣ это, — чтобы я немедленно прислалъ въ Эльберфельдъ оффиціальное письмо, въ которомъ-бы заявилъ, что всѣ мои разоблаченія «madame»—съ моей стороны ложь и клевета на нее, и что я отъ всего этого отказываюсь. Если-же я не исполню приказанія, то сейчасъ-же мнѣ будетъ устроенъ, такъ или иначе, такой публичный скандалъ, который погубитъ меня и мою семью.

Въ заключеніе Гебгардъ совѣтовалъ m-me де-Морсье никому не показывать «документы по дѣлу Блаватской» (le dossier Blavatsky), такъ какъ главный ея обвинитель—сумасшедшій.

M-me де-Морсье отвѣчала Гебгарду: «je dois vous dire que je n'ai nullement l'intention de servir d'intermédiaire entre m-me Blavatsky et m-r Solovioff. Cependant, pour cette fois, puisque c'est vous qui avez cru devoir m'écrire en ami, vous me permettrez de vous répondre quelques mots. En premier lieu les affaires de la Société Théosophique ne me regardent plus, puisque j'ai donné ma démission de membre. C'est avec un soupir de soulagement que j'ai tiré une barre sur tout cela rendant grâce au Ciel. Quant aux preuves nouvelles que vous m'apportez sur le débat en question, avec un peu de réflexion vous comprendrez qu'elles n'ont pas de valeur pour moi. M-r Sol. est notre ami, il a vécu pendant des mois dans l'intimité de notre famille, nous avons donc quelques raisons de prétendre le connaitre fort bien. M-me У. et sa fille (bien que j'aie vu la première quelques jours à Paris) sont de parfaites étrangères pour moi et leur parole ne peut pas tenir en face de celle de m-r Sol. Lorsque m-r Sol. viendra me dire *a moi même* ou m'écrira ce que vous pretendez qu'il a dit à m-me У.—nous verrons, mais je suis fort tranquille à ce sujet. M-r Sol. maintiendra tout ce qu'il a écrit et signé de son nom à Paris. Il ajoutera seulement (et c'est là le point qui peut expliquer tous les bavardages qui ont cours), qu'il n'a nullement eu l'intention de condamner m-me Blav. au sujet de sa vie privée, laquelle ne nous regarde en aucune façon, mais qu'il la condamne sur le chef de toutes les faussetés qu'elle a commises pour fonder la Société Théosophique. C'est ce que moi même je vous ai dit, Monsieur, dans mon salon.

Quant à votre seconde supposition qui serait que m-r Sol. est *irresponsable*—elle me fait sourire, surtout lorsque je songe que cet argument est invoqué par mad. Blav. sans doute. Je vous assure que si la correspondance de m-r Sol. et de m-me Blav. était soumise à l'examen de docteurs aliénistes, ils ne seraient pas embarrassés pour prononçer et dire lequel des deux est dans son bon sens. J'ai à ce sujet le témoignage du D-r Charles Richet. Mais permettez moi de relever une contradiction qui est de votre chef. Vous

me conseillez de ne pas communiquer le dossier Blavatsky—et c'est tout à fait mon avis, n'ayant qu'un seul désir c'est que cette affaire soit enterré au plus vite. Et d'autre part, vous dites que si m-r Sol. n'obeit pas aux injonctions de mad. Blav. (car je ne veux pas considérer qu'elles viennent de vous) vous lui conseillerez vous même d'agir contre lui. Ce sera donc vous qui jetterez cette affaire dans la publicité. Je ne doute pas un seul instant que m-r Sol. ne réponde aux propositions de mad. B. par le plus profond mépris. Est ce que un honnête homme peut avoir deux paroles? Si m-me B. avait lu attentivement les lettres de m-r Sol. elle aurait vu qu'il est prêt à tout... Mais enfin que veut donc mad. B.? la publicité? Ah, Monsieur, comment ceux qui aiment la Théosophie peuvent-ils pousser m-me B. dans cette voie? Bref si cela doit être cela sera et chacun ira au combat fort de sa propre armure. Voilà 6 mois que je ne réponds que par le silence du mépris à tout les sots bavardages qui se tiennent sur mon compte et sur celui de mes amis, mais le jour ou la calomnie ira trop loin et deviendra publique—on verra si j'ai peur! Croyez bien que ce jour là dans la presse et ailleurs ce ne seront pas les interprétations de m-me У. qui feront foi, mais bien la traduction de *l'expert juré*. D'ailleurs alors même qu'il y aurait discussion sur *une phrase*—l'ensemble de la lettre et de toute la correspondance de m-me B. suffira pour la condamner devant l'opinion publique. Ce ne sera pas seulement l'incident Bl.—Sol. ou L.—Mohini qui viendront au jour. De tous les coins du monde il surgira de nouvelles choses qui, alors même que la lumière ne se ferait pas complète, saliront la Société Théosophique et rejailliront sur ses membres, car on *ne pourra jamais croire que tant de gens intelligents n'aient été que des dupes*. Je vous dis ce que sera le jugement du monde et on a beau avoir sa conscience pour soi—il n'est pas agréable d'être soupçonné...» *).

---

*) «Я должна вамъ сказать, что вовсе не имѣю намѣренія служить посредникомъ между г-жей Б. и г-номъ С. Однако, на сей разъ, такъ какъ это вы дружески обращаетесь ко мнѣ, позвольте отвѣтить вамъ въ нѣсколькихъ словахъ.

Прежде всего—дѣла «теософическаго общества» меня больше не касаются, такъ какъ я подала свою отставку. Со вздохомъ облегченія я отрѣзала себя отъ всего этого, благодаря небо. Что-же касается новыхъ доказательствъ въ настоящемъ дѣлѣ, которыя вы приводите, подумавъ немного, вы поймете, что они не имѣютъ для меня никакой цѣны. Г. С. нашъ другъ, онъ жилъ въ теченіе мѣсяцевъ въ ближайшихъ отношеніяхъ съ нашимъ семействомъ, и мы, слѣдовательно, имѣемъ нѣкоторыя права для притязанія знать его очень хорошо. Г-жа У. и ея дочь (хоть я и видала первую изъ нихъ нѣсколько дней въ Парижѣ) совершенныя для меня незнакомки, и ихъ слова не могутъ имѣть значенія передъ словами г. С. Когда г. С. скажетъ или напишетъ *мнѣ* то, что онъ, какъ вы пред-

Казалось-бы, на такое письмо ужъ нечего отвѣтить, да оно и написано было въ тонѣ, не требовавшемъ отвѣта. Но Е. П. Блаватская все-же не могла успокоиться—и послушный Гебгардъ опять сѣлъ за свое бюро и писалъ. При этомъ онъ чувствовалъ себя обиженнымъ, проигравшимъ партію, волновался, хотѣлъ язвить и говорить колкости, а потому ему можно извинить

полагаете, говорилъ -жѣ У.,—тогда мы посмотримъ; но я очень спокойна на этотъ счетъ. Г. С. подтвердитъ все, что онъ написалъ и подписалъ своимъ именемъ въ Парижѣ. Онъ только прибавитъ (и вотъ этотъ-то пунктъ и можетъ объяснить всю поднявшуюся болтовню), что онъ вовсе не имѣлъ намѣренія обвинять г-жу Блав. по поводу ея частной жизни, которая насъ никоимъ образомъ не касается; но что онъ обвиняетъ ее во всѣхъ обманахъ, произведенныхъ ею для основанія «теософическаго общества». Это-же самое говорила вамъ и я въ моей гостиной.

Что-же касается вашего второго предположенія относительно *невмѣняемости* г. С.,—оно заставляетъ меня улыбаться, особенно когда я подумаю, что этотъ аргументъ, конечно исходитъ отъ г-жи Блав. Увѣряю васъ, что если-бы переписка г. С. и г-жи Б. была представлена на заключеніе докторовъ-спеціалистовъ по душевнымъ болѣзнямъ, они не затруднились-бы рѣшить—кто изъ двухъ въ здравомъ разсудкѣ. Объ этомъ я имѣю свидѣтельство доктора Шарля Ришэ. Но позвольте мнѣ указать на противорѣчіе, относящееся къ вамъ. Вы мнѣ совѣтуете никому не показывать «дѣло Блаватской» — и я сама такъ-же думаю; имѣя одно только желаніе, чтобъ это дѣло было погребено какъ можно скорѣе. А съ другой стороны вы говорите, что если г. С. не покорится требованіямъ г-жи Б. (ибо я не хочу предполагать, чтобы такія требованія исходили отъ васъ), вы ей посовѣтуете противъ него дѣйствовать. Такимъ образомъ, вы сами сдѣлаете гласнымъ это дѣло. Я ни на одно мгновеніе не сомнѣваюсь въ томъ, что г. С. отвѣтитъ только глубочайшимъ презрѣніемъ на предложенія г-жи Б. Развѣ честный человѣкъ можетъ имѣть два противуположныхъ одно другому слова? Если-бы г-жа Б. внимательно прочла письма къ ней г. С., она-бы увидала, что онъ готовъ на все... Наконецъ, чего-же она хочетъ? Гласности? Ахъ, милостивый государь, какимъ-же это образомъ люди, любящіе теософію, могутъ толкать г-жу Б. на этотъ путь? Ну, да если это должно случиться,— оно и будетъ и каждый пойдетъ въ битву, сильный собственнымъ оружіемъ. Вотъ 6 мѣсяцевъ, какъ я отвѣчаю презрительнымъ молчаніемъ на всѣ глупыя сплетни, ходящія относительно меня и моихъ друзей; но въ тотъ день, когда клевета зайдетъ слишкомъ далеко и станетъ публичной,—увидятъ, боюсь-ли я! Повѣрьте, что въ этотъ день, какъ въ печати, такъ и не въ печати, повѣрятъ не разъясненіямъ г-жи У., а переводу *присяжнаго эксперта.* Да и наконецъ, если-бы даже возбудился споръ относительно *одной фразы*—содержаніе всѣхъ писемъ г-жи Б. окажется достаточнымъ для того, чтобы обвинить ее въ глазахъ общественнаго мнѣнія. Тогда обнаружаться не только инциденты Б.—С. или Л.—М. Отовсюду выплывутъ новыя вещи, которыя, если даже все и не выяснится окончательно, загрязнятъ «теософическое общество» и забрызгаютъ грязью его членовъ, *ибо никто не повѣритъ, чтобы такое количество разумныхъ людей были только одураченные.* Таково, говорю вамъ, будетъ сужденіе свѣта и можно сколько угодно имѣть за себя свою совѣсть—а все-же непріятно быть подозрѣваемымъ»...

какъ значительную глупость его письма, такъ и ошибки во французскомъ языкѣ.

«Je reponds à votre lettre pour relever une erreur de votre part.. il s'agit de la soi disante contradiction que vous me reprochez. Certes vous auriez raison, chère Madame, si comme vous le dites, ma lettre avait été inspirée par madame Blav. Bien sur elle m'a priée de vous dire ce que madame У. nous avait raconté. Mais je vous affirme que toute la pensée qui m'a engagée de vous écrire si longuement vient de moi seule. Aussi en vous priant de ne pas continuer de montrer votre dossier Blavatsky ma seule raison a été d'agir dans *votre propre interêt* *). Dieu sait que je n'ambitionne pas la publicité de cette affaire... mais si l'incident Bl.—Sol. devrait avoir des suites—il n'y a pas de doute pour moi que les calomnies contre la personne de mad. Blav. seraient ou deviendraient pour vous la source de beaucoup de désagrements. Il ne suffirait pas de dire que vous n'avez pas eu l'intention de condamner mad. B. etc. le fait que vous avez repété ces calomnies de S. suffit dans les yeux de la loi. Veuillez je vous prie voir dans mes paroles seulement l'intention bonne et sincère de vous servir. J'ai cru de mon *devoir* de vous avertir, libre à vous de faire ce que vous voulez. C'est ce même devoir qui me fait constater que d'après moi vous avez tort de traiteur madame У. et sa fille ou plutôt lenr véracité comme vous le faites. Vous avez connu m-r Sol. pendaui 3 ou 4 mois—ces dames sont ses *amies intimes* depuis des *années*!... **). C'est dommage que je ne suis pas médecin comme votre ami m-r Richet—l'étude physiologique du caractère de m-r S. serait excessivement interessante. Cet homme doit posséder un pouvoir et uue autorité peu commune sur l'ésprit des femmes qui le voient souvent(!)... mais si un jour, comme je l'espère, la lumière se fait chez vous, il sera le temps de vous conviancre de quel cotè se sont trouvé vos vrais amis. Et je continueral pe vous tenir au fait à moins que vous me dégagiez formellement de ce que j'apelle ma responsabilité» ***).

---

*) «Запугайте ее хорошенько»!»—очевидно, требовала Блаватская.

**) Въ дѣйствительности, я постоянно видался съ m-me де-Морсье болѣе двухъ лѣтъ, а г-жу У. видалъ одинъ мѣсяцъ въ Парижѣ въ началѣ лѣта 1884 г., затѣмъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ осенью 1885 года въ Петербургѣ. Семью-же ея я лично зналъ всего три мѣсяца. Но г-жа У. и ея дочь, ничто-же сумняся, заявляли, по приказанію Блаватской, о своей *интимной* дружбѣ со мною, продолжавшейся многіе годы, дабы имѣть видъ самыхъ наидостовѣрнѣйшихъ свидѣтелей.

(*** «Отвѣчаю на письмо ваше, чтобы указать на одну вашу ошибку... дѣло касается мнимаго противорѣчія, въ которомъ вы меня упрекаете. Конечно, вы были-бы правы, если-бы, какъ вы говорите, мое письмо было

Само собою разумѣется, что на эти вздоры Гебгардъ не получилъ отъ m-me де-Морсье никакого отвѣта. Онъ не могъ также исполнить своего намѣренія, т.-е. сообщать ей о дальнѣйшемъ ходѣ дѣла, такъ какъ ровно никакого «хода дѣла» не было. Елена Петровна и К° убѣдились, что игра ихъ проиграна, что m-me де-Морсье непоколебима, что запугать ни меня, ни ее не удалось. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я узналъ, что этотъ самый Гебгардъ *разочаровался* въ Е. П. Блаватской. По крайней мѣрѣ вотъ что онъ писалъ m-me де-Морсье по поводу какой-то *диффамаціи*, пущенной въ печати Еленой Петровной:

«La seule chose qui me surprend, c'est que connaissant si intimement le caractaire tartare ou kalmouk de H. P. B. *vous puissiez encore être étonnée de n'importe ce qu'elle écrivée*!..» *) Онъ доказываетъ, что не стоитъ, по этому поводу, «relever vivement des diffamations que ne méritent pas l'honneur d'une reponse» **). Далѣе онъ говоритъ: «*je blâme fortement la manière peu comme il faut de H. P. B.*» ***)—и опять повторяетъ, что «la *fausse accusation*» ****) со стороны Н. Р. В. не стоитъ

вдохновлено г-жей Блаватской. Разумѣется, она просила меня сообщить вамъ то, что разсказала намъ г-жа У. Но я утверждаю, что мысль, заставившая меня такъ много написать вамъ, исходитъ отъ меня одного. Прося-же васъ не продолжать показывать «дѣло Блаватской», я имѣлъ въ виду *только ваши интересы*. Видитъ Богъ, что я не желаю гласности этого дѣла... но если инцидентъ Б.—С. будетъ имѣть послѣдствія, я не сомнѣваюсь, что клеветы на г-жу Б. окажутся для васъ источникомъ большихъ непріятностей. Недостаточно будетъ сказать, что вы не имѣли намѣренія обвинять г-жу Б. и т. д.—фактъ, что вы повторяли клеветы С., достаточенъ въ глазахъ закона. Прошу васъ видѣть въ моихъ словахъ только доброе и искреннее желаніе служить вамъ. Я считалъ своимъ *долгомъ* предупредить васъ,—вы-же свободны поступать какъ вамъ угодно. Тотъ-же долгъ заставляетъ меня указать, что, по-моему, вы напрасно такъ пренебрежительно относитесь къ г-жѣ У. и ея дочери или, вѣрнѣе, къ ихъ правдивости. Вы знали г. С. 3 или 4 мѣсяца, а эти дамы его *ближайшіе друзья* въ теченіе *годовъ*!.. Очень жаль, что я не докторъ, какъ вашъ другъ г. Ришэ—физіологическое (?) изслѣдованіе характера г. С. было-бы чрезвычайно интересно. Этотъ человѣкъ, должно быть, обладаетъ рѣдкой властью надъ умомъ женщинъ, которыя его часто видаютъ!.. но если когда-нибудь, какъ я надѣюсь, у васъ откроются глаза—тогда вы убѣдитесь, гдѣ именно были ваши истинные друзья. Я буду продолжать сообщать вамъ обо всемъ, пока вы формально не освободите меня отъ того, что я считаю своей отвѣтственностью».

*) «Единственная вещь, меня удивляющая, это—какимъ образомъ, зная такъ близко татарскій или калмыцкій характеръ Е. П. Б., *вы можете еще изумляться чему-бы то ни было, написанному ею*!»

**) «Нечего возмущаться диффамаціямъ, не стоющимъ чести отвѣта».

***) «*Я сильно порицаю непорядочность Е. П. Б.*»

****) «Ложное обвиненіе».

никакого вниманія. Ну, какъ-же не полное *разочарованіе*! — особенно если вспомнить, что еще столь недавно этотъ Гебгардъ служилъ Блаватской не только своимъ перомъ и совѣтами, но и своими денежными средствами. Подлинники его курьезныхъ писемъ, изъ которыхъ я дѣлаю выписки, переданы m-me де-Морсье въ мое полное распоряженіе.

Это было послѣднее свѣдѣніе, полученное мною о Блаватской. Я жилъ въ Петербургѣ и съ тѣхъ поръ только случайно слыхалъ что-либо о «теософическомъ обществѣ». Съ г-жей У., послѣ ея эльберфельдскихъ «битвъ за *правду* и за меня» я, конечно, прекратилъ всякія сношенія.

Время отъ времени мнѣ приходилось обнаруживать слѣды «тайнаго теософскаго мщенія», меня не оставлявшаго въ покоѣ. Я натыкался на удивительныя клеветы и сплетни — и за ними, *въ концѣ концовъ*, почти всегда оказывался хвостъ или г-жи Х., или г-жи У., или кого-нибудь изъ друзей Блаватской. Каковы дѣйствительные размѣры вреда, принесеннаго мнѣ этимъ мщеніемъ,—я не знаю...

XXV.

Портретъ Е. П. Блаватской, съ помощью ея самой и близкихъ ей лицъ, мною набросанъ. Мнѣ пришлось, волей-неволей, останавливаться на самыхъ отталкивающихъ чертахъ ея, раскрыть многія нравственныя язвы этой феноменальной женщины. Если-бы я вздумалъ прослѣдить часъ за часомъ все мое знакомство съ нею, передать всѣ ея слова и дѣйствія, всѣ мелкіе, хотя всегда болѣе или менѣе характерные, факты, которыхъ я былъ свидѣтелемъ,—мнѣ надо было-бы написать огромную книгу. Я долженъ былъ ограничиваться вещами, такъ или иначе выдающимися.

Теперь я мысленно перебираю все, во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, съ цѣлью найти хоть что-нибудь, оправдывающее чудодѣйственные разсказы о ней ея поклонниковъ и приспѣшниковъ, хоть что-нибудь такое, что осталось-бы для меня, *въ концѣ концовъ*, доказательствомъ ея дѣйствительныхъ высшихъ знаній—въ смыслѣ «феноменовъ». И ровно ничего *такого* я не нахожу. А, между тѣмъ, вѣдь, она такъ хотѣла удивить меня хоть чѣмъ-нибудь! Это было въ ея прямомъ разсчетѣ.

Правда, я не могу объяснить одной вещи: какъ производила она, по своему желанію, и прекращала разнообразные стуки, раздававшіеся на большомъ разстояніи вокругъ нея, а также странные звуки, похожіе на пощелкиванья маленькой электри-

ческой машины, о которыхъ я говорилъ въ своемъ мѣстѣ. Но этимъ явленіемъ исчерпывается все въ ея феноменахъ, чего я не могу объяснить. Я знакомъ съ хорошенькой серебряной «штучкой», игравшей такую роль въ мелодическихъ ноткахъ, которыми «хозяинъ» давалъ знать «избранницѣ» о своемъ присутствіи.

Что мягкія руки «madame» съ гибкими, утонченными на концахъ пальцами, были очень искусны въ продѣлываніи разныхъ быстрыхъ движеній—это я видѣлъ много разъ. Вѣроятно, она брала уроки фокусовъ у какого-нибудь «профессора бѣлой магіи», быть можетъ, у того именно фокусника, помощникомъ котораго состоялъ Бабула, поступившій къ ней потомъ въ услуженіе, помогавшій ей дурачить «публику» и подсмѣивавшійся надъ «хорошими, кисейными махатмами».

Быстротой движеній и ловкостью рукъ легко объясняется «феноменъ» съ портретомъ въ медальонѣ, описанный мною въ главѣ VI моего разсказа. Она просто, на моихъ глазахъ, замѣнила одинъ медальонъ другимъ, представлявшимъ точный дубликатъ перваго, и такъ быстро, что я этого не замѣтилъ. Но, вѣдь, профессіональные фокусники производятъ всякія чудеса, передъ которыми всѣ чудеса, всѣ феномены «madame» — ничто, и это вовсе не даетъ имъ права заявлять о своихъ «высокихъ посвященіяхъ» и «необычайныхъ психическихъ способностяхъ».

Я свидѣтельствую, что не только на моихъ глазахъ, но, судя по всѣмъ описаніямъ Синнетта, Желиховской и другихъ ея панегиристовъ, и на глазахъ кого угодно, Е. П. Блаватская, за исключеніемъ «стуковъ», не произвела ни одного, такъ сказать, «физическаго» феномена, котораго нельзя было-бы объяснить фокусомъ и самымъ обыкновеннымъ, простымъ обманомъ. Въ разслѣдованіи лондонскаго психическаго общества, въ отчетѣ Годжсона, приведены примѣры выдающихся *чудесъ* Блаватской, опубликованныхъ Синнеттомъ, и всѣ чудеса эти разобраны и объяснены вполнѣ яснымъ и удовлетворительнымъ образомъ.

Когда «madame» могла произвести феноменъ одна, собственными средствами, она улучала удобную минуту—и дѣйствовала. Когда одной нельзя было управиться,—она призывала на помощь Бабулу, Олкотта или другихъ необходимыхъ лицъ изъ числа ея сообщниковъ. Въ главахъ X и XI я разсказалъ, какъ произведены были въ Эльберфельдѣ два феномена съ помощью Олкотта; для второго изъ этихъ феноменовъ, для письма махатмы, полученнаго «астральнымъ путемъ» г-жею А., понадобилось даже участіе того невиннаго англійскаго мальчика, съ котораго сняли крестъ и замѣнили его буддистскимъ непристойнымъ амулетомъ.

Но, быть можетъ, она была сильнѣе въ феноменахъ «психическихъ», въ проявленіи своихъ исключительныхъ духовныхъ

способностей? Въ этой области чудеса, разсказываемыя о ней ея сестрою и друзьями, еще поразительнѣе! Она, глядя на человѣка, читала его мысли, видѣла далеко совершающіяся событія, съ изумительной ясностью предсказывала будущее...

Однако, я опять-таки свидѣтельствую, что за все время моего знакомства и моихъ сношеній съ нею—я никогда не могъ убѣдиться въ чемъ-либо подобномъ. Мнѣ не разъ приходилось въ жизни встрѣчать людей, изумлявшихъ меня или временной, или постоянной своей тонкой прозорливостью. Я знаю вполнѣ доказанные для меня примѣры исполнявшихся предчувствій, предчувствій не туманныхъ и неопредѣленныхъ, а совсѣмъ ясно и точно формулированныхъ. Вообще, я *знаю*, что въ сложномъ внутреннемъ мірѣ человѣка, въ тайникахъ его духа, дремлющаго среди вещественной яви, скрыты самыя разнообразныя способности, и что иной разъ, вслѣдствіе причинъ, не легко поддающихся анализу, эти способности заявляютъ о себѣ хоть и быстролетными, но реальными, осязаемыми явленіями.

Зная все это, я, разумѣется, нисколько не удивился-бы, найдя и въ Е. П. Блаватской что-либо подобное. До послѣднихъ дней нашего знакомства, уже сначала увѣренный, а потомъ и утвержденный ею самой въ томъ, что она морочитъ и обманываетъ людей, я все ждалъ какого-нибудь проявленія ея тонкой прозорливости и т. д. Съ другой стороны, она сама—и читатель долженъ ясно видѣть изъ всего моего разсказа, подтвержденнаго документами,—Богъ знаетъ что дала-бы ради возможности удивить меня и остановить мое вниманіе на чемъ-либо интересномъ.

Но ничего, ничего я отъ нея не видѣлъ. Когда она подготовляла какой-нибудь «феноменъ», я всякій разъ зналъ, что именно должно случиться, и видѣлъ, какъ она прямо наводитъ разговоръ на извѣстную тему: для примѣра стоитъ только вспомнить сцену, завершившуюся русскимъ писаніемъ Баваджи, его «блаженны врущіе».

Нерѣдко, то закрывая глаза, то дико поводя ими, она объявляла мнѣ, что видитъ сцены, происходящія тамъ-то и тамъ-то. Въ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣ удавалось провѣрить это ясновидѣніе, *всегда* оказывалось, что ровно ничего изъ яко-бы видѣннаго ею не происходило въ дѣйствительности. Ни разу она не угадала, хотя-бы только приблизительно.

Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Вюрцбурга, она, какъ разсказано мною въ главѣ XX, сдѣлала мнѣ, отъ имени своего «хозяина», цѣлый рядъ весьма подробныхъ, опредѣленныхъ предсказаній, которыя должны были исполниться въ самомъ скоромъ времени. Моя неувѣренность, что предсказанія эти исполнятся, не могла, полагаю, измѣнить велѣній судьбы моей, открытой

«хозяиномъ», и вотъ, хоть-бы одно самое маленькое предсказаньице случайно исполнилось! Даже профессіональныя гадалки, спрашивающія — на сколько погадать, на рубль или на три, — предсказываютъ удачнѣе.

Да и гдѣ, наконецъ, хоть сколько-нибудь удовлетворительно засвидѣтельствованные факты проявленій ея ясновидѣнія или, какъ это называется на «теософическомъ» языкѣ, «чтенія въ астральномъ свѣтѣ?» Въ разныхъ «правдахъ о Е. П. Блаватской» искать ихъ, какъ уже извѣстно читателю, довольно трудно.

Возьмемъ на выдержку подобный примѣръ. Г-жа Желиховская («Русское Обозрѣніе», 1891 г., декабрь, стр. 570) пишетъ: «Елена Петровна часто насъ предупреждала о смерти людей, жившихъ съ нами въ Россіи, изъ-за большихъ разстояній. Послѣдній такого рода фактъ случился лѣтомъ 1886 года, когда, живя въ Петергофѣ, мы получили отъ нея письмо изъ Остенде, гдѣ она извѣщала насъ о кончинѣ А. М. Бутлерова, ранѣе чѣмъ это извѣстіе появилось въ нашихъ газетахъ. Елена Петровна очень любила профессора Бутлерова *и была съ нимъ въ постоянной перепискѣ*».

Осенью 1885 года, пріѣхавъ изъ-за границы въ Петербургъ, я встрѣтился съ А. М. Бутлеровымъ и долго бесѣдовалъ съ нимъ о Блаватской. Онъ съ большимъ интересомъ меня о ней разспрашивалъ, разсказывалъ мнѣ о ней то, что слышалъ отъ другихъ; вообще изъ его словъ никакъ нельзя было заключить, что онъ хоть сколько-нибудь самъ ее знаетъ. Еслибъ онъ не только былъ съ нею въ *постоянной перепискѣ*, но даже если-бы обмѣнялся двумя-тремя письмами, — онъ, по свойству нашего разговора, непремѣнно сказалъ-бы мнѣ объ этомъ.

Я все таки, однако, могу ошибаться. Ну, такъ вотъ: ближайшій другъ А. М. Бутлерова и его свойственникъ (двоюродный братъ его супруги) А. Н. Аксаковъ, бывшій съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ и послѣ его кончины разбиравшій его бумаги, *разрѣшилъ мнѣ заявить какъ фактъ, что А. М. Бутлеровъ не былъ ни лично знакомъ съ Е. П. Блаватской и никогда не находился съ нею ни въ какой перепискѣ.*

Итакъ, одна часть сообщенія г-жи Желиховской оказывается *выдумкой*, а другая не удовлетворяетъ даже самымъ простымъ требованіямъ отъ подобнаго рода сообщеній: не указано число, въ которое было *написано* и *отправлено* письмо Блаватской изъ Остенде. Если-бы можно было съ точностью провѣрить моментъ отправки письма, то, по всѣмъ вѣроятностямъ, оказалось-бы, что «madame» узнала о кончинѣ Бутлерова изъ только-что полученной телеграммы и въ письмѣ своемъ, привыч-

ной къ такимъ фразамъ рукою, написала: «онъ умеръ, я знаю: я его видѣла».

Всѣ примѣры подобнаго рода, встрѣчающіеся въ «нео-теософской» литературѣ о Блаватской, не болѣе достовѣрны и убѣдительны.

Затѣмъ слѣдуетъ коснуться вопроса о «хозяинѣ», о знаменитыхъ «махатмахъ». Среди индусовъ, помимо всякаго «теософическаго общества», издревле существуютъ легенды и разсказы о *великихъ душахъ* (это переводъ слова *махатма* или, вѣрнѣе, *маха-атма*), мудрецахъ, живущихъ на горахъ, въ недосягаемыхъ глубинахъ Тибета и обладающихъ необычайнымъ знаніемъ сокровеннѣйшихъ тайнъ природы.

Теперь предположимъ, хоть-бы для доказательства ad absurdum, что въ этихъ легендахъ и разсказахъ не только заключается нѣкоторая доля истины, но и все, какъ есть все—чистая правда. Забудемъ также то, что мы знаемъ—и о разслѣдованіи Годжсона, и о письмахъ Блаватской къ Куломбамъ, и о «кисейныхъ» откровеніяхъ Бабулы, и объ экспертизѣ Нетсерклифта, о признаніяхъ Блаватской въ Вюрцбургѣ, ея предложеніи «создавать русскія письма Кутъ-Хуми», ея «исповѣди», китайскихъ бумажкахъ и конвертикахъ и т. д. Представимъ себѣ такую картину, въ дѣйствительности которой увѣряютъ теософы: Блаватская такъ или иначе входитъ въ общеніе съ махатмами и убѣждается, какъ она поэтично разсказала въ своихъ «Пещерахъ и дебряхъ Индостана», что «тибетскіе братья» обладаютъ высшими знаніями. Для нихъ пространство и время—звукъ пустой, они (хоть и не безъ значительной затраты жизненной силы) могутъ покидать свое тѣло и въ *астральной*, болѣе или менѣе видимой и осязаемой оболочкѣ появляться во мгновеніе ока гдѣ угодно. Они могутъ пересылать (тоже не безъ затраты жизненной силы) свои письма, перелетающія съ быстротой мысли какія угодно разстоянія, проникающія черезъ матеріальныя препятствія и падающія вамъ на голову или вписывающіяся, въ видѣ постскриптумовъ (строки Кутъ-Хуми ко мнѣ въ письмѣ Блаватской) въ обыкновенныя грѣшныя письма, мирно лежащія на днѣ почтовой сумки и перевозящіяся по желѣзной дорогѣ. Все это махатмы могутъ. Они посвящаютъ Елену Петровну, благодаря ея «дѣвственности», въ званіе «адепта второго разряда» и поручаютъ ей создать «теософическое общество» для распространенія *истины* на земномъ шарѣ.

«Болванъ Олкоттъ старый котъ» (слова Блаватской), хоть онъ и «bête» (мнѣніе, письменно выраженное мнѣ о немъ махатмой Кутъ-Хуми), по протекціи Елены Петровны объявляется президентомъ и ему на память дарится «астральный тюрбанъ»,

который онъ имѣетъ право всѣмъ показывать, какъ знакъ своего достоинства и личнаго знакомства съ махатмами. Махатма Кутъ-Хуми беретъ на себя литературную часть и вступаетъ сначала въ дружескую переписку съ Синнеттомъ (письма Кутъ-Хуми въ «Occult World»), а затѣмъ и съ другими теософами и даже скептиками и «подозрителями», подобными мнѣ. Махатма Моріа,—съ просьбой, чтобъ его называли просто М.,—принимаетъ роль «хозяина» Елены Петровны и обязуется постоянно къ ней являться изъ Тибета, ежедневно показываться графинѣ Вахтмейстеръ, Машкѣ Флинъ и прочимъ, а также звонить въ «серебряную штучку».

Блаватская и Олкоттъ дѣлаютъ что могутъ. Кутъ-Хуми пишетъ нерѣдко очень интересныя, горячо и талантливо изложенныя письма и только разъ попадается въ жесточайшемъ плагіатѣ, при чемъ весьма глупо и неловко силится оправдаться (см. въ началѣ отчета «лондонскаго общества для психическихъ изслѣдованій»). Но махатма М., *строгій* (по увѣренію Е. П. Б.) «хозяинъ», рѣшительно портитъ все дѣло.

— Помилуйте! — не разъ говорилъ я Еленѣ Петровнѣ:—вы совершенно компрометтируете вашего «хозяина»! Сей величайшій мудрецъ, выпивъ стаканъ молока (это его дневная порція пищи), лежитъ въ глубинѣ Тибета, такъ сказать, у самаго порога Нирваны. Его дивный умъ рѣшаетъ судьбы міра. И вдругъ вы ему отсюда: «дзиннь»! Онъ тотчасъ-же «дѣлаетъ затрату жизненной силы», вылѣзаетъ изъ своего грубо-матеріальнаго тѣла, оставляетъ это тѣло въ Тибетѣ переваривающимъ стаканъ молока, облекается въ *астральную* оболочку—и, во мгновеніе ока, шасть сюда къ вамъ. «Дзиннь! Что прикажете, упазика (мать)?» «А ну-ка, любезный, напиши письмо г-жѣ А. и кинь черезъ часъ его ей на голову!» «Слушаю-съ!» «А ну-ка, любезный, напиши: «я былъ тамъ, конечно; но кто можетъ открыть глаза не желающему видѣть» и положи эту записку въ карманъ Олкотта!». «Слушаю-съ!». «А ну-ка, любезный, покажись Машкѣ Флинъ!». «Слушаю-съ!». Развѣ-же такъ возможно? Вѣдь, онъ выходитъ не «хозяинъ» вашъ, а лакей, служащій у васъ на побѣгушкахъ!

О, какъ сердилась она на меня за такія рѣчи, какъ таращила свои громадные глаза цвѣта полинявшей бирюзы!

А между тѣмъ никто, какъ есть никто изъ самыхъ даже, повидимому, разумныхъ теософовъ не смущался этой жалкой лакейской ролью великаго, таинственнаго учителя, «хозяина», могущаго отнимать у смерти Елену Петровну!

Но оставимъ въ сторонѣ и эти интимныя, *домашнія* обстоятельства. Представимъ нашу «упазику» дѣйствительной, невин-

ной жертвой миссіонеровъ, Годжсона, Майерса, меня, m-me де-Морсье и т. д., всѣхъ, кто узналъ и объявилъ ее обманщицей. Представимъ, что всѣ мы—или заблуждающіеся, или недобросовѣстные обвинители. Какимъ-же образомъ махатмы, эти «святые, безгрѣшные мудрецы», допустили свою избранницу страдать безвинно? Вѣдь, отъ нихъ зависѣло заблуждающихся вернуть на путь истины, а недобросовѣстныхъ посрамить. Между тѣмъ, Кутъ-Хуми остался доказаннымъ *плагіаторомъ*, а «хозяинъ»—*кисейной куклой*, хоть его и видали ежедневно Машка Флинъ и гр. Вахтмейстеръ.

Но избранница виновна, уличена въ самыхъ разнородныхъ обманахъ, доведена до отчаянья, пишетъ свою «исповѣдь», а потомъ начинаетъ мстить. «Святые и безгрѣшные» махатмы стоятъ въ сторонкѣ, какъ будто имъ тутъ и дѣла нѣтъ. Они видятъ самую гнусную грязь и клевету, которую «упазика» и ея друзья, прикрываясь ихъ именемъ, варятъ въ колдовскомъ котлѣ для *враговъ*. Видятъ это и «теософы»—и помогаютъ своей Н. Р. В. варить грязь и клевету, мечтая о Нирванѣ.

«Можетъ быть, и есть какіе-нибудь святые и мудрые «махатмы» въ Тибетѣ, только врядъ-ли они могли имѣть что-либо общее съ Блаватской, оставаясь святыми и мудрыми»—это слѣдуетъ сказать искреннимъ членамъ «теософическаго общества». А что Н. Р. В. попала въ руки тайнаго, религіозно-политическаго индійскаго братства, что она приняла въ этомъ братствѣ буддизмъ и взяла на себя миссію распространять его въ тѣхъ странахъ, гдѣ пало христіанство и чувствуется стремленіе къ какой-бы то ни было вѣрѣ—это, быть можетъ, гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ кажется съ перваго раза. По крайней мѣрѣ мнѣ приходилось видѣть мельканіе чего-то подобнаго въ прорывавшихся у Е. П. Блаватской намекахъ. Въ иныя минуты она положительно производила впечатлѣніе существа закабаленнаго, связаннаго чѣмъ-то или кѣмъ-то.

Въ такія минуты она была жалка и несчастна. Я никогда не забуду, какъ однажды она воскликнула:

— Хотѣла-бы вернуться... хотѣла-бы стать русской, христіанкой, православной... тянетъ меня... и нѣтъ возврата!.. я въ цѣпяхъ... я не своя!

А черезъ полчаса начались опять разглагольствованія о «хозяинѣ»...

По мѣрѣ того, какъ печатался въ «Русскомъ Вѣстникѣ» этотъ разсказъ мой, я слышалъ отъ нѣсколькихъ лицъ такого рода разсужденія: «зачѣмъ вы сказали, что жалѣли и жалѣете эту ужасную женщину? Она такъ преступна, такъ отвратительна—и вы сами доказываете это,—что никакъ не можетъ

вызывать къ себѣ чувства жалости, особенно въ человѣкѣ, лично знакомомъ со всѣми ея обманами, полной безпринципностью, злобой и клеветою!..»

Отвѣчу: я не только былъ свидѣтелемъ отвратительныхъ ея дѣяній, но и на себѣ самомъ испыталъ ея грязное мщеніе, и все-таки, вспоминая нѣкоторыя минуты нашихъ бесѣдъ съ нею, я не могу думать о ней безъ жалости. Я никогда не позволялъ разростаться во мнѣ этому чувству, я всегда его сдерживалъ и неуклонно дѣлалъ свое дѣло — наблюдалъ, слѣдилъ за нею, ловилъ ее. Когда пришло время — я спокойно способствовалъ всѣмъ, что было въ моей власти, ея разоблаченію, не упустилъ ничего, не проявилъ относительно этой возмутительной обманщицы никакой слабости. Но жалость къ ней все же оставалась. Теперь, когда ея нѣтъ, я, опять-таки безъ послабленія, предаю во всеобщее свѣдѣніе разсказъ объ ея скверныхъ дѣяніяхъ. А жалость все же остается...

И эта жалость вовсе не признакъ какого-нибудь моего добросердечія. Она имѣетъ свою причину не во мнѣ, а въ самой Еленѣ Петровнѣ Блаватской. Въ свои спокойныя и добрыя минуты она была необычайно симпатична. Въ ней заключалось какое-то обаяніе, какой-то магнитъ, притягивавшій къ ней съ неудержимой силой.

Симпатичность—такое свойство, котораго не передашь никакими словами; но всѣ, мужчины и женщины, старые и молодые, на кого ласково глядѣли эти громадные, странные глаза, испытывали одно и то же. Я знаю, напримѣръ, одну молодую женщину, неувлекающуюся, нисколько не сентиментальную и сразу инстинктивно понявшую Блаватскую. Столкнувшись съ этой, въ то время совсѣмъ еще молодой женщиной, простой и скромной, знаменитая «madame», у которой разные «синіе чулки» цѣловали руки и ноги, увидѣла себя, къ большому своему удивленію, разгаданной и парализованной. И все-таки эта молодая женщина говорила и говоритъ: «Блаватская была ужасная злодѣйка, но почему-то производила часто такое впечатлѣніе, что надъ нею хотѣлось плакать отъ невыносимой къ ней жалости».

Причину этой странной симпатичности «современной жрицы Изиды» слѣдуетъ искать въ ея самобытной, своеобразной, горячей какъ огонь талантливости и въ ея бурной, бѣшеной энергіи. Такая талантливость и энергія—стихійная сила, съ которой не легко бороться. Эта сила, въ соединеніи съ душевной извращенностью, съ какимъ-то звѣринымъ непониманіемъ «въ жизни» различія между добромъ и зломъ, произвела одно изъ весьма интересныхъ и характерныхъ явленій конца девятнадцатаго вѣка—«теософическое общество».

XXVI.

Хотя «теософическое общество» основано и въ весьма недавнее, сравнительно, время, въ 1875 году, однако, *дѣйствительное* происхожденіе его до сихъ поръ терялось во мракѣ таинственности и неизвѣстности. Какъ его основатели, т. е. Блаватская и Олкоттъ, такъ и первые ихъ послѣдователи сдѣлали все возможное для того, чтобы напустить какъ можно больше туману, въ густыхъ волнахъ котораго легко задохнуться, но никакъ нельзя отыскать настоящей «колыбели» интереснаго младенца, бывшаго плодомъ духовнаго союза русской «скиталицы» и американскаго «полковника».

Вѣрно только одно, что интересный младенецъ получилъ свое бытіе въ Америкѣ, въ Нью-Іоркѣ, и это именно обстоятельство дало возможность виновникамъ его многознаменательной жизни окутать пеленами тайны его рожденіе. На американской почвѣ нетрудно выдумать и привести въ исполненіе что угодно; ничего не стоитъ, какъ устно, такъ и печатно, распустить самые баснословные слухи и найти достаточное количество людей, готовыхъ имъ вѣрить безъ всякихъ разсужденій.

По легендамъ, пущеннымъ въ обращеніе теософами «перваго призыва», Е. П. Блаватская отъ юности своей находилась подъ особымъ покровительствомъ «тибетскихъ братьевъ», которые, взявъ ее на попеченіе, руководили всѣми шагами ея жизни, подготовляя въ ней исполнительницу великой миссіи, имѣющей *міровое* значеніе.

Когда приспѣло время открыть высшія истины человѣчеству, погрязшему въ заблужденіяхъ всякаго рода, Блаватская была вызвана въ Индію, получила тамъ, вмѣстѣ съ принятіемъ ею буддизма, высокія посвященія, а затѣмъ была послана въ Америку. Здѣсь она должна была соединиться съ другимъ избранникомъ, хоть и значительно менѣе достойнымъ, Олкоттомъ, и создать вмѣстѣ съ нимъ «теософическое общество». Олкоттъ становился, такъ сказать, тѣломъ этого учрежденія, а Блаватская—его душою. «Обществу» была гарантирована постоянная помощь тибетскихъ агентовъ, и двое изъ нихъ, Кутъ-Хуми и Моріа, брались вдохновлять Блаватскую и входить въ общеніе съ теософами, заслуживающими такую высокую честь.

Такова, въ общихъ чертахъ, сущность легенды. Что-же касается *дѣйствительной* исторіи, я имѣю возможность въ значительной степени освѣтить ее, благодаря собственноручнымъ письмамъ Елены Петровны Блаватской, относящимся именно къ самому интересному времени—отъ конца 1874 года и до 1879

года *). Мои читатели уже знаютъ, что такое письма Блаватской и какъ слѣдуетъ къ нимъ относиться. Но въ настоящемъ случаѣ ея описанія, какъ будетъ видно, получаютъ первостепенное документальное значеніе, и всякій легко и сразу, безъ какихъ-бы то ни было комментаріевъ, увидитъ, что въ нихъ не можетъ быть *правдой* и что не можетъ быть *ложью*.

1873 годъ былъ годомъ рѣшительнаго перелома въ жизни Елены Петровны Блаватской. Ей исполнилось уже 42 года. Вмѣстѣ съ исчезнувшей молодостью исчезло и все, чѣмъ доселѣ жила она. Если-бы она была женщиной обыденной, ей пришлось бы погибнуть, превратиться въ ничто, или влачить самое жалкое существованіе. Но въ ней заключалась сила энергіи и таланта, которая именно теперь, когда ушла молодость со всѣми ея бурями, должна была широко и свободно развиться.

Волна жизни выбросила Елену Петровну на американскій берегъ, и она очутилась одна, безъ друзей и покровителей, безъ опредѣленныхъ средствъ къ жизни, безъ прежнихъ способовъ, которыми она могла-бы заинтересовать собою. Она не потерялась, оглядѣлась, прислушалась—и рѣшила попробовать свои силы въ качествѣ спиритической писательницы. Она окружила себя таинственностью, стуками, завела знакомство въ редакціяхъ двухъ-трехъ газетъ, разсказывала интересныя вещи о своихъ разнообразныхъ путешествіяхъ.

Мало-по-малу становилась она извѣстной американскимъ спиритамъ, какъ горячая послѣдовательница ихъ ученія и къ тому-же обладающая сильными медіумическими способностями. Наконецъ, изъ Нью-Іорка, она отправилась въ Вермонтъ, на ферму братьевъ Эдди, въ то время надѣлавшихъ много шуму медіумовъ. Познакомилась она тамъ съ полковникомъ Олкоттомъ, пріѣхавшимъ въ качествѣ корреспондента для разслѣдованія чудесъ, совершавшихся братьями Эдди.

Она, очевидно, нашла, что энергичный и въ то-же время необыкновенно покладистый полковникъ будетъ ей хорошимъ, полезнымъ товарищемъ—и быстро съ нимъ подружилась. Онъ сразу-же оказалъ ей огромную услугу: въ своихъ корреспонденціяхъ наговорилъ о ней съ три короба разныхъ чудесъ и этимъ помогъ ея писательству. У нея мелькнула мысль, что хорошо было-бы писать не только по-англійски въ американскихъ газетахъ, но и попытаться работать въ томъ-же направленіи и для далекой родины, переводя свои статьи и другія *интересныя* вещи.

*) Съ этими письмами я познакомился, когда уже мой разсказъ давно печатался въ «Русскомъ Вѣстникѣ», и получилъ я ихъ въ *апрѣлѣ* 1892 г. Они мнѣ переданы какъ *полнѣйшее* подтвержденіе моего разсказа и моихъ выводовъ, и какъ весьма важное дополненіе къ моимъ документамъ.

Весь вопросъ заключается въ томъ: какимъ образомъ доставлять все это въ Россію и черезъ кого хлопотать о напечатаніи. Она познакомилась съ Andrew Jackson Davis'омъ, писателемъ-спиритомъ, и онъ указалъ ей на человѣка, который, по его мнѣнію, могъ ей быть полезнымъ въ Россіи. Человѣкъ этотъ былъ А. Н. Аксаковъ, издатель лейпцигскаго журнала «Psychische Studien», издавна интересующійся всякими психическими вопросами и, между прочимъ, феноменами спиритизма.

28 октября 1874 года Елена Петровна писала А. Н. Аксакову: «извините меня, если совершенно незнакомая вамъ личность адресуется такъ безцеремонно къ вамъ... Вотъ въ чемъ дѣло: я живу въ Америкѣ около полутора года уже и не имѣю намѣренья уѣзжать. Вся жизнь моя сосредоточилась здѣсь, т. е. жизнь внутренняя, конечно, такъ какъ я слишкомъ устарѣла, чтобы интересоваться много внѣшней жизнью... То, что происходитъ теперь въ Америкѣ, въ Англіи и во Франціи, должно-бы стараться объяснить у насъ. Спиритизмъ здѣсь не шуточное дѣло. Изъ 11 милліоновъ спиритовъ въ Соединенныхъ Штатахъ по послѣднему отчету, ихъ прибавилось до 18 милліоновъ, почти 50 проц. на 100, съ той самой минуты, какъ появились брошюры, защищающія спиритизмъ, съ именами подобными Альфреду Уолласу, Круксу, Варлею и проч. Вся пресса заговорила разомъ. Попытки къ насмѣшкѣ, осужденію и хулѣ дѣлаются рѣже и рѣже. Въ прошломъ году еще можно было найти въ такъ называемомъ «respectable Newspaper» статейку о какомъ-либо спиритскомъ фактѣ, теперь-же еле проходитъ одинъ день, чтобы журналы не были переполнены сотнями фактовъ, доказательствъ и т. д. Журналы посылаютъ во всѣ стороны «reporter'овъ» и артистовъ къ медіумамъ. Я только на прошлой недѣлѣ вернулась отъ Эдди-братьевъ, извѣстныхъ медіумовъ въ Рутландѣ Вермонтѣ, гдѣ провела 2 недѣли. Домъ и сосѣднія квартиры были наполнены корреспондентами. У «Eddys» духи усопшихъ разгуливаютъ чуть не днемъ. Нѣсколько разъ уже являлись они безъ помощи медіума, а по вечерамъ отъ 15 до 20 духовъ являются какъ во плоти передъ глазами зрителей во время сеансовъ. Я говорила, какъ при жизни, съ *отцомъ*, *дядей*, съ другими родными «по-русски» въ продолженіе 5 минутъ на платформѣ *). Семь особъ изъ числа давно умершихъ знакомыхъ, различныхъ націй, являлись, говорили со мной, каждый на своемъ языкѣ и уходили. Нельзя-ли мнѣ будетъ прислать или, скорѣе, постоянно присылать къ вамъ отсюда переводы статей о спиритическихъ фактахъ

*) Возвышенная эстрада передъ занавѣской, изъ-за которой появлялись фигуры, разхаживали и бесѣдовали съ зрителями.

не неизвѣстныхъ личностей, но такихъ людей, какъ Робертъ Дэль Оуэнъ, полковникъ Олкоттъ и лучшихъ здѣшнихъ писателей. Я со многими ими знакома и они даютъ мнѣ, съ удовольствіемъ, право переводить ихъ произведенія. Олкоттъ корреспондентъ, посланный нарочно однимъ изъ лучшихъ иллюстрированныхъ журналовъ Нью-Іорка, «The Grafic»—въ Вермонтъ къ Эддибратьямъ. Онъ провелъ тамъ уже болѣе 2-хъ мѣсяцевъ, и его иллюстрированныя статьи производятъ фуроръ. Я также работаю для «Grafic» и могу высылать регулярно статьи, переведенныя и переписанныя начисто; съ копіями иллюстрацій, рисованныхъ перомъ и тушью. Вы вѣроятно также слышали о посмертномъ сочиненіи Диккенса. Вторая часть неоконченнаго имъ при жизни романа его «Эдвина Друда». Я перевела эту вторую часть, и она лежитъ готовая у меня... Духъ-ли Диккенса написалъ ее или самъ медіумъ James, но эта вторая часть признана всей американской и европейской прессой (съ малыми исключеніями) за совершенное *facsimile* слога Диккенса и его неподражаемаго юмора... Извиняюсь еще разъ за безцеремонность письма. Надѣюсь, что быть можетъ найдете свободную минуту отвѣтить мнѣ слова два. Очень-бы я хотѣла видѣть напечатанное въ Россіи окончаніе вышеупомянутаго романа Диккенса. Я долго надъ нимъ работала и переводила съ манускрипта Джемса, какъ онъ писалъ подъ диктовку духа Диккенса...»

Письмо это не дошло еще по назначенію, какъ Е. П. Блаватская послала вслѣдъ за нимъ другое, отъ 14 ноября. Оно весьма краснорѣчиво и полно значенія для ея характеристики.

«Нѣтъ недѣли еще, какъ я писала вамъ, и вотъ—горько каюсь въ томъ уже! Сегодня утромъ, по обыкновенію моему, когда я въ городѣ, я сидѣла у единственнаго друга моего, многоуважаемаго всѣми здѣсь Andrew Jackson Davis'a онъ получилъ ваше письмо, писанное по-французски и, не зная хорошо языка, просилъ меня прочесть и перевесть. Въ письмѣ этомъ вы пишете: «J'ai entendu parler de M-me Blavatsky par un de ses parents, qui la dit un medium assez fort. Malheureusement ses communications se ressentent de *son moral, qui n'a pas été des plus sévères*» *). Кто-бы вамъ ни говорилъ обо мнѣ, они говорили *правду*, въ сущности, если не въ подробностяхъ; только видитъ одинъ Богъ, что выстрадала я за мое прошлое. Видно ужъ такова судьба моя, что нѣтъ мнѣ на землѣ прощенья. Это *прошлое*, какъ печать проклятья на Каинѣ, преслѣдовала меня всю жизнь и преслѣдуетъ даже сюда,

*) «Я слышалъ о г-жѣ Блаватской отъ одного изъ ея родственниковъ, который считаетъ ее сильнымъ медіумомъ. Къ несчастію, ея сообщенія отзываются ея нравственностью, бывшей не изъ самыхъ строгихъ».

въ Америку, куда я уѣхала, подальше отъ *него* и отъ людей, которые меня знали въ молодости. Вы сдѣлались невинной причиной тому, что теперь я буду принуждена бѣжать куда-нибудь еще подальше—куда? не знаю. Я не обвиняю васъ, видитъ Богъ, что, писавши эти строки, я не имѣю ничего въ душѣ противъ васъ, кромѣ глубокаго, давно знакомаго мнѣ горя за неисправимое прошлое. Andrew Jackson, который *чувствуетъ* и читаетъ людей яснѣе всякой книги (а въ этомъ никто не сомнѣвается кто его знаетъ), сказалъ мнѣ на это только слѣдующія многознаменательныя слова: «я васъ знаю, такой какъ *вы есть* теперь, и *чувствую* васъ, до вашего-же прошлаго я не хочу и не могу касаться, я напишу г-ну Аксакову, что онъ *не знаетъ* васъ лично, *я* же—знаю». Эти слова, сказанныя А. Ж. Дэвисомъ, достаточны будутъ для васъ, и мнѣ нѣтъ болѣе надобности стараться васъ увѣрять, что M-me Blavatsky, 20 лѣтъ назадъ, или теперь, когда ей за 40 уже—*двѣ особы*. Я «спиритка», и «спиритуалистка» въ полномъ значеніи этихъ двухъ названій... Я была «матерьялисткой» почти до 30 лѣтъ, и вѣрила и не вѣрила въ спиритизмъ. Не вѣря въ Бога, я не могла вѣрить въ будущую жизнь. Нравственность и добродѣтель я принимала за общественное одѣяніе, ради приличія—un masque social que l'on n'appliquait sur la figure que pour ne pas choquer l'estetique de son voisin, comme on mettrait du taffetas anglais sur une laide blessure *). Я ненавидѣла «общество» и такъ называемый свѣтъ, какъ ненавидѣла *лицемѣріе* въ какомъ-бы оно видѣ ни проявлялось—ergo: шла противъ общества и установленныхъ приличій напроломъ. Результатъ: три строчки въ вашемъ письмѣ, которыя пробудили во мнѣ все прошлое и растравили всѣ старыя раны. Болѣе 10 лѣтъ уже *я спиритка и теперь вся жизнь моя принадлежитъ этому ученію.* Я борюсь за него и стараюсь посвящать оному всѣ минуты жизни моей. Будь я богата, я-бы употребила всѣ мои деньги до послѣдняго гроша pour la propagande de cette divine vérité **). Мои средства очень плохи и я принуждена жить трудами своими, переводами и писать въ журналахъ.

«Вотъ почему я обратилась къ вамъ съ предложеніемъ переводить на русскій языкъ все, что выходитъ здѣсь о спиритуализмѣ. Я перевела Эдвина Друда, и онъ давно готовъ, также я перевожу теперь письма (Colonel H. S. Olcott), которыя производятъ въ эту минуту такую революцію въ умахъ матерьялистовъ.

---

*) «за общепринятую маску, которую надѣвали только для того, чтобы не оскорблять эстетическаго чувства своего сосѣда, какъ прикрыли-бы англійской тафтою безобразную рану».

**) «для пропаганды этой божественной истины».

«Онъ *инвестигировалъ*, 8 недѣль, матерьялизаціи духовъ у Eddy Brothers въ Вермонтѣ и я была у нихъ и жила 2 недѣли на фермѣ у нихъ, гдѣ съ нимъ и познакомилась. Его письма и сочиненія достойные соперники книгъ Роберта Дэль Оуена (Owen), Эпса Саржента и другихъ защитниковъ. Но теперь, когда я узнала ваше справедливое, хотя суровое мнѣніе обо мнѣ, я вижу, что нѣтъ для меня спасенья кромѣ смерти. До гроба придется мнѣ тянуть «ce boulet de galerien social» *). Видно ни раскаяніе, ни добровольное изгнанье изъ родины, гдѣ есть у меня и братья и сестры и любимые родные, которыхъ я никогда уже не увижу на землѣ—ничто не усмиритъ гнѣва этого разъяреннаго дикаго звѣря, котораго зовутъ публичнымъ мнѣньемъ!

«Одна есть у меня къ вамъ просьба: не лишайте меня добраго мнѣнія Andrew J. Davis'a. Не раскрывайте передъ нимъ того, что̀ если онъ узнаетъ и убѣдиться, заставитъ меня бѣжать на край свѣта. У меня осталось лишь одно убѣжище для себя въ мірѣ—это уваженіе спиритуалистовъ Америки, тѣхъ, которые ничего не презираютъ столько—какъ «free love» **).

«Неужели вамъ принесетъ удовольствіе на вѣки убить нравственно женщину, которая ужъ и такъ убита обстоятельствами? Извините за длинное письмо и примите увѣреніе въ глубокомъ уваженіи и преданности готовой къ услугамъ.

«Елены Блаватской.

23. «Irvin Place, New lork».

Конечно, ея корреспондентъ, получивъ это письмо, поспѣшилъ увѣрить, что ему «не принесетъ никакого удовольствія навѣки убить нравственно женщину.»

Е. П. Блаватская снова писала изъ Гартфорда, 13 декабря 1874 года:

«Не знаю какъ благодарить васъ за вашу неизмѣримую доброту. Имѣя право презирать меня, какъ всякій благородный человѣкъ, за мою прошлую, грустную репутацію, вы такъ снисходительны и великодушны, что пишете мнѣ... Если есть у меня надежда на будущее, то это только за гробомъ, когда свѣтлые духи помогутъ мнѣ освободиться отъ моей грѣшной и нечистой оболочки. Извините меня и простите, если я, въ минуту отчаянія, написала вамъ мое глупое второе письмо. Я васъ не поняла и думала, что вы, какъ и другіе, судите только по наружности. Прочитавъ ваше письмо, я увидала, какъ ошиблась въ васъ, и что вы готовы подать руку помощи даже и такой, какъ я грѣшная... Письмо ваше я получила какимъ-то

*) влачить цѣпь общественнаго каторжника».
**) «свободную любовь».

чудомъ, котораго право не понимаю *(слѣдуетъ пространное описаніе, какимъ образомъ письмо, посланное въ Нью-Іоркъ, очутилось въ Филадельфіи самымъ, якобы сверхъестественнымъ образомъ)*. Я нахожусь на два дня по дѣламъ въ Гартфордѣ. Я пріѣхала посовѣтоваться съ полковникомъ Олкоттомъ на счетъ нѣсколькихъ перемѣнъ въ его письмахъ и добавленіяхъ. Онъ издаетъ теперь книгу на тэму своихъ писемъ въ «Grafic», книга такъ дополнена, что составляетъ 2 части, 600 страницъ. 1-ая часть будетъ составлена изъ оригинальныхъ писемъ, а 2-ая—публичное мнѣніе о спиритуализмѣ, антагонизмъ между наукой, религіей и феноменами спиритуализма. Послѣдній въ томъ видѣ, какъ онъ проявляется уже 40 лѣтъ въ общинѣ Шекеревъ и т. д. Книга эта слишкомъ обширна, чтобы ее переводить... лучше будетъ, если я пришлю переводъ писемъ такъ, какъ они были напечатаны въ «Daily Grafic». Всѣ рисунки и иллюстраціи духовъ я наклеиваю на листы переводовъ. Портретъ одного Гассанъ-Аги какъ онъ являлся мнѣ *матеръялизованный* въ Читтенденѣ, въ виду 40 человѣкъ, и говорилъ со мной половину по-русски, а половину по-грузински. Портретъ дяди моего Густава Алексѣевича Гана, который также являлся два раза. Вообще я играю большую роль въ письмахъ Олкотта, такъ какъ всѣ 7 духовъ, явившіеся ко мнѣ на фермѣ въ Вермонтѣ, послужили величайшимъ торжествомъ à la cause du Spiritualisme. Пока говорили духи только по-англійски и по-французски on avait raison de douter peut-être, car il était *possible* de soupçonner un jeu de prestige quelconque. Mais une fois, que 7 esprits *materialisés*, en chair et en os, tous differement habillés—selon leur pays et parlant 6 differentes langues, le Russe, le Turc, le Georgien, le Hongrois et l'Italien, parurent chaque soir et que tout le monde les entendit parler comme des personnes vivantes, les choses changerent d'aspect. Le pays est tout revolutionné. Je reçois des lettres de tous les pays, et de tous les editeurs. Un docteur nommé Beard, qui n'a passé qu'un jour à Chittenden, s'est permis d'insulter tous les *spirites*, en les appelant dans les journaux des «weak minded fouls and idios» et je lui ai repondu à deux reprises differentes dans les journaux. Il parait que sans le savoir, j'ai frappé juste. Les spirites les plus emminents comme Robert Dale Owen, D-r Child et autres m'ont adressé des lettres et les editeurs du plus grand «Publishing C°» d'Amerique, içi à Hartford m'ont écrit pour me proposer de composer un volume de lettres sur differentes phases du Spiritisme et des manifestations *physiques* des esprits que j'ai vues aux Indes, en Afrique et ailleurs. Ils veulent m'acheter cet ouvrage. J'aurais ma fortune faite si je ne portais pas malheureusement mon nom maudit de Blavatsky. Je n'ose risquer de signer de ce nom un livre quelconque. Cela pourrait provoquer

des souvenirs trop dangereux pour moi. Je prefère perdre 12 mille dollars que l'on m'offre, car les editeurs me proposent 12 cent par *copie* et ils garantissent de vendre 100 mille copies. Voici les fruits amers de ma jeunesse que j'ai vouée à Satan, ses pompes et ses œuvres! Enfin! Je vous enverrai, Monsieur, à la fin de cette semaine, un paquet de faits et articles découpés des journaux les plus «respectables» du pays. Je vous enverrai aussi mes deux lettres imprimées, car cela vous donnera d'avance l'idée de l'immense interet que doit produire un livre comme celui de col. Olcott. Imaginez vous, Monsieur, des esprits materialisés de bonnes russes parlant leur langue, des garçons Georgiens, des hommes Khourdes, de Garibaldiens Hongrois et Italiens, et enfin *mon oncle* *) русскій Предсѣдатель Гражданской Палаты въ Гроднѣ съ анненскимъ крестомъ на шеѣ, paraissant a 6,000 lieux de chez nous, en Amerique, dans une ferme isolée, perdue au milieu des montagnes du Vermont, avec des *médiums* fermiers grossiers, parlant mal même leur langue maternelle—et cela *à moi*, qu'ils ne connaissaient ni d'Adam ni d'Eve, devant une réunion de 40 personnes, composée de «reporters sceptique», de medecins, de «clergyman», d'hommes distisgués comme Olcott et de bien d'autres! Et pour couronner *le tout* dans une séance a part «the dark circle» un esprit, m'apportant la medaille de mon père pour la guerre de 1828 en Turquie et me disant ces mots devant tout le monde: I bring you, Helen Blavatsky, the badge of honor, received by your father for the war of 1828. We took this medal through *the influence* of *your uncle*, who appeared you this night—from your *fathers grave* at *Stavropol* and bring it you as a remembrance of us in whom you believe and have facth **).

---

*) Е. П. Б. забыла, что полтора мѣсяца передъ тѣмъ она писала о томъ, что видѣла даже «своего *отца, дядю и другихъ родныхъ* и говорила съ ними какъ при жизни». Теперь объ *отцѣ и другихъ родныхъ* упоминанія *навсегда* прекратились — остался одинъ *дядя*. Портретъ «этого дяди» былъ срисованъ на фермѣ Эдди *съ натуры* и помѣщенъ въ «Grafic»; но, оказалось, что почтенный покойникъ, за время своего пребыванія «на томъ свѣтѣ», измѣнился до неузнаваемости — съ чѣмъ впослѣдствіи должна была согласиться и сама Е. П. Б.

**) «имѣли, можетъ быть, основаніе сомнѣваться, потому что было *возможно* заподозрить какое-нибудь фокусничество. Но разъ что семь *матеріализованныхъ* духовъ, во плоти, всѣ различно одѣтые, въ своемъ національномъ костюмѣ, и говорящіе на шести различныхъ языкахъ: русскомъ, турецкомъ, грузинскомъ, татарскомъ, мадьярскомъ и итальянскомъ,—появлялись каждый вечеръ и всѣ ихъ слышали говорящими подобно живымъ людямъ—дѣло приняло совсѣмъ иной видъ. Происходитъ настоящая революція. Я получаю письма изо всѣхъ странъ и отъ всѣхъ издателей (!!!). Одинъ докторъ по фамиліи Beard, проведшій всего день въ Читтенденѣ, позволилъ себѣ оскорбить всѣхъ *спиритовъ*, назвавъ ихъ въ журналахъ «слабоумными и идіотами» и я ему дважды отвѣчала. Самые

«Я знаю эту медаль, я видала ее у отца *и знаю* что она была похоронена вмѣстѣ съ другими его крестами — *съ нимъ*. Она срисована въ «Grafic» и она у меня! Понимайте это какъ хотите! Отецъ умеръ въ прошломъ году въ *Ставрополѣ*. Какъ могли знать это духи? Какъ могли знать медіумы, что отецъ былъ военный и присутствовалъ въ сраженіяхъ съ турками? Тайна, величайшая тайна! *). Въ Россіи, конечно, не повѣрятъ. Скажутъ, что Блаватская или съ ума сошла, а можетъ и хуже. Хорошо, что при 40 свидѣтеляхъ. Вы не можете повѣрить, какое впечатлѣніе это произвело на всѣхъ. Напишу, отсылая письма, боюсь надоѣсть. Еще разъ, благодаря васъ, остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью, готовая къ услугамъ

«Е. Блаватская.

почтенные спириты какъ Robert Dale Owen, D-r Child и другіе, обратились ко мнѣ съ благодарственными письмами и издатели самаго большого въ Америкѣ издательскаго общества, здѣсь въ Гартфордѣ, написали мнѣ, предлагая *сочинить* (!) томъ писемъ о различныхъ фазахъ спиритизма и о *физическихъ* проявленіяхъ духовъ, видѣнныхъ мною въ Индіи, въ Африкѣ и въ другихъ странахъ. Я-бы нажила (этой книгой) себѣ состояніе, если-бы я, къ несчастію, не носила моего проклятаго имени, Блаватской. Я не смѣю рискнуть подписать этимъ именемъ какую-бы то ни было книгу. Это могло-бы вызвать слишкомъ опасныя для меня воспоминанія. Я предпочитаю потерять двѣнадцать тысячъ долларовъ, которыя мнѣ даютъ, — ибо издатели предлагаютъ 12 центовъ съ экземпляра и гарантируютъ продажу ста тысячъ экземпляровъ. Вотъ горькіе плоды моей молодости, посвященной мною Сатанѣ и всѣмъ дѣламъ его! Ну, да что тутъ! Я пришлю вамъ, милостивый государь, въ концѣ недѣли пакетъ съ разными вырѣзками изъ газетъ, самыхъ уважаемыхъ здѣсь. Я пришлю вамъ также два напечатанныхъ моихъ письма, ибо это заранѣе дастъ вамъ понятіе о громадномъ интересѣ, который должна возбудить книга, подобная книгѣ Олкотта. Представьте себѣ матеріализованныхъ духовъ русскихъ служанокъ, говорящихъ на родномъ языкѣ, молодыхъ грузинъ, курдовъ, венгерскихъ и итальянскихъ гарибальдійцевъ и, наконецъ, *моего дядю*, русскаго Предсѣдателя Гражданской Палаты въ Гроднѣ съ анненскимъ крестомъ на шеѣ, появляющихся за 6,000 лье отъ насъ, въ уединенной фермѣ, затерянной среди горъ Вермонта, — при посредствѣ *медіумовъ* — грубыхъ фермеровъ, говорящихъ плохо даже на своемъ родномъ языкѣ,—и все это *ради меня*, которую они совсѣмъ не знаютъ, при собраніи въ 40 человѣкъ, состоящемъ изъ скептиковъ репортеровъ, докторовъ, духовныхъ лицъ, порядочныхъ людей подобныхъ Олкотту и другихъ! Къ довершенію-же *всего* въ отдѣльномъ «темномъ» сеансѣ одинъ духъ приноситъ мнѣ медаль моего отца за турецкую войну 1828 года и говоритъ мнѣ, при всѣхъ, слѣдующія слова: «я приношу вамъ, Елена Блаватская, знакъ отличія, полученный вашимъ отцомъ за войну 1828 года. Эта медаль получена нами,—посредствомъ *вліянія* вашего дяди, который явился вамъ этой ночью, — *изъ могилы вашего отца въ Ставрополѣ* и я приношу ее вамъ какъ знакъ памяти отъ насъ, въ которыхъ и которымъ вы вѣрите».

*) Уголокъ этой «величайшей тайны», какъ увидятъ читатели, открылся очень скоро, когда по поводу *медали*, имѣвшей совершенно фантастическій видъ, поднялся крупный скандалъ, а Блаватская, несмотря на всю свою находчивость и смѣлость, сбилась въ показаніяхъ и запуталась.

«P. S. Полковникъ Олкоттъ свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе и посылаетъ свою фотографическую карточку. Онъ сдѣлался величайшимъ спиритуалистомъ изъ яраго скептика послѣ 13-ти недѣльнаго пребыванія у Эдди (братьевъ) въ Читтенденѣ... Если позволите, то пришлю вамъ свой портретъ литографированный и въ иллюстраціи «Daily Grafic» съ отчетомъ о моихъ путешествіяхъ въ Африкѣ и Суданѣ. Не знаю ужъ почему они мнѣ сдѣлали такую честь помѣстить меня на ряду съ Идой Пфейферъ и Ливингстономъ...»

Таковъ «прологъ» интересной, многоактной драмы, называющейся «теософическимъ обществомъ». Герои встрѣтились на фермѣ братьевъ Эдди, у «платформы», на которой появлялись странные духи «en chair et en os»: грузинъ, нянекъ, русскихъ чиновниковъ,—встрѣтились и поняли другъ друга. Они сразу увидѣли, что у нихъ общая «звѣзда», что они одного поля ягоды и что, поэтому, должны соединиться крѣпкими, неразрывными узами дружбы. Олкоттъ употребилъ всѣ мѣры для того, чтобы «муссировать» Блаватскую, онъ наболталъ о ней всякихъ чудесъ въ своихъ корреспонденціяхъ—и достигъ цѣли: ея статьи стали цѣниться, о ней заговорили, заинтересовались ею, ея портретъ долженъ былъ появиться (хотя, впрочемъ, не появился) на страницахъ «Grafic». Она не осталась въ долгу: напечатала двѣ статьи съ восторженными отзывами о книгѣ Олкотта, которая еще не вышла въ свѣтъ, но уже печаталась.

Извѣстность въ спиритическихъ кружкахъ и значительный литературный заработокъ поставили на ноги Елену Петровну. Богатыя ея способности и смѣлая фантазія развивались быстро—теперь, благодаря рекламамъ Олкотта, она становилась ученой женщиной, необыкновеннымъ медіумомъ, талантливой путешественницей по Африкѣ и Судану... Подъ ногами чувствовалась твердая почва. Одно тревожило: а вдругъ пойдутъ открытія изъ иного періода ея жизни, да пойдутъ еще изъ Россіи, отъ людей, заслуживающихъ полнаго довѣрія!—тогда все пропало.

При первомъ-же звукѣ, намекнувшемъ ей на возможность такой опасности, она заволновалась и тотчасъ-же рѣшила самый лучшій образъ дѣйствій. Еще не зная, что скоро ей понадобится роль «чистой дѣвственницы», она превратилась въ кающуюся Магдалину. Она обезоруживала своего русскаго корреспондента (казавшагося ей *опаснымъ*) искренностью и чистосердечіемъ раскаянія. «Была въ полномъ мракѣ; но увидѣла свѣтъ—и вся себя отдала этому свѣту,—объявляла она, просто и задушевно:—спиритизмъ есть великая истина—и я до гроба буду служить ей...»

Не худо, однако, было-бы, чтобъ еще кто-нибудь подтвердилъ ея слова русскому корреспонденту, для его окончательнаго успо-

коенія. И вотъ она ухватывается за того-же Олкотта, нисколько не подозрѣвая, какъ это наивно и сшито бѣлыми нитками. Она сначала посылаетъ фотографическое изображеніе своего друга съ его подписью, а затѣмъ самъ Олкоттъ пишетъ въ Петербургъ длинное посланіе о чудесахъ спиритизма, интересъ къ которымъ охватываетъ всю Америку. Но дѣло не въ спиритизмѣ, а въ слѣдующихъ строкахъ:

«Je m'estime très heureux d'avoire fait la connaissance de M-me de Blavatsky, de laquelle il n'est pas trop dire qu'elle possede plus de savoir occulte en fait de relations mysterieuses entre les deux mondes (de Matière et d'Esprit) que toute autre personne—dans ce pays du moins. La sévérité de sa vie et l'enthousiasme qui l'anime toujours pour tout ce qui touche au Spiritisme offrent aux spiritualistes americains un fort bel exemple de conduite et de foi sincère *)...»

Этотъ «аттестатъ» написанъ даже на почтовой бумагѣ Елены Петровны, да и редактированъ, какъ и все длинное письмо, очевидно ею, ибо *я знаю*, съ какими ужасными выраженіями и ошибками писалъ Олкоттъ по-французски въ 1884 году. Нельзя-же предположить, что десять лѣтъ передъ тѣмъ онъ зналъ французскій языкъ несравненно лучше.

XXVII.

Въ это время среди американскихъ спиритовъ произошелъ неожиданный и крупный скандалъ. Были медіумы Holmes. У нихъ на сеансахъ матеріализовался духъ молодой дѣвушки Кэти Кингъ. Почтенный старикъ Робертъ Дэль Оуэнъ, очень извѣстный въ спиритической литературѣ, занимавшійся уже около двадцати лѣтъ пропагандой спиритизма, особенно заинтересовался этой матеріализованной дѣвушкой. Нѣсколько мѣсяцевъ наблюдалъ онъ ее на ежевечернихъ сеансахъ у Holmes, бесѣдовалъ съ нею, она его называла «отцомъ», а онъ ее «дочерью». Въ доказательство своей отеческой нѣжности, онъ дарилъ Кэти Кингъ браслеты, кольца и т. д., предполагая при этомъ, что она, послѣ сеансовъ, уноситъ его подарки въ міръ духовъ—и

---

*) «Я почитаю себя весьма счастливымъ познакомясь съ г-жей Блаватской, о которой можно сказать, что она обладаетъ большими познаніями относительно таинственныхъ сношеній между двумя мірами (матеріи и духа), чѣмъ кто-либо, въ этой странѣ по крайней мѣрѣ. Строгость ея жизни и постоянный ея энтузіазмъ ко всему, касающемуся спиритизма, являютъ американскимъ спиритуалистамъ прекрасный примѣръ поведенія и искренней вѣры».

тамъ они дематерьялизуются, поступаютъ, такъ сказать, въ общую экономію природы. Зачѣмъ онъ, въ такомъ случаѣ, дарилъ ей цѣнныя вещи—на это, конечно, очень трудно отвѣтить, не будучи въ его положеніи. Впрочемъ, *подобная дочка* можетъ заставить дѣлать еще и не такія глупости.

Вдругъ является къ почтенному Оуэну нѣкто Лэсли, тоже спиритъ, плачетъ и объявляетъ:

— А, вѣдь, дѣло-то не ладно!

— Что такое?

— Да то, что мы обмануты самымъ низкимъ образомъ: Кэти Кингъ не духъ, а живая женщина.

— Этого не можетъ быть! — въ негодованіи восклицаетъ Оуэнъ.—Я такъ полюбилъ ее, она такая славная, она не можетъ обмануть меня—все это гнусная клевета на мою милую дочку!

Но тутъ Лэсли вынимаетъ всѣ подарки, нисколько не дематерьялизованные, и называетъ ту смѣлую особу, которая такъ удачно изображала изъ себя *духа!*

Оуэнъ въ полномъ отчаяніи и заболѣваетъ съ горя. Оправившись и нѣсколько прійдя въ себя, онъ желаетъ удостовѣриться въ обманѣ—и мнимая Кэти Кингъ, при немъ и при другихъ свидѣтеляхъ, наряжается *духомъ* и продѣлываетъ все, что надо, съ полной отчетливостью. Старикъ убѣждается въ обманѣ и, какъ честный человѣкъ, не боясь никакихъ насмѣшекъ, объявляетъ обо всемъ печатно, въ газетахъ.

Поднимается буря, образовываются два лагеря, печатная, борьба ожесточается. Е. П. Блаватская, съ присущей ей энергіей, бьется за то, что нѣтъ никакого обмана, что Кэти Кингъ—*духъ* и что тутъ «конспирація».

Она разсказываетъ всю эту исторію своему корреспонденту и пишетъ далѣе:

«Вся эта гнусная исторія не болѣе и не менѣе какъ заговоръ (теперь почти доказанный) протестантскаго іезуитскаго общества «The Youngmen's Christian Association» — громадное общество, разсѣянное по всѣмъ городамъ Америки. Онъ (Р. Д. Оуэнъ) нравственно убилъ себя этимъ въ общественномъ мнѣніи, его всѣ журналы подымаютъ на смѣхъ. Напримѣръ, такая штука: «соучастница Лэсли (извѣстнаго подлеца и вора, укравшаго на милліоны (!!) въ желѣзныхъ дорогахъ) наряжается въ костюмъ духа Katie, и въ приготовленной для того комнатѣ и «кабинетѣ», при Роб. Оуэнѣ и другихъ, показываетъ, какъ она *представляла* духа. Въ этотъ самый вечеръ и часъ, настоящая Katie King является передъ 20 человѣками свидѣтелей на сеансѣ у оклеветанныхъ медіумовъ *Holmes*. Всѣ журналы наполнены pro и contra. Ничего, будемъ утѣшаться пословицей, за вульгар-

ность коей прошу извиненій заранѣе: Богъ не допуститъ, такъ и свинья не съѣстъ. Я не знаю ни одного болѣе ловкаго мошенничества, какъ эта исторія. Бѣдный Robert Dale Owen, если у него откроются глаза, то боюсь я, что бѣдный старикъ не выдержитъ удара. Въ настоящую минуту я горжусь тѣмъ, что быстро дѣлаю прозелитовъ... Для спиритизма я готова работать день и ночь, лишь-бы былъ у меня кусокъ хлѣба, да и то только потому, что голодной трудно работать»...

Она работала дѣйствительно много: печатала статью за статьей и въ то-же время переводила безконечныя корреспонденціи Олкотта о чудесахъ у братьевъ Эдди. Она писала отъ 11 февраля 1875 г.:

«...Я выбросила изъ писемъ Олкотта все касающееся до меня *лично*, оставивъ только о духахъ и моихъ сношеніяхъ съ ними. Его дружба ужъ слишкомъ далеко увлекла его въ неограниченныхъ похвалахъ и никакъ не могу я вбить ему въ голову, что величая меня «Countess» онъ только даетъ поводъ русскимъ, знающимъ меня, смѣяться надо мною... Я написала статью (она перепечатана въ «Banner of Light») противъ D-r Child'a, такъ какъ чувствовала себя *обязанной* нравственно, какъ спиритуалистка и «crusader of the mighty Spiritual Army», сказать правду, заступиться за невинныхъ и вывести на чистую воду *виноватыхъ* и преступныхъ. Вѣдь эта исторія о Katie King и скандалъ дали такой отпоръ и толчекъ назадъ «матерьялизаціи», что подняли цѣлую бурю въ странѣ. Выходитъ, что не одни медіумы Holmes виноваты. Главный преступникъ *) D-r Child, который изъ *спекуляціи* нанялъ нѣкую *M-rs White*, чтобы она дала снять съ себя портретъ, какъ духа Katie King, которая почему-то не желала poser pour son portrait à elle. Генералъ Липпитъ, Олкоттъ, адвокатъ Робертсъ и я, мы пошли работать и производить слѣдствіе. Олкоттъ доказалъ «the real mediumship» Holmes, и мы открыли сознаніемъ самого фотографа и медіумовъ, что D-r Child изволилъ подкупить и ихъ, и эту *M-rs White* надуть публику продажей этихъ фотографій. Вотъ почему я написала эту статью, зная, т.-е. полагая скорѣе, что мы иначе не доберемся до правды какъ если публично обвинить D-r Child. Я надѣялась, что если у него осталась хоть капля совѣсти, то онъ подастъ на меня прошеніе въ судъ и даже арестуетъ меня *for libel*. Я желала этого потому что заранѣе жертвовала собой спиритуализму и готова въ защиту *своей вѣры* и *истины* хоть сейчасъ положить голову на плаху; а на судѣ, передъ Grand Jury, я-бы доказала, кто правъ и кто виноватъ въ этомъ безпримѣрномъ мошенни-

*) Теперь ужъ не Лэсли и не іезуиты какіе-то протестантскіе!

чествѣ спиритуализма, въ этой плутнѣ, гдѣ никто не пойметъ, что правда, а что ложь, и которая повергаетъ весь спиритическій міръ Америки и Европы въ уныніе и смущеніе, а скептикамъ даетъ право смѣяться надъ нами. Бѣдный Робертъ Дэль Оуэнъ *умираетъ*. Ему 73 года и вся жизнь его слилась съ духомъ Katie King. Этотъ ударъ оказался слишкомъ тяжелымъ для старика, и хотя онъ послѣ этого «soi disant exposé» еще два раза видѣлъ у Holmes самую Katie King, которую онъ видѣлъ болѣе 80 вечеровъ сряду и которая доказала намъ на *investigation seances,* что она истинный духъ, а не подставная смертная, и утѣшала Оуэна, но онъ заболѣлъ и кажется не встанетъ. Вѣдь, вся его репутація какъ писателя пропала; теперь сомнѣваются во всемъ, что онъ когда-то писалъ. И все это черезъ D-r Child'a, мошенника и спекулятора. По статьѣ моей вы увидите, что я его не щажу. Я все ожидала, что онъ пришлетъ арестовать меня... къ удивленію моему D-r Child и не отвѣчалъ даже въ журналахъ, а просто съ того дня спрятался у себя въ домѣ и боится больше всего на свѣтѣ, чтобы его кто не потащилъ въ судъ... Онъ былъ президентомъ въ Spiritual Hall здѣсь и тотчасъ-же самъ подалъ въ отставку, такъ какъ мы приготовились попросить его удалиться. Я получаю письма благодарственныя со всѣхъ сторонъ, отъ спиритовъ и *не* спиритуалистовъ, между прочимъ отъ проф. Дрэппера и проф. Корсона. Коль услышите, что многогрѣшная Блаватская погибла, *не* во цвѣтѣ лѣтъ и красоты, какой-нибудь удивительной смертью и что она на вѣки дематерьялизовалась, *for ever*, то такъ и знайте, что за спиритуализмъ. На тя Господи уповахомъ, да не постыдимся во вѣки»...

Тутъ мы подходимъ къ весьма *знаменательному* факту. Е. П. Блаватская пишетъ далѣе, въ томъ-же письмѣ:

«...*John King* (Джонъ Кингъ) послалъ Олкотта въ Гаванну на нѣсколько дней... Я совсѣмъ перестала получать письма и отъ тетокъ и отъ сестеръ (?); забыли онѣ всѣ видно меня, да для нихъ и лучше. Не украшенье я имъ, по правдѣ сказать. Въ Россію ужъ назадъ *никогда* не вернусь. Отецъ умеръ, никому я не нужна и совсѣмъ лишняя на свѣтѣ. Здѣсь я по крайней мѣрѣ человѣкъ, а тамъ—*Блаватская*. Знаю что меня здѣсь всѣ уважаютъ, да и спиритуализму я нужна. Теперь духи мнѣ и братья и сестры и мать и отецъ. Мой John King одинъ способенъ мнѣ все замѣнить; онъ стоитъ горой за меня. А еще его двойникомъ медіума называютъ, его и Katie King Крукса! Какой-же онъ двойникъ, когда медіума Williams'a здѣсь и нѣтъ вовсе, а John King самъ своей персоной, съ собственной черной бородой и китайской бѣлой шапкой своей соуснымъ переворо-

ченнымъ блюдомъ разгуливаетъ здѣсь въ Америкѣ отъ одного медіума къ другому и мнѣ самой дѣлаетъ честь безпрестанными посѣщеніями, а ужъ на меня-то онъ и вовсе не похожъ. Нѣтъ, John King личность, отдѣльная, живущая духовская личность. «Діакка»-ли онъ или чистый духъ, а все-же духъ, и не прототипъ медіума. Но здѣсь не мѣсто, впрочемъ, разсуждать— и такъ я вамъ должно быть надоѣла»...

Напротивъ, глубоко жаль, что она не продолжила своихъ разсужденій о Джонѣ Кингѣ. Впрочемъ, и сказаннаго ею совершенно достаточно для того, чтобы всякій читатель моего разсказа сразу призналъ въ этомъ Джонѣ Кингѣ первое появленіе на сцену нашего стараго знакомца, знаменитаго тибетскаго «махатмы» Моріа. Онъ только еще не облекся въ свой бѣлый тюрбанъ, а носитъ *китайскую* шапку «соуснымъ перевернутымъ блюдомъ», онъ *покуда* матерьялизованный духъ, являющійся при посредствѣ *всякихъ медіумовъ*, и называется Джономъ Кингомъ. Его пустила въ обращеніе не Елена Петровна, а медіумъ Вилльямсъ; но онъ уже «безпрестанно» посѣщаетъ нашу героиню и «стоитъ за нее горой». Онъ уже посылаетъ Олкотта въ Гаванну... Скоро онъ *переодѣнется* и превратится въ махатму Моріа или М., въ знаменитаго «хозяина».

Покуда дѣла идутъ хорошо и «кусокъ хлѣба» кажется обезпеченнымъ, Олкоттъ рекламируетъ Елену Петровну, какъ только можетъ. Она пишетъ объ этомъ и о своихъ успѣхахъ 24 марта 1875 г. изъ Филадельфіи:

«...Книга Олкотта производитъ страшный фуроръ... Въ книгѣ этой онъ много перемѣнилъ изъ своихъ писемъ, добавилъ и поубавилъ... и все-таки напуталъ въ моей біографіи Господь знаетъ чего: и князей, и бояръ, и небывалыхъ генералъ-губернаторовъ—все, что ему ни наговорили въ консульствѣ *). Такая досада, право, только смѣяться люди станутъ надо мною, подумаютъ, что стала въ Америкѣ пыль въ глаза людямъ пускать, съ дуру; а я такъ одного и ищу и добиваюсь только—чтобы люди забыли прежнюю Блаватскую, да оставили-бы въ покоѣ и *новую*. Только кажется трудно. Я столько пишу во всѣхъ журналахъ, что имени не скроешь. Что ни день, то появляется новая исторія въ журналахъ. Блаватская была въ Африкѣ и летала

*) Итакъ, значитъ, Олкоттъ,—этотъ «достовѣрнѣйшій и первѣйшій свидѣтель теософическихъ и иныхъ чудесъ Е. П. Блаватской»,—передъ тѣмъ, какъ писать ея біографію, получаетъ свѣдѣнія о ея жизни *не отъ нея*, съ которою онъ находится въ самыхъ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ и постоянно видится, а идетъ въ наше консульство, тамъ ему даютъ самыя фантастическія свѣдѣнія—и онъ ихъ печатаетъ. А она ничего тутъ не можетъ подѣлать!

съ Ливингстономъ на воздушномъ шарѣ. Блаватская обѣдала съ королемъ Сандвичевыхъ острововъ. Блаватская превратила въ спиритуалиста папу Римскаго, предсказала смерть Наполеону, вылѣчила оть бородавокъ посредствомъ духовъ—лицо Испанской королевы и т. д. Господи, чего не сочиняютъ *). Вотъ ужъ два мѣсяца какъ я не выхожу изъ комнаты съ своей *перебитой ногой*, а по газетамъ уже совершила въ это время кажется пять разъ кругосвѣтное плаванье. Даже и у мормоновъ не оставляютъ въ покоѣ. Написали, будто-бы я провела нѣсколько дней въ *Salt Lake City* и заставила Бригама Юнга отречься отъ полигаміи. Одно добро, что я ихъ такъ напугала своими *thundering articles*, какъ они называютъ мои статьи, что всѣ журналы начинаютъ относиться съ большимъ *респектомъ* обо мнѣ. Трусятъ видно. Въ Лондонѣ такъ расхваливаютъ, спасибо, за то, что одна стою за спиритуализмъ въ Америкѣ»...

Дѣла идутъ хорошо, а между тѣмъ гроза уже надвигается. Первый ударъ грома производитъ Кольби, издатель журнала «Banner of Light». «У меня идетъ съ нимъ сильная война въ настоящую минуту, за то, что онъ не хочетъ печатать моей второй статьи противъ Dr. Child'a о Кэти Кингъ»,—пишетъ Блаватская.—«Вотъ и спиритуалистъ! Какой-бы ни былъ религіозный фанатикъ американецъ, а все-же въ немъ всегда проглядываетъ янки чистокровный. Ну вотъ и война».

За этимъ первымъ ударомъ раздаются другіе. Скандалъ съ Кэти Кингъ и прямодушныя печатныя заявленія старика Оуэна—производятъ весьма серьезныя послѣдствія: *публика* начинаетъ охладѣвать къ спиритизму. Въ такихъ обстоятельствахъ Блаватская, только-что было вошедшая въ моду, *какъ спиритка*, чувствуетъ, что ей легко и выйти изъ моды (вѣдь, въ Америкѣ и то и другое совершается особенно быстро). Слѣдовательно, необходимо такъ или иначе поддержать интересъ къ своей особѣ. Необходимо придумать что-нибудь *новое*, свѣжее, неожиданное. И вотъ она, доселѣ (какъ это видно изъ ея писемъ) самая *правовѣрная* спиритка, мало-по-малу начинаетъ, конечно, съ помощью того-же Олкотта, *ересь* въ спиритизмѣ и «создаетъ» свое *оккультное* прошлое. Прежде всего Олкоттъ включаетъ въ свою книгу описаніе скандала съ Кэти Кингъ и при этомъ снова и уже *по-новому* муссируетъ Блаватскую. Она пишетъ своему корреспонденту 12 апрѣля 1885 года:

«Въ подробномъ описаніи исторіи Katie King Олкоттъ дѣ-

---

*) А она, бѣдная, совсѣмъ не при чемъ въ этомъ сочинительствѣ и рѣшается жаловаться на него только одному человѣку, живущему въ Россіи, но... *получающему американскіе журналы!!*

лаетъ изъ меня что-то таинственно-ужасное, чуть-ли не внушаетъ публикѣ подозрѣніе, что я или продала душу чорту, или-же прямая наслѣдница графа Germain и Cagliostro. Не вѣрьте—я просто изучила въ Египтѣ и Африкѣ, въ Индіи и вообще на Востокѣ многое то, чего другіе не знаютъ. Я водила дружбу съ дервишами и, правда, принадлежу къ одному мистическому обществу, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы я уже сдѣлалась Аполлоніемъ Тіанскимъ въ юбкѣ. Меня къ тому-же очень любитъ *John King* духъ, и я его люблю болѣе всего на свѣтѣ. Онъ мой единственный другъ и если я кому обязана радикальной перемѣной въ мысляхъ жизни моей, стремленіяхъ и т. д., то это ему одному. Онъ меня передѣлалъ, и ему я буду обязана, когда отправлюсь «на чердакъ», тѣмъ что не просижу цѣлыя столѣтія, быть можетъ, въ темнотѣ и мракѣ. John и я знакомы со временъ давнихъ, гораздо ранѣе, чѣмъ онъ сталъ матерьялизоваться въ Лондонѣ и прогуливаться съ лампой въ рукѣ у медіумовъ. Но вѣдь это васъ не интересуетъ, я думаю».

Вотъ первые слѣды мало-по-малу начинавшагося переодѣванья Джона Кинга въ махатму Моріа. «Хозяинъ» еще не выдуманъ, такъ какъ только года черезъ два, въ Индіи, выяснится, въ кого именно долженъ преобразиться «домашній духъ». Но духъ этотъ все-же становится уже «старымъ знакомцемъ». Что-же касается новоизобрѣтенной ереси въ спиритизмѣ—Е. П. Блаватская старается вывернуться изъ противорѣчія со своими словами въ прежнихъ письмахъ, объяснить свою ересь простымъ переходомъ отъ практики къ теоріи—и пишетъ:

«Съ тѣхъ поръ какъ я въ Америкѣ, я посвятила себя всю спиритуализму. Не феноменальной, матеріальной сторонѣ онаго, а спиритуализму духовному, пропагандѣ святыхъ истинъ онаго. Всѣ старанія мои клонятся къ одному: очистить новую религію отъ всѣхъ сорныхъ травъ ея, которыя такъ быстро разростаются, что грозятъ задушить совершенно мертвой буквой своей духъ истины. Въ этомъ желаніи и работѣ, я была до сей поры *одна*. Теперь только начинаю я собирать адептовъ, и собрала полдюжины ихъ, и смѣло говорю, лучшихъ и самыхъ свѣтлыхъ умовъ въ Америкѣ. Ниже, перечту вамъ ихъ. Съ каждымъ днемъ я убѣждаюсь все болѣе и болѣе, что пока люди, хоть самый Круксъ изъ Круксовъ, будутъ защищать одни лишь факты, т.-е. феноменальную сторону спиритическихъ проявленій, до тѣхъ поръ будутъ являться яростные оппоненты, начиная съ Тиндаля и кончая мизернымъ докторомъ Beard'омъ, и что публика, которую потчуютъ до сихъ поръ одними лишь разсказами и фактами о матерьялизованномъ бюстѣ чьей-нибудь прабабушки и ногахъ въ ботфортахъ не вполнѣ матерьялизованнаго Вашинг-

тона, да явленіемъ умершей кухарки вашего булочника, конечно, всегда предпочтетъ брать сторону науки «for respectability sake», нежели якшаться съ нами, которыхъ считаютъ за полоумныхъ и идіотовъ. Я поняла, что людей не убѣдить одними сомнительными фактами и что даже каждый *истинный* фактъ всегда представляетъ какую-нибудь слабую его сторону, за которую легко бываетъ уцѣпиться противникамъ. Вотъ почему я положила себѣ за правило *никогда* ни въ какомъ случаѣ не дозволять постороннимъ лицамъ пользоваться моими медіумистическими способностями. Кромѣ Олкотта и двухъ-трехъ самыхъ близкихъ друзей, никто не видалъ *что* у меня происходитъ и когда мой Джонъ слишкомъ расходится или другіе *діакка*, то я тотчасъ-же останавливаю *все*. Я рѣшилась посвятить себя дѣлу спиритизма съ точки зрѣнія An. Jack. Davis'a и Allan Kardec'a (хотя реинкарнаціи не вѣрю въ томъ смыслѣ, какъ вѣрятъ ей французскіе спириты) и хотя я постоянно защищаю *дѣйствительные* феномены какъ у Эдди, никто не нападаетъ свирѣпѣе меня на плутни медіумовъ, легковѣріе нѣкоторыхъ спиритовъ, и поэтому-то я и возымѣла мысль начать серьезное дѣло».

Это «серьезное дѣло» заключалось въ ея нападкахъ на доктора Child'a, въ статьхъ, направленныхъ противъ «конспираціи» какихъ-то «протестантскихъ іезуитовъ». Но журналъ «Banner of Light» отказался печатать ея статьи, а потому:

«Я не теряя времени пошла работать въ другомъ направленіи. Я подготовила самыхъ вліятельныхъ спиритовъ и привлекла ихъ на свою сторону, и теперь, убѣдясь въ томъ, что черезъ «Banner» правды не добьешься, мы сложились всѣ и возвышаемъ маленькій журналъ «Spiritual Scientist» до высоты нашего спеціальнаго, собственнаго органа. Въ немъ я напечатала свою послѣднюю статью въ отвѣтъ на слабую идіотическую защиту Dr. Child'a въ «Banner». Посылаю вамъ этотъ номеръ журнала и два другихъ, въ которыхъ перепечатана статья обо мнѣ изъ Лондонскаго «Spiritualist». Журналъ этотъ «Spiritual Scientist» погибалъ, хотя направленіе его было всегда честнѣе и искреннѣе «Banner», который всегда одностороненъ и даетъ только одни факты, не объясняя причинъ этихъ явленій. Я достала для него съ сотню подписчиковъ въ эти три недѣли, подбила другихъ пожертвовать понемногу, дала сама (ей-Богу послѣдніе) 50 долларовъ, чтобы только устыдить *богатыхъ* спиритовъ, и заставить ихъ раскошелиться, уговорила Олкотта, Epes Sargent'a, Prof. Corson'a, Lippitt'a, M-rs Andrews писательницу, Owen'a (который спрятался и не можетъ рѣшиться вѣрить преступленію друга своего Child'a) и другихъ писать единственно для «Scientist». Я печатаю циркуляры на свой счетъ».

Дѣйствительно, вѣдь, она писала, что ей надо имѣть «кусокъ хлѣба» и мысль объ этомъ «Scientist'ѣ» могла быть счастливой мыслью. Разъ явилась необходимость въ *ереси*, долженъ былъ создаться и органъ для ея распространенія. Е. П. Блаватская писала:

«Я готова жизнію пожертвовать для распространенія святой истины. Олкоттъ мнѣ помогаетъ сколько можетъ и перомъ, и денежными жертвами *for the cause*. Онъ столько же страстно преданъ спиритизму, какъ и я. Но онъ очень небогатъ и живетъ одними литературными трудами своими, и долженъ содержать жену и кучу дѣтей своихъ» *).

Но «Scientist» не пошелъ въ ходъ: спиритизмъ, даже и подъ соусомъ новой ереси, не возбудилъ заснувшаго вниманія «публики». Вопросъ о кускѣ хлѣба ставился ребромъ. Унынiемъ дышетъ письмо Елены Петровны отъ 24 мая 1875 года:

«...Получили ли вы №№ «Spiritual Scientist», въ которыхъ напечатанъ мой послѣдній *article* «Who fabricates?» Я вамъ послала нѣсколько №№ faute de mieux, такъ какъ въ soi disant *respectable* Newspapers ровно ничего не пишутъ о спиритизмѣ и послѣ скандала Кэти Кингъ и «Banner of Light», и «Religio-Philosophical Journal», и «Spiritual Scientist» проваливаются и кричатъ караулъ съ голоду. Бѣда пришла намъ. Dr. Child явился въ видѣ спиритическаго Антихриста, и Іуда семисоборный погубилъ спиритуализмъ. Даже всѣ самые передовые спиритуалисты начинаютъ трусить *public opinion* и ихъ *high respectability* заставляетъ многихъ продолжать вѣрить въ духовъ только посекрету, втайнѣ. Осталось вѣрныхъ, готовыхъ умереть за истину воиновъ, только что моя маленькая армія. Какъ безсмѣнные часовые остаемся мы на постахъ своихъ, бьемся, хлопочемъ, пишемъ, отдаемъ свои послѣднія деньги, но, кажется, такъ и окаменѣемъ на мѣстахъ своихъ, какъ какія-нибудь спиритическія муміи, безъ пользы... Чтобы поддержать какъ-нибудь проваливающійся «Spiritual Scientist», единственный добросовѣстный, честный, безстрашный (да и то нашими усиліями) журналъ, я отдала свои послѣдніе 200 долларовъ. Я самая бѣдная, кромѣ профессора Brittan'a, а отдала больше всѣхъ. La plus jolie fille du monde ne peut donner que ce qu'elle a! Спросите Олкотта пожалѣю-ли я хоть жизнь свою для поддержанія спиритуализма, т. е. Божьей истины, единственное утѣшеніе человѣчества и послѣдней надежды. Этотъ годъ я заработала статьями и другими

*) Думаю, что многихъ теософовъ крайне изумило-бы извѣстіе о женѣ и о «кучѣ дѣтей» Олкотта, ибо эта многочисленная семья, нуждающаяся въ содержаніи, очень скоро куда-то *безслѣдно* исчезла.

работами до 6.000 долларовъ и *все*, все пошло на спиритуализмъ. А теперь, при настоящемъ настроеніи *невѣрія*, сомнѣнія и слѣпоты послѣ дѣла Кэти Кингъ, кажется, кончено.

«Бывало я, написавъ статью сенсаціонную, перепечатываю ее въ видѣ памфлета и продаю по нѣсколько тысячъ по 10 cento за тетрадку (за экземпляръ), а теперь что перепечатаешь? И ругаться не съ кѣмъ. Прежде являлись оппоненты сотнями и писали *contra*. Я тотчасъ-же нападала на нихъ и разбивала въ пухъ и прахъ. Можете судить по статьѣ: «Отвѣтъ доктору Beard'у». Ужъ и портреты мои печатались и «Grafic» долженъ былъ напечатать портретъ моей воинственной персоны. Явилась Кэти Кингъ—и все ухнуло разомъ! Взгляните на бѣднаго A. J. Davis'a—еле-еле перебивается, книгъ совсѣмъ не продаетъ. «Banner» съ 25 тыс. подписчиковъ съѣхалъ на 12. Олкоттъ сидитъ на грудахъ своихъ «People from the other World» какъ Маріусъ на развалинахъ карѳагенскихъ и думаетъ думу горькую. Не продалось и тысячи экземпляровъ въ пять мѣсяцевъ. Epes Sargent, любимѣйшій и ученѣйшій изъ американскихъ авторовъ, единственный спиритъ, котораго всѣ уважаютъ и который доселѣ служилъ авторитетомъ—печь растапливаетъ своимъ «Proof Palpable of Immortality»—послѣднимъ сочиненіемъ. Robert Dale Owen спрятался и исчезъ съ лица земли и проч. и проч. Необходимъ намъ *ударъ землетрясенія*, чтобы пробудить отъ этой апатіи американскую публику. Да къ тому же и финансовое положеніе здѣсь страшно упало. Банкротъ является за банкротомъ, паника ужасная, у кого есть деньги — прячутъ, у кого нѣтъ — тѣ умираютъ съ голоду. Впрочемъ, Олкоттъ не унываетъ. Съ чистокровнымъ тактомъ янки онъ придумалъ «Miracle Club»—посмотримъ что будетъ съ этого. За себя я ручаюсь: пока душа держится въ тѣлѣ, буду стоять и воевать за правду...»

Письмо это замѣчательно по своей искренности и фактичности. Блаватская можетъ тутъ путать относительно не то 50 не то 200 «послѣднихъ» своихъ долларовъ, которые она отдала «Scientist'у», но общая картина положенія, нарисованная ею, непремѣнно должна быть вѣрна, ибо иначе не было-бы никакого разсчета рисовать ее. Писала она съ горя, въ виду «голода», писала, потому что стало ей жутко за завтрашній день и явилась потребность поплакаться, пожаловаться далекому соотечественнику. Она разсуждала—все это само вылилось: «вотъ, молъ, горе-то, завтра ѣсть будетъ нечего. Надо придумать что-нибудь совсѣмъ необыкновенное... «Miracle Club» Олкотта врядъ ли поможетъ... я буду бороться до послѣдняго!» Только она должна была-бы сказать: не за *правду*, а за *существованіе* — это было-бы вѣрнѣе.

Прошло почти два мѣсяца, а положеніе не улучшилось. Она писала изъ Бостона 18 іюля 1875 года:

«Я готова продать душу свою за спиритуализмъ, да никто не покупаетъ и я живу со дня на день, зарабатывая по 10 и 15 долларовъ, когда нужда приходитъ».

Вотъ ужъ и осень наступила; дѣло съ «Miracle Club»'омъ, очевидно, не выгорѣло, ибо отъ 10 сентября письмо все въ томъ же минорномъ тонѣ. Е. П. Блаватская ѣздитъ и въ Бостонъ, и въ Чикаго, но нигдѣ ничего не находитъ. Даже Джонъ Кингъ, будущій «хозяинъ», не веселитъ ея сердца. Она на него жалуется: «Джонъ блистаетъ остроумнымъ молчаніемъ. Онъ на меня золъ и вотъ уже три недѣли слишкомъ является лишь затѣмъ, чтобы говорить глупости или же непріятности. Tout n'est pas parfait à ce que je vois dans le Summer Land... На насъ такіе нападки, что не знаемъ что съ этого будетъ. Спиритуалисты злятся, потому что мы не раздѣляемъ многихъ изъ мнѣній ихъ (*значитъ ересь все-же крѣпнетъ*) и не считаемъ Евангеліемъ все что врутъ ихъ медіумы. Медіумы въ ярости п. ч. мы (т. е. Олкоттъ и я) ихъ слишкомъ строго осматриваемъ и не довѣряемъ ихъ честности. Анти-спиритуалисты насмѣхаются, какъ обыкновенно, а Church Members наполняютъ клерикальные журналы руганіемъ, серьезно увѣряя публику, что мы продали душу чорту... На всякое чиханіе не наздравствуешься, вѣдь. Во всякомъ случаѣ, «Banner of Light» и «Rel.-Philos. Journal» полны намековъ и злобы на насъ...»

Скучно и жутко Еленѣ Петровнѣ, даже, кажется, у нея дѣлается припадокъ тоски по родинѣ, такъ какъ она изъ Итаки, 20 сентября 1875 года пишетъ: «эхъ! когда бы меня никто не зналъ въ Питерѣ. Показали-бы вашимъ профессорамъ — мы съ Джономъ какъ у насъ въ «Summer Land»'ѣ горшки лѣпятъ! *).

«Джонъ обѣщаетъ быть въ Петербургѣ, да, можетъ, лжетъ и надуетъ—на него полагаться трудно». Какъ видно онъ еще не успѣлъ набраться своей тибетской мудрости и непогрѣшимости!

Однако, это письмо, отъ 20 сентября 1875 года, важно не Джономъ, а тѣмъ, что въ немъ заключается первое извѣстіе о рожденіи интереснаго младенца—«теософическаго общества».

XXVIII.

Неудача, постигшая спиритическій журналъ и «клубъ чудесъ», о программѣ и дѣятельности котораго, къ сожалѣнію, не имѣется

*) Въ то время въ Петербургѣ дѣйствовала извѣстная комиссія изъ профессоровъ, разслѣдовавшая спиритическія явленія.

никакихъ свѣдѣній, не заставила Олкотта опустить руки. Бодрый, идущій напроломъ и въ то-же время очень практичный янки, онъ придумалъ, наконецъ, настоящій фортель. Ему или Блаватской пришла первая счастливая мысль — неизвѣстно; но изъ ея писемъ ясно видно: она хоть и подготовлялась сама и другихъ подготовляла къ своей новой роли, однако, все-же падала духомъ и ныла. Ну, а онъ бросилъ свои непродавшіеся экземпляры о «людяхъ съ того свѣта» и дѣйствовалъ, рекламируя свою русскую «графиню», твердо и съ полнымъ основаніемъ вѣря ея ловкости и талантливости. Все дѣлалось очень живо, именно по американски. Блаватская писала:

«... Олкоттъ теперь устраиваетъ *Theosophical Society* въ Ньюіоркѣ, которое будетъ составлено изъ ученыхъ оккультистовъ, каббалистовъ, philosophes Hermetiques XIX вѣка, и вообще страстныхъ антикваріевъ и египтологовъ. Мы хотимъ дѣлать сравнительные опыты между спиритуализмомъ и магіей древнихъ буквально по инструкціямъ старыхъ каббалъ — и жидовскихъ и египетскихъ. Я уже много лѣтъ *) изучаю la philosophie Hermetique въ теоріи и на практикѣ и прихожу ежедневно къ тому заключенію, что спиритуализмъ въ его физическихъ проявленіяхъ ничто иное какъ *Пиѳонъ* древнихъ ou la lumière astrale ou siderale de Paracelsus, т. е. тотъ неуловимый *ether*, который Рейхенбахъ называетъ *одомъ*. Пиѳониссы древнихъ сами себя магнетизировали — прочтите Плутарха и его описанія *оракулярныхъ токовъ*, прочтите Корнелія Агриппу, Парацельса, *Magia Adamica* Евгенія Филалета и другихъ **). Вы всегда лучше увидите и можете сообщаться съ духами черезъ этотъ способъ—самомагнетизированія.

«Я пишу теперь большую книгу, названную мною по совѣту *Джона* «Skeleton key to mysterious gates» («Ключъ къ таинственнымъ вратамъ») ***). Задаю же я вашимъ европейскимъ и американскимъ ученымъ, папистамъ, іезуитамъ и этой расѣ полу-

---

*) Эти «много лѣтъ» должны были очень удивить ея корреспондента и всѣхъ ея знакомыхъ, ибо до самаго послѣдняго времени, т. е. до спиритическихъ неудачъ и безкормицы, не находилось ровно никакихъ слѣдовъ подобныхъ занятій — были только однѣ «великія истины» спиритизма.

**) Для того, чтобы написать все это—ей за-глаза достаточно было прочесть одну изъ книгъ Элифаса Леви (аббата Констана), весьма занимательнаго и талантливаго популяризатора оккультизма. Она и дальше дѣлаетъ прямо выписки изъ этого автора; но, конечно, не указываетъ на источникъ, а говоритъ *отъ себя*.

***) «Skeleton key» — собственно ключъ, которымъ можно отворить *всякую* дверь.

ученыхъ les châtrés de la science, которые все разрушаютъ, ничего не создавая и не способны создавать»...

Эта книга, появившаяся, вопреки совѣту *Джона*, не подъ придуманнымъ имъ заглавіемъ, — и была пресловутая «Isis Unveiled» («Разоблаченная Изида»), которую въ Америкѣ постарались рекламировать какъ нѣчто необычайное, чудодѣйственное. Теософы распространяли и распространяютъ до сего времени разсказы о томъ, что книга эта написана Е. П. Блаватской съ помощью ея «хозяина», что она, т. е. Елена Петровна, сама не вѣдала, что творила, а писала подъ его диктовку или прямо списывала съ появлявшихся передъ нею ватиканскихъ «уникъ», никому невѣдомыхъ, и потомъ, по минованіи надобности, снова возвращавшихся, тѣмъ-же астральнымъ путемъ, на полки тайныхъ книгохранилищъ Ватикана.

Олкоттъ доходилъ до того, что серьезно и таинственно вѣщалъ о томъ, какъ для иныхъ главъ «Разоблаченной Изиды» требовались не только «ватиканскія уники», но и «уники», *сгорѣвшія* при пожарѣ Александрійской библіотеки. И вотъ, когда это было нужно, матеріальныя частицы этихъ драгоцѣнныхъ экземпляровъ, разсѣянныя въ міровомъ пространствѣ, снова собирались, матеріализовались, подобно *нянямъ* и *дядямъ* у Эдди,— и Елена Петровна спокойно, своимъ быстрымъ, четкимъ почеркомъ, списывала заключавшіяся въ нихъ великія истины.

Эти легенды, очевидно, позднѣйшаго происхожденія, такъ какъ изъ писемъ, посылавшихся Блаватской ея русскому корреспонденту именно въ то время, когда писалась Изида, выясняется нѣчто иное менѣе таинственное. Никакого «хозяина» еще нѣтъ и въ поминѣ, а есть *Джонъ Кингъ*, матеріализованный духъ, единственный другъ, котораго Елена Петровна любитъ больше всего на свѣтѣ, но котораго не особенно-то уважаетъ, ибо «онъ часто надуваетъ, болтаетъ глупости и на него нельзя полагаться». Она собираетъ вокругъ себя нѣсколько человѣкъ, занимающихся, въ качествѣ диллетантовъ, оккультизмомъ, съ одной стороны, и археологіей — съ другой. У этихъ господъ не мало книгъ по занимающимъ ихъ предметамъ, книгъ вовсе не рѣдкостныхъ, не «уникъ», но по большей части *совсѣмъ неизвѣстныхъ* публикѣ, которая до послѣдняго времени держала оккультистовъ и каббалистовъ въ большомъ пренебреженіи. Блаватская жадно накидывается на эти книги и, съ помощью своего кружка, рѣшается сама писать книгу.

Ея «Изида», хоть и не продающаяся въ Россіи по книжнымъ магазинамъ, все-же не составляетъ тайны, достать ее, т. е. выписать—очень легко, и всякій желающій можетъ убѣдиться въ томъ, что это такое. Это *американская* книга, бьющая на эффектъ

лась въ нихъ и ни за что не хотѣла мнѣ ихъ показать. Это меня заинтриговало. Въ Парижѣ, передъ моимъ возвращеніемъ въ Россію, я у букинистовъ добылъ всего Мирвилля и впослѣдствіи убѣдился, что этотъ авторъ сослужилъ Блаватской дѣйствительно большія службы.

Но изъ всего сказаннаго еще вовсе не слѣдуетъ, что у Блаватской, особенно въ ея послѣдующихъ писаніяхъ, не попадались весьма глубокія, интересныя мысли. Литература оккультизма всѣхъ временъ и народовъ, среди разнаго хлама и необычайныхъ нелѣпостей, заключаетъ въ себѣ, безспорно, не мало человѣческой мудрости. Превосходная память Елены Петровны удерживала все, и если ей вспоминалась высказанная кѣмъ-либо истина, она умѣла передать ее иной разъ очень ясно и просто, развить съ настоящей, врожденной ей талантливостью.

Все зависѣло отъ предмета и отъ минуты. Я привелъ, въ главѣ XVII моего разсказа, образчикъ мыслей и афоризмовъ, иногда высказывавшихся Блаватской. Подобныя мысли, если даже съ ними и не соглашаться, невольно должны были заинтересовывать не только «всякаго и всякую», но и очень серьезныхъ людей. Къ сожалѣнію, она рѣдко вела такія бесѣды, ибо обстоятельства и ея характеръ заставляли ее, въ личныхъ сношеніяхъ, почти всегда волноваться, кричать, изворачиваться и «бороться» всѣми мѣрами.

Затѣмъ, долго и внимательно наблюдая ее, я пришелъ къ заключенію, что въ умственной области вся ея крупная талантливость была, что и естественно, *пассивнаго*, а не *активнаго* свойства. Она рѣшительно оказывалась неспособной въ этой области къ самостоятельному творчеству, даже въ самыя свои вдохновенныя минуты, а лишь быстро воспринимала и развивала чужія мысли.

Наконецъ, надо обратить вниманіе и еще на одно обстоятельство: можно сколько угодно говорить о женской равноправности, дѣлать женщину судьей, министромъ, депутатомъ, и все-же *до сихъ поръ* она, по старой нашей привычкѣ, находится въ положеніи *привилегированномъ*, и мужчины къ ней предъявляютъ гораздо меньшія требованія, чѣмъ къ лицамъ своего пола. «Помилуйте—вѣдь, это удивительно! Вѣдь, она *женщина!* О, это необыкновенная женщина по уму и познаніямъ!» При такомъ невольномъ, *безсознательномъ* отношеніи уже невозможна вполнѣ безпристрастная критика. Даже конкурренты-мужчины любезно расшаркиваются передъ *дамой*, безо всякой профессіональной зависти и т. д.

Только этимъ и можно объяснить нѣсколько восторженныхъ отзывовъ о «теософическихъ» сочиненіяхъ Е. П. Блаватской,

появившихся въ западно-европейской прессѣ, идущихъ *со стороны*, не отъ членовъ ея «общества». Безсознательное рыцарское отношеніе къ «дамѣ-философу» такъ крѣпко, что авторы этихъ отзывовъ даже не думаютъ о томъ, какъ они скомпрометтируютъ свою ученость въ глазахъ послѣдующихъ знатоковъ предмета, которые будутъ разбирать сочиненія Блаватской, не обращая вниманія на то, кто ихъ писалъ — мужчина или *дама*, вдохновляемая проблематическими «махатмами». Въ *лучшемъ* случаѣ прославители «учености» Елены Петровны докажутъ свое плохое знакомство съ литературой «оккультизма», съ сочиненіями авторовъ, которыхъ компилировала «современная жрица Изиды», не указывая на свои источники.

Болѣе оригинальны и блестящи сочиненія Е. П. Блаватской иного рода, гдѣ въ полной силѣ развертывается ея талантливость и ея богатѣйшая фантазія. Я говорю про «Пещеры и дебри Индостана» и «Голубыя горы», подписанныя псевдонимомъ «Радда-Бай». Эти вещи написаны по-русски, до сихъ поръ не переведены, и Е. П. при своей жизни очень заботилась о томъ, чтобы англичане не провѣдали объ ихъ содержаніи, такъ какъ писала для русскихъ читателей и не стѣснялась въ насмѣшкахъ и порицаніяхъ англо-индійскаго правительства и его представителей.

Какъ «Пещеры», такъ и «Голубыя горы» имѣютъ право занять подобающее имъ мѣсто въ русской литературѣ, и жаль, что ихъ отдѣльное изданіе, напечатанное покойнымъ Катковымъ, залежалось и даже мало кому извѣстно. Только, конечно, читая интересныя повѣствованія «Радда-Бай», слѣдуетъ относиться къ нимъ, главнымъ образомъ, какъ къ роману, какъ къ фантазіи— и ни подъ какимъ видомъ не принимать на вѣру фактовъ и свѣдѣній, сообщаемыхъ авторомъ. Иначе, самыя горькія разочарованія ожидаютъ довѣрчиваго читателя...

Однако, вернемся къ новорожденному «теософическому обществу». Е. П. Блаватская, какъ мы видѣли, написала, что оно учреждено «для сравнительныхъ опытовъ между спиритуализмомъ и магіей древнихъ, буквально по инструкціямъ старыхъ каббалъ— жидовскихъ и египетскихъ». Теперь, черезъ два мѣсяца, говоря о какомъ-то юномъ медіумѣ необычайной силы, она пишетъ:

«...Какъ только ему (медіуму) будетъ лучше—его духи поколотили—онъ ѣдетъ къ намъ и мы будемъ испытывать его *to teste* на нашихъ митингахъ «теософическаго общества». Наше общество *пробный* камень. *Для того и учредили*».

Это ужъ совсѣмъ другое! Легко понять, что цѣль «общества» еще не выяснилась и что выяснятъ ее только дальнѣйшія обстоятельства, то-есть *требованія публики*. На что предъявится спросъ—то и будетъ предлагаться.

Одна теперь бѣда: какъ ни вывертывайся, а дѣйствительнаго происшедшаго полнаго разрыва съ «спиритизмомъ» или «спиритуализмомъ» все-же не спрячешь. Всѣ оправданія и объясненія—неудовлетворительны. Правовѣрные американскіе спириты сразу увидѣли, что Блаватская и Олкоттъ «измѣнили дѣлу», начали что-то хоть еще и не выяснившееся, но, во всякомъ случаѣ, новое и даже враждебное. Поэтому на нихъ, особенно-же на Блаватскую, поднялись нападки въ спиритическихъ журналахъ. 6 декабря 1875 года Е. П. писала:

«...Теперь-же всѣ спириты взбудоражились даже въ Англіи за это Theosophical-Society, отъ того, что знаютъ, что я его затѣяла; а если-бы мы не затѣяли, то никогда въ жизни не стали-бы интересоваться спиритизмомъ или изучать его. А вотъ у насъ уже два профессора ученыхъ членами, изъ Бостона. Нѣсколько Reverend-батекъ поповъ, разношерстныхъ... и много знаменитостей. Тотъ-же спиритуализмъ, да подъ другимъ именемъ. Теперь посмотрите, если мы не начнемъ *investigations* самые ученые. Нашъ вице Treasurer—Newton—милліонеръ и президентъ нью-іоркскихъ спиритуалистовъ. Да не хотятъ понять своего-же блага спириты. Я имъ толковала сколько могла, не тутъ-то было. Ересь значитъ... Еще за что злится на насъ публика—отъ того, что законы общества такъ строги, что невозможно попасть въ члены, если малѣйшимъ образомъ человѣкъ замѣшанъ былъ въ грязномъ дѣлѣ. Ни *free lovers*, ни *атеистовъ*, ни *позитивистовъ* не принимаютъ въ общество»...

Вотъ ужъ, по-истинѣ, можно сказать, que le diable, quand il devient vieux — se fait ermite! Къ тому-же, съ другой стороны, сколько разъ, и словесно и *письменно*, она увѣряла, что многое множество негодяевъ, развратниковъ, мошенниковъ и чуть-что не убійцъ дѣлались членами «теософическаго общества» и превращались въ святыхъ, подъ вліяніемъ его основательницы. Бѣда ея заключалась въ томъ, что она, хоть и обладая замѣчательной памятью, всегда забывала то, что писала хоть-бы наканунѣ; поэтому нельзя найти двухъ ея писемъ, гдѣ не встрѣчались-бы на каждомъ шагу самыя курьезныя противорѣчія...

Если спириты преслѣдовали насмѣшками *новое общество*, основанное «отщепенцами» — это было въ порядкѣ вещей и этого слѣдовало ожидать. Но тутъ приключилось другое горе, отодвинувшее на задній планъ всѣ подобныя огорченія и послужившее матеріаломъ для нѣсколькихъ огромныхъ писемъ Е. П. Блаватской къ ея русскому корреспонденту. Очень извѣстный и у насъ въ Россіи, нынѣ покойный, медіумъ Юмъ, сначала въ письмахъ къ нѣкоторымъ лицамъ, а затѣмъ и печатно, объявилъ Блаватскую, по поводу корреспонденцій и книги Олкотта, медіумомъ-

обманщицей и коснулся ея «личности», о которой онъ имѣлъ свѣдѣнія изъ первыхъ источниковъ. Все это надѣлалъ, главнымъ образомъ, появившійся въ «Grafic» и въ книгѣ Олкотта рисунокъ медали и пряжки, принесенныхъ Еленѣ Петровнѣ духами изъ могилы ея отца, г. Гана. Юмъ доказывалъ очень основательно, что въ Россіи никогда не кладутъ въ гробъ знаковъ отличія и что медаль и пряжка, къ тому-же, имѣютъ видъ *вполнѣ фантастическій*.

Е. П. Блаватская пришла въ такое-же точно состояніе, въ какомъ она была десять лѣтъ спустя въ Вюрцбургѣ, когда посылала мнѣ свою «исповѣдь». Она стала увѣрять своего корреспондента, что тутъ опять «конспирація», что Юмъ началъ свои «клеветы» вслѣдствіе гнусной зависти къ ея медіумическимъ способностямъ. Противорѣча себѣ въ каждомъ словѣ и, путаясь въ показаніяхъ, она пробовала оправдываться относительно медали, а также «пряжки въ видѣ сердца», и писала:

«... Я не была на похоронахъ у отца. Но у меня въ эту минуту на шеѣ виситъ медаль и пряжка, принесенная мнѣ, и на кострѣ, на смертномъ одрѣ, на пыткѣ могу сказать только одно— эта *пряжка* отца моего. Медаль не помню. На пряжкѣ я сама сломала конецъ въ Ругодевѣ и видѣла ее сто разъ у отца. Если это не его пряжка, то стало быть духи дѣйствительно *черти* и могутъ матерьялизировать что угодно и сводить людей съ ума. Но я знаю, что если даже главные кресты отца и не похоронены съ нимъ, то такъ какъ эту *медаль за 25 лѣтъ и турецкую* (?!) онъ всегда носилъ даже въ отставкѣ, въ полумундирѣ, то ее, вѣроятно, не сняли. Послѣ смерти его, вышли исторіи за деньги, которыя онъ оставилъ мнѣ по завѣщанію, и которыхъ я и половины не получила и сестра младшая не пишетъ мнѣ вовсе. Но я напишу Маркову, который присутствовалъ на похоронахъ, и брату въ Ставрополь, потому что желаю знать правду... Всѣ слышали спичъ духа, 40 человѣкъ кромѣ меня. Что-же, стало быть я сговорилась съ медіумами, что-ли? Ну, пусть думаютъ... Въ чемъ я мѣшаю Юму на свѣтѣ? Я не медіумъ, не была и не буду профессіональнымъ. Я посвятила всю жизнь мою изученію древней каббалы (*теперь ужъ не спиритизму, какъ она писала недавно!*) и оккультизма, the Occult Sciences. Не могу я въ самомъ дѣлѣ, потому что въ молодости чортъ путалъ, распороть теперь себѣ брюхо какъ японскій самоубійца, чтобы удовлетворить медіумовъ... Положеніе мое очень безотрадное — просто безвыходное. Остается уѣхать въ Австралію и перемѣнить навѣки имя...»

И такъ далѣе, и такъ далѣе—на *семи* огромныхъ письмахъ (около 40 мелко исписанныхъ страницъ большого формата). Она кается и кощунствуетъ, разсказываетъ такія исторіи, о которыхъ

всякій-бы молчалъ, припутываетъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, увѣряетъ, что никому не хочетъ зла и всѣхъ прощаетъ—и вдругъ, срывая съ себя личину доброты и кротости, показываетъ дьявольскіе когти. Она объявляетъ, что если Юмъ не замолчитъ, то она всѣми мѣрами распространитъ и обнародуетъ о немъ самыя ужасныя и отвратительныя вещи (она и поясняетъ при этомъ — что именно) — ибо «должна-же она защищаться».

Она хочетъ запугать не только Юма, но и лицъ, которыя могутъ на него подѣйствовать; ея корреспондентъ знакомъ съ этими лицами, а потому она проситъ его убѣдить ихъ остановить Юма, заставить его молчать—не то и имъ будетъ плохо. Словомъ, *это совершенно то-же самое*, что было въ 1886 году, по поводу разоблаченій, сдѣланныхъ мною, и что уже извѣстно читателямъ изъ ея «исповѣди»; только тутъ еще нѣтъ на сценѣ никакихъ махатмъ, никакихъ «теософическихъ» чудесъ. Остальное—почти тождественно, но еще грандіознѣй. Есть и комизмъ въ ея письмахъ—такъ Олкотта, среди самыхъ горячихъ фразъ съ выраженіями отчаянья, она совсѣмъ неожиданно величаетъ не только «осломъ», но и «ослинымъ дѣдушкой».

Къ концу лѣта 1876 года весь этотъ чадъ, наконецъ, осѣдаетъ и воздухъ нѣсколько очищается. Въ іюльскомъ письмѣ заключается слѣдующій курьезъ: «посылаю вамъ вырѣзки о похоронахъ (языческихъ и даже древне-языческихъ) нашего члена барона де-Пальма. Онъ оставилъ все свое состояніе нашему обществу. Прочитайте, что журналы пишутъ. До похоронъ хохочутъ надъ нами и тѣшутся, а какъ увидали похороны, то и присмирѣли. Не надъ чѣмъ смѣяться—съ носами остались...»

Наслѣдство этого *языческаго* барона, какъ оказывается по свѣдѣніямъ, заключающимся въ письмѣ отъ 5 октября 1876 года, состоитъ изъ вещей, «достаточнаго количества серебряныхъ богатыхъ рудниковъ» и «17.000 акровъ земли». Блаватская, впрочемъ, спѣшитъ оговориться, что хоть рудники и богаты, но нѣтъ денегъ на ихъ разработку, а земля никуда не годится.

Тѣмъ не менѣе тутъ-же находится слѣдующее извѣстіе: «насъ восемь человѣкъ, собирающихся ѣхать въ Тибетъ, Сіамъ и Камбодію; но половина археологи и желаютъ ѣхать прежде въ Юкатанъ и Центральную Америку вообще, сравнивать руины египетскія съ американскими». Значитъ, все же есть на что предпринять такое сложное, громадное путешествіе. Наслѣдство языческаго барона рѣшаетъ дальнѣйшую судьбу «теософическаго общества».

XXIX.

Послѣ разоблаченій, сдѣланныхъ Юмомъ, Блаватская, очевидно, нашла, что уже все равно, что уже нечего скрывать полнѣйшей «перемѣны фронта», произведенной ею и «полковникомъ». Ересь перешла очень быстро въ полное презрѣніе и враждебность къ спиритизму. Цѣль основанія «теософическаго общества» снова измѣнилась—ни о какихъ сравнительныхъ изученіяхъ спиритическихъ явленій съ помощью «инструкцій жидовскихъ каббалъ», ни о какихъ «пробахъ» медіумовъ не было и помину.

Елена Петровна совсѣмъ забыла, что «вся ея жизнь *уже многіе годы* была посвящена исключительно спиритизму и что она до послѣдняго издыханія будетъ проповѣдывать *ученіе* Аллана Кардека. Теперь она писала своему корреспонденту, что «вся ея жизнь *уже многіе годы* была посвящена изученію каббалистики» и т. д. Теперь цѣлью основанія «теософическаго общества» оказывались археологическія изысканія и доказательства единства древнѣйшей цивилизаціи и религіозныхъ вѣрованій во всѣхъ странахъ.

Почувствовавъ подъ собою твердую почву, самымъ крѣпкимъ и надежнымъ пластомъ которой было, конечно, наслѣдство *языческаго* барона, а также и на основаніи опыта своей жизни, Блаватская рѣшила, что чѣмъ больше апломбу, нахальства и презрѣнія къ людямъ, тѣмъ вѣрнѣе успѣхъ. Она сразу объявила себя ученой, знатокомъ всевозможныхъ древностей и проникнувшей въ самую глубину оккультизма.

Она посылаетъ своему корреспонденту цѣлую импровизированную лекцію, блещущую фейерверкомъ ея внезапно разгорѣвшейся учености. Она то и дѣло переходитъ отъ своего неправильнаго русскаго языка на французскій и англійскій, смотря по источникамъ, съ которыхъ дѣлаетъ свой быстрый переводъ. Вотъ образчикъ этой лекціи:

... Когда я въ прошломъ году написала статью о тождествѣ древнихъ египетскихъ и ассирійскихъ символовъ и религіи съ культусами Ацтековъ и *Quichés* описанныхъ Brasseur de Bourbourg'омъ и Герререй испанскимъ историкомъ, на меня напали всѣ археологи и обвинили въ фантазерствѣ. А я сама видѣла въ Паланкѣ и Уксманѣ своды съ треугольными арками *sans clef de voute* (извините забыла какъ по-русски) — этотъ родъ архитектуры можно найти *только* въ старѣйшихъ древнихъ храмахъ Египта, да въ Nagkon-Wat'ѣ и Ангкорѣ, въ Сіамѣ и Камбоджи; развалины послѣдней страны интригуютъ всѣ ученыя компаніи,

которыя выдавили себѣ всѣ мозги всевозможными гипотезами, кромѣ настоящей; а именно, что dans les ages archaiques, сколько тысячъ лѣтъ неизвѣстно, но, конечно, еще до моисеевскаго періода, арійцы какъ и семитическія племена (словомъ, еще до разъединенія этихъ націй) принадлежали къ одной и той же религіи, къ той, которая нынѣ существуетъ только между адептами des sciences occultes. А теперь выходитъ по моему. Lord Dufferin, Gouverneur General de Ganada, открылъ въ Британской Колумбіи индійское племя, до сей поры почти неизвѣстное, которое живетъ въ деревнѣ, vieille de plusieurs siecles, и которая выстроена вся изъ остатковъ самыхъ величественныхъ храмовъ, колоннъ, портиковъ и т. д. И что же? Скульптура совершенно та-же какъ и въ египетскихъ храмахъ, сфинксы, крылатые бычки какъ въ Ассиріи, змѣи, и наконецъ богъ Thoth или Тотъ (Гермесъ) съ головою ястреба! Я давно указывала на то странное обстоятельство, что потомки *Quichés* въ Мексикѣ называютъ себя змѣями. «We are snakes, sons of the wise-serpents» *) говорятъ они. Такъ же называли себя и другіе племена, хананеяне и мидіяне, т. е. тѣ изъ нихъ, которые были посвящены въ таинство храмовъ, les initiés de la toute Theurgie, какъ отецъ жены Моисея, напримѣръ, Рюель онъ же Jethro, мидіанинъ, который обучалъ его магіи. Змѣиными норами назывались тѣ подземные ходы, которые служили мѣстомъ для мистерій храма и были извѣстны лишь посвященнымъ адептамъ; cryptes des couleuvres какъ называетъ ихъ Шамполіонъ Фижакъ. Гіероглифы, пирамиды, *les Cénocephales*, священныя обезьяны, крокодилы, обряды, поклоненіе солнцу какъ видимому символу невидимаго Божества, всю эту египетскую и халдейскую старину вы найдете въ Центральной и Сѣверной Америкѣ, и много того же въ эзотерическихъ обрядахъ будддистовъ-мистиковъ. Когда Врангель указывалъ ученымъ на ту возможность — скорѣе вѣроятность — что индійцы и мексиканцы найденные въ Америкѣ Кортесомъ, потомки выходцевъ изъ Европы, и Азіи, сибирскихъ татарскихъ племенъ, которые перешли съ одного континента на другой черезъ Беринговъ проливъ, надъ нимъ смѣялись тоже; а теперь выходитъ что онъ *частью* правъ. Всѣ народныя легенды на то указываютъ. Но у индійцевъ Британской Колумбіи, владѣтелей египетскихъ сфинксовъ и другихъ символовъ, преданіе другое еще. Они прямо говорятъ, что ихъ предки прилетѣли изъ-за океана на *птицахъ съ крыльями* (судахъ съ парусами, какъ я понимаю) и что у каждой изъ этихъ птицъ на груди было лицо жены «Великаго Духа» которую они называютъ

*) «Мы змѣеныши, дѣти мудрыхъ змѣй».

Диду. Ну какъ же не узнать въ этой Диду Дидону, имя которой было смотря по національностямъ и Астартея, и Венера, и Дидона, и Елисса, и Анаита, и Артемида, и Al-иза, богиня нынѣ магометанской Мекки? Дидона была не *живая* царица какъ вамъ извѣстно, а просто миѳъ, идолъ богини Астарте, непремѣнная принадлежность каждаго финикійскаго корабля; они обыкновенно прикрѣпляли ея голову sur la proue du vaisseau. А финикійцы тѣ-же предки жидовъ палестинскихъ, по мнѣнію Геродота и болѣе современныхъ историковъ. Финикійцы наконецъ тѣ-же хананеяне, которые бѣжали передъ войскомъ Іисуса Навина и проѣхали черезъ колонны геркулесовскія, на которыхъ по показанію историковъ вырѣзана была надпись: «nous sommes les fils de ceux qui fuirent devant le brigand Jesus, fils de Navé. *). Это показываетъ историкъ Прокопій и св. Августинъ (De belle Vandalo). Значитъ тѣ что бѣжали и проѣхали въ Америку хивимы, или les heveens, descendants de Heth, fils de Chanoon. Впрочемъ, все вышесказанное *моя собственная* спекуляція, а Археологи другого мнѣнія. Все это я вамъ пишу, не зная интересуетъ-ли васъ. Но вы желаете знать, чѣмъ мы занимаемся на нашихъ засѣданіяхъ. Вотъ, археологическими изслѣдованіями, которыя объясняютъ тождественность символовъ всѣхъ древнихъ народовъ; отъ символовъ недалеко до «medecine men» всѣхъ индійскихъ племенъ; medecine men, т. е., тѣ же адепты магіи— quoique degenerés—древняго Египта и современной Индіи съ ея ламами и факирами, которыхъ описываетъ Jaccoliot и «Art Magic». Мы добираемся до корней всего. Такой-то символъ, напримѣръ, значитъ то-то, и принадлежитъ такому-то Божеству, Юпитеру напримѣръ; Юпитеръ въ каждомъ своемъ видоизмѣненіи какъ *низсходящій* въ видѣ *дождя*, непремѣнно означаетъ какую-либо силу въ природѣ. Извѣстную-ли современнымъ ученымъ либо *неизвѣстную еще* (послѣднее случается гораздо чаще). Каждая такая сила, а cosmic force ov power, если разъ была возведена въ символъ древними, значитъ свойство ее или особенность была извѣстна имъ. Символъ dans le sens exoterique était livré à la masse ignorente et se trouve traité dans notre siecle (si savant mon Dieu!) de *superstition*; mais les initès les prêtres de l'odyte et de sanctuaire connaissaient bien sa valeur reelle; ils savaient ce que cette force naturelle et physique contenait de mysterieux et d'occulte dans ses diverses combinaisons, ce que les savants de nos jours ignorent et regettent par consequence»... **).

*) «Мы дѣти тѣхъ, которые бѣжали отъ разбойника Іисуса сына Навина».

**) «въ смыслѣ экзотерическомъ былъ предоставленъ невѣжественной толпѣ и признается въ нашъ вѣкъ (столь ученый, о Боже!) *суевѣ-*

Далѣе Е. П. Блаватская увѣряетъ, что она проникла въ секретъ Симона Волхва и что вовсе не трудно подниматься съ земли и летать. «Ей-Богу, вы въ эту минуту думаете и соображаете не свихнула-ли я совсѣмъ съ ума? Однако, это такъ. Я объяснила этотъ законъ—*чисто физическій*—нашимъ членамъ, и доказала имъ кромѣ того фактами, что это такъ. Съ электрической батареей и сильнымъ токомъ мы убѣдились сперва извѣстнымъ процессомъ какого рода магнетизмъ былъ *на коврѣ* комнаты, наэлектризовали кошку — и она была поднята на нѣсколько вершковъ. Наэлектризовали сильнѣе несмотря на мои предостереженія и, конечно, бѣдная кошка мгновенно сдохла...»

Хоть я и не производилъ никогда подобныхъ *опытовъ*, но осмѣливаюсь думать, что тутъ совсѣмъ даже не представлялось необходимости «убѣждаться сперва *извѣстнымъ процессомъ*, какого рода магнетизмъ былъ *на коврѣ* комнаты» и надо только удивляться, какъ эта несчастная кошка поднялась всего на нѣсколько вершковъ, а не прыгнула до потолка, прежде чѣмъ «сдохнуть». Я не знаю, можетъ быть Елена Петровна когда-нибудь и поднималась на воздухъ, подобно Симону Волхву, но свидѣтельствую, что черезъ десять лѣтъ, въ «вюрцбургскія времена», она во всякомъ случаѣ потеряла эту способность и забыла свой секретъ. Она, бѣдная, часто не могла и руки поднять, страдая отчаяннымъ ревматизмомъ.

Послѣ этого письма прошло не мало времени, около девяти мѣсяцевъ, а интересная поѣздка все еще не состоялась. Очевидно Блаватской и «полковнику» хорошо жилось въ Нью-Іоркѣ, да и дѣло было: прежде, чѣмъ сняться съ якоря и надолго, если не навсегда покинуть Америку, необходимо было, конечно, реализировать наслѣдство «языческаго барона», обратить въ деньги его серебряные рудники и земли. Теософы, мало-по-малу, заинтересовываются буддизмомъ и помышляютъ о «души спасеніи». 15 іюня 1877 года Блаватская пишетъ изъ Нью-Іорка:

«... Наши ѳеозофы (*локальные*) вообще должны не только въ ротъ капли не брать, да даже поститься постоянно. Я ихъ пріучаю ничего не ѣсть: коль не помрутъ, такъ пріучатся; а не выдержатъ, такъ имъ-же лучше. Въ Нирвану отправятся прямо, а мы ихъ сожжемъ съ торжествомъ и языческой церемоніей. Вотъ Judge (Джеджъ), такъ просто Аргатомъ святымъ сдѣлался. Видѣнія зритъ, и летаетъ: и какъ увѣряетъ каждую ночь вылѣ-

---

ріемъ; но посвященные, жрецы «одита» и святилища, хорошо были знакомы съ его истиннымъ значеніемъ; они знали, какъ много таинственнаго и оккультнаго заключала въ своихъ различныхъ соединеніяхъ эта естественная и физическая сила,—чего ученые нашихъ дней не знаютъ а слѣдовательно и отвергаютъ...»

заетъ изъ тѣла и прогуливается въ безпредѣльномъ пространствѣ. Мы звонимъ (въ) колокольчикъ въ 47 улицѣ (у меня въ комнатѣ), а онъ въ Бруклинѣ слышитъ за 8 миль, и сейчасъ-же въ путь пускается и черезъ два часа является на зовъ...»

Вѣдь, сама она смѣется надо всѣмъ этимъ, не можетъ удержаться отъ насмѣшки въ письмѣ къ соотечественнику: «смотрите, молъ, какіе дурни, и какъ я ихъ вожу за носъ!»

О выходѣ въ свѣтъ своей «Изиды» Е. П. Блаватская извѣщаетъ 2 октября 1877 года: «Ну, книга моя вышла въ свѣтъ наконецъ. Родилась сердечная въ прошлую субботу, сентября 29, а за недѣлю до того еще мой издатель уже послалъ всѣмъ редакторамъ журналовъ передовые экземпляры; прилагаю при семъ рецензію «N. I. Herald». Я какъ прочитала, чуть въ обморокъ не упала. Приготовилась ко всеобщему руганью, а вдругъ вона, похвала-то какая, да еще отъ одного изъ консервативнѣйшихъ и католическихъ журналовъ. Замѣтьте послѣдній параграфъ—гдѣ говорится, что Isis Unveiled—is one of the remarkable productions of the century» *). Можетъ, и будутъ еще ругать, а все-же въ два дня раскупили все первое изданіе (1000 экземпляровъ) даже и подписчики принуждены ждать еще недѣлю, пока второе изданіе выйдетъ... А книга вышла важная, два тома огромные, красные, съ золотымъ корешкомъ, на которомъ сидитъ верхомъ Изида разоблаченная. А index'омъ я просто горжусь. Его составилъ для меня профессоръ Вильдеръ, нашъ вице-президентъ и извѣстный археологъ, въ Америкѣ... У насъ теперь множество корреспондентовъ-членовъ «Fellows» въ Индіи, и мы думаемъ на будущій годъ отправиться въ Цейлонъ и поселиться тамъ, какъ «Head Quarters» нашего Общества. Я получила чинъ «Arch Auditor» отъ главнаго масонскаго Общества въ Индіи. Это самая древняя изъ масонскихъ ложъ и говорятъ существовала еще до Р. Х...»

Однако, не все-же лавры. Въ письмѣ отъ 6 ноября 1877 года Е. П. Блаватская жалуется, что многіе журналы, которые судятъ, якобы, только по обложкѣ и по «table of contents» (оглавленію) обвиняютъ ее «въ распространеніи *трансцендентальныхъ безсмыслицъ*, а нѣкоторые такъ прямо, по-американски, называютъ дурой...» Одному изъ редакторовъ, пишетъ она, — «Олкоттъ чуть въ рожу не далъ, да это что-же поможетъ!»

Смущаетъ ее сильно и другое обстоятельство: вышла въ свѣтъ

*) «Разоблаченная Изида — одно изъ замѣчательныхъ произведеній столѣтія». Этотъ удивительный отзывъ «Herald'а» можетъ быть объясненъ развѣ только тѣмъ, что въ Америкѣ продается *все*, а отзывы прессы прежде всего. На это есть даже, говорятъ, *такса*. Иначе какимъ-же-бы образомъ католическая газета расхваливала книгу, гдѣ заключаются самыя отчаянныя выходки и брань противъ католической религіи?

книга Юма, гдѣ онъ не поцеремонился съ Еленой Петровной и разсказалъ много краснорѣчивыхъ вещей о ея плутняхъ всякаго рода. Она пишетъ: «Отъ того я и уѣзжаю *на вѣки въ Индію* *), и желаю заѣхать туда, гдѣ и имени моего никто не знаетъ, отъ стыда и горя. Юмъ погубилъ меня своею злобою на вѣки въ Европѣ. Должно быть хорошія штуки онъ писалъ — когда его жена вынуждена была написать М-г Martheze въ Лондонъ, чтобы онъ ради Бога не обращалъ вниманія на письма ея мужа, такъ какъ онъ (Юмъ) *сумасшедшій!!* **). Книги Юма ни Олкоттъ, ни я, не только не читали, но даже въ глаза не видали. Олкоттъ еще до ея выхода далъ себѣ слово никогда не открывать ее даже и сдержалъ его. Ему нѣсколько разъ предлагали отвѣчать на нее и одинъ изъ издателей лондонскаго «Atheneum», написалъ ему предлагая отвѣтить на всѣ пункты въ его рецензіи. Но Олкоттъ отказался» ***).

Послѣ этого болѣе чѣмъ на полтора года прекращаются письма Е. П. Блаватской. Но вотъ совершилось переселеніе теософовъ въ Индію. Очевидно, практичному Олкотту удалось обратить въ деньги серебряные рудники и земли барона де-Пальма. Елена Петровна очутилась въ Бомбеѣ, гдѣ и основала пока «Главную квартиру теософическаго общества». Этого мало—она рѣшилась издавать журналъ «Теософистъ» и, посылая печатное, широковѣщательное о немъ объявленіе, пишетъ изъ Бомбея, 16 іюля 1879 года:

«Неужели забыли насъ? Позвольте-же напомнить о сиротахъ, нынѣ благополучно пребывающихъ въ Бомбеѣ, среди чудодѣйныхъ *саньязи*, факировъ, іоги и кобра-капеллъ. На счетъ психологіи, нашъ журналъ заткнетъ за-поясъ всѣ спиритическіе журналы. Неужели ужъ и словечка болѣе не получу отъ васъ? Полковникъ Олкоттъ свидѣтельствуетъ глубочайшее почтеніе. — Будьте такъ добры, позвольте узнать, можно-ли намъ посылать этотъ журналъ въ Россію безъ конверта, просто, подъ оберткой! Какъ видите, о политикѣ въ немъ не найдется *ни слова*; только о философіи, психологіи, и—метафизикѣ. Господи! Что это за

---

*) Вотъ ужъ теперь она уѣзжаетъ *на вѣки* въ Индію не для «теософическаго общества», а отъ разсказовъ Юма!

**) Конечно жена Юма ничего подобнаго не писала, и Блаватская это тутъ-же выдумала. Такимъ образомъ, оказывается, что обычай объявлять своихъ обличителей *сумасшедшими* (*см. главу* XXIV *моего разсказа*) издавна уже практиковался Еленой Петровной.

***) Конечно, если нѣтъ никакой возможности оправдаться въ прямо и опредѣленно поставленныхъ обвиненіяхъ—самое лучшее зажимать уши и *молчать*,—даже и въ томъ случаѣ, если предлагаютъ страницы журнала для отвѣта. Только неподражаемая Елена Петровна могла такъ наивно разсказывать объ этомъ!

страна чудесъ—когда бы вы знали. Неужели ни одинъ изъ вашихъ Петербургскихъ журналовъ не нуждается въ статьяхъ изъ Индіи? Я-бы имъ такія настрочила, что они остались-бы довольны. — Будьте великодушны, дайте знать. Вѣдь, я читала въ «Русскомъ Вѣстникѣ», что они нуждаются въ свѣдѣніяхъ объ индійскихъ религіяхъ. А я, вѣдь,—какъ увидите по программѣ, окружена представителями всевозможныхъ религій. У насъ теперь *74 тысячи* (!?) членовъ теософическаго общества и Aрiа Самаджи. Только что вернулась изъ Раджпутаны и North Western Provinces,—ѣздила на слонахъ, проникала въ сокровенныя пагоды, и — да нѣтъ и словъ, чтобы достаточно выразить *чувствія!*»

Въ письмѣ отъ 18 октября 1879 года чувствуется такое-же бодрое, самоувѣренное настроеніе: « ... мы вотъ четыре мѣсяца муссона (*mousoon*, сирѣчь) подъ дождемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ теплымъ паромъ. Дождь льетъ сверху, а паръ идетъ снизу, и поэтому сырость и мокрота невообразимыя! Особенно-же одолѣли скорпіоны и стоножки; да и кобръ изрядное количество у насъ въ саду. Только знай, что читай «мантры», заклинанія; и безъ *магіи* здѣсь и невозможно жить. Одни астрологи, алхимики да магусы нашего общества и спасаютъ насъ отъ погибели. А все-же живемъ и даже толстѣемъ. Не прислать-ли вамъ «мантру» отъ лихоманки и всякихъ другихъ болѣзней да напастей? Да, вѣдь, вы православный—не примется къ вамъ!.. У насъ въ журналѣ пишутъ всѣ знаменитые санскритологи и *пандиты* Индіи, какъ вы увидите...»

Далѣе Е. П. Блаватская извѣщаетъ о томъ, что она послала Каткову «огромную статью (первыя 5 главъ) записокъ объ Индіи». Эта «огромная статья» и оказалась началомъ ея «Изъ пещеръ и дебрей Индостана». Рукопись была исправлена (въ смыслѣ неправильностей языка и ошибокъ), приведена въ порядокъ, а затѣмъ скоро появилась на страницахъ «Русскаго Вѣстника».

Дальнѣйшее не представляетъ особеннаго интереса, да и переписка скоро совсѣмъ прекращается. Но дѣйствительная исторія возникновенія «теософическаго общества» возстановлена на основаніи *такихъ документовъ*, передъ которыми должны «положить печать молчанія на уста свои» всѣ провозвѣстники и защитники *теософической легенды*. Дѣйствительную *правду* — невольно, наивно, — повѣдала намъ здѣсь *сама* Елена Петровна Блаватская. Отъ нея *самой*, не прибѣгая ни къ какимъ постороннимъ свидѣтельствамъ, мы узнали, что она «съ 1863 года отдала всю свою жизнь спиритизму», что въ Америкѣ она была самой ревностной его защитницей; но что, когда явился вопросъ о «кускѣ хлѣба»—она измѣнила тому *ученію*, которое объявляла

единою истиной,—и стала придумывать нѣчто новое, чѣмъ можно было-бы заинтересовать «публику». Мы прослѣдили всѣ первые фазисы «теософическаго общества».

Далѣе, уже изъ *печатныхъ* источниковъ, все видно очень ясно. Когда, въ 1884 году, Блаватская, Олкоттъ и Могини поѣхали или *посланы были* въ Европу — они явились съ хитростью, объявили свое общество *чисто ученымъ*, занимающимся лишь разработкой «восточныхъ знаній» и не только не касающимся, но и глубоко уважающимъ вѣрованія своихъ членовъ, къ какимъ-бы религіямъ они ни принадлежали. Они печатно, въ своемъ *уставѣ*, объявили это.

Но, и помимо обманныхъ феноменовъ, производившихся Блаватской, «теософическое общество» возмутительно *обмануло* тѣхъ людей, которые записались его членами, довѣрившись *уставу*. Мало-по-малу выяснилось, что это вовсе не всемірное ученое братство, принадлежать къ которому, съ чистой совѣстью, могутъ послѣдователи различныхъ религій,—а прямо группа людей, начавшая провозглашать, въ своемъ органѣ «Теософистѣ» и другихъ своихъ изданіяхъ, смѣшанную *религіозную доктрину*. Наконецъ, и эта доктрина, въ послѣдніе годы жизни Блаватской, уступила мѣсто прямой и открытой пропагандѣ самаго правовѣрнаго экзотерическаго буддизма съ провозглашеніемъ: «our Lord Boudda» (нашъ Господь Будда) и съ постоянными нападками на христіанство.

Все это совершилось постепенно, мало-по-малу, въ волнахъ густого тумана, среди фейерверка ложныхъ чудесъ Блаватской, различныхъ скандальныхъ исторій и таинственнаго шопота одурманенныхъ, истеричныхъ дамъ и кавалеровъ.

Въ 1875 году американскій спиритъ Олкоттъ «сидѣлъ на грудахъ нераспродающихся экземпляровъ своего сочиненія о чудесахъ братьевъ Эдди», а всесвѣтной обманщицѣ Блаватской, по ея словамъ, «не съ кѣмъ было и ругаться и необходимъ былъ кусокъ хлѣба»—и вотъ теперь, въ 1893 году, какъ прямо слѣдствіе этой причины, мы видимъ цѣлое религіозное движеніе, видимъ благополучное, развивающееся насажденіе буддизма въ Западной Европѣ.

Откуда-же, однако, явилась возможность такого успѣха дѣла, основаннаго на фантазіи, на лжи и обманѣ? Олкоттъ могъ быть во сто разъ энергичнѣе, Блаватская могла быть во сто разъ талантливѣе и симпатичнѣе въ своихъ сношеніяхъ съ друзьями,—но сколько-бы ни сѣяли они — не видать имъ богатой жатвы, еслибы зерна не папали на плодотворную, подготовленную къ воспринятію ихъ почву. Значитъ, все дѣло *въ почвѣ*, и только *ея анализъ* можетъ объяснить загадку и отвѣтить на всѣ вопросы.

Недавно вышла въ свѣтъ новая книга извѣстнаго Макса Нордау, носящая названіе: «Entartung» (вырожденіе). Въ этой книгѣ талантливый авторъ разсматриваетъ многія ненормальности современнаго общества, расшатаннаго, нервнаго, психопатическаго, истеричнаго. Между прочимъ, онъ говоритъ, что не существуетъ такого убѣжденія, добытаго здоровой умственной работой, которое съ такою-бы силой овладѣвало всѣмъ существомъ человѣка,— какъ дѣлаетъ это *манія*. Страдающаго *маніей* или бредомъ—ничѣмъ не убѣдишь. Онъ идетъ на проломъ, забывая даже о чувствѣ самосохраненія. Такимъ образомъ онъ представляетъ изъ себя весьма крупную силу, которой невольно подчиняются люди, слабые умомъ и потерявшіе равновѣсіе. Эта мысль Нордау подтверждается наблюдавшимися издавна различными коллективными маніями, особенно поразительными среди нервно разстроенныхъ лицъ, главнымъ образомъ, женщинъ—въ женскихъ монастыряхъ и закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Далѣе авторъ приводитъ замѣчательный примѣръ, взятый имъ изъ «Дневника» Гонкура, разсказывающаго, что въ Парижѣ, въ 1870 году, толпа, состоявшая изъ 10 тысячъ человѣкъ, «*видѣла своими глазами и читала*» телеграмму о побѣдѣ французовъ надъ нѣмцами. Эта телеграмма, на которую указывали пальцами, была, по убѣжденію всѣхъ, наклеена на одной изъ колоннъ зала въ зданіи Парижской Биржи. *Въ дѣйствительности-же никакой телеграммы не было*—она всѣмъ только казалась. Такихъ примѣровъ внушенія толпѣ ложныхъ представленій—не мало.

Истеричные люди весьма способны подчиняться убѣжденію въ необыкновенныхъ достоинствахъ какого-нибудь сочиненія и даже видѣть въ немъ такія красоты, какихъ не подозрѣвалъ ни авторъ ни заботившіеся о его прославленіи. Если у новой секты есть какой-нибудь успѣхъ, то она пріобрѣтаетъ себѣ сторонниковъ и помимо истеричныхъ, способныхъ къ воспринятію внушенія. Молодежь, ищущая пути, спѣшитъ за толпою, полагая, что тутъ-то и есть истинный путь. Люди малоумные, пуще всего боящіеся какъ-бы не прослыть отсталыми, присоединяются къ толпѣ и шумно прославляютъ новоявленную знаменитость. Молодящаяся старость, желающая скрыть свой возрастъ, тоже плетется въ новый храмъ и подпѣваетъ дребезжащимъ голоскомъ гимнъ правовѣрныхъ, надѣясь, что среди молодежи и она сойдетъ за молодежь. Вся эта толпа, соединившаяся благодаря своей болѣзненности, своему тщеславію и корыстолюбію, шумитъ и гремитъ несравненно сильнѣе, нежели гораздо большее количество людей здоровыхъ, спокойно и безъ эгоистическихъ цѣлей наслаждающихся твореніями здоровыхъ талантовъ...

Этотъ взглядъ Макса Нордау оказывается весьма примѣни-

мымъ къ рѣшенію вопроса о причинѣ крупнаго успѣха «теософическаго общества». *Такой* успѣхъ *такого* дѣла могъ созрѣть только на почвѣ, пропитанной болѣзнетворными испареніями, въ средѣ именно «вырождающейся» и, въ то-же время, безсознательно томящейся глубокимъ, мучительнымъ невѣріемъ. Когда въ человѣческомъ обществѣ исчезаетъ вѣра, — на ея мѣсто непремѣнно являются суевѣрія всякаго рода. Томленіе невѣрія, расшатавшее вырождающійся организмъ, фатально влечетъ къ фанатизму суевѣрія, къ фанатизму самому жестокому, безумному и мрачному—ибо онъ знаменуетъ собою существованіе въ обществѣ серьезной, быстро укореняющейся заразы.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Отвѣтъ на «оправданія» г-жи Игрекъ-Желиховекой.

Мои статьи «Современная жрица Изиды», по своему предмету и по тому интересу, какой возбуждаютъ разсказы изъ *дѣйствительной* жизни съ разоблаченіемъ ея курьезовъ,—не могли не обратить на себя вниманія. Зная это, я хорошо зналъ такъ-же и то, что мнѣ придется вынести всякія непріятныя слѣдствія такого интереса и вниманія. Вѣдь, угодить *всѣмъ* нѣтъ никакой возможности, и, прежде всего, я не могъ, конечно, угодить сестрѣ моей героини,—г-жѣ Желиховской. Ея писанія о Е. П. Блаватской какъ о великой чудотворицѣ оккультизма, преисполненныя самой удивительной фантастичности, явились для нея тѣмъ заклинаніемъ, посредствомъ котораго чародѣй средневѣковой легенды вызвалъ духа, не имѣя силъ съ нимъ справиться. Жестокимъ духомъ, неосмотрительно вызваннымъ г-жей Желиховской, оказалась моя «жрица Изиды».

Я объяснилъ, въ началѣ моего разсказа, причины, принудившія меня приступить къ печатанію моихъ воспоминаній, сопровождаемыхъ документами. Для людей, знакомыхъ съ современными настроеніями нашего общества и относящихся серьезно къ этимъ настроеніямъ, ясенъ вредъ, могущій произойти отъ увлеченій *глубоко матерьялистической* доктриной, разукрашенной разными *суевѣріями*, *мнимыми чудесами* и носящей пышное названіе «теософіи» и «религіи разума». Показать въ истинномъ свѣтѣ, съ помощью неопровержимыхъ доказательствъ, нравственную подкладку такого ученія, а также его создателей и провозвѣстниковъ—оказалось дѣломъ общественной важности. Я увидѣлъ, что, при такихъ обстоятельствахъ, молчать и скрывать истину, зная ее—*преступно*.

Я самъ въ свое время, да и не одинъ, а въ компаніи съ нѣкоторыми весьма извѣстными и достойными представителями западно-европейской науки и литературы, очень заинтересовался

Блаватской, ея феноменами и чудесами. Ни отъ кого я не скрывалъ моего первоначальнаго увлеченія, моихъ все возраставшихъ сомнѣній и моего страстнаго желанія во что-бы то ни стало узнать истину въ этомъ *крайне важномъ* дѣлѣ (см. ниже: письмо г. Шарля Ришэ). *Лично* къ Блаватской я относился съ полной симпатіей, какъ къ моей соотечественницѣ, какъ къ женщинѣ, обладавшей рѣдкой талантливостью и совсѣмъ оригинальной силой. Такое мое отношеніе къ ней продолжалось до осени 1885 года, когда я разглядѣлъ ее со всѣхъ сторонъ и долженъ былъ рѣшить, что, въ виду важности дѣла, далѣе щадить ее нельзя, что это значило-бы сдѣлаться, такъ сказать, ея косвеннымъ сообщникомъ.

Я никогда не скрывалъ и отъ самой Блаватской моихъ сомнѣній, подозрѣній и разслѣдованій ея «феноменовъ», что видно изъ ея-же собственноручныхъ, приводимыхъ мною въ «Изидѣ» писемъ. Я только имѣлъ наивность надѣяться, пока еще мало зналъ ее, что мнѣ удастся, въ концѣ-концовъ, отдалить ее отъ «теософической» дѣятельности и направить ея силы на чисто литературную почву. Былъ періодъ, когда это и дѣйствительно представлялось возможнымъ. Но внезапныя обстоятельства,—ея поспѣшный отъѣздъ въ Индію,—помѣшали этому.

Она знала, что я веду мое разслѣдованіе, но разсчитывала, что я, въ качествѣ соотечественника и друга, узнавъ *все*, не рѣшусь «выдать ее иностранцамъ» — по ея выраженію. Я не могъ, подобно «Обществу Психическихъ Изслѣдованій», такъ-же какъ и я глубоко заинтересованному «феноменами» и «истиной»,—назначать комиссій, комитетовъ, избирать «разслѣдователей на мѣстѣ». Я былъ одинъ—и поневолѣ заключалъ въ своемъ лицѣ и комиссію, и разслѣдователя на мѣстѣ. Если-бы мои «изслѣдованія дѣйствительности» привели къ иному результату, т. е. дали-бы мнѣ доказательства, что Блаватская никого не обманывала и что ея «феномены» истинны—вѣдь, я былъ-бы ея первымъ защитникомъ, съ добытыми мною доказательствами въ рукахъ. А Блаватская и ея друзья и послѣдователи не находили-бы достаточныхъ словъ для моего прославленія.

Но конечные результаты моего изслѣдованія, подтверждаемые документами, оказались ужасны для Блаватской: я убѣдился, что вся ея теософическая дѣятельность—обманъ, обманъ, и еще обманъ! Обращаюсь ко всѣмъ порядочнымъ людямъ и спрашиваю: что-же мнѣ было дѣлать? Могъ-ли я *молчать* передъ такъ или иначе заинтересованными въ дѣлѣ лицами, молчать и скрывать правду ради моихъ личныхъ отношеній къ Блаватской въ такомъ вовсе не личномъ, а *общемъ* дѣлѣ?!

Я далъ свои показанія для заинтересованныхъ лицъ—*и сдѣ-*

лалъ это тогда-же, въ началѣ 1886 года, открыто, въ Парижѣ, не послѣ смерти Блаватской, а при ея жизни, когда она была окружена друзьями. Я сдѣлалъ это и, не убоясь, подвергся «теософскому» мщенію.

Въ Россіи я молчалъ пока «заинтересованныхъ» не было или было мало. Поднимать это дѣло—значило-бы обращать на него общее вниманіе. Я находилъ, что полезнѣе для нашего общества ждать пока кто-нибудь не заговоритъ во всеуслышаніе объ этомъ грандіозномъ обманѣ какъ объ интересной своей новизною истинѣ,—и тѣмъ принудитъ меня, во исполненіе моего долга передъ обществомъ, къ отвѣту. *Г-жа Желиховская заговорила во всеуслышаніе, измѣняя дѣйствительность до полной неузнаваемости — и я долженъ былъ прервать мое молчаніе.* Обращавшимся-же за всѣ эти годы прямо и словесно ко мнѣ — я всегда открывалъ правду.

Во время печатанія «Современной жрицы Изиды» я убѣдился, что весьма многіе смотрятъ на эти статьи именно какъ на исполненіе мною моего прямого передъ обществомъ долга; кромѣ того я получалъ письма отъ людей, мнѣ даже лично неизвѣстныхъ, благодарившихъ меня за мой трудъ, который мнѣ-то самому ужъ никакъ не могъ доставить удовольствія, а былъ только *неизбѣжной* тягостью. Смыслъ моихъ статей отмѣтило и «Русское Обозрѣніе», прежняя редакція котораго несмотрительно помѣстила у себя «заклинанія» г-жи Желиховской. Въ ноябрьской книгѣ этого журнала за 1892 годъ, г-нъ Л. Тихомировъ пишетъ: «г-жа Блаватская, основательница Теософическаго общества, имѣла безъ сравненія больше вліянія и извѣстности заграницей, нежели у насъ. Тѣмъ не менѣе, при имѣющихся у насъ элементахъ сектантскаго мистицизма, она, хотя по смерти, могла-бы перенести свое вліяніе и къ намъ. Поэтому нельзя безъ живого любопытства читать статей Всев. С. Соловьева «Современная жрица Изиды», въ «*Русскомъ Вѣстникѣ*».

Мой разсказъ, *подтверждаемый приводимыми мною документами*, готовыми для какой угодно экспертизы, служитъ значительнымъ дополненіемъ къ весьма обстоятельному разслѣдованію многихъ чудесъ Блаватской, опубликованному Лондонскимъ психическимъ обществомъ. Съ этимъ трудомъ Лондонскаго общества, совершенно доселѣ у насъ неизвѣстнымъ, я знакомлю въ переводѣ моихъ читателей. Что-же касается свѣдѣній, сообщенныхъ г-жей Желиховской въ «Русскомъ Обозрѣніи»,—тамъ, гдѣ я ихъ касался, фантастичность ихъ мною объяснена и доказана, не голословными заявленіями, а фактами, противъ которыхъ возразить *рѣшительно нечего.*

Такимъ образомъ г-жа Желиховская оказалась, разумѣется,

въ крайне обидномъ положеніи передъ вызваннымъ ею духомъ, съ которымъ ей никогда не справиться. Кто-же виноватъ, если особа, разрѣшившая себѣ, подъ видомъ правды, разсказывать публикѣ, на нѣсколькихъ печатныхъ листахъ, разнообразныя и зловредныя выдумки,—должна нести послѣдствія такого дѣянія!

Но г-жа Желиховская—дама сердитая, рѣшительная, безъ предразсудковъ. Къ тому-же, послѣ моей «Изиды», и терять-то ужъ ей нечего. Приготовила г-жа Желиховская свой «отвѣтъ» на мою «Изиду» и, такъ какъ «Русскій Вѣстникъ», вслѣдствіе особенностей содержанія этого «отвѣта», отказался его печатать, — издала его «отдѣльной брошюрой». Предварительно г-жа Желиховская заявила въ «Новомъ Времени», что эта ея брошюра будетъ «*сплошь* составлена изъ моихъ писемъ и отвѣтовъ мнѣ лицъ, *задѣтыхъ* моей *сатирой*(!!) и *ясно докажетъ* фантастичность всѣхъ моихъ изобличеній какъ Е. П. Блаватской, такъ и ея самой, г-жи Желиховской».

Это произведеніе сестры «основательницы теософическаго общества» появилось 1-го апрѣля. Первое апрѣля—«день обмановъ»,—*обманомъ*, да еще и какимъ! далеко не невиннымъ!!—оказалась эта такъ внушительно оповѣщенная брошюра.

Г-жа Желиховская сама, однако, и показываетъ своимъ читателямъ, какъ именно надо относиться къ ея сообщеніямъ. На стр. 125 своей брошюры она прямо открываетъ, что способна не только на «полубезуміе», но и на полное «безуміе»—и, въ такомъ состояніи, ничего не помнитъ; что, подъ вліяніемъ раздраженія, она даетъ свои показанія «въ самомъ крайнемъ, преувеличенномъ раздраженіемъ смыслѣ».

Ну, а что она раздражена противъ меня и доведена до безумія послѣ «Изиды» — въ этомъ, конечно, *никто* не можетъ сомнѣваться!

Свою новую «правду» г-жа Желиховская начинаетъ съ такого дѣйствія: *печатно заявивъ*, что ея брошюра *сплошь* составлена изъ моихъ писемъ и отвѣтовъ мнѣ «лицъ»—она печатаетъ моихъ писемъ 20 страницъ; отвѣтовъ мнѣ «лицъ» $4^1/_2$ страницы—*всего* $24^1/_2$ *страницы* изъ *177-ми*, составляющихъ брошюру. *Остальныя* $152^1/_2$ *страницы* — суть собственныя разглагольствованія и голословныя увѣренія г-жи Желиховской. На ея языкѣ это называется: «*сплошь*». Ну какъ-же не 1-е апрѣля и не «самый крайній преувеличенный смыслъ!»

1. Мои письма.

Однако, это только первая и наимельчайшая изъ погрѣшностей г-жи Желиховской. Вѣдь, и на двадцати малыхъ страницахъ могутъ быть помѣщены совсѣмъ убивающія меня письма. Нечего объяснять, что моя противница выбрала изъ своего запаса самыя *ужасныя*, уличающія меня строки, а все другое — опустила. При ея обѣщаніи «ясно доказывать ими фантастичность моихъ изобличеній» и зная, что *такихъ* писемъ я никогда, конечно, не писалъ — что могъ я подумать? Я полагалъ, что... г-жѣ Желиховской доставлены теософами не мои письма и что мнѣ придется доказывать это при помощи экспертовъ. И что-же! Это отрывки и надерганныя строки изъ моихъ, несомнѣнно моихъ писемъ: я хоть и не видалъ ихъ и не могу помнить каждаго слова, написаннаго мною девять и восемь лѣтъ тому назадъ, но не выражаю сомнѣнія въ ихъ подлинности. Я, вмѣстѣ съ каждымъ внимательнымъ и добросовѣстнымъ читателемъ моей «Изиды», ознакомившемся и съ этой «брошюрой», долженъ только изумляться — зачѣмъ понадобилось г-жѣ Желиховской печатать эти отрывки, которые, отъ перваго и до послѣдняго слова, ничуть не компрометируютъ правдивость моего разсказа, а нѣкоторые служатъ отличнымъ его подтвержденіемъ и дополненіемъ.

Разсчитывая единственно на читателей, совершенно незнакомыхъ, съ моей «Изидой», г-жа Желиховская останавливается главнѣйшимъ образомъ на письмахъ моихъ 1884 и первой половины 1885 года, т. е. времени моего искреннѣйшаго участія и большой жалости *лично* къ Блаватской и колебанія относительно окончательнаго взгляда на *всѣ* ея *феномены*. Вотъ, дескать, какого онъ былъ высокаго о ней мнѣнія и какъ увлекся! Еслиже его письма къ ней и ко мнѣ были искренни—то какое коварство и т. д. и т. д.! Однако, вѣдь, я самъ въ «Изидѣ» (стр. 30, 52, 56, 67—69, 74—75, 76, 80—82 и др.) откровеннѣйшимъ образомъ разсказалъ и о моемъ увлеченіи, усиленномъ разстроенными тогда моими нервами, и о моемъ *исканіи*, что въ Блаватской и ея феноменахъ истинно, а что ложно, и о моемъ двойственномъ чувствѣ къ этой удивительной женщинѣ, то привлекавшей къ себѣ до глубокой жалости, то отталкивавшей отъ себя до еще болѣе глубокаго отвращенія. Я не скрылъ ничего— и всякій безпристрастный, разумный человѣкъ, прочтя «Изиду», почувствуетъ психическую вѣрность моего разсказа, а также сниметъ съ меня обвиненіе въ коварствѣ. Съ какой-же стати г-жа Желиховская силится выламывать двери, мною самимъ открытыя настежъ?!

Только послѣ событій въ Вюрцбургѣ я избавился отъ чувства жалости къ Блаватской. Только въ Петербургѣ, въ концѣ 1885 года, узнавъ роль Блаватской въ «исторіи Могини» и *выслушавъ всѣ показанія г-жи Желиховской и ея близкихъ о «нашей жрицѣ Изиды»*, я пересталъ колебаться. Факта и свойства своихъ показаній не отрицаетъ и сама г-жа Желиховская (стр. 124—125 брошюры); только, конечно, въ очевидное противорѣчіе со своими же письмами, говоритъ теперь, что я ихъ выпытывалъ, а она давала ихъ въ «безуміи» и давала показанія... невѣрныя. Но какъ г-жу Желиховскую, такъ и свидѣтелей, на которыхъ она указывала, я безумными не считалъ и не могъ думать, что сестра показываетъ на свою сестру самыя ужасныя вещи... невѣрно. Отъ такихъ показаній родной сестры Блаватской я пришелъ въ ужасъ и рѣшилъ, что далѣе ее щадить на основаніи личныхъ отношеній, потому, что она сама — «необыкновенный феноменъ», талантлива и моя соотечественница,—*невозможно*.

Рѣшивъ это, я надѣялся, что мнѣ не придется прервать задолго еще передъ тѣмъ начатаго моего молчанія на ея письма. Прошло и два, и три, и четыре мѣсяца. Я былъ давно ужъ свободенъ отъ послѣдняго, даннаго мною ей обѣщанія (см. «Изиду» стр. 205). Я узналъ, главнѣйшимъ образомъ изъ столь «вѣрнаго», какъ тогда думалъ, источника, т. е. отъ ея сестры, такіе ужасные факты, что, при необходимости написать ей, не могъ ограничиться насмѣшливымъ тономъ моихъ послѣднихъ ей писемъ. Подробности ея участія въ «новѣйшихъ» событіяхъ оказались такъ отвратительны. Madame де-Морсье просила меня положить предѣлъ дальнѣйшимъ злонамѣреннымъ дѣйствіямъ Блаватской. Наконецъ, знаменитая «исповѣдь» *посланницы махатмъ* довела меня до весьма понятнаго, крайняго возмущенія. Поэтому рѣзкій, уже безъ всякихъ церемоній, тонъ моего отвѣта на «исповѣдь» — вполнѣ естественъ. И вотъ, г-жа Желиховская приводитъ (стр. 131—134 ея брошюры) это письмо мое, каждое слово котораго, отъ перваго и до послѣдняго, является *подтвержденіемъ* моего разсказа въ «Изидѣ». Я-то очень ей за это благодаренъ, но зачѣмъ *ей* понадобилось такое письмо — непонятно!

Такимъ-же подтвержденіемъ разсказаннаго мною окажутся, для внимательнаго читателя «Изиды», приводимые отрывки и изъ другихъ моихъ писемъ. Но все-же я дамъ здѣсь всѣ разъясненія, которыя заинтересованный и внимательный читатель можетъ *провѣрить*—съ «Изидой» и «брошюрой» въ рукахъ.

На стр. 47 своей брошюры г-жа Желиховская приводитъ такія мои строки изъ письма 1884 года: «Но вотъ фактъ (что именно до этихъ словъ я писалъ о Блаватской — неизвѣстно,

а было-бы интересно знать это). Тамъ же (въ Эльберфельдѣ) я получилъ, къ великой зависти теософовъ, собственноручную записку Кутъ-Хуми и даже на русскомъ языкѣ. Что она очутилась въ тетради, которую я держалъ въ рукѣ, *меня нисколько не удивило,—я это заранѣе предчувствовалъ и почти зналъ*. Но поразило меня то, что въ этой записочкѣ говорилось ясно и опредѣленно именно о томъ, о чемъ мы говорили за минуту! Въ ней былъ отвѣтъ на мои слова, — а въ теченіе этой минуты я стоялъ одинъ, никто не подходилъ ко мнѣ и, если предположить, что кто-нибудь заранѣе положилъ въ тетрадь записочку, то этотъ *кто-нибудь*, значитъ, овладѣлъ моей мыслью и заставилъ меня сказать тѣ слова, прямой отвѣтъ на которыя находился въ записочкѣ. Этотъ изумительный феноменъ я отчетливо наблюдалъ нѣсколько разъ надъ собою и надъ другими. Какова сила! *А рядомъ съ этой силой, какое иногда безсиліе!*» Этотъ курьезный «феноменъ», одинъ изъ раннихъ, произошелъ въ Эльберфельдѣ, осенью 1884 года. *Къ моему большому сожалѣнію* я не могъ разсказать о немъ въ «Современной жрицѣ Изиды», такъ какъ *русское письмо Кутъ-Хуми* у меня затерялось, а я приводилъ въ моемъ разсказѣ *только тѣ письма, подлинники которыхъ хранятся въ цѣлости*. Но, какъ-же можно выставлять это письмо, какъ доказательство моей полной вѣры, когда въ немъ заключается подчеркнутая фраза: «*меня нисколько не удивило—я это заранѣе предчувствовалъ и почти зналъ*»?

Что-же могутъ означать эти слова какъ не то, что я ужъ и тогда сохранялъ настолько наблюдательности, чтобы подмѣтить подготовленія Блаватской къ феномену и даже предчувствовать и почти знать, въ чемъ именно онъ будетъ заключаться? Впослѣдствіи я уже заранѣе прямо зналъ, въ чемъ будетъ «феноменъ» (см. «Изида»—стр. 193). Итакъ, *я не удивился*, найдя записку Кутъ-Хуми въ тетради, которую держалъ въ рукахъ (это были «Голубыя горы», слогъ и правописаніе которыхъ я исправлялъ по просьбѣ Блаватской), но пораженъ былъ тѣмъ, что «въ ней говорилось именно о томъ, о чемъ мы говорили за минуту. Изъ дальнѣйшихъ моихъ словъ ясно, что я, тогда еще недостаточно изучивъ Блаватскую, былъ склоненъ объяснять это «внушеніемъ» (фактъ, возможность котораго нынѣ доказывается нѣкоторыми учеными) — и, конечно, имѣлъ право воскликнуть: какова сила!»

Однако, я тутъ-же прибавляю! «*А рядомъ съ этой силой, какое иногда безсиліе!*»—и слова эти, кажется, ясно говорятъ за себя.

Но, *въ концѣ концовъ*, уже въ Вюрцбургѣ, въ началѣ осени 1885 года, я убѣдился, что Блаватская вовсе не «внушала», а съ необыкновенной иной разъ ловкостью, если только не слѣ-

дить за каждымъ ея словомъ, за выраженіемъ ея лица, движеніями и т. д., наводила разговоръ на извѣстную тему и подводила такъ, что произносились слова, необходимыя для эффекта «феномена». Объ этомъ я достаточно сказалъ въ «Жрицѣ Изиды».

Нужно-ли мнѣ еще объяснять, что я не могъ иначе выразиться какъ «собственноручное письмо Кутъ-Хуми»? Я, вѣдь, не зналъ еще, кто именно писалъ полученныя мною строки, ибо до экспертизы Нэтсерклифта, доказавшей, что почеркъ Кутъ-Хуми родился изъ почерка Блаватской, — было очень далеко. Именно тогда, въ Эльберфельдѣ, я склоненъ былъ думать, что *пишетъ* Олкоттъ, и только приписка Кутъ-Хуми, въ письмѣ Блаватской, полученномъ мною позднѣе, заставила меня отказаться отъ этого мнѣнія и, всмотрѣвшись хорошенько въ почеркъ, признать въ немъ искусную руку Блаватской. Чѣмъ же *меня* посрамляетъ, въ какомъ-бы ни было отношеніи, приведенная выписка?!

Но *себя* г-жа Желиховская посрамляетъ тотчасъ-же. Она весьма «язвительно» пишетъ: «Теперь онъ (т. е. я) измыслилъ водевильную сцену (см. «Изиду«, стр. 73, 74), въ которой моя сестра посылаетъ наверхъ за Олкоттомъ; вопрошаетъ его: «съ какой стороны» чувствовалъ онъ приближеніе «учителя»; приказываетъ ему опорожнить карманъ, гдѣ и находится сфабрикованная записка Моріи (онъ забылъ, что тогда называлъ его не Моріей, а Кутъ-Хуми); но—въ то время,—о «карманѣ Олкотта» и рѣчи не было! Онъ самъ, г. Соловьевъ, хвастался (?!), что *непосредственно* получилъ записку «учителя» и т. д.».

Дѣло въ томъ, что «феноменъ» записки Кутъ-Хуми въ читавшейся мною тетради, и «феноменъ» записки *Моріи* въ карманѣ Олкотта—суть два различныхъ «феномена», происшедшіе другъ отъ друга на разстояніи трехъ дней и между которыми нѣтъ ровно ничего общаго. Значитъ, я не «забылъ, что тогда называлъ его Моріей, а не Кутъ-Хуми». Значитъ, я не «замѣнилъ инцидентъ» съ запиской Кутъ-Хуми, вовсе не разсказанный мною по вышеобъясненной причинѣ, «запиской Моріи, найденной въ карманѣ Олкотта, между пуговкой и зубочисткой». Но, быть можетъ, г-жа Желиховская совершила эту свою *передержку* по незнанію? Нѣтъ, она совершила ее вполнѣ сознательно: она объявляетъ, что копія моего разсказа изъ журнала «Лондонскаго Общ. для психич. изслѣдованій», о томъ, какъ мнѣ привидѣлся М. (Моріа)—находится у нея. Она даже дѣлаетъ изъ нея выписки (брошюра, стр. 45). Ну, а въ этомъ моемъ разсказѣ, помѣченномъ 1 октября (по новому стилю) 1884 года, *напечатано: «Le soir du meme jour M. Olcott a trouvé dans sa poche un petit billet, que tous les théosophes ont reconnu pourêtre*

de l'écriture de M. (Moria), conçu en ces termes: «certainement j'étais là, mais qui peut ouvrir les yeux à celui qui ne veut pas voir? M.» *). Кажется ясно. Увы! Это лишь одинъ изъ малахъ образчиковъ добросовѣстности и правдивости моей «почтенной» противницы!

Что я не намѣревался убѣждать членовъ Лонд. Психич. Общества въ *реальности* моего свиданія съ Моріей, доказывается не только ихъ дальнѣйшимъ, напечатаннымъ въ «отчетѣ» заявленіемъ, но и послѣдними словами моего разсказа: «Je dois dire qu'a peine revenu à Paris, où je suis actuellement, *mes hallucinations et les faits étranges* qui m'entouraient, se sont complétement dissipés **).

Наконецъ мое сомнѣніе доказывается моими словами въ письмѣ къ г-жѣ Желиховской отъ 9/21 Ноября 1884 года: «Вамъ желательно знать, что интимнаго говорилъ мнѣ Моріа. Да кто говорилъ? Моріа-ли? Я сильно въ этомъ сомнѣваюсь» (брошюра, стр. 47). Зачѣмъ г-жа Желиховская приводитъ такіе отрывки изъ моихъ писемъ, служащіе ей самую плохую службу, — это рѣшительно непонятно!

По возвращеніи изъ Эльберфельда я нѣкоторое время чувствовалъ себя лучше; но затѣмъ, и особенно къ концу 1884 г., нервы мои опять расходились. Поэтому немудрено, что мнѣ одинъ разъ (къ тому-же я сильно натрудилъ себѣ глаза чтеніемъ рукописей) почудилась Блаватская въ своемъ черномъ балахонѣ. Находясь въ перепискѣ съ г-жей Желиховской и просто, искренно и шутливо говоря съ ней обо всемъ (*я съ поразительной опрометчивостью вѣрилъ тогда ея добродѣтелямъ и дружбѣ*)—я разсказалъ ей и этотъ случай, прибавивъ: «что-жъ это такое? Опять вопросъ вашъ: галлюцинація или нѣтъ? Да я-же почемъ знаю!? Что отъ этого можно съ ума сойти—это вѣрно, но я постараюсь этого не сдѣлать».

Она приводитъ (стр. 95) и это письмо—какъ доказательство чего? Тогдашняго разстройства моихъ нервовъ?! Но, вѣдь, я самъ говорю объ этомъ въ «Изидѣ»! Раньше того и колокольчики слышались, и дуновенія какія-то я очень явственно ощущалъ, а однажды (этого г-жа Желиховская даже еще и не знаетъ!!) я, минуты двѣ, слышалъ вокругъ себя шуршаніе невидимаго шел-

*) «Вечеромъ того же дня г. Олкоттъ нашелъ у себя *въ карманѣ* записочку, написанную, какъ признали всѣ теософы, почеркомъ М. (Моріи), въ такихъ выраженіяхъ: «конечно, я тамъ былъ, но кто можетъ открыть глаза нежелающему видѣть? М.».

**) «Я долженъ сказать, что, по возвращеніи въ Парижъ, гдѣ я теперь нахожусь, *мои галлюцинаціи* и странные факты, меня окружавшіе, совершенно исчезли».

коваго платья! Слушалъ, слушалъ—шуршитъ, да и только! Лѣченіе холодной водой, извѣстный режимъ и временное прекращеніе сильныхъ занятій, главное-же—удаленіе отъ всякихъ «теософическихъ» чудесъ—совершенно прекратили всѣ эти явленія. Съ какой-же бы стати сталъ я подробно, по номерамъ и пунктамъ, описывать ихъ въ «Изидѣ», давно ужъ и отлично зная ихъ происхожденіе?!

Письмо мое къ Блаватской о Ришэ и о томъ, что я подружился съ m-me Аданъ, писано *въ явно насмѣшливомъ тонѣ* и совершенно объясняется обстоятельствами того времени. Я былъ у m-me Аданъ по случаю печатавшагося тогда въ ея журналѣ «Nouvelle Revue» моего разсказа «Магнитъ». Я видѣлъ эту извѣстную литературную и политическую даму всего второй разъ—и вотъ она, вѣроятно разсчитывая, что я напечатаю въ Россіи «интервью» съ нею, стала мнѣ, положительно какъ старому другу, разсказывать всякія подробности о своей дружбѣ съ Скобелевымъ и съ Гамбеттой, о всякихъ чудесахъ, а подъ конецъ посвятила меня въ фактъ своего язычества. Да, она тогда была язычницей, исповѣдывала *языческій культъ* съ жертвоприношеніями древнимъ богамъ и богинямъ! Услыша все это, я посовѣтовалъ ей, стараясь казаться серьезнымъ, лучше ужъ обратиться къ теософіи и взять подъ свою защиту Блаватскую. Она просила у меня и впредь моего сотрудничества, просила писать ей, говорила, что аккуратно будетъ отвѣчать мнѣ, словомъ—была очень, очень любезна, какъ истая парижанка. А я, грѣшный человѣкъ, уѣхалъ въ Россію, не напечаталъ «интервью» съ нею, никогда не написалъ ей ни слова. Такъ и кончилась наша взаимная *дружба*...

На новые вопросы Шарля Ришэ (ибо у насъ и прежде шли съ нимъ толки о Блаватской и онъ зналъ, что я добиваюсь разобрать *правду*) я отвѣтилъ, что Блаватская не простая авантюристка, а весьма талантливая и необыкновенная женщина, что она, очевидно, такъ называемый *медіумъ*, хотя и ослабѣвшій (это и есть «ея *личная сила* и феномены, отъ *нея* исходящіе»). Что же касается его *третьяго* и важнѣйшаго вопроса относительно *теософическихъ* феноменовъ и *ея* махатмъ—я заявилъ, что полное и, по возможности, документальное объясненіе я представлю черезъ два, самое большее черезъ три мѣсяца. Я объяснилъ ему причину этого (см. «Изиду», стр. 205).

Блаватской-же я писалъ о бесѣдѣ съ Ришэ (какъ и о m-me Аданъ) въ насмѣшливомъ тонѣ, весьма обычномъ въ моихъ къ ней письмахъ, а въ данномъ случаѣ, послѣ всѣхъ Вюрцбургскихъ чудесъ, мнѣ законно хотѣлось *подчеркнуть*, что я жду только два-три мѣсяца, что я возмущенъ апломбомъ, съ кото-

рымъ она сдѣлала мнѣ свои предсказанія. Я и писалъ, дразня ее и спрашивая: *вѣдь, не правда-ли—все исполнится, все будетъ какъ вы сказали? Ибо не играли-же вы мной какъ пѣшкой? И все закончится вашимъ тріумфомъ и уничтоженіемъ психистовъ? Вѣдь, да? Такъ оно и будетъ?*—Могу себѣ представить, какъ выходила изъ себя Блаватская, читая эти поддразнивающія строки! На этомъ письмѣ, прямо объясняющимся моимъ разсказомъ («Изида», стр. 205) и его подтверждающимъ, стараются построить обвиненіе меня въ томъ, *что я желалъ обманывать Ришэ* На *его* письмо, приведенное мною на стр. 32 «Изиды», не обращаютъ вниманія, хотя слова: «Peut-être réussira-t-elle (Блаватская). En tout cas ce ne sera ni votre faute, ni la mienne»—достаточно ясны. Ну, такъ вотъ *новѣйшее* письмо Ришэ, присланное имъ мнѣ какъ «удостовѣреніе» и ниже мною помѣщаемое—окончательно выяснитъ вопросъ о томъ, «какъ» я его «обманывалъ», а такъ-же докажетъ «правдивость» г-жи Желиховской.

Приводя, на стр. 80 «Изиды» письмо Блаватской съ замѣчательной «припиской Кутъ-Хуми», я упоминаю о томъ, что «не сталъ искать» какую-то хромо-фотографистку Tcheng, о чемъ меня просила въ томъ-же письмѣ Блаватская, прибавляя, что эта особа «не должна ни видѣть, ни знать меня». Я дѣйствительно не искалъ ее, никогда не видѣлъ и не знаю, что это за особа. Но я забылъ *(ужасная,* черезъ 8 лѣтъ, ошибка моей памяти!) что кто-то, не то m-me де-Морсье, не то г-жа А. (и можетъ быть и кто-нибудь и другой) дали мнѣ о ней свѣдѣна и я написалъ Блаватской: «хромо-фотографистка съ китайской фамиліей живетъ именно тамъ, находится въ настоящее время въ Парижѣ и занимается не только изготовленіемъ портретовъ, но и изготовленіемъ какихъ-то статей въ здѣшнія газеты «Gaulois» и «Gil Blas». Хоть это и *мельчайшая мелочь* и къ *дѣлу* не имѣетъ никакого отношенія, но г-жа Желиховская подбираетъ эту соломенку и, конечно, старается раздуть ее.

Но, *какъ-же* она ее раздуваетъ?! *Послѣ перерыва, съ другой строки,* она приводитъ слова изъ моего шутливаго письма: «M-me de-Morsier увѣряетъ, что я ее сегодня загипнотизировалъ, а гипнотизація эта заключается въ томъ, что она васъ ужасно полюбила»... (брошюра, стр. 49, 50). Кто-же такъ странно *загипнотизировалъ* г-жу Желиховскую, что она, вопреки здравому смыслу и смыслу русскаго языка, относитъ эти слова не къ m-me Морсье, къ которой они прямо относятся, а къ невѣдомой, никогда и нигдѣ не виданной мною особѣ съ китайской фамиліей?! Гдѣ-же это я «пишу, что мы съ m-me де-Морсье принимали эту Ченгъ и говорили съ ней о Блаватской»?! Богъ знаетъ, что такое! Новая курьезная галлюцинація г-жи Желиховской!

Про «Isis Unveiled» и въ «Совр. Жр. Изиды» я не разъ пишу, что не только тогда, но и теперь считаю ее для Блаватской—своего рода *замѣчательнымъ феноменомъ*, только теперь я знаю происхожденіе этой компиляціи, а *тогда*, не зная, я былъ пораженъ мнимой ученостью Блаватской.

По всему этому *что-же доказываютъ* письма на страницахъ **39, 40, 46**?

Въ концѣ стр. 50—приведенъ отрывокъ о томъ, что Бэссакъ писалъ *тогда*, какъ сказалъ мнѣ, сочувственную статью о «теософіи», о чемъ я упомянулъ и въ «Изидѣ». Онъ очень хотѣлъ видѣть Могини ради этой статьи и я писалъ объ этомъ Блаватской. Къ чему-же это письмо?!?

На стр. **51**—такъ-же безцѣльное письмо и, вдобавокъ, въ немъ ясно насмѣшливая фраза: *«чудесъ не оберешься!»*

Въ «Изидѣ» говорится, что осенью 1884 г., въ Эльберфельдѣ, я такъ разчувствовался, видя «прекрасно сыгранную искренность и горе Блаватской», что поколебался и боялся думать, что она *такъ ужъ* обманываетъ. Я спрашивалъ себя: «а вдругъ моя подозрительность идетъ слишкомъ далеко? А вдругъ тутъ есть и правда?» Два обрывка на стр. **52** *только подтверждаютъ эту страницу «Изиды»*.

Шутливое письмо на стр. **54—55** безцѣльно—и приведено только ради темной инсинуаціи, касающейся *совсѣмъ* посторонняго предмета.

Стр. **63**—отрывокъ изъ моего письма о томъ, что мнѣ нѣтъ дѣла до «Общества» и что я подозрѣваю Блаватскую въ поддѣлкѣ нѣкоторыхъ «феноменовъ», но все-же люблю ее лично—не только безцѣленъ, а является лишь прямымъ подтвержденіемъ словъ моихъ въ «Изидѣ». Г-жа Желиховская нарочно не приводитъ цѣльнаго письма, а выдергиваетъ и разбиваетъ его на части. А цѣлое еще было-бы рельефнѣе, какъ полнѣйшее выясненіе моихъ тогдашнихъ отношеній къ Блаватской.

Стр. **69** — доказываетъ только, что, какъ я и говорю въ «Изидѣ», тогда мы еще ничего не знали и я не могъ вѣрить еще, *хотъ и подозрѣвалъ Блаватскую во многомъ*, такимъ ужаснымъ *гадостямъ*, въ которыхъ ее обвиняли Куломбы. Вѣдь, тогда еще не было разслѣдованія «Общ. псих. изслѣд.», и я ничего не зналъ, а самъ еще не *убѣдился* и только хотѣлъ знать правду. Меня дѣйствительно глубоко возмущалъ тогда этотъ ужасный скандалъ за Блаватскую, какъ за русскую. Хоть и подозрѣвающій ее во многомъ—я, вѣдь, еще ни на что не имѣлъ явныхъ доказательствъ, я думалъ, что рядомъ съ обманомъ есть и настоящія, психическія ея силы и говорилъ: «позвольте, этакихъ-то ужасовъ ужъ не можетъ быть, это ужъ вѣрно клевета

на нее и, во всякомъ случаѣ, прежде, чѣмъ вѣрить, надо изслѣдовать».

Точно такъ-же какъ и я—думало и «Общ. Псих. Изсл.»—и учредило комиссію, послало въ Индію Годжсона, который самъ пишетъ, что ѣхалъ увѣренный, что это клевета и измѣнилъ свое мнѣніе *только въ виду явныхъ уликъ и доказательствъ*. Вотъ мнѣ и надо былс *увидѣться* съ нею—*чтобы распутать все это* и окончательно убѣдиться, насколько велика ея виновность. Если-бы она убѣдила меня, что невинна — я былъ-бы очень счастливъ.

Стр. **96**. Я сожалѣю о вѣроятности скорой смерти Блаватской—ну, такъ что-жъ?

Стр. **97**. Я говорю по поводу дѣла Комарова при Кушкѣ, что близится время, когда русскій человѣкъ и индусъ сойдутся—ну, такъ что-жъ?

Стр. **100**. Я желаю свидѣться съ Блаватской, говоря о томъ, что если-бы, какъ предполагалъ сначала, весной поѣхалъ въ Италію, такъ случайно встрѣтился-бы съ нею. Разсказываю о парижскомъ кружкѣ и смѣюсь надъ дюшессой Помаръ—все это можетъ служить дополнительнымъ примѣчаніемъ къ разсказу объ этомъ времени въ «Изидѣ». Ну, такъ что-жъ?—спрашиваю я еще разъ.

Стр. **113**. Письмо это писано осенью 1884 г. и касается Могини. Я очень заинтересованъ былъ этимъ талантливымъ, развитымъ и прекрасно образованнымъ индусомъ. Даже, какъ видно изъ моего разсказа, согласился, чтобы онъ пробылъ у меня въ домѣ три дня во время своего пріѣзда въ Парижъ. Онъ читалъ лекцію у m-me Морсье.

«Говорилъ такъ хорошо, умно и, главное, кстати, что мнѣ сильно хотѣлось расцѣловать его браминское недотрожество моими опороченными винопитіемъ, мясоѣденіемъ и грѣховными поцѣлуями, устами (*хоть я и шучу, но г-жа Желиховская вѣрно скандализована «грѣховными поцѣлуями»—и печатаетъ эти слова мнѣ на пагубу*).

Хоть я извѣстенъ здѣсь за скептика, ведущаго борьбу со всякой оккультностью и даже съ вами, но все-же, такъ какъ извѣстно также, что я вашъ соотечественникъ и преданъ вамъ, какъ «Еленѣ Петровнѣ», то мои слова могутъ показаться пристрастными и не произвести должнаго впечатлѣнія. Между тѣмъ Могини—это что-то вродѣ маленькаго непогрѣшимаго папы, въ устахъ коего нѣтъ ни лжи, ни пристрастія. (*Зачѣмъ эту послѣднюю фразу г-жа Желиховская печатаетъ жирнымъ шрифтомъ и подчеркиваетъ—неизвѣстно. Вѣдь, ясно, что это мнѣніе не мое, а парижскаго кружка. Да, еслибъ это было и мое тогдашнее мнѣніе—*

такъ что-жъ изъ этого слѣдуетъ?) Въ виду этого я просилъ его повѣдать намъ все, что онъ знаетъ про васъ и сдѣлать характеристику. *(Вѣдь, это дѣйствительно было весьма интересно для всѣхъ, а для меня тогда въ особенности. Какъ они познакомились? Гдѣ? Когда? Признаетъ-ли Могини «оккультныя силы» Блаватской? Онъ увѣрялъ—какъ вспоминаю я, наведенный на эти воспоминанія того дня моимъ письмомъ.—что «психическія силы» Блаватской огромны).* Онъ приступилъ къ этому прекрасно и началъ производить сильное впечатлѣніе. Но такъ какъ онъ думалъ ѣхать съ вечернимъ поѣздомъ, то, взглянувъ на часы, я убѣдился, что надо прервать немедля начатый разговоръ, спѣшить за его вещами ко мнѣ, накормить его и скорѣе на поѣздъ—не то опоздаетъ... (*кто здѣсь поставилъ точки—я или г-жа Желиховская—не знаю*). Вдругъ со мною случилось нѣчто странное! Я весь похолодѣлъ (трогали мои руки—какъ ледъ!) Голова пошла кругомъ, я закрылъ глаза; отъ меня, на бывшаго тутъ сомнамбула, Эдуарда, пошло нѣчто, отъ чего онъ сталъ всхрапывать—и вотъ я, съ закрытыми глазами,—увидѣлъ васъ и почувствовалъ, что вы желаете, чтобы Могини остался до утренняго поѣзда».

Тутъ опять не знаю *чьи* точки. Въ тотъ, для меня, печальной памяти 1884 годъ со мною было нѣсколько такихъ случаевъ, и три лѣчившихъ меня въ Парижѣ доктора знаютъ это и каждый врачъ, думаю, можетъ назвать, если не объяснить, подобную болѣзнь. Я внезапно холодѣлъ, чувствовалъ дурноту и слабость, передъ закрытыми глазами непремѣнно вырисовывалось чье-либо лицо или какая-нибудь сцена—и всегда съ «опредѣленной мыслью». Потомъ, очень скоро, все безслѣдно проходило. Эта болѣзнь, слѣдствіе слишкомъ долго потрясавшихся нервовъ, очевидно была серьезна, но мой выносливый и тогда молодой еще организмъ, по счастью, побѣдилъ ее. Что мнѣ дѣйствительно тогда сдѣлалось дурно—это доказывается тѣмъ, что мои руки были холодны какъ ледъ, по свидѣтельству присутствовавшихъ. Что мнѣ представилось лицо именно Блаватской—это объясняется исключительно на ней сосредоточеннымъ вниманіемъ и разсказами о ней Могини. По приведеннымъ въ письмѣ соображеніямъ я самъ очевидно подумалъ, что хорошо-бы Могини остаться до утра, и эта мысль, естественно, присоединилась къ образу Блаватской. Теперь, черезъ десять лѣтъ, *я очень хорошо знаю*, что нечего искать въ этомъ нервномъ, болѣзненномъ явленіи какой-нибудь «передачи на разстояніи мысли и желанія» (фактъ возможный, окрещенный нынѣ именемъ «телепатіи»); но тогда... тогда и я и всѣ были въ поискахъ за «феноменами» и, главное, за феноменами Блаватской, тогда, какъ го-

воритъ въ своемъ письмѣ, приводимомъ мною, Шарль Ришэ. «nous étions tous déroutés». Меня спросили, что такое со мною— и я разсказалъ. Тогда рѣшено было сдѣлать опытъ и узнать, дѣйствительно-ли «madame» передала на разстояніи свою мысль. Могини мы упросили остаться и докончить его блестящую бесѣду, показавшуюся достаточно убѣдительной.

«Теперь, понятное дѣло, всѣ ждутъ знать, что это такое было: дѣйствительная передача на разстояніи вашей мысли и желанія, ваше магнетическое на меня вліяніе—или моя фантазія, а пожалуй даже и выдумка. Больше всѣхъ, конечно, интересуюсь этимъ я, а потому прошу васъ не оставить насъ въ неизвѣстности. Если это было вѣрно, то пусть Могини немедля сообщитъ объ этомъ m-me де-Морсье, пока Драмаръ еще не уѣхалъ. Жду отъ васъ вѣсточки, будьте здоровы и крѣпки. Подпись».

Это я писалъ Блаватской по просьбѣ и порученію кружка. Письмо мое было послано къ ней съ Могини. Легко понять, что если-бы Могини просто написалъ m-me де-Морсье, что Блаватская говоритъ: «да, желала и передала свою мысль на разстояніи»—это никого не убѣдило-бы, даже лицъ всего болѣе увлекавшихся. Для удачи опыта мы, конечно, ждали чего-нибудь особеннаго, доказательнаго, а не голословнаго утвержденія. Но *опытъ не удался*—и было рѣшено, что это не случай «телепатіи», а мое субъективное нервное явленіе.

Для чего-же приведено это письмо? Что Могини былъ интересенъ, великолѣпно говорилъ, что всѣ, а я пуще всѣхъ, хотѣли знать какъ можно больше о Блаватской и ея феноменахъ, что у меня въ то время были разстроены нервы, что я, не рѣшивъ еще капитальнаго вопроса о степени ея преступности, былъ расположенъ къ ней и готовъ былъ, пока это позволяла совѣсть, защищать ее, какъ мою соотечественницу, передъ иностранцами—все это и безъ того извѣстно читателямъ «Современной жрицы Изиды»! Г-жа Желиховская приводитъ это письмо «для полной характеристики моихъ отношеній къ лицамъ, замѣшаннымъ въ новой сплетнѣ», т.-е. бывшей черезъ годъ послѣ того исторіи Могини и миссъ Л., а я привожу его какъ *дополненіе* къ страницѣ 83-й «Изиды», ничуть не идущее въ разрѣзъ съ моимъ разсказомъ. Я не считалъ *тогда* Могини ни обманщикомъ, ни лицемѣромъ, какимъ онъ впослѣдствіи оказался. Да и въ началѣ его исторіи съ миссъ Л. (пока не узналъ всѣхъ подробностей) я не спѣшилъ со своимъ негодованіемъ относительно *этого* дѣла. Только послѣ вюрцбургскихъ *признаній* Блаватской и сцены съ письмомъ къ нему миссъ Л. (стр. 208 «Изиды») я ужъ не могъ, конечно, серьезно смотрѣть на интереснаго бра-

мина. Въ первый-же день по пріѣздѣ въ Парижъ я увидѣлъ у m-me де-Морсье миссъ Л. и она показалась мнѣ настолько неинтересной (у каждаго свой вкусъ—какъ оказалось), что я даже, подъ этимъ впечатлѣніемъ, снялъ съ Могини всякое обвиненіе и склоненъ былъ, въ данномъ случаѣ, считать его Іосифомъ. Блаватскую, назвавшую его «негодяемъ»—поторопившейся, а m-me де Морсье—тоже поторопившейся довѣриться этой, уже далеко не юной дѣвицѣ. Все это, какъ оказывается изъ моего письма (на стр. 115, 116), я сообщилъ m-me де-Морсье и успокоилъ Блаватскую фразой: «глядя на нее (миссъ Л.), конечно, никто не заподозритъ бѣднаго Могини».

Но, вѣдь, я писалъ страницу 209 «Изиды» черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого,—хорошо зная продолженіе и конецъ этой скверной исторіи, и вовсе не обязанъ былъ понапрасну глумиться надъ миссъ Л. и надъ тѣмъ, что m-me де-Морсье «носилась» съ этой обиженной. M-me де-Морсье была очень сдержанна относительно «начавшейся исторіи» и мнѣ ничего опредѣленнаго не сказала, такъ что мнѣ могло показаться, что она отнеслась къ инциденту снисходительно. Я уѣхалъ въ Россію, тоже неопредѣленно сказавъ ей, что въ воздухѣ нѣчто болѣе опасное и относительно Могини, и относительно весьма многаго, а что на *эту* исторію нечего обращать вниманія. Но я ошибался, и *эта* исторія, благодаря дальнѣйшей роли въ ней Блаватской, оказалась серьезной и характерной въ высшей степени. Я узналъ о ней въ Россіи, а затѣмъ, въ февралѣ 1886 года, ознакомился и съ документальной ея стороной.

Страница 52 и т. д. «брошюры» полны самыхъ *высокихъ* инсинуацій. Выдергивая фразы изъ моихъ писемъ 1884 года, г-жа Желиховская спрашиваетъ: что означаютъ мои слова: «мнѣ нѣтъ дѣла до другихъ (*Олкотта и ближайшихъ къ Блаватской сообщниковъ*), мнѣ надо васъ вынести непричастной. Я не могу расписывать. Если захотите—для васъ будетъ ясно».—Эти слова *означаютъ именно то*, о чемъ я говорю на страницѣ 57 «Изиды». Они означаютъ, что въ то время, въ 1884 году, я имѣлъ еще наивность мечтать, что можно, если не сразу, то постепенно, отвратить Блаватскую отъ ея обманной и вредной дѣятельности, направить ея несомнѣнный талантъ и умственныя силы къ честнымъ и полезнымъ цѣлямъ. Я, вѣдь, еще не зналъ, изъ послѣдовавшихъ (въ концѣ 1885 г.) признаній г-жи Желиховской и разсказовъ многихъ въ Россіи, о томъ, что такое Блаватская, до какой степени она *безнадежна*, я, вѣдь, еще не получалъ ея пресловутой «исповѣди». Она такъ разожгла снова мою къ ней жалость сценой въ Эльберфельдѣ (стр. 75—77 «Изиды»), что я не могъ тогда не колебаться то въ ту, то въ другую сторону. Я

разсчитывалъ, что приводимыя мои слова, показавъ ей, что я лично ей преданъ, но въ то-же время понимаю ея игру и вижу обманъ многихъ ея *феноменовъ*,—развяжутъ ей языкъ, если не на письмѣ, то при личномъ свиданіи, и дадутъ мнѣ возможность дѣйствовать, прежде всего *на ея-же пользу*. Моего отношенія къ Блаватской я все время не скрывалъ и отъ парижанъ, и *ей* писалъ объ этомъ въ письмѣ, приведенномъ г-жой Желиховской на страницѣ 114 ея брошюры. «Хоть я извѣстенъ здѣсь за скептика, ведущаго борьбу со всякой оккультностью и даже съ вами, но все-же, такъ какъ извѣстно такъ-же, что я вашъ соотечественникъ и преданъ вамъ, какъ Еленѣ Петровнѣ... и т. д.».

Во мнѣ, наконецъ, (и это естественно при такихъ обстоятельствахъ), боролись противоположныя чувства, то жалость къ ней, то возмущеніе. И я просилъ ее пріѣхать, чтобы «договориться до чего-нибудь по-русски».

Я отговаривалъ ее отъ *немедленнаго* выхода въ отставку, потому что это произвело-бы большой скандалъ. Я-же скандала для нея среди иностранцевъ не хотѣлъ именно потому, что она была моя соотечественница, талантливая и, къ тому-же, больная женщина. Я не хотѣлъ этого скандала не только въ 1884, но и въ 1886 году, и только такія дѣйствія и факты, послѣ которыхъ для уважающаго себя человѣка ужъ не могло быть вопроса о «соотечественницѣ» и т. д., — заставили меня отъ нея отступиться. Вотъ ясное и простое объясненіе моихъ словъ, согласныхъ съ «Изидой».

Больше «моихъ писемъ», или, вѣрнѣе, «кусочковъ» отъ нихъ,—нѣтъ. Ихъ больше нѣтъ не въ коллекціи г-жи Желиховской, а въ ея брошюрѣ, которая должна была состоять изъ нихъ «сплошь» по печатному заявленію... правдиваго автора «Правды о Е. П. Блаватской».

Г-жа Желиховская и сама отлично понимаетъ, что приводимые ею отрывки меня ровно ни въ чемъ не уличаютъ, а разобранные по мѣстамъ, — напротивъ —лишь подтверждаютъ мой разсказъ и служатъ мнѣ на пользу. Тогда она, написавшая свою брошюру *якобы* на защиту «оклеветанной» моими воспоминаніями ея сестры, *снова цинично предаетъ эту «сестру», какъ дѣлали и при ея жизни*, лишь бы нанести мнѣ ударъ. Она говоритъ, ничуть не смущаясь полной голословностью подобнаго заявленія, что у меня съ Блаватской были какія-то «секретныя аудіенціи», а затѣмъ весьма прозрачно и ясно намекаетъ, что я былъ не то «сообщникомъ» Блаватской, не то стремился, при ея посредствѣ, достигнуть чего-то таинственнаго и крайне предосудительнаго.

Но, вѣдь, чтобы выставлять такія обвиненія и дѣлать подобнаго рода намеки, она должна-же привести хотя какія-нибудь ясныя доказательства, — скажетъ всякій! Нѣтъ! Г-жа Желиховская не такой человѣкъ, чтобы принять во вниманіе эту необходимость и смутиться такими *пустяками!* Она просто объявляетъ, что *могла-бы доказать многое, да у нея «нѣтъ уликъ»*. Потомъ говоритъ, что *я очень остороженъ—и ничего компрометтирующаго меня не писалъ*. Наконецъ, забывая очевидно объ этой моей осторожности и только-что приводимыхъ своихъ-же словахъ, заявляетъ, что *письма были, да сама она, по своей непростительной опрометчивости, ихъ велѣла сжечь!!*

Не правда-ли—такія слова г-жи Желиховской **невѣроятны**? А, между тѣмъ, вотъ:

«Зная, какъ тяготилась сестра моя просьбами г. Соловьева касательно помощи махатмъ (*это тѣхъ-то Моріи и Кутъ-Хуми, въ существованіе которыхъ я не вѣрилъ, о чемъ неоднократно писалъ и Блаватской и Желиховской, и о чемъ писала сама Блаватская, называя меня «подозрителемъ» и «Ѳомой невѣрнымъ»*) въ томъ, что они, вѣроятно, признавали невозможнымъ (въ чемъ именно—я, не имѣя явныхъ уликъ, умалчиваю!...» (стр. 137—138 брошюры).

«Но въ томъ-то и дѣло, чтобы умѣть смолчать во-время, Этимъ талейрановскимъ правиломъ и отличаются умные люди, хорошо умѣющіе говорить, а еще лучше—молчать. Въ это чреватое *обманами время* (вотъ это *вѣрно!*—объ *обманахъ*-то я и толкую въ «Изидѣ»!) г. Соловьевъ старался никогда себя не компрометировать, договаривая письменно о томъ, что трактовалось лишь устно на «секретныхъ аудіенціяхъ» между имъ и моей сестрой. Онъ замѣнялъ прямыя рѣчи намеками, ей одной понятными... Развѣ всѣ эти напоминанія и намеки писались-бы *даромъ*, еслибъ не имѣли глубокаго значенія? Не будь у него завѣтныхъ, гораздо болѣе существенныхъ цѣлей, чѣмъ *безцѣльное* (?!!) разоблаченіе Блаватской; не ошибись онъ въ разсчетахъ,—вѣроятно онъ не былъ-бы такъ неприлично щедръ на изліяніе своей мести и желчи на ея могилу... Видно, ждалъ г. Соловьевъ отъ сестры моей чего-нибудь, что заставило его юлить (?!!) передъ ней еще столько времени, выйти изъ общества въ февралѣ 86 г. и не писать о ней, пока была она жива. (*Какъ я «юлилъ» и почему все покончилъ въ февралѣ 86 г.—видно изъ «Изиды.»*), Вѣдь онъ можетъ незнающихъ морочить *побасенками* о томъ, что пока я молчала о теософіи—молчалъ и онъ. Это неправда! (*Изъ приводимаго мною ниже письменнаго удостовѣренія полковника Брусилова, самой г-жей Желиховской выбраннаго «свидѣтелемъ» моею съ нею свиданія въ декабрѣ 1891 года—видно, «какая» это неправда!*)

Я постоянно всѣ эти годы, отъ времени до времени, писала и печатала, когда Богъ на душу клалъ, и онъ прекрасно объ этомъ зналъ (*гдѣ и «что именно» она писала?? Если-же и писала—я не зналъ, ибо за «всей» прессой слѣдить не могу и какъ есть никто не говорилъ мнѣ объ ея писаніяхъ*), но не возвышалъ голоса, потому что боялся сестры. *Ему надо было дождаться ея смерти, чтобы заговорить свободно*» (стр. 60—62 брошюры).

Приведенные мною документы ясно доказываютъ, до какой степени я не боялся Блаватской и что не послѣ ея смерти, а при ея жизни, когда она была въ полной силѣ и окружена друзьями—я разоблачилъ ее въ Парижѣ, въ первой половинѣ 1886 года. Наконецъ, вѣдь, сама г-жа Желиховская толкуетъ объ этомъ въ своей брошюрѣ, подтверждая такъ или иначе мой разсказъ и пополняя мои документы. Но у нея голова кружится передъ вызваннымъ ею духомъ и она не отдаетъ себѣ никакого отчета въ словахъ своихъ,—она впадаетъ, по ея признанію, въ «безуміе»! «Къ несчастію,—пишетъ г-жа Желиховская:—по собственному желанію моему большинство *русской* кореспонденціи сестры моей послѣ смерти ея было сожжено. Уцѣлѣло лишь то, о чемъ осторожный г. Соловьевъ самъ находилъ неудобнымъ расписывать» (стр. 58 брошюры).

Невѣроятно! А между тѣмъ все это она *написала и напечатала* въ томъ состояніи «раздраженія», когда у нея невѣдомо что «срывается съ языка въ самомъ крайнемъ, преувеличенномъ смыслѣ...»

Нѣкоторыя мои письма, дѣйствительно, очевидно уничтожены г-жей Желиховской; и это именно тѣ, которыя, *даже и по ея мнѣнію, слишкомъ ужъ наглядно* уличаютъ Блаватскую и выставляютъ на видъ вовсе не мое коварство, а нѣчто другое. Гдѣ, напримѣръ, тѣ два письма, о которыхъ говорится на стр. 62? гдѣ мои «глупости о махатмахъ», мое «невѣріе Ѳомы,» моя «подозрительность», «убѣжденіе, что феномены поддѣлываются»?—словомъ все, о чемъ сама Блаватская пишетъ въ напечатанныхъ письмахъ? Гдѣ?!

II. Отвѣты мнѣ «лицъ, задѣтыхъ моей сатирой.

Перехожу къ «отвѣтамъ мнѣ лицъ, задѣтыхъ моей *сатирой*». Если кто-нибудь выставитъ человѣка, наглядно и обстоятельно, глупцомъ или негодяемъ, а то и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, и если этотъ выставленный человѣкъ желаетъ оправдаться въ такихъ обвиненіяхъ,—вѣдь, онъ долженъ представить ясныя дока-

зательства, что его оклеветали. Если-же онъ ограничится вмѣсто фактическихъ опроверженій—*единственно* «грубой бранью» по адресу своего противника и потомъ воскликнетъ: «нѣтъ, я не глупецъ и не негодяй!»—то подобный отвѣтъ можетъ представляться «убѣдительнымъ отвѣтомъ» развѣ только въ глазахъ особы, столь посрамленной, изобличенной и разозленной, что у нея рябитъ въ глазахъ и путается въ мысляхъ.

Такимъ именно «отвѣтомъ», по словамъ г-жи Желиховской, снабдилъ ее Гебгардъ изъ Эльберфельда. Онъ, видите-ли, бранится такъ, что даже наша «деликатная» дама не смѣетъ напечатать всей его брани, а затѣмъ увѣряетъ въ своей преданности Блаватской (которую самъ, однако, хорошо отдѣлалъ: см. «Изиду», стр. 244) и негодуетъ, что его письма переданы мнѣ. Между тѣмъ, эти его *собственноручныя письма*, которыхъ онъ не отрицаетъ и не можетъ отрицать, весьма характерно рисующія пріемы «теософовъ» и ихъ нравственность, — мною напечатаны въ «Изидѣ», а письмо «брошюры» только дорисовываетъ жалкую фигуру этого ничтожнѣйшаго, но въ то же время негоднаго и наглаго человѣка.

На страницѣ 225—229 «Изиды» я разсказалъ о томъ, какъ теософы поступили съ мистриссъ Купэръ-Оклэй и какъ они ее потомъ запугали до того, что она не смѣла не только уйти отъ нихъ, но должна была даже прославлять Блаватскую. Эти ея прославленія Блаватской я привелъ въ переводѣ г-жи Желиховской, замѣтивъ при этомъ «*что трудно-же предположить, что эти выдержки не представляютъ болѣе или менѣе вѣрнаго перевода*». По смыслу русскаго языка ясно, что *именно тутъ* я не подозрѣваю г-жу Желиховскую въ искаженіяхъ и ничуть не оспариваю вѣрности ея перевода.

Но г-жа Желиховская, въ сердцахъ, какъ есть не поняла ничего изъ того, что прочла, или не то увидѣла въ книгѣ (это очень курьезный разрядъ галлюцинацій!); ей почудилось, что я ее обвиняю въ невѣрности перевода. Она обратилась къ м-съ Оклэй, получила отъ нея такой отвѣтъ: «г-жа Желиховская сдѣлала вѣрный и точный переводъ моихъ словъ», а затѣмъ обрушивается на меня, изо всѣхъ силъ стучась въ отворенныя двери. Помилуйте! Да я-то тутъ причемъ? Я и не думалъ оспаривать вѣрности перевода—и это у меня *напечатано*! Но все-же любопытно, какъ это можетъ удостовѣрять г-жа Оклэй, не знающая ни слова по-русски.

Эта мистриссъ, конечно, не сознается въ томъ ужасѣ, который я разсказываю. Но развѣ она можетъ сознаться?! И развѣ ея голословное отрицаніе въ «*такомъ дѣлѣ*» можетъ служить какимъ-либо доказательствомъ противъ правдивости моего раз-

сказа?! Только г-жа Желиховская и способна приводить, какъ нѣчто цѣнное, подобные «отвѣты»!

Я-же не сталъ-бы разсказывать эту печальную и столь характерную для *дѣятелей* теос. общества исторію, не имѣя, на случай крайности, ея подтвержденія. Дѣло въ томъ, что несчастная м-съ Оклэй *въ то время* была менѣе сдержанна, чѣмъ впослѣдствіи, и дѣлилась кое съ кѣмъ разсказами о своемъ отчаянномъ положеніи. У меня *есть* письмо *того времени* (1886 г.) отъ одного лица, хорошо знавшаго эту даму, и въ этомъ письмѣ заключаются такія строки *(переводъ дословный)*: «Мистриссъ К. Оклэй съ грустью призналась мнѣ, что она *все поняла*; но что мужъ ея все-же фанатикъ, больной и *мономанъ*, какъ она говоритъ. Невозможно ему открыть глаза, а потому ей остается только быть въ сторонѣ и *молчать*, она не можетъ открыто разорвать съ теософами». Эти строки въ интимномъ письмѣ *того времени*, писанномъ лицомъ, искренно расположеннымъ къ м-съ Купэръ-Оклэй, весьма доказательны и снимаютъ съ меня голословность. При *крайней* необходимости, ради возстановленія правды, мой корреспондентъ будетъ названъ.

Затѣмъ появляется перевоплощенная Марія Стюартъ, т. е. герцогиня Помаръ и—вотъ тутъ-то г-жа Желиховская дѣйствительно пребольно меня куснула! Признаюсь откровенно—изрядно куснула! Дѣло вотъ въ чемъ: писалъ я мою «Изиду» спѣшно. Хоть и зналъ я, что будутъ мнѣ изъ-за нея, какъ изъ-за всякой слишкомъ откровенной правды, большія непріятности, хоть и шелъ на это, а все-же надо было кое-гдѣ сдержать себя и помнить, что г-жа Желиховская воспользуется *единственнымъ* оружіемъ, ей доступнымъ. Сорвалась у меня (стр. 29) фраза о томъ, что m-me де-Морсье была «настоящимъ авторомъ теософическихъ брошюръ, издававшихся подъ видомъ произведеній дюшессы де-Помаръ лэди Кэтниссъ». Г-жа Желиховская, конечно, тотчасъ-же за нее ухватилась, смекнувъ, что, благодаря ей, легко сдѣлать сразу непріятность мнѣ и m-me де-Морсье и насъ поссорить. Написала она дюшессѣ, дюшесса къ m-me де-Морсье за объясненіями, m-me де-Морсье ко мнѣ за таковыми-же—и пошло, поѣхало!

Теперь г-жа Желиховская, съ ехидными разсужденіями, приводитъ въ своей брошюрѣ письма, объясняющія, что m-me де-Морсье только *переводитъ* съ англійскаго на французскій *произведенія* герцогини де-Помаръ, а также посланное мною m-me де-Морсье «удостовѣреніе,» въ которомъ я говорю, что *сама* m-me де-Морсье мнѣ никогда не разсказывала о характерѣ ея теософическихъ и литературныхъ работъ съ герцогиней и что я знаю объ этомъ изъ другого источника. Все это такъ;

но это не мѣшаетъ мнѣ быть правымъ въ моемъ заявленіи. Пусть судитъ всякій: на брошюрахъ, о которыхъ я говорю, да и на другихъ *произведеніяхъ* Маріи Стюартъ, то-бишь «дюшессы», она обозначена авторомъ *французскаго* текста и нигдѣ не сказано, что это *переводъ*, а не оригиналъ. Сами-же брошюры, подразумѣвавшіяся мною, состоятъ или изъ простыхъ выписокъ, или изъ компиляцій англійскихъ книгъ. Кто-же, спрашивается, *настоящій*, какъ я говорю, авторъ *такой* работы—необозначенный переводчикъ или «дюшесса»?! По моему—не она, и я считаю даже, что такое присвоеніе чужого *французскаго* текста—неблаговидно.

Далѣе г-жа Желиховская приводитъ изъ моихъ писемъ середины 1884 года нѣсколько насмѣшливыхъ фразъ, относящихся до m-me де-Морсье. Я писалъ это въ первое время моего съ ней знакомства (стр. 28 «Изиды»), когда я еще не узналъ ея достоинствъ и былъ далекъ отъ мысли, что мы сблизимся и станемъ друзьями. Я смѣялся надъ ея дѣйствительно въ то время чрезмѣрными увлеченіями теософіей, магнетизмомъ и всякими оккультностями. Весьма можетъ случиться, что г-жа Желиховская достигнетъ цѣли и насъ поссоритъ, а это мнѣ будетъ весьма больно. Словомъ—укусила!

Г-жа Желиховская пожаловалась на меня и графинѣ д'Адемаръ, объ «искусственной» молодости которой я неосторожно выразился, никакъ не воображая, что замѣчаніе будетъ ей передано услужливой дамой. Но какая-же «фальшь» въ моихъ словахъ о ней, что «я зналъ ее совсѣмъ мало, никогда не слыхалъ отъ нея чего-либо «теософическаго», и, какъ кажется, она ничѣмъ не отличалась?» Все это было именно такъ; если-же впослѣдствіи, когда я уѣхалъ уже изъ Парижа, она стала издавать теософическій журналъ—то это нисколько не разбиваетъ моего показанія.

Вотъ и *всѣ*, столь важно оповѣщенные, отвѣты мнѣ лицъ, задѣтыхъ моей сатирой! Одинъ только *остроумный* обманъ ради перваго апрѣля.

III. Курьезы.

1) Моя противница кидаетъ въ меня камнемъ за то, что я, *будто-бы*, утаилъ отъ моихъ читателей о томъ, что напечаталъ (въ журналѣ «Ребусъ») описаніе *перваго феномена* Блаватской, въ маѣ 1884 г., т. е. «чтеніе ею закрытаго письма». Это неправда. *На стр. 221 «Изиды»*, въ текстѣ моей «отставки»

этотъ фактъ указанъ какъ одна изъ причинъ, побуждавшихъ меня послать эту отставку: «... что она (Блаватская) желала воспользоваться моимъ именемъ и принудила меня подписать и публиковать описаніе феномена, полученнаго посредствомъ обмана (феноменъ съ письмомъ въ маѣ 1884 года)».

Значитъ факта этого *единственнаго* напечатаннаго мною сообщенія о «феноменѣ» я и не думалъ скрывать. Да и къ чему-бы я дѣлалъ это, разъ мое сообшеніе было *напечатано* въ журналѣ?!

2) На страницѣ 178 «Изиды» я привожу письмо Блаватской къ m-me де-Морсье, въ которомъ она описываетъ ей свое печальное положеніе и говоритъ о томъ, что я «толкую пустяки о махатмахъ и что я Ѳома невѣрный». Ради объясненія этого письма я упомянулъ, что Блаватская въ самую критическую для себя минуту получила отъ неизвѣстнаго друга нѣкоторую сумму денегъ и добивалась узнать чрезъ m-me де-Морсье, кто это прислалъ ей деньги. *Только и всего.* Но вотъ г-жа Желиховская (стр. 98 брошюры) объявляетъ, будто-бы я этимъ даю читателямъ возможность предположить, что это *я* послалъ Блаватской деньги. Ничего подобнаго у меня и въ умѣ не было, да и зачѣмъ это понадобилось г-жѣ Желиховской? Такъ, ради какой-то туманной инсинуаціи!.. Блаватская въ тѣ времена часто нуждалась и не разъ находились люди, ей помогавшіе. Одни дѣлали это прямо, другіе, смотря по отношеніямъ, тайно. Въ *этомъ* не было для нея ничего унизительнаго, да и г-жа Желиховская отлично должна-бы знать, что бѣдность не порокъ и что безъ помощи друзей иной разъ не проживешь. Но я вовсе не желаю способствовать предположенію, будто я помогалъ Блаватской. Между нами, ни съ той, ни съ другой стороны, никакихъ денежныхъ счетовъ никогда не бывало. *Блаватской* я денегъ не давалъ ни въ долгъ, ни въ видѣ подарка—и заявляю объ этомъ.

3) Г-жа Желиховская, желая, по своему обыкновенію, опровергнуть неопровержимое, по поводу общеизвѣстнаго и курьезнаго факта, что Блаватская выдавала себя за вдову доселѣ здравствующаго ея мужа, заявляетъ, что она *имѣла на это право.* Она видите-ли, была признана таковою *тифлисскими властями*, выславшими ей въ 1884 г. свидѣтельство, гдѣ она была названа «*вдовой* д. с. с. Н. В. Блаватскаго». Не будучи съ нимъ въ сношеніяхъ болѣе двадцати-пяти лѣтъ, она совершенно потеряла его изъ виду и не знала, какъ и мы,—живъ онъ или умеръ. Это вина тифлисской полиціи, а никакъ не ея» (стр. 94 брошюры). Однако, у меня въ рукахъ литографированная и *засвидѣтельствованная копія* этого самого курьезнаго документа, высланнаго Блаватской по ея желанію тифлисскимъ полицмейсте-

ромъ 7-го іюня 1884 г. Этотъ документъ приведенъ мною на 62 стр. «Изиды», и въ немъ Елена Петровна значится не *вдовой*, а *женой* д. с. с. Н. В. Блаватскаго. Какъ есть ничего г-жа Желиховская не можетъ сказать, чтобы не отклониться отъ правды... Сколько разъ смѣялась она сама надъ этимъ мнимымъ вдовствомъ своей знаменитой сестры!

4) На удостовѣреніе *самыхъ близкихъ* къ покойному А. М. Бутлерову лицъ, что онъ не былъ знакомъ съ Блаватской и никогда съ ней не состоялъ ни въ какой перепискѣ,—г-жа Желиховская отвѣчаетъ: «неправда, я *сама* видѣла въ ея рукахъ его портретъ и письмо», лукаво умалчиваетъ кому былъ данъ А. М. Бутлеровымъ его портретъ, кому было написано это письмо,—и при этомъ думаетъ, что такимъ заявленіемъ уничтожится удостовѣреніе вдовы А. М. Бутлерова, а также его ближайшаго друга. Увы! это лишь одинъ изъ безчисленныхъ примѣровъ того, что авторъ «Правды о Е. П. Блаватской» и «Необъяснимаго или необъясненнаго» видитъ не только невидимое, но и несуществующее.

5) Да, неизлѣчимыми галлюцинаціями страдаетъ г-жа Желиховская! На страницѣ 139 своей брошюры, говоря о данномъ ей мною для прочтенія *оригиналѣ* «исповѣди» Блаватской, съ которымъ сличалъ переводъ Жюль Бэссакъ, — она пишетъ: «меня тоже поразило, зачѣмъ все русское письмо *испещрено* печатями M-r Jules Baissac'a; г. Соловьевъ объяснилъ, что это для пущей вѣрности,—какъ доказательство, что переводъ вѣренъ». Ну, какъ же могъ я ей говорить такой вздоръ, когда на этой «исповѣди» всего одинъ штемпель! Зачѣмъ понадобилось г-жѣ Желиховской даже и тутъ написать неправду, которую доказать такъ легко?!!

6) Я *въ четвертый разъ печатно* спрашиваю г-жу Желиховскую: гдѣ коллекція (lettre sur lettre) моихъ писемъ къ Блаватской, которыя я ей будто-бы писалъ, послѣ 8-го октября (новаго стиля), осенью 1885 года, *въ то время, когда она письменно и многократно жаловалась на мое молчаніе*, и о которыхъ г-жа Желиховская съ большимъ апломбомъ говоритъ въ своей статьѣ въ «Nouvelle Revue»? Гдѣ эти письма? Ихъ никогда не было—и г-жа Желиховская выдумала ихъ существованіе.

7) Въ своемъ письмѣ въ «Новомъ Времени» г-жа Желиховская развязно извинилась передо мною за *опечатку*, сдѣланную въ ея статьѣ въ «Nouvelle Revue». Но дѣло въ томъ, что на этой *опечаткѣ* (1885 годъ вмѣсто 1884 года) построенъ *ея* дальнѣйшій разсказъ о мнимыхъ чудесахъ въ Вюрцбургѣ на тѣхъ же страницахъ французскаго журнала. Говоря о пребываніи Блаватской и моемъ въ Вюрцбюргѣ, она пишетъ: «ce dernier y eut la missive du Mahatma Koot-Houmi et repartit pour Paris,

enthousiasmé de sa visite et des choses extraordinaires dont *il avait été temoin a Wurtzbourq*, à un tel point qu'il écrivit lettre su lettre, toutes dans le genre de celle-ci, dont je fais ici des extraits: Paris, 8 octobre 1885...» и т. д. *). А затѣмъ въ другомъ мѣстѣ: «en l'année 1885, par exemple, Mahatma Moria est apparu à M-r Wsevolod Solovioff, avec lequel il eut un entretien, que ce dernier a décrit à beaucoup de personnes, avec son éloquence ordinaire» **).—Вотъ тутъ, дѣйствительно, среди обычнаго извращенія, могла быть въ цифрѣ *опечатка*; *но, вѣдь, я указывалъ и указываю* **не на эти** *слова, а на вышеприведенную выдержку о событіяхъ въ Вюрцбургѣ*, гдѣ нѣтъ никакой опечатки. Какая-же тутъ можетъ быть опечатка въ *цифрѣ*? Цифра вѣрна. Здѣсь безцеремоннѣйшая *неправда*, дважды фактически и документально доказанная читателямъ «Изиды», полное извращеніе цѣлаго ряда обстоятельствъ. Выходитъ, къ тому-же, что г-жа Желиховская *«писала такъ, а не иначе* вслѣдствіе лишь **опечатки**, сдѣланной *при печатаніи* ея рукописи!! Это ужъ чисто «оккультный» феноменъ—и на него мнѣ пришлось трижды печатно указывать сестрѣ г-жи Блаватской. Но она молчитъ, очевидно полагая, что это такія *мелочи*, на которыя не стоитъ обращать вниманія уважающей себя дамѣ.

8) Не зная куда дѣваться отъ подавляющей доказательности и ясности обмановъ Блаватской въ ея «феноменахъ», — г-жа Желиховская доходитъ до того, что старается распространить убѣжденіе, будто «феномены» Блаватской и выдавались ею самою, Блаватской, за фокусы! Зачѣмъ-же бы она ихъ дѣлала въ такомъ случаѣ? Развѣ фокусами *доказывается* религіозная доктрина? Если-бы эти пресловутые «феномены» прямо выдавались Блаватской за простые фокусы, а не за «чудеса ея махатмъ»,—то не приходили-бы ихъ смотрѣть и разслѣдовать Шарли Ришэ, Фламмаріоны и т. д., не тратило-бы Лондонское Общество психическихъ изслѣдованій громадныя деньги, не посылало-бы въ Индію Годжсона и не учреждало комиссій для ихъ разслѣдованія, не писалъ-бы, наконецъ, Синнеттъ *цѣлыя книги* съ описаніями этихъ, по мнѣнію теософовъ, не фокусовъ, а *чудесъ*, на которыхъ осно-

*) «Этотъ послѣдній получилъ тамъ посланіе махатмы Кутъ-Хуми и возвратился въ Парижъ, восхищенный своимъ посѣщеніемъ и необыкновенными вещами, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ въ Вюрцбургѣ, до такой степени, что онъ писалъ письмо за письмомъ, всѣ вродѣ того, изъ котораго я здѣсь дѣлаю выписки: Парижъ, 8 октября 1885 годъ» и т. д.

**) «Въ 1885 году, напримѣръ, махатма Морія явился г. Всеволоду Соловьеву и имѣлъ съ нимъ разговоръ (!), описанный послѣднимъ многимъ лицамъ, съ обычнымъ ему краснорѣчіемъ».

вано все, такъ сказать, *наглядное* значеніе и самой Блаватской, и ея доктрины. Эта выдумка слишкомъ груба и наивна...

9) Одинъ изъ замѣчательныхъ курьезовъ «брошюры» «заключается въ томъ, что г-жа Желиховская «невинно игнорируетъ» всю заключительную часть «Современной жрицы Изиды»,— документальную исторію возникновенія «теософическаго общества». Въ этихъ главахъ я ужъ не играю никакой роли, дѣйствіе происходитъ за десять лѣтъ до моего знакомства съ Блаватской, и *она сама* все разсказываетъ въ своихъ письмахъ къ А. Н. Аксакову, переданныхъ мнѣ имъ ради возстановленія истины въ такомъ общеинтересномъ, нешуточномъ дѣлѣ. Блаватская—общественный дѣятель, лицо, такъ сказать, историческое, и значеніе ея дѣятельности г-жа Желиховская сама, хоть и значительно преувеличивая, представляетъ громаднымъ, чуть не всемірнымъ. Поэтому все, что осталось послѣ Блаватской, теряетъ частный характеръ и подлежитъ общественному сужденію. И вотъ—эта документальная, основанная исключительно на ея собственноручныхъ письмахъ, исторія возниковенія «созданнаго ею *всемірнаго братства* впервые появилась въ «Изидѣ».

Отчего-же это г-жа Желиховская ни единымъ словомъ не обмолвилась объ этой интересной, до сихъ поръ *совершенно темной*, а теперь мною все-же достаточно освѣщенной исторіи возникновенія теософическаго общества въ С. Америкѣ въ семидесятыхъ годахъ?!

Составляющія матерьялъ этой исторіи интереснѣйшія письма оттого-то мнѣ и переданы, что они документально свидѣтельствуютъ въ пользу моего разсказа, подтверждаютъ его и доказываютъ вѣрность выводовъ, сдѣланныхъ мною, когда я еще не имѣлъ ровно никакого понятія объ этихъ американскихъ письмахъ семидесятыхъ годовъ.

Умалчивая обо всемъ этомъ, г-жа Желиховская, *какъ и въ другихъ случаяхъ*, подобно страусу прячетъ голову въ свои перья— и думаетъ, что ее никто не видитъ.

10) Г-жа Желиховская (стр. 2 брошюры), говоритъ, что «даетъ свои скромныя (!) показанія въ пользу умершей сестры, за которую *некому*, кромѣ нея, заступиться», а въ концѣ брошюры приводитъ цѣлые списки заступниковъ и прославителей Блаватской, друзей ея, «преданныхъ ей на жизнь и на смерть» *).

*) Еще недавно,—какъ видно ниже, изъ удостовѣренія А. А. Брусилова,—г-жа Желиховская увѣряла меня «что, если я буду писать о Блаватской, то ея *послѣдователи, друзья и родные*, которые *могущественны* (?!!), причинятъ мнѣ за это *тяжкія непріятности*». Значитъ Блаватская не *беззащитна* и за нее есть кому *мстить*. Но, вѣдь, я доказалъ, что давно ужъ подвергаюсь этому тайному мщенію! Теперь-же о немъ узнаютъ и всѣ, благодаря г-жѣ Желиховской.

Столь прославленная создательница «религіи разума»—*не беззащитна*—и, въ наши дни, говорить *такъ, какъ говорю я*, о защищаемыхъ *такимъ* оружіемъ «общественныхъ дѣятеляхъ»—*во всякомъ случаѣ не есть признакъ трусости.*

«Что-же касается до личности моей сестры,—объявляетъ г-жа Желиховская на стр. 161: — то она такъ неизмѣримо выше его (*т. е. моихъ*) несостоятельныхъ нападокъ, что всѣ его комки грязи, въ нее пущенные, врядъ-ли достигнутъ *подножія того высокаго пьедестала, на которомъ воздвигнутъ ей памятникъ въ трехъ частяхъ свѣта*». Вотъ какъ! Ну, такъ стоило-ли г-жѣ Желиховской прикидываться казанской сиротою! Еслибы Блаватская была дѣйствительно беззащитна,—никто, «а я тѣмъ болѣе», не поднялъ-бы на нее руку. Но видите: «*ея памятникъ стоитъ нагромадномъ пьедесталѣ въ трехъ частяхъ свѣта*». И вотъ я по казалъ—потому-что совѣсть молчать не позволила,—изъ *какого матерьяла* созданъ этотъ памятникъ,

Показала это и моя неожиданная, хоть ужъ и не новая союзница—г-жа Желиховская, показала именно своей брошюрой, написанной вовсе не ради оправданія «беззащитной» сестры, *а только ради скандала*, въ мечтахъ о которомъ интересы сестры *совершенно забылись.*

Ни одно изъ обвиненій, выставленныхъ мною и подтвержденныхъ документально —не только не разбито (это невозможно; ибо—очевидный фактъ остается все же фактомъ), но и не затронуто. Вмѣсто того, чтобы *отвѣчать* на обвиненіе Блаватской и ея общества—въ «брошюрѣ» только голословные «нѣтъ», тутъ-же противорѣчащіе другъ другу и... нападки на меня лично.

Я выхожу съ документами, показаніями свидѣтелей и письмами въ рукахъ и громко говорю: «Блаватская, съ помощью огромнаго, организованнаго обмана и поддѣльныхъ «феноменовъ» создала свое общество, которое въ сущности и въ концѣ концовъ *оказалось* пропагандой самой фантастической и прямо безнравственной доктрины *). Блаватская и ея сообщники, когда ихъ ловили и ловятъ въ обманахъ, пользовались и пользуются «всѣми» средствами, прежде всего «клеветою», для борьбы со своими обличителями».

Г-жа Желиховская выступаетъ съ «отвѣтомъ», всячески его рекламировавъ,—и на все это отвѣчаетъ: «г-нъ Соловьевъ самый ужасный и коварный человѣкъ, онъ очаровалъ насъ, вынулъ

*) Если я такъ говорю прямо и опредѣленно—значитъ могу доказать это. Я это и доказываю, съ указаніемъ на теософскіе источники и литературу, въ моей статьѣ о «теософской доктринѣ», печатающейся въ настоящее время въ журналѣ: «Вопросы философіи и психологіи». Впрочемъ, доктрина эта и такъ извѣстна многимъ.

наши сердца, потомъ поѣхалъ вѣнчаться изъ моего дома, потомъ довелъ до безумія и мы, подъ вліяніемъ раздраженія, давали показанія о Блаватской въ самомъ крайнемъ, преувеличенномъ смыслѣ!»

Помилуйте, добрые люди,—ну, развѣ это «отвѣтъ» и «защита» невинной, великой женщины, за которую некому заступиться?! *И еще если-бы* только это!

IV. Г-жа Игрекъ-Желиховская и ея признанія о «преступленіи».

Начавъ писать и печатать мои воспоминанія о Блаватской и ея «обществѣ», вызванныя фантастическими статьями г-жи Желиховской, я опровергалъ «видѣнія» этой сочинительницы, называя ее, конечно, ея полнымъ именемъ,—иначе не могло и быть. Но вотъ, силою вещей, на страницахъ моихъ воспоминаній, появилась нѣкая дама, безъ которой никакъ нельзя было обойтись. Я назвалъ ее буквой Y. Она фигурировала въ парижскомъ кружкѣ, относилась скептично къ своей родственницѣ Блаватской, имѣла со мною весьма знаменательную бесѣду въ паркѣ Монсо, *первая* стала мнѣ открывать глаза на плутни Блаватской (и очень внушительно, ибо толковала о томъ, что основательница «теософическаго общества» требуетъ отъ нея какого-то *преступленія*!). Затѣмъ она все это подтвердила мнѣ письменно, очевидно желая, по своей честности, любви къ правдѣ и дружбѣ ко мнѣ,—избавить меня отъ увлеченій и всякихъ бѣдъ. Я былъ тогда глубоко ей благодаренъ за это и отвѣчалъ ей искренней дружбой.

Такова роль г-жи Y, до самыхъ послѣднихъ мѣсяцевъ моихъ сношеній съ «теософами». Полагаю, что въ этой роли нѣтъ для г-жи Y. ничего дурного и унизительнаго. Если-бы дальнѣйшія (съ 1886 года) дѣйствія этой особы не стали діаметрально противуположны ея первоначальнымъ дѣйствіямъ—она промелькнула-бы на страницахъ моихъ воспоминаній въ видѣ, такъ сказать, «дамы пріятной во всѣхъ отношеніяхъ», а затѣмъ безслѣдно-бы исчезла.

По первоначальному плану моего разсказа я вовсе и не желалъ сообщать печатно о теософскомъ мщеніи, которому я подвергся и о выдающейся роли, сыгранной въ немъ г-жей Y. Но когда окончательно выяснилось все, о чемъ читатели узнаютъ на слѣдующихъ страницахъ, когда съ декабря 1891 г., я, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, началъ узнавать о «необыкновенныхъ вещахъ», распространяемыхъ про меня «своеобразной защитни-

цей нео-теософіи» и ея друзьями, когда все это зашло ужъ слишкомъ далеко—я, дѣлать нечего, рѣшился въ моемъ разсказѣ сообщить, ради рельефной иллюстраціи, и о теософскомъ мщеніи.

Древо познается по плодамъ его. Теософское древо старались представить прекраснымъ. Блаватская объявляла, что величайшіе негодяи и даже преступники, попавъ въ члены ея «всемірнаго братства», дѣлаются святыми. Ну, такъ вотъ—не безынтересно было взглянуть на *дѣйствія* этихъ «святыхъ», на тѣ *средства*, какими они укрѣпляли и укрѣпляютъ свое «общество», какими они боролись и борятся за «свою истину» и за представительницу ея—Блаватскую. Я и показалъ,—и опять, силою вещей, на моихъ страницахъ, появилась г-жа Y. Я привелъ (стр. 229—245 «Изиды») мой знаменательный разговоръ съ этой дамой (тогда она выразила на словахъ, а затѣмъ постаралась доказать и на дѣлѣ, хоть и не совсѣмъ удачно, свою «житейскую мудрость»), характерные отрывки изъ ея писемъ и письма Гебгарда о ея «показаніяхъ» и роли въ Эльберфельдѣ...

Но вотъ г-жа Желиховская (совершенно отдѣленная въ «Изидѣ» отъ г-жи Y.) объявляетъ въ своей брошюрѣ и даже на ея облюжкѣ, что г-жа Y. (И-грекъ) — это... *она!* Г-жа Желиховская пишетъ (стр. 1 брошюры), что не имѣетъ «необходимости скрывать или *особенно* (!!) стыдиться своихъ словъ и писемъ» и ничего не имѣетъ противъ ихъ опубликованія. Оно, конечно—извѣстность вещь пріятная для литературной дамы, а я предоставилъ ей своей «Изидой» такой прекрасный случай къ легкому полученію «весьма лестной» извѣстности! И г-жа Желиховская поспѣшила печатно воскликнуть: «Слушайте! Да послушайте-же! Г-жа Y. (И-грекъ), та самая, которая...—вѣдь, это я!»

Итакъ, значитъ, это она является первой и компетентной свидѣтельницей и разоблачительницей теософскихъ обмановъ своей сестры, оказывая этимъ, прежде всего, значительную услугу лондонскому «обществу для психическихъ изслѣдованій», столь нелюбимому ею!

Это она первая открывала мнѣ глаза, въ началѣ лѣта 1884 года, на «безсовѣстность и преступность» желаній и просьбъ Блаватской, къ ней обращенныхъ! Это она, въ концѣ 1885 года, дала мнѣ самыя ужасныя, подавляющія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности своей сестры, послѣ которыхъ я увидѣлъ, что хоть сколько-нибудь щадить Блаватскую даже передъ какими угодно *иностранцами*—невозможно! Это она, въ маѣ 1886 года, пріѣхавъ въ Эльберфельдъ, *вдругъ* забыла все, что знала, говорила и *писала*, разрѣшила «свою совѣсть», перестала бояться «преступленія» — и сдѣлалась persona gratissima Блаватской и теосо-

фовъ, ихъ свидѣтельницей, заступницей, прославительницей въ Россіи!

Конечно... чего-же тутъ «особенно» стыдиться! Но хоть и не «особенно», а всежъ-таки, видно, стыденько г-жѣ Желиховской, и она чувствуетъ желаніе «оправдаться». Съ этой цѣлью она объясняетъ своимъ читателямъ, что я... пожалуй... заколдовалъ ее, ея дѣтей и даже Блаватскую! Сдѣлалъ «внушеніе и дурманное ослѣпленіе», пустилъ въ ходъ свой «fluide», дѣйствовавшій магнетически (стр. 65 брошюры). Я, видите-ли, занимался магіей и желалъ «возвратиться въ Россію прообразомъ моего «князя-мага» въ романѣ «Волхвы» (стр. 31 брошюры)». Г-жа Желиховская подозрѣваетъ даже, что я занимался «черной магіей» (стр. 33).

Находчивость необыкновенная!! Вѣдь, вотъ-же пишутъ въ «Новомъ Времени» и другихъ газетахъ, о какихъ-то «заколдованныхъ жабахъ», о какихъ-то «черныхъ магахъ», не только ихъ заколдовывающихъ, но даже и убивающихъ своихъ враговъ en effigie и на разстояніи, посредствомъ разныхъ «fluide»'овъ! Кто меня знаетъ—можетъ быть и я умѣлъ тогда, въ самомъ дѣлѣ, заколдовывать жабъ?! Только теперь,—увы! Я, во всякомъ случаѣ, потерялъ эту способность...

Но *тогда*, увѣряетъ г-жа Желиховская, я могъ *все!* Я пріѣхалъ осенью 1885 года въ Петербургъ—и оказался ихъ «самымъ близкимъ и дорогимъ пріятелемъ». Я бывалъ у нихъ «ежедневно» (?!). «...Онъ еще болѣе,—пишетъ г-жа Желиховская:—заинтересовалъ всѣхъ насъ своими живыми разсказами, своими оригинальными мистическими (?!?) воззрѣніями на все въ мірѣ и своей *добродушной искренностью*, иногда доходившей до рѣзкости. Эту послѣднюю черту онъ такъ искусно себѣ усвоилъ, что положительно очаровалъ насъ своей *правдивостью* (стр. 19)». Ну, словомъ, я «черный магъ, жабный заколдовыватель!» Вотъ они какіе бываютъ!..

Однако, въ чемъ-же заключается эта моя «добродушная искренность» и т. д.? Въ томъ, увѣряетъ г-жа Желиховская, что я «искусно возбуждалъ ихъ гнѣвъ противъ Блаватской и ссорилъ ихъ съ родными». «Возбуждалъ онъ (гнѣвъ) не для чего иного, какъ чтобы заставить меня и моихъ, — объясняетъ г-жа Желиховская:—*проговариваться* въ минуты крайняго возбужденія,—и давать тѣмъ возможность увеличивать то скопленіе свѣдѣній, которое г-нъ Соловьевъ такъ картинно называетъ своимъ багажемъ» (стр. 124—125).

Далѣе г-жа Желиховская увѣряетъ, что я *выдумывалъ* какія-то «неправды» (совѣтую ей внимательно прочесть письмо Блаватской 1875 года, на стр. 281 «Изиды»,—тогда она ужъ не рѣшится говорить, будто что я либо *выдумывалъ*, когда дружески

давалъ ей возможность распутать и уничтожить то, что считалъ тогда напраслиной и клеветою). Я довелъ ее, бѣдную, моимъ коварствомъ до «безумія», такъ что она потеряла сообразительность—и все кончилось тѣмъ, что «когда я дошла до полубезумія, а дѣти мои до крайней степени ярости за меня, — тщательно принималось къ свѣдѣнію и записывалось все, что могло *сорваться съ языковъ нашихъ въ самомъ крайнемъ, преувеличенномъ раздраженіемъ смыслѣ* (многознаменательное признаніе не только за себя, но даже и за своихъ дѣтей: когда онѣ раздражены—онѣ *самымъ крайнимъ* образомъ преувеличиваютъ смыслъ фактовъ, т. е., въ доподлинномъ переводѣ на русскій языкъ—лгутъ. Въ данномъ случаѣ я съ г-жей Желиховской спорить и пререкословить не буду). Къ такого рода «багажу» г-на Соловьева принадлежатъ и тѣ мои письма, которыя онъ нынѣ напечаталъ подъ прозрачнымъ покровомъ даннаго имъ мнѣ прозвища,—буквы Y.» (стр. 125, 126) .

Вотъ ужъ тутъ я «дѣйствую на разстояніи!» Я сижу въ Бретани, а г-жа Желиховская, доведенная до «безумія» моими «флюидами», проговаривается мнѣ изъ Петербурга и пополняетъ мой «багажъ». Ну, какъ-же не «черная магія» и не «заколдованныя жабы!»

Если кому придетъ охота — пусть внимательно сравнитъ XXIV главу «Изиды» и страницы 119—127 брошюры. Изъ этого сравненія будетъ ясно, что г-жа Желиховская только ухватилась теперь за свое, произведенное моими чарами, безуміе, какъ за единственную *соломенку* спасенія. Въ дѣйствительности-же она поступала тогда въ здравомъ разумѣ и полной памяти.

О томъ, какъ *вѣрно* передаются мои faits et gestes того времени, можно судить по такому образчику: на 109 стр. брошюры говорится, что я по пріѣздѣ въ Петербургъ (начало октября 1885 г.) «не только вѣрилъ возможности существованія махатмъ но и ждалъ отъ нихъ благостыни *(какой?!)*». А на страницѣ 119: «тутъ впервые (это относится къ тѣмъ-же днямъ, къ моему пріѣзду въ Петербургъ 1-го октября (стараго стиля) 1885 г.) стали мы слышать отъ него сомнительные, даже недружелюбные отзывы о сестрѣ моей и ея дѣлѣ».—Гдѣ-же тутъ правда? Этого не разберетъ и самъ мудрый Кутъ-Хуми!..

Однако, и по толкованіямъ г-жи Желиховской выходитъ, что я заколдовалъ ее и привелъ въ безуміе и раздраженіе, во время котораго она давала мнѣ свои показанія о Блаватской «въ самомъ крайнемъ, преувеличенномъ смыслѣ»,—лишь зимою 1885—1886 года. Въ началѣ-же лѣта 1884 г., въ Парижѣ, судя по ея словамъ, она была въ здравой памяти. Что-же это такое она мнѣ говорила въ паркѣ Монсо? Она теперь восклицаетъ: «охъ!

Боже мой, какъ много лишнихъ словъ вложилъ мнѣ въ уста г-нъ Соловьевъ во время нашей прогулки по Парижу (стр. 30)»... Что я никакихъ лишнихъ словъ не вложилъ ей въ уста — да свидѣтельствуетъ ея нижеслѣдующее письмо отъ 27 октября 1884 года:

Признаніе г-жи Желихóвской въ «преступленіи».

«...Вы помните нашъ разговоръ въ parc de Monseau? Я вамъ и тогда не могла на многія *і* поставить точекъ,—но достаточно ихъ кажется выяснила, чтобы вы знали, что между мной и Еленой общаго мало. Я ее люблю и жалѣю горячо. Надѣюсь, что и она меня любитъ такъ-же, но... по-своему. Помимо этого чувства, неоднократно склонявшаго меня къ снисхожденію и даже къ закрыванію глазъ на многое, что меня возмущало внутренно,— между нами все—рознь.

«Я ѣхала къ ней, на ея средства, поставивъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы между нами и рѣчи не было о ея дѣлахъ и обществѣ; впослѣдствіи это оказалось невозможнымъ: меня затянулъ общій водоворотъ и, къ крайнему сожалѣнію, я согласилась быть въ обществѣ на столько, на сколько могла по совѣсти и религіознымъ убѣжденіямъ въ немъ состоять и даже описала то, что видѣла и слышала... Если въ мои описанія вкрались неточности, то безъ намѣренія и *не по моей винѣ* (?). Да дѣло не въ томъ. Елена разсердилась на меня, бросила мнѣ писать и, какъ я вижу, обвиняетъ меня въ жестокости и неблагодарности. Очень жаль! Говорю искренно: *сердечно* жаль нашихъ испорченныхъ быть можетъ навсегда отношеній; но даже ради нихъ я не могу пожертвовать совѣстью. Не виню ее: ей-то, что она проситъ меня сдѣлать, кажется пустякомъ, мнѣ—преступленіемъ! Мы разно смотримъ на вещи можетъ быть потому, что я христіанка, а она... не знаю что! Она давно меня объ этомъ проситъ. Я не могу исполнить ея желанія и не хочу! потому что мало того, что считаю его для себя нечестнымъ, но и для нея гибельнымъ. Такъ-же смотрѣлъ на это дѣло и покойный ***, умнѣйшій человѣкъ и величайшій христіанинъ, какого я когда-либо знала. Онъ на смертномъ одрѣ своемъ умолялъ меня, не поддаваться ея просьбамъ,—объяснить ей, что она самой себѣ прежде всего повредитъ. Я такъ и дѣлала много разъ — но безуспѣшно. Великая ошибка Х. въ томъ, что она *не знаетъ границъ* своей жалости къ Еленѣ. Оттого она и говоритъ, что она *одна* къ ней хороша и ее любитъ. Дай Господи, чтобы эта любовь не отозвалась на обѣихъ гибельно». *Подписано:* «*В. Желиховская*», 27 октября 1884 года».

Вслѣдъ за кратковременнымъ увлеченіемъ, я выражалъ Блаватской какъ словесно, такъ и письменно, свои сомнѣнія въ подлинности если не всѣхъ, то многихъ ея феноменовъ и, *одновременно съ этимъ*, выражалъ тѣ-же сомнѣнія и неувѣренность постороннимъ серьезнымъ людямъ. Хоть и не претендуя быть «ученымъ», я, подобно Шарлю Ришэ, и тамъ-же, гдѣ онъ, «искалъ—нѣтъ-ли какой истины среди многихъ обмановъ». Наконецъ, такое исканіе было *прямымъ моимъ дѣломъ*, какъ «члена лондонскаго общества для психическихъ изслѣдованій». Когда мои сомнѣнія и неувѣренность перешли въ полное убѣжденіе, и я получилъ, какъ необходимое подспорье,—различныя дополнительныя и документальныя свѣдѣнія,—я открылъ теософскіе обманы всѣмъ заинтересованнымъ людямъ, не убоясь, для себя лично, никакихъ непріятныхъ послѣдствій. Такой мой образъ дѣйствій, ясный и послѣдовательный, доказывается какъ моими письмами къ Блаватской, ея сестрѣ и разнымъ лицамъ, такъ и письмами ко мнѣ Блаватской, ея сестры, Шарля Ришэ и другихъ лицъ.

И вотъ, *несмотря на все это*, выдвигая лишь нѣсколько тамъ и сямъ надерганныхъ моихъ фразъ, смыслъ которыхъ выясняется изъ разсказанныхъ мною обстоятельствъ и прямымъ, логическимъ сопоставленіемъ съ ними моего *доказаннаго* образа дѣйствій,—г-жа Желиховская осмѣливается дѣлать прозрачные намеки на то, что я былъ какъ будто сообщникомъ Блаватской и преслѣдовалъ какія-то таинственныя, предосудительныя цѣли. Г-жа Желиховская, снова, очевидно, доведенная мною до «безумія» или «полубезумія», увѣряетъ, что она и доказала-бы это... да *ужъ нѣтъ!..*

Во всякомъ случаѣ *странный* сообщникъ, который *ни отъ кого* не скрываетъ своихъ подозрѣній, недовѣрія и, *окончательно убѣдившись въ обманахъ*,—раскрываетъ ихъ, подвергая этимъ себя разнымъ крупнымъ непріятностямъ и мщенію изобличенныхъ шарлатановъ!

Ну, а вотъ что такое теперь *она*, эта самая г-жа Желиховская, послѣ такого письма ея отъ 27 октября 1884 года и съ тѣхъ поръ какъ она стала прославительницей Блаватской, признала ея «дѣло» **великимъ**, а ея теософію — **высокимъ и чистымъ ученіемъ**? Она, видите-ли, заблуждалась, а теперь прониклась святостью своей сестры и ея ученія! Однако, *все-таки* чтожъ за «**преступленіе**», котораго просила отъ ея сестринской нѣжности Блаватская? Чего «**безсовѣстнаго**», «**безчестнаго**» она отъ нея хотѣла? Понятіе о «преступленіи», о «безчестности», о «нравственной гибели» можетъ быть неясно для ребенка, а не для женщины, богатой жизненнымъ опытомъ, какою уже была въ 1884 году г-жа Желиховская! Наконецъ, и ***, «этотъ величай-

шій христіанинъ и умнѣйшій человѣкъ» на своемъ смертномъ одрѣ *умолявшій* ее не поддаваться просьбамъ Блаватской — не могъ ошибаться въ значеніи предмета!.. Дѣло, очевидно, было не шуточное, а «тяжкое»—и поэтому *тогда* между Блаватской и ея сестрою—кромѣ ихъ сестринской любви, «заставлявшей закрывать глаза на многое», все было—*рознь*.

Только въ маѣ 1886 года, въ Эльберфельдѣ, произошло между сестрами внезапное и полное *единеніе*. Онѣ, ко взаимному удовлетворенію, очевидно, хорошо договорились, договорились крѣпко. Г-жа Желиховская, вѣроятно, исполняетъ этотъ договоръ, по мѣрѣ своихъ силъ пропагандируя нынѣ въ Россіи славу Блаватской не какъ талантливой писательницы, а какъ создательницы теософическаго общества, провозвѣстницы «высокаго и чистаго ученія», «новаго откровенія, полученнаго отъ махатмъ тибетскихъ».

Ни мнѣ, да и никому не было-бы дѣла заглядывать въ душу г-жи Желиховской—для постороннихъ людей это не представляетъ интереса. Но, вѣдь, вотъ она объявляетъ, что въ «теософическомъ *дѣлѣ*, о которомъ она писала, пишетъ и будетъ писать въ Россіи»—все чисто, высоко и прекрасно, что оно представляетъ собою какое-то міровое движеніе съ великой будущностью. Говоря такъ, она очевидно (ибо иначе молчала-бы) силится привлекать къ этому великому дѣлу если не умы, то сердца русскихъ людей. А потому естественно и законно, — и ужъ вовсе не ради какой-нибудь *личности* или желанія причинить непріятность г-жѣ Желиховской, — громко спросить ее: «что-жъ это, однако, за «преступленіе» и «безсовѣстное дѣяніе,» которыя она вдругъ таинственно *примирила* съ посильной своей пропагандой неотеософіи?»

Вопросъ, безспорно заслуживающій общаго вниманія, если неотеософія и ея развитіе имѣютъ общественное значеніе.

А они его имѣютъ.

Люди могутъ быть самыхъ различныхъ міровоззрѣній; можно быть христіаниномъ того или иного исповѣданія, магометаниномъ, буддистомъ, язычникомъ, матеріалистомъ. Но нельзя, оставаясь честнымъ человѣкомъ, равнодушно относиться къ явнымъ, доказаннымъ «обманамъ» въ религіозно-нравственной области. Нельзя, видя пропаганду такихъ обмановъ, молчать, зная въ чемъ тутъ дѣло.

Всякое «движеніе» неизбѣжно имѣетъ связь съ умственными и нравственными свойствами своего *перваго* руководителя и его помощниковъ. Въ «неотеософскомъ дѣлѣ» это особенно бросается въ глаза—оно все окрашено цвѣтами Блаватской и ея клики. Познакомиться съ Блаватской и К° — значитъ позна-

комиться съ «сущностью теософическаго общества». Именно такъ на это всегда и смотрѣли всѣ, заинтересованные предметомъ, начиная съ цѣлаго общества англійскихъ ученыхъ и изслѣдователей психическихъ явленій. Эти ученые не боялись и не боятся обвиненій въ глупости и бабьемъ легковѣріи за то, что они наряжали комиссіи и разслѣдовали каждый «феноменъ» и каждое дѣйствіе Блаватской, желая *узнать*, *дѣйствительно узнать* — «нѣтъ-ли какой-нибудь истины среди многихъ обмановъ». Западно-европейскіе ученые видно, вообще, «ужасно отсталые и неумные люди въ сравненіи съ нѣкоторыми анонимными и иными *сотрудниками* нашихъ газетъ»!

Несмотря на это я тоже не боюсь «господъ анонимныхъ и иныхъ сотрудниковъ», какъ-бы они не считали для себя «удобнымъ» смотрѣть на мою «Современную жрицу Изиды» и на меня лично.

Я сдѣлалъ то, что *долженъ* былъ сдѣлать.

V. Клевета въ печати.

Весьма *неискусно* лавируя у *черты*, гдѣ оканчивается юридическая безнаказанность и начинается уголовная отвѣтственность, г-жа Желиховская пишетъ по поводу засвидѣтельствованнаго присяжнымъ переводчикомъ въ Парижѣ перевода на французскій языкъ «исповѣди» Блаватской (стр. 213 — 216, 222 «Изиды»):

«Это странное упорство (*не желаніе мое высылать изъ Россіи копіи—разъ всѣ документы были оставлены въ Парижѣ для того, чтобы заинтересованные могли ихъ видѣть* (см. 236—237 стр. «Изиды») лишило меня возможности оправдать г. Соловьева, доказавъ, что все дѣло въ недосмотрѣ, въ ошибкѣ переводчика, а всѣхъ поголовно защитниковъ сестры моей заставило предположить самое худшее. Онъ меня поставилъ этимъ въ безвыходное положеніе и въ необходимость признать его виновнымъ не въ одномъ легкомыслiи, какъ я до тѣхъ поръ думала... подлогъ, въ которомъ обвиняли и обвиняютъ его разбиравшіе это дѣло—обвиненіе постыдное» (стр. 150 брошюры)... «Гебгардъ былъ совершенно правъ, увѣряя, будто Е. П. *утверждала*, что переводъ ея письма г. Соловьеву *невѣренъ*. *Онъ могъ-бы еще прибавить*, *что* это и я утверждаю» (стр. 145 брошюры).

Дальше будетъ видно, изъ письменнаго показанія свидѣтеля, избраннаго самою г-жей Желиховской и на котораго она указываетъ въ своей брошюрѣ, что она *разсказывала* даже всѣ подробности совершенія мною этого якобы *подлога*. Здѣсь, въ бро-

шюрѣ, она не разсказываетъ этихъ подробностей; но дѣло отъ этого ничуть не измѣняется. Изъ приведенной выписки все и такъ ясно. О моемъ «легкомыслiи» или «ошибкѣ переводчика» не можетъ быть рѣчи. Кто-бы ни дѣлалъ эти переводы—я, либо другой,—это безразлично, разъ на оригиналѣ и переводѣ приложены штемпеля *присяжнаго* переводчика и его удостовѣреніе. За вѣрность перевода, за вѣрность смысла каждой фразы отвѣчаетъ не переводившiй, а *только присяжный переводчикъ,* оффиціально засвидѣтельствовавшiй переводъ и заштемпелевавшiй оригиналъ, съ которымъ онъ сличалъ его. Отвѣтственность этого присяжнаго переводчика велика передъ закономъ во всѣхъ государствахъ. *Значитъ*, переводы, провѣренные, заштемпелеванные и засвидѣтельствованные *присяжнымъ* переводчикомъ парижскаго аппеляціоннаго суда, извѣстнымъ лингвистомъ, знатокомъ русскаго языка Жюлемъ Бэссакомъ—не могутъ быть невѣрными.

Если въ подобномъ переводѣ дѣйствительно *(какъ говоритъ г-жа Желиховская)* пропущена *существенная фраза*, то нельзя даже предположить, что она оказалась зачеркнутой на оригиналѣ, ибо въ такомъ случаѣ присяжный переводчикъ *отмѣтилъбы это. Значитъ*—или переводъ его сдѣланъ съ *поддѣльнаго* оригинала, или въ самомъ переводѣ, *уже по его засвидѣтельствованiи*, совершено *уничтоженiе* этой фразы. Третье предположеніе заключается въ томъ, что какъ на *подлинномъ* оригиналѣ, такъ и на *невѣрномъ* переводѣ находятся *поддѣльные штемпеля и поддѣльное засвидѣтельствованiе* (именно объ этомъ разсказывала г-жа Желиховская, какъ будетъ видно изъ письма полковника Брусилова).

Во всѣхъ трехъ причинахъ *невѣрности перевода*, разъ этотъ переводъ *дѣйствительно невѣренъ*, *подлогъ не подлежитъ никакому сомнѣнiю.*

Г-жа Желиховская печатно, на страницѣ 145 своей брошюры, «утверждаетъ», *что переводъ невѣренъ и ужъ одной этой фразой обвиняетъ меня въ подлогѣ*!

Всѣ ея дальнѣйшія разсужденія, выгораживаніе себя и даже, въ одномъ мѣстѣ, внезапный переходъ отъ утвержденія къ предположенію—не могутъ имѣть никакого значенія. Разъ напечатана фраза о томъ, что она *утверждаетъ* невѣрность перевода (отсутствіе въ немъ фразы: «я пойду на ложь» (стр. 140),—я обвиненъ въ подлогѣ, обвиненъ ужъ не изъ-за угла, ужъ не словесно передъ людьми, которые повѣрятъ на-слово, безъ всякихъ доказательствъ, которые не задумаются нести дальше, тихомолкомъ, подъ полой, это отвратительное обвиненіе...

Я обвиненъ печатно, во всеуслышаніе, въ самомъ грязномъ преступленіи.

Ну, что-бъ я дѣлалъ, еслибъ г-жа де-Морсье, у которой въ Парижѣ хранились всѣ эти документы, какъ-нибудь ихъ уничтожила, подумавъ, что ужъ теперь не всплыветъ эта исторія и что они больше не нужны!?

По счастью г-жа де-Морсье сохранила документы и переслала мнѣ ихъ годъ тому назадъ.

Г-жа Желиховская на страницѣ 144 своей брошюры, объясняя, что лѣтомъ 1892 года въ Парижѣ ей этого засвидѣтельствованнаго Бэссакомъ «*перевода показать не хотѣли*»,—торжественно, *жирнымъ шрифтомъ*, спрашиваетъ:

Гдѣ-же онъ?

Отвѣчаю: **Онъ здѣсь, готовъ для экспертизы и, конечно, въ немъ, на своемъ мѣстѣ** заключается фраза, о которой г-жа Желиховская говоритъ, что ея нѣтъ: «*Je vais mentir, horriblement mentir et on me croira facilement*». *Эта фраза оказывается даже именно на томъ полулистѣ, гдѣ Бэссакъ надписалъ свое удостовѣреніе и приложилъ свой оффиціальный штемпель.* Его не то, что *не хотѣли*, а физически не могли показать, лѣтомъ 1892 года въ Парижѣ, г-жѣ Желиховской, потому что онъ, съ другими документами, былъ уже мнѣ давно пересланъ. Если-бы я зналъ, что она поѣдетъ въ Парижъ смотрѣть его—я показалъ-бы его ей, при свидѣтеляхъ, въ Петербургѣ.

Но г-жа Желиховская, какъ говорится, не спросясь броду сунулась въ воду, не могла увидѣть въ Парижѣ документовъ и, надо полагать, заключила изъ этого, что они уничтожены. Только это предположеніе и объясняетъ... смѣлость, съ какою она рѣшилась печатно обвинять меня въ подлогѣ. Нѣтъ документовъ, пропали, уничтожены, потеряны—ну-ка, молъ, докажи...

Откуда-же взяли «защитники» Блаватской, что именно въ «исповѣди» заключается «*прямое*» признаніе въ «измышленіи махатмъ»? Мнѣ кажется, что все это было нарочно запутано и перепутано Блаватской, а она умѣла художественно запутывать, такъ что у людей совсѣмъ мутилось въ головѣ и они переставали понимать, что такое говорятъ, и что думаютъ. Кто зналъ ее и видалъ «въ дѣйствіи»,—тотъ отлично можетъ себѣ представить, какъ все это было.

Парижскіе-же теософы пришли къ убѣжденію, что она выдумала «*своихъ* махатмъ, бывшихъ у нея на побѣгушкахъ», потому что повѣрили моему письменному сообщенію о событіяхъ въ Вюрцбургѣ, столь прекрасно иллюстрированному и подтвержденному какъ «исповѣдью», такъ и отрывками изъ послѣдовавшихъ за ней писемъ Блаватской, также переведенныхъ и засвидѣтельствованныхъ Бэссакомъ. Особенно сильное впечатлѣніе на всѣхъ произвело тогда письмо, начинающееся со словъ: «что

я *вамъ* (два раза подчеркнуто) сдѣлала?» и въ которомъ заключена фраза: «да меня-бы вѣшали—я бы васъ *не выдала*, да и никого другого не выдала-бы—даже зная, что это *правда* — а молчала-бы» (стр. 218 — 219 «Изиды»). Очень помогла также роль Блаватской въ исторіи Могини и миссъ Л., письма ея (Блаватской) къ m-me де-Морсье и многіе факты, тогда-же разслѣдованные и узнанные какъ во Франціи, такъ и въ Англіи. Этихъ фактовъ я не коснулся въ «Изидѣ» *именно потому*, что не хотѣлъ выставлять противъ Блаватской излишнихъ обвиненій, безъ которыхъ можно было обойтись. M-me де-Морсье, въ своемъ письмѣ Гебгарду (стр. 240—243 «Изиды»), выясняетъ все это.

Но всего интереснѣе во всей этой путаницѣ, злостной путаницѣ, противъ меня направленной, вотъ что: зачѣмъ-же лѣтомъ 1886 года «защитники» Блаватской и г-жа Желиховская во главѣ ихъ, вмѣсто того, чтобы кричать о моемъ подлогѣ и т. д., не съѣздили въ Парижъ? Вѣдь, тамъ и всѣ документы и m-me де-Морсье и Бэссакъ, были на лицо. Г-жа Желиховская извѣщала меня, что ѣдетъ въ Парижъ для чтенія документовъ—и не поѣхала. Отчего не поѣхала?! Если *весь вопросъ былъ въ томъ*—заключается или нѣтъ въ переводѣ фраза: «Je vais mentir, horriblement mentir...»,—поѣхала-бы, справилась—и узнала-бы истину.

Но въ томъ-то и дѣло, что имъ всѣмъ этого вовсе не хотѣлось—узнавать истину! Имъ именно надо было сидѣть въ Эльберфельдѣ, кричать, обвинять меня въ подлогѣ, а Блаватскую представлять невинной моей жертвой. Не останавливались передъ измышленіемъ самыхъ невѣроятныхъ подробностей этого мнимаго подлога.

А я—я сдѣлалъ свое дѣло, оставилъ засвидѣтельствованные документы для осмотра желающихъ, уѣхалъ въ Россію, старался объ одномъ: позабыть всю эту грязь, всѣ эти шарлатанства, обманы,—и только въ декабрѣ 1891 года, изъ словъ г-жи Желиховской г. Брусилову, а потомъ и прямо въ глаза мнѣ, въ его присутствіи, узналъ въ какомъ ужасѣ меня обвиняютъ, понялъ всю глубину теософскаго мщенія!..

VI. Новыя инсинуаціи.

Казалось-бы — за-глаза ужъ довольно темныхъ клеветническихъ намековъ относительно моего сообщничества съ Блаватской и моихъ таинственныхъ чаяній отъ махатмъ, а наконецъ, даже и прямого обвиненія меня въ тяжкомъ и грязномъ преступленіи, въ *подлогѣ*—съ цѣлью... оклеветать невинную женщину-

страдалицу, создавшую своимъ геніемъ «чистое и нравственное духовно-отвлеченное ученіе, спасительное для расшатанныхъ безвѣріемъ западниковъ!» Куда-жъ идти дальше?

Но беззастѣнчивость и упорство г-жи Желиховской такъ-же безпредѣльны, какъ и ея «правдивость». Какой-бы то ни было пощады ждать отъ нея нельзя. Всѣ, выставленныя пока противъ меня обвиненія все-же еще имѣютъ отношеніе къ предмету, о которомъ идетъ рѣчь, — къ Блаватской и ея обществу. Такъ этого мало: надо подобраться ко мнѣ съ другой стороны, облить грязью мою интимную, внутреннюю жизнь.

И до чего, при этомъ, просты пріемы мстящей дамы! Ей хочется, между прочимъ, показать, что я... «нехристіанинъ»,—и вотъ она объявляетъ, что у нея есть на то *неопровержимое, вполнѣ и для всѣхъ достаточное, важное* доказательство. Какое-же?.. *Ея* дневникъ! Въ этомъ дневникѣ (стр. 33 брошюры) будтобы сказано, что 5 (17) іюня 1884 года я гулялъ съ г-жей Желиховской по Парижу и не захотѣлъ войти вмѣстѣ съ нею въ нашу церковь. Затѣмъ, уже на память, авторъ «Правды о Е. П. Блаватской», вышиваетъ по этой канвѣ фантастическія арабески. Если-бы *ея* дневникъ и былъ доказательствомъ, если-бы въ немъ это и было написано, если-бы все это и было въ дѣйствительности—гдѣ-же, однако, тутъ доказательство моего «нехристіанства?!» Г-жа Желиховская, очевидно, разсчитываетъ на крайне наивныхъ читателей. Развѣ самый ревностный христіанинъ и богомольный человѣкъ не можетъ, по той или иной, самой простой и естественной причинѣ, въ извѣстную минуту не желать войти въ церковь? Съ другой стороны, развѣ самый отъявленный безбожникъ будетъ «бояться» (по выраженію г-жи Желиховской) войти въ церковь? Вотъ до чего жажда мщенія помрачаетъ мою противницу!

Я никогда не дѣлалъ *тайны* изъ моихъ религіозныхъ убѣжденій, завѣщанныхъ мнѣ моимъ отцомъ. Если были когда во мнѣ нѣкоторыя смущенія, то это ужъ дѣло моей совѣсти. Во всякомъ случаѣ я никогда не выносилъ передъ публикой этихъ временныхъ смущеній и кончилъ тѣмъ, что справился съ ними. Два десятка лѣтъ я пишу и написалъ много. Во всѣхъ моихъ, быть можетъ и крайне несовершенныхъ, писаніяхъ невозможно найти ничего, что исходило-бы не отъ христіанина. Такимъ образомъ таинственная *«записная книжка»* дамы, хоть и получающей нынѣ, благодаря всему этому дѣлу, весьма лестную «славу»,—является уже черезчуръ курьезнымъ и комичнымъ свидѣтелемъ... моего *кликушества!*

Но эта мстящая дама, эта защитница «нео-буддизма», даже *совершенно* непонимающая доктрины, о которой говоритъ (*ибо*,

въ лучшемъ случаѣ, только крайнимъ невѣжествомъ объясняется ея увѣреніе, что она — православная, и въ то-же время защита ею «теософіи» Блаватской, какъ высокаго, чистаго и духовнаго ученія, какъ противовѣса матеріализму),—эта дама стремится поразить меня прямо въ сердце. Касаясь, *по своему*, совершенно неидущихъ къ дѣлу, не имѣющихъ *ни малѣйшаго отношенія* къ Блаватской и «теософіи», интимныхъ обстоятельствъ моей жизни, — г-жа Желиховская заставляетъ меня на нихъ останавливаться. Она разсказываетъ, какъ я изъ ея дома ѣхалъ вѣнчаться и какъ она благословила меня и мою невѣсту; но тутъ-же *спохватывается* и дѣлаетъ такую выноску: «Спѣшу оговориться: я благословила одну невѣсту. Г. Соловьевъ низачто не соглашался, чтобы я его перекрестила образомъ, что меня крайне огорчило: я думала, что эта странность у него прошла». Какова прелесть! Тутъ даже ссылки на «дневникъ» нѣтъ; надо и безъ «дневника» повѣрить г-жѣ Желиховской, что я «кликуша» или «порченый», боящійся креста. И это въ такую-то минуту! Какъ истая послѣдовательница «высокаго и чистаго» ученія своей сестры, отвергающаго Бога и святыню, г-жа Желикооская не смущается даже передъ «крестомъ» — и передъ мнѣніемъ о ней каждаго порядочнаго и разумнаго человѣка, который прочтетъ 136 страницу ея брошюры...

Но, вѣдь, я дѣйствительно ѣхалъ вѣнчаться изъ квартиры г-жи Желиховской. Она заставляетъ меня вспоминать самый счастливый день въ моей личной жизни. Я былъ глубоко благодаренъ г-жѣ Желиховской и ея дѣтямъ за ихъ дружеское участіе, за которое полюбилъ ихъ какъ родныхъ, несмотря на кратковременность личнаго знакомства, и самъ съ своей стороны, старался какъ только могъ, отвѣтить имъ такимъ-же участіемъ. Эта благодарность заставила меня, когда, очень скоро послѣ того, г-жа Желиховская стала весьма странно дѣйствовать въ «теософскомъ» вопросѣ,—закрывать глаза и стараться не видѣть ея дѣйствій. Но она, уѣхавъ въ Эльберфельдъ, смастерила, какъ извѣстно читателямъ, такое, послѣ чего закрывать глаза стало невозможнымъ и оставалось только скорбѣть сердцемъ.

Она пишетъ, что во время ея отсутствія и пребыванія въ Эльберфельдѣ, я запугивалъ ея дѣтей (вторую дочь и сына), внушая имъ просить мать и старшую сестру скорѣе вернуться во избѣжаніе грядущихъ бѣдъ и погибели ихъ души. Это хоть и утрировано, конечно, но все-же нѣсколько смахиваетъ на истину, съ той только разницей, что *тогда* и дочь и сынъ г-жи Желиховской были (можетъ быть только на словахъ?) вполнѣ согласны со мною и мнѣ нечего было внушать имъ. Мы всѣ очень боялись за г-жу Желиховскую и я не разъ слыхалъ такія слова:

«отъ этой теософіи и отъ этой тетушки кромѣ горя никогда ничего не было и не будетъ». Во всякомъ случаѣ, если-бы это даже было *мое* убѣжденіе,—оно оправдалось въ полной мѣрѣ. Конечнымъ результатомъ этой поѣздки для г-жи Желиховской оказалась *книга* ея брошюра и настоящій мой отвѣтъ, документально доказывающій ложное обвиненіе меня въ подлогѣ и многое другое. А развѣ клевета на ближняго, и *такая* клевета, не есть погибель души?! Значитъ, было у меня основаніе бояться за душу г-жи Желиховской. Далѣе она пишетъ, что, получивъ въ Эльберфельдѣ *убѣжденіе* въ содѣянномъ мною *ужасѣ*, т. е. *подлогѣ*, по возвращеніи въ Петергофъ (гдѣ жилъ и я) она «*понятно*», прекратила знакомство со мною (стр. 150, 151 брошюры).

Оно, «понятно», такъ-бы именно и было, еслибы благородная женщина, убѣдясь въ «подлогѣ», сдѣланномъ человѣкомъ, которому она вѣрила, справедливо возмегодовала. Конечно, она должна была закрыть ему двери своего дома немедленно по возвращеніи. О чемъ-же было толковать, когда *все* такъ *ужасно* выяснилось?!

Къ сожалѣнію, для г-жи Желиховской и въ доказательство того, что она *и по возвращеніи изъ Эльберфельда* въ моихъ дѣйствіяхъ ничего дурного не видѣла, въ мой подлогъ *никогда не вѣрила*, и вообще всѣми мѣрами желала, для себя и для своей семьи, продолженія дружескихъ отношеній со мною,—вотъ собственноручно написанныя ею слова въ ея письмѣ ко мнѣ *отъ 14 іюля 1886 года, изъ Петергофа*, т. е. черезъ нѣкоторое время ея прибытіи изъ Эльберфельда:

Письмо г-жи Желиховской, помѣченное ею 14 іюля 1886 года.

«Ну-съ, друзья мои или, по вашему, быть можетъ *бывшіе* друзья мои,—такъ мы разошлись?.. Я была такъ увѣрена, что вы можете заблуждаться и вѣрить сплетнямъ лишь до перваго съ нами свиданія и разговора, что въ первый-же день пріѣзда готова была сама, васъ не выжидая, идти навстрѣчу вамъ вслѣдъ за В.; но В. неожиданно встрѣтила такой пріемъ, послѣ котораго я должна была остановиться и ждать васъ,—не желая подвергать себя тому-же. Какъ-бы то ни было, я права, а потому и не боюсь протянуть вамъ руку на честное забвеніе недоразумѣній. Приходите сами, если хотите добрыхъ отношеній: письмами, кромѣ раздраженія, ничего не добьешься. Я-бы и сама не писала, а пришла-бы къ вамъ, еслибъ, *послѣ вашего явнаго устраненія*, не считала себя вправѣ выжидать, не рискуя. Готовая по прежнему любить васъ обоихъ. В. Желиховская».

И все это написано послѣ того, какъ она, по ею-же напечатаннымъ словамъ ея, *убѣдилась* въ Эльберфельдѣ въ моемъ подлогѣ, въ разныхъ моихъ «*неправдахъ*», доведшихъ ее до «безумія», послѣ того какъ я «заставлялъ ея дѣтей переживать пытку» и т. д.!

Вотъ какимъ образомъ г-жа Желиховская покончила знакомство со мною по возвращеніи изъ Эльберфельда, гдѣ убѣдилась въ содѣянномъ мною, ради погибели ея невинной сестры, подлогѣ! Отсутствіе памяти и неспособность соображать свои слова, приготовляемыя для печати,—два большихъ порока. Или, можетъ быть, и это письмо—мой новый подлогъ?..

Я не пошелъ къ г-жѣ Желиховской, ибо *недоразумѣній* никакихъ не было. М-me де-Морсье сообщила ужъ мнѣ тогда нѣкоторые *факты*—и я *кое-что знал*ъ. Какъ мнѣ противно и тяжело говорить обо всемъ этомъ! Но что-же мнѣ дѣлать, когда г-жа Желиховская напечатала свою брошюру и ее читаютъ?! Вотъ въ какую область могутъ завести иныя знакомства.

Г-жа Желиховская идетъ еще дальше. Она возвышается до темнаго намека на что-то еще болѣе темное въ моемъ прошломъ. Въ моемъ прошломъ могло быть большое личное сердечное горе, сопряженное съ семейными и всякими непріятностями, могли быть, по выраженію г-жи Желиховской, «романическія» подробности; но, слава Богу, не было ничего такого, за что я долженъ былъ-бы краснѣть и стыдиться, что, такъ или иначе, касалось моей чести. Передъ безыменными клеветами и сплетнями, или совсѣмъ мнѣ неизвѣстными, или достигающими до меня въ видѣ какихъ-то неопредѣленныхъ слуховъ, я конечно, какъ и всякій человѣкъ, безсиленъ.

Но пусть мнѣ, не въ анонимномъ письмѣ (я ихъ ужъ получалъ), а прямо, лицомъ къ лицу, съ указаніемъ источника, скажутъ: кто и въ чемъ, несогласномъ съ честью и порядочностью, меня обвиняетъ, — и я спокойно разсчитываю, что смогу представить такія-же ясныя доказательства лживости обвиненія, какъ и представленныя мною на этихъ страницахъ въ опроверженіе исторіи мнимаго подлога и прочихъ великихъ и малыхъ ужасовъ, измышленныхъ г-жей Желиховской.

Нисколько не защитивъ памяти Блаватской (не будь это дѣло такой общественной важности и не подними его сама-же столь нѣжная сестра,—никто и не затронулъ-бы этой памяти), а только очернивъ окончательно свою сестру, г-жа Желиховская, въ своей безсильной злобѣ, очевидно сама не понимаетъ, что такое дѣлаетъ...

VII. Новые документы.

Приводя, то тамъ, то здѣсь, «по кусочкамъ», мое *поддразнивающее* письмо къ Блаватской отъ 8 окт. (нов. ст.) 1885 г., насмѣшливый тонъ котораго былъ отлично понятенъ Блаватской, такъ-же какъ и всякому *внимательному* моему читателю, г-жа Желиховская строитъ на немъ самыя ужасныя обвиненія. Въ своемъ мѣстѣ я разобралъ и объяснилъ это письмо подробно. Почему, какъ и что я говорилъ г-жѣ Аданъ и г. Шарлю Ришэ—читателю уже извѣстно. Я ничего не выдумалъ и не «сочинилъ», а только, такъ сказать, съехидничалъ на почвѣ дѣйствительности. Неужели это было съ моей стороны ужъ такое «преступленіе»—съехидничать и посмѣяться надъ Блаватской—послѣ всѣхъ чудесъ въ Вюрцбургѣ, послѣ, того, что она продѣлывала со мною! Авось безпристрастные и умные люди не вынесутъ мнѣ за это обвинительнаго приговора! Блаватская, хоть и находила на нее иной разъ наивность, была хитра—и ужъ никакъ не могла въ «серьезъ» принять моихъ словъ о томъ, что я обращаю въ теософію, по выраженію г-жи Желиховской,—передовыхъ людей Европы. Блаватская очень хорошо знала, что съ «серьезными» людьми я не шучу и не насмѣшничаю, какъ всегда шутилъ и насмѣшничалъ съ нею и ея сподвижниками, за что, съ самаго начала, получалъ отъ нея, и устно и *письменно* (см. «Изиду»), прозвища «подозрителя,» «Ѳомы невѣрнаго,» «Мефистофеля» и т. д. Ошибиться въ смыслѣ моего письма, повторяю, Блаватская не могла и, если кому потомъ выставляла его въ видѣ письма «серьезнаго», то это было лишь *притворство*, ясное изъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла.

Но вотъ г-жа Желиховская съ паѳосомъ восклицаетъ, что, вѣдь, такіе европейски извѣстные люди, какъ г-жа Аданъ и Ришэ, «во всякое данное время могутъ, путемъ прессы, спросить меня, какъ смѣлъ я ихъ морочить?» Не думаю, чтобы меня спросила объ этомъ m-me Аданъ; но, если спроситъ *и вопросъ ея станетъ мнѣ извѣстенъ*—я по пунктамъ отвѣчу ей и сообщу хоть и запоздавшій на 8 лѣтъ,—но не потерявшій своей курьезности мой «интервью» съ этой интересной язычницей конца XIX вѣка.

Что касается г. Шарля Ришэ—вотъ его собственноручное письмо, удостовѣряющее, какъ именно я его *морочилъ*, а также отвѣчающее на *выдумки* г-жи Желиховской въ декабрьской книгѣ «Русскаго Обозрѣнія» за 1891 г., о которыхъ я упомянулъ на страницахъ 26—38 «Изиды.»

Удостовѣреніе Шарля Ришэ.

Dimanche 12 Mars, 1893.

Cher Monsieur Solovioff, jé suis tout prêt à vous fournir sur mad. Blavatsky tous les renseignements que vous jugerez nécessaires, et que je pourrai vous donner.

Je l'ai connue à Paris en 1884, par l'entremise de mad. de Barrau; et je n'ai jamais été ni de ses intimes ni de ses amis. Je l'ai vue en tout deux fois certainement, et peut être trois fois, peut être même quatre fois; mais à coup sur ce n'est pas plus de quatre fois. Ce n'est pas ce qu'on peut appeler, en langue française, de l'intimité. J'étais — et je le suis encore — curieux de tout ce qui peut nous éclairer sur l'avenir de l'homme et les forces occultes, je ne savais — et je ne sais pas encore — si elles existent, ces forces occultes, mais je pense que le dévoir d'un savant est de chercher même là s'il y a quelque vérité cachée au fond de beaucoup d'impostures. Lorsque je vous ai vu *), vous m'avez dit — «Reservez votre jugement, elle m'a montré des choses pui me paraissent très étonnantes, mon opinion n'est pas faite encore, mais je crois bien que c'est une femme extraordinaire, douée de propriétés exceptionnelles. Attendez, et je vous donnerai de plus amples explications».

J'ai attendu, et vos explications ont été assez conformes à ce que je supposai tout d'abord, à savoir que c'etait sans doute une mystificatrice, très intelligente assurément, mais dont la donne foi était douteuse.

Alors sont arrivées les discussions que la S. P. R. anglaise a publiées (Coulomb et Hodgson) et ce doute n'a plus été possible.

Cette histoire me parait fort simple. Elle était habile, adroite; faisait des jongleries ingénieuses, et elle nous a au premier abord tous déroutés!

Mais je mets au défi qu'on cite une ligne de moi — imprimée ou manuscrite — qui témoigne d'autre chose que d'un doute immense et d'une réserve prudente.

A vrai dire, je n'ai jamais cru sérieusement à son pouvoir; car en fait d'expériences, la seule vraie constatation que je puisse admettre, elle ne m'a jamais rien montré de démonstratif. Quant à ce *tout Paris* qui l'a adulée, c'est une bien sotte légende: il n'y avait, pour lui rendre visite, que cinq ou six de mes amis, alors fort jeunes, et qui appartenaient plutôt à des groupes d'étudiants qu'à des groupes de savants; nous n'avons été, ni les uns ni les

---

*) Я познакомился съ г. Шарлемъ Ришэ, тогда-же, въ 1884 году, въ домѣ г-жи де-Барро и видѣлъ его одинъ разъ у Блаватской.

autres, sédiuts par le peu de soi disant *phénomènes*, qu'elle nous a montré.

Voila, cher Monsieur Soloviоff, tout ce dont je me souviens avec précision á vous.

Croyez moi, je vout prie, votre bien affectionné
Charles Richet.

Переводъ. Воскресенье 12 марта 1893. Дорогой господинъ Соловьевъ, я готовъ снабдить васъ о г-жѣ Блаватской всѣми свѣдѣніями, какія вы сочтете необходимыми и какія я буду имѣть возможность вамъ дать. Я съ ней познакомился въ Парижѣ въ 1884 году, при посредствѣ г-жи де-Барро, и никогда не былъ ей ни своимъ человѣкомъ, ни другомъ. Я видѣлъ ее, навѣрное, всего два раза, можетъ быть, три, можетъ быть, даже и четыре раза; но ужъ во всякомъ случаѣ не больше четырехъ разъ. Этого нельзя назвать, на французскомъ языкѣ, близостью. Я былъ заинтересованъ — и до сихъ поръ интересуюсь — всѣмъ, что можетъ насъ просвѣтить относительно будущности человѣка (*за гробомъ*) и таинственными силами; я не зналъ — и до сихъ поръ не знаю—существуютъ-ли онѣ, эти таинственныя силы; но думаю, что обязанность ученаго — искать, нѣтъ-ли какой-нибудь истины, скрытой на днѣ многихъ обмановъ. Когда я васъ увидѣлъ, вы мнѣ сказали: «повремените съ вашимъ сужденіемъ, она мнѣ показала вещи, кажущіяся мнѣ очень удивительными, мое мнѣніе еще не составлено, но, я думаю, что это женщина необыкновенная, одаренная свойствами исключительными. Подождите—и я вамъ дамъ болѣе полныя объясненія».

Я ждалъ и объясненія ваши оказались достаточно сходными съ тѣмъ, что я и самъ прежде всего предполагалъ, а именно, что она, конечно, морочила (слова mystificatrice на русскомъ языкѣ нѣтъ, по прямому смыслу фразы именно: морочила), была женщина, разумѣется, очень умная, но съ сомнительной добросовѣстностью.

Засимъ появились пренія, опубликованныя Лондонскимъ Обществомъ психическихъ изслѣдованій (Куломбы и Годжсонъ) — и сомнѣніе уже стало невозможнымъ.

Исторія эта мнѣ кажется очень простой. Она была искусна, ловка, производила ловкіе фокусы и сразу всѣхъ насъ сбила съ толку.

Но я хотѣлъ-бы посмотрѣть, какъ это кто-нибудь приведетъ хоть одну мою строку, — напечатанную или написанную, — которая-бы свидѣтельствовала что-либо кромѣ огромнаго сомнѣнія и благоразумной сдержанности.

Поистинѣ сказать, я никогда серьезно не вѣрилъ въ ея могущество, ибо, что касается опытовъ,—единственнаго истиннаго доказательства, какое я признаю, — *она* никогда не показала мнѣ чего-либо убѣдительнаго. Что-же касается этого «всего Парижа», преклонявшагося передъ нею — *это очень глупая легенда*: у нея были только пять или шесть моихъ пріятелей, тогда очень юныхъ и принадлежавшихъ скорѣе къ числу студентовъ, чѣмъ къ числу ученыхъ; но мы, ни тѣ ни другіе, не были соблазнены малой частицей такъ называемыхъ *феноменовъ*, которую она намъ показала.

Вотъ, дорогой господинъ Соловьевъ, все, что я отчетливо помню. Дѣлайте съ моимъ письмомъ что хотите, я совершенно вамъ довѣряю.

Прошу васъ вѣрить и т. д.

Шарль Ришэ.

---

1) Г-жа Желиховская *отрицаетъ категорически* и называетъ «побасенками» мое сообщеніе о томъ, что между мной и ею былъ уговоръ, чтобы она ничего не печатала въ Россіи о теософической дѣятельности Блаватской и ея «феноменахъ» для того, чтобы не обращать вниманія на это матеріалистическое ученіе, и что только исполненіемъ ею этого уговора обусловливалось мое молчаніе въ печати относительно всего, мнѣ извѣстнаго о Блаватской и ея обществѣ.

2) Г-жа Желиховская говоритъ въ брошюрѣ своей (стр. 29, 30), что я въ декабрѣ 1891 года переслалъ ей, найденный мною въ моихъ бумагахъ, портретъ Блаватской одновременно съ предложеніемъ *возвратить мнѣ мои письма* (*курсивъ въ брошюрѣ*) къ ней и *къ сестрѣ ея* (буде таковыя у нея окажутся) въ обмѣнъ на письма ко мнѣ г-жи Желиховской. «Я отвѣчала, — пишетъ она:—что *писемъ ему не отдамъ*». Затѣмъ, на стр. 152 брошюры такія слова: «онъ, впрочемъ, предлагалъ мнѣ цѣной возвращенія его переписки съ моей семьей откупиться (жирный шрифтъ въ брошюрѣ) отъ его личныхъ на меня нападокъ; *но я сама отъ выкупа отказалась*...»

На это и на кое-что другое, еще поважнѣе, пусть отвѣтитъ нижеслѣдующее письмо А. А. Брусилова, на котораго, какъ на посредника между нами и свидѣтеля, указываетъ сама г-жа Желиховская въ своей брошюрѣ.

Удостовѣреніе полковника А. А. Брусилова.

Милостивый Государь,
Всеволодъ Сергѣевичъ.

Вслѣдствіе выхода въ свѣтъ брошюры «Е. П. Блаватская и современный жрецъ истины», «отвѣтъ г-жи Игрекъ (В. П. Желиховской) г-ну Вс. Соловьеву», я, по вашему желанію, считаю долгомъ письменно изложить о тѣхъ переговорахъ, которые я велъ между вами и г-жею Желиховскою и о вашемъ съ нею разговорѣ, происходившемъ у меня въ домѣ, въ моемъ присутствіи.

Въ началѣ декабря 1891 года, по поводу статьи г-жи Желиховской, появившейся въ ноябрьской книгѣ «Русскаго Обозрѣнія» о г-жѣ Блаватской, вы, зная, что я знакомъ съ семьею г-жи Желиховской и бываю у нихъ, просили меня переговорить съ нею и уговорить ее, не печатать дальше біографіи ея сестры, на томъ основаніи, что вы не желали-бы причинять непріятностей г-жѣ Желиховской, памятуя ваши прежнія дружественныя съ нею отношенія. Между тѣмъ, если она будетъ продолжать писать въ томъ-же тонѣ о г-жѣ Блаватской, вы окажетесь вынужденнымъ ей возражать по существу, считая это долгомъ своей совѣсти. Вы просили ей напомнить вашъ уговоръ о томъ, чтобы ни съ той, ни съ другой стороны не писать о Блаватской, какъ объ основательницѣ новаго ученія и распространительницѣ теософіи. Наконецъ, вы выразили желаніе свидѣться съ нею на нейтральной почвѣ для рѣшенія этого вопроса.

Я въ тотъ-же вечеръ заѣхалъ къ В. П. Желиховской и передалъ ей ваше порученіе. Она отвѣтила мнѣ, что недоумѣваетъ, почему вы приняли такъ къ сердцу ея статью въ «Русскомъ Обозрѣніи», которая, по ея мнѣнію, никому никакого вреда сдѣлать не можетъ, и согласилась на свиданіе съ вами черезъ нѣсколько дней, когда она оправится отъ нездоровья, но съ тѣмъ, что если вы не желаете пріѣхать къ ней, то чтобы оно состоялось у меня и въ моемъ присутствіи — на что я изъявилъ согласіе.

Кромѣ того, г-жа Желиховская просила передать вамъ, что она о васъ ни слова не писала, не желая затрогивать васъ, а, между тѣмъ, она могла-бы причинить большія непріятности, обнародовавъ, что у теософовъ есть форменное свидѣтельство, выданное имъ присяжнымъ переводчикомъ въ Парижѣ, Жюлемъ Бэссакомъ, въ которомъ значится, что онъ отказался свидѣтельствовать переводы писемъ къ вамъ г-жи Блаватской вслѣдствіе

ихъ невѣрности и что, очевидно, эти письма подложны, а печати, какъ теософы полагаютъ, были приложены вами самими въ то время, какъ Бэссакъ вышелъ изъ комнаты. Какъ это извѣстіе, такъ и многія ея воззрѣнія на ваши другъ къ другу отношенія она просила передать вамъ. Я предложилъ ей изложить мнѣ въ письмѣ все, что ей угодно сообщить вамъ, и получивъ письмо, приводимое въ ея брошюрѣ на стр. 147, далъ вамъ его прочесть.

Въ половинѣ декабря состоялось ваше свиданіе у меня, въ моемъ присутствіи. Наканунѣ этого дня дочь г-жи Желиховской, Надежда Владиміровна, выразила желаніе такъ-же присутствовать на этомъ свиданіи, о чемъ я довелъ до вашего свѣдѣнія. Вы на это не согласились, потому что не считали удобнымъ, въ виду щекотливаго оборота, какой могъ принять вашъ разговоръ, откровенно говорить съ матерью въ присутствіи ея дочери.

Въ началѣ вашего объясненія г-жа Желиховская очень горячилась, но затѣмъ успокоилась и въ концѣ вы вели разговоръ въ спокойномъ тонѣ. Изъ этой бесѣды я отчетливо помню слѣдующее: вы напомнили г-жѣ Желиховской обстоятельства, при которыхъ состоялось ваше обоюдное согласіе ничего не печатать въ Россіи относительно г-жи Блаватской и теософическаго общества, и Вѣра Петровна на сей разъ этого уговора не отрицала, но говорила, что статьи ея о сестрѣ написаны именно въ такомъ тонѣ, который его не нарушаетъ, съ чѣмъ вы не согласились. Затѣмъ вы просили ее прекратить ея пропаганду дѣяній и ученія ея сестры и не помѣщать второй статьи въ «Русскомъ Обозрѣніи». На это г-жа Желиховская отвѣтила, что теперь, о чемъ она и сама сожалѣетъ, это ужъ совершенно невозможно, такъ какъ книга журнала уже отпечатана, и съ этимъ она ничего подѣлать не можетъ. Въ 3-хъ, вы спросили ее — о какихъ это подложныхъ письмахъ и фальшивыхъ печатяхъ она мнѣ говорила, и она подтвердила вамъ все мною уже разсказанное выше. На это вы отвѣтили, что напишите Бэссаку и такой клеветы не оставите безъ документальнаго опроверженія. Наконецъ, вы предложили ей обмѣняться вашими частными письмами, исключительно касающимися семейныхъ дѣлъ какъ вашихъ, такъ и семьи г-жи Желиховской, на что Вѣра Петровна тотчасъ-же согласилась, говоря: «извольте, съ удовольствіемъ!» Вмѣстѣ съ тѣмъ она совѣтовала вамъ ничего не писать противъ г-жи Блаватской, потому что ея послѣдователи, родня и друзья могущественны и причинятъ вамъ тяжкія непріятности. Вы-же отвѣтили, что исполните свой долгъ, а тамъ что будетъ, то будетъ.

О передачѣ вашихъ писемъ къ Блаватской и обратно ника-

кого разговора не было. Кончивъ этимъ соглашеніемъ по поводу обмѣна интимныхъ писемъ, вы разстались, и г-жа Желиховская вскорѣ ушла.

Къ сему могу еще добавить, что обмѣнъ писемъ не состоялся потому, что не пожелали этого именно вы, а не г-жа Желиховская, какъ она это утверждаетъ въ своей брошюрѣ. Вы мотивировали вашъ отказъ соображеніемъ, что, быть можетъ, не всѣ такія письма сохранились и какъ-бы не вышло поэтому, между вами какого-нибудь недоразумѣнія.

Портретъ г-жи Блаватской былъ мною переданъ г-жѣ Желиховской отъ васъ задолго до появленія первой статьи ея въ «Русскомъ Обозрѣніи» и въ то время никакого вопроса объ обмѣнѣ писемъ не было. Пишу вамъ все это потому, что въ вышеназванной брошюрѣ мое участіе въ переговорахъ между вами изложено г-жею Желиховскою нѣсколько не такъ, какъ было въ дѣйствительности.

Я взялъ на себя посредничество въ переговорахъ между вами и г-жей Желиховской въ надеждѣ помочь дѣлу примиренія, или, по крайней мѣрѣ, приведенія обѣихъ сторонъ къ какому-нибудь соглашенію; но задача, къ сожалѣнію, не удалась, какъ это и видно изъ вышеизложеннаго.

Съ этимъ письмомъ можете дѣлать, что вамъ заблагоразсудится.

Примите увѣреніе въ моемъ искреннемъ уваженіи и преданности

А. Брусиловъ.

Удостовѣреніе Жюля Бэссака, присяжнаго переводчика Парижскаго Аппеляціоннаго Суда.

«Paris le 8 Janvier 1892.

C'est bien moi et moi-même qui ai apposé ma signature et mon cachet d'office aux traductions que m'a soumises dans le temps M-r Solovieff de lettres en langue russe de M-me Blavatsky, comme c'est moi aussi qui ai timbré ces lettres. Il est faux, absolument faux que M-r Solovieff ait profité, comme on l'aurait dit, d'un moment où j'étais absent de mon bureau pour appliquer lui-même ce cachet.

Mon timbre sur les originaux quelconques n'a point pour objet de les authentiquer, mais d'établir que ce sont bien les pièces sur lesquelles ont été faites les traductions approuvées et scellées par moi. Or, je le répète, c'est bien moi qui ai mis mon timbre sur les traductions dont il s'agit, ainsi que sur les textes originaux.

J. Baissac.

P. S. Il est fort inutile d'ajouter, après ce que je viens de dire, que je n'ai jamais dit ni écrit à personne quoique ce soit qui puisse faire croire le contraite de ce que j'affirme ici: *ni dit, ni écrit.*

J Baissac.

Переводъ: «Я самолично сдѣлалъ подписи и приложилъ мой оффиціальный штемпель на переводахъ, представленныхъ мнѣ г. Соловьевымъ съ русскихъ писемъ г-жи Блаватской, а также я самъ приложилъ штемпель на этихъ письмахъ. Ложно, совершенно ложно, что будто-бы г. С. воспользовался моимъ краткимъ отсутствіемъ изъ моей конторы и самъ приложилъ мой штемпель.

«Мой штемпель на какихъ-либо документахъ не свидѣтельствуетъ ихъ подлинности, но служитъ доказательствомъ, что это именно тѣ самые документы, съ которыхъ сдѣланы переводы, одобренные и засвидѣтельствованные мною. Итакъ, повторяю, что это я самъ приложилъ штемпель къ переводамъ, о которыхъ идетъ рѣчь, а также и къ текстамъ оригиналовъ.

«Ж. Бэссакъ.

«P. S. Излишне прибавлять, послѣ того, что я сейчасъ сказалъ, что я никогда и никому не говорилъ и не писалъ чего-бы то ни было, что могло-бы противорѣчить съ утверждаемымъ мною нынѣ, *не говорилъ и не писалъ.*

«Ж. Бэссакъ».

На этомъ письмѣ приложенъ оффиціальный штемпель съ такой на немъ надписью: «J. Baissac, interprète juré près la cour d'Appel. Paris».

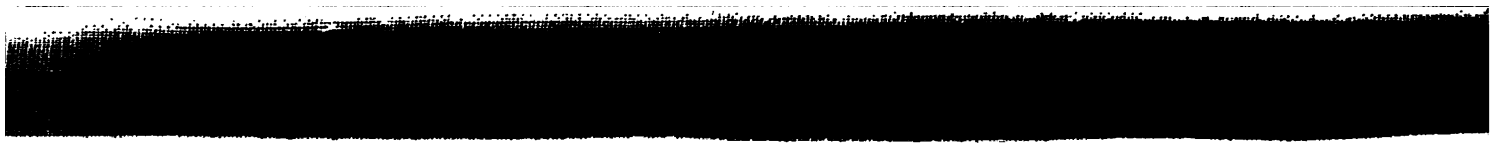
Переводъ: «Ж. Бэссакъ, присяжный переводчикъ при Апелляціонномъ Судѣ. Парижъ».

Кажется — довольно... и пора, пора кончить! Г-жа Игрекъ-Желиховская жестоко и многократно наказала сама себя собственной «брошюрой». Способность впадать въ безуміе и не отдавать себѣ никакого отчета въ своихъ словахъ завела ее черезчуръ далеко. Отклоняться отъ истины, даже и печатно, ей не возбраняется. Но цѣлый рядъ клеветы въ печати, опровергаемой несомнѣнными документами... это ужъ слишкомъ! На что-же разсчитываетъ г-жа Желиховская? Очевидно, лишь на то, что она—женщина. Разсчетъ вѣрный. Я не стану еще преслѣдовать ее судомъ.

Авось она остановится.

Я отдаю это дѣло на судъ всѣхъ безпристрастныхъ и порядочныхъ людей.

Конецъ.



Stanford University Libraries
3 6105 015 013 951
PG
3470
.S72
v.10

DATE DUE

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305